Весь

ХАЙНЛАЙН

ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

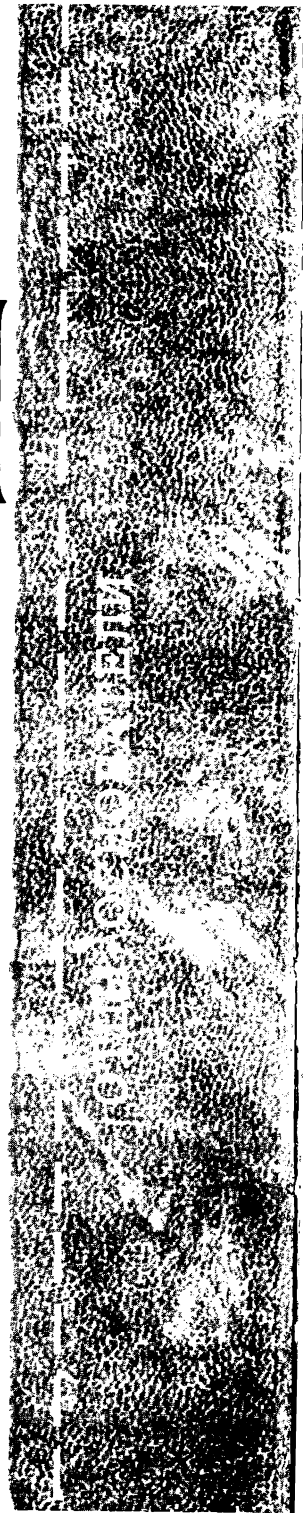
Весь

ХАЙНЛАЙН

Весь

ХАЙНЛАЙН

КУКЛОВОДЫ
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ
ДОРОГА ДОБЛЕСТИ
ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ

Роберт

ХАЙНЛАЙН

ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2007

УДК 82(1-87)-312.9
ББК 84(7 США)
Х 12

Robert A. Heinlein

TIME FOR THE STARS
CITIZEN OF THE GALAXY
HAVE SPACE SUIT — WILL TRAVEL
PODKAYNE OF MARS

Составитель и автор комментариев *А. Ермолаев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Хайнлайн Р.
Х 12 Гражданин Галактики: Фантастические романы / Роберт Хайнлайн; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2007. — 928 с.: ил. — (Отцы-основатели. Весь Хайнлайн).

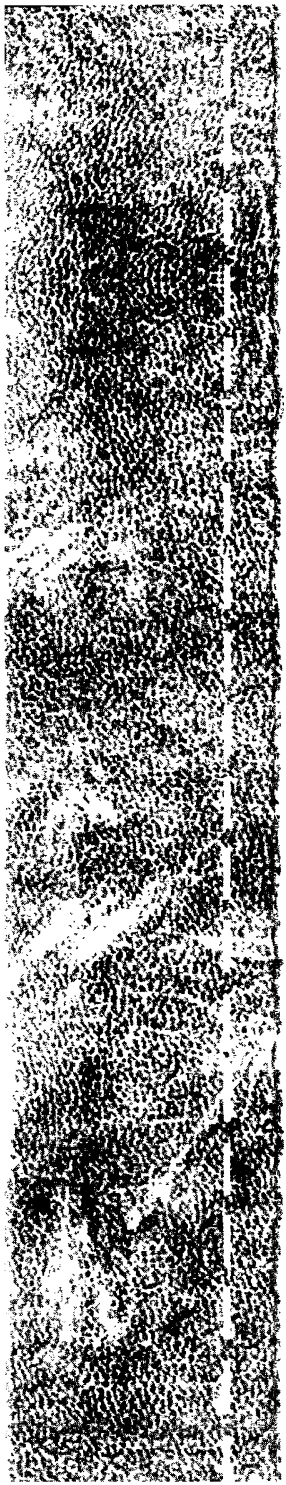
ISBN 5-7921-0723-9 (TF)
ISBN 5-699-19658-7 (Эксмо)

В очередной том полного собрания сочинений Роберта Энсона Хайнлайна (1907—1988) вошли классические романы писателя, укрепившие его славу одного из лучших фантастов столетия. Новый взгляд на пространство-время, научные размышления и захватывающие приключения лежат в основе произведений, составивших эту книгу.

УДК 82(1-87)-312.9
ББК 84(7 США)

© Перевод. С. Ангелов, Е. Беляева, Н. Волошин, В. Ковалевский, А. Митюшкин, А. Шаров, Н. Штуцер, 2007
© Иллюстрации. Я. Ашмарина, 2007
© TERRA FANTASTICA, 2007
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 5-7921-0723-9 (TF)
ISBN 5-699-19658-7 (Эксмо)

ВРЕМЯ ДЛЯ ЗВЕЗД

LC 317

© В. Ковалевский, Н. Штуцер, перевод

ГЛАВА I

Фонд Поощрения Перспективных Исследований

Если верить биографам баловней судьбы, то жизненный путь последних планировался ею чуть ли не с самого момента их появления на свет. Наполеон замышлял захватить власть над Францией еще в те дни, когда босоногим мальчишкой гонял по Корсике, Александр Македонский вел себя примерно так же, а Эйнштейн лепетал свои формулы уже в колыбели.

Может, оно и так. Что же касается меня, то я шел по жизни куда глаза глядят.

В старинной книге, принадлежавшей моему прадеду Лукасу, я однажды увидел карикатуру, на которой был изображен мужчина в роскошном одеянии, прыгающий с лыжного трамплина. С выражением испуганного удивления на лице он будто произносил: «И как это угораздило меня забраться на такую верхотуру?»

Вполне разделяю его чувства. А как это удалось мне взлететь в космические высоты?

Ведь мое рождение даже не было запланировано. По закону, семья, имеющая не более троих детей, не облагалась подушным налогом, а в нашей семье уже были три девочки, и вдруг появились на свет мы с Патом, так сказать, в одной упаковке, что было в некоторых отношениях весьма экономично. Мы явились сюрпризом для всех, особенно для наших родителей, наших сестер и налоговых инспекторов. Удивился ли я сам — не помню, но в число ранних воспоминаний входит мое смутное ощущение, что меня тут не очень-то ждали, хотя и па, и ма, и Фейт, и Хоуп, и Чарити относились к нам, без преувеличения, превосходно.

Возможно, па не слишком успешно справился с этим стихийным бедствием. Многие семьи получали льготы на рождение «лишнего» ребенка, пытаясь химичить в этом деле с другими семьями; можно было добиваться дополнительного разрешения при наличии однополых детей или обойти закон как-то иначе. Но па был упрям: он заявлял, что все это законодательство противоречит конституции, что оно несправедливо, дискриминационно нарушает мораль и Божье волеизъявление. Он, бывало, с ходу начинал декламировать длиннющий список знаменитых людей, которые были младшими детьми в многодетных семьях, начиная от Бенджамина Франклина и кончая первым губернатором Плутона, а затем требовал ответа — мог ли человеческий род обойтись без этих персоналий; после чего ма приходилось его долго успокаивать.

Вероятно, па был прав, поскольку он изучил множество предметов, помимо своей собственной специальности, каковой являлась микромеханика, и особенно интересовался историей. Он и нас захотел назвать по имени двух своих самых любимых деятелей американской истории, но мамочка решила дать нам имена обожаемых ею художников. В результате я превратился в Томаса Пейна Леонардо да Винчи Барлетта, а мой брат-близнец стал Патриком Генри Микеланджело Барлеттом. Па звал нас Том и Пат, а ма — Лео и Майкл, тогда как сестры — «Никчемучка» и «Никчемучка в квадрате». Победа все же оказалась на стороне па из-за его упрямства.

А па был жутко упрям. Он ведь прекрасно мог уплатить годовой подушный налог за нас — сверхштатников и подать заявку на квартиру, приемлемую для семи человек, а затем подчиниться неизбежности. Он мог также подать прошение о переквалификации. Вместо этого он ежегодно скандалил, требуя снять с близнецов налог, но постоянно кончалось тем, что па заполнял чек, на котором надписывал: «Оплачено под давлением», а мы — семеро — продолжали жить в квартире, пригодной лишь для пятерых. Пока я и Пат были младенцами, то спали в самодельных колыбельках, подвешенных в ванной комнате, что естественно не доставляло удовольствия никому; когда же мы подросли, то расположились на диване в гостиной, что опять-таки было неудобно для всех и особенно для наших сестер, считавших, будто это губит их личную жизнь.

Па мог бы решить все эти проблемы разом, подав заявку на эмиграцию семьи на Марс, Венеру или на луны Юпитера; тему эту он неоднократно выносил на обсуждение, что было единственным предметом, способным сделать ма упрямей самого па. До сих пор не знаю, какая фаза Большого Прыжка пугала ма особенно сильно, так как она крепко-накрепко сжимала губы и не желала отвечать ни на какие вопросы.

Па любил порассуждать о льготах, причитающихся большим семьям, решившим эмигрировать, и о том, что подушный налог был установлен специально для субсидирования внеземных колоний, и о том, почему бы нам не воспользоваться деньгами, которые просто-напросто украдены из наших собственных карманов. Особо он упирал на преимущества воспитания детей в условиях свободы и отсутствия перенаселенности, в местах, где за спиной человека, зарабатывающего хлеб в поте лица, не стоит бюрократ, только и думающий, как бы ввести новые ограничения и новые правила. «Ну, что же ты молчишь»,— говаривал он ма.

Но ма от ответа уклонялась, и мы так и не эмигрировали.

Денег нам никогда не хватало. Два лишних рта и лишние налоги делали законодательство о стабилизированном семейном доходе столь же бесполезным для нашей семьи, как не годились нам с братом костюмчики, перешитые мамой из старых отцовских обносков. Чертовски редко удавалось нам заказывать на дом обеды, как это делает большинство семей, и па стал даже приносить домой то, что оставалось у него от завтрака. Ма поступила на работу, как только нас с братишкой можно было отдать в детский сад, и все равно нашим единственным слугой была древняя модель «Матушкина помощника» производства фирмы «Моррис-гараж», в которой все время перегорали проводники, а на ее программирование уходило не меньше времени, чем на выполнение самой программы. Пату и мне пришлось свести близкое знакомство с теплой водой и химическими средствами для мытья посуды; впрочем, мытье посуды выпадало почти исключительно на мою долю — Пат обычно брал на себя стерилизацию тарелок, или же у него бывал порезан палец, или случалось еще что-то в том же роде.

Па нередко ораторствовал на тему о неосязаемых достоинствах бедности — как они заставляют человека быстрее становиться на

ноги, вырабатывают характер и все такое прочее. К тому времени, когда я вырос настолько, чтобы понимать это, я уже был достаточно смышлен, чтобы почувствовать глубокое сожаление, что эти преимущества столь плохо осязаемы; однако, оглядываясь назад, могу предположить, что кое-какой смысл в словах па все же был. Жить нам было интересно. Пат и я выращивали хомячков в «местах общего пользования», и ма нас никогда за это не ругала. Когда же мы ванную превратили в химическую лабораторию, девчонки начали было ворчать, но стоило па топнуть на них ногой, как они тут же стали подлизываться к нему, умоляя не сердиться, а потом вывешивали свои постирушки в других местах; ма даже защитила нас от смотрителя дома, когда мы спустили в слив кислоту, что отнюдь не содействовало улучшению состояния канализации.

Мне вспоминается только один случай, когда ма на нас рассердилась. Он связан с ее родным братом Стивом, который, вернувшись с Марса, привез нам несколько червей из марсианских каналов, и мы решили их разводить и продавать в надежде на солидную прибыль. Но когда па наступил на одного из них в душевой (с нимто мы не поделились своими планами), ма заставила нас отнести червей в зоопарк, за исключением того, на которого наступил па, поскольку от него уже не было никакого толку. Сразу же после этого случая мы сбежали из дому, чтобы вступить в Космическую морскую пехоту (дядя Стив служил в ней сержантом-баллистиком), и, когда вранье насчет нашего истинного возраста не сработало и нас водворили обратно в лоно семьи, ма не только нас не бранила, но обнаружилось, что она все время, пока мы отсутствовали, продолжала кормить наших змеенышей и шелковичных червей.

О, полагаю, мы были счастливы! Трудно судить о вещах, относящихся к таким давно прошедшим временам. Пат и я были очень близки, и все шалости задумывались и исполнялись нами обоими; однако я хочу, чтобы вы ясно понимали: быть близнецами вовсе не значит, что у вас отношения как у этих мифических Дамона и Финтии, о которых вам столько наболтали слюнтяи-писатели. Разумеется, близость возрастает от того, что вы вместе родились, делите одну и ту же комнату, вместе едите, вместе играете и вряд ли вообще, насколько вы помните сами и как вам

говорили свидетели ваших младенческих лет, когда-либо и что-либо делали порознь... Да, ваша зависимость друг от друга растет. Вы почти не можете жить врозь, но это вовсе не означает, что вы питаете к своему брату такую уж беспредельную любовь.

Я хочу, чтобы здесь не было никаких недомолвок, ибо насчет близнецов наплели уйму всякой чуши с тех пор, как они неожиданно приобрели такое большое значение. Поймите: я — это я, а вовсе не мой братишка Пат. И я всегда знал, кто из нас кто, даже если все остальные не могли отличить нас друг от друга. Он правша, а я левша. Кроме того, с моей точки зрения, я тот самый, кому всегда доставался меньший кусок пирога.

Я даже припоминаю случай, когда Пат успел благодаря своей ловкости ухватить оба куска. Заметьте — это не общие слова: я говорю о совершенно конкретном песочном торте с шоколадной глазурью. И о том, как Пат ловко провернул дело таким образом, что стянул и мой кусок, причем ма и па, несмотря на мои протесты, были твердо уверены, что никто из нас не был обделен. Сладкое может казаться исключительно серьезным делом, когда вам всего восемь лет, а нам в тот момент было именно столько.

Я вовсе не хочу показаться нытиком и ябедой... но, говоря по правде, до сих пор чувствую, как горло мне перехватывает гнев, несмотря на разделяющие нас годы и мили, когда я вспоминаю, как меня наказали из-за того, что па и ма решили, будто это я и есть тот, который пытается стянуть две порции пирожного. Сейчас я просто стараюсь быть честным перед самим собой. Доктор Деверо велел мне писать дневник со всей откровенностью, на которую я способен, и посоветовал начать с того, каково это — быть близнецом. Вы же не близнец, правда? А даже если и близнец, хотя сорок четыре шанса против одного за то, что это не так, то скорее всего — разнояйцевый, тогда как мы с Патом — однояйцевые, что еще раза в четыре снижает ваши шансы на владение одинаковым с нами опытом.

Говорят, будто один из близнецов всегда отстает от другого в развитии. Я так не думаю. Пат и я были похожи как два ботинка из одной пары. В тех редких случаях, когда между нами обнаруживались различия (я, например, обгонял его на дюйм по росту или на фунт по весу), эта разница быстро выравнивалась. В школе мы

получали одинаково хорошие отметки; зубы у нас прорезались одновременно. Однако у Пата был сильнее развит «хватательный» инстинкт, чем у меня. И еще было в нем нечто такое, что психологи называют «стремлением к доминированию». Различие это столь тонкое, что обнаружить его трудно, и посторонним оно почти незаметно. Могу сказать, что возникло оно внезапно, на ровном месте, а затем стало столь прочным, что характер сложившихся между нами отношений мы уже не могли изменить, даже если бы оба и попытались это сделать.

Думаю, если бы акушерка приняла меня первым, то наверняка я стал бы тем, кому достается лучший кусок пирога. Впрочем, возможно, так оно и случилось: откуда мне знать, как это у них все происходило.

Только не думайте, что быть близнецом плохо, даже если вам, так сказать, достаются только вершки; в основном это прекрасно. Вы попадаете в толпу чужих людей, вам среди них страшно и неуютно, но в двух футах от вас шагает близнец, и вы сразу же перестаете ощущать свое одиночество. Или кто-то вдруг врежет вам в челюсть, и, пока у вас голова идет кругом, ваш близнец уже дает сдачи обидчику и победа на вашей стороне. Вы провалили контрольную, братишка — тоже, и значит, опять вы не одиноки.

Не следует думать однако, что иметь брата-близнеца — это все равно что иметь близкого и верного друга. Ничего подобного! Хотя, конечно, в определенном смысле близнец роднее, чем друг.

Пат и я вступили в первый контакт с Фондом Поощрения Перспективных Исследований (ФППИ) в тот день, когда прямо к нам домой заявился этот самый мистер Гикинг. Мне он совсем не понравился. Па мистер Гикинг тоже не понравился, и он намылился выставить его как можно быстрее, однако тот уже успел угнездиться за столом с чашечкой кофе — понятия ма о правилах гостеприимства отличались непоколебимой строгостью.

Таким-то образом мистер Гикинг и получил возможность высказаться. Он, по его словам, был местным агентом «Генетических исследований».

— А что это такое? — сухо спросил па.

— «Генетические исследования» — научно-исследовательское агентство, мистер Барлетт. В настоящее время оно осуществляет

проект, заключающийся в сборе данных о близнецах. Этот проект представляет большой интерес для общества, и мы надеемся, что вы не откажетесь от участия в нем.

Па набрал в грудь побольше воздуха, вытащил тот воображаемый ящик из-под мыла, который у него всегда наготове, взобрался на трибуну и принялся вещать:

— Опять это правительство сует свой нос куда его никто не просит. Я — порядочный гражданин, я аккуратно плачу по своим счетам и содержу свое семейство. Мои дети ничем не хуже прочих детей, и меня просто с души воротит, как подумаю об отношении к ним правительства. Я не желаю, чтобы их тыкали, кололи и изучали ради удовольствия какого-нибудь бюрократа. Мы хотим только одного — пусть нас оставят в покое и пусть государство признает очевидный факт, что мои сыновья имеют столько же права дышать воздухом и занимать пространство, как и любой другой человек.

Па вовсе не глуп, просто его реакция на проблемы, касающиеся нас с Патом, столь же автоматична, как реакция собаки, которая слишком часто получала пинки. Мистер Гикинг пытался было его успокоить, но па останавливать безнадежно, раз уж он завел свою волынку.

— Передайте департаменту контроля численности населения, что я не потерплю их «генетических исследований». И чего они намереваются ими достичь? Вернее всего, как предотвратить появление близнецов? А чем плохи близнецы? Чем был бы Рим без Ромула и Рема? Ну-ка, ответьте мне! Мистер, а вам известно, сколько...

— Мистер Барлетт, прошу извинить, но я не имею отношения к правительству.

— А? Так почему же вы сразу этого не сказали? Тогда от кого вы?

— «Генетические исследования» — это агентство Фонда Поощрения Перспективных Исследований.

Я почувствовал, что интерес Пата сразу же возрос. О Фонде Поощрения Перспективных Исследований слыхал каждый, но случилось так, что мы с Патом недавно писали классное семестровое сочинение на тему о бездоходных корпорациях и взяли ФППИ в качестве типичного примера.

Нас обоих заинтересовали цели Фонда Поощрения Перспективных Исследований. Девизом Фонда было «Хлеб, пущенный по водам», а его устав начинался так: «Забота о благоденствии наших потомков». В уставе было много еще всякой юридической ерундистики, но правление директоров Фонда сформулировало свою задачу как финансирование исключительно тех научных направлений, к которым ни государство, ни частные корпорации даже не притронулись бы. Чтобы заинтересовать Фонд, проекту мало казаться перспективным с научной точки зрения или выгодным для общества: он обязательно должен быть еще и таким дорогостоящим, что к нему никто не посмеет подступиться. И желательно, чтобы проект мог принести плоды лишь в таком отдаленном будущем, что для налогоплательщиков и вкладчиков он становился явно непривлекательным. Чтобы загорелся энтузиазмом ФППИ, ему следовало предлагать нечто, стоившее миллиарды, и чтобы результаты этого проекта сказались бы не раньше чем через десять поколений, если вообще их можно было теоретически ожидать... Ну, что-нибудь вроде управления погодой (кстати, над этим Фонд тоже работал) или решения проблемы, где зимуют раки.

Самое забавное, что «хлеб, пущенный по водам», окупался сторицей: проекты, казавшиеся совершенно неосуществимыми, приносили ФППИ дикие деньги, то есть «дикие» с точки зрения бездоходной корпорации. Возьмите, к примеру, космические полеты; две сотни лет назад они казались как бы специально созданными для ФППИ, поскольку были фантастически дороги и не обещали никаких выгодных реальных результатов в сравнении с требуемыми инвестициями. Было время, когда правительство кое-что делало в этой области, интересуясь преимущественно оборонной стороной дела, но Соглашение Бейрейта, заключенное в 1980 году, положило конец даже этим слабым начинаниям.

Ну а Фонд Поощрения Перспективных Исследований занялся космосом и с восторгом стал швырять деньги в эту дыру. Случилось это тогда, когда корпорация, к большому своему огорчению, заработала несколько миллиардов на Томпсоновском конвертере материи, ибо первоначально предполагалось, что только теоретические исследования в этой области потребуют колоссальных средств в течение минимум целого столетия; поскольку

о дивидендах Фонд не отчитывался (держателей-то акций не было), ему было необходимо как-то побыстрее отделаться от подобного богатства. И космические полеты выглядели вполне подходящей крысиной норой, чтобы спустить туда денежки.

О том, что случилось дальше, известно даже маленьким деткам.

Ракетный двигатель Ортеги сделал космические перелеты внутри Солнечной системы дешевыми, быстрыми и простыми, а энергетический экран превратил колонизацию планет в дело не только практически возможное, но и весьма доходное. Что же касается ФППИ, то ему пришлось искать новые объекты для инвестиций, дабы избежать накопления ненужной ему денежной массы.

В тот вечер я, однако, об этом не думал; просто ФППИ случайно оказался тем предметом, о котором мы с Патом знали чуть больше остальных школьников старших классов... и явно больше, чем па, который хмыкнул и сказал:

— Фонд Поощрения Перспективных Исследований, вот как! Предпочел бы, чтоб вы оказались государственным служащим. Если бы подобные психованные прожектеры облагались налогом как порядочные, правительство перестало бы выжимать подушный налог из своих граждан.

Подобную аргументацию вряд ли можно считать надежной, поскольку зависимость между этими двумя явлениями не может быть выражена простой кривой, о чем и сообщается в начальном курсе математической эмпирики. Мистер Маккиф предложил нам оценить масштабы влияния (если таковое, конечно, имелось) ФППИ на технологию с помощью специальной формулы «дрожжевого роста», но либо я не разобрался в математике, либо деятельность ФППИ стала сказываться на поведении кривой еще в начале XXI века, но в любом случае «культурное наследие», то есть аккумуляция знаний и материального богатства, удерживающая нас от превращения в дикарей, резко увеличилась в результате освобождения подобных бездоходных корпораций от уплаты налогов. Такой вывод вовсе не является «потолочным» — есть точные расчеты, подтверждающие его правильность. В самом деле, разве неясно, что случилось бы, если б вожди доисторических племен заставили какого-нибудь Уга охотиться с остальными членами племени, а не позволили бы ему остаться дома и выстругать

ножом первое в мире колесо, пока эта идея была еще свежа в его мозговых извилинах. Мистер Гикинг ответил:

— Я недостаточно компетентен, чтобы обсуждать подобные вопросы. Я ведь всего лишь служащий.

— А я выплачиваю вам жалованье. Не непосредственно и неохотно, но все же выплачиваю.

Я уже хотел вмешаться в спор, но почувствовал, что Пат пока предпочитает остаться в стороне. Мистер Гикинг пожал плечами и отозвался:

— Если это так, то я вам очень признателен. Однако я пришел сюда только затем, чтобы попросить ваших мальчиков пройти несколько тестов и ответить на кое-какие вопросы. Я всего лишь местный агент; я не руковожу Проектом.

Вот тут-то Пат и вмешался:

— А почему бы и нет, па? Тесты у вас в портфеле, мистер Гикинг?

— Послушай, Патрик...

— Все в порядке, па. Покажите нам тесты, мистер Гикинг.

— Хм... Я имел в виду нечто иное. У Проекта есть свой местный офис в Транслуна-Билдинг. На тесты уйдет не меньше половины рабочего дня.

— Ого! Тащиться в центр города да еще терять полдня... Сколько вы за это заплатите?

— Что? Участников просят пожертвовать своим временем в интересах науки.

Пат отрицательно покачал головой.

— Очень жаль, мистер Гикинг. Эта неделя у нас экзаменационная. А кроме того, брат и я заняты в школе работой с почасовой оплатой.

Я промолчал. Экзамены у нас уже кончились, остался лишь исторический анализ — курс очень легкий, ибо не требует математического аппарата, а лишь знания статистики и псевдопространственных расчетов. Что же касается школьной химической лаборатории, где мы работали, то она на время экзаменов закрыта. Уверен, что па ничего этого не знал, иначе он непременно вмешался бы. Па только дай зацепку, и он тут же забудет о своих предубеждениях и превратится в сурового римского судью.

Пат встал, я тоже вскочил. Мистер Гикинг продолжал сидеть.

— Есть возможность договориться,— сказал он спокойно.

Пат выжал из него столько, сколько мы зарабатывали мытьем пробирок за месяц, и это всего лишь за полрабочего дня! А потом Гикингу пришлось еще удвоить эту сумму, когда выяснилось, что нам придется проходить тесты вместе (как будто это могло быть иначе!). Мистер Гикинг заплатил без звука — чистоганом и вперед.

ГЛАВА II

Натуральный логарифм двух

Никогда в жизни я не видел столько близнецов, сколько их собралось на сороковом этаже Транслуна-Билдинг во второй половине дня в среду. Я не люблю ошиваться среди близнецов — мне кажется, что у меня двоится в глазах. И не говорите, что я непоследователен — просто я никогда не видел со стороны ту пару, часть которой составляю я сам; я всегда вижу только Пата.

И Пат думает так же; мы никогда не дружили с другими близнецами. Вот и сейчас он огляделся и присвистнул.

— Том, тебе приходилось когда-нибудь видеть подобную свалку запасных частей?

— Никогда.

— Если б я тут заправлял, я б половину из них пристрелил.— Он говорил шепотом, чтоб ненароком не оскорбить кого-нибудь из присутствующих. Пат и я пользовались той манерой разговора, к которой прибегают заключенные в тюрьмах, так что для окружающих наш разговор — головоломка, а мы понимаем друг друга отлично.— Препротивное зрелище, верно?

Тут он опять присвистнул, и я глянул туда, куда он смотрел. Разумеется, это были близняшки, но как раз тот случай, когда один — хорошо, а двое — лучше. Огненно-рыжие сестрички, помоложе нас, но не такие уж малявки — думаю, лет шестнадцати — и очаровательны, как котята персидской кошки.

Эти сестрички воздействовали на нас, как пламя свечи на ночную бабочку. Пат шепнул:

— Том, мы просто обязаны подарить им чуточку своего свободного времени!

И напрямик дунул к ним, а я чуть не отдавил ему пятки.

Девушки были одеты в подобие шотландских костюмов, и, благодаря зеленой клетчатой материи, их волосы пылали, как костер на ветру, а сами они были восхитительнее свежевыпавших снежинок. И почти так же холодны. Пат успел произнести лишь половину вступительной речи, как вдруг потерял ее нить и заткнулся. Девчонки смотрели как бы *сквозь него*. Я залился краской, и от того, что могло стать величайшим позором нашей истории, нас спас лишь ослиный вопль громкоговорителя:

— Прошу внимания! Вам надлежит подойти к дверям, помеченным заглавной буквой ваших фамилий.

Так что мы отправились к двери с табличкой А–Д, а рыжие красотки — к противоположному концу алфавита, не бросив в нашу сторону ни единого взгляда. Когда мы встали в очередь, Пат пробормотал:

— Может, у меня на губах следы необсохшего молока? Или они дали обет остаться старыми девами?

— Вероятно, и то и другое вместе,— ответил я.— В любом случае я предпочитаю блондинок.

Так оно и было, поскольку Моди — блондинка. Пат и я ухаживали за Моди Каурик с определенным успехом уже чуть ли не год, хотя в моем случае это обычно означало, что мне подсовывали приятельницу Моди — Гедду Стейли, чье представление об увлекательной беседе сводилось к многократному повторению вопроса: а не кажется ли мне, что Моди — самое прелестное существо на свете? А раз так оно и было и в подтверждении не нуждалось, то наш разговор трудно назвать особо блистательным.

— Пожалуй, я тоже,— согласился Пат, даже не сказав, какую именно блондинку он имеет в виду. Моди была единственным предметом, который мы с Патом никогда между собой не обсуждали.— Но я, знаешь ли, смотрю на вещи шире.— Он пожал плечами и весело добавил: — Особенно, если есть выбор.

А выбор, конечно, был, ибо из нескольких сот присутствующих близняшек, по меньшей мере треть была примерно нашего возраста или, во всяком случае, могла рассматриваться как под-

ходящая, причем половина из них, насколько я могу судить, не прибегая к точному расчету, относилась к полу, который простую сходку превращает в общественное событие. Однако им всем было далеко до того класса, к которому принадлежали рыженькие сестрички, а поэтому я снова стал рассматривать присутствующих как обычную толпу.

Самая взрослая пара из виденных мной — двое мужчин лет тридцати с небольшим. Но я видел и девочек лет двенадцати, которые пришли в сопровождении мамаш. Большинство же составляли люди лет двадцати с хвостиком. Я как раз пришел к выводу, что «Генетические исследования» набирают своих рекрутов из различных возрастных групп, когда вдруг обнаружил, что мы уже стоим во главе очереди и клерк спрашивает наши фамилии.

В течение следующих двух часов нас передавали из рук одного сборщика данных к другому, у нас брали отпечатки пальцев, кровь на исследование, заставляли отвечать *да* или *нет* на сотни глупейших вопросов, на которые никак нельзя было ответить простым согласием или отрицанием. Медицинский осмотр проводился очень тщательно и сопровождался обычным, великолепно спланированным издевательством, когда человека заставляют стоять босым на холодном полу в комнате, где температура ровно на пять градусов ниже, чем это приятно для голой кожи, в то время как жертву тыкают пальцем в разные места да еще задают при этом вопросы самого интимного характера.

Я уже окончательно отупел и ко всему потерял интерес, когда Пат шепотом предложил сорвать одежду с врача и потыкать его в живот, потребовав при этом, чтобы медсестра точно фиксировала его персональные ощущения. Единственная мысль, доставившая мне радость,— это то, что Пат заставил их раскошелиться за извлекаемые из нас удовольствия. Затем нам разрешили одеться и ввели в комнату, где за столом сидела очень симпатичная дама. Перед ней находился эпидиаскоп, на экране которого она рассматривала два графика, изображавших наши личностные характеристики. Они были почти идентичны, но я попытался понять, в чем все-таки их различие. Впрочем, я все равно не знал, который из них мой, а который Пата, да и вообще я никудышный математикопсихолог.

Женщина улыбнулась и сказала:

— Садитесь, мальчики. Я — доктор Арно.— Она отложила графики и стопку перфорированных карточек, добавив: — Великолепный образчик зеркальных близнецов вплоть до декстрокардии. В высшей степени любопытное явление!

Пат попытался хоть уголком глаза подглядеть что-то в бумагах.

— А каков теперь наш IQ, доктор?

— Это неважно.— Она спрятала бумаги в стол, и сейчас же в ее руках появилась колода карт.— Когда-нибудь имели дело с такими?

Разумеется, имели. Это были классические карты Райна для тестирования — завитушки, звезды и прочее. В школьных курсах психологии всегда используются такие колоды, и, если кто-то наберет очень высокое число очков, значит, этот умник сумел раскусить учителя и обойти его. Пат разработал очень простой способ обмана, и наш учитель, который так устал, что не мог даже как следует разозлиться, разбил нашу пару, заставив проходить тестирование только с другими партнерами, в результате чего наши показатели упали до величины стандартных ошибок. Так что я был к этому времени полностью уверен, что мы с Патом не какие-то экстрасенсорные выродки и что карты Райна окажутся просто еще одним скучным испытанием. И тут же почувствовал, как Пат напрягся.

— Держи ушки на макушке, паренек,— услышал я его шепот,— и мы классно позабавимся.

Доктор Арно его, конечно, не слыхала. Я не был уверен, что эта проделка стоит свеч, но знал, что если он найдет способ подавать мне сигналы, то я не смогу удержаться от жульничества. Только зря я беспокоился. Доктор Арно увела Пата в другую комнату и вернулась уже без него. Она была связана с соседней комнатой микрофоном, но шансов, что Пат сможет шепнуть в него что-нибудь, не было никаких — микрофон работал только тогда, когда его включала доктор.

С места в карьер она начала:

— Первый тест начинается через двадцать секунд,— сказала она в микрофон и, выключив его, обернулась в мою сторону.— Смотри на карты, которые я буду тебе показывать,— сказала она,— не напрягайся, не старайся что-то сделать. Просто смотри на них.

Ну, я и стал на них любоваться. Такая тягомотина в разных вариантах длилась, вероятно, около часа. Иногда мне приходилось принимать, иногда посылать сигналы. На мой взгляд, ничего такого не произошло, тем более что мне даже не сказали, сколько очков нам удалось набрать.

Наконец доктор Арно взглянула на лист с отметками и сказала:

— Том, я хочу сделать тебе очень легкое вливание, вреда тебе оно не принесет, а его действие закончится еще до того, как ты вернешься домой. О'кей?

— Какое еще вливание? — спросил я с подозрением.

— Не бойся, оно совершенно безвредно. Мне не хочется говорить тебе что-нибудь еще, так как ты можешь подсознательно смоделировать именно ту реакцию, которую, как тебе кажется, мы ожидаем.

— Хм... а что говорит мой брат? Ему тоже сделают вливание?

— Не имеет значения. Пожалуйста, я очень тебя прошу.

Я все еще колебался. Па не одобряет вливаний и прочего в таком роде, кроме случаев крайней необходимости; один раз он устроил скандал из-за того, что мы приняли участие в кампании по борьбе с энцефалитом.

— Вы доктор медицины? — спросил я.

— Нет. У меня ученая степень. А что?

— А откуда вы знаете, что лекарство безвредно?

Она прикусила губу, а потом ответила:

— Я могу вызвать сюда доктора медицины, если ты мне не доверяешь.

— Э-э-э... думаю, в этом нет необходимости.— Я вспомнил кое-что из того, что па говорил об уколах снотворного, и спросил: — А что, Фонд Поощрения Перспективных Исследований, в случае чего, платит страховку от несчастных случаев?

— Что? Разумеется, думаю, что платит. Больше того, уверена в этом.— Она поглядела на меня и добавила: — Том, а что нужно, чтобы сделать мальчика твоего возраста таким подозрительным?

— А? Почему вы меня-то спрашиваете? Вы же психолог, мэм, не я. А кроме того,— продолжал я,— если бы вам пришлось столько раз садиться задом на кнопки и гвозди, как мне, вы бы тоже стали недоверчивы.

— М-м-м... ладно, неважно. Училась столько лет и все еще не представляю, куда же идет наше юное поколение. Ну так как? Позволишь сделать укол?

— Х-м-м... пожалуй, соглашусь, раз ФППИ выплачивает страховку. Только вы напишите на бумажке, что именно вы собираетесь мне вколоть, и поставьте свою подпись.

На щеках у нее появилось два ярких красных пятна. Тем не менее, она все же взяла листок почтовой бумаги, что-то написала на нем и вложила в конверт, который тут же заклеила.

— Убери в карман,— произнесла она сухо,— но прочти только после конца эксперимента. Ну а теперь подними левый рукав.

Сделав укол, она сказала ласково:

— Будет немножко больно... во всяком случае, я надеюсь на это.

Так оно и вышло.

Доктор Арно погасила все огни в комнате, кроме лампочки в эпидиаскопе.

— Тебе удобно?

— Вполне.

— Извини, я, наверно, показалась тебе склочницей. Будь добр, расслабься и чувствуй себя, как дома.— Она наклонилась и что-то сделала с креслом, в котором я сидел. Оно медленно раскрылось, и я оказался лежащим в гамаке.— Расслабься и не сопротивляйся. Если почувствуешь, что хочется спать, не волнуйся, это так и должно быть.— Она села, и теперь я видел только ее лицо, освещенное эпидиаскопом. Она очень мила, решил я, хоть и слишком стара, чтоб это могло иметь значение... лет тридцать, а может, и больше. И вообще симпатичная. Еще несколько минут она говорила мне что-то своим славным голоском, да только я не помню, что именно.

Должно быть, я уснул, так как вдруг стало совсем темно, и Пат оказался рядом, хотя я не заметил света, когда открывалась дверь в его комнату. Я хотел было заговорить с ним, но вдруг услышал его шепот:

— Том, ты когда-нибудь видывал этакую бессмысленную ерундистику?

Я шепнул ему в ответ:

«Мне это напоминает время, когда нас посвящали в племя Конголезских Каннибалов».

— Говори тише, а то они нас застукают.

«Это ты орешь, как не знаю кто. А вообще-то, какое им дело? Давай проорем каннибальский боевой клич и напугаем их, чтоб из туфель выскочили».

— Потом, потом. Как раз сейчас моя девушка (а ее зовут Мейбл) попросила, чтоб я продиктовал тебе цифровой ряд. Так что пусть сначала позабавятся. Как-никак, они выложили за это свои денежки.

«О'кей».

— Ноль, запятая, шесть, девять, три, один.

«Это натуральный логарифм двух».

— А ты что думал? Номер телефона Мейбл? Заткнись и слушай. И повторяй вслух за мной. Три, запятая, один, четыре, один, пять, девять...

Так продолжалось довольно долго. Некоторые цифры были знакомы, подобно первым двум, остальные представляли собой случайные комбинации, среди которых, возможно, был и телефон Мейбл; не знаю, мне-то что. Я опять заскучал и снова начал подумывать, не издать ли наш боевой клич в одиночку, когда доктор Арно тихо сказала:

— Конец теста. Прошу вас обоих помолчать и расслабиться на несколько минут. Мейбл, встретимся в комнате для сравнения данных.

Я слышал, как она уходит, поэтому отбросил мысль о боевом кличе и позволил себе расслабиться. Длительное повторение всех этих цифр в темноте как-то притупило мой мозг, и, как говорит дядя Стив, если у вас есть шанс похрапеть, храпите — может быть, другого такого шанса больше не представится.

Вскоре я услышал, как дверь комнаты открылась, а затем в глаза ударил яркий свет. Голос доктора Арно произнес:

— Вот и все на сегодня, Том... и большое тебе спасибо. Мы хотим, чтобы вы с братом пришли завтра сюда в то же время.

Глаза еще не привыкли к яркому свету, но я огляделся вокруг.

— А где Пат? Что он говорит?

— Ты встретишься с ним в холле. Он сказал мне, что вы сможете прийти. Ты же можешь, правда?

— Я думаю, да, раз он согласен.— Мне стало стыдно, что мы сыграли с ней такую шутку и поэтому я добавил: — Доктор Арно, мне очень жаль, что я обидел вас.

Она похлопала меня по руке и улыбнулась:

— Все в порядке. Ты был прав, проявляя осторожность, и к тому же ты отличный подопытный кролик. Ты бы посмотрел, какие нам попадаются дикари! Увидимся завтра.

Пат ждал меня в том же зале, где мы видели рыженьких сестер. Он пристроился ко мне, и мы пошли к антиграву.

— Я поднял расценку за завтрашнюю встречу,— шепнул он тихонько.

— Вот как! Пат, ты думаешь, это правильно? Я хочу сказать, что шутка шуткой, но если они просекут, что мы жулим, то здорово разозлятся. Они могут даже заставить нас вернуть ту плату, которую мы уже получили.

— А как они это сделают? Нам заплатили за то, чтоб мы пришли и подверглись тестированию. Это уж их дело вести его так, чтоб исключить возможность жульничества. Уж я-то не позволил бы обойти себя на кривой, если б проводил опыт.

— Пат, ты хвастун и жулик к тому же! — Я подумал о докторе Арно... такая милая леди...— Думаю, завтра я останусь дома.

Я сказал это в то мгновение, когда Пат уже ступил в шахту антиграва. Он находился футах в десяти ниже меня все то время, пока мы спускались, и имел целых сорок этажей, чтобы продумать ответ. Когда я приземлился рядом с ним, он вместо ответа сменил тему разговора.

— Они тебе делали укол?

— Да.

— А ты подумал о том, чтоб получить у них заявление об ответственности? Или как всегда лопухнулся?

— Что-то в этом роде.— Я вытащил из кармана конверт, о котором напрочь забыл.— Я уговорил доктора Арно написать, что именно она нам впрыснула.

Пат потянулся за конвертом.

— Дико извиняюсь, маэстро. С моими извилинами и твоей удачливостью мы их поимеем, как захотим.— Он начал было открывать конверт.— Ручаюсь, это неопентанол или один из барбитуратов.

Я выхватил у него конверт из рук.

— Это мое!

— Ну так вскрой его,— ответил Пат,— и не мешай движению. Мне охота узнать, какой наркотик они нам вкатили.

Мы вышли на пешеходном уровне, и поэтому совет Пата был вполне уместен. Прежде чем вскрыть конверт, мы прошли с пешеходной дорожки на самую быструю, идущую на запад, и оказались под защитой ветролома. Когда я вынул бумажку, Пат стал вслух читать через мое плечо:

— Перспективные кое-какеры и тому подобное: вливания, сделанные объектам 71435 и 36, то есть Т. П. Барлетту и П. Г. Барлетту (однояйцевые близнецы) содержат по 0,1 кубика дистиллированной воды с повышенной до нормального уровня соленостью. Подпись: Дорис Арно, доктор наук, по поручению Фонда. Том, нас провели.

Я уставился на бумагу, стараясь как-то соотнести то, что я испытал, и то, что было написано на листке. Пат произнес с надеждой в голосе:

— А может быть, тут все вранье? Впрыснули нам что-то другое и не хотят в этом признаться?

— Нет,— сказал я уверенно. Я был убежден, что доктор Арно не напишет «вода», если на самом деле дала нам какое-то снотворное; не такой она человек.— Пат, нас не обманывают. Нас загипнотизировали.

Он покачал головой:

— Невозможно. Даже если согласиться, что меня можно загипнотизировать, то тебя уж точно нельзя. Нет у тебя в башке того, что нужно для гипноза. И меня не гипнотизировали, дружище. Там не было ни вращающегося света, ни пассов, проделываемых руками, да что там — моя девушка, Мейбл, даже и в глаза мне не смотрела. Только сделала укол и просила, чтоб не беспокоился и ждал, пока лекарство подействует.

— Не будь ребенком, Пат. Вращающиеся источники света и прочее — это для дураков. Мне все равно, как оно зовется — гипнозом или умением всучить тебе любой товар. Они загипнотизировали нас, велели уснуть, вот мы и впали в кайф.

— Мне действительно захотелось спать, но ведь Мейбл говорила совсем другое. Она не приказывала мне дрыхнуть, но сказала, что если я все же засну, то должен проснуться, как только услышу ее голос. Потом, когда они принесли тебя, она...

— Подожди-ка! Ты хочешь сказать, что когда *тебя* доставили в ту комнату, где уже находился я...

— Ничего подобного я сказать не хочу! После того как тебя принесли, Мейбл дала мне этот список цифровых рядов, я начал читать их тебе и ты...

— Подожди-ка минутку,— сказал я.— Пат, ты все перепутал. Как ты мог читать их мне в полной темноте? Наверняка это она читала их тебе. Я хочу сказать...— Тут я остановился, так как почувствовал, что сам окончательно запутался. Ладно, она могла читать ему из той, из другой комнаты.— У тебя были наушники?

— При чем тут наушники? И не было никакой тьмы. Во всяком случае, после того как принесли тебя. Мейбл вывешивала цифры на доске, которая имела свой собственный источник света, вполне достаточный, чтобы я мог видеть и цифры, и ее руки.

— Пат, я хочу, чтобы ты перестал повторять эту несусветную чушь. Загипнотизированный или нет, но я не так уж туп, чтобы не заметить того, что произошло. Меня никуда не увозили; надо думать, они вкатили твое кресло так осторожно, что ты даже не проснулся. А в комнате, где мы находились, было темным-темно и ни единого лучика света.

Пат ответил не сразу, что было на него не похоже. Наконец он сказал:

— Том, ты уверен, что так и было?

— Уверен, что я уверен.

Он вздохнул:

— Неохота говорить такое, так как я знаю наперед твой ответ. Что надо делать, если ни одна из твоих гипотез не подходит?

— Э? Это что, загадка? Отбросить их прочь и попробовать новую гипотезу. Это ж основа методологии, причем для первоклашек.

— О'кей. Тогда попробуй-ка эту, не подойдет ли она по размеру, а на фасон не обращай внимания. Том, мой друг, крепись! Мы с тобой *читаем мысли*.

Я попробовал сказанное на вкус, и он мне не понравился.

— Пат, только потому, что ты не можешь ничего объяснить, нет смысла болтать, как толстая старуха, которая тащится к хиромантам. Признаю, у нас в голове каша, то ли от гипноза, то ли от наркотиков. Но не могли же мы читать в умах друг друга —

ведь в этом случае мы бы уже делали это давным-давно. И наверняка заметили бы.

— Не обязательно. В твоем мозгу вообще мало что происходит, так что мне и замечать-то нечего.

— Но логика говорит...

— Скажи, а каков натуральный логарифм двух?

— Ноль, запятая, шесть, девять, три, один: ты так сказал, хотя я никогда не пользуюсь четырехзначными таблицами. А при чем тут логарифм?

— Я воспользовался четырехзначной таблицей потому, что Мейбл сама дала мне эти цифры. Ты помнишь, что она сказала, перед тем как я начал разговаривать с тобой по-тихому?

— А? Кто сказал?

— Мейбл. Доктор Мейбл Лихтенштейн. Так помнишь, что она сказала?

— Никто ничего не говорил.

— Том, мой маразматический симбиот, она сказала мне, что надо делать, то есть прочесть эти цифры тебе. Она сказала это своим чистым, сильным сопрано. Ты ее не слышал?

— Нет.

— Значит, тебя не было в этой комнате. Ты находился за пределами слышимости, хотя я и готов побожиться, что они положили тебя совсем рядом со мной. Понимаешь? *Я знал,* что ты рядом. А тебя, оказывается, не было. Значит, это телепатия.

Мысли мои изменились. Я вовсе не чувствовал себя телепатом. И вообще ощущал только голод.

— Солидарен с тобой по обоим пунктам,— согласился Пат.— Так что давай выйдем на станции Беркли и возьмем по сандвичу.

Вслед за ним я сошел с движущейся полосы, чувствуя себя уже не столько голодным, сколько полностью обалдевшим. Дело в том, что Пат ответил на слова, которых я и не думал произносить.

ГЛАВА III

Проект «Lebensraum»

Хотя я и получил распоряжение не жалеть времени и писать со всеми подробностями, выполнить его практически невозможно.

Вот уже несколько дней, как я ничего не добавил к своему повествованию, но если бы даже у меня не было другой работы, я все равно не смог бы изложить все, так как, чтобы подробно описать события того дня, потребуется как минимум столько же времени. И чем усерднее будешь стараться, тем больше будешь отставать. Поэтому я не стану особо напрягаться и остановлюсь лишь на главных, наиболее важных моментах.

К тому же об основных целях проекта «Lebensraum» наверняка знают все.

Ни па, ни ма о первом дне мы ничего рассказывать не стали. Родителей не следует огорошивать событиями такого рода; они сразу взбрыкивают и кидаются выдумывать всяческие запреты. Мы просто сказали, что тесты будут продолжаться еще один день и что пока нас никто с их результатами не знакомил.

Доктор Арно, казалось, нисколько не удивилась, когда мы сказали ей, что знаем, каков расклад, и даже когда я выложил то, что мы считали, будто жульничаем, а все оказалось совсем не так. Она только кивнула и промолвила, что им было необходимо создать у нас впечатление обыденности происходящего, даже если обеим сторонам и придется слегка покривить душой.

— Я обладала определенным преимуществом — в моем распоряжении были детальные характеристики ваших личностей, составленные на основе проведенных тестов, чем я и руководствовалась,— добавила она.— В психологии нередко возникает нужда идти кружным путем, чтобы установить истину. Сегодня мы будем с вами действовать более открыто,— продолжала она,— мы устроим вас так, чтоб вы не видели друг друга, но в то же время находились в пределах хорошей слышимости. Я же собираюсь поместить между вами звукоизолирующий экран, который будет включаться и отключаться через неизвестные вам интервалы.

Да, на второй день все у нас шло со скрипом. Естественно, мы напрягались, и, естественно, у нас ничего не получалось. Однако доктор Арно не проявила ни малейших признаков тревоги, точно так же, как и доктор Лихтенштейн — *«доктор Мейбл»* Пата. Она предпочитала, чтоб к ней так и обращались — доктор Мейбл; она была низенькая, толстенькая, моложе доктора

Арно и славненькая, насколько может быть славной женщина, внешне похожая на диванную подушку. Только потом мы узнали, что она босс этой исследовательской группы и ее хорошо знают в научном мире. «Смешливая толстушка» — такова была ее роль, которую она играла, чтобы успокоить простых смертных, в данном случае меня с Патом. Полагаю, это доказывает, что не следует обращать внимания на красоту упаковки, а лучше повнимательнее вчитываться в то, что напечатано на ней петитом.

Так что она хихикала, доктор Арно демонстрировала серьезность, мы же никак не могли понять, читаем мы мысли друг друга или нет. Я слышал шепот Пата — нам сказали, что мы можем шептаться хоть до посинения,— а он слышал мой, но иногда эти звуки как бы «бледнели». Я был уверен, что у нас ничего не получается — я имею в виду телепатию, так как все шло как обычно, совсем как в школе, когда мы с Патом обменивались подсказками на уроках, и нас никто не мог на этом застукать.

Наконец доктор Мейбл хихикнула особенно застенчиво и сказала:

— Думаю, на сегодня хватит. Как вы полагаете, доктор?

Доктор Арно согласилась, а мы с Патом вскочили как ошпаренные и поглядели друг на друга. Я буркнул:

— Кажется, то, что было вчера, оказалось случайностью. Думается, вы в нас разочаровались.

Доктор Мейбл подскочила, как кошечка, увидевшая нечто непонятное. Доктор же Арно ответила совершенно спокойно:

— Не знаю, чего ожидал ты, Том, но в последний час вы с братом были намертво звукоизолированы друг от друга, пока проходили тесты.

— Но я же *слышал* его!

— Конечно, слышал. Но не ушами. Мы вели запись по обе стороны звукового экрана. Если хотите, мы проиграем вам часть этой записи.

Доктор Мейбл хихикнула:

— Отличная идея.

Словом, так они и сделали. В начале записи были слышны все четыре голоса — это они объясняли, чего хотят от нас. Потом пошло

только наше перешептывание — мы читали друг другу отрывки диалогов из «Комедии ошибок». Должно быть, на нас были нацелены параболические микрофоны, так как наш шепот звучал не хуже завываний штормового ветра.

Постепенно шепот Пата затих, а мой продолжал звучать, отвечая мертвой тишине.

Мы подписали исследовательский контракт с Фондом, и па скрепил его своей подписью... правда, после довольно долгого спора. Он считал чтение мыслей делом нестоящим, чего мы не стали оспаривать, ибо главным доводом в нашу пользу было то, что денег в семье как всегда не хватало, а эта работа оплачивалась куда лучше любой каникулярной работы, которую мы могли получить; за нее платили так здорово, что мы могли надеяться поступить в колледж, даже если не сразу получим там стипендию.

Еще до того как каникулы подошли к концу, нас поставили в известность о связи между «Генетическими исследованиями» и проектом «Lebensraum», а последний был птицей уже совсем иного полета, причем, с точки зрения родителей, птичкой весьма зловещей.

Задолго до этого мы с Патом научились передавать и читать мысли так же легко, как разговаривать, и так же безошибочно, причем без всякой помощи со стороны и на любые расстояния. Надо думать, мы с ним этим делом занимались фактически уже многие годы; доктор Арно тайком записала наш «тюремный диалог» (когда мы не общались телепатически, а просто вели обычную беседу, которую хотели сохранить в тайне) и доказала, что ни один из нас не мог дешифровать записанный шепот в тех случаях, когда он понижался до уровня, недоступного слуху посторонних.

Она сказала, что теоретически можно предположить, будто телепатическим потенциалом обладают все люди, но достоверно доказано, что проявление этой способности очень затруднено и оно возможно практически лишь у однояйцевых близнецов, да и то только у десяти процентов.

— Мы не знаем, почему так, но думаем, что тут есть какая-то аналогия с настройкой на радиосигналы определенной частоты.

— Мозговые волны? — спросил я.

— Не следует понимать аналогию так буквально. Это не те мозговые излучения, которые регистрируются на энцефалограммах,

иначе мы уже давно торговали бы коммерческим телепатическим оборудованием. И человеческий мозг — не радиоприемник. Но, что бы это ни было, два человека, вышедшие из одного яйца, имеют несравнимо более высокие шансы «настроиться» друг на друга, нежели двое посторонних. Я не могу читать ваши мысли, а вы не можете читать мои, и, возможно, такая взаимосвязь между нами никогда не будет достигнута. В истории психологии насчитывается лишь несколько случаев, когда люди могли «настраиваться» на кого угодно. Да и то они довольно плохо документированы.

Пат ухмыльнулся и подмигнул доктору Мейбл.

— Значит, мы просто парочка выродков?

Она широко-широко раскрыла глаза и уже начала было отвечать, но доктор Арно опередила ее.

— Вовсе нет, Пат. Это ваше нормальное качество. Однако в нашем Проекте участвуют несколько пар, которые не являются однояйцевыми близнецами. Некоторые из них — жены и мужья, другие — близкие родственники, а есть пары, образованные в ходе проведения наших исследований. Вот их с большим правом можно назвать «уродцами». Если нам удастся выяснить, как *они* делают это, тогда, может быть, мы найдем путь сделать подобное общение доступным для всех.

Доктора Мейбл передернуло.

— Какая жуткая мысль! И без того в наши дни почти не существует частной жизни!

Я потом повторил этот разговор Моди (а Пат все время перебивал и поправлял меня), так как средства массовой информации разнюхали, что происходит в «Генетических исследованиях», и, конечно, о нас — «мыслечитчиках» — стали распространять уйму разных глупостей, так что Моди, подталкиваемая дурехой Геддой Стейли, стала задумываться, а не лишилась ли она права думать, не опасаясь быть подслушанной. Разумеется, не лишилась; я не мог бы проникнуть в ее мысли, даже если бы получил приказ произвести в них обыск; Пат — тоже. Моди поверила бы нашему честному слову, если бы Гедда не зациклилась на этом деле. Она чуть было не погубила нашу дружбу с Моди, но нам все же удалось выкинуть ее из нашего тесного кружка, и тогда наступило время прогулок втроем, которое продолжалось до тех пор, пока Пат не уехал от нас.

Все это, однако, случилось еще до конца лета, то есть до того, как нам объяснили смысл проекта «Lebensraum».

Примерно за неделю до истечения наших контрактов, нас — близнецов — собрали вместе, чтобы потолковать. Если в тот, самый первый день, нас, как вы помните, были сотни, на второй — десятки, то к концу лета осталось лишь столько, сколько могла вместить одна приличная аудитория. Рыжие сестрички тоже были среди оставшихся, но Пат и я не стали садиться рядом с ними, хотя там и оставались свободные места; девчонки все еще демонстрировали свое ледяное презрение и были закрыты для общения не хуже устриц. Все прочие уже давно перезнакомились между собой.

Некий мистер Говард был представлен нам в качестве доверенного лица Фонда. Он принялся расшаркиваться в широко распространенном среди ораторов стиле насчет того, как он рад встрече с нами, как он этим польщен и все такое прочее.

Пат сказал мне: *«Держись за бумажник, Том, этот парень хочет нам что-то всучить»*.

Теперь, когда нам было известно, что за штука телепатия, мы с Патом разговаривали друг с другом в присутствии посторонних даже чаще, чем раньше. Только сейчас мы уже не утруждали себя перешептыванием, поскольку знали, что своего шепота все равно не слышим. Тем не менее мы все же «приглушали» свои мысленные слова, так как это помогало нам лучше понимать друг друга. В начале лета мы сделали попытку общаться друг с другом без мысленно произнесенных слов и, так сказать, читать (мысли) напрямую, но из этого ничего не вышло. О, я мог легко проникнуть в мозг Пата, но тупой неразборчивый гул, который возникал у него в голове вместо моих мыслей, сбивал его с толку и раздражал; все будто лишалось смысла, вроде бы он ненароком попадал в чей-то сон. Так что нам пришлось научиться «не слушать», пока он не окликал меня по имени или же я его. Когда мы «вызывали» друг друга, мы пользовались в уме словами и фразами, как все люди. Ничего похожего на широко распространенные фантастические бредни насчет того, как мгновенно схватывается содержание мыслей другого лица, не было: мы просто «говорили».

Единственно, что меня тревожило, так это то, почему телепатический «голос» Пата звучал, как его собственный. Мне это не очень мешало, пока я не знал, что мы делаем, но с тех пор, как узнал, что эти «звуки» вовсе не являются звуками, мне стало как-то не по себе. Я начал задумываться, нормален ли я, и в результате на целую неделю лишился возможности «слышать» — «психосоматическая телепатическая глухота», как назвала это доктор Арно.

Она излечила меня, объяснив, что такое слух. Ты слышишь не ушами, ты слышишь мозгом, ты видишь не глазами, а опять же мозгом. Когда ты что-то осязаешь, то ощущение не застревает у тебя в пальце, оно передается в мозг. Уши, глаза, пальцы — все это лишь сборщики информации; мозг же вносит порядок в хаос данных и придает ему смысл.

— Новорожденный ребенок в действительности не видит,— сказала она,— посмотри ему в глаза, и ты сразу поймешь, что он слеп. Его глаза действуют, но мозг еще не научился видеть. Когда же мозг обретет привычку абстрагировать, то есть «видеть» и «слышать» — эта привычка сохраняется на всю жизнь. Как ты можешь «услышать» то, что твой близнец передает тебе телепатически? В виде звона колокольчиков или в виде мелькания световых пятен? Ни в коем случае. Ты ожидаешь слов, и твой мозг «слышит» их; к этому процессу он привык и знает, как с ним обращаться.

Только тогда я перестал волноваться. Голос Пата я слышал четче, чем голос обращавшегося к нам оратора. Без сомнения, вокруг нас «шелестело» не менее пятидесяти других разговоров, но я не слышал никого, кроме Пата, и было очевидно, что оратор не слышит никого, кроме себя (и вообще имеет самые смутные представления о телепатии), так как он спокойно продолжал:

— Возможно, многие из вас, обладающих такими удивительными способностями (это он произнес с вымученной улыбкой), сейчас читают мои мысли. Надеюсь, что это не так, а если так, то будьте добры, не перебивайте меня, пока я не изложу все, что должен.

«Что я тебе говорил,— вмешался Пат,— *не вздумай ничего подписывать, пока я не просмотрю текст».*

«Заткнись — ответил я,— *я не хочу слушать».*

Обычно голос Пата звучал как шепот, но теперь в нем тонули реальные звуки.

Мистер Говард продолжал:

— Может быть, вы недоумеваете, почему это Фонд Поощрения Перспективных Исследований финансирует наш Проект? Фонд всегда поддерживал начинания, которые способствуют накоплению знаний. Однако в данном случае существует более важная причина... несравненно более важная... благородная цель, для достижения которой жизненно необходимы именно вы.

«Видишь? Не забудь пересчитать сдачу!»

«Тихо, Пат!»

— Разрешите мне процитировать,— продолжал мистер Говард,— небольшой отрывок из устава Фонда Поощрения Перспективных Исследований: «Забота о благоденствии потомков».— Он закатил трагическую паузу. Уверен, что он планировал ее заранее.— Леди и джентльмены, что наиболее важно для наших потомков?

«Иметь предков!» — тут же отозвался Пат.

На секунду мне показалось, что он воспользовался своими голосовыми связками. Однако никто ничего не заметил.

— На это может быть только один ответ: жизненное пространство. Пространство, чтобы расти, пространство, чтобы создавать семью, чтобы вспахивать безбрежные поля, выращивать на них золотое зерно, чтобы хватило места для парков, для школ, для домов. Сейчас на нашей планете живет более пяти миллиардов человек; еще сто лет назад, когда численность населения была вдвое меньше, чем сейчас, Земля была уже перенаселена так, что голод стал неизбежной реальностью. И все же сегодня в полдень нас было на четверть миллиона душ больше, чем в этот же час вчера; наш ежегодный прирост составляет больше девяноста миллионов! Только феноменальные усилия по возобновлению и охране ресурсов плюс контроль над рождаемостью, который ежедневно ужесточается, позволяют нам сдерживать наступление голода. Мы создали в сердце Сахары море, мы растопили ледяную шапку Гренландии, мы обводнили засушливые степи, и тем не менее год от года растет потребность в пространстве для непрерывно увеличивающегося населения.

Я не слишком уважаю речи. Да и вообще все, что он говорил, было общеизвестно. Черт! Да мы с Патом ощутили нынешнюю

ситуацию, так сказать, на собственной шкуре; мы ведь были теми самыми котятами, которых по закону следовало утопить; наш старик ежегодно платил налог, благодаря которому мы имели право жить дальше.

— Прошло уже столетие с тех пор, как начались межпланетные полеты. Человечество распространилось по всей Солнечной системе. Можно было бы предположить, что девяти планет хватит для расы, которая слишком плодовита, чтоб жить только на одной. Но вам всем известно, что дело обстоит иначе. Из всех детей Папаши Солнца только прекрасная Земля по-настоящему пригодна для жизни людей.

«Спорю, он пишет рекламные проспекты».

«И плохие»,— согласился я.

— Мы колонизировали их, но с колоссальными затратами. Даже упрямые голландцы, ведя свою борьбу с морем, не встречались с такой суровой и почти безнадежной задачей, с какой встретились колонисты Марса, Венеры и Ганимеда. Человеческому роду нужны не эти безводные, раскаленные или безвоздушные обломки творения; он обязательно обретет то, чего он жаждет. Нам нужны другие планеты, такие же удобные для жизни, как та, на которой мы стоим сейчас. И они есть, их множество! — Он воздел руки к потолку и возвел очи.— Есть десятки, сотни, тысячи таких... вон там! Леди и джентльмены, время для звезд пришло!

«А вот и бросок,— спокойно сказал Пат.— *Да еще крученый. Этот мяч идет прямо в сетку».*

«Пат, какого черта он добивается?»

«Он агент по продаже недвижимости».

Пат не так уж сильно ошибся. А потому я не стану цитировать остальную часть речи мистера Говарда. Когда мы с ним познакомились поближе, он оказался совсем неплохим парнем, но его завораживали звуки собственного голоса, так что лучше я сам кратко изложу содержание его речи. Он напомнил нам, что ракетный космический корабль «Авангард» был шесть лет назад послан к Проксиме Центавра. Мы с Патом знали об этом не только из «Новостей», так как мамин брат — дядя Стив — собирался на нем лететь. Ему отказали, но некоторое время мы наслаждались почетом, который оказывали нам по причине нашей кровной близости с

человеком, внесенным в списки кандидатов на полет: подозреваю, что мы раззвонили по всей школе, будто дядя Стив будет обязательно включен в команду.

С тех пор никто не слышал об «Авангарде», он ожидался обратно лет через пятнадцать-двадцать, а может быть, и никогда. Причина, по которой о корабле не было известий, как указал мистер Говард и как всем было известно, заключалась в том, что радиограммы с кораблей, находящихся в нескольких световых годах от Земли и летящих со скоростью, близкой к скорости света, просто не посылаются. Даже если предположить, что корабль имеет силовую установку, достаточно мощную, чтобы послать радиосигналы на расстояние, измеряемое световыми годами (что, может быть, и не является невозможным в космическом смысле, но уж точно недостижимо с точки зрения современной инженерной науки), то и тогда: какой смысл посылать сообщение, которое идет лишь чуть быстрее самого корабля, пославшего его? «Авангард» прибудет домой почти одновременно со своим сообщением, переданным по радио.

Какой-то недоумок из нас спросил насчет «почтовых» ракет. Мистера Говарда такой вопрос огорчил, он стал отвечать на него, но я не слушал. Если радио оказывается недостаточно быстрым средством доставки, то что уж тут говорить о почтовых ракетах? Уверен, доктор Эйнштейн наверняка перевернулся в своем гробу, услышав такой вопрос.

Мистер Говард поторопился перейти к новой теме, чтобы его не перебивали подобной чушью. Фонд Поощрения Перспективных Исследований планирует послать еще около дюжины космических кораблей в разных направлениях для обследования солнечных систем, в поисках планет, похожих на Землю и пригодных для колонизации. Корабли будут отправлены в космос на долгие сроки, так как каждый из них должен обследовать не одну солнечную систему.

— И именно здесь, леди и джентльмены, ваша роль становится решающей для нашего, потрясающего воображение проекта поиска жизненного пространства, так как именно вы будете тем средством, с помощью которого капитаны космических кораблей смогут сообщать на Землю о своих открытиях.

Тут даже Пат примолк.

Вдруг кто-то встал в задних рядах аудитории. Это оказался представитель одной из самых взрослых среди нас пар близнецов. Братьям было лет по тридцать пять.

— Извините меня, мистер Говард, но не могу ли я задать вам вопрос?

— Разумеется.

— Меня зовут Грегори Грейм, а мой брат Грант Грейм. Мы оба физики. Конечно, мы не можем считаться специалистами по космической проблематике, но кое-что из области теории связи нам известно. Даже если принять, ради экономии времени, постулат, что телепатия сработает в межзвездных пространствах,— а я в это не верю, но доказать свою правоту не могу,— то, даже приняв указанный постулат, я не вижу, чем это нам поможет. Телепатия, свет, радиоволны, даже тяготение не могут иметь скорость распространения больше скорости света. Такова природа вещей в нашей Вселенной, таков неизбежный предел скорости действия всех видов связи. Всякий другой взгляд означал бы, что мы уткнемся в известное с древности философское противоречие между действием и расстоянием. Возможно, нам удастся использовать телепатию для передачи наших открытий. А затем отправить корабль на поиски новых... но, чтобы наше послание достигло Земли, все равно потребуются световые годы. Двусторонняя связь между кораблем и Землей даже с помощью телепатии абсолютно невозможна, она противоречит всем известным физическим законам.

Грейм, казалось, был смущен, что приходится сообщать такие банальные истины. И тихо сел на свое место.

Мне показалось, что он положил мистера Говарда на обе лопатки. Пат и я имели отличные оценки по физике, и то, что сказал Грейм, было непреложной истиной, полученной, так сказать, из рук самого Всевышнего. Однако мистера Говарда это даже не шелохнуло.

— Я прошу ответить нашего эксперта. Доктор Лихтенштейн! Будьте добры...

Доктор Мейбл встала, зарделась, хихикнула и, волнуясь, сказала:

— Мне ужасно жаль, доктор Грейм, правда, ужасно жаль, но телепатия — это нечто совсем иное.— Она снова хихикнула.— Не

мне, конечно, говорить об этом, поскольку вы — телепат, а я нет, но телепатия абсолютно не имеет никакого отношения к скорости света.

— Но она *должна* его иметь! Законы физики...

— О Боже! Разве мы хоть как-то дали вам понять, что телепатия — физическое явление? — Она крепко сжала свои маленькие ручки.— Вернее всего, она таковым не является.

— Все окружающее — физические явления. Я включаю сюда и физиологию, разумеется.

— В самом деле? Вы действительно так думаете? О, мне бы вашу уверенность! Но физика для меня всегда была ужас как трудна. Однако я не понимаю, почему вы так твердо убеждены, что телепатия — явление физическое? При всем желании нам не удалось ее зарегистрировать каким-либо прибором. Боже мой, мы даже не знаем, какова природа связи между материей и сознанием... Материально ли сознание? Я, по правде говоря, не знаю. Но зато нам точно известно, что телепатия действует быстрее света, так как это мы измерили.

Пат рывком выпрямился.

«Теперь держись, парень! Мы, пожалуй, останемся на второй сеанс».

Грейм был ошеломлен. Доктор Мейбл торопливо поправилась:

— Нет, нет. Не я, конечно! Это сделал доктор Эбернетти.

— *Горацио* Эбернетти?! — удивился Грейм.

— Да. Его зовут именно так, хотя я, конечно, никогда не осмеливалась называть его по имени. Он жутко знаменит.

— Всего лишь Нобелевский лауреат,— мрачно отозвался Грейм,— по теории поля. Но продолжайте. Что же он открыл?

— Видите ли, мы отправили одного из близнецов на Ганимед. Это ужасно далеко. Потом мы воспользовались одновременно радиотелефоном и телепатией; близнец, находившийся на Ганимеде, одновременно говорил по радио и был в прямой связи — я хочу сказать, в телепатической связи — со своим братом в Буэнос-Айресе. Известие, посланное телепатически, постоянно опережало радиограмму почти на сорок минут. Ну, что-то в этом роде. Точные расчеты вы можете, если хотите, получить у меня в кабинете.

Грейм с трудом захлопнул рот.

— Когда это было сделано? Почему результаты до сих пор не опубликованы? Кто велел это засекретить? Ведь это, вероятно, самое важное открытие со времен опыта Майкельсона-Морли... Какой позор!

Доктор Мейбл очень расстроилась, и мистер Говард поспешил на помощь, чтобы снизить накал страстей.

— Никто не намерен скрывать научные открытия, мистер Грейм. И доктор Эбернетти как раз сейчас готовит статью для публикации в «Физикал ревью». Однако должен признать, что Фонд действительно обратился к нему с просьбой не печатать предварительных сообщений, чтобы дать нам время ускорить работы по другому проекту — известному вам как «Генетические исследования», обеспечив ему приоритет по всем параметрам. Мы считаем, что имеем моральное право на то, чтобы сначала разыскать, а потом заключить контракты с потенциальными телепатическими партнерами, раньше других психологических лабораторий и, разумеется, раньше любых амбициозных дельцов, которые захотели бы нас опередить. Доктор Эбернетти согласился. Он не любит предварительных публикаций.

— Если вам от этого полегчает, мистер Грейм,— робко сказала доктор Мейбл,— то телепатия не зависит и от всемирного закона кратности квадратам расстояния. Сила сигнала остается одинаковой и на расстоянии миллиарда миль, и тогда, когда пара телепатов находится в соседних комнатах.

Грейм тяжело опустился на стул.

— Не знаю, так это или не так. Мне приходится пересматривать все, во что я незыблемо верил.

Антракт, возникший по вине братьев Грейм, кое-что прояснил, но в то же время увел нас в сторону от главной цели собрания, которая для мистера Говарда заключалась в том, чтобы внушить нам идею о необходимости подписать контракты, превращающие нас в космонавтов. Мне-то ее и продавать было незачем. Подозреваю, что каждый мальчишка жаждал попасть в космос. Когда-то мы с Патом удрали из дому, чтобы записаться в Космическую морскую пехоту... а ведь сегодня нам предлагали нечто большее, чем полеты между Землей, Марсом и Венерой; нам предлагали исследовать звездные системы.

Звезды!

— Мы говорим вам об этом до того, как истекли сроки ваших контрактов по участию в исследованиях,— объяснил мистер Говард,— чтобы у вас было время на обдумывание, а у нас — время, чтобы объяснить вам условия и выгоды, которые из них проистекают.

А мне было плевать, какие такие у них там выгоды. Если б меня позвали только затем, чтоб прицепить к заднице санки, я б все равно сказал *да*, не думая ни о пламени, бьющем из дюз, ни о космических скафандрах, ни о чем вообще.

— Об обоих членах каждой телепатической пары позаботятся одинаково,— заверил нас мистер Говард.— Тот, который полетит к звездам, получит высокое жалованье и отличные условия работы в самых современных космических кораблях, в компании с экипажами, подобранными с учетом психологической совместимости, а также высокой профессиональной пригодности; тот, кто останется на Земле, обретет обеспеченное будущее как с финансовой точки зрения, так и с точки зрения заботы о здоровье.— Он улыбнулся.— В первую очередь именно здоровья, ибо необходимо, чтоб жил он долго и был здоров настолько, насколько это может быть обеспечено последними достижениями науки. Не будет преувеличением сказать, что подписание контракта добавит ему по меньшей мере тридцать лет жизни.

Тут-то я понял, почему большинство близнецов, проходивших тестирование, были так молоды. Тот близнец, который отправлялся к звездам, не рисковал сильно состариться, учитывая, что полет будет совершаться на околосветовых скоростях. Даже если полет продлится целое столетие, для него лично пройдет гораздо меньше времени, так что братишка, оставшийся на Земле, здорово обгонит его по возрасту. Вот почему с ним станут носиться как с членом королевской семьи — надо же продлить ему жизнь, чтобы «радиоприемник» не сломался преждевременно.

Пат воскликнул:

«Эй, Млечный Путь, держись — я иду!»

А мистер Говард продолжал:

— Мы хотим, чтобы вы все продумали очень тщательно; это ведь будет, без преувеличения, самое важное решение за всю вашу

жизнь. На плечах горсточки собравшихся здесь и подобных вам, но пока живущих в других городах нашего шарика, то есть всего лишь ничтожно малой доли одного процента человечества, на плечах этой бесценной частички человеческого рода покоятся все его надежды. Поэтому думайте, не упуская из виду ничего, и дайте нам возможность разъяснить вам все, что, вероятно, тревожит вас. Не спешите.

Рыженькие сестрички встали и пошли по проходу, задрав носики вверх. Им не нужны были слова, чтобы дать понять всем, что они не желают иметь ничего общего с таким неподходящим для настоящих леди грубым и неприличным делом, как исследования космоса. В молчании, которым сопровождался их торжественный исход, Пат громко сказал мне:

«Вот шагают матери будущих пионеров. Вот он дух, благодаря которому была открыта Америка».

И когда они проходили мимо, он разразился градом презрительных насмешек, а я вдруг понял, что он вовсе не пользуется телепатией, ибо близняшки сначала окаменели, а потом опрометью кинулись к дверям. Раздались смущенные смешки, а мистер Говард поспешил взять дело в свои руки, будто ничего не произошло, я же телепатически отчитывал Пата.

Мистер Говард попросил нас явиться завтра в обычное время, пообещав, что представители Фонда разъяснят нам любые детали, связанные с контрактом. Он посоветовал нам привести с собой адвоката, тех же, кто еще не достиг совершеннолетия (а таких было больше половины) — родителей или адвокатов последних.

Пат прямо пенился, когда мы уходили; зато я почти растерял былой энтузиазм. Еще во время речи мистера Говарда перед моими глазами вспыхнул ослепительный свет: один из нас должен остаться на Земле; и я понял с той же уверенностью, с какой мог спорить, что бутерброд всегда падает маслом вниз, кто именно из нас двоих окажется этим оставшимся. Вероятное увеличение жизни на тридцать лет не соблазняло меня. Зачем мне эти лишние тридцать лет, если я проведу их завернутым в кокон из ваты? Для того, кто останется на Земле, не будет космических полетов даже в пределах Солнечной системы... а я ведь еще даже на Луне не побывал.

Я попытался подорвать энтузиазм Пата, сказав ему без всяких экивоков, что на этот раз черта с два соглашусь без серьезной драки на худший кусок пирога.

— Слушай, Пат. Мы будем тащить соломинки или кинем монету.

— Чего? О чем ты там бормочешь?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю.

Он отмахнулся от меня как от мухи и ухмыльнулся.

— Больно рано ты начал кипятиться, Том. Пары будут формироваться по желанию Фонда. Тут не нам решать.

Я знал, что он уже решил лететь во что бы то ни стало, и знал, что я обречен на поражение.

ГЛАВА IV

Всегда ли полбуханки лучше, чем ни одной?

Наши родители подняли заранее предвиденный нами шухер. Любое семейное сборище у Барлеттов и без того на слух воспринимается как время кормежки в зоопарке, но в данном случае орово достигло небывалого накала. В дополнение к Пату, мне, Фейт, Хоуп, Чарити и нашим предкам сегодня тут присутствовали еще новенький, с иголочки, муж Фейт — Фрэнк Дюбуа и почти такой же свежеиспеченный жених Хоуп — Лотар Сембрич. Их обоих, в общем, можно не считать, они всегда казались мне примером того, как низко готова пасть девушка, если она очень хочет выйти замуж, но места они занимали много и время от времени подавали реплики, способные еще больше запутать дело. Разумеется, присутствовал брат мамы — дядя Стив, который появился на Земле, чтобы провести здесь свой очередной отпуск.

Именно присутствие дяди Стива и побудило Пата вынести вопрос на открытое обсуждение, вместо того чтобы обрабатывать па и ма поодиночке. Наши предки считали, что дядя Стив оказывает на нас разлагающее влияние, но безумно им гордились; каждый из его редких визитов на Землю воспринимался как настоя-

щий праздник. Мистер Говард дал нам образец контракта, чтобы мы взяли его домой и внимательно с ним ознакомились. После ужина Пат сказал:

— Между прочим, па, Фонд предложил нам сегодня новый контракт, на этот раз долгосрочный.

Он вынул из кармана контракт, но не отдал его па.

— Но я полагаю, вы им сказали, что у вас скоро начнутся занятия в школе?

— Разумеется, сказали. Но они настояли, чтобы мы отнесли контракт домой и обсудили его с родителями. О'кей, мы же заранее знали, что вы ответите.

Пат начал засовывать контракт обратно в карман.

Я сказал Пату по-тихому:

«Что за дурацкая мысль? Ты заставил его сказать "нет", и теперь он вынужден будет стоять на своем».

«Пока он еще ничего не сказал,— ответил мысленно Пат,— *не смей толкать меня под локоть!»*

Па уже тянул руку к контракту.

— Дай-ка мне поглядеть на него. Нельзя же принимать решение, досконально не зная всех фактов.

Однако Пат не торопился расставаться с документом.

— Ну, там есть специальная статья насчет стипендий,— сознался он,— и, согласно ей, мы с Томом не сможем больше ходить в одну школу, как это было раньше.

— Что ж! Может, это и не так плохо. Вы с Томом слишком зависите друг от друга. Когда-нибудь наступит время, и вам придется бороться с этим холодным и жестоким миром в одиночку... так что, если вы будете ходить в разные школы, это может оказаться не таким уж плохим началом подготовки к самостоятельной жизни.

Пат протянул ему контракт, раскрытый на второй странице.

— Это в десятом параграфе.

Па прочел сначала десятый параграф, чего и добивался Пат, и брови у него полезли вверх. В десятом параграфе сообщалось, что первая сторона, именуемая в дальнейшем ФППИ, будет содержать вторую сторону в любой школе по выбору последней, выплачивая все издержки во время продолжения действия контракта или более короткое время, по усмотрению второй стороны, и

обязуется сделать то же самое для третьей стороны после завершения активного периода, предусмотренного контрактом, плюс гарантирует обучение с помощью репетиторов во время активной фазы; смысл всех этих витиеватых словес сводился к тому, что Фонд сейчас и до конца будет платить за обучение того из близнецов, кто останется дома, а за того, который улетит к звездам, заплатит после возвращения... и все это в дополнение к нашему жалованию — смотри параграф седьмой. Па отыскал параграф седьмой, и его брови забрались еще выше, а трубка выпала изо рта. Он взглянул на Пата.

— Верно ли я понял, что они намерены нанять вас на должность техников-связистов десятого разряда, несмотря на отсутствие у вас опыта работы?

Дядя Стив так и плюхнулся на стул, чуть не сломав его.

— Брюс, ты, кажется, назвал десятый разряд?

— Тут так написано.

— С оплатой по ставкам ФППИ?

— Да. Я не знаю, сколько это будет, но, как мне известно, они нанимают обученный персонал только начиная с третьего разряда.

Дядя Стив присвистнул.

— Мне даже неохота говорить тебе, что это за деньжищи, Брюс. Но главнокомандующий всеми электронщиками Плутона имеет десятый разряд... и ему потребовалось двадцать лет службы и докторская степень, чтобы занять этот пост.— Дядя Стив поглядел на нас.— А ну, выкладывайте, приятели, где тут зарыта собака? Что это — взятка? — Пат ничего не ответил. Дядя Стив повернулся к па и буркнул: — Все, что набрано петитом, можешь не читать; пусть ребята немедленно подписывают контракт. Каждый из них станет получать больше, чем мы с тобой вместе взятые. С Санта-Клаусом, знаешь ли, спорить не приходится.

Но па уже вчитывался в петит от параграфа «один А» до разделов, касающихся штрафов за нарушение контракта. Все было изложено хитроумным юридическим языком и сводилось к тому, что мы включаемся в состав команды космического ракетного корабля ФППИ на один полет, хотя одному из нас придется выполнять обязанности на Земле. Там было еще много чего предусмотрено, чтобы оставшийся на Земле не смог как-нибудь укло-

ниться от своих обязательств, но, в общем, все сводилось к вышесказанному.

В контракте не указывалось, ни куда полетит корабль, ни сколько времени займет само путешествие.

Наконец па отложил контракт, и его тут же схватила Чарити. Па отобрал его назад и передал мамочке. Потом он сказал:

— Мальчики, этот контракт выглядит так роскошно, что где-то в нем обязательно должна быть закавыка. Завтра утром я постараюсь изловить судью Холланда и попрошу его вместе со мной пройтись по всему документу. Но если я понял верно, то вам предлагают все эти блага плюс чудовищно высокое жалованье с условием, что один из вас полетит на «Льюисе и Кларке».

Дядя Стив насторожил уши.

— «Льюис и Кларк», Брюс?

— «Льюис и Кларк» или какой-нибудь другой корабль того же класса, если понадобится. А что? Ты знаешь этот корабль, Стив?

У дяди Стива лицо стало невозмутимым, как у классного игрока в покер, и он ответил;

— Я на нем не бывал. Насколько я знаю, совсем новый корабль. И очень хорошо оборудованный.

— Рад это слышать.— Па поглядел на ма.— Что скажешь, Молли?

Мама ничего не ответила. Она читала контракт и с каждой новой строчкой все больше бледнела. Дядя Стив поймал мой взгляд и почти незаметно отрицательно покачал головой.

Я сказал Пату:

«Дядя Стив обнаружил закавыку».

«Он не станет вмешиваться».

Наконец ма подняла голову и тоненько сказала па:

— Я подозреваю, что ты уже готов согласиться?

Голос был какой-то больной. Контракт выпал у нее из рук, и Чарити снова схватила его как раз в ту минуту, когда Хоуп вцепилась в него с другой стороны. Кончилось это тем, что наш шурин Фрэнк Дюбуа отобрал у них документ и уткнулся в него, держа листы так, чтобы другие, глядя из-за плеча Фрэнка, могли читать текст.

— Успокойся, успокойся, милая,— мягко ответил па,— помни, что мальчики уже взрослые. Я был бы рад, если б вся наша семья могла всегда жить вместе. Но это невозможно. И тебе это известно не хуже, чем мне.

— Брюс, но ты обещал мне, что они не отправятся в космос.

Брат ма бросил на нее косой взгляд; его грудь была украшена ленточками орденов, полученных за космос. Но па продолжал все так же мягко:

— Не совсем так, дорогая. Я обещал, что не разрешу им до совершеннолетия записаться в ряды Вооруженных сил мира; я хотел, чтоб они получили образование, и я не мог допустить, чтоб ты за них волновалась. Но сейчас совсем другое дело... и если мы откажемся от него, то все равно скоро наступит день, когда они смогут вступить в армию, хотим мы того или не хотим.

Мама обернулась к дяде Стиву и с горечью сказала:

— Стивен, это ты вбил в их головы эту злосчастную мысль!

Казалось, он рассердился, но ответил так же мягко, как па:

— Успокойся, сестренка. Меня ведь тут не было. И ты мне это дело не шей. Кроме того, этим мальчишкам ничего не надо вбивать в голову, они сами генерируют идеи.

Фрэнк Дюбуа прочистил горло и громко вякнул:

— Поскольку это, по-видимому, семейное дело, то вам, без сомнения, интересно знать, что я думаю об этом.

Я сказал только для Пата:

«Никто не интересуется твоим мнением, мякинная голова!»

Пат ответил:

«Пусть болтает. Может, он и есть наше главное секретное оружие».

— Если вам угодно выслушать тщательно взвешенное мнение опытного бизнесмена, то этот так называемый контракт есть или чей-то дурацкий розыгрыш или предложение столь невероятное, что оно не заслуживает ни малейшего внимания. Я допускаю, что близнецы обладают каким-то извращенным талантом выродков, хотя я лично не видел ничего подтверждающего это. Однако сама идея платить им больше, чем получает зрелый мужчина,— это, знаете ли... совершенно недопустимый метод воспитания детей. Если бы они были моими сыновьями, я бы, естественно, ничего подобного не разрешил. Конечно, они не мои...

— Нет, не твои,— согласился па.

Фрэнк бросил на него острый взгляд.

— Это что, сарказм, папа Барлетт? Я ведь только пытаюсь помочь. Но, как я сказал вам еще вчера, если эти близнецы поступят в какую-нибудь хорошую школу бизнеса и будут трудиться как порядочные, я найду им место в хлебопекарном деле. И если они будут работать хорошо, то не вижу причин, почему бы им не достичь таких успехов, каких достиг я сам.— Фрэнк был младшим партнером своего отца в автоматической пекарне и вечно приставал к людям с рассказами о том, какую деньгу он зашибает.— А что касается этой идеи насчет космических полетов, то я всегда говорил, что если человек хочет, чтоб из него что-то получилось, то надо сидеть дома и вкалывать. Прошу извинить меня, Стив.

Дядя Стив сказал деревянным голосом:

— С радостью извинил бы... твое отсутствие.

— Э?

— Замнем для ясности. Ты оставь космос в покое, а я обещаю, что никогда не стану печь хлебы. Между прочим, у тебя мука на лацканах.

Фрэнк быстро глянул на свою грудь. Фейт смахнула что-то с его пиджака и сказала:

— Да это ж просто пудра.

— Конечно, пудра,— согласился Фрэнк, помогая ей отряхивать одежду.— Должен сказать тебе, Стив, что я, как правило, слишком занят, чтобы бывать на производственном этаже. Почти не вылезаю из офиса.

— Так я и думал.

Фрэнк вдруг вспомнил, что они с Фейт опаздывают на какое-то другое свидание и что им пора уходить, но па неожиданно задержал их.

— Фрэнк, а что это был за намек? Будто мои мальчики выродки?

— Что? Я никогда не говорил ничего подобного.

— Рад это слышать.

Они ушли в глубокой клейкой тишине, нарушаемой лишь гудением Пата, который в уме, но очень громко исполнял «Марш гладиаторов».

«Мы победили, малыш!»

Мне тоже так казалось, но Пат счел необходимым закрепить успех. Он взял контракт.

— Значит, все в порядке, па?

— М-м-м... Я хочу проконсультироваться с судьей Холландом, и, кроме того, я не имею права говорить за твою мать.— Это нас не очень пугало; ма не стала бы сопротивляться, если б отец согласился, особенно в том случае, если тут же присутствовал и дядя Стив.— Но вы вправе сказать, что дело не получило отрицательной оценки.— Он нахмурился.— Между прочим, там не указана продолжительность полета.

Дядя Стив пришел нам на помощь:

— Обычное дело для гражданских кораблей, Брюс. Ты записываешься на полет со своей родной планеты и обратно.

— Хм... без сомнения. Но разве они вам ничего не сказали, мальчики?

Я услышал, как застонал Пат.

«Вот и конец всему! Что мы ему ответим, Том?»

Па ждал, а дядя Стив пристально следил за нами. Наконец он сказал:

— Лучше давайте начистоту, ребята. И, возможно, мне следовало упомянуть в разговоре, что я сам пытаюсь получить койку на одном из этих кораблей — с временным увольнением из армии и все такое прочее. Так что мне это дело известно.

Пат что-то пробормотал неразборчиво. Па резко прикрикнул:

— Говори же, сынок!

— Они сказали, что полет продлится... вероятно, около столетия.

Ма упала в обморок; дядя Стив подхватил ее, а все присутствующие стали носиться вокруг с холодными компрессами, мешая друг другу; мы же сидели как в воду опущенные. Когда ма очнулась, дядя Стив сказал па:

— Брюс, я, пожалуй, заберу ребят на прогулку, поставлю им по стаканчику крепкой сарсапарели, чтобы они тут не путались под ногами. Все равно сегодня тебе с ними разговаривать не с руки.

С отсутствующим видом па согласился, что это недурная мысль. Я знаю, па любит нас всех, но, если бы потребовался выбор, никто из нас в сравнении с ма не значил бы ровно ничего.

Дядя Стив привел нас в заведение, где он мог получить нечто более соответствующее его вкусу, нежели сарсапарилла, и первым делом наложил вето на попытку Пата выклянчить пиво.

— Не выпендривайся, мальчуган. Уж не собираешься ли ты выставить меня человеком, спаивающим детишек родной сестры?

— Пиво никому не может повредить.

— Вот как? Я до сих пор разыскиваю парня, который когда-то сказал мне, что пиво — просто безалкогольный напиток. Собираюсь выбить у него мозги с помощью глиняной пивной кружки. Так что лучше помолчи.

В общем, мы получили свое прохладительное питье, а дядя Стив выбрал себе какое-то жуткое пойло, которое он называл «марсианским шенди»; мы принялись обсуждать проект «Lebensraum». Дядя Стив знал о нем куда больше нас, хотя вплоть до сегодняшнего дня никаких официальных сообщений о проекте в прессе не было; думаю, тот факт, что Стив был приписан к Начальнику Главного штаба, имел кое-какое значение, хотя он об этом и не заикался.

Пат волновался и все время приставал к дяде Стиву:

— Дядя Стив, а есть ли хоть какой-то шанс, что родители нас отпустят? Или нам с Томом лучше просто забыть обо всем?

— Что? Конечно, вас отпустят.

— Не может быть! Что-то сейчас на это совсем не похоже. Насколько я знаю па, он скорее снимет с нас шкуру и сделает из нее прикроватный коврик, чем позволит ма почувствовать себя несчастной.

— Без сомнения. Кстати, идея насчет коврика вовсе неплоха. Но поверьте мне, мальчики, все будет ладно... при условии, что вы воспользуетесь вескими аргументами.

— Это какими же?

— М-м-м... Мальчики, поскольку я служу при штабе, мне приходилось иметь дело со многими крупными шишками. Если ты прав, а генерал ошибается, то существует только один способ заставить его поступить по-твоему — заткнись и не спорь. Дай фактам самим говорить за себя, а генералу время, чтобы придумать достаточно убедительное объяснение причин своего перехода на другую позицию.— Похоже, Пата это не убедило. А дядя Стив

продолжал: — Поверьте мне, ваш родитель — человек здравомыслящий, а ваша мать, хоть и не такова, но скорее будет страдать сама, чем причинит боль кому-то, кого она любит. Этот контракт настолько важен для вас, что родители не смогут отказать вам: конечно, если вы дадите им время попривыкнуть к мысли о разлуке. Однако, если вы начнете ныть, клянчить и спорить, как вы делаете всегда, вы заставите их объединиться против вас.

— Как это? Я никогда не ною, я просто пользуюсь логикой...

— Умолкни. Я от тебя устал. Пат, ты всегда был самым противным отродьем, вечно ноющим, чтобы добиться своего... И ты, Том, ничуть не лучше. А с годами вы мало изменились; просто отточили свои технические приемы. Сейчас вам задаром предлагают то, за что я с радостью отдал бы свою правую руку. Мне следовало бы отойти в сторону и полюбоваться, как вы своими руками провалите дело. Но этого я не сделаю. Держите свои длинные языки за зубами, будьте тише воды, ниже травы, и вы добьетесь своего. Прибегнете к вашей обычной мерзкой тактике — и обязательно проиграете.

Таких слов мы ни от кого не потерпели бы. Если б это был кто-то другой, Пат просигналил бы мне и врезал противнику выше живота, а я — ниже. Но с человеком, который носит на груди ленточку «За Цереру», так не поступают; его слушают. Пат мне даже ни словечка не шепнул.

Вместо этого мы стали обсуждать сам проект «Lebensraum». Двенадцать космических кораблей должны были вылететь одновременно, приблизительно по расходящимся от Солнца радиусам, образующим как бы оси двенадцатигранника; однако радиусами их можно было назвать лишь условно, ибо миссия каждого корабля заключалась не в исследовании какого-то сектора космоса, а в том, чтобы посетить как можно больше звезд, относящихся к тому же типу, что и Солнце, сделав это за кратчайший промежуток времени. Дядя Стив объяснил, как для каждого корабля были вычислены минимаксные поисковые орбиты, но я этого не понял; чтобы понять, требовалось знание исчислений, которые мы еще не проходили. Впрочем, это не важно. Каждый корабль должен был затратить как можно меньше времени на прыжки от одной звездной системы до другой и как можно больше на исследование каждой из них.

Пат никак не мог оставить мысль о том, как бы это половчее заставить наших родителей решить дело в нашу пользу.

— Дядя Стив, даже положившись на ваше мнение о том, что нам не надо торопиться, не следует ли одновременно использовать аргумент, к которому они, может быть, прислушаются. Возможно, вы и сами могли бы выдвинуть его.

— Хм?

— Ну, насчет того, что полбуханки лучше, чем ничего. Вероятно, до них еще не дошло, что один из нас останется дома? — Я успел ухватить начало фразы, которую собирался сказать Пат, и это было вовсе не «один из нас останется дома», а «Том останется дома». Я хотел было заспорить, но потом решил спустить дело на тормозах. Фразу-то он ведь не произнес. А Пат продолжал: — Им известно, что мы рвемся в космос. Если они не разрешат нам сделать это сейчас, мы добьемся своего позже и другим способом. Если мы поступим в твой род войск, мы, конечно, сможем приезжать домой в отпуск, хотя и очень редко. Если же мы эмигрируем, то все равно что умрем для них; ведь очень немногим эмигрантам удается набрать денег на посещение Земли и уж во всяком случае не за тот срок, пока их родители еще живы. Поэтому, если нас оставят дома сейчас, то как только мы достигнем совершеннолетия, они, возможно, уже никогда больше нас не увидят. Если же разрешат лететь, то один из нас не только останется дома, но вся семья будет находиться в постоянном контакте с другим — ведь именно в этом контакте и заключена идея использования телепар.— Пат с тревогой посмотрел на дядю Стива.— Так не следует ли нам самим сказать им об этом? Или, может быть, ты сам подсунешь им нашу идейку?

Дядя Стив ответил не сразу, хоть я и не видел никакой логической неувязки в сказанном Патом. Два минус два — это ноль, а два минус один — это все же один.

Наконец дядя Стив медленно произнес:

— Пат, неужели ты не можешь вбить в свою глупую башку, что их надо оставить в покое?

— Не вижу, чем плоха моя логика.

— Да когда же эмоции побеждались логикой? Тебе следовало бы снова прочесть ту историю, где царь Соломон предложил разрубить

младенца надвое.— Дядя Стив отпил из своего стакана и вытер рот.— То, что я вам сейчас расскажу, строго секретно. Знаете ли вы, что Планетарная Лига рассматривает вопрос о переводе этих кораблей в разряд боевых?

— Как? Почему? Мистер Говард ничего такого не говорил...

— Говорите потише... Проект «Lebensraum» исключительно важен для Департамента Мира. Если разобраться, то главной причиной войн всегда были потребности населения в расширении пространства, хотя, конечно, влияли и другие факторы.

— Но мы же запретили войны.

— Верно. И именно поэтому парням, вроде меня, платят жалованье, чтоб они успевали затаптывать горящие кусты, прежде чем пожар охватит весь лес. Мальчики, если я расскажу вам обо всем остальном, вам придется хранить этот секрет не только сейчас, но, возможно, до конца вашей жизни.

Терпеть не могу секретов. Уж лучше брать деньги в долг. Секрет-то не вернешь туда, откуда ты его взял. И все же нам пришлось пообещать хранить его.

— О'кей. Я видел оценки, сделанные Департаментом Мира по этому проекту, заказанные самим ФППИ. Когда «Авангард» ушел в полет, ему давали лишь один шанс из девяти на возвращение. Теперь у нас оборудование куда лучше; мы обладаем лучшей техникой; благодаря этому шансы возросли до одного из шести для каждой посещенной планетной системы. Согласно разработанным индивидуальным траекториям, корабль посетит в среднем шесть звезд. Поэтому у него есть лишь один шанс из тридцати шести на благополучное возвращение из полета. Для двенадцати кораблей это значит, что есть лишь *один* шанс из трех на то, что хоть один корабль вернется обратно. Вот тут-то и выступаете на сцену вы — «выродки».

— Не смей называть нас выродками,— крикнули мы почти одновременно.

— Выродки,— повторил он.— И все мы благодарим Всевышнего за то, что вы — выродки — существуете, ибо без вас Проект был бы просто неосуществим. Корабли и их команды могут быть заменены: корабли — это просто деньги, а людей, вроде меня, у которых любопытство перевешивает здравый смысл, хоть пруд

пруди. И если кораблей можно не жалеть, то информация, которую они соберут, совершенно бесценна. Поэтому те, кто сидит наверху, и не ждут, что корабли вернутся домой, ибо нам *необходимы* эти планеты земного типа; в них нуждается все человечество. Вот для чего вы, парни, и нужны: передавать на Землю результаты поисков. И если это будет сделано, то совсем не имеет значения вопрос — вернутся корабли обратно или не вернутся.

— Меня ты не напугал,— отозвался я.

Пат отвел глаза.

— Я без всякой телепатии вполне определенно дал ему понять, что вопрос, кто именно полетит, между нами далеко еще не решен.

Дядя Стив пристально посмотрел на меня и сказал:

— А я и не ожидал другого, учитывая твой возраст; впрочем, я тоже не боюсь; я и так живу взаймы начиная чуть ли не с девятнадцати лет. И я настолько убедил себя в собственной удаче, что, если какой-нибудь из кораблей вернется на Землю, готов спорить — это будет мой корабль. Однако теперь, быть может, вы поймете, почему глупо доказывать вашей матери, будто половина пары близнецов лучше, чем ни одного? Эмоционально ваш довод никуда не годится. Идите-ка вы домой и снова перечитайте притчу о заблудшей овце. Если вы скажете матери, что один из вас будет вкушать безопасность дома, то это заставит ее сконцентрировать всю силу своих чувств на том, что другой ее сын в опасности и его дома *не будет*. Если ваш па попытается успокоить ее, он наверняка споткнется на фактах, о которых я говорил, ибо не все они секретны. И это в первую очередь относится к тем, на которых статистики основывают свои расчеты; просто сейчас реклама Проекта будет стараться всячески подчеркивать его выгоды и всячески замалчивать опасности.

— Дядя Стив,— возразил Пат,— я не понимаю, откуда такая уверенность, что большинство кораблей погибнет.

— Такой уверенности нет. Это лишь сравнительно оптимистические предположения, основанные на учете опыта, который накопила наша раса, исследуя неизведанные просторы. Видишь ли, Пат, можно оказаться правым и раз и другой раз подряд, но когда дело касается исследования совершенно неизвестных людям территорий, то первый же раз, когда ты ошибешься, окажется

и твоим последним разом. Потому что ты умрешь. Приходилось ли тебе когда-нибудь видеть данные, относящиеся к истории исследования нашей крохотной Солнечной системы? Исследовать — это все равно что играть в русскую рулетку; ты можешь выиграть раз и другой раз, но если будешь играть долго, игра тебя убьет, будь уверен. Поэтому на данной стадии не следует тревожить своих родителей. Мне-то все равно — я уверен, что человек имеет право умереть так, как ему хочется; и это единственное право, которое пока не додумались обложить налогом. И все же не следует привлекать внимание родных к тому факту, что одному из вас не суждено вернуться в родной дом.

ГЛАВА V

Вторая договаривающаяся сторона

Дядя Стив, как всегда, был прав, когда предсказал, что наши родители капитулируют — через три недели Пат уехал для прохождения тренировки.

До сих пор не пойму, как Пату удалось обойти меня, чтобы полететь в космос. Мы никогда не бросали жребий, никогда не вступали в драку из-за этой проблемы, и я никогда не давал своего согласия. Однако уехал именно Пат.

Не раз я пытался выяснить с ним это дело, но он каждый раз отбрыкивался, говоря, что я зря волнуюсь, что надо подождать и посмотреть, как пойдут дела. И вдруг обнаружилось, что все убеждены, что летит именно Пат, а я остаюсь дома. Может быть, мне следовало проявить больше характера в тот день, когда мы подписывали контракт, и Пат вдруг замешкался, дав мне подписать первым, благодаря чему в бумагах я стал числиться «второй договаривающейся стороной», то есть той, что остается дома, а не «третьей» — той, что летит. Мне, однако, тогда казалось, что вряд ли это повод для скандала, поскольку вторая и третья стороны объявлялись взаимозаменяемыми по согласованию всех трех сторон, выступающих в контракте. Пат сам указал мне на это обсто-

ятельство, как раз перед тем как мы поставили свои подписи; несравненно важнее было закончить формальности, пока наши родители не раздумали, и получить *их* подписи.

Планировал ли Пат уже тогда, как ему половчее облапошить меня? Если даже и так, то я ни разу не поймал его в тот момент, когда он формулировал бы свои мысли словесно. И другой вопрос — а не попробовал бы я сам поступить с ним так же, если мне пришло бы это в голову? Не знаю. Честно говорю, не имею понятия. Во всяком случае, я постепенно и сам стал приходить к убеждению, что дело решено; члены семьи принимали такое распределение обязанностей как нечто само собой разумеющееся, персонал ФППИ — тоже. Тогда я сказал Пату, что не считаю это дело решенным. В ответ он просто пожал плечами и напомнил, что уже получил распоряжение ФППИ на отправку; сам же он тут вовсе ни при чем. Может быть, я сумею убедить их изменить свое решение... если, конечно, мне наплевать, что своими действиями я рискую провалить все дело вообще.

Конечно, ничего подобного я не хотел. Я же не знал тогда, что ФППИ готов ползать на коленях и плакать горькими слезами, лишь бы не выпустить из рук любую пару молодых и здоровых телепатов. Мы были уверены, что у них от желающих отбоя нет. Думал, что если начну скандалить, то ФППИ просто разорвет контракт, ведь они имели право сделать это в любой момент до наступления «Дня Д», заплатив пустячную неустойку. Вместо этого я перехватил па наедине и поговорил с ним. Это уже само по себе яснее ясного показывает, что я дошел до точки; ни Пат, ни я никогда не бегали порознь к родителям, чтобы ябедничать друг на друга. Было жутко принудить себя к этому, я заикался, мемекал и лишь с огромным трудом наконец добился, чтобы па понял, почему я чувствую себя обманутым. Па, похоже, проникся и сказал:

— Том, я думал, что вы с братом сами решили это между собой.

— Но это же как раз то, что я тебе стараюсь внушить. Ни о чем мы не договаривались.

— И чего же ты хочешь от меня?

— Ну... я хочу, чтоб ты заставил его вести себя порядочно. Мы должны хоть спички тащить, что ли... или ты сам бросишь за нас жребий и присмотришь, чтоб все было по-честному. Можешь так сделать?

Па занялся своей трубкой, как он всегда делает, когда хочет потянуть время. Наконец он произнес:

— Том, я не вижу, как ты можешь выйти из этой ситуации, раз все уже задействовано. Чего ты ждешь, чтоб я расторг контракт? Это нелегко, но я наверняка сумею.

— Не надо тебе разрывать наш контракт! Я просто хочу иметь равные шансы. Если я проиграю, то тут же заткнусь. Если же выиграю, то ничего не изменится, кроме того, что полечу я, а дома останется Пат.

— М-м-м...— Па пускал из трубки клубы дыма и казался погруженным в размышления.— Том, ты хоть разок видел в последние дни свою мать?

Я, разумеется, видел ее, но почти не разговаривал. Она бродила по дому, как зомби, совершенно потерянная и убитая горем.

— А что такое?

— Я не могу обречь ее на новые страдания. Сейчас она переживает весь ужас потери твоего брата. Я не могу позволить, чтоб ее снова заставили перенести такое же горе, но теперь уже из-за тебя. Этого она не выдержит.

Я знал, что ма сейчас очень тяжело, но не понимал, что произойдет, если мы с Патом поменяемся ролями.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что ма предпочитает, чтоб все осталось так, как есть? Что она согласна, чтоб летел Пат, но не я?

— Нет, не хочу. Твоя мать любит вас обоих одинаково.

— Но тогда ей должно быть все равно?

— Нет, не все равно. Она уже частично смирилась с грозящей ей потерей одного сына. Если б вы сейчас поменялись ролями, ей пришлось бы пережить все заново, но уже из-за другого сына. Так с ней обращаться жестоко.— Он ударил трубкой по пепельнице — жест, означавший то же, что и удар молотка, извещающий о закрытии собрания.— Нет, сынок, боюсь, тебе придется придерживаться соглашения в том виде, как оно подписано.

Дело было безнадежное, и я заткнулся. Если па вытащил на свет божий вопрос о благополучии ма, то бороться было так же невозможно, как побить козырного туза.

Через четыре дня Пат улетел в Тренировочный центр. В эти дни я видел его редко, за исключением тех часов, которые мы

вместе проводили в Транслуна-Билдинг; он удирал каждый вечер на свиданку с Моди, а меня с собой не приглашал. Он объяснил, что это последние дни, которые он видит ее, тогда как у меня впереди вагон времени, а потому «не возникай, дружище!» И я не спорил; это было не только справедливо само по себе, но мне еще просто не хотелось присутствовать на их свиданиях в подобных обстоятельствах. Пат и я в эти дни отдалились друг от друга больше, чем когда-либо.

Однако это нисколько не отразилось на наших телепатических способностях, и каков бы ни был характер этой «настройки», она так легко давалась мозгам, что мы, во всяком случае, могли включать ее столь же просто, как заговаривать друг с другом, и выключать с той же легкостью. Нам не требовалось ни «концентрироваться», ни «освобождать мозг от посторонних мыслей» и не было нужды прибегать к приемам дешевой восточной мистики. Если мы хотели «говорить» между собой, мы говорили.

Когда Пат уехал, я почувствовал себя страшно одиноким. Конечно, мы были с ним на связи по четыре часа в день и могли связаться в любой момент, если бы мне захотелось с ним поболтать, но уж раз вы прожили всю жизнь, делая все в четыре руки, то трудно не выйти из строя, когда приходится действовать в одиночку. Новые привычки у меня еще не успели выработаться. Например, я уже готовился идти куда-то и вдруг остановился как вкопанный у дверей, стараясь вспомнить, что я забыл. Оказывалось — Пата. Ужасно плохо идти куда-то одному, если вы всегда бывали там вдвоем. Кроме того, ма стала вдруг какой-то искусственно оживленной, навязчиво заботливой, а потому совершенно невыносимой. К тому же я начал плохо спать по ночам. Дело в том, что швейцарский Тренировочный центр работал по их местному времени, а потому и я, и все прочие близнецы, жившие кто где, но не в Швейцарии, должны были отрабатывать тренировочные сеансы тоже по швейцарскому времени. Каждую ночь уже в два часа Пат начинал свистеть мне прямо в ухо, после чего приходилось работать до восхода, а отсыпаться днем урывками.

Это было страшно неудобно, но необходимо; к тому же платили мне хорошо. Впервые в жизни у меня была такая уйма денег. То же самое случилось и со всей семьей, так как, несмотря на

протесты па, я начал щедро платить за свое содержание. Я даже купил себе часы (Пат забрал наши с собой), невзирая на их высокую цену, и мы стали поговаривать о переезде в большую квартиру.

Однако ФППИ занимал все больше и больше места в моей жизни, и я начал понимать, что контракт требует от меня отнюдь не только времени для записи посланий от моего брата-близнеца. Почти немедленно в действие вступила геронтологическая программа. «Геронтология» — смешно звучит, если этот термин применять к человеку, у которого еще и права голоса-то нет, но смысл его был совершенно ясен — я должен был жить как можно дольше, для чего и требовалось эту самую программу запустить с ходу. Теперь вопрос о том, что я ем, перестал быть моим личным делом; я должен был перейти на диету, которую разработали специально для меня, и тут уж никаких сандвичей, схваченных на бегу. Был составлен длиннейший список «особо опасных» вещей, от которых мне было велено держаться подальше. Мне сделали прививки от всего на свете, начиная от «колена горничной» и кончая болезнью попугаев. Со мной носились как с писаной торбой и изучали так внимательно, что не хватало разве только жульнического наложения рук.

Единственным утешением служило то, что, по словам Пата, то же самое было с ним. Ведь при всем нашем невежестве и дурном характере, для ФППИ мы были драгоценным и незаменимым средством связи, так что за нами ухаживали не хуже, чем за знаменитыми призовыми скакунами или премьер-министрами; ухаживали так, что обычным людям в это было трудно поверить. Сплошное занудство!

Первую неделю или дней десять, после того как уехал Пат, я не стал даже звонить Моди: при мысли о ней мне становилось как-то неловко. Наконец, она позвонила сама и спросила, не обиделся ли я на нее. Или, может, думаю, что ее посадили на карантин? Мы тут же договорились о свидании на вечер. Это свидание, пожалуй, трудно назвать праздником. Моди пару раз назвала меня Патом, что и раньше случалось нередко, но только тогда это не имело особого значения, поскольку мы с Патом привыкли к тому, что люди путают нас. Теперь же это было вдвойне неприятно — призрак Пата убивал в наших душах всякую радость.

Когда Моди повторила ту же ошибку во второй раз, я сказал со злостью:

— Если ты хочешь говорить с Патом, я тебя с ним соединю через полсекунды!

— Как? Что ты говоришь, Том?

— Ох, знаю я, что ты хотела бы видеть на моем месте Пата! И если тебе кажется, что мне приятно служить второсортной заменой, так советую хорошенько подумать.

У Моди навернулись на глаза слезы, мне стало стыдно и более неловко, чем раньше. Мы обменялись горькими упреками, и вдруг я обнаружил, что рассказываю Моди о том, как Пат меня облапошил.

Ее реакция оказалась совсем не той, которую я ожидал. Вместо того чтобы посочувствовать мне, она воскликнула:

— Ох, Том, Том! Разве ты не видишь, что Пат тебе ничего не сделал и во всем виноват ты сам?

— Как это?

— Причина не в нем; она в тебе. Меня, бывало, тошнило просто, глядя на то, как ты позволяешь Пату помыкать тобой. Тебе *нравилось,* что он тобой помыкает. У тебя же явная склонность к мазохизму.

Я так разозлился, что сначала даже слов подобрать не мог.

— Что ты болтаешь? Какая-то дешевая «кухонная» психиатрия! Не пройдет и минуты, как ты станешь мне внушать, что я стремлюсь к саморазрушению.

Моди мигнула, стараясь стряхнуть с ресниц слезы.

— Нет. Хотя, может быть, именно это заложено в Пате. Он постоянно шутит на эту тему, но я знаю, что тут скрыто нечто очень опасное. Уверена, мы больше его никогда не увидим.

Мне нужно было хорошенько прожевать услышанное, прежде чем проглотить его.

— Уж не хочешь ли ты сказать,— медленно произнес я,— что я позволил Пату вытеснить меня потому, что испугался полета?

— Что? Ну, Томми, милый, я же ничего подобного не говорила.

— Во всяком случае, звучит похоже.

И тут я понял, почему это звучало похоже. Может быть, я действительно сдрейфил? Может быть, потому я и боролся за свое

место недостаточно решительно и позволил Пату выпихнуть себя... что знал, что случится с тем, кто отправится в полет?

Итак, возможно, я трус!

Мы помирились, и свидание вроде должно было закончиться к общему удовольствию. Когда я проводил ее до дому, я подумал было, не поцеловать ли ее на сон грядущий — я никогда еще этого не делал, так как мы с Патом вечно следили друг за другом, как ястребы. Думаю, она тоже ждала этого...-и вдруг Пат громко свистнул мне в ухо.

«Эй! Не спишь, друг?»

«Конечно,— ответил я коротко.— *Но я занят».*

«И чем же ты занят? Свиданка с моей девушкой?»

«С чего это ты так решил?»

«Но это ведь так, верно? Я вас вычислил. Ну и как делишки?»

«Нечего совать нос в чужие дела».

«Конечно, конечно. Просто передай ей привет от меня. Привет, Моди!»

Моди спросила:

— Том, о чем ты так глубоко задумался?

— О! Это всего лишь Пат. Он велит передать тебе привет,— ответил я.

— Ах так?.. Ладно, я ему тоже передаю привет.

Я и передал. Пат хмыкнул.

«Поцелуй ее за меня».

Этого я делать не стал. Ни за него, ни за себя.

Но я позвонил ей на следующий день, и после этого мы с ней гуляли ежедневно. Отношения с Моди развивались в высшей степени удовлетворительно... настолько удовлетворительно, что я начал даже подумывать о том, что студенты колледжей нередко женятся и что я вполне могу себе это позволить, если все и дальше так пойдет. О! Я вовсе не был уверен на все сто, что захочу стреножить себя в столь юные годы, но так тяжко быть одному, если ты привык быть постоянно рядом с кем-то другим.

А потом Пата доставили к нам на носилках.

На самом-то деле это был специально зафрахтованный санитарный самолет. Наш болван тайком сбежал из общежития и

попробовал покататься на лыжах, о которых знал столько же, сколько я о нырянии за жемчугом. И падение-то было не такое уж ужасное — Пат просто запутался в собственных ногах. И вот, пожалуйста, его притаскивают домой на носилках, полностью парализованного ниже пояса, с бездействующими ногами. Конечно, его следовало бы сразу положить в больницу, но он попросился домой, и ма тоже хотела, чтобы он был дома, так что па не оставалось ничего другого, как настоять, чтоб это было исполнено. Пата положили в комнату, освободившуюся с отъездом Фейт, а я стал снова спать на диванчике. Все домашние были прямо-таки убиты и при этом куда больше, чем когда Пат уезжал в Швейцарию. Па почти что вытолкал Фрэнка Дюбуа в шею, когда Фрэнк сказал, что теперь, раз эта дурацкая бредятина насчет космических полетов кончилась, он все еще готов предоставить Пату работу, если тот сейчас же начнет изучать счетоводство, так как счетовод может работать и в инвалидной коляске. Не знаю, может быть, у Фрэнка были самые лучшие намерения, но иногда мне кажется, что в некоторых случаях «добрые намерения» следует квалифицировать как серьезное преступление.

Но вот что меня страшно поразило, так это поведение ма. Она была переполнена слезами и сочувствием и не могла оторваться от Пата — часами массировала ему ноги, пока сама чуть не валилась с ног от усталости. Но я видел (не знаю, обратил ли на это внимание па), что она была счастлива почти до неприличия — ее «бэби» вернулся к ней. Нет, слезы ма вовсе не были притворными... но, видно, женщины могут одновременно и лить слезы и трепетать от счастья.

Все мы знали, что «космическая бредятина» уплыла, так сказать, из наших рук навсегда, но не обсуждали этого — даже мы с Патом и то молчали. Пока он беспомощно и неподвижно лежал на спине и, ясное дело, чувствовал себя немного хуже, чем я сам, было, разумеется, не время ругать его за то, что он сначала сгреб все под себя, а затем навсегда погубил наши шансы. Возможно, я был зол на него, но сейчас вряд ли можно было вымещать на нем свои чувства. Я с горечью ожидал, что вскоре жирные чеки от ФППИ перестанут появляться в нашем доме и снова в семье станет плохо с деньгами, и случится это как раз тогда, когда они так необходимы; я отчаянно ругал себя за покупку дорогих часов и

за то, что так швырялся деньгами, водя Моди в такие места, которые раньше нам были не по карману; но чаще я старался не думать об этом — что толку горевать о пролитом молоке? А вот о чем приходилось думать — так это о том, где я буду работать, раз не попаду в колледж.

Поэтому визит к нам мистера Говарда застал меня врасплох — все-таки в глубине души я надеялся, что ФППИ подержит нас в своей платежной ведомости, хотя бы до тех пор пока Пата не прооперируют, несмотря на то что несчастный случай произошел не по их вине, а был следствием нарушения Патом хорошо известных порядков и распоряжений. Однако, учитывая колоссальное богатство Фонда, я полагал, что они могут позволить себе проявить щедрость.

Но мистер Говард даже не думал поднимать вопрос о том, платить или не платить Фонду за увечье Пата; он просто хотел знать, как скоро я могу явиться в Тренировочный центр.

Я ничего не понимал, ма ударилась в истерику, а па дико разозлился, но мистер Говард был непоколебим. Послушать его, так можно было подумать, что вообще ничего не случилось. Во всяком случае, ничего такого, что давало бы хоть малейшее основание думать, будто мы свободны от нашего контракта. «Вторая сторона» и «третья сторона» соглашения были взаимозаменяемы; поскольку Пат лететь не мог, естественно, лететь должен я. Ничего не произошло такого, что могло помешать нам выполнить роль коммуникационной пары. Просто нам предоставили несколько дней, чтобы успокоиться после печального инцидента, но не могу ли я немедленно прибыть на работу? Время подпирает.

Па побагровел и потерял контроль над собой. Неужели им мало того, что они сделали с его семьей? У них что, совести нет, что ли? Неужели они не понимают?..

В разгар этой суматохи, пока я пытался вникнуть в новую ситуацию и при этом никак не мог сообразить, как же мне на нее реагировать, Пат послал мне телепатический сигнал:

«Том, немедленно гони сюда!»

Я извинился и рванул к нему. Мы с Патом, можно сказать, почти не общались телепатически с тех пор, как с ним произошло несчастье. Несколько раз он звал меня ночью подать ему воды

или что-то в том же роде, но по-настоящему мы вообще не разговаривали ни вслух, ни с помощью телепатии. Он был погружен в черное унылое безмолвие, которым отгородился от меня. Я просто не знал, как с этим бороться; ведь впервые один из нас болел, а другой был совершенно здоров.

Но когда он позвал, я опрометью бросился к нему.

— Закрой дверь.

Я закрыл. Он мрачно поглядел на меня.

— Я успел ухватить тебя до того, как ты на что-то согласился, верно?

— Ага.

— Иди к ним и скажи па, что я хочу видеть его немедленно. А ма передай, что я очень ее прошу перестать лить слезы, так как это действует мне на нервы.— Он сардонически улыбнулся.— Скажи мистеру Говарду, что мне надо поговорить с родителями наедине. А потом дуй отсюда.

— Чего?

— Уходи из дома, не прощайся и не говори, куда идешь... Когда ты мне понадобишься, я дам знать. Если ты будешь тут болтаться, ма возьмется за тебя и заставит надавать кучу обещаний.— Он холодно поглядел на меня.— А у тебя не было и нет никакой силы воли.

Я проглотил эту шпильку — он ведь все же был болен.

— Слушай, Пат, учти, что комбинация исключительно сложная. Мать собирается во что бы то ни стало настоять на своем, а па так разозлился, что я удивляюсь, как это он удержался и не выдал мистеру Говарду пару хороших оплеух.

— С ма я справлюсь, с па — тоже. А Говарду лучше вообще не соваться в это дело. Валяй сматывайся. Гони их сюда, а потом исчезни.

— Ладно,— произнес я смущенно,— хм... слушай, Пат, я тебе очень благодарен.

Он посмотрел на меня, и его губы скривились в усмешке.

— Думаешь, я ради тебя стараюсь?

— Ну, я думал...

— А ты думать-то не умеешь... Я же все эти дни ничем, кроме этого, не занимался. Если мне предстоит оставаться калекой, то

уж не воображаешь ли ты, что я собираюсь провести всю жизнь в каком-нибудь инвалидном доме? Или тут рядом с ма, которая будет дрожать надо мной, и с па, которому придется рассчитывать каждый пенни, и с девчонками, которым тошно на меня смотреть? Нет уж, такое не для Патрика! Если мне выпал этакий жребий, то я хочу иметь все самое лучшее... Сиделок, что будут вскакивать, как только я пошевелю пальцем; танцовщиц, чтоб плясали да ублажали меня... И *тебе* надлежит позаботиться, чтоб ФППИ платил за это. Мы *можем* выполнять условия контракта, и мы *будем* их выполнять! О, я знаю, у тебя вовсе нет охоты лететь, но уж теперь хочешь не хочешь, а *придется*.

— Это я-то не хочу?! У тебя все в котелке перемешалось! Ты меня обошел по кривой! Ты...

— Ладно. Забудь. Вижу, ты так и рвешься в бой.— Он вытянул руку, ткнул меня пальцем под ребро, а потом улыбнулся до ушей.— Значит, мы оба полетим. Ты потащишь меня на себе всю дорогу, ни на шаг не отойдешь. А теперь исчезни и принимайся за дело.

Я уехал ровно через два дня. Когда Пат обрушил на ма свои рвущие душу аргументы, она даже сопротивляться не стала. Раз для того чтобы добыть денег ее болящему дитяти на необходимое ему лечение и все прочее, надо отправить меня в космос, что ж, это, конечно, ужасно, но ничего не поделаешь. Она сказала мне, что ее сердце разрывается из-за моего отъезда, но я-то понимал, что она не так уж и огорчена. А вот я огорчался и еще как... ибо меня грызло любопытство, каков был бы расклад, если б на месте Пата оказался я. Неужели ма отправила бы Пата так же легко, как меня, ради того, чтоб я получил все, чего мне захочется? А потом я решил не ломать из-за этого голову; видно, родители сами не знают, есть ли у них любимчики... не знают даже в том случае, если таковые бесспорно существуют.

Перед самым моим отъездом па вызвал меня для мужского разговора наедине. Он долго откашливался и заикался, и рассыпался в извинениях, что не смог обсудить со мной эти вещи гораздо раньше, и казался куда более смущенным, чем я сам, а уж я-то чувствовал себя жутко неловко. Когда же па окончательно запутался, я

намекнул ему, что в одном из наших школьных курсов освещались почти все проблемы, о которых он пытался мне поведать. (Я даже словечка не проронил, что этим курсом было просто половое созревание.) Па тут же просветлел и радостно сказал:

— Ладно, сынок. Твоя мать и я всегда старались научить тебя тому, что такое хорошо и что такое плохо. Помни только, что ты Барлетт, и тогда вряд ли наделаешь много ошибок. Что же касается этой конкретной проблемы, то всегда спрашивай себя, того ли сорта эта девица и испытаешь ли ты чувство гордости, если приведешь ее домой и познакомишь со своей матерью; меня такое поведение вполне удовлетворит.

Я пообещал; мне пришло в голову, что вряд ли у меня будут большие шансы попасть в дурную компанию, особенно если учесть, что психологи чуть ли не потрошили каждого, кто собирался принять участие в проекте «Lebensraum». Так что была почти полная гарантия, что в наш бочонок ни одного гнилого яблока не попадет.

Когда я вижу, насколько наивны родители, я всегда удивляюсь, как это человеческому роду удается воспроизводить себя. Тем не менее все вышло очень трогательно, и я высоко оценил те усилия, которые затратил па, чтобы вправить мне мозги; па всегда был хорошим парнем и всегда хотел, чтобы было как лучше.

Я назначил Моди прощальное свидание, но его трудно было назвать особо удачным: мы провели его у постели Пата. Она поцеловала меня на прощание — по просьбе самого Пата... а, да ладно, что уж там!

ГЛАВА VI

Космический ракетный корабль «Льюис и Кларк»

В Швейцарии я пробыл всего лишь два дня. Еле успел глянуть краешком глаза на озеро возле Цюриха, вот и все; время было спрессовано в попытке быстренько протащить меня сквозь все то, на изучение чего Пату потребовались недели. Это, конечно,

было невозможно, а потому мне выдали кучу миникассет, которые я должен был изучить уже после старта корабля.

У меня было одно преимущество: «Вспомогательный язык Планетарной Лиги» считался в нашей школе обязательным предметом; этот жаргон был рабочим языком проекта «Lebensraum». Не могу похвастаться, что я на нем болтал свободно, когда попал в Проект, но освоить это дело трудностей не представляло. Конечно, кажется странным коверкать знакомые слова на новый лад, но к этому быстро привыкаешь, а кроме того почти вся техническая терминология, как правило, заимствовалась из словаря, разработанного Международным женевским бюро,— его словарным запасом уже давно пользуются повсеместно. Фактически, как сказал мне руководитель Тренировочного центра профессор Брюнн, связисту-телепату не так уж много надо знать, перед тем как он явится на борт корабля; главная цель Тренировочного центра — собрать в одном месте все команды и дать им возможность вместе есть и спать, чтобы психологи могли выявить личностные особенности, которые не удалось уловить в процессе тестирования.

— В отношении тебя, сынок, никаких сомнений нет. У нас есть данные о твоем братишке, а нам прекрасно известно, что твои показатели почти полностью совпадают с показателями Пата. Вы — телепаты — должны уж очень отклоняться от общепринятых стандартов поведения, чтобы нам пришлось дисквалифицировать кого-нибудь из вас.

— Сэр?

— Не понимаешь? Мы можем отклонить кандидатуру капитана корабля только из-за того, что пониженное содержание сахара в крови перед завтраком вызывает у него латентную склонность раздражаться, пока ему не подадут его утреннюю миску с овсянкой. У нас есть возможность иметь по двадцать кандидатов на каждую должность и перетасовывать их до тех пор, пока команда не станет работать так же чисто, как работает труппа партерных акробатов. Вы же — дело совсем другое. Вас так мало, что нам приходится смотреть сквозь пальцы на любые ваши эксцентричные выходки, если только они не подвергают опасности весь корабль. Я лично, например, не стал бы возражать против тебя на том основании, что ты веришь в астрологию. Хотя, надо полагать, ты в нее не веришь? Верно?

— Господи, конечно, нет! — ответил я, ужасно шокированный.

— Вот видишь! Ты нормальный интеллигентный мальчик; ты годишься. Бог мой, да мы бы взяли даже твоего близнеца вместе с его носилками, если бы у нас не было другого выхода.

Когда я прилетел в Цюрих, там оставались одни телепаты. Капитаны, расчеты астрогаторов и ракетчиков были отправлены на корабли первыми, за ними последовали ученые специалисты и штабной состав. Все «лодыри», кроме нас, уже были на борту. А у меня не хватило времени даже на то, чтобы как следует познакомиться с моими коллегами — мыслечитчиками.

Это была поистине странная компания, и я начал понимать, что имел в виду профессор Брюнн, говоря, что нам — «выродкам» — делаются немалые скидки. Нас было двенадцать мыслечитчиков — я хочу сказать — двенадцать только для «Льюиса и Кларка»; всего же для эскадры из двенадцати кораблей их было свыше полутора сотен, то есть здесь были собраны половинки всех телепатических пар, с которыми ФППИ удалось подписать контракт. Я спросил одного из них — Бернарда ван Хоутена, почему каждый корабль берет с собой такую тьму телепатов.

Он с жалостью поглядел на меня.

— Попробуй-ка поработать головой, Том. Если в приемнике перегорит сопротивление, что надо делать?

— Как что? Заменить его.

— Вот тебе и ответ. Мы — запасные части. Если какой-то конец телепары помрет или еще что, этот «передатчик» перегорит и уже навсегда. Тогда они включат другую пару. Надо быть уверенными, что у них к концу полета останется хоть одна работающая телепара... Во всяком случае, они на это надеются.

Я еле-еле успел ко времени отлета из Цюриха запомнить имена наших мыслечитчиков. Там были: я, Бернард ван Хоутен, Анна Хорошен, полукитаянка-полуперуанка по имени Мей-Линг Джонс (она произносила свою фамилию как «Хонс»), Руперт Хауптман, Глория Мария Антонита Докампо, Сэм Рохас и Пруденс Мэтьюз. Все они были примерно моих лет; еще значился некий Дасти Родс, выглядевший лет на двенадцать и уверявший, что ему четырнадцать. Я никак не мог понять, как ФППИ удалось уговорить родителей отпустить в полет такого ребенка. Может, они терпеть его

не могли? Вообще-то говоря, представить себе такую ситуацию было совсем нетрудно.

Затем в нашу семью входили трое значительно более пожилых — мисс Гамма Фортни, Кас Уорнер и Альфред Макнейл. Мисс Гамма была существо фантастическое — что-то вроде старой девы, которая твердо решила не переступать порог тридцатилетия; она была членом тройни. ФППИ наскреб четыре тройни близнецов-мыслечитчиков, которых удалось уговорить лететь. Их намеревались использовать для связи между кораблями, разбив последние на четыре группы по три, причем каждая группа из трех связывалась с другой близнецами-двойняшками. Поскольку тройни встречаются в восемьдесят шесть раз реже, чем двойни, приходится удивляться, что среди них удалось найти столько телепатов и уговорить их лететь; надо думать, что при этом пришлось закрыть глаза на вопрос — нормальны ли они или не так чтобы очень. Полагаю, что мисс Альфу, мисс Бету и мисс Гамму больше всего привлекал эйнштейновский эффект времени: они могли расквитаться со всеми мужчинами, которые некогда не пожелали на них жениться, тем, что сами остались бы молоды, в то время как бывшие поклонники уже отдали бы концы от старости.

Мы были «угловым» кораблем, а Кас Уорнер — нашим связным, замыкавшим нас на своего близнеца на «Васко да Гаме», что связывало между собой две группы кораблей по три в каждой. Другие пары близнецов соединяли остальные «углы». Те мыслечитчики, которые работали, обеспечивая связь между кораблями, не обязательно должны были быть молоды, так как их двойняшки или тройняшки не оставались на Земле и, следовательно, не рисковали состариться, пока их братья или сестры сохраняли бы свою молодость, согласно законам относительности. Касу Уорнеру исполнилось сорок пять — это был славный спокойный мужчина, которому очень нравилось сидеть за одним столом с нами — мелюзгой.

Двенадцатым был мистер («зови меня Дядюшка Альфред») Макнейл — неописуемо милый старикан. Это был негр в возрасте не меньше шестидесяти пяти (точнее сказать не берусь), обладавший той праведностью, которой обзаводятся некоторые старики, если только им удается избежать превращения в зануд и

эгоистов... Стоило только поглядеть на него, чтобы сразу биться об заклад на любую сумму, что Дядюшка Альфред в своей церкви служит диаконом.

Я сошелся с ним потому, что невыносимо затосковал по дому в ту первую ночь, когда оказался один в Цюрихе. Дядюшка Альфред почувствовал это, пригласил меня после ужина в свою комнату и как-то очень быстро успокоил. Я принял было его за одного из психиатров фонда, вроде профессора Брюнна, но нет — он оказался половинкой телепары и даже не из пары однояйцевых близнецов. Его партнер оставался на Земле.

Я не мог в это поверить, пока Дядюшка Альфред не показал мне вторую половинку своей телепары — это была девчушка со смеющимися глазками и множеством «поросячьих хвостиков» — туго заплетенных коротеньких косичек. Только тогда я усек своей тупой башкой, что встретился с величайшей редкостью — телепатической парой, составленной не из близнецов. Она звалась Селестина Регина Джонсон и приходилась Макнейлу внучатой племянницей; он же называл ее Конфеткой, что я узнал, когда Дядюшка представил меня ее фотографии и объяснил девочке, кто я такой.

Тут мне пришлось сделать небольшую паузу, чтобы рассказать об этом деле Пату, совсем забыв, что он с ними обоими познакомился гораздо раньше меня.

Дядюшка Альфред уже был на пенсии и оказался главным товарищем игр своей крохотной внучатой племянницы, так как жил вместе с племянницей и ее мужем. Он сам учил малютку говорить. Когда ее родители погибли в дорожной катастрофе, ему пришлось вернуться на работу, ибо он решил не отдавать девчурку на удочерение.

— Я понял, что могу следить за Конфеткой, даже когда не вижу ее. Она была расчудесным ребенком, и это означало, что я могу нянчить ее даже в то время, когда приходится быть вне дома. Я понял, что обладаю особым даром, что Господь в своем бесконечном милосердии даровал мне то, в чем я нуждался больше всего, чтобы заботиться о моей малютке.

Единственно, что беспокоило Дядюшку Альфреда, так это мысль, что он может не прожить так долго, или, что еще хуже, не сможет работать столько, сколько необходимо, чтобы вырастить

Конфетку и дать ей хороший старт в жизни. Но потом появился проект «Lebensraum», который и решил все. Нет, он нисколько не боялся покинуть Конфетку, ибо в действительности разлуки не было, ведь каждую минуту суток они были вместе. У меня создалось впечатление, что фактически он даже *видел* ее, но расспрашивать о деталях было неловко. В любом случае для него и каменные стены не могли стать тюрьмой, а световые годы не означали разлуки. Дядюшка Альфред твердо знал, что бесконечная милость Господня, которая так долго позволяла им быть неразлучными, продлится столько, сколько надо, для того чтобы он мог завершить свою миссию. А что случится после этого — в руках Господа.

Я никогда не встречал никого, кто был бы так тихо и безоблачно счастлив. Я забыл о своей тоске по дому, пока не ушел от него и не лег в постель. Тогда я позвал Пата и рассказал ему о том, что подружился с Дядюшкой Альфредом. Пат ответил, что точно — дядя Альф славный чудак, а теперь не угодно ли мне заткнуться и посопеть в две дырочки, поскольку завтра нам предстоит очень тяжелый день.

А затем нас срочно перебросили в южную часть Тихого океана, и мы провели одну ночь на атолле Кантон, прежде чем отправиться на борт корабля. В лагуне нам поплавать не разрешили, хотя Сэм и подбил меня, Мей-Линг и Глорию устроить пикничок; купание сочли делом потенциально опасным. Вместо него мы отправились пораньше спать и были разбужены за два часа до восхода солнца — отвратное время суток, особенно если учесть, что ощущение времени полностью нарушено из-за того, что за короткий промежуток пересекаешь чертову уйму часовых поясов. Я даже как-то перестал соображать, зачем тут оказался, и вообще, к чему это все.

Космический корабль «Льюис и Кларк» находился в нескольких сотнях миль к востоку от атолла, в самой пустынной части океана. Я и не подозревал, что на свете может быть столько воды, пока не глянул на нее с высоты, а ведь и оттуда видна всего лишь крохотная частичка колоссальной водной поверхности. Если бы придумать, как получше использовать эти бесконечные акры воды, ну хоть бы так же продуктивно, как используется долина Миссисипи, то никакие новые планеты нам не понадобились бы.

С этой высоты «Льюис и Кларк» гляделся на манер баскетбольного мяча, частично погруженного в воду; то, что он формой напоминал скорее турнепс, не было видно. Он плавал дюзами вниз; полусферическая верхняя часть — вот и все, что открывалось взгляду. Я мельком увидел ее, окруженную глубоко сидящими грузовыми судами, казавшимися рядом с «Льюисом и Кларком» совсем крошечными, а затем воздушный автобус завис над полусферой, и нам велели, соблюдая все предосторожности, спуститься по лестнице, а главное — ничего не забыть в автобусе. Я подумал, что если бы чего и забыли, то уж обращаться в бюро потерянных вещей нам не пришлось бы. От этой мысли повеяло холодком... Полагаю, я все еще тосковал по дому, хотя сейчас и находился в перевозбужденном состоянии.

Несколько раз я умудрился заблудиться, пока наконец разыскал свою каюту, что произошло в тот самый момент, когда система оповещения загремела: «Команде приготовиться к ускорению. Всем свободным от вахт привязаться к койкам. Ракетным постам рапортовать в порядке очередности. Готовность минус четырнадцать минут». Голос говорящего звучал так обыденно, будто он сообщал, что «Местные пассажиры выходят для пересадки в Бирмингаме».

Каюта была достаточно велика, она вмещала двустворчатый шкаф, письменный стол со встроенной в него видеоаппаратурой и магнитофоном, небольшой умывальник и две опускающиеся койки. Сейчас они были опущены, что существенно уменьшало жизненное пространство. Так как в каюте никого не было, я выбрал себе койку, лег поудобнее и затянул три пояса безопасности. Только я успел это сделать, как в каюту просунул голову этот шибздик Дасти Родс.

— Эй! Ты занял мою койку!

Я хотел было послать его подальше, но потом решил, что предпусковое время не так уж годится для ссоры.

— Валяй укладывайся,— ответил я, расстегнул пояса, залез в другую койку и снова затянул ремни.

Дасти был явно разочарован; полагаю, он уже настроился на скандал. Вместо того чтобы лечь на освободившуюся койку, он высунул голову в коридор и принялся водить ею из стороны в сторону. Я посоветовал:

— Лучше б ты пристегнулся. Команда уже была.

— Ерунда! — ответил он, не оборачиваясь.— Времени еще сколько угодно. Еще успею заглянуть на пару минут в рубку управления...

Я хотел было предложить ему прошвырнуться заодно и наружу, если у него такой настрой, но тут появился корабельный офицер, проверявший каюты.

— А ну-ка в койку, сынок,— сказал он спокойно тем не признающим возражений тоном, каким обращаются к собаке, отдавая ей команду «К ноге!». Дасти открыл рот, закрыл его и полез в койку. Офицер закрепил на нем ремни, спеленав его, как малого ребенка, и постаравшись, чтобы, лежа на койке, нельзя было дотянуться до пряжек. Грудной ремень он вообще затянул поверх рук Дасти.

Потом он проверил мои ремни. Руки у меня были свободны, но все, что он сказал, было:

— Руки во время взлета держи на матрасе.

И вышел.

Раздался женский голос:

— Всем связистам специального назначения связаться со своими телепартнерами.

С Патом я был в перманентной связи уже с того момента, как проснулся, успел описать ему «Льюиса и Кларка», увидев корабль впервые, а потом и то, что видел внутри корабля. Тем не менее я окликнул его.

«Ты тут, Пат?»

«Естественно. И вообще никуда не собираюсь уходить. Как идут делишки?»

«Старт через десять минут. Нам только что приказали установить связь с партнерами на время взлета».

«Да уж, пожалуйста, оставайся на связи, а то я тебе все уши оборву! Не хочу пропустить ни единой мелочи!»

«О'кей, о'кей! Не стоит так дергаться. Пат? Все это мало походит на то, чего я ждал».

«Вот как! А почему?»

«Не знаю. Вероятно, я ожидал, что будут духовые оркестры, речи и все прочее. В конце-то концов, это же великий день. Но если не считать того, что нас сфотографировали вчера вечером на

атолле Кантон, то даже проводы в скаутский лагерь у нас, пожалуй, проходили торжественнее».

Пат хмыкнул.

«Знаешь, оркестровые трубы у вас, пожалуй, заржавели бы при всплеске, не говоря уж о том, что музыканты могли бы схватить приличную порцию нейтронов».

«Верно. Верно».

Меня не надо было убеждать, что ракетному кораблю необходимо обширное свободное пространство для взлета. Даже сейчас, когда методика старта была усовершенствована, что позволило использовать в качестве стартовой площадки поверхность океана, а не космическую станцию, для этого все же требовалось не меньше нескольких тысяч квадратных миль водной глади. И то пришлось выслушать немало невежественной болтовни о том, что волны, вызванные ударом из дюз, изменят климат и что правительство обязано вмешаться в это дело.

«Зато у нас тут хватает и оркестров и речей. Как раз сейчас мы наслаждаемся разглагольствованиями некоего достопочтенного Дж. Лиллберри Эггхеда... Хочешь послушать?»

«Нет. Не стоит беспокоиться. А кто такие "вы"?»

«Да вся наша семья. Только что заявились Фейт и Фрэнк».

Я хотел спросить насчет Моди, но в эту минуту по системе оповещения прозвучал новый голос:

— Приветствую вас на борту, друзья. Говорит капитан корабля. Мы оторвемся от Земли с небольшим ускорением всего лишь в три «g»; тем не менее, хочу напомнить, что руки надо держать внутри коек. Тройная сила тяжести будет сохраняться лишь на протяжении шести минут, после чего вы сможете встать. Стартуем мы вторым номером — сразу же за «Генри Гудзоном».

Я повторил Пату все, что сказал капитан, стараясь успевать за ним слово в слово; это был один из навыков, которым мы овладевали, пока Пат находился в Тренировочном центре. Передаваемые нами мысли должны были стать как бы эхом того, что говорит другой; одним словом, телепара должна работать синхронно — и как микрофон, и как динамик. Думаю, что Пат в эти секунды действовал точно так же, повторяя, как эхо, слова капитана нашей семье, возможно, всего лишь на долю секунды

позже того, как их произносил я. Это было совсем нетрудно, учитывая нашу практику.

Капитан продолжал:

— «Генри» готовится к старту... десять секунд... пять секунд... ПОШЕЛ!

Я ощутил что-то вроде тепловой вспышки, хотя находился в закрытом помещении. В течение нескольких секунд динамик передавал нечто, напоминавшее удары мокрого снега по оконному стеклу — мягкие, хлюпающие и далекие. Пат заорал:

«Ну и ну!»

«Что это было, Пат?»

«Он вылетел из воды так, будто его в задницу пчела ужалила. Всего-то и было видно — дырку в океане и вспышку огня. Подожди-ка секунду, они перевели трансляцию с космической станции на Луну».

«У тебя обзор куда лучше, чем у меня. Я-то не вижу ни черта, кроме потолка своей каюты».

Женский голос произнес:

— Мистер Уорнер! Мисс Фортни! Телепатам, обеспечивающим связь с другими кораблями, приступить к работе.

Капитан скомандовал:

— Всем членам команды быть готовыми к старту. Начинаем отсчет до нуля.

И тут же раздался другой голос:

— Шестьдесят секунд... пятьдесят пять... пятьдесят... сорок пять... задержка на сорока пяти... задержка на сорока пяти... задержка... задержка...

Я уже готов был завопить от этого слова как оглашенный.

«Том, что случилось?»

«Откуда ж мне знать?»

— Сорок... тридцать пять... тридцать...

«Том, ма говорит, чтобы ты берег себя».

«И что же, по ее мнению, я должен делать?! И без того лежу в койке, спеленутый ремнями».

«Я-то знаю,— хмыкнул Пат,— *держись за ветку покрепче, чтоб не упасть, счастливчик! Сейчас из-под тебя вытащат лестничку!»*

— Четыре... три... два... один!..

Я не видел вспышки и ровно ничего не слыхал. Просто стал жутко тяжелым. Вроде бы на меня навалилась вся куча мала игроков футбольной команды.

«Ничего не видать, кроме пара на том месте, где вы только что были».— Я не ответил, мне было невыносимо трудно дышать.— *«Камеры переключены. Они следят за вами с помощью телефото. Том, видел бы ты это! Вы смотритесь как солнце! Сжигаете все остальное изображение в ящике».*

«Да как же я могу видеть это,— сказал я в сердцах,— *когда сам нахожусь внутри солнца?!»*

«Ты, кажись, подавился? С тобой все в порядке?»

«Ты бы тоже подавился, если б тебе на грудь навалили мешки с песком».

«Так плохо?»

«Во всяком случае, не так уж приятно. Но, думаю, скоро все будет о'кей».

Пат оставил меня в покое и принялся очень четко излагать все то, что он видит на экране телека.

«Ричард Е. Бэрд» стартовал за нами еще до того, как нам удалось достигнуть второй космической скорости; Пат рассказывал об этом со всеми подробностями. Мне отвечать было нечего; я ничего не видел, а болтать охоты не было. Хотелось просто лежать тихонько и чувствовать себя ужасно несчастным.

Предполагаю, что так продолжалось минут шесть, хотя ощущалось по меньшей мере как час. Спустя очень долгое время, когда я уже решил, что контрольная аппаратура сгорела и нам придется лететь с таким ускорением до тех пор, пока мы не достигнем скорости света, тяжесть исчезла и я почувствовал себя легким как снежинка... Если б не ремни, я наверняка взлетел бы к потолку.

— Мы снизили ускорение силы тяжести до ста десяти процентов земной,— весело произнес капитан.— Наша полетная скорость будет расти, но мы должны дать своим новичкам какое-то время на адаптацию.— Его тон изменился, и он сказал деловито: — Всем постам принять противорадиационные меры, а третьей секции встать на космическую вахту.

Я распустил ремни, сел, потом встал. Может быть, мы и стали на десять процентов тяжелее, но я этого не чувствовал. Ощущение

было великолепное. Пошел к дверям, рассчитывая поглядеть, как там и что, и увидеть чуть побольше того, что я углядел, прибыв на борт.

Дасти Родс заорал на меня:

— Эй! Сейчас же вернись и развяжи меня! Этот кретин так запрятал пряжки, что мне до них не дотянуться.

— Скажи «пожалуйста».

То, что сказал Дасти, было вовсе не похоже на «пожалуйста». И все же я его освободил. А следовало бы заставить его сказать «волшебное слово»; это наверняка избавило бы меня от крупных неприятностей в дальнейшем.

ГЛАВА VII

Девятнадцать тысяч девятьсот возможных перестановок

Первое, что случилось со мной на «Льюисе и Кларке», мне показалось сначала просто сном: в коридоре я нос к носу столкнулся с дядей Стивом!

Я шел по круговому коридору, куда выходили спальные каюты моей палубы, отыскивая коридор, ведущий к осевой части корабля. Повернув за угол, я врезался в кого-то. Сказал «извините» и хотел идти дальше, когда человек ухватил меня за руку и с силой хлопнул по плечу. Я вгляделся, и вдруг оказалось, что это дядя Стив собственной персоной, расплывшийся в улыбке и орущий во весь голос:

— Привет, однополчанин! Рад видеть тебя на борту.

— Дядя Стив!!! А что ты тут делаешь?

— Выполняю специальное поручение Генерального штаба... присматривать за тобой, чтоб не влип в какую-нибудь историю.

— Как это?

Разумеется, все оказалось совсем не таким таинственным, когда он популярно объяснил мне ситуацию. Дядя Стив уже месяц знал, что его рапорт об отчислении для работы в ФППИ по проекту «Lebensraum» получил одобрение; родственникам он об этом ничего не рассказывал, но упорно добивался разрешения с кем-

нибудь поменяться местами, чтобы служить на том же корабле, где будет Пат. Или, как выяснилось теперь, на том, на котором оказался я.

— Я думал — твоей матери полегчает, если она будет знать, что я смогу присмотреть за ее мальчиком. Можешь рассказать ей об этом в следующий раз, когда у тебя будет сеанс связи с братишкой.

— Я скажу ей об этом немедленно,— ответил я, издав в уме боевой клич для Пата. Мне показалось, что он не больно-то заинтересовался моим сообщением; вероятно, это была своего рода реакция, и он был сердит за то, что я занял предназначенное ему место. Но мама была рядом, и Пат сказал, что передаст ей все.

— О'кей! Ей все уже известно.

Дядя Стив поглядел на меня с недоверием.

— Неужели все так просто?

Я объяснил ему, что это ничуть не труднее обычного разговора... Разве что побыстрее, поскольку «думать» слова можно скорее, чем произносить их, особенно если хорошенько натренируешься. Но дядя Стив прервал меня.

— Не трудись. Ты пытаешься объяснить слепому, что такое свет. Я просто хотел, чтобы сестренка знала.

— Ну, тогда все в порядке.

Только теперь я заметил, что форма на дяде Стиве другая. Ленточки на груди были те же, но форма говорила о принадлежности к корпорации ФППИ, как и моя, что меня ничуть не удивило, но я обратил внимание, что на ней отсутствовали обычные шевроны.

— Дядя Стив... на тебе майорские нашивки?

Он кивнул.

— Можно сказать, пареньку из нашего городишка, наконец, повезло. Это, знаешь ли, все упорный труд, честный образ жизни и прочее в том же духе.

— Ха! Вот шикарно-то!

— Меня перевели со званием, присвоенным при выходе в запас, плюс еще с добавочной звездочкой за исключительно высокие показатели при тестировании. Представляешь? Если б я остался в войсках, то ушел бы в отставку как корабельный сержант и то в лучшем случае. Ведь в мирное время производство в новый

чин случается редко. Но Проекту нужен определенный тип людей, а вовсе не какие-то звания. А у меня, понимаешь ли, оказалось как раз нужное число рук и ног для этой работы.

— А какая у тебя работа, дядя?

— Командир корабельной охраны.

— Вот оно что! А от чего нас нужно охранять?

— Неплохой вопросик. Спроси меня этак через годик-другой, может, я и сумею ответить тебе поподробнее. На самом деле эту должность лучше бы назвать «командир десантников». Когда мы обнаружим многообещающую планету (я хочу сказать, когда и если), я и буду тем самым дурачком, которому предстоит вылезти наружу, поглядеть, каков там ландшафтик, дружелюбны ли туземцы, а в это время вы — наше драгоценнейшее достояние — будете посапывать, наслаждаясь полнейшей безопасностью.— Он поглядел на свое запястье.— Пойдем пожуем маленько.

Есть мне не хотелось, а хотелось поглядеть, как тут и что, но дядя Стив крепко ухватил меня за руку и потащил в столовую.

— Когда ты протрубишь на солдатской службе столько же, сколько я, то усвоишь, что спать надо всегда, когда предоставляется случай, а для жратвы никогда не бывает ни слишком рано, ни слишком поздно.

Это была столовая самообслуживания, типа кафетерия. На «Л. К.» не полагалось ни официантов, ни каких-либо видов специального обслуживания, если исключить капитана и вахтенных. Мы прошли вдоль прилавка, и тут обнаружилось, что мой аппетит вполне на уровне. На этот (единственный) раз дядя Стив усадил меня за стол, предназначенный для начальников отделов.

— Леди и джентльмены, это мой двухголовый племянник Том Барлетт. Его другая башка осталась на Земле — он часть близнецовой телепары. Если он сделает что-либо неположенное, мне не жалуйтесь, а просто стукните его чем потяжелее.— Он глядел на меня, а я все больше заливался краской.— Скажи им «приветик», сынок, или просто кивни головой, если уж говорить до сих пор не научился.

Я кивнул и сел. Моей соседкой оказалась очень милая пожилая женщина из тех, на коленях которых обожают гнездиться маленькие детишки. Она улыбнулась и сказала:

— Очень рада, что ты зашел к нам, Том.

После я узнал, что она тут Главный эколог. Ее имя — доктор О'Тул, только так ее никто не называет, и она замужем за одним из релятивистов.

Дядя Стив обошел весь стол, называя кто из них кто и чем они занимаются: Главный инженер, Главный релятивист (дядя Стив назвал его астрогатор, поскольку на обычных кораблях его должность называется именно так), Главный планетолог Гарри Гейтс, штатный ксенолог и другие (я в тот раз, конечно, их имен не запомнил) и, наконец, Резервный капитан Уркварт. Я не расслышал слова «резервный» и поразился, что он такой молодой. Дядя Стив тут же просветил меня.

— Нет, нет! Он *не капитан*. Он тот человек, который станет капитаном, если выяснится, что нужно заменить старого. Напротив тебя сидит Главный хирург, но пусть тебя это не вводит в заблуждение — сам он никогда не оперирует. Доктор Деверо — наш босс по части утряски мозгов.

Я, должно быть, выглядел чересчур обалдевшим, так как дядя Стив добавил:

— Не сечешь? Он психиатр. Док Деверо как ястреб следит за каждым нашим движением и пытается вычислить, как скоро ему предстоит явиться к нам со смирительной рубашкой и шприцем в руке. Я верно говорю, док?

Деверо спокойно продолжал намазывать маслом булочку.

— В основном, майор. Но вы пока можете завтракать спокойно. Мы, надо думать, до вечера за вами не придем.— Он был похож на жирного маленького лягушонка, очень некрасивого, но удивительно мягкого и непоколебимо спокойного. Он продолжал: — Мне сейчас в голову пришла очень огорчительная мысль, майор.

— Мне казалось, что мысли вас никогда не огорчают?

— Все относительно. На меня тут возложили обязанность следить, чтобы такие психоватые типы, как вы, не спятили бы совсем, но забыли о необходимости приставить кого-нибудь и ко мне, чтоб поддерживать *меня* в нормальном состоянии. Как же быть?

— М-м-м...— Дядя Стив, казалось, погрузился в глубокое раздумье.— А я и не знал, что специалистов по утряске мозгов хоть кто-нибудь на свете считает нормальными.

Доктор Деверо кивнул:

— Вы схватили самую суть. Ведь и в вашей профессии сумасшествие рассматривается как достоинство. Передайте мне соль, пожалуйста.

Дядя Стив замолк и сделал вид, что вытирает кровь, якобы текущую из разбитого носа. Вошел еще один человек и тоже присел к столу. Дядя Стив представил меня и сказал:

— Это штабной коммодор Фрик, глава отдела связи. Твой босс, Том.

Коммодор Фрик сухо кивнул и спросил:

— Разве вы не в третьей секции, юноша?

— Э-э-э... не знаю, сэр.

— А я знаю... да и вам не мешало бы знать. Явитесь в рубку связи.

— Э-э-э... Вы хотите сказать, явиться сейчас же, сэр?

— Немедленно. Вы уже и без того опоздали на полчаса.

— Извините,— произнес я и растерянно вскочил, чувствуя себя исключительно глупо. Глянул на дядю Стива, но он даже не посмотрел в мою сторону. Сделал вид, что ничего не слышит.

Рубка связи находилась двумя палубами выше, прямо над рубкой управления. Я ее не сразу нашел. Там уже были Ван Хоутен и Мей-Линг и еще какой-то мужик, которого звали Трейверс, оказавшийся вахтенным начальником. Мей-Линг перелистывала кипу бумаг и даже не подняла глаз: я понял, что она на телесвязи. Ван буркнул:

— Где ты, черт возьми, шатаешься? Я успел проголодаться.

— Я не знал,— запротестовал я.

— А полагалось бы знать!

Он вышел, а я повернулся к мистеру Трейверсу.

Он вставлял кассету с пленкой в автопередатчик, молча закончил свое дело и только тогда небрежно ответил:

— Возьмешь вон тот хлам, когда она с ним покончит, и делай с ним то, что привык делать. Хоть толку в этом мало.

— Вы хотите, чтоб я прочел эти бумаги моему брату?

— Именно так я и сказал.

— Желаете, чтобы он записал передачу?

— Передачи всегда записываются. Тебя что — ничему не научили?

Я подумал было, не объяснить ли ему, что именно так и обстоит дело, поскольку не было времени учиться, а потом решил, да какой в этом прок? Он, надо думать, принял меня за Пата и считал, что я прошел полный курс подготовки. Я взял бумаги, с которыми покончила Мей-Линг, и присел к столу.

А Трейверс продолжал болтать:

— Не знаю, зачем вы, выродки, тут нужны, во всяком случае сейчас. Нужды в вас никакой, мы пока еще находимся в сфере действия радио.

Я бросил бумаги на стол и встал.

— Не смейте называть нас выродками!

Он поглядел на меня и ответил:

— Бог ты мой! Ишь какой длинный вымахал! Садись и работай.

Мы были примерно одного роста, но он выглядел лет на десять старше и, вероятно, был фунтов на тридцать тяжелее. Может быть, я и спустил бы это дело на тормозах, если б тут никого не было. Но уж никак не в присутствии Мей-Линг.

— Я сказал, не смейте называть нас выродками. Это оскорбительно.

Он поглядел на меня устало и без тени улыбки, но не встал. Я решил, что драки не будет, и мне сразу полегчало.

— Ладно, ладно,— пробурчал он.— Нельзя быть таким обидчивым. Сядь и займись передачей.

Я сел, проглядел то, что должен был передавать, потом вызвал Пата и велел ему включить магнитофон; это ведь была не тренировочная передача.

«Повтори вызов через полчаса. Я обедаю»,— ответил он.

«А я завтракал, но мне не дали закончить. Перестань валять дурака, Пат. Лучше перечитай контракт, который ты так рвался подписывать».

«Как будто ты не рвался. В чем дело, парень? Уже дрейфишь?»

«Может — да, а может — нет. У меня возникло предчувствие, что из этого вряд ли получится долгий и веселый пикничок. Одно я уже усвоил твердо: если капитан пошлет тебя за ведром краски, то, значит, он рассчитывает получить его полным доверху и никаких извинений, в случае чего, не примет. Так что включай маг и готовься записывать цифирь».

Пат что-то пробормотал, сдался и после короткой задержки, безусловно, вызванной ма, которая требовала, чтобы он сначала поел, объявил: *«Готов»*.

Передача действительно состояла почти исключительно из групп цифр (касавшихся, я думаю, нашего старта) и кода. В этом случае было необходимо, чтобы Пат повторял вслух все, что я передавал ему. Особых трудностей не было, просто жуткая скукотища. Единственное послание, шедшее открытым текстом, было от капитана, который распорядился послать букет роз некой миссис Детвейлер в Брисбейне, с оплатой из его средств, лежавших на счету ФППИ, и с запиской «Благодарю за незабываемый прощальный ужин».

Больше никто личных писем не отправлял; думаю, что просто не оставили на Земле необрубленных концов.

Я подумал было, не послать ли букет роз Моди, но как-то не хотелось проводить этот заказ через Пата. Я решил, что могу воспользоваться помощью Мей-Линг, но тут же вспомнил, что хотя у меня и были деньги в банке, но своим поверенным я назначил Пата; так что, если б я заказал розы, то чек все равно подписал бы он. Так что я решил не пользоваться теми мостами, которые уже сжег за собой.

Жизнь на борту «Л. К.» или «Элси»*, как мы прозвали свой корабль, постепенно приобретала характер рутины. Ускорение увеличилось еще на пятнадцать процентов, что довело мой вес до ста пятидесяти восьми фунтов; ноги ужас как болели, пока я не попривык, что произошло довольно скоро: есть все-таки свои преимущества в худобе. Мы, «выродки», были разделены на пять вахт, по два человека в каждой, так как мисс Гамма и Кас Уорнер в списки вахтенных не включались — по «горизонтали» они связывали нас с другими кораблями. Сначала свободного времени у нас было много, но капитан быстро положил этому конец.

Зная, что ФППИ в действительности не ждет, что мы вернемся, я как-то почти позабыл о том пункте контракта, где говорилось о занятиях с репетиторами во время полета, и вдруг узнал, что капитан вовсе не расположен о нем забывать. Учиться должны были все, а отнюдь не одни телепаты, еще не вышедшие из

* Аббревиатура названия корабля. Буква «С» в слове «Clark» называется «Си».

школьного возраста. Капитан назначил Школьный совет в составе доктора Деверо, миссис О'Тул и мистера Кришнамурти; были разработаны программы курсов практически по всем вообразимым дисциплинам — от живописи до древней истории. Сам капитан преподавал именно последний предмет, причем обнаружилось, что Саргон Второй и Сократ были ему знакомы не хуже родных братьев.

Дядюшка Альфред попытался записаться на все курсы, что было просто невозможно, даже если бы он перестал спать по ночам и отстаивать вахту. У него никогда, сказал он мне, не было времени, чтобы получить образование, как ему хотелось, и вот теперь, наконец, он намеревался урвать все, что возможно. Даже мой родной дядя Стив записался на парочку курсов. Думаю, что я по этому поводу выразил больше удивления чем надо, так как он высказался так:

— Знаешь, Том, еще во время моего первого полета я понял, что единственный способ сделать пребывание в космосе переносимым — это взять какой-то предмет для изучения и обсосать его со всех сторон. Я даже стенографии и той учился. А на этом корабле мы имеем потрясающее собрание блистательных умов, о встрече с которыми можно только мечтать. Если ты не воспользуешься этим, значит, ты полный идиот. Возьми, к примеру, хотя бы курс кулинарии мамаши О'Тул: где еще ты найдешь человека, окончившего Высшие курсы французской кухни и готового задарма обучать тебя этому высокому искусству? Ну-ка, ответь мне.

Я возразил, что вряд ли мне когда-нибудь понадобится знание тайн изысканной французской кухни.

— При чем тут это? Знания важны не тем, будешь ты их применять или нет. Они важны сами по себе. Погляди-ка на Дядюшку Альфа. Он счастлив как мальчишка, у которого новая рогатка, а кроме того, если ты не запишешься на курсы, старина Деверо найдет способ занять твой ум, заставив тебя, скажем, пересчитать все заклепки на корабле. Как ты думаешь, почему капитан сделал именно его председателем Школьного совета?

— Об этом я не думал.

— Ну так подумай. Величайшая опасность в космосе — это спятить на почве клаустрофобии. Тебя на долгое время запирают в крохотном пространстве, а снаружи нет ничего, кроме чертовски

пустого вакуума... ни тебе уличных фонарей, ни кегельбанов. А внутри — все те же опостылевшие лица, которые ты уже начинаешь ненавидеть. Так что хороший капитан обязательно позаботится, чтоб тебе было интересно жить и чтоб работал ты до изнеможения. А наш капитан — самый толковый из всех, кого я знаю, иначе ему бы и не оказаться на нашей посудине.

Я начал понимать, что многие порядки на «Элси» преследуют одну и ту же цель — поддержать в нас духовную и телесную бодрость и хорошее настроение. Говоря так, я имею в виду не только школу, но и многое другое. Возьмите, например, количество народу на борту — нас ведь почти двести человек. Дядя Стив говорил мне, что «Элси» могла бы функционировать и с командой из десяти человек — капитан, три офицера в рубке управления, три инженера, один связист, один фермер и кок. Черт возьми, можно было бы обойтись и вдвое меньшим числом — два офицера (один из них капитан), два специалиста по ракетным двигателям и фермер-кок. Тогда почему же двести?

Во-первых, места хватало. «Элси», как и другие корабли этого класса, была перестроена из колоссального грузовоза, которым ФППИ пользовался для доставки грузов на Плутон и вывоза оттуда различных руд на Землю. Во-вторых, требовался многочисленный научный персонал, чтобы исследовать планеты, которые мы надеялись открыть. В-третьих, многие из нас представляли собой как бы запасные части, вроде Резервного капитана Уркварта или, скажем, меня самого. Кое-кто из нас умрет своей смертью, другие будут убиты; корабль же должен лететь дальше.

Но главная причина, как я выяснил в дальнейшем, заключалась в том, что никакая немногочисленная изолированная социальная группа не может быть стабильна. Есть даже соответствующие математические расчеты с эмпирическими формулами и символами вроде «латерального давления», «обменной валентности» и «экзогамной разгрузки» (последний термин просто значит, что молодым людям из маленьких деревушек следует искать жен в других местах, подальше от своей деревни).

А можно взглянуть на это иначе. Представим себе космический корабль с одним-единственным человеком на борту, который должен лететь несколько лет. Только человек, уже чокнутый в оп-

ределенном смысле, может в нем существовать; иначе он так свихнется в каком-то другом смысле, что примется выламывать из панелей приборы. Теперь возьмем двухместный корабль; даже если вы посадите в него пару влюбленных друг в друга, наподобие Ромео и Джульетты, то все равно к концу полета Джульетта уже будет демонстрировать характер и привычки «черной вдовы».

Три человека — тоже плохо, может быть, даже хуже, чем два, особенно если двое объединятся против одного. Большие числа куда менее опасны. Даже если у вас есть только двести человек, то, значит, возможны девятнадцать тысяч девятьсот разных комбинаций, чтобы перетасовать их, образуя либо антагонистические, либо хорошо совместимые пары. Таким образом, как видите, социальные условия быстро улучшаются с увеличением численности команды. Чем больше народу, тем больше шансов найти себе друзей и избежать соприкосновения с людьми, которые вам неприятны. На борту космического корабля это имеет колоссальное значение.

Помимо курсов, избираемых по желанию, нам потребовались и такие, которые назывались «корабельным обучением»; под этим капитан понимал, что каждый человек на борту обязан приобрести еще хоть одну специальность, кроме той, с которой он записан в полет. Я отстоял две вахты в увлажнительной камере, пока главный инженер Роч не подтвердил письменно, что, по его мнению, из меня никогда не выйдет механика по ракетным двигателям, поскольку у меня врожденное отсутствие способностей к атомной физике. Честно говоря, я действительно нервничал от близости атомного котла и от сознания, что всего лишь в нескольких футах от нас бушует сорвавшийся с цепи ад.

Не лучше получилось и с профессией фермера; две недели я провел возле установки искусственного кондиционирования атмосферы, и единственное, что мне удалось совершить, не наделав больших ошибок,— это научиться кормить цыплят. Когда же обнаружилось, что я неправильно веду перекрестное опыление каких-то кабачков, пользовавшихся особым расположением миссис О'Тул, она отпустила меня, скорее с сожалением, чем с раздражением.

— Том,— спросила она,— а что ты умеешь делать?

Я подумал.

— Хм-м... могу мыть пробирки. И еще я разводил хомячков.

Тогда она отправила меня в научно-исследовательский отдел, где я приступил к мытью посуды в химической лаборатории и к кормлению подопытных животных. Мензурки тут были из небьющегося стекла. А к электронным микроскопам меня и на пушечный выстрел не подпускали. В общем же я был доволен — ведь меня могли послать и в прачечную.

Из девятнадцати тысяч девятисот перестановок, возможных на «Элси», Дасти Родс и я были наихудшей. Я не пошел заниматься в живописный класс потому, что он записался туда раньше меня; этот прыщ был неплохим рисовальщиком. Могу судить об этом со знанием дела, так как сам прилично рисую, недаром меня туда очень тянуло. Что еще хуже, так это то, что у него был оскорбительно высокий коэффициент интеллигентности — выше, чем у гения, и уж, конечно, куда выше, чем у меня. Так что в спорах он клал меня на обе лопатки. Вместе с тем, у него были манеры поросенка и социальные понятия скунса — ну просто дрянь, с какого конца к нему ни подойти.

Слова «пожалуйста» и «спасибо» в его словаре начисто отсутствовали. Он никогда не застилал сам постель — разве что над ним стоял кто-нибудь с палкой, но зато мне частенько приходилось находить его в моей койке на скомканных простынях, пачкающим грязными ногами мое одеяло. Дасти никогда не вешал одежду на распорки и постоянно оставлял в умывальнике грязь; самое лучшее настроение выражалось у него мрачным молчанием.

Кроме того, он крайне редко принимал ванну. А на корабле это почитается за тяжкое преступление.

Сначала я пытался соблюдать в общении с Дасти хоть минимум вежливости, потом стал ругаться, а напоследок прибег к угрозам. Наконец, выведенный из терпения, сказал, что следующий принадлежащий ему предмет, который окажется в моей койке, прямехонько отправится в конвертер. Дасти только ощетинился, и на следующий же день я нашел его фотокамеру у себя на одеяле, а грязные носки на моей подушке.

Я шваркнул носки в раковину умывальника, который Дасти оставил полным грязной воды, а камеру запер в своем шкафчике, намереваясь заставить его хорошенько попотеть, прежде чем я ее верну.

Дасти даже не пикнул. Вскоре, однако, выяснилось, что камера преблагополучно из шкафчика испарилась, несмотря на то что он запирался на замок, который господа Джейл и Таун* легкомысленно нарекли «неуязвимым». Вместе с камерой пропали и мои чистые рубашки... вернее сказать, пропала их чистота, так как некто тщательно и в высшей степени компетентно измарал каждую из них.

Я на Дасти не ябедничал. Для меня было делом чести справиться с ним без посторонней помощи. Мысль, что я не смогу одолеть парнишку вполовину меньше меня ростом и намного моложе, как-то, сами понимаете, меня не вдохновляла. Но я поглядел на то безобразие, в которое он превратил мою одежду, и сказал себе: «Том Пейн, лучше признайся, что побежден, и зови на помощь, иначе останется тебе только одно — сознаться в спровоцированном убийстве».

Как выяснилось, жаловаться мне не пришлось. Меня вызвал на ковер сам капитан; Дасти наябедничал на меня первым.

— Барлетт, юный Родс сказал мне, что ты к нему цепляешься. А как выглядит дело с твоей точки зрения?

Я почувствовал, что вот-вот взорвусь от избытка эмоций. С большим трудом перевел дыхание и попытался успокоиться: капитан явно задавал вопросы не из одного праздного любопытства.

— Не могу сказать, что цепляюсь к нему, сэр, хотя, конечно, мы с ним плохо ладим.

— А рукоприкладства с твоей стороны не было?

— Э-э-э... по правде говоря, ни разу не наподдал ему, сэр. Но мне часто приходилось вытаскивать его из моей койки и тут вряд ли я с ним особо нежничал.

Капитан вздохнул.

— А может быть, тебе и следовало наподдать ему хорошенько. Конечно, без моего ведома. Ладно, расскажи-ка мне все поподробнее, постарайся быть откровенным и ничего не упустить.

Ну я и рассказал. В общем, все это были мелочи, и мне даже стало как-то стыдно... у капитана было множество несравнимо более важных дел, чем выслушивать, каждый ли день мне приходится отскабливать грязь в умывальнике, прежде чем мыть лицо, или нет. Тем не менее, капитан слушал очень внимательно.

---

* Знаменитая американская фирма, специализирующаяся на производстве автоматических замков.

Однако, вместо того чтобы как-то откомментировать услышанное и, возможно, намекнуть мне, что такой дылда мог бы и получше управиться с этаким шибздиком, капитан просто сменил тему разговора.

— Барлетт, ты видел ту картину, которую Дасти нарисовал для сегодняшнего номера корабельной газеты?

— Да, сэр. Шикарная штука,— пришлось признать мне. Это была зарисовка результатов сильнейшего землетрясения в Сантьяго, которое случилось уже после нашего старта с Земли.

— М-м-м... Нам приходится делать вам, людям, обладающим особыми талантами, определенную скидку. Юный Дасти полетел с нами только потому, что он единственный мыслечитчик, способный принимать и передавать изображения.

— А... а это важно, сэр?

— Может оказаться важным. Правда, мы выясним это, только когда возникнет необходимость применить подобное свойство. Но вполне возможно, от него будет зависеть само наше существование. Иначе я бы никогда не позволил этому испорченному до мозга костей отродью ступить на борт моего корабля.— Капитан нахмурил брови.— Однако доктор Деверо не считает Дасти патологическим случаем.

— Э-э-э... Я же не утверждал, что он сумасшедший, сэр.

— Будь добр, помолчи и выслушай меня внимательно. Деверо говорит, что у мальчишки неустойчивая личность: с одной стороны — ум, который сделал бы честь любому взрослому, а с другой — страшная отсталость в социальном смысле. Его пристрастия, его шкала ценностей такие же, как у ребенка лет пяти, но они скомбинированы с могучим мозгом. Более того, доктор Деверо утверждает, что ему удастся заставить детскую часть личности Дасти повзрослеть; говорит, что готов спорить на свой диплом.

— И что же? Извините, я хотел сказать «да, сэр!»

— А то, что тебе следовало бы отлупить его как следует. Вся беда с этим парнем, что его родители, вместо того чтобы драть его как последнего сукина сына, постоянно восхищались его умом.— Капитан снова вздохнул.— А теперь мне придется заняться этим самому. Доктор Деверо утверждает, что у меня подходящий отцовский имидж.

— Да, сэр.

— Черта с два «да, сэр»! Это же не корабль, это же какой-то детский сад! Скажи, у тебя есть еще какие-нибудь проблемы?

— Нет, сэр.

— Это я тебя на всякий случай спросил. Дасти еще жаловался, что наши кадровые связисты называют вас «выродками».— Капитан бросил на меня быстрый взгляд. Я промолчал. Было как-то противно говорить об этом.— В любом случае это больше не повторится. Много лет назад мне пришлось наблюдать, как кто-то из команды рвался проткнуть своего приятеля ножом только за то, что тот упорно дразнил его «лысым». Отныне мои люди будут вести себя, как леди и джентльмены, иначе я им головы поотрываю.— Он снова помрачнел.— Я переведу Дасти в другую каюту, ту, что прямо дверь в дверь с моей. Если Дасти перестанет к тебе липнуть, ты его не трогай, а если нет... действуй по собственному разумению, помня, что несешь за свои действия полную ответственность; однако не забывай, что я не имею права требовать от человека, чтобы он давал всякому малолетнему прохвосту вытирать об него ноги. Все! Можешь быть свободным.

ГЛАВА VIII

Кое-что насчет относительности

Я пробыл на борту «Элси» уже неделю, когда на Земле приняли решение оперировать Пата. Брат известил меня, что операция назначена, но не слишком распространялся о ее характере. Он, видно, решил изобразить из себя этакого железного супермена, который собирается щелкать арахисовые орешки и читать комиксы, пока его будут кромсать доктора. Я-то полагаю, что он просто перепугался до полусмерти... Во всяком случае, я бы на его месте взмок от страха.

Впрочем, все равно я бы в операции ни черта не понял, даже если бы был посвящен в мельчайшие детали; я ведь не нейрохирург, да и вообще никто; вытащить занозу — вот максимум моих возможностей.

Однако операция означала, что мы какое-то время не сможем выстаивать вахт, а потому пришлось о ней доложить коммодору Фрику. Оказалось, он уже был в курсе благодаря обмену радиограммами между кораблем и ФППИ. Фрик освободил меня от дежурства за день до того, как должны были оперировать Пата, и велел считать себя подвахтенным, но с обязательством быть готовым выйти на пост в случае возникновения критической ситуации в период, когда Пат будет поправляться. Забот у Фрика в связи с моим освобождением не прибавилось, так как, во-первых, телепатов у нас хватало, а во-вторых, мы все еще имели радиосвязь с Землей.

Через две недели после того, как мы ушли в полет, и за день до того, когда должны были потрошить Пата, я сидел в своей каюте размышляя, не прошвырнуться ли мне в рубку связи, чтоб предложить там свою неоценимую помощь по очистке мусорных корзин и микрофильмирования, или же лучше затаиться, пока кто-нибудь не явится по мою душу.

Я остановился на последнем решении, вспомнив совет дяди Стива никогда не вызываться добровольцем, и уже начал было опускать койку, как мой «говорильник» вдруг рявкнул: «Т. П. Барлетту, связисту специального назначения, явиться к Главному релятивисту».

Я снова закрепил койку, одновременно подумав, не оборудована ли моя каюта подглядывающей аппаратурой, ибо каждый раз, как я опускал койку в рабочие часы, меня тут же брали за жабры.

Доктора Бэбкока в рубке управления не оказалось, и меня оттуда быстренько поперли, впрочем, не раньше чем я успел взглянуть на нее хоть одним глазком — рубка была табу для всех, кто в ней не работал. Доктора Бэбкока я нашел в вычислительном центре, расположенном как раз напротив рубки связи, куда бы я и отправился в первую очередь, если б мне не загорелось подглядеть, что за штука такая — эта самая рубка управления.

— Т. П. Барлетт, связист десятого разряда, явился по требованию к Главному релятивисту,— отчеканил я.

Доктор Бэбкок быстро развернул свое вращающееся кресло и поглядел на меня. Это был крупный мосластый мужик, состоявший, казалось, из одних рук и ног и похожий скорее на лесоруба, чем на специалиста в области математической физики. Я сразу

понял, что он выпендривается — усвоил, знаете, такие манеры: локти на стол, речь простонародная — и все это понарошку. Дядя Стив говорил, что у Бэбкока больше ученых степеней, чем носков у нормального человека.

Он выпялился на меня и заржал.

— И где это ты набрался липовых офицерских манер, сынок? Давай садись, пусть ходули-то отдохнут. Ты — Барлетт?

Я сел.

— Да, сэр.

— А какого дьявола тебя вместе с твоим братишкой-близнецом сняли с дежурств?

— Так мой брат находится в госпитале, сэр. Ему завтра собираются делать операцию на позвоночнике.

— А почему ты мне об этом не доложил? — Я промолчал, так как его вопрос был бессмыслен: я же ему не подчинялся.— Фрик мне ни о чем никогда не докладывает, капитан мне ни о чем не докладывает, ты мне ничего не докладываешь. Я, значит, должен слоняться по коридорам и питаться слухами, чтоб выяснить, что тут у вас происходит. А ведь я как раз собирался поработать с вами завтра. Ты же слыхал об этом, верно говорю?

— Э-э-э... нет, сэр.

— Конечно, нет. Потому что я, знаете ли, тоже никому ничего не докладываю. Ну и порядочки же на этом корабле! Лучше б я в Вене остался! Чудесный городок. Тебе никогда не приходилось пить кофе с пирожными на Ринге*.— Ответа он не ждал.— Ладно, все равно, раз я собирался поработать с тобой и с твоим братишкой завтра, то придется нам перенести это дело на сегодня. Вели ему приготовиться.

— Хм... А чего вы от него хотите, доктор? Его ведь уже увезли в госпиталь.

— Да ты ему только скажи, чтоб готовился. Хочу вас прокалибровать. На предмет расчета разброса индекса ошибок у вас обоих.

— Сэр?

— Твое дело десятое, вели ему приготовиться.

Итак, я вызвал Пата. Я не разговаривал с ним с самого завтрака и не знал, как он отнесется к такому делу.

---

* Одна из известнейших улиц Вены.

Однако ему все уже было известно.

«Да, да,— сказал он устало,— *они как раз устанавливают в моей палате аппаратуру. Мать подняла такой тарарам, что мне пришлось выставить ее».*

«Слушай, Пат: если тебе неохота заниматься этим делом, в чем бы оно ни заключалось, так я скажу, пусть они отваливают. Это же просто нахальство».

«Да какая разница,— ответил он сердито.— *Мне все равно надо чем-то занять оставшиеся до операции шестнадцать часов. А кроме того, это, возможно, будет вообще наша последняя совместная работа».*

Впервые он дал мне понять, насколько напряжены его нервы. Я заторопился:

«Не говори так, Пат! Ты обязательно поправишься. Снова станешь ходить. Черт! Да ты даже сможешь кататься на лыжах, если захочешь».

«Кончай разыгрывать из себя этакого бодрячка! Я уже получил от родителей такую порцию этой похлебки, что мне ее ввек не проглотить. Просто с души воротит.»

«Но послушай, Пат...»

«Сказано тебе, кончай! Давай лучше займемся тем, чего им от меня надо».

«Ладно, давай»,— а вслух я произнес: — Он готов, доктор.

— Еще минутку. Запускай камеру, О'Тул.— Доктор Бэбкок нажал на своем столе какую-то кнопку.— Коммодор Фрик?

— Да, доктор,— ответил голос Фрика.

— Мы готовы. Вы придете?

— У нас тоже все готово,— услышал я ответ своего босса.— Мы идем.

Через минуту он вошел вместе с Анной Хорошен. Я же пока осматривался по сторонам. Целую стенку вычислительного центра занимал сам компьютер. Поменьше, чем в Лос-Аламосе, но ненамного. Мигание его огоньков, должно быть, кому-то о чем-то говорило. Под прямым углом к консоли расположился мистер О'Тул, а над консолью был большой дисплей. Примерно каждую секунду метавшаяся в центре дисплея кривая давала всплески.

Анна кивнула мне, но молча. Я понял, что она тоже на связи. В это время Пат окликнул меня:

«Том, у вас на корабле есть девчонка по имени Анна Хорошен. Нет ли ее где-нибудь поблизости?»

«Есть, а что?»

«Передай ей привет от меня. Мы с ней познакомились в Цюрихе. А ее сестренка Бетти сейчас сидит возле меня.— Пат хихикнул, и мне сразу полегчало.— *Хорошенькие девчонки, а? Моди уже ревнует».*

Бэбкок обратился к Фрику:

— Велите им начинать. Сначала мы прогоним синхронизацию, начав с их конца.

— Анна, передавай.

Девушка кивнула. Я не мог понять, зачем им вторая телепара, раз есть мы с Патом. Скоро я понял зачем: у Пата и у меня загрузка предстояла — будь здоров.

Пат вслух отсчитывал время, тикая, как большие часы. Мне было велено повторять эти звуки... и каждый раз, как я это делал, кривая на дисплее выдавала всплеск. Бэбкок внимательно следил за их появлением, а потом развернул меня так, чтоб я не мог видеть дисплея и поправил на мне ларингофон.

— Повторим.

Пат сказал *«Начинаем»* и принялся за свое тиканье. Я изо всех сил старался не отставать от него, хотя вся процедура казалась мне совершенно бессмысленной. Я слышал, как Бэбкок тихо сказал кому-то:

— Таким образом мы отсекаем обратную связь и вводим поправки на скорость звука. Хотел бы я как-то поточнее измерить скорость передачи в синопсах.

— А вы с Деверо посоветовались? — спросил Фрик.

Я продолжал тикать.

— А теперь, юная леди, повторим ту же процедуру, но наоборот,— сказал Бэбкок и надел мне наушники. В них я услышал такое же тиканье, какое только что передавал Пат.— Ты слышишь метроном, отградуированный по частоте монохромного света, а у твоего брата точно такой же — до нашего вылета мы их взаимосинхронизировали. Теперь ты потикай-ка для него.

Ну я и пошел. Эта работа явно действовала вроде как гипноз; было куда легче поймать темп тиканья и выдерживать его, нежели выбиться из этого темпа. И отвязаться от него тоже было невозможно. Я начал подремывать, но все равно продолжал тикать в том же темпе — остановиться не было сил.

— Конец серии,— объявил Бэбкок.

Тиканье прекратилось, и я принялся оттирать уши.

— Доктор Бэбкок?

— Чего тебе?

— А как вы различаете, кто когда тикает?

— А? Это ты не можешь, а вот О'Тул очень даже может, и он все записал на пленку. То же самое делается и на том конце. Только ты не бери это в голову; твое дело постараться работать синхронно, не выбиваясь из темпа...

Весь этот идиотизм продолжался больше часа. Иногда передавал Пат, иногда я. Наконец О'Тул поднял на нас глаза и сказал:

— Фактор усталости начинает сказываться, док. Расхождения во второй серии никуда не годятся — превышают допустимые ошибки.

— О'кей, кончаем,— объявил Бэбкок. Он поглядел на меня.— Поблагодари от меня своего брата и отключайся.

Коммодор Фрик и Анна ушли. Я же медлил. Наконец доктор Бэбкок оторвался от своих бумаг и сказал:

— Можешь идти, дружище. Спасибо.

— Э-э-э... доктор Бэбкок...

— Ну? Выпаливай.

— Не объясните ли вы мне, что это все означает?

— Ох, извини! Я еще не привык пользоваться людьми вместо приборов; напрочь выскочило из головы... Садись. Мы делали именно то, из-за чего вас — мыслечитчиков — взяли в полет: исследовали природу времени.

Я прямо обомлел.

— Сэр? Я думал, мы тут для того, чтобы передавать на Землю сообщения о планетах, открытия которых от нас ожидают?

— Ах это!.. Да, конечно, и это тоже... Но то, о чем я говорю, гораздо важнее. Людей, знаешь ли, на свете и без того уйма. Зачем же поощрять новую колонизацию? Любой математик решит

тебе проблему перенаселенности в одно мгновение — надо просто перестрелять всех через одного.

Мистер О'Тул отозвался, не поднимая глаз:

— Что мне в вас нравится, шеф, так это ваше большое доброе сердце.

— А ну, потише, там, на «галерке». Так вот, сынок, сегодня мы пытались выяснить природу времени.— Должно быть, на лице у меня выразилась вся мера моего удивления, так как Бэбкок продолжал: — О, мы знаем, что такое время... но уж больно много этих самых времен. Видишь вот это? — И он показал на дисплей, где все еще без устали каждую секунду проскакивали пики.— Это сигналы гринвичского времени: сигнал принят по радио и скорректирован с учетом нашей относительной скорости и ее изменения. Затем есть время, отсчеты которого ты слышал в своих наушниках,— корабельное время. Затем есть время, отчеты которого ты получал от своего брата и передавал нам. Мы старались сличить их все друг с другом, но трудность состоит в том, что нам приходится включать в цепь людей, а в то время как одна десятая секунды практически не ощутима для человеческой нервной системы, физические приборы легко измеряют даже микросекунды. Любая радарная система запросто может разделить микросекунду на части подобно тому, как ты разрезаешь ножом фунтовый кусок масла. Поэтому нам приходилось множество раз повторять одно и то же, дабы скомпенсировать собственное несовершенство.

— Понятно, но что именно вы ожидали обнаружить?

— Если бы я «ожидал», я бы этим не занимался. Но можно сказать, что мы пытались выяснить, какой смысл вкладывается в слово «мгновенно».

Мистер О'Тул с трудом оторвал взгляд от консоли.

— Если оно вообще имеет хоть какой-то смысл,— поправил он.

Доктор Бэбкок покосился на него.

— Ты все еще тут?.. «Если оно вообще имеет хоть какой-то смысл»... Сынок, со времен великого доктора Эйнштейна слова «мгновенный» и «мгновенность» у любого физика считались неприличными. Мы выкинули к чертям самую концепцию мгновенности, мы отрицали, что в этих словах есть хоть какой-то смысл, и построили без них блистательную структуру теоретической

физики. А затем появились вы, мыслечитчики, и одним пинком разрушили эту структуру. Ох! Только, ради бога, не считай себя виноватым, ведь в каждой квартире время от времени необходима уборка. Если бы вы, ребята, проделывали свои ярмарочные фокусы всего лишь на скорости света, мы бы отвели вам место в своих отчетах и постарались бы поскорее забыть о вашем существовании. Но вы нахально настаивали, что работаете на скоростях, чудовищно превышающих скорость света, что сделало вас в физике столь же желанными, как желанна свинья на праздновании бракосочетания. Из-за вас физики разбились на две главных школы, одна из которых хочет просто вас классифицировать как чисто психологический феномен, не имеющий к физике ни малейшего отношения; эти парни считают, что ежели они зажмурятся, то вас вроде бы и в природе не будет. Вторая же школа полагает, что если то, что вы, так сказать, производите, можно измерить, то тогда обязанность физиков заключается в том, чтобы оное измерить и опубликовать, поскольку физика — прежде всего искусство измерять явления и давать им точные количественные оценки.

О'Тул пробормотал:

— Хватит вам философствовать, док.

— А ты занимайся своей цифирью, О'Тул. У тебя, как я вижу, душа напрочь отсутствует. Так вот, эти ребята жаждут измерить, на каких таких скоростях вы работаете. Им неважно, как вы это делаете,— они уже оправились от удара, что эта скорость превышает скорость света, им только хочется выяснить, какова же она конкретно. Их не удовлетворяет то, что вы делаете это мгновенно, иначе им, знаешь ли, пришлось бы из одной веры переходить в другую. Они хотят точно установить скорость передачи мысли — скажем, во столько-то раз быстрее скорости света. А узнав это, они модифицируют свои уравнения и с радостным визгом вернутся в свои привычные и хорошо наезженные колеи.

— Это уж точно,— согласился О'Тул.

— Но есть и третья школа мыслителей, единственно правильная... Моя школа.

О'Тул, не поднимая глаз, издал губами неприличный звук.

— У тебя что, приступ астмы? — с наигранной тревогой спросил Бэбкок.— Между прочим, хоть какие-нибудь результаты ты уже получил?

— Пока ничего определенного. Отклонения времени в обе стороны то отрицательные, то положительные, но всегда в пределах ошибки наблюдения.

— Видишь, сынок? Вот это и есть правильная школа. Она измеряет, что происходит, а там хоть трава не расти.

— Слушайте! Слушайте!

— Заткнись ты, гнусный ирландский ренегат! Кроме того, вы, мыслечитчики, впервые дали нам реальный шанс *проверить* еще одно дельце. О преобразованиях Лоренца слыхал?

— Вы имеете в виду уравнение Эйнштейна?

— Ясное дело. Тебе известно то, которое относится ко времени?

Я поднапрягся. Мы с Патом прослушали курс физики на первом году обучения. Это было уже давненько. Я взял бумажку и изобразил на ней формулу в том виде, в котором она мне запомнилась:

$$t_o = t \times \sqrt{1 - v^2/c^2}.$$

— Именно это,— отозвался доктор Бэбкок.— При относительной скорости «v» временной интервал в первой системе координат равняется временному интервалу во второй системе координат, умноженному на корень квадратный из единицы минус квадрат отношения относительной скорости к скорости света. Конечно, это — формула специальной теории относительности для постоянных скоростей. При наличии ускорения все делается сложней, однако существует множество разногласий в вопросе о значении этой формулы, если она вообще хоть что-то значит.

Я выпалил:

— Как! А я был уверен, что теория Эйнштейна доказана?! — Мне внезапно стало ясно, что, если уравнения Эйнштейна неверны, нам придется пробыть в пути чертовски много времени; ведь τ Кита — наша первая цель — лежит в одиннадцати световых годах от Солнца... А это всего лишь первая цель, другие-то куда дальше.

Но ведь все говорили, что, как только мы достигнем околосветовой скорости, месяцы станут пролетать мимо нас будто дни. Уравнения Эйнштейна *доказывали,* что это так.

— Внемли же мне! Скажи, как можно доказать, что в птичьем гнезде *действительно* есть яйца? Не мучай без нужды свое серое вещество: надо просто залезть на дерево и посмотреть. Другого пути нет. Вот мы и лезем на дерево.

— Как это прекрасно,— сказал О'Тул.— Сними штаны и лезь выше.

— Потише там! Одна из философских школ утверждает, будто эти уравнения означают всего лишь, что часы станут показывать другое время, если ты станешь смотреть на них с той звезды, мимо которой пролетаешь... чего ты, конечно, сделать никак не можешь. А реального сжатия или растяжения времени происходить не будет, что бы там ни означал сам термин «реальное». Другая школа, опираясь на соответствующие формулы для расстояния и массы, а также на то, что знаменитый опыт Майкельсона-Морли показал, что преобразование расстояния является «реальным», а также на то, что увеличение массы поддается расчету и практически используется в ускорителях элементарных частиц и вообще в ядерной физике, например, в двигателе нашего корабля, делает из этих соображений вывод, что различия в течении времени тоже должны быть настоящими, поскольку выведенные из него формулы подтверждаются практикой. Однако толком никто ничего не знает. Так что остается одно — лезть на дерево и смотреть.

— И когда же мы узнаем правду?

Я все еще никак не мог успокоиться. Ведь я соглашался провести на корабле несколько лет *эйнштейновского* времени. То, что мы можем погибнуть в эти годы (а дядя Стив говорил, что, вероятнее всего, именно это с нами и произойдет), меня как-то мало беспокоило. Но смерть на «Элси» от старости — вовсе не то, на что я рассчитывал. Страшно было даже подумать, что мне предстоит стать пожизненно заключенным внутри этих стальных стен.

— Когда? Господи, да это нам уже *известно!*

— Известно?! И каков же ответ?

— Не торопи меня, сынок. Мы летим уже пару недель при ускорении, равном 1,24 g; к настоящему времени мы достигли скорости около девяти тысяч миль в секунду. Пока мы еще не очень удалились от Земли, скажем, всего лишь на половину светового

часа или на 5 450 000 000 миль. Нам понадобится не менее полугода на то, чтобы приблизиться к скорости света. Но, тем не менее, мы уже сейчас идем на внушительном проценте этой скорости — примерно на пяти процентах ее. Этого достаточно, чтобы определиться. Ее воздействие на время вполне поддается измерению с помощью вас — мыслечитчиков.

— И что же, сэр? Есть ли реальная разница во времени или только относительная?

— Ты орудуешь ошибочными терминами, но эта разница «реальна», если считать, что данное слово имеет какой-то смысл. Отношение сейчас составляет около 99,9%.

— Если говорить точнее,— добавил О'Тул,— то «пробуксовка Барлетта», таков технический термин, который я только что изобрел, то есть его отставание во времени по сравнению со временем его братишки на Земле, достигла двенадцати единиц на десять тысяч.

— И ты смеешь выставлять меня врунишкой из-за одной пятидесятой какого-то жалкого процентика? — жалобно заныл Бэбкок.— О'Тул, ну зачем я взял тебя с собой?

— Только для того, чтобы было кому исправлять ваши арифметические ошибки,— ответил его помощник.

Пат велел мне не болтаться под ногами, когда его начнут оперировать, но я все же возник. Я заперся в каюте, чтоб никто меня не беспокоил, и связался с Патом. Он спорить не стал; когда я что-то говорил, он отвечал, и чем ближе подходил час операции, тем охотнее шел он на общение... Просто оживленная болтовня ни о чем и обо всем. Однако меня это не могло обмануть.

Когда его увезли на каталке в операционную, он сказал:

«Том, видел бы ты моего анестезиолога! Прекрасна, как солнечный день! И размер удобный, чтоб держать на коленях».

«Разве ее лицо не закрыто маской?»

«Знаешь, не совсем. Мне видны ее очаровательные голубые глазки. Думаю, стоит спросить, не свободна ли она сегодня вечерком».

«Моди это может не понравиться».

«Ты Моди сюда не впутывай; должен же больной иметь хоть какие-то привилегии? Подожди минутку, я ее спрошу».

«И что она ответила?»

«Говорит "не очень" и что я тоже буду в этаком положении несколько дней. Но номер телефона я у нее все же возьму».

«Ставлю два против пяти, она тебе его не даст».

«Ладно, попытка не пытка... Ох, ох, слишком поздно. Они уже начинают... Том, ты бы даже не поверил, что бывают такие иглы. Она величиной с воздушный шланг. Анестезиолог хочет, чтоб я считал. О'кей! Все, что угодно, за улыбку. Один... два... три...»

Пат дошел до семи, я тоже вел отсчет. И с каждой секундой ощущал, как все сильнее и сильнее меня охватывает чувство непереносимого напряжения и ужаса. Теперь я знал, что Пат с самого начала был уверен, будто не выйдет отсюда живым. На счете «семь» он потерял над собой контроль, хотя мозг еще не отключился. Может, те, кто стоял у операционного стола, думали, что он уже потерял сознание, но я знал, что это не так; он был в ловушке и кричал, и молил, чтоб его спасли из нее.

Я окликнул его, и он звал меня, но встретиться друг с другом нам не удалось. А потом и я попал в ловушку. И так же, как он, почувствовал, что заблудился, что не могу понять, что со мной происходит, что мы ощупью бредем в ледяной тьме и страшном одиночестве пространства, в котором обречены умереть.

А затем я почувствовал, как в спину мне вонзается лезвие ножа, и заорал от невыносимой боли.

Из того, что было дальше, мне вспоминаются лишь какие-то лица, плавающие надо мной. Кажется, кто-то произнес:

— Смотрите, он приходит в себя, доктор.

Мне почудилось, что этот голос не принадлежит ни одному из склонившихся надо мной лиц; он звучал откуда-то издалека.

Потом осталось только одно лицо, которое спросило:

— Тебе получше?

— Пожалуй, да. А что случилось?

— Ну-ка, выпей это. Давай я поддержу тебе голову.

Когда я снова очнулся, то обнаружил, что спать больше не хочется и что я лежу в корабельной больничке. Там был и доктор Деверо, склонившийся надо мной.

— Решил, значит, все-таки вынырнуть на поверхность, юноша?

— Вынырнуть откуда, доктор? Что произошло?

— Точно не знаю. Но ты выглядел как классический случай пациента, погибающего от хирургического шока. К тому времени, когда нам удалось взломать замок твоей двери, ты был уже почти мертв. Ну и задал ты нам работенку! Ты можешь мне рассказать, как это было?

Я попытался собраться с мыслями и вдруг вспомнил. Пат! Я мысленно вызвал его:

«Пат! Где ты, дружище?»

Он не ответил. Я сделал еще попытку, и, когда он снова не ответил, я понял все. Сел на койке и с трудом выдавил:

— Мой брат... он *умер!*

Доктор Деверо прикрикнул на меня:

— Чушь! Приди в себя! Ляг! Вовсе он не умер... разве что произошло это за последние десять минут, в чем я сильно сомневаюсь.

— Но я не могу до него докричаться! Откуда вы знаете? Говорю вам, я не могу до него докричаться.

— Послушай, перестань-ка ты прыгать до потолка! А знаю я потому, что непрерывно следил за происходящим все утро с помощью вахтенных мыслечитчиков. Сейчас он спит, приняв восемь гранов гипнала, вот почему ты и не можешь до него дотянуться. Может быть, я и дурак, сынок,— я ведь, как идиот, не предупредил тебя, что ты должен держаться подальше от операционного стола, но я все же давно занимаюсь починкой человеческих мозгов и в известной степени представляю, что произошло с тобой в эти часы. Меня извиняет только то, что с подобной ситуацией я столкнулся впервые.

Тут я слегка успокоился. В том, что мне не удается пробиться к Пату, если его накачали наркотиками, нет ничего удивительного. Отвечая на вопросы доктора Деверо, я умудрился более или менее связно рассказать о том, что со мной случилось, но, конечно, не во всей полноте, так как передать другому человеку представление о том, что происходит в вашей собственной черепушке, невозможно.

— Э-э-э... а успешно ли прошла операция, доктор?

— Что ж, пациент выкарабкался из нее живым. Поговорим об этом позже. А сейчас повернись.

— Чего еще?

— Повернись на живот. Хочу полюбоваться на твою спину.

Он поглядел на нее, а потом вызвал двух своих помощников. Только в их присутствии он позволил себе пощупать мою спину.

— Больно?

— Ох! О да, там здорово болит. А что у меня со спиной?

— Да, собственно, ничего такого. Просто ты обзавелся двумя отличными стигматами, точно соответствующими разрезам, которые делают при операции Макдугала... а именно эту методику применили, оперируя твоего брата.

— А... а что это значит?

— Это значит, что человеческий мозг невероятно сложен, а мы о нем мало чего знаем. Ну а теперь повернись и спи. Собираюсь продержать тебя в постели еще парочку дней.

Спать мне не хотелось, но уснул почти тотчас. Разбудил меня вызов Пата.

«Эй, Том, где ты? Кончай дрыхнуть!»

«Тут я. В чем дело?»

«Том... ко мне вернулись мои ноги!»

— Да знаю я,— буркнул я и опять погрузился в сон.

ГЛАВА IX

Кое-что о сородичах

Поскольку Пат одержал победу над параличом, я должен был бы чувствовать себя на верху блаженства, так как имел вроде бы все, чего только мог пожелать. Однако почему-то получилось совсем по-другому. До того как с Патом произошло несчастье, я отлично знал, почему я психую — потому что он летит, а я нет. После же несчастного случая я чувствовал себя виноватым, так как получил желаемое благодаря катастрофе, сломавшей жизнь брату. Казалось, подло ощущать себя счастливым, раз он превратился в калеку, тем более что из-за его увечья я приобрел то, чего желал больше всего на свете.

Значит, теперь, когда он стал выздоравливать, я должен был бы радоваться и вернуть себе ощущение счастья.

Скажите, а вам когда-нибудь приходилось бывать на вечеринке, от которой вы ожидали бурного веселья, а оно внезапно обер-

нулось для вас жуткой скучищей? Без всякой причины — просто веселья нет, а мир сер и пресен.

Кое-что из того, что лишало меня аппетита к жизни, я мог определить. Во-первых, присутствие Дасти, но его от меня к этому времени уже забрали. Во-вторых, были и другие люди, особенно среди электронщиков, с которыми мы отстаивали вахты и которые называли нас «выродками» и другими дурацкими прозвищами и держались с нами соответственно. Но капитан расчистил и это, а когда мы познакомились поближе, люди вообще забыли о таких мелочах. Одна из релятивисток — Джанет Мейерс — блестяще считала в уме, что делало ее тоже своего рода выродком, но все смотрели на это как на самую обычную способность и вскоре стали относиться точно так же и к тому, что делали мы.

После того как мы вышли из сферы действия радиосвязи с Землей, капитан вывел нас из-под начала коммодора Фрика и организовал самостоятельный отдел, во главе которого поставил Альфреда Макнейла, а его заместителем сделал Руперта Хауптмана, так что Руп стал следить за расписанием вахт, а Дядюшка Альфред взял на себя заботы о нашем питании и дисциплине. Старого Дядюшку мы любили слишком сильно, чтоб доставлять ему неприятности, и если кто-то из нас начинал валять дурака, то Дядюшка огорчался, а мы хорошенько наподдавали виновнику. Это срабатывало отлично.

Думаю, что реорганизацию порекомендовал капитану доктор Деверо. Дело в том, что коммодор Фрик нас не очень жаловал. Он был инженером-электронщиком и всю жизнь переходил от одной хорошей аппаратуры связи к другой, еще лучшей... И вдруг появились мы, которые обеспечивали связь быстрее и лучше, причем без всякой аппаратуры. Коммодора я не виню: я бы на его месте тоже обозлился. Но все равно с Дядюшкой Альфом нам работалось лучше.

Весьма вероятно, что часть моих переживаний возникла в связи с «Васко да Гамой». Самое тяжелое в космическом полете — это то, что в нем ровным счетом ничего не происходит. Поэтому очень скоро важнейшим событием дня для нас стало появление нашей утренней газеты. Весь день каждый мыслечитчик, стоявший на вахте (разумеется, когда он не был занят передачами, что требовало не так уж много времени), записывал новости. Таким

образом, служба новостей у нас была даровая, даровыми же были и тематические статьи, а Дасти иллюстрировал материал, копируя картинки, посылавшиеся ему его близнецом Расти. Ночной вахтенный связист редактировал материалы, а мыслечитчики и связисты утренней вахты печатали газету, так что она появлялась в столовой уже к первому завтраку.

Объем газеты мы не оговаривали; он определялся тем, сколько могла наработать такая малочисленная редакция. Помимо новостей из Солнечной системы, мы давали еще корабельные новости и не только с «Элси», но и с остальных одиннадцати кораблей эскадры. Все (кроме меня) хорошо знали членов экипажей этих кораблей. Они либо встречались с ними в Цюрихе, либо, подобно таким космическим волкам, как капитан и некоторые другие, имели друзей и знакомых, дружеские отношения с которыми уходили в глубь времен.

В большинстве случаев корабельные новости носили, так сказать, сугубо внутренний характер. Нам же они доставляли больше удовольствия, чем сообщения с Земли или из Солнечной системы, так как мы ощущали кровную близость с кораблями эскадры, хотя нас разделяли миллиарды миль, а сами корабли с каждой секундой удалялись от нас. Когда на «Лейфе Эрикссоне» поженились Рей Джилберти и Сумира Ватанабе, на каждом корабле эскадры устроили бал. Когда же на «Пинте» родился ребенок, а нашего капитана пригласили быть крестным отцом, мы все ужасно гордились этим.

С «Васко да Гамой» нас связывал Кас Уорнер, а мисс Гамма Фортни соединяла «Элси» с «Марко Поло» и «Санта-Марией» через своих сестер мисс Бету и мисс Альфу. Кроме того, мы получали новости и с других кораблей, но только, так сказать, кружным путем. Корабельные новости никогда не подвергались сокращениям, зато новости с Земли корнали частенько. Уже и сейчас Мама О'Тул жаловалась, что, если объем газеты будет и дальше расти, ей придется или выдавать чистые наволочки и простыни только раз в неделю, или инженеры должны будут построить новую прачечную только для стирки газет. И все же у Отдела экологии всегда была наготове чистая и свежевыглаженная бумага для каждого нового выпуска.

Иногда мы выпускали и дополнительные экстренные номера, как, например, в тот раз, когда Люсиль Лавонн выиграла титул Мисс Солнечная система и Дасти написал ее портрет, да еще такой, что можно было поклясться, будто это фотография. На этом выпуске мы потеряли много бумаги, так как нашлось немало любителей, которые повесили свои экземпляры на стенку кают, вместо того чтобы вернуть их назад для последующего восстановления. Я и сам так поступил и даже уговорил Дасти поставить на рисунке свой автограф. Его это удивило, но и обрадовало, хотя ответил он мне грубостью; художнику все же свойственно ценить свою работу, сказал бы я, даже если он всего лишь ядовитый нахаленок.

Я говорю все это к тому, что появление газеты «Элси Таймс» было одним из важнейших событий дня, а корабельные новости — центральной частью ее содержания.

Я не был на ночной вахте, но к завтраку опоздал-таки. Когда я влетел в столовую, все сидели, как обычно, уткнув носы в свои экземпляры «Таймс», но к еде никто даже не притронулся. Я сел между Ваном и Пруденс и спросил:

— В чем дело? Чего все такие понурые?

Пру молча сунула мне «Таймс».

Первая страница была обведена траурной рамкой. И очень большими буквами шел заголовок «Погиб "Васко да Гама"».

Я не мог в это поверить. «Васко» отправился к Альфе Центавра, но ему предстояло добираться туда еще не меньше четырех лет по земному времени: он пока еще далеко не достиг околосветовой скорости. Не было никаких причин, чтобы в тех местах, где летел корабль, ждать каких-то опасностей. Должно быть, ошибка.

Я перевернул лист, чтобы посмотреть статью на второй странице. Там в рамочке было напечатано сообщение коммодора «Санта-Марии».

«Официальное сообщение. Сегодня в ноль три часа тридцать четыре минуты по гринвичскому времени был утерян контакт с РКК "Васко да Гама" (ФППИ 172). В это время у него были задействованы две линии спецсвязи — одна с Землей, другая с "Магелланом". В обоих случаях передачи прекратились на полуслове без предупреждения и примерно в один и тот же момент, если учесть различия в корабельном времени. На корабле было одиннадцать

связистов-телепатов; возобновить с ними связь оказалось невозможно. В силу сказанного, следует считать корабль со всей его командой погибшим».

Сообщение от ФППИ всего лишь подтверждало, что связь с кораблем утеряна. Было еще заявление нашего капитана и более подробная статья с комментариями, полученными с других кораблей: я прочел все подряд, но все равно суть дела укладывалась в один заголовок... «Васко» ушел туда, куда уходят все корабли, если они не возвращаются в порт.

Внезапно я вспомнил что-то и огляделся. Место Каса Уорнера пустовало. Дядюшка Альф перехватил мой взгляд и сказал шепотом:

— Он знает, Том. Капитан разбудил его и сообщил сразу же, как только это произошло. Хорошо лишь одно — он не был на связи с братом, когда произошла катастрофа.

Я не уверен, что Дядюшка Альф правильно оценил ситуацию. Если бы так случилось с Патом, я хотел бы быть с ним до конца, верно ведь? Думаю, да, хотел бы. Во всяком случае уверен, что сам Дядюшка отдал бы все на свете, чтобы только держать ручку Конфетки в своей руке, если бы произошло что-то и ей пришлось бы совершить Большой Прыжок раньше него. А Кас и его брат Калеб были очень близки; я это хорошо знаю.

Ближе к вечеру того же дня капитан отслужил заупокойную службу, и Дядюшка Альфред произнес короткую проповедь, а все мы спели молитву о путешествующих. После этого мы притворились, что никогда на свете не было корабля, называвшегося «Васко да Гамой». Правда, это было чистое притворство.

Кас покинул наш стол, и Мама О'Тул взяла его к себе помощником. Кас и его брат работали в каком-то отеле до того, как их заарканил ФППИ, так что Кас стал ей неоценимым подспорьем; держать корабль с двумя сотнями пассажиров в состоянии экологического равновесия — работенка будь здоров! Бог мой, да только выращивать пищу для двухсот человек и то огромное дело, а тут еще надо было использовать сельское хозяйство для поддержания атмосферного баланса; а ведь только производство дрожжевых культур и гидропоника полностью занимали время девяти человек.

Через несколько недель Кас уже взял на себя обязанности по «содержанию дома» и обслуживанию столовой, так что Мама О'Тул могла отдать все силы научным и техническим проблемам, хотя и продолжала присматривать за разнообразием и качеством нашего меню.

И все же не «Васко да Гама» был причиной моего дурного настроения; я там никого не знал. Уж если Кас смог перебороть себя и вести нормальную и полезную жизнь, то я тем более не имел основания для хандры. Нет. Думаю, тут не меньшую роль, чем все остальное, сыграл мой собственный день рождения.

В нашей столовой на стене висели два больших циферблата электронных часов, которые управлялись из вычислительного центра релятивистов. А над ними помещались два электронных же календаря. Ну, типа тех, что висят в банках. Когда мы стартовали, оба часовых циферблата показывали одно и то же время по Гринвичу, а календари — одну и ту же дату. Затем, по мере увеличения ускорения и приближения нашей скорости к скорости света, разрыв между временем «Элси» и временем Земли стал становиться заметнее, и он непрерывно нарастал, что отражалось во все большем расхождении показаний обоих часов. Сначала мы об этом много говорили, а теперь просто не обращали внимания на гринвичский циферблат... Ну какое нам дело до того, что сейчас три часа утра следующей среды по Гринвичу, если на корабле наступило время второго завтрака? Ситуация, в общем, сходная с той, которая существует на Земле в связи с часовыми поясами и расхождениями в датах; каждодневного интереса она не вызывает. Я даже не замечаю ворчания Пата насчет того, что ему приходится вставать на вахту в такие непривычные для него часы, так как сам я выхожу на вахту в любое время суток.

А потому я совершенно обалдел, когда Пат разбудил меня свистком в середине ночи и завопил:

«С днем рождения!!!»

«Э? С чьим?»

«С твоим, дурень! С нашим! Да что с тобой? Считать, что ли, разучился?»

«Но...»

«Умолкни. Мне как раз принесли торт, и все наши собираются петь "Счастливого дня рождения". Я тебе протранслирую».

Пока они пели, я встал и, натянув штаны, отправился в столовую. У нас была середина ночи и поэтому тут горел только ночник. И все же я видел и циферблаты, и электронные календари; ну и, разумеется, по гринвичской дате был наш день рождения, а с учетом разницы в часовых поясах между Гринвичем и Канзасом сейчас дома как раз наступило время ужина.

Но это не был мой день рождения. Я состоял совсем в другом списке, и мне казалось, что в этом есть какая-то дикая несправедливость.

«Я задул все свечи, парень, — весело объявил Пат, — *значит, еще годик нам гарантирован. Ма хочет знать, испекли ли тебе торт там — у вас?»*

«Скажи ей, что испекли».

Разумеется, никто ничего подобного у нас не сделал. Но мне не хотелось вступать с ними в объяснения. Ма и без того легковозбудима, так зачем же еще пытаться разъяснять ей Эйнштейна. Что же касается Пата, так он должен был бы соображать получше.

Домашние подарили Пату новые часы. И он сказал, что там есть еще здоровенная коробка шоколадных конфет, предназначенная для меня,— нельзя ли ему ее открыть и пустить по кругу? Я велел ему начинать, а сам не знал, что делать: то ли радоваться, что меня не забыли, то ли обидеться за этот подарок. Я же не мог ни видеть его, ни потрогать. Вскоре я сказал Пату, что мне пора спать, попросил его пожелать всем спокойной ночи и поблагодарить их от моего имени. Заснуть не мог долго; лежал с открытыми глазами, пока не зажглись дневные огни в коридорах.

На следующей неделе на наш стол и в самом деле принесли торт, и все пели для меня, и я получил уйму сделанных из самых лучших побуждений, но совершенно не нужных подарков — а что вы можете подарить человеку на корабле, когда вы едите за одним столом, а снабжаетесь из одного и того же склада? Я встал и поблагодарил всех, кто-то заорал «речь!», и я остался и танцевал с девушками. Тем не менее, я никак не мог воспринять и этот день, как день *своего* рождения, так как мой миновал еще на прошлой неделе.

Пожалуй, именно на следующий день после этого в мою каюту заглянул дядя Стив и, конечно, обнаружил меня там.

— И где это вы прячетесь, молодой человек?

— А? Да нигде.

— Вот и я так подумал.— Он уселся на мой единственный стул, а я лег на койку.— Всякий раз, как ты мне понадобишься, тебя нигде нет. Ты же не стоишь весь день на вахте и не вкалываешь без передышки где-нибудь еще. Так где же ты торчишь? — Я промолчал. Я и сейчас был там, где проводил большую часть времени, то есть лежал на койке и пялился в потолок. Дядя Стив не отставал: — Когда человек во время полета начинает забиваться в щель, то обычно лучше всего, как я знаю по опыту, предоставить его самому себе. Он либо преодолеет свою тоску сам, либо в один прекрасный день отправится к воздушному шлюзу, не утруждая себя заботой о скафандре. Но в первом и во втором случае ему не хочется, чтоб к нему приставали. Однако ты сын моей сестры, и я несу за тебя определенную ответственность. Что с тобой? Ты никогда не приходишь потрепаться или сыграть во что-нибудь вечерком, а шляешься с тоскливо вытянутым лицом; что тебя грызет?

— Со мной все в порядке,— ответил я зло. Дядя Стив разделался с моим ответом с помощью краткого и крайне неприличного слова.

— Давай-ка выкладывай, мальчуган. С тобой что-то творится с тех самых пор, как погиб «Васко да Гама». В этом, что ли, дело? Сдают нервишки? Если так, то у доктора Деверо есть в запасе пилюли с синтетической храбростью. Никто не обязан знать, что ты их принимаешь, да и стыдиться тут нечего, так как каждый из нас время от времени обнаруживает, что подхватил медвежью болезнь. Мне даже стыдно сказать тебе, какую острую форму она приобрела в первый раз, когда я оказался в бою.

— Нет. Не думаю, что дело в этом.— Честно говоря, я ведь думал об этом, и очень может быть, что все к тому и сводилось.— Дядя Стив, а что случилось с «Васко»?

Он пожал плечами:

— Или реактор пошел вразнос, или они во что-то врезались.

— Но реактор *не может* пойти вразнос, правда ведь? И в космосе налететь не на что.

— Что ж! И то и другое верно. Но предположим, что реактор все же взорвался. Тогда в миллионную долю секунды корабль

должен был превратиться в маленькую звезду. И я не могу представить себе лучшего конца человеческой жизни. Впрочем, и второй вариант тоже был бы скор, так скор, что ты не заметил бы никакой разницы с первым. Думал ли ты когда-нибудь, сколько кинетической энергии мы запихали в этот корабль при такой-то скорости? Доктор Бэбкок говорит, что когда мы достигнем скорости света, то по сути дела превратимся в волновое излучение, хотя и продолжим с удовольствием лопать картофельное пюре с подливкой, не замечая в их вкусе ровным счетом никакой разницы.

— Но мы же на самом деле такой скорости никогда не достигнем?

— Док сказал то же самое. Мне следовало бы употребить слова «если достигнем». Это тебя и беспокоит, малыш? Боишься, что вдруг раздастся «бух!», как на «Васко да Гаме»? Если так, то разреши тебе сказать, что все способы помереть в собственной постели куда хуже... особенно если ты окажешься таким дураком, что согласишься помереть от старости... Кстати, это та судьба, которой я всеми силами постараюсь избежать.

Мы поговорили еще немножко, но ни до чего не договорились. Он ушел, пригрозив, что вытащит меня из каюты насильно, если я буду продолжать торчать там больше времени, чем нужно для сна и отдыха. Надо думать, именно дядя Стив стукнул на меня доктору Деверо, хотя оба они это впоследствии отрицали.

Как бы там ни было, а доктор Деверо уже на следующий день перехватил меня в коридоре, увел в свою каюту, усадил и открыл толковище. У него была большая, обжитая, удобная, но не так чтобы очень прибранная каюта. В своей хирургической клинике он никого не принимал.

Я немедленно потребовал отчета, на каком основании он пожелал со мной беседовать.

Док широко открыл свои лягушачьи гляделки и принял совершенно невинный вид.

— Случайно наскочил на тебя, Том.— Он взял в руки колоду перфорированных карточек.— Видал, сколько?! Это карточки тех, с кем мне довелось пообщаться на этой неделе. Надо же мне делать вид, будто я недаром ем свой хлеб.

— Ладно, на меня вам нечего зря тратить время. Со мной все в порядке.

— Знаешь, а я как раз люблю терять время зря. Психология — роскошный рэкет. Не надо отмывать руки, готовясь к операции, не надо совать свой нос в вонючие глотки пациентов; сиди себе да слушай, как кто-то заливает тебе насчет того, что когда он был маленьким, то терпеть не мог играть с другими маленькими мальчиками. Вот и ты поговори со мной немножко. Говори, что хочешь, а я пока подремлю. Если будешь болтать достаточно долго, то, может, я успею отдохнуть после той партии в покер, на которой я проторчал почти всю ночь, а вдобавок отмечу в дневнике, будто бы проработал чуть ли не целый день.

Я сделал попытку заговорить о чем-то нейтральном, но из этого ничего путного не вышло. Пока я пыхтел, меня вызвал Пат. Я попросил его выйти на связь попозже — сейчас я занят. Доктор Деверо внимательно наблюдал за выражением моего лица, а затем неожиданно спросил:

— О чем ты сейчас думал?

Я объяснил, что это дело может и подождать — просто со мной хотел поговорить брат.

— Хм... Том, расскажи-ка мне о своем братишке. У меня не было времени познакомиться с ним поближе там, в Цюрихе.

И прежде чем я понял, что делаю, я уже успел выложить ему кучу сведений о нас обоих. С доктором было удивительно легко говорить. Дважды я решал, что он спит, но каждый раз, когда я замолкал, он просыпался и задавал вопрос, который заставлял меня начинать разговор по-новой.

Наконец док произнес:

— Знаешь, Том, однояйцевые близнецы представляют исключительный интерес для психологов, не говоря уж о генетиках, социологах или биохимиках. Вы появились из одного яйца столь сходными, какими только могут быть два органических комплекса. А затем стали превращаться в двух совершенно разных людей. Связаны ли эти расхождения только с окружающей средой? Или действует и нечто совсем другое?

Я прокрутил в уме сказанное.

— Вы имеете в виду душу, сэр?

— М-м-м... спроси у меня об этом в следующую среду... Иногда нам приходится резко отделять свое частное или личное мнение от собственных же социальных или научных взглядов. Впрочем,

не обращай внимания. Главное то, что вы, близнецы-мыслечитчики, необычайно интересны. Я надеюсь, что серендипиозные результаты проекта «Lebensraum» будут, как это нередко случается, куда значительнее ожидаемых.

— Сере... что, доктор?

— А? Серендипиозные. Это прилагательное от слова «серендипити». А серендипити означает, что ты копаешь землю, надеясь отыскать там червяка, а наталкиваешься на золотую жилу. В науке так бывает сплошь и рядом. И в этом причина того, что «бесполезная» чистая наука всегда практичнее работ, нацеленных на решение практических задач. Но давай поговорим о тебе. Я не могу решить за тебя твои собственные проблемы, это ты должен сделать сам. Давай поваляем дурака и сделаем вид, что я могу помочь... хотя бы в оправдание получаемой мной зарплаты. Видишь ли, два обстоятельства торчат наружу, как забинтованный большой палец. Первое — это то, что тебе не нравится твой брат.— Я начал было протестовать, но он даже слушать меня не стал.— Дай мне говорить. Почему ты так уверен, что ошибаюсь именно я? Ответ: потому, что тебе с колыбели внушали, что ты его любишь. Родные братья всегда «обожают» друг друга: это одна из основ нашей цивилизации, столь же прочная, как мамочкин яблочный пирог по праздникам. Люди обычно верят тому, что им твердят с ранних лет и достаточно часто. Надо думать, что сама по себе вера в братскую «любовь» — прекрасная штука, так как у братьев и сестер куда больше возможностей и причин ненавидеть друг друга, чем у кого бы то ни было.

— Но мне же Пат *нравится!* Это только...

— «Только». Только что? — настойчиво и спокойно спросил док, когда я бросил фразу неоконченной. Я не ответил, а он закончил ее сам: — Только то, что у тебя есть все основания его не любить. Он помыкал тобой, и изводил тебя, и хватал то, что было особенно желанно для тебя. Когда же он не мог добиться своего в честной драке, он бежал за помощью к вашей матери, чтоб она через отца помогла ему получить желаемое. Ему досталась девушка, о которой мечтал ты. Так почему же такой брат должен тебе нравиться? Если б он был посторонним, а не братом-близнецом, неужели ты бы полюбил его за такие пакости? Или возненавидел бы?

Вкус сказанного мне совсем не понравился.

— Я был к нему несправедлив, доктор. Не думаю, чтобы Пат понимал, что он поступает по-свински... и уверен, что наши родители намеренно никогда не поощряли любимчиков. Возможно, я просто расхныкался от жалости к себе.

— Может быть, и так. Может быть, во всей этой истории нет ни слова правды, и ты в силу особенностей своего характера просто не способен отличить правду от лжи, поскольку сам замешан в этом деле... И все же суть его заключается в том, что ты именно так оцениваешь ваши отношения... Тебе такой человек был бы отвратителен, но беда в том, что этот человек — твой брат-близнец и ты «обязан» его любить. Оба чувства борются между собой. И ты не обретешь внутреннего мира, пока не поймешь, какое из этих чувств фальшивка, и не отделаешься от него. А уж это зависит только от тебя самого.

— Но, черт возьми, доктор, я же *действительно люблю Пата!*

— В самом деле? Тогда тебе лучше выкинуть из головы представление, что все эти годы он пытался всучить тебе грязный конец палки. Сильно сомневаюсь, чтобы тебе это удалось. Ты просто привык к нему; нам всем приятны вещи, к которым мы привыкли,— старые туфли, старые трубки; даже дьявол, которого мы знаем давно, для нас лучше, чем совсем незнакомый. Ты лоялен по отношению к брату; он тебе необходим, а ты — ему. Но любить его? Мне это представляется в высшей степени маловероятным. С другой стороны, если тебе удастся вбить в свою голову мысль, что у тебя больше нет нужды, чтоб он нравился тебе, то, может быть, ты в конце концов и полюбишь его немного за то, каков он есть в действительности. И, уж конечно, станешь более терпимым к Пату, хотя я и сомневаюсь, что когда-нибудь ты сумеешь полюбить его по-настоящему. Ведь он довольно неприятный тип.

— Это неправда! Пат всегда всем нравился.

— Только не мне... М-м-м... Том, я ведь немного сжульничал. Я знаю твоего брата гораздо лучше, чем сказал тебе. Ни один из вас, по правде говоря, особого восторга не вызывает, но вы с ним действительно очень похожи. Ты уж не обижайся. Я-то терпеть не могу «милых» людей, их «приятная легкость» выворачивает мне кишки. Я люблю импульсивных ребят с прочной сердцевиной,

замешанной на здоровом эгоизме; с точки зрения моей профессии, такие люди находка. Ты и твой братишка примерно одинаково эгоистичны, но он умудряется извлекать из этого больше прибыли. Кстати, он тебя любит.

— Э-э...

— Да. Ну, как он любил бы собаку, которая послушно бежит на его свист. Он ощущает себя как бы покровителем, особенно когда это не противоречит его собственным интересам. Одновременно он тебя презирает; считает слабаком, а, по его мнению, смиренники недостойны наследовать Землю; право на это имеют лишь такие крутые ребята, как он сам.— Я обдумал сказанное и разозлился. Я и не сомневался, что Пат именно так и относится ко мне — снисходительно-покровительственно — и с готовностью позаботится, чтобы я получил свой кусочек пирога... при условии, что *он* получит больший.— Вторая вещь, которая совершенно очевидна,— продолжал док Деверо,— заключается в том, что ни ты, ни твой брат не хотели отправляться в полет.

Это было столь чудовищно несправедливо и ложно, что я разинул рот, да так и позабыл его закрыть. Доктор Деверо поглядел на меня.

— Да? Что ты хотел сказать?

— Господи, да это самая большая глупость из всех, что мне приходилось слышать, доктор! Единственный настоящий разлад между мной и Патом возник именно потому, что мы оба хотели лететь, но в полет мог уйти только *один*.

Док покачал головой:

— Все обстоит как раз наоборот. Вы оба хотели остаться дома, но сделать это мог только один. Просто твой брат, как всегда, выиграл.

— Да ничего подобного! Да, Пат выиграл, но выиграл лишь *шанс* на полет: а это вовсе не то, что говорите вы! И он полетел бы, если б не тот несчастный случай!

— «Тот несчастный случай!»...М-м-м...Да! — Доктор Деверо сидел неподвижно, голова опущена на грудь, ручки сложены на животе, сидел так долго, что я было подумал, уж часом не заснул ли он? — Том, я собираюсь сказать тебе нечто, что тебе не положено знать; скажу лишь потому, что считаю необходимым для

твоего спокойствия. Только прошу, чтоб ты никогда не обсуждал этого вопроса с братом... Если ты это сделаешь, я... я выставлю тебя перед всем белым светом жалким лгунишкой. Потому что для Пата это было бы гибельно. Ты меня понял?

— Тогда незачем мне и говорить,— ответил я грубо.

— А ты заткнись и слушай.— Док взял со стола какую-то папку.— Здесь доклад об операции, сделанной твоему брату, написанный на том жаргоне, которым мы пользуемся, чтобы пациенты ничего не поняли. Ты тоже не поймешь, да к тому же доклад был послан не прямо к нам, а через «Санта-Марию» и закодирован. Хочешь знать, что они обнаружили, распотрошив твоего братишку?

— Хм... не особенно.

— Его позвоночник не был поврежден.

— Как?! Вы хотите сказать, что Пат *симулировал* паралич? Я вам не верю.

— Легче, легче, сынок. Конечно, не симулировал. Ноги *были* парализованы. Он и не смог бы симулировать паралич так, чтобы нейрохирург не определил бы этого. Я сам его осматривал; твой брат был парализован. Но не из-за повреждения позвоночника — это знал и я, и те хирурги, которые его оперировали.

— Но...— Я потряс головой.— Видимо, я совсем отупел...

— Успокойся, мы тут все такие. Том, человеческий мозг вовсе не простое устройство; это ужасно сложная штуковина. Где-то на его верхушке находится сознание, у которого имеются собственные мысли и стремления, частично порожденные самим мозгом, частично внушенные ему пропагандой, образованием, желанием производить хорошее впечатление и стремлением казаться в глазах других людей привлекательным. А ниже лежит подсознание — слепое, глухое, тупое и коварное, обладающее, как правило, совсем другим набором стремлений и другими мотивациями действий. Оно стремится получить свое... и когда ему это не удается, оно поднимает бучу, пока не будет удовлетворено полученным результатом. Если ты хочешь обрести легкую жизнь, то фокус заключается в том, чтобы, узнав, чего именно хочет твое подсознание, предоставить ему это на льготных условиях, прежде чем оно доведет тебя до эмоционального банкротства, добиваясь получения того, чего жаждет. Ты знаешь, что такое психопат?

— Хм... сумасшедший.

— «Сумасшедший» — тот термин, от которого мы стремимся избавиться. Психопат — это бедняга, которому пришлось продать свою лавочку и отправиться в мир голышом, чтобы удовлетворить требования своего подсознания. Он достиг с ним соглашения, но оно разорило его. Моя работа заключается в том, чтобы помогать людям достигать соглашений, которые не разоряли бы их. В общем, я исполняю роль хорошего адвоката. Мы никогда не советуем своим клиентам избегать всякого соглашения, а просто добиваемся, чтобы оно было заключено на наиболее выгодных для них условиях. Так вот — к чему я веду: твоему брату удалось заключить соглашение со своим подсознанием на весьма приемлемых условиях, даже на очень хороших, учитывая, что он сделал это без квалифицированной помощи специалиста. Его сознание подписало контракт с ФППИ, а его подсознание решительно заявило, что он ни в коем случае не должен этот контракт выполнять. Конфликт был так глубок, что другого человека он мог и погубить. Но не твоего брата. Поэтому его подсознание предпочло устроить несчастный случай, такой, который мог бы вызвать паралич, и в самом деле вызвал его — *настоящий* паралич, заметь: не какую-нибудь пошлую подделку. Просто твой брат с честью избавился от обязательства, которого он выполнить не мог. Затем, когда отправиться в полет было уже физически невозможно, он подвергся операции. Хирургия просто-напросто устранила крохотный дефект на кости, но ему внушили, что паралич будет излечен... Так оно и произошло.

Деверо пожал плечами.

Я обдумывал сказанное, пока у меня в голове не наступил полнейший сумбур. Эти сознания, подсознания... я же учил про них и даже сдавал зачеты... но я так и не разобрался, не обнаружил их глубинного смысла. Док Деверо мог ими пользоваться как своего рода «образами», пока не посинеет, но все равно они не смогут опровергнуть тот факт, что и Пат и я *стремились* к полету, и единственной причиной того, что Пат остался на Земле, был несчастный случай, превративший его в калеку. Может быть, паралич и был проявлением истерии, может быть, Пат сам запугал себя и внушил себе, что покалечен сильнее, чем это было на самом деле. Вот и все. И ничего больше.

Однако доктор Деверо говорил так, будто этот несчастный случай вовсе не был несчастным случаем. Ну и что? Может быть, Пат позеленел от страха, а гордость не позволяла ему это показать? Но я все равно не допускал даже мысли, что по горному склону он скатился нарочно.

В любом случае док глубоко заблуждался в одном: я хотел лететь. О, может быть, я где-то в глубине души и трусил, а кроме того, я помнил, как ужасно тосковал вначале по дому... но ведь это же совершенно естественно.

«Но тогда почему же ты так распустил нюни, дурень?»

Нет, это не Пат сказал. Это я сам разговаривал с собой. Черт, а может быть, это было мое подсознание, на этот раз заговорившее в полный голос?

— Док?

— Да, Том?

— Вы сказали, что подсознание всегда побеждает? Значит, вы не правы или в первом случае, или во втором.

Он вздохнул.

— Ну, это не совсем то, что я сказал. Тебя сюда загнали прямо на рысях. Подсознание — оно тупое и часто действует с опозданием, так что у твоего не было времени выработать что-нибудь простенькое, типа несчастного случая с лыжами. Но оно упорное. Оно требует, чтобы ты вернулся домой, а ты этого сделать не можешь. Оно, однако, не желает слышать твоих аргументов. Оно требует от тебя невозможного, подобно ребенку, который плачет из-за того, что ему не дают луну.

Я передернул плечами.

— Послушать вас, так я попал в отвратительную кашу.

— Нечего тебе предаваться такому отчаянью. Гигиена мышления — процесс коррекции того, что может быть скорректировано в адаптации к неизбежному. Перед тобой открыты три пути.

— А мне кажется, ни одного.

— Три. Ты можешь продолжать входить в штопор, пока твой мозг не выработает фантазию, приемлемую для подсознания... Психопатическая приспособляемость или то, что ты назвал «сумасшествием». Или ты будешь продолжать слоняться таким же, каков ты сейчас — несчастный, лишний как для себя, так и для

товарищей по работе. При этом ты постоянно будешь пребывать в опасности свалиться за грань безумия. Наконец, ты можешь пошарить в своем мозгу, познакомиться с ним поближе, выявить, чего он действительно хочет, и показать ему, что и почему он получить не может, после чего заключить с ним достаточно здравый союз, основанный на том, что возможно. Если у тебя хватит мужества и стойкости, ты попробуешь этот путь.

Доктор ждал ответа, пристально вглядываясь в мои глаза.

— Хм... Пожалуй, лучше попробовать. Только как это сделать?

— Уж никак не валяньем на своей койке и скулежом насчет того, что могло бы случиться да не случилось; это уж точно.

— Мой дядя Стив... я говорю о майоре Лукасе...— проговорил я задумчиво,— уже дал мне понять, что этого делать не следует. Он хочет, чтоб я действовал, чтоб побольше общался с людьми. Полагаю, это полезно.

— Конечно, конечно. Только этого мало. Ты не можешь вытащить себя из беды, в которой оказался, только притворяясь, будто стал душой общества на вечеринках. Тебе надо приспособиться к самому себе.

— Да, сэр. Но *как?*

— Что ж, мы этого вряд ли добьемся, если ты будешь ежедневно являться ко мне, рассказывать о себе всякие байки, а я в это время буду держать тебя за ручку. М-м-м... могу посоветовать попытаться письменно изложить свои мысли о том, кто ты такой, где ты был и как оттуда попал сюда. Если изложишь это во всех подробностях, может быть, и поймешь «почему», а также и «как». Копни себя поглубже и, возможно, выяснишь, кто ты такой, чего хочешь и какую часть того, что хочешь, можешь получить.

Наверняка я выглядел здорово ошарашенным, так как док добавил:

— Ты ведешь дневник?

— Время от времени веду. Я захватил его с собой.

— Используй его как источник. «Жизнь и труды Т. П. Барлетта, эсквайра». Пиши как можно подробнее и постарайся говорить правду... и всю правду.

Я обдумал это дело. Есть вещи, которых никому не скажешь.

— Хм... я полагаю, вы захотите это прочесть, доктор?

— Я? Боже упаси! У меня и так продыху нет, а тут еще читать любительские упражнения в художественном творчестве двухсот человек с поехавшей крышей! Нет, это *только* для тебя, сынок; ты будешь писать это самому себе... Но, смотри, пиши так, будто о себе ничего не знаешь и тебе надо все разжевать. Пиши, будто ожидаешь скорой потери памяти и хочешь увериться, что, если нужно, ты опять сможешь сложить цельную картинку. Опиши все.— Он наморщил лоб и добавил недовольным тоном: — Если почувствуешь, что наткнулся на что-то важное и тебе нужен совет со стороны, думаю, я смогу выкроить немножко времени и, в крайнем случае, прочесть страничку-другую. Но обещать наверняка не могу. Пиши для себя самого — для человека, больного амнезией.

И тогда я пообещал ему попробовать... Вот и пробую до сих пор. Пока не вижу, чтоб это принесло много пользы (хотя я вроде и начал постепенно вылезать из болота), да сейчас как раз и времени мало, чтоб делать работу так, как велел док Деверо. Придется по заключительной части пробежаться сравнительно бегло — ведь это первый свободный вечерок, выдавшийся у меня за месяц.

Удивительно все же, как много можно вспомнить, коли берешься за это по-настоящему.

ГЛАВА X

Кое-что о взаимоотношениях

За это время на борту «Элси» много чего произошло. Во-первых, мы уже перевалили через «бугор» и теперь спускались вниз по его противоположному склону, сбрасывая скорость с той же быстротой, с какой наращивали ее после старта; мы должны были прибыть к Тау Кита примерно через шесть месяцев по корабельному времени.

Я, однако, забежал немного вперед в своем рассказе. По корабельному времени прошел уже год, как я начал писать дневник, значит, по земному — пролетело уже двенадцать лет с тех пор, как мы покинули Терру. Но забудем про земное время; оно для нас

ровным счетом ничего не значит. Мы прожили в корабле тринадцать месяцев по местному времени, а за этот срок произошло много событий. Пат женился — нет, разумеется, это случилось не на корабле, и я, видно, начал излагать не слишком удачно.

Вероятно, будет правильнее начать с другой свадьбы, когда Чет Трейверс женился на Мей-Линг Джонс. Это событие было встречено всеобщим одобрением, если не считать одного инженера, который сам был влюблен в нее. Свадьба позволила нам — «выродкам» и электронщикам — окончательно зарыть томагавк войны, поскольку один из них женился на одной из наших, и особенно потому, что сам коммодор Фрик провел невесту под руку по проходу между столиками в столовой, выглядя столь же важным и гордым, как если бы она была его собственной дочкой. Отличная получилась пара; Чету еще не исполнилось тридцати, а, по моим расчетам, Мей-Линг было по меньшей мере двадцать два.

Однако из-за этого брака нам пришлось внести кое-какие изменения в расписание дежурств, и Руп поставил меня дежурить с Пруденс Мэтьюз.

Пру мне всегда нравилась, хоть особого внимания я ей не уделял. Надо было, по меньшей мере, раза два поглядеть на нее, чтобы понять, что вообще-то она хорошенькая. А еще у нее была такая манера смотреть на вас, которая здорово повышала вашу самооценку. К тому времени, как мы начали нести совместные вахты, я как-то мало общался с девушками; думаю, я был «верен» Моди. Но когда я приступил к своей исповедальной истории для доктора Деверо, выяснилось, что если ты что-то напишешь на бумаге, то вроде этому приходит конец. Я сказал себе: «А почему бы и нет? Том, старина, Моди бесповоротно ушла из твоей жизни, так ушла, будто один из нас помер. Но жизнь продолжается, и продолжается она вот тут — в этом самом космическом корыте».

Я не предпринял никаких чересчур решительных действий; просто извлекал как можно больше удовольствия из общества Пру... А удовольствий был вагон и еще маленькая тележка, не иначе.

Я слышал, что, когда животные попарно покорно заходили на борт Ковчега, Ной тут же разгонял их по половому признаку — одних на левый, других на правый борт. На «Элси» — все по-другому. Чет и Мей-Линг имели возможность познакомиться так

близко, что решили сделать свою близость постоянной. Ведь меньше половины команды пришло на борт уже женатыми: для остальных же не было никаких препятствий действовать как заблагорассудится, была бы только охота.

Однако приглядывали за нами, хоть и не навязчиво, но не хуже, чем на Земле. Причем наблюдение вовсе не выглядело кем-то организованным, хотя, как подумаешь получше, то, вероятно, было именно таким. Если кто-то желал кому-то слишком долго спокойной ночи, после того как в коридоре уже притушили огни, то частенько случалось, что Дядюшка Альф почему-то вставал и шаркал куда-то по этому же коридору. А бывало, что Мама О'Тул отправлялась в неурочный час приготовить себе чашечку шоколада, чтобы прогнать бессонницу.

Иногда мог появиться даже капитан. Уверен, что у него глаза были и на затылке. И он ими подмечал все, что происходило на корабле. Впрочем, я уверен, что то же самое можно сказать и о Маме О'Тул. А Дядюшка Альф, вероятно, принадлежал к числу тех гипотетических телепатов, которые могут читать мысли у кого угодно; только он был слишком деликатен и слишком умен, чтобы дать кому-нибудь это понять.

А может, это док Деверо так великолепно изучил всю команду с помощью своих перфорированных карточек, что всегда знал, куда, как говорится, может прыгнуть кролик, и тут же посылал своих гончих на перехват. От дока, я считаю, можно было ожидать чего угодно.

Действия всегда были таковы, что их вполне хватало, перебора же не наблюдалось никогда. Никто не возражал против поцелуя-другого, если находились желающие попробовать их на вкус; с другой стороны, у нас не произошло ни единого скандала из тех, что то и дело вспыхивают в любой общине. Уверен, что не было, ведь такие вещи в тесном корабельном пространстве не скроешь. Зато тепленьких поцелуев и не слишком страстных объятий никто, казалось, не замечал.

Разумеется, мы с Пру не занимались ничем таким, что могло бы стать предметом критики со стороны окружающих.

Тем не менее, мы все больше и больше времени проводили вместе как на вахте, так и вне ее. Я относился к этому не так чтобы

очень серьезно и не помышлял насчет женитьбы; и все же мне было ясно, что наши отношения приобретают определенную значимость. Во взглядах Пру, бросаемых на меня украдкой, проглядывало нечто собственническое, а наши руки, встречавшиеся друг с другом при передаче страничек рапортов, иногда вздрагивали, будто между ними проскакивали искры.

Мне было хорошо, радость жизни переполняла меня, и времени на писание своих мемуаров почти не оставалось. Я даже прибавил в весе четыре фунта и уж больше никак не испытывал тоски по дому.

Мы с Пру приобрели привычку, уходя с вахты вместе, совершать по дороге к каютам набег на буфетную. Мама О'Тул не возражала; она оставляла дверь в буфетную открытой, чтобы каждый, кому захочется перехватить кусочек, мог бы получить его без труда; Мама говорила, что тут наш дом, а вовсе не тюремная камера. Обычно мы с Пру довольствовались сандвичем, но иногда выдумывали и что-то более экзотическое, а потом с удовольствием уплетали за обе щеки это блюдо, прежде чем отправиться спать. О чем мы говорили — не представляет для вас интереса; главное — то теплое чувство, которое согревало нас обоих.

Однажды, когда в полночь мы сдали вахту, кают-компания оказалась совсем пустой; игроки в покер разошлись рано, даже обычно засиживавшихся допоздна шахматистов и тех не было. Я пошел в буфетную и принялся поджаривать сандвич с дрожжевым сыром. Буфетная у нас довольно тесная, и, когда Пру повернулась, чтобы включить малый гриль, она мимолетно прижалась ко мне.

Я вдохнул запах ее чудесных свежевымытых волос и еще чего-то — не то цветущего клевера, не то фиалок. А потом сжал Пру в объятиях.

Она не противилась. На мгновение вроде бы окаменела, но это тут же прошло.

Девушки восхитительны. Костей у них нет вообще, и мне думается, что они, по меньшей мере, градусов на пять теплее нас, даже если ртутный термометр и не показывает этой разницы. Я наклонился к ней, она подняла лицо, зажмурила глаза... и все кругом стало таким, что лучше и быть не может.

Может быть, целовались мы всего полсекунды, но я знал, что ей это нравится ничуть не меньше, чем мне, и здесь уж никакого преувеличения нет.

Но вдруг Пру вырвалась из моих объятий, как вырывается из захвата борец, и замерла, прижавшись спиной к прилавку, возле которого мы стояли,— вид у нее был жутко испуганный. Что ж, надо думать, и у меня он был не лучше. На меня она даже не посмотрела: она уставилась в пустоту и, казалось, к чему-то прислушивалась... и тогда я понял — такое выражение у нее бывало всегда во время сеанса связи; только сейчас она выглядела почему-то страшно несчастной.

Я вскрикнул:

— Пру! Что случилось?!

Она не ответила, просто повернулась и пошла. Она успела уже сделать несколько шагов к дверям, когда я бросился к ней и схватил за руку.

— Послушай, чем я тебя обидел?

Она снова вырвалась, а потом, видимо, вспомнила, что я все еще нахожусь тут же.

— Мне очень жаль, Том,— сказала она хрипло.— Моя сестра страшно разозлилась.

С Пейшенс Мэтьюз я не был знаком, а уж в данную минуту меньше всего мечтал о такой чести.

— Ну и что? Господи, в жизни не видал такого идиотизма...

— Ты не нравишься моей сестре, Том,— ответила она твердо, как будто этим было сказано все.— Спокойной ночи.

— Но...

— Спокойной ночи, Том.

За завтраком Пру была мила, как всегда, но когда она передавала мне рогалик, никаких искр между нами не пробежало. И я нисколько не удивился, когда Руп в тот же день произвел перестановки в расписании дежурств; я даже не стал его спрашивать почему. Пру меня не избегала, она, вероятно, даже не отказалась бы и потанцевать со мной, но огонь погас, и ни один из нас не попытался разжечь его снова.

Много времени спустя я поделился с Ваном тем, что произошло между мной и Пру. Нет, сочувствия от него я не дождался.

— Думаешь, ты первый, кому отдавило пальцы дверями? Пру — милая и славная малышка, это тебе говорит дедуля Ван Хоутен. Но если даже сам сэр Галахад заявится сюда на белом скакуне, ему сначала придется испросить разрешения поговорить с Пру у Пейшенс, а уж потом обращаться к ней. И то, готов спорить, Пейшенс ответит ему отказом. Пру, конечно, готова на все в своем милом и немножко простоватом стиле, но Пейшенс никогда не разрешит ей ничего более пылкого, чем тарелка горячего — с пылу с жару — горохового супа.

— Это просто стыд! Пойми, для меня это уже ничего не значит, но сестра Пру, если говорить прямо, губит ей жизнь!

— Вообще-то это сугубо личные дела. Сам я сумел достичь компромисса со своим близнецом уже несколько лет назад — мы выбили друг другу по парочке зубов, а потом прекрасно взаимодействовали на чисто деловой основе. А кроме того, откуда тебе, собственно, известно, что у Пру с Пейшенс отношения не складываются сейчас именно таким образом? Может, Пру сама начала это? Первой?

Эта история не отвратила меня от девушек (даже от девушек, имеющих сестренок-двойняшек), однако теперь я предпочитал наслаждаться их компанией только на глазах у всех. А для начала я вообще старался бывать побольше в обществе Дядюшки. Он любил постучать в домино, а потом, когда наши вечерние увеселения кончались, ему нравилось поболтать насчет Конфетки: разумеется, она тоже принимала в наших беседах самое активное участие. Дядюшка время от времени поглядывал на ее большую фотографию, я — тоже, и мы втроем безмятежно пошучивали, причем Дядюшка играл для нас обоих роль «эха». Конфетка была действительно удивительно милым ребенком, а общение с шестилетней девчушкой доставляет массу удовольствия — уж очень завиральные идеи у них бывают в этом возрасте.

Однажды вечером я разговаривал с ними и, как всегда, поглядывал на ее портрет, когда вдруг мне пришло в голову, что время бежит и Конфетка, должно быть, сильно изменилась — они ведь в эти годы растут особенно быстро. Тут же у меня родилась роскошная идея.

— Дядюшка, а почему бы не попросить Конфетку послать свою последнюю фотографию Расти Родсу. А он передаст ее Дасти,

который нарисует ее тебе так, что она будет не хуже вот этой, с той лишь разницей, что та будет посвежее, так что ты узнаешь, как выглядит Конфетка сейчас. Как думаешь, Конфетка? Разве плохая мысль?

«В этом нет необходимости».

В ту минуту я как раз смотрел на фотографию, и у меня чуть крыша не поехала. На мгновение я увидел на фото совсем другое лицо. О, это была та же смешливая девочка, но теперь она казалась старше, у нее не хватало переднего зуба и причесана она была иначе.

И еще она была *живая*. Не просто цветное стерео-фото, а живая. А это, знаете ли, большая разница!

Но стоило мне сморгнуть, как фотография опять оказалась *прежней*.

Я прохрипел:

— Дядюшка, кто это сказал «в этом нет необходимости»? Ты или Конфетка?

— Конечно же, Конфетка. Я только повторил.

— Да, Дядюшка... но я слышал *не тебя!* Я слышал ее.

Потом рассказал ему про фотографию. Он кивнул:

— Да, она выглядит именно так. Только она велит сказать тебе, что зуб уже начал расти.

— Дядюшка... бесполезно отрицать... На какую-то секунду я нахально влез в вашу личную волну!

Случившееся меня просто потрясло.

— Я это знал и раньше. И Конфетка — тоже. Но только ты не «влез», сынок. Друг — всегда желанный гость.

Я все еще пробовал вникнуть в суть происшедшего. Последствия того, что сейчас произошло, были, пожалуй, значительнее тех, что возникли, когда обнаружилось, что мы с Патом можем читать мысли друг друга. Только я пока еще не мог осмыслить всей глубины этих последствий.

— Хм... Дядюшка, как ты полагаешь, мы не могли бы повторить это?

«Конфетка, как ты считаешь?»

«Попробовать можно».

Ничего не вышло... если не считать, что мне показалось, будто раз я услышал ее голос одновременно с голосом Дядюшки, когда

она сказала: *«Доброй ночи, Томми»*. Впрочем, полной уверенности у меня не было.

Добравшись до постели, я рассказал Пату о случившемся. Он страшно заинтересовался, когда мне с известным трудом удалось убедить его в том, что такое событие действительно имело место.

«Этим следует заняться, старина. Давай-ка я это зарегистрирую. Док Мейбл, бесспорно, захочет обмозговать такое дело».

«Э-э-э... давай немного подождем, пока я не обговорю его с Дядюшкой Альфом».

«Что ж, ладно. Я полагаю, это его бэби... причем в самых разных смыслах. Кстати, об этой бэби... может, мне следует ее навестить? Если мы на этом конце объединим наши усилия, может, у нас лучше получится? Где живет его племянница?»

«Хм... в Йоханнесбурге».

«М-м-м... Нечего сказать, далековато, но я уверен, ФППИ пошлет меня туда, если доктор Мейбл заинтересуется».

«Вероятно. Но давай, я сначала поговорю с Дядюшкой».

Но Дядюшка сначала решил поговорить об этом с доктором Деверо. Они попросили меня зайти, и док захотел попробовать тут же, не сходя с места. Он, можно сказать, был возбужден, чего я никогда раньше не видел. Я сказал:

— Готов, но, боюсь, ничего не получится. Вчера-то не вышло. Думаю, тот случай был просто необъяснимым феноменом.

— А ты уж лучше скажи, что тебе все приснилось! Если вышло один раз, должно получиться и в другой. Только следует исхитриться и создать соответствующие условия.— Док поглядел на меня.— Не станешь возражать против крошечной дозы гипноза?

— Я? Конечно нет, сэр. Только меня почти невозможно загипнотизировать.

— Вот как? Согласно твоему личному делу, доктору Арно это все же удалось. Давай притворимся, что я — это она.

Я чуть не расхохотался ему в лицо. Скорее уж я похож на Клеопатру, чем док на хорошенькую доктора Арно. Однако ради шутки я согласился попробовать.

— Все, что потребуется от вас обоих, это легкий транс, который позволит отключиться от местных раздражителей и сделает вас более восприимчивыми.

Не знаю, как он должен ощущаться, этот самый «легкий транс». Я его не чувствовал, хоть и не спал. Зато я опять услышал голос Конфетки.

Полагаю, что интерес доктора Деверо носил чисто научный характер. Любой неизвестный ранее факт, касающийся вопроса, что заставляет людей «тикать», мог вывести доктора из состояния его всегдашней апатии. Дядюшка же Альфред считает, что доктора привела в восторг еще и возможность создать дополнительную линию связи — просто так, на всякий пожарный случай. В том, что сказал Дядюшка, явно прозвучал намек, что ему лично вечная жизнь не суждена.

В словах Дядюшки таился и еще более глубокий смысл. Дядюшка очень деликатно дал мне понять, что если с ним что-то случится, то ему будет радостно знать, что кто-то, кому он верит, станет приглядывать за его бэби. Он не сказал этого напрямик, во всяком случае, не так ясно, поэтому от меня не требовался ответ... И это хорошо — иначе у меня могло бы перехватить горло. Все только подразумевалось — и это был величайший комплимент, полученный мной за всю жизнь. Не уверен, что я его заслуживал, а потому я просто решил вести себя так, чтобы заслужить его в будущем. Если мне когда-нибудь придется занять то место, на которое намекнул Дядюшка.

Теперь я, конечно, мог «разговаривать» и с Дядюшкой Альфом не хуже, чем с Конфеткой. Только я никогда не прибегал к этому, за исключением тех случаев, когда мы все трое собирались вместе; телепатия — это всегда вторжение в личную жизнь, если оно не вызвано необходимостью. Сам я никогда даже не вызывал Конфетку — исключением была пара опытных тестов, проводившихся доктором Деверо, которому загорелось узнать, могу ли я вызвать Конфетку без помощи Дядюшки. Для этого понадобились наркотики — Дядюшка мог проснуться, услышав, что кто-то работает на его «волне». В других случаях я Конфетку не тревожил. Просто не имел права лезть в мозг малышки, если она не была к этому готова и не хотела моей компании.

Все это случилось почти сразу же после того, как Пат женился.

ГЛАВА XI

«Пробуксовка»

В течение всего времени, пока мы наращивали скорость, то есть уже после того как доктор Деверо занялся мной, мои отношения с Патом непрерывно улучшались. Я выяснил, что, признавшись самому себе в том, что всю жизнь недолюбливал Пата и даже презирал его, я больше не чувствовал ни того ни другого. Я вылечил его от привычки вызывать меня в любое время, когда ему заблагорассудится, тем, что начал сам вызывать его по пустякам, когда захочу, а он, к своему удивлению, не смог выключать меня с той же легкостью, с какой выключал будильник. В результате мы выработали формулу «живи и давай жить другим» и с тех пор отлично сосуществовали. Вскоре я нашел, что с нетерпением жду времени, установленного для «свиданий», и понял, что люблю Пата, но не «опять», а «наконец-то», так как никогда раньше не испытывал к нему таких теплых чувств.

Но постепенно сближаясь с Патом эмоционально, мы одновременно расходились все дальше и дальше в другом — стало сказываться воздействие «пробуксовки». Как вы легко можете понять, анализируя формулы относительности, взаимосвязь их компонентов отнюдь не линейна — она может быть слабо выражена на начальных стадиях процесса, а затем нарастает черт знает с какой силой по направлению к другому концу шкалы.

Когда мы достигли трех четвертей скорости света, Пат стал жаловаться, что я приобрел дурную привычку растягивать слова, в то время как мне казалось, что он бормочет их с какой-то непонятной быстротой. При девяти же десятых скорости света различия в произношении составили уже один к двум, но мы поняли, где зарыта собака, и теперь я старался говорить как можно быстрее, а Пат умышленно растягивал слова.

При девяноста девяти сотых скорости света разница достигла уже отношения одного к семи, и нам с Патом оставалось только одно — постараться хоть как-то догадываться о смысле передачи. Однако в тот же день контакт между нами прервался окончательно.

Все остальные мыслечитчики переживали такие же трудности. Конечно, телепатическая связь мгновенна, во всяком случае, триллионы миль, лежавшие между нами, не создавали никакого лага, никакой задержки, типа той, которая возникает при телефонных разговорах Земли с Луной; да и сила сигнала ничуть не слабела с расстоянием. Однако мозг — это плоть и кровь, а сам процесс мышления требует какого-то времени, причем у каждого из нас скорость мышления своя, что и вызвало помехи. Я думал так медленно (с точки зрения Пата), что он никак не мог приноровиться, чтобы замедлить работу своего мозга и остаться на связи со мной. Что касается меня, то время от времени я чувствовал, как Пат пытается «докричаться» до меня, но ощущал это всего лишь как треск в телефонной трубке и уловить смысл шумов при всем старании не мог.

Даже Дасти Родсу и тому не удавалось. Его близнец не мог так долго концентрировать свое внимание на картине, ведь Дасти требовались многие часы, чтобы «увидеть» ее.

Все это было для нас, мягко говоря, очень грустно. Слышать голоса — хорошо, но не тогда, когда ты не понимаешь, что тебе говорят, и не можешь от них отключиться. Возможно, некоторые странные случаи, известные психиатрам, в конце концов вовсе не были сумасшествием. Может быть, несчастные психи просто настраивались не на ту длину волны, на которую надо.

Дядюшка Альф сначала переносил это тяжелее других, и мы с ним как-то просидели весь вечер, пытаясь наладить связь, объединив наши усилия. А потом он вдруг снова обрел свое всегдашнее спокойствие; Конфетка думала о нем, и он это знал; в таком случае в словах не было нужды.

Пру была единственной, кто радовался нарушению связи; наконец-то ей удалось выскользнуть из-под каблука своей сестрички. Наконец-то ее целовали по-настоящему, может быть, в первый раз за всю жизнь. Нет! Целовал ее не я; просто я как-то спустился вниз, чтобы попить из бачка с водой, но тут же быстро и тихо попятился назад, напрочь позабыв о жажде. Не стоит говорить о том, кто это был, поскольку личность не имеет значения; думаю, что Пру сейчас была в таком состоянии, что накинулась бы и на самого капитана, если б смогла его изловить и заставить стоять смирно. Бедная маленькая Пру!

Мы настроились на то, что придется ждать, пока наконец скорость полета не упадет настолько, что мы снова окажемся в нужной для переговоров фазе. С другими кораблями связь все еще поддерживалась, так как они наращивали скорость синхронно с нами; между нами непрерывно велись переговоры по сути вставшей перед нами дилеммы, существования которой раньше никто не мог и предположить. В некоторых отношениях она была не столь уж и важна, ибо сообщать на Землю нам было не о чем до тех пор, пока мы не начнем тормозить и не приступим к исследованию звездных систем, к которым направлялись. Однако в другом смысле важность происходящего была неоспорима: время, пока «Элси» шла на скорости света (минус величина не толще комариного усика), нам казалось очень коротким; зато для тех, кто остался на Земле, оно составит, по меньшей мере, десять «с хвостиком» полновесных гринвичских лет. Как мы потом узнали, доктора Деверо и его «двойников» на других кораблях и в самом ФППИ очень волновал вопрос о том, сколько телепар все еще будут функционировать (если таковые вообще останутся) по прошествии столь большого срока. И причины для такого беспокойства были. Исследования неопровержимо доказали, что однояйцевые близнецы никогда не образуют телепар, если их разлучают на несколько лет; отчасти, кстати, по этой причине нас старались брать в полет молодыми — взрослая жизнь часто разлучает близнецов.

До сих пор близнецы, участвующие в проекте «Lebensraum», не были по-настоящему разделены. Конечно, между нами лежали расстояния, которых даже вообразить было невозможно, но каждая пара ежедневно выходила на связь и постоянно практиковалась в общении — вахты были обязательны даже тогда, когда посылать было нечего, кроме сведений о мелких событиях нашей повседневной жизни.

Так вот — не нарушат ли гармонию между телепартнерами годы отсутствия контакта?

Меня этот вопрос не волновал; я-то ведь ничего не знал об этих дебатах. Однако несколько слов, сказанных мистером О'Тулом, заставили меня предположить, что через пару недель корабельного времени мы приблизимся к той фазе скорости, при которой снова сможем понимать друг друга.

А пока, что ж, пока не будем выходить на вахту, и то хлеб! Я отправился спать, стараясь не обращать внимания на повизгивания и шорохи внутри черепной коробки.

Разбудил меня Пат.

«Том... Отвечай, Том. Ты слышишь меня? Том... Отвечай же...»

«Эй, Пат, я тут!»

Сна как не бывало. Я уже не лежал, а стоял на полу и был так взволнован, что еле мог говорить.

«Том! О Том! Как я рад слышать тебя, дружище! Ведь прошло два года с тех пор, как мне удалось вызвать тебя в последний раз».

«Но...»

Я начал было спорить, а потом передумал. Это для меня прошло меньше недели, но мне следовало бы поглядеть на гринвичский календарь и свериться с вычислительным центром, чтобы иметь представление, как много времени прошло для Пата.

«Не мешай мне говорить, Том, я ведь долго работать не смогу. Я нахожусь в глубоком гипнозе и напичкан наркотиками уже целых шесть недель. Мне понадобились эти шесть недель, чтобы вступить с тобой в контакт. Держать меня дольше в таком состоянии они опасаются».

«Ты хочешь сказать, что и в эту минуту находишься под гипнозом?»

«Конечно. Иначе не смог бы с тобой разговаривать. Дальше...» Его голос на секунду как бы размылся.— *Извини. Нас прервали, чтоб сделать мне еще один укол и внутривенное вливание. А теперь слушай внимательно и записывай расписание: ван Хоутен...»*

Он диктовал время по Гринвичу с точностью до секунды для каждого из нас и исчез, когда я читал ему для проверки... Я поймал только *«до свидания»* уже почти на пределе слышимости, а затем наступило полное молчание.

Я натянул штаны, прежде чем броситься будить капитана, надеть ботинки терпения уже не хватило. Затем проснулись все, и было включено дневное освещение, хотя официально еще стояла ночь, и Мама О'Тул варила кофе, и все говорили одновременно, громко и весело. В вычислительном центре толпились релятивисты и Джанет Мейерс рассчитывала корабельное время для встречи Верни ван Хоутена со своим близнецом, так как именно Ван

возглавлял список, времени на включение компьютера уже не оставалось.

Вану с братом связаться не удалось, все сидели как на иголках, а Джанет Мейерс рыдала, так как кто-то сказал, что она сделала ошибку, вычисляя корабельное время без помощи компьютера. Однако Бэбкок лично проверил ее решение на ЭВМ вплоть до девятого десятичного знака. Ледяным тоном он объявил, что был бы признателен всем, кто перестанет критиковать его подчиненных; такая привилегия принадлежит только ему.

Глория вышла на связь со своей сестричкой почти сразу же после этого, и все сразу почувствовали себя куда лучше. Капитан послал докладную на флагманский корабль через мисс Гамму и получил ответ, что еще два корабля — «Наутилус» и «Христофор Колумб» восстановили контакт с Землей.

Невыходы на вахту или опоздания из-за того, что кто-то по дороге в рубку решил заскочить в буфет и перехватить там что-нибудь вкусненькое, теперь прекратились. Если пересчет времени, сделанный компьютером, утверждал, что ваш двойняшка будет готов к передаче в три часа семнадцать минут ноль шесть секунд и выйдет на связь лишь на одну минуту по корабельному времени, вы без всяких разговоров ждали его уже с трех часов со включенным магнитофоном и прижатым к губам микрофоном. Для нас — корабельных — это было просто, но каждый понимал, что его телепартнеру пришлось подвергнуться гипнозу и мощной дозе опасных наркотиков, чтоб хоть ненадолго встретиться с нами; кстати, доктору Деверо такая практика была совсем не по душе.

Так что ясно: в таких условиях времени для праздной болтовни не было — ведь ваш близнец, вернее всего, сокращал свою жизнь минимум на час за каждое сказанное слово. Ты записывал все, что он говорит без повторов и задержек; затем транслировал то, что завизировал к передаче капитан. И если оставалось несколько свободных секунд, и то ладно. Обычно не оставалось... именно поэтому я мало чего понял насчет женитьбы Пата.

Понимаете, те две недели нашего времени, которые потребовались для перехода от максимальной скорости к торможению, составили на Земле около десяти лет. Соотношение было один к

двумстам пятидесяти в среднем, но ведь «в среднем» это же не все время, и где-то посередке этих двух недель максимум «пробуксовки» был куда больше. Я спросил мистера О'Тула, каков был максимум «пробуксовки», а он в ответ только покачал головой. Не было возможности замерить его, сказал он мне, и вероятные ошибки измерений были больше тех бесконечно малых величин, с которыми ему пришлось иметь дело.

— Скажем так,— закончил он разговор,— я рад, что на этом корабле нет больных сенной лихорадкой, так как один-единственный чих мог бы отбросить нас за границу скорости света.

Он, конечно, шутил, так как, по словам Джанет Мейерс, когда наша скорость подходила к скорости света, масса корабля приближалась к бесконечности.

И мы опять на целый день выпали из контакта.

В конце одной из «пиковых» вахт (а они никогда не продолжались сейчас больше пары минут по корабельному времени) Пат сказал мне, что они с Моди собираются пожениться. И тут же исчез, прежде чем я успел поздравить его. Я начал было говорить, что Моди слишком молода и что ему не следовало бы торопить ее, но из этого ничего не вышло. Контакт прервался.

Не могу сказать, чтобы я ревновал. Когда я как следует покопался в себе, то решил, что нисколько не ревную, ибо обнаружилось, что никак не могу вспомнить, как выглядит Моди. О, я, конечно, помнил, что она блондинка, что у нее маленький вздернутый носик, постоянно обзаводившийся в летнее время щедрой порцией веснушек. Но восстановить в памяти ее лицо я никак не мог. Лица Пру или Джанет — пожалуйста, а ее — не мог. В общем, мои ощущения сводились преимущественно к тому, что я вроде бы оказался не в своей тарелке.

Припомнив, что надо бы свериться с гринвичским временем, я попросил Джанет рассчитать его в соответствии с точным корабельным временем моей последней вахты. И только тогда понял, что с моей стороны ужасно глупо заниматься критикой действий Пата — ведь ему оказалось уже двадцать три года, а Моди — двадцать один, почти двадцать два.

Во время следующей вахты мне удалось вставить слово «поздравляю», но на этот раз не успел ответить Пат. Он это сделал

только в следующей передаче: *«Спасибо за поздравление. Мы назвали ее в честь ма, но я думаю, она будет похожа на Моди».*

Тут уж я совсем запутался. Пришлось снова обратиться за помощью к Джанет, и выяснить, что все правильно. Я хочу сказать, что если супружеская пара живет вместе уже два года, то появление малышки вряд ли может рассматриваться как сногсшибательный сюрприз, а? Разве что для меня.

Словом, мне за эти две недели пришлось изрядно попотеть, приспосабливаясь к новым условиям. Вначале мы с Патом были почти одного возраста, если исключить весьма незначительную «пробуксовку». В конце же этого периода (я называю концом тот момент, когда больше уже не надо было прибегать к крайним мерам для обеспечения телепатической связи) мой близнец стал старше меня на одиннадцать лет, и у него оказалась дочка семи лет от роду.

Я перестал думать о Моди, как о девочке, и уж совсем забыл, что когда-то был в нее влюблен. Решил, что, должно быть, она сделалась неряшливой и все больше и больше толстеет — она ведь никогда не могла сопротивляться искушению съесть лишний шоколадный эклер. Честно говоря, мы с Патом тоже расходились все дальше и дальше, так что сейчас между нами было уже очень мало общего. Мелочи корабельной жизни ему явно казались скучными, а я со своей стороны не мог заставить себя интересоваться его гибкими конструкциями и суммами уплаченных штрафов. Мы все еще удовлетворительно держали телепатическую связь, но делали это подобно двум почти посторонним людям, ведущим телефонный разговор. Меня это огорчало, так как я дорос до любви к Пату совсем незадолго до того, как он стал уходить от меня.

А вот чего мне ужасно хотелось, так это повидать свою племянницу. Знакомство с Конфеткой убедило меня, что маленькие девочки куда забавнее щенят и даже прелестней, чем котята. Я припомнил свою идею насчет Конфетки и пошел на поклон к Дасти.

Он согласился. Дасти не может пропустить шанса показать всем, как прекрасно он рисует. Да и вообще он помягчел — насколько это слово применимо к его натуре; теперь он уже не скалит зубы, когда вы хотите его приласкать, хотя, возможно, понадобятся годы, чтобы он научился «вилять хвостиком».

Дасти нарисовал чудесную картинку. Все, чего не хватало бэби Молли, чтобы выглядеть чистым херувимчиком, так это пары маленьких крылышек. Я видел в ней некоторое сходство с собой... то есть, вернее, с ее отцом.

— Дасти, какой прелестный рисунок! Он похож?

Дасти прямо ощетинился.

— Откуда мне знать! Но если микронные различия или ничтожные отклонения в тонах, которые можно обнаружить с помощью спектрографа, от той фотки, которую твой братец прислал моему, имеются, я готов сжевать ее на месте! Однако не могу поручиться за способы, к которым могут прибегнуть тщеславные родители, чтоб приукрасить свое сокровище!

— Извини, извини. Отличная картинка! Хотел бы я хоть чем-нибудь отплатить тебе.

— Ладно, не стоит из-за этого страдать по ночам от бессонницы; чего-нибудь соображу. Мои услуги, знаешь ли, дорогого стоят.

Я снял со стенки изображение Люсиль Лавонн, а на его место повесил Молли. Портрет Люсиль я все же не выкинул.

Примерно пару месяцев спустя доктор Деверо нашел совершенно новые возможности использовать мою способность «переключаться» на длину волны Дядюшки Альфа и Конфетки, чем те, которые были очевидны для меня. Я продолжал разговаривать с ними обоими, хотя и не так часто, как вначале. Конфетка теперь стала молодой леди, почти восемнадцатилетней, училась в нормальной школе Вичватерсранда* и уже начала сама давать пробные уроки. Никто, кроме Дядюшки и меня, не звал ее «Конфеткой», да и мысль, что я когда-нибудь смогу заменить Дядюшку Альфа, была давно забыта — при таких огромных расхождениях в течении времени скорее уж она будет воспитывать меня.

Но доктор Деверо не забыл этого дела. Однако о своих переговорах с ФППИ по этому поводу он меня не информировал. По-видимому, и Пату велели держать все при себе до тех пор, пока они не будут готовы окончательно. Так что впервые я узнал обо всем, когда однажды велел Пату выйти на связь и подготовиться к записи каких-то рутинных материалов (к этому времени мы уже опять выстаивали обычные вахты).

---

* Возвышенность и городок в ЮАР.

«Не валяй дурака, старина,— отозвался Пат,— *и отдай всю эту муть какой-нибудь другой жертве. Мы же с тобой займемся кое-чем новеньким».*

«Что такое?»

«Распоряжение ФППИ, да еще по заказу самого высокого начальства. Молли подписала свой временный исследовательский контракт так же, как это сделали мы с тобой когда-то».

«Как? Но она же не двойняшка!»

«Дай-ка я попробую ее считать. Нет, вроде она сейчас тут одна, хотя иногда, сдается мне, она превращается в целое стадо диких слонов. Впрочем, она здесь сама и очень хочет сказать "Привет» своему дяде Тому".

«Отлично. Привет, Молли».

«Привет, дядя Том».

Ну, тут я чуть из собственной кожи не выскочил. Все произошло совершенно неожиданно, хоть бы какой-нибудь шорох, что ли...

«Эй, кто это был? А ну, скажи еще раз».

«Привет, дядя Том,— она довольно хихикнула,— *а у меня новый обруч для волос».*

Я с трудом сглотнул.

«Ручаюсь, ты в нем выглядишь роскошно, милочка. Хотелось бы взглянуть на тебя. Пат! Когда это случилось?»

«Да, знаешь, почти незаметно в течение последних десяти недель. Хотя потребовалось провести несколько встреч с доктором Мейбл, чтоб все заработало как надо. Между прочим, потребовались и еще более тяжелые переговоры с... хм... с бывшей мисс Каурик, прежде чем удалось уговорить ее разрешить нам с Молли попытать счастье».

«Он говорит о мамочке,— сказала Молли конспиративным шепотом,— *ей это жутко не нравится. А мне нравится, дядя Том. Думаю, это очень даже клево».*

«У *меня теперь из-за них ни минуты покоя,*— пожаловался Пат.— *Слушай, Том. Это ведь просто проверочный сеанс, поэтому я отключаюсь. Мне надлежит доставить этот маленький кошмар к ее драгоценной мамочке».*

«Она собирается уложить меня спать после обеда,— пожаловалась Молли.— *А я уже слишком взрослая для этого. До свидания, дядя Том, я тебя люблю».*

«И я тебя люблю, Молли».

Я обернулся, гляжу: вот они стоят — док Деверо и капитан,— и уши у них только что не хлопают от любопытства.

— Как получилось? — потребовал информации док Деверо, весьма взволнованным (во всяком случае для него) тоном.

Я сделал мощное усилие и постарался сохранить невозмутимое выражение лица.

— Удовлетворительно. Нормальный контакт.

— А бэби? Тоже хорошо?

— Конечно, сэр. А разве вы ожидали другого?

Он испустил продолжительный вздох.

— Сынок, кабы мы в тебе не нуждались, я б тебе вышиб мозги старым телефонным справочником.

Думаю, Молли и я были не первой «вторичной» телепарой во всей эскадре. Но не последней. ФППИ, действуя на основе гипотезы, выработанной с учетом случая Дядюшки Альфа и Конфетки, предположил, что можно формировать новые телепары в тех случаях, если новый ее член очень юн годами и связан родственными узами со взрослым членом старой телепары. В некоторых случаях это срабатывало. В других — даже и пытаться не стали, так как там не оказалось детей нужного возраста.

У Пата и Моди, как раз перед тем, как мы достигли Тау Кита, родилась еще одна девочка. Моди наотрез отказалась дать разрешение проводить опыты с Линеттой; она сказала, что два выродка для ее семьи — более чем достаточно.

ГЛАВА XII

Тау Кита

К тому времени, когда до Тау Кита нам оставалось всего несколько световых часов пути, мы уже знали, что нам опять выпал выигрышный номер; используя обычное стерео и стерео с эффектом Допплера, Гарри Гейтс сфотографировал там около дюжины планет. Гарри был не только главным планетологом, но и вообще возглавлял Исследовательский отдел. Я так считаю, что его ученых званий хватило бы на изготовление недурного ожерелья, но я звал его просто «Гарри», потому что так делали все. Он

не принадлежал к числу тех, кого обязательно именуют «доктор». Был он жутко энергичен и казался намного моложе своих лет.

Гарри вся Вселенная представлялась хитроумной игрушкой, которую ему подарили для забавы; и он порывался разобрать ее на части, чтобы понять, как же она работает. От этой игрушки он пребывал в постоянном восхищении и готов был обсуждать ее с кем угодно и в любое время дня и ночи. Я подружился с ним, когда занимался мытьем пробирок, так как Гарри вовсе не смотрел на лаборантов, как на роботов; он обращался с ними, как с людьми, и ему было вовсе неважно, что он знает куда больше, чем они — он даже думал, что может у них кое-чему научиться.

Как он нашел время, чтобы жениться на Барбаре Куипер, я не знаю, но Барбара была вахтенным инженером-ракетчиком, так что, вернее всего, у них началась дискуссия по поводу физики, которая как-то переключилась на физиологию и социологию; Гарри ведь интересовался всем на свете. А вот найти свободную минутку в ту ночь, когда родился их первый ребенок, ему не удалось, так как именно в эти часы Гарри фотографировал планету, названную им Констанцией в честь своей новорожденной дочки. Многие возражали против этого, так как хотели назвать планету по-своему, но капитан решил, что тут следует применить старое правило: открыватели астрономических объектов имеют право присваивать им названия по собственному выбору.

То, что Констанция была открыта, отнюдь нельзя считать случайностью. (Я имею в виду планету, а не бэби; бэби и не думала теряться.) Гарри нужна была планета, расположенная примерно в пятидесяти-пятидесяти одном миллионе миль от Тау; вернее сказать, ФППИ желал, чтобы планета находилась от этой звезды именно на таком расстоянии. Видите ли, в то время как по спектральным параметрам Тау — близкая родственница нашего Солнца, она меньше его по размерам и дает примерно три десятых тепловой радиации Солнца, так что, согласно старинному закону об обратной кратности квадратам расстояний, который с успехом используется при планировании освещения в вашей гостиной или при фотосъемке со вспышкой, планета, расположенная в пятидесяти миллионах миль от Тау, должна была получать столько же тепла и света, что и планета, лежащая в девяноста трех

миллионах миль от Солнца, а именно такое положение, как известно, занимает наша Земля. Нам ведь нужна была вовсе не любая планета, иначе нам следовало оставаться в пределах Солнечной системы: нам нужно было, так сказать, факсимильное издание Земли — другие не годились бы для колонизации.

Если вы подниметесь на крышу своего дома в ясную ночь, вы увидите столько звезд, что, возможно, решите, будто таких планет, как Земля, там столько же, как блох на собаке. Что ж! В каком-то смысле это верно; по расчетам Гарри, их от ста тысяч до ста миллионов в одном только Млечном Пути. И вам надо умножить эти цифры на сколько хотите, чтобы получить результат для всей Вселенной.

Беда в том, что они расположены не слишком удобно для нас. Тау Кита лежит всего лишь в одиннадцати световых годах от Земли, большинство же других звезд нашей Галактики удалены от Земли в среднем более чем на пятьдесят тысяч световых лет. Даже Фонд Поощрения Перспективных Исследований не мог позволить себе мыслить в таких категориях; если звезда не находилась ближе ста световых лет или около того от Земли, то было глупо думать о возможности ее колонизации даже с помощью ракетных космических кораблей. Разумеется, ракетный корабль мог отправиться так далеко, как требовалось, мог даже пересечь всю Галактику, но кому нужны доклады о состоянии своей недвижимости, если они появятся после того, как на Земле наступит и минует парочка ледниковых периодов? Проблема перенаселенности будет решена тем или иным путем задолго до этого... причем, возможно, так, как решали свои проблемы знаменитые килкеннийские коты.

Однако в пределах ста световых лет от Земли имелось немногим больше тысячи пятисот звезд. И только сто шестьдесят из них обладали спектральными характеристиками, сходными с нашим Солнцем. Проект «Lebensraum» был рассчитан на изучение не более половины последних. Скажем, семидесяти пяти, а теперь даже меньше, так как мы уже потеряли «Васко да Гаму».

Если в процессе поиска будет обнаружена хотя бы одна планета действительно земного типа, уже это окупит все затраты по Проекту. Однако уверенности, что так случится, не было. Звезда солнечного типа могла не иметь планеты, сходной с Землей; планета

могла оказаться слишком близко к «огню» или, наоборот, слишком далеко от него, иметь слишком малые размеры, чтоб удержать атмосферу, или иметь слишком мало H_2O, которая, как известно, входит в состав всего, что мы потребляем.

Или, наконец, планета может быть заселена такими грубиянами, у которых есть свои соображения насчет отношений между ними и открывателями.

У «Васко да Гамы» была наилучшая перспектива первым выйти на планету земного типа, поскольку звезда, к которой он летел, Альфа Центавра-А — единственная звезда в этой части Вселенной, которая действительно является близнецом Солнца (компаньон А — Альфа Центавра-Б — совсем другая, это спектральный тип К). Мы по расчету шансов занимали второе место, так как хотя Тау Кита даже менее близка к солнечным характеристикам, чем Альфа Центавра-Б, но зато ближайшая звезда типа G находится всего лишь в тринадцати световых годах от Земли, что давало нам, по меньшей мере, двухгодичное преимущество над «Магелланом» и почти четырехгодичное над «Наутилусом».

Конечно, все это в том случае, если мы найдем хоть что-нибудь подходящее. Представьте же, как мы обрадовались, когда обнаружили, что у Тау Кита есть шансы стать золотой россыпью.

Гарри тоже находился в приподнятом настроении, но совсем по другой причине. Я забрел в обсерваторию в надежде поглазеть на небо: один из недостатков «Элес» состоит в том, что выглянуть наружу практически невозможно. Заметив мое появление, Гарри схватил меня за руку и воскликнул:

— Нет, ты погляди-ка на это, приятель!

Я поглядел. «Это» — был листок бумаги, исписанный множеством цифр; вполне возможно — график севооборотов Мамы О'Тул.

— Ну и что это такое?

— Ты что, читать разучился? Это правило Тициуса–Боде, вот что это такое!

Мне пришлось призадуматься. Дай-ка вспомнить... нет, это закон Ома... Наконец я вспомнил. Правило Боде — просто геометрическая прогрессия, описывающая расстояния планет Солнечной системы от Солнца. Никому еще не удалось объяснить причину

такого их расположения, и не во всех случаях эта прогрессия была верна, хотя, как помнится, Нептун, а может быть, Плутон был открыт именно благодаря расчетам, опиравшимся на эту прогрессию; похоже, все-таки это было всего лишь случайное совпадение.

— Ну и что? — спросил я.

— «Ну и что?!» — говорит этот человек! Господи Боже! Это же самое великое открытие с тех пор, как Ньютона стукнуло яблоком по башке!

— Возможно, Гарри, но я сегодня особо туповат. Я думал, что правило Боде просто случайность... так почему бы этой случайности не обнаружиться и тут?

— Случайность! Слушай, Том, если ты выкинешь семерку восемьсот раз подряд, это будет означать, что кто-то смухлевал с костяшками!

— Но это-то всего во второй раз!

— Это совсем не одно и то же. Дай мне листок бумаги побольше, и я напишу тебе уйму нулей, которые нужны для того, чтобы выразить, насколько мала вероятность такого «случайного совпадения».— Гарри погрузился в раздумье.— Томми, старый дружище, похоже, это и есть тот ключ, которым удастся открыть загадку сотворения планетных систем. За это нас похоронят где-нибудь совсем рядышком с самим Галилеем. М-м-м... Том, к сожалению, нам не придется долго болтаться в этих местах; нам, видишь ли, просто необходимо поскорее убраться отсюда и поглядеть на систему β Гидры, чтобы убедиться, что и там то же самое — нужно же нам получить доказательства для этих дремучих старперов на Земле... А это их убедит! Должно убедить! Надо сказать капитану, что нам предстоит изменить свои планы.

Он сунул листок в карман и опрометью выбежал из обсерватории. Я огляделся, но антирадиационные шторы плотно закрывали все обсерваторные иллюминаторы. Так что выглянуть наружу мне так и не удалось.

Естественно, капитан никаких планов менять не стал; мы ведь пустились в полет в поисках почвы, пригодной для обработки, а не для того, чтобы раскрывать нераскрываемое. Поэтому через несколько недель мы уже крутились на орбите вокруг Констанции. Впервые за время полета мы перешли на режим свободного

падения, ибо даже в период перехода от режима акселерации к торможению мы избежали свободного падения, воспользовавшись вместо этого пространственной кривой; главные инженеры не любят прекращать работу ракетных двигателей, разве что им будет нужно время, чтобы произвести капитальный ремонт перед новым запуском: так было в случае с «Петром Великим», который отключил свои ракеты, не смог их включить и упал на Солнце.

Не люблю я невесомости; впрочем, она ничего, если вы не будете слишком перегружать желудок.

Гарри не выглядел чересчур огорченным. У него теперь была целая планета, с которой можно было забавляться, поэтому он отложил в стол правило Боде и занялся делом. Мы оставались на орбите, высотой около тысячи миль, до тех пор, пока не собрали все данные о Конни, которые могли быть получены дистанционным наблюдением, то есть путем визуального изучения поверхности, изучением радиационной обстановки и поглощающей спектральной особенности ее атмосферы. У планеты было две луны, одна из них весьма приличной величины, хотя и меньше нашей, так что нам удалось рассчитать силу тяжести на поверхности Конни с большой степенью точности.

С этой высоты Конни выглядела, безусловно, подходящей для обживания. Коммодор Фрик приказал своим мальчикам и девочкам установить в столовой релейный экран, позволявший принимать цветные и увеличенные стереоизображения, так что мы все могли насладиться этим зрелищем. Фотографии Конни выглядели точно так же, как фотографии Земли, сделанные с космических станций,— зеленая, голубая, коричневая планета, наполовину скрытая облаками, с ледяным покровом на полюсах, словно две белые шапки. Давление атмосферы было меньше, чем у нас, зато содержание кислорода в ней — выше; она была вполне пригодна для дыхания. Спектр поглощения показывал несколько большее содержание двуокиси углерода, примерно такое же высокое, как в те времена, когда на Земле образовывались залежи каменного угля.

Планета оказалась меньше Земли, но площадь ее суши — больше, так как океаны не отличались крупными размерами. В каждой передаче на Землю сообщались хорошие новости, и мне уда-

лось временно слегка потеснить в мозгу Пата мысли о доходах и расходах... Пат ведь создал инкорпорированную компанию «Братья Барлетт» и, видимо, считал, что я дико интересуюсь проблемами бухгалтерии хотя бы потому, что мое, накопленное в ФППИ жалованье вошло в состав уставного капитала. Черт! Я и до денег-то не дотрагивался так давно, что начисто позабыл, что они еще в ходу у других людей.

Естественно, главные наши усилия были направлены на выяснение вопроса, не владеет ли кто-нибудь этой планетой... нет ли на ней разумных существ, способных пользоваться орудиями, возводить постройки и социально организованных. Если бы таковые нашлись, нам было приказано смыться оттуда без посадки, изыскать на какой-нибудь другой планете той же системы необходимое нам топливо, а уж экспедицию с целью установления дружественного контакта пусть отправляют другие... и потом: ФППИ не желал повторять ужасную ошибку, допущенную в свое время на Марсе.

Однако электромагнитный анализ ничего не обнаружил во всем диапазоне от гамма-излучения до самых длинных радиоволн. Если там внизу и были люди, они не пользовались радио, у них не было городского освещения и они не располагали атомной энергией. Не было у них ни летательных аппаратов, ни дорог, ни морского транспорта, не было и чего-то похожего на города. Поэтому мы спустились до уровня верхней границы атмосферы и стали кружить от полюса к полюсу, как бы разрезая планету на апельсиновые дольки, что позволило нам исследовать всю ее поверхность, так как каждый виток корабля охватывал новый сектор.

Затем мы исследовали ее визуально, фотографируя и ощупывая поверхность радарами. Уверен, что мы не пропустили ничего крупнее, чем, скажем, бобровая плотина. Ни городов, ни строений, ни дорог, ни мостов, ни кораблей — словом, было ясно, что хозяев тут нет. Ах, животные? Этого добра — сколько угодно! На равнинах бродили стада, а время от времени на глаза попадались и какие-то более мелкие зверюги. В общем — рай для скотоводов!

Капитан послал сообщение: «Готовлюсь к посадке» .

Я тут же помчался записываться в десантную группу. Сначала бросился к дяде — к майору Лукасу — с просьбой включить

меня в число «стражей». А он велел мне отправляться обратно и поиграть в оловянных солдатиков.

— Если ты думаешь, что мне нужен необученный рекрут, то ты еще глупее того психа, за которого ты, очевидно, меня принимаешь. Коли тебе хочется побывать в солдатской шкуре, то надо было подумать об этом сразу же, как только мы рванули с Земли.

— Но у тебя же в охране есть люди из всех отделов!

— Верно, но каждый из них — отлично натренированный солдат. Нет, серьезно, Том, я не могу включить тебя. Мне нужны люди, способные защитить *меня,* а не зеленые новички, которых должен буду защищать я сам. Так что извини.

Тогда я разыскал Гарри Гейтса и упросил его позволить мне присоединиться к той партии ученых, которую будет прикрывать охрана. Гарри сказал:

— Конечно, почему бы нет. Грязной работы, которой мои примадонны не желают пачкать свои ручки, сколько угодно. Можешь начать с проверки списка снаряжения.

Я проверял, а Гарри записывал. Наконец он произнес:

— Слушай, а как тебе нравится ощущать себя маленьким зеленым человечком с летающей тарелки?

— Чего, чего?

— Ну быть энэлошником... Мы же энэлошники, это-то ты понимаешь?

Я наконец понял. НЛО, или неопознанные летающие объекты. Отчеты о массовой истерии, связанные с НЛО, имеются во всех трудах по истории космических полетов.

— Я полагаю, что мы сами и есть что-то вроде НЛО.

— Именно ими мы и являемся. НЛО были разведывательными кораблями, мы — тоже. Они обследовали Землю, им не понравилось увиденное, и они улетели. Если б они не обнаружили, что Земля кишит враждебно настроенными туземцами, они бы, конечно, приземлились и начали бы хозяйничать у нас точно так же, как это собираемся сделать сейчас мы.

— Гарри, неужели ты *действительно* веришь, что НЛО нечто большее, нежели игра расстроенного воображения или ошибки наблюдателей? Я думал, что это гипотеза себя давно изжила.

— А ты пройдись-ка еще разок по доказательствам, Том. В нашем небе незадолго до того, как мы сами приступили к космическим прыжкам, происходило *нечто*. Безусловно, большая часть сообщений была враньем. А некоторые — нет. Невольно приходится верить фактам, когда они появляются у тебя перед глазами, иначе вся Вселенная предстанет перед тобой в искаженном виде. Ты же наверняка не считаешь, что только люди способны на строительство космических кораблей?

— Ну... вероятно, нет. Но если еще кто-то их строил, то почему они не прилетели к нам давным-давно?

— Простая арифметика, дружок; Вселенная огромна, а мы находимся на ее задворках. Впрочем, может, они и прилетали. Это, конечно, только мое предположение. Они обследовали Землю, и она оказалась не такой, какая им нужна. Может быть, им не понравились мы, может, наш климат. Поэтому НЛО улетели.— Он задумался.— А может, они и садились-то только затем, чтобы запастись топливом.

Вот и все, что я извлек из моего пребывания в рядах научного отряда; когда Гарри внес мое имя в список, капитан его тут же вычеркнул.

— Ни один связист специального назначения не покинет борт корабля.

Этим было сказано все. У капитана железная воля. Ван получил разрешение присоединиться, так как его брат погиб в результате несчастного случая, пока мы шли на пиковой скорости, так что я вызвал Пата, рассказал ему о Ване и предложил немедленно отдать концы. Пат эту шутку почему-то не оценил.

«Элси» опустилась в океан на подходящей глубине, а затем с помощью вспомогательных ракет ее подогнали поближе к берегу. Она плавала, высоко высовываясь из воды, поскольку две трети ее баков были пусты: топливо сожжено, вода полностью дезинтегрирована сначала в процессе достижения околосветовой скорости, потом в процессе торможения. Инженеры тут же принялись за ремонт ракетной системы, еще до того как мы добрались до якорной стоянки. Насколько мне известно, ни один из них не вызвался добровольцем в десантный отряд: думаю, что для большинства инженеров высадка на Констанции — просто шанс

пополнить запасы ракетного топлива и заняться починками и ремонтом, который был им не под силу во время полета. Их совершенно не интересовало, где они находились или будут находиться, лишь бы ракетная система работала, а вся механическая часть тикала, как часы. Доктор Деверо рассказывал мне, что главный металлург шесть раз летал к Плутону, но ни единого раза не ступал на почву другой планеты, кроме Земли.

— А это нормально? — спросил я, думая о том, сколько доку Деверо пришлось возиться со всякими психами, включая и меня самого.

— Для данной породы кошек — это свидетельство полного умственного здравия. Любую же другую породу я бы уже давно запер на замок и кормил бы через замочную скважину.

Сэм Рохас обиделся на дискриминацию телепатов еще сильнее, чем я: ему не терпелось ступить на землю незнакомой планеты подобно Бальбоа, Колумбу и Ланде. Он пришел ко мне обсудить это дело.

— Том, ты собираешься такое терпеть?

— Что ж, не скажу, чтоб мне все очень нравилось, но что здесь можно *поделать?*

— Я тут перекинулся кое с кем парой слов. Все просто. Мы не потерпим.

— Не потерпим чего?

— М-м... просто не потерпим. Том, с тех пор как началось торможение, я стал ощущать, что мои телепатические способности слабеют. По-видимому, то же самое происходит и с остальными, во всяком случае с теми, с кем я разговаривал. А как у тебя в этом смысле?

— Ну... я не...

— А ты подумай получше,— оборвал он меня.— Наверняка ты тоже заметил. А то как же! Я даже сомневаюсь, чтобы мне удалось в данный момент связаться со своим близнецом. Похоже, это имеет отношение к тем местам, где мы сейчас находимся... Может, что-то странное в радиации Тау Кита или еще что... А может, это излучение самой Констанции. Кто знает? И уж если говорить откровенно, то кто сумеет нас проконтролировать?

Тут до меня стало доходить. Я ничего не ответил, хотя идейка была ух какая соблазнительная.

— Если мы не сможем больше работать связистами,— продолжал Сэм,— нас придется перевести на какие-то другие работы... к примеру, в десантную группу. А когда мы снова окажемся вне пределов действия этой таинственной силы, то вполне возможно, что опять обретем способность посылать доклады на Землю. Не исключена возможность, что кое-кто из девочек, которым вовсе нечего делать у десантников, сумеет и сейчас поддерживать контакт с Землей и отправлять туда текущие сообщения... особенно если нас — выродков — перестанут дискриминировать.

— Прекрасная идея,— согласился я.

— Пошевели-ка над ней мозгами, и ты обнаружишь, что и твой телепатический талант непрерывно ослабевает. Что же касается меня, то я уже почти что оглох.— И Сэм ушел.

Некоторое время я играл с этой идейкой. Я знал, что капитан сразу распознает стачку, как только увидит ее... но что он сможет с нами *сделать?* Обозвать всех лжецами и подвесить за большие пальцы, пока мы сами не сдадимся? Но как он сможет с уверенностью определить, на самом ли деле мы «скисли» как мыслечитчики? Ответ: в этом у него *уверенности* быть не может; никто, кроме самих мыслечитчиков, не знает, как они это делают. Когда наши контакты вдруг обрываются в самом разгаре передачи, капитан не начинает в нас сомневаться, он просто принимает обрыв как данность. Ему и сейчас пришлось бы отнестись к этому точно так же, а что он при этом будет думать, не имеет ни малейшего значения.

Ибо он нуждается в нас, ибо мы — незаменимы.

Па когда-то работал арбитром в местном отделении своей гильдии. Я хорошо помню, как он однажды сказал, что стачку следует объявлять лишь тогда, когда нужда в рабочих так велика, что стачка выигрывается чуть ли не до ее объявления. Так что капитан был в ловушке; это уж точно. Мы были ему *необходимы.* Ни единого штрейкбрехера ближе одиннадцати световых лет не было. Нет, он не посмеет разговаривать с нами с позиции силы.

Не исключено, однако, что стачку может сорвать кто-нибудь из наших же. Посмотрим. Ван ничего не значит, Кас Уорнер — тоже, они потеряли своих телепартнеров, их братья погибли. Сестра Пру, Пейшенс, была жива, но эта телепара так и не восстановилась после «пика» скорости — сестра Пру отказалась

принимать опасные для здоровья наркотики и от гипноза отказалась тоже, поэтому им так и не удалось наладить нарушенный контакт. Мисс Гамму можно не считать, потому что корабли, на которых были ее сестры, все еще набирали скорость, и мы, следовательно, не имеем возможности связаться через эти корабли с Землей, пока какой-нибудь из них не начнет тормозить. Не считая меня и Сэма... кто ж остается? И можно ли на них положиться? Итак — Руп, Глория, Анна, Дасти... и, конечно, Дядюшка... И Мей-Линг.

Да, все они надежны. То, что корабельная прочая публика заставила нас ощутить себя «выродками», когда мы впервые попали на корабль, сплотило нас. Даже если кто-то и сочтет предложенные действия неправильными, он все равно не пойдет против друзей. Даже Мей-Линг, хоть она и вышла замуж за аутсайдера. Так что дело это, пожалуй, может выгореть. Если Сэм сумеет со всеми договориться.

Видно, я жутко хотел попасть на Конни... и хотя предложенная идея дурно пахла, я все равно рвался туда.

И все же... было в этой истории что-то неприятное, заставлявшее почувствовать себя мальчишкой, который на свои развлечения собирается истратить пожертвования, собранные воскресной школой.

Для того чтобы выяснить настроение всех, у Сэма оставалось время до полудня завтрашнего дня, так как сейчас мы держали только одну вахту в сутки. В непрерывной связи не было необходимости, да и на корабле сейчас прибавилось работенки из-за подготовки экспедиционной группы. В общем, я отложил эту проблему в долгий ящик и отправился на нижнюю палубу отбирать крыс, которые предназначались для научных целей экспедиции.

Однако до завтра мне ждать не пришлось; Дядюшка собрал нас всех тем же вечером, и мы набились в его каюту, как сельди в бочку; тут были все, кроме мисс Гаммы, Вана, Пру и Каса. Дядюшка оглядел нас, лицо у него было какое-то вытянутое и грустное; он сказал, что жутко сожалеет, что нам некуда сесть, но что он постарается нас надолго не задерживать. А затем произнес весьма витиеватую речь насчет того, что всегда смотрел на нас как на своих детей и постепенно искренне полюбил и что мы во веки вечные

останемся его детьми, что бы там ни случилось. А потом он заговорил о чувстве достоинства, которое делает человека Человеком.

— Настоящий человек платит по своим счетам, он должен быть чист, он уважает других людей и держит свое слово. За это он не требует награды; он делает это все просто потому, что должен быть в мире с самим собой. Билет на Небо стоит дорого.— Он помолчал и задумчиво произнес: — Но главное, он выполняет обещанное.— Потом снова оглядел нас и добавил: — Вот и все, что я хотел вам сказать. Но раз уж мы тут собрались все вместе, хочу сделать объявление. Руп внес кое-какие изменения в расписание вахт.— Он поискал глазами Сэма Рохаса.— Сэм, я хотел бы, чтоб ты встал на следующую вахту завтра в полдень. Ты не возражаешь?

Абсолютная тишина тянулась так долго, что наши сердца, казалось, пропустили по три удара. Потом Сэм выговорил с некоторым трудом:

— Ну, разумеется, Дядюшка, если тебе так угодно.

— Буду очень признателен тебе, Сэм. По ряду причин я бы не хотел ставить на эти часы кого-то другого... а самому тоже ужасно не хочется выходить на вахту, если бы ты не смог. Боюсь, в этом случае мне пришлось бы сказать капитану, что выстоять ее просто некому. Так что я очень рад, что ты согласился.

— Хм... что ж... разумеется. Не о чем и говорить.

И это был конец забастовки.

Однако Дядюшка еще и не думал нас отпускать.

— Я решил, что надо вам рассказать об изменениях в расписании дежурств, раз вы тут все собрались, чтоб Рупу не пришлось ходить за каждым из вас и просить завизировать списки. Но вообще-то я позвал вас совсем по другому поводу. Скоро с корабля уйдет десантная группа. Хотя Констанция выглядит вполне безопасной и симпатичной, но я считаю, было бы рискованно... мало ли что... болезни, о которых мы и понятия не имеем, дикие звери, которые могут оказаться смертельно опасными в каких-то, еще неизвестных нам отношениях, ну и мало ли что... Вот мне и пришло в голову, что мы можем оказаться полезными. Мы могли бы одного нашего послать с десантной группой, а другого поставить на вахту в рубке, а земные части их телепар пусть свяжутся на это время по телефону. Таким образом мы будем находиться в

постоянной связи с десантной группой, даже если радио сломается, или еще что... Конечно, дополнительной работы будет уйма, а славы — никакой... Но, пожалуй, все окупится, если нам удастся таким образом спасти жизнь хоть одному из наших товарищей.

Тут внезапно вмешался Сэм:

— И как ты думаешь, кто пойдет с десантным отрядом, Дядюшка?

— Господи, да откуда ж мне знать? Это не входит в наши служебные обязанности, мы не можем претендовать на дополнительную плату за вредность, так что я никогда не взял бы на себя смелость *приказать* кому-нибудь из вас... надеюсь, и капитан меня в этом поддержит. Но я думаю, что добровольцев у нас найдется достаточно, чтобы можно было регулярно сменять тех, кто будет нести вахту вне корабля.— Он растерянно моргал и вообще казался каким-то неуверенным.— Но никто не обязан вызываться волонтером. Я думаю, будет лучше, если вы сообщите мне о своих намерениях в частном порядке.

Долго ждать ему не пришлось; мы все как один записались в волонтеры. Даже Мей-Линг поступила так, а потом разрыдалась и чуть не потеряла голову от злости, когда Дядюшка мягко указал ей, что надо бы получить согласие мужа, на что она, конечно, никак не могла рассчитывать: семья Трейверсов ожидала своего третьего.

Дядюшка обратился к капитану уже на следующее утро. Я хотел поболтаться в тех краях в надежде подхватить какую-нибудь информацию, но у меня оказалась масса работы, и я страшно удивился, когда через полчаса меня вызвали из лаборатории по внутренней сети оповещения. Я помыл руки и помчался в каюту Старика.

Дядюшка уже был там, причем выглядел довольно мрачным, да и капитан был не по-обычному суров. Я попробовал вызвать Дядюшку на волне Конфетки, чтоб узнать, как дела, но на этот раз он меня проигнорировал. Капитан же холодно окинул меня взглядом и сказал:

— Барлетт, мистер Макнейл предложил план, согласно которому люди из вашего отдела хотели бы оказать помощь десантной группе в проводимых ею исследованиях. Я хочу сказать со всей откровенностью, что я этот план не одобряю. За предложе-

ние благодарю... но у меня не больше желания рисковать людьми вашей специальности в таком предприятии, чем отдать приказ о переоборудовании корабельного ракетного двигателя в стерилизатор кухонной посуды. Всегда следует видеть разницу между главными задачами и второстепенными.— Он побарабанил по столу.— Тем не менее в этом предложении есть свои достоинства. Я не могу рисковать всем вашим отделом... но могу рискнуть одним связистом специального назначения, чтобы повысить безопасность десантной группы. Мне пришло в голову, что у нас на корабле имеется телепара для горизонтальной связи, и поэтому нет необходимости в релейной станции на Земле. Я говорю о тебе и мистере Макнейле. Ну? Что ты скажешь?

Я чуть было не заорал «конечно!», но тут мысли мои закрутились с бешеной быстротой. Если я отправлюсь с десантниками после всего, что было вчера, то Сэм может отреагировать на это весьма болезненно... да и все остальные — тоже. Они, чего доброго, подумают, что я все это подстроил нарочно.

— Ну? Отвечай же!

А, черт, какое мне дело, что они там подумают! От таких вещей не отказываются.

— Капитан, вам отлично известно, что я подавал рапорт о включении в поисковую партию еще несколько дней назад.

— Точно. Ты прав. Ладно, в твоем согласии я был уверен заранее. Но ты меня не так понял. Ты не пойдешь; это работа для мистера Макнейла. Ты же останешься тут и будешь держать с ним связь.

Я так удивился, что чуть не пропустил всю дальнейшую речь капитана. Пришлось тут же запросить Дядюшку:

«В чем дело, Дядюшка? Неужели ты не понимаешь, что все до единого решат, будто ты их объехал на кривой?»

На этот раз он ответил мне, и в голосе его звучала тревога.

«Знаю, сынок; капитан взял меня на испуг».

«И что же ты собираешься делать?»

«Не знаю. Как ни поступлю — все плохо».

Неожиданно в разговор вмешалась Конфетка:

«Эй! Из-за чего вы оба так суетитесь?»

Дядюшка произнес мягко:

«Исчезни, родненькая. Это мужской разговор».

«Ничего себе!»

Но больше она нас не прерывала.

А капитан продолжал:

— ...В любой ситуации, где надо делать выбор между людьми одной профессии, мы никогда не рискуем молодым, если опасное дело может быть выполнено более пожилым человеком. Это стандартное правило, которое в одинаковой степени применимо к капитану Уркварту и ко мне или к любым другим парам. На первом месте — порученное нам дело. Барлетт, твоя ожидаемая полезность, по крайней мере, на сорок лет продолжительнее, чем у мистера Макнейла. Поэтому именно ему должно быть отдано предпочтение в опасной миссии. Отлично, джентльмены, вы получите мои инструкции позже.

«Дядюшка, что же ты скажешь ему? Может быть, ты и согласен, но я — ни в какую!»

«Не толкай меня под локоть, сынок».— Дальше он продолжал уже вслух: — Нет, капитан.

Капитан так и вскинулся:

— Это еще почему, старый мошенник?! Неужели ты так ценишь свою шкуру?

Дядюшка поглядел ему прямо в глаза.

— Она у меня все-таки единственная, капитан. Но в данном случае речь не о ней. И, может быть, вы несколько поторопились, обзывая меня всякими словами.

— А? — Капитан налился кровью.— Прошу прощения, мистер Макнейл. Беру свои слова обратно. Однако мне кажется, вы обязаны объяснить свое отношение к вопросу.

— Это я и собираюсь сделать, сэр. Мы оба пожилые люди — вы и я. Я вполне могу обойтись без выхода на поверхность этой планеты, точно так же как и вы. Но молодежь устроена иначе. Вы прекрасно знаете, что мои ребята вызвались добровольцами в десантную группу вовсе не потому, что они ангелы, ученые или филантропы... а потому, что им безумно хочется сойти с корабля. Вам это известно; вы сами сказали мне это не более десяти минут назад. И если вы прекратите играть в прятки с самим собой, то признаетесь, что большинство этих детей никогда не подписали бы контракт на полет в космос, если б понимали, что значит быть запертым в стальной коробке и никогда близко не подойти к тому,

что они зовут «Приключением». Не деньги занимали их, когда они ставили подписи под контрактом, а зов дальних миров. А теперь вы отнимаете у них надежду на исполнение заветной мечты.

Капитан еще больше помрачнел. Его кулаки сжимались и разжимались, потом он пробурчал:

— В том, что вы говорите, должно быть, есть смысл. Однако здесь решения принимаю я; и не имею права перекладывать эту обязанность на других. Мое решение остается прежним. Вы отправляетесь, Барлетт остается на корабле.

Я не выдержал:

«Дай ему понять, что он лишится своих передач вообще, будь они прокляты!»

Дядюшка ничего не ответил.

— Боюсь, что так у вас не получится, капитан. Это работа для добровольцев... а я волонтером не вызывался.

Капитан с трудом выговорил:

— Я не уверен, что тут нужны добровольцы. Мои полномочия в определении обязанностей подчиненных очень широки. Я прихожу к выводу, что вы отказываетесь выполнять свой долг.

— Это не так, капитан. Я не говорил, что отказываюсь выполнять ваши приказы, я сказал лишь, что не вызывался добровольцем. Но я полагаю, что должен просить вас отдать этот приказ в письменном виде, а я завизирую его своей подписью и примечанием: «Принято к исполнению, но под давлением» — и потребую, чтобы копия этого документа была передана в ФППИ. Я не собираюсь идти добровольцем.

— Но, черт побери, вы же вызвались вместе со всем своим отделом. Вот почему вы находитесь здесь! Я и выбрал вас.

Дядюшка отрицательно покачал головой:

— Не совсем так, капитан. Мы вызвались всем отделом. Вы отвергли предложение всего коллектива. Если я дал вам повод думать, что пойду волонтером на каких-то других условиях, то очень об этом сожалею. Дело обстоит именно так, как я вам изложил. А теперь, с вашего разрешения, сэр, я пойду и скажу своим ребятам, что вы нам отказали.

Капитан снова побагровел. И вдруг разразился громовым хохотом. Вскочил с места и крепко обнял Дядюшку за узкие плечи.

— Ах ты, старый мошенник! А ты *действительно* мошенник, мошенник с мятежным черным-пречерным сердцем! Ты заставил меня пожалеть о старых добрых временах, когда таких типов можно было сажать на хлеб и воду да еще прописывать им добрую порцию линьков! Ну а теперь садись, и мы обсудим все спокойно. Барлетт, ты можешь идти!

Я ушел очень неохотно и постарался избегать встреч с другими «выродками», так как не имел ни малейшего желания отвечать на их вопросы. Однако Дядюшка был догадлив — он вызвал меня по телепатической связи сразу же, как только вышел из каюты капитана и тут же изложил суть дела. Он, я, Руп и Сэм будем сменять друг друга, причем первая очередь (поскольку она наиболее опасна) будет Дядюшкина. Девушки будут держать корабельные вахты, так же как и Дасти, приравненный к ним из-за его нежного возраста. Но им была подброшена мозговая косточка: если врачи и ученые определят, что планета безопасна, им разрешат, тоже по очереди, побывать в туристических вылазках. *«Мне пришлось вывернуть ему руки,* — признался Дядюшка,— *по этому поводу. И все же он согласился».*

Это вроде бы была наивысшая точка кризиса; Конни казалась не более опасной, чем Канзас. Прежде чем кто-нибудь вышел наружу без карантинного спецкостюма, мы подвергли воздействию местной атмосферы крыс и канареек; им она пришлась вполне по вкусу. Когда первая партия отправилась на берег, ее участники, одетые в карантинные костюмы, хотя и дышали воздухом Конни, но только после того как он проходил сквозь электростатические прокладки; вместе с этой партией отправились еще два подопытных «кролика» — Бернард ван Хоутен и сэр Персиваль де Свин.

Ван все еще не отошел после гибели брата; он вызвался добровольцем, и я думаю, что доктор Деверо уговорил капитана разрешить ему это. Кому-то все равно пришлось бы; ведь можно проделать какие угодно микроскопические и химические анализы, но все равно настанет день, когда придется живому человеку подставить этой планете свою шкуру, чтобы узнать — дружественна она нам или враждебна. Как говорит доктор Бэбкок, рано или поздно приходится лезть на дерево. Так что Ван вышел наружу

без карантинного костюма, в одних шортах, рубашке и туфлях, как две капли воды похожий на вожатого скаутов.

Сэр Персиваль де Свин, конечно, был волонтером, но ему явно казалось, что его отправили на пикник. Его привязали в кустах и разрешили пастись на свободе и есть любых представителей флоры Конни, которые покажутся ему съедобными. Свиньи — ценнейшие лабораторные животные: они всеядны, подобно крысам и людям, и, как мне говорили, их обмен веществ очень близок к нашему, недаром они болеют многими человеческими болезнями. Если Персиваль выживет, то почти наверняка выживем и мы, особенно учитывая, что Персиваль не получил тех прививок, которые сделали всем нам,— не получил даже широкоспектральной сыворотки ГАР, которая, как считается, способна защитить даже от тех болезней, с которыми человечество еще не сталкивалось.

Перси толстел, лопал все, пил воду из ручья. Ван обгорел на солнце, а потом покрылся коричневым загаром. Оба чувствовали себя отлично, и пионерная партия стащила свои карантинные спецкостюмы. И тут же все (включая даже Перси) слегли с трехсуточной перемежающейся лихорадкой и с чем-то вроде диареи; однако все выздоровели и вторично никто из них не заболел.

Дальше произошла смена участников группы, и все, кроме дяди Стива, Гарри и еще нескольких, которых они отобрали, уступили свои места другим членам команды. Половина участников второй партии получила сыворотку, сделанную из крови тех, кто уже перенес трехдневную лихорадку; почти никто из привитых не заболел. Но вернувшихся на корабль внутрь допустили не сразу — они были помещены в карантин, устроенный на временной дополнительной палубе, возведенной над полусферой носовой части «Элси».

Я не хочу, чтобы у вас создалось впечатление, будто эта планета совсем уж похожа на городской парк; впрочем, убить вас могут и в Канзасе. На планете обитали здоровенные, похожие на ящеров, хищники, с которыми дело иметь не рекомендовалось. Один из этих экземпляров все же получил Лефти Гомеса в первый же раз, когда мы встретились с этой тварью, и убил бы еще, по меньшей мере, двоих, если бы Лефти принадлежал к числу тех, кто мечтает жить вечно. Я никогда не поставил бы на Лефти, что

он из породы героев, ведь он был всего лишь помощником повара-хлебопека и заведовал продскладом корабля, но дядя Стив говорит, что безоглядная отвага — самое распространенное из всех человеческих достоинств и что семь из каждых десяти — потенциальные претенденты на медали за доблесть, если их поставить в соответствующую ситуацию.

Очень может быть. Я-то принадлежу к числу этих самых трех. Не думаю, что я способен стоять насмерть и пытаться выколоть глаза чудовищу обыкновенным походным вертелом.

Впрочем, tiranosaurus ceti был недостаточно опасен, чтобы заставить нас отказаться от этой планеты, если уж мы узнали, что они тут обитают и каков у них нрав. Любая крупная кошка была бы наверняка страшнее, потому что кошки умны, а эта зверюга была тупа. Просто надо стрелять первым, а разрывная пуля укладывает ее наповал, превращая в потенциальный ковер. Настоящей защитой от человека тиранозавр не обладает, и когда-нибудь люди истребят их поголовно.

Десантная группа разбила лагерь в виду корабля на берегу очаровательного залива Бэбкока, где мы встали на якорь. Два вертолета патрулировали местность каждый день, идя постоянно в паре, так, чтобы один мог спасти команду другого, если б этот другой потерпел аварию; причем они никогда не улетали дальше, чем на сотню миль от корабля. Мы вовсе не собирались завоевывать эту планету, а просто старались выяснить, могут ли ее завоевать другие люди и закрепить за собой. Могут. Во всяком случае, вблизи Бэбкок-бея... ну а оттуда, где человек зацепился хотя бы большим пальцем ноги, его уже не спихнешь.

Моя очередь пришла только в четвертую смену, а к этому времени уже даже женщинам разрешалось выходить на бережок; тревожные дни остались позади.

Самые странные ощущения, когда ты впервые сходишь с корабля, связаны *со встречей с погодой*. Уже два года я жил в искусственной атмосфере и забыл, что такое дождь, ветер, луч солнца, падающий на твое лицо. На борту «Элси» вахтенный инженер время от времени просто наобум немного изменял влажность, температуру и содержание озона в воздухе — считалось, что это содействует улучшению нашего обмена веществ. Но это не была *погода;* ну, вообразите себе, будто вы целуетесь с сестренкой вместо...

От первой капли дождя я просто ошалел; даже не понял, что это такое. А затем принялся носиться взад и вперед, выплясывая как оглашенный, пытаясь поймать капли открытым ртом. Это был *дождь*, настоящий *дождь*, и это было непередаваемо прекрасно!

Той ночью я никак не мог уснуть. Ветерок на лице, посапывание и похрапывание товарищей, отдаленные шорохи каких-то тварей за нашим оборонительным оцеплением, отсутствие *настоящей* темноты — все это прогоняло сон. Корабль ведь тоже живой — у него свои специфические шумы, но они совсем другие, чем тут, под открытым небом; планета жила своей жизнью.

Я тихонько встал и на цыпочках вышел из палатки. Перед палатками мужчин, примерно в футах пятидесяти от них, виднелся вахтенный. Меня он не замечал, так как внимательно смотрел на циферблаты и экраны, контролирующие работу внутренних и внешних ограждений и охранного поля, прикрывавшего нас сверху. Мне не хотелось вступать в разговор, а поэтому я вернулся и обошел палатку сзади, чтоб не видеть даже слабого отсвета приборов вахтенного. Там я остановился и стал любоваться небом.

В первый раз со времени отлета с Земли я увидел его по-настоящему; ночь была безоблачна. Я стоял как заколдованный, даже слегка опьяненный этим зрелищем.

Потом я попробовал отыскать знакомые созвездия.

Это было нетрудно. Одиннадцать световых лет для большинства звезд все равно что для нас переход на другую сторону улицы. Большая Медведица стояла прямо над головой. Только она казалась чуть-чуть более расползшейся, чем видится с Земли, но узнать ее было легко. Орион сверкал у самого горизонта передо мной, зато Процион как-то сильно сдвинулся, а Сириуса вообще не было видно, возможно, он ушел за горизонт; Сириус ведь еще ближе к Земле, чем Тау Кита, и с того места, откуда я смотрел сейчас, его, возможно, следовало искать совсем в другой части небосвода. Я попробовал в уме построить на звездной полусфере обратный треугольник, чтобы определить, где же должен находиться Сириус, но запутался и сдался.

Затем я попытался отыскать Солнце. Я знал, где оно должно быть — в созвездии Волопаса, между Арктуром и Девой, но прежде всего надо было разыскать этого Волопаса, а уж после пуститься на поиски старины Солнца.

Волопас находился у меня за спиной, почти столь же близко к горизонту, как Орион на другой стороне небосвода. Арктур немного сдвинулся, и это слегка подпортило булавообразную форму Волопаса. Но я не сомневался, что это он и есть.

А вот и Солнце! Желто-белая звезда того же цвета, что и Капелла, только менее яркая, примерно второго класса. Все сходилось: и позиция, и класс. Кроме того, эта звезда и не могла быть ничем иным, так как в этом секторе не было никаких столь же ярких звезд, когда мы с Патом учили астрономию, надеясь получить медаль за знание астрогации. Это, бесспорно, было Солнце.

Я смотрел на него с какой-то задумчивой печалью, скорее приятной, чем вызывающей боль. Интересно, что сейчас делает Пат? Надо думать, гуляет с дочкой? Или нет? Я никак не мог вспомнить, какое там сейчас время по Гринвичу. Он на Земле, ему тридцать лет, у него пара ребятишек, лучшая часть жизни уже позади... А я нахожусь здесь, и лет мне столько, что на Земле я бы сейчас только-только заканчивал второй курс колледжа.

Нет... Ничего подобного; там я был бы ровесником Пата.

Но мне же *не тридцать!*

Я приободрился и решил, что в конце концов мне повезло больше, хотя поначалу думал иначе. Я вздохнул, немного побродил кругом, ни о чем не беспокоясь, так как даже эти ящеры не могли подобраться к нашей ночной защите без того, чтобы на их барабанные перепонки не обрушились громы и молнии. Если, конечно, допустить, что у них есть уши. Загончик Перси располагался поблизости; он услышал меня и подошел к самой выгородке, так что мне ничего не оставалось, как пройти туда и почесать ему рыльце.

— Ничего себе местечко, дружище! Как считаешь? Я подумал, что, когда «Элси» вернется домой (а я сейчас уже не верил в мрачные предсказания дяди Стива), так вот, когда я окажусь дома, мне все еще будет двадцать с хвостиком, и это прекрасный возраст для эмиграции. А Конни — это то место, куда бы стоило вернуться; именно так оно выглядит.

Перси ответил мне тихим похрюкиванием, которое я перевел как: *«Неужели ты мне ничего не принес пожрать? А еще другом считаешься!»* Мы с Перси закадычные друзья; на борту корабля я его кормлю наряду с его родными братцами, хомячками и крысами.

— Перси, ты свинья.

Он не стал спорить, но продолжал похрюкивать в мою пустую ладонь. А я подумал, что одиннадцать световых лет не так уж много; в общем, все почти как у нас. И звезды почти те же.

Наконец Перси надоели телячьи нежности, да и мне тоже, я вытер руку об штаны и отправился спать.

ГЛАВА XIII

О несущественных отношениях

За Бетой Гидры. Мне надо или заполнить образовавшийся пробел в повествовании, или бросить все это. Времени на писанину почти нет — у нас не хватает рабочих рук. Не знаю, что именно мы подцепили на Констанции, может быть, это вообще был всего лишь результат плохо проведенной дезинфекции продовольственных складов, но так или иначе у нас теперь дел столько, что их не переделаешь, и это в первую очередь касается моего отдела. Нас осталось только шестеро, а передавать приходится много. Мы — это Дядюшка, я, Мей-Линг, Анна, Глория и Сэм. Дасти выжил, но потерял связь со своим партнером и, видимо, навсегда. У его брата не было детей, чтоб создать вторичную телепару. Они просто «разошлись» друг с другом на последнем «пике» скорости, и этот контакт потом уже не восстановился.

Я теперь почти полностью завишу от моей внучатой племянницы Кэтлин и ее матери Молли. Пат и я еще иногда разговариваем, но только с их помощью; если мы пытаемся сделать это вдвоем, то получается так, будто мы находимся в шумном заводском цеху. Знаешь, что твой собеседник что-то говорит, но чем больше вслушиваешься, тем меньше понимаешь. Пату уже пятьдесят четыре — это после того, как мы снова шли отрезок пути на околосветовой. У нас с ним осталось совсем мало общего. После смерти Моди его ничто, кроме дел, не интересует. А мне они до лампочки.

Дядюшка у нас единственный, кто не ощущает ослабления связи со своей первой партнершей. Селестине сейчас сорок два, но они не только не расстались, а стали еще ближе друг к другу. Я все еще зову ее «Конфеткой», хотя бы ради того, чтоб услышать

ее смешок. Трудно поверить, что она в два раза старше меня; ведь ей бы полагалось еще носить косички и ходить без передних зубов.

В общей сложности, во время «чумы» мы потеряли тридцать два человека. Я тоже заболел, но выздоровел. Доктору Деверо это не удалось, равно как Пруденс и Рупу. Нам пришлось поднапрячься и сделать вид, что тех, кого не стало, никогда не было. Умер ребенок Мей-Линг, но она несет вахты, работает до упаду и даже смеется. Мне кажется, что больше всего нам не хватает Мамы О'Тул.

Что же еще произошло важного? Ну а что может происходить важного на корабле? Ничего. Бета Гидры оказалась пустой тратой времени. Не только ничего похожего на планету земного типа, но даже океанов — я имею в виду водных — и то не обнаружилось; выбор топлива корабля от аммиака до метана, и главный инженер с капитаном провели немало совещаний, пока наконец не остановились на аммиаке. Теоретически «Элси» может сжигать что угодно: дайте ее конвертеру пожевать хоть что-то, и старая формула $E = mc$ начнет работать; ракеты выплюнут массу в виде радиации на скорости света и в виде нейтронов — на околосветовой. Но в то время как конвертеру неважно, что кушать, вспомогательному оборудованию ракетного двигателя, устроенному так, что ему требуется жидкость и, желательно, вода, это не безразлично.

У нас же был выбор — воспользоваться ли аммиаком (уже жидким) на одной планете, или лететь к другой, гораздо более далекой и состоящей преимущественно изо льда, температура которого к тому же ни на волос не поднималась над абсолютным нулем. В общем, они помолились и плюхнули «Элси» в аммиачный океан, наполнив этой жидкостью все баки старушки. Планету назвали «Инферно»*, а потом употребляли слова куда более сильные. Мы просидели на ней четыре дня при двух силах тяжести, было дьявольски холодно даже с обогревателями, работающими на полную катушку.

Система Беты Гидры — это та система, куда я не захотел бы возвратиться ни за какие коврижки; пусть ее забирают себе существа с другим метаболизмом. На здоровье! Кто остался ею доволен, так это Гарри Гейтс, ибо планетарный расклад тут тоже

* Ад (*ит.*).

полностью соответствовал правилу Боде. А по мне — не все ли равно, в каком порядке расположены планеты, да хоть клином, причем как угодно — углом вперед или углом назад!

Единственно, что отложилось в моей памяти крепко (из всего происшедшего за это время), так только осложнения в политической обстановке на Земле. Начало нашего последнего пика скорости совпало с открытием военных действий между Федерацией Афро-Европы и Эстадос Юнионс де Суд*. Вроде бы к нам это отношения не имело (и для большинства команды так оно и было), во всяком случае, мы о своих симпатиях помалкивали. Но мистер Роч — главный инженер — был уроженцем Федерации, а его первый помощник родился в Буэнос-Айресе. Когда Буэнос-Айрес был уничтожен, включая, надо думать, и родственников мистера Регато, последний обвинил в этом персонально своего босса. Глупо, конечно, но что поделаешь!

После этого капитан отдал приказ, что он лично будет контролировать все новости с Земли, прежде чем они попадут в нашу газету, и напомнил нам о существовании особых правил, касающихся работы связистов в случае возникновения угрозы безопасности средствам связи. Полагаю, что я и без этого напоминания сообразил бы, что сначала надо такую информацию показать капитану, а уж потом печатать, хотя полной уверенности у меня нет. Ведь у нас на «Элси» цензуры отродясь не бывало.

Из этой запутанной ситуации нас вывело только то обстоятельство, что в это время мы как раз достигли пиковой скорости. А когда вышли из пика, то оказалось, что на Земле прошло уже четырнадцать лет и нынешний политический расклад совершенно изменился — Аргентина и ее бывший противник теперь стали союзниками и были на ножах с остальной частью Южной Америки. Через некоторое время мистер Роч и мистер Регато снова стали поигрывать в шахматишки, как будто и не было случая, после которого капитан отдал специальный приказ, запрещающий хватать друг друга за глотку.

Все, что произошло за это время на Земле, кажется мне каким-то нереальным, хотя мы регулярно продолжаем получать

* Соединенные Штаты Юга *(исп.)*.

оттуда новости, когда не идем на пиковых скоростях. Нашему сознанию все время приходится приспосабливаться к новым обстоятельствам; вот «Элси» проходит пик... там на Земле пролетают годы, и все меняется. Теперь бывшая Планетарная Лига именуется «Объединенной системой» и уверяет, что новая конституция делает войну невозможной.

А для меня это та же Планетарная Лига, тем более что в свое время считалось, будто она тоже исключала возникновение войн. Интересно, а что им удалось изменить, кроме названия?

Половины доходящих до нас новостей я вообще не понимаю. Кэтлин, например, сказала мне, что ее класс объединил все свои «уравнители», чтобы купить в подарок своей школе «Фэрди» в честь окончания обучения, и что они собираются «запузырить» его в первый раз на приуроченных к этому дню игрищах, с которых ей предстоит тут же за ним смотаться, поскольку она отвечает за его сохранность. Это известие я получил в свою последнюю вахту. Хотел бы *я* знать, что такое «Фэрди» и почему бы этому «Фэрди» не остаться там, где он был раньше?

Не понимаю я и новостей из области техники и технологии, о которых нам сообщают. Не понимаю, но по крайней мере, я знаю, почему не понимаю, а кроме того, на борту всегда можно найти кого-то, кто в этом деле сечет. Релятивисты прямо балдеют от тех вещей, о которых нас извещают и которые носят столь узко специальный характер, что их приходится транслировать повторно и подтверждать правильность текста, прежде чем отдавать «потребителям». А Джанет Мейерс в это время торчит за нашими спинами и дожидается, чтобы стащить кассету с мага чуть ли не до того, как перестанут крутиться бобины. Мистер О'Тул тоже волнуется, но это находит выражение только в том, что кончик носа у него делается ярко-красным. Доктор Бэбкок никакого волнения не обнаруживает, хотя и он два раза подряд опаздывал к столу, после того как я сделал для него копию монографии под названием «Самнер о некоторых аспектах несущественности». Потом мне довелось отправлять в ФППИ то, что написал доктор Бэбкок об этой монографии. Ответ был нашпигован совершенно несъедобной математикой, но я уловил, что доктор Бэбкок весьма вежливо дал понять профессору Самнеру, что тот — осел.

Джанет Мейерс попыталась объяснить мне, в чем тут дело, но я усвоил только то, что концепция мгновенности заставляет рассматривать физику с совершенно новых позиций.

— До сих пор,— сказала она мне,— мы все концентрировались на относительных свойствах континуума «пространство-время». Однако то, что делаете вы, мыслечитчики, превращает пространство-время во что-то несущественное. Без времени нет пространства; без пространства не может быть времени. Соответственно, без пространства-времени нет и законов сохранения энергии-массы. Господи! Да нет вообще ничего! Из-за этого кое-кто из стариков просто спятил. Только теперь мы начинаем понимать ту роль, которую вы, мыслечитчики, вероятно, сыграете в физике — я говорю, разумеется, о новой физике; ведь в этой науке сейчас все меняется.

У меня и со старой-то физикой были нелады; а попытка усвоить новую вызывала головную боль, как только я начинал думать о ней.

— А есть во всем этом практический смысл? — спросил я.

Она посмотрела на меня так, будто я нанес ей личное оскорбление.

— Физика не обязательно должна иметь практическое применение. Она просто *есть*.

— Ну, не знаю. Старая физика все-таки приносила пользу: возьми, к примеру, ракетный двигатель.

— Ах это!.. Это не физика, это просто техника.

Тон был такой, будто я сказал что-то неприличное.

Никогда мне не понять Джанет, и, в общем, наверное, хорошо, что она решила «быть мне только сестрой». При этом она объяснила, что не имеет ничего против того, что я моложе ее, но что ей будет трудно смотреть снизу вверх на человека, который не в состоянии решить в уме даже простенькое уравнение четвертой степени.

— ...а жена просто обязана смотреть на своего мужа снизу вверх, ты согласен?

Сейчас мы набираем скорость при полутора g. «Пробуксовка» сводит каждый форсаж скорости и каждый период торможения к четырем месяцам корабельного времени, хотя сами «прыжки» стали длиннее. В периоды форсажа я вешу двести двадцать фунтов, и приходится носить специальный корсет, чтоб защитить

позвоночник, но, в общем, пятидесятипроцентная добавка к весу переносится без особого труда и может быть даже полезна, так как на корабле всегда легко отыскать отговорку, чтобы не заниматься физкультурой.

ФППИ больше не пользуется наркотиками для того, чтобы поддерживать контакты между телепарами в пиковые периоды, что наверняка доставило бы удовольствие доктору Деверо, который их решительно не одобрял. Теперь наши телепартнеры работают только под влиянием гипноза и внушения; иначе нам с ними никак не встретиться. Кэтлин удалось только таким путем преодолеть последний пик, но я полагаю, что в масштабе флота мы неизбежно будем терять все новые и новые телепары, если на Земле не удастся подобрать нам новых партнеров уже из третьего поколения. Не знаю, что стало бы с моей связью, если бы не Кэтлин. Надо думать, контакт с Землей оборвался бы. «Ниньа» и «Генри Гудзон» сейчас имеют всего по две действующие телепары, а у остальных четырех кораблей, еще поддерживающих контакт с Землей, дела обстоят вряд ли лучше. Мы, пожалуй, самые благополучные, хотя почти не получаем новостей с других кораблей — мисс Гамма выпала из контакта со своими сестрами, а может быть, потеряла их навсегда: «Санта-Мария» числится пропавшей без вести, а «Марко Поло» — всего лишь как потерявший контакт, так как связь с ним нарушилась во время подхода к пику скорости, а стало быть, она не сможет наладиться еще несколько гринвичских лет.

Мы сейчас идем к маленькой звезде типа G, столь плохо видимой с Земли, что у нее нет не только имени, но даже греческого буквенного обозначения — один номер в звездном каталоге. С Земли она кажется принадлежащей к созвездию Феникса и находится между созвездиями Гидруса (Южная Гидра) и Кита (Гидрус не следует путать с Гидрой; последняя лежит в шести часах по системе небесных координат дальше и севернее). Дядюшка назвал ее «стоп-сигналом», и мы все теперь ее так зовем, нельзя же произносить длиннейший номер, присвоенный ей каталогом Паломара, каждый раз, когда говорится о цели нашего полета. Нет сомнения, что эта звезда получит более достойное имя, если там найдется планета, хотя бы вполовину не уступающая Конни. Кстати, Конни будет колонизироваться, несмотря на эпидемические

заболевания, которые мы там, возможно, подхватили; первые корабли с будущими колонистами уже пошли к ней. Не знаю, какая муха нас укусила (вполне возможно, мы ее притащили с собой с Земли), но эта болезнь не страшнее полудюжины других, которыми когда-то болели люди и с которыми они сражались до победного конца, пока полностью не уничтожили все вирусы. Таков во всяком случае официальный взгляд, и отправка кораблей-пионеров предпринята на основе предположения, что люди, вероятно, переболеют этой заразой, но в конце концов найдут способ победить ее.

Что касается моего мнения, то думаю, каждый вид смерти опасен не меньше других; уж если ты помер, значит — помер, даже если смерть произошла от какой-то ерунды. А «чума» хоть и опасна, но меня убить она не смогла.

«Стоп-сигнал» не стоил остановки. Теперь мы идем к Бете Кита, что в шестидесяти трех световых годах от Земли.

Ох, как мне хотелось бы, чтобы Дасти все еще мог получать и передавать изображения! Мечтаю увидеть одну из своих правнучатых племянниц — Вики. Знаю, как она выглядит: волосы цвета моркови, веснушки вокруг носа, зеленые глаза, крупный рот и скобки на зубах. Сейчас она обладательница шикарного фонаря под глазом, полученного в школе, когда кто-то обозвал ее «выродком», а ей это не понравилось. Ох, как хотелось бы мне полюбоваться на эту драку! Так что я *знаю*, как она выглядит, но я отдал бы многое, чтобы *посмотреть* на нее хоть одним глазком.

Забавно — наша семья производит одних девочек. Нет, когда я пересчитываю всех потомков, в том числе детей и внуков моих сестер, то вроде бы число мальчишек примерно соответствует числу девчонок. Но Моди и Пат родили двух девиц и ни одного мальчугана, а я улетел и не женился; имя Барлеттов обречено на исчезновение.

Конечно, я мечтаю иметь фото Вики. Я знаю, что она не очень красива, но готов спорить — чертовски привлекательна; наверняка похожа на мальчишку со своими вечными ссадинами на коленках, потому что терпеть не может «девчоночьих» игр. Обычно она не спешит исчезать сразу же после официального сеанса

связи, и мы с ней подолгу болтаем. Возможно, с ее стороны это просто проявление вежливости, ибо, надо полагать, она представляет меня таким же старым, как ее прадед Барлетт, хотя мать и говорила ей, что я вовсе не такой. Полагаю, что все зависит от точки зрения. По своим годам я должен был сейчас заканчивать колледж, а ей известно, что я близнец Пата.

Что ж, если ей охота воображать меня с длинной белой бородой, то на здоровье, лишь бы продолжала «водиться» со мной. Сегодня она что-то здорово торопилась, хоть и не растеряла обычной вежливости.

«Пожалуйста, извини меня, дядя Том. Мне надо еще успеть сунуть нос в учебник алгебры. Скоро контрольная».

«Святая истина?» — спросил я.

«Святая истина, не сойти мне с этого места! Я бы с удовольствием осталась!»

«Ну, беги, Веснушка. Привет твоим».

«Пока! Я вызову тебя завтра с утра пораньше».

Нет, она в самом деле милая девчушка.

ГЛАВА XIV

Элизия

Бета Кита — большая звезда; если оценивать ее по светимости, она такая большая, что может быть отнесена к гигантам — точнее к слабым гигантам, так как она в тридцать семь раз ярче Солнца. С Земли она выглядит такой яркой, что у нее есть даже собственное имя — Денеб Кайтос, но мы ее так не зовем, потому что «Денеб» невольно вызывает в памяти совсем другой Денеб — Альфу Лебедя, которая и в самом деле звезда первой величины, но находится совсем в другой части неба и почти в тысяче шестистах световых годах отсюда.

Поскольку Бета Кита гораздо ярче Солнца, планета, которую мы ищем (если допустить, что она существует), должна находиться в шестистах миллионах миль от нее, то есть дальше, чем Юпитер от нашего Солнца.

Мы обнаружили планету в пятистах восьмидесяти миллионах миль, то есть в допустимых пределах.

Еще лучше было то, что это одна из самых маленьких планет системы, которая в общем-то характеризуется планетами слишком больших для нас размеров; следующая за ней, например, больше Юпитера.

Мне доверили составить под не слишком придирчивым руководством Гарри план и график обязательного дистанционного исследования Элизии. Сам же Гарри в это время был занят тем, что не хуже доброго фокстерьера «рыл землю», стремясь закончить свой magnumopus* до того, как придется все бросить и переключиться на экспедиционные работы на поверхности планеты.

Он хочет поскорее передать свои выводы на Землю, дабы имя его заняло почетное место в Пантеоне Славы, хотя вслух он об этом не распространяется, так что трудно его назвать полностью зациклившимся на Пантеоне. Тем не менее Гарри убежден, что создал новую космогоническую теорию формирования солнечных систем, которая включает в себя и правило Боде. Он говорил, что если его выкладки верны, то практически каждая звезда любых спектральных классов и размеров должна иметь свои планетные системы.

Все может быть... Откуда же мне знать. Я вообще не понимаю, на черта нужны звезды без планет, и не могу поверить, чтобы такая сложнейшая штуковина, как Вселенная, возникла бы случайно. Ясное дело — планеты созданы для того, чтобы ими пользовались.

Действовать в качестве Пятницы при Гарри — одно удовольствие. Все, что мне надлежало делать,— это выкопать записи предварительного обследования Конни из микрофильмов и разработать соответствующую программу для Элизии с учетом того, что рабочих рук в отделе стало несколько меньше. Впрочем, желающих нам помочь было предостаточно, так как, насколько нам известно, мы — единственный корабль, который дважды вытаскивал счастливый жребий, и один из четырех, коим удалось обнаружить хоть что-то стоящее. Сейчас мы уже сели на воду и

* Великое творение (*лат.*).

ждем, чтобы медицина дала о'кей наземной разведке. Свободного времени у меня стало больше. Попробовал вступить в контакт с Вики, чтобы запросто поболтать с ней вечерком. Но на Земле тоже был вечер, Вики собралась на свидание и весьма вежливо отшила меня.

Вики повзрослела за наш пик в последнем прыжке; теперь она уже интересуется мальчиками и у нее не хватает времени на своего древнего Дядюшку.

«Это Джордж?» — спросил я, когда она пожелала узнать, по достаточно ли важному делу я беспокою ее.

«Что ж, если тебя это касается, то да, действительно, Джордж»,— буркнула она.

«Не ершись, Веснушка,— сказал я.— *Просто поинтересовался, вот и все».*

«Ну а я ответила».

«Конечно, конечно. Развлекайся, малышка, только возвращайся пораньше».

«Ты говоришь совсем как папуля».

Должно быть, она права. Если честно, мне этот Джордж не слишком по душе, хотя я его никогда не видел, не увижу и почти ничего о нем не знаю, за исключением того, что Вики называет его *«десятой силой»* и *«первым среди охвостья»*, несмотря на то что он *«пыжится изо всех сил»*, если я догадываюсь, что она имеет в виду; впрочем, она рассчитывает как-то «уравнять» это дело.

Что именно она хочет этим сказать, я, конечно, не понял, но предположил, что в общем это звучит скорее как сдержанная похвала и что она надеется или превратить Джорджа почти в идеал, или *«разболтать в драбадан»*, когда покончит, наконец, с его воспитанием. Сильно подозреваю, что Джордж — прыщеватый, весьма невежественный зануда, каким я был когда-то сам и каких терпеть не мог — что-то вроде нынешнего Дасти Родса, только без его удивительного ума.

Все это звучит так, будто я ревную к этому мальчишке, которого никогда не видел, девушку, которую мне тоже видеть не приходилось. Но это, конечно, не так. Мой интерес к ней чисто отцовский или «старшебратский», хотя родство у нас довольно далекое — мои родители были всего лишь двумя из ее шестнад-

цати предков, то есть родство столь отдаленное, что большинство людей даже не подозревает о существовании у них подобных родственников.

А может быть, в дикой теории Вана все-таки что-то есть? И все мы становимся психованными маразматиками, а молодость сохраняют лишь наши тела? Да нет, это же глупо. Ведь, хотя на Земле и прошло семьдесят пять гринвичских лет, для меня минуло всего лишь четыре года с тех пор, как мы ее покинули. Я спал в своей койке на «Элси» тысячу четыреста ночей, ел по три раза в день, да еще прихватывал раза два чего-нибудь — это на каждую из ночевок. Так что прошло только четыре года, а вовсе не семьдесят.

Нет, просто я разочарован тем, что в мой первый свободный вечер, выпавший за пару последних недель, у меня не оказалось никакого более интересного дела, чем писать дневник. Но уж если я заговорил о сне, то невредно было бы придавить ухом этак минуток шестьсот; завтра наружу выходит первая партия, если, конечно, медики разрешат, и у меня будет забот полон рот. Мне-то идти не придется, но надо переделать кучу дел, чтобы эти ребята смогли отправиться в путь.

Мы попали в жуткую переделку. Не знаю, как будем жить дальше.

Лучше начну сначала. Элизия годилась по всем параметрам; предварительный анализ показал, что ее атмосфера пригодна для дыхания, климат мало отличался от земного, даже чуть помягче; вода, кислород и содержание двуокиси углерода — в норме; словом, никаких особых неприятностей. Признаков разумной жизни, конечно, нет, иначе нам бы пришлось отсюда смыться. Этот мир можно было назвать водяным в еще большей степени, чем Землю, так как до девяноста процентов площади планеты занимали океаны; мы даже обсуждали, не назвать ли ее «Аквария» вместо «Элизия», но кто-то заметил, что нет смысла нарекать планету именем, которое может оттолкнуть колонистов, ведь на самом деле пригодной земли тут ничуть не меньше, чем на нашей планете.

Так что мы подгребли под бочок к острову, по размерам сходному с Мадагаскаром — по масштабам Земли это почти континент — с идейкой, что такую территорию можно будет без труда исследовать во всех подробностях и сразу же отрапортовать о ее

готовности принять колонистов, как только сюда прибудет корабль ФППИ. Мы знали, что Конни уже заселяется, и хотели, чтоб эта планета была тоже подготовлена к колонизации, а «Элси» могла бы поскорее отправиться на поиски новых миров.

Я слегка шлепнул Перси и велел ему как следует оценить эстетическую привлекательность ландшафта и доложить, не обнаружит ли он там какую-нибудь достойную внимания леди своей породы. Дядя Лукас перебросил на берег отряд своих стражей, и в тот же день к ним присоединилась группа ученых. Было ясно, что Элизия, как и Конни, особых проблем не создаст и что она почти такой же ценный приз, конечно, если не считать, что тут нам могут встретиться экзотические инфекции, с которыми мы не сумеем справиться.

Это было две недели назад.

Все шло по заведенному шаблону, без неожиданностей, ну, как идет обычный завтрак. Перси и другие лабораторные животные на местной диете процветали, Вану не удалось подхватить ничего опаснее слабой чесотки, и теперь он сам пробовал перейти на элизийский подножный корм: были там весьма чудные четырехкрылые птицы, которые отлично смотрелись в жареном виде; Ван сказал, что они по вкусу напоминают запеченную индюшку со слабым привкусом дыни. Что касается сэра Перси де Свина, то он начисто отказался есть какую-то рыбу из числа пойманных, а крысы, которые ее поели, подохли, так что дары моря пришлось исключить из диеты до проведения дополнительных исследований. Рыбы по виду отличались от наших. Они были какие-то плоские, вроде камбалы, и обладали щупальцами, как у рыбы-кошки, только на концах эти щупальца расходились веером, а не торчали заостренными пиками.

Гарри Гейтс считал, что это органы осязания, но, может быть, они имеют и функции манипуляторов.

На острове нам не встретилось ничего, даже близко напоминающего тех хищных ящеров с огромными пастями, которые убили Лефти Гомеса. Однако трудно было предсказать, с чем можно встретиться на других островах, поскольку их разделяли обширные водные пространства, и эволюция на каждой островной группе могла развиваться по совершенно разным путям.

Мы собирались рекомендовать заселить остров Деверо первым, а уж потом, не спеша, исследовать остальные.

Я должен был отправиться на берег с третьей сменой, Дядюшка взял на себя первую неделю, затем получил недельный отдых, а теперь готовился к вахте на корабле, чтобы я поддерживал с ним связь с берега. Но в последний момент я согласился поменяться с Анной, которой до смерти не терпелось поскорее ступить на сушу. Я-то вовсе не хотел меняться, но в мои обязанности со времени смерти Рупа входило составление расписания дежурств, и отказать Анне мне было как-то неудобно. Глория тоже отправилась с ней, так как в эту группу входил и ее муж, но Глория в счет не шла, так как ее земной телепартнер в это время был на каникулах.

Когда они покидали корабль, я стоял на вершине купола «Элси», с завистью наблюдая, как они садятся в шлюпки. На куполе была устроена временная смотровая палуба, как раз рядом с воздушным шлюзом; это было отличное место для наблюдения за шлюпками, которые загружались у грузовых люков, расположенных гораздо ниже. Инженеры закончили осмотр и ремонт и уже почти заполнили водой емкости, предназначенные для старта и форсажа; «Элси» сидела глубоко в воде, и грузовые люки находились всего лишь в десяти футах над ватерлинией. Это значительно облегчало грузовые операции; в то время когда мы на берег отправляли первую партию, емкости были еще пусты, шлюпки приходилось опускать на талях почти на сотню футов, а пассажиры карабкались по веревочным лестницам, что не так-то легко для людей, страдающих боязнью высоты, а таких довольно много. Но теперь все было тип-топ.

Воздушный шлюз годился только для людей: все, что имело более крупные габариты, шло через грузовые люки. Последние можно было легко переоборудовать в воздушные шлюзы, что мы и сделали на «Инферно», вблизи Беты Гидры. Но если атмосфера нормальная, люки используются просто как ворота. Они вели на грузовую палубу, находящуюся ниже пассажирской, и над вспомогательными машинными помещениями. На грузовой палубе хранились три наших шлюпки и два вертолета. Шлюпки можно было спустить на воду с помощью шлюпбалок прямо с тех мест, где они были укреплены. Но вертолеты сначала приходилось

обвязывать лодочными фалами, потом вытаскивать наружу, укреплять дополнительными фалами, спущенными со смотровой площадки, а затем поднимать вдоль купола «Элси» на временную верхнюю палубу, где к ним крепились винты.

Мистер Регато крыл такую процедуру последними словами всякий раз, как к ней приходилось прибегать. «Забава для кретинов» — таково было наиболее мягкое из его выражений...

— Я не видел ни одного корабельного проектировщика, который не чувствовал бы себя на верху блаженства, когда думал, как у него красиво да гладко получается. Но они никогда не задумываются о судьбе тех бедолаг, которым приходится *пользоваться* этой красотой.

Все это может быть и верно, но именно эта система позволяла выгружать вертолеты с помощью самых простых средств, не прибегая к сложной технике, которая так легко выходит из строя; вероятно, это и было, как я понимаю, одной из главных задач при оборудовании кораблей для Проекта. В тот день, однако, вертолеты были уже снаружи и вполне готовы: один из них — в лагере, а другой крепко пришвартован рядом со мной на смотровой палубе. Все, что оставалось сделать, так это загрузить шлюпки.

Шлюпки были китобойные, отлитые из стекла с тефлоном; пластиковая пена, залитая во все пустоты, придавала им непотопляемость. Они были так прочны, что если вмятину в их бортах еще можно было сделать, приложив немало усилий, то, чтобы пробить дыру в днище, уже потребовалось бы мощное сверло или ацетиленовая горелка; тем не менее, они были так легки, что четыре человека вполне могли поднять их, разумеется, без груза. Без всякой опаски шлюпку можно было вытаскивать на скалистый берег, там разгружать и уже без груза оттаскивать подальше от линии прибоя. В действие они приводились ракетными двигателями, работавшими на спирту, точно такими же, как и моторы вертолетов, но, кроме моторов, у них были еще весла и паруса. Нам пока не приходилось пользоваться веслами, но все мужчины под бдительным оком моего дяди Стива проходили «сухие» тренировки с ними.

Лодки пришли ночью, нагруженные всевозможными экспонатами для научно-исследовательского отдела; теперь им предстояло вернуться с людьми, сменяющими тех, кто сейчас был на

берегу. Со смотровой вышки я хорошо видел в полумиле от корабля группу тех, кто должен был вернуться,— они ждали на песчаном пляже прибытия шлюпок. Две шлюпки уже отвалили, но поджидали третью; в каждой сидело человек по восемнадцать и лежало несколько тюков с разным имуществом, затребованным Гарри Гейтсом для его научных работ на острове, плюс недельный запас продовольствия для всей партии.

Кто-то шевельнулся у меня за спиной. Я повернул голову и увидел, что это сам Старик, который пролезал сквозь дверь люка.

— Доброе утро, капитан.

— Доброе утро, Барлетт.— Он огляделся.— Отличный денек.

— Да, сэр... и местечко тоже расчудесное.

— Это уж точно.— Он поглядел на берег.— Надо будет найти подходящий предлог, чтобы хоть немного похлюпать по грязи, прежде чем мы улетим. Стальные полы изрядно поднадоели.

— А почему бы и нет, сэр? Места тут спокойные, совсем не похоже на «Инферно».

— Да уж.

Он отвернулся, и я тоже. Не полагается приставать к капитану с болтовней, кроме тех случаев, когда он сам на это напрашивается. Третью шлюпку уже загрузили и отдали концы. Теперь все три были от нас футах в пятидесяти, образуя колонну, готовую к отплытию на остров. Я помахал Глории и Анне.

Вблизи борта каждой шлюпки высунулась из воды длинная мокрая кишка, толщиной в мое туловище, прошла над их серединой и ушла по другую сторону. Я заорал:

— Капитан! Смотрите!

Он повернулся. Шлюпки покачались с боку на бок и сразу же затонули — что-то *затащило* их под воду. Я слышал чьи-то крики, вода кишела телами тонущих.

Капитан наклонился над ограждением возле меня и безмолвно взирал на катастрофу. Потом буднично промолвил:

— Ты можешь запустить мотор вон того вертолета?

— Э-э-э... Думаю, что смогу, капитан.

Я не был пилотом, но как работают моторы — знал.

— Действуй! — Он наклонился еще сильнее над перилами и вдруг закричал срывающимся голосом: — ЗАКРЫТЬ ДВЕРЬ ГРУЗОВОГО ЛЮКА!!!

Потом повернулся и нырнул в шлюз. Уже карабкаясь на вертолет, я мельком увидел то, что заставило капитана так закричать. Это была еще одна из этих мокрых кишок, скользивших вверх по корпусу «Элси» в направлении грузового люка.

Запустить мотор вертолета было более сложным делом, чем я воображал. Но на панели управления был отпечатан перечень очередности операций. Я с трудом добрался уже до четвертого пункта «запустить крыльчатку», когда меня спихнул с сиденья Эйс Венцель — механик-ракетчик и одновременно классный пилот. Эйс что-то делал сразу обеими руками. Винты начали вращаться, их тени замелькали на наших лицах, и он заорал:

— Отдать концы!

Меня выпихнули из машины, как раз когда в кабину влезал хирург. Я упал на четвереньки, меня сшибла воздушная волна от винта. Потом я поднялся и огляделся.

Поверхность воды была пуста, там не было *ничего*. Ни мертвых тел, ни пловцов, пытающихся удержаться на поверхности, ни шлюпок. Не было даже каких-нибудь плавающих предметов, хотя кое-какие тюки должны были всплыть. Это я знал точно — сам помогал упаковывать багаж.

Рядом со мной стояла Джанет; тело ее сотрясалось от безудержных рыданий без слез. Я тупо спросил:

— Что случилось?

Она попыталась овладеть собой и заикаясь пробормотала:

— Не знаю. Я видела, как одно из них схватило Отто. Оно лишь... Оно лишь...

Джанет опять зарыдала и отвернулась, чтобы скрыть от меня лицо.

На поверхности воды не было ничего, но теперь я видел, что под гладью воды двигались какие-то тела. С высоты ведь можно видеть на большую глубину, если поверхность воды спокойна; вокруг всего корабля, на равных промежутках друг от друга, находились какие-то существа. Скорее всего они походили на китов или, вернее, на таких животных, которых я бы принял за китов. Мне ведь китов видеть не приходилось.

В моей голове, где все полностью перемешалось, забрезжила мысль, что я вижу именно те создания, которые погубили шлюп-

ки, но тут рядом кто-то завопил и показал рукой на берег. Там, на берегу, все еще стояла толпа людей, которые должны были вернуться на борт со шлюпками, но они уже не были одни — их окружали. Эти страшилища вышли из воды на берег, обхватили группу людей с флангов и теперь гнали их к линии прибоя. На таком далеком расстоянии было трудно разобрать детали, и все же я видел этих морских чудищ, так как они были намного крупнее людей. Ног, насколько я мог судить, у них не было, но это им нисколько не мешало — они передвигались на удивление быстро.

Мы не могли помочь ничем. *Ничем!* Под нашими ногами была палуба космического корабля — последнего слова столетий технического прогресса; один удар выхлопами его ракетного двигателя был способен в мгновение ока разрушить целый город, охрана корабля, находившаяся на берегу, располагала оружием, которое делало каждого из них по силе равным целой армии былых времен, а на корабле такого оружия было еще больше. Но в то время я понятия не имел, где расположен наш арсенал, слышал только, что он находится где-то на палубе для хранения резервного оборудования — ведь вы можете жить на корабле целые годы, но так и не побывать во всех его помещениях.

Думаю, что сейчас мне полагалось быть на этой самой палубе и вытаскивать оружие. Однако все, на что я был способен в эту минуту,— это торчать на вышке, оцепенев от ужаса, и вместе с десятком других членов команды безмолвно глядеть на то, что происходило на берегу.

Кто-то, однако, оказался расторопнее меня. Двое мужчин выскочили из шлюза и швырнули на палубу пару дальнобойных винтовок, которые тут же лихорадочно начали собирать, одновременно распаковывая ящики с амуницией. С равным успехом они могли бы и вообще не беспокоиться: к тому времени, когда ружья были готовы для стрельбы по врагу, пляж опустел, и поверхность воды тоже. Наших товарищей столкнули в воду и утопили. Вертолет все еще продолжал кружиться над местом гибели; спасательная лестница с него была спущена, но на ней никого не было.

Потом вертолет взял курс от берега, пролетел над лагерем экспедиции и вернулся к кораблю. Пока он шел на посадку, по трапу взбежал Чет Трейверс. Он огляделся, увидел меня и крикнул:

— Том, где капитан?

— В вертолете.

— Ох! — Он наморщил лоб.— Ладно, отдай ему это. Срочно! А я должен быть внизу.

Трейверс сунул мне листок бумаги и исчез. Я поглядел на листок, увидел, что это официальное донесение, увидел, от кого оно, и схватил капитана за руку в ту минуту, когда он вышел из кабины вертолета.

Он отмахнулся.

— Прочь с дороги!

— Капитан, *это срочно*... это рапорт с острова... от майора Лукаса...

Тут он остановился, вырвал у меня листок и принялся рыться в карманах в поисках очков для чтения, которые, как я ясно видел, торчали у него из нагрудного кармана. Он сунул мне депешу обратно, еще до того как я сообразил помочь ему, и сказал:

— Прочти вслух, мальчик.

Так я и сделал.

«От командира корабельной охраны начальствующему офицеру "Льюиса и Кларка". Девять часов тридцать одна минута. В девять часов ноль пять минут лагерь исследовательской группы был атакован враждебными туземцами, по-видимому, амфибиями. Несмотря на тяжелые потери, атака все же была отбита, и я с семью спасшимися отступил на вершину холма к северу от лагеря. Нам пришлось бросить вторую разведывательную машину. Во время атаки сменная группа ожидала на берегу; мы от них отрезаны, их положение нам неизвестно, хотя можно предположить, что оно отчаянное.

Выводы: атака организована искусно, противник хорошо вооружен. Их главное оружие, видимо, состоит из высоконапорных шлангов, подающих морскую воду под сильным давлением, но они располагают также индивидуальным колющим и режущим оружием. Следует полагать, что у них есть и другие виды вооружения. С большой степенью вероятности можно допустить, что аборигены разумны не меньше нас, хорошо дисциплинированы и, вероятно, их вооружение не уступает нашему. Их многочис-

ленность дает им большие преимущества, даже если допустить, что их оружие не лучше нашего.

Рекомендация: остатки моего отряда могут удерживать свою позицию против того оружия, с которым мы пока столкнулись. Настоятельно советую, чтобы принимаемые меры были пока ограничены действиями по спасению группы, находящейся на берегу. Затем корабль следовало бы вывести на орбиту, пока не будет выработан план дальнейших действий и не будет определено оружие, с помощью которого моя группа сможет освободиться без ущерба для безопасности корабля. *С. Лукас, командир. Девять часов тридцать шесть минут».*

Капитан взял депешу и, ничего не сказав, пошел к люку. Все молчали, хотя нас тут собралось человек двадцать. Я поколебался было, но, когда увидел, что остальные собираются спуститься по трапу, протолкался между оставшимися и поспешил за капитаном.

Он остановился двумя палубами ниже и вошел в рубку связи. Я за ним войти не осмелился, но дверь осталась открытой. Там уже были Чет Трейверс, горбившийся над аппаратурой, с помощью которой он поддерживал связь с лагерем, и коммодор Фрик, который склонился над ним с выражением страшной тревоги на лице.

Капитан произнес:

— Соедините меня с майором Лукасом.

Коммодор Фрик поднял на него взгляд.

— Мы пытаемся это сделать. Связь прервалась в тот момент, когда он передавал нам список потерь.

Капитан задумчиво пожевал губами. Выглядел он ужасно измученным.

Потом сказал:

— Продолжайте попытки,— и вышел. В коридоре он увидел меня.— Барлетт!

— Да, сэр?

— У тебя есть связь с Землей? Вызывай немедленно.

Я быстро прикинул время по Гринвичу и тут же вызвал Вики; если она дома, она сможет воспользоваться прямой связью с ФППИ, а они соединят ее с членом телепары Сэма Рохаса, тот свяжется с Сэмом, и капитан сможет поговорить с дядей Стивом

через четырехступенчатую релейную систему почти так же быстро, как если бы он связался со Стивом прямо по радио.

«Вики! Проснись, Вики! Срочно!»

«Да, дядя Том? Что случилось? Я спала!»

Коммодор Фрик вмешался:

— Не думаю, чтоб из этого что-нибудь вышло, сэр. Сэма Рохаса среди спасшихся нет. Он был в списке сменяющихся; значит, должен был находиться на берегу.

Конечно! Конечно же... Сэм должен был быть на берегу... А я, верно, стоял и смотрел, как его загоняли в воду.

«В чем дело, дядя Том?»

«Подожди, милая, оставайся на связи».

— Тогда соедините меня с кем-нибудь еще! — рявкнул капитан.

— Больше никого не осталось, капитан,— ответил Фрик.— Вот список спасшихся. Рохас был единственным выход... единственным специальным связистом, которого отпустили на берег.

Капитан взглянул на список и сказал спокойно:

— Отдайте приказ всей команде, кроме вахтенных, собраться немедленно в столовой.

Он круто повернулся и пошел прямо на меня, я отпрыгнул в сторону.

«В чем дело, дядя Том? Ты чем-то обеспокоен?»

Я постарался овладеть своим голосом.

«Ложная тревога, родная. Забудь о ней и постарайся заснуть. Извини».

«Ладно. Но все равно ты чем-то взволнован».

Я опрометью кинулся за капитаном. Голос коммодора Фрика передавал приказ по системе оповещения, пока мы бежали по трапам, но сам Фрик отстал от меня всего лишь на минуту-две и тут же появился в дверях столовой. В считанные минуты мы собрались там все — жалкая горсточка из числа покинувших Землю. Что-то около сорока. Капитан окинул нас взглядом и спросил Каса Уорнера:

— Это все?

— Да, капитан. Если не считать инженерную вахту.

— А я оставил на вахте Трейверса,— добавил Фрик.

— Хорошо.— Капитан повернулся и стал к нам лицом.— Нам нужно идти на помощь спасшимся — туда, на берег. Добровольцы — вперед.

Мы не выступили, мы рванулись, все как один. Мне бы очень хотелось сказать, что ради дяди Стива я рванулся раньше других, но это была бы неправда. Миссис Гейтс держала на руках маленького Гарри, но я ее все равно не опередил.

— Благодарю вас,— сказал капитан сухо.— А теперь пусть женщины уйдут в буфетную, чтобы я мог отобрать нужных мне мужчин.

— Капитан?

— Да, капитан Уркварт?

— Я поведу отряд.

— Ничего подобного, сэр. Его поведу я сам. А вы сейчас же возьмете несколько женщин, спуститесь вниз и отберете то, что нам понадобится.

Вряд ли Уркварт замешкался хоть на секунду. Он ответил:

— Есть, капитан!

— Это закон. Непреложный закон, если присутствует риск. Этот закон применим ко всем нам. На всех постах, где работают двое мужчин, идет более пожилой. В других случаях, если замена невозможна, идет мужчина, если замены нет — мужчина остается.— Он оглядел оставшихся.— Доктор Бэбкок!

— Тут я, шкипер!

Мистер О'Тул попробовал вмешаться.

— Минуту, капитан! Я вдовец и доктор Бэбкок гораздо...

— Заткнитесь!

— Но...

— Черт побери, неужели я должен обсуждать свои решения с каждым из вас? Неужели мне надо вам напоминать, что у нас на счету каждая секунда? Отправляйтесь с женщинами!

Багровый от гнева, О'Тул выполнил приказ. Капитан продолжал:

— Мистер Уорнер. Мистер Роч. Доктор Северин...— Он быстро отобрал всех нужных ему мужчин, а остальным указал на буфетную.

Дядюшка Альфред Макнейл попытался распрямить согнутые плечи.

— Капитан, вы забыли меня. Я самый старый в моем отделе.

Лицо капитана смягчилось разве что на волосок.

— Нет, мистер Макнейл, я не забыл,— спокойно сказал он,— но вместимость вертолета ограничена, а нам ведь придется взять на борт еще семерых. Поэтому я вас и пропустил.

Плечи Дядюшки согнулись еще больше, и я подумал, что он сейчас заплачет, но он медленно зашаркал подальше от горсточки избранных. Дасти Родес поймал мой взгляд — он выглядел гордым и довольным собой; еще бы, ведь его избрали в число немногих. По виду ему еще не было шестнадцати, и не думаю, чтобы он хоть раз в жизни брился. Наверное, впервые к нему отнеслись так, как будто он был настоящим мужчиной.

Невзирая на то как резко отшили тех, кто пытался пробиться в спасательную группу, я никак не мог примириться с тем, что в нее не вошел. Я снова сделал шаг вперед и тронул капитана за рукав.

— Капитан... Вы должны взять меня. Ведь там мой дядя.

Я думал, он сейчас взорвется, но капитан все же овладел собой.

— Я тебя понимаю. Но ты связист специального назначения, а у нас их заменить некем. Я скажу мистеру Лукасу, что ты очень старался помочь.

— Но...

— А теперь заткнись и делай, что сказано, иначе получишь такого пинка, что полетишь через всю кают-компанию.

Капитан отвернулся, будто меня вовсе не существовало на свете.

Через пять минут оружие было роздано, и мы толпой полезли по трапам, чтобы проводить уходящих.

Эйс Венцель запустил мотор вертолета на холостые обороты и выскочил наружу. Группа из восьми человек стала подниматься в кабину, капитан шел замыкающим. У Дасти через каждое плечо висели патронташи, в руках он держал дальнобойную винтовку; при этом Дасти восторженно ухмылялся. Он подмигнул мне и крикнул:

— Жди открытку, дружище!

Капитан остановился и позвал:

— Капитан Уркварт!

— Да, сэр.

Резервный капитан и капитан обменялись несколькими фразами, произнесенными очень тихо. Я не расслышал их слов и не думаю, чтоб они предназначались для наших ушей. Потом капитан Уркварт громко сказал:

— Есть, капитан. Все будет исполнено.

— Отлично, сэр.

Капитан вошел в кабину, захлопнул дверцу и взял управление на себя. Я подобрался, готовясь к воздушной волне.

Затем нам оставалось только ждать.

Я кочевал между смотровой площадкой и рубкой связи. Чет Трейверс так и не сумел связаться с дядей Стивом, но зато был на связи с вертолетом. Каждый раз, как я выходил на верхушку купола, я шарил глазами в поисках чудовищ, но, кажется, они покинули эти места.

Наконец я опять спустился в рубку связи и увидел, что Чет заметно повеселел.

— Они выручили их! — объявил он.— И уже взлетели.

Я принялся было его расспрашивать, но он отвернулся, чтобы передать радостную весть по системе оповещения. Тогда я бросился наверх, чтобы взглянуть, не показался ли вертолет.

Я увидел его рядом с вершиной холма, милях в полутора от нас.

Он быстро летел в сторону корабля. Вскоре мы уже могли различить внутри кабины фигуры людей. Когда вертолет подлетел ближе, кое-кто открыл иллюминатор на стороне, обращенной к нам.

Капитан управлял вертолетом не очень умело. Он попробовал посадить его прямо с ходу, но не рассчитал направления ветра, и ему пришлось вернуться на прежний курс, чтобы сделать еще один заход. Этот маневр подвел машину так близко к кораблю, что мы снова увидели лица отдельных людей. Я видел дядю Стива, он узнал меня и помахал рукой; не крикнул, а только помахал. Дасти Родес сидел с ним рядом и тоже заметил меня. Он улыбнулся во всю ширь, махнул рукой и крикнул:

— Эй, Том! А я спас твоего приятеля!

Он потянулся к кому-то за своей спиной, а затем я увидел голову Перси и его раздвоенное копытце, показавшееся в раме иллюминатора, причем Дасти одной рукой держал поросенка, а другой указывал ему на меня. Оба радостно ухмылялись.

— Спасибо! — заорал я в ответ.— Привет, Перси!

Вертолет развернулся в нескольких сотнях футов за кораблем и снова пошел по ветру.

Теперь он летел прямо на корабль и уже должен был вот-вот коснуться палубы, когда нечто высунулось из воды прямо под вертолетом. Кто-то потом говорил, что это машина, но мне показалось, что это был слоновый хобот невероятных размеров. Струя воды, такая тугая, могучая и блестящая, что она смотрелась как стальная полоса, вылетела из хобота; она ударила по краю винта, и вертолет закачался.

Капитан наклонил машину, и она ускользнула от контакта со струей. Но та последовала за вертолетом, ударила в фюзеляж и опять задела ротор; вертолет резко и опасно наклонился и стал падать.

В минуты опасности от меня мало толку; нужны часы, чтобы я понял, что следовало бы делать в тех или иных обстоятельствах. Но на этот раз я действовал автоматически. Кинулся вниз к трапу, не считая ступенек, и почти мгновенно оказался на грузовой палубе. Люк, выходивший на нужную сторону, был закрыт еще с тех пор, как капитан приказал его задраить несколько часов назад. Я навалился на рукоять, и дверца стала скрипя открываться. Затем оглянулся и увидел то, что было нужно,— шлюпочные фалы, уложенные прямо на полу в свободные бухты и еще не убранные. Я сорвал конец с кнехта и оказался у люка еще до того, как его дверь успела окончательно открыться и лечь на палубу горизонтально. Искалеченный вертолет плавал прямо подо мной, а в воде барахтались люди.

— Дядя Стив! — завопил я.— ЛОВИ!

И зашвырнул конец так далеко, как только смог.

Я даже не видел дядю Стива, когда окликнул его. Все мои поступки диктовались той единственной мыслью, которая сейчас билась в моем мозгу. Потом я увидел его — гораздо дальше от того места, куда я мог бы швырнуть конец. Я даже слышал, как он крикнул «иду, Том!» и стал отчаянно грести к кораблю.

Я был в каком-то стопоре и чуть было не начал тянуть фал обратно, вероятно, с целью швырнуть его подальше, но, к счастью, до меня дошло, что конец, возможно, упал вблизи кого-нибудь еще. Я опять заорал:

— Гарри! Прямо у тебя за спиной! Хватай! — Гарри Гейтс перевернулся в воде, рванулся к фалу и схватил его. Я принялся тянуть.

Я чуть не потерял Гарри, когда уже подтянул его почти к самой корабельной обшивке. Одна его рука практически вышла из строя, и он едва не выпустил канат. И все же общими трудами мы умудрились вытащить Гарри наверх и в люк; из этого ничего бы не вышло, если бы корабль сидел в воде хоть чуть менее глубоко. Гарри рухнул на палубу ничком, задыхаясь и рыдая.

Я выхватил конец фала из его сжатого судорогой кулака и бросился к люку, чтобы швырнуть его дяде Стиву.

Вертолет исчез, дядя Стив исчез, поверхность воды была чиста, и только Перси, голова которого высоко высовывалась из воды, с суровым упорством продолжал плыть к кораблю.

Я еще раз удостоверился, что на воде не видно ни единого человека. А затем подумал — что же можно сделать для Перси?

Бедный свиной окорочок не мог ухватиться за фал, это уж точно. Так, может быть, удастся накинуть на него лассо? Я с трудом принялся вязать скользящую петлю на толстой веревке. Но едва это у меня получилось, как раздался пронзительный визг ужаса; я высунул голову наружу как раз в тот момент, когда что-то утащило Перси под воду.

Нет, его схватила не пасть. Я очень надеюсь, что это была не пасть.

ГЛАВА XV

Долг превыше всего

Не знаю, чего я ожидал после атаки неведомых левиафанов. Мы все ходили как очумелые. Кто-то попытался выйти на смотровую вышку и поглядеть, как там и что, но тут снова появился водомет и чуть не смыл с палубы одного из нас, после чего капитан Уркварт приказал всем членам команды оставаться внутри корабля, а люк закрыть.

Я, конечно, не ожидал получить приказ, который поступил сразу же после ужина (если это можно назвать ужином; большинство

обошлось сандвичами), обязывающий меня немедленно явиться на совещание заведующих отделами.

— Это ведь ты, Том? — спросил меня Чет Трейверс.— Мне сказали, что Дядюшка Альфред числится больным. Дверь его каюты заперта.

— Тогда, наверное, я.

Дядюшка перенес случившееся очень тяжело и слег в постель, приняв успокоительное по распоряжению единственного оставшегося в живых медика — доктора Пандита.

— Ну, тогда тебе лучше поторопиться.

Сначала я отправился в каюту капитана Уркварта, но обнаружил, что там темно, потом, сообразив, в чем дело, побежал в капитанскую. Дверь была открыта, и кое-кто уже сидел вокруг стола, во главе которого восседал капитан Уркварт.

— Отдел спецсвязи, сэр,— доложился я.

— Садитесь, Барлетт.

За мной вошел Гарри, и Уркварт встал, закрыл дверь и снова сел на свое место. Я огляделся и подумал, что это довольно-таки странное совещание завотделами. Гарри был единственным боссом, который занимал эту должность при старте корабля с Земли. Мистер Истман сидел на месте коммодора Фрика. Мама О'Тул давно умерла, теперь погиб Кас, так что экологию представлял мистер Кришнамурти, ранее отвечавший лишь за работу кондиционеров и гидропонику. Мистер О'Тул сидел на месте доктора Бэбкока, мистер Регато заменил мистера Роча. Сержант Андрелли, работавший одновременно техником в Инженерном отделе, заменил дядю Стива; это был единственный солдат из охраны корабля, оставшийся в живых и то потому, что два дня назад его прислали из лагеря со сломанной рукой. Доктор Пандит сидел там, где должен был бы сидеть доктор Деверо. Ну а я вообще всего лишь ИО — Дядюшка-то находился на борту. Хуже всего было то, что там, где должен был бы сидеть наш капитан, восседал сейчас капитан Уркварт.

Капитан Уркварт открыл наше совещание:

— Нет нужды говорить о нашем положении; оно вам всем известно. Обойдемся и без обычных рапортов начальников отделов. По моему мнению, исследование планеты можно считать

завершенным с учетом того, в каком состоянии находится оборудование и персонал... Разве что стоит подготовить доклад о той неожиданной опасности, с которой мы столкнулись сегодня, чтобы первая партия прибывающих колонистов была готова к защите. Есть ли какие-нибудь возражения? Доктор Гейтс, угодно ли вам продолжить ваши исследования?

Гейтс поглядел на него с изумлением и ответил:

— Нет, капитан. В нынешних условиях — нет.

— Кто хочет говорить? — Желающих не было.— Отлично,— продолжал Уркварт,— я предлагаю начать прокладывать курс на α Феникса. Похоронную службу отслужим завтра в девять утра. Стартуем в полдень. Есть возражения? Мистер О'Тул?

— Что? Вы хотите знать, успеем ли мы сделать к этому времени расчет траектории? Думаю, да, если мы с Джанет займемся этим немедленно.

— Займитесь сразу же, как только мы разойдемся. Мистер Регато?

Регато выглядел совершенно ошарашенным.

— Я этого не ожидал, капитан.

— Я знаю, что времени мало, но надеюсь, ваш отдел успеет подготовиться? Полагаю, реакторная масса уже на борту?

— Не в этом дело, капитан. Конечно, реактивные двигатели будут готовы. Но я подумал, что мы намереваемся сделать только один длинный прыжок — к Земле.

— Что вас навело на эту мысль?

— Ну... хм...— Новый главный инженер так волновался, что чуть не перешел с межпланетного линго на испанский.— Просто наше нынешнее состояние. Инженерный отдел еле сможет нести вахты и то в режиме «вахта-сон-вахта». Не могу говорить за другие отделы, но уверен, что они не в лучшем состоянии.

— Не можете, а я вас об этом и не спрашивал. В отношении вашего отдела я хочу знать, готова ли инженерная часть?

Мистер Регато с трудом проглотил слюну.

— Да, сэр. Но люди способны выходить из строя не хуже машин.

— А разве вам не пришлось бы выдерживать режим «вахта-сон-вахта», если б мы летели к Солнцу? — Уркварт даже не стал

ждать очевидного ответа и продолжал: — Я не думал, что придется разъяснять простые истины. Мы все находимся здесь не ради собственного удовольствия; мы выполняем возложенную на нас миссию... и всем вам это прекрасно известно. Сегодня утром, перед самым своим отлетом, капитан Свенсон сказал мне: «Принимайте команду над моим кораблем, сэр. Пусть он выполнит возложенную на него миссию». И я ответил: «Есть, сэр». Разрешите напомнить вам, в чем заключается эта миссия,— мы посланы проводить определенные исследования столько времени, сколько будем находиться на связи с Землей. Только тогда, когда эта связь прервется, мы можем вернуться на Землю, если такая возможность осуществима. Наш следующий объект исследований — Альфа Феникса. Разве может что-либо быть яснее?

Мысли так кипели у меня в мозгу, что я пропустил почти всю дальнейшую речь капитана. Я думал — за кого принимает себя этот дурень? За Колумба? Или за «Летучего Голландца»? Нас осталось в живых чуть больше тридцати человек на том корабле, который начинал с двумя сотнями. Лодок нет. Вертолетов... Я чуть не пропустил следующую ремарку Уркварта.

— Барлетт?

— Сэр?

— Как насчет вашего отдела?

Меня озарило: ведь мы были ключевым отделом, мы — *выродки*. Когда мы потеряем связь, он будет принужден возвратиться к Земле. Я испытывал сильнейшее искушение сказать, что все мы оглохли, но знал, что этот номер у меня не пройдет. Поэтому я решил тянуть резину.

— Как вы сказали, сэр, мы все еще на связи с Землей.

— Отлично.— Его взор переключился на доктора Пандита.

— Минутку, капитан,— продолжал я настойчиво,— тут есть еще кое-что.

— А? Ну говорите.

— Видите ли, следующий прыжок будет длиться около тридцати лет, не так ли? Я имею в виду по Гринвичу.

— Примерно такого порядка. Чуть меньше.

— «Примерно такого порядка». У нас осталось три связиста специального назначения: я, Дядюшка, я хочу сказать, мистер

Макнейл, и Мей-Линг Трейверс. Думаю, Дядюшку вам придется исключить.

— Почему это?

— Потому, что он работает со своим первоначальным телепартнером, а она сейчас так же стара, как и он. Как вы думаете, Дядюшка мог бы еще протянуть тридцать лет?

— Но ведь для него это не будет тридцать... ох, извините. Я понял вас. Ей будет за сотню, если она вообще выживет. Возможно, в маразме.

— Весьма возможно, сэр, но вернее всего — в могиле.

— Ладно, исключим Макнейла. Остаются двое. Вполне достаточно для передачи важнейших сообщений.

— Сомневаюсь, сэр. Мей-Линг тоже оставляет желать лучшего. У нее вторичный телепартнер, которому уже за тридцать и детей у него нет. Учитывая историю других телепар, я бы сказал, что в высшей степени маловероятно, что телепара Мей-Линг будет функционировать после еще одного пика. И во всяком случае не после тридцатилетнего.

— Все равно, остаетесь вы.

Тут я и подумал, что, если у меня хватит мужества перепрыгнуть через собственную голову на ту сторону баррикады, мы отправимся домой. Но это была лишь мимолетная мысль — когда-нибудь я умру, конечно, но уж самоубийцей не стану — это точно!

— Мой случай ненамного лучше. Моему телепартнеру...— тут мне пришлось остановиться и подсчитать, чтобы ответ выглядел внушительно, так сказать, чтоб комар носа не подточил,— ...около девятнадцати, сэр. Бездетна. И никаких шансов, что дети появятся до того, как мы достигнем пика... Впрочем, с грудным младенцем установить контакт все равно нельзя. Когда же мы выйдем из пика, ей будет около пятидесяти. Насколько я знаю, во всей нашей эскадре еще не было случая, чтобы связь между телепартнерами наладилась после столь длительного перерыва.

Он довольно долго молчал, прежде чем ответить.

— У вас есть основания считать, что это действительно невозможно?

— Ну... нет, сэр. Но это в высшей степени маловероятно.

— Хм... вы считаете себя специалистом в области теории телепатии?

— Что? Нет, сэр. Я всего лишь телепат, вот и все.

— Я думаю, что он, по всей вероятности, прав,— вмешался доктор Пандит.

— А вы в этом авторитет, доктор?

— Я, сэр? Вы же знаете, моя специальность — экзотическая патология. Но...

— В таком случае мы лучше проконсультируемся у авторитетных лиц на Земле. Может быть, они смогут порекомендовать нечто, что в какой-то степени улучшит наши шансы. Очень вероятно, что в данных обстоятельствах Фонд опять разрешит прибегнуть к наркотикам, чтобы уменьшить вероятность нарушения связи между телепартнерами во время пика. Или что-то другое в этом же духе.

Я подумал, не сказать ли ему, что Вики вовсе не собирается рисковать, принимая опасные наркотики с большой вероятностью привыкания. Но потом передумал. Пат ими пользовался, и Вики тоже сможет.

— Все, джентльмены. Мы стартуем завтра в полдень. Хм... еще одно... Один из вас дал понять, что моральный уровень команды не слишком высок. Это верно, и я, пожалуй, знаю об этом больше, чем вы. Но моральный уровень вернется к норме, и нам лучше удастся смириться с мыслями о понесенных потерях, если мы все побыстрее вернемся к обычной работе. Я хочу лишь добавить, что вы, как старшие офицеры корабля, можете больше других содействовать повышению морального уровня своим личным примером. Я уверен, что вы это сделаете.— Он встал.

Не знаю, каким путем новости распространяются по кораблю, но к тому времени, когда я попал в кают-компанию, все уже знали, что завтра мы стартуем... и не к Земле. Все шушукались и пережевывали одно и то же. Я постарался поскорее улизнуть — не хотелось вступать в разговоры, тем более что в голове у меня царила полная путаница. Я думал о том, что капитан прямо зациклился еще на одном прыжке, хотя есть большая вероятность, что он не сможет передать на Землю его результаты (если допустить, что они будут), и еще большая, что ни один из нас никогда не попадет домой. С другой стороны, я не мог не восхищаться решительностью капитана, с которой он противостоял всем нам,

взывая к нашему чувству долга и подавляя всякое проявление паники. Да уж, в смелости ему не откажешь.

Но смелость была и у «Летучего Голландца», однако, по новейшим сведениям, он и до сих пор пытается обогнуть мыс Доброй Надежды, только это ему, как и прежде, не удается.

Капитан — капитан Свенсон, поправился я,— не пошел бы вот так по-бычьи, напролом.

Или пошел бы? Если верить Уркварту, то последнее, что сказал ему наш капитан, было напоминанием об обязанности вести корабль, дабы выполнить возложенную на него миссию. Все мы были тщательно отобраны (кроме нас, выродков), и, вероятно, шкиперов (и запасных шкиперов — тоже) выбирали в первую очередь за бульдожье упорство, то есть за то самое качество, которое позволило Колумбу плыть вперед, когда на кораблях уже кончалась питьевая вода, а команда глухо ворчала, готовясь к мятежу. Я вспомнил, что дядя Стив говорил мне что-то подобное.

Я решил поговорить с дядей Стивом... и вдруг вспомнил, что это невозможно... тогда-то мне и стало по-настоящему плохо. Когда мои родители умерли два пика назад, мне тоже стало плохо, но, скорее, потому, что я не ощутил такого горя, которое, как я знал, должен был бы чувствовать. В тот день, когда это случилось, вернее, в тот день, когда я об этом узнал, они были мертвы уже давным-давно, это были люди, с которыми я Бог знает сколько времени не общался — просто лица на фотографии. А дядю Стива я видел ежедневно; больше того, я видел его *сегодня*. И у меня была привычка тащить к нему все мои трудности, чтобы обсудить их, если мне было не под силу справиться с ними в одиночку.

Вот теперь-то я со всей остротой ощутил его потерю; это был тот самый «отложенный» шок, который вы переносите, если вам особенно крепко врежут в челюсть. Боль проходит лишь тогда, когда вы соберете волю в кулак и поймете, что вам врезали по-настоящему.

Поэтому я ужасно обрадовался, когда кто-то постучал в мою дверь; иначе я бы просто завыл от тоски.

Это были Мей-Линг и ее муж Чет. Я пригласил их войти, и они сели на койку. Чет сразу же приступил к делу.

— Том, какова твоя позиция в этой хреновине?

— В какой?

— В дурацкой затее — продолжать полет, имея лишь тень настоящей команды.

— Моя позиция не имеет значения,— не торопясь ответил я,— не я ведь командую кораблем.

— Ничего подобного! Именно ты и командуешь!

— Как это?

— Ну, не в официальном смысле. Я имею в виду, что ты можешь положить конец этой чепухе. Слушай, Том, все знают, что ты сказал капитану и...

— Кто же это распустил язык?

— А? Не имеет значения. Раз сведения просочились не через тебя, то, надо думать, через кого-то из присутствующих. Во всяком случае, об этом известно всем. Все, что ты сказал капитану,— верно. Суть дела в том, что Уркварт зависит от тебя лично, и ты единственный, кто сможет поддерживать его связь со штаб-квартирой на Земле. Поэтому ты — человек с палкой. И ты можешь его остановить.

— Как? Подожди-ка чуточку. Я же не один. Даже если согласиться, что он не может рассчитывать на Дядюшку, есть еще Мей-Линг...

Чет покачал головой:

— Мей-Линг вовсе не собирается заниматься телепатическими переговорами ради амбиций Уркварта.

Его жена возразила:

— Слушай, Чет, я же не так говорила.

Он любовно поглядел на нее.

— Не будь супердурочкой, моя возлюбленная. Ты ведь прекрасно знаешь — нет ни единого шанса, что от тебя после следующего пика будет хоть какой-то толк. Если до мозгов нашего бравого капитана Уркварта это еще не дошло, то обязательно дойдет... даже если мне придется объяснить ему кое-что словами, которыми пользуются только в мужском обществе.

— Но ведь все же есть вероятность, что я останусь на связи.

— О нет! Никакой вероятности быть не может, иначе мне придется немножко постучать по твоей прелестной головке. Наши дети *должны* расти на Земле.

Она серьезно посмотрела на Чета и погладила его по руке. Трейверсы пока не ожидали ребенка, но все знали, как крепко они на это надеются. Я начал понимать, почему Чет так тверд... и вполне уверился, что Мей-Линг неизбежно потеряет контакт со своим телепартнером после пика, особенно если ее муж будет разговаривать с ней столь же убедительно, как говорил сейчас. Желание Чета было для нее куда важнее желаний капитана, важнее абстрактного долга по отношению к Фонду на далекой Земле.

Чет продолжал:

— Думай, Том, думай, и ты поймешь, что не имеешь права предать своих товарищей по полету. Идти дальше — чистое самоубийство, и все, кроме капитана, это понимают. Так что наше будущее зависит только от тебя.

— Хм... я подумаю.

— Валяй. И не затягивай надолго.

Они ушли.

Я лег, но сон не шел. Загвоздка заключалась в том, что Чет был наверняка прав... включая и уверенность, что Мей-Линг уже никогда не удастся вступить в контакт со своим телепартнером после нового пика. Практически она теряла его даже теперь. Мне приходилось брать на себя передачу технических или математических текстов, которые она должна была транслировать сама; я делал это уже со времени последнего пика, так как ее контакт часто нарушался. Чету не придется стучаться в ее бесспорно очаровательную голову — контакт она теряла, сомнений тут быть не могло.

С другой стороны... Когда я в своих размышлениях достиг этого пункта «с другой стороны» в восемнадцатый раз, я встал, оделся и отправился на поиски Гарри Гейтса. Мне подумалось, что раз он глава отдела и присутствовал на совещании, то с ним можно поговорить на эту тему без опаски.

В каюте Гарри не оказалось; Барбара посоветовала поискать его в лаборатории. Там я его и нашел — в одиночестве распаковывающим образцы, присланные на корабль день назад. Он внимательно поглядел на меня.

— Ну, Том, как делишки?

— Не слишком как.

— Знаю. Слушай, у меня еще не было подходящего случая, чтобы поблагодарить тебя. Написать благодарность на бумажке или примешь прямо от сердца?

— Давай считать, что все уже сказано.— Я вначале даже не понял его — честно, за всеми этими делами я ведь совершенно забыл, как вытаскивал его из воды; просто не было времени подумать об этом.

— Как скажешь. Я все равно не забуду. И ты это знаешь, не так ли?

— О'кей. Гарри, мне нужен совет.

— Вон как! Что ж, они у меня имеются на все размеры. И все раздаются бесплатно, хотя, боюсь, большего они и не стоят.

— Ты был на совещании глав отделов сегодня вечером.

— Ты тоже.

Он явно забеспокоился.

— Да.— И я рассказал ему обо всем, что меня тревожило; потом подумал еще и добавил то, о чем говорил Чет.— Что мне делать, Гарри? Чет прав; шансы, что следующий прыжок принесет хоть какую-то пользу, ничтожны. Даже если мы найдем планету, о которой стоит сообщить на Землю, а шансы обнаружить ее, насколько можно судить по данным, относящимся ко всей нашей эскадре, весьма малы, но даже если так произойдет, мы почти наверняка не сможем послать об этом сообщение, а если отправимся сами к Земле, неся это известие, то прибудем туда лет через двести по земному времени. Это глупо и, как говорит Чет, самоубийственно, особенно если учесть, как мало нас осталось. С другой стороны, прав и капитан; мы подписали контракты именно с этим обязательством. Долг экипажа корабля — продолжать полет.

Гарри осторожно распаковал очередной пакет с образцами и только тогда ответил:

— Томми, спросил бы ты меня чего-нибудь полегче. Спроси меня, например, жениться тебе или нет, и я отвечу прямо как из пушки. И вообще все что угодно. Есть только одна вещь, которую ни один мужчина не может подсказать другому, а именно — в чем заключается долг этого другого. Так что придется тебе решать самому.

Я обдумал сказанное.

— Будь оно проклято! Гарри, ты хоть скажи мне, как ты сам смотришь на эти дела.

— Я? — Он отложил свою работу в сторону.— Том, я не знаю. Для меня лично... видишь ли, на этом корабле я был счастливее, чем бывал когда-либо в жизни. У меня жена, у меня ребятишки, они постоянно со мной, и я занят любимой работой. У других, возможно, все иначе.

— А как насчет твоих ребятишек?

— Вот тут, конечно, и есть загвоздка. Семейный человек...— Гарри нахмурился.— Нет, не стану советовать, Том. Если я даже намекну тебе, будто ты не должен делать того, что обязался делать, значит, я подстрекаю тебя к мятежу... а это тяжкое преступление для нас обоих. Если я скажу, что ты должен поступить так, как велит капитан, я окажусь чист перед законом, но, возможно, именно это приведет к гибели тебя, меня, моих детей и всех остальных... потому что в словах Чета много здравого смысла, даже если закон против него.— Гарри вздохнул.— Том, знаешь, я сегодня только чудом не отдал концы — это целиком твоя заслуга, и способность четко мыслить ко мне еще не вернулась. Не могу советовать — боюсь оказаться необъективным.

Я ничего не ответил. Как хотелось в эту минуту, чтобы дядя Стив был со мной! У него-то были ответы на все вопросы.

— Все, что я могу,— продолжал Гарри,— это высказать весьма уклончивое соображение.

— А? И какое же?

— Ты можешь повидаться с капитаном частным образом и выложить ему то, что тебя тревожит. Это, возможно, повлияет на его решение. Во всяком случае, узнать про эти дела будет для него небесполезно.

Я ответил, что подумаю над его словами, поблагодарил и ушел. Лег в постель и, наконец, забылся сном. В середине ночи меня разбудила корабельная качка. Корабль всегда покачивает, если он лежит на воде, но так странно, какими-то рывками, «Элси» на Элизии еще никогда не дергало.

Качка прекратилась, затем началась снова... потом снова прекратилась... опять началась... Я уже стал гадать, что же там происходит, но корабль вдруг завибрировал совсем по-другому, а эту

вибрацию я узнал — так бывает, когда прогревают ракетные двигатели, но еще не на полной мощности. Инженеры говорят, что они «прочищают глотку» — обычное дело при ремонте и проверке. Я решил, что мистер Регато задержался допоздна на работе, и успокоился. Толчки больше не повторялись.

За завтраком я узнал, что это было: левиафаны затеяли очередную пакость — никто не знал, какую именно — против самого корабля... а капитан вполне разумно приказал мистеру Регато использовать против них ракетные двигатели. Пока мы знали о левиафанах очень мало, зато совершенно точно выяснили одно — они не иммунны ни к суперперегретому пару, ни к сильной радиации.

Эта схватка с морскими дьяволами придала мне смелости: я решил повидаться с капитаном, как мне посоветовал Гарри.

Капитан принял меня, заставил ждать не более пяти минут. После этого он сидел молча, предоставив мне возможность говорить столько, сколько я сочту нужным. Я изобразил всю картину такой, какой видел ее сам, не приписывая ничего ни Чету, ни Гарри. По лицу капитана я не мог определить, удалось ли мне произвести на него впечатление или нет; поэтому я со всей решительностью подчеркнул, что Дядюшка и Мей-Линг уже вышли из игры и что шансы, будто от меня будет толк после следующего пика, столь слабы, что он рискует кораблем и командой при очень малой надежде на выигрыш.

Когда я закончил, мне все еще было неясно, добился ли я чего-нибудь, а он и тогда воздержался от прямого ответа. Капитан без всякого намека на вопросительный тон произнес:

— Барлетт, вчера вечером у вас в каюте в течение пятидесяти пяти минут находились два члена команды, причем дверь каюты была наглухо закрыта.

— Чего? Да, сэр.

— И вы с ними обсуждали этот вопрос?

Я хотел было солгать.

— Э-э-э... да, сэр.

— После этого вы разыскали другого члена команды и оставались с ним до поздней ночи... или, лучше сказать, до раннего утра. С ним вы тоже говорили на эту тему?

— Да, сэр.

— Так. Тогда я арестую вас на время, которое потребуется для расследования двух пунктов: подозрения в побуждении к мятежу и в попытке подготовки мятежа. Вы арестованы, Барлетт. Отправляйтесь в свою каюту и оставайтесь там. Всякие визиты к вам запрещены.

Я с трудом сглотнул. Потом мне на помощь пришло воспоминание о чем-то, что рассказывал мне дядя Стив. Дядя Стив был клевым знатоком космического права и любил на досуге поболтать об этом предмете.

— Есть, сэр. Но я настаиваю, чтоб мне дали свидание с защитником по моему выбору... и чтоб слушание дела велось публично.

Капитан кивнул, как будто я сообщил ему, что на улице дождь.

— Разумеется. Ваши гражданские права будут уважаться. Но с этим делом придется подождать: сейчас мы готовимся к старту. А потому считайте себя под арестом и отправляйтесь в свою каюту.

Он отвернулся, оставив меня наедине с задачей взять самого себя под стражу. Мне показалось, что он даже не рассердился.

Вот я и сижу в полном одиночестве у себя в каюте. Пришлось сказать Дядюшке, что ко мне доступа нет, а позже сообщить то же самое и Чету. Никогда бы не поверил, что со мной такое может произойти.

ГЛАВА XVI

«Всего лишь математическая абстракция»

Это утро растянулось на целый миллион лет. Вики вызвала меня в обычное время, но я сказал ей, что вахтенное расписание опять изменилось и что я свяжусь с ней попозже.

«Что то произошло?» — спросила она.

«Нет, девочка, просто на борту происходит кое-какая реорганизация».

«Ладно. Но ты определенно встревожен».

Я не только не стал ей рассказывать, в какую историю вляпался, но даже решил не упоминать о случившейся катастрофе. Время еще будет, пусть все уляжется, хотя, конечно, она может

узнать обо всем из официальных сообщений. Пока же нет причин заставлять этого милого ребенка волноваться из-за того, что она не в состоянии изменить.

Минут через двадцать ко мне пришел мистер Истман. На его стук я открыл дверь и сказал:

— Мне запрещено принимать посетителей. Извините.

Однако он не уходил.

— Я не гость, Том. Я тут в официальном качестве, от капитана.

— О!

И я впустил его.

При нем был ящик с инструментами. Он поставил его на пол и сказал:

— Отделы обычной и специальной связи объединены, так как у нас слишком мало людей, и получается, я вроде теперь твой непосредственный начальник. Правда, по моему мнению, это ничего не меняет. Но мне придется внести кое-какие изменения в проводку твоего мага, чтобы ты мог диктовать прямо на магнитофон в рубке связи.

— О'кей. Только зачем это понадобилось?

Мистер Истман явно смутился.

— Ну... тебе полагалось бы быть на вахте уже полчаса назад. Мы собираемся устроить так, чтобы ты отрабатывал свои вахты прямо в каюте, со всеми удобствами. Капитан отругал меня за то, что я не сделал этого раньше.

Истман начал снимать панель магнитофона. А я — так просто лишился дара речи. И тут же опять вспомнил кое-что из рассказов дяди Стива.

— Эй! Погодите-ка минутку!

— Чего?

— Да нет, валяйте, меняйте проводку, мне-то что за дело. Только никаких вахт я отрабатывать не собираюсь.

Истман выпрямился, вид у него был весьма встревоженный.

— Не надо так говорить, Том. У тебя и без того плохи дела, вряд ли стоит их отягощать. Давай забудем то, что ты мне сказал. О'кей?

Мистер Истман был порядочный человек и единственный из электронщиков, никогда не позволявший себе называть нас «вы-

родками». Думаю, он беспокоился за меня совершенно искренне. Тем не менее, я ответил ему брюзгливо:

— Не понимаю, как мое положение может стать еще хуже. Передайте капитану мой ответ — пусть он сам несет свои вахты и...— Тут я остановился. Нет, дядя Стив сказал бы все совершенно иначе.— Извините меня, пожалуйста, скажите капитану вот что: «Связист Барлетт выражает капитану свое почтение и сожалеет, что не может выполнять свои обязанности, находясь под арестом». Ясно?

— Ну послушай же, Том, ты к этому делу подходишь неправильно. Конечно, в том, что ты говоришь, с точки зрения устава, есть определенный смысл. Но у нас так мало людей, что всем приходится трудиться изо всех сил и помогать другим. Ты же не станешь цепляться за букву закона, это было бы несправедливо по отношению к твоим товарищам.

— Не стану? — Я тяжело дышал, радуясь возможности нанести им ответный удар.— Так у капитана не выйдет, чтоб и начинку слопать и пирог испечь. Человек, который сидит под арестом, не имеет права нести службу. Так всегда было и всегда будет. А вы обязаны передать ему сказанное.

Истман молча закончил менять проводку, каждое его движение отличалось изящной точностью.

— Ты уверен, что хочешь передать капитану именно это?

— Абсолютно.

— Ладно. Эта штуковина теперь соединена так,— добавил он, ткнув большим пальцем в сторону магнитофона,— что ты всегда можешь связаться со мной, ежели передумаешь. Ну, бывай.

— Еще вот что...

— Да?

— Возможно, капитан об этом не подумал, поскольку у его каюты есть собственный туалет, но я тут торчу уже несколько часов. Кто сводит меня в сортир и когда именно? Даже арестант имеет право регулярно ходить по нужде.

— Ох, это наверняка моя обязанность. Пошли!

Это была кульминация утренних событий. Я ожидал, что капитан прибежит ко мне уже через пять минут после того, как мистер Истман ушел из моей каюты: он прибежит, дыша огнем и

выплевывая угольки. По этому случаю я прокрутил в уме несколько вариантов своих речей, тщательно подбирая слова, чтобы не выйти из рамок закона и соблюсти идеальную вежливость. Я знал, что крепко держу капитана.

Но ничего подобного не произошло. Капитан не объявился; да и вообще не явился никто. Дело шло к полудню, по сети оповещения о готовности к старту не сообщалось, поэтому я забрался в свою койку, решив, что минуток пять у меня есть, и стал ждать.

Это были невероятно долгие пять минут.

Около четверти первого я сдался и вылез из-под одеяла. Ни старта, ни ланча. Я слышал, как гонг прозвучал в двенадцать тридцать, однако опять ничего и никого. В конце концов я решил, что могу пропустить одну трапезу, а уж потом подам жалобу, ибо вовсе не имею намерения дать капитану шанс отыграться и обвинить меня в нарушении правил пребывания под арестом. Мне пришло в голову, что можно было бы вызвать Дядюшку и посетовать ему на отвратительную работу службы питания, но, подумав, решил, что чем дольше буду ждать, тем хуже будет для капитана.

Примерно через час после того, как все остальные позавтракали, появился мистер Кришнамурти с подносом. Тот факт, что он принес завтрак сам, вместо дежурного по кухне, убедил меня, что я действительно являюсь Очень Важным Заключенным, особенно если учесть, что Крис явно не желал со мной общаться и даже опасался приближаться ко мне. Он сунул поднос и пробурчал:

— Закончишь, выстави в коридор.

— Спасибо, Крис.

В еде, принесенной на подносе, оказалась записка:

«Молодчина! Не сдавайся, и мы этой птичке еще обкорнаем крылышки. Все поддерживают тебя».

Подписи не было, а почерк я не узнал. Что это не был Кришнамурти — это точно; ведь его почерк я знал еще с тех пор, когда был придурком на его ферме. Не был это и почерк Трейверса и уж, конечно, не Гарри.

Потом я решил, что не стоит допытываться от кого записка, разорвал ее на кусочки, которые тут же сжевал как какой-нибудь «Железная Маска» или Граф Монте-Кристо. Наверное, я мало подхожу для роли романтического героя, так как глотать бумаж-

ку все же побрезговал, только разжевал и выплюнул. Перед этим я, однако, убедился, что записку прочесть нельзя, так как я не только не хотел знать, кто ее написал, но страшился даже мысли, что кому-нибудь станет известно имя автора.

И знаете почему? Эта записка вовсе не обрадовала меня; наоборот, она меня напугала. О, конечно, минуты на три я возликовал; вырос, знаете ли, в собственных глазах — этакий защитник всех униженных и оскорбленных.

И тут же понял, что означает появление этой записки...

Мятеж.

В космосе это самое страшное слово. Лучше уж любая другая катастрофа, чем он.

Одна из самых первых баек, которые дядя Стив мне рассказал, вернее нам с Патом, и рассказал давно, когда мы еще были ребятишками, содержала такой афоризм: «Капитан всегда прав, даже если он ошибается». Прошли годы, прежде чем я понял истинный смысл этих слов; надо прожить на корабле долго-долго, чтобы усвоить, почему непреложно верны эти слова. Наверное, в глубине сердца я все-таки чего-то в них не понимал до тех пор, пока не получил одобрительную записку; потому что именно в этот момент я усек, что кто-то вполне серьезно думает о свержении власти капитана... и что для этих людей я стал символом сопротивления.

Корабль — это не просто маленький замкнутый мир; его, скорее, можно уподобить человеческому телу. В нем нет места ни демократии, ни даже демократическому консенсусу, как бы приятны и демократичны ни были манеры капитана. Если ты попал в переделку, ты же не станешь ждать, пока проголосуют твои руки, ноги, желудок, глотка и пока не определится желание большинства. И прекрасно, что не можешь. Твой мозг принимает решение, а все остальные члены лишь выполняют его приказ.

Корабль в космосе пребывает в таком положении постоянно, и это естественно. Дядя Стив хотел сказать, что капитану лучше не ошибаться и что тебе надо молиться, чтоб он был прав, даже если ты с ним не согласен... ибо если капитан ошибается, а ты прав, то корабль все равно обречен на гибель.

Но корабль все же не человеческое тело; члены его команды — люди, работающие совместно, с той степенью самоотверженности,

которая дается нелегко — во всяком случае мне. Единственно, что удерживает их вместе, это нечто туманное, называемое моралью, нечто такое, о чем ты не имеешь представления до тех пор, пока экипаж не начнет это нечто терять. Я вдруг понял, что «Элси» уже некоторое время теряет свою мораль. Сначала погиб доктор Деверо, затем Мама О'Тул, и эти потери были невосполнимы. Теперь мы потеряли капитана и многих других... и вот «Элси» распадается на части.

Может быть, новый капитан не слишком умен, но он пытается предотвратить дальнейший распад. Я начал понимать, что не поломки машин и не атаки враждебных туземцев губят корабли; более чем вероятно, что самая страшная опасность таится в каком-нибудь юном болване, вообразившем себя умнее капитана и убедившем достаточное число других в том, что он прав. И я подумал, а сколько из восьми кораблей, с которыми мы потеряли контакт, погибли, доказывая, что их капитаны ошибались, а кто-то, вроде меня, был прав?

Нет, быть только правым — еще мало.

Я впал в такое уныние, что уже подумывал, а не пойти ли мне к капитану, не признаться ли в своей неправоте и не попросить ли у него совета, как быть дальше. Однако тут же понял, что и этого тоже нельзя. Капитан отдал мне приказ оставаться в своей каюте — без всяких там «если» или «может быть». И если оказать капитану поддержку и высказать уважение к его власти сейчас было важнее всего прочего, тогда единственное верное решение заключалось в том, чтобы поступать, как тебе велено, и сидеть смирно.

Что я и сделал.

Крис принес мне обед почти вовремя. Позднее, в тот же вечер рупора системы оповещения проорали обычные предупреждения, я улегся в койку, и «Элси» оторвалась от Элизии. Но далеко мы от нее не ушли, легли на околопланетную орбиту, и сразу же наступила невесомость. Я провел бессонную ночь; мне всегда плохо спится в невесомости.

Меня разбудило еле заметное увеличение силы тяжести. Оно составило около половины земной. Крис принес мне завтрак, но я не стал спрашивать, что все это означает, а сам он мне объясне-

ния не предложил. Где-то в середине утра система оповещения объявила:

— Связисту Барлетту явиться к капитану.

Приказание повторили еще до того, как я понял, что вызов относится ко мне... Я тут же вскочил, провел бритвой по лицу, решил, что форма более или менее в порядке, и бегом помчался к каюте капитана.

Он поглядел на меня только после того, как я доложил о прибытии.

— Ах да, Барлетт. Проведя необходимое расследование, я установил, что причин настаивать на обвинениях нет. Вы освобождаетесь из-под ареста и восстанавливаетесь в должности. Явитесь к мистеру Истману.

Он снова уставился на свои бумаги, а я жутко разозлился. Я разрывался между мощным чувством лояльности к кораблю и капитану — главе вышеозначенного — и столь же сильным желанием дать Уркварту хорошего пинка в брюхо. Одно его доброе слово — и я уверен, что стал бы его верным сторонником, как бы ни развернулись дальнейшие события. А так — я только еще больше обозлился.

— Капитан!

Он перевел взгляд.

— Да?

— Думаю, вы обязаны извиниться передо мной.

— Вы думаете? А я так не считаю. Я действовал в интересах всего корабля. Однако я не держу на вас зла, если это имеет для вас значение.— Он вернулся к своей работе, тем самым отпуская меня... будто *мои* раненые чувства, если таковые и были, не играли ровно никакой роли.

С тем я и вышел в коридор и доложился мистеру Истману. А что мне еще оставалось делать?

В рубке связи была Мей-Линг, передававшая кодовые группы. Она поглядела на меня, и я заметил, что у нее ужасно усталый вид.

Мистер Истман обратился ко мне:

— Привет, Том. Рад, что ты опять с нами; ты нам нужен позарез. Будь добр, вызови своего телепартнера.

Все-таки забавно, что когда телепат встает на вахту и начинает вести передачу, то присутствующие при этом обычные люди, видимо, не понимают, что другая часть телепары, то есть партнер на Земле, вовсе не бестелесный дух. Он ест, спит, работает, воспитывает детей, и его нельзя заставить работать в любой момент, когда кому-то понадобится посылать депешу.

— Это особо срочно? — спросил я, поглядев на гринвичский циферблат, а затем на корабельный. Вики должна была выйти на связь со мной не раньше чем через полчаса; сейчас она могла быть дома и бездельничать, но ведь могло быть и иначе.

— Возможно, и не «особо срочно», но что «срочно» — это уж можешь мне поверить.

Тогда я вызвал Вики, и она сказала, что не возражает.

«Кодовые группы, Веснушка,— шепнул я ей.— *Поэтому поставь свой маг на повторное проигрывание».*

«Он уже весь трясется от нетерпения, дядя Том. Все готово».

В течение трех часов мы работали с кодовыми группами — дело, вряд ли имеющее соперников по утомительности. Я решил, что это, скорее всего, доклад капитана Уркварта о случившемся на Элизии, а еще вернее, его второй доклад, после того как ФППИ потребовал от него дополнительных сведений. Причин секретить все это не было, во всяком случае от меня; я-то лично присутствовал там, следовательно, код нужен был, чтобы хранить в секрете наши дела от земных телепатов до тех пор, пока ФППИ не решит, что именно стоит опубликовать.

Меня это вполне устраивало, так как мне было бы вряд ли приятно передавать открытым текстом подробности кровавой бойни малютке Вики.

В разгар работы в рубке возник капитан и уселся рядом с мистером Истманом; я видел, что они варганят новые кодовые группы: капитан диктовал, а мистер Истман работал на шифровальной машине. Мей-Линг давно ушла. Наконец Вики сказала совершенно измученным голосом:

«Дядя Том, насколько срочны эти анаграммы? Мама звала меня обедать уже с полчаса назад».

«Не отключайся, я сейчас выясню».— Я повернулся к капитану и мистеру Истману, не зная к кому из них следует обращаться

в таких случаях. Поймав взгляд Истмана, спросил: — Мистер Истман, насколько все это срочно? Мы хотим...

— Не мешайте нам,— вмешался капитан.— Продолжайте передачу. А срочно или нет — не ваша забота.

— Капитан, вы не поняли. Я говорю не о себе. Я хочу сказать...

— Продолжайте работу.

Я сказал Вики: *«Не отключайся, родная»*, затем уселся поплотнее и заговорил снова: — Есть, капитан. Я-то готов любоваться вашей абракадаброй хоть всю ночь. Но на другом конце уже нет никого.

— Что вы хотите этим сказать?

— Хочу сказать, что сейчас там время обеда, и для моего партнера оно уже истекает. Если вам угодно получить особый режим работы на Земле, вам необходимо связаться с отделом коммуникаций ФППИ. Мне кажется, что сегодня кто-то что-то напутал со списком дежурств.

— Понятно.— Капитан, как всегда, не выказал никаких чувств. Я начал думать, что он просто робот с проволокой вместо нервов.— Хорошо. Мистер Истман, вызовите мистера Макнейла, и пусть он сменит мистера Барлетта.

— Есть, капитан.

— Извините меня, капитан...

— Да, Барлетт?

— Возможно, вам неизвестно, что партнер Дядюшки живет в гринвичской зоне минус два. Сейчас там глубокая ночь, а партнер — старая леди лет за семьдесят пять. Я думаю, что вам небесполезно знать это.

— М-м-м... Это верно, Истман?

— Думаю, да, сэр.

— Последнее распоряжение отменяется. Барлетт, не согласится ли ваш партнер снова заступить на вахту после часового перерыва на обед? Без того, чтобы обращаться за разрешением к ФППИ?

— Сейчас узнаю, сэр.

Я поговорил с Вики: она была в нерешительности. Я спросил: *«В чем дело, Веснушка? Свидание с Джорджем? Скажи только словечко, и я совру этому капитану Блаю , что ты недосягаема»*.

«О, все в порядке. Пошлю Джорджа подальше. Просто хочется, чтоб они дали нам что-то еще, кроме окрошки из алфавита. О'кей. Через час».

«Через час, моя сладость. Беги лопай свой салат. Береги талию».

«С моей талией все в порядке. Спасибо за внимание».

— О'кей, капитан.

— Отлично. Поблагодарите его от моего имени.

Он был так бесстрастен, что мне захотелось хоть чем-нибудь проколоть его толстую шкуру.

— Мой партнер — девочка, капитан, а не «он». Ее мать наложила двухчасовой запрет на передачи. Если вам это не по душе, действуйте через ФППИ.

— Так. Хорошо.— Он повернулся к Истману.— Нельзя ли както получше организовать вахты этих связистов?

— Я пытаюсь, капитан. Но для меня это ново... да и осталось у нас всего трое вахтенных.

— Наладить круглосуточные вахты из трех человек не так уж трудно. Но у нас, по-видимому, всегда находятся причины, по которым передача невозможна. Ваши соображения?

— Что ж, сэр. Вы только что сами убедились в наличии объективных трудностей. Это дело упирается в необходимость координации с Землей. Э-э-э... мне кажется, работники спецсвязи сами разрабатывают порядок своих дежурств. Или, во всяком случае, один из них.

— Который именно? Макнейл?

— Кажется, обычно этим занимается Барлетт, сэр.

— Так. Барлетт?

— Да, этим занимался я, сэр.

— Очень хорошо. Выполняйте эти обязанности и дальше. Организуйте круглосуточную вахту.

Он уже начал вставать.

Ну как сказать капитану, что он не получит своего ведерка с краской?

— Есть, сэр. Только... еще минуточку, капитан...

— Да?

— Правильно ли я понял, что вы поручаете мне составить расписание круглосуточной вахты для связи с ФППИ? Приказ за вашей подписью?

— Естественно.

— Но что мне делать, если нам не дадут разрешения на столь продолжительную работу для пожилой леди? Запросить еще более продолжительные вахты для двух других телепартнеров? Но в случае с моим партнером мы встретимся с сопротивлением родителей — она ведь совсем ребенок...

— Понимаю. Не могу взять в толк, зачем штаб-квартира нанимает таких людей.

Я ничего не ответил. Если он не знает, что телепатов не нанимают тем же путем, каким нанимают, скажем, мясников, я не стану ему это разъяснять.

Но капитан стоял на своем.

— Ваши соображения?

— Мне нечего сказать, сэр. Мы не можем получить от них больше трех-четырех часов работы в сутки, кроме особо крайних обстоятельств. Существует ли сейчас такая крайность? Если да, я могу организовать вызов и без обращения в штаб-квартиру.

Прямо он мне не ответил. Вместо этого бросил:

— Организуйте вахтенное дежурство наилучшим образом, исходя из реальных условий. Проконсультируйтесь с мистером Истманом.

Когда он повернулся, чтобы уйти, я успел заметить выражение непереносимой усталости на его лице, и мне стало его ужас как жалко. Я бы ни в жизнь не поменялся с ним работой.

Вики снова встала на вахту после полуночи, несмотря на возражения Кэтлин. Кэтлин предложила отстоять эту вахту сама, но беда в том, что мы с ней уже не могли поддерживать надежный контакт, без подключения Вики, особенно в таких сложных случаях, как передача кодовых групп.

Капитан к завтраку не вышел, а я на него опоздал. Вошел в столовую, огляделся и нашел местечко рядом с Джанет Мейерс. Теперь мы уже не рассаживались по отделам — сидели все вместе за одним большим подковообразным столом, а остальная площадь столовой превратилась в гостиную, чтобы зал не выглядел слишком пустым.

Только что я начал возиться со своими поджаренными дрожжами, намазанными на ломтик хлеба, когда вдруг встал мистер

Истман и постучал по стакану, прося внимания. Выглядел он так, будто не спал много-много ночей.

— Потише, пожалуйста. У меня поручение от капитана.— Истман вынул из кармана листок бумаги и начал читать его вслух:

«Информация для сведения команды. Согласно распоряжению Фонда Поощрения Перспективных Исследований, миссия нашего корабля пересмотрена. Мы остаемся вблизи Беты Кита, дожидаясь рандеву с кораблем Фонда "Серендипити". Встреча кораблей состоится предположительно через месяц. Сразу же после встречи мы начнем разрабатывать орбиту для возвращения на Землю. *Ф. Х. Уркварт, командующий "Льюисом и Кларком"».*

Я так и застыл с разинутым ртом. Ну и ловкач-тихоня! Все время, пока я всячески мордовал его в своем воображении, он делал все возможное, чтобы убедить штаб-квартиру в необходимости изменить отданные нам ранее распоряжения... Чего же удивляться, что пришлось прибегнуть к кодированию: разве можно сказать открытым текстом, что на корабле бардак, а команда на грани мятежа. Нет, этого следовало избежать любым способом. Я даже обиду перестал чувствовать: он все-таки нам — выродкам — не доверял, боялся, что мы не удержим в секрете содержание передаваемых материалов. Впрочем, я бы и сам себе такого не доверил, особенно учитывая ситуацию.

Глаза Джанет сияли... как у охваченной любовью женщины или как у математика-релятивиста, который только что открыл новый способ преобразований.

— Значит, им все-таки удалось! — прошептала она себе под нос.

— Удалось что? — спросил я.

Джанет явно вкладывала в свои слова какой-то очень важный для нее смысл. А я и не подозревал, что ей так хочется вернуться на Землю.

— Томми, неужели ты не понимаешь? Они добились, они добились успеха, применив принцип независимости от скорости света! Бэбкок был прав!

— Э-э-э... в чем прав?

— Ну это же ребенку ясно! Какой тип корабля может прибыть сюда за один месяц? Конечно, тот, который построен с учетом

принципа независимости и летит со сверхсветовой скоростью! — Она нахмурила брови.— Но если так, то почему им требуется целый месяц? Ведь время не должно иметь никакого значения! Никакой затраты времени не может быть вообще!

— Полегче, полегче, Джанет! Я сегодня особенно туповат — всю ночь не сомкнул глаз. Почему ты говоришь, что этот корабль... «Серендипити», что ли... летит быстрее света? Такого просто не может быть...

— Томми, Томми... ну посмотри... если бы это был обыкновенный корабль, то, чтобы встретиться с нами в этих краях, он должен был бы покинуть Землю шестьдесят три года назад.

— Что ж, очень может быть, что и улетел.

— Томми! Этого быть никак не могло, так как в те годы никто еще не знал, что мы окажемся тут. Подумай, откуда им было знать?!

Я прикинул. Шестьдесят три года гринвичского времени тому назад... м-м-м... ведь это примерно время нашего первого пика. По-видимому, Джанет права. Только безумный оптимист или ясновидящий мог в те времена послать корабль для встречи с нами — здесь и сейчас.

— Тогда я ничего не понимаю.

— Неужели не понимаешь, Томми? А ведь я объясняла тебе, прекрасно помню, что объясняла. Безотносительность. Господи, да именно вы — телепаты — были причиной начала этих исследований. Вы доказали, что «мгновенность» является вполне приемлемой концепцией... а неизбежным логическим следствием этого стало понимание того, что ни время, ни пространство просто не существуют.

У меня начала пухнуть голова.

— Не существуют? Тогда в чем же мы, по-твоему, как нам кажется, сидели во время завтрака?

— Все это просто математическая абстракция, милый. И ничего больше.— Джанет улыбнулась мудрой материнской улыбкой.— Мой бедненький сентиментальный Томми! Зря ты так перенапрягаешься...

Полагаю, Джанет была права, так как встреча с ФК «Серендипити» произошла через двадцать девять гринвичских дней. Все это время мы провели в полете, при ускорении силы тяжести, равном 0,5 g; наша цель лежала в пяти миллиардах миль в северном

галактическом направлении от Бета Кита, так как выяснилось, что «Серендипити» не хочет подходить слишком близко к крупным звездам. И все же для расстояния в шестьдесят пять световых лет пять миллиардов миль слишком скромная цель — не мудрено и промахнуться. Все эти дни мы работали как сумасшедшие, разбирая и подготавливая образцы, сопоставляя записи и тому подобное. Кроме того, капитан Уркварт внезапно обнаружил, что для встречи гостей у нас слишком много вещей нуждается в чистке и полировке. На сей предмет он проверил даже личные каюты, что я счел чем-то весьма близким к бесцеремонности.

«Серендипити» имел на борту мыслечитчика, что обернулось большой удачей, когда дело дошло до сближения кораблей. «Серендипити» промазал почти на два световых часа: затем их мыслечитчик и я обменялись координатами по отношению к Бете Кита, передав их друг другу через Землю, причем этот процесс потребовал всего лишь считанных минут. Если бы мы воспользовались радаром или радио, то прокопались бы не меньше недели, да и то гарантии на нашу встречу — никакой.

Когда все это было сделано, «Серендипити» проявил такое проворство, что запросто мог бы вышибить нам мозги. Он чуть ли не плюхнулся нам на колени — мы увидели его на своем радаре почти в тот самый момент, когда я передавал только что принятые его тогдашние координаты нашему капитану. Час спустя корабль подошел к нам и состыковался. Это был очень маленький корабль. Когда я впервые увидел нашу «Элси», она показалась мне гигантом: потом я попривык, и она как бы обрела нормальные размеры, а в некоторых отношениях иногда смотрелась даже слегка перенаселенной. Но из «Серендипити» не получилось бы даже приличного шаттла «Земля-Луна».

Первым на наш борт ступил мистер Уиппл. Поверить, что в космосе вам может встретиться человек такого типа,— просто немыслимо. Представьте себе — в руках он держал *кейс*!!! Несмотря на это, он тут же принял на себя руководство всеми делами. С ним прибыли два человека, которые немедленно занялись чем-то в небольшом помещении на грузовой палубе. Они заранее знали, какое именно помещение им потребуется; так что нам пришлось быстренько повыкидывать хранившийся там запас картошки. Про-

работав полдня, они установили там нечто, называвшееся ими «генератор нуль-поля»; работали они в странных костюмах: сотканных из тонких, как волос, проволочек, обтягивавших их фигуры столь же плотно, как бинты обволакивают тело мумии. Мистер Уиппл все это время стоял в дверях, наблюдая за работой и покуривая сигару, первую, которую я увидел за все три года и от запаха которой мне тут же стало худо. Релятивисты роились вокруг него, обмениваясь взволнованными комментариями; точно так же вели себя и инженеры, однако они явно не понимали и не одобряли увиденного. Я слышал, как мистер Регато сказал:

— Может, оно и так. Только ракетный двигатель намного надежней. На ракеты вы всегда можете положиться.

Наш капитан наблюдал за всем происходящим, его каменное лицо не выражало никаких эмоций.

Наконец мистер Уиппл вынул изо рта сигару и небрежно произнес:

— Ну вот и все, капитан. Томпсон останется с вами и довезет вас до места, а Бьеркенсен пойдет на нашей «Серендипити». Боюсь, с моим присутствием вам придется примириться, так как дальше я отправлюсь с вами.

Лицо капитана приобрело оттенок серого гранита.

— Должен ли я понять, сэр, что вы отстраняете меня от командования кораблем?

— Что? Боже мой, капитан! Неужели я дал вам повод так подумать?

— Мне показалось, что вы взяли на себя право распоряжаться моим кораблем... от имени штаб-квартиры. А теперь вы заявляете, что этот человек... э-э-э... Томпсон довезет нас куда-то!

— Бог мой! Конечно нет! Извините меня! Дело в том, что я отвык от церемоний, принятых во время полевой работы. Слишком давно околачиваюсь в штаб-квартире. Прошу вас рассматривать Томпсона как... м-м-м... как лоцмана. Именно так! Он будет вашим лоцманом. Но никто, разумеется, вас не отстраняет, нет: вы остаетесь командиром корабля до тех пор, пока мы не вернемся домой и вы не сдадите официально свой корабль... После этого, само собой, он пойдет на слом...

Мистер Регато сказал странным тоненьким голосом:

— Вы сказали «на слом», мистер Уиппл?!

Я почувствовал, что мой желудок скрутила откуда-то взявшаяся судорога. «Элси» на слом? Да не бывать этому!

— Что? Знаете, я поспешил. Пока еще ничего не решено. Вполне возможно, ее превратят в музей. В самом деле, мне кажется, это отличная мысль! — Он вытащил записную книжку и что-то черканул в ней. Спрятал в карман и продолжал: — А теперь, капитан, с вашего разрешения, я хотел бы поговорить с вашими людьми. Времени у нас маловато.

Капитан Уркварт молча проводил его в столовую.

Когда мы собрались все, мистер Уиппл улыбнулся и начал:

— Я не очень-то хороший оратор. Просто хочу поздравить вас всех от имени Фонда и объяснить, чем мы занимались. Не буду входить в детали, поскольку я совсем не ученый: я — администратор, которому поручено дело ликвидации проекта «Lebensraum», а вы — часть этого проекта. Подобные операции по спасению и оказанию помощи, конечно, необходимы; но тем не менее Фонд хотел бы как можно скорее освободить нашу «Серену» вместе с ее собратьями «Безотносительностью», «Бесконечностью» и «Нулем» для выполнения их главной задачи — то есть исследования звезд в окружающем нас космосе.

Кто-то выдохнул:

— Но ведь и мы занимались именно этим!

— Да, да, конечно! Но времена меняются. Один корабль с генератором нуль-поля может за год посетить больше звезд, чем ракетный корабль за столетие. Вам будет наверняка приятно узнать, что «Нуль», работая в одиночку, открыл за прошлый месяц семь планет земного типа.

Увы! Я не ощутил особого счастья, услышав это известие.

Дядюшка Альфред наклонился вперед и спросил тихим голосом, в котором звучали трагические нотки и который как бы выражал наше общее мнение:

— Минутку, сэр... Не хотите ли вы сказать, что все, что мы делали... было *не нужно?*

Мистер Уиппл очень удивился.

— О, нет, нет, нет! Я ужасно сожалею, если создал у вас такое впечатление. Все сделанное вами было жизненно необходимым, если бы не вы, то у нас не было бы никаких «нуль-кораблей». Гос-

поди, это же все равно что сказать, будто не было нужды в том, что совершил Колумб, потому что теперь мы перепрыгиваем океаны точно грязные лужи!

— Благодарю вас, сэр,— тихо отозвался Дядюшка.

— Вероятно, вам еще никто не рассказывал, какую неизмеримую пользу принес человечеству проект «Lebensraum»? Такое упущение вполне возможно, ведь вокруг Фонда уже довольно давно идет кутерьма — мне это хорошо известно — я сам от недосыпания никак не могу сообразить, что уже сделано, а что еще остается доделать. Но вы же понимаете, не правда ли, что без телепатов, находящихся среди вас, весь этот прогресс был бы просто невозможен? — Уиппл оглядел аудиторию.— Они здесь присутствуют? Я хотел бы пожать им руки. Во всяком случае — я ведь не ученый, помните это, я всего лишь адвокат — и все же, если б не было доказано, что телепатическая связь, без всякого сомнения, мгновенна, причем это утверждение было проверено на протяжении многих и многих световых лет, то наши ученые все еще выискивали бы ошибки в шести десятичных знаках и утверждали бы, что телепатические сигналы распространяются не мгновенно, а просто на скоростях, которые настолько велики, что их истинные параметры маскируются ошибками инструментов наблюдения. Вот так мне представляется все это дело, во всяком случае, так меня учили. Поэтому, как видите, ваш великий труд дал поразительные результаты, гораздо более значительные, чем ожидалось вначале, хотя, возможно, это были и не совсем те результаты, на поиски которых вы отправлялись.

А я думал о том, что если бы все это было сказано раньше — ну хотя бы несколькими днями раньше,— то дядя Стив, возможно, был бы еще жив. Впрочем, он же мечтал умереть не в собственной постели.

— Но плоды ваших трудов,— продолжал мистер Уиппл,— созрели не сразу. Подобно многим другим научным открытиям, новые идеи должны были какое-то время произрастать среди узких специалистов... а уж потом потрясающие разум результаты были выброшены в мир... Что касается меня, то, если бы шесть месяцев назад кто-нибудь сказал мне, что сегодня я окажусь среди далеких звезд, где стану читать популярные лекции по новой физике, я бы ему ни на грош не поверил. И вот, можете убедиться, я здесь.

И среди прочего, я здесь для того, чтобы помочь вам адаптироваться, когда мы окажемся дома.— Он улыбнулся и поклонился.

— Э-э... мистер Уиппл,— спросил Чет Трейверс,— а когда мы окажемся дома?

— Ох, я же не сказал вам этого! Почти немедленно... скажем, сразу после завтрака.

ГЛАВА XVII

О времени и переменах

Что ж, на этом можно было бы поставить точку и похоронить былое по-хорошему. У меня уже никогда не будет времени для писательства. Нас продержали в карантине в Рио около недели. Если бы с нами не было представителя ФППИ, наверняка мы бы еще и теперь торчали там. Впрочем, все были очень милы с нами. Император Бразилии дон Педро Третий вручил каждому из нас по Ричардсоновской медали от имени всей Солнечной системы и произнес речь, из коей явствует, что у него нет четкого представления ни о том, кто мы такие, ни где мы были, но тем не менее наши труды заслуживают величайшего одобрения.

И все-таки внимания нам уделяли гораздо меньше, чем я ожидал. О, я вовсе не хочу сказать, что средства массовой информации нас вообще игнорировали; они поместили наши портреты, они проинтервьюировали буквально каждого из нас. Однако единственная статья в газете, которую я видел, была озаглавлена: «Третья партия Рипов ван Винклей прибыла сегодня».

Репортер — или как его там, написавший про нас — должно быть, очень развлекался, когда готовил материал, и я искренне надеюсь, что он когда-нибудь подавится своими находками. Наши одежды казались ему потешными, наша речь — старомодной, а мы все — очаровательно отсталыми и даже глуповатыми. Под фотографией была подпись: «Шапки долой, цыпулечки! Дедушка доплелся до города».

Больше я ничего не стал читать.

Дядюшку все это не трогало. Я даже сомневаюсь, чтобы он хоть что-то заметил. У него было одно желание — увидеться с Селестиной.

— Я надеюсь,— почти на полном серьезе сказал он мне,— что ребенок хоть на треть научился готовить так же хорошо, как ее мать.

— Ты будешь жить у нее? — спросил я.

— Конечно, как всегда.

Это было вполне логично, так что ответа от меня не требовалось. Мы обменялись адресами. Это тоже было логично, но в то же время и странно, ведь у всех у нас был один адрес — «Элси». И тем не менее я обменялся адресами решительно со всеми и тут же отметил себе навестить брата Дасти, если он еще жив, чтобы рассказать ему, как мы гордимся его братом... может быть, мне удастся разыскать его через Фонд.

Когда нас выпустили из карантина и перед нами, наконец, возникла Селестина Джонсон, я ее не узнал. Я увидел высокую, красивую, пожилую леди, которая кинулась к нам и крепко обняла Дядюшку, чуть ли не оторвав его от земли; я даже подумал, не прийти ли к нему на помощь?

Но тут она поймала мой взгляд, улыбнулась, и я завопил:

— Конфетка!

Она улыбнулась еще шире, и я физически ощутил, как волны любви и нежности накатываются на меня.

«Хелло, Томми, какое счастье опять встретиться с тобой!»

Я дал обещание приехать к ним в гости при первой возможности и ушел. Они не нуждались во мне, чтобы добраться до дому. Меня же встретить не пришел никто; Пат был слишком стар и больше не путешествовал, Вики слишком молода, чтобы отпустить ее одну, а что касается Молли и Кэтлин, я полагаю, их мужья не видели в этом никакой нужды. Да никто из них меня особо и не любил. Я никого не виню, учитывая все обстоятельства... хотя, надо сказать, прошло уже много времени (для них — многие годы) с тех пор, как я последний раз мысленно разговаривал с их женами без помощи Вики. Но, повторяю, я никого не виню. Если когда-нибудь телепатия станет общим явлением, она неизбежно вызовет среди родственников множество весьма напряженных ситуаций.

Кроме того, я в любой момент мог связаться с Вики, если б захотел. И велел ей даже не думать о приезде и не устраивать в связи с этим никакого шума: мне не хотелось, чтоб меня встречали.

Фактически, нас всех, кроме Дядюшки, встречали только представители Фонда. После того как прошел семьдесят один год, на

встречу просто некому было приехать. Но почему-то больше всего я жалел капитана Уркварта. Я видел, как он стоит один-одинешенек, тогда как мы толпимся у дверей карантина, дожидаясь своих курьеров-переводчиков. Мы были *вместе,* всецело погруженные в обряд прощания. А у капитана друзей не было — я полагаю, он не мог себе позволить заводить их на борту корабля даже в те времена, когда еще только ждал, что когда-нибудь сможет стать капитаном.

Он выглядел таким мрачным, таким никому не нужным и таким несчастным, что я подошел к нему и протянул руку.

— Хочу попрощаться с вами, капитан. Считаю для себя честью, что служил под вашей командой... и удовольствием.

Последние слова не были ложью: в эту минуту я говорил правду.

Он, казалось, удивился, но затем лицо его расплылось в такой широкой улыбке, что я испугался — не лопнет ли оно, как переспелый орех; физиономия Уркварта явно к таким экспериментам не привыкла. Он схватил мою руку и ответил:

— И для меня это было удовольствие, Барлетт. Желаю тебе всяческого счастья. Э-э-э... какие у тебя планы?

Он спрашивал с таким интересом, что я внезапно ощутил, до какой степени ему охота поболтать, просто пообщаться.

— Пока определенных планов нет, капитан. Сначала съезжу домой, а потом, надо думать, пойду в школу. Раньше хотел поступить в колледж, но, полагаю, придется кое-что подогнать. Кругом уж больно много перемен.

— Да, перемен много,— грустно согласился капитан.— Трудно будет приспособиться.

— Хм... А каковы ваши планы, сэр?

— Никаких. Просто не знаю, что делать.

Он сказал это так обыденно, как бы констатируя непреложный факт; с неожиданно накатившим на меня чувством жалости и тепла я понял, что он говорит правду. Уркварт был капитаном ракетных кораблей — самая узкоспециализированная профессия, какую только можно вообразить... а теперь ракетных кораблей больше не существовало. Ну, совсем как если бы Колумб вернулся из своего первого путешествия и обнаружил кругом одни пароходы. Разве он сумел бы выйти на них в море? Он и капитан-

ского мостика-то не нашел бы, не говоря уж о том, что не знал бы, что делать, если б и взошел на него.

Для капитана Уркварта больше не было места. Капитан стал анахронизмом. Один парадный обед, а там — спасибо, спокойной ночи!

— Думаю, можно выйти в отставку,— продолжал он, поглядывая в сторону.— Я подсчитал размер пенсии — получается чудовищная сумма.

— Еще бы, сэр!

Я-то свою не подсчитывал, ее получал за меня Пат.

— Будь оно проклято, Барлетт! Я же еще слишком молод, чтобы меня в отставку!..

Я поглядел на него. Мне капитан никогда не казался старым, да он и не был таким, особенно в сравнении с нашим прежним капитаном — капитаном Свенсоном. Однако я полагал, что ему лет сорок есть — по корабельному времени.

— Слушайте, капитан, а почему бы вам тоже не поступить в школу? Вы же вполне можете себе это позволить.

Вид у него был совсем разнесчастный.

— Возможно, придется пойти. Может, даже обязательно поступлю. А может, брошу все к черту и эмигрирую. Говорят, сейчас тут выбор мест для эмиграции очень богатый.

— Вероятно, и я в конце концов эмигрирую. Если хотите знать мое мнение, тут стало, пожалуй, слишком тесновато. Я всерьез подумываю о том, как красив Бэбкок-бей.

Я говорил правду — частенько задумывался об этом в течение всей проведенной в карантине недели. Если принять Рио за образчик, то на Земле нет места, где можно было бы упасть со вкусом; мы ведь жили в округе Сантос — вроде бы далеко, а все равно он тоже считался частью Рио.

— Если вернемся в Бэбкок-бей, то там сойдем за старожилов.

— Что ж, может быть, и поеду. Да, пожалуй, надо уезжать!

Но вид у капитана был потерянный.

Наши курьеры-переводчицы получили инструкции развести нас всех по домам или куда укажут члены команды «Элси», но я свою отпустил, как только мне выдали билет домой. Она у меня была очень симпатичная, но мне жутко надоела. Обращалась со

мной, как с гибридом старичка, требующего защиты от уличного движения, ребенка-несмышленыша, которому все время нужно указывать, что ему делать. Правда, по большей части это были указания, в которых я вовсе не нуждался.

Как только я обзавелся одежкой, на которую не пялились на улицах, я тут же возжаждал самостоятельности. Переводчица за эту неделю чуть-чуть обучила меня «системному языку», так что я смог ориентироваться в простейших ситуациях и надеялся, что мои ошибки в произношении отнесут на счет какого-нибудь местного говора. Фактически же я обнаружил, что «системный язык», если на нем не залетать в горные выси, был просто старым межпланетным жаргоном с упрощенной грамматикой и множеством новых слов. Иначе говоря, все тот же английский, только его обкорнали и обстругали, чтоб получить торговый жаргон.

Так что я поблагодарил синьориту Гуэру, пожелал ей всего доброго и сунул свой билет сонному привратнику у турникета. Он сказал мне по-португальски, я в ответ глупо ухмыльнулся, поэтому он тут же сменил пластинку:

— Отсюдовато идитто прямоватто. Спроситься у коготто хотится.

Наконец-то я вышел на свой новый путь.

Случилось так, что на этом корабле все, видимо, знали, что я — Рип ван Винкль, и хостесса настаивала на том, чтобы помочь мне при пересадке в Уайт-Сандс. Все относились ко мне по-дружески, и никто надо мной не смеялся. Один парень захотел узнать о положении в колонии, созданной на Капелле Восьмой, и никак не мог взять в толк, почему это я там не бывал, раз все эти годы торчал в космосе. Я пытался объяснить, что Капелла находится совсем в другой стороне небосвода и более чем в сотне световых лет от тех мест, где был я, но добиться, чтоб он усвоил эту простую мысль, мне все же не удалось.

Теперь я стал лучше понимать, почему мы произвели так мало шума в средствах массовой информации. Планет для колонизации было навалом, и чуть ли не каждый день прибавлялись новые, так чего же им было восхищаться тем, что мы открыли шестьдесят лет назад? Или даже тем, что открыто несколько месяцев назад, ведь все это не шло ни в какое сравнение с тем, что откры-

то только вчера. Что же до звездных кораблей, то смотрите «Новости» — там сообщаются даты их отбытия на ближайшие дни.

Мы были всего лишь крошечным абзацем в истории освоения космоса и подстрочным примечанием в научных трудах; в «Новостях» нам места не было. Я решил, что примечание — тоже неплохая штука, и успокоился.

Чем волноваться о таких мелочах, уж лучше поразмышлять над проблемой повышения своего образовательного уровня, который, как я начал понимать, следовало поднять гораздо выше; изменений было куда больше, чем я мог представить. Взять для примера хотя бы женскую моду — слушайте, я ведь не пуританин, но женщины не одевались (если тут можно применить это слово) так, когда я был мальчишкой. Девушки носятся по улицам, не имея на голове ничего... ну, хотя бы на макушке... нет, головы у них совсем обнаженные, как у животных. Хорошо па не дожил до таких зрелищ — он никогда не разрешал моим сестрам садиться за стол с непокрытой головой, даже если мы с Патом были единственными холостыми мужчинами, присутствовавшими на обеде.

Или возьмите погоду. Я знал, что ФППИ работал над проблемой управления ею, но не ожидал, что он тут чего-нибудь добьется. Ну разве не скука, что дождю теперь разрешено идти только по ночам? Или возьмите грузовики. Конечно, от грузовика требуется одно — перевозить вещи отсюда и туда. Однако отсутствие колес придает им крайне неустойчивый вид.

Интересно, сколько времени понадобится для того, чтобы на Земле не осталось ни одного колеса?

Только что я пришел к выводу, что ко всему этому хочешь не хочешь, а придется привыкнуть, и тут же к моему креслу подошла хостесса и положила мне что-то на колени, а когда я поднял эту штуку, она со мной *заговорила*. Просто такой сувенир в память о путешествии.

Городской дом Пата по размерам раз в восемь превышал родительскую квартиру, где мы жили всемером; я решил, что ему, видно, удалось подкопить деньжонок. Роботворецкий взял у меня накидку и ботинки и провел меня к Пату.

Он не встал. Я даже не уверен, что он мог бы подняться с кресла. Я знал, что Пат стар, но не мог представить себе, что он

так дряхл. Ему было... постойте-ка... ему было восемьдесят девять! Да, верно — вскоре нам предстояло отмечать свое девяностолетие.

Я решил держаться как ни в чем не бывало.

— Привет, Пат.

— Привет, Том.— Он дотронулся до ручки кресла, и оно покатилось в моем направлении.— Не двигайся. Стой, где стоишь. Дай посмотреть на себя.— Он оглядел меня снизу вверх и сверху вниз, а потом удивленно произнес: — В уме я представлял-таки себе, что ты с годами мало переменился. Но *видеть*, да, видеть своими глазами, это совсем другое дело, а? Портрет Дориана Грея.

Голос у него был совсем старческий.

— А где все домашние? — спросил я, чувствуя себя не слишком уютно.

— Я велел девочкам немного обождать. Хочется сначала побыть с братом наедине. А если ты имеешь в виду Ганса и Грегори, то, без сомнения, увидишь их сегодня вечером за ужином. Ладно, забудем о них, братишка; давай-ка поговорим с тобой вдвоем. Вон ведь сколько времени прошло...

Я видел слезы в его вечно увлажненных старческих глазах. Мне стало совсем не по себе.

— Да, ты прав.

Он наклонился в мою сторону и крепко стиснул подлокотники кресла.

— Скажи мне только одно. Это было увлекательно?

Я и сам не раз думал об этом. Док Деверо... Мама О'Тул... бедная маленькая Пру, которой так и не удалось повзрослеть... дядя Стив... И тогда я постарался выбросить их из своей памяти и дал Пату тот ответ, которого он ждал.

— Да, увлекательно. Ужасно увлекательно.

Он вздохнул.

— Это хорошо. Я перестал сожалеть об этом уже много лет назад. Но если бы не было интересно, то какая это была бы бессмысленная растрата жизненных сил...

— Нет, было.

— Это то, что я и хотел от тебя услышать. Сейчас позову девочек. А завтра покажу тебе завод и представлю нашему персоналу.

Я, разумеется, не рассчитываю, что ты сразу же возьмешь дело в свои руки. Если хочешь, возьми длительный отпуск. Только не очень длительный, Том... мне ведь кажется, я начинаю стареть. Уже не могу загадывать далеко вперед, как делал раньше.

Внезапно я понял, что Пат уже спланировал за меня всю мою жизнь, точно так же, как делал это в былые времена.

— Подожди минуту, Пат. Я с удовольствием похожу с тобой по твоему заводу, такое внимание очень лестно. Но больше ни на что не рассчитывай. Сначала я поступлю в школу. Потом... ладно, потом и будет видно...

— Э? Не валяй дурака. И не смей называть это «моим» заводом. Он — «Братья Барлетт, инкорпорейтед». И всегда был таким. И ты за это дело несешь не меньшую ответственность, чем я.

— Успокойся, Пат. Я только...

— Тихо! — Его голос был слаб и тонок, но в нем еще звучали командные нотки.— Я не желаю слышать от вас всякую чушь, молодой человек!.. Уже однажды ты поступил по своей воле и достаточно долго проболтался на этом веселеньком пикнике. Заметь, я не желаю критиковать методы, которыми ты достиг своей цели. Это дела прошлые. Но теперь тебе предстоит закатать рукава и взять на себя ответственность за семейное предприятие.— Он умолк, дыша с трудом, а затем продолжал уже тише, обращаясь, казалось, только к себе самому.— У меня нет сына, у меня нет внуков, я несу этот груз в одиночку... но чтобы мой родной брат... мой единственный брат...

Его голос как бы истончился и смолк.

Я подошел ближе и дотронулся до его плеча, но тут же отдернул руку — ощущение было такое, будто взял пригоршню тонких щепочек. Однако я решил, что это дело следует обговорить раз и навсегда; я даже сказал себе, что так с моей стороны будет милосерднее.

— Выслушай меня, Пат. Я не хочу казаться неблагодарным, но скажу тебе напрямик. Я собираюсь жить так, как считаю нужным, жить своей собственной жизнью. Пойми меня правильно. Эта жизнь может включать в себя «Братьев Барлетт», а может и не включать. Вернее всего, последнее. И решать буду я. Больше ничьих приказов не потерплю.

Одним движением руки он отмел все мной сказанное.

— Ты сам не знаешь, чего хочешь; ты еще просто мальчишка. Не важно, мы поговорим об этом завтра. Сегодня день радости.

— Нет, Пат. Я не мальчишка. Я мужчина. И с этим тебе придется смириться. Пусть буду совершать ошибки, но больше не позволю собой командовать.— Он даже не посмотрел на меня. Я же стоял на своем.— Я говорю серьезно, Пат. Настолько серьезно, что, если ты не усвоишь сказанное и не станешь им руководствоваться, я уйду из дома немедленно. И навсегда.

Тогда он поднял глаза.

— Ты не посмеешь так поступить со мной.

— Посмею.

Он поискал что-то в моих глазах.

— Да. Похоже, ты способен на это. Ты же всегда был недобрым. Из-за тебя у меня было много неприятностей.

— Я и теперь зол... если тебе угодно так это называть.

— А!.. Но ты же не посмеешь так обойтись с девочками? С нашей малюткой Вики?

— Посмею, если ты снова будешь давить на меня.

С секунду он глядел мне прямо в глаза, потом его плечи опустились и он спрятал лицо в ладонях. Я решил, что он плачет, и почувствовал себя негодяем, издевающимся над беззащитным стариком. Я похлопал его по плечу, уже почти сожалея, что не потянул еще какое-то время, а, наоборот, форсировал события. Я вспомнил, как этот дряхлый старик рисковал своим здоровьем и своей психикой для того, чтобы пробиться ко мне во время нашего первого пика, и подумал: если он так жаждет этого, то мне стоит порадовать его. В конце-то концов, не так уж долго ему осталось жить.

Нет!

Не должен один человек навязывать другому свою волю ни силой, ни слабостью. Я — личность... и хочу снова лететь к звездам. Внезапно я понял, куда стремлюсь. О, может быть, сначала колледж... но в будущем непременно полечу к звездам. Я за многое благодарен этому старику, но все равно не позволю ему уродовать мою жизнь. Она моя.

Я взял его за руку.

— Извини, Пат.

Он ответил, не поднимая глаз.

— Ладно, Том. Как скажешь. Я все равно рад, что ты вернулся... хоть и на своих условиях.

Еще несколько минут мы болтали о пустяках, потом Пат велел роободворецкому принести мне кофе... Сам он пил молоко. Наконец Пат сказал:

— Сейчас вызову девочек.

Нажал какую-то кнопку на подлокотнике, там вспыхнула лампочка, и он что-то бормотнул.

В комнату вошла Молли, за ней Кэтлин. Я бы узнал каждую из них где угодно, хотя никогда не видел ни ту ни другую. Молли была женщиной, завершающей свой шестой десяток, но все еще красивой. Кэтлин же только что вступила в четвертый, но выглядела моложе... нет, не так!.. Ей можно было дать ее годы, но она носила их с королевским величием. Молли взяла обе мои руки, встала на цыпочки и поцеловала в губы.

— Мы так рады, что ты вернулся домой, Томми.

— Очень рады,— подхватила ее слова Кэтлин; сказанное ею эхом прозвучало прямо в моем мозгу. Кэтлин тоже поцеловала меня и добавила вслух: — Так вот каков мой престарелый и вечно юный прадядюшка! Том, ты заставляешь меня жалеть, что у меня нет такого сына. Да, не очень-то ты похож на дядю. И я, пожалуй, тебя так больше звать не стану.

— Ладно... да и я не ощущаю в себе никаких Дядюшкиных чувств. Разве что к Молли...

Молли сначала растерялась, а потом захихикала, как девочка.

— Ладно, дядя Том. Я буду помнить о твоих годах... и относиться к ним с уважением.

— А где Вики?

«Я тут, дядя Том... буду — мигнуть не успеешь!»

«Поторопись, малышка».

Кэтлин бросила на меня острый взгляд, но ничего не сказала — уверен, что она подслушала непроизвольно. Впрочем, она тут же ответила вслух:

— Вики спустится через минуту, Том. Надо же ей навести марафет. Ты ведь знаешь, каковы эти девчонки.

Вряд ли знаю, подумал я. Но как раз в это мгновение появилась Вики.

На ее лице не было веснушек, не было и скобок на зубах. И рот не так уж велик: он просто отлично подходил к ее лицу. И морковного цвета волосы, которые так беспокоили ее когда-то, сейчас казались пылающей короной.

Она не теряла времени на поцелуи; просто подошла ко мне, будто мы были совсем одни, взяла мои обе руки и поглядела вверх — в глаза.

«Дядя Том. Том».

«Веснушка».

Не знаю, сколько времени мы изображали из себя мраморные статуи. Наконец она сказала:

«После того как мы поженимся, не будет больше никакой болтовни насчет разделяющих нас световых лет. Понял? Я отправлюсь туда, куда отправишься ты — хоть к заливу Бэбкока, если ты захочешь туда. Но я отправлюсь с тобой».

«Чего? И когда это ты решила выскочить за меня замуж?»

«Ты, кажется, забыл, что я читала в твоем мозгу с тех пор, как была ребенком и делала это куда основательнее, чем ты мог вообразить. Я и сейчас занимаюсь тем же».

«Ну а как же Джордж?»

«Какой еще Джордж? Это был просто запасной вариант, когда я думала, что ты не вернешься до тех пор, пока я не стану совсем старухой. Забудь о Джордже».

«Идет».

Наше «ухаживание» длилось не больше двадцати секунд. Не отпуская моих рук, Вики сказала вслух:

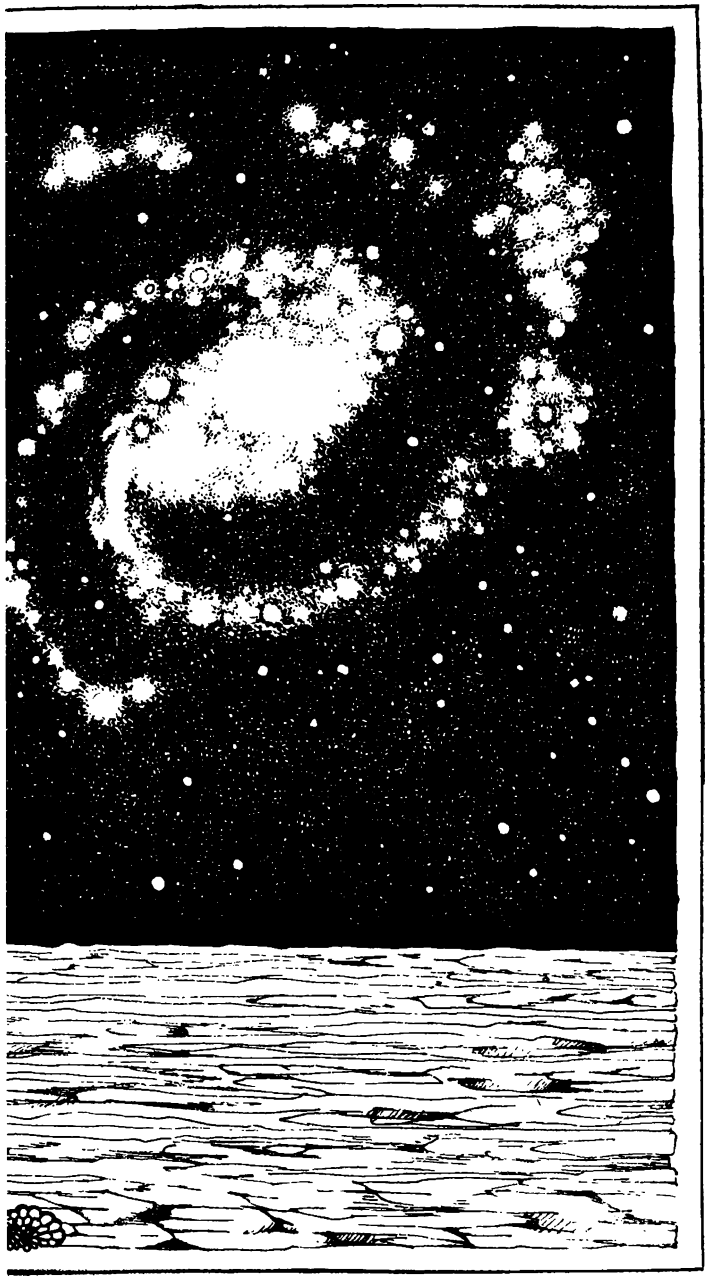
— Том и я идем в город и там поженимся. Мы хотели бы, чтобы и вы пошли с нами.

Так мы и сделали.

Я видел, что Пат внимательно вглядывается в мое лицо во время церемонии и вертит в мозгу мыслишки насчет того, как ее можно использовать в своих целях. Однако Пат явно не понимает нового расклада: если мной и будут командовать, то не ему достанется роль командира. Вики говорит, что она в два счета «раскрутит» меня «на всю катушку». Надеюсь, что нет, но что она постарается, это уж наверняка. Если так случится, я уверен, что сумею приспособиться к этому... ведь мне приходилось приспосабливаться к куда менее приятным вещам.

ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ

© А. Шаров, Р. Волошин, перевод

Фрицу Лейберу

Глава 1

— Номер девяносто семь,— объявил аукционист.— Мальчик.

У паренька кружилась голова, ощущение твердой почвы под ногами вызывало тошноту. Невольничий корабль проделал путь в сорок с лишним световых лет, неся в своих трюмах смрад, такой же как и на любом другом невольничьем корабле: затхлый дух сбившихся в кучу немытых тел, тяжкий запах страха, рвоты и неизбывной горечи. И все же на его борту мальчик что-то из себя представлял, он был признанным членом определенного сообщества, мог надеяться на ежедневное довольствие и кулаками отстаивать свое право без помех проглотить пайку. Даже имел друзей.

А теперь он снова никто и ничто. И его опять кому-то продадут. С платформы только что увели предыдущий номер: двух очень похожих друг на дружку светловолосых девушек, которых объявили двойняшками. Этих сбагрили быстро и за немалую цену. Аукционист с довольной ухмылкой повернулся и указал на мальчика.

— Номер девяносто семь. Подкиньте-ка его сюда.

Мальчишку пинками загнали на помост. Он стоял, весь сжавшись, бросая по сторонам быстрые дикие взгляды, рассматривая то, что не мог видеть из своего загона. Невольничий рынок расположен на той стороне знаменитой площади Свободы, что примыкает к космопорту, напротив холма, увенчанного еще более знаменитым зданием Президиума Саргона, капитолия Девяти Миров. Но мальчик не знал, что это за здание; он не ведал даже, на какую планету его занесло. Он просто глядел на толпу.

Ближе всех к помосту работорговцев сгрудились нищие, чтобы льстиво выклянчивать подаяние у каждого покупателя, забиравшего свое приобретение. За ними полукругом стояли скамьи для богатых и знати. По краям торчали рабы, носильщики, телохранители и шоферы этих сливок общества. Они бездельничали возле автомобилей хозяев или паланкинов и портшезов, принадлежавших тем хозяевам, что побогаче. Позади дам и господ собрались простолюдины — бездельники и зеваки, вольноотпущенники и карманники, разносчики прохладительных напитков, мелкий купчишка, не получивший почетного сидячего места, но всегда готовый ухватиться за случай по дешевке приобрести носильщика, писца, слесаря или даже служанку для своих жен.

— Номер девяносто семь,— повторил аукционист.— Чудесный здоровый парень. Может использоваться как паж или прислуга. Дамы и господа, представьте его в ливрее вашего дома. Взгляните на...

Его слова потонули в визге звездолета, совершавшего посадку на космодроме у него за спиной.

Старый нищий по прозвищу Калека Баслим изогнулся всем своим полуобнаженным телом и, прищурив единственный глаз, глянул за край помоста. По его мнению, мальчик мало чем походил на вышколенного домашнего слугу — скорее уж на грязного, изможденного, избитого и затравленного зверька. Сквозь грязную коросту на спине проступали белые шрамы, по которым нетрудно было понять, за кого держали мальчика его прежние хозяева.

Глаза и форма ушей парнишки навели Баслима на мысль, что он, возможно, чистокровный потомок землян. Но наверняка можно было сказать одно: это мальчик, он еще мал, перепуган, однако строптив по-прежнему.

Мальчик почувствовал пристальный взгляд нищего и с ненавистью посмотрел на него.

Визг звездолета стих, и разодетый щеголь, сидевший в первых рядах, небрежно взмахнул платком, привлекая к себе внимание аукциониста.

— Эй, ты, мошенник, довольно впустую транжирить наше время. Выстави-ка что-нибудь вроде предыдущего номера.

— О, благородный господин, мне полагается выкликать номера в соответствии с каталогом.

— Тогда пошевеливайся! Или оттащи эту худосочную скотину в сторону и покажи нам стоящий товар из загашника.

— Вы так добры ко мне, господин,— аукционист возвысил голос, чтобы слышало больше народу.— Меня просят оживить торги, и я уверен, что мой благородный работодатель не станет возражать. Буду откровенен: этот славный парнишка молод. Его новый владелец должен будет его всему учить. Поэтому...— мальчик слушал вполуха. Он почти не знал местного языка, и все, о чем тут говорилось, было для него пустым звуком. Он оглядел дам под вуалями и разряженных господ, гадая, с кем ему придется иметь дело.— Поэтому,— продолжал аукционист,— дабы обернуться побыстрее, назначается весьма низкая начальная цена. Дешевле не бывает! Что я слышу? Двадцать стелларов?

Тишина становилась напряженной. Холеная расфуфыренная дамочка под кружевной вуалью склонилась к щеголю и что-то зашептала ему на ухо, потом захихикала. Щеголь нахмурился, вытащил кинжал и сделал вид, будто чистит ногти.

— Я ведь сказал, чтобы с этим кончали побыстрее,— буркнул он. Аукционист вздохнул.

— Господа, прошу вас помнить, что я несу ответственность перед своим руководством. Но я, так и быть, снижу начальную цену. Десять стелларов. Да, я сказал «десять»! Это уже просто фантастика! — Аукционист скорчил удивленную мину.— Уж не оглох ли я? Может быть, кто-то поднял палец, а я просто не вижу? Прошу внимания. Вот здесь перед вами стоит молодой крепкий парень с душой, подобной чистому листу бумаги. И лист этот вы можете использовать по своему усмотрению. За невероятно низкую цену. Вы можете приобрести его и сделать с мальчиком все, что пожелаете.

— Или скормить его рыбам!

— Или скормить его... О, вы так остроумны, благородный господин!

— Это начинает надоедать. Ты что, думаешь, этот замухрышка чего-нибудь стоит? Может, он твой сын?

Аукционист выдавил улыбку.

— Будь так, я гордился бы им. Жаль, что мне запрещено разглашать происхождение этого парня!

— Значит, попросту говоря, оно тебе неведомо.

— Хоть я и обязан держать рот на замке, однако не премину указать на форму его черепа, на четко очерченные линии ушей,— тут аукционист схватил мальчика за ухо, тот извернулся и укусил его за руку. Толпа заржала. Аукционист отдернул руку.

— Экий живчик! Ну, да плетка и не таких лечила. Прекрасная порода. Вы только взгляните на его уши! Можно сказать, лучшие в Галактике.

Аукционист упустил из виду один важный момент: молодой щеголь был уроженцем Синдона IV. Щеголь снял свой шлем, явив на свет типично синдонианские уши — длинные, заостренные и волосатые. Синдонианин подался вперед, уши его стали торчком.

— Кто твой благородный покровитель?

Старый Баслим тотчас же отодвинулся подальше, готовый чуть что улизнуть. Мальчик напрягся и заозирался по сторонам, почувствовав непонятное беспокойство. Аукционист побледнел: никто не смел в открытую потешаться над синдонианином... более одного раза.

— О мой господин,— выдавил он.— Вы не так меня поняли...

— А ну повтори, что ты там вякнул про уши и лучшую породу!

Неподалеку показался полицейский, но он еще не подошел близко. Аукционист облизнул губы.

— Помилуйте, досточтимый господин, у меня дети. Я сказал лишь то, что говорят все. Это не мое личное мнение. Я только хочу побыстрее сбыть этот товар... вы же сами настаивали...

В тишине прозвучал женский голосок:

— Ой, да брось ты его, Дварол. Не его вина, что у этого раба такие уши. Ему бы продать товар — вот и все заботы.

— Вот и пусть продает! — сопя, ответил синдонианин.

Аукционист перевел дух.

— Да, мой господин,— он собрался с силами и продолжал: — Прошу простить меня, мои дамы и господа, за то, что трачу время на этот злосчастный номер. Прошу вас, назначьте хоть какую-нибудь цену!

Он подождал, затем нервно проговорил:

— Не слышу никаких предложений. Цену никто не назначает. Цена не назначена — раз... Если вы ничего не предложите, я буду обязан вернуть этот номер в запасник и прервать торги для консультации с моим руководством. Цена не назначена — два... У меня еще столько отличного товара. Какая жалость, если не удастся его показать. Цена не назначена — три...

— Вон твоя заявка! — рявкнул синдонианин.

Нищий старик поднял два пальца. Аукционист в изумлении уставился на него.

— Ты назначаешь цену?!

— Да,— проскрипел старик,— если господа и дамы позволят.

Аукционист обвел взглядом сидящую полукругом публику. Кто-то из толпы крикнул:

— Почему бы и нет? Деньги есть деньги!

Синдонианин кивнул, аукционист быстро спросил:

— Ты предлагаешь за этого мальчишку два стеллара?

— Нет, нет! — завопил Баслим.— Два минима!

Аукционист замахнулся было на старика, но тот с ловкостью увернулся.

— Поди прочь! — рявкнул аукционист.— Я тебе покажу, как глумиться над господами!

— Эй, аукционист!

— Да, господин? Слушаю, мой господин?

— Сам ведь говорил: «назначьте хоть какую-нибудь цену»,— сказал синдонианин.— Сплавь ему мальчишку!

— Но...

— Ты меня слышал?

— О, господин, я не могу продать за первую же назначенную цену. В законе ясно сказано: одна заявка — не аукцион. Даже две, если аукционист не установил минимума. Без начальной цены я не смогу продать его, не услышав по крайней мере три предложения. Благородный господин, этот закон принят для защиты интересов владельца, а не ради меня, несчастного!

— Да, есть такой закон! — выкрикнул кто-то.

Синдонианин нахмурился.

— Тогда объяви цену.

— Как будет угодно милостивым господам и дамам,— аукционист обратился к толпе: — Я слышал, что за номер девяносто семь предлагают два минима. Кто даст четыре?

— Четыре,— отозвался синдонианин.

— Пять! — раздалось из толпы.

Синдонианин поманил к себе нищего. Баслим подполз на руках и одном колене, волоча обрубок второй ноги. Ему мешал горшок для подаяний.

— Пять минимов — раз! — запел аукционист.— Пять минимов — два...

— Шесть! — бросил синдонианин и, заглянув в горшок нищего, достал кошелек. Он швырнул калеке горсть мелочи.

— Я слышал — шесть минимов! Услышу ли я — семь?

— Семь! — проскрипел Баслим.

— Семь минимов! Эй, господин с поднятым пальцем, вы предлагаете восемь?

— Девять! — перебил нищий.

Аукционист поморщился, но заявку принял. Цена подползала к стеллару, шутка становилась дороговата для большинства присутствующих. Дамам и господам не хотелось ни портить шутку синдонианина, ни приобретать такого никчемного раба.

— Девять минимов — раз...— забормотал аукционист.— Девять минимов — два... девять минимов — три... Продано за девять минимов!

Он столкнул мальчишку с помоста, и тот угодил прямо на руки старику.

— Забирай и проваливай!

— Полегче, ты! — осадил его синдонианин.— Выписывай чек.

Едва сдерживаясь, аукционист проставил имя нового владельца и цену на заранее заготовленном для номера девяносто семь бланке. Баслим уплатил девять минимов и воспользовался щедростью синдонианина, чтобы выплатить регистрационный тариф, оказавшийся выше продажной цены мальчика. Паренек тихо стоял рядом. Он понял, что опять продан и что новый его хозяин — вот этот самый старик. Впрочем, это не имело для него большого значения: он не хотел бы принадлежать никому. Пока шло оформление покупки, мальчишка внезапно бросился наутек.

Старый нищий, который вроде бы и не смотрел в его сторону, выбросил длинную руку и, ухватив парня за ногу, вернул на место. Мальчик почувствовал, как костлявая ладонь стискивает его предплечье, и сник, покорившись неизбежному. Ладно, в другой раз! Надо только набраться терпения: рано или поздно, случай обязательно подвернется.

Обретя опору, калека преисполнился чувством собственного достоинства.

— Мой господин! — просипел он.— Я и мой слуга благодарим вас.

— Пустое, пустое. Ступай,— синдонианин взмахнул платком.

От площади Свободы до Баслимовой норы было не больше полумили, но шли они долго. Баслим неуклюже скакал, используя мальчишку как опору, а этот способ передвижения был даже медленнее, чем обычный, когда нищий полз на руках и одном колене. Кроме того, он часто останавливался, чтобы заняться привычным делом, и заставлял мальчика совать горшочек для подаяний под нос каждому встречному и поперечному.

Все это он проделывал молча. Баслим уже пытался объясниться с мальчиком на интерлингве, космическом голландском, саргонезском наречии, на полудюжине всяких жаргонов — воровском, местном, блатном, на языке рабов и торговцев, даже на английском Системы. Все без толку, хотя пару раз Баслиму показалось, что парнишка его понимает. В конце концов нищий оставил эту затею и стал выражать свои пожелания при помощи жестов и оплеух. Пусть пока мы не можем найти общего языка, думал Баслим. Не беда, научим парня и словесному обращению. Всему свое время. Баслим никогда не спешил. Он вообще отличался неторопливостью.

Жилище Баслима располагалось под старым амфитеатром. Когда Саргон Август повелел воздвигнуть другой, более внушительный по размерам цирк, старый снесли не весь. Работы приостановили из-за второй Сетанской войны, и с тех пор все так и осталось. Баслим повел мальчика в эти развалины. Идти здесь было тяжело, и временами Баслиму приходилось пробираться ползком, но хватка его не ослабевала ни на миг. Однажды, правда, в руке нищего оказалась только расползающаяся набедренная повязка, и мальчишка едва не вывернулся из своего рубища, но нищий успел схватить его за запястье. После этого они пошли еще медленнее.

Старик и мальчик спустились в темный лаз в конце обрушившейся галереи, причем нищий заставил своего раба идти первым. Потом они поползли по битой черепице и грудам булыжника, пока не очутились в другом коридоре, где было темно как ночью, но сравнительно чисто. Ниже, еще ниже, опять вниз — и вот они уже в чреве старого амфитеатра, прямо под бывшей ареной.

Впотьмах Баслим и мальчик добрались до какой-то аккуратной двери. Баслим открыл ее, втолкнул мальчишку внутрь, вошел сам и запер дверь за собой, прижав большой палец к замку-определителю. Потом он коснулся выключателя. Вспыхнул свет.

— Ну вот мы и дома, парень.

Мальчик изумленно огляделся. Он уже давно отвык интересоваться окружающим, но теперь, оказавшись внутри, увидел совсем не то, что ожидал увидеть. Он стоял в просто обставленной комнате, чистой и уютной. Потолочные панели излучали приятный рассеянный свет. Мебели было немного, но вся она стояла на своих местах. Мальчишка с трепетом озирался по сторонам. Как ни убого выглядела эта комната, она была лучше любой из тех, в которых он живал прежде.

Старик отпустил плечо мальчика и проковылял к шкафу. Поставив туда свой горшок, он извлек на свет нечто непонятное. Потом нищий стянул с себя рубище, повозился с ремнями, и тут мальчик понял, что это — протез, искусственная нога, причем сделана она была так здорово, что ничем не уступала настоящей, из плоти и крови.

Нищий поднялся, взял с полки брюки и натянул их. Теперь он вовсе не был похож на калеку.

— Поди сюда,— сказал он на интерлингве.

Мальчик не шелохнулся. Баслим повторил то же самое на других языках, потом пожал плечами, взял мальчика за руку и повел в соседнюю комнатушку. Это была маленькая кухня, совмещенная с ванной. Баслим наполнил водой ушат, вручил пареньку обмылок и сказал:

— Мойся,— и жестами объяснил, чего хочет.

Мальчик стоял истуканом, немой, как пень. Старик вздохнул, взял здоровенную щетку и сделал вид, будто скребет кожу мальчика. Когда жесткая щетина коснулась ее, старик остановил руку и повторил:

— Мойся. Купайся,— он произнес это на интерлингве и английском Системы.

Мальчик поколебался, снял свои отрепья и начал медленно намыливаться.

— Так-то лучше,— сказал Баслим. Он поднял ветхую одежду, бросил в мусорный бачок, достал полотенце. Потом повернулся к своей кухонной утвари и занялся стряпней.

Через несколько минут он оглянулся. Мальчишки не было. Старик поспешно вошел в комнату и увидел, что тот, голый и мокрый, изо всех сил тянет дверь. Заметив Баслима, мальчик удвоил усилия, но все было тщетно. Старик похлопал его по плечу и махнул рукой в сторону маленькой комнаты.

— Ступай домываться.

Он отвернулся.

Когда мальчик вымылся и вытерся, Баслим поставил на плиту котелок с тушенкой и, открыв шкафчик, достал из него склянку и клок ваты из растительных волокон. Вымытая кожа мальчика явила миру богатое собрание шрамов, царапин, незаживающих синяков и ссадин, как старых, так и совсем свежих.

— Стой тихо.

Мазь щипала, и мальчик принялся ерзать.

— Стой тихо,— ласково, но твердо повторил Баслим и похлопал ребенка по руке. Тот расслабился, только вздрагивал каждый раз, когда лекарство попадало на кожу. Старик тщательно осмотрел застарелую язву на колене мальчика, опять неторопливо приблизился к шкафчику, вернулся и всадил парню шприц пониже спины, предварительно растолковав языком жестов, что оторвет ему голову, если тот только попробует дернуться. Потом он отыскал какую-то старую тряпку, жестами предложил мальчику обернуть ее вокруг себя и опять занялся стряпней.

Покончив с этим, он подвинул свой стул и стол таким образом, чтобы мальчик мог есть, сидя на сундуке, и водрузил на стол большие миски с похлебкой. К похлебке вскоре добавились горсть зеленой чечевицы и пара увесистых ломтей деревенского хлеба, черного и плотного.

— Суп готов, парень. Иди-ка поешь.

Мальчик опустился на краешек сундука, но есть не стал, готовый в любое мгновение сорваться и улизнуть. Баслим перестал жевать.

— В чем дело?

Он заметил, как мальчишка метнул быстрый взгляд на дверь и потупился.

— Ах, это,— старик поднялся, и опираясь на свой протез, прошагал к двери и прижал большой палец к замку.

— Дверь открыта,— объявил он.— Ешь свою похлебку или уходи.

Он повторил это на нескольких языках и с удовлетворением отметил, что добился понимания именно тогда, когда обратился к мальчику на том языке, который считал его родным.

Однако Баслим не стал утруждать себя проверкой, а вернулся к столу, осторожно уселся на свой стул и взял ложку. Мальчик потянулся за своей, а потом внезапно сорвался с места и выскочил за дверь. Баслим продолжал есть. Дверь оставалась приоткрытой, и свет из нее лился в темный коридор.

Завершив свой обед, Баслим вдруг почувствовал, что мальчишка смотрит на него из темноты. Не оборачиваясь, старик произнес на том языке, который, как он считал, мог быть понятен мальчику:

— Может, вернешься и поешь, или мне выбросить твою еду?

Мальчик не отвечал.

— Ну что ж,— пробормотал Баслим.— Если ты не хочешь входить, я закрываю дверь. Оставлять ее нараспашку при включенном свете — слишком большой риск,— он неторопливо поднялся, подошел к двери и начал потихоньку ее затворять.

— Последний раз зову,— объявил он.— Дверь закрывается на всю ночь.

И когда дверь уже почти захлопнулась, мальчик крикнул:

— Подожди!

На том самом наречии, которое и ожидал услышать старик.

Парнишка стремглав юркнул в дом.

— Добро пожаловать,— невозмутимо произнес Баслим.— Я не стану запирать дверь на замок — на тот случай, если ты передумаешь,— он вздохнул.— Будь моя воля, вообще никто не сидел бы взаперти.

Мальчик не ответил. Он сел, склонился над миской и набросился на еду с такой жадностью, будто боялся, что она вдруг исчезнет. Он бросал по сторонам быстрые взгляды, а Баслим сидел и наблюдал за ним.

Вскоре мальчишка стал есть медленнее, но все еще продолжал жевать и глотать, пока не исчезла последняя капля похлебки, последний стручок чечевицы и крошка хлеба. Остатки паренек поглощал через силу, но все же справился с ними, заглянул в глаза Баслима и застенчиво улыбнулся. На улыбку старик ответил улыбкой.

Внезапно лицо мальчика исказилось, стало белым с каким-то зеленоватым отливом; из уголка рта потекла струйка слюны, и мальчишку вырвало.

Баслим проворно отодвинулся, спасаясь от этого извержения.

— Звезды небесные, какой же я дурак! — вскричал он на своем родном языке.

Он вернулся с ведром и тряпкой, отер лицо мальчика и наклонил его над ведром, потом вытер каменный пол.

Немного погодя он принес ребенку гораздо более скромную снедь — бульон и краюху хлеба.

— Макай хлеб и ешь.

— Да ну его!

— Ешь. Больше этого не будет. По тому как у тебя живот к спине прирос, мне бы, дураку, догадаться, что тебе не следует давать сразу много. Ешь, только помедленнее.

Мальчик поднял глаза, его подбородок затрясся. Он проглотил немножко бульона. Баслим смотрел на ребенка, пока тот не одолел весь суп и почти весь хлеб.

— Вот и хорошо,— сказал наконец старик.— Ну, парень, пожалуй, пора и на боковую. Кстати, тебя как зовут?

Мальчик поколебался.

— Торби...

— Торби. Хорошее имя. Можешь звать меня папой. Спокойной ночи.

Он отстегнул протез, доскакал до шкафа и спрятал его, потом добрался до своей постели. Ложе было нехитрое — просто тюфяк в углу. Старик отодвинулся подальше к стене, чтобы освободить место для мальчика, и сказал:

— Будешь ложиться — погаси свет.

С этими словами он закрыл глаза и стал ждать.

Довольно долго не доносилось ни звука. Потом Баслим услышал, как мальчик идет к двери. Свет погас. Старик ждал, откроет

он дверь или нет. Нет. Он почувствовал, как мальчик залез на тюфяк.

— Спокойной ночи,— повторил Баслим.

— Спокойной...

Старик уже почти дремал, когда вдруг почувствовал, что мальчишку всего трясет. Нащупав его тело ладонью, Баслим погладил обтянутые кожей ребра, и тут мальчик разрыдался. Тогда старик повернулся, устроив поудобнее искалеченную ногу, обнял трясущиеся плечи мальчугана и притянул его лицо к своей груди.

— Все хорошо, Торби,— ласково проговорил он.— Все в порядке. Все кончилось. Это никогда больше не повторится.

Мальчик всхлипнул и плотно прижался к старику. Баслим успокаивал его, бормоча что-то ласковое, пока не унялась судорожная дрожь. Но и потом он долго не отпускал его от себя — до тех пор, пока Торби не уснул.

Глава 2

Раны Торби затягивались: телесные — побыстрее, душевные, как водится, медленнее. Старик-нищий раздобыл где-то еще тюфяк и положил его в другой угол, но все равно, просыпаясь по ночам, порой обнаруживал рядом с собой маленькое теплое тело. Тогда он понимал, что мальчику снова приснился кошмарный сон. Баслим спал очень чутко и не любил делить с кем-либо свое ложе, но когда такое случалось, он не гнал Торби обратно на его тюфяк.

Иногда мальчик принимался громко кричать во сне. Однажды Баслим пробудился оттого, что Торби скулил:

— Мама... мама...

Не зажигая света, старик проворно подполз к его лежанке и склонился над мальчуганом.

— Ну-ну, сынок, все в порядке.

— Папа?

— Спи, сынок, а то маму разбудишь. Я побуду с тобой,— добавил Баслим.— Тебе нечего бояться. Успокойся. Нельзя же будить маму, правда?

— Ладно, пап...

Затаив дыхание, старик сидел рядом и ждал. В конце концов он сам затрясся от холода и у него разболелась култышка. Убедившись, что мальчик спит, Баслим пополз на свое ложе.

Этот случай навел старика на мысль о гипнозе. Давным-давно, когда у Баслима еще были оба глаза и две ноги и не надо было нищенствовать, он изучал это искусство. Но гипноз ему не нравился, даже если применялся в лечебных целях: Баслим почти фанатично верил в неприкосновенность личности, а гипнотическое внушение противоречило его принципам.

Но сейчас был случай особый. Старик мог поклясться, что Торби разлучили с родителями в таком возрасте, когда у него еще не было осознанных воспоминаний. Все, что мальчик видел в своей жизни, сводилось к бесконечной череде все новых и новых хозяев, один другого хуже, каждый из которых на свой лад стремился сломить дух «негодного мальчишки». Торби сохранил яркие воспоминания о некоторых из этих хозяев и описывал их на грубом своем языке — красочно и беспощадно. Однако он не имел представления, где и когда с ним все это происходило. «Место» для него было равнозначно «поместью», «имению» или «рабочему бараку», но не определенной планете или звезде (познания мальчика в астрономии были большей частью неверными, а о галактографии он и вовсе понятия не имел); что до времени, то тут для него существовало только «до» и «после», «долго» и «коротко».

Поскольку на каждой планете — свои сутки, свой год и свое летоисчисление, ученые пользовались стандартной секундой, длина которой вычислялась по радиоактивному распаду; стандартным считался год планеты — колыбели человечества, и единой датой отсчета — день, когда человек впервые добрался до спутника этой планеты, Сол III. Неграмотный мальчишка просто не мог пользоваться такой датировкой. Земля была для Торби мифом, а день — промежутком времени между пробуждением и отходом ко сну.

Возраст парня Баслим определить не мог, даже приблизительно. На вид Торби был чистокровным землянином и вроде бы еще не достиг своего отрочества, однако любые догадки на этот счет были не более чем домыслами. Вандорианцы и итало-глифы выглядят, как земляне, но вандорианцы взрослеют втрое медленнее. Баслим вспомнил анекдот о дочке консула, которая пережила

двух мужей, причем второй из них был правнуком первого. Мутации иногда совсем не проявляются внешне.

Не исключено, что мальчишка «старше» самого Баслима — в стандартных секундах. Ведь космос велик, и человечество неоднозначно приспособилось к разным условиям. Но это неважно: Торби еще так мал и так нуждается в его помощи.

Гипноза он не испугался: это слово было для него пустым звуком, а давать объяснения Баслим не стал. Однажды после ужина старик просто сказал:

— Торби, я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня.

— Разумеется, пап. А что?

— Ложись к себе на тюфяк, потом я тебя усыплю, и мы поговорим.

— Хе, ты хочешь сказать, что мы сделаем наоборот?

— Нет, это не простой сон. Ты сможешь и спать, и одновременно говорить.

Торби не поверил, но согласился. Старик выключил панели, дававшие свет, и запалил свечу. Попросив мальчика сосредоточиться на язычке пламени, он принялся монотонно бубнить старинные формулы: успокоение... расслабление... дремота... сон...

— Торби, ты спишь, но слышишь меня и можешь отвечать.

— Ага, пап...

— Ты будешь спать до тех пор, пока я не велю тебе проснуться. Но ты сможешь отвечать на любой мой вопрос.

— Ага, пап...

— Ты помнишь, как назывался звездолет, на котором тебя привезли сюда?

— «Веселая вдова». Только мы называли его совсем не так.

— Ты видишь, как попал на этот корабль. Вот ты на борту. Ты все видишь. Ты все помнишь. Теперь возвратись туда, где ты был до того, как очутился на корабле.

Спящий мальчик съежился и напрягся.

— Не хочу!

— Ничего, я с тобой, тебе нечего бояться. Ну-с, как называлось то место? Вернись туда, оглядись.

Полтора часа просидел Баслим над спящим ребенком. Пот струился по его морщинистому лицу. Старик чувствовал себя

опустошенным. Чтобы вернуть мальчика в ту пору, которая его интересовала, надо было пройти через испытания, вызывавшие отвращение даже у Баслима, уж на что закаленного и многое повидавшего на своем веку человека. Поэтому мальчик вновь и вновь сопротивлялся воспоминаниям, и старик не мог его в том винить. И все же теперь у Баслима было ощущение, что он наперечет знает все рубцы на спине Торби и может назвать имя негодяя, оставившего каждый из них.

Так или иначе, он добился своего, он заглянул в прошлое дальше, чем позволяла память мальчика в состоянии бодрствования, заглянул в его раннее детство, когда Торби, совсем еще младенца, вырвали из родительских рук.

Оставив мальчика в изнеможении лежащим на тюфяке, Баслим попытался совладать с полным разбродом в мыслях. Последние минуты разговора дались Торби с таким трудом, что старик усомнился: а стоило ли вообще докапываться до корня зла?

Ну что ж, поразмыслим... Что именно он выяснил?

Мальчик рожден свободным. Но ведь Баслим и так был в этом убежден. Родной язык Торби — английский Системы, но парень говорит на нем с акцентом, которого Баслим не может распознать из-за особенностей детской артикуляции. Стало быть, мальчик родился в пределах Земной Гегемонии, а может быть (хотя и маловероятно), даже на самой Земле. Это был своего рода сюрприз: прежде Баслиму казалось, что родной язык мальчика — интерлингва, ведь он владел ею лучше, чем тремя другими знакомыми ему языками.

Что еще? Родители мальчика, конечно же, мертвы, если можно полагаться на его искалеченную и подавленную память, на обрывки воспоминаний, извлеченные Баслимом из глубин его мозга. Фамилий или каких-то примет родителей старик так и не узнал. Они были просто «папой» и «мамой», так что в конце концов старик оставил надежду разыскать семью мальчика.

Теперь, чтобы это жестокое испытание оказалось не напрасным, надо сделать вот что.

— Торби?

Мальчик со стоном заворочался.

— Чего, пап?

— Ты спишь. Ты проснешься только тогда, когда я тебе велю.

— Я проснусь... когда ты велишь...

— Как только я скажу, ты проснешься. Тебе будет хорошо, ты забудешь все, о чем мы с тобой говорили.

— Ага, пап...

— Ты все забудешь, тебе будет хорошо, а через полчаса ты снова захочешь спать. Тогда я велю тебе лечь в постель, ты ляжешь и сразу уснешь. Всю ночь ты будешь крепко спать и видеть хорошие сны. А плохие тебе больше никогда не приснятся. Повтори это.

— У меня больше не будет плохих снов...

— Ты никогда не увидишь кошмаров. Никогда.

— Никогда...

— Папа и мама не хотят, чтобы ты видел плохие сны. Они счастливы и тебе тоже желают счастья. И если приснятся тебе, то лишь в добрых снах.

— В добрых снах...

— Все хорошо, Торби. Ты начинаешь просыпаться. Ты просыпаешься и не можешь вспомнить, о чем мы говорили. Но ты никогда больше не увидишь дурных снов. Проснись, Торби.

Мальчик сел, протер глаза, зевнул и улыбнулся.

— Ой, я же совсем заснул. Вот сыграл с тобой шутку! Что, не получилось, пап?

— Все в порядке, Торби.

Не один сеанс понадобился, чтобы усмирить призраков, но со временем кошмары отступили и прекратились вовсе. Однако Баслим не был искусным гипнотизером и не мог стереть дурных воспоминаний, в глубине они все равно оставались. Ему удалось лишь внушить Торби, что воспоминания эти не будут омрачать его жизнь. Впрочем, даже будь Баслим более сведущ в гипнозе, он все равно не стал бы избавлять мальчика от воспоминаний: по его твердому убеждению, житейский опыт человека — всецело его достояние, и нельзя без разрешения вырывать из памяти ничего, даже самого печального.

Ночи Торби наполнились покоем, зато дни — суетой. Поначалу Баслим все время держал мальчика при себе. Позавтракав, они обычно брели на площадь Свободы. Старик устраивался на мостовой, а Торби с голодным видом сидел или стоял рядом, держа в

руках горшок для милостыни. Место они всегда выбирали такое, где было побольше пешеходов, но при этом старались не очень мозолить глаза полиции. Мало-помалу Торби открыл, что полицейские, патрулирующие площадь, в большинстве своем способны только рычать. К тому же полиции недоплачивали, и Баслим заключил с патрульными весьма выгодное для них соглашение.

Вскоре Торби полностью освоил древнее ремесло. Он узнал, что господин, сопровождающий даму, всегда щедр, если обратиться за подаянием к его спутнице; что просить милостыню у женщины, шествующей в одиночестве,— бессмысленное занятие, разве что она идет без вуали; обращаясь к одинокому мужчине, можно с равной вероятностью получить и пинок, и монету, а вот уж кто щедр так щедр — так это совершившие посадку звездолетчики. Баслим научил мальчика всегда держать в горшочке немного денег — не крупных, но и не слишком мелких.

Поначалу тщедушный, полуголодный, покрытый струпьями Торби как нельзя лучше подходил для этой работы. Одной его наружности оказывалось вполне достаточно. Увы, вскоре он стал выглядеть куда лучше. Баслим пытался накладывать грим, обводить глаза мальчика широкими черными кругами, делать ему впалые щеки. Маленькая пластиковая нашлепка на подбородке выглядела совсем как настоящая язва, омерзительная на вид, и прикрывала давно зажившую рану. Она была смазана подслащенной водой и поэтому привлекала мух, так что податели милостыни, бросая в горшок деньги, сразу отводили глаза.

Скрывать сытое тело тоже было непросто, но за год, за два он сильно подрос и поэтому оставался по-прежнему худосочным, несмотря на хороший завтрак, добрый ужин и сладкий сон.

Получил Торби и бесценное образование уличного мальчишки. Джаббулпорт, столица Джаббула и Девяти Миров, главная резиденция Великого Саргона, славился тем, что давал приют трем с лишним тысячам нищих, имеющим соответствующие лицензии. Вдвое больше тут было уличных торговцев. Число питейных заведений превышало количество церквей, которых в Джаббулпорте насчитывалось больше, чем в любом другом городе Девяти Миров. По улицам слонялось бесчисленное множество карманников, татуировщиков, продавцов наркотиков, воров и

подпольных менял, гадалок, наемных убийц и мошенников. Граждане похвалялись тем, что на протяжении одного ли от пилона, которым оканчивался проспект Девятки со стороны космопорта, человек с деньгами мог купить все, что только существует в космосе, будь то космический корабль или десять гран звездной пыли. Тут можно было приобрести и скандальную славу, и сенаторскую тогу с сенатором в придачу.

Формально Торби не имел отношения к преступному миру: у него было вполне легальное место на общественной лестнице (раб) и узаконенная профессия (нищий). На деле же он вращался в уголовной среде, наблюдая ее изнутри. И более низкой ступени, чем та, на которой он стоял, не было.

Будучи рабом, Торби научился лгать и воровать так же естественно, как другие дети учатся вести себя в обществе, но при этом гораздо быстрее. Однако он убедился в том, что подобными талантами наделены многие обитатели городских задворок. Такие дарования расцветали тут буйным цветом, достигая высших уровней искусства. По мере того как Торби взрослел, осваивал язык и лучше узнавал улицу, Баслим начал отпускать его из дому одного — то с каким-нибудь поручением, то в лавку за провизией, а то и на промысел. Сам старик при этом оставался дома. В итоге Торби «попал в дурную компанию» и «опустился», если, конечно, можно опуститься ниже самых низов.

Однажды он вернулся домой с пустым горшком. Баслим не сказал Торби ни слова, но тот сам пустился в объяснения:

— Слышь, пап, я здорово поработал!

Он достал из набедренной повязки красивый шейный платок и с гордостью его развернул.

Но Баслим не улыбнулся и даже не прикоснулся к платку.

— Где ты это взял?

— Позаимствовал.

— Это ясно. У кого?

— У дамы. У красивой такой, нарядной.

— Дай-ка взглянуть на метку. М-да... похоже, это леди Фасция. Да, наверно, очень мила. Однако почему ты не в тюрьме?

— Ой, пап, ну с чего вдруг? Это было так легко. Меня Зигги научил, он все эти штучки знает, он ловкий! Видел бы ты его в деле!

Баслим задумался. Можно ли привить понятие о нравственности выброшенному на улицу котенку? Старик решил не пускаться в абстрактные этические словоизлияния, чтобы объяснить мальчику что к чему. Ни в прошлом Торби, ни в его нынешнем окружении никто не мог научить его мыслить на таком уровне.

— Торби, ты хочешь сменить профессию? Почему? Нищенствуя, ты платишь положенную дань полицейским, взносы в гильдию, делаешь подношения в храме в дни праздников и живешь себе без забот. Разве мы когда-нибудь ходили голодными?

— Нет, пап, но ты взгляни на него! Небось, на стеллар потянет!

— По моей оценке — не меньше двух. Но скупщик краденого даст тебе за него два минима, да и то если расщедрится. В горшке ты принес бы больше.

— Ну... я еще научусь как следует... Это куда интереснее, чем нищенствовать. Ты бы посмотрел, как работает Зигги!

— Я видел. Он и впрямь мастер.

— Самый лучший!

— И все-таки, по-моему, он работал бы еще лучше, будь у него две руки.

— Ну, может, и так, хотя в деле хватает и одной. Но он учит меня работать и левой, и правой.

— Это хорошо. Вероятно, тебе небесполезно будет узнать, что может настать день, когда и ты недосчитаешься одной руки, как это произошло с Зигги. Ты знаешь, как он потерял руку?

— Ну?

— Тебе известно, какое полагается наказание, если тебя поймают?

Торби не ответил, и Баслим продолжал:

— Попадаешься в первый раз — теряешь руку. Вот какой ценой Зигги постиг премудрости своего занятия. Да, он хорош, потому что до сих пор живой и в деле. Но знаешь ли ты, как наказывают, если попадаешься второй раз? Нет, другую руку тебе уже не оттяпают. Так как, знаешь?

Торби проглотил слюну.

— Ну, точно не...

— Думаю, ты об этом слышал, только вспоминать не хочешь,— Баслим чиркнул большим пальцем по горлу.— Вот что ждет Зигги

в следующий раз. Его укоротят. Судьи Его Светлости полагают, что если парень не усвоил первый урок, он не усвоит и второй. И его просто укорачивают.

— Но я не попадусь, пап! Я буду жуть какой осторожный... как сегодня. Даю слово!

Баслим вздохнул. Да, этот ребенок верит, что уж с ним-то ничего подобного не случится.

— Торби, принеси-ка мне купчую на.тебя.

— Зачем, пап?

— Принеси, принеси...

Мальчик притащил купчую, и Баслим перечитал ее: «Один ребенок мужского пола, регистрационный номер (выколот на левом бедре) ВХК —40367».

— Гони девять минимов и катись отсюда! — старик посмотрел на Торби и с удивлением заметил, что с того памятного дня парень вырос на целую голову.— Принеси мой карандаш. Я дам тебе вольную. Я все время хотел это сделать, да не к спеху было. Но теперь сделаю, а завтра поутру пойдешь в императорский архив и все оформишь.

У Торби отвисла челюсть.

— Зачем, пап?

— Разве ты не хочешь быть свободным?

— Э... ну, пап... мне нравится быть твоим.

— Спасибо, мальчик, но я вынужден так поступить.

— Ты хочешь сказать, что выгоняешь меня?

— Нет, можешь остаться, но только как вольноотпущенник. Видишь ли, сынок, за действия слуг отвечают хозяева. Будь я из благородных, меня бы просто оштрафовали за твой проступок. Но раз я... В общем, если я потеряю еще и руку, как потерял ногу и глаз, мне, наверное, не выжить. Поэтому лучше тебя освободить, если ты собрался осваивать ремесло Зигги. Такой риск — слишком большая роскошь для меня. Я и так уже слишком многого лишился. Пусть бы уж меня лучше сразу укоротили. Придется тебе жить на свой страх и риск.

Он не стал щадить Торби и не сказал ему, что на бумаге закон был куда суровее, чем на практике. Провинившегося раба чаще всего просто отнимали, продавали, а стоимость его шла на

возмещение убытков потерпевшего, если владелец раба был не в состоянии расплатиться сам. В том случае, если владелец оказывался простолюдином и судья считал, что он несет реальную ответственность за проступок раба, его могли подвергнуть еще и порке.

И тем не менее Баслим верно изложил закон. Коль скоро хозяин вершит суд и расправу над своим рабом, стало быть, он за него и отвечает. И может быть даже казнен.

Торби захныкал. Впервые со дня их встречи.

— Не отпускай меня, пап... Ну пожалуйста! Я должен быть твоим!

— Очень жаль, сынок, но... Впрочем, я ведь сказал: ты не обязан уходить.

— Ну пожалуйста, пап... Я больше не буду воровать!

Баслим взял его за плечо.

— Взгляни-ка на меня, Торби. Хочу предложить тебе уговор.

— Все, что угодно, пап. До тех пор, пока...

— Погоди, сперва послушай. Я сейчас не буду подписывать твои бумаги, но я хочу, чтобы ты дал мне два обещания.

— Ну конечно! Какие?

— Не спеши. Во-первых, ты должен обещать, что никогда ничего ни у кого не украдешь. Ни у дам, что ездят в портшезах, ни у нашего брата. У первых воровать слишком опасно, у вторых... позорно, хотя вряд ли ты понимаешь, что значит это слово. Во-вторых, обещай, что никогда мне не соврешь. О чем бы ни шла речь.

— Обещаю...— тихо сказал Торби.

— Говоря о вранье, я имею в виду не только деньги, которые ты от меня прячешь. Между прочим, тюфяк — неважный тайник для денег. Посмотри мне в глаза, Торби. Ты знаешь, что у меня есть кое-какие связи в городе?

Мальчик кивнул. Ему приходилось носить записки старика в странные места и вручать их самым неожиданным людям.

— Если будет замечено, что ты воруешь, со временем я об этом узнаю. Если ты солжешь мне, со временем я разоблачу тебя. Будешь ты врать или нет — дело твое, но вот что я тебе скажу: прослыть лгуном — все равно что лишиться дара речи, потому что люди не прислушиваются к шуму ветра, это уж точно. Итак, в тот

день, когда я узнаю, что ты воровал... или когда ты соврешь мне... я подписываю твои бумаги и освобождаю тебя.

— Хорошо, пап...

— Но это еще не все. Я вышвырну тебя пинком со всем достоянием, которым ты владел, когда я купил тебя,— лохмотьями и полным набором синяков. Между нами все будет кончено. И если я когда-нибудь снова увижу тебя, то плюну на твою тень.

— Хорошо, пап... Я не буду никогда, лап!

— Надеюсь. Ложись спать.

Баслим лежал без сна и с тревогой думал о том, что, возможно, он слишком суров. Но, черт побери, разве не суров этот мир? Разве он не обязан научить ребенка жить в этом мире?

Потом он услышал шорох: казалось, крыса грызет что-то в углу. Баслим замер и прислушался. Чуть погодя мальчик тихонько поднялся с тюфяка и подошел к столу. Потом раздался приглушенный звон металла о дерево. Торби вернулся на свое ложе.

И только когда мальчуган начал похрапывать, Баслиму наконец удалось заснуть.

Глава 3

Баслим уже давно учил Торби читать и писать на интерлингве и саргонезском, порой подбадривая его оплеухой, поскольку мальчик почти не проявлял интереса к умственному труду. Но происшествие с Зигги и сознание того, что Торби растет, не давали Баслиму забыть о том, что время не стоит на месте, во всяком случае — для детей.

Торби так и не смог вспомнить, где и когда до него дошло, что Баслим вовсе не попрошайка-нищий, или, во всяком случае, не только нищий. Он мог бы догадаться теперь об этом по тому серьезному образованию, которое он стал получать и которое проводилось при помощи таких неожиданных устройств, как магнитофон, проектор и гипнопедический аппарат, но мальчик уже ничему не удивлялся. Что бы ни делал папа, он всемогущ и всегда прав. Торби достаточно хорошо знал нищих, чтобы видеть

разницу между ними и Баслимом. Но мальчик не тревожился: папа есть папа, это такая же данность, как солнце и дождь.

На улице Торби никогда не говорил о своих домашних делах, даже о том, где находится их жилище. Гости к ним не ходили. Торби имел двух-трех приятелей, а у Баслима их было много, десятки, если не сотни, и старик, по-видимому, знал, хотя бы в лицо, всех жителей города. Но в дом он не пускал никого, кроме Торби. Однако мальчик был уверен, что папа помимо нищенства занимается чем-то еще. Однажды ночью они, как обычно, легли спать, но на рассвете Торби разбудил какой-то шум, и он сонным голосом позвал:

— Папа?

— Это я. Спи.

Но мальчик встал и зажег свет. Он знал, что Баслиму трудно пробираться в темноте без ноги, а когда папе хотелось пить или было нужно что-нибудь еще, Торби всегда подавал.

— Что случилось, пап? — спросил он, поворачиваясь к Баслиму, и вздрогнул от удивления. Перед ним стоял какой-то незнакомый человек, по виду настоящий джентльмен!

— Не пугайся, Торби,— сказал незнакомец папиным голосом.— Все в порядке, сынок.

— Папа?

— Да, сынок. Прости, что напугал тебя, мне следовало сперва переодеться, а уж потом входить. Но так уж получилось.— Он принялся снимать свою элегантную одежду.

Стянув вечерний парик, Баслим снова стал прежним папой... Вот только...

— Пап, что у тебя с глазом?

— Глаз? Ах, это... его так же легко вынуть, как и вставить. С двумя глазами я выгляжу лучше, верно?

— Не знаю,— Торби с опаской посмотрел на глаз.— Что-то он мне не нравится.

— Вот как? Ну что ж, тебе не часто придется видеть меня в этом обличье. Но уж коли ты проснулся, то можешь мне помочь.

Но проку от Торби было немного. Все, что проделывал сейчас Баслим, было для него в диковинку. Сначала Баслим вытащил кюветы и бачки из буфета, в задней стенке которого обнаружилась еще одна дверца. Затем он вынул искусственный глаз

и, осторожно развинтив его на две части, пинцетом достал из него крохотный цилиндрик.

Торби наблюдал за его действиями, не понимая ничего, но отмечая, что движения отца отличаются необыкновенной осторожностью и ловкостью. Наконец Баслим сказал:

— Ну вот, все в порядке. Посмотрим, получились ли у меня картинки.

Вставив цилиндрик в микрофильмоскоп, он просмотрел пленку и с мрачной улыбкой сказал:

— Собирайся. Позавтракать мы не успеем. Можешь взять с собой кусок хлеба.

— Что случилось?

— Быстрее. Время не ждет.

Торби надел набедренную повязку, разрисовал и измазал грязью лицо. Баслим ждал его, держа в руках фотографию и небольшой плоский цилиндрик размером в полминима. Показав фото Торби, сказал:

— Посмотри. Запомни это лицо,— и забрал фотографию.— Ты сможешь узнать этого человека?

— Э-э... Дай-ка взглянуть еще разок.

— Ты должен узнать его. Смотри внимательнее.

Торби посмотрел и вернул снимок.

— Я его узнаю.

— Ты найдешь его в одном из баров около космопорта. Сперва загляни к Мамаше Шаум, потом в «Сверхновую», затем в «Деву под вуалью». Если там его не будет, ищи на улице Радости, пока не найдешь. Ты обязан найти его до начала третьего часа.

— Найду, пап.

— Затем положишь в свой горшочек несколько монет и вот эту штуку. Можешь плести ему все, что угодно, только не забудь обронить, что ты — сын Калеки Баслима.

— Я все понял, папа.

— Тогда ступай.

По дороге к космопорту Торби не тратил времени зря. Накануне был карнавал Девятой Луны, и прохожих на улице почти не было, так что мальчик не стал делать вид, будто собирает подаяние, а двинулся кратчайшим путем через задние дворы, заборы и

проулки, стараясь не попадаться на глаза невыспавшимся ночным патрульным. До места он добрался быстро, но нужного человека найти не смог: того не оказалось ни в одной из указанных Баслимом пивнушек. В других заведениях на улице Радости его тоже не было. Срок уже истекал, и Торби начинал тревожиться, когда вдруг увидел мужчину, выходящего из бара, в котором мальчик уже побывал.

Торби быстрым шагом пересек улицу и поравнялся с незнакомцем. Рядом с ним шел еще один человек — это было плохо. Но Торби все же приступил к делу.

— Подайте, благородные господа! Подайте от щедрот своих...

Второй мужчина кинул ему монетку. Торби поймал ее ртом.

— Будьте благословенны, господин...— и повернулся к нужному человеку.— Умоляю вас, благородный сэр. Не откажите несчастному в милостыне. Я сын Калеки Баслима и...

Второй мужчина хотел дать ему оплеуху.

— Поди прочь!

Торби увернулся.

— ...сын Калеки Баслима. Бедному старому Баслиму нужны еда и лекарства, а я — один-единственный сын...

Человек с фотографии полез за кошельком.

— Не давайте,— посоветовал ему спутник.— Все эти нищие — ужасные лгуны, и я дал ему достаточно, чтобы он от нас отвязался.

— На счастье... перед взлетом,— ответил человек с фотографии.— Ну-ка, что там у нас? — и, сунув пальцы в кошелек, заглянул в горшочек и что-то туда положил.

— Благодарю вас, господа. Да пошлет вам судьба сыновей.

Торби отбежал в сторону и заглянул в горшочек. Крошечный плоский цилиндрик исчез.

Потом он неплохо поработал на улице Радости и, прежде чем идти домой, заглянул на площадь. К его удивлению, отец сидел на своем излюбленном месте у помоста для торгов и смотрел в сторону космодрома. Торби присел рядом.

— Все в порядке.

Старик что-то пробурчал в ответ.

— Почему ты не идешь домой, пап? Ты, должно быть, устал. Того, что я собрал, нам вполне хватит.

— Помолчи. Подайте, господа! Подайте бедному калеке!

В третьем часу в небо с пронзительным воем взмыл корабль. Лишь когда его рев затих, старик немного расслабился.

— Что это был за корабль? — спросил Торби.— Это не синдонианский лайнер.

— Вольный Торговец «Цыганочка». Пошел к станциям Кольца... на нем улетел твой приятель. А теперь иди домой и позавтракай. Хотя нет, лучше зайди куда-нибудь, ты это заслужил.

Отныне Баслим не скрывал от Торби своих занятий, не имевших отношения к нищенствованию, но и не объяснял ему что к чему. Бывали дни, когда на промысел выходил лишь один из них, и в таких случаях нужно было идти на площадь, поскольку выяснилось, что Баслима очень интересуют взлеты и посадки кораблей, особенно невольничьих, равно как и аукционы, которые проводились сразу же после прибытия таких судов.

Обучаясь, Торби приносил старику все больше пользы. Баслим, по-видимому, был уверен в том, что у всякого человека хорошая память, и пользовался любой возможностью, чтобы внушить свою уверенность мальчику, несмотря на его недовольное ворчание.

— Пап, неужели ты думаешь, что я смогу все запомнить? Ты мне даже посмотреть не дал!

— Я показывал страницу не меньше трех секунд. Почему ты не прочел, что здесь написано?

— Ничего себе! Да у меня времени не было!

— А я прочел. И ты можешь. Торби, ты видел на площади жонглеров? Помнишь, как старый Мики, стоя на голове, жонглировал девятью кинжалами да еще крутил на ногах четыре обруча?

— Да, конечно.

— Ты мог бы сделать так же?

— Ну... не знаю.

— Кого угодно можно научить жонглировать... для этого нужно лишь не жалеть времени и оплеух,— старик взял ложку, карандаш и нож и запустил их в воздух. Через несколько секунд он уронил один предмет и вновь обратился к мальчику.— Когда-то я немножко занимался этим для забавы. Что же касается жонглирования мыслями, то... ему тоже может научиться любой.

— Покажи мне, как это делать, пап.

— В другой раз, если будешь себя хорошо вести. А сейчас ты учишься правильно пользоваться своими глазами. Торби, жонглирование мыслями было придумано давным-давно одним мудрым человеком, доктором Реншоу с планеты Земля. Ты, наверное, слышал о Земле?

— Э-э... Ну конечно, я слышал.

— Только, мне кажется, ты не веришь в ее существование.

— Ну, я не знаю... Но все эти россказни о замерзшей воде, которая падает с неба, о людоедах десятифутовой высоты, о башнях, которые выше Президиума, о крошечных людях, которые живут на деревьях... Пап, я же не дурак.

Баслим вздохнул и подумал о том, что с тех пор, как у него появился сын, ему приходилось вздыхать уже не одну тысячу раз.

— В этих легендах намешано много всякой чепухи. Как только ты научишься читать, я дам тебе книги с рисунками, которым можно верить.

— Но я уже умею читать.

— Тебе только кажется, что умеешь. Земля действительно существует, Торби. Это и впрямь необыкновенная и прекрасная планета, самая необыкновенная из планет. Там жило и умерло очень много мудрых людей, разумеется, при соответствующем соотношении дураков и мерзавцев. Кое-что из той мудрости дошло и до нас. Сэмюэль Реншоу был как раз одним из таких мудрецов. Он доказал, что большинство людей проводят свою жизнь как бы в полусне. Более того, ему удалось показать, каким образом человек может пробудиться полностью и жить по-настоящему: видеть глазами, слышать ушами, чувствовать языком вкус, думать мозгами и хорошенько запоминать то, что он видел, слышал, ощущал, о чем мыслил.

Старик показал мальчику свою культю.

— Потеряв ногу, я не стал калекой. Своим единственным глазом я вижу больше, чем ты двумя. Я мало-помалу глохну, но я не так глух, как ты, ибо запоминаю все, что слышал. Так кто из нас калека? Но ты не вечно будешь калекой, сынок, поскольку я намерен обучать тебя по методу Реншоу, даже если мне придется силой вколачивать знания в твою тупую башку!

По мере того как Торби учился пользоваться мозгами, он обнаружил, что ему это нравится; мальчик превратился в ненасытного читателя, и Баслиму каждую ночь приходилось приказывать ему выключать проектор и ложиться спать. Многое из того, чем его заставлял заниматься старик, казалось Торби ненужным. Например, языки, которых он никогда не слышал. Однако для его разума, вооруженного новыми знаниями, эти языки оказались просты, и когда мальчик нашел у старика катушки и пленки, которые можно было прочесть и прослушать на этих «бесполезных» языках, он внезапно понял, что знать их вовсе нелишне. Он любил историю и галактографию; его собственный мир, раскинувшийся на световые годы в физическом пространстве, оказался на деле едва ли не теснее невольничьего барака. Торби открывал для себя новые горизонты с таким же удовольствием, с каким ребенок изучает свой кулачок.

В математике он не видел смысла, за исключением тех случаев, когда надо было на деле применять варварское искусство — считать деньги. Но в конце концов он решил, что какого-то особого смысла и доискиваться не стоит. Математика — это игра вроде шахмат, только еще интереснее.

Порой старик задумывался, зачем все это нужно. Баслим уже понял, что мальчик оказался куда одареннее, чем он предполагал. Но пригодятся ли ему эти знания? Быть может, они лишь отделят его от остальной уличной компании? Какая судьба ждет его на Джуббуле — раба или нищего? Ноль, возведенный в энную степень, так нулем и останется.

— Торби!

— Да, пап. Подожди чуть-чуть, я как раз на середине главы.

— После дочитаешь. Я хочу поговорить с тобой.

— Да, мой господин. Да, хозяин. Сию минуту, босс.

— И не забывай о вежливости.

— Прости, пап. О чем ты хотел поговорить?

— Сынок, что ты будешь делать, когда я умру?

На лице Торби появилось выражение замешательства.

— Ты плохо себя чувствуешь, пап?

— Нет. Мне кажется, что я смогу протянуть еще много лет. Но может случиться и так, что завтра я не проснусь. В моем возрасте

ни в чем нельзя быть уверенным. Что ты будешь делать в этом случае? Займешь мое место на площади?

Торби молчал, и Баслим продолжал:

— Ты не сможешь нищенствовать, и мы оба знаем это. Ты уже вырос и не сможешь достаточно убедительно рассказывать свои сказки. Прохожие верили им, пока ты был маленьким, но не теперь.

— Я не собираюсь сидеть у тебя на шее, пап,— тихо произнес Торби.

— Разве я тебя в этом когда-нибудь упрекал?

— Нет,— нерешительно ответил Торби,— я... ну, словом, я думал об этом. Ты мог бы сдавать меня внаем куда-нибудь, где требуются рабочие руки.

Старик гневно взмахнул рукой.

— Это не решение. Нет, сынок! Я собираюсь отослать тебя отсюда.

— Но ты обещал, что не станешь этого делать!

— Я ничего не обещал.

— Но мне вовсе не нужна свобода! Если ты освободишь меня, что ж, я останусь с тобой.

— Я имел в виду другое.

После долгой паузы Торби спросил:

— Ты собираешься продать меня, пап?

— Не совсем. В общем... и да, и нет.

Лицо Торби ничего не выражало. В конце концов он спокойно произнес:

— Так или иначе... я знаю, что ты имеешь в виду... и я полагаю, возражения тут неуместны. Это твое право, и ты был лучшим хозяином в моей жизни.

— Я тебе не хозяин!

— По бумагам выходит, что как раз наоборот. Это же подтверждает номер у меня на ноге.

— Прекрати! Никогда так не говори!

— Раб должен говорить именно так либо вообще молчать.

— В таком случае умолкни ради бога! Давай-ка я все тебе объясню, сынок. Здесь тебе не место, и мы оба это знаем. Если я умру, не успев освободить тебя, то ты перейдешь во владение Саргона.

— Пусть сперва поймают меня!

— Поймают. Но даже дав тебе вольную, я не решу твоих проблем. Какие гильдии принимают вольноотпущенников? Нищие? Возможно. Но ты вырос, и тебе все труднее попрошайничать. Большинство освобожденных, как ты знаешь, продолжает работать на своих прежних хозяев, ибо рожденные свободными не любят копаться в дерьме. Они недолюбливают вольноотпущенников и ни за что не соглашаются работать вместе с ними.

— Не беспокойся, пап. Я не пропаду.

— А я беспокоюсь. Так что слушай меня. Я собираюсь продать тебя одному знакомому, который вывезет тебя с планеты. На обычном корабле, не на невольничьем. Но вместо того, чтобы доставить тебя туда, куда положено по грузовой декларации...

— Нет!

— Придержи язык! Тебя отвезут на планету, где рабовладение преследуется по закону. Не могу сказать, куда именно, потому что не знаю маршрута корабля и даже того, на какой именно звездолет ты попадешь; детали еще надо будет продумать. Но я уверен, что ты сумеешь хорошо устроиться в любом свободном обществе.

Баслим умолк, чтобы еще раз взвесить и оценить мысль, которая пришла ему в голову. Быть может, послать парня на планету, где родился он сам, Баслим? Нет. И не только потому, что это очень трудно устроить, но и потому, что там не место для молокососа-эмигранта... Нужно отправить его в один из пограничных миров, где человеку достаточно острого ума и трудолюбия. Есть несколько таких не очень далеко от Девяти Миров. Баслим вновь пожалел о том, что не смог узнать, откуда Торби родом. Может быть, дома у него есть родственники, люди, которые помогли бы мальчику. Какого черта! Почему нет никакого метода идентификации, распространенного на всю Галактику!

— Это все, что я могу сделать,— продолжал Баслим.— От момента продажи до старта корабля тебе придется побыть на положении раба, но что значат несколько недель по сравнению с возможностью...

— Нет!

— Не дури, сынок.

— Может быть, я говорю глупости. Но мне этого не хочется. Я остаюсь.

— Вот как? Сынок... мне неприятно это говорить, но ты не можешь мне помешать.

— Да?

— Ты сам говорил, что у меня есть бумаги, в которых сказано, что я имею право тебя продать.

— Ох...

— Иди спать, сынок.

Баслим не мог уснуть. Часа через два после разговора он услышал, как Торби тихонько поднялся. По шороху Баслим мог проследить каждое его движение. Торби оделся (то есть попросту обмотался набедренной повязкой), вышел в соседнюю комнату, порылся в хлебнице, напился впрок воды и ушел. Его горшочек для подаяний остался дома: он даже не приблизился к полке, на которой тот обычно стоял.

После его ухода Баслим повернулся на другой бок и попытался уснуть, но сон не шел. Старику было слишком больно. Ему и в голову не пришло остановить мальчика: Баслим слишком уважал себя, чтобы не признавать права других на самостоятельные решения.

Торби не было четверо суток. Он вернулся ночью, и Баслим слышал его шаги, но и теперь не сказал мальчику ни слова. Зато он впервые за эти дни смог уснуть спокойным и крепким сном. Утром он встал, как обычно, и произнес:

— Доброе утро, сынок.

— Доброе утро, пап.

— Займись завтраком. Мне нужно кое-что сделать.

Вскоре они принялись за горячую кашу. Баслим, как всегда, ел аккуратно и равнодушно. Торби только ковырял кашу ложкой.

— Так когда ты собираешься продать меня? — наконец выпалил он.

— А я не собираюсь.

— Вот как?

— В тот день, когда ты убежал, я сходил в архив и выправил вольную грамоту. Теперь ты свободный человек, Торби.

Торби с удивлением посмотрел на старика и опустил глаза. Маленькие горки каши, которые он нагребал ложкой, тут же расплывались. Наконец он сказал:

— Жаль.

— Если бы тебя поймали, то ты был бы беглым рабом, а я хотел этого избежать.

Торби задумался.

— А за это полагается «П» и «Т», так ведь? Спасибо, папа. Пожалуй, я вел себя глупо.

— Ты прав. Но я думал не о наказании; порка и тавро — такие штуки, о которых быстро забываешь. Я думал о том, что после второй поимки все могло бы быть гораздо хуже. Лучше уж сразу быть укороченным, чем пойманным после клеймения.

Торби совсем забыл о своей каше.

— А что, собственно, делает с человеком лоботомия?

— М-м-м... В общем-то, лоботомия облегчает труд на ториевых рудниках... впрочем, давай-ка не будем говорить о таких вещах за столом. Ты поел? Тогда бери горшок и не теряй времени. Нынче утром аукцион.

— Ты хочешь сказать, что я могу остаться?

— Здесь твой дом.

С того дня Баслим больше не предлагал мальчику уйти. Освобождение Торби ничего не изменило ни в их распорядке дня, ни в их отношениях. Торби сходил в Имперские Архивы, внес налог, а заодно и традиционный дар, как полагалось в таких случаях. После этого номер на его теле был перечеркнут татуированной линией, а рядом выкололи печать Саргона, номера книги и страницы, на которой было записано, что он отныне свободный гражданин Саргона, обязанный платить налоги, нести воинскую службу и голодать без помех.

Служащий, наносивший на номер Торби линию, взглянул на цифры и сказал:

— Не похоже, чтобы эта штука была у тебя от рождения, а, парень? Что, обанкротился твой старик? Или предки тебя продали, чтобы сбагрить?

— Не твое дело!

— Полегче, парень, или ты узнаешь, что иголка может колоть больнее. А теперь отвечай мне вежливо. Согласно твоему клейму, ты принадлежал фабрике, а не частному лицу, и, судя по тому, как оно расплылось и выцвело, тогда тебе было пять-шесть лет. Так когда и где тебе его тиснули?

— Я не знаю. Правда, не знаю!

— Вот как? То же самое я говорю своей жене каждый раз, когда она задает всякие вопросы... да не дергайся ты! Я уже почти кончил. Ну что ж... поздравляю тебя с вступлением в ряды свободных людей. Сам-то я свободен уже давно, и вот что я хочу сказать тебе, парень: да, ты почувствуешь свободу, но это не значит, что тебе от этого будет легче жить.

Глава 4

После освобождения жизнь Торби мало в чем изменилась, разве что пару дней у него болела нога. Правда, он и впрямь уже не мог быть «хорошим» попрошайкой: здоровому юноше подавали куда меньше, чем изможденному ребенку. Баслим зачастую просил Торби отвести его на площадь, а потом отсылал с поручением или отправлял домой учиться. Но в любом случае один из них всегда сидел на площади. Порой Баслим куда-то исчезал, даже не предупредив сына, и Торби приходилось весь день сидеть там, наблюдая за прибытием и отправлением кораблей, запоминая все, что происходило на аукционе, и собирая у шатающихся возле космопорта зевак, женщин без вуалей и посетителей пивнушек сведения о прибывших и стартовавших звездолетах.

Как-то раз Баслим исчез на целых две девятидневки; когда Торби проснулся, старика не было дома. Он отсутствовал гораздо дольше, чем когда бы то ни было; Торби пытался убедить себя, что отец сможет позаботиться о себе в любой обстановке, но перед его мысленным взором постоянно мелькала картина: Баслим, лежащий где-нибудь в сточной канаве. Тем не менее он продолжал ходить на площадь, посетил три аукциона и записал все, что видел и был в состоянии понять.

Наконец Баслим вернулся. Он сказал лишь:

— Почему ты записывал вместо того, чтобы запоминать?

— Я запоминал, но боялся забыть. Ведь было так много всего!

— Эх-х!

После этого Баслим стал еще более молчаливым и сдержанным, чем был до сих пор. Торби думал, что отец, возможно, чем-то

недоволен, но задавать такие вопросы Баслиму было бессмысленно. Как-то раз ночью старик сказал:

— Сынок, мы так и не решили, что ты будешь делать после моей смерти.

— Как это? Ведь мы все выяснили! Это мои сложности, пап!

— Нет, я лишь отсрочил обсуждение из-за твоего тупого упрямства. Но у нас нет времени ждать. У меня будет для тебя приказ, и ты должен будешь его выполнить.

— Погоди-ка, пап! Если ты думаешь, что тебе удастся хитростью заставить меня уйти от тебя...

— Да помолчи ты! Я же сказал: «когда меня не станет», то есть когда я умру, ясно? Я не говорю об этих моих отлучках по делам. Так вот, ты найдешь одного человека и передашь ему послание. Я могу положиться на тебя? Ты ничего не упустишь? Не забудешь?

— Что ты, папа! Конечно! Но мне не нравится слушать такие речи. Ты будешь жить долго и даже, может быть, меня переживешь.

— Возможно. Ну, а теперь молчи, слушай и делай то, что я тебе скажу.

— Да, сэр.

— Ты найдешь одного человека (на это может уйти какое-то время) и передашь ему послание. Затем он кое-что поручит тебе... я надеюсь. Мне бы хотелось, чтобы ты в точности исполнил все, что он велит. Обещаешь?

— Конечно, пап, ведь это твое желание.

— Можешь считать это последней услугой старику, который старался сделать для тебя все, что в его силах, и сделал бы еще больше, будь он на это способен. Это последнее, чего я хочу от тебя, сынок. Не утруждай себя сжиганием жертвоприношений за упокой моей души, сделай лишь две вещи: передай послание и исполни все, что велит тот человек.

— Я обещаю, папа,— торжественно ответил Торби.

— Ну вот и хорошо. А теперь за дело.

«Нужный человек» мог оказаться одним из пяти. Все они были шкиперами Вольных Торговцев, но их корабли не были приписаны к портам Девяти Миров, просто иногда брали здесь груз. Просмотрев список, Торби сказал:

— Насколько я помню, пап, только один из этих кораблей садился в нашем порту.

— Все они бывали тут в свое время.

— Но один из них может появиться здесь еще очень нескоро.

— Возможно, придется ждать годы. Но когда это произойдет, ты должен немедленно доставить послание.

— Любому из них? Или всем?

— Первому, который появится.

Послание было коротким, но запомнить его оказалось нелегко, потому что оно было составлено на трех языках — в зависимости от того, кто окажется получателем. И ни одного из этих языков Торби не знал. Баслим не стал объяснять смысла сообщения — он лишь потребовал, чтобы оно было заучено наизусть на всех трех языках.

После того как Торби в седьмой раз промямлил первый вариант, Баслим в отчаянии заткнул уши.

— Нет, нет, так не пойдет, сынок! Этот акцент!

— Но я стараюсь,— угрюмо ответил Торби.

— Знаю. Я хочу, чтобы послание можно было понять. Ты помнишь, как я делал тебя сонным и говорил с тобой?

— М-м-м... Да я каждый вечер сонный. И сейчас тоже.

— Тем лучше,— Баслим погрузил мальчика в легкий транс. Это оказалось непросто, потому что Торби стал менее восприимчив к гипнозу, чем в детские годы. Все же Баслиму это удалось. Затем он записал послание в гипнопедический аппарат, запустил его и проиграл мальчику с постгипнотической установкой, по которой сын, проснувшись, должен был в точности воспроизвести весь текст.

У Торби получилось. В течение последующих двух ночей Баслим ввел ему в память послание на двух других языках, а потом неоднократно проверял выученное. Услышав имя шкипера и название корабля, Торби должен был произносить текст на подходящем к случаю языке.

Баслим никогда не посылал Торби за городскую окраину: рабу требовалось специальное разрешение на поездку, и даже вольноотпущенники должны были отмечаться в дни отъезда и приезда. Но по столице Торби пришлось побегать. Спустя три девятидневки после заучивания текстов Баслим дал ему записку, которую

нужно было доставить в окрестности космопорта, бывшего скорее особой зоной Саргона, чем городским районом.

— Возьми свою вольную грамоту, а горшок оставь дома. Если тебя остановит полицейский, скажи, что ты ищешь какую-нибудь работу в порту.

— Он решит, что я сошел с ума.

— Но пропустит тебя внутрь. Они нанимают вольноотпущенников дворниками или чернорабочими. Записку держи во рту. Кого ты должен найти?

— Невысокого рыжеволосого человека,— повторил Торби,— с большой бородавкой над левой ноздрей. Он держит закусочную напротив главных ворот. Бороды у него нет. Я должен купить у него пирожок с мясом и сунуть записку вместе с деньгами.

— Все верно.

Торби нравилось ходить в новые, незнакомые места. Он не удивлялся тому, что отец на полдня отправил его в поход вместо того, чтобы связаться с кем нужно по видеофону: люди их круга не пользовались такими удобствами, как видеофон. Что до королевской почты, то мальчику не доводилось получать или отправлять писем, и он считал почту самым ненадежным способом связи.

По пути к космопорту Торби предстояло миновать заводской район. Ему нравилась эта часть города: здесь постоянно бывало что-нибудь интересное, район был многолюдный и шумный. Торби перебегал дорогу перед самым носом грузовиков и весело откликался на брань водителей. Он заглядывал во все открытые двери, гадая, зачем нужны все эти механизмы и как это рабочие умудряются целый день простоять на одном месте, вновь и вновь проделывая одну и ту же операцию — они же не рабы в конце концов. Наверняка они свободные люди: рабам не разрешалось работать на силовых установках, разве что на плантациях, именно это и было причиной прошлогодних бунтов, когда Саргон воздел свою руку в пользу граждан.

Правда ли, что Саргон не спит и видит своим глазом все, что происходит в Девяти Мирах? Отец сказал, что все это чепуха и Саргон — такой же человек, как все. Но как тогда ему удалось стать Саргоном?

Миновав заводской район, мальчик оказался возле космоверфи. В такую даль его еще не заносило. Тут стояли на капиталь-

ном ремонте несколько звездолетов, два корабля поменьше только строились, их окутывали стальные кружева лесов. При виде кораблей у Торби чаще забилось сердце, ему вдруг нестерпимо захотелось улететь отсюда. Да, он уже путешествовал на корабле, целых два раза — а может быть, даже три? — но это было давно, и он не желал лететь в невольничьем отсеке. Разве такой перелет назовешь путешествием?

Торби так увлекся, что едва не прошел мимо закусочной. Он вспомнил о ней, лишь заметив главные ворота. Они были вдвое шире обычных и охранялись. Над воротами аркой выгибался большой транспарант, увенчанный гербом Саргона. Закусочная располагалась прямо напротив; Торби проскользнул сквозь поток машин, которые сновали в воротах, и вошел в заведение.

За стойкой стоял не тот человек, который был нужен Торби: лысый, но оставшиеся волосы — черные, и никаких бородавок на носу.

Торби вышел на улицу и, с полчасика побродив вокруг, вернулся обратно. Нужный человек так и не появился. Буфетчик явно заметил, что мальчик что-то высматривает, поэтому Торби подошел к нему и спросил:

— У вас есть сок солнечной ягоды с мякотью?

Буфетчик осмотрел его с головы до ног.

— Гони деньги.

Торби уже привык к проверкам своей платежеспособности. Он выудил монетку. Внимательно ее осмотрев, буфетчик откупорил бутылку.

— У стойки не пей, и так мало места.

Свободных табуреток было полно, но Торби не обиделся: он сознавал, какое положение занимает в обществе. Мальчик отошел от стойки, но не настолько далеко, чтобы навлечь на себя подозрение в попытке умыкнуть пустую бутылку, и сделал большой глоток. Посетители входили и выходили, и мальчик внимательно разглядывал каждого, надеясь, что рыжий, возможно, заскочит сюда перекусить. И вообще он держал ухо востро.

Наконец бармен посмотрел на Торби.

— Ты что, собираешься вылизать ее изнутри?

— Уже допил, спасибо! — Торби поднялся, отставил бутылку и сказал: — Последний раз, когда я сюда заходил, здесь работал такой рыжий парень...

Бармен опять посмотрел на него.

— Ты что, его приятель?

— Да нет. Просто захожу иногда хлебнуть холодненького и привык, что он тут отирается.

— Покажи-ка удостоверение.

— Что? Да мне вовсе не...

Буфетчик хотел схватить его за руку, но Торби по долгу службы прекрасно умел уворачиваться от тычков, пинков и затрещин, так что бармен поймал лишь воздух.

Он выбежал из-за стойки, но Торби уже бросился к выходу, стремясь затеряться в уличной толчее. Он уже почти пересек улицу, сделав два резких поворота, когда заметил, что бежит к воротам, а буфетчик что-то кричит стоящим около них стражникам.

Торби развернулся и нырнул в поток машин. К счастью, движение было насыщенным, потому что дорога обслуживала космопорт. Парень трижды едва не угодил под колеса. Потом он увидел поперечную улицу, заканчивающуюся сквозным проходом, проскользнул между двумя грузовиками, свернул в проулок, а потом еще раз, в первую же подворотню. Пробежав немного, он остановился за углом и навострил уши.

Погони не слыхать.

Торби не раз приходилось спасаться бегством, и он не боялся преследования. Побег состоит из двух действий: собственно отрыв от погони и отход, дабы обезопасить себя от случайностей. Первую задачу он выполнил, и теперь оставалось лишь покинуть район так, чтобы его не засекли — медленным шагом, без резких движений. Путая следы, он удалился от центра города, повернул налево на поперечную улицу, затем еще раз налево, в переулок, и теперь находился где-то позади закусочной; такую тактику он выбрал чисто подсознательно. Погоня будет двигаться от центра, и в любом случае его не станут искать возле закусочной. Торби прикинул, что через пять-десять минут буфетчик вернется за стойку, а стража — к воротам: они не могли оставлять свои посты без присмотра. В общем, Торби мог спокойно пройти по переулку и отправиться домой.

Он осмотрелся. Вокруг раскинулись пустыри. Земля на продажу, еще не застроенная фабриками. Нагромождение лавчонок, контор мелких дельцов, лачуг и убыточных мелких предприятий.

Торби увидел, что стоит на задах маленькой прачечной. Здесь торчали шесты, висели веревки, валялись деревянные корыта. Из трубы в пристройке валил пар. Торби сообразил, что закусочная через два дома отсюда. Он вспомнил выведенную от руки вывеску: «Домашняя прачечная "Маджестик". Самые низкие цены».

Можно было обойти здание и... но сперва лучше проверить. Торби распластался на земле, осторожно выглянул из-за угла и осмотрел переулок.

О черт! По переулку шли двое патрульных. Дал же он маху! Они не перестали гоняться за ним, а объявили общую тревогу. Озираясь, Торби подался назад. Куда деваться? В прачечную? Нет. В сарай во дворе? Они заглянут и туда. Остается только бежать... чтобы угодить в лапы другого патруля. Торби знал, что патрули могут оцепить район очень быстро. На площади он сумел бы проскользнуть сквозь самую густую цепь, но здешние места ему незнакомы.

Его взгляд упал на перевернутое корыто... мгновение — и Торби уже лежал под ним. Здесь было очень тесно: колени пришлось поджать к подбородку, а в спину вонзились какие-то щепки. Он испугался, что набедренная повязка, возможно, торчит наружу, но сделать уже ничего было нельзя: послышались чьи-то шаги. Они замерли рядом с корытом, и мальчик затаил дыхание. Кто-то влез на днище и стоял на нем.

— Эй, мать! — раздался мужской голос.— Давно ты здесь?

— Давно. Не задень шест, а то повалишь мне белье!

— Мальчишку видела?

— Какого мальчишку?

— Молодого, но высокого, как взрослый. С пушком на подбородке. В набедренной повязке, без сандалий.

— Кто-то,— Торби услышал безразличный женский голос,— промчался тут, словно за ним черти гнались. Я не успела его разглядеть, веревку натягивала.

— Так это он и есть, наш мальчишка! Куда он делся?

— Прыгнул через забор и шмыгнул между теми домами.

— Спасибо, мать! Пошли, Джуби!

Торби ждал. Женщина продолжала возиться, стоя на корыте; дерево скрипело под ее ногами. Потом она слезла на землю и села на корыто. Легонько постучав, она тихо сказала:

— Сиди где сидишь,— и мгновение спустя Торби услышал, как она уходит.

Торби дожидался ее, пока не заныли кости. Но он решил сидеть до темноты. Конечно, был риск попасться ночному патрулю, который после наступления комендантского часа останавливает всех, кроме знати, но выбраться отсюда засветло было и вовсе невозможно. Торби не мог понять, с какой стати ради него объявили общую тревогу, но выяснять это ему совсем не хотелось. Время от времени он слышал, как кто-то — может быть, та женщина? — ходит по двору.

Наконец, примерно через час, он услышал скрип несмазанных колес. Кто-то постучал по корыту.

— Когда я подниму корыто, сразу же прыгай в тачку. Она прямо напротив тебя.

Торби не ответил. Дневной свет резанул глаза, он заметил маленькую тележку и в следующее мгновение уже сидел в ней, прижавшись ко дну. Сверху на него навалили кучу белья. Но прежде чем белье закрыло ему обзор, он увидел, что корыто со всех сторон обвешано веревками, на которых висели простыни, скрывая его от постороннего взгляда.

Чьи-то руки разложили вокруг Торби тюки, и он услышал голос:

— Сиди тихо и жди команды.

— Хорошо, и миллион благодарностей! Когда-нибудь я отплачу вам за вашу доброту.

— Забудь об этом,— женщина тяжело вздохнула.— У меня когда-то был муж. Теперь он на рудниках. Меня не интересует, что ты там натворил. Но патрулю я никого не сдам.

— Ой, я очень сожалею...

— Умолкни!

Маленькая тележка затряслась, подскакивая на ухабах, и вдруг Торби почувствовал, что под колесами — ровное покрытие. Иногда они останавливались; тогда женщина брала один из тюков, уходила на несколько минут, возвращалась и сваливала в тележку кучу грязной одежды. Торби ждал с профессиональным долготерпением нищего.

Прошло немало времени, прежде чем повозка опять запрыгала на ухабах. Наконец она остановилась, и женщина вполголоса сказала:

— Как я скажу, прыгай вправо и уходи. Да поживее.

— Понял. Спасибо!

— Молчи!

Тачка прокатилась еще немного, замедляя ход, и женщина скомандовала:

— Давай!

Торби мгновенно отбросил узлы с бельем, выпрыгнул и приземлился на ноги. Прямо перед ним виднелся проход между двумя зданиями, ведущий на улицу. Торби рванул по нему, не забыв оглянуться через плечо.

Тачка скрылась за углом. Мальчик так и не увидел лица ее хозяйки.

Два часа спустя он оказался в знакомом районе. Опустившись на землю рядом с Баслимом, Торби сказал:

— Плохи дела.

— Почему?

— Ищейки. Их там было целое полчище.

— Подайте, благородный господин!.. Ты проглотил записку?.. Подайте во имя ваших родителей!

— Конечно!

— Держи горшок! — Баслим стал на руки и одно колено и пополз прочь.

— Пап! Давай я тебе помогу.

— Оставайся на месте.

Торби остался, обиженный тем, что отец не захотел выслушать его рассказ. После наступления темноты он поспешил домой. Баслим сидел в кухне-ванной среди вороха барахла и нажимал кнопки диктофона и проектора одновременно. Торби взглянул на проецируемую страницу и отметил, что текст написан на непонятном ему языке, а в каждом слове — семь букв, не больше и не меньше.

— Привет, пап! Сделать ужин?

— Тут негде... и некогда. Поешь хлеба. Что произошло?

Уминая хлеб, Торби рассказал ему о своих приключениях. Баслим только кивнул.

— Ложись. Придется опять гипнотизировать тебя. У нас впереди длинная ночь.

Материал, который диктовал Баслим, состоял из цифр и бесчисленных трехсложных слов, в которых мальчик не видел смысла. Легкий транс принес приятную сонливость, и слышать голос Баслима, доносящийся из диктофона, было тоже приятно.

Во время очередного перерыва, когда Баслим приказал ему проснуться, Торби спросил:

— Пап, для кого все эти послания?

— Если у тебя будет возможность передать их, ты узнаешь, не сомневайся. А возникнут сложности — попроси погрузить тебя в легкий транс, и все вспомнится.

— Кого попросить?

— Его... Неважно кого. А теперь засыпай. Ты спишь.

Старик щелкнул пальцами.

Диктофон продолжал бормотать. У полусонного мальчика появилось ощущение, что Баслим куда-то уходил и только что вернулся. Протез его был пристегнут, и Торби это удивило: отец надевал его только дома. Затем до него донесся запах дыма и он рассеянно подумал, что на кухне что-то горит и надо пойти проверить. Но он был не в силах даже шевельнуться, и бессмысленные слова продолжали вливаться ему в уши.

Потом до него дошло, что это он сам рассказывает Баслиму заученное.

— Я все правильно запомнил?

— Да. А теперь иди отдыхать. Остаток ночи можешь спать спокойно.

Утром Баслима не оказалось дома. Торби даже не удивился: последнее время поступки отца стали еще более непредсказуемы, чем раньше. Позавтракав, мальчик взял горшочек и отправился на площадь. Дела шли из рук вон плохо, отец был прав: Торби выглядел слишком здоровым и сытым, чтобы быть удачливым попрошайкой. Может, стоит научиться выкручивать суставы, как это делает Бабка-Змея? Или достать контактные линзы с нарисованной катарактой?

Около полудня в порт прибыл грузовой звездолет, не значившийся в расписании. Наведя обычным способом справки, Торби выяснил, что это был Вольный Торговец «Сизу», приписанный к порту Новая Финляндия на планете Шива III.

Все эти сведения он, как всегда, должен был сообщить отцу при встрече. Однако шкипер «Сизу», капитан Крауза, входил в число тех пятерых, кому Торби должен был при первой возможности передать послание старика.

Мальчик заволновался. Он знал, что отец жив и здоров, и встречу с капитаном Краузой представлял себе как дело отдаленного будущего. Однако, быть может, отец ждет не дождется, когда прилетит «Сизу»? Торговцы появлялись и улетали, порой проводя в порту лишь несколько часов. И никто не знал, когда именно это может случиться.

Торби подумал, что он может добраться до дому за пять минут и в придачу, возможно, заслужит благодарность отца. В худшем случае старик выбранит его за уход с поста на площади, но Торби сможет наверстать упущенное, прислушавшись к сплетням и пересудам.

Мальчик покинул площадь.

Руины старого амфитеатра протянулись на треть периметра нового. Дюжина лазов вела в лабиринт, который когда-то служил жилищем рабов, а оттуда бесчисленные ходы тянулись в ту часть развалин, где Баслим оборудовал себе жилье. И он сам, и Торби каждый раз выбирали новый путь домой и старались приходить и уходить незаметно для всех.

Мальчик торопливо зашагал к ближайшему лазу, но там стоял полицейский. Торби прошел мимо, сделав вид, будто направляется к маленькой овощной лавочке на улице, примыкавшей к развалинам. Остановившись, он заговорил с хозяйкой:

— Как дела, Инга? Нет ли у тебя хорошей, зрелой дыни, которую ты собираешься выбросить на помойку?

— Нет для тебя никаких дынь.

Торби показал ей деньги.

— Как насчет вон той, побольше? Отдай мне ее за полцены, и я не стану обращать внимание на подпорченный бок,— он наклонился к хозяйке.— Чую я, тут пахнет жареным?

Она подмигнула, кивая на патрульного.

— Исчезни.

— Облава?

— Исчезни, я сказала.

Торби кинул на прилавок монетку, взял яблоко и пошел прочь, посасывая сок. Он не спешил.

Осторожная разведка показала, что развалины оцеплены полицией. У одного из входов под присмотром патрульных толпилась горстка встревоженных обитателей подземелья. По оценкам Баслима, тут нашли кров человек пятьсот. Торби в этом сомневался, поскольку ему лишь изредка доводилось видеть входящих в развалины людей и еще реже — слышать чужие шаги под землей. Только двоих из задержанных он знал в лицо.

Через полчаса Торби, с каждой минутой волновавшийся все больше, обнаружил лаз, о котором полиция, похоже, не знала. Понаблюдав за ним несколько минут, мальчик под прикрытием кустов шмыгнул вниз. Он тотчас же оказался в кромешной тьме и двигался осторожно, постоянно прислушиваясь. Считалось, что у полицейских есть очки, позволяющие видеть в темноте, но Торби не был в этом уверен — мрак нередко помогал ему избежать встречи с патрулем. И все же он решил не рисковать.

Внизу и вправду была полиция: он услышал шаги двух легавых и увидел лучи фонариков, которыми те освещали путь. Если сыщики и имели очки ночного видения, то этим двоим их, наверно, забыли дать. Они явно что-то искали, держа наготове парализующие пистолеты. Но развалины были для Торби домом родным, а полицейские их совсем не знали. В течение двух лет парень дважды в день отыскивал тут дорогу в кромешной тьме и поднаторел в спелеологии.

Сейчас он находился в тупике. Он двигался впереди них, не заходя слишком далеко, лишь бы не попасть под луч фонарика, по краю обошел дыру, ведшую на нижний уровень, нырнул в ближайшую дверь и стал ждать. Полицейские подошли к дыре, осмотрели узкий выступ, по которому Торби так ловко прошел в темноте, и один из них сказал:

— Без лестницы не обойтись.

— Да брось ты, найдем где-нибудь ступеньки или спуск,— и они ушли.

Торби немного выждал, затем вернулся и спустился в дыру.

Спустя несколько минут он уже был у своих дверей. Торби осматривался, прислушивался и принюхивался до тех пор, пока

не убедился, что поблизости никого нет. Потом он подполз к двери и протянул палец к замку. И тут же понял: что-то не так.

Двери не было. Вместо нее зияла брешь.

Торби замер, напрягая все органы чувств. Пахло чужаками, но запах уже наполовину выветрился; не было слышно ни шороха, ни вздоха. Тишину нарушал только стук водяных капель, падавших из крана на кухне.

Торби решил осмотреться. Оглянувшись, он не увидел лучей фонариков, вошел в прихожую и повернул выключатель, установив самый слабый свет.

Но свет не зажегся. Мальчик перепробовал все положения переключателя. Тщетно. Он прошел через чистенькую комнату Баслима, огибая раскиданные по ней вещи, добрался до кухни и протянул руку к свечам. На обычном месте их не оказалось, но Торби все же нашел одну штуку. Рядом лежали спички. Торби зажег фитиль.

Полный разгром!

Значит, в доме был обыск, хоть и торопливый, но тщательный. Искали, мало заботясь о порядке. Из шкафов и с полок все было вывалено на пол, там же валялись продукты. Матрасы в большой комнате вспороты, набивка вытащена. И все же в этом беспорядке угадывались признаки совершенно ненужного, бессмысленного вандализма.

Торби огляделся. Подбородок его дрожал, к глазам подступили слезы. У двери валялся протез отца, и Торби, увидев его сложный механизм, разбитый ударом тяжелого сапога, разразился рыданиями. Ему пришлось поставить свечу на пол, чтобы не уронить ее. Он поднял сломанную ногу, прижал ее к груди, словно куклу, и опустился на пол, всхлипывая и раскачиваясь из стороны в сторону.

Глава 5

Торби несколько часов просидел в темном коридоре неподалеку от своего разрушенного жилища, возле первой развилки. Тут он сможет услышать, как отец возвращается домой, а если появится полиция, успеет удрать.

Он почувствовал, что засыпает, вздрогнул, очнулся и решил, что неплохо бы узнать, который час; у Торби было такое ощущение, будто он сидит здесь не меньше недели. Вернувшись в каморку, он отыскал и снова зажег свечу. Но их единственные часы, их домашняя «Вечность», оказались разбитыми. Радиоактивная капсула, разумеется, продолжала отсчитывать время, но стрелки стояли. Торби посмотрел на них и заставил себя подумать о том, как ему теперь быть.

Будь отец на свободе, он бы уже вернулся. Но его схватила полиция. Может, они допросят его и отпустят?

Нет, не отпустят. Насколько Торби было известно, отец никогда не причинял Саргону вреда. С другой стороны, он уже давно знает, что Баслим — не просто безобидный старый нищий. Торби понятия не имел, зачем отец делал все то, что не вязалось с образом «безобидного старого нищего», но полиция, по-видимому, знала или подозревала. Примерно раз в год полицейские «чистили» развалины, бросая в самые подозрительные лазы гранаты с рвотным газом; в итоге приходилось проводить пару ночей где-нибудь в другом месте, и только. На сей раз полицейские провели настоящую облаву. Они пришли, чтобы схватить отца, и что-то искали.

Полиция Саргона руководствовалась более старыми, чем юстиция, принципами: здесь было принято исходить из презумпции виновности, и к задержанному одна за другой применялись все более суровые меры воздействия, пока он не начинал говорить... Методы допроса были настолько хорошо всем известны, что подследственные предпочитали признаться еще до начала дознания. Однако Торби был уверен, что полиции не удастся заставить отца говорить о том, о чем он не захочет говорить.

Так что допрашивать его будут долго.

Быть может, они уже мучают его в эту самую минуту. У Торби судорожно сжался желудок.

Он должен вырвать папу из их лап.

Но как? Разве в силах один муравей штурмовать Президиум? А шансы Торби были немногим выше, чем у этого муравья. Баслим может сидеть в камере местного полицейского участка. Самое подходящее место для такой мелкой сошки. Но Торби испытывал необъяснимое ощущение, что папа его не мелкая сошка...

В таком случае он мог оказаться где угодно, хоть в застенках самого Президиума.

Торби мог бы отправиться в местный участок и спросить, куда девали его хозяина, однако тут же отбросил эту мысль: ведь его, как самого близкого человека, тоже стали бы допрашивать. Посадили бы в камеру и начали выколачивать ответы на те же вопросы, которые задают сейчас Баслиму, чтобы проверить, правду ли говорит старик (если, конечно, он им что-нибудь вообще говорит).

Торби не был трусом, он просто понимал, что ножом воду не разрежешь. И все, что можно сделать для отца, придется делать исподволь. Он не мог «качать права», у него не было прав. Такая мысль даже не пришла ему в голову. Будь его карманы набиты стелларами, можно было бы решиться на подкуп. Но у Торби едва ли наберется два минима. Оставалось действовать потихоньку, и для этого требовались точные сведения.

Он пришел к такому решению, как только понял, что полиция не освободит отца ни сейчас, ни позже. И все-таки в надежде на невозможное Торби написал записку, сообщая папе, что вернется завтра, и положил ее на полочку для сообщений.

Когда он выглянул наружу, была уже ночь. Торби никак не мог сообразить, сколько времени он провел в подземелье — то ли полдня, то ли около полутора суток. Поэтому он изменил свои планы: он собирался найти зеленщицу Ингу и распросить ее, но поскольку полиции поблизости не было, он мог спокойно идти куда угодно, разумеется, стараясь не нарываться на ночные патрули. Но куда ему идти? Кто сможет или захочет дать ему нужные сведения?

У Торби десятки друзей, сотни людей он знал в лицо. Однако на всех его знакомых распространялось действие комендантского часа — Торби встречался с ними днем и даже не знал, где они ночуют. Но поблизости было одно место, где плевать хотели на комендантский час: заведения на улице Радости и примыкавших к ней переулках на ночь не закрывались. Ради процветания торговли и в интересах залетных астронавтов бары, игорные дома и прочие гостеприимные заведения круглые сутки держали двери нараспашку. Любой гражданин, даже освобожденный раб, мог оставаться там на всю ночь; правда, от начала комендантского часа до рассвета он не мог оттуда уйти без риска быть задержанным патрулем.

Но риск не волновал Торби: он не собирался попадаться кому-либо на глаза и, хотя район патрулировался полицией, мальчик хорошо знал о привычках полицейских. Они ходили парами, держась освещенных мест, и вмешивались, лишь когда закон нарушался в открытую. Этот район привлекал Торби еще и тем, что слухи о любом событии разносились тут за много часов до того, как о нем сообщали в новостях, и были много полнее скудных официальных сообщений, в которых факты либо перевирались, либо просто замалчивались.

Наверняка на улице Радости найдется хоть один человек, который знает, что случилось с отцом.

Торби по крышам добрался до этого «веселого» места. Спустившись по водосточной трубе в темный двор, он вышел на улицу Радости и остановился поодаль от фонарей, высматривая патрульных или знакомых. Народу кругом было полно, но в основном это были люди приезжие. Торби знал всех владельцев и почти всех работников каждого из заведений по обе стороны улицы, но войти в них не спешил, опасаясь попасть в лапы полиции. Он хотел найти человека, которому доверял, и поговорить с ним где-нибудь в подворотне.

Ни полиции, ни знакомого лица. А, нет! Вон тетушка Синэм.

Из всех гадалок, промышлявших на улице Радости, тетушка Синэм была самой лучшей, потому что никогда не нагадывала ничего, кроме удачи. И если предсказания тетушки не сбывались, клиенты были на нее не в обиде: приветливый голос тетушки звучал очень уж убедительно. Ходили слухи, что собственное богатство она приумножает, подрабатывая полицейской осведомительницей, но Торби не верил этим сплетням, потому что им не верил отец. Тетушка отлично знала все новости, и Торби решил попытать счастья. Если она и стучит в полицию, то сможет сказать лишь, что он жив и на свободе, а это легавым и так известно.

За углом справа от Торби находилось кабаре «Райский порт». Перед ним-то и расстелила свой коврик тетушка, дожидаясь конца представления, когда на улицу повалят клиенты.

Торби огляделся по сторонам и быстрым шагом дошел вдоль стены почти до самого кабаре.

— Тс-с! Тетушка!

Гадалка испуганно оглянулась, потом лицо ее приняло равнодушное выражение. Не разжимая губ, но достаточно громко, чтобы он мог ее услышать, она проговорила:

— Беги, сынок! Прячься! Ты что, с ума сошел?

— Тетушка... куда они его упекли?

— Забейся в нору и закрой за собой вход! За твою голову назначена награда!

— Награда? Брось, тетушка, кто станет платить за меня награду? Скажи лучше, где они его держат. Ты знаешь?

— Не держат они его!

— «Не держат»? Как это?

— Ты что, не знаешь? Бедный мальчик! Они его укоротили.

Торби был так потрясен, что потерял дар речи. Хотя Баслим не раз говорил с ним о своей смерти, Торби никогда не воспринимал его слова всерьез. Он даже представить себе не мог, что отец когда-нибудь умрет и покинет его.

Она говорила что-то еще, но Торби не слышал, и ей пришлось повторить:

— Ищейки! Сматывайся!

Торби оглянулся. В их сторону шли двое патрульных. Самое время удирать! Но с одной стороны улица, с другой — глухая стена. И ни одной лазейки, кроме дверей в кабаре... Если он шмыгнет туда в таком наряде, прислуга просто кликнет патруль.

Но другого выхода не было. Торби повернулся к полицейским спиной и вошел в узкое фойе кабаре. Там никого не оказалось. На сцене шло последнее действие, и даже зазывалы не было видно. Рядом стояла стремянка, а на ней висел ящик с прозрачными буквами, которые вывешивались снаружи для оповещения об очередном представлении. Торби бросил на них взгляд, и тут его осенила идея, которая преисполнила бы сердце Баслима гордостью за своего питомца. Схватив ящик и стремянку, Торби выскользнул на улицу.

Полицейские были уже близко, но Торби, не обращая на них внимания, приладил стремянку под небольшим светящимся табло над входом и полез наверх, держась к патрульным спиной. Его тело было ярко освещено, но лицо и плечи скрылись в тени над верхней строчкой афиши. Одну за другой он принялся снимать

буквы, из которых было составлено имя звезды нынешнего представления.

Двое полицейских подошли вплотную и остановились прямо под ним. Торби постарался унять охватившую его дрожь и продолжал трудиться с размеренностью батрака, выполняющего осточертевшую ему работу. Снизу послышался голос тетушки:

— Добрый вечер, сержант!

— Привет, тетушка. Какие байки сегодня травим?

— Вот еще, байки! Я вижу в будущем твоем прелестную юную деву, руки ее прекрасны, как птицы. Дай мне ладонь, может быть, я прочту там ее имя.

— А что скажет моя жена, не знаешь? Нет, сегодня мне не до болтовни, тетушка,— сержант посмотрел на мальчика, меняющего над входом вывеску, и потер подбородок.— Мы ловим отродье старого Баслима. Ты его не видела?

Он еще раз поднял голову, наблюдая за возней наверху, и его зрачки слегка расширились.

— Стала б я тут сидеть, если бы видела!

— М-м-м...— полицейский повернулся к напарнику.— Рой, пошарь-ка в заведении у Туза и не забудь про сортир. А я понаблюдаю за улицей.

— Есть, сержант!

Напарник ушел, и старший полицейский вновь повернулся к предсказательнице.

— Плохи дела, тетушка... Кто бы мог подумать, что Баслим, этот калека, станет шпионить против Саргона?

— И в самом деле, кто? — она наклонилась вперед.— А правда, что он умер от страха прежде, чем его укоротили?

— У него был при себе яд. Старик, видно, заранее знал, что ему грозит. Из норы его вытащили почти мертвым. Вот уж позлился наш капитан.

— Зачем его укорачивали, если он уже помер?

— Ну, ну, ты же знаешь, тетушка: закон есть закон. Вот его и укоротили, хотя мне это тоже не нравится,— сержант вздохнул.— Такие дела. Как подумаю о несчастном парнишке, которому этот старый мошенник задурил голову... А теперь комендант с капитаном ждут не дождутся получить от парня ответы на вопросы, на которые так и не ответил старик.

— Какая им от него польза?

— Да никакой, естественно,— сержант поковырял землю концом дубинки.— Но будь я на месте этого парня и знай, что старик подох, я был бы уже ой как далеко отсюда. Нашел бы какого-нибудь фермера, которой не интересуется городскими делами и нуждается в дешевой рабочей силе. Но раз я не он, то пусть мне этот парень только попадется, от меня так просто не убежишь, уж я его отведу на допрос к капитану.

— Скорее всего, он сейчас зарылся где-нибудь в бобовые грядки и помирает от страха.

— Возможно. Но это все же лучше, чем расхаживать по городу в укороченном виде,— сержант еще раз осмотрел улицу и крикнул:

— Ладно, Рой! Чего ты там застрял?

Прежде чем уйти, он еще раз взглянул на Торби.

— Ну, пока, тетушка. Если увидишь его, кликни нас.

— Разумеется. Хайль Саргон!

— Хайль, хайль...

Полицейский медленно пошел прочь, а Торби продолжал делать вид, будто работает. Он изо всех сил пытался унять нервную дрожь. Из кабаре повалил народ, и тетушка заголосила, суля счастье, удачу и милости фортуны всего лишь за несколько монет. Торби уже собирался спуститься вниз, сложить стремянку, забросить ее в кабаре и смыться, когда в его лодыжку вцепилась чья-то рука.

— Что ты здесь делаешь?

Торби похолодел, но тотчас сообразил, что это всего лишь управляющий, разгневанный тем, что его вывеску разобрали. Не глядя вниз, Торби сказал:

— А что случилось? Вы же сами мне заплатили, чтобы я снял эту афишу.

— Я? Заплатил тебе?

— Ну конечно. Вы сказали мне...— Торби скосил глаза вниз и притворился изумленным и смущенным.— Ой, это были не вы!

— Еще бы! А ну, слезай!

— Не могу! Вы держите меня за ногу!

Человек отпустил Торби и отступил на шаг, чтобы мальчик мог спуститься.

— Не знаю, какой идиот велел тебе...— увидев попавшее в луч света лицо мальчика, он запнулся и закричал:

— Да это же сын того самого нищего!

Торби метнулся в сторону, увернувшись от едва не схватившей его руки. Он лавировал между прохожими, а вслед ему несся вопль:

— Патруль! Патруль! Полиция!

Потом он снова оказался в темном дворе и, подгоняемый адреналином в крови, взлетел вверх по водосточной трубе, словно по ровной дороге. Он остановился, лишь преодолев добрую дюжину крыш, уселся возле дымохода и, переведя дух, попытался собраться с мыслями.

Итак, отец мертв. Невозможное случилось. Старый Подди не стал бы говорить, не знай он наверняка. И голова отца в эту минуту торчит на колу возле пилона вместе с головами других бедолаг! На миг представив себе это ужасное зрелище, Торби сжался в комок и заплакал.

Прошло немало времени, прежде чем он поднял голову и встал на ноги, вытирая глаза костяшками пальцев.

Папа мертв. Ладно, что же теперь делать?

Во всяком случае, отец сумел избежать допросов. К горечи в душе Торби примешалась гордость. Отец был по-настоящему умным человеком, и, хотя они его поймали, он все же напоследок посмеялся над ними.

И все-таки, как же теперь быть?

Тетушка Синэм предупредила: надо скрыться. Сержант Подди абсолютно ясно ему посоветовал, чтобы он сматывался из города. Хороший совет. Если Торби не хочет, чтобы его укоротили, надо покинуть город затемно. Отец не хотел бы, чтобы Торби сидел, дожидаясь ищеек: надо действовать быстро и без промедления. К тому же отцу уже ничем не поможешь, он мертв... Эй, постой-ка!

«Когда я умру, ты найдешь человека и передашь ему послание. Я могу положиться на тебя? Ты ничего не забудешь?»

Да, папа! Ты можешь быть уверен: я ничего не забыл, и я передам все слово в слово! Впервые за полтора дня Торби вспомнил, почему он вернулся домой раньше обычного: в порт прибыл корабль «Сизу»; его шкипер был одним из тех людей, которые значились в списке отца. «Первому из тех, кого ты встретишь»,— вот что сказал Баслим. Я не потерял голову, папа; я немножко расте-

рялся, но теперь я вспомнил, я сделаю! Я сделаю то, что ты говорил. Вспышка ярости придала Торби силы: это послание наверняка и есть то самое последнее и самое важное дело, которое не успел завершить отец. Ведь они сказали, что он шпион. Ну что ж, он поможет отцу довести дело до конца. Я все сделаю, папа! Мы им еще покажем!

Торби не мучали угрызения совести из-за той «измены», которую он собирался совершить: его привезли сюда как раба, против воли, и он не испытывал никакой преданности Саргону, а Баслим даже и не пытался ему внушить этого чувства. И вообще самым сильным из всех чувств, которые он питал к Саргону, был суеверный страх, но даже он отступил под натиском яростной жажды мести. Сейчас Торби не боялся ни полиции, ни самого Саргона; он просто хотел избежать встречи с ними, чтобы выполнить последнюю волю Баслима. Ну, а если его поймают, то... он надеялся, что все же успеет сделать все необходимое прежде, чем его укоротят.

Если «Сизу» все еще в порту...

О, он должен быть там! Тем не менее первым делом нужно узнать, не покинул ли корабль планету... Хотя, впрочем, нет, сначала нужно укрыться, пока не рассвело. Улизнуть от шпиков сейчас в миллион раз важнее, чем раньше, именно сейчас, когда до его тупой башки дошло, что есть еще кое-что, что он может сделать для папы.

Скрыться, найти «Сизу», передать послание его шкиперу... и это при том, что вся полиция района брошена на его поиски...

Может быть, лучше добраться до космоверфи, где его никто не знает, и, вернувшись в порт кружным путем, найти «Сизу»? Нет, так не годится: он уже чуть не попал в лапы тамошних патрулей, и все потому, что не знал местности. А здесь ему, по крайней мере, знаком каждый дом и большинство жителей.

Но ему нужна помощь. Не может же он просто выйти на улицу и заговорить с первым попавшимся звездолетчиком! К кому из его приятелей можно со спокойной душой обратиться за помощью? Зигги? Чепуха: Зигги тут же его выдаст, рассчитывая получить обещанную награду. За пару минимов Зигги продаст родную мать — Зигги считает, что тот, кто не думает о своей выгоде в первую очередь, в последнюю и всегда — просто губошлеп и придурок.

Кто же? Торби с огорчением подумал, что все его друзья одного с ним возраста и так же, как и он, мало что могут сделать. Он не знал, где ночует большинство из них, и уж конечно не мог рыскать по округе днем, чтобы встретиться с кем-нибудь. Что же касается тех немногих, что жили вместе с родителями и адреса которых он знал, то, во-первых, им вряд ли можно доверять, а во-вторых, их родичи сразу же побегут в полицию. В большинстве своем законопослушные граждане из тех, что были ему ровней, старались не лезть не в свое дело и не ссориться с властями.

Придется обратиться к друзьям отца.

Их он повычеркивал почти так же быстро. О большинстве этих людей он не мог сказать наверняка, близкие это друзья или просто знакомые. Единственный человек, до которого можно добраться и который сумеет помочь,— мамаша Шаум. Как-то раз она приютила Торби и Баслима, когда их выкурили газом из подземелья, и у нее всегда находилось для Торби доброе слово и холодное питье.

Приближался рассвет, и мальчик тронулся в путь.

Мамаша Шаум содержала пивную и гостиницу в дальнем конце улицы Радости, прямо напротив ворот порта, через которые звездолетчики выходили в город. Спустя полчаса, миновав немало крыш, пару раз спустившись в темные дворы и один раз перебежав через освещенную улицу, Торби оказался возле ее заведения. Он не осмелился войти прямо в дверь: его увидело бы слишком много народу, и Шаум была бы вынуждена вызвать патруль. Он подумал было о черном ходе и присел на корточки между двумя мусорными баками, присматриваясь, но потом рассудил, что, судя по голосам, на кухне битком народу.

Но когда он добрался до крыши, почти рассвело. Он все-таки отыскал чердачный люк, но ни открыть его, ни сломать голыми руками оказалось невозможно. Торби посмотрел во двор, рассчитывая спуститься вниз и, плюнув на все, проникнуть в дом с черного хода. Солнце почти взошло, и надо было спрятаться любой ценой. Заглянув за край крыши, он заметил вентиляционные отверстия — по одному с каждой стороны чердака. Они были едва ли шире его плеч, но вели в дом. Их проемы были забраны деревянными ставнями, но после нескольких неудачных попыток ему все же удалось выбить одну из них. Босыми ногами Торби сту-

пил на край проема и скользнул внутрь. Он влез по пояс, но набедренная повязка зацепилась за острые обломки ставни и не дала ему пролезть дальше. Ноги оказались внутри, а руки, грудь и голова — снаружи. Он был не в силах пошевелиться, а небо делалось все светлее и светлее.

Мальчик рванулся что было сил, и повязка порвалась. Он провалился вниз, ударившись головой и едва не потеряв сознание. Он замер и перевел дух, а затем кое-как приладил ставню на место. Конечно, она теперь не задержит всяких вредных зверьков, но снизу, с расстояния в четыре этажа, может обмануть глаз. Только теперь до него дошло, что он чуть не свалился с высоты этих четырех этажей.

Крыша была такая низкая, что по чердаку можно было передвигаться только ползком. Торби лихорадочно обшарил его в поисках люка. Первая попытка не увенчалась успехом, и мальчик даже засомневался, есть ли он здесь вообще. Торби знал, что в домах должен быть лаз на чердак, но вообще-то устройство домов было ему неизвестно, поскольку Торби не часто доводилось в них бывать.

Он смог отыскать лаз, только когда солнечные лучи пробились через вентиляционные отверстия и осветили чердак. Лаз оказался с противоположной стороны, ближе к улице.

И он был заперт снизу.

Но крышка оказалась не такой прочной, как ставня. Торби осмотрелся, нашел тяжелый прут, брошенный здесь каким-то строителем, и стал долбить им дерево. В конце концов он выбил сучок, отложил прут в сторону и заглянул в отверстие.

Под ним была комната; Торби разглядел кровать, на которой лежал человек.

Он решил, что большей удачи и быть не может. Ему предстоит иметь дело только с одним человеком, и он уговорит его найти мамашу Шаум, не поднимая тревоги. Он перестал наблюдать, сунул в отверстие палец и нащупал запор, потом ногтем отодвинул защелку и бесшумно поднял крышку.

Человек на кровати даже не шевельнулся.

Торби спустился в люк, уцепившись пальцами за его края, потом прыгнул и сжался в комок, стараясь не шуметь. Человек уже сидел на постели, нацелив на мальчика пистолет.

— Долго же тебя пришлось ждать. Уже целый час слушаю, как ты там скребешься.

— Матушка Шаум! Не стреляйте!

Она подалась вперед, всматриваясь в мальчика.

— Сын Баслима,— женщина тряхнула головой.— Да, парень, видочек у тебя... к тому же ты опаснее горящего матраса... Зачем ты сюда забрался?

— Мне больше некуда идти.

Она нахмурилась.

— Я полагаю, это комплимент... хотя лично я предпочла бы заразиться проказой,— она вылезла из постели в одной ночной рубашке и, прошлепав босыми ступнями к окну, выглянула наружу.— Ищейки здесь, ищейки там... ищейки обнюхивают каждый угол и распугивают моих клиентов... Ты, парень, наделал больше переполоху, чем те бунты на заводах. Почему бы тебе сразу не покончить с собой?

— Вы не спрячете меня, матушка?

— Кто сказал, что не спрячу? Я никогда еще никого не закладывала. Но я вовсе не обязана радоваться этому,— она посмотрела на мальчика.— Когда ты ел в последний раз?

— Не помню.

— Сейчас соберу чего-нибудь... полагаю, заплатить ты не сможешь? — она бросила на Торби колючий взгляд.

— Я не голоден. Матушка, вы не знаете, «Сизу» еще в порту?

— Что? Не знаю. Впрочем, знаю; да, он еще здесь, вечером ко мне заходили двое из экипажа. А зачем тебе?

— Я должен передать шкиперу послание. Я должен с ним встретиться. Обязательно!

Матушка Шаум издала полный отчаяния стон.

— Сперва он вламывается в дом порядочной работящей женщины и мешает ей спать, валится сверху, подвергая опасности ее жизнь и едва не переломав ей руки-ноги... да еще лицензию могут отобрать... от него воняет, он весь в крови, и теперь, хочешь не хочешь, а придется дать ему чистое полотенце, а стирка тоже денег стоит. Он голодный и не может заплатить за еду... И он еще смеет нагло требовать, чтобы я бегала по его поручениям!

— Я не голоден... и меня вовсе не волнует, дадут мне помыться или нет. Но я должен увидеться с капитаном Краузой.

— Будь любезен, не командуй в моей собственной спальне. Насколько я знаю старого мошенника, с которым ты жил, он избаловал тебя и недостаточно часто лупил. Тебе придется подождать, пока не придет кто-нибудь с «Сизу», чтобы я могла передать весточку капитану,— она повернулась к двери.— Вода в горшке, полотенце — на вешалке. Давай, отмывайся!

Матушка Шаум вышла.

Умывшись, Торби почувствовал себя лучше. На туалетном столике нашелся стрептоцид, и он обработал свои царапины. Шаум вернулась и положила перед Торби солидный кусок мяса, два ломтя хлеба, поставила кувшин молока и, ни слова не говоря, вышла из комнаты. Торби и мысли не допускал, что сможет есть после смерти папы, но теперь у него вновь разыгрался аппетит. Встреча с мамашей Шаум успокоила мальчика.

Хозяйка вернулась.

— Дожевывай и прячься. Ходят слухи, что полиция собирается обыскать каждый дом.

— Да? Тогда мне пора сматываться.

— Замолчи и делай то, что я говорю. Прячься.

— Куда?

— Сюда,— ответила она, указывая пальцем.

В углу у окна стоял пуфик, а рядом с ним размещался встроенный шкафчик. Главным его недостатком были размеры. Шириной он был с человеческое туловище, но высота его составляла лишь треть роста взрослого мужчины.

— Вряд ли я туда втиснусь.

— То же самое подумают и легавые. Давай быстрее,— она откинула крышку, вытащила барахло и приподняла заднюю стенку шкафчика. В стене открылось отверстие, ведущее в смежную комнату.— Суй туда ноги и не воображай, что ты первый, кто здесь прячется.

Торби влез в шкафчик и, просунув ноги в отверстие, лег на спину; опущенная крышка была в нескольких сантиметрах от его лица. Мамаша Шаум набросала сверху тряпья.

— Как ты там?

— Все в порядке. Матушка, а он правда мертв?

Ее голос смягчился.

— Да, малыш. Это очень печально.

— Вы уверены?

— Поначалу я тоже сомневалась, зная старика. И решила прогуляться к пилонам, убедиться. Это он. И знаешь, что я тебе скажу? У него на лице улыбка, будто он, как всегда, перехитрил их... Да так оно и есть. Они ох как не любят, когда человек умирает до допроса,— она опять вздохнула.— Если хочешь, можешь поплакать, но только тихо. Услышишь кого-нибудь — молчи.

Крышка захлопнулась. Торби боялся задохнуться, но через некоторое время понял, что в шкафчике были дыры для вентиляции. Воздуха не хватало, но дышать было можно. Он повернул голову, чтобы наваленная сверху одежда не давила на нос.

И, поплакав, заснул.

Его разбудили шаги и голоса, раздавшиеся очень вовремя: *спросонья он едва не сел в своем укрытии.* Крышка приподнялась и вновь захлопнулась, оглушив его; мужской голос сказал:

— В этой комнате пусто, сержант!

— Посмотрим! — Торби узнал голос Поддди.— Ты забыл про чердак. Давай лестницу.

— Там ничего нет,— сказала мамаша Шаум.— Наверху ничего, кроме воздуха, сержант.

— Я же сказал: «посмотрим».

И через несколько минут добавил:

— Дай-ка фонарик... Хм... вы правы, Шаум... Но он здесь был!

— Что?

— В том конце крыши выломана ставня... И следы в пыли. Я думаю, он пробрался через чердак, спустился в вашу спальню и убежал.

— Святые и черти! Ведь он мог убить меня в моей же постели! Так-то полиция нас бережет!

— Вы же не пострадали... И все-таки я посоветовал бы вам починить ставню, иначе у вас поселятся змеи и прочие их родственники,— он помолчал и продолжил: — Мне думается, он хотел отсидеться где-нибудь в этом районе, но понял, что это опасно, и вернулся в развалины. Что ж, если так, мы, конечно же, выкурим его оттуда.

— Так вы полагаете, мне ничего не грозит?

— А зачем ему нужен такой куль с жиром!

— Фи, как грубо! А я-то собиралась предложить вам промыть горло от пыли.

— Да? Ну что ж, идемте на кухню и обсудим это. Быть может, я неправ.

Торби услышал, как они уходят и уносят лестницу. Наконец он осмелился вздохнуть свободнее.

Вскоре мамаша Шаум вернулась и подняла крышку, ворча:

— Можешь размять ноги. Но будь готов сигануть обратно. Три пинты моего лучшего пива! Тоже мне, полицейские!

Глава 6

Шкипер «Сизу» появился в тот же вечер. Капитан Крауза был высоким и плотным белокурым мужчиной; озабоченное выражение лица и жесткая складка у рта говорили о привычке командовать и нести на своих плечах бремя ответственности. Он был явно зол на себя и на того человека, который осмелился оторвать его от повседневных забот. Капитан бесцеремонно оглядел Торби с ног до головы.

— Так что, матушка Шаум, это и есть тот человек, который говорил, будто у него ко мне важное дело?

Капитан изъяснялся на языке торговцев Девяти Миров, жаргонном варианте саргонезского, лишенном склонений и спряжений и имевшем чисто рудиментарный позиционный синтаксис. Но Торби понимал это наречие. Он ответил:

— Если вы — капитан Фьялар Крауза, то у меня есть к вам послание, благородный господин.

— Не называй меня «благородным господином». Да, я и есть капитан Крауза.

— Да, благор... то есть я хотел сказать, да, капитан.

— Если у тебя есть что сказать, то я слушаю.

— Да, капитан,— и Торби принялся излагать послание Баслима на языке Суоми.— «Капитану Фьялару Краузе, командиру звездолета "Сизу", от Калеки Баслима. Приветствую тебя, мой старый друг! Я передаю привет также твоей семье, клану и всей

родне. Выражаю почтительное уважение твоей досточтимой матери. Я говорю устами своего приемного сына. Он не понимает финского; я обращаюсь к тебе в частном порядке. Когда ты получишь это послание, меня уже не будет в живых...»

Крауза, уже начавший улыбаться, вдруг вскрикнул от изумления. Торби умолк.

— Что он говорит? — вмешалась мамаша Шаум.— Что это за язык такой?

— Это мой язык,— отмахнулся Крауза.— Так это правда? То, что говорит мальчишка?

— Какая правда? Откуда мне знать? Для меня его речь — пустой звук.

— О! Прошу прощения! Он говорит, что старый нищий, который болтался на площади и называл себя Баслимом, умер. Это так?

— Ага! Конечно, это правда. Я сама могла сказать вам, кабы знала, что вам интересно. Все знают о том, что он мертв.

— Все, кроме меня. А что с ним случилось?

— Его укоротили.

— Укоротили? За что?

Она пожала плечами.

— Почем мне знать? Ходят слухи, что он не то отравился, не то сделал еще что-то. В общем, убил себя сам, чтобы не попасть к ним на допрос. Но я не знаю наверняка. Я всего лишь бедная старая женщина, стараюсь жить честно, а цены с каждым днем растут... Полиция Саргона не делится со мной своими секретами.

— Но если... впрочем, не важно. Он обвел их вокруг пальца, верно? Это очень на него похоже,— Крауза обернулся к Торби.— Ну что ж, продолжай.

Прерванный на полуслове, Торби был вынужден вернуться к самому началу. Крауза с нетерпением дождался, пока мальчик дошел до слов «...уже не будет в живых. Мой сын — это все, что у меня было, и я доверяю его твоим заботам. Прошу тебя помочь ему и воспитать его, как это делал я. Я хотел бы, чтобы ты при первой же возможности передал мальчика капитану какого-либо военного корабля Гегемонии. Скажи, что он — похищенный гражданин Гегемонии и что ему нужно помочь в поисках семьи. Если они возьмутся за дело как следует, то смогут установить его лич-

ность и вернуть парня родным. В остальном всецело полагаюсь на твой опыт. Я велел ему слушаться тебя и полагаю, что он будет это делать. Он хороший мальчик, разумеется, со скидкой на возраст и житейский опыт, и я с легким сердцем доверяю его тебе. А теперь я должен уйти. Я прожил долгую и богатую событиями жизнь и вполне доволен ею. Прощай».

Капитан закусил губу, и на его лице появилось такое выражение, будто он с трудом сдерживает слезы. Наконец он хрипло произнес:

— Все ясно. Что ж, парень, ты готов?

— Сэр?

— Я забираю тебя с собой. Разве Баслим тебе не говорил?

— Нет, сэр. Но он велел мне делать все, что вы скажете. Я должен пойти с вами?

— Да. Как скоро ты сможешь отправиться в путь?

Торби сглотнул.

— Хоть сейчас, сэр.

— Тогда идем. Я должен вернуться на корабль,— капитан осмотрел Торби.— Матушка, нельзя ли подыскать для него что-нибудь поприличнее? Не могу же я взять на борт такого оборванца. Впрочем, не надо. Тут на улице есть лавочка, я сам куплю ему костюм и все, что нужно.

Женщина слушала его с возрастающим изумлением.

— Вы берете его к себе на корабль? — спросила она наконец.

— А вы против?

— Что? Вовсе нет... если вас не заботит, что его разорвут на куски.

— О чем это вы?

— Вы с ума сошли? По пути отсюда до ворот порта вы встретите не меньше шести ищеек, которые ради вознаграждения готовы землю рыть!

— Хотите сказать, что этот парень в бегах?

— Как вы думаете, чего ради я стала бы прятать его в своей спальне? Он жжется почище кипящего сыра!

— Но почему?

— Откуда мне знать? Только это так.

— Вы что, в самом деле считаете, будто такой вот парнишка может знать о делах Баслима так много, что они...

— Давайте не будем говорить о том, что делал или мог сделать Баслим. Я — законопослушная гражданка Саргона... и мне вовсе не хочется, чтобы меня укоротили. Вы говорите, что берете мальчишку на свой корабль. Я говорю «отлично!» Я рада избавиться от хлопот. Но как?

Крауза пощелкал костяшками пальцев.

— Я полагал,— медленно проговорил он,— что должен лишь провести его через ворота и заплатить эмиграционный сбор.

— Вы ошиблись, так что забудьте об этом. Нет ли возможности взять его на борт, минуя ворота?

Капитан явно встревожился.

— На этой планете приняты такие суровые меры против контрабанды, что мой корабль будет конфискован, если парня засекут. Вы просите меня рискнуть своим кораблем... своей головой... и всем экипажем.

— Я не прошу вас рисковать. У меня своих забот достаточно. Я лишь объяснила, как обстоят дела. Если хотите знать мое мнение, то попытка увезти Торби — чистое безумие.

— Капитан Крауза...— подал голос Торби.

— Чего тебе, парень?

— Папа велел мне делать все, что вы скажете... Но я уверен, что он не захотел бы подвергать вас риску из-за меня,— Торби проглотил подкативший к горлу комок.— Я не пропаду.

Крауза нетерпеливо рубанул ладонью воздух.

— Нет! — сурово произнес он.— Баслим хотел, чтобы я это сделал... а долги надо платить! Всегда!

— Не понимаю.

— А тебе и не нужно понимать. Баслим хотел, чтобы я забрал тебя с собой, значит, быть по сему,— он повернулся к мамаше Шаум.— Вопрос один: как это сделать? У вас есть какие-нибудь идеи?

— М-м-м... Есть одна мыслишка. Пойдемте, обсудим ее,— она повернулась.— А ты, Торби, лезь назад в свое укрытие и будь осторожен. Возможно, мне придется кое-куда сходить.

На другой день, незадолго до наступления комендантского часа, большой портшез покинул улицу Радости. Патрульный остановил его, и из-за занавески высунулась голова мамаши Шаум. Патрульный удивился.

— Уезжаете? Кто же будет заботиться о ваших клиентах, матушка?

— У Мюры есть ключи,— ответила женщина.— Но ты, как добрый друг, все же пригляди за моим заведением. Мюре не хватает моей твердости.

Мамаша Шаум вложила что-то в ладонь полицейского. Это «что-то» тотчас исчезло.

— Договорились. Вас не будет всю ночь?

— Надеюсь, что нет. Возможно, лучше иметь пропуск, как ты думаешь? Я хотела бы, завершив дела, сразу вернуться домой.

— Сейчас с пропусками строго.

— Все еще ищут мальчишку того нищего?

— В общем-то да. Но мы его найдем. Если он удрал за город, то сдохнет с голоду. Если остался здесь, его затравят.

— Ну, меня-то вы с ним не спутаете. Так как насчет краткосрочного пропуска для старой женщины, которой нужно нанести частный визит? — она положила на дверцу руку; между пальцами торчал уголок банкноты.

Патрульный взглянул на бумажку и заозирался по сторонам.

— До полуночи хватит?

— Думаю, этого достаточно.

Полицейский вытащил книжку с бланками, что-то нацарапал в ней, потом вырвал страничку и протянул женщине. Как только она взяла документ, деньги исчезли.

— Только не задерживайтесь после полуночи.

— Надеюсь управиться раньше.

Он заглянул в портшез, затем осмотрел его снаружи. Четверо носильщиков стояли спокойно, не говоря ни слова, да оно и неудивительно, поскольку все они были лишены языков.

— Откуда они? Из гаража «Зенит»?

— Я всегда вызываю оттуда.

— Кажется, я их узнаю. Неплохо подобраны.

— Осмотри их хорошенько. Может, среди них — сын нищего.

— Эти здоровые волосатые скотины? Бросьте, матушка!

— Пока, Шол.

Носильщики плавно подняли портшез и трусцой двинулись вперед. За углом Шаум приказала им замедлить ход и плотно

задернула занавески. Похлопала по разбросанным вокруг диванным подушкам.

— Как ты там?

— Вы меня почти раздавили,— ответил слабый голос.

— Лучше быть раздавленным, чем укороченным. Сейчас станет чуть полегче. Ну и острые же у тебя коленки!

Всю последующую милю она сосредоточенно переодевалась и обвешивалась драгоценностями. Затем опустила вуаль так, что видны были только ее живые черные глаза. Покончив с этим, высунула наружу голову и отдала несколько приказаний старшему носильщику; портшез свернул направо, к космопорту. Когда они добрались до высокого глухого забора, уже почти стемнело.

Ворота для звездолетчиков находятся в самом начале улицы Радости. Пассажирский выход был расположен восточнее, в здании эмиграционного контроля. Еще дальше, в районе складов, были торговые ворота, через которые везли грузы, и таможня. Еще дальше, в нескольких милях, находились ворота космоверфи. А между верфью и торговыми воротами была маленькая калитка для знати, для тех ее представителей, у которых хватало денег на содержание собственных космических яхт.

Портшез поравнялся с забором космопорта неподалеку от торговых ворот, свернул и двинулся вдоль стены к воротам, представлявшим собой несколько проездов, ведущих к разгрузочным докам. Дорогу преграждал барьер, подле которого надлежало разгружать прибывшие фургоны. Здесь работали инспекторы Саргона: взвешивали, обмеряли, протыкали и просвечивали грузы, прежде чем пропустить их за барьер, откуда портовые машины доставляли их к кораблям.

Этой ночью барьер третьего дока был открыт: заканчивалась погрузка Вольного Торговца «Сизу». Его хозяин наблюдал за ее ходом, препираясь с инспекторами и не забывая время от времени, как было заведено с незапамятных времен, «подмазывать» скрипучий механизм таможни. Младший инспектор, управлявшийся с расчетами при помощи блокнота и карандаша, делил с капитаном заботы.

Лавируя между фургонами, портшез приблизился к открытому доку. Оглянувшись, хозяин «Сизу» заметил даму под вуалью,

обозревавшую царящую здесь суматоху. Мельком посмотрев на часы, Крауза сказал младшему офицеру:

— Еще одно место, Ян. Отправляйтесь с этим грузовиком, а я поеду на последнем.

— Есть, сэр,— молодой человек забрался в машину и велел шоферу трогаться. Освободившееся место тут же занял пустой грузовик. Работа шла быстро, но хозяин нашел, к чему придраться. Он был чем-то недоволен и потребовал начать все сначала. Старший грузчик хотел было возмутиться, но хозяин прервал его, вновь взглянув на часы:

— Время еще есть. Я не хочу, чтобы контейнеры поломались прежде, чем мы доставим их к кораблю. Груз денег стоит. Так что уложите его получше.

Портшез двинулся вдоль забора. Вскоре совсем стемнело. Дама под вуалью посмотрела на светящиеся часы-перстень и велела носильщикам перейти на рысь.

Наконец они добрались до калитки для знати. Дама высунула голову и крикнула:

— Открывайте!

У ворот дежурили двое охранников. Один — в маленькой караулке, другой снаружи. Он открыл ворота, но как только портшез двинулся вперед, преградил дорогу жезлом. Остановившись, носильщики опустили портшез на землю. При этом его правая дверца была обращена к воротам.

Дама крикнула:

— С дороги! Яхта лорда Мэрлина!

Преградивший путь охранник заколебался.

— Есть ли у миледи пропуск?

— Ты что — сдурел?

— Если у госпожи нет пропуска,— медленно проговорил тот,— то, возможно, она предъявит какое-нибудь подтверждение тому, что лорд Мэрлин ожидает ее?

Голос женщины доносился из темноты; у охранника хватило ума не светить ей в лицо фонариком. У него был большой опыт общения с благородными господами. И все же голос дамы звучал сердито, она кипела от злости, будто котел.

— Ну, если ты и впрямь сдурел, что ж, свяжись с лордом. Позвони ему, и, я уверяю тебя, ты очень его обрадуешь!

Из будки вышел второй охранник.

— Что-то случилось, Шон?

— О нет.

Двое охранников принялись шептаться. Младший отправился звонить на яхту, второй остался у портшеза.

Однако у дамы, похоже, кончились остатки терпения. Распахнув дверцу, она выскочила наружу и, словно разъяренная тигрица, ринулась в будку, сопровождаемая изумленным охранником. Звонивший отнял палец от клавиш, так и не добившись соединения, оглянулся... и почувствовал, что у него подгибаются ноги. Он и не представлял себе, что дела его настолько плохи. Перед ним стояла не ветреная инфанта, удравшая от своей дуэньи, а разгневанная матрона, вполне способная упечь человека на общественные работы, а то и куда подальше. И, судя по ее норову, она вполне могла так и сделать. Охранник с разинутым ртом слушал ее цветистую едкую брань и думал о том, что сегодняшний день — самый черный и мрачный из всех за все годы его службы у калитки для благородных господ и леди.

Внимание обоих стражников было целиком поглощено красочной речью мамаши Шаум. Тем временем из портшеза выбрался человек, шмыгнул в открытые ворота и вскоре исчез из виду, скрывшись во мраке, окутывавшем стартовую площадку. Торби бежал, каждую секунду ожидая горячий удар парализующей пули, но у него достало храбрости не потерять голову и ориентировку. Отыскав по разметке нужную полосу, он ничком бросился на асфальт.

Мамаша Шаум умолкла, чтобы перевести дух.

— Госпожа,— попытался успокоить ее один из охранников.— Если вы дадите нам возможность дозвониться до...

— Забудьте об этом! Впрочем, нет! Помните! Не далее завтрашнего дня вы получите весточку от лорда Мэрлина,— мамаша Шаум рухнула на сиденье портшеза.

— Госпожа, прошу вас...

Она пропустила его слова мимо ушей и отдала отрывистое приказание рабам. Те подняли портшез и сразу пошли рысью. Рука одного из стражников дернулась к поясу, словно он почуял что-то неладное. Но замерла. Охранник не рискнул подстрелить носильщика знатной дамы, что бы там ни было у нее на уме.

К тому же она ведь не нарушила закон.

Когда владелец «Сизу» наконец-таки остался доволен тем, как загружена последняя машина, он забрался на трейлер, взмахом руки велел водителю трогаться и двинулся вперед, к кабине.

— Эй, ты! — крикнул он, постучав в заднее окошко.

— Да, капитан? — донесся слабый голос водителя.

— Я видел знак «стоп» на дороге, там, где она выходит на полосу, ведущую к кораблям. Я заметил, что большинство водителей даже не обращают на него внимания.

— Ах, этот? Та дорога обычно пуста. Ею пользуются только благородные, потому и стоит знак.

— О чем я тебе и толкую. В любой момент может появиться любой из них, и я просрочу старт из-за дурацкой дорожной аварии. А тогда меня могут задержать на много девятидневок.

— Как скажете, капитан. Чай, деньги вы платите.

— Это точно.

Банкнота в полстеллара исчезла в кабине.

Когда грузовик притормозил, Крауза подошел к заднему борту. Машина остановилась, капитан наклонился и втащил в кузов Торби.

— Тихо!

Мальчик кивнул, сдерживая дрожь. Капитан достал инструменты и принялся за контейнер. Вскоре одна из стенок отвалилась и капитан, откинув джутовую ткань, принялся выгребать наружу листья верги, стоившие бешеных денег на любой другой планете. Вскоре получилось нечто вроде большой норы, а фунтов сто листьев унесло ветром.

— Лезь сюда!

Торби протиснулся в ящик, стараясь сжаться как можно плотнее. Крауза натянул ткань, прибил планки и запечатал контейнер поддельной печатью инспекции, вручную изготовленной в мастерских звездолета. Потом выпрямился и смахнул со лба пот. Машина свернула к погрузочной площадке «Сизу».

Капитан лично проследил за окончанием погрузки. Рядом стоял инспектор Саргона, отмечая каждый контейнер, каждый ящик, исчезавший в трюме. Потом Крауза, как водится, отблагодарил инспектора и шагнул в подъемник вместо того, чтобы воспользоваться

пассажирским лифтом. Оператор осторожно повел подъемник вверх, так как в гондоле стоял человек. Трюм был заполнен почти до отказа; груз уже принайтовили, и экипаж взялся за последние ящики. Даже капитан приложил руку, во всяком случае, сам перетащил один из контейнеров. Освободив груз от талей, экипаж задраил люки. Капитан Крауза вновь полез в карман и, достав инструмент, начал вскрывать контейнер.

Два часа спустя мамаша Шаум стояла у окна спальни и смотрела в сторону космопорта. Она бросила взгляд на часы. С башни взмыла зеленая ракета. Через несколько секунд в небо взметнулся столб белого пламени. Когда донесся рев двигателей, женщина усмехнулась и спустилась вниз посмотреть, как идут дела. Ведь одной Мюре нипочем не справиться.

Глава 7

Первые несколько миллионов миль полета Торби провел в тягостном убеждении, что совершил ошибку.

Он лишился чувств от дурманящего аромата листьев верги и очнулся в крошечной одноместной каюте. Торби проснулся с неприятным ощущением. В «Сизу» поддерживалась сила тяжести в одну стандартную единицу гравитации, но тело мальчика чувствовало, что сила эта не такая, как на Джуббуле. К тому же искусственное тяготение отличалось от естественного. Тело еще сохранило воспоминание о невольничьем трюме, и ощущение полета навеяло первое за многие годы кошмарное сновидение.

Его усталому одурманенному мозгу потребовалось немало времени, чтобы перебороть страх.

Наконец Торби окончательно пришел в себя и, осмотревшись, сообразил, что находится в безопасности на борту звездолета. Мальчик облегченно вздохнул и с удовольствием подумал о том, что он куда-то летит. Новизна и перемены оттеснили на задний план даже горечь потери отца.

Помещение, в котором он находился, имело форму куба с длиной стороны, превышавшей собственный рост Торби на фут или чуть больше. Мальчик лежал на койке, занимавшей чуть ли не

всю каюту, и под ним был настоящий, удивительно мягкий матрац из теплого, упругого и гладкого материала. Торби потянулся и зевнул, удивляясь роскоши, в которой живут торговцы. Затем спустил ноги на палубу и встал.

Койка беззвучно поднялась и утонула в переборке. Торби, как ни старался, не смог понять, каким образом снова опустить ее. Наконец он прекратил свои потуги. Он выспался и теперь хотел осмотреться.

Когда он открыл глаза, потолок слабо светился, а когда встал, свет сделался ярче. Но и при свете мальчик не увидел дверей. С трех сторон его окружали металлические панели, каждая из которых могла оказаться дверью, но ни на одной из них не было видно ни петель, ни замков, ни других привычных деталей.

Торби подумал, что его вполне могли запереть, но это его не обеспокоило. Он жил в подземелье, а трудился на площади, так что ему была неведома боязнь замкнутых или открытых пространств; мальчику лишь хотелось найти дверь, и он подосадовал, что не может этого сделать. Даже если дверь закрыта, капитан Крауза вряд ли станет держать его взаперти слишком долго, подумал Торби. Но дверь так и не нашлась.

На полу лежали шорты и рубашка. Он проснулся обнаженным, как спал всегда. Взяв одежду, Торби робко помял ее в руках, дивясь ее великолепию. Он вспомнил, что примерно такие же вещи носит большинство космонавтов, и его на миг охватил восторг от того, что теперь и ему доступна подобная роскошь. Но мгновение спустя его разум отверг столь дерзкое предположение.

Однако затем Торби вспомнил, что капитан Крауза не хотел, чтобы мальчик появлялся на борту в своей обычной одежде — да, капитан собирался зайти в лавку на улице Радости, где продают товары для космонавтов! Он так и говорил!

Наконец Торби убедил себя в том, что одежда приготовлена для него. Для него! Набедренная повязка исчезла, а капитану вряд ли хочется, чтобы Торби ходил по кораблю нагишом. Он не страдал излишней застенчивостью; условности на Джуббуле больше касались высших сословий. Тем не менее одежду носили.

Торби оделся, дивясь собственному нахальству. Сначала он натянул шорты задом наперед и лишь потом, заметив оплошность,

надел их как следует. Рубашку, похожую на пуловер, он также надел неправильно, но это не так бросалось в глаза. Полагая, что он сделал все как нужно, мальчик не стал переодеваться. Он почувствовал неодолимое желание посмотреться в зеркало. Шорты и рубашка были простого покроя, без особенных украшений, светло-зеленого цвета, из крепкого недорогого материала; это была обычная роба, взятая со склада корабля. Одежду такого типа столетиями носили мужчины и женщины многих планет. Но истинно говорю вам, и Соломон во всей славе своей не был одет, как Торби! Оглаживая костюм, он мечтал только об одном — чтобы кто-нибудь еще увидел это великолепие. Он принялся с удвоенным рвением разыскивать дверь.

Дверь отыскалась сама. Проведя рукой по одной из панелей, Торби почувствовал дуновение и, оглянувшись, увидел, что одна переборка исчезла. За ней был коридор.

По искривленному коридору к Торби приближался молодой человек. Торби был вне себя от радости, увидев, что одежда на человеке мало чем отличается от его. Он шагнул вперед и вежливо приветствовал юношу на саргонезском жаргоне торговцев.

Глаза молодого человека скользнули по мальчику, но он прошел мимо, как будто к нему никто не обращался. Торби запнулся, озадаченный и немного обиженный. Потом повторил приветствие на интерлингве.

Человек исчез прежде, чем Торби успел пустить в ход другие известные ему языки. Он пожал плечами и решил не обращать внимания. Бродяге нельзя быть слишком чувствительным. Торби принялся изучать звездолет.

За двадцать минут ему удалось увидеть немало интересного. Во-первых, «Сизу» оказался намного больше, чем он думал. До сих пор ему не доводилось видеть космический корабль изнутри, разве что из невольничьего отсека. На расстоянии звездолеты, стоявшие на площадке космопорта в Джуббуле, выглядели весьма внушительно, но не такими громадами! Во-вторых, Торби удивило число людей на борту. Он знал, что экипажи грузовиков Саргона, курсирующих между планетами Девяти Миров, состоят из шести-семи человек, а здесь он за считаные минуты встретил в несколько раз больше людей обоих полов и самых разных возрастов.

В-третьих, Торби с огорчением заметил, что на него никто не обращает внимания. Люди либо вовсе не удостаивали его взглядом, либо не отвечали на обращенные к ним слова; если бы он вовремя не отступал в сторону, они, похоже, запросто могли бы пройти сквозь него. Единственным человеком, с которым ему почти удалось пообщаться, была крошечная девочка, едва научившаяся ходить. В ответ на его попытку заговорить она посмотрела на него серьезными, чуть печальными глазами, но ее тут же утащила женщина, которая даже не взглянула на Торби.

Такое обращение было ему хорошо знакомо; именно так знать Джуббула относилась к людям его круга. Благородные не видели их, бедняков как бы не существовало, и даже милостыню им передавали через рабов. На Джуббуле Торби не обижало подобное отношение — это было естественно и в порядке вещей, и мальчик не чувствовал себя из-за этого отверженным или оскорбленным. Его всегда окружали добрые друзья, такие же, как и он, бедняки, и Торби никогда не ощущал себя изгоем.

Но, знай он, что члены экипажа «Сизу» отнесутся к нему так же, как джуббульская знать, он ни за что не взошел бы на борт, невзирая на травлю. Однако такого он никак не ожидал. Капитан Крауза, услышав послание Баслима, отнесся к мальчику дружелюбно, пусть даже по-отечески грубовато, и Торби полагал, что экипаж «Сизу» станет воспринимать его так же, как командир звездолета.

Он бродил по стальным коридорам, чувствуя себя привидением в царстве живых, и в конце концов, загрустив, решил вернуться в каюту, в которой проснулся час назад. Но тут же понял, что заблудился. Он по памяти восстановил дорогу назад (уроки Баслима пошли ему впрок), но обнаружил лишь безликий тоннель. Торби начал поиски сызнова и, ощутив некое неудобство, решил, что найдет он свою каюту или нет, но туалет отыщет, даже если ему придется схватить кого-нибудь и как следует встряхнуть, чтобы дознаться, где это место.

Он сунулся в какую-то дверь, но, услышав исполненный негодования женский визг, поспешно отпрянул. За спиной хлопнула дверь.

В тот же миг его едва не сбил с ног шедший быстрым шагом мужчина, который заговорил с ним на интерлингве:

— Чего ты тут шляешься и повсюду суешь свой нос?

Торби почувствовал облегчение. Уж лучше брань, чем полное пренебрежение.

— Я заблудился,— робко произнес он.

— А чего тебе на месте не сиделось?

— Я не знал, что должен был... простите, благородный сэр. К тому же там не было туалета.

— Ясно. Туалет расположен напротив твоей каюты.

— Я не знал, благородный сэр.

— М-м-м... да уж, конечно, не знал. Кстати, я не «благородный сэр», а первый помощник главного энергетика. Постарайся запомнить. Пошли,— мужчина схватил Торби за руку и быстро потащил его по лабиринту к тому самому туннелю, в котором мальчик так растерялся от непонятного к нему отношения. Офицер тронул рукой стальную переборку.

— Вот твоя каюта.

Панель скользнула в сторону.

Потом мужчина повернулся и точно так же тронул противоположную переборку.

— Это гальюн для холостяков правого борта,— увидев, что Торби смутился при виде незнакомых приспособлений, человек с легким презрением проинструктировал его, а потом проводил мальчика обратно в каюту.

— Оставайся здесь. Поесть тебе принесут.

— Первый помощник главного энергетика, сэр?

— Что еще?

— Нельзя ли мне поговорить с капитаном Краузой?

Мужчина удивился.

— Ты полагаешь, у шкипера нет других забот, кроме как заниматься тобой?

— Но...

Офицер уже ушел, и Торби обращался к стальной переборке.

Вскоре появилась еда. Юнец, притащивший поднос, держался так, словно в каюте вообще никого не было. Спустя некоторое время он принес еще несколько тарелок и забрал опустевшие. Торби почти удалось заставить его обратить на себя внимание: уцепившись за поднос, он заговорил на интерлингве. В глазах

молодого человека сверкнула искра понимания, но он ответил лишь презрительным:

— Фраки!

Торби не знал этого слова, но интонацию, с какой оно было произнесено, понял прекрасно.

Фраки — это маленькая безобразная полуящерица, питающаяся падалью, обитатель Примы III Альфы Центавра, одного из первых миров, заселенных людьми. Это мерзкое, практически безмозглое создание с отвратительными повадками. Мясо фраки мог бы съесть только умирающий с голоду. Кожа ее неприятна на ощупь и противно воняет.

Но «фраки» означает нечто большее. Так обычно называют «крота» — того, кто не высовывает носа дальше своей планеты, не нашего, не человека, изгоя, иностранца, дикаря, существо, недостойное даже презрения. В языках старой Земли почти каждое название животного служило ругательством: свинья, собака, корова, акула, скунс, червяк — всего не перечислить. Но ни одно из этих слов не звучало так обидно, как «фраки».

К счастью, Торби смог понять лишь одно: молодой человек не желает с ним разговаривать... это было ясно и без слов.

Вскоре Торби задремал. Но хотя его и научили движением руки открывать дверь, он так и не сумел найти комбинацию поглаживаний, толчков и надавливаний, которая помогла бы ему откинуть койку. Пришлось ночевать на голом полу. Утром доставили завтрак, но Торби не сумел остановить того, кто его принес, или хотя бы нарваться на новое оскорбление; в туалете напротив ему встретились несколько юношей. Они по-прежнему не обращали на Торби внимания, но, понаблюдав за ними, он обнаружил, что в туалете можно стирать одежду. Ее полагалось засунуть в специальную машину, которая, поработав несколько минут, выдавала шорты и рубашку свежими и отглаженными. Торби был так очарован техникой, что выстирал свежевыстиранное... целых три раза. Больше делать было нечего. Следующую ночь он опять провел на полу.

Торби сидел в каюте, чувствуя глубокую тоску и боль при воспоминании об отце и жалея, что покинул Джуббул. Вскоре кто-то поскребся в его дверь.

— Можно войти? — раздался робкий голос, произносивший саргонезские слова с сильным акцентом.

— Входите! — с готовностью отозвался Торби и вскочил на ноги, чтобы открыть дверь. Перед ним стояла женщина средних лет с милым добрым лицом.— Добро пожаловать,— сказал он по-саргонезски и отступил в сторону.

— Благодарю, вы очень любезны,— она запнулась и быстро спросила:

— Не говорите ли вы на интерлингве?

— Разумеется, мадам.

— Хвала небесам,— пробормотала она на английском Системы.— Саргонезского у меня совсем мало,— и перешла на интерлингву:

— Тогда давайте говорить на этом языке, если вы не возражаете.

— Как вам будет угодно, мадам,— ответил Торби и добавил по-английски: — Если, разумеется, вы не предпочтете другие языки.

Она удивилась.

— На скольких же языках вы говорите?

Торби задумался.

— На семи,— ответил он,— и понимаю еще несколько, но не осмелюсь утверждать, что говорю на них.

Ее удивление росло с каждой минутой.

— Возможно, я ошиблась. Но, поправьте меня, если я не права, мне сказали, что вы — сын нищего из Джаббулпорта.

— Я сын Калеки Баслима,— с гордостью произнес Торби.— Саргон по доброте своей выдал ему лицензию на нищенство. Мой отец был мудрым, ученым человеком, и мудрость его была известна всей площади, от края до края.

— Верю... Так что, все нищие Джаббула такие же замечательные полиглоты?

— Что вы, мадам! Большинство говорят лишь на площадном жаргоне. Но мой отец не позволял мне этого... ну, разве что в интересах дела.

— Разумеется,— женщина моргнула.— Хотела бы я быть знакомой с твоим отцом.

— Спасибо, мадам. Может быть, присядете? Мне очень жаль, но я могу предложить вам только палубу. Но уж зато вся она в вашем распоряжении.

— Благодарю,— она уселась с гораздо большим трудом, чем Торби, который провел в позе лотоса тысячи часов, надрывая глотку мольбами о подаянии.

Торби никак не мог решить, закрыть ли ему дверь, или же дама (на саргонезском он называл бы ее «миледи») оставила ее открытой нарочно. Мальчик чувствовал, что тонет в океане незнакомых обычаев и условностей, и общественное устройство корабля было ему совершенно непонятно. Он разрешил эту проблему при помощи здравого смысла, спросив:

— Предпочитаете ли вы закрыть дверь или держать ее распахнутой, мадам?

— А? Не имеет значения. Хотя, впрочем, пусть остается открытой. Здесь живут холостяки, а я располагаюсь в той части корабля, где обитают незамужние женщины. Но я пользуюсь некоторыми льготами и дополнительными свободами... ну, скажем, как комнатная собачка. Я — «фраки», но меня терпят,— последние слова она произнесла со смущенной улыбкой.

Торби не уловил смысла.

— Собака? Это животное, произошедшее от волка?

Она пристально посмотрела на него.

— Ты учил этот язык на Джаббуле?

— С самого раннего детства я жил только на Джаббуле. Простите, если я выражаюсь неправильно. Может быть, лучше поговорим на интерлингве?

— Нет, нет... Ты прекрасно говоришь по-английски. Твой земной акцент гораздо меньше моего. А я так и не сумела избавиться в гласных от местного произношения. Но я стараюсь, чтобы меня понимали. Кстати, я забыла представиться. Я не торговец. Я антрополог, и они позволили мне совершить путешествие на их корабле. Меня зовут доктор Маргарет Мейдер.

Торби склонил голову и сложил ладони.

— Рад нашему знакомству. Меня зовут Торби, сын Баслима.

— Мне тоже очень приятно, Торби. Зови меня Маргарет. Мой титул здесь ничего не значит, поскольку он не имеет отношения к корабельной иерархии. Знаешь ли ты, что такое антрополог?

— Простите, мадам... Маргарет.

— Название громкое, но означает по сути простую вещь. Антрополог — это ученый, исследующий человеческое общежитие.

— Разве это наука? — с сомнением спросил Торби.

— Иногда я и сама не знаю. Но это — достаточно сложные исследования, потому что люди могут устраивать свои общины бесчисленным количеством способов. Существует лишь шесть признаков, объединяющих людей и отличающих нас от животных: три из них относятся к анатомии, к тому, как работает наше тело, а три других приобретаются обучением. Все остальное — поступки людей, их вера, обычаи — чрезвычайно разнообразно. Антропологи изучают это разнообразие, эти переменные величины. Ты знаешь, что такое «переменная»?

— Икс в уравнении? — неуверенно предположил Торби.

— Совершенно верно! — радостно ответила женщина.— Мы изучаем иксы в человеческих уравнениях. Именно этим я и занимаюсь. Я изучаю образ жизни Вольных Торговцев. У них принят самый, вероятно, необычный во всей истории людей способ решения этой сложной задачи — как быть человеком и выжить. Они уникальны.

Она непрерывно ерзала по полу.

— Торби, можно, я пересяду в кресло? Мое тело уже не так гибко, как в молодости.

Торби покраснел.

— Мадам, у меня ни одного нет. Я не...

— Одно из кресел расположено прямо за твоей спиной. И еще одно — за моей,— она привстала и прикоснулась рукой к стене. Панель раздвинулась, и из нее выползло небольшое кресло.

Увидев озадаченное лицо мальчика, она спросила:

— Разве они тебе не показали? — и сделала то же самое с другой стеной; в каюте появилось еще одно сиденье.

Торби осторожно присел, потом позволил себе расслабиться и уселся всем телом, почувствовав, что кресло само приняло наиболее удобную форму. На его лице появилась широкая улыбка.

— Здорово!

— А ты знаешь, как раскрыть откидной столик?

— Столик?

— Боже праведный, неужели они вообще ничего тебе не показали?

— Ну... сначала тут была койка. Но я потерял ее.

Доктор Мейдер что-то пробормотала и сказала вслух:

— Можно было догадаться. Торби, я восхищаюсь этими Торговцами. Я даже иногда испытываю к ним нежные чувства. Но порой они бывают до глупости слесивыми и самовлюбленными. Впрочем, не буду ругать наших хозяев. Вот,— она дотронулась руками до двух кружков на стене, и исчезнувшая койка появилась вновь. Теперь, при двух откинутых креслах, в каюте почти не осталось места. Пожалуй, тут мог бы стоять только один человек.

— Лучше я уберу ее. Ты заметил, что я делала?

— Дайте я попробую.

Маргарет показала Торби и другие встроенные предметы, которые прятались в, казалось бы, совершенно гладкую стену: два кресла, койку, шкафчики для одежды. Торби обнаружил, что в его распоряжении еще две смены одежды, две пары мягких корабельных туфель, еще несколько странных, на его взгляд, предметов: книжные полки, на которых, впрочем, стояли только брошюры «Устава "Сизу"», фонтанчик для питья, лампа для чтения в кровати, интерком, часы, зеркало, пульт управления температурой в комнате, а также еще какие-то устройства, назначения которых он не мог понять, поскольку сроду не видал таких вещей.

— Что это? — наконец спросил он.

— Это? Наверно, микрофон для связи с кабиной старшего помощника. А может быть, имитация, а настоящий где-нибудь спрятан. Но не беспокойся: на этом корабле никто не говорит по-английски, и у старшего помощника тоже. Тут пользуются «секретным» языком, да только никакой он не секретный: самый обычный финский. У каждого Торговца свой язык — один из земных, а для связи между кораблями официально принят общий «секретный» язык, представляющий собой упрощенную латынь, но и на латыни они не говорят: Свободные Корабли общаются на интерлингве.

Торби слушал вполуха. Ему было просто приятно находиться в обществе, и он наслаждался тем, как к нему относится Маргарет.

— Доктор Мейдер... а почему они не говорят с людьми?

— Что?

— Вы — первый человек, заговоривший со мной.

— Ага,— она сразу же погрустнела.— Мне следовало понять это самой. Они попросту не замечают тебя, верно?

— Ну... они кормят меня.

— Но разговаривать не желают. Бедный мой! Торби, они не хотят говорить с тобой потому, что ты не относишься к «людям». Так же, как и я.

— С вами они тоже не разговаривают?

— Теперь разговаривают. Для этого потребовалось прямое распоряжение старшего помощника и много терпения с моей стороны,— она нахмурилась.— Торби, у каждой клановой культуры — а я не знаю другую, которой были бы в такой же мере присущи черты клановости,— у каждой такой культуры есть особое слово... которое означает «человек». Правда, произносят его поразному. Такое слово обозначает их самих. «Я и моя жена, мой сын Джон и его жена, нас четверо, а больше никого нет на всем белом свете». Такая точка зрения отсекает их от всех прочих групп людей и отрицает право других считаться людьми. Тебе уже довелось слышать слово «фраки»?

— Да. Но я не знаю, что это значит.

— Фраки — это безвредное, но достаточно противное животное. В их устах «фраки» означает «чужак».

— Ну что ж, я действительно чужой для них.

— Да, но это означает, что ты никогда не станешь ничем иным. Это означает, что ты и я — недочеловеки, стоящие вне закона — их закона.

Торби растерялся.

— Значит ли это, что мне придется безвылазно сидеть в каюте и ни с кем не разговаривать?

— Великое небо! Не знаю. Но ведь я-то раговариваю с тобой.

— Спасибо!

— Посмотрим, что я сумею для тебя сделать. Торговцы отнюдь не жестоки, в них лишь сквозит провинциальное высокомерие. Им и в голову не приходит, что ты способен что-то чувствовать. Я поговорю с капитаном. Мы с ним условились побеседовать, как только корабль окажется в безопасной сверхсветовой области,— она взглянула на часы.— Господи, уже столько времени! Я при-

шла поговорить о Джуббуле, а мы даже не вспомнили об этом! Ты позволишь мне прийти еще?

— Я хотел бы вас видеть почаще.

— Ну вот и хорошо. Культура Джуббула изучена неплохо, но, как мне кажется, ни один исследователь не имел возможности взглянуть на нее с вашей точки зрения. То, что ты оказался профессиональным нищим, весьма и весьма меня обрадовало.

— То есть?

— Видишь ли, ученые, которым довелось изучать Джуббул, общались в основном с высшей знатью планеты. О жизни рабов они могли судить... ну, скажем, поверхностно, а не изнутри. Понимаешь?

— Верно,— кивнул Торби,— и если вам захочется узнать о жизни рабов побольше, то я к вашим услугам.

— Ты был рабом?

— Я вольноотпущенник. Мне следовало сказать вам раньше,— проговорил он, ощущая некое неудобство и даже опасение, что новообретенный друг, узнав о его социальном происхождении, отнесется к нему с презрением.

— Что ты! Да я счастлива узнать об этом! Торби, ты просто кладезь сокровищ! Слушай, милый, мне нужно бежать, я опаздываю. Ты не будешь возражать, если я к тебе вскоре загляну?

— Ну что вы, Маргарет! — и он честно добавил: — Ведь мне все равно больше нечего делать.

Этой ночью Торби спал на своей новой чудесной кровати. Все утро он провел в одиночестве, но не скучал, так как у него появилась масса игрушек, с которыми он мог забавляться. Он извлекал предметы и вновь заставлял их прятаться, восхищаясь тем, как удобно и компактно все устроено. Чтобы придумать все это, нужно прямо-таки дьявольское хитроумие, подумал он. Баслим говорил, что магии и волшебства не существует, но факты сильнее любых слов. На Джуббуле есть уйма колдунов, а если они не занимаются магией, то чем же, простите, они занимаются?

Он уже в шестой раз раскладывал койку, когда раздался пронзительный звук, от которого Торби едва не выпрыгнул из башмаков. Это были колокола громкого боя, возвещавшие учебную тревогу и призывавшие всех занять свои места, но Торби об этом не

знал. Уняв сердцебиение, он приоткрыл дверь и выглянул наружу. По коридору сломя голову бежали люди.

Мгновение спустя их и след простыл. Мальчик вернулся в каюту и попытался привести в порядок свои мысли. Вскоре его острый слух уловил, что мягкое шуршание вентиляторов стихло. Но Торби не знал, что ему делать. Он должен был сейчас прятаться в особом помещении вместе с детьми и теми, кому не полагалось участвовать в боевых действиях, но не ведал об этом.

Поэтому он просто ждал.

Снова прозвучали колокола, но на сей раз звук сопровождался рожком, и опять по коридорам помчались люди. Тревога повторялась снова и снова: экипаж отрабатывал «общий аврал», «пробоину в корпусе», «отказ энергосистемы», «отказ системы подачи воздуха», «радиационную опасность» — все приемы, которые обычно предлагаются космонавтам во время учений. В какой-то момент отключилось освещение и исчезло искусственное поле тяготения, и Торби испытал еще с давних времен поражавшее его ощущение свободного падения.

Вся эта непонятная суета продолжалась достаточно долго, и наконец мальчик услышал звук отбоя, а вентиляционная система вновь заработала нормально. Никому даже в голову не пришло побеспокоиться о Торби; старая женщина, командовавшая небоеспособным населением корабля, забыла о каком-то фраки, хотя пересчитывала по головам даже животных, находящихся на борту.

Сразу же после тревоги Торби вызвали к старшему помощнику.

Человек, открывший его дверь, схватил мальчика за плечо и вытащил наружу. Поначалу Торби был слишком ошарашен, чтобы сопротивляться, но, пройдя несколько шагов, взбунтовался: он был сыт по горло подобным обращением.

Чтобы выжить в Джаббулпорте, он был вынужден научиться приемам уличной драки; однако этот его противник явно изучал боевое искусство, построенное на научных основах и самообладании. Торби все же изловчился и нанес один-единственный удар, после чего был прижат к переборке с вывернутым и едва не сломанным запястьем.

— Прекрати дурить!

— А куда ты меня тащишь?

— Я сказал, прекрати эти глупости! Тебя вызывает старший помощник. Не зли меня, фраки, или я выбью мозги из твоей башки!

— Я хочу видеть капитана Краузу!

Мужчина слегка ослабил хватку и ответил:

— Увидишь. Но тебя вызывает старший помощник, а она не любит ждать. Ты успокоишься? Или доставить тебя по частям?

Торби покорно поплелся следом. Вывернутая кисть вкупе с нажимом на нерв, проходящий под костью, имеет свою грубую логику. Они поднялись по палубам, и мужчина втолкнул его в открытую дверь.

— Старший помощник! Я привел этого фраки.

— Благодарю вас, мастер третьей палубы. Вы можете идти.

Торби понял только слово «фраки». Придя в себя, он осмотрелся и увидел, что находится в помещении, в несколько раз превосходящем размерами его собственную каюту. Самым заметным предметом обстановки была огромная кровать, но крохотная фигурка, покоящаяся на кровати, довлела над всем окружающим. Оторвав от нее взгляд, Торби только теперь заметил, что по одну сторону кровати молча стоит Крауза, а по другую — еще одна женщина, ровесница капитана.

Женщина на кровати, несмотря на преклонные годы, излучала властность и силу. Она была богато одета — один лишь шарф, прикрывавший ее тонкие волосы, стоил столько денег, сколько Торби никогда не видел за раз. Однако мальчик видел только ее пронзительные глаза за полуприкрытыми веками.

— Вот как! Я с большим трудом в это поверила, старший сын,— она говорила по-фински.

— Мать моя, послание подлинное.

Женщина фыркнула.

Капитан со смиренной настойчивостью произнес:

— Мать, выслушайте его сами,— он повернулся к Торби и сказал на интерлингве:

— Повтори послание, переданное твоим отцом.

При виде друга отца Торби почувствовал облегчение и покорно воспроизвел непонятный ему текст. Пожилая женщина выслушала его и обернулась к капитану Краузе.

— Что такое? Он говорит на нашем языке? Фраки?

— Нет, мать моя, он не понимает ни слова. Это послание Баслима.

Она вновь обратила взгляд на Торби и обрушила на него шквал финских слов. Мальчик вопросительно посмотрел на капитана.

— Пусть повторит еще раз,— велела женщина.

Капитан отдал приказ. Торби смутился, но с готовностью повторил. Женщина лежала молча, а остальные терпеливо ждали. Злость и отчаяние перекосили ее лицо; наконец она выдохнула:

— Долги надо платить!

— Я тоже так считаю, мать моя.

— Но почему жребий должен был выпасть нам? — сердито спросила она.

Капитан ничего не ответил, и женщина продолжала более спокойно:

— Послание подлинное. Сначала я думала, что все это — сплошная чепуха, и, знай я о твоих намерениях, я запретила бы тебе. Но, старший сын, как ты ни глуп, правда на твоей стороне. А долги надо платить.

Капитан продолжал молчать, и женщина гневно воскликнула:

— Ну! Что молчишь? Какой монетой ты собираешься расплачиваться?

— Я уже думал об этом, мать,— медленно проговорил Крауза.— Баслим просил, чтобы мы позаботились о мальчике до тех пор, пока не представится возможность передать его какому-нибудь военному кораблю Гегемонии. Долго ли придется ждать? Год, два года? Тут возникают проблемы. Правда, у нас есть прецедент — та самая женщина-фраки. Семья приняла ее, не без ропота, конечно, но теперь все привыкли к ней и их даже забавляет ее присутствие. Если бы мать вмешалась в судьбу мальчика таким же образом...

— Чепуха!

— Но, мать моя, мы должны это сделать. Долги надо...

— Тихо!

Крауза умолк.

Женщина заговорила слабым голосом:

— Или ты не расслышал, какое бремя взвалил на тебя Баслим? «Помочь ему и воспитать его так же, как это делал я»? Кем был Баслим этому фраки?

— Он называл его приемным сыном. Я думал...

— Ничего ты не думал! Если тебе придется заменить Баслима, то кем ты становишься? Разве можно понять его слова, его просьбу как-то иначе?

Капитан встревожился. Старуха продолжала:

— «Сизу» всегда платит долги сполна. Мы не допускаем обмера и обвеса. Этот фраки должен быть усыновлен... тобой.

Лицо Краузы было непроницаемо. Вторая женщина, до сих пор молча занимавшаяся рукоделием, уронила поднос.

Капитан проговорил:

— Но, мать моя, что решит Семья...

— Семья — это я! — старуха быстро обернулась ко второй женщине.— Жена старшего сына! Пусть все старшие дочери немедленно придут ко мне!

— Слушаюсь, мать моего мужа,— она сделала книксен и вышла.

Старший помощник мрачно посмотрела на потолок, а затем едва сдержала улыбку.

— Это не беда, старший сын. Как ты думаешь, что произойдет на следующей Встрече Людей?

— Нас будут благодарить.

— Спасибо в трюм не погрузишь,— она облизнула тонкие губы.— Люди будут в долгу перед «Сизу»... и в статусе кораблей произойдут кое-какие изменения. Мы не прогадаем.

Крауза слабо улыбнулся.

— Вы всегда были хитрой лисой, мать.

— «Сизу» повезло, что им командую я. Возьми мальчишку и подготовь его. Не будем тянуть с этим делом.

Глава 8

У Торби было две возможности: или спокойно позволить усыновить себя, или возмутиться, но все равно быть усыновленным. Он выбрал первый вариант, разумно решив, что противиться воле старшего помощника бесполезно и небезопасно. К тому же, хотя он и чувствовал себя неуютно, вступая в новую семью сразу после смерти папы, он не мог не сознавать, что это пойдет ему на

пользу. Будучи фраки, он занимал самую низшую ступень на общественной лестнице. С ним могли сравниться разве только рабы.

И что было гораздо важнее, отец велел ему делать все, что прикажет капитан Крауза.

Усыновление состоялось в тот же день в кают-компании во время ужина. Церемония велась на «секретном» языке, поэтому Торби мало что извлекал для себя из происходящего и еще меньше — из произносимых слов, однако капитан заранее объяснил, что ему надо делать. В салоне собрался весь экипаж «Сизу», за исключением вахтенных. Даже доктор Мейдер получила приглашение. Она стояла в дверях, в церемонии не участвовала, зато внимательно слушала и глядела в оба.

Когда внесли старшего помощника, все встали. Она заняла место во главе офицерского стола, где за ней тут же принялась ухаживать невестка, жена капитана. Устроившись поудобнее, старший помощник сделала знак, и все уселись, причем капитан занял место по ее правую руку. Дежурившие нынче девушки принесли чаши с жидкой кашицей. Никто к ней не притронулся. Старший офицер ударила ложкой по своей чашке и сказала речь, краткую и выразительную.

Затем наступила очередь ее сына. Торби с удивлением услышал часть переданного им послания: он сумел уловить последовательность звуков.

Капитану ответил старший механик, мужчина, выглядевший старше Краузы, а затем взяли слово еще несколько мужчин и женщин из тех, кто постарше. Старший помощник задала вопрос, и экипаж хором произнес единодушный ответ. Ей не пришлось спрашивать, голосует ли кто-нибудь против.

Торби пытался поймать взгляд доктора Мейдер, когда капитан обратился к нему на интерлингве. Мальчик одиноко сидел на стуле и чувствовал себя не очень уютно, особенно потому, что те немногие, которые удостаивали его взглядом, выглядели не так уж дружелюбно.

— Подойди сюда!

Торби поднял глаза и увидел, что на него смотрят капитан и его мать. Женщина выглядела чуть раздраженной, хотя, вполне возможно, ей вообще была свойственна такая манера. Мальчик торопливо вскочил.

Она опустила ложку в миску и слегка прикоснулась к ней языком. Борясь с ощущением, что делает что-то не то, но повинуясь приказу капитана, Торби осторожно зачерпнул из ее миски и сделал глоток. Женщина потянулась к нему и, пригнув вниз его голову, ткнулась сухими губами в обе его щеки. Он вернул ей этот символический поцелуй, чувствуя, как весь покрывается гусиной кожей.

Затем Крауза пригубил немного из миски Торби, а тот, в свою очередь,— из капитанской. Крауза взял нож и, зажав острие между большим и указательным пальцами, прошептал на интерлингве:

— Смотри не заори.

И уколол плечо Торби.

Мальчик с презрением подумал, что Баслим научил его переносить куда более сильную боль. Кровь брызнула струей. Крауза вывел Торби на середину зала, где все могли его видеть, что-то громко воскликнул и опустил руку мальчика так, чтобы кровь стекала на палубу, где вскоре скопилась небольшая лужица. Капитан наступил на нее, растер кровь ботинком, опять что-то громко произнес, и все, кто был, в ответ восторженно закричали. После этого он вновь обратился к Торби на интерлингве:

— Твоя кровь — в нашей стали, наша сталь — в твоей крови!

Торби почти всю свою жизнь встречался с симпатической магией и хорошо понимал ее дикую, чуть ли не разумную логику. Он почувствовал прилив гордости, ощутив себя частицей корабля.

Жена капитана заклеила порез пластырем. Затем Торби обменялся едой и поцелуем с ней, а потом и со всеми присутствующими. Он обошел все столы, всех своих новообретенных братьев, сестер, кузин и тетушек. Вместо поцелуев мужчины жали ему руку и крест-накрест хлопали по плечам. Подойдя к столу, за которым сидели незамужние девушки, он заколебался, но те не стали его целовать — хихикая, повизгивая и краснея, они торопливо прикасались к его лбу кончиками пальцев.

За его спиной дежурившие девушки убирали со столов миски с кашей, которая оказалась чисто ритуальным блюдом, символизирующим скудость рациона, которым пришлось бы при необходимости довольствоваться в космосе, и подавали изысканные яства. Торби пришлось бы нахлебаться кашицы по самые уши, если бы он вовремя не сообразил, что нужно не есть ее, а только облизывать ложку. Однако, усевшись как полноправный член

Семьи за стол холостяков правого борта, он уже не ощущал тяги к лакомствам, поданным в его честь. Приобретение более восьмидесяти новых родственников оказалось нелегким делом. Торби устал, нервничал и вовсе не чувствовал голода.

Он все же попытался поесть. Вскоре до его уха долетело чье-то замечание, в котором он узнал только одно слово — «фраки». Подняв голову, Торби увидел напротив молодого человека, смотревшего на него с неприятной ухмылкой.

Глава стола, сидевший справа от Торби, постучал по столу, привлекая внимание.

— Сегодня вечером мы будем говорить только на интерлингве, и таким образом будем следовать обычаю, который позволяет нашему новому родственнику изучить язык постепенно,— он холодно посмотрел на юношу, с презрением глядевшего на Торби.— А ты, мой побочный кузен по линии супруги, должен уяснить — я больше не стану напоминать — что мой младший приемный брат является для тебя старшим. После ужина зайдешь ко мне в каюту.

Юноша выглядел испуганным.

— О, старший кузен, я только говорил, что...

— Придержи язык.

Старший вежливо обратился к Торби:

— Нужно пользоваться вилкой. Люди не едят руками.

— Вилкой?

— Лежит слева от твоей тарелки. Смотри на меня, и скоро научишься. Не давай окружающим повода смеяться над тобой. Кое-кому из наших мальчишек еще предстоит выяснить, что решения бабушки — закон для всех нас.

Из своей каюты Торби был переведен в менее роскошное помещение большего размера, предназначенное для четырех холостяков. Его соседями оказались Фриц Крауза, старший неженатый сводный брат и старший по столу холостяков правого борта, Челан Крауза-Дротар, сводный двоюродный брат Торби, и Джек Кингсолвер, его сводный племянник по старшему женатому брату.

Торби быстро постигал финский язык. Однако первые слова, которые ему пришлось выучить, оказались вовсе не финскими, а были заимствованными или изобретенными для обозначения тонкостей родственных отношений. Языки отражают культуру,

которую обслуживают; в большинстве языков есть слова для обозначения таких понятий, как «брат», «сестра», «отец», «мать», «тетя», «дядя», а также приставки для обозначения связи поколений. В некоторых языках не делается различия между отцами и дядьями, и такие языки отражают клановые обычаи общества. С другой стороны, в ряде языков, например норвежском, понятие «дядя» расщепляется на женскую и мужскую линии — «морброр» и «фарброр».

Для Вольных Торговцев было обычным делом выражать такие сложные отношения родства, как «сводный двоюродный дядя по супружеству с материнской стороны», одним-единственным словом, которое означало только это отношение и ничего другого. Таким образом, можно было обозначить отношения между любыми двумя точками на генеалогическом древе. Большинство культур имеет в своих языках около дюжины необходимых в данном случае слов, но у Торговцев их было более двух тысяч. Их языки содержали четкие и краткие термины, обозначавшие различные поколения, прямые и побочные линии, кровных родственников и свойственников, отношения возрастов в пределах одного поколения, пол говорящего и пол человека, о котором он говорит, пол родственников, образующих линию, кровное родство и свойство, а также то, жив ли член семьи, о котором идет речь, или уже умер.

Первой задачей Торби было выучить слова и родственные связи, ими обозначаемые, и научиться правильно обращаться к более чем восьмидесяти родственникам; он должен был усвоить тончайшие оттенки родства, близость и старшинство; он должен был знать также титулы, с которыми каждому родственнику надлежало обращаться к нему. Не запомнив всех этих сведений, он попросту не мог разговаривать с окружающими, так как при первом же слове допустил бы грубейшие нарушения этикета.

Он должен был научиться сопоставлять пять признаков каждого члена команды «Сизу»: внешность, полное имя (его самого теперь звали Торби Баслим-Крауза), семейный титул, титул, с которым данный член семьи обращается к нему, а также корабельный ранг (например, «старший помощник», «второй помощник кока правого борта»). Он усвоил, что к каждому следует обращаться по семейному титулу, если речь идет о делах Семьи, по

корабельному званию, если речь идет о служебных обязанностях, и по имени — в отдельных случаях и лишь с разрешения старшего. Прозвища практически отсутствовали, так как прозвище можно было употребить только сверху вниз, и *ни в коем случае* — вверх.

Не выучив всех этих правил, он не мог считаться полноправным членом Семьи, хотя и был в нее формально принят. Уклад жизни на корабле представлял собой кастовую систему с таким сложным комплексом обязанностей, привилегий и предписанных реакций на обязательные действия, что даже строго расчлененное и стиснутое многочисленными правилами общество Джуббула представлялось сплошным хаосом. Жена капитана приходилась Торби «матерью», но она также была заместителем старшего помощника, и его обращение к ней зависело от того, что он хотел ей сказать. Поскольку Торби попал на корабль холостым мужчиной, между ними не возникло отношений, присущих матери и сыну; тем не менее она относилась к юноше тепло и всегда подставляла щеку для поцелуя точно так же, как и его соседу по комнате старшему брату Фрицу.

Однако в роли заместителя старшего помощника она могла повести себя с ледяной вежливостью сборщика налогов.

В ее положении были свои сложности: она не могла стать старшим помощником до тех пор, пока старуха не соблаговолит умереть. Пока же она действовала только от имени и по поручению свекрови и должна была ухаживать за ней. Теоретически старшие должности были выборными; на практике же это были выборы с единственным кандидатом и заранее предрешенным исходом. Крауза унаследовал капитанский чин от отца; его жена стала заместителем старшего помощника только потому, что была супругой капитана, и ей предстояло занять пост старшего помощника и командовать им и всем кораблем — точно так же, как это делала мать Краузы в силу тех же причин. До тех же пор высокий статус жены капитана был сопряжен с самой тяжелой работой на корабле, без сна и отдыха, ибо старшие помощники служили пожизненно... разве что их снимали с поста, приговаривая к изгнанию на какую-нибудь планету — за неудовлетворительную работу или в леденящую пустоту космоса — за нарушение древних,

ослино-упрямых законов «Сизу». Однако такие случаи были так же редки, как двойное затмение солнца. Мать Торби могла рассчитывать лишь на смерть свекрови от сердечной недостаточности, удара или от иной неожиданности, подстерегающей человека преклонных лет.

Торби как младший приемный сын капитана Краузы, старшего мужчины в своем септе, номинального главы клана «Сизу» (настоящим главой была его мать), оказался по клановому статусу выше трех четвертей своих родственников (корабельного ранга ему еще не присвоили). Однако старшинство отнюдь не облегчило ему жизнь. Ранг приносит привилегии. Но вместе с ними на человека возлагаются ответственность и обязанности, груз которых перевешивает удобства, доставляемые льготами.

Научиться нищенствовать было куда проще.

Торби с головой ушел в эти новые для него проблемы и по нескольку дней не виделся с доктором Маргарет. Как-то раз, торопливо шагая по главному коридору четвертой палубы — теперь он всегда спешил,— Торби налетел на нее, едва не сбив с ног.

Он остановился.

— Здравствуйте, Маргарет!

— Здравствуй, Торговец. А я уж было решила, что ты не захочешь даже разговаривать с фраки.

— Что вы, Маргарет!

Она улыбнулась.

— Я шучу. Поздравляю тебя, Торби. Я рада за тебя: это решение было при таких обстоятельствах самым верным.

— Благодарю вас. Я тоже так думаю.

Перейдя на английский Системы, она с материнской заботливостью спросила:

— Я слышу сомнение в твоем голосе. Что-нибудь не так?

— Да нет, все в порядке,— и вдруг он выпалил всю правду: — Боюсь, я никогда не смогу понять этих людей.

— В начале каждого полевого исследования я ощущаю то же самое,— мягко проговорила она,— а этот корабль представляется мне самым загадочным. Так что же тебя беспокоит?

— Ну... Я не знаю. И, боюсь, никогда не сумею разобраться. Возьмем Фрица — он мой старший брат. Он много помогал мне,

но, когда я не оправдывал его ожиданий, он начинал орать мне прямо в ухо. Один раз даже ударил меня. Я не остался в долгу, и мне показалось, что он вот-вот взорвется.

— Кто кого имеет право клевать.

— Что?

— Неважно. Это не научное сравнение. Люди — не куры. Так что же произошло?

— Ну, он тут же стал холодно-вежлив и сказал, что прощает мне и все забудет, принимая во внимание мое невежество.

— *Noblesse oblige.*

— Простите?

— Извини. Мои мозги — это просто какая-то свалка старья. И что же он? Забыл, простил?

— Начисто. Стал слаще сахара. Не знаю, из-за чего он так разъярился и почему успокоился после того, как я его ударил,— Торби развел руками.— Это же неестественно.

— Неестественно. В жизни вообще очень мало естественного. М-м-м... Торби, я могу тебе помочь. Возможно, я понимаю Фрица лучше, чем он сам. Понимаю благодаря тому, что я — не из Людей.

— Что вы имеете в виду?

— Моя работа как раз и заключается в том, чтобы понимать. Фриц родился среди Торговцев. Многое из того, что он знает — а он очень умный молодой человек,— лежит в области подсознательного. Фриц не может объяснить многие свои поступки: он не думает, а просто действует. Ну а я два последних года сознательно изучала все, что видела и слышала. Поэтому я могу дать тебе совет каждый раз, когда ты стесняешься спросить что-либо у них. Со мной ты можешь разговаривать совершенно свободно: у меня нет никакого статуса.

— Маргарет, неужели вы действительно можете?

— В любой момент, когда у тебя есть время. Но я не забыла и твоего обещания рассказать мне о Джуббуле. А теперь не буду тебя задерживать. Ты ведь торопишься.

— В общем-то нет,— он застенчиво улыбнулся.— Просто, когда я спешу, мне не приходится так часто говорить с людьми... а я обычно не знаю, *как* это делать.

— Понятно. Торби, у меня есть фотографии, списки имен, семейная классификация и обязанности каждого члена экипажа. Это поможет тебе?

— Еще бы! Фриц думает, что достаточно лишь показать мне человека и один раз объяснить, кто он есть,— и я всех узнаю!

— Тогда пойдем ко мне в каюту. Не стесняйся: мне разрешено принимать у себя для работы всех, кого бы я ни пожелала. Дверь открывается в общий коридор, и тебе не придется заходить на женскую половину.

Обложившись со всех сторон фотографиями и списками, Торби за полчаса усвоил все необходимые сведения благодаря урокам Баслима и дотошности доктора Мейдер. Она приготовила также полное генеалогическое древо «Сизу». Торби впервые видел его — такого не было ни у одного из его новых родственников: они не нуждались в памятках, потому что знали все наизусть.

Маргарет показала Торби место на древе, где располагался он сам.

— Крестик означает, что, хотя ты и находишься в прямом септе, родился ты не его членом. А вот еще пара людей, переведенных из побочных ветвей в септ... я полагаю, это было сделано для того, чтобы назначить их на ведущие должности. Экипаж «Сизу» называет себя Семьей, но в сущности данная группа представляет собой фратрию.

— Что это?

— Группа родственников, не происходящих от одного общего предка, практикующая экзогамию — обычай искать супругов вне группы. Законы экзогамии продолжают действовать, однако их дополнило правило мойете. Ты знаешь, как действуют две мойете?

— Они несут вахту по очереди.

— Да, но ты знаешь, почему на вахте правого борта больше холостяков, а на вахте левого — незамужних женщин?

— М-м-м... Пожалуй, не знаю.

— Женщины, принятые с других кораблей, попадают в правую мойете, а местные холостяки — в левую. Каждая девушка с твоей стороны должна быть обменена... если только она не найдет себе мужа среди очень немногих подходящих для этого мужчин. Тебя должны были бы принять на эту сторону, но тогда у тебя был бы другой отец. Видишь эти имена, где крестик и голубой кружок?

Одной из этих девушек предстоит стать твоей супругой... если ты не найдешь себе невесту на другом корабле.

Эта мысль неприятно поразила Торби.

— Так я действительно обязан?..

— Если тебе присвоят корабельное звание, соответствующее твоему семейному положению, то тебе придется отбиваться от кандидаток палкой.

Торби рассердился. Запутавшись в семейных делах, он скорее захотел бы обзавестись третьей ногой, чем жениться.

— Большинство сообществ,— продолжала Маргарет,— практикуют и эндогамию, и экзогамию одновременно: человек ищет себе супруга вне семьи, но в среде своего народа, расы, в своей вере. И ваши Торговцы — не исключение. Можно вступить в брак с членом другой мойете, но не с фраки. Однако ваши правила создают не совсем обычное положение: каждый корабль представляет собой патрилокальный матриархат.

— Что?

— Термин «патрилокальный» означает, что жена переходит жить в племя мужа, ну, а матриархат... скажи, кто управляет кораблем?

— Капитан.

— Так ли?

— Ну, отец, разумеется, слушается бабушку, но она стареет, и...

— Никаких «но». Настоящим хозяином является старший помощник. Поначалу меня это удивляло: я думала, что такое положение существует только на этом корабле. Но нет, это правило распространяется на всех Людей. Мужчины ведут торговлю, управляют кораблем и энергоустановкой, но властвует всегда женщина. В рамках системы это имеет смысл, и брачные обычаи становятся более-менее осмысленными.

Однако Торби явно не желал продолжать обсуждение проблем, связанных с женитьбой.

— Ты еще не видел, как корабли меняются дочерьми Торговцев. Девушки покидают родной корабль, буквально рыдая, и их приходится тащить чуть не волоком... но, попав на другой корабль, они тут же вытирают слезы и готовы улыбаться и флиртовать, высматривая себе мужа. Подцепив подходящего парня и сумев

выпихнуть его вперед, девушка получает шанс стать главой суверенного государства. А слезы ее высыхают очень быстро потому, что в своей Семье она была никем. Теперь подумай: если бы хозяевами были мужчины, такой обычай переродился бы в обычную работорговлю; а так у девушки появляется возможность использовать свой шанс.

Доктор Мейдер отвела взгляд от записей.

— Обычаи, которые облегчают людям совместное существование, никогда не планируются заранее. Но обычаи эти полезны, в противном случае они отмирают. Торби, тебя раздражает то, как ты должен обращаться со своими родственниками?

— Еще бы!

— Что для Торговца самое главное?

Торби задумался.

— Пожалуй, Семья. Все зависит от положения, которое ты занимаешь в Семье.

— Вовсе нет. Главное — это корабль.

— Говоря «корабль», вы подразумеваете «Семья».

— Как раз наоборот. Если Торговец чем-то недоволен, куда ему деваться? Он не может жить в космосе без корабля, как не может даже представить себе жизнь среди фраки. Ему противна сама мысль об этом. Корабль для Торговца — все, даже воздух для дыхания создается кораблем, так что приходится учиться жить в нем. Но необходимость постоянно пребывать бок о бок с одними и теми же людьми почти невыносима, а избавиться друг от друга невозможно. Напряжение может дойти до предела, и кто-нибудь будет убит... а то и корабль подвергнется разрушению. Но человеку свойственна способность приспосабливаться к любым условиям. Обряды, этикет, образцы поведения, предписываемые реакции являются смазкой для скрипучего механизма общественных отношений. Когда напряжение нарастает и становится невыносимым, Люди прикрываются условностями. Поэтому Фриц перестал сердиться.

— Как это?

— Он не мог злиться дольше. Ты что-то сделал неправильно, и сам этот факт показал, что ты еще невежествен. Фриц забылся на мгновение, но потом вспомнил, кто ты есть, и его гнев улетучился. Люди не позволяют себе злиться на детей; вместо этого

они стараются наставить их на путь истинный... и постепенно ты привыкнешь к сложным правилам, выполнение которых для Фрица — вторая натура.

— Да, я, кажется, понял,— Торби вздохнул.— Но все это не так-то просто.

— Потому что ты родился в другом мире. Но ты усвоишь это, и в будущем следовать всем правилам станет не труднее, чем дышать, и почти так же полезно. Обычаи подсказывают человеку, кто он такой, какому миру принадлежит и что он обязан делать. Лучше нелогичные обычаи, чем никаких; людям без них не прожить. С точки зрения антрополога, «справедливость» означает поиск работоспособных правил.

— Мой отец, я имею в виду Калеку Баслима, говорил, что единственный путь к справедливости — это честное отношение к другим людям. И при этом не нужно обращать внимание на то, как они поступают с вами.

— Разве это противоречит моим словам?

— Пожалуй, нет.

— Полагаю, Баслим счел бы Людей справедливыми,— она потрепала мальчика по плечу.— Не волнуйся, Торби. Веди себя хорошо, и в один прекрасный день ты женишься на какой-нибудь из этих прекрасных девушек. Ты будешь счастлив.

Это пророчество отнюдь не воодушевило Торби.

Глава 9

Когда «Сизу» достиг Лозиана, Торби уже доверили нести вахту — дело, достойное настоящего мужчины. Поначалу его назначили на второстепенную должность на складе одежды. Продвижению Торби по службе помогла его математическая подготовка.

Торби продолжал учиться в корабельной школе. Баслим дал ему хорошее образование, но учителя не замечали этого, поскольку старик даже не затрагивал большинства предметов, которые считались необходимыми на корабле. Тут учили финскому языку, потому что на нем говорила вся Семья, истории Народа и «Сизу», торговым правилам и деловым навыкам, экспортно-импортным законам многих планет, гидропонике, экономике кораб-

ля, его безопасности. Баслим уделял особое внимание языкам, математике, галактографии и истории. Торби быстро схватывал новые предметы лишь благодаря методике Реншоу, которой столь настойчиво обучал его отец. Торговцам требовалась прикладная математика для ведения бухгалтерской отчетности, навигационных расчетов и управления термоядерными процессами в двигателях корабля. Первую дисциплину Торби усвоил молниеносно, вторую — почти так же, а когда он дошел до третьей, преподаватели с удивлением обнаружили, что этот бывший фраки, по-видимому, уже изучал многомерную геометрию.

Они поспешили сообщить капитану о том, что на корабле появился математический гений.

Это было явным преувеличением; тем не менее мальчика тут же пересадили за пульт компьютера, управлявшего корабельным вооружением.

Наибольшую опасность для торгового корабля представляют начальный и конечный отрезки пути, на которых звездолет движется со скоростью чуть меньше световой. Теоретически возможно засечь и проследить корабль, движущийся в несколько раз быстрее света, когда судно теряет связь с воспринимаемым органами чувств четырехмерным миром; на деле же это ничуть не проще, чем попасть пущенной из лука стрелой в дождевую каплю во время полуночной бури. Однако быстрому и маневренному кораблю не составит особого труда выследить и атаковать громоздкий медлительный грузовик с битком набитыми трюмами.

«Сизу» мог развивать ускорение в сто стандартных единиц гравитации, и, стремясь сократить время прохождения опасных участков, экипаж выжимал из двигателей все до последней капли. Тем не менее для достижения световой скорости при ускорении километр в секунду за секунду требовалось три с половиной дня.

Полнедели экипаж проводил в тягостном, изматывающем нервы ожидании. Удвоение ускорения сократило бы это время наполовину, а «Сизу» стал бы столь же резвым, как рейдер, но это потребовало бы восьмикратного увеличения мощности термоядерных реакторов и одновременного утяжеления защитного экрана, вспомогательного оборудования и парамагнитной капсулы, сдерживающей термоядерную реакцию. Прирост массы сводил бы к нулю грузоподъемность корабля.

Торговцы зарабатывают на жизнь тяжким трудом; даже если бы в космосе не шныряли охотящиеся за ними пираты, Люди не могли бы позволить себе приносить свои доходы в жертву экспоненциальным законам многомерной физики. У «Сизу» были лучшие двигатели, какие только могла себе позволить Семья, но их мощности не хватало, чтобы оторваться от преследователя, идущего налегке.

К тому же маневренность грузовика оставляла желать лучшего. Входя в лишенную тропинок ночь n-пространства, «Сизу» был вынужден строго выдерживать принятый курс, иначе при выходе из этого пространства он мог бы оказаться слишком далеко от места назначения; такая ошибка — и рейс может закончиться не прибылью, а убытками. И что еще неприятнее, капитану судна приходилось быть готовым мгновенно выключить тягу или рисковать тем, что внутреннее гравитационное поле разрушится и экипаж будет размазан по стенкам, словно клубничный джем, ибо хрупкие человеческие тела подверглись бы стократным перегрузкам.

Вот потому-то капитан и наживает себе язву; не страшно, что ему приходится возиться с грузом, ломать голову над скидками и комиссионными, пытаться угадать, на каком товаре можно больше заработать. И в долгих прыжках через вечную черноту тоже нет ничего плохого — только в это время он и может немного расслабиться, повозиться с детьми. Убивают его начало и конец полета, долгие, мучительные часы, когда ему, возможно, придется в долю секунды принимать решение, от которого зависят жизни или свобода всех членов его Семьи.

Если бы рейдеры стремились лишь уничтожить грузовые корабли, то у «Сизу» и ему подобных судов не было бы ни малейшего шанса спастись. Но рейдеру нужен груз и рабы; просто расстреляв звездолет, он ничего не выигрывал.

Торговцы же, в свою очередь, не скованы подобными соображениями. Для них идеальным выходом было и остается уничтожение агрессора. Самонаводящиеся торпеды с ядерной боеголовкой баснословно дороги, и их использование изрядно сказывалось на доходах Семьи, но если компьютер говорил, что цель может быть поражена, тут уж плевали на экономию, лупили наотмашь, в то время как рейдер использовал оружие уничтожения только

для своего спасения. Пираты стремились ослепить грузовик, спалив его приборы, и подойти к нему достаточно близко, чтобы парализовать находящийся на борту экипаж или, если это не удается, убить людей, сохранив звездолет и груз.

Торговец уходил, когда мог, и дрался, если его к этому принуждали. Но вступив в бой, он бился насмерть.

Двигаясь с субсветовой скоростью, «Сизу» всеми своими приборами ловил каждый шорох мультипространства, прислушивался к шепоту доносящихся из n-космоса сообщений и к «белому шуму» кораблей, разгоняющихся с ускорениями, многократно превышающими стандартное ускорение гравитации. Данные поступали в корабельный астронавигационный аналог космоса, откуда приходили ответы на вопросы: где находится этот другой корабль? Каким курсом идет? С какими скоростью и ускорением? Успеет ли он перехватить нас прежде, чем мы нырнем в n-пространство?

Если полученные ответы свидетельствовали об опасности, вся информация передавалась в боевые компьютеры правого и левого борта, и «Сизу» готовился к бою. Комендоры ставили ядерные головки на ракеты, поглаживали их узкие, хищные тела и потихоньку бормотали свои заклинания; главный механик вскрывал рычаг самоподрыва, который мог превратить энергоустановку в водородную бомбу чудовищной мощности, у него хватит смелости в случае необходимости умертвить Семью, избавив ее от худшей участи. Капитан подавал сигнал, переводящий корабль с вахтенной системы на общий аврал. Коки гасили огонь в плитах; инженеры, следящие за вспомогательными системами, перекрывали циркуляцию воздуха; фермеры прощались с зелеными всходами и спешили занять свои места по боевому расписанию; матери, имеющие маленьких детей, участвовали в перекличке, затем привязывались к койкам и крепко держали своих чад на руках.

А потом начиналось ожидание.

Но только не для Торби и тех, кто был занят у боевых компьютеров. Пристегнутые к своим креслам ремнями, они обливались потом, зная, что в течение ближайших минут или даже часов жизнь Семьи находится в их руках. Боевые компьютеры, обработав данные, после миллисекундного раздумья решали, могут ли

торпеды поразить цель, и предлагали четыре варианта: баллистически «возможно» или «невозможно» при имеющихся условиях, «да» или «нет» при отключении тяги, изменении положения одного, другого или обоих кораблей сразу. С такими ответами справились бы и автоматические цепи, но думать машина не могла. Добрая половина схем обеспечивала оператору возможность определить вероятные изменения обстановки в ближайшем будущем — в течение пяти минут или около того,— если менялись исходные параметры... и решить, сможет ли торпеда достичь цели при изменении этих параметров.

Окончательное решение принимал человек; интуиция оператора могла спасти корабль — или погубить его. Парализующий луч мчится со скоростью света, а у торпеды нет времени для разгона до скоростей, превышающих несколько сот километров в секунду. Но даже если рейдер пронзал пространство иглой парализующего луча, Торговец мог успеть запустить торпеду прежде, чем ослепнуть... и мгновение спустя после атомной вспышки, в горниле которой погибал пират, приходило спасение.

Но если оператор на миг опережал события или — что в принципе одно и то же — медлил, осторожничая, лишнюю секунду, он мог проиграть сражение. Нетерпеливый стрелок пускал торпеду мимо цели, слишком осторожный вовсе не успевал ее запустить.

Люди в летах не годились для этой работы. Лучше всего с ней справлялись подростки либо молодые мужчины и женщины, сообразительные и проворные, уверенные в себе, способные к интуитивному нестандартному математическому мышлению, не боящиеся смерти, поскольку они еще не способны представить себе, что это такое.

Торговцам постоянно приходилось искать способных юнцов. Торби, похоже, обладал математическим чутьем; возможно, у него были и другие способности для работы, схожей с шахматной партией в условиях страшного цейтнота или быстрой игрой в пинг-понг. Его учителем стал Джери Кингсолвер, племянник Торби, живший с ним в одной комнате. По семейному рангу Джери был ниже Торби, но, по-видимому, старше его по возрасту. Вне компьютерной рубки он называл Торби дядей, находясь же на посту, Торби именовал его «старший стрелок правого борта» и добавлял: «сэр».

В течение долгих недель броска сквозь ничто к Лозиану Джери обучал Торби новому для него делу. Сначала предполагалось, что Торби будет учиться на гидропониста, а Джери занимал пост старшего клерка суперкарго, но фермеров на корабле и так уже было достаточно, а для штата суперкарго во время полета работы не было вовсе. Капитан Крауза велел Джери как следует поднатаскать Торби в компьютерной.

Разгон до световых скоростей длился половину недели и, поскольку все это время на корабле поддерживалась боевая готовность, к каждому боевому посту были приписаны два человека, несущие вахты вместе. У Джери в подчинении находилась его младшая сестра Мата, младший стрелок. Компьютер имел два терминала, и функции управления могли быть переданы любому из них при помощи особого переключателя. Двое стрелков сидели бок о бок: Джери вел наблюдение, а Мата была готова подключиться в любой момент.

После проведенного курса лекций по управлению машиной Джери посадил Торби за один терминал, Мату — за другой и ввел данные из рубки управления корабля. К терминалам были подключены регистрирующие устройства, так что можно было фиксировать действия каждого стрелка, а затем сравнить их с решениями, принятыми в настоящих сражениях — ведь вводимые данные были записями действительных или предполагавшихся столкновений в прошлом.

Уже очень скоро Торби совершенно вымотался; Мата справлялась с заданием гораздо успешнее.

Мальчик попытался сосредоточиться, но дело пошло еще хуже. Обливаясь потом и стараясь уследить за маневрами пирата, некогда появлявшегося на экране радара «Сизу», Торби постоянно и почти болезненно ощущал соседство стройной темноволосой изящной девушки. Ее проворные пальцы едва уловимыми движениями нажимали кнопки и передвигали рычажки, меняя угол или вектор. Мата действовала расслабленно и не спеша, и было до боли унизительно узнать потом, что действия соседки «спасли корабль», в то время как сам он промахнулся.

И что хуже всего, она нравилась ему, о чем он даже не подозревал, лишь чувствуя, что ее присутствие стесняет его.

Закончив учебный бой, Джери связался с ними из рубки управления.

— Конец занятия. Оставаться на местах.

Вскоре он вошел в компьютерную и принялся изучать ленты, читая замысловатые символы так же легко, как обычный человек читает текст книги. Рассматривая ленты Торби, он почмокал губами.

— Стажер, вы стреляли трижды... и ни одна из ваших торпед не взорвалась ближе, чем в пятидесяти тысячах километров от вражеского корабля. Речь идет не о расходах — это забота бабушки. Но, стреляя, вы должны поразить врага, а не испугать его. Вам придется еще много поработать, чтобы стрелять без промаха.

— Я старался изо всех сил!

— Этого недостаточно. Давай-ка разберемся с тобой, сестрица.

Подобная фамильярность еще более уязвила Торби. Брат и сестра любили друг друга и не утруждали себя обращением по званиям. Торби как-то попытался называть их по именам... и получил щелчок по носу: он здесь был «стажером», а они — «старшим стрелком» и «младшим стрелком». Тут ничего нельзя было поделать: на посту он был младшим. Целую неделю вне занятий Торби называл Джери «приемный племянник», и тот вежливо и неукоснительно именовал его по семейному титулу. Торби в конце концов решил, что это глупо, и вновь стал называть Джери по имени. Но тот все равно продолжал обращаться к Торби во время занятий «стажер». И Мата тоже.

Джери просмотрел записи Маты и кивнул.

— Отлично, сестричка! Ты лишь на секунду проиграла рассчитанному оптимуму, но на три секунды опередила выстрел, который достал этого мерзавца. Я могу с полным правом сказать, что ты действовала отлично... тем более что тот выстрел был сделан мною. Рейдер около Ингстела... помнишь?

— Еще бы,— Мата взглянула на Торби.

Торби почувствовал себя омерзительно.

— Это нечестно! — заявил он, отстегивая ремни.

Джери удивился.

— Что вы сказали, стажер?

— Я говорю, это нечестно. Вы дали задачу, и я взялся за нее с нуля и промахнулся, потому что еще слабо подготовлен. А она

лишь нажимала кнопки, чтобы получить ответ, который знала заранее... чтобы унизить меня!

На лице Маты появилось выражение растерянности. Торби шагнул к двери.

— Я не напрашивался на эту работу! Пойду к капитану, пусть он даст мне другое занятие.

— Стажер!

Торби остановился. Джери тихим голосом продолжал:

— Сядьте. Сначала я скажу, а уж затем вы пойдете к капитану — если думаете, что это вам поможет.

Торби сел.

— Хочу сказать две вещи,— холодно произнес Джери.— Во первых...— он обернулся к сестре.— Младший стрелок, вы знали о том, какая именно задача будет поставлена?

— Нет, старший стрелок.

— А раньше вы с ней встречались?

— По-моему, нет.

— Откуда вы знаете об этом случае?

— Что? Так вы ведь сами сказали об Ингстелском рейдере. Я никогда не забуду обед, который тогда состоялся,— вы сидели рядом с бабу... рядом со старшим помощником!

Джери обратился к Торби.

— Вам ясно? Она тоже решала эту задачу с нуля... точно так же, как в свое время и я. И она действовала успешнее меня; я горжусь тем, что у меня такой подчиненный. К вашему сведению, мистер глупый младший стажер, упомянутое сражение состоялось задолго до того, как мой младший стрелок стала стажером. И она эту задачу не решала. Мата лучше вас справилась с заданием — и все тут.

— Ну и хорошо,— мрачно произнес Торби.— Кажется, из меня не выйдет толка. Я сказал — с меня хватит.

— Я не договорил. Никто не напрашивается на эту работу, это сплошная головная боль. Но никто и не бросает ее. Со временем работа становится не по силам оператору, когда анализы показывают, что он потерял сноровку. Может быть, я уже начинаю ее терять. Но вот что я вам скажу. Или вы научитесь этому делу как следует, или я пойду к капитану и сам скажу ему, что вы не подходите. А до тех пор... если я услышу хотя бы звук, вы будете иметь дело со старшим помощником! — он помолчал и рявкнул: —При-

ступаем к повторному занятию! Боевой пост! Приготовить оборудование!

И вышел из помещения.

Спустя мгновение вновь послышался его голос:

— Противник! Компьютерный расчет правого борта! Доложить о готовности!

Раздался звонок, приглашающий экипаж к обеду. Мата четко ответила:

— Расчет правого борта к бою готов. Данные получены, приступаю к выполнению задания!

Ее пальцы легли на клавиши. Торби склонился над своим пультом; есть ему совершенно расхотелось.

Несколько дней он говорил с Джери только по делу. Мату он видел только на занятиях либо по ту сторону своего обеденного стола; он обращался к ней с холодной вежливостью и старался сравняться с ней в умении работать. Он мог встречаться с ней в другое время: молодые люди общались без помех на людях. Но Мата стала для него своего рода табу — потому, что была его племянницей, и потому, что они принадлежали к одной мойете, хотя, конечно, все это не было препятствием для общественных отношений.

Он не мог не встречаться с Джери: они ели за одним столом, спали в одной комнате. Но у Торби была возможность установить между ними стену формальных отношений; так он и сделал. Никто не сказал ни слова — такие вещи случались нередко. Даже Фриц делал вид, будто ничего не замечает.

Как-то вечером Торби отправился в зал посмотреть фильм на тему, связанную с Саргоном; когда же фильм закончился, он не успел избежать встречи с Матой — она обошла вокруг, встала прямо напротив него и, обращаясь к Торби почтительно, как к дяде, спросила его, не согласится ли он перед обедом сыграть с ней партию в мяч.

Он уже хотел отказаться, но девушка смотрела ему в глаза с такой трагической надеждой, что он сказал лишь:

— Почему бы и нет? Спасибо, Мата. Сыграем, нагуляем аппетит.

Мата расплылась в улыбке.

— Чудесно! Скажу Ильзе, чтобы заняла стол. Пойдем!

Торби выиграл три партии и одну свел вничью... неплохой результат, если учесть, что его партнером была чемпионка среди

женщин, которая позволяла себе взять лишь одно очко форы, когда играла с чемпионом среди мужчин. Торби не думал об этом, а просто получал удовольствие от игры.

Его дела в компьютерной пошли на лад, отчасти из-за его серьезного отношения к делу, отчасти потому, что он хорошо чувствовал комплексную геометрию. Помогало и то, что он был сыном нищего, и эта древняя профессия обострила его мышление. Джери более не сравнивал вслух успехи Торби и Маты, ограничиваясь лишь кратким комментарием по его адресу: «Уже лучше» или «Продолжайте, стажер» или, что бывало реже, «Стопроцентное попадание». Торби приобрел уверенность в своих силах; он избавился от стеснительности и гораздо чаще появлялся на людях и играл с Матой в мяч.

Путешествие через мрак близилось к концу, когда закончилось последнее занятие, и как-то раз утром Джери скомандовал:

— Вольно! Я вернусь через пару минут.

Торби с удовольствием стряхнул с себя напряжение, но тут же заерзал; ему казалось, что на этот раз он работал в идеальном согласии со своими приборами.

— Младший стрелок... как вы думаете, он не станет возражать, если я взгляну на свою ленту?

— Думаю, нет,— ответила Мата,— впрочем, давайте-ка я сама ее достану. Тогда ответственность ляжет на меня.

— Мне не хочется доставлять вам неприятности.

— Ничего страшного,— серьезно ответила девушка и, потянувшись к терминалу Торби, вытащила ленту, дунула на нее, чтобы та не скручивалась, и внимательно ее изучила. Потом извлекла свои записи и сравнила с лентой Торби.

Она серьезно посмотрела на юношу.

— На этот раз очень хорошо, Торби.

Впервые за все время она назвала его по имени. Но Торби едва ли это заметил.

— Правда? Вы хотите сказать, что...

— Это очень хороший прогон... Торби. Мы оба поразили цель. Но ваши расчеты достигли оптимума между «возможно» и «критический предел», в то время как я поторопилась. Видите?

Торби только учился читать записи с ленты, но он был счастлив услышать это от Маты. Вошел Джери и, взяв обе ленты,

посмотрел на ленту Торби, а затем пригляделся к ней более внимательно.

— Прежде чем спуститься сюда, я взял записи пост-анализа,— сказал он.

— И что же, сэр? — нетерпеливо спросил Торби.

— М-м-м... После еды я изучу все это более внимательно, но похоже, что ваши ошибки взаимно погасились.

Мата воскликнула:

— Да что ты, братец, ведь он отлично сработал, и ты прекрасно об этом знаешь!

— Ты так думаешь? — усмехнулся Джери.— Но ты не хотела бы, чтобы у нашего лучшего ученика закружилась голова, верно?

— Фу на тебя!

— Вот тебе и «фу», маленькая уродина. Пошли есть.

Узким проходом они вышли в главный коридор второй палубы и зашагали рука об руку. Торби глубоко вздохнул.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил его племянник.

— Ничуть! — Торби обнял обоих за плечи.— Вы, Джери и Мата, еще сделаете из меня настоящего снайпера!

Впервые с того дня, когда он получил взбучку, Торби обратился к племяннику по имени. И Джери спокойно воспринял его попытку примирения.

— Не торопись с надеждами, кореш. Но я думаю, что мы справились,— и добавил: — О, я вижу, двоюродная бабушка Тора смотрит на нас своим холодным взглядом. И если кого-то интересует мое мнение, то я думаю, что сестрица может еще ходить без посторонней помощи. Я уверен, что двоюродная бабушка тоже так считает.

— И на нее тоже фу! — быстро защебетала Мата.— Ведь Торби только что справился с заданием на «отлично»!

«Сизу» вынырнул из темноты, замедляясь и двигаясь с субсветовой скоростью. Менее чем в пятидесяти миллиардах километров сияло солнце Лозиана, и через несколько дней корабль должен был совершить очередную посадку. На «Сизу» была объявлена боевая готовность.

Мата несла вахту в одиночестве; Джери потребовал, чтобы стажер дежурил вместе с ним. Первая вахта обычно проходила

спокойно; даже если рейдер получал по п-космическим каналам связи точную информацию о времени прибытия и месте назначения «Сизу», при прыжке во много световых лет было невозможно точно предсказать, где и когда именно корабль покажет свой нос в реальном пространстве.

Джери занял свое кресло через несколько минут после того, как Торби затянул ремни со странным, испытанным многими стажерами ощущением, что это уже не учеба. Джери взглянул на него.

— Расслабься. Если будешь напрягаться, заболит спина и ты долго не выдержишь.

Торби озабоченно кивнул.

— Буду стараться.

— Так-то лучше. Сейчас мы сыграем в одну игру,— Джери вытащил из кармана коробочку и открыл ее.

— Что это?

— «Прощай, радость». Ставим ее сюда...— Джери накрыл коробкой переключатель, определяющий, какой из терминалов становился ведущим.— Ты видишь, в каком положении тумблер?

— Что? Нет.

— Тогда возьми с полки пирожок,— Джери пощелкал скрытым от Торби переключателем.— Кто из нас будет управлять ракетой, если придется ее запускать?

— Откуда мне знать? Убери ее, Джери; я и так нервничаю.

— В этом и состоит игра. Может быть, на контроле я, а ты лишь впустую давишь на кнопки, а может быть, все зависит от тебя, а я сплю в своем кресле. Время от времени я буду щелкать тумблером, но ты не будешь знать, в каком положении я его оставил. Так что при появлении пирата — а он не заставит себя ждать, я это нутром чую — ты уже не сможешь надеяться, что старый добрый Джери, человек с твердой рукой, держит ситуацию под контролем. Тогда тебе придется спасать нашу лавочку. Тебе, и никому другому.

Торби с содроганием представил себе расположенные палубой ниже стеллажи с торпедами и людей, застывших в ожидании его решения — единственного правильного решения невероятно трудной задачи жизни и смерти, искривленного пространства, движущихся векторов и комплексной геометрии.

— Ты шутишь,— робко произнес он.— Ты не можешь доверить мне управление. Капитан заживо сдерет с тебя шкуру.

— А вот тут-то ты ошибаешься! Наступает день, когда стажер по-настоящему наводит на цель. Только после этого он становится стрелком... или превращается в ангела. Но мы не позволим тебе разволноваться в этот момент. Ни в коем случае! Ты у нас будешь волноваться все время. Вот как это будет делаться. Каждый раз, как только я скажу «Ну!», ты будешь угадывать, чей терминал включен. Если угадываешь, я отдаю тебе свой десерт. Не угадываешь — отдаешь мне твою порцию. Ну!

Торби быстро прикинул.

— Я!

— Ошибка! — Джери приподнял коробочку.— Я выиграл твой десерт, сегодня это ягодный торт; у меня даже слюнки потекли. Отвечай побыстрее — ты должен принимать решения мгновенно. Ну!

— Опять ты.

— Верно. Ну!

— Ты!

— Ничего подобного. Видишь? И я все же съем твой торт. Пока я впереди, мне стоит бросить игру. Ах, какой крем! Ну!

Когда на смену пришла Мата, Торби проигрывал Джери десерт за четыре дня.

— В следующий раз начнем при этом счете,— заявил Джери.— Только этот ягодный торт я все-таки возьму. О, я забыл сообщить, что будет главным призом!

— И что же?

— Когда все будет по-настоящему, мы поспорим на три порции. Как только покончим с пиратом, ты сразу же должен будешь отгадать. В настоящем бою награда должна быть больше, не так ли?

Мата фыркнула.

— Ты что, хочешь, чтобы он нервничал?

— Ты нервничаешь, Торби?

— Еще чего!

— Перестань беспокоиться, сестричка. Берись-ка за компьютер своими немытыми пальчиками и держись за него покрепче!

— Я сменяю вас, сэр.

— Пойдем, Торби, нас ждет еда. Ах, ягодный торт!

Три дня спустя счет уравнялся, но лишь ценой множества порций сладкого, с которыми Торби пришлось расстаться. «Сизу» значительно замедлил ход и двигался примерно со скоростью планеты. Солнце Лозиана на экране уже сильно выросло. Торби со слабым сожалением решил, что на сей раз его умение не подвергнется испытанию.

Внезапно раздался рев тревоги, заставивший юношу подскочить на месте, так что лишь привязные ремни удержали его в кресле. Джери что-то говорил, и его голова быстро повернулась к пульту, он осмотрел приборы и впился пальцами в клавиши.

— Приготовиться! — рявкнул он.— Это уже по-настоящему!

Торби стряхнул с себя оцепенение и склонился над панелью. В компьютер уже поступали данные, и тут же на экране появились результаты баллистического расчета. Боже милостивый, он так близко! И как быстро приближается! Как ему удалось так близко подкрасться незамеченным? Торби отбросил посторонние мысли и начал просматривать ответы. Нет, еще нет... хотя уже скоро... не повернет ли пират и не сбросит ли скорость?.. попробовать поворот с шестикратным ускорением... достанет ли его ракета?.. достанет ли он, если не...

Он едва почувствовал легкое прикосновение Маты к его плечу. Но очень хорошо расслышал крик Джери:

— Назад, сестрица! Мы засекли его, мы засекли!

На пульте Торби сверкнул огонек, из скрипучего громкоговорителя послышался голос:

— Дружественный корабль, дружественный корабль! Опознан лозианский межпланетный патруль! Отбой аврала!

Торби глубоко вздохнул, почувствовав, что с его плеч свалился тяжелый груз.

— Продолжать прицеливание! — крикнул Джери.

— Как?

— Выполнять задание! Это не лозианский корабль! Это рейдер! Лозиане так не разворачиваются! Ты накрыл его, парень! Пускай ракету!

Торби услышал испуганный всхлип Маты и тут же вновь с головой ушел в бой. Что-нибудь изменить? Он достанет врага!

Достанет ли он его в конусе возможных перемещений? Вот сейчас! Он отдал компьютеру команду.

Голос Джери был едва слышен; казалось, что он произносит слова необычайно медленно.

— Ракета вышла. Думаю, ты накрыл его... но ты слишком торопился. Запусти еще одну, пока они не ослепили нас лучом.

Торби автоматически подчинился. Для принятия иного решения оставалось слишком мало времени. Он велел машине отправлять ракету по тому же прицелу. И тут он увидел на своем экране, что цель исчезла, и с непонятным чувством пустоты решил, что его первая ракета поразила цель.

— Вот и все! — сообщил Джери.— Ну-с?

— Что?

— Кто запустил ракету? Ты или я? Три десерта.

— Я! — уверенно заявил Торби. Где-то в глубине его сознания мелькнула мысль, что ему не суждено стать настоящим Торговцем — таким, как Джери, для которого цель была просто фраки. Или три десерта.

— Ошибка. Три-ноль в мою пользу. Я перепугался и взял управление на себя. Разумеется, после приказа капитана ракеты были разряжены, а пусковые шахты заблокированы... но у меня не хватило духу рисковать дружественным кораблем.

— Дружественным?

— Конечно. Но для вас, помощник младшего стрелка, все прошло как в настоящем бою... как я и хотел.

У Торби пошла кругом голова. Мата сказала:

— Это нечестно. Ты сжульничал!

— Еще бы. Ну что ж, теперь он — настоящий стрелок, получил боевое крещение. А мне достался тройной десерт, что тоже очень приятно. Сегодня вечером — мороженое!

Глава 10

Торби недолго оставался помощником младшего стрелка; Джери перешел в стажеры к астронавигаторам, боевой пост у компьютера заняла Мата, и Торби был официально назначен на дол-

жность младшего стрелка. Теперь от него зависели жизнь и смерть Семьи, и он был отнюдь не в восторге от этого.

Однако уже очень скоро все опять изменилось.

Лозиан относится к числу «безопасных» планет. Здесь жили цивилизованные негуманоиды и, поскольку порт не подвергался пиратским налетам, в охране посадочных площадок не было необходимости. Мужчины могли спокойно покидать корабль, и даже женщинам это не возбранялось. (Некоторые из женщин, живших на борту, не покидают корабль никогда — за исключением Встреч Людей — с того времени, как попали на «Сизу» в результате обмена.)

Для Торби Лозиан оказался первой «чужой» планетой, поскольку он помнил только Джаббул. Юноша с нетерпением дожидался возможности осмотреть новые для него места. Но на первом месте была работа. После того как юноша был утвержден в звании стрелка, его перевели из гидропонистов на младшую должность в штате суперкарго. Статус Торби значительно повысился: торговля считалась более важным делом, чем ведение хозяйства. Теоретически в его обязанности входило осматривать грузы, но на практике этим занимался старший клерк, а Торби вместе со своими сверстниками из других отделов надрывался, перетаскивая контейнеры. Обработка грузопотока относилась к работам, к которым привлекались все свободные рабочие руки. Портовые грузчики не допускались на «Сизу», хотя, в согласии с профсоюзными правилами, их приходилось нанимать и платить им за ничегонеделание.

На Лозиане не существовало таможенных пошлин, так что покупатель получал уложенные в контейнеры мешки с листьями верги прямо у люка корабля. Несмотря на вентиляцию, в трюме стоял острый дурманящий запах, напомнивший Торби о том, как месяцы назад в нескольких световых годах отсюда он, скрюченный в три погибели беглец, боявшийся укорочения, прятался в норе, устроенной в одном из контейнеров, а незнакомый друг тайком спасал его от полиции Саргона. Сейчас это казалось просто невероятным. «Сизу» стал для юноши родным домом, и он даже мыслил на языке Семьи.

С внезапным ощущением вины Торби подумал, что в последнее время он слишком редко вспоминает о папе. Неужели он его

забыл? Нет, нет! Он ничего не мог забыть... ни папиного голоса, ни его отрешенного взгляда, когда тот начинал сердиться, ни его неуклюжих движений в зябкие рассветные часы, ни его непоколебимого спокойствия при любых обстоятельствах — да, ведь отец никогда не злился на мальчика... нет, все же один раз Торби вывел его из себя. «Я не хозяин тебе!»

Тогда папа разгневался. Это испугало Торби: он ничего не понял.

И лишь теперь, когда миновали месяцы и за кормой остались световые годы, Торби внезапно понял все. Рассердить отца могла только одна вещь; старик был до глубины души оскорблен напоминанием о том, что он, Калека Баслим — рабовладелец. Папа, который утверждал, что умного человека ничто не может оскорбить, потому что правда — не оскорбление, а на ложь не стоит обращать внимания.

И все же он обиделся, услышав правду, ведь формально он стал хозяином Торби, купив его на аукционе. Чепуха! Мальчик никогда не был его рабом, он был старику сыном... отец никогда не вел себя с ним как хозяин, даже если порой приходилось всыпать ему по заднице. Папа... был папой.

Теперь юноша понял, что единственное, что Баслим и впрямь ненавидел, было рабство.

Торби не знал, откуда у него взялась такая убежденность, но... он был уверен. Он не мог припомнить ни одного случая, когда Баслим впрямую говорил бы о рабстве; Торби помнил одно: папа постоянно повторял, что человек должен быть свободен в своих мыслях.

— Эй!

К нему обращался суперкарго.

— Да, сэр?

— Ты двигаешь этот контейнер или собираешься заснуть на нем?

Через трое местных суток, когда Торби и Фриц заканчивали счищать с себя грязь в душе, в ванную заглянул боцман и, указав на Торби, произнес:

— От капитана наилучшие пожелания и просьба клерку Торби Баслиму-Краузе зайти к нему.

— Есть, боцман! — отозвался Торби и чертыхнулся про себя. Торопливо оделся, заглянул в свой кубрик и, предупредив Фрица, быстрым шагом отправился к капитану, надеясь, что боцман доложит тому, что Торби был в душе.

Дверь была открыта. Торби начал было докладывать по всей форме, но капитан поднял глаза и сказал:

— Здравствуй, сынок. Входи.

Торби перешел на семейное обращение.

— Да, отец.

— Собираюсь пойти прогуляться. Может быть, составишь мне компанию?

— Сэр? То есть, я хотел сказать, отец... было бы здорово!

— Прекрасно. Я вижу, ты уже готов. Пойдем,— он выдвинул ящик стола и протянул Торби несколько изогнутых кусков проволоки.— Это тебе на карманные расходы; можешь купить себе какой-нибудь сувенир.

Торби посмотрел на проволоку.

— Сколько стоят эти штуки?

— Вне Лозиана — ничего. Поэтому оставшиеся ты мне потом вернешь, и я обменяю их на валюту. Лозиане рассчитываются с нами торием и другими товарами.

— Да, но как мне узнать, сколько стоит та или иная вещь?

— Можешь положиться на их слово. Лозиане не мошенничают и не торгуются. Странные создания. Не то что на Лотарфе... Там, если ты берешь кружку пива, поторговавшись какой-нибудь час, считай, тебе крупно повезло.

Торби сказал себе, что понимает жителей Лотарфа гораздо лучше, чем лозиан. Было что-то неприличное в том, чтобы приобретать товар, не поторговавшись хорошенько. Но у фраки варварские обычаи, и к ним приходилось приспосабливаться. «Сизу» гордился тем, что в его отношениях с фраки никогда не случалось недоразумений.

— Ну что, идем? Поговорим по дороге.

Когда они спускались, Торби посмотрел на стоящий поблизости корабль «Эль Нидо», принадлежавший клану Гарсиа.

— Отец, мы идем навестить их?

— Нет, мы обменялись визитами сразу по прибытии.

— Я говорю о другом. Будут ли какие-нибудь встречи, вечеринки?

— Ах, это? Мы с капитаном Гарсиа решили отложить развлечения. Они торопятся отправиться в путь. Однако нет никаких препятствий к тому, чтобы ты навестил их в свободное от работы время. Но вряд ли стоит это делать. Обычный корабль, очень похож на «Сизу», только менее современный.

— Я надеялся, что мне позволят осмотреть их компьютер.

Они опустились и вышли на землю.

— Сомневаюсь, чтобы тебе разрешили зайти в компьютерную. Гарсиа очень суеверны.

Когда они отошли от подъемника, к ним подбежал лозианский малыш и, сопя и обнюхивая их ноги, принялся скакать вокруг. Капитан Крауза позволил ему изучить себя, но потом произнес ровным спокойным голосом:

— Ну ладно, хватит,— и мягко отодвинул мальца в сторону. Подоспевшая мамаша свистом подозвала ребенка и, взяв на руки, пару раз шлепнула его. Крауза махнул ей рукой:

— Здравствуй, приятельница!

— Приветствую тебя, Торговец,— ответила та на интерлингве пронзительным шепелявым голосом. Ростом она была в полтора раза ниже Торби и стояла на четырех лапах, освободив передние. Ребенок опирался на все шесть. Оба, и мать и дитя, были тоненькими, симпатичными и востроглазыми. Они очень понравились Торби; удивило его только одно — у них было два рта: один для приема пищи, другой — чтобы дышать и говорить.

Капитан Крауза продолжил прерванную беседу.

— Ты великолепно взял на прицел тот лозианский корабль.

Торби покраснел.

— Так вы знаете об этом, отец?

— Плохой был бы из меня капитан, кабы я не знал о таких вещах. А, я понимаю, что тебя тревожит. Не думай об этом. Если я указываю тебе цель, ты просто обязан спалить ее. Заблокировать твою команду, если мы опознали дружественный корабль,— это моя задача. Как только я поверну рычаг «отбой», ты уже не сможешь открыть стрельбу, ракеты разоружаются, пусковая установка запирается, и главный механик уже не сможет дать команду на самоуничтожение корабля. Так что даже если ты услышал мой

приказ прекратить прицеливание либо в горячке боя ты его не услышал, это ничего не меняет. Заканчивай наведение и стреляй. Это отличная тренировка.

— Я не знал об этом, отец.

— Разве Джери тебе не объяснил? Ты должен был заметить переключатель — такая большая красная кнопка у моей правой руки.

— Но я ни разу не был в рубке управления, отец.

— Да? Что ж, мы исправим это упущение, в один прекрасный день хозяином рубки можешь оказаться и ты. Напомни мне об этом... как только мы выйдем в подпространство.

— Слушаюсь, отец,— Торби обрадовался возможности войти в эту святая святых — он был уверен, что едва ли хотя бы половина его родственников побывала там,— но замечание капитана его удивило. Неужели бывший фраки может взять бразды правления кораблем в свои руки? Приемный сын вполне мог занять высший пост — такое случалось, когда у капитанов не было собственных сыновей. Но бывший фраки?

— Я не уделял тебе должного внимания, сынок,— продолжал капитан Крауза.— Внимания, которого заслуживает сын Баслима. Но наша Семья так велика, что у меня не хватает времени. Как к тебе относятся новые родственники? Все в порядке?

— Еще бы, отец!

— М-м-м... рад это слышать. Ведь... словом, ты родился не среди Людей, понимаешь?

— Да. Но ко мне все относятся очень хорошо.

— Отлично. О тебе дают только прекрасные отзывы. Похоже, ты очень быстро набираешься ума-разума для... В общем, учишься быстро.

«Для фраки»,— Торби с горечью закончил в уме недоговоренную фразу. Капитан продолжал:

— Ты уже побывал в силовом отсеке?

— Нет, сэр.

— Сейчас самое подходящее время, пока мы стоим в порту. Безопаснее, к тому же молитвы и очистительные обряды не займут много времени,— Крауза несколько секунд молчал, потом продолжил: — Впрочем, нет. Подождем окончательного решения вопроса о твоем статусе. По мнению главного механика, тебя надо перевести в его отдел. Ему взбрело в голову, что у тебя все равно

не будет детей, и он хочет воспользоваться возможностью зацепить тебя на крючок. Ох уж эти механики!

Торби отлично понял капитана, даже его последний возглас. Все считали механиков слегка свихнувшимися; полагали, что излучение маленькой звезды, обеспечивающей жизнь корабля, ионизирует их мозговую ткань. Как бы то ни было, механики могли позволить себе весьма серьезные нарушения правил этикета. Формула «Невиновен ввиду невменяемости» была молчаливо признававшейся привилегией людей, непрерывно подвергавшихся одной из опасностей ремесла космонавта. Главный механик осмеливался пререкаться даже со старшим помощником.

Однако младшие механики не допускались к вахтам в силовом отсеке до тех пор, пока могли надеяться обзавестись потомством. Они обслуживали вспомогательное оборудование и несли тренировочные вахты на макетах. Торговцы с большой осторожностью подходили к проблеме мутаций, поскольку были подвержены радиации в гораздо большей степени, чем жители планет. Никто не видел во внешности Людей явных следов мутации. Что происходило с младенцами, родившимися с отклонениями? Это было окутано тайной, хранимой столь строго, что Торби даже не знал о такой проблеме. Он лишь видел, что вахты при силовых установках несут исключительно пожилые люди.

О том, чтобы обзаводиться потомством, Торби тоже не думал. Юноша лишь уловил в замечании капитана намек на то, что главный механик считал его способным в короткий срок приобрести высокий статус вахтенного механика силовой установки. Торби был поражен столь блестящей перспективой. Люди, усмирявшие бешеных дьяволов ядерных реакторов, уступали по статусу лишь астронавигаторам... но в душе ставили себя куда выше. Их самооценка была гораздо ближе к истине, чем официальное мнение; даже заместитель капитана, пытающийся с высоты своего положения шпынять вахтенного силовой установки, вполне мог перейти к ответственному занятию пересчитывания груза в трюме, в то время как механик, отдохнувши малость в лазарете, вернулся бы на прежнее свое место. Неужели бывший фраки мог мечтать о таких высотах? Неужели он смог бы в один прекрасный

день стать главным механиком и безнаказанно пререкаться даже со старшим помощником?

— Отец,— нетерпеливо произнес Торби,— главный механик считает, что я мог бы выучить ритуалы силового отсека?

— А я о чем толкую?

— Да, сэр. Интересно, почему он так решил?

— Не можешь пошевелить мозгами? Или ты такой скромник? Человек, который справляется с математикой прицеливания, сумеет овладеть и ядерной техникой либо с равным успехом заняться астрогацией, что ничуть не менее важно.

Механики даже не прикасались к грузам; их единственной обязанностью в портах было заправить корабль торием и дейтерием и решить другие узкоспециальные задачи. К ведению хозяйства они тоже не привлекались. Они...

— Отец! Я вовсе не прочь стать механиком.

— Вот как? Ладно, оставим эту тему.

— Но...

— Что «но»?

— Ничего, сэр. Слушаюсь, сэр.

Крауза вздохнул.

— Сынок, я принял на себя определенные обязательства по отношению к тебе, и я постараюсь устроить все наилучшим образом,— он прикинул, что можно рассказать мальчику. Мать сказала, что, если бы Баслим хотел, чтобы мальчик знал содержание послания, он передал бы текст на интерлингве. С другой стороны, коль уж Торби овладел языком Семьи, он вполне справился бы с переводом. Вероятнее всего, он забыл текст.

— Торби, ты знаешь что-нибудь про свою семью?

Юноша удивился.

— Моя семья, сэр,— это «Сизу».

— Верно! Но я спрашиваю о семье, в которой ты был до того, как появился на корабле.

— Вы говорите о папе? О Баслиме?

— Нет, нет! Он был твоим приемным отцом — таким же, как и я. Что ты знаешь о семье, в которой родился?

— По-моему, у меня никогда не было семьи,— уныло пробормотал Торби.

Сообразив, что задел больное место, Крауза поспешно возразил:

— Нет, нет, сынок, ты вовсе не обязан разделять мнения людей, с которыми сейчас живешь. Если бы не было фраки, с кем бы мы торговали? Как бы тогда жили Люди? Родиться среди Людей — это счастье, но и родиться фраки — вовсе не позор. Каждый атом Вселенной имеет свое предназначение.

— Я ничего не стыжусь!

— Ну-ну, не волнуйся.

— Извините, сэр. Мне нечего стыдиться своих родственников. Просто я не знаю, кто они были. Я же совсем ничего не знаю, может быть, они были даже Людьми.

Крауза не мог скрыть удивления.

— Что ж, может, так оно и было,— медленно произнес он.

В основном рабов покупали на планетах, которые порядочные торговцы даже и не посещают, многие рождаются в поместьях своих хозяев... но какой-то их процент составляли Люди, захваченные пиратами. Вот этот парень... интересно, пропадал ли какой-нибудь корабль торговцев в соответствующее время? Капитан подумал, нельзя ли во время Встречи заняться установлением личности юноши, покопавшись в записях коммодора.

Но даже и этим не исчерпывались все возможности. Некоторые старшие помощники небрежно относятся к обязанностям, связанным с идентификацией новорожденных, а некоторые дожидаются очередной Встречи. Вот Мать, она никогда не считалась с расходами на длинные передачи через n-пространство и требовала, чтобы дети регистрировались немедленно — на «Сизу» не терпели расхлябанности.

Представим себе, что мальчик был захвачен на торговом корабле, а его данные так и не попали к коммодору. Какая несправедливость — потерять права, положенные человеку по рождению!

В голову капитана закралась мысль. Ошибку можно исправить несколькими путями. Пропадал ли какой-нибудь свободный корабль? Крауза не помнил.

Говорить об этом он тоже не мог. Было бы очень здорово вернуть мальчику его предков! Эх, была бы только возможность...

Крауза заговорил о другом:

— В каком-то смысле, парень, ты всегда принадлежал к Людям.

— Извините, отец?

— Баслим был почетным членом Народа.

— Что? Как это, отец? Какого корабля?

— Всех. Его избрали на Встрече. Видишь ли, сынок, когда-то очень давно случилось нечто постыдное. Но Баслиму удалось все уладить. И теперь все Люди в долгу перед ним. Я не могу рассказать тебе больше. Хочу спросить: ты думал о женитьбе?

Такая мысль даже не приходила Торби в голову: больше всего он хотел узнать о том, что сделал отец и как он стал одним из Людей. Но он понял, что его старший собеседник наложил на эту тему запрет.

— Нет, отец.

— Твоя бабушка считает, что ты начал всерьез заглядываться на девушек.

— Да, сэр, бабушка всегда права... но я об этом не думал.

— Холостой мужчина неполноценен. Впрочем, мне кажется, что ты еще недостаточно взрослый. Смейся вместе со всеми девушками, но ни с одной не дели печалей и помни о наших обычаях.

Крауза подумал, что согласно пожеланию Баслима он должен обратиться к Гегемонии за помощью и выяснить, откуда же родом мальчик. И будет не совсем удобно, если Торби женится раньше, чем представится такая возможность. Между тем за месяцы пребывания на «Сизу» юноша значительно подрос. К беспокойству капитана примешивалось неприятное ощущение того, что, пускаясь в поиски настоящих (либо мнимых) родителей Торби, да еще не вполне представляя себе, как этого добиться, он нарушает взятые на себя обязательства перед Баслимом.

И тут ему в голову пришла замечательная идея.

— Знаешь что, сынок? Вполне возможно, девушка, которая тебе нужна, вовсе не на нашем корабле. На женской половине левого борта их не так уж и много, а ведь женитьба — дело серьезное. Жена может поднять твой статус, но может и обратить его в ничто. Так что давай пока не думать об этом. На Встрече ты сможешь познакомиться с сотнями подходящих девушек. И если ты встретишь ту, которая тебе понравится и которой понравишься ты, мы обсудим это с бабушкой. Если она одобрит твой выбор, мы начнем разговор насчет ее обмена. И скупиться мы не станем. Идет?

Такое решение сулило отсрочку в решении проблемы, и это было очень кстати.

— Отличная мысль, отец!

— На том и покончим,— Крауза с облегчением подумал, что, пока Торби будет встречаться с «сотнями девушек», он сможет порыться в архивах, и ему не придется пересматривать свои обязательства перед Баслимом до того, как он справится с этой задачей. Парень вполне может оказаться потомком Людей; его несомненные достоинства исключали даже предположение, что он родился среди фраки. Если так, то пожелания Баслима будут исполнены в точном соответствии с духом и буквой его послания. Ну, а пока — забыть!

Прошагав около мили, они вышли к окраине города. Поглядывая на изящные лозианские корабли, Торби с раскаянием подумал о том, что едва не сжег одну из этих прекрасных машин. Но потом ему вспомнились слова отца о том, что выбор цели не входит в обязанности стрелка.

Они вступили в зону уличного движения, и Торби тут же забыл о своем беспокойстве. Лозиане не пользуются ни автомобилями, ни такой роскошью, как носилки и портшезы. Пешком они передвигаются вдвое быстрее бегущего человека, а в случае спешки берут некий аппарат, наводящий на мысль о реактивной тяге. Четыре, а порой все шесть лап просовываются в рукава, оканчивающиеся чем-то вроде коньков. Тело поддерживается рамой, на которой установлен и двигатель (принципа его действия Торби так и не понял). Одетые в такой своеобразный костюм механического клоуна, лозиане носились, словно маленькие ракеты, пренебрегая элементарной безопасностью, рассыпая вокруг себя искры, издавая пронзительный визг. На поворотах они напрочь забывали о трении, инерции, гравитации и тормозили в самый последний момент. Потоки пешеходов и механизированных лихачей свободно смешивались, причем правил дорожного движения, по-видимому, не было и в помине. Казалось, что возрастного ограничения на право вождения тут не существовало, и самые юные лозиане представляли собой лишь еще более бесшабашную копию старших.

Торби даже засомневался, сможет ли он улететь с этой планеты живым.

Лозиане мчались навстречу Торби по чужой полосе движения («своих» полос тут вовсе не было), останавливаясь у самых его ног, со свистом проносились мимо — так близко, что у него перехватывало дыхание и бешено колотилось сердце — но тем не менее всякий раз благополучно избегали столкновения. Торби едва успевал уворачиваться. После нескольких таких прыжков он счел за лучшее следовать примеру своего приемного отца. Капитан Крауза спокойно и упрямо продвигался вперед, как бы рассчитывая на то, что сумасшедшие водители сочтут его неподвижным предметом. Торби усомнился было в правильности такой тактики, но... по-видимому, здесь невозможно было поступать иначе.

Торби никак не мог понять городскую планировку. Машины и пешеходы устремлялись всюду, куда только можно было проехать или пройти, и разделения на общественные и частные территории, по-видимому, не существовало. Сперва они двигались по чему-то, что Торби про себя назвал площадью, а затем, поднявшись по пандусу,— сквозь некое строение, не имевшее отчетливых границ: ни вертикальных стен, ни крыши, потом вновь вышли наружу и спустились вниз сквозь арку, под которой был проход. Торби полностью потерял ориентировку.

Однажды ему показалось, что они проходят сквозь частный дом — им пришлось проталкиваться в толпе, которая была занята чем-то вроде званого обеда. Гости только убирали конечности с их пути.

Крауза остановился.

— Мы почти пришли. Сейчас мы нанесем визит одному фраки, который купил наш товар. Мы встречаемся, чтобы утрясти кое-какие недоразумения, возникшие в ходе торгов. Он оскорбил меня, предложив плату; сейчас нам предстоит вновь стать друзьями.

— Мы что, собираемся отдать товар даром?

— Что бы тебе ответила бабушка? Нам уже заплатили, но сейчас я отдам ему товар бесплатно, а он подарит мне торий в знак своей симпатии ко мне. Обычаи лозиан не позволяют им заниматься таким мерзким делом, как торговля.

— Они не торгуют друг с другом?

— Конечно, торгуют. Выглядит это так: один фраки дает другому то, что у него просят. И тут — разумеется, чисто случайно —

у второго оказываются в наличии деньги, которые он спешит безвозмездно всучить первому. Потом выясняется, что оба подарка имеют одинаковую стоимость. Лозиане очень хитрые деляги: нам ни разу не удалось вытянуть из них хотя бы незначительную прибавку.

— К чему же такие нелепости?

— Если задумываться над тем, почему фраки поступают так или этак, можно свихнуться. Находясь на их планете, ты должен приспосабливаться к местным обычаям... так будет лучше всего. Теперь слушай и запоминай. Во время встречи состоится дружеский обед, но... для лозиан это неприемлемо: они «теряют лицо». Поэтому между нами будет установлен экран. Твое присутствие необходимо, потому что там будет лозианин-сын, точнее — дочь. Фраки, с которым я встречаюсь — мать семейства, а не отец. У меня сложилось впечатление, что у лозиан мужчины находятся в подчиненном положении. Но обрати внимание: когда я буду говорить через переводчика, я буду использовать мужской род.

— Почему же?

— Потому, что они достаточно хорошо осведомлены о наших обычаях, чтобы не знать, что у нас заправляют мужчины. Если ты вдумаешься, то поймешь, что в этом есть определенная логика.

Торби задумался. Кто был главой Семьи? Отец? Или, может быть, бабушка? Разумеется, старший помощник, отдавая распоряжение, подписывает его «по приказу капитана», но это лишь для того, чтобы... нет. Хотя, как бы то ни было...

Внезапно Торби пришло в голову, что во многих отношениях нелогичны именно традиции Семьи. Но капитан продолжал:

— На самом деле мы не станем есть: это не более чем условность. Тебе подадут сосуд с зеленой тягучей жидкостью. Поднеси его ко рту, но не пей: выест кишки. И...— капитан запнулся, оглядываясь на промчавшегося в опасной близости очередного ездока,— ...будь внимателен, и ты сумеешь понять, как вести себя в следующий раз. О, я совсем забыл! Я спрошу, сколько лет сыну хозяина, и потом такой же вопрос будет задан тебе. Отвечай «сорок».

— Почему сорок?

— Потому что в их понятиях сорок лет — самый подходящий возраст для сына, который помогает отцу.

Наконец они прибыли на место и опустились на корточки напротив двух лозиан, к которым сбоку примостился еще и третий. Разделяющий их экран был размером с шарфик, Торби мог все видеть поверх него. Он пытался смотреть в оба, слушать и вникать, но шум дорожного движения постоянно его отвлекал. Лозиане проносились мимо и даже порой между сидящими, пронзительно и весело визжа.

Хозяин начал с обвинения капитана Краузы; он говорил, что тот обманом заставил его совершить постыдный поступок. Переводчика было почти невозможно понять, но он проявил удивительное мастерство в употреблении бранных выражений интерлингвы. Торби не мог поверить своим ушам и ожидал, что отец либо тут же повернется и уйдет прочь, либо затеет скандал.

Однако Крауза спокойно выслушал и выступил с вдохновенной, исполненной поэтики речью, обвиняя лозиан во всевозможных пороках — от сутяжничества до неповоротливости на звездных дорогах.

Произнесенные слова настроили договаривающиеся стороны на дружественный лад. Лозианин преподнес капитану торий и выразил намерение подарить ему своих сыновей и все свое имущество.

Крауза с благодарностью принял дар и выразил желание расстаться с «Сизу» и всем, что было на борту.

Затем стороны сделали широкий жест и вернули друг другу подарки. В итоге был сохранен статус-кво, и каждый оставил у себе лишь то, чем уже завладел к нынешнему моменту: лозианин — много центнеров листьев верги, торговец — слитки тория. Оба сошлись во мнении, что верга и торий — сущая безделица, пустяк, не более чем символ нежной дружбы. В приливе нахлынувшего чувства лозианин подарил капитану своего сына, и Крауза тут же преподнес ему (или ей?) Торби. Последовавший затем обмен мнениями выявил, что оба они слишком молоды, чтобы покидать родные стены.

Возникшее затруднение было разрешено предельно просто: дети обменялись именами. Торби стал обладателем имени, которое ему вовсе не нравилось и которого он даже не мог произнести. Затем последовал «обед».

Торби даже представить не мог, как можно пить эту отвратительную зеленую бурду. Поднеся ее ко рту, он почувствовал, как его ноздри опалило огнем, и закашлялся. Капитан предостерегающе посмотрел на него.

«Поев», они тут же двинулись в обратный путь. Никаких «до свидания», просто поднялись с места и отправились восвояси. Пробираясь, словно лунатик, сквозь уличную толчею, капитан Крауза задумчиво произнес:

— Для фраки они вовсе не плохие существа. Никакого авантюризма, и притом кристально честны. Меня всегда интересовало, что бы они стали делать, кабы я принял всерьез какой-нибудь из их подарков. Вероятно, отдали бы без всяких возражений.

— Не может быть!

— Не скажи. Ты вполне мог бы уйти отсюда, таща за собой этого лозианского мальца.

Торби умолк.

Покончив с делами, Крауза помог ему сделать покупки и сориентироваться на местности, что принесло юноше немалое облегчение, ибо он не знал ни что купить, ни как пройти к кораблю. Отец привел его в лавку, хозяин которой говорил на интерлингве. Лозиане производят массу вещей, исключительно сложных на вид, о назначении которых Торби мог только догадываться. По совету капитана он выбрал маленький полированный кубик, внутри которого, если его потряхивать, проецировались бесконечные виды Лозиана. Торби протянул продавцу одну из проволочных «банкнот», и тот дал ему сдачу: деньги висели у него на шее, на манер ожерелья. Затем лозианин подарил Торби магазин со всем его содержимым.

Торби передал продавцу через Краузу свои сожаления, что может предложить взамен лишь свою признательность до гробовой доски. Процедура приобретения сувенира закончилась обменом вежливыми оскорблениями.

Наконец на горизонте показался космопорт, и, увидев вдали родные контуры «Сизу», Торби почувствовал облегчение.

В каюте сидел Джери, задрав ноги на стол и заложив руки за голову. Он хмуро посмотрел на Торби.

— Привет, Джери!

— Здравствуй.

— Выходил в город?

— Нет.

— А я прогулялся. Смотри, что я купил! — Торби протянул племяннику волшебный кубик.— Потряси его, и каждый раз новое изображение.

Джерри посмотрел одну картинку и вернул кубик обратно.

— Очень интересно.

— Ты чего такой смурной? Съел что-нибудь не то?

— Нет.

— Тогда в чем дело?

Джерри опустил ноги на палубу и посмотрел на Торби.

— Я возвращаюсь в компьютерную.

— Что?

— Да нет, статуса я не потерял. Это только на время, пока я кого-нибудь не обучу.

Торби похолодел.

— Ты хочешь сказать, что меня выставляют?

— Нет.

— Так что же случилось?

— Мату обменяли.

Глава 11

Обменяли Мату? Навсегда? Маленькую Мату с серьезными глазами и веселым смехом? Торби ощутил, как накатывает грусть, и, к своему удивлению, осознал, насколько это для него важно.

— Не верю!

— Не валяй дурака!

— Когда это случилось? Куда ее отправили? Почему мне ничего не сказали?

— Ясное дело, на «Эль Нидо»; кроме «Сизу» это единственный корабль Людей в лозианском порту. Ее увели около часа назад. Я не предупредил тебя потому, что сам не знал... до тех пор, пока меня не вызвали в бабушкину каюту, чтобы я попрощался с сестрой,— Джери нахмурился.— Когда-нибудь это должно было

произойти... но я думал, что бабушка не отпустит Мату до тех пор, пока она не утратит навыков стрельбы.

— Тогда зачем, Джери? Почему?

Джери встал и холодно произнес:

— Больше я ничего не могу сказать, мой приемный дядя.

Торби пихнул его обратно в кресло.

— Не увиливай, Джери. Я твой «дядя» только потому, что меня так назвали. Но я по-прежнему все тот же бывший фраки, которого ты обучал мастерству стрельбы, и мы оба это знаем. Так поговорим как мужчина с мужчиной. Давай, выкладывай все начистоту.

— Тебе это не понравится.

— Уже не нравится! Мата ушла... Слушай, Джери, в каюте нет никого, кроме нас. Что бы там ни было, ты должен рассказать мне все. Клянусь тебе сталью «Сизу», что Семья никогда об этом не узнает.

— Нас может подслушать бабушка.

— Если так, то я приказываю тебе говорить и беру всю ответственность на себя. Впрочем, вряд ли сейчас бабушка слушает: обычно в это время она уже сидит за карточным столом. Говори же!

— Ладно,— Джери мрачно посмотрел на собеседника.— Ты сам напросился. Значит, ты хочешь сказать, что не имеешь ни малейшего понятия о причинах, побудивших бабушку выставить с корабля мою сестренку?

— Конечно, нет. Иначе я бы не спрашивал.

Джери нетерпеливо фыркнул.

— Торби, я знал, что ты малость недалек. Но не подозревал о том, что ты глух, слеп и нем.

— Оставь свои комплименты. Расскажи суть дела.

— Мату обменяли из-за тебя. Из-за тебя,— Джери с отвращением посмотрел на Торби.

— Меня?

— Из-за кого же еще? С кем Мата чаще всех играла в мяч? С кем сидела рядом в кинозале? Подумай, кого из новых членов Семьи постоянно видели рядом с девушкой, принадлежащей к одной с ним мойете? Я намекну тебе — его имя начинается на «Т».

Торби побледнел.

— Джери, мне и в голову не приходило...

— Значит, ты был единственным на корабле, кто этого не видел,— Джери пожал плечами.— Впрочем, тебя я не обвиняю. Это была ее ошибка. Она бегала за тобой, тупой клоун! И лишь одного я не мог себе представить — что ты ничего не знаешь. Я не раз пытался тебе намекать.

В таких делах Торби разбирался не лучше, чем невинная птаха в баллистике.

— Я не верю.

— Веришь не веришь... какая разница? Все это видели. Впрочем, это могло сходить вам с рук, пока все было открыто и невинно — а я внимательно следил, не переступаете ли вы грань,— если бы сестрица не потеряла головы.

— Что же произошло?

— Она сделала нечто такое, что побудило бабушку расстаться с вышколенным стрелком. Мата пришла к ней и попросила, чтобы ее удочерил кто-нибудь из другой семейной ветви. Святая простота! Она решила, что раз уж ты усыновлен, то не имеет никакого значения тот факт, что она твоя племянница,— остается лишь немного переиграть, и она сможет выйти за тебя замуж,— Джери хмыкнул.— Если бы тебя усыновили в другой ветви, у нее еще могло бы что-то получиться. Но она, очевидно, рехнулась, если решила, что бабушка — бабушка! — согласится на такой скандал.

— Да, но... мы ведь, в сущности, не были родственниками. Да я и не собирался жениться на ней.

— Ну, хватит! Я уже устал от тебя.

Торби бродил по кораблю, не желая возвращаться в каюту и встречаться с Джери. Он чувствовал себя потерянным и одиноким. Торби был совершенно сбит с толку: жизнь Семьи казалась столь же странной, а обычаи непонятными, как у лозиан.

Ему не хватало Маты. До сих пор у него не возникало такого ощущения. Общество девушки было приятным, но таким же привычным, как трехразовое питание и прочие удобства, к которым Торби уже привык, живя на корабле. И вот теперь он скучал без нее.

Если уж она так этого хотела, то почему они не исполнили ее желание? Не то чтобы Торби мечтал об этом, но... коль скоро ему все равно суждено обзавестись женой, Мата была бы ничуть не хуже любой другой. Она нравилась Торби.

Наконец он вспомнил, что на корабле есть человек, с которым можно об этом поговорить. И Торби отправился со своей печалью к доктору Мэйдер.

Поскребшись в ее дверь, он тотчас же услышал «Войдите!». Она встретила его, стоя на коленях в груде своих вещей. На ее носу красовалось пятно, а волосы были в беспорядке.

— А, Торби! Очень хорошо, что ты пришел. Мне сказали, что ты вышел в город, и я боялась, что разминусь с тобой.

Она говорила на английском Системы, Торби отвечал ей на том же языке.

— Вы хотели видеть меня?

— Чтобы попрощаться. Я возвращаюсь домой.

— Ой,— Торби вновь ощутил болезненный толчок — такой же, как когда он услышал от Джери о Мате. Внезапно его охватила волна тоски по отцу. Он взял себя в руки и ответил:

— Мне очень жаль. Я буду скучать по вам.

— И я тоже буду скучать, Торби. В этом огромном корабле ты был единственным человеком, рядом с которым я ощущала себя, словно дома... это странно, ведь твоя и моя жизни отстоят друг от друга так далеко, как только возможно. Мне будет не хватать наших с тобой бесед.

— И мне тоже,— простодушно ответил Торби.— Когда вы уходите?

— «Эль Нидо» отправляется в полет завтра. Но я должна перебраться не позже сегодняшнего вечера. Мне нельзя опоздать к старту, иначе я не смогу попасть домой еще несколько лет.

— «Эль Нидо» идет на вашу планету? — в голове мальчика начал складываться фантастический план.

— Нет, нет. Корабль направляется на Таф Бету-VI. Но там бывают почтовые корабли Гегемонии, и на них я смогу добраться домой. Слишком удачный шанс, чтобы упустить его.

Хитроумный план померк в голове юноши — он с самого начала был нелеп. Торби мог решиться поселиться на незнакомой планете, но Мата не была фраки.

Доктор Мэйдер продолжала:

— Все устроила старший помощник,— она невесело улыбнулась.— Она была рада избавиться от меня. Я даже надеяться не

могла, что у нее что-то получится: я хорошо помню, с каким трудом мне удалось попасть на «Сизу»; полагаю, за этим стоит какая-то сделка, о которой бабушка не упоминает. Итак, я покидаю вас... и мне вновь предстоит полная изоляция на женской половине. Не беда: я потрачу это время на обработку полученных данных.

Эти слова напомнили Торби о том, что Маргарет может встретиться на женской половине с Матой. Смущаясь и запинаясь, он принялся объяснять, о чем пришел поговорить. Доктор Мэйдер слушала его со всей серьезностью, продолжая упаковывать вещи.

— Я знаю, Торби. Я услышала об этом печальном деле гораздо раньше, чем ты.

— Маргарет, вы когда-нибудь сталкивались с подобной нелепицей?

Она замялась.

— Да, мне нередко доводилось слышать и о еще более глупых вещах.

— Но ведь в этом ничего страшного не было! И если Мата захотела, то почему бабушка не пошла ей навстречу... вместо того, чтобы отправлять девушку к чужим людям? Я... мне бы это было легче. Я уже привык.

Женщина-фраки улыбнулась.

— Это самое необычное признание в любви, какое я когда-либо слышала, Торби.

— Вы могли бы передать ей кое-что от меня?

— Если ты хочешь передать свои уверения в вечной любви или что-нибудь в этом духе, то лучше не надо. Бабушка сделала для своей правнучки самое лучшее, что было в ее силах. Сделала это быстро, с любовью и мудростью. Сделала это, исходя из интересов Маты, а не сиюминутных потребностей «Сизу», ведь Мата была превосходным стрелком. Бабушка, как и подобает старшему помощнику, исходила из высших соображений; она обдумала глубинные общие интересы и решила, что они перевешивают потерю одного стрелка. Я начинаю восхищаться ею, только между нами, раньше я ненавидела старушонку,— она вдруг улыбнулась.— Лет через пятьдесят Мата тоже примет подобное мудрое решение. Семья «Сизу» — очень крепкий клан.

— Провалиться мне на месте, если я что-нибудь понимаю!

— Это оттого, что ты почти такой же фраки, как и я... и не имеешь моей подготовки. Торби, о большинстве вещей можно говорить, плохи они или хороши, только зная истинную их подоплеку; сами по себе плохи или хороши очень немногие вещи. Поступки, которые квалифицируются в определенном обществе как правильные или неправильные, действительно являются именно таковыми. Возьмем такой обычай Людей, как экзогамия. Ты, вероятно, думаешь, что это способ уменьшить опасность мутаций. По крайней мере, в корабельной школе вас учили именно так.

— Конечно. И поэтому я не могу понять, зачем...

— Секундочку. Ты не можешь понять бабушкиных возражений. Но для Людей чрезвычайно важно устраивать браки между членами экипажей разных кораблей. И не в генах дело — они имеют второстепенное значение, а в том, что корабль слишком мал, чтобы быть устойчивой культурой. Корабли должны постоянно обмениваться идеями и достижениями, иначе тот же «Сизу», да и сама культура Людей погибнут, так что закон соблюдается строжайшим образом. Малейшее отступление от закона — то же самое, что крохотная пробоина в борту корабля, появление которой ведет к гибельным последствиям, и устранить их можно лишь самыми решительными мерами. Ну... теперь ты понимаешь?

— Э-э... нет, не думаю.

— Сомневаюсь, что сама бабушка отчетливо понимает это; она лишь знает, что хорошо и что плохо для Семьи, и действует дальновидно и решительно. Ты все еще хочешь что-нибудь передать?

— Ну... Не могли бы вы передать Мате, что мне очень жаль — нам даже не удалось попрощаться.

— М-м-м... хорошо. Только, пожалуй, не сразу.

— Вот и отлично.

— Теперь чувствуешь себя лучше?

— В общем, да... ведь вы говорите, что так будет лучше для Маты,— Торби внезапно взорвался: — Но, Маргарет, я не понимаю, что творится со мной! Мне казалось, что все стало на свои места, и вот теперь моя уверенность рассыпалась в прах. Я мыслю и чувствую, как настоящий фраки, и сомневаюсь, смогу ли я стать истинным Торговцем.

Лицо собеседницы внезапно омрачилось.

— Ты уже был свободен. И эту дурную привычку трудно преодолеть.

— Как вы сказали?

— Тебе довелось многое пережить. Твой приемный отец — я имею в виду первого, Баслима Мудрого,— купил тебя и усыновил, дав тебе такую же свободу, какой пользовался и сам. И вот теперь второй твой отец из самых лучших побуждений усыновил тебя и тем самым сделал тебя рабом.

— Что вы, Маргарет! — возразил Торби.— Как вы можете такое говорить?

— Если ты не раб, то кто же?

— Ну, я — Вольный Торговец. Во всяком случае, отец надеется, что я смогу им стать, если мне удастся избавиться от моих привычек фраки. Но я не раб. Люди свободны. Семья состоит из свободных людей.

— Все вместе вы свободны... но не по отдельности.

— Что вы имеете в виду?

— Люди свободны. Это составляет главный предмет их гордости. Любой Торговец скажет вам, что именно свобода делает Людей Людьми и отличает от фраки. Люди свободны, странствуя среди звезд и нигде не пуская корней. Столь свободны, что превращают свой корабль в суверенное государство, которое никого ни о чем не просит, странствует, где хочет, дерется с любым врагом, не нуждается ни в каком пристанище, не вступает ни с кем в союз, который бы его не устраивал. О да, Люди свободны! Старушка Галактика еще не ведала такой полной свободы. Общество, насчитывающее менее сотни тысяч человек, раскинулось в пространстве в четверть миллиарда кубических световых лет, и эти люди совершенно вольны двигаться в любую сторону в любое время. Такой культуры не было никогда и, быть может, не будет. Свободны, как само небо... более свободны, чем звезды, поскольку те движутся твердо установленными путями. Да-да, конечно, Люди свободны! — женщина некоторое время молчала.— Но какой ценой куплена эта свобода?

Торби заморгал.

— Я скажу тебе. Нет, бедность тут ни при чем. Такого высокого уровня жизни, как у Людей, история еще не знала. Доходы от вашей

торговли просто баснословны. За них не приходится платить ни физическим, ни душевным здоровьем. Мне не доводилось видеть общества, в котором болели бы так мало. Не приходится платить и счастьем либо самоуважением. Но ваше счастье полно самодовольства, а гордыня почти греховна — разумеется, гордиться вам есть чем. Но за свою беспрецедентную свободу вы платите... самой свободой. Нет, я не говорю загадками. Люди свободны... за счет потери личной свободы каждого из вас, и капитан со старшим помощником отнюдь не являются исключением: они лишь еще более несвободны, чем кто бы то ни было из вас.

Ее слова казались чудовищными.

— Как мы можем быть свободными и несвободными одновременно? — возразил Торби.

— Спроси Мату. Торби, ты живешь в стальной темнице, вне которой ты проводишь не более нескольких часов за много месяцев. Правила внутреннего распорядка на корабле значительно строже, чем в любой тюрьме. То, что целью этих правил является сделать вас всех счастливыми — и они это делают,— сейчас неважно. Вы должны повиноваться им. Вы спите, где прикажут, едите по звонку и только то, что предложат,— и совершенно несущественно, что пища вкусная и обильная, важно то, что вас не спрашивают, чего вы хотите. Девяносто процентов времени вы делаете то, что вам прикажут. Вы так стиснуты правилами, что большая часть того, что вы говорите — не живая речь, а предписанный ритуал. За целый день можно не произнести ни одной фразы, которой не было бы в законах «Сизу». Верно?

— Да, но...

— «Да» без всяких «но»! Скажи, Торби, у кого из людей меньше свободы? У рабов? Можешь ли ты подобрать слово точнее?

— Но нас нельзя продать!

— Рабство часто существовало в форме, не допускавшей продажу или покупку людей. Их просто передавали по наследству. Так же, как на «Сизу». Быть рабом означает принадлежать хозяину и не иметь надежды на перемены. Вы, рабы, называющие себя Людьми, не имеете даже надежды, что вас отпустят на волю.

Торби нахмурился.

— Вы полагаете, что именно из-за этого я чувствую себя так противно?

— Мне кажется, рабский ошейник, который не беспокоит твоих товарищей, потому что они родились в нем, начинает душить тебя, ведь ты уже был свободен,— женщина осмотрела свои пожитки.— Мне пора отправляться на «Эль Нидо». Поможешь мне?

— Буду рад.

— На встречу с Матой не рассчитывай.

— Я и не думал об этом,— соврал Торби,— только хотел помочь вам. Мне очень жаль расставаться.

— Честно говоря, я рада, что отправляюсь домой, но мне не хочется прощаться с тобой,— она помедлила.— Я тоже хотела бы тебе помочь. Антрополог никогда не вмешивается, но я уже ухожу, а ты никогда не был настоящей частичкой этой культуры. Ты сможешь понять намек старой женщины?

— Вы совсем не старая!

— Еще одна любезность. Я уже бабушка, хотя старший помощник, пожалуй, удивилась бы, услышь она это от меня. Торби, мне казалось, что ты сумеешь привыкнуть к этой тюрьме. Теперь я в этом не уверена. От привычки быть свободным не так-то легко избавиться. Милый, если ты почувствуешь, что ты не в силах это выдержать, дождись, когда корабль опустится на планету, где царят свобода, демократия и гуманизм, и беги отсюда прочь. Это нужно сделать до того, как бабушка решит тебя женить, ибо промедление — твоя погибель!

Глава 12

От Лозиана к Финстеру, от Финстера к Тоту IV, от Тота IV к Вуламурре — «Сизу» прокладывал свои пути в пространстве диаметром в девяносто световых лет. В центре этой сферы располагалась легендарная Терра, колыбель человечества. «Сизу» никогда не опускался на этой планете; Люди предпочитают миры, где выше прибыль, где меньше полиции и торговля не связана головоломными статьями налогового законодательства.

История «Сизу» утверждала, что первый корабль Семьи был построен на Терре, и там же появился на свет первый капитан Крауза, который был (по слухам) урожденным фраки. Но с тех пор Семья сменила шесть кораблей, а история «Сизу» была верна

только в общих чертах, незначительные подробности вполне могли оказаться искажены. Тот «Сизу», сталь которого служила домом нынешнему поколению Семьи, был зарегистрирован на Новой Финляндии, на Шиве III... в этот порт корабль более не возвращался, но местные налоги уплачивались регулярно — это давало Семье законное право в погоне за прибылью свободно перемещаться в цивилизованном секторе Галактики. Администрация Шивы III понимала нужды Вольных Торговцев и не докучала им инспекциями и проверками, пока те исправно платили положенные взносы. Очень многие корабли Людей сочли удобным зарегистрироваться на этой планете.

На Финстере Торби познакомился еще с одним способом ведения дел. Здешние фраки, известные науке под замысловатым латинским названием и которых Люди называли «эти чертовы слизняки», жили в телепатическом симбиозе с лемуроподобными существами, обладавшими очень сложными развитыми конечностями. Предполагалось, что неуклюжие доминирующие монстры мыслят, а лемуры работают своими тонкими руками.

Планета поставляла на рынок чудесно ограненные драгоценные камни, сырую медь и некое растение, содержащее алкалоид, нашедший применение в психиатрии. Оставалось лишь догадываться о том, что еще здесь можно приобрести. Местные жители не имели ни устной, ни письменной речи, так что общение с ними было крайне затруднено.

Здесь Торби научился новому для себя методу торговли — безмолвному аукциону, который изобрели финикийские торговцы еще в те времена, когда африканское побережье простиралось за пределы известного мира.

Вокруг «Сизу» были штабелями разложены товары, которые могли предложить продавцы: необходимые местным жителям тяжелые металлы, «вечные» часы, которыми те уже научились пользоваться, и прочие предметы, к которым их надеялась приучить Семья. Когда люди вернулись на борт, Торби подошел к старшему клерку и поинтересовался:

— Мы так и оставим товары валяться на песке? На Джуббуле они тут же исчезли бы, стоило лишь повернуться к ним спиной.

— Разве ты не видел, что комендоры установили пулеметы?

— Нет, я был в нижнем трюме.

— Так вот, пулеметы заряжены, и при них неотлучно находятся стрелки. Местные твари абсолютно аморальны, но отнюдь не глупы. Однако теперь они будут так же честны, как кассир, за которым наблюдает босс.

— И что же дальше?

— Будем ждать. Они осмотрят наши товары и через некоторое время... через день, может быть, через два... принесут свои и уложат рядом с нашими. Мы еще немного подождем; может быть, они чего-нибудь добавят. А может, уберут принесенное и предложат что-либо другое, и мы рискуем перехитрить самих себя и упустить какой-нибудь ценный товар. Возможно, нам придется разделить штабель надвое, чтобы показать, что нас устраивает товар, но не цена. Может случиться и так, что мы не пожелаем брать их товар ни за какую цену. И придется переместить наш штабель к тому их товару, который нам нужен. Но и тогда мы не станем трогать того, что они принесут: мы будем выжидать. Наконец в течение долгого времени ни мы, ни они не будем ничего передвигать. Значит, цена устраивает обе стороны, и мы забираем их товар, а они уносят наш. Потом мы забираем свои товары, за которые они не дали нужной нам цены, а они уносят все то, что отвергли мы.

Но и это еще не все. К этому моменту и те, и другие уже знают, чего хочет партнер и какую цену он готов предложить. Они вновь принесут что-нибудь, и мы в ответ выставим то, что, как нам уже известно, они захотят взять. Совершается еще несколько сделок. По окончании второго этапа у нас не остается товаров, которые они хотели бы взять по цене, устраивающей нас. Очень хороший способ. На планетах, где мы можем общаться при помощи речи, все проходит куда сложнее.

— Да, но так тратится очень много времени.

— А ты знаешь еще что-нибудь, чего у нас больше, чем времени?

Обмен грузами, цена которых была известна заранее, прошел без сучка и задоринки; когда начали предлагать пробные товары, сделки пошли реже — устройства, хорошо расходившиеся на Лозиане, по большей части не вызывали у жителей Финстера интереса. Шесть упаковок складных ножей, которые предназначались для Вуламурры, были проданы здесь по весьма приличной цене.

Однако наибольший ажиотаж вызвали предметы, которые вообще не считались товаром.

Бабушка Крауза, хотя и была прикована к постели, частенько объезжала помещения корабля с личной инспекцией; в результате таких проверок кого-нибудь обязательно наказывали. Незадолго до прибытия на Финстер она пожелала осмотреть детскую и каюты холостяков. Первое, на чем остановились ее глаза, были книжки с комиксами. Бабушка велела конфисковать этот «мусор, годящийся только для фраки».

Затем осмотру подверглись каюты холостяков, в то время как накануне был пущен слух, будто бы бабушка намерена ограничиться детской и женской половиной, так что юноши не успели припрятать картинки с голыми красотками.

Бабушка была шокирована! После изъятия комиксов и фотографий было велено разыскать журналы, из которых они были вырезаны. Кипу контрабандной макулатуры передали механикам, чтобы те распылили эту гадость на атомы.

Там журналы попались на глаза суперкарго, в голове у которого зародилась идея получше. Конфискованную «литературу» вынесли из корабля и бросили рядом с другими товарами.

Напротив пачки бумажного хлама появилась кучка ограненных самоцветов: хризобериллы, гранаты, опал, хрусталь.

Суперкарго, растерянно моргая, осмотрел эти сокровища и отправился с докладом к капитану.

Книжки и журналы разложили по отдельности. Местные жители принесли еще камней.

В конце концов каждый предмет был расчленен на страницы, которые разложили по одной. Было достигнуто окончательное соглашение: за каждую цветную картинку туземцы отдали по одному камню. В этот момент даже самые хитроумные юнцы, сумевшие уберечь свои любимые фотографии, внезапно воспылали патриотизмом и проявили врожденную деловитость: в конце концов, они могли пополнить свои запасы в ближайшем цивилизованном порту. Из детской была изъята очередная порция комиксов с приключениями.

Беспрецедентный в истории случай: за комиксы и порнографию Семья получила драгоценные камни, вес которых многократ-

но превышал массу бумаги, на которой были напечатаны безвкусные картинки!

За Тротом IV следовала Вуламурра. Каждый перелет приближал корабль к месту Встречи Людей; корабль охватила карнавальная лихорадка. Членов экипажа освобождали от работы, чтобы дать возможность попрактиковаться на музыкальных инструментах, вахты перетасовывались так, чтобы могли спеться квартеты, для атлетов был составлен тренировочный план, а их самих освободили от всех вахт, кроме боевых, и они выкладывались в спортзале так, что едва доползали до своих постелей. Обсуждая планы шикарных приемов, должных послужить вящей славе «Сизу», люди спорили до хрипоты и головной боли.

Через n-пространство летели длиннющие послания, и главный механик гневно протестовал против скандального перерасхода энергии, ядовито намекая на высокую цену трития. Однако старший помощник, посмеиваясь, одобряла все расходы. Проходили дни, и морщины бабушки все чаще складывались в непривычную для нее улыбку, словно она знала что-то, о чем предпочитала покамест помалкивать. Торби дважды заметил, как она улыбалась, глядя на него. Это насторожило юношу: он считал за благо не привлекать внимания бабушки. В полной мере ему довелось удостоиться ее внимания недавно, и это ему не очень-то понравилось. Торби сжег рейдер, и в его честь был устроен обед, на котором он сидел за одним столом со старшим помощником.

Пират появился на экране «Сизу», когда корабль поднимался с Финстера — весьма необычное для нападения место, поскольку в окрестностях планеты никогда не было особенно оживленного движения. Тревога поднялась лишь спустя несколько часов после старта, когда «Сизу» набрал всего пять процентов световой скорости, так что надежды оторваться от преследователя не было никакой.

Справляться с ситуацией выпало Торби; компьютер левого борта вышел из строя — у него произошел «нервный срыв», и электронщики, обливаясь потом, возились со схемами еще со времени последнего прыжка. Племянник Торби, Джери, вернулся к астрогаторам. Новый стажер кое-чему подучился во время длительного перелета от Лозиана, но это был безусый юнец, и Торби

не очень-то ему доверял, но не стал возражать, когда Джери решил, что Кенан Дротар готов нести вахту, пусть он и не прошел боевое крещение. Джери стремился поскорее вернуться в ходовую рубку по двум причинам. Во-первых, он не желал терять высокого статуса, а во-вторых, о чем он даже сам не думал и не говорил, компьютерная была тем самым местом, где он когда-то работал с покинувшей корабль младшей сестрой.

И поэтому, когда появился рейдер, разбираться с ним пришлось Торби.

Он приступил к решению задачи с чувством неуверенности, поскольку знал, что компьютер левого борта неисправен. Жизнь стрелка значительно облегчает вера в сверхчеловеческие способности команды, работающей на другом борту: «Если даже я лопухнусь, эта куча мозгов все равно накроет его». Тем временем другая команда думает то же самое о нем. И эта мысль давала людям столь необходимую возможность расслабиться.

На сей раз у Торби такого ощущения безопасности не было.

Финстериане не летали в космос; было невозможно даже предположить, что рейдер принадлежит им. Не мог он быть и Торговцем: он слишком быстро ускорялся. Не был это и гвардеец Гегемонии: Финстер находился слишком далеко от цивилизованного мира. Торби с уверенностью, от которой его затошнило, подумал о том, что через несколько часов ему придется запустить ракету и поразить цель, либо уже очень скоро он вновь станет рабом, и та же участь постигнет его Семью.

Все эти соображения путали расчеты, парализовали мысль.

В конце концов юноша забыл о неисправном компьютере, о Семье, даже о самом пирате забыл. Маневры рейдера стали всего лишь потоком поступающих на терминал данных, превратившись в задачу, которую он умеет решать. Его напарник вскочил в другое кресло и пристегнулся ремнями, когда еще не успел отзвучать сигнал общего аврала. Торби не слышал ответов напарника и даже не заметил, когда звон умолк. Вскоре в компьютерную ворвался Джери, присланный капитаном; Торби не обратил на него внимания. Джери вытянул из кресла стажера, уселся в него сам и, заметив, что включен терминал Торби, даже не прикоснулся к переключателю. Он молча наблюдал за действиями юноши и

продумывал на всякий случай альтернативные решения, готовый включиться сразу после того, как Торби запустит ракету, и тут же выстрелить еще раз. Торби по-прежнему ничего не замечал.

Внезапно динамик заговорил низким голосом капитана Краузы:

— Стрелок правого борта... не помочь ли вам маневром?

Торби не слушал. Джери посмотрел на него и ответил:

— Я бы не советовал, капитан.

— Ну ладно.

Старший стрелок левого борта, грубо нарушая требования Устава, примчался в компьютерную и, утирая пот со лба, наблюдал за безмолвным поединком. Торби его не замечал. Для него в этот момент существовали только рукоятки, клавиши и кнопки, ставшие продолжением его собственной нервной системы. И даже когда ему нестерпимо захотелось чихнуть, Торби подавил это желание, даже сам того не заметив.

Сверившись с последними данными, он ввел тончайшие поправки, автоматическим движением нащупал кнопку и отдал команду запустить ракету в момент достижения расчетной кривой максимума. Двумя секундами позже ракета покинула пусковую шахту и легла на курс.

Джери потянулся к переключателю, но его рука замерла на полпути; Торби отчаянно застучал по клавишам, запуская вторую ракету по траектории, вычисленной с поправкой на возможное выключение целью двигателей. Внезапно поток данных прервался; корабль ослеп: его коснулся парализующий луч.

Последующий анализ показал, что луч действовал семьдесят одну секунду. Джери пришел в себя, когда луч исчез; он увидел, как Торби ошеломленно осмотрел свой терминал и вновь начал лихорадочно действовать, подготавливая очередной пуск в соответствии с последними полученными им данными.

Джери положил ему на плечо руку.

— Бой окончен, Торби.

— Что?

— Ты накрыл его. Отличный выстрел. Мата могла бы гордиться тобой.

Ослепшие «глаза» корабля ремонтировали целый день. Капитан продолжил ускорение: больше ему нечего было делать.

Наконец «Сизу» вновь обрел зрение и двумя днями позже благополучно нырнул в безопасный мрак n-пространства. Этим же вечером в честь Торби был дан обед.

Бабушка произнесла обычную речь, вознеся благодарственную молитву за спасение Семьи. И не кто иной, как сын «Сизу», ныне сидящий рядом с ней, был орудием счастливого избавления. Затем старший офицер вновь откинулась на подушки и приступила к еде; ей прислуживала невестка.

Торби не радовала выпавшая на его долю честь. Он с трудом припоминал ход поединка, и ему казалось, что его чествуют по ошибке. Он долгое время провел в полузабытьи и лишь теперь к нему вновь возвращалось понимание происходящего.

Он понимал, что это были всего лишь пираты. Пираты и работорговцы, они пытались захватить «Сизу» и продать в рабство Семью. Сколько Торби помнил себя, он ненавидел работорговцев — не просто безликий институт рабства, а именно работорговцев он ненавидел с младых ногтей, еще до того, как узнал это слово.

Он был уверен, что папа одобрил бы его; он знал, что тот при всей его мягкости укоротил бы любого работорговца, не проронив и слезинки.

И тем не менее Торби не чувствовал себя счастливым. Он продолжал думать о живом корабле, на который вдруг обрушилась смерть, превратив его в сгусток излучения. Он посмотрел на свой указательный палец и задумался. Его занимала извечная дилемма, которая преследует всех людей с несложившейся системой ценностей, людей, едящих мясо, но предпочитающих, чтобы туши свежевал кто-нибудь другой.

Трое суток перед званым обедом Торби не спал, и это было по нему видно. Он начал нехотя ковыряться в еде.

Проглотив очередной кусок, он вдруг заметил, что на него внимательно смотрит бабушка. Торби поперхнулся, забрызгав парадную куртку.

— Что с тобой? Уснул? — сердито заговорила старший помощник.

— Ох, извините, бабушка. Вы что-то мне говорили?

Торби уловил предостерегающий взгляд матери, но было уже поздно. Бабушка насупилась.

— Мы все ждем, что ты что-нибудь скажешь.

— Да, да... сегодня чудесный день...

— Не вижу в нем ничего особенного. Видишь ли, в космосе редко бывает плохая погода.

— Я хотел сказать, что у нас отличный обед. Просто прекрасный. Спасибо вам за то, что устроили такой вечер.

— Это уже лучше. Не забывайте, молодой человек: когда джентльмен обедает с дамой, он должен поддерживать приятную беседу. Может быть, у фраки это и не принято, но Люди соблюдают это правило неукоснительно.

— Да, бабушка. Благодарю вас, бабушка.

— Давай-ка начнем сначала. Мы все рады присутствовать на этом обеде. Да. Мы стараемся сделать так, чтобы каждый из нас чувствовал себя равным другим членам Семьи, и для этого мы стремимся оценивать заслуги каждого по достоинству. Приятно иметь случай — наконец-то — согласиться с остальной Семьей в признании твоего достоинства... достойного всякой похвалы, а может — даже исключительного. Поздравляю тебя. А теперь твоя очередь.

Торби залился румянцем.

Бабушка слегка поморщилась и спросила:

— Как ты готовишься к Встрече?

— Я не знаю, что делать... видите ли, я не умею ни петь, ни танцевать, играю только в шахматы и в мяч. К тому же я ни разу не бывал на Встречах. Я даже понятия не имею, что это такое.

— Конечно же, не имеешь...

Торби почувствовал себя виноватым.

— Бабушка...— произнес он,— должно быть, вы побывали на очень многих Встречах. Расскажите мне о них.

Это был удачный ход. Бабушка заулыбалась и, понизив голос, заговорила:

— Знаешь, теперь уж не бывает Встреч, какие я видывала в свои молодые годы...

С этого момента Торби открывал рот только для того, чтобы издать очередное восхищенное восклицание. Семье пришлось очень долго ждать, пока бабушка разрешит встать из-за стола.

— ...и у меня была масса предложений от сотни кораблей, вот что я тебе скажу. Я была восхитительным созданием с маленькой

ножкой и вздернутым носиком. Многие Люди предлагали моей бабушке соблазнительные условия, но я знала, что мое место — на «Сизу», и сумела настоять на своем. Ах, как я была резва! Танцевала всю ночь напролет, а к утру вновь была свежа, словно...

В общем, если обед и не очень удался, то и провала не было.

Поскольку Торби оказался бесталанным, он стал актером.

Тетку Торби, главного распорядителя продовольственного склада и лучшего повара Семьи, охватил литературный зуд в самой его тяжелейшей форме: тетя Афина Крауза-Фогарт разродилась пьесой. Произведение, описывавшее жизнь первого капитана Краузы, должно было продемонстрировать безупречный аристократизм Семьи «Сизу». Первый Крауза представал в виде святого с сердцем из стали. Преисполненный отвращения к мерзким фраки, он построил «Сизу» (сам, в одиночку) и возвел на борт свою супругу (в черновике она значилась под фамилией Фогарт, но, прежде чем передать рукопись для прочтения бабушке, в текст вставили ее девичью фамилию) и своих прекраснейших на всем свете детей. На последних страницах пьесы описывалась волнующая сцена: «Сизу» взмывает ввысь, чтобы нести свет культуры и процветание в самые далекие уголки Галактики.

На роль первого Краузы назначили Торби. Услышав об этом, он едва не лишился дара речи, ведь он проходил пробу только потому, что ему велели. Тетка Афина была поражена не меньше его самого и, читая вслух список артистов, запнулась и прочитала имя Торби еще раз. Однако бабушка, казалась, была довольна. Она посещала репетиции и даже сделала несколько замечаний, с благодарностью принятых автором.

Главную женскую роль играла Лоан Гарсиа, девушка, недавно пришедшая в Семью с «Эль Нидо». Торби не подружился с девушкой, полученной кораблем в обмен на Мату; он не имел ничего против нее, просто не хотелось. Однако найти общий язык с Лоан оказалось нетрудно. Это была темноволосая симпатичная девушка с приятными манерами. Тем не менее, когда ему велели в нарушение всех запретов поцеловать ее на виду у бабушки и прочих зрителей, он перепутал все слова роли.

После его первой попытки бабушка с отвращением воскликнула:

— Что ты делаешь? Собираешься укусить ее? И не отпускай ее сразу, будто она насквозь радиоактивна! Это же твоя жена, болван! Ты только что привел ее на корабль и остался наедине со своей любимой женщиной! Давай же! Нет, нет! Афина!

Торби огляделся невидящим взором, но тем не менее заметил Фрица. Глаза того были выпучены, на губах играла блаженная улыбка.

— Афина! Подойди сюда, дочка, и покажи этому недотепе, как нужно целовать женщину! Поцелуй его сама, а потом пусть он попробует еще раз. Все по местам!

Тетка Афина была вдвое старше Торби, и он стеснялся ее гораздо меньше. Он неуклюже последовал ее наставлениям и наконец сумел поцеловать Лоан, не спотыкаясь о ее ноги.

Вероятно, это была хорошая пьеса; она очень понравилась бабушке, которая предвкушала успех постановки на Встрече.

На Вуламурре бабушка умерла.

Глава 13

Вуламурра — утопающая в зелени планета первопроходцев, только что принятая в состав земной Гегемонии; на ней «Сизу» сделал последнюю остановку перед тем, как направиться прямиком к месту, где должна была состояться Встреча. Здесь было вдоволь продовольствия и сырья, а местные фраки с удовольствием скупали промышленные товары. «Сизу» распродал множество лозианских изделий и драгоценностей с Финстера. Однако Вуламурра крайне скупо отпускала товары, которые могли бы принести значительную прибыль, и атомное топливо здесь было дорогим: планета относилась к разряду слаборазвитых и неохотно расставалась с радиоактивными материалами, в которых так нуждалась зарождающаяся местная промышленность.

Урана «Сизу» приобрел немного, но вдоволь отборного мяса и прочих деликатесов. Семья всегда стремилась иметь на своем столе изысканную пищу; сейчас в трюмы корабля было загружено гораздо больше продовольствия, чем мог съесть экипаж, однако этими лакомствами можно было похвастаться на Встрече.

За остальное планета расплатилась тритием и дейтерием. Первоначально построенная здесь фабрика водородных изотопов предназначалась для нужд кораблей Гегемонии, однако продукции фабрики хватало всем. В последний раз «Сизу» заправлялся на Джаббуле, так как лозианские корабли приводятся в движение другими ядерными реакциями.

Несколько раз Торби вместе с отцом выходил в порт Новый Мельбурн. Здесь был в ходу английский Системы; Крауза знал этот язык, но местные фраки проглатывали окончания и растягивали гласные так, что капитан понимал едва ли половину. Но для Торби в местном произношении не было ничего странного: казалось, будто он уже слышал когда-то такое. Поэтому Крауза брал его с собой в качестве переводчика.

В этот день им предстояло завершить сделку по приобретению топлива. Затем подписанные документы следовало заверить в центральном банке и отвезти на завод. После того как на всех бумагах появились печати и были внесены необходимые суммы, капитан сел поболтать с директором. Крауза умел держать себя с фраки на равных и дружелюбно, ничем не показывая, что их разделяет колоссальная социальная пропасть.

Пока они болтали, Торби мучился сомнениями. Директор рассказывал о Вуламурре:

— Любой толковый мужик с крепкими руками и головой, способный держать ушки на макушке, может отправиться в незаселенный район, получить землю и ковать свое счастье.

— Вне всякого сомнения,— признал капитан.— Я видел ваш мясной скот. Эти животные просто великолепны.

Торби тоже согласился. Быть может, на Вуламурре не хватало асфальта, театров и водопровода, но планета буквально бурлила от открывавшихся на ней возможностей. Кроме того, это был приятный славный мир с приятными свободными нравами. Доктор Мейдер словно бы именно его имела в виду, когда советовала: «...Подожди, когда корабль сядет на планете, где царят свобода, демократия и гуманизм... и тогда беги!».

Жизнь на «Сизу» была приятнее, хотя Торби уже в полной мере осознал, что она требует изоляции от внешнего мира и полного подчинения личности интересам Семьи. Юноше даже начи-

нало нравиться быть актером; сцена оказалась презабавным местом; он даже научился обниматься так, что на лице бабушки появлялась улыбка. Помимо прочего, хотя все происходило лишь на сцене, обнимать Лоан было очень приятно. Она целовала его и шептала: «Мой муж! Мой благородный муж! Мы вместе покорим Галактику!».

По простоте душевной Торби решил, что она — великая актриса.

Они очень подружились. Лоан было любопытно узнать, чем занимается бортовой стрелок, и как-то раз под бдительным присмотром двоюродной бабушки Торы юноша устроил ей экскурсию в компьютерную.

На лице девушки появилось восхитительное выражение замешательства.

— Что такое n-пространство? Мы видим глазами длину, ширину, толщину... неужели могут быть и иные измерения?

— Давай обратимся к логике. Ты ощущаешь четыре измерения... те три, о которых ты уже говорила, плюс четвертое — время. Его ты не видишь, но измерить можешь.

— Да, но при чем здесь логика?

— Сейчас поймешь. Что такое точка? Это некое место в пространстве. Но представь себе, что нет никакого пространства, даже четырех обычных измерений. Пространства нет. Можно ли в таких условиях представить себе точку?

— Я как раз об этом думаю.

— Об этом нельзя даже думать, не думая одновременно о пространстве. Если ты представляешь себе точку, то думаешь о том, что она расположена в каком-то конкретном месте. Скажем, ты выбираешь линию и представляешь себе точку на этой линии. В общем, точка — это какое-то определенное место, и если это место некуда поместить, точка обращается в ничто. Понимаешь?

— Послушайте, дети,— вмешалась двоюродная бабушка Тора.— Нельзя ли продолжить ваш разговор где-нибудь в другом месте? У меня ноги устали.

— Простите, двоюродная бабушка Тора. Обопритесь на мою руку.

Беседу продолжили в холле.

— Так ты уяснила себе, что для существования точки нужна линия?

— Кажется, да. Если у точки нет возможности где-то находиться, ее нет вообще.

— А теперь подумаем о линии. Ты согласна с тем, что она не может существовать без поверхности?

— Это уже труднее.

— Но если ты сумеешь это себе представить, то справишься и с остальным. Линия — это упорядоченная последовательность точек. Откуда берется порядок? Оттого, что линия лежит на поверхности. Если линия не принадлежит никакой поверхности, она сжимается и исчезает. У линии нет ширины. Ты даже не увидела бы, что она сжалась, ведь тебе не с чем ее сравнить. И все ее точки одинаково близки друг к другу, а упорядоченность исчезает. Понимаешь?

— С трудом.

— Итак, точке нужна линия, линии — поверхность. В свою очередь, поверхность должна быть частью трехмерного пространства, иначе ее структура разрушается. Трехмерное пространство должно быть частью гиперпространства, которое его вмещает... и так далее. Каждое измерение нуждается в еще более высоком, иначе геометрия становится бессмысленной. Исчезает само пространство,— Торби хлопнул по столу.— Но пространство существует, отсюда мы знаем, что гиперпространство тоже существует, несмотря на то что мы его не видим, как не видим протекающие секунды.

— Но должен быть какой-то предел!

— Ничего подобного. Размерность пространства бесконечна.

Девушка поежилась.

— Это пугает меня.

— Не бойся. Даже главный механик имеет дело лишь с первой дюжиной размерностей. Кстати, когда корабль переходит световой барьер, мы все как бы выворачиваемся наизнанку. Ты это замечаешь?

— Нет. Мне в это не верится.

— Это трудно себе представить, поскольку у нас нет соответствующих органов чувств. Переход может произойти в тот самый момент, когда ты ешь суп, но ты даже капли не прольешь, несмот-

ря на то что суп тоже выворачивается наизнанку. Это всего лишь математическая концепция, вроде корня квадратного из минус единицы, но с этой самой концепцией мы соприкасаемся, переходя скорость света. Нет нужды видеть многомерное пространство, ощущать его или понимать; нужно лишь разработать соответствующие логические символы. Однако многомерное пространство вполне реально, если только слово «реальность» вообще что-то значит. До сих пор никто не видел электрона. И мысли тоже. Ты не можешь видеть мысль, не можешь измерить, взвесить, попробовать на вкус, тем не менее «мысли — это одна из самых реальных вещей в Галактике»,— процитировал Торби Баслима.

Девушка посмотрела на него с уважением.

— Ты, должно быть, страшно умен, Торби. «Никто не может увидеть мысль»... Мне это нравится.

Торби с достоинством выслушал похвалу.

Вернувшись в каюту, он застал Фрица, который читал, лежа в постели. После разговора с приятным собеседником Торби пребывал в приподнятом настроении.

— Привет, Фриц! Учишься? Или прожигаешь свои молодые годы?

— Ага, учусь. Знакомлюсь с истинным искусством.

Торби скользнул взглядом по обложке.

— Смотри, как бы бабушка тебя не поймала.

— Сам не забудь запастись товаром перед очередным визитом на Финстер!

Вуламурра была «цивилизованной планетой», и холостяки восполнили свои запасы образчиков «истинного искусства».

— Выглядишь так, будто тебе удалось сбить цену у лозианца. Чего ты такой довольный?

— Только что поболтали с Лоан. Я немножко просветил ее насчет n-пространства... просто удивительно, как быстро она все схватывает.

— Да, Лоан умная девушка,— рассудительно произнес Фриц.— Когда же бабушка объявит о помолвке?

— О чем ты?

— Что, помолвка не состоится?

— Что за гупости!

— М-м-м... хорошая у тебя подружка. И умная к тому же. Знаешь ли ты, насколько она умна?

— Ну?

— Она настолько способный человек, что ей доверили преподавать в школе «Эль Нидо». Ее специальностью была математика. Точнее — многомерная геометрия.

— Не может быть!

— Я случайно видел ее документы... впрочем, спроси ее сам.

— И спрошу! Почему же она не преподает математику на нашем корабле?

— Об этом надо спросить бабушку. Послушай, Торби, мой тощий недоразвитый братец, мне иногда кажется, что в детстве тебя неудачно уронили. Несмотря на все эти недостатки, я люблю тебя за ту неуклюжую элегантность, с которой ты вытираешь слюну со своего подбородка. Хочешь выслушать совет старшего мудрого брата?

— Говори. Все равно ты молчать не станешь.

— Спасибо. Лоан — чудесная девушка, и, я полагаю, было бы приятно решать вместе с ней уравнения до последнего дня твоей жизни. Но мне нестерпимо видеть человека, который делает покупку, не обойдя прежде всего рынка. Если ты продержишься хотя бы еще один перелет, ты увидишь, что у Людей есть еще несколько хорошеньких девушек. Несколько тысяч.

— Но я вовсе не ищу себе жену!

— Ну, ну... это, в конце концов, одна из обязанностей мужчины. Все же подожди Встречи, и мы пошарим по прилавку. А теперь умолкни, я возвращаюсь к изучению литературы.

— Можно подумать, это я болтаю!

Торби не стал спрашивать у Лоан, чем она занималась на «Эль Нидо», но теперь у него открылись глаза и он понял, что, сам того не зная, играл главную роль в спектакле «Ухажер». Это его испугало. Торби припомнил совет доктора Мэйдер: «Прежде чем бабушка решит женить тебя, беги... иначе тебе конец!».

Отец болтал с представителем вуламуррской администрации, а Торби продолжал мучиться сомнениями. Не покинуть ли «Сизу»? Если уж он не собирается всю жизнь быть торговцем, то лучше всего сделать это сейчас, пока он холост. Разумеется, мож-

но было потянуть время, как Фриц. Нельзя сказать, что Торби начал хуже относиться к Лоан, даже несмотря на то что она его одурачила.

Но если он хочет распроститься с кораблем — а Торби не сомневался в том, что не сможет долго терпеть размеренную монотонную жизнь Торговца,— то Вуламурра была лучшим местом для исполнения такого замысла, и другой такой возможности могло не представиться долгие годы. Ни каст, ни гильдий, ни бедности, ни иммиграционных законов — да они готовы были принять даже мутанта! Торби встречал здесь шестипалых, волосатых, альбиносов, людей с волчьими ушами, гигантов и других уродцев. Вуламурре пригодился бы любой, лишь бы он мог работать.

Что ему делать? Сказать «Простите, пожалуйста», выйти из каюты и бежать без оглядки? Или «заблудиться» и ждать, пока корабль стартует? Нет, так Торби поступить не мог. Слишком многим он был обязан отцу и «Сизу».

Что же тогда? Заявить бабушке, что он хочет уйти? Она отпустит его в безжизненное пространство, между звездами! Бабушка сочтет желание покинуть «Сизу» величайшим из грехов.

Кроме того... Приближается Встреча. Торби испытывал неодолимое желание увидеть это зрелище. К тому же было бы нехорошо уйти, так и не сыграв в пьесе. Торби не придумывал себе причин для отсрочки; уже заболев сценой, он все еще думал, что не хочет играть героя мелодрамы. Так ему казалось, а на самом деле не терпелось показаться у рампы.

Окончательное решение придется отложить.

Капитан Крауза притронулся к его плечу.

— Нам пора.

— Ох, извините, капитан... я задумался.

— Это хорошее дело, продолжай напрягать мозги. Прощайте, директор, и спасибо. Надеюсь встретиться с вами во время следующего визита на вашу планету.

— Вряд ли вы найдете меня здесь. Я собираюсь уволиться с фабрики и пойти куда глаза глядят. Возьму землю. Если вам прискучат стальные палубы, место на Вуламурре для вас всегда найдется. И для вашего парнишки.

Лицо Краузы ничем не выдало охватившего его отвращения.

— Благодарю вас. Но мы, Торговцы, даже представления не имеем, с какого конца браться за плуг.

— У каждой кошки своя крыса.

Когда они вышли на улицу, Торби спросил:

— Что он хотел сказать, отец? Кошек я видел, но что такое крыса?

— Животное вроде сорси, только более тощее и злое. Но директор имел в виду, что каждый человек должен быть на своем месте.

— Ага.

Некоторое время они шли молча, и Торби размышлял, на своем ли месте он находится сейчас.

Капитан Крауза думал о том же. Недалеко от «Сизу» стоял еще один корабль, и, глядя на него, Крауза испытывал угрызения совести. Это было почтовое судно Гегемонии, экипаж которого составляла гвардия. В памяти Краузы неумолчно звучали слова Баслима: «...как только появится возможность, передай мальчика командиру любого военного корабля Гегемонии».

Стоявший рядом корабль не был военным, но это не имело значения: намерения Баслима были совершенно ясны, и этот корабль вполне отвечал требованиям. Долги надо платить. К сожалению, мать поняла эти слова буквально. Капитан понимал, отчего: она решила предъявить мальчика на Встрече. Она собиралась извлечь максимальную выгоду из того факта, что «Сизу» платит долги Людей. Что ж, это можно было понять.

Но честно ли это по отношению к мальчику?

У Краузы были свои причины представить Торби Людям. Он нисколько не сомневался, что родственники мальчика были Людьми, и надеялся отыскать подтверждение этому в архиве Коммодора.

С другой стороны... Он был согласен с решением матери насчет Маты Кингсолвер. От этой кокетки, которая едва не загнала парня в угол, надо было избавиться как можно скорее. Но неужели мать не подумала, что теперь он понимает, для чего все это было сделано?

Нет, он не должен был позволять! Конечно, мальчик слишком юн, и свадьбу следовало отложить — по крайней мере до тех пор, пока не удастся доказать, что Торби родился среди Людей. Тогда можно было бы считать, что долг Баслиму уплачен.

Однако, глядя на стоящий поодаль почтовый корабль, Крауза понимал, что, хотя он и обвиняет мать в нежелании честно выполнить пожелание Баслима, сам он поступает ничуть не лучше.

Но ведь он делает это ради самого мальчика!

Справедливо ли это?

Что ж, есть один честный выход. Взять парня и в его присутствии открыть матери все карты. Полностью объяснить Торби смысл послания Баслима. Сказать ему, что сейчас есть возможность посадить его на почтовый корабль и отправить в центральные миры. Растолковать, что он должен делать, чтобы отыскать свою семью. Но прежде объяснить ему, что он, Крауза, также считает, что Торби рожден среди Людей и что эту возможность нужно исследовать в первую очередь. И, кстати, прямо сказать ему, что мать пытается связать его женитьбой. Вероятно, она поднимет шум и начнет цитировать Закон, но тут уж ничего не поделаешь: данный случай не касается старшего помощника; Баслим возложил эту обязанность на Краузу. К тому же поступить так было бы справедливо: парень должен выбрать сам.

Держась строго и подтянуто, но подавляя внутреннюю дрожь, капитан отправился к матери.

У выхода из лифта их ожидал боцман.

— Старший помощник выражает вам свое почтение и желает встретиться с капитаном Краузой.

— Вот так совпадение,— мрачно сказал капитан.— Пойдем, сынок. Встретимся с ней вдвоем.

— Да, отец.

Пройдя по коридору, они оказались у каюты старшего помощника. У дверей стояла жена капитана.

— Здравствуй, дорогая. Боцман сказал, что мать посылала за мной.

— Это я посылала.

— Значит, он что-то спутал. Ладно, говори, что там у тебя, и покороче. Мне нужно увидеться с матерью немедленно.

— Он ничего не перепутал. Тебя действительно вызвала старший помощник.

— Что?

— Капитан, ваша мать умерла.

Капитан выслушал эти слова с каменным лицом, но затем самообладание изменило ему: распахнув дверь, он ринулся к постели матери и, сев у изголовья, обнял покоившееся на ней хрупкое высохшее тело. Из груди его вырвались глухие страшные звуки, говорящие о глубокой скорби, которая ломает самых крепких людей, когда они уже не в силах носить ее в себе.

Торби смотрел на происходящее с благоговейным ужасом и, вернувшись к себе, погрузился в раздумья. Юноша пытался понять, отчего ему так скверно. Он не любил бабушку; собственно, она ему даже не нравилась.

Так почему же он чувствует себя таким потерянным? Почти так же, как после смерти папы. А ведь папу он любил, а ее — нет.

Оказалось, что не он один в таком состоянии; весь корабль был потрясен. На борту не было ни одного человека, который мог бы представить себе «Сизу» без бабушки; она сама была «Сизу». Словно вечное пламя, двигавшее корабль, она олицетворяла собой неиссякаемую энергию, мощь, главную силу. И внезапно она исчезла.

Она стала придремывать, как обычно, поворчав по поводу того, как плохо соблюдается распорядок дня на Вуламурре — но что поделаешь с этими фраки! Но она заснула, следуя многолетней привычке, которую не могли нарушить никакие расписания.

Когда ее невестка пришла, чтобы разбудить бабушку, та уже спала вечным сном.

Блокнотик, лежащий у кровати, был испещрен множеством заметок. «Поговорить с сыном об этом.» «Велеть Торе сделать то.» «Гл. мех.— проверить температурный режим.» «Обсудить с Афиной праздничное меню.» Рода Крауза вырвала листок, разгладила его и вызвала боцмана, чтобы тот нашел ее супруга.

Капитан не стал обедать. Из зала убрали бабушкино кресло; на его месте расположилась новая старший помощник. Поскольку капитан отсутствовал, она дала знак главному механику; тот, в согласии с ритуалом, сначала предложил прочесть по усопшей молитву; старший помощник вторила ему в нужных местах. Обед проходил в молчании. Похороны отложили до Встречи.

Старший помощник поднялась с места.

— Капитан хотел бы сообщить,— произнесла она тихим голосом,— что он благодарит всех, кто пытался с ним встретиться. Он

приступит к своим обязанностям завтра,— она немного помолчала.— «Атомы приходят из космоса, атомы возвращаются в космос. Дух "Сизу" пребывает вовеки».

И внезапно Торби ощутил, что он больше не одинок.

Глава 14

Большая Встреча превзошла все ожидания Торби. Корабли тянулись многомильной вереницей, более чем восемьсот Вольных Торговцев расположились концентрическими окружностями вокруг площадки диаметром в четыре мили. «Сизу» занял место на внутренней дуге — что порадовало мать Торби,— рядом с кораблями, о существовании которых юноша и не подозревал: «Кракен», «Деймос», «Джеймс Квин», «Светлячок», «Бон Марше», «Дом Педро», «Це Квадрат», «Омега», «Эль Нидо»,— Торби вспомнил о Мате — «Святой Кристофер», «Вега», «Вега Прима», «Галактический Банкир», «Цыганочка»,— Торби торопливо набрасывал схему расстановки кораблей,— «Сатурн», «Чанг», «Сельская Лавочка», «Джозеф Смит», «Алоха»...

Очень уж много их было. Разумеется, посещая десять кораблей в день, можно было бы осмотреть большинство. Но были и другие дела, и поглазеть было на что. Торби отбросил такую мысль.

Внутри круга была устроена огромная временная сцена, гораздо более обширная, чем новый амфитеатр в Джаббулпорте. Здесь должны были происходить выборы, погребения и свадьбы, атлетические состязания, представления и концерты. Торби вспомнил о том, что ему предстоит участвовать в спектакле — и его охватила сценическая лихорадка.

Между сценой и кругом кораблей оставили место для лавочек, игровых площадок, танцевальных залов, которые не закрывались круглые сутки, выставки технических новинок, гадальщиков, открытых баров, предлагавших любые напитки — от соков ягод с Плеяд до бурой жидкости, выдаваемой за старинную «кока-колу» с Терры, производимую нынче на Гекате.

Попав в этот водоворот, Торби чувствовал себя так, будто он вновь бродит по улице Радости — широкой, пестрой и раз в семь

более многолюдной. Нынче у фраки была возможность сказочно разбогатеть, дурача хитрейших деляг в Галактике. В этот день люки на кораблях были распахнуты настежь, Торговцы чувствовали себя свободными, и местные купцы вполне могли продать вам вашу же шляпу, стоило лишь на секунду оставить ее на прилавке.

Фриц взял Торби с собой, дабы уберечь от неприятностей, хотя и сам не слишком разбирался, что к чему: до сих пор он побывал лишь на одной Встрече. Старший помощник обратилась к молодым людям с наставлением, напомнив, что «Сизу» всегда отличался безупречной репутацией, а затем выдала каждому по сотне кредитов, предупредив, что эти деньги надо растянуть до конца Встречи.

Фриц посоветовал Торби оставить большую их часть на борту.

— Поиздержавшись, мы сможем выпросить у отца еще немного. Но таскать с собой всю сумму просто глупо.

Торби не возражал. Он не удивился, почувствовав в кармане руку воришки. Схватив его за кисть, он повернулся, чтобы взглянуть, кого поймал.

Сначала вернул себе свой бумажник, потом внимательно пригляделся к карманнику. Это был совсем юный чумазый фраки, который напомнил Торби Зигги, только у этого было две руки.

— Ничего, в другой раз повезет,— утешил его Торби.— У тебя еще нет навыка.

Мальчишка, казалось, был готов заплакать. Торби уже хотел было его отпустить, но спохватился.

— Фриц, проверь свой бумажник.

Фриц зашарил по карманам. Бумажник исчез.

— Ах, чтоб меня...

— Давай его сюда, парень.

— Я не брал! Отпустите меня!

— Давай, давай... пока я не открутил тебе башку!

Наконец мальчишка вытащил бумажник Фрица, и Торби отпустил его.

— Зачем ты это сделал? — спросил Фриц.— Я уже искал полицейского.

— Именно поэтому.

— Что? Скажи толком.

— Когда-то я пытался освоить эту профессию. Это не так-то просто.

— Ты? Неудачная шутка, Торби.

— А ты помнишь меня? Бывшего фраки, сына нищего? Это глупое покушение на наши карманы вызвало у меня ностальгию. Знаешь, Фриц, там, где я вырос, карманники имели определенный статус. Я же был простым нищим.

— Только не рассказывай об этом матери!

— Не стану. Но я — тот, кто я есть, я знаю, кем я был, и не собираюсь этого забывать. На карманника я так и не выучился, но нищим я был хорошим. Меня учил настоящий мастер. Мой папа. Калека Баслим. Я не стыжусь его, и никакие законы «Сизу» не заставили бы меня это сделать.

— А я и не пытался тебя стыдить,— спокойно ответил Фриц.

Они пошли дальше, протискиваясь сквозь веселящуюся толпу. Торби сказал:

— Не сгонять ли нам в рулетку? Мне кажется, я заметил, в чем тут дело.

Фриц покачал головой.

— Не стоит. Ты посмотри на эти так называемые выигрыши.

— Не хочешь — не надо. Меня в сущности интересовало, как они жульничают с этим колесом.

— Торби...

— Да? Чего это у тебя такая торжественная физиономия?

— Знаешь ли ты, кем на самом деле был Баслим?

Торби задумался.

— Для меня он был отцом. Если бы он хотел, чтобы я знал о нем больше, то он бы мне рассказал.

— М-м-м... пожалуй, да.

— Ты что-то знаешь?

— Кое-что.

— Меня интересует одна вещь. Бабушка велела усыновить меня в уплату какого-то долга. О чем идет речь?

— Я и так уже сказал достаточно.

— Как знаешь.

— К черту! Об этом знают едва ли не все Люди. Об этом еще пойдет речь на нынешней Встрече.

— Ты только не позволяй мне уговорить тебя на что-нибудь.

— Ну... видишь ли, Баслим не всегда был нищим.

— Я это уже давно заметил.

— Не мне говорить о том, кем он был. Люди годами держали эти сведения в тайне. И никто не дал мне понять, что их можно разгласить. Но одно обстоятельство известно всем Людям... а ты теперь один из нас. Когда-то давным-давно Баслим спас целую Семью. Люди никогда этого не забудут. Это была «Ганза»... кстати, «Нью-Ганза» уже здесь. На ней изображен щит. Большего я не могу тебе рассказать: на всю эту историю наложено табу — дело было настолько постыдным, что мы никогда о нем не говорим. Я и так сказал достаточно. Но ты можешь пойти на «Нью-Ганзу» и попросить показать тебе их старые журналы. Если ты объяснишь им, кто ты такой и какое отношение имел к Баслиму, они не посмеют тебе отказать. Хотя старший помощник после твоего визита забьется в истерике.

— Хм... я не настолько хочу это знать, чтобы заставлять даму плакать. Ну что, Фриц? Покатаемся?

После прыжков со сверхсветовой скоростью и ускорений до сотни единиц обычная карусель показалась Торби столь восхитительным развлечением, что он едва не опоздал на ленч.

Большая Встреча, заполненная радостями и встречами старых и новых друзей, преследует также и серьезные цели. Помимо похорон, поминальных служб по погибшим кораблям, обменов девушками, здесь заключались сделки, затрагивавшие интересы всех Людей. Самыми важными были сделки по приобретению кораблей.

На Гекате были лучшие космоверфи во всей исследованной части Галактики. Точно так же, как у людей, потомство появлялось и у кораблей. К нынешнему дню «Сизу» был явно перенаселен и располагал большим богатством в виде тория и урана; наступило время разделять Семью. По меньшей мере треть всех Семей испытывали острую потребность в жизненном пространстве; фраки — торговцы кораблями потирали руки, предвкушая, какими будут комиссионные. Однако звездолеты нельзя было продавать как прохладительные напитки; порой маклеры и брокеры в своих мечтах возносились слишком уж высоко. Но, как бы то ни было, в течение ближайших недель предстояло продать около сотни кораблей.

Некоторые из них — новые суда, сошедшие со стапелей «Галактического Транспорта, Лтд», дочерней корпорации известных во всем цивилизованном мире «Галактических Предприятий», либо «Корпорации Космических Инженеров», «Кораблей Гекаты», «Энджинз Инкорпорейтед», «Гаскомба и Сына» — гигантов промышленности. Предложения были на любой вкус. Брокер, не работающий на строителей, мог иметь исключительное право на продажу подержанного судна или знать по слухам, где есть судно, владельцы которого могут заинтересоваться хорошей ценой,— любой мог поймать удачу за хвост — надо было только не зевать. Ярмарка близилась к концу, и это было самое подходящее время для того, чтобы потратиться на дорогостоящие послания через n-пространство.

Семья, которой не хватало места на корабле, могла решить свои проблемы двумя способами: купить новое судно и разделиться, образовав две Семьи, либо же объединиться с другим кораблем, чтобы купить третий, который принадлежал бы им на паях. Разделение повышало статус: это свидетельствовало о том, что Семья состоит из умелых торговцев, которые могут обеспечить своим детям самостоятельность, не прибегая к посторонней помощи. Однако на практике обычно выбирали другой путь — объединение и приобретение судна вскладчину, причем даже в этом случае нередко бывало так, что для выкупа нового корабля приходилось закладывать все три.

Последний раз «Сизу» разделялся тридцать лет назад. Все эти годы Семье сопутствовал успех, и она могла бы разделиться вновь уже самостоятельно. Однако десять лет назад на последней Большой Встрече бабушка предложила, чтобы «Сизу» гарантировал оплату чужого новорожденного корабля — гарантировал вместе с кораблями-родителями. Новый корабль дал в честь «Сизу» банкет, нырнул в ночь n-пространства и был таков. Космос беспределен. Помянем пропавший корабль на очередной Встрече.

В итоге «Сизу» пришлось выплачивать треть от сорока процентов стоимости пропавшего корабля, и это был тяжелый удар. Корабли-родители, разумеется, рассчитаются с «Сизу»: долги должны быть оплачены, но после разделения они и так выжали из себя все, что могли, и от них оставались лишь кожа да кости. С неимущего должника требовать нечего: остается лишь ждать.

Бабушка была не глупа. Корабли-родители, «Цезарь Август» и «Дюпон», были родственно связаны с «Сизу»; о своих надо заботиться. К тому же это была неплохая сделка: торговец, не желающий предоставлять кредит, очень скоро понимает, что и ему никто не поможет. Во всяком случае, «Сизу» мог смело выписывать чек и рассчитывать на то, что он будет принят любым Вольным Торговцем с подобающим почтением.

Однако к моменту разделения Семьи у «Сизу» было меньше наличных, чем могло бы быть.

В первый же день по прибытии капитан Крауза посетил «Норберта Винера», на котором держал свой флаг коммодор. Супруга капитана осталась на борту, где у нее было забот выше головы: став старшим помощником, она потеряла покой и сон. Сегодня она работала за письменным столом, иногда отвлекаясь на телефонные разговоры со старшими помощниками других кораблей по телефонной сети, установленной местными службами специально для Встречи. Когда ей принесли поесть, она велела отложить завтрак, но тот так и оставался нетронутым вплоть до возвращения ее мужа. Крауза вошел в каюту и устало опустился в кресло. Прежде чем заговорить, она подсчитала что-то на логарифмической линейке, а затем проверила ответ по калькулятору.

— Если взять корабль Гаскомба «Ф-2», то залог составит всего лишь пятьдесят процентов.

— Рода, ты же знаешь: «Сизу» не под силу приобрести корабль самостоятельно.

— Не торопись, дорогой. Вместе с нами подпишутся «Гус» и «Дюпон», а их подпись — то же самое, что наличные.

— Если им хватит на это денег.

— «Нью-Ганза» тоже согласна присоединиться — смотря по обстоятельствам — и...

— Рода! Еще две встречи назад ты была девчонкой, но все равно должна понимать, что долг ложится равным бременем на всех, не только на «Нью-Ганзу». Кстати, это было общее мнение.

— Но я была достаточно взрослой, чтобы быть твоей женой, Фьялар. Не стоит читать мне Законы. «Нью-Ганза» готова вступить в долю, если условия сделки останутся втайне. Ты не ходил посмотреть на «Галактическую Лямбду»?

— Мне незачем смотреть: я читал ее техническое описание. Слишком маленькая мощность.

— Ну ты даешь! Восемьдесят единиц ускорения ты называешь «слишком маленькой мощностью»?

— Если бы тебе пришлось сидеть в моем кресле, ты бы сказала то же самое. Корабли класса «Лямбда» проектировались для перевозки грузов в пределах Гегемонии: это все, на что они способны.

— Ты слишком консервативен, Фьялар.

— Я придерживаюсь традиционных взглядов на все, что касается безопасности судна.

— Не сомневаюсь. И мне придется искать решение, которое удовлетворило бы твои предрассудки. Ну что ж, «Лямбда» — лишь один из возможных вариантов. Есть еще... ну, ты знаешь, о чем я говорю. Можно купить за бесценок.

Крауза нахмурился.

— Несчастливый корабль.

— Да, придется его изрядно почистить, чтобы избавить тебя от этих мрачных мыслей. Но подумай о цене.

— Тут не только «мрачные мысли». Видишь ли, мне до сих пор ни разу не доводилось слышать о старшем помощнике, покончившем с собой. И о сошедших с ума капитанах я тоже не слыхал. Честно говоря, я удивлен, что они добрались сюда.

— Я тоже. Но как бы то ни было, корабль здесь и его выставят на продажу. А очистить можно любое судно.

— Не знаю, не знаю.

— Не будь суеверным, дорогой. Тут только надо потщательнее проводить обряд, а это уж ты оставь мне. Ну ладно, давай забудем об этом корабле. Мы можем скинуться с другим кораблем.

— А я думал, что ты решила взвалить это дело только на нас.

— Да нет, я просто прикидываю наши возможности. Кстати, у нас есть более важные дела, чем организация в одиночку нового корабля.

— Еще бы! Силовая установка, вооружение, начальный капитал, опытные офицеры на ключевых постах — да что там, мы не сможем составить экипаж для двух кораблей. Да ты возьми хотя бы стрелков. Если...

— Не волнуйся. С этим мы справимся. Фьялар, ты не думал о том, чтобы стать заместителем коммодора?

Крауза осекся на полуслове.

— Рода! У тебя лихорадка?

— Ничего подобного.

— Я знаю десяток шкиперов, достойных занять это место. Я никогда не стану коммодором, и, что еще важнее, я не хочу им быть.

— Я могу согласиться на пост резервного заместителя: коммодор Денбо намерен подать в отставку сразу после того, как будет выбран новый заместитель. Можешь не сомневаться: уже на следующей Встрече ты станешь коммодором.

— Просто нелепо!

— Интересно, отчего вы, мужчины, такие непрактичные? Вот ты, Фьялар, думаешь только о своей ходовой рубке и торговле. Если бы я тебя не подталкивала, ты не смог бы стать даже заместителем капитана.

— Какая ты ненасытная, право!

— Я не жалуюсь, мой милый. Тот день, когда я взошла на борт «Сизу», был для меня большим днем. Так слушай же. Нас поддержат многие, не только «Гус» и «Дюпон». Поможет любой корабль, с которым мы пожелаем объединиться. Я собираюсь отложить решение до окончания нынешних выборов. Все утро ко мне поступают разные предложения от сильных кораблей с хорошими связями. В конце концов, остается «Нью-Ганза».

— И что же «Нью-Ганза»?

— Если ганзейцы назовут твое имя в нужный момент, ты будешь избран без голосования, всеобщим согласием.

— Рода!

— Тебе даже пальцем пошевелить не придется. И Торби тоже. Вы вдвоем покажетесь на людях и продемонстрируете свои мужественные натуры, далекие от политиканства. Я сама все сделаю. Кстати, сейчас поздновато выводить из игры Лоан, но я сделаю все, чтобы прекратить это как можно быстрее. Ваша мать не видела всей перспективы целиком. Мне очень хочется, чтобы мои сыновья женились, но в нынешней обстановке очень важно, чтобы Торби не женился и не имел невесты до тех пор, пока не пройдут выборы. А теперь... ты уже был на флагманском корабле?

— Конечно.

— Так на каком корабле родился Торби? Это может иметь огромное значение.

Крауза вздохнул.

— Торби не рожден среди Людей.

— Что? Не может быть! Ты хочешь сказать, что идентификация неточна... А какой из пропавших кораблей подошел бы ему?

— Я же сказал: он не из Людей! Нет ни пропавших кораблей, ни исчезнувших детей — ничего, что подходило бы к его случаю. Он должен быть либо значительно старше, либо моложе, чем он есть.

Старший помощник покачала головой.

— Не верю.

— Или не хочешь верить?

— Я действительно не верю. Торби родился среди Людей. Об этом можно судить по его походке, по его манерам, его способностям... да вообще по нему самому! М-да... Я сама просмотрю эти досье.

— Давай. Если уж ты не веришь мне...

— Ну, Фьялар... Я же не говорила, что...

— А что же ты сказала? Скажи тебе, что снаружи идет дождь, когда ты этого не хочешь, и ты...

— Ах, милый! Ты же знаешь, что на Гекате в это время года не бывает дождей. Я только...

— О небо!

— Не выходи из себя. Капитану это не к лицу.

— А ты думаешь, капитану нравится, когда в его словах сомневаются на его собственном корабле!

— Прости, Фьялар,— она понизила голос.— Я не хотела тебя обидеть. Если я расширю круг поисков или пороюсь в несистематизированных материалах — ты же знаешь, как неаккуратно относятся к данным о погибших кораблях,— м-м-м... в общем, ты понимаешь, как было бы здорово, если бы еще до выборов удалось узнать, кто были родители Торби. И, поскольку до тех пор я не разрешу ему жениться, известие о том, что сразу после выборов состоится помолвка, обеспечит нам мощную поддержку.

— Рода!

— Что, дорогой? Если удастся прояснить вопрос с семьей Торби, нас поддержит вся группа «Вега», особенно если мы выберем невесту среди их девушек...

— Рода!

— Не перебивай.

— Дай и мне сказать. Капитану. Слушай, супруга: Торби родился среди фраки. Баслим был в этом уверен... и дал мне совершенно ясное поручение найти его семью. Я надеялся и верил, что в архивах найдется хоть что-нибудь, свидетельствующее о заблуждении Баслима,— Крауза нахмурился и закусил губу.— Крейсер из Гегемонии прибудет сюда через две недели. Тебе должно хватить этого времени, чтобы удостовериться, что я перерыл архив достаточно тщательно.

— Что ты имеешь в виду?

— А разве непонятно? Долги нужно возвращать... и нам предстоит еще одна плата.

Женщина внимательно посмотрела на капитана.

— В своем ли ты уме, дорогой?

— Мне это нравится ничуть не больше, чем тебе. Торби не только хороший мальчик; он еще и самый лучший стрелок из всех, какие у нас были.

— Стрелок! — с горечью ответила она.— Как ты можешь думать об этом? Фьялар, если ты воображаешь, что я позволю одному из своих сыновей вернуться к фраки...— голос ее прервался.

— Он и есть фраки.

— Ничего подобного. Он — «Сизу», так же как и я. Меня приняли в Семью так же, как и его. Мы оба — «Сизу», и останемся ими навсегда.

— Это уж как тебе угодно. Я надеюсь, что в глубине души Торби всегда останется «Сизу». Но долги должны быть оплачены.

— Этот долг отдан сполна уже очень давно!

— Не думаю.

— Ты ошибаешься! Баслим просил вернуть мальчика его семье. Какой-то семье фраки — если у фраки вообще бывает семья. Так мы приняли Торби в свою Семью, в свой клан и септ. Неужели это не лучший способ выполнить просьбу Баслима? Или ты считаешь более уместным вышвырнуть мальчика в кишащую мухами навозную кучу фраки? Или ты так низко ценишь «Сизу»?

Она посмотрела на него, и Крауза с горечью подумал о том, что мнение, будто чистая кровь Людей гарантирует им высокие мыслительные способности, наверное, и вправду справедливо.

Общаясь с фраки, он никогда не терял головы. Но мать — а теперь вот и Рода — всегда умели как-то так повернуть дело, что он оказывался неправ.

И если мать, как бы тверда она ни была, никогда не требовала невозможного, то Рода... что ж, она стала старшим помощником лишь недавно... И Крауза сдержанно произнес:

— Старший помощник, эта обязанность возложена лично на меня, а не на «Сизу». И у меня нет иного выбора.

— Вот как? Что ж, капитан, мы еще вернемся к этому разговору. А теперь, сэр, мое почтение, но у меня масса дел.

Встреча понравилась Торби, но все же здесь было не так весело, как он ожидал; мать частенько вызывала его к себе, когда с визитами на «Сизу» прибывали старшие помощники других кораблей. Порой они являлись со своими дочками и внучками, и Торби приходилось развлекать девушек, пока старшие вели свои беседы. Он старался изо всех сил и уже очень скоро мог запросто грубовато трепаться со сверстницами. И даже научился изображать что-то вроде танца, правда, глядя на танцующего Торби, можно было подумать, что у него либо обе ноги левые, либо колени сгибаются не в ту сторону. Но теперь он мог без содрогания и озноба брать девушку за талию под звуки музыки.

Гости расспрашивали его об отце. Он старался отвечать вежливо, но его раздражало то обстоятельство, что, казалось, все знали о Баслиме больше, чем он. Разумеется, за исключением действительно важных вещей.

Однако светские обязанности, оказывается, можно было поделить. Торби сообразил, что он — младший сын, а старший, Фриц, тоже не женат, и обратился к нему за помощью, обещая вернуть этот должок позже.

Фриц одарил его обаятельной улыбкой.

— Что ты можешь предложить мне в возмещение того времени, которое я мог бы провести на Встрече?

— Ну...

— Вот-вот. А если серьезно, то мать и слушать не станет, даже если я сойду с ума и предложу свои услуги. Она назвала тебя, и она имела в виду именно тебя,— Фриц зевнул.— Слушай, парень, я смертельно устал! Та рыженькая с «Сент-Луиса» готова плясать

всю ночь. Так что отстань от меня, я должен выспаться перед банкетом.

— У тебя не найдется лишней парадной куртки?

— Занимайся стиркой сам. И перестань шуметь.

И вот как-то утром, спустя месяц после прибытия на Гекату, капитан взял Торби с собой. Мать не могла задержать мальчика: ее самой не было на борту. Был День Памяти. Служба должна была начаться не раньше полудня, но мать вышла заранее, чтобы утрясти кое-какие вопросы с завтрашними выборами.

Торби занимали совсем другие мысли. Служба должна была кончиться поминовением его отца. Крауза рассказал мальчику, что он должен будет делать, и пообещал помочь ему прорепетировать, но Торби все же волновался. Его отнюдь не успокоила весть о том, что нынче вечером должна состояться премьера «Духа "Сизу"».

Еще больше Торби расстроился, когда увидел у Фрица экземпляр сценария, который тот тщательно зубрил.

— Учу твою роль! — недовольно пробормотал Фриц.— Отец велел мне подготовиться на случай, если у тебя вдруг отнимутся ноги или ты упадешь от волнения в обморок. Но не беспокойся: я не собираюсь отнимать твой триумф, я лишь должен помочь тебе расслабиться, если ты, конечно, сможешь сделать это, когда тысячи глаз станут смотреть, как ты лижешься с Лоан.

— А ты сумел бы?

Фриц задумался.

— Можно попробовать. Лоан выглядит просто восхитительно. Может быть, мне стоит самому переломать тебе ноги?

— Голыми руками?

— Не соблазняй меня. Торби, это всего лишь предосторожность. Точно так же и вы, стрелки, несете вахты парами. Но ничто меньшее, чем сломанная нога, не избавит тебя от обязанности произносить эту чушь!

Торби и Крауза вышли из корабля за два часа до начала службы. Капитан заметил:

— Мы можем пока неплохо провести время. День Памяти — великий праздник, особенно если ты сумеешь настроить свои мысли как надо. Однако сиденья там жесткие, и служба очень длинная.

— Да, отец... расскажите мне, что я должен буду делать во время поминовения моего папы, Баслима?

— Ничего особенного. Ты будешь сидеть в первом ряду и подавать реплики во время молитвы по усопшим. Ты знаешь слова?

— Не уверен.

— Я запишу их для тебя. Что же касается остального... будешь делать то же, что и я для своей матери, твоей бабушки. Смотри, а когда наступит твоя очередь — делай то же самое.

— Понятно, отец.

— А теперь успокойся.

К удивлению Торби, капитан Крауза встал на движущуюся дорожку, уходившую в сторону от места Встречи, а затем свистом подозвал автомобиль. Экипаж мчался гораздо быстрее, чем было принято ездить на Джуббуле, и почти так же лихо, как на Лозиане. Едва успев обменяться парой слов с водителем, они прибыли на железнодорожную станцию. Торби не успел даже разглядеть город Артемиды.

Он удивился еще раз, когда отец купил билеты.

— Куда мы едем?

— За город,— Крауза посмотрел на часы.— У нас масса времени.

Монорельсовая дорога давала восхитительное ощущение скорости.

— С какой скоростью мы движемся, отец?

— Полагаю, около двухсот километров в час,— Краузе пришлось повысить голос.

— А кажется, что еще быстрее.

— Достаточно быстро, чтобы свернуть шею. Быстрее и ехать-то нельзя.

Ехали они полчаса. Металлургические заводы и фабрики больших верфей уродовали местный ландшафт, но все это было ново и необычно, и, рассматривая то, что открывалось взгляду, Торби решил, что принадлежащие Саргону заводы — мелкие лавочки по сравнению со всем, что он увидел здесь. За зданием станции, на которой они сошли, тянулась длинная высокая стена; Торби разглядел стоящие за ней звездолеты.

— Куда мы приехали?

— На военный космодром. Мне нужно встретиться с одним человеком, и сегодня самое подходящее время.

Они подошли к воротам. Крауза остановился и осмотрелся: вокруг никого не было.

— Торби...

— Да, отец?

— Ты не забыл то послание, которое мне передал Баслим?

— Сэр?

— Ты можешь его повторить еще раз?

— Ну, не знаю, отец. Это было так давно.

— Все же попробуй. Итак: «Капитану Фьялару Краузе, шкиперу звездолета "Сизу", от Калеки Баслима. Приветствую тебя, мой старый друг...»

— «...Приветствую тебя, мой старый друг,— подхватил Торби.— Приветствую тебя и твою Семью, клан, и...» Смотри-ка, я все помню!

— Разумеется,— мягко сказал Крауза,— ведь сегодня День Памяти. Давай дальше.

Торби продолжал. Он услышал голос отца, звучащий из его уст, и по щекам юноши потекли слезы.

— «...Свидетельствую мое уважение твоей достопочтенной матери. Я говорю устами своего приемного сына. Он не понимает финского...» — но я же все понимаю!

— Продолжай.

Когда Торби дошел до слов «...я уже умру...», голос его сорвался. Крауза яростно потер нос и велел говорить дальше. Торби сумел добраться до конца текста, хотя голос предательски дрожал. Крауза дал ему выплакаться, потом строго приказал вытереть лицо и взять себя в руки.

— Сынок, ты понял, о чем шла речь в середине текста?

— Да... да, я понял все.

— Тогда ты понимаешь, что я обязан сделать.

— Я должен... покинуть «Сизу»?

— А что говорил Баслим? «При первой возможности...» Так вот она, эта первая возможность, и мне пришлось очень постараться, чтобы ее получить. И, скорее всего, последняя. Баслим не подарил, а лишь одолжил мне тебя, сынок. И вот я должен отдать долг. Ты понимаешь это?

— Да... полагаю, да.

— Тогда приступим к делу,— Крауза полез во внутренний карман куртки, достал пачку банкнот и сунул их Торби.— Клади в

карман. Я должен бы дать гораздо больше, но это все, что мне удалось прихватить, чтобы не подозревала мать. Надеюсь, что смогу переслать тебе еще, пока ты не отправишься в полет.

Торби взял пачку, даже не посмотрев на деньги, хотя такой суммы ему еще не доводилось держать в руках.

— Отец... ты хочешь сказать, что я уже ушел с «Сизу»?

Крауза отвернулся и некоторое время молчал.

— Знаешь, сынок... так будет лучше. Прощание не доставляет удовольствия, только память приятна. К тому же иначе ничего не получится.

Торби сглотнул.

— Да, сэр.

— Пойдем.

Они быстро зашагали к пропускному пункту и уже почти вошли внутрь, когда Торби остановился и сказал:

— Отец... но я не хочу уходить!

Крауза посмотрел на него без всякого выражения.

— Ты не обязан.

— Но ты, кажется, говорил, что обязан?

— Нет. Баслим потребовал, чтобы я вывез тебя с Саргона и передал послание, которое он предназначал для меня. На этом мои обязанности кончаются, и долг выплачен. Не я приказываю тебе покинуть Семью... Это идея Баслима, он сделал так из лучших намерений, руководствуясь заботой о твоем благе. Должен ли ты выполнять его пожелания — это дело твое и Баслима. Решай сам. Что бы ты ни был должен Баслиму, это не имеет никакого отношения к тому, чем ему обязаны Люди.

Крауза ждал, а Торби молчал, собираясь с мыслями. Чего хотел от него отец? Что он велел ему сделать? «Я могу положиться на тебя?» Да, но чего ты хочешь, пап? «Не надо никаких пожертвований... только передай послание и сделай все, что потребует тот человек». Да, пап, но он ничего от меня не требует!

— У нас мало времени,— обеспокоенно произнес Крауза.— Мне пора возвращаться. Имей в виду, сынок, твое нынешнее решение будет окончательным. Если ты откажешься покинуть «Сизу» сегодня, другого шанса у тебя не будет. Я в этом уверен.

«Самая последняя вещь, о которой я тебя прошу... могу ли я положиться на тебя?» — услышал мальчик торопливый голос папы, звучавший в его голове.

Торби вздохнул.

— Мне кажется, я должен сделать так, как ты говоришь, отец.

— Я тоже так думаю. А теперь пойдем.

Стража у ворот не спешила их пропустить, особенно после того, как Крауза, хоть и подтвердив свою личность и личность сына по корабельным документам, отказался сообщить, какое у него дело к командиру гвардейского крейсера «Гидра», заявив лишь, что оно «неотложное и официальное».

Наконец в сопровождении подтянутого вооруженного фраки они подошли к подъемнику корабля и были переданы другому стражнику. Их проводили по коридору к двери с табличкой «Секретарь корабля — входить без стука». Торби понял, что «Сизу» был не столь велик, как он думал до сих пор. Ни разу в жизни юноше не доводилось видеть столько полированной стали. Он успел лишь мельком пожалеть о своем решении.

Секретарем корабля оказался вежливый, подтянутый молодой человек со знаками отличия лейтенанта. Он был столь же тверд, как и стража у ворот.

— Простите, капитан, но вам придется изложить свою просьбу мне... если вы хотите встретиться с командиром корабля.

Крауза промолчал и лишь поплотнее уселся в кресло.

Симпатичный молодой человек покраснел и забарабанил пальцами по крышке стола. Потом он поднялся на ноги.

— Прошу прощения...

Вскоре он вернулся и сказал невыразительным голосом:

— Командир дает вам пять минут.

Он провел Торби и Краузу в еще более просторный кабинет и оставил их там. За столом, заваленным бумагами, сидел человек постарше. Он был без кителя, и знаков различия не было видно. Он привстал, протянул руку и осведомился:

— Капитан Крауза? Из Вольных Торговцев... корабль «Сизу», не так ли? Я полковник Брисби, командир корабля.

— Рад посетить ваше судно, капитан.

— Рад встретиться с вами. О чем вы хотите поговорить? — Он взглянул на Торби.— Это ваш младший офицер?

— И да, и нет.

— То есть?

— Полковник, не могли бы вы сказать, какой у вас допуск секретности?

— Что? Ноль-восемь. Зачем это вам?

— Сейчас поймете. Этот мальчик — Торби Баслим, приемный сын полковника Ричарда Баслима. Полковник поручил мне доставить его к вам.

Глава 15

— Что?!

— Это имя что-нибудь говорит вам?

— Разумеется,— командир взглянул на Торби.— Но я не вижу сходства.

— Я сказал вам, что он — приемный сын. Полковник усыновил его на Джуббуле.

Брисби прикрыл двери и сказал Краузе:

— Полковник Баслим мертв или же «пропал без вести и предположительно мертв» последние два года.

— Я знаю. Все это время мальчик был со мной. Я могу сообщить вам некоторые обстоятельства смерти Баслима, если они неизвестны.

— Вы были его связным?

— Да.

— Подтвердить можете?

— Икс-три-ноль-семь-девять код ФТ.

— Можно проверить позже. А пока примем это за истину. Скажите: откуда вы знаете, что ваш парень — действительно Торби Баслим?

Торби не прислушивался к разговору. В его ушах стоял непрекращающийся шум, словно при перегрузке прицельного оборудования, каюта то расширялась, то вновь становилась тесной. Он понял, что сидящий перед ним офицер был знаком с папой, и это хорошо... но что он говорил насчет того, что папа был полковником? Папа был Калекой Баслимом, дипломированным нищим милостью... милостью...

Полковник Брисби отрывистым голосом приказал Торби сесть, что он с удовольствием и сделал. Брисби включил вентилятор и повернулся к капитану Краузе.

— Ну ладно, вы меня убедили. Не знаю, согласно какой инструкции я должен это делать... правда, нам вменено в обязанность помогать людям из корпуса «Икс», однако тут несколько иной случай. Но я не могу подвести полковника Баслима.

— Но вы можете просто оказать помощь гражданину, попавшему в беду,— предположил Крауза.

— Не знаю, как это можно применить к человеку, находящемуся на планете Гегемонии, который явно не находится в беде... ну разве что побелел малость вокруг жабр... Впрочем, я постараюсь.

— Спасибо, шкипер,— Крауза посмотрел на часы.— Я могу идти? Мне уже пора.

— Секундочку. Вы что — просто оставите мальчика у меня?

— Боюсь, что это единственный выход.

Брисби пожал плечами.

— Как скажете. Может, хотя бы позавтракаете? Я бы хотел порасспросить вас о полковнике Баслиме.

— Простите, не могу. Если захотите со мной увидеться — приезжайте на Встречу.

— Приеду. Ну, хотя бы кофе выпейте,— командир потянулся к кнопке.

— Шкипер,— произнес Крауза с беспокойством.— Мне нужно уехать немедленно. Сегодня у нас День Памяти... И через пятьдесят минут начнутся похороны моей матери.

— Почему вы не сказали сразу? Господь с вами! Вы не успеете.

— Боюсь, что так... но я должен успеть.

— Минуточку...— Брисби распахнул дверь.— Эдди, аэрокар для капитана Краузы! И побыстрее! Взять его на борт и высадить там, где он попросит. Мигом!

— Есть, шкипер!

Брисби обернулся, вскинул брови и вышел в приемную. Рот Краузы, сидевшего лицом к Торби, горестно искривился.

— Подойди сюда, сынок.

— Да, отец.

— Мне пора идти. Может быть, когда-нибудь... тебе удастся посетить Встречу.

— Я постараюсь, отец!

— Если же нам не суждено увидеться, то помни: твоя кровь в нашей стали, наша сталь в твоей крови. Ты был и остаешься «Сизу».

— Сталь в крови...

— Удачи тебе, сынок. Будь умницей.

— Удачи... Ох, отец!

— Не надо! А то я не выдержу. Слушай, сегодня я буду давать ответы вместо тебя. Ты больше не должен появляться там.

— Да, сэр.

— Я и твоя мать — мы оба любим тебя.

Брисби приоткрыл дверь.

— Вас ждет аэрокар, сэр.

— Иду, шкипер,— Крауза расцеловал Торби в обе щеки и быстро двинулся к выходу. Последнее, что увидел Торби, была его широкая спина.

Вскоре вернулся Брисби. Усевшись в кресло, он посмотрел на мальчика и сказал:

— Я даже не знаю толком, что с тобой делать. Ну ладно, придумаем что-нибудь,— он нажал кнопку.— Эдди, пусть боцман разыщет где-нибудь свободную койку,— и обернулся к Торби.— Мы все уладим, если ты не слишком привередлив. Я знаю, что вы, Торговцы, живете в роскоши.

— Сэр?

— Что такое?

— Баслим был полковником? Вашей службы?

— М-м-м... в общем, да.

Торби задумался на несколько минут, и воспоминания с новой силой нахлынули на него. Он нерешительно произнес:

— Мне кажется, у меня есть послание... для вас.

— От полковника Баслима?

— Да, сэр. Меня нужно погрузить в легкий транс, но мне кажется, я смогу вспомнить начало и так,— Торби произнес несколько кодовых групп.— Это предназначено для вас?

Полковник Брисби вновь проворно прикрыл дверь и со всей серьезностью сказал:

— Ни в коем случае не употребляй этот код, пока ты не будешь абсолютно уверен, что тебя слушает тот, кому положено, и что комната проверена и не прослушивается.

— Простите, сэр.

— Ничего страшного не произошло. Однако любая информация, закодированная этим шифром, является строго секретной. Надеюсь, содержание послания за два года не утратило своего значения,— и вновь нажал кнопку.— Эдди, отставить боцмана. Пришли ко мне офицера-психолога. Если его нет на борту, пусть его разыщут.

Он посмотрел на Торби.

— Я все еще не знаю, что с тобой делать. Лично я предпочел бы держать тебя в сейфе.

Длинное послание было вытянуто из Торби в присутствии только самого Брисби, его старшего заместителя подполковника Стэнка, на корабле его попросту звали Стинки, и бортового психолога капитана медицины Исадора Кришнамурти. Дело шло туго; доктору Кришнамурти нечасто доводилось пускать в ход гипноз. Торби был напряжен и не поддавался воздействию, а подполковник, отчаянно богохульствуя, пытался управиться с записывающей аппаратурой. Наконец психолог выпрямился, вытирая со лба пот.

— Я думаю, это все,— устало произнес он.— Но что это значит?

— Забудьте все, что слышали, док,— посоветовал Брисби.— А еще лучше, сразу перережьте себе горло.

— Хм... спасибо, босс.

— Шеф, давайте прокрутим его еще раз,— предложил Стэнк.— Гипноз нашего псих-доктора подействовал на этот бредовый механизм гораздо успешнее, чем на парня. К тому же у парня дикий акцент, и я опасаюсь за достоверность информации.

— Ничего подобного. У мальчика чистое земное произношение.

— Ну, значит, дело в моих ушах. Они подвергались вредному влиянию — я слишком долго пробыл на борту.

— Так вот почему так засорен язык ваших офицеров,— хладнокровно проговорил Брисби.— Стинки, птичка, а правда, что все вы, которые с Риффа, записываете сначала на бумажке то, что вам говорят, если хотите понять?

— Только при разговорах с уроженцами Аралеши, сэр... не принимайте мои слова в свой адрес, вы же сами спросили. Так, может быть, повторим? Было бы неплохо отсеять шумы.

— Ваше мнение, док?

— Хм-м... пациент устал. Нельзя ли в другой раз?

— Можно. Теперь он останется у нас надолго. Ладно, будите его.

Вскоре Торби передали сержанту с поручением, чтобы тот подыскал ему койку. После нескольких литров кофе, подноса сэндвичей и пропущенного обеда полковник и его помощник начисто переписали тысячи слов последнего донесения Калеки Баслима. Стэнк откинулся на спинку кресла и присвистнул.

— Можете расслабиться, шеф, эта штука будет жечься еще пару сотен лет.

— Да,— серьезно ответил Брисби.— К тому времени успеет погибнуть немало отличных парней.

— Точно. И вы знаете, что поражает меня больше всего? Этот мальчишка-Торговец, который мотался по всей Галактике, неся в голове донесение «перед-прочтением-сжечь». Может быть, отравить его?

— И потом писать бесчисленные объяснительные?

— Ну что ж, может быть, доктор Криш сумеет стереть ему память, не прибегая к лоботомии.

— Полагаю, что если кто-нибудь хотя бы дотронется до мальчика, полковник Баслим восстанет из мертвых и придушит его. Ты знал Баслима, Стинки?

— Он читал мне курс психологического оружия на последнем году обучения в Академии. И сразу после этого ушел в корпус «Икс». Самый блестящий ум, который я когда-либо встречал — конечно, если не считать вашего, папаша-сэр-босс.

— Не напрягайся. Без сомнения, он был великолепным учителем, да и во всем остальном всегда оказывался на высоте. Но если бы ты знал его еще раньше! Мне посчастливилось служить у него в подчинении. Даже теперь, когда я командую кораблем, я часто спрашиваю себя: «А как поступил бы на моем месте Баслим?» Он был лучшим командиром корабля из всех, у кого я служил. Тогда он второй раз стал полковником — ему ведь дали уже генерала, но он предпочел письменному столу палубу корабля.

Стэнк покачал головой.

— А мне, вероятно, так и не дождаться того счастливого мига, когда я пересяду за стол и стану писать за ним инструкции, которые никто не будет читать.

— Ты не Баслим. Не будь его работа так трудна, он нипочем не взялся бы за нее.

— Я не герой. Я всего лишь соль земли. Скажите, шеф, вы были с ним во время спасения «Ганзы»?

— Неужели я не носил бы тогда нашивку? Нет, слава Богу, меня тогда перевели в другое место. Баслиму пришлось сражаться врукопашную. У них там была сущая мясорубка.

— А может, у вас хватило бы ума не напрашиваться в добровольцы.

— Стинки, даже такой толстый лентяй, как ты,— и тот мигом шагнул бы вперед, если бы Баслиму потребовались добровольцы.

— Я не лентяй. Просто не привык зря суетиться. Я только вот чего не понимаю: какого черта командир корабля сам повел десантную группу?

— Старик подчинялся только тем правилам, с которыми был согласен. Он хотел лично свалиться на голову работорговцев, потому что ненавидел их лютой ненавистью. Он вернулся героем, и что оставалось делать Департаменту? Ждать, пока Баслим выйдет из госпиталя, чтобы отдать его под трибунал? Знаешь, Стинки, даже эти генералы из штаба способны понять, что к чему, если их хорошенько ткнуть носом. Поэтому они наградили его «за отважное поведение при чрезвычайных обстоятельствах» и определили на должность с ограниченными обязанностями. Однако с тех пор каждый раз, когда возникают подобные «чрезвычайные обстоятельства», ни один офицер не может оправдания ради ссылаться на уставы. Приходится следовать примеру Старика.

— Только не мне,— твердо заявил Стэнк.

— И тебе тоже. Когда ты будешь командиром и возникнет необходимость делать что-нибудь неприятное, ты будешь это делать, втягивая живот и выпячивая грудь, с героическим выражением на своей упитанной физиономии. И ничего ты с этим не поделаешь. Тебя будет подталкивать пример Баслима.

Они легли только на рассвете. Брисби собирался поспать подольше, но, следуя старой привычке, поднялся лишь на несколько минут позже обычного. И он ничуть не удивился, застав своего заместителя, так хваставшегося своей ленью, уже за работой.

Полковника дожидался лейтенант из финансовой части. Он держал в руке телеграмму, и Брисби понял, в чем дело. Прошлой

ночью, после того как они просидели несколько часов, разбивая текст донесения на части, чтобы послать их по разным каналам, полковник вдруг вспомнил, что, перед тем как лечь спать, он должен организовать для приемного сына Баслима идентификационный поиск. Брисби вовсе не был уверен в том, что след ребенка, подобранного на Джуббуле, может отыскаться среди досье граждан Гегемонии. Но если Старик попросил бы принести даже ведро космоса — значит, ему нужно именно это, и никаких отговорок. Полковник Брисби испытывал к Баслиму, живому или мертвому, уважение младшего офицера к старшему. Поэтому он написал депешу и поручил дежурному офицеру после побудки взять у Торби отпечатки пальцев и закодировать их. И только после этого полковник позволил себе вздремнуть.

Проснувшись, Брисби первым делом увидел свою телеграмму.

— До сих пор не отправили? — осведомился он.

— Фотолаборатория как раз заканчивает кодировать отпечатки пальцев. Однако офицер связи распорядился передать депешу мне на подпись, поскольку ее содержание не касается корабельных служб.

— Ну, так подпишите. Неужели я должен заниматься такими пустяками?

Казначей понял, что Старик опять не выспался.

— Плохие новости, шкипер.

— Выкладывай, что там у тебя.

— Я не знаю, откуда взять деньги. Сомневаюсь, что у нас найдутся средства, даже если мы сумеем обосновать требуемые расходы.

— Расходы меня не волнуют. Придумай что-нибудь и гони депешу. Пусти ее под общим кодом, каким-нибудь «ноль-ноль-и-что-там-еще».

— «Непредвиденные перерасходы на административные нужды». Не сработает, шкипер. Идентификационный поиск гражданского лица за счет корабля не спишешь. Конечно, я могу присвоить исходящий номер, и вы получите ответ, но...

— Именно этого я и хочу. Мне нужен ответ.

— Да, сэр. Однако через пару дней вся эта история достигнет ушей Центрального ревизионного управления, закрутится бумажное колесо и выплюнет карточку с красной пометкой. Они могут заморозить мой счет до тех пор, пока я не внесу всю истраченную

сумму. Таким приемом они заставляют нас выучивать законы назубок и хорошенько считать.

— Ты разрываешь мое сердце на куски. Ну ладно. Отправляй телеграмму, и если ты боишься подписывать ее, сообщи мне исходящий номер. Я сам подпишу запрос своим именем и званием. Идет?

— Да, сэр. Но, шкипер...

— Слушай, у меня была трудная ночь.

— Да, сэр. Однако закон требует, чтобы я давал вам советы. Разумеется, вы не обязаны к ним прислушиваться.

— Еще бы,— мрачно отозвался Брисби.

— Шкипер, вы хотя бы имеете представление о том, как дорого обходится идентификационный поиск?

— Не думаю, чтобы это было очень уж дорого. И не понимаю, чего вы так всполошились. Я хочу лишь, чтобы клерк оторвал зад от стула и порылся в архивах. Мне кажется, они постесняются присылать нам счет. Все будет сделано в порядке взаимной любезности.

— Мне бы вашу уверенность! Однако вы требуете неограниченного поиска. Поскольку вы не назвали планету, запрос прежде всего попадет в Тихо-Сити, в архив по делам живых и умерших. Или вы желаете ограничиться только живыми?

Брисби задумался. Если Баслим считал, что Торби попал к нему из Внутренних Миров, то, вероятнее всего, его семья считает мальчика погибшим.

— Нет.

— Это уже хуже. Объем информации по умершим втрое больше, чем по живым. Так что для начала его будут разыскивать в архивах Тихо. Это отнимет немало времени даже у компьютера — ведь у них около двадцати миллиардов дел! Предположим, что вы получили нулевой результат. Тогда запрос последует в аналогичные учреждения на всех планетах, поскольку Центральный архив не успевает обновлять данные, а правительства многих планет вообще не высылают их. Счет все разбухает, особенно если сообщения идут по n-пространству. Полный код отпечатков пальцев занимает объем солидной книги. Разумеется, если вы запрашиваете по одной планете за раз и пользуетесь обычной почтой...

— Это недопустимо.

— Ну что ж... Шкипер, а почему бы не ввести ограничение? Скажем, тысячу кредитов... или сколько вы сможете выделить, если... я хотел сказать, «когда»... они подпишут ваши расходы.

— Тысячу кредитов? Смешно!

— Если я неправ, то ограничение не играет роли. А если прав — а я прав,— то тысячи кредитов хватит для начала, и ваша шея будет в относительной безопасности.

Брисби сердито посмотрел на него.

— Вы здесь не для того, чтобы сообщать мне, чего я не могу делать.

— Да, сэр.

— Вы здесь для того, чтобы растолковать мне, как именно я должен делать все то, что я собираюсь делать. Покопайтесь в ваших книгах и найдите способ. Законный. И чтобы не пришлось платить.

— Слушаюсь, сэр.

Брисби не сразу вернулся к делам. Он просто кипел — когда-нибудь эта бюрократическая паутина так опутает армию, что просто невозможно будет вывести корабль в пространство. Полковник готов был поспорить, что Старик ушел в корпус «Икс» с чувством облегчения. Агенты корпуса не были стеснены бюрократией; если кто-нибудь из них считал необходимым потратить какую-то сумму, он так и делал, шла ли речь о десяти кредитах или десяти миллионах. Вот так и нужно работать: взять на службу человека и затем доверять ему безоговорочно. Никаких рапортов, бланков — ничего, только делай то, что должен делать.

Потом он взял со стола квартальный отчет о расходе топлива и работе оборудования. Отложив его в сторону, полковник достал чистый бланк депеши и составил сопроводительную записку к донесению Баслима, информируя бюро корпуса «Икс» о том, что внештатный связник, доставивший донесение, все еще находится в распоряжении отправителя и что, по мнению оного, имеется возможность получить дополнительную информацию, если отправитель будет уполномочен продолжить работу со связником по своему усмотрению.

Шкипер решил не передавать депешу в группу криптографии, открыл сейф и принялся кодировать сам. Он уже заканчивал работу, когда в дверь вновь постучался казначей. Брисби поднял глаза.

— Ну что, нашли нужный параграф?

— Кажется, да. Я поговорил со старшим помощником.

— Короче.

— Итак, у нас на борту находится некое лицо...

— Только не говорите мне, что я должен получать на это разрешение!

— Вовсе нет, шкипер. Прокормить мы его прокормим. Вы можете держать его на борту сколько угодно, и я ничего не замечу. Все идет нормально, пока не наступает время вносить расходы в официальные документы. Но скажите, как долго вы собираетесь держать его на корабле? Наверное, не день и не два — судя по тому, что вы затеяли идентификационный поиск.

Командующий нахмурил брови.

— Возможно, мальчик останется здесь надолго. Для начала я хотел бы узнать, кто он, откуда он появился. Потом, если окажется, что мы идем в нужном ему направлении, я хочу подбросить его — никуда этого не записывая. Если же мы идем не в ту сторону, то я передам его на какой-нибудь подходящий корабль. Это трудно объяснить, но это необходимо.

— Хорошо. Так почему бы не взять его на военную службу?

— Что?

— И тогда все станет на свои места.

Брисби нахмурился.

— Понятно. Я могу взять его с собой на законных основаниях... а затем передать парня кому-нибудь еще. А зачисление дало бы тебе табельный номер. Но представь себе, что он с Шивы III, а зачисление еще не состоялось. Что же, прикажешь ему просто смыться с корабля? Кстати, я отнюдь не уверен в том, что он хочет в гвардию.

— Спросите его. Сколько ему лет?

— Сомневаюсь, что он сам знает. Он найденыш.

— Тем лучше. Итак, вы берете его на корабль. Затем, когда мы наконец определим, откуда он родом, вы обнаруживаете ошибку в его возрасте и как-то так оказывается, что он достигает совершеннолетия как раз вовремя, чтобы получить законное увольнение на своей родной планете.

Брисби моргнул.

— Неужто все казначеи такие мошенники?

— Только самые лучшие. Вам не нравится такая комбинация, сэр?

— Очень даже нравится. Хорошо, я обдумаю ваше предложение. И я придержу это донесение. Пошлем попозже.

Казначей сделал невинное лицо.

— О нет, сэр, мы вовсе не станем его отправлять.

— Почему?

— В этом не возникнет необходимости. Мы примем его на службу для заполнения вакансии в штате корабля. Пошлем его данные в бюро кадров. Они начнут обычную проверку — имя, родная планета, скажем, Геката, поскольку мы подобрали его здесь. Тем временем мы будем уже далеко. Они выяснят, что мальчик здесь не числится. Тогда они обратятся в бюро безопасности, и те вышлют нам распоряжение, запрещающее упомянутому лицу нести службу на жизненно важных постах корабля. И это все, что грозит парню, ведь может оказаться и так, что эта несчастная невинная личность не зарегистрирована вообще нигде. Однако бюро безопасности не сможет оставить это дело просто так, и они начнут именно тот поиск, которого вы и добивались. Сначала — в Тихо, затем по всему космосу, да еще с грифом «срочно», поскольку тут замешаны соображения безопасности. Допустим, они что-то найдут. Тогда, если он не разыскивается за убийство, все ограничится обычной волокитой. Если не найдут ничего, то им придется поломать голову — регистрировать ли его или предложить ему в двадцать четыре часа покинуть пределы Галактики. Ставлю семь против двух, что они предпочтут закрыть глаза, ну разве что прикажут кому-нибудь на борту наблюдать за парнем и сообщать о его подозрительном поведении. Вся прелесть состоит в том, что поиск будет проведен за счет бюро безопасности.

— Вы полагаете, что у меня на корабле есть агенты безопасности, о которых мне не известно?

— А вы как думаете?

— Мм-м... не знаю, но будь я шефом безопасности, я обязательно имел бы таких! К черту, если я доставлю отсюда к Кольцу гражданское лицо, об этом тоже кто-нибудь сообщит, даже если я не сделаю соответствующей записи в вахтенном журнале.

— Я бы не удивился, сэр.

— Давай, вали отсюда! А я вызову парня и узнаю, как он отнесется к этой идее,— Брисби нажал кнопку.— Эдди!

Вместо того чтобы вызвать Торби к себе, полковник отправил его на обследование к врачу. Не имело смысла говорить с мальчиком о зачислении, не узнав прежде, способен ли тот нести службу. Перед ленчем к Брисби явился майор Штейн в сопровождении капитана Кришнамурти.

— Итак?

— По состоянию здоровья мальчик годен, шкипер. А психолог пусть доложит свои соображения сам.

— Отлично. Кстати, сколько лет парню?

— Он сам не знает.

— Да, да,— нетерпеливо согласился Брисби.— Ну, а сами-то вы что думаете?

Доктор Штейн пожал плечами.

— А какова структура его генов? В каких условиях он рос? Не подвергался ли мутациям, влияющим на скорость развития организма? Какова сила тяжести на планете, где он жил? Метаболический индекс планеты? По внешнему виду ему можно дать и десять стандартных лет, и тридцать. Могу лишь произвольно прикинуть его возраст, исходя из предположения, что он не подвергался существенным мутациям и жил в условиях, приближающихся к земным, и вынести ничем не подтвержденное заключение, что его возраст не меньше четырнадцати и не больше двадцати двух стандартных лет. Пока женщины не научатся рожать детей, на теле которых была бы укреплена табличка с их данными, точнее сказать невозможно.

— То есть можно предположить, что ему восемнадцать?

— Ну, в общем, да.

— Хорошо, напишите чуть поменьше этого — пусть будет рекрутирование несовершеннолетнего.

— На его коже имеется татуировка,— вмешался Кришнамурти.— Это может помочь нам. Метка раба.

— Час от часу не легче! — Брисби подумал о том, что донесение в корпус «Икс» все же придется отправить.— Датированная метка?

— Только вольная, по саргонезскому времяисчислению, что подтверждает его рассказ. Клеймо фабричное. Даты нет.

— Это плохо. Ну что ж, если медицинских противопоказаний нет, я могу поговорить с ним лично.

— Полковник?

— Да, Криш?

— Я бы не рекомендовал брать его на службу.

— Что? Мне казалось, он психически не менее здоров, чем вы сами.

— Вне всяких сомнений. Но тут есть немалый риск.

— В чем же дело?

— Сегодня утром я исследовал его под легким гипнозом. Скажите, полковник, у вас когда-нибудь была собака?

— Нет. На моей родной планете они не водятся.

— Очень полезные лабораторные животные, многие их характеристики аналогичны человеческим. Так вот, если вы возьмете щенка и станете бить, дразнить и унижать его, он превратится в злобного хищника. Возьмите его кровного брата, ласкайте его, разговаривайте с ним, кладите спать с собой, но тренируйте его — и получите довольное жизнью, послушное домашнее животное. Возьмите из того же выводка третьего щенка, ласкайте его по четным дням и лупите по нечетным. Он будет сбит с толку и не сможет существовать ни в той, ни в другой роли; он не сможет одичать, но так и не поймет, что требуется от домашнего животного. Вскоре он перестанет есть и спать, потеряет контроль над собой; лишь будет дрожать и съеживаться.

— Хм... и часто вы, психологи, прибегаете к подобным экспериментам?

— Лично мне не доводилось. Но в литературе такие опыты описаны... и в случае с этим молодым человеком можно провести кое-какие параллели. В детстве, когда его личность только формировалась, мальчику довелось перенести целый ряд травматических воздействий, последнее из которых случилось с ним лишь вчера. Он растерян и подавлен. Как собака, он готов в любой момент огрызнуться и укусить. Его ни в коем случае нельзя подвергать дальнейшим испытаниям; его нужно окружить заботой и доставить в клинику, где ему окажут психотерапевтическую помощь.

— Ф-фу!

Офицер-психолог пожал плечами. Брисби поспешил извиниться.

— Прошу прощения, доктор. При всем уважении к вашему профессионализму я осведомлен об этом случае гораздо больше вас. Два последних года мальчик находился в превосходных условиях,— Брисби вспомнилось трогательное прощание, невольным свидетелем которого он был.— А до тех пор он жил на попечении полковника Ричарда Баслима. Слышали о таком?

— Я знаю, какой репутацией он пользовался.

— Я готов рискнуть своим кораблем и держать пари, что Баслим не мог испортить мальчика. Да, парню пришлось перенести тяжелые времена. Но его воспитал самый сильный, разумный и гуманный человек из всех, кто когда-либо носил нашу форму. Вы ставите на своих собак. Я — на полковника Ричарда Баслима. Итак... вы советуете мне зачислить его?

Психолог колебался. Брисби вновь спросил:

— Итак?

— Не волнуйся, Криш,— вмешался майор Штейн,— все равно ответственность на мне.

— Чтобы принять решение,— сказал Брисби,— мне нужен прямой ответ.

Доктор Кришнамурти медленно произнес:

— Мне кажется, я могу констатировать, что серьезных оснований для отказа в зачислении нет, но все же я должен изложить свое мнение в его медицинском свидетельстве.

— Зачем?

— Совершенно очевидно, что вы хотите зачислить мальчика. Но если он что-нибудь натворит, моя запись поможет ему избежать трибунала, все ограничится лишь отставкой по состоянию здоровья. У него и так хватало неприятностей.

Полковник Брисби хлопнул его по плечу.

— Ну вот и хорошо, Криш! Джентльмены, на этом наше совещание закончено.

Торби провел беспокойную ночь. Боцман разместил его в помещении старших сержантов, и члены экипажа отнеслись к нему хорошо. Однако мальчика привела в замешательство та подчеркнутая вежливость, с которой окружающие отводили взгляд от яркой формы «Сизу». До сих пор он с гордостью ощущал, как ладно сидит на нем его форма; теперь же он с грустью понял, что всякая одежка годится на своем месте. Ночью, прислушиваясь к

храпу, доносившемуся со всех сторон — чужие, фраки — он мечтал вернуться к Людям, которые его понимали и считали своим.

Ворочаясь на жесткой койке, он думал о том, кому достанется его место на «Сизу»?

Живет ли сейчас кто-нибудь в той каморке, которую он по-прежнему именовал «домом»? Починил ли новый жилец дверь, содержит ли комнаты в чистоте и порядке, как папа? И что он сделал с папиным протезом?

Засыпая, он видел перед собой и «Сизу», и папу, и видения смешивались. Наконец, когда перед ним поплыли обезглавленная бабушка и летящий наперерез пират, папа прошептал: «Больше не будет плохих снов, Торби. Никогда. Только хорошие сны».

И только тогда он заснул спокойно — и проснулся в этом ужасном месте, наполненном болтовней фраки. Завтрак оказался сносным, но ему было далеко до стандартов тетки Афины; однако Торби не хотел есть.

После завтрака ему довелось в полной мере ощутить свое бедственное положение. Ему велели раздеться и подвергли унизительному осмотру. Впервые Торби увидел, что медики могут столь бесцеремонно обходиться с человеческим телом — а он терпеть не мог, когда его тыкают и щупают.

И когда командир послал за Торби, тот уже не испытывал радости от того, что увидится с человеком, который знал папу.

Именно в той каюте он прощался с отцом, и это помещение рождало у него неприятные воспоминания.

Он бесстрастно выслушал объяснения Брисби, чуть-чуть оживившись только после того, как понял, что ему будет присвоен статус — не очень высокий, догадался он. Но тем не менее. У фраки тоже существовало это понятие, но ему не приходило в голову, что оно может иметь для них какое-нибудь значение.

— Тебя никто не принуждает,— заключил Брисби,— но это значительно облегчило бы выполнение воли Баслима — я имею в виду, найти твою семью. Тебе ведь тоже этого хочется, не так ли?

Торби едва не выпалил, что знает, где его Семья. Но он тут же сообразил, что имеет в виду Брисби: его кровных родственников, существования которых Торби даже не мог себе представить. Да и были ли у него кровные родственники?

— Полагаю, да,— медленно проговорил он.— Точно не знаю.

— М-м-м...— Брисби подумал о том, каково приходится картине, потерявшей свою раму.— Полковник Баслим очень настоятельно просил меня найти твою семью. Мне будет проще это сделать, если ты официально станешь членом моего экипажа. Ну? Гвардеец третьего класса... оклад тридцать кредитов в месяц, еды до отвала, а спать — сколько получится. И еще слава. В общем, не много.

Торби поднял глаза.

— Скажите, это та же Сем...— та же служба, где был мой папа? Полковник Баслим, вы его так называете? Он служил здесь?

— Да. Он занимал гораздо более высокий пост, чем я предлагаю тебе. Но служба — та же самая. Мне кажется, ты хотел сказать «семья». Мы считаем свою службу одной большой семьей. Полковник Баслим был одним из самых уважаемых ее членов.

— Тогда я хочу, чтобы меня приняли.

— Зачислили.

— Пусть будет «зачислили», мне все равно.

Глава 16

При более близком знакомстве фраки оказались неплохим народцем.

У них был свой тайный язык, хотя сами они полагали, что разговаривают на интерлингве. Прислушиваясь к их речи, Торби обогатил свой словарный запас несколькими сотнями существительных и парой десятков глаголов, после этого он лишь иногда спотыкался на идиомах. Он обнаружил, что окружающие с уважением относятся к тем световым годам, которые он намотал в космосе в бытность свою Торговцем. Впрочем, Людей тут считали несколько странными. Торби не спорил: фраки в этом не разбирались.

Поднявшись с Гекаты, «Гидра» отправилась к мирам Кольца. Перед самым стартом пришел денежный перевод, к которому суперкарго «Сизу» приложил бумагу, гласящую, что это — одна восемьдесят третья часть доходов звездолета, полученных по пути от Джаббулпорта до Гекаты. Словно он девушка, которую собираются выдать замуж, подумалось Торби. Сумма была велика до

неприличия, но в бумаге Торби не нашел пункта, по которому из его доли вычитался процент за использование основного капитала — стоимости самого корабля. Этот пункт, как ему казалось, должен быть здесь при правильном расчете, ведь он же не родился на этом корабле. Жизнь среди Людей научила нищего мальчишку смотреть на деньги с такой стороны, с какой он никогда не увидел бы их, собирая подаяние. В бухгалтерских книгах должен быть порядок, а долги надобно платить.

Он спросил себя, что бы сказал папа, увидев такую кучу денег. Торби почувствовал изрядное облегчение, узнав, что может сдать их на хранение казначею.

Вместе с деньгами прибыла записка с несколькими теплыми словами и пожеланием удачи, куда бы ни забросило Торби, подписанная «С любовью. Мать». От этих слов Торби сперва приободрился, но потом почувствовал себя еще хуже.

Фриц прислал пакет личных вещей Торби, вложив в него листок со словами: «Дорогой брат, о последних событиях толком никто ничего не знает, но на старом корабле царит напряженность. Не будь это невозможно, я бы сказал, что старшие члены Семьи разошлись во мнениях. Что же до меня, то я не составил себе никакого мнения и хочу лишь сказать, что уже скучаю по твоей пустой болтовне и глупой морде. Не грусти и не забывай считать сдачу. Кстати, пьеса имела головокружительный успех. Лоан — просто прелесть. Фриц».

Прибывшие с «Сизу» пожитки Торби запихал подальше: теперь, когда он стал гвардейцем, они смущали его. Он выяснил, что гвардия не была замкнутым обществом вроде Людей и для того, чтобы стать гвардейцем, не требовалось никакого чуда: если человек соответствовал предъявляемым требованиям, никто не спрашивал его о том, откуда он прибыл и кем был раньше. «Гидра» набирала экипаж на многих планетах, для этой цели служили компьютеры бюро кадров. Торби видел вокруг себя высоких и маленьких, костлявых и толстых, лысых и волосатых, людей с признаками мутации и без таковых. Сам Торби был близок к норме, а то, что он из Вольных Торговцев, воспринималось окружающими как безобидная эксцентричность; это делало его чем-то вроде космонавта, хотя он и был всего только рекрутом.

В сущности, от остальных его отличало лишь то, что он был новобранцем. Может, на бумаге он и «гвардеец третьего класса», но все равно он — салага и салагой останется, пока не покажет себя как следует, тем более что Торби не проходил даже начальной подготовки.

Однако его положение было ничуть не хуже, чем у любого новобранца в любом воинском подразделении, гордящемся своим *esprit de corps*. Он получил койку, место за столом, служебные обязанности, и сержант говорил ему, что он должен делать. Торби мыл палубу, а во время тревоги, если отказывала связь, должен был исполнять роль вестового при офицере-оружейнике. Это значило, что его можно было заставить сгонять за чашкой кофе.

В целом его жизнь на корабле была относительно спокойной. Торби разрешалось участвовать в общем разговоре после того, как выскажутся старшие; когда за карточным столом не хватало партнеров, его приглашали поучаствовать в игре; он пользовался привилегией одалживать старшим носки и свитера, если у них возникала такая нужда. Торби уже умел быть младшим; это оказалось совсем нетрудно.

«Гидра» заступила на боевую вахту; разговоры в столовой крутились вокруг возможной «охоты». Корабль мог развивать ускорение в триста единиц и вступал в бой с пиратами даже в тех случаях, когда «Сизу» постарался бы избежать встречи с рейдером. Хотя «Гидра» имела многочисленный экипаж и тяжелое вооружение, большую часть корабля занимали энергоустановки и топливные бункера.

Стол, за которым сидел Торби, возглавлял младший офицер, артиллерист второго класса Пибби по прозвищу «Децибел». Както раз во время обеда, когда все вокруг обсуждали, куда пойти после еды — в библиотеку или в кают-компанию на стереофильм,— Торби, погруженный в свои раздумья, услышал свое прозвище:

— Верно, Торговец?

Торби гордился своим прозвищем, но ему не нравилось, когда его произносил Пибби; тот самодовольно считал себя великим остряком и любил заботливо осведомиться: «Как дела?», сопровождая вопрос таким жестом, будто считает деньги. До сих пор Торби старался не обращать на него внимания.

— Что «верно»?

— Слушай, а не прочистить ли тебе уши? Или ты вообще не способен слышать ничего, кроме звона и хруста? Я рассказывал ребятам о нашей беседе с офицером-оружейником: чтобы чаще ловить пиратов, нужно гоняться за ними, а не прикидываться Торговцем, слишком трусливым, чтобы сражаться, и слишком жирным, чтобы убегать.

Торби еле сдержал гнев.

— Кто сказал, будто Торговцы слишком трусливы, чтобы вступать в бой?

— Брось трепаться! Кто хоть раз слышал, чтобы Торговец уничтожил пирата?

В общем-то Пибби говорил правду: Торговцы предпочитали не распространяться о своих победах. Но Торби еще больше разозлился.

— Я, например.

Он хотел сказать, что слышал о том, как Торговцы взрывали пиратов; Пибби же воспринял его слова как похвальбу.

— Ты? Неужели? Послушайте, ребята, да наш коробейник, оказывается, герой! Он поджег пирата своими собственными маленькими ручонками! Ну, так расскажи нам. Ты подпалил его волосы? Или подсыпал ему в пиво цианистый калий?

— Я сбил его,— ответил Торби,— одноступенчатой самонаводящейся ракетой «Марк XIX» производства «Бетлехем-Антареса» с двадцатимегатонной плутониевой боеголовкой. Я произвел пуск при сближении чуть большем, чем дальность поражения парализующим лучом, и курсе нашего корабля, рассчитанном на встречу с противником.

Воцарилась тишина. Наконец Пибби холодно осведомился:

— Где ты об этом прочитал?

— На ленте, записанной во время боя. Тогда я был старшим стрелком правого борта. Компьютер левого борта вышел из строя, и я точно знаю, что пирата уничтожил мой выстрел.

— Так он офицер-артиллерист! Кончай трепаться, Торговец!

Торби пожал плечами.

— Я и был им. Точнее, офицером-стрелком. Собственно ракетами я не занимался.

— Скромничаешь, Торговец? Болтать легко.

— Тебе лучше знать, Децибел.

Услышав свою кличку, Пибби задохнулся от возмущения: Торби не имел права позволять себе такую фамильярность. Из угла послышался другой голос, весело заявивший:

— Это уж точно, Децибел, болтать легко. А расскажи-ка нам о схватках, в которых участвовал ты сам. Ну, давай!

Говоривший не имел звания; он служил в штабе писарем и не боялся раздражения Пибби.

Пибби сверкнул глазами.

— Хватит болтать! — рявкнул он.— Баслим, я жду тебя в восемь ноль-ноль в боевой рубке. Там мы посмотрим, какой из тебя стрелок.

Торби вовсе не горел желанием испытывать свои силы: он ничего не знал о вооружении «Гидры». Однако приказ есть приказ, и в назначенное время он предстал перед ухмыляющимся Пибби.

Но ухмыляться тому пришлось недолго. Аппаратура «Гидры» не имела ничего общего с компьютерами «Сизу», но принципы стрельбы были теми же самыми, и старший сержант-оружейник (кибернетист) подтвердил, что бывший Торговец знает, как стрелять. Он постоянно искал таланты, а люди, способные рассчитывать траектории ракеты в сумасшедшей обстановке боя на субсветовых скоростях, встречаются среди гвардейцев так же редко, как и среди Торговцев.

Он расспросил Торби о компьютерах, на которых тот работал, и покачал головой.

— Дюссельдорфскую спаренную установку я видел только на схемах; используемые там принципы уже давно устарели. Но уж коли ты сумел поразить цель с помощью такого барахла, то мы найдем тебе применение,— сержант обернулся к Пибби.— Спасибо, Децибел. Я сам сообщу офицеру-оружейнику. Баслим, ты остаешься здесь.

— У него есть работа, сержант,— возмутился Пибби.

Сержант Лютер лишь пожал плечами.

— Доложи начальству, что Баслим переведен ко мне.

Торби был поражен, услышав, как прекрасное оборудование «Сизу» называют барахлом. Но уже очень скоро он понял, что

имел в виду Лютер: чудовищный боевой мозг «Гидры» был настоящим гением среди компьютеров. В одиночку Торби ни за что не управился бы с ним — вскоре его назначили артиллеристом третьего класса (кибернетистом), что в определенной степени избавляло его от придирок Пибби. Только теперь он начал чувствовать себя настоящим гвардейцем, пусть еще и самым молодым, но все же признанным членом команды.

«Гидра» шла на сверхсветовой скорости к планете Ультима Туле системы Кольца, где она должна была заправиться и начать поиск пиратов. Никаких сведений о личности Торби пока не поступало, и он довольствовался своим статусом в команде, в которой служил и его отец. Торби было лестно думать о том, что Баслим мог бы гордиться им. Юноша скучал по «Сизу», однако на корабле, где не было женщин, жить было гораздо проще, и дисциплина на «Гидре» была не столь жесткой, как на Вольном Торговце.

Однако полковник Брисби не давал Торби забывать, с какой целью его зачислили в экипаж. Между командиром и новобранцами огромная дистанция, и те смели поднять на шкипера глаза лишь во время инспекции. Тем не менее Брисби регулярно посылал за Торби.

Брисби получил из корпуса «Икс» полномочия обсудить донесение Баслима с его связником, не забывая, впрочем, о высшей степени секретности. Полковник вновь вызвал Торби к себе.

Сперва юноше довелось выслушать строжайшее предупреждение о необходимости сохранения тайны. Брисби внушал ему, что излишняя разговорчивость может повлечь за собой самое тяжелое наказание, какое только способен наложить трибунал.

— Однако главное не в этом. Мы должны быть уверены, что такой вопрос даже не возникнет. Иначе нам не о чем говорить.

Торби замялся.

— Откуда мне знать, что я должен держать рот на замке, если я даже не понимаю, о чем именно я должен молчать?

— Я могу приказать тебе,— раздраженно произнес Брисби.

— Да, сэр. И я отвечу: «Есть, сэр!» Но убедит ли это вас в том, что я не рискну предстать перед трибуналом?

— Но... Тьфу, черт! Я собираюсь говорить с тобой о работе полковника Баслима. Но ты должен молчать об этом в тряпочку,

понял? Иначе я разорву тебя на кусочки вот этими руками! И ни одному сопляку я не позволю валять дурака, если речь идет о работе Старика!

Торби с облегчением перевел дух.

— Почему вы не сказали об этом сразу, шкипер? Я не позволю себе проронить ни слова, если речь идет о папе,— ведь это было первое, чему он меня научил.

— Вот как? — Брисби улыбнулся.— Впрочем, я мог догадаться сам. Ладно.

— Ну, а с вами-то,— задумчиво проговорил Торби,— можно об этом говорить?

Брисби растерялся.

— Я и не понимал, что это — палка о двух концах. Но это так. Я могу показать депешу из Корпуса, предписывающую мне обсудить с тобой донесение Баслима. Это тебя убедит?

Брисби с иронией подумал о том, что сейчас ему придется показывать депешу с грифом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» самому младшему члену своего экипажа,— депешу, которая убедила бы новобранца в том, что капитан корабля имеет право с ним поговорить. Однако сейчас это казалось самым разумным. Только потом, поразмыслив, полковник понял, в какое попал положение.

Торби прочел депешу и кивнул.

— Готов ответить на любой ваш вопрос. Я думаю, папа согласился бы.

— Отлично. Ты знал о том, чем он занимался?

— Ну... и да, и нет. Кое-что я видел. Я знаю, чем именно он интересовался, потому что он заставлял меня наблюдать и запоминать. Я передавал его послания, и каждый раз они были совершенно секретны. Но я так и не понял почему,— Торби нахмурился.— Мне сказали, что он шпион.

— «Сотрудник разведывательной службы» звучит лучше.

Торби пожал плечами.

— Если он шпионил, он так бы это и назвал. Папа всегда и все называл своими именами.

— Да, он называл все своими именами,— согласился Брисби, вспоминая о тех сокрушительных головомойках, которые Баслим некогда задавал ему.— Давай-ка я объясню тебе. М-м-м... ты знаешь историю Земли?

— Самую малость.

— История Земли — это история человеческой расы в миниатюре. Задолго до начала космической эры, когда мы еще не заполонили планету, всегда существовали неосвоенные территории. Каждый раз, когда открывали новые земли, действовали три тенденции: впереди шли торговцы, желавшие попытать счастья, за ними бандиты, нападавшие на честных людей, а потом шел поток рабов. То же самое происходит и сегодня, когда мы прорываемся сквозь космос, вместо того чтобы осваивать океаны и прерии. Приграничные торговцы — это искатели приключений, идущие на большой риск ради больших прибылей. Преступники — будь то грабители с большой дороги, морские пираты или космические рейдеры — появляются всюду, где нет полиции. И те, и другие — временное явление. Работорговля — совсем другое дело. Это самая ужасная из привычек человечества, и с ней труднее всего покончить. На каждой новой территории она воссоздается вновь, и корни ее вырвать очень нелегко. Стоит лишь какой-либо культуре заболеть этим недугом, и работорговля утверждается в экономической системе, в законах, в повседневных привычках и отношениях людей. Ее запрещают, пытаются подорвать ее устои, но она, словно сорняк, готова вновь прорасти в мышлении людей, считающих рабовладение своим «естественным» правом. Спорить с ними бесполезно: таких людей можно лишь убить, но изменить их натуру невозможно.

Брисби вздохнул.

— Видишь ли, Торби, гвардия — это лишь полицейская и почтовая служба; уже два столетия Галактика не знает крупных войн. В наши обязанности входит невыполнимая по своей сути задача поддержания порядка на окраинах цивилизованного мира, на границе сферы протяженностью по экватору около трех тысяч световых лет — никто даже представить не может себе, как велико это пространство. Человечество не в силах обеспечить его охрану. И протяженность этой границы растет с каждым годом. Полиция планет порой добивается успехов, но что касается нас, то чем дальше, тем больше проблем. Для большинства из нас это работа, благородная работа, но конца ей не видно.

Однако для полковника Ричарда Баслима это было страстью. Особенно он ненавидел торговлю людьми, сама мысль о которой приводила его в ярость — я сам тому свидетель. Он потерял ногу

и глаз — я думаю, ты знаешь об этом,— спасая людей, захваченных кораблем работорговца. Многие офицеры сочли бы свой долг исполненным и отправились домой на заслуженный отдых. Но только не наш старый служака! Несколько лет он преподавал в Академии, затем попросился в тот единственный корпус, который мог принять его, как бы сильно он ни был изувечен, и предложил свой план.

Девять Миров — это становой хребет работорговли. Саргон колонизирован достаточно давно и, после того как получил самостоятельность, не признает Гегемонию. В Девяти Мирах не соблюдаются права человека, да они и не собираются их соблюдать. Так что нам путь туда заказан, а они не могут посещать наши миры.

Полковник Баслим решил, что мы сумеем сделать торговлю людьми невыгодной, если узнаем, каков ее механизм на Саргоне. Он понимал, что работорговцы должны иметь суда, базы, рынки сбыта и что это не какое-то извращение, а вполне легальный бизнес. И он решил отправиться туда изучать его на месте.

Это была абсурдная затея — один человек против целой империи... однако корпус «Икс» как раз такими задачами и занимается. Но даже и они не могли бы послать туда Баслима, если бы он не предложил способа переправлять с Саргона свои донесения. Агент, находящийся в Девяти Мирах, лишен возможности передвижения, не может он воспользоваться и почтовой связью, поскольку между нами и ними нет почтовых путей, и уж, конечно, абсолютно невозможно связываться через n-космос. Это было бы еще заметнее, чем духовой оркестр.

Но у Баслима была идея. Единственные, кто посещает и нас, и Девять Миров,— это Вольные Торговцы. Однако они бегут от политики как от огня — полагаю, ты знаешь об этом не хуже меня — и всеми силами стараются не нарушать местных обычаев. Но у Баслима с ними установились особые отношения.

Я думаю, ты знаешь, что те люди, которых он спас, были именно Торговцами. Баслим сообщил в корпус «Икс», что имеет возможность передавать донесения через своих друзей. И ему разрешили попробовать. По-моему, никто даже не догадывался, что он захочет избрать для прикрытия личину нищего; сомневаюсь, чтобы он планировал такое заранее, но Старик был великим импровизатором. Как бы то ни было, он обосновался на Саргоне, годами вел наблюдение и слал свои сообщения.

Это все, что было известно до сих пор, и я хотел бы выжать из тебя все, что знаешь ты. Ты можешь рассказать нам о методах его работы. В его сообщении, которое я переслал, нет ни слова о методах. Другие агенты могли бы использовать его опыт.

— Я расскажу вам все, что знаю,— грустно ответил Торби.— Но мне известно немногое.

— Ты знаешь больше, чем думаешь. Попробуем вытащить содержимое твоей памяти под гипнозом.

— Все, что угодно, если это поможет делу отца.

— Поможет. И вот еще что...— Брисби пересек кабинет и вернулся, держа в руках лист бумаги, на котором был изображен силуэт звездолета.— Что это за корабль?

Торби вытаращил глаза.

— Саргонезский крейсер.

Брисби схватил другой листок.

— А это?

— Хм... похож на работорговца, который садился в Джаббулпорте дважды в год.

— Ничего подобного! — яростно воскликнул Брисби.— Это картинки из наших архивов, тут изображены корабли, построенные нашей крупнейшей верфью! И если ты их видел в Джаббулпорте, то эти корабли — копии, либо куплены у нас!

Торби задумался.

— Они сами строят свои корабли.

— Да, мне так и говорили. Но полковник Баслим передавал нам серийные номера судов — одному Богу известно, как он добывал эти сведения; может быть, ты догадаешься. Он утверждает, что работорговцы получают поддержку из наших миров! — с невыразимым отвращением произнес Брисби.

Торби регулярно посещал рубку — иногда для того, чтобы встретиться с Брисби, порой — чтобы подвергнуться расспросам под гипнозом, проводимым доктором Кришнамурти. Брисби каждый раз напоминал, что идентификационный поиск продолжается, и внушал мальчику, что тот не должен падать духом: установление личности может занять много времени. Постоянные напоминания изменили отношение Торби к поиску. Раньше он считал его чем-то бесполезным, теперь же думал о нем как о вполне реальном деле, могущем уже очень скоро принести ощутимые

результаты. Торби даже начал задумываться о своей семье, гадал, кем был он сам — как было бы здорово узнать это, стать таким же, как все прочие люди.

Брисби был гораздо менее оптимистичен: в день старта с Гекаты он получил инструкцию не допускать Торби к работе на жизненно важных участках. Полковник надеялся, что поиск сразу даст положительный результат, и держал это известие при себе, так как был непоколебимо уверен, что Баслим никогда не ошибается и вскоре все прояснится.

Когда Торби перевели в боевую рубку, Брисби вспомнил о предписании и забеспокоился — то был «секретный» отсек, закрытый для посетителей. Полковник успокоил себя мыслью, что непосвященный не сможет увидеть там ничего, что могло бы повлиять на безопасность судна, и, кроме того, парень имел отношение к куда более щекотливым делам. Брисби понимал, что ему удалось узнать очень важные вещи — например, о том, как Старик использовал в целях конспирации личину одноногого попрошайки, причем и взаправду вел жизнь нищего: он и мальчик жили только на подаяния. Брисби восхищался его способностью к перевоплощению: это была прекрасная школа для других агентов.

Однако Старик всегда был неподражаем.

Поэтому Брисби допустил Торби к боевым вахтам. Он не стал официально оформлять перевод, чтобы не пришлось докладывать об этом в бюро кадров. И с нетерпением ждал сообщения о личности мальчика.

Когда оно прибыло, Брисби совещался с заместителем. Документ был зашифрован, однако Брисби тут же разглядел номер, присвоенный Торби: он сам много раз писал его, отправляя депеши в корпус «Икс».

— Смотри-ка, Стинки! Здесь говорится о том, кто такой наш найденыш. Подай-ка машинку: сейф открыт.

Через десять минут сообщение было расшифровано. Текст гласил:

ПОЛНЫЙ ИДЕНТПОИСК ТОРБИ БАСЛИМ ГВРД-3 РЕЗУЛЬТАТ НУЛЕВОЙ РАЗРЕШАЕМ И ПРИКАЗЫВАЕМ СНЯТИЕ БОРТА ЛЮБОМ ПУНКТЕ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ПЕРЕДАЧЕЙ ГЕКАТУ ЦЕЛЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ ШЕФ ОТДЕЛА БЕЗОПАСНОСТИ

— Стинки, что за ерунда?

Стэнк пожал плечами.

— Так уж легли кости, босс.

— У меня такое ощущение, будто я обманул Старика. Он был уверен, что у мальчишки есть гражданство.

— Не сомневаюсь, что многие миллионы граждан попали бы в суровое положение, пытаясь подтвердить свою личность. Возможно, полковник Баслим был прав, но сейчас это невозможно доказать.

— У меня и в мыслях нет передавать куда-то парня. Я чувствую себя ответственным за него.

— Вы ни в чем не виноваты.

— Ты никогда не служил с Баслимом. С ним было легко... Единственным его требованием была стопроцентная надежность. И мне кажется, что я не оправдал его надежд.

— Не стоит упрекать себя. Вы должны подчиниться предписанию.

— Тогда можно сразу с этим и покончить! Эдди! Пригласи ко мне стрелка Баслима!

Торби заметил, что шкипер мрачен — но он нередко бывал не в духе.

— Стрелок третьего класса Баслим по вашему приказанию прибыл!

— Торби...

— Да, сэр?

Торби удивился: до сих пор шкипер называл его по имени только во время сеансов гипноза.

— Пришло сообщение о результатах поиска.

— Как? — от неожиданности Торби забыл о правилах обращения к старшему по званию. Он ощутил прилив радости: наконец-то он узнает, кто он такой!

— Они не смогли идентифицировать тебя,— Брисби помолчал и отрывисто спросил: — Понимаешь?

Торби сглотнул застрявший в горле комок.

— Да, сэр. Они не знают, кто я такой. Я... никто.

— Ничего подобного! Ты остался тем, кем был.

— Да, сэр. Это все? Я могу идти?

— Минутку. Я должен передать тебя обратно на Гекату,— и, увидев выражение лица юноши, торопливо добавил: — Но ты не беспокойся. Скорее всего, они позволят тебе продолжить службу, если ты изъявишь желание. В конце концов, они ничего не имеют против тебя: ты не сделал ничего плохого.

— Да, сэр,— удрученно проговорил Торби.

Никто и ничто... Торби ослепило внезапное видение старого-старого кошмара: он стоит на платформе, слыша, как аукционист во весь голос расписывает его, и видя устремленные на него холодные глаза. Но он взял себя в руки и до конца дня держался совершенно спокойно. И лишь в темном кубрике он вцепился зубами в подушку и прошептал, глотая слезы: «Папа... Ох, папа!»

Форменные брюки прикрывали его ноги, но в душевой Торби никак не мог скрыть татуировку на левом бедре. Он, нимало не смущаясь, объяснял любопытствующим, что она означает. Реакция людей сменялась от любопытства, легкого недоверия до удивления тем, что на корабле имеется человек, прошедший через такие испытания — пленение, торги, рабство — и невероятным, чудесным образом вновь обретший свободу. Большинство гражданских даже не подозревали, что рабство до сих пор существует; гвардейцы кое-что знали об этом.

Татуировка никого не шокировала.

На следующий день после поступления сообщения о нулевом результате поиска Торби столкнулся в душе с Децибелом. Мальчик не проронил ни слова: он сторонился Пибби, хотя они и сидели за одним столом. Но сейчас Пибби сам заговорил с Торби.

— Привет, Торговец!

— Здравствуй,— ответил Торби, откручивая кран.

— Что у тебя на ноге? Грязь?

— Где?

— На бедре. Стой спокойно. Дай я посмотрю.

— Убери свои лапы.

— Не будь таким неженкой. Повернись к свету. Что это такое?

— Метка раба,— вежливо пояснил Торби.

— Правда? Так ты раб?

— Был им.

— Тебя держали в кандалах? Может быть, ты даже целовал хозяйскую ногу?

— Отстань!

— Вы только послушайте его! Знаешь что, мальчик-Торговец? Я думаю, ты сам нарисовал эту печать, чтобы все об этом говорили. Так же как о том, что ты спалил пиратский корабль.

Торби прикрыл кран и вышел.

За обедом, черпая из миски картофельное пюре, он слышал голос Пибби, но, как всегда, пропускал мимо ушей его бесконечную болтовню. А Децибел все не унимался:

— Эй, Раб! Передай мне картошку! Не делай вид, будто не слышишь! Прочисти уши!

Торби передал миску с картошкой по самой короткой траектории, и ее содержимое вошло в прямой контакт с физиономией Децибела.

Выдвинутое против Торби обвинение гласило: «Оскорбление старшего по званию во время рейса на корабле, находящемся в состоянии боевой готовности». Пибби выступил и свидетелем, и пострадавшим.

Полковник Брисби сидел, вперив взор в крышку стола, и на его скулах ходили желваки. Он выслушал заявление Пибби:

— Я просил его передать пюре... а он залепил мне его прямо в лицо.

— И все?

— Ну, сэр... может быть, я обратился к нему не очень вежливо. Но это же не причина...

— Делать выводы я буду сам. Драка имела продолжение?

— Нет, сэр. Нас разняли.

— Отлично. Баслим, хотите что-нибудь добавить?

— Нет, сэр.

— Все было именно так?

— Да, сэр.

Брисби продолжал играть желваками и молча размышлял. Он был полон гнева — чувства, которого не мог себе позволить, находясь при исполнении служебных обязанностей,— он чувствовал, что его обманули. Нет, тут что-то не так.

Он решил повременить с принятием решения.

— Отойдите назад. Полковник Стэнк...

— Да, сэр?

— Там были и другие. Я хотел бы выслушать и их тоже.

— Они ждут вызова, сэр.

— Очень хорошо.

Торби был приговорен к трем дням карцера на хлебе и воде с отсрочкой исполнения на тридцать суток и разжалованию.

Против Пибби было выдвинуто обвинение в «подстрекательстве к бунту с использованием оскорбительных выражений, относящихся к расе, месту рождения другого гвардейца и прочим обстоятельствам, предшествовавшим вступлению его в должность на борту корабля, находящегося...» — и так далее. Приговор гласил: «три дня карцера на хлебе и воде, с отсрочкой на девяносто дней, понижение в звании на одну ступень».

Брисби в сопровождении помощника вернулся в свой кабинет. Лицо полковника было хмуро: разбирательство вывело его из себя. Стэнк сказал:

— Хуже всего, что ты наказал мальчишку Баслима. Мне кажется, он был прав.

— Согласен. Однако «подстрекательство» не оправдывает самого бунта.

— Разумеется. Но мне не нравится этот тип Пибби. Надо бы выяснить, соответствует ли он занимаемому посту.

— Ну что ж, займись этим. Но, черт побери, мне кажется, что я и сам замешан в этом деле.

— Как это?

— Два дня назад мне пришлось рассказать Баслиму о том, что его не смогли идентифицировать. Он вышел отсюда в шоке. Надо было послушаться психолога. Парень перенес тяжелые испытания и теперь не способен верно реагировать на соответствующие — я хотел сказать, несоответствующие — раздражители. И я рад, что дело ограничилось пюре и не дошло до поножовщины.

— Ну, босс! Едва ли можно убить миской картошки!

— Тебя не было здесь в тот момент, когда я сообщил мальчику о неудаче поиска. Торби решил, что теперь он никто. Эта мысль очень больно ранила его.

На пухлое лицо Стэнка легла тень задумчивости.

— Босс, сколько лет было мальчику, когда его захватили в плен?

— Криш считает, около четырех.

— Скажите, шкипер, вот вы сами родились в сельской дыре, в каком возрасте у вас взяли отпечатки пальцев, определили группу крови, сфотографировали глазное дно и так далее?

— Как только я пошел в школу.

— У меня тоже. И готов спорить, на большинстве планет эти данные снимаются не раньше.

Брисби моргнул.

— Так вот почему у них нет ничего о Баслиме!

— Возможно. А вот на Рифе ребенка идентифицируют сразу после рождения.

— И у нас тоже. Но...

— Да, да, это общее правило. Но как?

Брисби побледнел и грохнул кулаком по столу.

— Отпечатки ступней! А мы их не выслали,— и рявкнул в микрофон: — Эдди! Баслима ко мне, немедленно!

Торби с мрачной миной на лице спарывал шеврон, который он с таким удовольствием носил, увы, так недолго. Неожиданный приказ перепугал его чуть ли не до полусмерти. Но он поспешил исполнить его.

Брисби бросил на него короткий взгляд.

— Баслим, снять обувь!

— Сэр?

— Снять обувь!

Через сорок восемь часов из бюро кадров поступил ответ на депешу Брисби, дополненную отпечатками ступней. «Гидра» получила его во время завершающего этапа пути к Ультима Туле. Полковник расшифровал сообщение лишь после того, как корабль благополучно опустился на поверхность планеты.

Он прочел:

ГВАРДЕЕЦ ТОРБИ БАСЛИМ ИДЕНТИФИЦИРОВАН КАК ПРОПАВШИЙ ТОР БРЕДЛИ РАДБЕК ТЕРРА НЕ ГЕКАТА ПЕРЕСЛАТЬ РАДБЕКА САМЫМ БЫСТРЫМ ПОЧТОВЫМ ИЛИ КОММЕРЧЕСКИМ ТЕРРУ УВОЛЬНЕНИЕ ПРИБЫТИИ БЛИЖАЙШИЕ РОДСТВЕННИКИ УВЕДОМЛЕНЫ ПОВТОРЯЮ БЫСТРЕЙШИМ ШЕФ ОТДЕЛА БЕЗОПАСНОСТИ

Брисби прищелкнул языком.

— Полковник Баслим никогда не ошибался — мертвый или живой.

— Босс...

— Да?

— Прочитайте еще раз. Обратите внимание на то, кто он.

Брисби перечитал сообщение и сдавленным голосом произнес:

— Ну почему такие истории случаются именно с «Гидрой»? — и крикнул, распахнув дверь:

— Эдди!

Торби пробыл на прекрасной Ультима Туле всего лишь два часа двадцать семь минут. Пройдя в космосе триста световых лет, из всех ее прелестных пейзажей он увидел лишь кусок летного поля между «Гидрой» и почтовым курьером гвардии «Ариэль». Через три недели Торби прибыл на Терру. Голова его шла кругом.

Глава 17

Прекрасная Терра, матерь миров! Какой поэт, посчастливилось или нет ему посетить Землю, не пытался передать тоску человечества по своей колыбели... ее прохладные холмы, гряды облаков, волнующиеся океаны, ее чарующее материнское тепло.

Торби впервые увидел легендарную Терру на экране почтового курьера «Ариэль». Капитан гвардии Н'Ганги прибавил резкость и показал юноше остроконечные тени египетских пирамид. Торби не знал об их историческом значении и уставился в другое место на экране. Однако ему понравилось смотреть на планету из космоса: он впервые удостоился такой привилегии.

На «Ариэле» было довольно скучно. Почтовый корабль — одни лишь двигатели и крошечный груз — управлялся тремя инженерами и тремя астрогаторами; они либо несли вахту, либо спали. Поначалу к Торби отнеслись с прохладцей — капитан Н'Ганги был раздосадован указанием «подождать пассажира» с «Гидры». Почтовое судно должно идти без задержек, никого не беря на борт.

Но Торби вел себя прилично, разносил еду с камбуза и проводил все свободное время в библиотеке (представлявшей собой ящик под койкой шкипера), и к тому времени, когда корабль вошел в Солнечную систему, раздражение капитана улетучилось... Но когда он по-

лучил приказ садиться на поле «Галактических Предприятий», вместо того чтобы идти на базу гвардии, Н'Ганги вновь впал в ярость. Вручая Торби свидетельство об отставке и чек от казначея, капитан с видимым облегчением пожал юноше руку.

Выглянув наружу, Торби вместо веревочного трапа (подъемников на почтовых кораблях не бывает) увидел поданное к борту подъемное устройство. Его платформа остановилась у комингса, и мальчику оставалось лишь ступить на нее. Внизу его поджидал мужчина в форме «Галактических Предприятий».

— Мистер Радбек?

— Да, полагаю, это я.

— Прошу сюда, мистер Радбек.

Они спустились на лифте под землю в прекрасно отделанный зал. Торби, все эти недели не имевший возможности толком помыться в тесной стальной коробке, почувствовал себя неуютно. Он робко огляделся.

Его встречали восемь или десять человек, ближе всех стояли седовласый самоуверенный мужчина и молодая женщина. Одежда каждого из них стоила поболее годового жалованья гвардейца. На костюм мужчины Торби не обратил особого внимания, но наметанный глаз Торговца оценил платье женщины: чтобы выглядеть так, одновременно и скромно, и вызывающе, надо платить большие деньги.

С точки зрения Торби, впечатление несколько портила ее высокая прическа — величественное сооружение зеленого, переходящего в золотой, цвета. Торби только моргнул, рассмотрев покрой ее одежды: ему доводилось видеть богатых дам Джаббулпорта, в жарком климате которого одежда служила лишь украшением, но, по-видимому, здесь иначе относились к проблеме — какие участки тела оставлять голыми. Торби с тоской подумал о том, что ему вновь придется привыкать к новым обычаям.

Важный мужчина встретил его при выходе из лифта.

— Тор! Добро пожаловать домой, мой мальчик! — он схватил Торби за руку.— Я Джон Уимсби. Сколько раз, бывало, я качал тебя на коленях! Зови меня дядя Джек. А это твоя кузина Леда.

Девушка с зелеными волосами положила руки на плечи Торби и поцеловала его. Он опешил от неожиданности, не зная, как ему поступить в ответ.

— Как хорошо, что ты вернулся домой, Тор!

— Э-э... спасибо.

— А теперь поздоровайся с бабкой и дедом,— воскликнул Уимсби.— Профессор Бредли... и твоя бабушка Бредли.

Бредли был старше Уимсби: с аккуратно подстриженной бородкой, сухощавый и стройный, несмотря на легонько выпирающее брюшко. Как и Уимсби, он был при параде: пиджак, короткая накидка, впрочем не столь изысканного покроя. У женщины было доброе лицо и живые голубые глаза; ее одежда не имела ничего общего с платьем Леды, но шла ей. Она чмокнула Торби в щеку и тихо произнесла:

— Это все равно, что возвращение сына.

Ее супруг с жаром встряхнул руку юноши.

— Не правда ли, это чудо, сынок? Ты выглядишь точь-в-точь так же, как наш мальчик — твой отец. Верно, дорогая?

— Так и есть!

Завязалась общая беседа, и Торби с трудом заставлял себя держаться непринужденно; он был смущен и сбит с толку. Очутиться среди этих чужих людей, его кровных родственников, оказалось труднее, чем быть усыновленным Семьей «Сизу». Неужели эти старики и впрямь его бабушка и дедушка? В глубине души Торби никак не мог поверить в это, хотя умом и понимал, что это действительно так.

Торби с облегчением вздохнул, когда мужчина — кажется, Уимсби? — назвавший себя его дядей Джеком, вежливо, но твердо сказал:

— Пора отправляться. Готов поспорить, мальчик устал. Я отвезу его домой.

Мистер и миссис Бредли пробормотали, что они согласны, и вся компания двинулась к выходу. Остальные присутствующие, все — мужчины, которых юноше не представили, потянулись следом. В проходе их подхватила движущаяся дорожка, которая набирала скорость до тех пор, пока не замелькали стены. По мере приближения к выходу скорость уменьшалась — они проехали несколько миль, прикинул Торби,— и наконец дорожка остановилась.

На выходе было полно людей; потолок виднелся высоко над головой, а стен не было видно за толпой народа. Торби уловил запах, присущий любой транспортной станции. Сопровождавшие

их молчаливые мужчины блокировали толпу, и они двинулись по прямой, не обращая внимания на окружающих. Несколько человек попытались прорваться сквозь оцепление, и одному мужчине это удалось. Он сунул под нос Торби микрофон и быстро заговорил:

— Мистер Радбек, что вы думаете о...

Охрана быстро оттеснила его от Торби. Мистер Уимсби поспешно произнес:

— Потом, потом. Позвоните мне в контору, и я все вам расскажу.

Со всех сторон (впрочем, издалека) на них были нацелены объективы. Они нырнули в другой проход, и за их спинами тут же сомкнулись створки ворот. Очередная дорожка доставила их к лифту, на котором они поднялись наверх, а затем вышли к небольшому закрытому аэропорту. Их уже ожидал аппарат, и у его борта еще один, поменьше,— два узких, гладких, приплюснутых эллипсоида. Уимсби остановился.

— Все хорошо? — спросил он у миссис Бредли.

— О да, разумеется! — ответил профессор Бредли.

— Вам понравился этот аэрокар?

— Конечно. Отличный полет, и обратный, я думаю, будет не хуже.

— Тогда нам пора прощаться. Я позвоню вам, когда он наконец придет в себя и осмотрится. Договорились?

— Да, да, еще бы! Мы будем ждать,— бабушка чмокнула юношу в щеку, а дедушка хлопнул по плечу. Затем Торби, сопровождаемый Уимсби и Ледой, вошел в большой аэрокар. Шкипер приветствовал Уимсби и отдал честь Торби. Тот кое-как сумел ответить.

Мистер Уимсби остановился в центральном проходе.

— Почему бы вам, дети, не пойти вперед и не насладиться полетом? Мне нужно позвонить в несколько мест по делам.

— Разумеется, папочка.

— Ты извинишь меня, Тор? Дела не ждут, и дяде Джеку пора возвращаться в свои авгиевы конюшни.

— Конечно... дядя Джек.

Леда провела его вперед, и они заняли места в прозрачной сферической кабине. Аэрокар поднимался вертикально вверх, пока не набрал высоту в несколько тысяч футов. Сделав круг над пустынной равниной, он направился на север, к горам.

— Тебе удобно? — спросила Леда.

— Еще бы. Только я потный и грязный...

— В конце салона есть душ, но скоро мы будем дома. Давай уж лучше насладимся полетом, как говорит папочка.

— Хорошо,— Торби не хотелось прерывать знакомство со сказочной Террой. Она выглядит совсем как Геката, решил он. Нет, скорее похожа на Вуламурру — вот только прежде ему не доводилось видеть столько построек. И горы...

— Что это за белая штука? Мел?

Леда выглянула наружу.

— Да это же снег! Горы Сангре де Кристос.

— Снег,— повторил Торби.— Замерзшая вода.

— Ты что, не видал снега?

— Я слышал о нем. Но он не такой, каким я его себе представлял.

— Это в самом деле замерзшая вода, но не совсем: снег более мягкий,— Леда вспомнила предупреждение отца: она ничему не должна удивляться.

— Вот что,— продолжала она,— я научу тебя кататься на лыжах.

Позади осталось много миль, и прошло несколько минут, пока Леда объясняла, что такое лыжи и зачем люди пользуются ими. Торби подумал: этой штукой можно заняться позже, но лучше не надо. Леда сказала, что сломанная нога — самое худшее, что ему грозит. Так ли это смешно? К тому же она объяснила, какой холодный этот самый снег. В сознании Торби холод был связан с голодом, побоями и страхом.

— Может быть, я научусь,— с сомнением в голосе заявил он.— Но скорее всего, у меня не получится.

— Конечно, ты научишься! — Леда сменила тему разговора: — Прости мое любопытство, но твоя речь с небольшим акцентом.

— Я даже не знал, что говорю с акцентом...

— Я не хотела тебя обидеть.

— И не обидела. Полагаю, я подцепил его в Джаббулпорте. Там я жил дольше всего.

— Джаббулпорт... Дай вспомнить... это...

— Столица Девяти Миров.

— Ах, да! Одна из наших колоний, верно?

Торби представил себе, как такое предположение было бы воспринято Саргоном.

— Не совсем так. Сейчас это суверенная империя, и по традиции они считают, что так было всегда. Они не признают себя выходцами с Терры.

— Какая странная точка зрения!

Стюард принес напитки и легкие закуски. Тор взял запотевший бокал и осторожно отхлебнул. Леда продолжала:

— Чем ты там занимался? Ходил в школу?

Торби припомнил уроки папы, но тут же понял, что Леда имеет в виду нечто другое.

— Я нищенствовал.

— Как?

— Я был нищим.

— Извини?

— Попрошайка. Дипломированный нищий. Человек, который просит милостыню.

— Да, я тебя поняла,— ответила она.— Я знаю, что такое нищий: я читала книги. Но, Тор, извини меня, я всего лишь домашняя девочка. Я немножко удивилась.

Она была отнюдь не «домашней девочкой», а умной женщиной, прекрасно соответствующей своему окружению. С тех пор как умерла ее мать, Леда вела хозяйство в доме отца, умела беседовать с людьми, прибывшими из разных миров, поддерживать за обеденным столом светскую болтовню на трех языках. Леда умела ездить верхом, танцевать, петь, плавать, кататься на лыжах, вести хозяйство, считать, хотя и с трудом, читала и писала, если возникала крайняя необходимость, и вполне разумно вела беседу. Она была интеллигентной, красивой, доброжелательной женщиной, чем-то вроде профессиональной охотницы за черепами, в культурном, разумеется, смысле, способной, умелой и приспособленной к своей роли.

Однако этот странный пропавший и вновь нашедшийся кузен оказался для нее диковинкой. Помедлив, она задумчиво произнесла:

— Прости мое невежество, но на Земле нет ничего подобного. Меня поразили твои слова. Наверно, это было ужасно?

Торби вспомнил, как он, бывало, сидел в позе лотоса на площади, пристроившись рядом с папой и ведя с ним беседу.

— Это было счастливейшее время в моей жизни,— просто ответил он.

— О! — Это было все, что она могла сказать в ответ.

Однако папочка оставил их наедине для того, чтобы она получила возможность заняться делом. Расспрашивая человека о нем самом, всегда можно рассчитывать на успех.

— Как все это начиналось, Тор? Я даже представления не имею, как такое происходит.

— Меня научили. Видишь ли, меня продали с торгов, и...— Торби подумал, как бы объяснить ей, кем был для него папа, и решил повременить с этим.— В общем, меня купил старый нищий. И обучал.

— Купил?

— Я был рабом.

Леда почувствовала себя так, будто нечаянно окунулась с головой в воду. Скажи Торби, что он был вурдалаком, каннибалом или колдуном, она была бы потрясена меньше. У нее наступило нечто вроде мысленного удушья.

— Тор, прости меня, если я была невежлива, но мы все хотим знать, как ты жил все это время. Господи, ведь прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как ты пропал! Но если ты не хочешь об этом говорить, так и скажи. Ты был чудесным ребенком, и я так любила тебя — только, пожалуйста, не лупи меня, если я спрошу что-нибудь не то.

— Ты не веришь мне?

— А что мне остается делать? На Земле уже много столетий нет рабства.

Торби пожалел о том, что покинул «Гидру», но тут же отбросил эту мысль прочь. Служа в гвардии, он понял, что очень многие фраки во Внутренних Мирах не имеют никакого понятия о рабстве.

— Ты знала меня маленьким?

— О да!

— Как же получилось, что я не помню тебя? Впрочем, я не помню ничего из тех времен, когда я еще не был... Я даже Терру не помню.

Леда улыбнулась.

— Я на три года тебя старше. Когда я видела тебя в последний раз, мне было шесть, и я все хорошо помню. Тебе было три года, поэтому ты забыл.

— Да,— Торби пришло на ум, что у него появилась возможность узнать свой возраст.— А сколько тебе сейчас?

Леда криво улыбнулась.

— Сейчас мне столько же лет, сколько и тебе, и так будет до тех пор, пока я не выйду замуж. Так и быть, если ты задашь неправильный вопрос, я тоже не стану обижаться. На Земле не принято распрашивать женщину о ее возрасте; ты всегда должен делать вид, будто считаешь ее моложе, чем она есть.

— Вот как? — Торби задумался над столь забавным обычаем. Среди Людей женщины старались прибавить себе лет, поскольку это повышало их статус.

— Да, так. Например, твоя мать была чудесной женщиной, и я не знала ее возраста. Когда нас познакомили, ей можно было дать двадцать пять лет, а может быть, и сорок.

— Ты была знакома с моими родителями?

— О да! Дядюшка Крейтон был очаровательным мужчиной с грохочущим голосом. Он постоянно совал в мою маленькую ручку кипу долларов, чтобы я могла накупить себе конфет и воздушных шариков,— Леда нахмурилась.— Но я не могу вспомнить его лица. Глупо, правда? Впрочем, не обращай внимания, Тор. Ты можешь рассказывать мне все, что угодно. Буду рада услышать все, о чем ты не захочешь умолчать.

— Мне нечего скрывать,— ответил Торби.— Но, хотя меня, видимо, похитили, я этого совсем не помню. Я совсем не помню родителей, будто у меня их совсем не было. Я был рабом, сменил несколько планет и многих хозяев, а потом попал в Джаббулпорт. Там меня продали вновь, и это оказалось самым счастливым событием в моей жизни.

Светская улыбка сползла с лица Леды. Она без всякого выражения проговорила:

— Ты это вправду? Или разыгрываешь меня?

Торби охватило чувство, с древности знакомое всем путешественникам, возвращающимся из странствий.

— Если ты думаешь, что с рабством покончено... Видишь ли, Галактика чрезвычайно обширна. Я могу закатать штанину и показать тебе...

— Что показать?

— Татуировку раба. Клеймо, которое ставит работорговец на свой товар,— Торби обнажил левую ногу.— Видишь? Вот дата моего освобождения — это на саргонезском, что-то вроде санскрита, я не думаю, что ты сможешь прочесть.

Леда смотрела округлившимися глазами.

— Какой кошмар! Просто ужас!

Торби опустил штанину.

— Все зависит от хозяина. Но, в любом случае, ничего хорошего.

— Но почему никто с этим не борется?

Он пожал плечами.

— Это не так-то просто.

— Но...— Леда умолкла, увидев входящего отца.

— Привет, дети! Тебе нравится полет, Тор?

— Да, сэр. Пейзажи просто потрясающие.

— По сравнению с Гималаями Скалистые горы — всего лишь жалкое нагромождение камней. Но наши Тетоны действительно великолепны... кстати, вот они показались. Скоро мы прибудем,— он указал вперед.— Видишь? Там находится Радбек.

— Это название города?

— Раньше, когда он был деревней, его именовали Джонсоновой Дырой, или как-то наподобие этого. Но я говорил не о Радбек-Сити, я имел в виду наш дом... твой дом, Радбек. Над озером виднеется башня, а за ней — Большие Тетоны. Самое потрясающее зрелище в мире. Ты — Радбек из Радбека, который около Радбека... Радбек в кубе, как говорил твой отец... Он вошел в нашу семью после женитьбы и был весьма равнодушен к этому имени. А мне нравится: оно похоже на раскат грома, и это прекрасно, что Радбек возвращается в свою обитель.

Торби блаженствовал в ванне под острыми струями душа и в горячем бассейне, стенки которого массировали его, словно тысячи пальцев; затем он нырнул в теплую воду плавательного бассейна, которая тут же стала прохладной. Здесь Торби держался с опаской, поскольку не умел плавать.

Лакея у него тоже никогда не было. Он заметил, что в доме Радбеков немало людей, вероятно несколько десятков — не так уж много для такого просторного помещения, но Торби понял, что боль-

шинство из них были слугами. Это произвело на него определенное впечатление, впрочем, не очень сильное: он знал, как много рабов держат в богатых домах Джуббула. Торби даже не догадывался о том, что иметь живых слуг на Терре — невероятная роскошь, большая, чем портшез на Джуббуле или хлебосольство Встреч. Торби лишь понял, что в его распоряжении трое слуг, присутствие которых весьма стесняло его. Торби отказался от их помощи во время купания и лишь позволил побрить себя, поскольку здесь пользовались классическими опасными лезвиями, а собственная его электробритва не работала от сети дома Радбеков. Кроме того, он покорно выслушал советы, касающиеся незнакомого одеяния.

Одежда, которая ожидала Торби в гардеробе, не вполне подходила ему по размеру; старший камердинер тут же перекроил и вновь склеил ее, бормоча извинения. Он заканчивал прихорашивать Торби и укреплял на его груди жабо, когда появившийся дворецкий объявил:

— Мистер Уимсби приветствует Радбека и приглашает его в Большой зал.

Идя туда, Торби запоминал дорогу.

Дядя Джек, одетый в черное с красным, ожидал его вместе с Ледой, на которой было... Торби даже растерялся: цвета ее платья менялись столь причудливым образом, что их едва ли можно было определить. Но выглядела она прекрасно. Теперь ее прическа отливала всеми цветами радуги. Торби высмотрел среди ее украшений камень с Финстера и подумал, не на «Сизу» ли он был привезен — очень забавно, но, вполне возможно, сам Торби укладывал его в контейнер.

— Итак, ты здесь, мой мальчик! — весело заявил дядя Джек.— Освежился? Мы не станем тебя утомлять, это просто семейный обед.

На обеде присутствовали двенадцать человек. Он начался в Большом зале, где неслышно ступавшие по паркету слуги разносили напитки и закуски. Торби одного за другим представляли прибывших.

— Радбек из Радбека, леди Уилкс, это твоя тетя Дженнифер, она приехала из Новой Зеландии, чтобы познакомиться с тобой... Радбек из Радбеков, мистер Брудер, судья, наш главный советник,— и так далее. Торби запоминал имена, связывая их с лицами, и

думал, что все это очень похоже на Семью, хотя родственные отношения тут не были столь четкими. Он затруднялся определить место каждого гостя в семейной иерархии. Торби никак не мог понять, какое из восьмидесяти с лишним известных ему родственных отношений, название которых включает слово «кузина», применимо к Леде; в конце концов он решил, что она — его двоюродная сестра, поскольку дядя Джек носил фамилию Уимсби, а не Радбек. Таким образом, Леда становилась для Торби своего рода табу, что, вполне вероятно, огорчило бы ее.

Торби понял, что является членом септа богатой Семьи. Однако ему так и не сказали, каков его собственный статус, да и в статусах гостей он не разобрался. Две юные девушки одна за другой присели перед ним в реверансе. В первый раз он решил, что девушка поскользнулась, и попытался помочь ей; когда вторая сделала то же самое, он ответил приветствием, сложив вместе ладони.

Старшие женщины, по-видимому, ожидали от него почтительного отношения. Положение судьи Брудера он так и не понял. Тот не был представлен как родственник — и в то же время обед был семейным. Он окинул Торби оценивающим взором и проворчал:

— Рад, что вы вернулись домой, молодой человек. Должен быть в Радбеке Радбек. Ваши каникулы доставили нам немало хлопот, не правда ли, Джон?

— Да уж,— согласился дядя Джек.— Но теперь все в порядке. Не будем торопиться. Пусть парень придет в себя.

— Конечно, конечно. Не станем сразу распахивать шлюзы.

Торби подумал: что бы это могло быть — шлюзы, но Леда тут же подошла к нему, взяла за локоть и повела в столовую. Остальные двинулись следом. Торби усадили с одного конца стола, а дядя Джек занял место напротив. Справа от Торби расположилась тетя Дженнифер, а слева — Леда. Тетя Дженнифер засыпала юношу вопросами, тут же давая на них собственные ответы. Торби сообщил ей, что он совсем недавно покинул службу в гвардии, похоже, она так и не смогла понять, что он не был офицером; Торби не стал ее убеждать. О Джаббулпорте он рассказывать не стал — Леда отбила у него охоту говорить об этом. Впрочем, для беседы нашлась другая тема — Торби спросил о Новой Зеландии, и тетка тут же выдала ему целую груду сведений.

Затем им занялась Леда, закончившая беседу с судьей Брудером; тетка Дженнифер обернулась к мужчине, сидевшему справа от нее.

Посуда, которой пользовались за столом, выглядела иногда довольно странно, особенно щипцы для бифштексов и какие-то шпильки — ими скреплялось мясо. Однако ложки были ложками, вилки — вилками; поглядывая на Леду, Торби управлялся с ними вполне сносно. Блюда подавались в полном соответствии со строгим обеденным ритуалом, но он видел, как таким же образом обслуживали бабушку. Не забыл Торби и полных колкостей и ехидства уроков Фрица, так что он чувствовал себя за столом вполне уверенно. И только в самом конце он растерялся. Старший виночерпий поставил перед ним громадный бокал и, плеснув туда жидкости, замер в почтительном ожидании. Леда прошептала:

— Пригуби, кивни и отставь.

Торби подчинился, и слуга исчез.

— Не пей, это очень крепкое,— добавила Леда.— Я же говорила папе: никаких спиртных напитков!

Наконец обед завершился. Леда вновь подсказала:

— Вставай.

Торби поднялся на ноги, остальные последовали его примеру.

«Семейный обед» оказался только началом. Дядя Джек показывался лишь за столом, да и то не всегда. Он оправдывал свое отсутствие, говоря: «Кто-то должен поддерживать огонь в очаге. Дела не ждут». Как Торговец, Торби прекрасно понимал, что бизнес есть бизнес, но он ждал долгого обстоятельного разговора с дядей Джеком. Вместо этого ему приходилось принимать участие в светских развлечениях.

Леда сочувствовала ему, но помочь ничем не могла: она и сама толком ничего не знала.

— Папочка невероятно загружен делами. Всякие там компании и прочее. Все это слишком сложно для меня. Давай, поторопись: нас ждут.

Их всегда кто-нибудь ждал. Танцы, катание на лыжах — Торби нравилось ощущение скорости, но сам способ перемещения казался ему рискованным, особенно после того, как он влетел в сугроб, едва не врезавшись в дерево,— карточное застолье, обеды с молодыми людьми, где Торби занимал один конец стола, а Леда

усаживалась на другом, затем опять танцы, полеты в Йеллоустон, где они кормили медведей, полуночные пирушки, пикники в саду. Хотя поместье Радбек располагалось в Тетонских горах среди снегов, в доме был огромный тропический сад с таким прозрачным куполом, что Торби даже не догадывался о его существовании, пока Леда не заставила его коснуться крыши рукой. У Леды была масса веселых приятелей, и постепенно Торби научился болтать ни о чем. Молодые люди называли его «Тор» вместо «Радбек», а Леду величали «Бездельницей». Они обращались к Торби с фамильярным уважением и не скрывали интереса к тому, что он служил в гвардии и побывал во многих мирах, но чересчур личных вопросов не задавали. Сам же Торби, наученный горьким опытом, предпочитал не откровенничать.

В конце концов непрерывное веселье начало ему надоедать. Побывать на Встрече приятно, но тот, кто привык работать, предпочитает взяться за дело.

Эта мысль окончательно утвердилась в его голове, когда он в компании десятка приятелей отправился кататься на лыжах. Когда Торби остался в одиночестве на склоне для новичков, с вершины скатился мужчина и затормозил рядом, взметнув снежный вихрь. Каждый день в поместье прилетали новые люди; вновь прибывшего звали Джоэл Делакруа.

— Привет, Тор.

— Здравствуй, Джоэл.

— Я хотел бы с тобой поговорить. У меня есть одна идея, и я хочу обсудить ее с тобой, когда ты примешься за дела. Нельзя ли встретиться с тобой так, чтобы вокруг не крутились десяток-другой секретарш?

— Как только я примусь за дела?

— Или позже, когда тебе будет удобно. Мне необходимо поговорить с человеком, который может принимать решения, в конце концов, ведь ты же наследник. Я не хотел бы встречаться с Уимсби... даже если он и согласится принять меня,— вид у Джоэла был озабоченный.— Мне нужно всего десять минут. Ну, скажем, пять, если я не сумею заинтересовать тебя сразу. Идет?

Торби попытался вникнуть в смысл сказанного. Взяться за дела? Наследник? Он осторожно ответил:

— Я не хотел бы давать никаких обещаний, Джоэл.

Делакруа пожал плечами.

— Ну что ж... и все-таки подумай над этим. Я могу доказать, что дело прибыльное.

— Подумаю,— согласился Торби и стал оглядываться в поисках Леды. Уединившись с ней, он пересказал содержание беседы с Джоэлом.

Она чуть заметно поморщилась.

— Пожалуй, ничего страшного в этом нет, ведь ты ничего не обещал. Я знаю лишь, что Джоэл — прекрасный инженер. Лучше спроси у папочки.

— Я не об этом. Скажи, что он имел в виду, говоря «браться за дело»?

— Ну, постепенно ты возьмешь в свои руки...

— Что возьму?

— Все. Ты же Радбек из Радбека.

— Что значит «все»?

— Ну, ну...— она обвела рукой горы, озеро и Радбек-Сити, видневшийся вдали.— Все это. Радбек. Целую массу вещей. То, что принадлежит тебе лично, например ранчо в Австралии, дом на Майорке. И дела. Компания Радбек включает в себя многое — на Земле и на других планетах. Я даже не знаю, с чего начать. Но все это твое, ну, может быть, наше, ведь здесь участвует вся семья. Но ты — Радбек из Радбека; как сказал Джоэл — наследник.

Торби глядел на нее, чувствуя, как пересыхают его губы. Облизнув их, он проговорил:

— Почему мне не сказали?

Леда расстроилась.

— Тор, дорогой, мы собирались дать тебе немножко времени. Папа не хотел беспокоить тебя.

— Да уж,— ответил Торби.— Вот теперь я забеспокоился. Самое время поговорить с дядей Джеком.

Дядя Джек вышел к обеду, но было слишком много гостей. Когда все ушли, Уимсби отвел Торби в сторону.

— Леда сказала мне, будто бы тебя что-то волнует.

— Вовсе нет. Но я хотел бы кое-что прояснить.

— Прекрасно — я так и думал, что тебе скоро надоест праздная жизнь. Что ж, пойдем ко мне в кабинет.

Войдя в кабинет, Уимсби отпустил секретаря и спросил:

— Что тебя интересует?

— Меня интересует,— медленно проговорил Торби,— что означает «быть Радбеком из Радбека».

Уимсби развел руками.

— Все... и ничего. Ты номинальный глава дела с тех пор, как погиб твой отец... если, конечно, он погиб.

— Есть какие-то сомнения?

— Полагаю, нет. А ты вернулся.

— Если он погиб, то кем стал я? Леда сказала, будто бы я владею всем. Что это значит?

Уимсби усмехнулся.

— Ты же знаешь девчонок. Их головы не годятся для бизнеса. Право собственности на наши предприятия распределено среди множества людей, большую часть которых составляют наши служащие. Если твой отец погиб, к тебе переходит контрольный пакет Ассоциации «Радбек», которая, в свою очередь, имеет свои интересы — иногда контрольные — в самых разных областях. Сейчас я не стану их перечислять. Я управляю компанией при помощи целого штата юристов, так как сам я ведаю практической стороной дела и у меня нет времени беспокоиться о том, кто какой частью владеет. Кстати, ты мне напомнил... у тебя не было пока случая тратить особенно много денег, но они могут тебе понадобиться,— Уимсби выдвинул ящик и достал сверток.— Вот тебе мегабак. Когда кончится, обращайся ко мне.

Торби помял пачку в пальцах. Земные деньги не смущали его: сотня долларов — кредит, который он представлял себе в виде пяти буханок хлеба (трюк, которому он научился у суперкарго), тысяча кредитов — суперкредит, тысяча суперкредитов — мегабак. Столь простая система, что Люди предпочитали пересчитывать деньги разных планет через земную валюту.

Однако здесь была сотня купюр по десять тысяч кредитов...

— Это и есть мое наследство?

— О нет, это лишь карманные деньги. Точнее, чеки. Ты можешь разменять их в любом магазине или банке. Знаешь, как это делать?

— Нет.

— Перед тем как сунуть в щель автомата, оставь на чувствительной пластинке отпечаток большого пальца — но не раньше. Впрочем, пусть Леда тебя научит. Если бы эта девчонка так же легко зарабатывала деньги, как тратит их, то ни мне, ни тебе не пришлось бы работать вообще. Однако,— добавил Уимсби,— уж коли мы здесь, давай-ка провернем одно маленькое дельце.— Он достал папку и вытащил из нее бумаги.— Ничего сложного, тебе нужно лишь подписать каждый документ на последней странице и поставить рядом отпечаток большого пальца; потом я позову Берта и он все заверит. Давай-ка я придержу их, чтобы листы не скручивались.

Он показал пальцем, где должна стоять подпись. Торби поколебался и, вместо того чтобы расписаться, потянул листок к себе. Уимсби не отдавал документ.

— Что случилось?

— Прежде чем подписывать, я должен прочитать,— Торби вспомнил, как занудно втолковывала это ему бабушка.

Уимсби пожал плечами.

— Это обычные документы, которые для тебя приготовил судья Брудер,— и, положив документ поверх остальных, собрал их в пачку и сунул обратно в папку.— Эти бумаги содержат распоряжение мне продолжать то, что я и так делаю. Кто-то ведь должен заниматься работой.

— Зачем же моя подпись?

— Мера предосторожности.

— Не понимаю.

Уимсби вздохнул.

— Дело в том, что в бизнесе ты не разбираешься. Впрочем, никто от тебя этого не требует; у тебя не было возможности учиться. Вместо тебя приходится работать мне: дело не ждет.

Он помедлил и добавил:

— Проще всего будет объяснить это так. Когда твои отец и мать отправлялись в свое второе свадебное путешествие, они должны были оставить кого-нибудь, кто вел бы дела в их отсутствие. Естественно, они выбрали меня, поскольку я уже тогда вел их дела, а до того дела твоего дедушки: он умер до их отлета с Земли. Так что во время их увеселительной прогулки компанией управлял я. Не подумай, что я жалуюсь: от такой чести не отказался бы ни

один член семьи. К сожалению, твои родители не вернулись назад, и я продолжал исполнять свои обязанности.

Но теперь ты вернулся, и мы должны убедиться в том, что все в порядке. Во-первых, следует официально установить, мертвы ли твои родители, причем сделать это нужно до тех пор, как ты вступишь в права наследника. Это займет немало времени. И вот перед тобой я, твой управляющий делами — управляющий делами всей семьи,— и ты не даешь мне никаких деловых указаний. В этих бумагах и содержатся такие указания.

Торби поскреб подбородок.

— Если я еще не вступил в права наследника, то почему вам что-то нужно от меня?

Уимсби улыбнулся.

— Я сам задаю себе этот вопрос. Однако судья Брудер считает необходимым предусмотреть все варианты. С тех пор как ты стал совершеннолетним...

— «Совершеннолетним»?

Для Торби это был новый термин; у Торговцев человек считался взрослым настолько, насколько он мог принимать участие в деле.

Уимсби принялся объяснять.

— Как только тебе исполняется восемнадцать лет, ты входишь в «законный возраст», после чего дела значительно упрощаются. Отныне в суде тебя не должен представлять опекун. У нас имеются полномочия, переданные нам твоими родителями, теперь к ним добавятся твои, и уже неважно, как долго суд будет устанавливать, мертвы твои родители или нет, и разбираться с их завещаниями. Я, судья Брудер и остальные, кто занимается делами, смогут продолжать их и дальше. Тем самым мы избегаем потери времени... которая могла бы обойтись компании во много мегабаков. Ну, теперь ты понимаешь?

— Думаю, да.

— Отлично. Давай же покончим с этим,— Уимсби начал открывать папку.

Бабушка говорила, что прежде чем подписывать, нужно прочесть бумаги и хорошенько все обдумать.

— Дядя Джек, я хотел бы прочесть их.

— Но ты ничего не поймешь!

— Может быть, вы и правы,— Торби взял папку.— Но я должен их изучить.

Уимсби потянул папку к себе.

— В этом нет необходимости.

На Торби накатила волна упрямства.

— Вы же говорили, что судья Брудер подготовил их для меня?

— Да.

— Поэтому я хочу взять их с собой и попытаться разобраться в них. Я — Радбек из Радбека, и я должен знать, что я делаю.

Уимсби помедлил и пожал плечами.

— Ну что ж, попробуй. Ты сам убедишься в том, что я продолжаю делать для тебя то, что делал и прежде.

— И все же я хотел бы знать, что я делаю.

— Ну что ж! Спокойной ночи.

Торби читал бумаги до тех пор, пока не начали слипаться глаза. Язык документов был малопонятен, но, по-видимому, в них действительно было написано то, о чем говорил дядя Джек — инструкции Джону Уимсби продолжать рутинное управление сложной организацией. Торби заснул с головой, полной терминов типа: «все полномочия советника», «все виды деятельности», «получение и выплата доходов», «подлежит отмене только при взаимном согласии», «отказ от личного вмешательства», «полное доверие», «доверенность на голосование на всех совещаниях акционеров, как ежегодных, так и внеочередных» и так далее.

Засыпая, Торби вдруг вспомнил, что так и не попросил посмотреть распоряжения, которые оставили его родители.

Ночью ему порой грезился голос бабушки: «...и все хорошенько обдумай! Если ты не понимаешь, о чем идет речь, не знаешь законов, по которым дела будут претворяться в жизнь — не подписывай, независимо от того, какой ты мог бы получить доход. Поспешность может погубить Торговца точно так же, как и лень».

Торби беспокойно ворочался в постели.

Глава 18

В поместье Радбеков почти никто не спускался к завтраку. Но завтракать в постели не входило в привычки Торби; он ел в саду

в одиночестве, нежась в лучах горного солнца в окружении тропических цветов, любуясь великолепием заснеженных склонов. Снег очаровал его — он даже представить себе не мог, что в мире могут существовать такие восхитительные вещи.

Однако в это утро Уимсби вышел в сад, едва Торби успел усесться за завтрак. Тут же появилось еще одно кресло, и слуга немедленно подал еще один прибор.

— Только кофе,— сказал Уимсби.— Доброе утро, Тор.

— Доброе утро, дядя Джек.

— Ну как, изучил документы?

— Что, сэр? Ах, да. Я заснул, пока их читал.

Уимсби заулыбался.

— Верно, юридический язык действуют как снотворное. Так что же, ты убедился в том, что документы содержат именно то, о чем я говорил?

— Полагаю, да.

— Ну вот и хорошо.

Уимсби отставил в сторону чашку с кофе и обратился к слуге:

— Принесите мне телефон домашней связи... Тор, вчера вечером ты просто вывел меня из себя.

— Простите, сэр.

— Тем не менее ты прав. Ты должен прочитывать все, что собираешься подписать,— эх, если бы у меня хватало на это времени! Мне приходится верить сотрудникам на слово, иначе у меня не оставалось бы времени на политику... И мне показалось, что ты должен сделать то же самое по отношению ко мне. Однако твоя осторожность весьма похвальна,— он поднял трубку телефона.— Картер, принесите бумаги из комнаты Радбека. В сад.

Торби подумал, что Картер вряд ли отыщет их — в его покоях был сейф, но он так и не понял, как его открывать, и спрятал бумаги за книгами. Он начал было объяснять, но дядя Джек уже говорил.

— Есть еще кое-что, с чем ты, возможно, пожелаешь ознакомиться — список недвижимости, которая принадлежит тебе... или будет принадлежать тебе, когда разберутся с завещанием. Это имущество отношения к нашему делу не имеет.

Торби просмотрел список в искреннем изумлении. Неужели он владеет островом под названием Питкэрн... на пятнадцати чего-

то южного и ста тридцати западного — что это все такое? Поместье на Марсе... Охотничьи угодья на Юконе — где он, этот «Юкон», и почему там надо охотиться? Пойти на такой риск, как стрельба, можно только в открытом космосе... И что значит все остальное?

Он попытался найти знакомое ему название

— Дядя Джек... а как же Радбек?

— Э-э... Так ты в нем и находишься.

— Да... но принадлежит ли он мне? Леда что-то такое говорила...

— Ну, в общем, да. Но здесь есть оговорка. Дело в том, что твой прапрадедушка решил, что поместье не может быть продано... так что в Радбеке всегда будет Радбек.

— Ясно.

— Мне думается, осмотр твоих владений мог бы доставить тебе немало удовольствия. Я уже распорядился подать аэрокар. Тебе понравился тот, на котором мы сюда прилетели?

— Что? О господи, ну конечно же! — Торби заморгал.

— Ну и чудесно. Он принадлежал твоей матери, и я оказался слишком сентиментален, чтобы отправить его на свалку. Однако в его конструкцию внесены всевозможные усовершенствования. Можешь взять с собой Леду; она знакома с большинством мест из этого списка. Возьми с собой друзей и развлекайся, сколько тебе заблагорассудится. Мы можем найти подходящего сопровождающего.

Торби отложил список в сторону.

— Может быть, я так и сделаю, дядя Джек... немного погодя. Но сейчас я хотел бы взяться за дела.

— Что?

— Сколько времени требуется, чтобы стать юристом на Терре?

Лицо Уимсби прояснилось.

— Я понимаю. Овладение языком юриспруденции дается не так просто. Это займет от четырех до пяти лет.

— В самом деле?

— Тебе придется провести два или три года в Гарварде и еще год-два в какой-нибудь хорошей бизнес-школе.

— Это действительно необходимо?

— Уверяю тебя.

— Что ж... полагаю, вы знаете об этом куда больше меня.

— Так оно и есть! По крайней мере, сейчас.

— Но неужели я не могу узнать кое-что о бизнесе до того, как начну учиться? Я же не имею ни малейшего представления о том, что это такое!

— На это уйдет уйма времени.

— И тем не менее я хочу начать учиться уже сейчас.

Уимсби начал было хмуриться, но потом заулыбался и пожал плечами.

— Тор, ты упрям, как твоя мать. Хорошо, я оборудую для тебя кабинет в нашей главной конторе в Радбек-Сити и подберу штат людей, которые помогут тебе. Но, предупреждаю тебя, это не игрушки. Не человек командует делами, а дела командуют им. Ты становишься их рабом.

— Что ж... тем не менее я должен попробовать.

— Рад это слышать.

Замигал телефон, стоявший возле чашки Уимсби. Он поднял трубку, послушал, нахмурился и произнес:

— Подождите,— и обернулся к Торби.— Этот болван не может найти бумаги.

— Я собирался вам сказать... Я спрятал их, потому что не хотел оставлять на виду.

— Понятно. И где же они?

— Ох... Полагаю, что найти их сумею только я сам.

Уимсби сказал в трубку:

— Ладно, я разберусь,— и, передав телефон слуге, обернулся к Торби:

— Так тащи их сюда, если не возражаешь.

У Торби такого желания не возникло. Он положил в рот лишь четыре куска, так что же — бросить завтрак и бежать за бумагами? Радбек он или не Радбек? Или все еще вестовой у офицера?

— Я займусь этим после завтрака.

Дядя Джек с трудом скрыл раздражение. Он сказал:

— О, прошу прощения. Но если ты слишком занят, то не будешь ли так любезен сказать мне, где они все-таки лежат? У меня впереди тяжелый день, так что я хотел бы покончить с этими мелочами и взяться за работу. Если ты ничего не имеешь против.

Торби вытер губы.

— Я бы не хотел,— медленно произнес он,— подписывать их сейчас.

— Как? Но ведь ты сам сказал, что твое любопытство удовлетворено!

— Нет, сэр. Я сказал лишь, что прочел документы. Но я не понял их. Дядя Джек, где бумаги, подписанные моими родителями?

— М-м-м? — Уимсби быстро взглянул на юношу.— Зачем тебе?

— Хочу с ними ознакомиться.

Уимсби задумался.

— Должно быть, лежат в сейфе в Радбек-Сити.

— Отлично. Я еду туда.

Уимсби вскочил на ноги.

— Ты уж извини меня, но мне пора заняться делами. Молодой человек, когда-нибудь вы поймете, что я сделал для вас! Ну а сейчас, коли вы так несговорчивы, я, пожалуй, приступлю к исполнению своих обязанностей!

Он резко повернулся и ушел. Торби обиделся — он вовсе не собирался отказываться от сотрудничества... но уж если они ждали годы, то почему бы им не подождать еще немного и не дать ему шанс?

Он вытащил бумаги и позвонил Леде. Она ответила, не включая экрана:

— Тор, дорогой, чего ради ты вскочил среди ночи?

Торби стал объяснять, что он хочет узнать, где находится главная контора семейного дела.

— Я подумал, что ты могла бы мне подсказать.

— Ты уже поговорил с папочкой?

— Он пообещал организовать для меня кабинет.

— Я не просто расскажу, я провожу тебя. Только позволь мне умыться и выпить стакан апельсинового сока.

Поместье было связано с конторами в Радбек-Сити скоростным подземным туннелем. Они вышли в небольшой изолированный холл, в котором сидела пожилая секретарша. Подняв глаза, она сказала:

— Здравствуйте, мисс Леда! Рада вас видеть!

— И я рада вас видеть, Агги. Пожалуйста, передайте папочке, что мы приехали.

— Да-да, сейчас,— она вопросительно посмотрела на Торби.

— Ох,— сказала Леда.— Я совсем забыла. Это Радбек из Радбека.

Агги торопливо вскочила на ноги.

— Ой, простите! Я не знала... прошу прощения, сэр!

Дальнейшее происходило с ошеломляющей быстротой. Уже через минуту Торби очутился в кабинете, полном спокойного величия, с такой же секретаршей, которая называла юношу его двойным именем и предложила звать себя просто Долорес. У него сложилось впечатление, будто в стенах скрываются бесчисленные джинны, готовые выскочить по мановению ее пальца.

Леда немного помедлила, а потом спросила:

— Если уж ты намерен превратиться в скучного бизнесмена, то я, пожалуй, пойду,— но, поглядев на Долорес, добавила: — А может быть, ты вовсе и не собираешься скучать? Нет, уж лучше я останусь...— но все же ушла.

Торби был опьянен свалившимся на него ощущением богатства и власти. Старшие служащие называли его «Радбек», младшие — «Радбек из Радбека», а совсем юные — к месту, не к месту — добавляли к имени «сэр», так что он легко различал их статус по тому, как они к нему обращались.

Хотя он не включился в дела — видеть Уимсби ему доводилось очень редко, а судья Брудер, тот и вовсе был недоступен — однако все, в чем Торби нуждался, появлялось мгновенно. Одно слово Долорес — и рядом возникает солидный молодой человек, объясняя непонятную юридическую статью, еще слово — и появляется оператор со стереопроектором и фильмами, разъясняющими суть деятельности предприятия, где бы оно ни находилось — хоть на другой планете. Торби просматривал ленты целыми днями, но им конца не было.

Его офис столь стремительно наполнялся книгами, катушками, картами, брошюрами, слайдами, папками и плакатами, что Долорес пришлось переоборудовать смежную комнату в библиотеку. Цифры на диаграммах описывали в форме налоговых сводок деятельность предприятий столь громадных, что иначе в их делах разобраться было невозможно. Цифр было так много и они были таким сложным образом связаны, что у юноши разламыва-

лась голова. Он начинал сомневаться в своем призвании быть финансовым магнатом. Оказывается, дело не ограничивалось тем, что ты входишь в кабинет, сопровождаемый почтительными приветствиями, и все твои пожелания выполняются без промедления. Какой смысл в занятии, от которого ты не получаешь удовольствия? Быть гвардейцем гораздо проще.

И все же ощущать свою значимость было приятно. Большую часть жизни Торби был никем, в лучшем случае он был самым младшим.

Если бы папа мог видеть его сейчас! В столь изысканной обстановке, с парикмахером, приводящим его прическу в порядок, пока он работает (Баслим подстригал ему волосы под горшок), с секретаршей, заранее угадывающей его пожелания, и десятками людей, сгорающих от желания услужить ему. Но каждый раз, когда папа являлся ему во снах, на лице его бывало укоризненное выражение; Торби никак не мог понять, в чем же он неправ, и вновь окунался с головой в море цифр.

Картина постепенно прояснялась. Главным предприятием было «Радбек и Компания, Лимитэд». Насколько мог понять Торби, сама эта фирма ничего не производила. Она была учреждена в виде частного инвестиционного треста и лишь владела всем остальным. Большая часть имущества, которое перешло бы к Торби после установления факта гибели его родителей, представляла собой лишь некий вклад в эту компанию. Он не владел ею целиком; узнав, что обоим его родителям принадлежало лишь восемнадцать процентов из многих тысяч акций, Торби почувствовал себя едва ли не нищим.

Потом он выяснил, что такое «голосующие акции» и «не голосующие»; ему принадлежало восемнадцать сороковых частей всех голосующих, остаток распределялся среди родственников и посторонних.

«Радбек и Компания» владели акциями других компаний, и это значительно усложняло ситуацию. «Галактические Предприятия», «Галактическая Вексельная Корпорация», «Галактический Транспорт», «Межзвездный Металл», «Налоги Трех Планет» (на самом деле это предприятие орудовало на двадцати семи планетах), «Гавермейерские Лаборатории» (которые занимались всем,

от барж и пекарен до исследовательских станций) — список был бесконечным. Казалось, все эти корпорации, тресты, картели и банки переплетаются, словно спагетти. Торби выяснил, что ему принадлежит (через его родителей) пай в компании «Хонас Бразерс», причем владение осуществлялось посредством цепочки из шести предприятий: восемнадцать процентов из тридцати одного от сорока трех и девятнадцать из сорока четырех процентов от двадцати семи — доля столь ничтожная, что цепочку эту было почти невозможно проследить. Однако его родители владели напрямую семью процентами акций тех же «Хонас Бразерс», и в конце концов выходило, что косвенный пай в одну двадцатую процента давал право осуществлять контроль деятельности компании, но приносил незначительный доход, а прямые семь процентов приносили в сто сорок раз больше, но не давали права контроля.

Для Торби стало откровением то обстоятельство, что управление и владение предприятием связаны между собой очень слабо; до сих пор он считал, что «обладать» и «управлять» — суть одно и то же. Если вы, например, имеете горшочек для подаяний или костюм, то вы, разумеется, вправе ими распоряжаться!

Слияния, разделы и полная невозможность понять, что кому принадлежит во всех этих предприятиях и компаниях, смущали его и вызывали чувство протеста. Все это было так же сложно, как боевой компьютер, но при этом лишено холодной компьютерной логики. Торби пытался вычерчивать схемы, но все впустую. Владение каждым объектом порождало хитроумное сплетение обычных и привилегированных акций, облигаций ранних и поздних выпусков, ценных бумаг со странными наименованиями и непонятными функциями; порой одна компания обладала частью другой непосредственно, а другой частью — через третью, две компании могли владеть отчасти друг другом, либо компания владела частью самой себя, словно змея, вцепившаяся себе в хвост. Во всем этом не прослеживалось смысла.

Это не было делом — в том значении, какое вкладывали в это слово Люди — покупкой, продажей, извлечением доходов. Такой «бизнес» напоминал глупую игру, ведущуюся по диким правилам.

Но Торби беспокоило не только это. До сих пор он не знал, что Радбеки занимаются строительством космических кораблей.

«Галактические Предприятия» распоряжались «Галактическим Транспортом», одно из многочисленных подразделений которого выпускало звездолеты. Поначалу Торби ощутил прилив гордости, но потом в его душе поселилась смутная тревога: что-то такое говорил Брисби... и папа вроде бы подтвердил... «крупнейшая», или, может быть, «одна из крупнейших», земных верфей была связана с работорговлей.

Он пытался уговорить себя, что думать так глупо — этот роскошный офис был настолько далек от грязного бизнеса работорговли, насколько это было возможно. Но как-то ночью, уже засыпая, он буквально подскочил на кровати от мысли, пронизанной черной иронией: а вдруг один из невольничьих кораблей, в вонючем трюме которого он валялся, мог быть собственностью паршивого забитого раба?

Это был кошмарный сон, и Торби прогнал прочь страшную мысль, которая тем не менее лишила его всякого удовольствия от работы.

Как-то вечером он изучал длинный меморандум из юридического отдела, так сказать, краткий сводный перечень интересов «Радбека и Компании», и вдруг поймал себя на мысли, что зашел в тупик. Складывалось впечатление, будто писавший намеренно затушевывает смысл. Казалось, что текст написан на древнекитайском языке, да что там — еще хуже! Тот же саргонезский включал в себя немало китайских слов.

Торби отпустил Долорес и сел, уронив голову на руки. Почему, ну почему он не остался в гвардии? Там он был бы счастлив, в том мире все было ему понятно.

Потом он встал и сделал то, что так долго откладывал: позвонил по видеофону своим бабушке и дедушке. Он уже давно намеревался съездить к ним, но первым делом хотел разобраться со своими обязанностями.

Конечно, они обрадовались его звонку!

— Поторопись, сынок, мы будем ждать!

Затем был чудесный полет над прериями и могучей Миссисипи (которая казалась с высоты тоненьким ручейком), над белесыми пятнышками городов и ферм. Аэрокар приземлился в сонном университетском городке Вэлли-Вью, где тротуары были

по-старинному неподвижны и само время, казалось, остановило свой ход. Дом стариков, заметно выделявшийся в городке, казался таким тихим и уютным по сравнению с пустынными громадными холлами Радбека.

Но отдохнуть во время визита не удалось. На обед были приглашены гости — ректор колледжа и деканы факультетов, а после обеда явились и другие. Некоторые из них называли Торби Радбеком из Радбека, другие неуверенно обращались к нему «мистер Радбек», третьи, краем уха слышавшие, как сплетничают о нем близкие, говорили по-свойски «Радбек». Бабушка суетилась вокруг, счастливая, насколько только может быть счастлива хозяйка дома, а дедушка был, как всегда, подтянут и во всеуслышанье называл Торби «сынок».

Торби изо всех сил старался не подвести их. Вскоре он понял, что его слова не имеют значения, для людей важен сам факт разговора с Радбеком.

И лишь следующим вечером, который бабушка — с явной неохотой — сделала чисто семейным, Торби смог поговорить со стариками. Ему был нужен совет.

Поначалу они принялись расспрашивать друг друга. Торби узнал, что его отец, женившись на единственной дочери дедушки Радбека, предпочел взять ее фамилию.

— Это можно понять,— объяснял Бредли.— Радбеку нужен Радбек. Главой оставалась Марта, но Крейтон должен был председательствовать на собраниях, конференциях и обедах, даваемых по этим случаям. Я надеялся, что мой сын пойдет по моим стопам и вступит на поприще исторических исследований. Но когда он женился, то что мне оставалось, кроме как радоваться за него?

Родители Торби и он сам стали жертвой стремления отца сделаться самым-самым Радбеком из Радбека: он хотел лично осмотреть как можно больше колоний своей экономической империи.

— Твой отец всегда отличался добросовестностью, и когда дедушка Радбек скончался, до того как Крейтон закончил свое, так сказать, ученичество, он оставил во главе компании Джона Уимсби. Я полагаю, ты знаешь, что Джон — второй муж младшей сестры твоей другой бабушки, Арии, а Леда, разумеется, его дочь от первого брака.

— Нет, я не знал об этом,— Торби перевел эти сведения на язык семейных отношений «Сизу»... и с удивлением понял, что Леда принадлежит к другой ветви! — если, конечно, на Земле обращали внимание на такие вещи, что было сомнительно. И дядя Джек вовсе не был «дядей», а... ну как это сказать по-английски?

— Джон был секретарем и доверенным лицом твоего другого дедушки, и он был вполне достоин своего места; он знал дела лучше, чем кто бы то ни было, не считая самого дедушки Радбека. Когда мы пришли в себя после потрясения, вызванного вашим трагическим исчезновением, мы поняли, что жизнь должна продолжаться и что Джон способен справляться с делами так успешно, как если бы он сам был Радбеком.

— Он великолепно проявил себя! — прощебетала бабушка.

— Да, верно. Я должен сказать тебе, что после женитьбы Крейтона мы с бабушкой стали жить гораздо лучше. На заработную плату в колледже мы не могли бы позволить себе многое из того, чем располагаем теперь. Крейтон и Марта были весьма щедры. После того как наш сын исчез, у нас с бабушкой могли появиться трудности, если бы Джон не сказал, что нам не о чем беспокоиться. Он внимательно следил, чтобы наше благосостояние оставалось на прежнем уровне.

— И даже выросло! — с воодушевлением прибавила бабушка Бредли.

— Да, да. Вся семья — мы считаем себя частью семьи Радбек, хотя продолжаем с гордостью носить нашу собственную фамилию,— так вот, вся семья совершенно удовлетворена тем, как Джон ведет дела.

Однако Торби интересовали вовсе не достоинства дяди Джека.

— Вы упоминали, что мы стартовали с Акки, направляясь к Дальним Звездам, но так и не прибыли туда? Странно, ведь это так далеко от Джуббула.

— Я думаю, ты прав. В колледже есть только малый галактический атлас, и я должен признать: действительно очень трудно представить, что дюйм на карте оборачивается многими световыми годами в пространстве.

— В данном случае — ста семьюдесятью световыми годами.

— Давай-ка подсчитаем, сколько это в милях?

— Это столь же бессмысленно, как измерять в микронах длину дивана, на котором вы сидите.

— Ну, ну, сынок. Не будь таким педантом.

— Что вы, дедушка! Я лишь размышлял о том, как далеко отстоит место, где нас взяли в плен, от той точки, где меня в последний раз продали.

— Я уже один раз слышал от тебя слово «продали». Ты должен понимать, что этот термин неточен. Крепостное право, практикуемое на Саргоне, не является рабовладением. Оно идет от древнеиндийской системы каст — стабильной социальной упорядоченности сверху донизу, подразумевающей взаимные обязательства. Ты не должен называть эту систему рабством.

— Я не знаю другого слова для перевода саргонезского выражения.

— Я мог бы предложить несколько, хотя и не знаю саргонезского. Видишь ли, этот язык мало где изучают. Но, дорогой Тор, ты ведь не изучал человеческую историю и культуру, так что положись на мой авторитет в области, в которой я считаюсь специалистом.

— Ну что ж...— Торби ощутил замешательство.— Я не очень хорошо знаю английский Системы, и я незнаком с историей... ведь этой истории очень много.

— Верно. Я первый с этим соглашусь.

— Но я не могу перевести лучше — меня продали, и я был рабом!

— Ну, ну, сынок.

— Не спорь с дедушкой, будь умницей.

Торби умолк. Он уже упоминал о том, что несколько лет был нищим, и бабушка пришла в ужас от такого бесчестья, хотя прямо об этом не говорила. И он обнаружил, что хотя дедушка и знает об очень многих вещах, когда дело касалось рассказов Торби, он рассуждал с обычной своей уверенностью, не будучи никогда прав. Он с грустью подумал, что это происходит от осознания взрослыми своего превосходства над младшими и что с этим ничего не поделаешь. Он слушал рассуждения дедушки об истории Девяти Миров. Бредли категорически не соглашался со взглядами, бытовавшими на Саргоне, но, в общем-то, его точка зрения была близка к тому, чему учил Торби Баслим — во всем, что не касалось рабства. Он обрадовался, когда разговор вновь вернул-

ся к организации дела Радбеков. Торби заговорил о своих затруднениях.

— Рим не в один день строился, Торби.

— Мне кажется, я никогда не смогу научиться! Я уже подумывал о возвращении в гвардию.

Дедушка нахмурился.

— Это не очень умно.

— Почему, сэр?

— Если ты не чувствуешь призвания к бизнесу, найдутся другие не менее почетные занятия.

— Считаете, что служба в гвардии к ним не относится?

— М-м-м... я и твоя бабушка — мы относим себя к пацифистам философского толка. Нельзя отрицать, что покушению на человеческую жизнь нет морального оправдания.

— Никогда! — подтвердила бабушка.

Торби подумал, что бы сейчас сказал папа? Черт возьми, он знал, что ради освобождения рабов Баслим готов был крушить все направо и налево!

— А что бы вы сделали, если бы на вас шел пират?

— Кто?

— Пират. Представьте, что у вас на хвосте висит пират и приближается с каждой секундой.

— Думаю, следует убегать. Оставаться и вступать в драку аморально. Видишь ли, Тор, насилием ничего нельзя добиться.

— Но вы не можете бежать: у пирата более мощные двигатели. Выход один: ты или он.

— В таком случае следует сдаться; это лишает смысла его намерения... как доказал бессмертный Ганди.

Торби глубоко вздохнул.

— Дедушка, простите меня, но его намерения вовсе не лишаются смысла. Вам приходится драться. Рейдеры захватывают рабов. Больше всего я горжусь тем, что мне удалось сжечь один из них.

— Сжечь один из них?

— Я накрыл его самонаводящейся ракетой. Разнес корабль в клочья.

Бабушка всхлипнула. Наконец дедушка сухо сказал:

— Тор, боюсь, ты подвергся дурному влиянию. Вероятно, ты в этом не виноват. Но у тебя масса неверных представлений, как о фактах, так и об их оценке. А теперь прислушайся к логике. Если ты «сжег» его, то откуда тебе знать, что он был намерен — как ты это говоришь? — «брать рабов». Что бы он с ними делал? Ничего.

Торби продолжал молчать. Было очень важно, с какого края площади человек смотрел на мир... и если ты не имел статуса, тебя не слушали. Это был всеобщий закон.

— Давай-ка не будем больше говорить на эту тему,— продолжал дедушка Бредли.— Что же касается всего остального, то я дам тебе тот совет, который хотел дать твоему отцу: если ты не чувствуешь призвания к торговле, то даже не пытайся заняться ею. Но сбежать в гвардию, словно мальчишка, начитавшийся романтических книжек... нет, сынок! Однако тебе еще долго не придется ломать голову, ведь Уимсби — очень способный управляющий; тебе не придется принимать никаких решений,— дедушка поднялся на ноги.— Насколько я мог понять из бесед с Джоном, он не прочь нести свою ношу еще немного... а если это потребуется, то и больше того. А теперь пойдем спать. Скоро рассветет.

Наутро Торби уехал, провожаемый вежливыми заверениями, что их дом — его дом, и в конце концов юноша стал подозревать, что так оно и есть. Проведя ночь без сна, он принял решение и с ним явился в Радбек-Сити. Он хотел жить, видя вокруг себя переборки и палубы корабля. Он хотел вернуться к тому делу, которому служил папа; быть миллиардером — не его удел.

Сначала нужно сделать вот что. Добраться до бумаг, подписанных его родителями, сравнить их с теми, которые были приготовлены для него — ведь отец, вероятно, хорошо знал, что нужно делать — затем подписать их, чтобы дядя Джек мог спокойно продолжать работу после того, как Торби покинет планету. Дедушка был прав: Джон Уимсби прекрасно разбирается в делах, которых он, Торби, совершенно не понимает. Он должен быть благодарен дяде Джеку. Перед тем как проститься, надо будет его поблагодарить. А затем — покинуть Терру и вернуться к людям, с которыми он говорит на одном языке.

Войдя в свой офис, он тут же связался с кабинетом дяди Джека, но того не было в городе. Торби решил написать ему записку,

выдержанную в самых вежливых выражениях — о да! надо попрощаться с Ледой.

Он позвонил в юридический отдел и попросил разыскать документы, оставленные его родителями, и прислать их к нему в кабинет.

Вместо документов появился судья Брудер.

— Радбек, зачем вам документы, которые вы затребовали из сейфа?

— Я хотел бы взглянуть на них,— объяснил Торби.

— Брать бумаги из сейфа могут только руководящие работники компании.

— А кто же я?

— Боюсь, что вы — всего лишь мальчишка, который плохо представляет себе, что происходит вокруг. Со временем вы будете допущены к руководству фирмой, но сейчас вы — всего лишь гость, пытающийся разобраться в делах своих родителей.

Торби проглотил эту пилюлю: как бы ни звучали слова судьи, в них была доля истины.

— Я собирался проконсультироваться об этом с вами. А как продвигается дело об установлении факта смерти моих родителей?

— Торопитесь похоронить их?

— Разумеется, нет. Но дядя Джек сказал, что без этого не обойтись. Так как же обстоят дела?

Брудер фыркнул.

— Никак. И все из-за вашего упрямства.

— То есть?

— Молодой человек, неужели вы думаете, что служащие компании начнут процесс, который может принести неисчислимые убытки, и будут надеяться, что вы сумеете предотвратить их? Разбирательство с завещаниями может затянуться на годы, в течение которых дела будут стоять на месте... только потому, что вы отказываетесь подписать документы, подготовленные мной много недель назад.

— Хотите сказать, что пока я не подпишу их, ничто не сдвинется с места?

— Совершенно верно.

— Не понимаю. Допустим, я умер — или вообще не появился на свет. Неужели дела останавливаются каждый раз, когда умирает Радбек?

— М-м-м... В общем, нет. С разрешения суда дела ведутся своим чередом. Но вы-то здесь! И нам приходится с этим считаться. Так вот: мое терпение иссякает. Похоже, вы думаете, что, прочтя несколько балансовых отчетов, вы начали разбираться в бизнесе. Ничего подобного! Например, вы убеждены, что имеете право потребовать документы, врученные Джону Уимсби лично, документы, которые даже не являются собственностью компании. И если вы сейчас попытаетесь лично возглавить фирму — если, конечно, нам удастся установить факт смерти ваших родителей — то, насколько я могу судить, нас ожидают многочисленные неприятности. Мы не можем себе это позволить. Так что я хотел бы, чтобы бумаги были подписаны сегодня же, и без всяких проволочек! Вам ясно?

Торби набычился.

— Я не стану подписывать.

— Что значит «не стану»?

— Я не подпишу ни единой бумаги до тех пор, пока не буду твердо знать, что она означает. Тем более что я не видел документов, оставленных моими родителями.

— Мы еще посмотрим!

— Я буду стоять на своем до тех пор, пока не разберусь, что здесь происходит!

Глава 19

Торби обнаружил, что выяснить истину непросто. Дела шли как прежде, но что-то изменилось. У него появились смутные подозрения, что та помощь, которой он пользовался, изучая бизнес, подавалась не самым лучшим образом. Он начал тонуть в потоке непонятных цифр, не имевших отношения к делу, и неясных «заключениях» и «анализах», которые ничего не анализировали. Но подозрения возникли далеко не сразу.

Они перешли в уверенность с того дня, когда он бросил вызов судье Брудеру. Долорес трудилась, как всегда, не покладая рук, и все окружающие по-прежнему рьяно бросались ему на помощь, но обильный приток информации стал иссякать, пока наконец не прервался вовсе. Перед Торби извинялись, приводя массу причин, по которым было совершенно невозможно найти то, что он

просил. То «обзор еще не готов», то «человек, который за это отвечает, сейчас в отъезде», то «эти данные хранятся в сейфе, но в конторе нет ни одного служащего, имеющего к ним доступ». К дяде Джеку и судье Брудеру пробиться стало невозможно, а их помощники демонстрировали вежливую беспомощность. Дядю Джека нельзя было поймать даже в поместье. Леда каждый раз сообщала юноше, что «папочка отбыл в деловую поездку».

В собственном офисе Торби начали происходить странные вещи. Хотя библиотека была устроена Долорес, она сама не могла ничего найти и даже припомнить, где находятся бумаги, размещенные в библиотеке на хранение. Наконец Торби потерял терпение и накричал на нее.

Она восприняла его упреки с олимпийским спокойствием.

— Прошу прощения, сэр. Я стараюсь изо всех сил.

Торби смягчился. Он достаточно насмотрелся на портовых грузчиков и отлично чувствовал, когда люди начинали «тянуть волынку». Но стоящее перед ним несчастное создание было тут ни при чем; он зря набросился на нее. Торби примирительно сказал:

— Извините меня, Долорес. Возьмите выходной.

— О нет, сэр, я не могу.

— Кто вам это сказал? Отправляйтесь домой.

— Я бы не хотела...

— Что ж, дело ваше. Во всяком случае, прилягте на диванчик в дамской комнате, в общем, отдохните. Это приказ. Увидимся завтра.

Встревоженная, Долорес ушла. Торби уселся за свой девственно чистый стол и задумался.

Ему нужно было побыть в одиночестве, позабыв на время о потоке цифр и прочей информации. Торби стал прикидывать, что же ему удалось раскопать.

Итак: дядя Джек и судья Брудер оказывают на него жесткое давление, чтобы принудить его подписать бумаги.

Далее. Он может быть Радбеком из Радбека, но до тех пор, пока его родителей не признают погибшими, дела будет вершить дядя Джек.

Далее. Судья Брудер недвусмысленно намекнул ему, что до тех пор, пока Торби не признает свою некомпетентность и не подпишет документы, делу его родителей не будет дан ход.

Далее. Он так и не узнал, какие распоряжения оставили его родители. Он пытался преодолеть сопротивление, оказываемое ему на этом пути, и его постигла неудача.

И последнее. Оказывается, «владеть» и «управлять» — совершенно разные вещи. Дядя Джек управляет всем тем, чем владеет Торби; сам же Уимсби владеет лишь одной, для формальности, акцией, что позволяет ему возглавлять совет директоров. Леде принадлежит куда больший кусок, поскольку она — член семьи Радбек, но, вероятно, дядя Джек контролирует и ее долю тоже. Сама Леда в дела не вмешивается.

Вывод...

Какой же отсюда следует вывод? Может быть, дядя Джек занимается какими-то махинациями и боится допустить Торби к своим секретам? Непохоже. Дядя Джек получает столь солидные оклады и премии, что только законченный сквалыга захотел бы иметь еще больше денег — денег как средств к существованию. Счета родителей, похоже, в полном порядке и уже принесли весьма солидный доход. Мегабак, который ему выдал дядя Джек, вряд ли сколь-нибудь подорвал его благосостояние. Еще одна статья расходов — содержание дедушки и бабушки плюс незначительные расходы на семью и содержание поместья — ничего серьезного, какая-нибудь пара мегабаков.

Вывод: дяде Джеку нравится быть боссом, и он намерен продержаться на этом посту так долго, как это будет возможно.

Статус... Уимсби занимает высокое положение и будет стремиться его сохранить. Торби подумал, что он наконец понял дядю Джека. Уимсби говорил Торби о том, что на его плечи возложена очень тяжелая ноша; он взвалил ее на себя потому, что ему нравилось главенствовать — точно так же капитаны и старшие помощники Вольных Торговцев трудятся в поте лица, несмотря на то что все остальные члены Семьи получают равную с ними долю. Дядя Джек здесь — «старший помощник», и он не намерен сдавать свои позиции человеку, который втрое моложе его и (скажем честно) совершенно не разбирается в деле, понимать которое просто обязан, находясь на этом посту.

Осознав это, Торби почувствовал, что лучше всего было бы подписать бумаги и доверить дяде Джеку дело, над которым он

столь упорно трудился и которое Торби всего лишь унаследовал. Вероятно, дядя Джек был жестоко разочарован, когда Торби вернулся живым; судьба нанесла ему тяжелый удар.

Так пусть все остается ему! Уладить дела — и прочь отсюда, назад, в гвардию.

Однако Торби отнюдь не был готов сложить оружие перед судьей Брудером. В жизни его достаточно пинали, и естественной реакцией Торби стало сопротивление любой власти, которую он не признавал; это было вбито в его душу палками. Он сам не отдавал себе в этом отчета и лишь понимал, что надо проявить упорство. Торби чувствовал, что папа дал бы ему именно такой совет.

Подумав о папе, Торби вспомнил кое-что еще. Не замешаны ли Радбеки, хотя бы и косвенно, в работорговле? Он понял, зачем папа заставлял его продолжать борьбу: он не мог уйти, пока не узнает все подробности и не положит конец этой мерзейшей ситуации, если она существует. Но как это выяснить? Он Радбек из Радбека, но его опутали тысячами нитей, как парня из папиной сказки... «Гулливер и его звездолет»... вот как она называлась.

Итак, папа докладывал в корпус «Икс» о том, что крупные кораблестроители каким-то образом связаны с правительством Саргона и пиратами-работорговцами. Пиратам крайне необходимы корабли. Корабли... На прошлой неделе Торби читал книгу — в ней рассказывалось о каждом звездолете, выпущенном «Галактическим Транспортом» — от номера 0001 до самых последних. Юноша отправился в библиотеку. Хм-м... толстая красная книга, а не магнитная лента.

Она исчезла, как и многие другие вещи. Однако, интересуясь кораблями, Торби успел вызубрить ее наизусть почти целиком. Он принялся набрасывать заметки.

Большинство звездолетов несли службу внутри Гегемонии, некоторые принадлежали Радбекам, некоторые — другим компаниям. Торби с удовольствием подумал о том, что многие из них были приобретены Торговцами. Однако были корабли, зарегистрированные на имя владельцев, которых он не мог определить... А ведь Торби казалось, что он знает, хотя бы по названиям, все компании, занятые законной межзвездной торговлей в пределах Гегемонии, и уж во всяком случае он смог бы припомнить любой клан Вольных Торговцев.

Но сидя за столом, да еще не имея на руках книги, сделать определенные выводы было невозможно. Может быть, здесь, на Терре, в этом вообще не разобраться. Может быть, дядя Джек и судья Брудер даже не подозревают о том, что за их спинами творятся грязные дела.

Торби включил галактический атлас, установленный по его настоянию в кабинете. Атлас охватывал только исследованную часть Галактики, но, несмотря на это, масштаб был чрезвычайно мелок.

Торби взялся за ручки управления. Для начала он высветил зеленым Девять Миров. Затем добавил желтого, отметив им опасные места, которых избегали Торговцы. Зажег две планеты, между которыми был захвачен корабль его родителей, и подобным же образом обозначил все пропавшие суда Людей, относительно которых он знал направление последнего прыжка.

Выстроилась цепочка разноцветных огоньков, расположенных весьма близко друг к другу — в масштабе межзвездных расстояний, конечно — в том же секторе, где находились Девять Миров. Торби вгляделся в эту картину и присвистнул. Папа знал, о чем говорил, но без такого наглядного изображения трудно было представить ситуацию целиком.

Юноша вспомнил о линиях регулярных рейсов и заправочных станциях, установленных в том районе «Галактическим Транспортом»... затем высветил оранжевым цветом банковские учреждения «Галактической Вексельной Корпорации», размещенные по соседству.

И принялся сосредоточенно изучать полученную схему.

Это еще нельзя было считать неопровержимым доказательством, но с какой целью в том секторе они развили такую бурную деятельность?

Торби решил доискаться.

Глава 20

Торби увидел, что Леда приказала накрыть стол в саду. Они сидели вдвоем, и снег покрывал искусственный небосвод сверкающим куполом. Свечи, цветы, струнное трио и сама Леда добав-

ляли этой картине привлекательности, но она не радовала глаз Торби, хотя девушка ему нравилась, а сад был его любимым уголком в Радбеке. Они уже почти кончили есть, когда Леда сказала:

— Я бы не пожалела доллара, чтобы узнать, о чем ты думаешь.

Торби виновато потупился.

— Да так... ни о чем.

— Должно быть, это «ничто» очень тебя тревожит.

— Ну... да.

— Ты не хочешь рассказать об этом Леде?

Торби прикрыл глаза. Дочь Уимсби была последним из людей, с кем он захотел бы откровенничать. Его беспокойство было вызвано раздумьями о том, что ему придется делать, если вдруг вскроется, что семья Радбек замешана в делах работорговцев.

— Мне кажется, бизнес — не мое призвание.

— Отчего же? Папочка говорит, что твоя голова потрясающе воспринимает цифры.

Торби фыркнул.

— Тогда почему он...— и тут же умолк.

— Что «он»?

— Ну...

Черт возьми, должен же он поговорить с кем-нибудь, кто ему симпатизирует и кто в случае необходимости может даже прикрикнуть на него. Как папа. Или Фриц. Или полковник Брисби. Вокруг Торби постоянно вертелись люди, но он чувствовал себя совершенно одиноким. Казалось, только Леда старается быть с ним дружелюбной.

— Леда, какую часть того, что я тебе рассказываю, ты передаешь отцу?

К его удивлению, девушка покраснела.

— Зачем ты так говоришь, Тор?

— Ну, у вас с ним такие трогательные отношения... Так как же?

Она вскочила.

— Если ты позавтракал, то давай прогуляемся.

Торби поднялся из-за стола, и они побрели по дорожкам сада, прислушиваясь к завыванию ветра над куполом. Леда привела его в укромный, далекий от дома уголок, скрытый кустами, и присела на валун.

— Отличное место для разговора с глазу на глаз.

— Неужели?

— Когда в саду установили подслушивающие устройства, я отыскала местечко, где могла целоваться, не опасаясь папиных соглядатаев.

Торби удивился.

— Ты что, серьезно?

— Разве ты не понимаешь, что тебя везде подслушивают, ну разве что за исключением горнолыжных склонов?

— Я даже не думал... И мне это не нравится.

— А кому это может понравиться? Но это обычная мера предосторожности, ведь речь идет о такой важной персоне, как Радбек. И ты не должен ругать за это папочку. Мне пришлось потратить несколько кредитов, чтобы узнать, что сад прослушивается далеко не так тщательно, как ему кажется. И если ты собираешься сказать что-нибудь и не хочешь, чтобы тебя подслушал папочка, то говори сейчас. Он об этом никогда не узнает. Обещаю тебе.

Торби помедлил, внимательно осматривась вокруг. Он решил, что если где-нибудь поблизости установлен микрофон, то он должен быть замаскирован под цветок... что было вполне возможно.

— Пожалуй, стоит подождать до лыжной прогулки.

— Успокойся, милый. Если ты мне доверяешь, то уж поверь, что это место вполне безопасно.

— Ну, ладно,— Торби заговорил, выплескивая накопившееся в его душе раздражение... Он поделился подозрениями в том, что дядя Джек ставит ему палки в колеса, чтобы не отдавать власть. Леда слушала его с серьезным видом.— Ну вот. Скажешь, что я сумасшедший?

— Тор,— произнесла она.— Ты не догадываешься, что папочка подсовывал меня тебе?

— Что?

— Не понимаю, как ты этого до сих пор не заметил. Только если ты совершенно... Наверное, так оно и есть. Но это чистая правда. Это должен был быть один из тех браков по расчету, который все окружающие восприняли бы «на ура» — все, кроме тех двоих, кто имеет к нему самое прямое отношение.

Услышав столь удивительное утверждение, Торби разом забыл о своих тревогах.

— Ты хочешь сказать, что... ну, что ты...— он окончательно смутился и замолчал.

— О господи, дорогой ты мой! Если бы я собиралась так поступить, разве стала бы я говорить об этом с тобой? Признаюсь: перед тем, как ты появился здесь, я обещала папочке обдумать такую возможность. Однако ты не обращал на меня внимания, а я слишком горда, чтобы проявлять в таких условиях настойчивость, даже если от этого зависело бы процветание Радбеков. Так что там насчет бумаг, которые оставили Марта и Крейтон и которые папочка не желает тебе показывать?

— Да, мне их не показывают; и я не собираюсь подписывать документы, пока не ознакомлюсь с доверенностями родителей.

— А если покажут, ты подпишешь?

— Ну... может быть, и подпишу. Но я хотел бы знать, какие распоряжения оставили мои родители.

— Не понимаю, почему папочка отказывается выполнить столь естественное пожелание. Разве что...— Леда нахмурилась.

— Разве «что»?

— Как насчет твоей доли? Она переходит к тебе?

— Какой доли?

— Той, которая принадлежит тебе. Ты знаешь, какой долей владею я. Когда я родилась, Радбек передал ее мне — я имею в виду твоего дедушку. Вероятно, тебе предназначалось примерно вдвое больше, поскольку ты должен был стать настоящим Радбеком.

— У меня ничего нет.

Леда мрачно кивнула.

— Вот одна из причин, почему папочка и судья не желают показывать тебе документы. Наши личные вклады ни от кого не зависят, и по достижении совершеннолетия мы можем делать с ними все, что нам заблагорассудится. Твои родители распоряжались твоими вкладами, а папочка до сих пор распоряжается моими. Однако сейчас никакие доверенности, которые были подписаны в прошлом, не имеют законной силы. Ты можешь потребовать свою долю, и им придется либо выполнить твое пожелание, либо пристрелить тебя,— Леда покачала головой.— Нет,

конечно, убивать тебя не станут. В общем-то мой отец во многих отношениях совсем не плохой человек.

— Я и не считал его плохим.

— Я не люблю его, но восхищаюсь им. Но если разобраться, я — Радбек, а он — нет. Глупо, не правда ли? В сущности, в нас, Радбеках, ничего особенного нет; мы лишь скуповатые прижимистые крестьяне. Но и меня кое-что беспокоит. Помнишь Джоэла Делакруа?

— Тот самый парень, который хотел поговорить со мной наедине?

— Верно. Так вот, он больше здесь не работает.

— И что же?

— Разве ты не знал, что Джоэл был восходящей звездой в инженерном отделе «Галактических»? Официально объявлено, что Джоэл нашел себе другое место. Он сам говорит, что его уволили за попытку переговорить с тобой за их спиной,— Леда нахмурилась.— И я не знала, чему верить. Теперь я верю Джоэлу. Так что же ты собираешься делать, Тор,— поднять лапки кверху или доказать, что ты в самом деле Радбек из Радбека?

Торби пожевал губу.

— Я бы хотел вернуться в гвардию и выкинуть из головы всю эту грязь. Мне всегда хотелось узнать, что это такое — быть богатым. И вот я стал им и понял, что это — сплошная головная боль.

— Так ты все бросаешь? — в ее голосе промелькнуло презрение.

— Я этого не сказал. Я намерен остаться и выяснить, что же тут происходит. Не знаю только, с чего начать. Ты считаешь, что я должен грохнуть кулаком по столу дяди Джека и потребовать свою долю?

— М-м-м... только чтобы рядом стоял адвокат.

— Тут и так полно юристов!

— Именно поэтому тебе не обойтись без адвоката. Чтобы снять с судьи Брудера скальп, ты должен найти классного специалиста.

— Где же его искать?

— Черт побери, я ни разу не обращалась к адвокатам. Но поискать можно. А теперь давай-ка побродим и поболтаем, чтобы не вызывать подозрений.

Торби провел утомительное утро, изучая статьи законов, касающихся деятельности корпораций. Сразу после ленча ему позвонила Леда.

— Тор, ты не хочешь прокатиться со мной на лыжах? Ветер стих, и снег — то, что надо,— она многозначительно посмотрела ему в глаза.

— Ну...

— Да собирайся же!

Они молчали до тех пор, пока не отошли достаточно далеко от дома. Наконец Леда заговорила:

— Человек, который тебе нужен — это Джеймс Гарш из Нью-Вашингтона.

— Я так и думал, что ты позвонила мне только из-за этого. Ты действительно собираешься кататься? Я бы хотел сию минуту вернуться в кабинет и связаться с ним.

— Ну, ты даешь! — Леда печально покачала головой.— Тор, мне, наверно, придется выйти за тебя замуж только для того, чтобы стать тебе матерью. Итак: ты возвращаешься домой и звонишь адвокату, который не состоит на службе у Радбеков, адвокату с высочайшей репутацией. Как ты думаешь, что произойдет потом?

— Что же?

— Скорее всего, ты проснешься в тихом местечке в окружении мускулистых нянек. Я провела бессонную ночь и теперь уверена, что они играют всерьез. Мне хотелось бы, чтобы папочка продолжал вести дела, но если он затеял грязную игру, то я на твоей стороне.

— Спасибо, Леда.

— Он говорит «спасибо»! Тор, я сделаю это ради Радбека. Но давай не будем отвлекаться. Ты не можешь просто так полететь в Нью-Вашингтон, чтобы встретиться с адвокатом. Насколько я знаю судью Брудера, он уже принял всевозможные меры на такой случай. Однако ты мог бы отправиться осматривать свои владения... и начать со своего дома в Нью-Вашингтоне.

— Хитро придумано.

— Я сама поражаюсь своей хитрости. Если хочешь, чтобы все прошло гладко, ты пригласишь с собой меня — папочка велел помочь тебе осмотреться.

— Ну конечно, Леда. Если тебя не затруднит.

— Пусть это тебя не беспокоит. Мы и в самом деле осмотрим некоторые достопримечательности, в Департаменте Северной Америки например. Меня беспокоит одно: как нам ускользнуть от охраны?

— Охраны?

— Без охраны не путешествует ни один человек, занимающий такое высокое положение, как Радбек. Иначе тебя замучают репортеры и сумасшедшие.

— Мне кажется,— медленно произнес Торби,— что тут ты не права. Я ездил к бабушке и дедушке, и со мной не было никаких охранников.

— Они умеют не мозолить глаза. Готова спорить, что во время твоего визита к старикам в доме находилось не меньше двух телохранителей. Видишь того одинокого лыжника? Готова поклясться, что он катается вовсе не ради удовольствия. Так что нам нужно придумать способ оторваться от них на то время, пока ты беседуешь с Гаршем. Но не беспокойся; я что-нибудь придумаю.

Торби с интересом осматривал великую столицу, но ему не терпелось приступить к делу, ради которого они сюда приехали. Леда с трудом сдерживала его прыть.

— Первым делом — достопримечательности. Мы должны вести себя естественно.

Дом по сравнению с поместьем казался более чем скромным — двенадцать комнат, и только две из них большие. Он содержался в таком виде, будто хозяева покинули его лишь накануне. Двоих слуг он узнал — они работали и в поместье. К услугам наших путешественников был автомобиль с шофером и дворецким в ливрее Радбеков. Казалось, шофер заранее знает, куда их нужно везти. Они ехали под зимним субтропическим солнцем, и Леда показывала посольства и консульства различных планет. Когда они проезжали мимо величественного здания штаб-квартиры гвардии Гегемонии, Торби велел притормозить и едва не свернул себе шею, разглядывая его.

Леда спросила:

— Твоя альма-матер, верно? — и прошептала: — Смотри внимательно. Здание напротив главного входа — именно то место, куда тебе нужно попасть.

Около мемориала Линкольна они вышли из машины, поднялись по ступеням, и их охватило чувство, знакомое миллионам людей, когда-либо смотревших на этот гигантский монумент. Торби внезапно подумал, что статуя очень похожа на папу — не буквально, но что-то такое в ней было. Его глаза затуманили слезы.

Леда прошептала:

— Здесь я всегда чувствую волнение, словно в церкви. Ты знаешь, кем он был? Линкольн — основатель Америки. Древняя история — она внушает благоговение.

— Он сделал кое-что еще.

— Что же?

— Освободил рабов.

— Да-да,— Леда спокойно осматривалась вокруг.— Это так много значит для тебя, верно?

— Очень много,— Торби хотел было рассказать Леде о главной причине, побудившей его броситься в драку: ведь они были одни, и это место наверняка не прослушивалось. Но не смог. Юноша знал, что Баслим не возражал бы, но он обещал полковнику Брисби.

Торби с трудом разбирал надписи на стенах; эти буквы и грамматика были в ходу еще до того, как английский стал английским Системы. Леда потянула его за рукав и прошептала:

— Пойдем. Я не могу долго оставаться здесь... Иначе я начну плакать.

Они отошли на цыпочках.

Леда объявила, что ей хочется посмотреть шоу в «Млечном Пути». Они вышли из машины, велев шоферу вернуться за ними через три часа десять минут. За билет в двойную ложу Торби пришлось заплатить спекулянту бешеные деньги.

— Ну вот! — воскликнула девушка, как только они заняли свои места.— Полдела сделано. Дворецкий, конечно, выпрыгнет из машины, как только она завернет за угол, но от шофера мы на некоторое время освободились: поблизости нет ни одной стоянки. И все же дворецкий будет торчать рядом, если он дорожит своим местом. Полагаю, в эту самую минуту он как раз покупает билет. А может быть, он уже здесь. Не оглядывайся.

Они поднялись по эскалатору.

— Это даст нам выигрыш в несколько секунд. Он не сможет последовать за нами, пока мы не скроемся из виду. А теперь слушай. Люди, сидящие на наших местах, уйдут, когда мы покажем билеты. Только я собираюсь заплатить одному из них, чтобы он оставался на месте. Надеюсь, это будет мужчина, потому что нашему опекуну потребуется лишь несколько минут, чтобы определить, где мы находимся... несколько секунд, если он уже успел узнать номер нашей ложи. Когда он найдет нашу ложу, он увидит, что я сижу там с мужчиной. В темноте он не разглядит его лица, но меня узнает, так как я специально надела платье, которое светится в темноте. Этим он удовлетворится. Ты покинешь здание через любой выход, кроме главного; возможно, там будет дежурить шофер. Постарайся вернуться к выходу за несколько минут до того, как подадут машину. Если не успеваешь, бери такси и езжай домой. А я стану громко жаловаться, что тебе не понравилось шоу и ты ушел.

Торби решил, что корпус «Икс» много потерял, не завербовав Леду в свои ряды.

— А вдруг они сообщат, что потеряли мой след?

— Найдя нас, они будут так счастливы, что даже пикнуть не посмеют. Вот мы и пришли — давай действуй. Встретимся позже.

Торби покинул помещение через боковой выход и, немножко поплутав и наведя справки у полисмена, наконец отыскал здание, стоявшее напротив штаб-квартиры гвардии. Просмотрев список, он выяснил, что кабинет Гарша находится на 34-м этаже, и уже через пару минут Торби стоял перед секретаршей, губы которой, казалось, были способны произносить только одно слово: «нет».

Она холодно сообщила юноше, что советник принимает только тех, кому назначена встреча. Не желает ли он изложить свое дело кому-нибудь из помощников советника?

— Имя, будьте любезны!

Торби огляделся. Приемная была переполнена людьми. Секретарша нажала рычажок.

— Говорите! — потребовала она.— Я включила систему против подслушивания.

— Пожалуйста, передайте мистеру Гаршу, что с ним хотел бы встретиться Радбек из Радбека.

Торби показалось, что она собирается приказать ему не нести чепухи. Но она торопливо встала и куда-то ушла.

Скоро она вернулась и тихо произнесла:

— Советник может выделить вам пять минут. Пройдите сюда, сэр.

Кабинет Джеймса Гарша являл собой разительный контраст всему зданию и приемной, да и сам его владелец был похож на неприбранную постель. Он носил брюки без подтяжек, и над ремнем нависал солидный живот. Сегодня адвокат явно не брился, и его топорщащаяся щетина была под стать лохматым остаткам волос, окружавшим плешь. Он даже не приподнялся с кресла.

— Радбек?

— Да, сэр. Вы — Джеймс Гарш?

— Да. Покажите документы. Кажется, я видел вас в выпуске новостей, но не могу припомнить когда.

Торби протянул ему идентификационную карточку. Гарш изучил общегражданский документ, а затем и более редкое и трудноподделываемое удостоверение «Радбек и Компания» и протянул их обратно.

— Садитесь. Чем могу быть полезен?

— Мне нужен совет... и помощь.

— Именно этим товаром я и торгую. Но у вас есть Брудер и целая толпа юристов. Чем я, именно я, могу быть полезен?

— Мы можем говорить доверительно?

— Как клиент с адвокатом, сынок. Нужно говорить: «как клиент с адвокатом». Юриста не спрашивают о таких вещах: он либо честен, либо нет. Я честен наполовину. Тебе придется рискнуть.

— Ну... в общем, это длинная история.

— Так изложи ее покороче. Говори. Я слушаю.

— Вы согласны взяться за мое дело?

— Говори. Я слушаю,— повторил Гарш.— Может быть, я засну. Сегодня я чувствую себя не лучшим образом. Впрочем, со мной всегда так.

— Ну ладно,— Торби приступил к рассказу. Гарш слушал, прикрыв глаза, сцепив пальцы на животе.

— Вот и все,— закончил наконец Торби,— за исключением того, что я намерен разобраться во всем этом и вернуться в гвардию.

Гарш впервые проявил интерес к его словам.

— Радбек из Радбека? В гвардию? Не говори глупостей, сынок.

— На самом деле я не «Радбек из Радбека». Я рядовой гвардеец, а то, что я стал Радбеком, зависело не от меня.

— Я знаю эту часть твоей истории; авторы слезливых статеек уже давно ее мусолят. У каждого из нас возникают обстоятельства, над которыми мы не властны. Дело в том, что человек не может покинуть свою работу, особенно — если это действительно *его* работа.

— Это не моя работа,— упрямо заявил Торби.

— Хватит пустых слов. Для начала мы добьемся признания твоих родителей умершими. Затем потребуем представить их завещания и доверенности. Если противник начнет тянуть волынку, мы получим ордер. И даже могущественный Радбек не устоит перед простой бумажкой «явитесь в суд, или будете арестованы за неуважение»,— Гарш покусал ноготь.— Может пройти некоторое время, прежде чем будут установлены имущественные права и определено твое положение. Суд может дать полномочия тебе, либо тому, кто упомянут в завещании, либо вообще кому-нибудь третьему, но только не Уимсби и не Брудеру, если все, что ты рассказал — правда. На такое не решились бы даже судьи, которых Брудер держит в кармане; это было бы уже слишком, и всякий судья знает, что такое решение будет отменено.

— Но что я могу сделать, если они даже не начнут процесса по установлению факта смерти моих родителей?

— А кто сказал, что ты должен их ждать? Ты — заинтересованная сторона, а они не дотягивают даже до статуса *amicus curiae*. Я что-то такое слышал, что они — наемные служащие, имеющие по одной чисто номинальной акции на брата. Ты — номер первый, самое что ни на есть заинтересованное лицо. Так действуй же! А как насчет других родственников? Двоюродные братья? Сестры?

— Двоюродных нет. А о других ближайших родственниках я ничего не знаю. Впрочем, у меня есть дедушка и бабушка Бредли.

— Я и не думал, что они еще живы. Они не станут совать тебе палки в колеса?

Торби хотел было сказать «нет», но передумал.

— Не знаю.

— Ближе к делу станет ясно. Другие родственники... впрочем, о них мы сможем узнать только после оглашения завещаний, на

что, вероятно, потребуется решение суда. Кстати, есть ли у тебя возражения против дачи показаний под гипнозом? Под воздействием химических препаратов? Против детектора лжи?

— Нет. А что?

— Ты — самый важный свидетель смерти родителей, их длительное отсутствие не является решающим доказательством.

— Даже если их нет очень долго?

— Смотря по обстоятельствам. Временной промежуток — лишь одно из обстоятельств, которые рассматривает суд, в законах об этом ничего не сказано. Когда-то считалось, что достаточно семи лет, но теперь эта статья отменена. Нынче на вещи смотрят шире.

— С чего начнем?

— У тебя есть деньги? Или их от тебя прячут? Я дорого стою. Обычно я требую оплаты каждого своего вдоха и выдоха.

— Ну... у меня есть мегабак... и еще несколько тысяч. Около восьми.

— Хм... разве я еще не сказал, что берусь за твое дело? А ты не задумывался над тем, что твоей жизни может угрожать опасность?

— Нет, никогда.

— Сынок, ради денег люди способны на все. Но ради власти над деньгами они творят еще более ужасные вещи. Всякий, кто живет рядом с миллиардом кредитов, подвергается опасности. Это ничуть не лучше, чем держать дома кобру. На твоем месте, почувствовав недомогание, я сам бы подобрал себе врача. Я с опаской входил бы в двери и сторонился открытых окон,— он задумался.— Поместье Радбек сейчас не самое лучшее место для тебя; не искушай их. Кстати, здесь тебе бывать не следует. Ты уже вступил в дипломатический клуб?

— Нет, сэр.

— Вступи немедленно. Все будут удивлены, если ты этого не сделаешь. Я туда частенько заглядываю. В районе шести часов. У меня там нечто вроде отдельного кабинета. Номер двадцать-одиннадцать.

— Двадцать-одиннадцать?

— Я все еще не сказал, что берусь за дело. Ты не думал над тем, что мне делать, если я его проиграю?

— Что? Нет, сэр.

— Что за город ты упоминал? Джаббулпорт? Вот туда-то мне тогда и придется переехать, — Гарш внезапно улыбнулся.— Но у меня что-то боевое настроение. Радбек, а? Брудер. Что ты говорил про мегабак?

Торби вытащил книжку чековых сертификатов и передал ее адвокату. Просмотрев, Гарш спрятал ее в ящик стола.

— Пока не станем получать по ним деньги: они наверняка следят за твоими тратами. Имей в виду: дело обойдется гораздо дороже. До свидания. Увидимся через пару дней.

Торби ушел в прекрасном настроении. До сих пор ему ни разу не доводилось видеть такого меркантильного, хищного и корыстного старика — он напомнил Торби покрытых шрамами профессиональных грабителей, шнырявших вокруг нового амфитеатра.

Выйдя на улицу, Торби увидел штаб-квартиру гвардии. Еще раз окинув здание взглядом, он нырнул в плотный поток автомобилей и, перебежав улицу, поднялся по ступенькам.

Глава 21

В огромном холле Торби увидел ряды расположенных по периметру кабинок. Протолкавшись сквозь толпу, он вошел в одну из них. Приятный женский голос сказал:

— Наберите на клавиатуре вашу фамилию. Номера отдела и кабинета сообщите устно в микрофон. Дождитесь, пока не загорится свет, и изложите свое дело. Напоминаем вам, что рабочий день окончен и вас примут, только если у вас дело особой важности.

Торби набрал на машине «Торби Баслим», а затем сказал: — «Корпус Икс».

Он ждал. Записанный на пленку голос повторил:

— Назовите в микрофон ваше имя, отдел и номер...

Внезапно динамик умолк. Мужской голос сказал:

— Повторите еще раз.

— Корпус «Икс».

— По какому делу?

— Лучше посмотрите в своих досье, кто я такой.

Наконец послышался другой женский голос:

— Следуйте за световым указателем. Не теряйте его из виду.

Торби поднимался по эскалаторам, спускался в туннели и наконец вошел в дверь без таблички, где его встретил мужчина в гражданском. Он провел Торби еще через две двери. Наконец он оказался лицом к лицу с еще одним мужчиной в штатском. Тот поднялся и сказал:

— Радбек из Радбека? Я — генерал авиации Смит.

— Торби Баслим, а не Радбек.

— Важно не имя, а личность. Я тоже не Смит, но сойдет и так. Полагаю, у вас есть документы?

Торби вновь полез за карточкой.

— У вас, наверное, есть мои отпечатки пальцев.

— Сейчас их доставят. Вы не против оставить их еще раз?

Пока Торби отпечатывал «пальчики», на столе генерала появилась дактилоскопическая карточка. Сунув изображения в компаратор, Смит, казалось, забыл о юноше, и лишь когда вспыхнула зеленая лампочка, его голос зазвучал чуть теплее.

— Ну ладно, Торби Баслим... Радбек. Чем могу быть тебе полезен?

— Скорее — чем я могу быть полезен вам?

— Вот как?

— Я пришел сюда по двум причинам,— заявил Торби.— Во-первых, мне есть что добавить к последнему донесению полковника Баслима. Вы знаете, о ком я говорю?

— Я был с ним знаком и очень его уважал. Продолжай.

— Во-вторых, я хочу вернуться в гвардию и поступить в корпус «Икс»,— Торби не мог припомнить, когда он принял это решение, но оно было твердо — не только носить форму папы, но продолжать его дело. Его работу.

«Смит» приподнял брови.

— Неужели? Радбек из Радбека?

— Мое решение окончательно,— Торби в двух словах объяснил, что сейчас он должен вступить во владение имуществом своих родителей, чтобы разобраться в делах.— А потом я свободен. Я понимаю, что говорить о корпусе «Икс» слишком дерзко с моей стороны, ведь я всего лишь стрелок третьего класса... еще и отставной... но я смог бы быть полезен. У меня есть друзья среди

Людей... среди Вольных Торговцев. Я знаю несколько языков. Знаком с условиями жизни в Девяти Мирах. Я побывал во многих местах... Конечно, я не астрогатор, но путешествовал немало. К тому же я видел, как работал полковник Баслим, и думаю, что смог бы делать нечто подобное.

— Чтобы работать успешно, ты должен быть влюблен в это дело. Зачастую нам приходится делать неприятные вещи... какие уважающий себя человек делать не станет, если только не считает их абсолютно необходимыми.

— Но я считаю! Я был рабом. Вы знали об этом? Может быть, мне поможет то, что я знаю, как чувствует себя раб.

— Возможно. Хотя из-за этого ты можешь поддаться эмоциям. К тому же мы занимаемся не только маршрутами работорговли. Мы не можем обещать новичку, что дадим ему какую-то конкретную работу. Ему приходится делать то, что прикажут. Мы выжимаем из людей все до последней капли. В нашем корпусе очень высокая смертность.

— Я буду делать все, что мне прикажут. Так получилось, что больше всего меня интересует работорговля. Большинство людей на Земле, похоже, даже не знают о том, что она существует.

— Большей части того, чем мы занимаемся, для общества вовсе не существует. Можно ли ожидать от людей, которые окружают тебя на улицах, что они воспримут всерьез рассказы о далеких мирах? Не забывай: лишь менее одного процента населения хотя бы раз в жизни покидает свои родные планеты.

— Думаю, вы правы. Во всяком случае, убедить их трудно.

— Но это отнюдь не самое сложное в нашей работе. Земная Гегемония — по сути своей не империя, это свободная конфедерация планет, связанная неким руководством. И между тем, что могла бы сделать гвардия, и тем, что ей позволено, лежит глубокая пропасть. Если ты пришел к нам, надеясь, что уже в течение своей жизни увидишь конец рабства, то я должен тебя разочаровать. По самым оптимистичным оценкам, на это уйдет не менее двух столетий. И за это время рабство возродится на планетах, которые сейчас еще не открыты. Такую проблему раз и навсегда не решишь. Это очень долгий процесс.

— Я лишь хочу узнать: могу ли я принести пользу?

— Не знаю. И дело вовсе не в том, что, по твоим словам, ты был рядовым. У нас в корпусе очень много людей такого ранга. Корпус «Икс» — это идея, а не табельное расписание. Меня не беспокоит проблема поиска работы для Торби Баслима; для него всегда нашлось бы дело, он может хотя бы переводить... Но Радбек из Радбека... М-да, это уже сложнее.

— Я же сказал, что собираюсь покончить с этим!

— Ну что ж, подождем, пока это свершится. Ты сам сказал, что не готов вступить в корпус прямо сегодня. А что ты еще говорил? Ты хотел дополнить донесение полковника Баслима?

Торби замялся.

— Сэр, полковник Брисби, мой командир, сказал, будто па... полковник Баслим выявил связи между работорговцами и нашими крупными судоверфями.

— Он так и сказал?

— Да, сэр. Загляните в донесение Баслима.

— В этом нет нужды. Продолжай.

— Ведь он говорил о Радбеках? О «Галактическом Транспорте», не так ли?

«Смит» задумался.

— Почему ты спрашиваешь у меня, не замешана ли ваша компания в работорговле? Это ты должен нам рассказать.

Торби нахмурился.

— У вас найдется галактический атлас?

— Да, в холле.

— Можно им воспользоваться?

— Почему бы и нет? — генерал провел его через отдельный коридор в конференц-зал, в котором был установлен стереоэкран, поблескивающий созвездиями. Такого большого атласа Торби еще не видел.

Управление было достаточно сложным, и Торби долго выяснял назначение рычагов пульта. Затем он принялся за работу. Его лицо исказилось от напряжения. Он высвечивал разноцветными огнями звезды, воссоздавая ту картинку, которую прежде построил на атласе в своем кабинете. Он ничего не объяснял, и генерал молча следил за его работой. Наконец Торби сделал шаг назад.

— Это все, что я знаю.

— Ты кое-что упустил,— генерал добавил несколько желтых и несколько красных огоньков, затем неторопливо обозначил еще дюжину пропавших кораблей.— Но воспроизвести все это по памяти — это здорово, и мысли у тебя работают в верном направлении. Я вижу, ты не забыл про корабль своих родителей. Наверно, личный интерес помогает,— генерал отошел назад.— Итак, Баслим, ты задал вопрос. Готов ли ты на него ответить?

— Полагаю, «Галактический Транспорт» увяз в этом по уши! Не все, конечно, но руководители в этом замешаны. Поставка кораблей. Ремонт и топливо. Может быть, финансирование.

— М-м-м...

— А как иначе все это объяснить?

— А ты понимаешь, что они скажут, если ты обвинишь их в торговле невольниками?

— Не в самой торговле. Думаю, напрямую они не участвуют.

— Но связаны с ней. Во-первых, они заявят, что и слыхом не слыхали о какой-то там работорговле и что все это — бред сумасшедшего. Во-вторых, они уж во всяком случае скажут, что они лишь торгуют кораблями, а разве хозяин скобяной лавки отвечает за то, что купленным у него ножом муж убивает жену?

— Здесь нет ничего общего.

— Они не согласятся с тобой. Они заявят, что не нарушали никаких законов, и даже если допустить, что где-то существует рабство, то как они могут нести ответственность за действия людей, которые творят зло за много световых лет отсюда? Тут они, кстати, правы: нельзя подозревать людей в том, чего они сами не делают. Потом найдется какой-нибудь лощеный тип, который отважится заявить, что-де рабство, когда оно еще существовало, не было таким уж злом, так как большинство населения было бы счастливо избавиться от ответственности, возлагаемой на свободного человека. И добавит, что, мол, если они прекратят продавать корабли, этим займутся другие — таковы уж законы бизнеса.

Торби подумал о сотнях безымянных маленьких Торби, скорчившихся в темноте и плачущих от страха, боли и одиночества в вонючих трюмах кораблей работорговцев,— кораблей, которые, возможно, принадлежат ему.

— Один удар хлыста выбил бы дурь из его башки!

— Это уж точно. Но на Земле отменены телесные наказания. Иногда я думаю — не рановато ли? — генерал взглянул на экран.— Я запишу эту схему. Тут есть некоторые аспекты, о которых мы еще не думали. Спасибо, что пришел к нам. Если появятся еще идеи, добро пожаловать.

Торби понял, что его просьба о зачислении в корпус не воспринята всерьез.

— Генерал Смит... я мог бы сделать кое-что еще.

— А именно?

— До того как вступить в корпус... если вы меня возьмете, конечно... или после — я не знаю, как у вас это делается... Я, Радбек из Радбека, мог бы посетить на своем собственном корабле те самые места — красные, *наши*. Может быть, босс сумел бы докопаться до таких вещей, которые недоступны секретному агенту.

— Возможно. Но ты, вероятно, знаешь, что твой отец уже пытался однажды совершить инспекционный полет. И знаешь, чем это кончилось,— Смит поскреб подбородок.— Кстати, мы так и не смогли разобраться с этим. Пока ты не вернулся, мы считали исчезновение обычным несчастным случаем. Яхта с тремя пассажирами, экипажем из восьми человек, без груза на борту — не очень-то заманчивая добыча для пиратов, которые чаще всего прекрасно знают, что они делают.

Торби был поражен.

— Так вы думаете, что...

— Я ничего не думаю. Но хозяева, желающие разузнать о делишках своих служащих, которыми те занимаются в нерабочее время и в отдаленных местах, частенько обжигают пальчики. А твой отец явно что-то подозревал.

— Насчет работорговли?

— Не стану гадать. Он стал проверять лично. Тот самый район. А теперь мне нужно идти. Приходи ко мне еще... или позвони, и к тебе придет кто-нибудь из наших.

— Генерал Смит... Скажите, могу ли я обсуждать наш разговор с другими людьми? И что именно я могу обсуждать?

— Да все, что угодно. Если только не будешь примешивать сюда корпус и гвардию. Но известные тебе факты...— Смит пожал плечами.— Кто тебе поверит? Однако имей в виду: обсуждая

свои подозрения с деловыми партнерами, ты рискуешь вызвать у людей неприязнь к себе... и это чувство иногда будет искренним. Что же касается остальных... Кабы я знал!

Торби вернулся так поздно, что Леда уже начала терять самообладание, сгорая от любопытства. Однако ей пришлось скрывать свое нетерпение — не только из боязни быть подслушанной, но также из-за пожилой тетки, которая завернула к ним засвидетельствовать свое почтение Радбеку из Радбека, да так и осталась на ночь. И только на следующий день, осмотрев в музее реликвии ацтеков, они смогли поговорить.

Торби поведал ей о своем разговоре с Гаршем, а потом решился пойти еще дальше.

— Вчера я сделал попытку вернуться в гвардию.

— Тор!

— Не беспокойся, я не бросаю это дело. Но у меня есть важная причина. Гвардия — единственная организация, пытающаяся положить конец рабству. Но как раз поэтому я не могу вступить в нее сейчас,— он рассказал о своих подозрениях относительно связи Радбеков с работорговлей.

Леда побледнела.

— Это самые страшные слова, какие я когда-либо слышала. И я не могу в это поверить.

— Я был бы рад узнать, что это неправда. Но, как бы то ни было, кто-то ведь строит им корабли и ремонтирует их! Работорговцы — не инженеры, они — паразиты.

— И все же я с трудом верю в то, что рабство вообще существует.

Торби пожал плечами.

— Десять плеток убедили бы любого.

— Тор! Ты хочешь сказать, что тебя секли плетьми?

— Точно не помню. Но у меня вся спина в шрамах.

По пути домой Леда не проронила ни слова.

Торби еще раз встретился с Гаршем, потом они с Ледой отправились на Юкон в обществе старой тетки, которая не желала оставить их в покое. Гарш принес на подпись Торби два документа и сказал:

— Первый шаг должен быть сделан в Радбеке, ведь там официальная резиденция твоих родителей. И второе: я покопался в старых газетных подшивках...

— И что же?

— Твой дедушка действительно отписал тебе солидную долю. Эта история наделала много шуму, когда ты родился. В биржевых бюллетенях перечислены номера всех акций до единой. Так что в один прекрасный день мы крепко их огорошим. Лишь бы только они ничего не пронюхали заранее!

— Вам лучше знать.

— Но я не советую тебе возвращаться в Радбек до тех пор, пока все не будет улажено. Вот мои координаты. Если придется, ты сможешь даже позвонить мне по телефону. Но было бы гораздо лучше, если бы ты предоставил мне возможность связываться с тобой.

Торби обдумал несколько вариантов, не забывая о том, что он постоянно находится в окружении телохранителей.

— Может быть, вы... или какой-нибудь молодой человек сможете позвонить моей кузине и передать кодированное сообщение? Ей постоянно звонят разные люди, чаще всего — молодые. Она тут же сообщит мне, и я отыщу безопасное место, откуда смогу позвонить вам.

— Неплохая мысль. Он спросит, знает ли она, сколько дней осталось на рождественские покупки. Ну все, увидимся в суде,— Гарш улыбнулся.— Ну и потеха же будет! И обойдется тебе очень, очень дорого. До свиданья.

Глава 22

— Хорошо отдохнул? — дядя Джек ухмылялся ему в лицо.— Ну и погонялись же мы за тобой. Не стоило этого делать, мой мальчик!

Торби хотелось ударить его. Телохранители, впихнув юношу в комнату, отпустили его руки, но стянули ему запястья веревкой.

Дядя Джек перестал улыбаться и взглянул на судью Брудера.

— Тор, ты так и не смог понять, как много мы с судьей сделали для твоих отца и дедушки. Естественно, мы знали, как следует поступать. Но ты доставил нам немало неприятностей, и сейчас мы покажем тебе, как следует обращаться с маленькими детьми, которые не ценят добра. Мы хорошенько проучим тебя. Готовы, судья?

Брудер кровожадно оскалился и вытащил из-за спины хлыст.

— Привяжите-ка его к лавке!

Торби проснулся в холодном поту. Боже, ну и кошмар! Он оглядел тесный гостиничный номер и попытался вспомнить, где теперь находится. Уже несколько дней Торби ежедневно переезжал с места на место, иногда — на другой конец планеты. Он уже достаточно освоился с нравами и обычаями Земли, чтобы не привлекать к себе внимания, и даже купил себе поддельные документы, не уступавшие по качеству настоящим. Это оказалось не так уж трудно: Торби быстро выяснил, что подпольный бизнес везде живет по одним и тем же законам.

Наконец он вспомнил: он находится в Южной Америке.

Прозвенел будильник. Полночь — пора уматывать отсюда. Юноша оделся и, бросив взгляд на свой багаж, решил оставить его. Спустившись по черной лестнице, он вышел из отеля через заднюю дверь.

Тетке Лиззи не нравился холодный климат Юкона, но она терпела. Время от времени Леде сообщали по телефону, что на рождественские покупки осталось лишь несколько дней, и им приходилось уезжать. Торби ухитрился позвонить лишь из Ураниум-Сити. С экрана улыбался Гарш.

— Увидимся в окружном суде графства Радбек, четвертое отделение, в девять пятьдесят девять утра четвертого января. А теперь исчезни и замети следы.

В Сан-Франциско Леда в присутствии тетки Лиззи закатила Торби скандал. Она хотела ехать в Ниццу, Торби настаивал на Австралии. Наконец он гневно заявил:

— Забирай свой аэрокар, я поеду один!

Он выбежал вон и купил себе билет до Большого Сиднея.

Он проделал старый, как мир, трюк с туалетной комнатой, на метро перебрался на другую сторону залива и, убедившись в том, что избавился от своего телохранителя, пересчитал деньги, которые Леда сунула ему тайком во время их прилюдной ссоры. Там была еще записка с извинениями: Леда не смогла собрать больше, так как деньги потребовались неожиданно.

Сидя в южноамериканском порту, Торби подсчитал, сколько у него осталось наличности, и решил, что потратил совсем неплохо — и время, и деньги. Куда только девалось и то и другое!

В Радбек-Сити его чуть не растерзали репортеры; все вокруг буквально кишело ими. Протолкавшись сквозь толпу, он плюхнулся на скамью рядом с Гаршем в девять пятьдесят восемь. Старик кивнул.

— Сиди здесь. Сейчас выйдет Хиззонер.

Появился судья, и секретарь провозгласил древнюю формулу:

— ...Приблизьтесь, и вас выслушают!

Гарш проворчал:

— Этот судья у Брудера на поводке.

— Тогда что мы здесь делаем?

— Ты платишь мне, чтобы беспокоился я. Любой судья хорош, когда он знает, что за ним внимательно наблюдают. Оглянись.

Торби осмотрелся. Помещение было забито представителями прессы, так что простым гражданам даже стоять было негде.

— Я неплохо потрудился, поверь мне,— Гарш ткнул пальцем в первые ряды.— Вон тот носатый толстяк — посланник Проксимы. А старый мошенник рядом с ним — председатель комитета по законности. А вон тот...— Гарш умолк.

Дядю Джека Торби не видел, но судья Брудер восседал за другим столом, не глядя на юношу. Леда тоже не появлялась, и Торби остро почувствовал одиночество. Покончив со вступительными формальностями, Гарш уселся и прошептал:

— Юная леди велела передать, что она желает тебе удачи.

Торби участвовал в суде как свидетель, и то после многих отводов, контротводов и предупреждений суда. Произнося формулу присяги, он заметил в первом ряду отставного председателя Верховного Суда Гегемонии, который как-то раз обедал в Радбеке. Что происходило потом, Торби не помнил, так как свидетельские показания брались у него под гипнозом, в который его погрузил психотерапевт.

Несмотря на то что каждый пункт обсасывался до бесконечности, лишь однажды слушания едва не приобрели драматический характер. Суд принял возражение Брудера, выдержанное в таком тоне, что по рядам прокатился возмущенный ропот, а некоторые из присутствующих повскакивали с мест. Судья побагровел.

— К порядку! Иначе бейлиф очистит зал!

Началось рассмотрение вопроса об удалении публики из зала, сопровождавшееся протестом репортеров. Однако передние ряды

сидели неподвижно, не сводя глаз с судьи. Высокий посланник Веганской Лиги наклонился к своему секретарю и что-то ему прошептал; тот зашелестел клавишами стенографической машинки.

Судья прочистил горло.

— ...Пока не прекратится беспорядок... суд не потерпит неуважительного отношения...

Торби не без удивления выслушал его заключительную реплику:

— ...Из чего следует заключить, что Крейтон Бредли Радбек и Марта Бредли Радбек погибли одновременно в результате бедствия и отныне считаются умершими. Да упокоятся их души в мире. И пусть будет сделана соответствующая запись,— судья ударил по столу своим молотком.— Если имеются завещания и если здесь присутствуют опекуны или душеприказчики, то пусть они подойдут ко мне!

О собственных акциях Торби даже не упоминалось. Он расписался в получении сертификатов в комнате судьи. Ни Уимсби, ни Брудер при этом не присутствовали.

Когда они с Гаршем выходили из зала, юноша глубоко вздохнул.

— Мне даже не верится, что мы наконец победили.

Гарш усмехнулся.

— Не обманывай себя. Мы лишь выиграли по очкам первый раунд. Отныне расходы только увеличиваются.

На лице Торби появилось глубокое разочарование. Их окружили охранники и принялись расталкивать толпу.

Гарш оказался прав. Брудер и Уимсби продолжали управлять компанией и сдаваться не собирались. Торби так и не увидел доверенностей, выданных его родителями. В сущности, он лишь хотел убедиться в том, что, как он подозревал, единственное различие между теми бумагами и документами, подготовленными судьей Брудером, состояло в словах «подлежит отмене» и «подлежит отмене только по обоюдной договоренности».

Однако, как только суд потребовал предоставить доверенности, Брудер заявил, что они были уничтожены при очистке архивов от ненужных бумаг. За оскорбление суда его приговорили к десяти дням заключения, но исполнение приговора было отсрочено, и на этом все кончилось.

Но, хотя Уимсби и лишился контроля над акциями Крейтона и Марты Радбек, не получил их и Торби; счета были заморожены вплоть до утверждения завещаний. А тем временем Уимсби и Брудер продолжали распоряжаться фирмой, пользуясь поддержкой большинства директоров. Торби не имел права даже появляться в конторе, не говоря уж о его бывшем кабинете.

Уимсби покинул поместье Радбек, и ему выслали его личные вещи. В апартаменты дяди Джека Торби вселил Гарша, и старик частенько оставался там ночевать: у них была масса работы.

Как-то раз Гарш сказал Торби, что уже возбуждены девяносто семь дел, касающихся его имущества; некоторые — против Торби, некоторые — в его пользу. Часть дел отложена, но многим уже дан ход. Завещания были по сути своей просты: Торби — основной наследник. Однако обнаружилось немало затруднений: появились многочисленные родственники, желавшие поживиться хоть чем-нибудь, если завещания не будут утверждены. Вновь был поднят вопрос о законности признания умершими родителей Торби, вопрос об «одновременности» гибели или гибели в разное время, встал даже вопрос о подлинной личности юноши. Во всех этих делах не было даже и следа присутствия Уимсби и Брудера: заявления подавались родственниками и держателями акций, и Торби был вынужден заключить, что кандидатура дяди Джека устраивает очень многих людей.

Однако по-настоящему юношу огорчил только иск, поданный его бабушкой и дедушкой: они предлагали установить над ним опеку ввиду его некомпетентности. В качестве доказательства помимо того неоспоримого факта, что сложная жизнь Терры ему в новинку, приводилась выдержка из медицинского заключения, полученного в гвардии. Доктор Кришнамурти утверждал, что Торби «в потенции эмоционально неустойчив и в состоянии стресса не может нести полной ответственности за свои действия».

Гаршу пришлось устроить Торби скандальный публичный осмотр у личного врача Генерального Секретаря Ассамблеи Гегемонии. Торби был официально признан вменяемым. И тут же последовал шквал требований акционеров признать юношу профессионально непригодным для ведения дел компании «Радбек», как того требовали частные и общественные интересы.

Торби был измучен этими нападками; он начинал понимать, что быть богатым слишком разорительно. Ведение дел в суде и содержание поместья требовали денег, а Торби был по уши в долгах. Он не мог воспользоваться своими же богатствами, так как Уимсби и Брудер продолжали утверждать, будто бы его личность сомнительна, хотя этот вопрос был уже неоднократно решен в пользу Торби.

Прошло немало времени, прежде чем суд, на три степени выше, чем окружной, предоставил, наконец, ему право распоряжаться деньгами родителей (под надзором суда, который вправе был аннулировать свое решение) и право голосовать их акциями до тех пор, пока не будет окончательно улажен вопрос об их имуществе.

Торби созвал общее собрание акционеров для выборов руководства компании, пользуясь правом инициативы акционера, как это предусматривалось местными законами.

Собрание было устроено в конференц-зале поместья. Его посетило большинство акционеров, живших на Терре, хотя многие из них были представлены по доверенностям. В последнюю минуту в зал впорхнула Леда, весело крикнув:

— Привет всем!

Потом она обернулась к своему отцу.

— Папочка, я получила извещение и решила повеселиться, так что вскочила в автобус и примчалась сюда. Надеюсь, я ничего не пропустила?

Она лишь мельком глянула на Торби, хотя он сидел на возвышении вместе с директорами. Юноша почувствовал облегчение и обиду одновременно: он не виделся с Ледой с тех пор, как они расстались в Сан-Франциско. Он знал, что девушка живет где-то в Радбек-Сити и нередко появляется в городе, но Гарш сказал, чтобы он даже не пытался встречаться с ней.

— Только круглый дурак может волочиться за женщиной после того, как она ясно дала понять, что не желает его видеть.

Однако Торби не забывал, что он должен вернуть Леде некую сумму — с процентами, и чем быстрее, тем лучше.

Уимсби попросил тишины и объявил, что в соответствии с повесткой дня собранию предстоит выдвинуть кандидатов и провести выборы.

Молоток с грохотом опустился на крышку стола.

— Сейчас секретарь огласит список кандидатов на пост председателя Совета,— лицо Уимсби озарилось торжествующей улыбкой.

Эта улыбка встревожила Торби. С учетом его собственной доли и доли родителей, он располагал примерно сорока пятью процентами акций. Зная имена акционеров, возбудивших против него дела, а также пользуясь другими источниками информации, он мог заключить, что Уимсби контролирует около тридцати одного процента; Торби нужно было набрать еще шесть. Он рассчитывал, что ему поможет громкое имя «Радбек из Радбека», но надежда была весьма слабая, хотя Уимсби было необходимо набрать из оставшихся голосов втрое больше. Торби не был уверен в том, что дядя Джек еще не «положил их в карман».

Но он встал и, от имени своих акций, выдвинул собственную кандидатуру.

— Тор Радбек из Радбека.

Затем акционеры один за другим отказывались от права выдвижения кандидатуры, и наконец прозвучала фамилия Уимсби. На нем представление закончилось.

— Секретарь огласит список! — объявил Уимсби.

— Прошу сообщить, сколько у вас имеется голосов и сколько вы представляете по доверенности. Клерк сверит номера акций с записями в Главной книге. Тор Радбек... из Радбека!

Торби назвал свои сорок пять процентов и уселся на место, ощущая все возрастающее беспокойство. Он достал карманный калькулятор. Всего было девяносто четыре тысячи голосов, и Торби не мог позволить себе считать в уме. Секретарь зачитал номера, и клерк уткнулся в свои записи. Для того чтобы победить с преимуществом в один голос, Торби нужно было набрать пять тысяч шестьсот пятьдесят семь.

Он начал медленно складывать: двести тридцать два, девятьсот шесть, тысяча девятьсот семнадцать — некоторые напрямую, другие — по доверенностям. Однако на счету Уимсби тоже прибывало. Некоторые акционеры объявляли, что отдают свои голоса доверенному, иные вовсе не отзывались. По мере того как зачитывались все новые и новые имена, обладатели которых никак

не реагировали, Торби начинал подозревать, что все их доверенности находятся в руках Уимсби. Однако счет Радбека из Радбека рос — две тысячи двести пять, три тысячи тридцать шесть, четыре тысячи триста девять... и вдруг все кончилось. На оставшиеся имена никто не откликнулся.

Гарш склонился к уху Торби.

— Остались только наши приятели.

— Я знаю,— Торби убрал калькулятор. Что ж, в конце концов Уимсби победил.

Было ясно, что секретаря заранее проинструктировали, чьи имена назвать под занавес.

— Его честь Курт Брудер!

Брудер отдал свой единственный голос Уимсби.

— Наш председатель, мистер Джон Уимсби!

Уимсби встал, радостно улыбаясь.

— Лично мне принадлежит только одна акция. Но в силу доверенностей, которые я получил и которые находятся у секретаря, я...

Торби не стал слушать и потянулся за своей шляпой.

— Подсчет голосов завершен, и я хотел бы...— начал секретарь.

— Нет!

Леда вскочила на ноги.

— Я присутствую здесь лично! Это мое первое собрание, и я собираюсь участвовать в голосовании!

Уимсби поспешно забормотал:

— Все в порядке, Леда, ты не должна вмешиваться,— он обернулся к секретарю.— Это не повлияет на результат.

— Еще как повлияет! Я отдаю свои тысячу восемьсот восемьдесят голосов Тору, Радбеку из Радбека.

Уимсби вытаращил глаза.

— Леда Уимсби!

— Мое имя — Леда Радбек! — звонким голосом объявила девушка.

— Незаконно! — вскричал Брудер.— Голоса подсчитаны! Это уж слишком...

— Ничего подобного! — ответила Леда.— Я здесь, и я голосую. Я отозвала свою доверенность. Это зарегистрировано в почтовом

отделении на первом этаже, и я предъявила оформленный и подписанный документ официальным лицам корпорации — я правильно выражаюсь, судья? — за десять минут до начала собрания. Если не верите — убедитесь сами. Впрочем, какая разница? Я сама здесь. Можете меня потрогать, — она обернулась к Торби и улыбнулась ему.

Торби попытался выдавить ответную улыбку и гневно прошептал Гаршу:

— Почему вы держали это в секрете?

— Чтобы наш «честный Джим» не сообразил, что ему следует выпросить, занять или купить недостающие голоса. Тогда он вполне мог выиграть. Леда по моему совету держала его в счастливом неведении. Вот это девушка! Смотри, не упусти ее.

Пятью минутами позже Торби, бледный и потрясенный, поднял молоток, брошенный Уимсби, и посмотрел в зал.

— Приступаем к выборам членов правления,— объявил он нетвердым голосом. Список, составленный им и Гаршем, не вызвал возражений. В него было внесено лишь еще одно имя: Леда Радбек.

Она вновь вскочила на ноги.

— Что вы? Как можно!

— Возражение отклоняется. Вы взяли на себя ответственность, так несите ее.

Девушка умолкла и села на место.

Как только секретарь объявил результаты, Торби обратился к Уимсби:

— Вы еще и генеральный управляющий, не так ли?

— Да.

— Вы уволены. Ваша акция аннулирована. Не пытайтесь вернуться в свой бывший офис. Забирайте свою шляпу и уходите.

Брудер вскочил с места. Торби обернулся к нему.

— И вы тоже. Сержант, проводите их к выходу.

Глава 23

Торби мрачно глядел на стопку бумаг, каждая из которых была помечена грифом «срочно». Он взял один документ, начал его читать... и отложил в сторону.

— Долорес, переключите все вызовы на меня, и можете идти домой.

— Сэр, я могу задержаться.

— Я же сказал: отправляйтесь домой. Неужели вы надеетесь найти себе мужа, имея такие синяки под глазами?

— Спокойной ночи.

Хорошая девушка, ей можно доверять, подумал он. По крайней мере — ему хотелось на это надеяться. Торби вовсе не хотел оказаться «метлой, которая чисто метет». Администрация должна продолжать работу. Он набрал номер.

Безликий голос произнес:

— Скрэмбл семь.

— «Прикованный Прометей»,— ответил Торби,— плюс девять будет шестнадцать.

— Скрэмбл организован.

— Здесь тоже,— подтвердил Торби.

На экране появилось лицо генерала «Смита».

— Привет, Тор.

— Мне очень жаль, но нашу ежемесячную встречу опять пришлось отложить. Мне бы не хотелось этого делать, но посмотрите на мой стол.

— Никто и не думал, что ты станешь отдавать делам корпуса все свое время.

— Черт побери! Именно это я и собирался сделать: разгрести дерьмо, приставить к делу подходящих людей и уйти в корпус! Но это не так-то просто.

— Тор, ни один нормальный офицер не позволит себе расслабиться до тех пор, пока в его подразделении не будет наведен порядок! И мы оба знаем, что у тебя на многих участках неладно.

— Так... В общем, я пока не могу с вами встретиться. У вас есть пара минут?

— Ну, Бог с тобой,— смилостивился «Смит».

— Мне кажется, я нашел одного парня, который мог бы охотиться на дикобразов. Вы не забыли?

— Еще бы. «Дикобраза не едят».

— Точно! Но, чтобы понять ваши слова, мне пришлось отыскать изображение этого животного. Пользуясь лексиконом Тор-

говцев, можно сказать так: чтобы придушить какое-либо дело, надо сделать его неприбыльным. Нападение на корабли с целью захватить людей в рабство — по сути своей обычный бизнес, так что покончить с ним можно, лишь поставив на его пути красный свет. И если потенциальные жертвы пиратов утыканы иглами, к ним никто не подступится.

— Если бы мы располагали такими средствами...— ответил шеф корпуса.— А что, у тебя есть какие-то идеи насчет оружия?

— За кого вы меня принимаете? За гения? Ну ладно, скажу: кажется, мне удалось найти одного парня. Его зовут Джоэл Делакруа. По-видимому, этот парень — ярчайшая звезда МТИ. Как-то раз я говорил с ним о задачах, которые мне приходилось решать на посту корабельного стрелка «Сизу». И он тут же предложил одну великолепную идею... Он сказал: «Тор, это же просто смешно: парализующий луч выводит из строя корабль, вооружения которого хватило бы, чтобы зажечь маленькую звезду».

— Очень маленькую. Но я с ним согласен.

— Отлично. Так вот, я отправил Джоэла в наши Гавермейерские лаборатории в Торонто. Как только ваши ребята одобрят его планы, я дам ему грузовик денег и полную свободу действий. Я расскажу ему все, что знаю сам о тактике рейдеров и прочих вещах — у меня не будет времени работать с ним лично, но уж то, что у меня в голове, я ему отошлю обязательно. Меня последнее время буквально разрывают на части.

— Но ему потребуются хорошие помощники. В домашней мастерской такие исследования провести невозможно.

— Знаю. Я представлю вам имена, как только у меня будет время этим заняться. Для проекта «Дикобраз» Делакруа получит столько средств и людей, сколько будет нужно. Скажите лишь, сколько таких установок я смогу продать гвардии?

— Что?

— Мне нужно делать дело. Если будут убытки, меня попросту уволят. Я мог бы осыпать проект «Дикобраз» дождем мегабаков, но я отчитываюсь перед директорами и акционерами. Если выйдет что-то путное, я мог бы продать несколько сотен установок Вольным Торговцам и какое-то количество передать своим собственным предприятиям. Но для того, чтобы оправдать расходы,

мне нужна уверенность, что у меня будет большой потенциальный рынок. Сколько может взять гвардия?

— Тор, ты напрасно беспокоишься. Даже если ты не изобретешь сверхоружия — кстати, тут твои шансы невелики, то все равно исследования, производимые твоими лабораториями, окупятся. Акционеры ничего не потеряют.

— Я не зря беспокоюсь. Я добился своего поста лишь незначительным большинством голосов; собрание акционеров может вышвырнуть меня на улицу хоть завтра. Я уверен: исследования окупятся. Быстро ли? Не знаю. Можете быть уверены: люди, желающие избавиться от меня, знают о каждом моем шаге. И мне приходится отчитываться за каждый доллар.

— Может быть, заключим контракт на исследовательские работы?

— И чтобы ваш подполковник дышал в затылок моим ребятам и говорил, что они должны делать? Я же сказал: мы намерены предоставить им полную свободу действий.

— М-да... Может быть, составить протокол о намерениях? Мы заплатим по максимуму. Придется просить аудиенции у Главнокомандующего. Он сейчас находится на Луне, а я не смогу выкроить время, чтобы отправиться туда лично. Так что придется подождать несколько дней.

— Я ждать не стану; мне достаточно вашего слова. Расправлюсь со своими делами и завяжу с этой сумасшедшей работой; если даже вы не возьмете меня в корпус, я уж во всяком случае смогу стать простым артиллеристом.

— Зайди ко мне вечерком. Я зачислю тебя и тут же прикажу исполнять свои обязанности на том месте, которое ты сейчас занимаешь.

У Торби отвисла челюсть.

— Вы не можете так поступить со мной!

— Если ты будешь таким идиотом, что поступишь под мое начало, я так и сделаю, Радбек!

— Но...— Торби умолк. Спорить не имело смысла: впереди еще была бездна работы.

— Хочешь сказать что-нибудь еще? — добавил «Смит».

— Э-э... нет.

— Я займусь Делакруа завтра же. Увидимся позже.

Торби дал отбой, и на душе стало еще пасмурнее. Дело было не в полушутливой угрозе генерала; необходимость потратить большие средства, принадлежавшие другим людям, на проект, который мог провалиться, тоже не беспокоила его. Просто он взялся за работу, которая оказалась гораздо труднее, чем можно было ожидать.

Он взял из стопки верхний лист и вновь положил его обратно. Нажав клавишу, соединился с поместьем. На экране появилось лицо Леды.

— Я сегодня опять задержусь. Ты уж извини меня.

— Ну что ж, придется перенести начало обеда на более поздний срок. Пускай гости развлекаются, а я присмотрю на кухне за канапе.

Торби покачал головой.

— Не надо, садитесь за стол. В крайнем случае, поужинаю прямо здесь. Может быть, даже заночую.

Леда вздохнула.

— Если, конечно, ты вообще ляжешь спать. Давай договоримся, мой милый глупыш: ты отправишься в постель не позже полуночи и встанешь не раньше шести. Обещаешь?

— Хорошо. Постараюсь.

— Уж постарайся, или будешь иметь дело со мной. Пока!

На сей раз Торби даже не прикоснулся к верхнему листу. Он просто сидел и размышлял. Хорошая девушка Леда, она даже пыталась помочь ему в делах, пока не стало ясно, что бизнес — не самая сильная ее сторона. Но Леда оказалась единственным огоньком во тьме, единственной, кто неизменно оказывал Торби поддержку. И не будь женитьба проклятьем для гвардейца... нет, он не мог так поступить с Ледой; к тому же Леда не давала ему повода думать, что она вообще захочет выйти за него. Кстати, он поступил очень некрасиво, отказавшись в последнюю минуту явиться на званый обед. И вообще в последнее время он вел себя не лучшим образом. Надо постараться быть более внимательным к девушке.

На первый взгляд все казалось самоочевидным: взять управление в свои руки и провести дезинфекцию в секторе, ведущем

дела с Саргоном. Но чем глубже он вникал в ситуацию, тем больше видел сложностей. Налоги... дела с налогами всегда были чертовски запутаны. Вот, скажем, программа колонизации новых планет, предложенная Веганской Лигой,— откуда ему знать, стоящее ли это дело, ведь он там не бывал и ничего не видел! А если бы и побывал и посмотрел — разве это помогло бы ему? И как найти время?

Это смешно, но владелец сотен звездолетов автоматически, вследствие этого, лишен возможности взойти на борт одного из них и отправиться в космос. Может быть, через год-два...

Черт побери, но эти проклятые завещания даже и тогда не будут еще утверждены окончательно! Уже прошло два года, а суды все тянут эту резину. Неужели вопрос о смерти родителей нельзя решить прилично, как это делают Торговцы?

И пока тянется дело, он не может взяться за работу папы.

Конечно, кое-что сделать удалось. Он предоставил корпусу архивы Радбеков, тем самым прояснив некоторые детали; генерал рассказал ему о рейде, вычистившем одно из прибежищ работорговли. Успех налета обеспечили сведения, полученные от служащих компании, которые даже не догадывались о значении этих сведений.

А может быть, все-таки кто-то догадывался? Порой ему казалось, что Уимсби и Брудер все знали, иногда он думал, что нет, ведь все документы свидетельствовали о полной законности их деятельности... Правда, иногда их партнерами оказывались сомнительные личности. Но кто знал, что это за люди?

Торби открыл ящик стола и извлек папку, на которой не было надписи «срочно» только потому, что он вообще никогда не выпускал ее из рук. По его мнению, папка содержала самые неотложные дела компании, а может быть, и всей Галактики — даже более срочные, чем проект «Дикобраз», который представлялся делом отдаленного будущего. То, что было в этой папке, могло нанести тяжелый удар по работорговле или как минимум серьезно подорвать ее. Однако дело шло медленно, и впереди был непочатый край работы.

Слишком много дел. Бабушка любила повторять, что никогда не следует покупать больше яиц, чем влезает в корзинку. Инте-

ресно, где она выискала такое сравнение? Вольные Торговцы не покупали яиц. А у Торби скопилось множество корзин, в каждой из которых их явный излишек. И каждый день приносит новую корзину.

Разумеется, в трудную минуту он мог спросить себя: «А что бы сделал на моем месте папа?» Брисби говорил так: «Я просто задаю себе вопрос: как бы поступил полковник Баслим?» Это помогало, особенно когда он вспоминал о словах судьи, который призывал его проявить осторожность в тот день, когда акции его родителей окончательно перейдут к нему:

— Никто не может обладать чем-либо единолично, и чем больше богатство человека, тем в меньшей степени оно принадлежит ему. Вы не в силах распоряжаться собственностью по своему собственному усмотрению и не имеете права делать глупости. Ваши интересы перекрываются интересами акционеров, служащих и всего общества в целом.

Прежде чем приступить к проекту «Дикобраз», Торби мысленно обсудил это предостережение с папой.

Судья был прав. Как только Торби возглавил компанию, его первым желанием было сразу же прекратить всякую деятельность Радбеков в зараженном работорговлей секторе и тем самым нанести ей сокрушительный удар. Но это было невозможно. Борясь с преступниками, нельзя наносить ущерб тысячам и миллионам честных тружеников. Здесь требовалось тонкое хирургическое вмешательство.

Именно этим Торби и пытался заниматься сейчас. Он принялся изучать содержимое безымянной папки.

В дверь просунулась голова Гарша.

— Все корпишь? Что за спешка, парень?

— Джим, где найти десяток честных людей?

— Хм... Диоген был бы счастлив найти хотя бы одного. И с этим не смог справиться.

— Вы знаете, о чем я толкую. Мне нужны десять честных грамотных специалистов, которые могли бы возглавить представительства Радбеков на различных планетах. («И таких, против которых не возражал бы корпус»,— добавил про себя юноша).

— Ничего себе проблемка.

— А что еще можно сделать? Я бы заменил ими управляющих, работающих в зловонном секторе. Просто уволить управляющих нельзя; нам придется принять их здесь. Ведь нам ничего наверняка не известно. А новым людям мы сможем доверять, они разберутся в принципах работорговли и поймут, что именно нужно искать.

Гарш пожал плечами.

— Да, это лучшее, что только можно придумать. Но не думай, что нам удастся решить задачу одним лихим наскоком; столько честных и квалифицированных специалистов зараз не найти. И уж конечно, парень, вряд ли ты сумеешь отыскать решение прямо сейчас, даже если будешь пялиться в эти списки всю ночь напролет. Когда ты станешь стариком вроде меня, то поймешь, что нельзя заниматься всем сразу, если не хочешь загнать себя в гроб. Все равно когда-нибудь ты умрешь, и работу продолжит кто-то другой. Ты мне напоминаешь человека, который вознамерился сосчитать все звезды на небе. Чем быстрее он считал, тем больше вспыхивало звезд. И тогда он отправился на рыбалку. Ты должен поступать так же, и чем раньше и чаще, тем лучше.

— Джим, чего ради вы связались со мной? Все уже давно ушли, а вы все здесь.

— Потому что я старый идиот. Кто-то ведь должен тебе помочь. К тому же я радуюсь возможности хорошенько врезать по такому грязному делу, как работорговля. И это — единственный способ. Я уже слишком стар и толст, чтобы действовать по-другому.

Торби кивнул.

— Это уж точно. Вот я мог бы бороться по-своему, но, черт побери, у меня так много обязанностей, что я не в силах выкроить ни секунды на все то, что мне следовало бы делать, и уж конечно, у меня никогда не будет ни малейшей возможности делать то, что я хочу!

— Это всеобщий закон. Чтобы выстоять в этой жизни, ты должен время от времени позволять себе делать то, что тебе больше всего хочется. Давай начнем прямо сейчас. Не станем ничего планировать на завтра, а просто прихватим пакет с бутербродами и отправимся глазеть на красивых девушек.

— У меня на завтра назначен званый обед. Я хотел сегодня поработать подольше.

— Ничего подобного. Даже стальной корабль порой нуждается в ремонте. Так что забудь о делах.

Торби глянул на стопку бумаг.

— Ну ладно.

Старик жевал бутерброд, прихлебывал пиво и смотрел на красивых девушек. На его лице играла улыбка невинного удовольствия. Вокруг было полно красоток: в Радбек-Сити всегда хватало шоу-звезд.

Торби не обращал на них внимания. Он размышлял.

Человек не должен забывать о возложенной на него ответственности. Не должен капитан, не должен и старший помощник. Но Торби не видел никакой возможности вступить в корпус Баслима, не нарушая этого принципа. И все же Джим прав: здесь также было поле битвы с грязным бизнесом — торговлей невольниками.

Даже если ему не нравится такой способ борьбы? Да. Полковник Брисби, вспоминая о Баслиме, как-то раз сказал: «...если ты предан делу свободы, то ради нее отказываешься от своей собственной свободы... живешь, как нищий, как раб... или даже гибнешь ради того, чтобы жила свобода».

Да, папа... но я не знаю, как взяться за это дело. Я лишь пытаюсь, иду ощупью, ведь у меня нет никаких способностей к этой работе.

— Чепуха! — отвечал Баслим.— Ты можешь выучиться всему, если сумеешь себя заставить. Ты научишься, даже если мне придется оторвать твою глупую башку!

Из-за плеча папы выглядывала бабушка, кивая в знак одобрения и серьезно глядя на юношу. Торби кивнул ей в ответ.

— Да, бабушка! Хорошо, папа! Я постараюсь.

— Надо не просто постараться. Этого мало.

— Да, папа.

— А теперь ступай обедать.

Торби послушно потянулся за ложкой, но увидел, что перед ним вместо миски с похлебкой лежит сэндвич.

— Что ты бормочешь? — спросил Гарш.

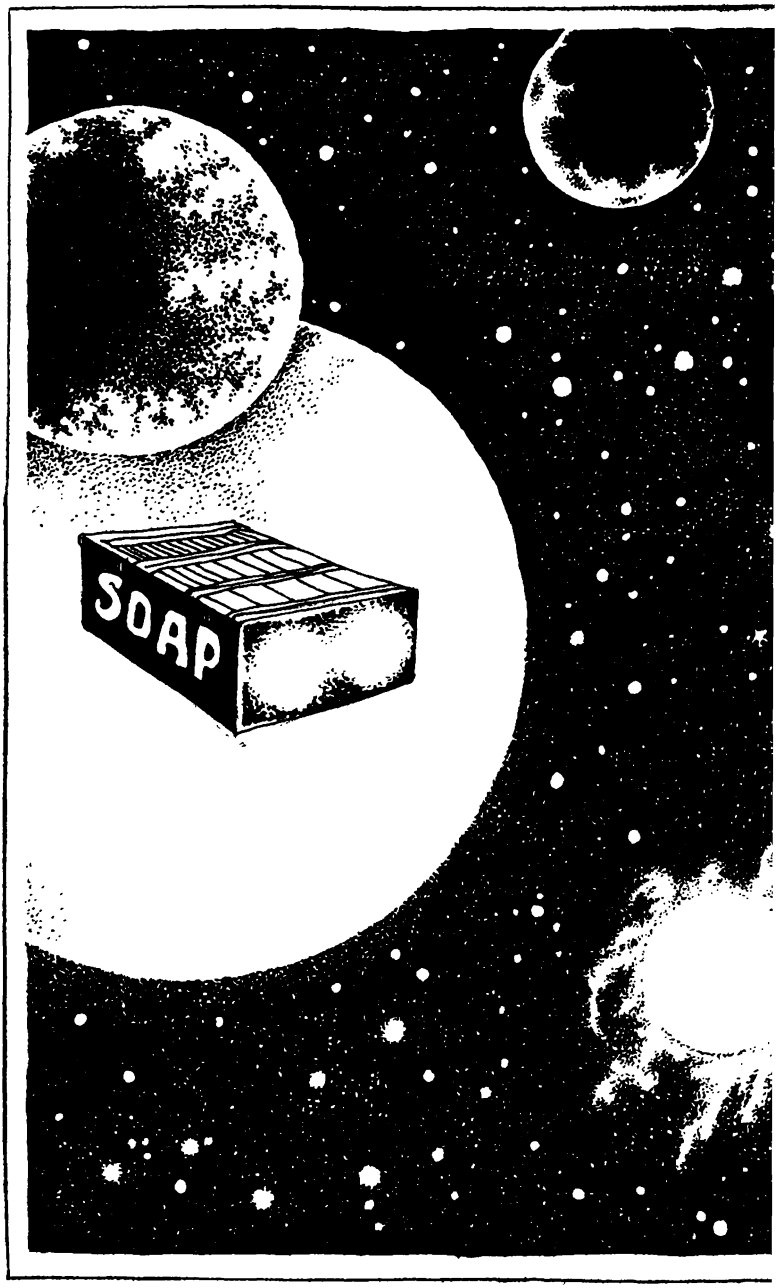
— Ничего. Принял одно решение.

— Дай своим мозгам отдохнуть и раскрой пошире глаза. Для всего есть свое время и свое место.

— Вы правы, Джим.

— Доброй ночи, сынок,— шепнул старик нищий.— Добрых снов... и удачи тебе!

ИМЕЮ СКАФАНДР, ГОТОВ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

SOAP

© Е. Беляева, А. Митюшкин, перевод

Глава 1

Понимаете, скафандр-то у меня был.

А вышло это так.

— Пап,— сказал я однажды,— я хочу слетать на Луну.

— Валяй,— ответил он и вновь уткнулся в свою книжку. Отец опять перечитывал «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома Джерома. Он ее, ей-богу, уже наизусть выучил.

Я уточнил:

— Пап! Я серьезно.

На сей раз он заложил книжку пальцем и невозмутимо ответил:

— Я же сказал: «Валяй!». Отправляйся.

— Ага... но *как*?

— Как? — он, кажется, слегка удивился.— Ну это уж ты сам реши, Клиффорд.

Вот такой у меня папа. Когда я сказал ему, что хочу купить велик, он точно так же буркнул, даже не взглянув на меня: «Валяй»,— и я отправился к корзинке в гостиной, чтобы взять денег на велосипед.

Но там оказалось всего-то 11 долларов и 43 цента, и велосипед мне достался примерно через тысячу миль скошенных газонов. С папой говорить на тему денег бесполезно, потому что если уж в корзине денег нет — то нигде нет. Папа не связывался с банками; деньги складывались в корзинку, да рядышком еще стояла еще одна с надписью «Дядя Сэм». Ее папа раз в год опорожнял и все содержимое отправлял по почте правительству. Налоговую

службу этой манерой он просто доводил до бешенства, и однажды те прислали своего человека, чтобы разобраться.

Вскоре чиновник ошалел.

— Но... доктор Рассел... нам, конечно, известны ваши былые заслуги... Но это ведь не основание пренебрегать отчетностью!

— Да я и не пренебрегаю,— ответил папа.— Все тут,— он постучал себя по лбу.

— По закону положено — в письменной форме.

— Еще чего,— хмыкнул папа.— Закон, кстати, не требует, чтобы я был грамотным. Кофе?

Посетитель пытался убедить отца расплачиваться чеками или по безналичному расчету. Папа прочел ему надпись на долларовой купюре: «является законным платежным средством по всем долгам, общественным и частным».

Вконец отчаявшись извлечь хоть какой-то прок из своего визита, чиновник убедительно попросил папу не заполнять графу «род занятий» словом «шпион».

— А что?

— Ну как же? Вы ведь не шпион — так людей-то не смущайте.

— А ФБР вы запрашивали?

— Э-э... Нет.

— Впрочем, они все равно не ответят. Но вы были так любезны, что я, пожалуй, буду писать «безработный шпион». Устроит?

Налоговый агент чуть не забыл свой портфель. Папу ничем не пронять, он обычно тверд, как железо.

Так что когда он мне сказал, что на Луну я лететь могу, а как — дело мое,— именно это и имелось в виду. Я мог бы отправляться хоть завтра, если бы меня взяли на корабль.

Впрочем, отец задумчиво добавил:

— Сынок, на Луну можно попасть по-разному. Испытай все возможности... Вот — как в этой книжке. Они пытаются открыть банку ананасов, а Гаррис забыл открывалку в Лондоне. И они пробуют разные способы.

Он принялся увлеченно цитировать, а я улизнул — я слышал этот кусок раз пятьсот. Ну ладно, три сотни.

Я отправился в свою мастерскую в сарае и принялся размышлять об этих способах. Один способ: поступить в Летную Акаде-

мию в Колорадо Спрингс. При соблюдении ряда условий — что я поступлю, что я окончу, что меня возьмут в Космический Корпус Конфедерации — есть некий шанс распределиться на Лунную базу. Или хотя бы на одну из орбитальных станций.

Еще способ: выучиться на инженера, получить работу на ядерных установках, как-то выделиться и выбить шанс попасть на Луну... Десятки, а может, и сотни инженеров побывали на Луне, их там и сейчас полным-полно — электронщики, криогенщики, металлурги, специалисты по керамике, по кондиционированию воздуха — ну и, само собой, ракетчики.

Впрочем... Из миллиона инженеров на Луну попадает горстка. Н-да... В детстве мне даже роль почтальона в играх редко доставалась.

Еще можно стать военным врачом (юристом, геологом, инженером-инструментальщиком...) и болтаться на Луне, причем за хорошую зарплату — если только ты сумел стать незаменимым. Мне на зарплату наплевать; но как стать незаменимым?

И есть еще один незамысловатый способ — заработать вагон денег и купить билет. Думать об этом все равно было без толку — денег у меня было восемьдесят семь центов.

Но мысли о Луне меня не оставляли. Космосом в нашей школе бредила половина ребят, другая половина притворялась, что им все равно (шансов, мол, никаких!), да была еще горстка уродов, которые бы не покинули Землю ни под каким видом. Мы долго на эту тему дискутировали, и кое-кто объявил, что умрет, а слетает.

Я помалкивал, но тут «Американ Экспресс» и «Кук и Сын» предложили всем желающим лунный туризм! Я увидел их рекламу в «Нэшнл Джеографик» в приемной у зубного врача. В этот миг я переродился.

Мысль о том, что любой толстосум может просто выложить наличные и отправиться в круиз, была невыносима.

Я просто обязан был лететь. И я никогда не смогу заплатить за это — во всяком случае, в обозримое время, так что не стоит и думать об этом. Что же сделать, чтобы меня *отправили*?

Все знают истории про парней, бедных-но-честных, которые в финале всего добиваются, потому что они умнее всех в графстве, а может, и в стране. Но это не про меня.

Среди выпускников я входил в первую четверть по успеваемости, но за это не дают стипендию в МТИ — во всяком случае, выпускникам нашей школы. Это факт — наша школа не из лучших. Ходить-то туда интересно — мы чемпионы лиги по баскетболу, и наша группа заняла второе место в штате по кадрили, а по средам у нас танцы. То есть с этим все в порядке.

А вот с учебой похуже.

Упор делается на то, что наш директор, мистер Хэнли, называет «подготовкой к жизни», а не на тригонометрию. Может, к жизни это и подготавливает, но к Калифорнийскому Техническому университету точно не готовит.

Я не сам дошел до этой мысли. В прошлом году я притащил домой анкету по обществоведению для нашего группового проекта «Семейная жизнь». Одним из вопросов было: «Как организован ваш семейный совет?»

За обедом я спросил:

— Пап, как организован наш семейный совет?

Мама сказала:

— Не мешай отцу, солнышко.

Но папа заинтересовался:

— А? Дай-ка сюда.

Он прочел анкету — и велел мне принести учебники. Дома у меня их не было, так что он послал за ними в школу. К счастью, школа была открыта, шли репетиции Осеннего бала. Папа редко отдавал приказы, но уж тогда — умри, а исполни.

Программа в тот семестр у меня была отличная: обществоведение, коммерческая арифметика, практика английского (класс выбрал тему «Лозунги», все очень веселились), труд (мы мастерили декорации для бала) и физкультура — то есть для меня баскетбол; для основной команды я был низковат, но надежному запасному в выпускном классе дают рекомендацию в университетскую команду. В общем, в школе у меня все было нормально, и я это знал.

Папа прочел мои учебники за ночь; он вообще быстро читает. По обществоведению я написал, что в нашей семье неформальная демократия; это сошло. Все стали обсуждать, должен ли председатель совета ротироваться или избираться и будет ли дедушка, живущий в семье, обладать легитимностью. Решили, что

дедушка вправе входить в совет, но не может быть председателем. Потом мы сформировали подкомиссии по выработке конституции идеальной семьи, чтобы представить эту конституцию нашим семьям, как результат исследований.

В школе несколько дней крутился папа, что меня беспокоило,— когда предки проявляют излишнюю активность, они явно что-то замышляют.

В субботу вечером папа позвал меня в кабинет. На столе у него возвышалась стопка учебников и полный учебный план нашей школы, от американских народных танцев до естествознания. На нем была размечена моя программа, и не только на текущий год, но и на два года вперед, как распланировали мы с моим классным руководителем.

Папа воззрился на меня невинным кузнечиком и ласково спросил:

— Кип, а в колледж ты поступать собираешься?

— Ха, ну конечно, пап!

— Каким образом?

Я растерялся. Вообще-то я догадывался, что это стоит денег. И хотя бывало, конечно, что долларовые бумажки переполняли корзину, обычно ее содержимое можно было пересчитать очень быстро.

— Ну, может я получу стипендию. Или буду подрабатывать.

Он кивнул.

— Не сомневаюсь... если захочешь. Денежные проблемы решаются легко, если их не бояться. Но когда я спросил «каким образом?», я имел в виду вот это.

Он постучал по своему черепу.

Я просто обалдел.

— Но если я закончу школу, пап,— я же поступлю в колледж.

— Может быть, поступишь. В том случае, если ты пойдешь в университет нашего штата или другого сельскохозяйственного округа. А ты знаешь, Кип, что на первом курсе вылетает сорок процентов студентов?

— Я не вылечу!

— Может, и не вылетишь. Но скорее — вылетишь, если выберешь любую серьезную специальность: инженерное дело, естествознание

или медицину. Ты вылетишь, если твоя подготовка ограничится вот *этим*,— он потряс программой.

Я остолбенел.

— Но у нас отличная школа, пап,— я попытался припомнить, что нам говорили на Учительско-Родительской ассоциации.— «Система преподавания основана на новейших научных разработках, одобрена психологами, и...»

— ...и обеспечивает шикарные зарплаты высококвалифицированным педагогическим кадрам. Учебные проекты выявляют практические проблемы человечества и ориентируют ребенка на жизнедеятельность в демократическом обществе, готовят его к решению жизненных проблем в сложных современных условиях. Прости, сынок; я разговаривал с мистером Хэнли, он простоватый человек и говорил без лукавства... Для достижения этих благородных целей мы тратим больше денег в расчете на одного учащегося, чем любой другой штат, кроме Калифорнии и Нью-Йорка.

— Ну... и что в этом плохого?

— Что такое обособленное деепричастие?

Я не ответил.

— Почему Ван Бюрен проиграл перевыборы? Как извлечь кубический корень из восьмидесяти семи?

Ван Бюрен когда-то был президентом, это все, что я про него помнил. Но на последний вопрос я ответил:

— Чтобы извлечь кубический корень, надо посмотреть таблицу в конце учебника.

Папа вздохнул.

— Кип, ты что, думаешь, что эту таблицу принес с неба архангел?

Он скорбно покачал головой.

— Это я виноват, не ты. Мне бы раньше подумать... Но я считал — раз ты любишь читать, быстро считаешь, умеешь работать руками, так, значит, с образованием у тебя все в порядке.

— А разве нет?

— Конечно, нет. Сынок, ваша школа — замечательное заведение, ее хорошо оборудовали, грамотно организовали, содержат в чистоте. У вас не «чернильные джунгли», и ученикам, по-види-

мому, школа нравится. Но *это*...— папа со злостью хлопнул по программе.— Болтовня! Мушиная возня! Трудотерапия для слабоумных!

Я не знал, что и сказать. Папа нахмурился, сел и выдал:

— По закону ты должен посещать школу до восемнадцати лет или сдать экстерном.

— Да, сэр.

— Ваша школа — пустая трата времени. В ней даже самая сложная программа не нагрузит твои мозги. Но иначе придется отослать тебя в другой город.

— Наверное, это кучу денег стоит.

Мое замечание он проигнорировал.

— Частные школы я не одобряю, мальчишка должен жить в семье. Конечно, в престижной частной школе где-нибудь на востоке тебя натаскают для поступления в Станфорд или Йел, да в любой из лучших университетов. Но там легко нанюхаться этих веяний — дурацких идей насчет денег, социального положения, модного портного... Я в свое время несколько лет от них избавлялся. Мы с твоей матерью не случайно выбрали маленький городок, чтобы ты провел в нем детство.

Я вздохнул с облегчением.

— Вот ты хочешь поступать в колледж. Собираешься ли ты получить профессию? Или хочешь окончить краткосрочные курсы по последним способам изготовления пасхальных свечек? Сынок, это твоя жизнь, и ты можешь делать с ней все, что хочешь. Но если ты думаешь поступить в хороший университет и заниматься чем-нибудь стоящим, то мы должны подумать, как лучше всего потратить следующие три года.

— Боже мой, пап, конечно, в хороший...

— Скажешь, когда все обдумаешь. Спокойной ночи.

Я думал об этом целую неделю. И начал понимать, что папа прав. Наш проект «Семейной жизни» был чепухой. Что ребятишки знают о семейных проблемах? Да что там, что знает о них наша классная дама мисс Финчли, незамужняя и бездетная? Класс единодушно решил, что у каждого ребенка должна быть собственная комната и деньги на карманные расходы, «чтобы научиться с ними обращаться». Это, конечно, здорово... а как быть с семьей

Квинлан, где девять детей в доме из пяти комнат? Глупости все это.

Коммерческая арифметика была не такой ерундой, но все равно оказалась тратой времени. В первую же неделю я прочел весь учебник, а потом только плевал в потолок.

Папа перевел мое внимание на алгебру, испанский язык, общее естествознание, английскую грамматику и риторику; от прежней программы только физкультуру и оставил. Он завалил меня книгами и сказал:

— Клиффорд, ты бы давно знал все это, если бы не застрял в яслях для недорослей. Усвоишь — сдашь вступительные экзамены в колледж. Может быть.

После этого папа от меня отстал. Как он и сказал — выбор был за мной. Я едва не завяз в книгах — они были *трудные*, не та полупереваренная кашка, которой кормили в школе. Если вы думаете, что самостоятельно учить латынь — все равно, что орехи щелкать, то попробуйте сами.

Я впал в отчаяние и чуть не опустил руки — но потом разозлился и разошелся. Вскоре я обнаружил, что после латыни легче учится испанский и наоборот. Когда мисс Фернандес, наша испанка, узнала, что я учу латынь, она стала мне помогать. Я не только осилил Вергилия, но и по-испански стал говорить не хуже иного мексиканца.

Из математики наша школа предлагала только основы алгебры и Евклидову планиметрию. Я самостоятельно прошел высшую алгебру, стереометрию и тригонометрию. Для поступления в колледж этого бы хватило, но математика хуже семечек. Аналитическая геометрия почище греческого языка — пока не разберешься — зато потом, если знаешь алгебру, все вдруг встает на свои места, и до конца учебника летишь на одном дыхании. Полный отпад!

Потом дело дошло до дифференциального и интегрального исчислений, а когда я заинтересовался электроникой, понадобился векторный анализ. Единственным естественнонаучным предметом у нас в школе было общее естествознание, и было оно воистину общим — на уровне популярных статей. Но когда прочтешь что-то по химии или физике, то хочется заняться и этим. В на-

шем сарае я устроил фотохимическую лабораторию, электронный стенд и даже любительскую радиостанцию. Мама разнервничалась, когда от взрыва повылетали стекла и начался небольшой пожар, но папа остался невозмутим. Он только посоветовал не синтезировать взрывчатых веществ в деревянных строениях.

В выпуском классе я сдал экзамены по вступительной программе колледжа.

Именно в том году ранней весной я и заявил, что хочу полететь на Луну. Идея окончательно оформилась после объявления о туристских полетах, однако я «сдвинулся на космосе» много раньше — с тех пор, как стало известно, что Космический Корпус Конфедерации возвел базу на Луне. А может, и еще раньше. Я поделился планами с папой; он мог что-нибудь посоветовать. Понимаете, папа всегда находил способ доводить дело до конца.

Когда я был маленьким, мы все время переезжали — из Вашингтона в Нью-Йорк, из Лос-Анджелеса еще куда-то — и жили обычно в гостиницах. Папа постоянно куда-нибудь улетал, а когда бывал дома, к нему потоком шли посетители; видел я его мало. Позже, когда мы перебрались в Кентервиль, он всегда сидел дома, погруженный в книгу или в работу за письменным столом. Если кто-то хотел увидеться с ним, то должен был приехать к нам.

Однажды, когда денежная корзина была пуста, папа сказал маме, что «ожидается прибытие генерала». Я околачивался рядом целый день, потому что мне было восемь лет, я как раз прочитал книжку «Волшебник страны Оз», но никогда в жизни не видел настоящего генерала. Когда показался гость, я был страшно разочарован: он был без орденов, эполет и свиты. На следующий день в корзине появились деньги, и я решил, что генерал приезжал инкогнито и подбросил папе кошелек с золотом. Только через год я узнал, что вовсе не генерала ждали тогда, а гонорара за книгу, и жизнь потеряла часть красок. Но тот гость, хоть и не был генералом, считал, что может заставить папу делать то, что хочет он, а не то, что хочет папа.

— Доктор Расселл, я согласен — в Нью-Йорке ужасный климат. Но в Вашем офисе будут кондиционеры.

— А также часы. Секретарши. И звукоизоляция.

— Все, что хотите, доктор.

— В том-то и дело, господин Секретарь, что не хочу. В моем доме нет часов. Нет календарей. Когда-то у меня были большие деньги и большая язва; теперь у меня маленький доход, но нет язвы. Я остаюсь здесь.

— Вы нужны нашему делу!

— Но не наоборот. Съешьте еще кусочек мясного рулета.

Папа не собирался лететь на Луну, и я должен был обойтись своими силами. Я обложился буклетами колледжей и начал поиск инженерных факультетов. У меня не было ни малейшего понятия о том, как я буду платить за обучение или хотя бы проживание — первой задачей было поступить на серьезный факультет с солидной репутацией.

Если провалюсь, можно будет поступить в летные войска и попытаться получить назначение на Луну. Если не сумею, попробую стать военным электронщиком — на лунной базе пользовались радарами и астрофизической техникой. Так или иначе на Луну я попаду.

На следующее утро за завтраком папа спрятался за «Нью-Йорк Таймс», а мама читала «Геральд Трибюн». Мне достался «Кентервильский Гудок», но в него только селедку заворачивать. Папа глянул на меня поверх своей газеты.

— Клиффорд, тут кое-что тебя касается.

— Хм?

— Не хрюкай; это дурной тон, а ты еще не настолько взрослый. Вот,— и он протянул мне газету.

Там была реклама мыла.

Очередная, старая как мир рекламная кампания — гигантский, суперколоссальный конкурс с призами. Сотни призов, и каждый из них — годовой запас мыла «Звездный путь».

А потом я пролил завтрак на колени.

Первым призом было...

...ПОЛНОСТЬЮ ОПЛАЧЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ!!!

Так и было написано, с тремя восклицательными знаками,— только для меня там стояло двадцать восклицательных знаков, а вокруг рвались снаряды и пели херувимы.

Просто закончите фразу (в ней должно быть не более двадцати пяти слов): «Я пользуюсь мылом "Звездный путь", потому что...» и пришлите нам эту фразу на обертке от мыла или ее четкой фотокопии...

Еще там что-то говорилось о *«...совместном проекте "Американ Экспресс", "Кук и сын"...», «...в сотрудничестве с ВВС США...»*, перечислялся список призов поменьше. Но пока кукурузные хлопья с молоком пропитывали мои брюки, перед глазами стояло одно:

«ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ!»

Глава 2

Сначала меня охватил телячий восторг... затем столь же глобальное отчаяние. В конкурсах мне сроду не везло. Я вообще невезучий — даже когда я покупал киндер-сюрприз, мне попадался именно тот, в который забыли положить игрушку. И если я...

— Стоп,— сказал папа.

Я осекся.

— Понятия «везение» не существует. Есть только адекватная или неадекватная подготовка к существованию в окружающем мире, существующем по статистическим закономерностям. Ты станешь играть по таким правилам?

— А то нет!

— Надо думать, это означает «да». Что ж, тогда придется крепко попотеть.

Я принялся потеть, а папа — помогать. На сей раз он не отмахнулся. Он следил, чтобы я не забросил все остальное. Я окончил школу, послал заявку в колледж и работал, работал. В том семестре я подрабатывал в магазинчике «Фармация Чартона» — продавал газировку и штудировал фармакологию. Конечно, мистер Чартон трясся, чтобы я не трогал никаких ненадписанных склянок, но я многое узнал об ингредиентах и ассортименте, какие антибиотики от чего помогают и какой отравы следует опасаться. Так я добрался до органической химии с биохимией, и хозяин дал мне почитать Уолкера, Бойда и Азимова. Биохимия сложнее атомной физики, но со временем я и в ней начал разбираться.

Мистер Чартон был старый холостяк и жизнь свою посвятил фармакологии. Он намекал, что рано или поздно кому-то придется унаследовать его магазинчик — этакому молодому человеку с научной степенью фармаколога и интересом к бизнесу. Говорил, что мог бы помочь с университетом. Если бы он посулил мне открыть аптеку на Луне, я бы, пожалуй, на это клюнул.

Но я был сдвинут на космосе и твердо собирался стать инженером.

Мистер Чартон не стал смеяться надо мной. Сказал только: куда бы ни забрался человек — на Луну, на Марс или еще дальше,— аптеки и аптекари понадобятся и там. Потом он вынул несколько книг по космической медицине: Страгхолд, Хабер, Стэмм и прочие.

— Когда-то и я подумывал об этом, Кип,— глядя в сторону, обронил он.— Но давно.

Хотя в общем-то мистера Чартона интересовали только лекарства, у нас продавалось вся обычная бакалея — от велосипедных камер до наборов косметики.

Ну и мыло, конечно.

«Звездный путь» шел из рук вон плохо: Кентервиль — городок старозаветный; бьюсь об заклад, что среди старожилов до сих пор не вывелись мыловары. Но мистер Чартон все же нашел две пыльные коробки и выставил на прилавок. И позвонил поставщику.

Он действительно помог мне. Он снизил цену на «Звездный путь» почти до оптовой. Он расхваливал его перед покупателями — и почти всегда уламывал их оставить обертку. Я же выстроил пирамиды из «Звездного пути» по обеим сторонам автомата с газировкой. Покупатели угощались кока-колой — а я разливался соловьем о старом добром «Звездном пути», мыле, которое моет до дыр, напичкано витаминами, превращает жизнь в рай, имеет пышную пену, уникальный состав, не вызывает перхоти и нежелания признавать пятую поправку. Я не брезговал ничем! Без мыла у меня оставался разве что глухой как пробка или тот, кто бегал быстрее меня.

И только фокусник мог, купив мыло, оставить меня без обертки. Взрослых я старался уболтать; детей иногда подкупал — пла-

тил пенни. Кто приносил десяток оберток из других лавочек, получал 10 центов. Правила разрешали послать сколько угодно рекламных лозунгов на обертках от мыла — или их фотокопиях. Я попробовал было сделать фотографию обертки, но папа отсоветовал:

— Конечно, это в пределах правил, Кип... Но я еще не встречал собаки, которой бы понадобилась пятая нога.

Так что я собирал обертки, и на каждой надписывал:

«Я пользуюсь мылом "Звездный путь", потому что...

...оно придает незабываемую свежесть;

...лучше "Звездного пути" в мире мыла не найти;

...его качество недосягаемо, как звезды;

...оно дарит нам сверкание Млечного пути;

...оно может отчистить даже астральную пыль;

...от него все сияет, как восходящая звезда».

И все в таком духе, пока лозунги не стали сниться мне по ночам.

И не только мне; и папа, и мама, и мистер Чартон тоже придумывали эти фразы. Я завел блокнот и записывал лозунги в школе, на работе и среди ночи. Однажды, придя домой, я обнаружил, что папа соорудил картотеку, и мы стали расставлять их в алфавитном порядке, чтобы не повторяться. Это была хорошая идея. Под конец я отсылал до сотни оберток в день. Почтовые расходы вставали в копеечку, не говоря уже о том, что за часть оберток мне приходилось платить.

Другие ребята из нашего городка, а может и кое-кто из взрослых, тоже участвовали в конкурсе, но лишь я поставил дело на поток. Я приходил домой в десять с дневным урожаем оберток и лозунгов, оттискивал на обертках штемпель «Я пользуюсь мылом "Звездный путь", потому что...», проставлял мой адрес и вписывал окончания. Папа заносил их в картотеку. Утром по дороге в школу я отсылал очередную порцию оберток.

Взрослые надо мной посмеивались, но с обертками расставались охотно. Шутники — охотнее всех.

Кроме одного остолопа по имени Туз Квигтл. Хотя я не назвал бы его взрослым. Это был этакий переросток, малолетний преступник. Наверное, в каждом городке есть хотя бы один такой Туз.

Школу он так и не окончил, хотя мистер Хэнли обычно переводил из класса в класс почти любого, считая, что «оставлять на второй год непедагогично». Сколько я помню, Туз всегда околачивался вдоль Главной улицы, иногда подрабатывал, чаще просто слонялся.

Он любил «шутить».

Раз он застрял у моего автомата. Газировки он купил на тридцать пять центов, а пространства и времени занял доллара на два. Я как раз уговорил старушку Дженкинс купить десяток кусков мыла и избавил ее от оберток. Только она отошла, как Туз цапнул кусок мыла с витрины и сказал:

— Продаешь мыло, космический кадет?

— Точно, Туз. Отличный товар.

— Намыливаешься попасть на Луну, а, капитан? Или мне называть тебя коммодором? И-хи-хи-хи! — Туз смеялся, как клоун в цирке.

— Пытаюсь,— вежливо сказал я.— Берешь?

— А ты уверен, что это стоящее мыло?

— Абсолютно.

— Ну ладно. Просто чтобы тебе помочь — куплю один кусок. Пижон. Но вдруг именно эта обертка выиграет?

— Отлично, Туз. Спасибо большое,— я принял деньги, он опустил кусок мыла в карман и повернулся, чтобы уйти.— Секунду, Туз. Обертку. Можно?

Он остановился.

— Ах, да.— Он вытащил мыло, развернул, снял обертку.— Ее, что ли?

— Да, Туз. Спасибо.

— Так я покажу тебе, что с ней делать.— Он достал зажигалку, поджег обертку, прикурил от нее сигарету, подождал, пока обертка сгорит почти до пальцев, бросил ее и растер ногой.

Мистер Чартон наблюдал за нами, стоя у окна.

Туз ухмыльнулся.

— Ну что, космический кадет?

Я судорожно стиснул совок для мороженого. Однако ответил:

— Да ничего, Туз. Это ведь твое мыло.

Мистер Чартон приблизился и сказал:

— Там нужно коробки распаковать. Я присмотрю за автоматом, Кип.

Пожалуй, только одна эта обертка мне и не досталась.

Конкурс заканчивался первого мая, папа вместе с мистером Чартоном решили для ровного счета добить последнюю коробку. Было почти одиннадцать, когда я надписал все обертки, и мистер Чартон отвез меня в Спрингфилд, чтобы на почте их успели проштемпелевать до полуночи.

Я отослал 5782 обертки. Вряд ли Кентервиль еще когда-нибудь так намыливали.

Результаты объявляли 4 июля. За эти девять недель я сгрыз ногти до локтей. А жизнь шла своим чередом. Я окончил школу, папа с мамой подарили мне часы, все выпускники промаршировали перед мистером Хэнли и получили дипломы. Все прошло замечательно. Перед выпуском был последний звонок, и прощальный бал, и спектакль, поставленный выпускниками, и утренник для выпускников, и совместный пикник первоклассников и старшеклассников, и все остальное, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Иногда я отпрашивался у мистера Чартона пораньше, но редко — голова была занята другим, да и прогуливаться-то мне было не с кем. В начале года было с кем, но она — Элен Макмарти — трещала о парнях и тряпках, а я — о космосе и инженерном деле. На том и расстались.

Окончив школу, я перешел к мистеру Чартону на полный рабочий день. Я все еще не решил насчет колледжа. Да я и не думал об этом; я просто продавал мороженое и с замиранием сердца ждал 4 июля.

Результаты конкурса должны были объявить по телевизору в восемь вечера. Телевизор у нас был черно-белый, с плоской картинкой, и не включался месяцами; после того как я его собрал, он мне сразу наскучил. Я выволок его и поставил в гостиной, час два настраивал, а остаток дня грыз ногти. Ужин в горло не лез. В половине восьмого я уже сидел, вперившись в экран, невидящими глазами глядел сквозь какую-то комедию и перебирал свою картотеку. Вошел папа, глянул на меня и сказал:

— Возьми себя в руки, Кип. И не забывай, что статистика — против тебя.

Я сглотнул.

— Я знаю, пап.

— Да по большому счету это и неважно. Если чего-то достаточно сильно хочешь, почти всегда получаешь. Я уверен, что рано или поздно ты попадешь на Луну — так или иначе.

— Да, сэр. Просто мне хочется, чтобы все скорее кончилось.

— Кончится. Эмма, ты идешь?

— Сейчас, милый,— отозвалась мама. Она вошла в комнату и села, похлопав меня по руке.

Папа откинулся в кресле:

— Похоже на выборы.

— Как хорошо, что ты с *этим* развязался,— сказала мама.

— Да ну, радость моя, тебе же нравилась каждая кампания.

Мама фыркнула.

Актеры ушли с экрана, сигареты станцевали канкан и прыгнули обратно в пачки, ласковый голос принялся вещать, что «канцерогенов не бывает в "Короне" — безвредных, Безвредных, БЕЗВРЕДНЫХ сигаретах с табаком высшего качества». Программа переключилась на местную станцию; нам показали захватывающий вид Кентервильской деревообрабатывающей фабрики. Я начал выщипывать волоски с тыльной стороны ладоней.

Экран вскипел мыльными пузырями; квартет пропел, что наступает «Время Звездного пути». Будто мы и так этого не знали. Потом экран погас, звук исчез, а у меня остановилось сердце.

На экране появилась надпись: «Трансляция прервана по техническим причинам».

Я вскрикнул:

— Нет! Только не это!

Папа сказал:

— Прекрати, Клиффорд.

Я заткнулся.

Мама вмешалась:

— Милый, ведь он еще мальчик.

Папа заявил.

— Он не мальчик; он мужчина. Кип, как ты собираешься бороться с обстоятельствами, если даже такая ерунда выбивает тебя из колеи?

Я пробормотал что-то невнятное.

— Отвечай четко.

Я сказал, что в общем-то не собирался бороться с обстоятельствами.

— В один прекрасный день это может понадобиться. Это хорошая тренировка. Попробуй переключиться на Спрингфилд.

Я попробовал, но на экране был сплошной снег, а звук напоминал кошачий концерт. Я переключился обратно.

«..ерал Брюс Гилмор, Военно-воздушные силы Соединенных Штатов, наш сегодняшний гость, который чуть позже продемонстрирует нам некоторые уникальные фотографии Федеральной Лунной Базы и новорожденного Луна-сити, стремительно развивающегося поселения на Луне. Сразу после объявления результатов конкурса мы попытаемся установить телевизионную связь с Лунной Базой. Благодаря сотрудничеству с Космическим Корпусом и ...»

Я глубоко вздохнул и попытался замедлить сердцебиение, так же, как пытаешься успокоиться перед решающим штрафным ударом. Болтовня на экране продолжалась — представляли знаменитостей, объясняли правила конкурса, невероятно сладкая парочка, глядя в камеру, рассказывала друг другу, почему они всегда пользуются только мылом «Звездный путь». Думаю, что я, когда продавал мыло, выражался убедительнее.

Наконец-то.... На экране появились пять девушек, каждая держала над головой большой транспарант. Ведущий с придыханием провозгласил: «А теперь... *теперь*... победитель конкурса рекламных лозунгов мыла "Звездный путь"... получает приз... бесплатное путешествие НА ЛУНУ!»

У меня перехватило дыхание.

Девушки запели: «*Мне нравится мыло "Звездный путь", потому что...*» и далее, одна за другой переворачивая транспаранты: «*...в... нем... чистота... звездного... неба!*».

Я судорожно ворошил картотеку. Кажется, это мой лозунг... но я не был в том уверен — немудрено, среди пяти-то тысяч... Наконец нашел — и вновь сверился с экраном.

«Папа! Мама! Я выиграл, *я ВЫИГРАЛ!*»

Глава 3

— Погоди, Кип,— придержал папа.— Держи себя в руках.

— Милый...— сказала мама.

Я услышал слова ведущего: «...представить вам счастливого победителя, миссис Ксению Донахью, из Грейт Фолз, штат Монтана... Миссис *Донахъю!*»

Под звуки фанфар просеменила маленькая пухленькая женщина. Я перечитал слова лозунга. Они совпадали со словами на моей карточке.

— Пап, что случилось? Это же *мой* лозунг.

— Дослушай.

— Обманули!

— Не ори. Дослушай.

«...как мы уже объясняли, в случае поступления одинаковых лозунгов выигрывает отправленный раньше. Если они отправлены одновременно, выигрывает тот, что раньше прибыл в жюри. Выигравший лозунг был прислан одиннадцатью конкурсантами. Все они получат призы. Сегодня вместе с нами в студии шестеро победителей. Они выиграли путешествие на Луну, экскурсию на космическую станцию, полет вокруг Земли на реактивном самолете, путешествие в Антарктиду, ...»

Проиграл из-за штемпеля. Почтового штемпеля!

«...к сожалению, мы не можем пригласить к нам сегодня всех победителей. Но для остальных мы приготовили сюрприз.— Ведущий взглянул на часы.— Прямо в эту минуту, в десятках домов по всей стране... прямо в эту секунду... раздается стук в двери счастливчиков, любителей мыла "Звездный путь"...»

Раздался стук. В *нашу* дверь.

По дороге я споткнулся. Дверь открыл папа. На пороге стояли: трое мужчин с огромным деревянным ящиком. Кто-то из них спросил:

— Здесь живет Клиффорд Рассел?

— Да,— ответил папа.

— Распишитесь за доставку.

— Что это?

— Все, что здесь написано — «верх». Куда ставить?

Папа протянул мне квитанцию, и я кое-как расписался. Папа сказал:

— Не могли бы вы внести это в гостиную?

Они внесли и удалились, а я притащил молоток и клещи. Ящик был похож на гроб, и мне захотелось им воспользоваться.

Я снял крышку. Мамины половики усеяло огромное количество упаковочной стружки. Наконец мы добрались до содержимого.

Это был скафандр.

Так себе скафандр, теперь таких уже не делают. Устаревшая модель, компания «Звездный путь» закупила ее оптом — для поощрительных призов с десятого по сотый. Но все же настоящий скафандр, изготовленный фирмой «Гудьер», оснащенный вспомогательным оборудованием от фирм «Йорк» и «Дженерал Электрик». В ящике также нашлись инструкция по эксплуатации и гарантийный талон, из которых следовало, что скафандр более восьмисот часов прослужил на Второй орбитальной станции.

Мне стало чуть легче. Это не подделка, не игрушка. Скафандр бывал в космосе, и я там побываю! Я освою его и пройдусь в нем по Луне!

— Может, снесем в сарай? — предложил папа.

Мама сказала:

— Некуда торопиться, дорогой. Может быть, ты примеришь его, Клиффорд?

Конечно, я хотел его примерить. С папой мы поладили на том, что отволокли в сарай ящик и стружки, а когда вернулись, в гостиной уже торчали репортер и фотограф из «Гудка» — в газете раньше меня узнали о выигрыше и это показалось мне нечестным.

Им приспичило меня сфотографировать. Я не стал артачиться.

Влезть в скафандр оказалось ужасно трудно — гораздо труднее, чем, к примеру, одеться в поезде на верхней полке. Тут встрял фотограф:

— Погоди, парень. Я видел по телевизору, как их надевают. Хочешь совет?

— А? Нет. То есть да, покажите, пожалуйста.

— Нужно проскользнуть внутрь, как эскимос, который забирается в свой каяк. Потом просовываешь правую руку вот сюда...

Так оказалось значительно проще, особенно когда я расшлюзовал верхние стыки и принялся надевать скафандр сидя. Правда, все равно чуть не вывихнул плечо. Для подгонки размеров имелась шнуровка, но мы не стали с ней возиться. Фотограф запихнул меня в скафандр, защелкнул все замки, помог подняться и опустил иллюминатор гермошлема.

Баллонов с воздухом к скафандру не прилагалось, и пока фотограф делал свои три снимка, мне пришлось дышать содержимым. Тут-то я и убедился, что скафандр действительно «был в употреблении» — пахло в нем грязными носками. Сняв шлем, я с облегчением отдышался.

И все же мне понравилось в скафандре. Чувствуешь себя космонавтом.

Посетители ушли, и мы отправились спать, оставив скафандр на полу в гостиной.

Заполночь я на цыпочках прокрался туда и снова примерил его.

Поутру, перед работой, я перетащил его в сарай.

Мистер Чартон проявил деликатность; он сказал только, что хотел бы взглянуть на скафандр, когда у меня будет свободное время.

Все уже все знали — моя фотография была на первой странице «Гудка» — между репортажем об альпинистах и колонкой «Происшествия». Статья была писана ироническим слогом, но мне было наплевать. Во-первых, я никогда до конца не верил, что выиграю, а во-вторых, у меня был настоящий космический скафандр, а у моих одноклассников и того не было.

В тот же вечер пришла заказная бандероль от компании «Звездный путь». В нем была накладная на костюм высотный компенсирующий, один экземпляр, серийный номер такой-то, списан ВВС США тогда-то, и письмо. Письмо начиналось с поздравлений и благодарностей, но в последних абзацах содержалось кое-что интересное:

«Компания "Звездный путь" в полной мере отдает себе отчет, что Ваш приз, возможно, не является для Вас предметом первой необходимости. Поэтому, как указано в параграфе 4-а Правил, компания предлагает выкупить его у Вас за пятьсот долларов ($500.00) наличными. В случае Вашего согласия Вам надлежит

вернуть костюм высотный компенсирующий в Отдел списания корпорации «Гудьер», г.Акрон, штат Огайо, не позднее 15 сентября сего года.

Компания «Звездный путь» надеется, что Вы удовлетворены своим участием в Большом Конкурсе в той же мере, в какой Ваше участие доставило удовольствие нам. Рассчитываем также, что Вы не расстанетесь с Вашим призом вплоть до съемки Юбилейной программы «Звездный путь» на Вашей местной телестудии. В случае участия в телепередаче вам гарантирован гонорар в размере пятидесяти долларов. С Вами свяжется сотрудник Вашей телестудии. Ждем Вас у нас в гостях.

Наилучшие пожелания от компании, производящей мыло «Звездный путь», в котором заключена чистота звездного неба!

Я сказал:

— Придется согласиться.

Папа пожал плечами:

— Не вижу ничего плохого. Шрамов от этого не останется.

— Ты про телевидение? Это-то не трудно... Вообще-то я о другом — наверное, и в самом деле мне стоит продать скафандр...

Я колебался. Мне бы радоваться, деньги — это деньги, а скафандр мне нужен как свинье волынка. Но радости не было, хотя пять сотен долларов в руках я сроду не держал.

— Сынок, я не верю утверждениям, начинающимся со слов «наверное, и в самом деле...». Это означает, что ты сам не знаешь, чего хочешь.

— Пятьсот долларов хватит почти на семестр.

— Это неважно. Реши, что тебе нужно, и сделай это. Никогда не уговаривай себя делать то, что тебе претит. Подумай над этим.

Он кивнул и удалился.

Я счел, что сжигать еще не перейденные мосты глупо. До середины сентября скафандр все-таки мой, а там — разберемся. Может, к тому времени он мне надоест.

Нет, не надоел; скафандр — это чудо техники, маленький космический дом. Хромированный шлем доходил до плеч; корпус состоял из кремнийорганики, асбеста и стекловолокна. Сочленения были построены по технологии «постоянного объема» — компенсации давления при возвратно-поступательных движениях.

Без этого было бы невозможно двигаться — в вакууме давление внутри скафандра, которое могло достигать и нескольких тонн, превратило бы его в статую. Компенсаторы давления были покрыты дюралевой броней; даже на пальцах находились маленькие дюралевые пластинки над суставами.

Пояс стягивался стекловолоконным ремнем с креплениями для инструментов. Шнуровка помогала подогнать рост и вес. За плечами крепились кислородные баллоны (которых сейчас не было). И полным-полно карманов на молниях, внутренних и наружных, для батарей и всего прочего.

Шлем с частью нагрудника откидывался назад, две передние загерметизированные молнии открывали доступ внутрь. Задраенный скафандр невозможно открыть, пока внутреннее давление превышает наружное.

Шлем и нагрудник усеяны тумблерами. Шлем был огромен. Немудрено. В него были встроены: резервуар для питьевой воды, шесть медицинских контейнеров с каждой стороны, рычажки, нажимаемые подбородком — справа для переключения режимов рации, слева — для регулирования поддува воздуха. Мало того: автоматический поляризатор иллюминатора, микрофоны, наушники, рация, смонтированная в области затылка и приборная панель, выгнутая дугой над теменем. Приборная индикация выводилась шиворот-навыворот и в реальном виде отражалась космонавту в зеркале на удобном расстоянии в четырнадцать дюймов от глаз.

На шлеме, над иллюминатором, крепились сдвоенные фары. Еще выше, на макушке,— две антенны, одна для обычной радиосвязи, другая — остронаправленная СВЧ. При работе с ней надо было поворачиваться лицом к принимающей станции. Антенна СВЧ была бронирована, за исключением излучающего кончика.

Судя по рассказу, скафандр набит, как дамская сумочка, но на самом деле все очень компактно; голова ни за что не задевает. Смотришь вверх — видишь в зеркальце приборную панель, наклоняешь голову — нажимаешь подбородком рычажки, поворачиваешь налево и направо — получаешь воду и медикаменты. Изнутри шлем покрыт губчатой резиной для защиты головы от ударов.

Скафандр был как дорогой автомобиль, шлем — как швейцарские часы!

Но кое-чего не было: кислородных баллонов, рации, (за исключением встроенных антенн), аварийного радиомаяка, аварийного радарного отражателя. Внутренние и наружные карманы были пусты, на поясе не болтались инструменты. Прочтя спецификацию, я понял, что перед списанием со скафандра содрали все, что только было можно...

И я решил, что просто обязан довести его до ума.

Сначала я отдраил его с хлоркой, чтобы избавиться от запаха носков. Потом принялся отлаживать систему снабжения кислородом.

Хорошо, что у меня оказалась инструкция — большая часть того, что я раньше знал о скафандрах, оказалось выдумкой.

Человек потребляет в сутки около 3 фунтов кислорода. Казалось бы, это немного, и можно взять хоть месячный запас, благо в космосе масса лишена веса, а на Луне те же три фунта будут весить всего полфунта. Что ж, так и делают водолазы, а также космонавты на космических станциях и кораблях. Они пропускают выдыхаемый воздух через раствор щелочи, чтобы удалить углекислый газ, и снова дышат этим же воздухом. Но со скафандром так не получится.

Даже в наши дни люди рассуждают о «космическом холоде». Но в открытом космосе вакуум, а если бы вакуум был холодным, как бы работал термос? Вакуум это ничто, у него нет температуры. Просто он хороший теплоизолятор.

Три четверти съеденной нами пищи превращается в тепло — огромное количество тепла, достаточное, чтобы растопить больше пятидесяти фунтов льда. Трудно поверить? Но когда вы растапливаете печку, вы на самом деле *охлаждаете* свое тело. Даже зимой в комнате градусов на тридцать прохладнее, чем у вас под мышкой. Когда вы топите печь, вы просто выбираете наиболее комфортный способ охладиться. Тело вырабатывает столько тепла, что его, как автомобильный мотор, приходится охлаждать.

Конечно, если делать это слишком быстро — например, на морозном ветру,— то можно замерзнуть. Но в скафандре задача противоположная — не свариться заживо. Ведь вокруг вас вакуум, а в нем избавляться от тепла *трудно*...

Какая-то часть тепла излучается, но этого недостаточно. Добавляют тепла и солнечные лучи — вот почему космические корабли отполированы до зеркального блеска.

Как же быть?

Носить с собой пятидесятифунтовые бруски льда невозможно. Приходится избавляться от тепла так же, как Земле: путем конвекции и испарения — ваше тело обдувает ветерком, пот испаряется и охлаждает вас. Когда-нибудь будут созданы скафандры с замкнутой вентиляцией, но пока приходится выпускать его из скафандра вместе с потом, двуокисью углерода и излишним теплом — и тратить на это впустую часть кислорода.

Есть и другие проблемы. В атмосферное давление — пятнадцать фунтов на квадратный дюйм — входит три фунта давления кислорода. Для дыхания хватает и половины этого, однако разве что индеец с вершин Анд мог бы, возможно, неплохо себя чувствовать при давлении кислорода меньше двух фунтов. Девять десятых фунта — это предел. Меньшее давление уже не может закачивать кислород в кровь — примерно такое давление на вершине Эвереста.

При этом большинство людей начинают страдать от гипоксии*, так что придерживаются давления в два фунта кислорода на квадратный дюйм. К нему подмешивают инертный газ, потому что чистый кислород может вызвать першение в горле, пьянит или даже вызывает сильные судороги. Нельзя использовать азот (который с воздухом мы вдыхаем всю жизнь), потому что при резком понижении давления он закипит в крови, и вы получите кессонную болезнь. Поэтому используется гелий. От него голос становится писклявым, но кого это волнует?

Итак, вы можете умереть от нехватки кислорода, отравиться избытком кислорода, загнуться от азота, задохнуться двуокисью углерода или получить от нее кислотное отравление, умереть от смертельной лихорадки, вызванной обезвоживанием. Закончив читать инструкцию, я озадачился, как человек вообще умудряется жить, а уж в скафандре тем более.

И все же передо мной лежал скафандр, который защищал человека от открытого космоса сотни часов.

---

* Гипоксией называется нехватка кислорода *(примеч. автора)*.

Вот как он это делал. К спине крепились стальные баллоны с «воздухом» (кислородно-гелиевой смесью) под давлением 150 атмосфер, или более двух тысяч фунтов на квадратный дюйм. Оттуда воздух выходил через редуктор уже под давлением в 150 фунтов на дюйм, а потом еще через один редуктор давление доводилось до трех-пяти фунтов, два из которых приходилось на кислород. Шею охватывал резиново-силиконовый воротник с крошечными дырочками. Таким образом, давление на корпус снижалось, а движение воздуха ускорялось; от этого испарение и охлаждение шло лучше, и снижалась вероятность получить кессонную болезнь. На каждом запястье и щиколотке стояли выхлопные клапаны. Они стравливали не только газ, но и водяной пар — иначе вы окажетесь по щиколотку в собственным поту.

Баллоны, большие и неуклюжие, весили фунтов шестьдесят. И даже при таком огромном давлении в каждом баллоне было не больше пяти фунтов воздуха. Так что воздуха хватало только на несколько часов — какой уж там месячный запас.

Мой скафандр был рассчитан на 8 часов. Но зато с гарантией — если, конечно, все работает как надо. Какое-то время можно перебиться: от перегрева человек сразу не умрет, при избытке углекислоты еще подышит — но если улетучится кислород, вы умрете примерно через 7 минут. Так что возвращаемся к началу — чтобы жить, надо дышать кислородом.

Чтобы точно знать, что кислород поступает в норме (а носом этого не учуешь), на ухо нужно прикрепить маленький фотоэлемент, контролирующий цвет крови. Чем краснее кровь, тем больше в ней кислорода. Элемент связан с гальванометром. Если его стрелка вышла за черту, начинайте молиться.

В выходной я взял разъемы от скафандра и поехал в Спрингфилд за покупками. В сварочной мастерской мне посчастливилось купить два старых тридцатидюймовых баллона.

Когда я заставил испытать баллоны на давление, рабочие на меня вызверились. Баллоны я отвез домой на автобусе, а на автостанции купил воздух под давлением пятьдесят атмосфер.

Кислород, гелий, более высокое давление можно было найти в аэропорту Спрингфилда, но пока мне это было не нужно.

Придя домой, я загерметизировал пустой скафандр и накачал его велосипедным насосом до двух абсолютных атмосфер, или одной относительной. Это дало мне четырехкратную от реальной испытательную нагрузку. Затем я принялся за баллоны. Они должны были блестеть как зеркало, чтобы не нагреваться от Солнца. Так что я и скоблил, и тер, и скреб, и шлифовал, и полировал — готовил их к никелированию.

На следующее утро мой скафандр (к тому времени он уже получил имя, я назвал его «Оскар, механический человек») обмяк, как дряхлый воздушный шарик.

Проблема была в том, что этот древний скафандр надо было наполнить не просто воздухом, а смесью кислорода с гелием. Молекулы гелия настолько маленькие и подвижные, что просачиваются сквозь обычную резину — а я хотел, чтобы скафандр был пригоден не только для маскарада, но и для работы в космосе. Старые сальники не держали; мелких утечек — видимо-невидимо.

Новые резиново-силиконовые прокладки, особый клей, специальную ткань пришлось заказать аж в самой компании «Гудьер» — в нашем городке таких штук не сыщешь. Я написал им письмо, объяснил, что мне нужно и зачем — и они с меня даже денег не взяли. Еще и прислали дополнительные инструкции.

Пришлось крепко попотеть. Однако настал день, когда я накачал Оскара чистым гелием при двух абсолютных атмосферах.

Даже через неделю он остался тугим, как шестислойная шина.

И тогда я влез в Оскара по настоящему. До этого я надевал его без шлема и носил в мастерской, тренировался работать в перчатках, подгонял рост, размер. Это было похоже на то, как обкатываешь новые коньки. Через некоторое время я почти не замечал его — однажды даже к ужину в нем явился. Папа промолчал, а у мамы выдержка, как у полномочного посла; я заметил, что я в скафандре, только когда потянулся за салфеткой.

И вот я выпустил гелий, наполнил баллоны воздухом и приладил их. Потом закрыл шлем и застегнул замки.

Тихо шуршал воздух в шлеме, клапан в такт дыханию регулировал его поступление, вентиль у подбородка позволял прибавить или уменьшить подачу. Наблюдая за шкалами приборов в зерка-

ле, я попробовал поднять давление и довел его до 20 абсолютных фунтов. Таким образом, избыточное давление дошло до пяти фунтов; максимальное приближение к условиям космоса, которое можно было получить на Земле.

Я почувствовал, как скафандр раздулся, его сочленения стали плотнее и крепче. Я зафиксировал разницу давлений в пяти атмосферах и попробовал пройтись.

И чуть не свалился. Пришлось ухватиться за верстак.

Полностью экипированный, с баллонами за спиной, я весил в два с лишним раза больше, чем без скафандра. Кроме того, хотя сочленения имели компенсаторы объема, под давлением они не очень-то сгибались. Суньте ноги в тяжелые болотные сапоги, наденьте сверху пальто, натяните боксерские перчатки, наденьте на голову ведро, потом попросите кого-нибудь взвалить два мешка цемента вам на плечи, и вы поймете, как чувствуешь себя в скафандре при силе тяжести 1 g.

Однако минут десять спустя я притерпелся, а через полчаса чувствовал себя так, как будто всю жизнь провел в скафандре. Вес распределялся равномерно и не слишком давил. Я знал, что на Луне он будет еще меньше. Чтобы справляться с сочленениями, следовало просто привыкнуть прикладывать чуть больше усилий. Научиться плавать было сложнее.

День был яркий: я вышел на улицу и глянул на Солнце. Поляризатор умерял блеск Солнца, и на него можно было смотреть. В прочих направлениях свет не поляризовался, и все было ясно видно.

В скафандре было не жарко. Воздух, охлажденный путем полуадиабатического расширения (так гласила инструкция), овевал голову, обтекал весь скафандр, и выходил через выпускные клапаны, унося тепло. В инструкции утверждалось, что нагревательные элементы используются редко, так как обычно проблемой является охлаждение. Однако я решил достать сухого льда и протестировать термостат и нагреватель.

Я опробовал все, что мог придумать. По окраине нашего городка протекает ручей, а за ним пролегал выгон. Я прошлепал через весь ручей, оступился и шлепнулся. Хуже всего было то, что я не видел, куда ставлю ноги. Свалившись, я некоторое время полежал наполовину погруженным. Я не промок, не замерз, не

нагрелся, а дышать было так же легко, как всегда, хотя вода плескалась над шлемом.

Я с трудом выбрался на берег и снова упал, ударившись шлемом о камень. Никаких повреждений, Оскар был приспособлен к таким случаям. Я встал на колени, поднялся и пересек выгон, спотыкаясь на кочках, но не падая. На пути попался стог сена, и я зарылся в него.

Прохладный свежий воздух... не волнуюсь, не потею.

Я снял скафандр через три часа.

Как и в костюмах пилотов, в нем были специальные туалетные приспособления, но я еще не настроил их, поэтому снял скафандр до того, как кончился воздух.

Расправляя скафандр на специальной вешалке, которую сам соорудил, я похлопал его по наплечнику и сказал:

— Ну что же, Оскар, ты молодец. Мы с тобой партнеры. Подожди, мы еще попутешествуем.

Плевал я на пять сотен долларов!

Пока Оскар проходил проверку под давлением, я копался в его электрическом и электронном оборудовании. Я не стал возиться с отражателем и маяком; первая конструкция была такой простой, что и ребенок справится, а вторая — чертовски дорогой. Но мне нужна была радиосвязь в том диапазоне, что используется для работы в космосе (антенны действовали только на этих частотах). Проще было собрать обычную рацию и прикрепить ее к поясу — но этим я обманул бы сам себя, имея неверную частоту и устройство, которое может не выдержать вакуума. Перепады давления, температуры и влажности запросто могут вывести из строя электронные схемы; поэтому передатчик должен быть встроен в шлем.

В инструкции приводились диаграммы, и я занялся делом. Слуховые и модуляционные схемы особой проблемы не представляли — всего лишь транзисторные схемы на батарейках, которые я и сам легко мог сделать достаточно миниатюрными. Но вот УКВ-блок...

Это было нечто вроде двухголового теленка: сдвоенная рация, у каждой половины свой передатчик и свой приемник; волна в один

сантиметр для рупорной антенны, и на три октавы ниже — восемь сантиметров — для штыревой, в точном гармоническом соответствии, так что обе частоты мог стабилизировать один и тот же кварц. В результате получался более сильный сигнал при ненаправленной передаче и лучшая направленность при переходе на рупор; кроме того, при переключении антенны переключалась только часть схемы, а не вся. Схема была проста — на бумаге.

Но высокочастотная электроника — не фунт изюма; здесь требуется тщательность. Малейшая неточность может вывести из строя выходное сопротивление и сбить математически рассчитанный резонанс.

И все же я попытался что-то сделать. Кое-какие потроха можно купить по дешевке среди всякой всячины, некоторые транзисторы и другие компоненты я выдрал из собственных приборов. И проклятая штука в конце концов заработала. Правда, *никак* не лезла в шлем.

Что ж, будем считать это моральной победой — это была лучшая вещь, которую я сделал своими руками.

В конце концов я купил готовую радиоаппаратуру — у той же фирмы, где раньше покупал кварцы. Так же как и скафандр, для которого она выпускалась, аппаратура была устаревшей и досталась мне по бросовой цене. Но к тому времени я готов был душу прозакладывать — так я хотел, чтобы скафандр *действовал*.

Мою задачу сильно затрудняло то, что все электронное оборудование должно было быть абсолютно безотказным; в космосе вы не заскочите на ближайшую станцию обслуживания, если что-то не работает. Либо все действует безупречно, либо вас вносят в списки погибших. Поэтому на шлеме были двойные фары — вторые включались, если отказывали первые. Даже индикация приборной панели дублировалась. Я не стал экономить — восстановил все продублированные схемы и убедился, что их автоматическое переключение работает надежно.

Мистер Чартон заставил меня оснастить Оскара фармакологией точно по инструкции — мальтоза, декстроза, белковые таблетки, витамины, декседрин, драмамин, аспирин, антибиотики, антигистамины, кодеин — то есть тем, что поможет выжить почти в любой критической ситуации. Еще он попросил доктора

Кеннеди выписать рецепты, чтобы я мог купить это, не нарушая закон.

В результате Оскар оказался в такой же отличной форме, как когда-то на второй спутниковой станции. И это оказалось даже более интересным делом, чем когда я помогал Джейку Биксби переделывать его консервную банку на колесах в консервную банку с форсированным двигателем.

Однако лето подходило к концу, и из мира грез пора было выныривать. Я все еще не знал, в какой университет мне поступать, как и поступать ли вообще. Деньги у меня подкопились, но их все равно было маловато. Пришлось потратиться на обертки и почтовые расходы, но они с лихвой окупились пятнадцатиминутным появлением на экране телевизора. С самого марта я ни гроша не потратил на девчонок — было не до них. Починка Оскара обошлась на удивление дешево — в основном по́том и отверткой. Семь долларов из каждых десяти заработанных оседали в корзине.

Но этого было мало.

Я мрачно подумывал, что придется-таки продать Оскара, чтобы оплатить первый семестр. Но как быть со вторым? Американский парень Джо Храбрец появляется в университете с пятьюдесятью центами и добрым сердцем, а после серии подвигов остается в финале с кругленькой суммой в банке. Но какой из меня Джо Храбрец? Какой смысл поступать, если после Рождества придется бросить? Может быть, умнее отложить это дело на год и познакомиться с кайлом и лопатой?

А есть ли у меня выбор? Единственный университет, в который я без сомнения мог поступить, был университет штата. Но там некстати разразился скандал, поувольняли профессоров и попахивало потерей лицензии. Ну не смешно ли — пахать столько лет ради бесполезного диплома, выданного опорочившим себя университетом?

Впрочем, этот университет и до скандала считался второсортным.

Ренеселлер и КалТех отклонили мои документы в один и тот же день — один прислал стандартный отказ, а другой — вежливое письмо, в котором говорилось, что они не в состоянии принять всех квалифицированных кандидатов.

Мало того, раздражали всякие мелочи. Единственным утешением после того телешоу служили пятьдесят баксов. Человек в скафандре посреди студии и так выглядит по-дурацки, а ведущий еще пытался веселить зрителей, стуча в стекло шлема и спрашивая, там ли я еще. Очень смешно. Он спросил, что я собираюсь делать со скафандром, а сам отключил микрофон в шлеме и выпустил в эфир запись с какой-то чушью про космических пиратов и летающие тарелки. Половина народа в городке решили, что это мой голос.

На это можно было бы и наплевать, если бы снова не появился Туз Квиггл. Он где-то пропадал все лето, может, сидел в тюрьме, но на следующий день после шоу он уселся напротив автомата с газировкой, уставился на меня и громко прошептал:

— Слушай, это не ты часом знаменитый космический пират и телезвезда?

— Что будешь пить, Туз?

— Надо же! А ты не дашь мне автограф? В жизни никогда не видел настоящего живого космического пирата!

— Заказывай, Туз. Или освободи место.

— Содовую с шоколадом, коммодор,— только без мыла.

Туз «шутил» всякий раз, как появлялся в магазине. Лето было страшно жаркое, и вскипеть было легче легкого. В пятницу накануне Дня труда у нас сломался кондиционер, ремонтник не пришел, и я провел за настройкой три жутких часа. В результате я испортил свои лучшие штаны и насквозь провонял.

Я отстаивал последние часы у автомата и мечтал о ванне, когда Туз ввалился в магазин, развязно меня приветствуя:

— Кого я вижу! Это же Командор Комета, Гроза Звездных Путей! Где же ваш бластер, Командор? И вы не.боитесь, что Император Галактики оставит вас после уроков за беготню без штанов? И-хи-хи-хи!

Девчонки возле автомата захихикали.

— Отвали, Туз — устало сказал я.— Жарко сегодня.

— Так вот почему ты не надел свои резиновые подштанники!

Девчонки снова захихикали.

Туз самодовольно ухмыльнулся и продолжал:

— Слушай, малец, если уж у тебя есть этот клоунский балахон, почему ты не носишь его на работу? Представь рекламу в

«Гудке»: «Имею скафандр — готов путешествовать!» И-хи-хи-хи! Или можешь подрабатывать пугалом на огороде.

Девчонки заржали. Я досчитал до десяти, потом еще раз — по-испански, потом — по латыни и напряженно сказал:

— Туз, давай говори, чего тебе.

— Как обычно. И шевелись — меня ждет марсианка.

Мистер Чартон вышел из-за своего прилавка, присел за столик и попросил сделать ему холодного лимонного коктейля. Конечно, я обслужил его первым. Это остановило поток остроумия у Квиггла и, возможно, спасло ему жизнь.

Скоро босс и я остались одни. Он тихо произнес:

— Кип, почтительное отношение к живым существам не обязывает человека уважать очевидные ошибки природы.

— Сэр?

— Можешь в следующий раз не обслуживать Туза. Мне не нравится, как он себя ведет.

— А, не расстраивайтесь. Он безобидный.

— Не знаю, насколько безобидны такие люди. Знать бы, насколько развитие цивилизации тормозят такие хихикающие болваны, безмозглые идиоты... Иди домой, завтра тебе рано вставать.

Семья Джейка Биксби пригласила меня отметить с ними День труда на лесном озере. Я был не прочь, не только для того, чтобы спастись от жары, но и чтобы обсудить свои проблемы с Джейком. Однако я ответил:

— Да ну, мистер Чартон. Я не могу оставить вас без помощника.

— В праздники не бывает много посетителей; я могу вообще не включать автомат. Отдыхай на здоровье. Этим летом ты хорошо потрудился, Кип.

Я дал себя уговорить, но остался до самого закрытия и даже подмел магазин. Потом потащился домой, напряженно размышляя.

Вечеринка закончилась, пора убирать игрушки. И деревенскому дурачку понятно, что скафандр мне ни к чему. Не то чтобы меня задевали шуточки Туза... но скафандр мне действительно был не нужен — а вот деньги нужны. Даже если и Стенфордский университет, и Массачусетский технологический институт, и университет Карнеги отклонят мои документы, в этом семестре

я все равно начну учиться. Университет штата был не лучшим — но и я не из лучших. К тому же я уже понял, что от студента зависит больше, чем от учебного заведения.

Мама уже легла спать, папа читал. Я поздоровался и пошел в сарай, собираясь снять с Оскара свое оборудование, упаковать его в собственный ящик, надписать адрес, а утром позвонить в отдел перевозок, чтобы его забрали. Его уже не будет, когда я вернусь с лесного озера. Легко и просто.

Он висел на своей вешалке, и мне показалось, что он мне улыбнулся. Чепуха, конечно. Я подошел и похлопал его по плечу.

— Ну, старик, ты был хорошим другом, и с тобой было приятно общаться. Увидимся. На Луне, надеюсь.

Однако Оскару не бывать на Луне. Оскар отправлялся в Акрон, штат Огайо, в отдел списания. Там с него свинтят все сколько-нибудь годное, а остальное выкинут на свалку.

У меня во рту пересохло.

«Ничего, дружище»,— сказал Оскар.

Видали? Да что это со мной? Оскар, конечно, молчал; это мое воображение распоясалось. Так что я перестал его похлопывать, выволок ящик и снял с его пояса гаечный ключ, чтобы отвинтить баллоны.

И замер.

Баллоны были заправлены, один кислородом, другой смесью кислорода и гелия. Я на это потратился, хотел хоть разок нюхнуть, чем дышат космонавты.

Батареи были свежие, аккумуляторы заряжены.

— Оскар,— сказал я трепетно,— пройдемся в последний раз. Ладно?

«Классно!»

Я выложился, как перед решающей поверкой — вода в бачке, аптечка заряжена, еще одна герметичная аптечка (я надеялся, что герметичная!) в наружном кармане. Инструменты на поясе, привязаны ремнями, чтобы не уплыли в невесомости. Все в порядке.

Затем я запустил контур, за который мне бы не поздоровилось, если бы Федеральная комиссия связи о нем узнала. Я поставил его, когда делал рацию для Оскара. Я собирался тестировать им уши Оскара и остронаправленную антенну. Этот контур

был сцеплен с эхо-ответчиком — эту штуку я вытащил из древнего, *проволочного* магнитофона выпуска 1950 года.

Итак, я залез в Оскара и застегнулся.

— Штатно?

«Штатно!»

Я глянул на приборную индикацию, оценил цвет крови, убавил давление так, что Оскар почти что съежился. При таком нормальном наружном давлении недостаток кислорода мне не грозил; не отравиться бы от избытка его.

Мы уже выходили, когда я кое-что вспомнил.

— Секунду, Оскар.

Я написал предкам, что на озеро уеду рано утром — первым автобусом. Я до того освоился со скафандром, что мог не только писать — вдел бы и нитку в иголку. Я подсунул записку под дверь кухни.

Мы перешли ручей и пошли по выгону. Брод через ручей меня уже не смущал. Я привык к Оскару и твердо стоял на ногах.

Выйдя на поле, я включил рацию:

— Майский жук, вызываю Чибиса. Чибис, прием...

Через несколько секунд эхоответчик ответил моим голосом:

— Майский жук, вызываю Чибиса. Чибис, прием...

Я переключился на прием. В темноте нелегко было найти нужную клавишу, но у меня получилось. Потом я вернулся на остронаправленную антенну и, смещаясь по выгону, продолжал вызывать Чибиса и связываться с венерианской базой в условиях неизвестной топографии и непригодной атмосферы. Все работало как часы, и, будь я вправду на Венере, чувствовал бы я себя отлично.

Два огня пересекли южную полусферу. Самолеты... или вертолеты. Отдельные психи такие явления громогласно объявляют «летающими тарелками». Я проводил огни взглядом, вышел из-за холма, создающего радиотень, и снова вызвал Чибиса. Чибис ответил, но... мне надоело. Сколько можно разговаривать с тупым контуром, который может только попугайничать.

Вдруг я услышал:

— Чибис — Майскому жуку! Прием!

Я подумал, что мою шарманку засекли и сейчас начнутся проблемы, но потом решил, что это какой-нибудь радиолюбитель. Я ответил:

— Майский жук на связи. Я вас слышу. Кто вы?

Сработал автоповтор.

Чужой голос прокричал:

— Я Чибис! Прошу посадки!

Это было глупо, конечно. Но я рефлекторно произнес:

— Майский жук — Чибису, переключитесь на частоту один сантиметр и не прекращайте связи.

Я переключился на прием.

— Майский жук, вас слышу. Пеленгуйте меня. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

— Вы южнее меня, азимут сорок. Кто вы?

Один из тех огней, не иначе...

Это было все, что я успел подумать. Космический корабль приземлился мне чуть ли не на голову.

Глава 4

Это был именно «космический корабль», не «ракета». Не было ни грохота, ни пламени — похоже, двигателем ему служила благодать святого духа.

Впрочем, когда тебя собираются прессовать такой массой, не до подробностей. Скафандр — это вам не трико, хорошо, что я к нему уже приспособился...

Корабль приземлился в точности туда, где я только что стоял. На выгоне возникли очертания огромного темного контура.

С мягким шипением опустился второй корабль.

У первого открылся люк. Дверь осветилась; из корабля выскользнули две тени и рванули куда-то. Одна из них неслась изящно, как кошка; другую явственно стеснял скафандр. Вот уж точно, дурацкий вид у человека в скафандре. Росту в нем было футов пять и походил он на пряничную фигурку.

Что в скафандре мешает, так это узкий сектор обзора. Я наблюдал за силуэтами и не заметил, как открылась дверь второго корабля. Первая фигура остановилась, поджидая вторую, в скафандре, и вдруг упала. Раздался вздох: «Иииох!» и тяжкий удар.

Вскрик боли ни с чем не спутаешь. Я спотыкающейся рысцой подбежал к ним, наклонился, пытаясь рассмотреть, что случилось, и навел прожектор шлема на лежащего...

...пучеглазого инопланетного монстра...

Стыдно, но это была моя первая мысль. Я глазам не поверил, и ущипнул бы себя, если бы скафандр позволил.

Непредвзятый разум (а мой им не был) заметил бы, что этот монстр довольно симпатичен. Невелик, мне по пояс, элегантен,— но грация не девичья, а скорее как у леопарда, хотя и это сравнение хромает. Я не мог понять, на что он вообще похож — он не был похож ни на что, не вызывал никаких ассоциаций.

Но он был ранен. Он корчился. Он широко открывал свои огромные глаза, мутные и безразличные, как будто закрытые мигательной перепонкой. То, что должно было быть его ртом...

Больше я ничего не увидел. Что-то шарахнуло меня по хребту, точно между баллонами.

Я очнулся на голом полу. Вверху был потолок. Не сразу я собрался с мыслями, а собравшись, обалдел. Глупость какая-то. Я выгуливал Оскара... потом приземлился космический корабль... и этот пучеглазый...

Я рывком поднялся, потому что понял, что Оскара на мне нет.

Тоненький голосок окликнул:

— Эй! Привет!

Я дернул головой. На полу, откинувшись на стену, сидел пацан лет десяти. Он... нет. Мальчишки, как правило, не нянчатся с тряпичными куклами. Существо было в том возрасте, когда разница между мальчишкой и девчонкой еще не очень велика, и было одето в рубашку, шорты и грязные кроссовки. Да и острижено коротко, так что я мог ориентироваться только на тряпичную куклу.

— И тебе привет,— сказал я.— Как у тебя дела?

— Пытаюсь выжить. Насчет тебя — не знаю.

— Что-что?

— Выживаю. Вдыхаю и выдыхаю воздух. Коплю силы. Больше здесь пока нечего делать, они нас заперли.

Я огляделся. Комната около десяти футов шириной, с четырьмя стенками, но не прямоугольная, а как-то клином, и в ней ни-

чего, кроме нас, не было. Двери я не заметил; даже если нас и не заперли, выйти было некуда.

— Кто нас запер?

— Они. Космические пираты. И *он*.

— Космические пираты? Не говори глупостей.

Ребенок пожал плечами.

— Просто я их так называю. Только *их* лучше не считать глупыми, если хочешь выжить. Ты майский жук?

— Сам ты майский жук.

Космические пираты, подумать только! И так выбит из колеи, а тут вся эта чушь... Где Оскар? Где я *сам*?

— Да не майский жук, а «Майский жук» — позывные. А я «Чибис». Понимаешь?

Так, понятно. Дружище Кип, стройными рядами — и к психиатру... Дойди потихоньку до ближайшей больницы и сдайся. Когда собранная тобой схема прикидывается тощей девчонкой с тряпичной куклой, это значит, что ты свихнулся. Впереди мокрые обертывания, транквилизаторы и никаких развлечений. Приехали.

— Ты? «Чибис»?

— Да, так меня называют. Понимаешь, слышу я в эфире «Майский жук — Чибису, прием», думаю — наверное, папа меня разыскал и поднял тревогу. Чтобы кто-нибудь помог мне приземлиться. Но если ты не «Майский жук», ты об этом знать не можешь. Ты кто?

— Постой, я и есть «Майский жук». То есть это мой позывной. А вообще-то я Клиффорд Расселл, можно просто Кип.

— Приятно познакомиться, Кип.

— Взаимно, Чибис. Слушай, а ты мальчик или девочка?

Эк она вспыхнула.

— Ты мне за это ответишь. Конечно, для своего возраста я невысокая, но мне уже одиннадцать, скоро будет двенадцать. И нечего грубить. Лет через пять будешь умолять меня станцевать с тобой хоть разок.

В тот момент я предпочел бы танцевать с табуреткой, но не стал спорить понапрасну.

— Ну, извини, Чибис. Я еще в себя не пришел. Ты хочешь сказать, что была в том первом корабле?

Кажется, она опять обиделась.

— Вообще-то я его вела.

...Снотворное, психоанализ.... А ведь я еще так молод...

— Ты — его вела?

— А кто ты думаешь, Мамми, что ли? Она бы с рычагами не справилась. Она сидела рядом и подсказывала. Но если ты думаешь, что это так просто, то ты ошибаешься. Ведь раньше я летала только на «Сессне» с папой под боком и никогда сама не приземлялась. И у меня получилось! — а ведь на посадку ты заводил неважно. Что же они сделали с Мамми?

— С чем?

— Ты не знаешь? Боже мой!

— Минуточку, Чибис. Давай настроимся на одну частоту. Допустим, я «Майский жук». Допустим, вел тебя на посадку,— и если ты думаешь, что каждый день слышу из ниоткуда голоса, требующие срочной посадки, то ты тоже ошибаешься. Так вот, приземлился корабль, за ним еще один, в первом открылся люк и выпрыгнул парень в скафандре...

— Это была я.

— ...потом что-то еще выскочило...

— Это была Мамми.

— Однако она далеко не ушла. Она вскрикнула и свалилась. Я подошел посмотреть, в чем дело, и что-то меня шандарахнуло. Дальше — твои слова: «Эй, привет!»

Я посомневался, говорить ли ей, что, возможно, все остальное, вплоть до нее самой, глюки от морфия. Быть может, на самом-то деле я лежу в больнице с загипсованным позвоночником.

Чибис задумчиво кивнула.

— Наверное, в тебя попали слабым зарядом. Иначе тебя бы здесь не было. Ну что ж, раз тебя поймали и меня поймали, то почти наверняка поймали и ее. Боже мой! Надеюсь, ей не очень досталось.

— Похоже, она как умирала.

— Похоже, что она умирала,— поправила меня Чибис.— Сложноподчиненное предложение. Я в этом сильно сомневаюсь. Ее очень трудно убить, да они и не стали бы, разве что при попытке к бегству. Она нужна им живой.

— Почему? И почему ты называешь ее Мамочкой?

— Погоди, Кип. Она Мамми, потому что... ну, потому что это *так и есть*, вот и все. Познакомишься с ней — сам поймешь. А почему не стали бы убивать — да потому что как заложник она ценнее, чем как труп. Поэтому они и меня здесь держат. Хотя она для них намного ценнее, чем я — меня бы они списали, не моргнув глазом, если бы я принялась дергаться. Да и тебя тоже. Но раз ты говоришь, что она была жива, значит, ее, видимо, поймали и заперли. Может быть, прямо здесь, за стенкой. Знаешь — мне даже полегчало от этого.

Мне — нисколько.

— Ладно, а где мы вообще?

Чибис взглянула на часики с Микки Маусом, нахмурила лоб и произнесла:

— Примерно на полпути к Луне, по-моему.

— Как-как?!

— Ну, точно я *не знаю*. Но имеет смысл предположить, что они захотят вернуться на свою ближайшую базу. Именно оттуда мы с Мамми попробовали сбежать.

— Ты хочешь сказать, что мы на корабле?

— Либо на том, который я украла, либо на втором. А ты думал, мы где, Кип? Где же еще ты мог оказаться?

— В психушке.

Она сделала большие глаза, потом ухмыльнулась:

— Послушай, Кип, ты же не настолько потерял связь с реальностью?

— Теперь я уже ни в чем не уверен. Космические пираты, мамочка...

Она нахмурилась и погрызла свой большой палец.

— Пожалуй, все это может сбить с толку. Но ты верь себе. Я вот никогда не теряю связи с реальностью, уверяю тебя. Понимаешь, я — гений. Сказанное прозвучало не похвальбой, а констатацией факта, и мне почему-то не пришло в голову оспаривать это заявление, хотя оно и исходило от тощего ребенка с тряпичной куклой в руках.

Однако я не понимал, как это может нам помочь.

Чибис продолжала:

— Космические пираты... хм. Дело не в названии. Они действуют по-пиратски, орудуют в космосе — как ты еще их назовешь? Что касается Мамми... подожди, пока познакомишься с ней.

— А что она делает в этой заварушке?

— Ну, это сложно. Лучше пусть бы она сама объяснила. Она — полицейский, и она гналась за ними...

— Полицейский?

— Боюсь, что здесь еще один случай семантической неадекватности. Мамми знает, что мы подразумеваем под словом «полицейский» и, думаю, считает, что идея, заложенная в этом понятии, запутана до степени невыполнимости. Однако как ты назовешь человека, который охотится за злодеями? Полицейский, разве нет?

— Пожалуй, да, полицейский.

— Ну вот,— она снова посмотрела на часы.— А сейчас нам лучше как-нибудь закрепиться. Через несколько минут пересечем среднюю точку траектории, а от диаметральной трансфигурации вектора гравитации теряешь ориентацию в пространстве, даже если привязан.

Я читал о таких штуках, но только в качестве теоретического маневра; я никогда не слышал о корабле, который мог это проделать. Если это вообще был корабль. Пол подо мной был твердым, как бетон, и столь же неподвижным.

— Не вижу, за что тут можно зацепиться.

— Боюсь, что ты прав. Но если мы усядемся где поуже и попробуем упереться ногами, то, думаю, сможем удержаться. Поторопись, мои часы могут отставать.

Мы сели на пол в узкой части комнаты, где ширина между сходящимися клином стенами была не более пяти футов, и заняли положение лицом друг к другу. Как альпинисты в расщелине, уперлись ступнями в ступни. Точнее, мои ступни в носках упирались в ее кроссовки. Мои кроссовки, должно быть, так и стояли на верстаке. Мне подумалось, что если они бросили Оскара на выгоне, папа, быть может, его найдет.

— Держись крепче, Кип, и хватайся руками за палубу.

Я так и сделал.

— Откуда ты знаешь, когда мы будем переворачиваться?

— Так я сознание не теряла. Они просто схватили меня и затащили в корабль, так что я знаю, когда мы стартовали. Если предположить, что мы летим на Луну, а скорее всего это так, и что полетное ускорение равняется одному g — а это тоже похоже на правду, потому что я чувствую, что вешу как обычно... А ты?

— Пожалуй,— сказал я, поразмыслив.

— ...Значит, так оно и есть, хотя я могу ошибаться; я слишком долго пробыла на Луне. Итак, если все эти предположения верны, то путешествие почти наверняка займет три с половиной часа, так что,— Чибис взглянула на часы,— расчетное время прибытия — 10:30 утра, а коррекция траектории — в семь сорок пять. С минуты на минуту.

— Разве уже так поздно? — я посмотрел на свои часы.— А на моих четверть второго.

— Это в твоем часовом поясе. А мои часы поставлены по лунному времени, то есть по Гринвичу. Ой-ой! Началось!

Пол качнулся, опрокинулся и ушел вниз, вестибулярный аппарат отреагировал соответственно.

Все постепенно вставало на свои места. Я очухивался после приступа головокружения.

— С тобой все в порядке? — спросила Чибис.

Я с трудом сфокусировал глаза.

— Вроде бы. Как после полутора литров пива на пустой желудок.

— Мне никогда не хватало духу инвертировать вектор так стремительно, как этот пилот. Вообще-то это не больно, а глаза скоро проморгаются. Однако дело ясное. Мы на пути к Луне. Прилетим через час и сорок пять минут.

Я все еще не мог поверить.

— Чибис! Что за корабль может идти до самой Луны с ускорением в один g? Он что, секретный? И вообще, что *ты* делала на Луне? И почему ты украла корабль?

Она вздохнула и обратилась к кукле.

— Мадам Помпадур, вы видали такого мальчика-почемучку? Кип, как я могу отвечать на три вопроса сразу? Корабль — летающая тарелка, и...

— Летающая тарелка! С тобой все понятно!

— Перебивать невежливо. Можешь называть ее как угодно, это не официальный термин. На самом деле по форме она как сплющенный у полюсов сфероид. Это геометрическое тело...

— Я знаю, что такое сфероид,— отрезал я.

Я был вымотан и расстроен всем происшедшим, от дурацкого кондиционера, который погубил пару отличных штанов, до удара в спину в ответ на попытку проявить заботу о ближнем. Не говоря уже о Тузе Квиггле. А что до маленьких девочек, то им стоило бы держать свою гениальность при себе.

— Нечего рявкать,— сказала она с осуждением.— Я знаю, что за летающие тарелки принимают все, что угодно — от метеозондов до уличных фонарей. Но я совершенно уверена, что, исходя из принципа Бритвы Оккама...

— Какой еще бритвы?

— Оккама. Принцип отсечения лишних гипотез. Ты хоть с логикой знаком?

— Мало.

— Так вот... я подозревала, что примерно одно из каждых пятисот «наблюдений» летающих тарелок — это реальный корабль, такой как этот. В сумме получается много. А по поводу того, что я делала на Луне... — она замолчала и ухмыльнулась.— Я, вообще-то, не подарок.

С этим я не спорил.

— Давным-давно, когда мой папа был маленьким, Хайденский планетарий стал бронировать места на Луну. Это была просто рекламная акция, вроде недавнего дурацкого мыльного конкурса, но папа записался. А теперь, много лет спустя, открылся лунный туризм, и в Хайдене передали эти списки в «Американ Экспресс» — а тот известил кандидатов, которых они смогли разыскать, что они имеют право полететь первыми.

— Значит, твой отец полетел на Луну?

— Господи, конечно нет! Папа попал в эти списки еще маленьким. А теперь он шишка в Институте перспективных исследований, и ему некогда развлекаться. Мама не полетит ни за какие коврижки. Ну я и говорю, дескать, *я полечу*. Папа сказал: «*Нет*!», мама сказала: «*Боже мой, нет*!» ...вот я и полетела. Я могу быть очень стервозной, если захочу,— добавила она горделиво.—

У меня такой талант. Папа говорит, что я маленькое аморальное чудовище.

— Думаешь, он прав?

— Конечно, прав. Он-то меня понимает, а вот мама только всплескивает руками и говорит, что у нее сил больше нет. Так вот, целых две недели я вела себя совершенно ужасно и невыносимо, и в конце концов папа сказал: «Ради всего святого, пусть она отправляется! Может, за нее хоть страховку дадут!» И я отправилась.

— Хмм... я все-таки не понял, как ты в этом корабле очутилась.

— А-а... я околачивалась там, где не положено, делала то, что запрещается. Я всегда стараюсь глазеть по сторонам; узнаешь много нового. Вот они меня и сцапали. Они бы предпочли папу, но теперь надеются обменять меня на него. Я не могла этого допустить, поэтому пришлось сбежать.

— Это сделал дворецкий,— мрачно пробормотал я.

— Что?

— Твой рассказ напоминает детективы — в нем так же много нестыковок и дыр.

— Ну я тебе точно говорю, что это обычное... ой-ой, опять начинается!

Но произошло только одно — освещение сменилось с белого на голубое. Никаких плафонов там не было; мерцал весь потолок. Мы распластались по полу. Я хотел встать, и не смог.

Я чувствовал себя, словно пробежался по пересеченной местности, и выдохся так, что едва дышал. Вряд ли причиной был собственно голубой свет. Голубая составляющая — просто лучи в диапазоне от 4300 до 5100 ангстрем, она присутствует в солнечном спектре. Однако, что бы там ни подмешали в это голубое сияние, мы от этого обмякли, как веревки.

Чибис пыталась мне что-то сказать:

— Если... они придут за нами... не сопротивляйся... и... главное...

Голубой свет снова сменился белым. Узкая стена стала отъезжать в сторону.

Побелевшая от страха Чибис нашла силы договорить:

— ...главное... не сопротивляйся... *ему*.

Двое мужчин вошли в комнату и, отодвинув Чибис, связали мне запястья и лодыжки, да еще обвязали веревкой вокруг пояса, прикрутив локти к туловищу. Мало-помалу я начал выходить из оцепенения, но был все еще настолько слаб, что не смог бы и почтовую марку лизнуть. Я так хотел им врезать по черепу... но с тем же успехом бабочка может пытаться приподнять штангу.

Они вытащили меня. Я запротестовал.

— Послушайте, куда вы меня тащите? Что вообще происходит? Я на вас в суд подам. Я...

— Заткнись,— сказал один. Это был костлявый коротышка, лет пятидесяти или старше. Вид у него был такой, как будто он никогда в жизни не улыбался. Второй, помоложе,— толстый, с обиженным детским ртом и ямочкой на подбородке — выглядел так, будто мог бы и посмеяться, если беспокоиться не о чем. Но сейчас он был обеспокоен:

— Тим, мы можем влипнуть. Надо вышвырнуть его в космос... надо их обоих выкинуть в космос... и выдать *ему* за несчастный случай. Можно сказать, что они развязались и попытались смыться через люк. *Он* никогда не узнает...

— Заткнись,— без всякого выражения ответил Тим.— Хочешь неприятностей? Вакуума хочешь хлебнуть?

— Но...

— Заткнись.

Они протащили меня по изогнутому коридору в какую-то комнату и бросили на пол.

Я лежал лицом кверху, но не сразу понял, что это, видимо, рубка. Ни один человек не сделал бы такую рубку, да она и не была создана человеком.

Тут-то я и увидел *его*.

Чибис могла не предупреждать; я и не подумал *ему* сопротивляться.

Коротышка был крут и опасен, толстяк — подл и беспощаден; но по сравнению с *ним* они были херувимами. Если бы я пришел в себя, я мог бы побороться с теми двумя любым способом по их выбору; думаю, ни одного человека я бы не испугался, если он не обладает чрезмерными преимуществами.

Но не *его*.

Он не был человеком, но пугало не это. Слоны тоже не люди, но они народ симпатичный. Внешне *он* больше походил на человека, чем слон, но это не имело значения. Стоял он прямо, с одной стороны у него были ноги, с другой голова. Он был не более пяти футов ростом, но это тоже не имело никакого значения; он подавлял, как человек подчиняет лошадь. Его торс был никак не меньше моего, но его фигуру укорачивали короткие толстые ноги с выпирающими ступнями (если это были ступни), похожими на диски. Когда он двигался, они как-то хлюпали. Когда он стоял, на манер треножника, выпячивался то ли хвост, то ли третья нога. Ему не требовалось садиться, да и вряд ли он смог бы сесть.

Короткие ножки не делали его медлительным. Его движения были неуловимо быстрыми, как бросок змеи. Была ли то более совершенная нервная система и более эффективная мускулатура? Может, на его родной планете выше сила тяжести?

Его руки змеились — суставов в них было больше нашего. Рук было две пары — одна на поясе, другая под головой. Плеч не было. Я не смог сосчитать его пальцы, похожие на щупальца,— они находились в беспрестанном движении. Одежды на нем не было, кроме пояса, сверху и снизу охватывавшего нижние руки. К поясу было прикреплено что-то вроде кошелька и ключей. Кожа его была коричневато-пурпурной и лоснилась.

Кем бы *он* ни был, он не был соплеменником Мамми.

От него шла слабая сладковатая мускусная вонь. Любая переполненная людьми комната в жару разит еще почище, но если я еще когда-нибудь учую этот запах, то покроюсь мурашками, а язык в ужасе онемеет.

Все это я рассмотрел постепенно; сначала я видел только его... лицо. Как еще *это* назвать... Я до сих пор не описал его, потому что боюсь, что меня затрясет. Но я его опишу, чтобы вы, увидев такое, стреляли не раздумывая, пока ваши кости не превратились в желе.

Носа не было. Он дышал кислородом, но куда входил и откуда выходил воздух, понять было невозможно. Частично он дышал ртом, раз он разговаривал. Его рот был вторым отвратительным органом. Челюсть и подбородок заменяли жвалы, которые разделялись на три неравные части. Во рту несколько рядов мелких зубов. Языка я не заметил. Вместо него рот был окаймлен

ресничками вроде червей. И эти реснички беспрестанно шевелились.

Я сказал, что его рот был вторым по отвратительности органом. Первым были глаза. Огромные, выпученные, широко расставленные, защищенные острыми роговыми кромками. Они, словно локаторы, двигались вверх-вниз и из стороны в сторону.

Он никогда не смотрел на вас, и он *всегда* смотрел на вас.

Когда он повернулся, я увидел третий глаз на затылке. Похоже, он постоянно сканировал пространство, как радар.

Какой же мозг может обработать информацию, поступающую сразу отовсюду? Сомневаюсь, что человеческий на это способен, даже если как-то обеспечить поступление информации. В его голове для крупного мозга места явно маловато, но, может быть, его мозг не там? Если вдуматься, люди носят свои мозги довольно открыто, а ведь это не очень-то удобно.

Но мозг-то у него был. Он пришпилил меня, как букашку, и выжал все, что хотел. Он не терял времени на всякие преамбулы; он просто спрашивал, а я отвечал. Время тянулось бесконечно — казалось, что прошли дни, а не часы. По-английски он говорил невнятно, но понять было можно. Губные согласные у него были все одинаковы, «б», «п» и «в» — неразличимы. Гортанные звучали очень редко, а у зубных был какой-то цокающий оттенок. Однако почти все я понимал, а когда не мог понять, он не угрожал и не наказывал; просто повторял свой вопрос.

Речь его была лишена всякого выражения. Он допрашивал, пока не выяснил, кто я, чем занимался, а также все остальное, что его интересовало. Он спрашивал, как я оказался там, на выгоне, почему был одет в скафандр, когда меня подобрали. По нему было непонятно, нравятся ему мои ответы или нет.

Он с трудом осмыслил, что такое «обслуживать автомат с газировкой», а когда я рассказал о конкурсе мыла «Звездный путь», сути он, кажется, так и не понял. Но я обнаружил, что тоже многого не знаю, например какова численность человечества и сколько тонн протеина мы производим ежегодно.

Спустя бесконечность он получил все, что хотел, и приказал:

— Уберите это.

Шестерки все еще ждали рядом. Жирный сглотнул и спросил:

— Вышвырнуть в космос?

Он вел себя так, будто убить меня или нет, было для него все равно, что выкинуть или сохранить обрывок веревки.

— Нет. Он глуп и неразвит, но, возможно, потом мне понадобится. Поместите его обратно в карцер.

— Да, босс.

Они выволокли меня наружу. В коридоре Толстяк сказал:

— Давай развяжем ему ноги, пусть сам идет.

— Заткнись,— отозвался Тощий.

Чибис безучастно сидела прямо за входной панелью. Я смекнул, что ее еще раз долбанули этой голубизной. Они перешагнули через нее и свалили меня на пол. Тощий вырубил меня ударом в шею. Когда я очухался, их не было, руки-ноги были свободны, а Чибис сидела рядом. Она озабоченно спросила:

— Очень плохо?

— А то,— согласился я, и меня всего передернуло.— Чувствую себя лет на девяносто.

— Не стоило тебе на него смотреть, особенно в глаза. Отдохни немного, полегчает.— Она взглянула на часы.— Через сорок пять минут посадка. До тех пор о тебе не вспомнят.

— Что? — я сел.— Я пробыл там всего *час*?

— Даже меньше. А кажется, что вечность. По себе знаю.

— Надо же, как выжатый лимон...— я нахмурился, припоминая.— Чибис, когда они пришли за мной, я ничего не боялся. Я собирался потребовать, чтобы меня освободили, чтобы объяснили. Но *ему* я так и не задал ни одного вопроса, ни одного.

— И никогда не задашь. Я пробовала. Но сила воли просто уходит из тебя. Как у кролика перед удавом.

— Да.

— Кип, теперь ты понимаешь, почему я должна была использовать малейший шанс, чтобы убежать? Ты, кажется, не поверил моему рассказу; теперь веришь?

— Теперь верю.

— Спасибо. Я всегда говорила, что у меня есть гордость, и мне наплевать, что люди подумают, но на самом деле это не так. Мне нужно было вернуться к папе и рассказать ему... потому что он

единственный во всем белом свете, кто мне бы поверил, как бы по-идиотски это ни звучало.

— Понимаю. Думаю, что понимаю. И все же, как ты оказалась в Кентервиле?

— Кентервиле?

— Там, где я живу. Где «Майский жук» вызывал «Чибиса».

— Да я не собиралась туда лететь. Я собиралась приземлиться в Нью Джерси, лучше всего в Принстоне, потому что хотела отыскать папу.

— Да, ты чуток промахнулась.

— Думаешь, ты смог бы лучше? Ведь почти вышло, но все было против меня. Эти корабли не так трудно вести; просто нацеливаешься и летишь, не нужно мудрить, как в наших космических кораблях. И Мамми мне помогала. Но пришлось тормозить в атмосфере, делать поправку на вращение Земли, а тут я не очень сильна. Вот и вышло, что мы залетели слишком далеко на запад, а они гнались за мной, я растерялась... а потом услышала тебя на служебной частоте и решила, что все правильно — что я выбралась,— она развела руками.— Прости меня, Кип.

— Ладно, хорошо, что вообще села. Говорят, удачная посадка — это та, с которой ушел на своих ногах.

— Прости, что я тебя впутала в это дело.

— Ну... насчет этого не волнуйся. Не меня, так кого-нибудь другого. Чибис... что *ему* нужно?

— Имеешь в виду — *им?*

— Им? Не думаю, что те двое что-нибудь значат. Главный-то *он.*

— Я не говорю про Тима и Джока — они люди, хоть и подонки. Я имею в виду *их — его* и таких, как он.

Причины для разжижения мозгов, конечно, имелись: меня трижды нокаутировали, я не спал ночь, и вообще такие передряги не каждый день случаются. Но пока Чибис не поправила меня, мне и в голову не приходило, что таких, как *он*, могло быть много — а ведь и его одного было более чем достаточно.

Но если есть один, то должны быть и тысячи — а возможно, миллионы и миллиарды. Я почувствовал, как у меня сердце уходит в пятки — и еще ниже.

— Ты видела и других?

— Нет. Только *его.* Но Мамми мне говорила.

— Ничего себе! Чибис, что *они* задумали?

— Не въехал? Они готовят вторжение.

Расстегнутый воротник начал меня душить.

— Как это?

— Не знаю.

— Ты хочешь сказать, что они нас перебьют и захватят Землю?

Она замялась.

— Это еще куда ни шло.

— Э-э... поработят нас?

— Теплее. Кип... думаю, они питаются мясом.

Я сглотнул.

— Веселенькие у тебя, малявка, мысли.

— Мне, думаешь, нравится? Поэтому я и хотела все папе сказать.

Ответить было нечего.

Древний, древний страх о судьбах человечества. Папа пересказывал мне детские воспоминания о радиопостановках про нашествие марсиан — это были чистые выдумки, но они повергали людей в панику. Теперь люди в это не верят; после того как мы высадились на Луне, облетели Марс и Венеру, все, кажется, уверились, что жизни в космосе нет.

И вот она, перед глазами.

— Чибис, они марсиане? Или с Венеры?

Она покачала головой.

— Они издалека. Мамми пыталась объяснить, но я не поняла ее.

— Но хоть из Солнечной системы?

— Именно этого я и не поняла. И да, и нет.

— Так не бывает!

— Ну и спроси ее сам.

— С удовольствием.— Я замялся, но потом выпалил: — Мне плевать, откуда они — мы их покрошим, не глядя... *не взирая* на них!

— Хорошо бы!

— А ты подумай сама. Если их корабли и есть летающие тарелки (настоящие, а не метеозонды), то они уже сколько лет следят за нами. Следовательно, в себе они не уверены, хотя и выглядят так устрашающе, что от их взгляда молоко скисает. Иначе они бы просто вторглись на Землю, и всех бы освежевали. Но они этого не сделали. Это значит, что победить мы можем — если с умом возьмемся за дело.

Она с готовностью кивнула.

— ...Надеюсь, что так. Я думала, папа что-нибудь придумает. Но...— она нахмурилась.— Мы о них очень мало знаем... а папа всегда советовал не рубить с плеча при недостатке информации. «Не вари суп из одной устрицы, Чибис» — так он всегда говорит.

— Но я могу поспорить, что мы правы. Слушай, а кто твой отец? И как тебя зовут по-настоящему?

— Ну, мой папа — профессор Райсфельд. А меня зовут Чичелина Беатрис Исабель. Вот имечко: Чичелина — кошмар, согласись? Лучше называй меня Чибис.

— Профессор Райсфельд... А что он преподает?

— Ты совсем тупой? Не слышал, что папа получил Нобелевскую премию?

— Ну извини, Чибис. Я из провинции.

— Заметно... Папа *ничего не преподает*. Он *мыслит*. Он мыслит лучше всех... кроме меня, быть может. Он синтезист. Все остальные — специалисты в своих областях. А папа знает все и делает обобщения.

Может, оно и так, но я никогда о таких не слышал. Идея сводить части в единое целое шикарна, но для этакого нужен какой-то аномально башковитый парень; мы же загибаемся под лавиной информации. Профессор Райсфельд, видимо, о трех головах. Или о пяти.

— Ты с ним еще познакомишься,— добавила Чибис, глянув на часы.— Кип, нам лучше закрепиться. Сейчас сядем... а на пассажиров ему плевать.

Мы снова втиснулись в угол, вцепились друг в друга и замерли в ожидании. Вскоре корабль тряхнуло, пол содрогнулся. Затихло. Я почувствовал странную легкость. Чибис вытащила из-под себя ноги и встала.

— Ну вот и Луна.

Глава 5

Когда я был маленьким, мы играли в первую высадку на Луну. Потом романтические бредни уступили место трезвым поискам

способа достичь лунной поверхности. Но никогда мне в голову не могло прийти, что я попаду на Луну в клетке без окон, как мышь в обувной коробке.

Только мой вес свидетельствовал, что я на Луне. Увеличение веса можно смоделировать с помощью центрифуги. Но уменьшить вес — совсем другое дело; все, что доступно на Земле — несколько секунд полета с трамплина, затяжной прыжок с парашютом, «горка» на самолете.

А если уменьшение гравитации все длится и длится, то вы где угодно, только не на Земле. На Марсе я оказаться не мог; значит — Луна.

На Луне я должен весить чуть больше 25 фунтов. Примерно так я себя и чувствовал — мог бы пройтись по лужайке, не примяв травы.

Несколько минут я просто наслаждался этим, и, забыв о *нем* и наших бедах, с удовольствием вальсировал по комнате, слегка подпрыгивал, ударялся головой о потолок, и ощущал, как медленно, медленно, медленно опускаюсь на пол. Чибис уселась, пожала плечами и снизошла до улыбки. «Лунный старожил»! А ведь пробыла тут всего-то на две недели дольше моего.

У низкой гравитации немало минусов. Почти нет сцепления с опорой, ноги разъезжаются. Пришлось на собственной шкуре познать то, что я раньше знал только умом: вес уменьшается, но масса и инерция остаются. Чтобы сменить направление, даже при ходьбе, надо наклониться как на скейт-борде, но если нет трения (а у меня в носках на гладком полу его не было), ноги *выскальзывают из-под тела.*

Падать при одной шестой g не больно, но Чибис хихикала. Я уселся и сказал:

— Смейся, смейся, интеллектуалка. Хорошо тебе, в кроссовках-то, хихикать.

— Извини. Но ты так забавно парил и хватался за воздух, как в замедленном кино.

— Не сомневаюсь. Очень смешно.

— Я уже извинилась. Слушай, возьми мои кроссовки.

Я смерил глазами наши ноги и хмыкнул:

— Спасибо, конечно!

— Ну... ты можешь распороть задники или еще что-нибудь придумать. Мне и так будет нормально. Мне всегда нормально. А где твоя обувь, Кип?

— Да рядышком, четверть миллиона миль отсюда — если только мы вышли на нужной остановке.

— А-а. Ну, здесь она тебе не особенно нужна.

— Ага,— я покусал губу, обдумывая это «здесь» и больше не интересуясь играми с гравитацией.— Чибис? Что теперь будем делать?

— Ты о чем?

— О *нем.*

— Да ничего. Что мы можем сделать?

— Ну а что тогда делать?

— Спать.

— Что??

— Спать. ...*Тот дал нам лучший из даров, кто сонный выдумал покров, что скроет плотной пеленой все мысли наши до одной...*

— Хватить выпендриваться! Говори толком!

— Я и говорю толком. Сейчас мы беспомощны, как золотые рыбки в аквариуме. Мы просто хотим выжить. А первый принцип выживания — не застревать на том, что от тебя не зависит и сосредоточиться на том, что ты можешь сделать. Я хочу есть и пить, я себя неважно чувствую, очень устала... и все, что я могу с этим поделать, это лечь спать. Так что если ты будешь так любезен, что помолчишь, я этим и займусь.

— Намек понял. Не надо на меня огрызаться.

— Извини. Когда я устаю, я становлюсь злой, как собака. И папа говорит, что до завтрака ко мне подходить опасно.— Она свернулась калачиком и подоткнула свою растрепанную тряпичную куклу под подбородок.— Спокойной ночи, Кип.

— Спокойной ночи, Чибис.

Тут мне кое-что еще пришло в голову, я заикнулся было... и увидел, что она уже спит. Дыхание ее стихло, лицо разгладилось и больше не казалось настороженным и заумным. Верхняя губа оттопырилась сковородником, и она стала похожа на чумазого херувима. На щеках остались полоски высохших слез. А ведь я не заметил, когда она плакала.

Кип, сказал себе, ты влезаешь в скверную историю; это намного хуже, чем притащить домой брошенного щенка или котенка.

Я обязан позаботиться о ней... или сдохнуть за нее.

Может, так и получится. В смысле сдохнуть. Похоже, о себе-то я никогда не мог как следует позаботиться.

Я зевнул, потом еще раз. У креветки больше мозгов, чем у меня. Я измотался как никогда, хотел есть, пить и вообще мне было паршиво. Я подумал было побарабанить в дверную панель и вызвать толстого или худого. Но... разбужу Чибис, и да и *он* сочтет это сопротивлением.

Поэтому я растянулся на полу, как часто дремал дома на ковре в гостиной. Оказалось, что на Луне на жестком полу можно очень удобно устроиться; одна шестая земного притяжения — это матрас лучше всякого поролона — той взбалмошной принцессе в сказке Андерсена было бы не на что пожаловаться.

Заснул я мигом.

Снилась мне наиневероятнейшая космическая опера из всех, мною виденных. Теснились драконы, прекрасные девы с Арктура, рыцари в сверкающих скафандрах, действие перемещалось из дворца короля Артура на дно Мертвого моря Барсума.

И все бы ничего, вот только у герольда-распорядителя было лицо пришельца и голос Туза Квиггла. Он высовывался из экрана и скалился шевелящимися червеобразными ресничками.

«Победит ли Беовульф дракона? Вернется ли Тристан к Изольде? Найдет ли Чибис свою куклу? Включайте наш канал завтра вечером, а пока просыпайтесь и бегите в ближайшую аптеку, чтобы купить наждачную бумагу "Звездный путь", лучшее средство для чистки рыцарских доспехов. Подъем!»

Он высунул щупальце из экрана и схватил меня за плечо.

Я проснулся.

— Просыпайся,— говорила Чибис, тряся меня за плечо.— Пожалуйста, проснись, Кип.

— Отстань!..

— Тебе снился кошмар.

— Принцесса с Арктура в беде! и теперь я никогда не узнаю, чем все кончилось. На кой ты меня разбудила? Сама же говорила, что нужно выспаться!

— Ты дрыхнешь уже несколько часов — а сейчас, кажется, мы что-то можем сделать!

— Позавтракать?

Это она проигнорировала.

— Попытаться смыться.

Я резко сел, взлетел в воздух и опустился обратно.

— Ого! Как?

— Точно не знаю. Но мне кажется, что они ушли и оставили нас одних. Если так, другого шанса не будет.

— А с чего ты взяла, что они ушли?

— Послушай. Послушай внимательно.

Я вслушался. Я услышал свое сердце, дыхание Чибис, а потом и ее сердце. Такой тишины я и в пещерах не встречал.

Я вытащил нож, стиснул его зубами, чтобы звук передавался по костям, и приставил нож к стене. Ничего. Я попробовал прослушать пол и другие стены. Опять ничего. Корабль отзывался только тишиной — ни дрожи, ни стуков, ни тех вибраций, которые нельзя услышать, а можно только почувствовать.

— Похоже, ты права, Чибис.

— Я заметила, что прекратилась циркуляция воздуха.

Я повел носом.

— У нас кончается воздух?

— Пока нет. Но воздух не поступает — он выходил из тех крошечных отверстий там, наверху. Вообще-то это незаметно, но я насторожилась, когда он перестал идти.

Я напряженно размышлял.

— Я все-таки не понимаю, что это нам дает. Мы заперты.

— Может, и нет.

Я ковырнул стену ножом. Стена не из металла, и на пластик не похоже: нож ее не брал. Может, граф Монте Кристо и провертел бы в ней дырочку, но ему некуда было торопиться.

— Почему ты так думаешь?

— Каждый раз, когда они открывали и закрывали дверную панель, слышался щелчок. Так вот, когда они тебя вывели, я приклеила кусочек жвачки на стыке панели и стены, повыше, чтобы они не заметили.

— У тебя есть жвачка?

— Да. Помогает, когда нет ни глотка воды. Я...

— Еще есть? — живо спросил я. Было не до свежести дыхания, жажда мучила, никогда в жизни я так не хотел пить.

Чибис расстроилась.

— Ой, бедный Кип! У меня больше нет, это старый кусочек. Я его приклеила к пряжке ремня и жевала, когда особенно хотелось пить.— Она помялась.— Но возьми, если хочешь. Пожалуйста.

— Ну спасибо, Чибис. Спасибо большое. Лучше не надо.

Она оскорбилась.

— Уверяю вас, мистер Расселл, что не страдаю никакими заразными заболеваниями. Я просто хотела...

— Да-да,— поспешно сказал я.— Я в этом совершенно уверен. Но...

— Я учитываю, что мы находимся в экстремальной ситуации. И это гигиеничнее поцелуев — чего Вам, видимо, еще не доводилось!

— В последнее время нет,— я попытался сменить тему.— Но все, что я хочу, это глоток чистой холодной воды. Или грязной теплой воды... К тому же ты истратила свою жвачку на дверную панель. Чего ты хотела добиться?

— Так я же говорила тебе об этом щелчке. Папа говорит, что, если стоишь перед дилеммой, полезно изменить любую из переменных, а потом снова попытаться решить задачу. Я попыталась внести изменения с помощью моей жвачки.

— Ну?

— Когда они притащили тебя обратно и закрыли дверь, я не услышала щелчка.

— *Что*? Так ты знала, что перехитрила их замок, уже несколько часов знала — и не сказала мне?

— Именно так.

— Ну, я тебя выпорю!

— Не советую,— сказала она ледяным тоном.— Я кусаюсь.

Я поверил. Кусается. И царапается. И еще что-нибудь вытворяет. Я сменил тему.

— Почему ты мне не сказала, Чибис?

— Я боялась, что ты рванешься наружу.

— Ха! Конечно, я бы попробовал.

— Именно. Но я считала, что лучше не дергать дверь ...пока *он* на корабле.

Она точно гений. По сравнению со мной.

— Я тебя понял. Ладно, посмотрим, сможем ли мы ее открыть.

Я осмотрел панель. Кусок жвачки был на месте, так высоко, как она могла достать, и по тому, как он был размазан, было похоже, что он застрял в пазу, заклинив панель. Но никакой щели я не видел.

Я попробовал подцепить ее кончиком большого лезвия. Мне показалось, что панель отошла на одну восьмую дюйма — и в этот момент лезвие сломалось.

Я сложил сломанный нож.

— Есть какие-нибудь идеи?

— Может, прижать руки к панели и попробовать ее сдвинуть?

— Ладно.— Я вытер потные ладони о рубашку.— Ну, навались. Заодно разомнемся.

Панель отодвинулась вправо почти на дюйм — и больше ни с места. Но от потолка до пола протянулась щель толщиной с волос.

Остаток большего лезвия тоже сломался, а щель не стала шире. Чибис пискнула:

— О боже!

— Рано сдаваться.— Я отступил для разбега и ринулся к двери.

Ноги заскользили, я потерял равновесие и проделал медленный кульбит. На этот раз Чибис не засмеялась.

Я поднялся, отошел к дальней стене, уперся ногой и попробовал оттолкнуться, как пловец в бассейне.

Мне удалось долететь до двери и ударить ее, не особенно сильно. Я почувствовал, что она слегка прогнулась под ударом.

— Стой, Кип,— сказала Чибис.— Снимай носки. Я подтолкну сзади, мои кроссовки не скользят.

Она была права. На Луне, если нет резиновых подметок, лучше ходить босиком. Мы отошли к дальней стене, Чибис встала позади меня и положила руки мне на бедра. «Раз... Два... Три... Пошел!» Мы рванули с элегантностью бегемота.

Я ссадил плечо. Но панель выскочила из направляющей, открыв пространство дюйма в четыре.

На косяке я оставил кусок собственной шкуры, порвал рубашку, и ругался про себя по-черному... Но щель расширялась. Как

только я смог протиснуть голову, я распластался по полу и выглянул. В поле зрения никого не было — и это уже что-то значило, если учесть шум, который мы натворили. Если только они не решили сыграть с нами в кошки-мышки. Но вряд ли они до этого опустятся. Особенно *он*.

Чибис хотела было просочиться мимо меня, но я оттащил ее.

— Куда, хулиганка! Я пойду.

Еще пара рывков и я пролезу. Я раскрыл маленькое лезвие и протянул нож Чибис.

— Со щитом или на щите, солдат.

— Лучше ты возьми.

— Мне он не нужен. «Смерть о двух кулаках» — так именуют меня в темных аллеях.— Я отчаянно куражился, но зачем Чибис об этом знать? — «Кип без страха и упрека», спасаем девиц, дешево, *оптовые скидки*.

Я протиснулся на карачках, встал и огляделся.

— Вылезай,— тихонько сказал я.

Она полезла, но вдруг попятилась. Появилась вновь, сжимая свою замурзанную куклу.

— Чуть не забыла Мадам Помпадур,— сказала она, задохнувшись. Я даже не улыбнулся.

Но она вскинулась:

— Ну и что! Она мне нужна, я без нее не могу заснуть. Это мой комплекс, но папа говорит, что я его перерасту.

— Да, ясно, ясно.

— Нечего напускать на себя такой покровительственный вид! Это же не фетишизм, даже не первобытный анимизм, а просто условный рефлекс. Я давно знаю, что это всего лишь кукла, я давно поняла свою горькую ошибку... давно... много лет назад.

— Послушай, Чибис,— сказал я серьезно.— Мне все равно, как ты засыпаешь. Лично я бью себя молотком по голове. Прекрати. Ты в этих кораблях разбираешься?

Она огляделась.

— Думаю, мы в корабле, который меня преследовал. Но он такой же, как тот, который я вела.

— Отлично. Пошли в рубку.

— А?

— Ту консервную банку ты пилотировала. А эту сможешь?

— Н-наверное... Да, смогу.

— Тогда пошли.— Я повернулся туда, куда меня тащили.

— Но тогда у меня была Мамми, она мне подсказывала! Давай ее найдем.

Я остановился.

— Ты поднять корабль сможешь?

— Ну... да.

— Вот подними его в воздух, то есть в космос, я хочу сказать,— и поищем. Если она на борту, мы ее найдем. Если нет, ну... куда деваться.

— Ну... ладно. Логично, хотя мне это и не нравится,— она шагала вслед за мной.— Кип, какое ускорение ты выдерживаешь?

— Представления не имею. А что?

— Эти штуки могут летать намного быстрее, чем я пробовала. Зря я постеснялась.

— Зря ты полетела в Нью Джерси.

— Но я хотела найти папу!

— Правильно, по большому счету. Но лучше было бы рвануть на Лунную базу и поднять Федеральный Космический Корпус. Это не игрушки; нужна помощь. Где мы, как ты считаешь?

— Должно быть, *он* вернул нас на свою базу. Я скажу точно, когда сориентируюсь по небу.

— Ладно. Если сможешь определить, где Лунная база, направимся туда. Если нет — изо всех сил рванем в Нью Джерси.

Дверь рубки была заперта, и я никак не мог сообразить, как ее открыть. Чибис сделала то, что, по ее словам, должно было помочь — засунула мизинец в дырку, куда мой палец пролезть бы не смог, и сообщила, что замок защелкнут. Тогда я огляделся.

Я нашел металлический прут, висевший в коридоре, длиной около 5 футов, заостренный на одном конце, с четырьмя кастетоподобными рукоятками на другом. Черт ее знает, что это за штука, может у этих монстров такой пожарный топор, но крушить с его помощью было одно загляденье.

Через три минуты от двери одни щепки остались. Мы вошли.

Сначала у меня пошли мурашки по всему телу, потому что именно здесь *он* меня обрабатывал. Я взял себя в руки, но решил

про себя, что, увидев его, засажу эту железяку прямо в его мерзкие буркалы. Я осмотрелся, в первый раз по-настоящему оглядывая помещение. В центре было что-то вроде гнезда, окруженного устройством, смахивающим то ли на сильно навороченную кофеварку, то ли на велосипед для осьминога. Хорошо, что Чибис знает, на какую кнопку нажимать.

— А где внешний обзор?

— Вот,— Чибис проскользнула мимо меня и ткнула пальцем в какое-то отверстие.

Потолок был полусферический, как в планетарии. Когда зажглись огни, я понял, что это и есть планетарий. Дух захватило.

Вдруг оказалось, что мы стоим не на полу, а на платформе, висящей в пространстве, футах этак в тридцати от поверхности. Надо мной, на черном небосводе светились огни тысяч звезд, а прямо в лицо смотрела, огромная, как десяток полных лун, зеленая, милая и прекрасная Земля.

Чибис тронула меня за локоть.

— Очнись, Кип.

— Чибис, неужели в твоей душе нет ни капли поэзии?

— Конечно, есть. Навалом. Только времени нет. Я знаю, где мы, Кип — отсюда я и стартовала. Их база. Видишь те скалы с длинными резкими тенями? Частью они — камуфлированные корабли. Вон там, левее, высокий пик с седловиной, а еще левее, почти точно на запад, в сорока милях отсюда станция Томбо. Еще через двести миль — Лунная база, а за ней — Луна-Сити.

— Долго добираться?

— Двести пятьдесят миль? Мне не приходилось совершать местные перелеты, но думаю, что несколько минут.

— Поехали! Они могут вернуться в любой момент.

— Ага, Кип,— она забралась в это воронье гнездо и склонилась над аппаратурой.

Затем выпрямилась. Ее лицо было белым, тонким и совсем детским.

— Кип... никуда мы не полетим. Извини.

Я взвыл.

— Что! Что стряслось? Ты забыла, как им управляют?

— Нет. Здесь нет «мозга».

— Чего?

— «Мозга». Маленькая черная штуковина размером с грецкий орех, который вставляется вот сюда.— Она показала куда.— В тот раз мы смогли убежать, потому что Мамми умудрилась его украсть. Мы были заперты в пустом корабле, как мы с тобой сейчас. Но она его достала, и мы улетели,— Чибис выглядела уныло и потерянно.— Я должна была догадаться, что *он* не оставит «мозг» в рубке. Может, и я догадывалась... но не хотела это признавать. Прости.

— Нет, Чибис, мы так легко не сдадимся. Можно сварганить что-нибудь, что подойдет к этой розетке?

— Вроде как соединить проводки зажигания у автомобиля? — она покачала головой.— Это не так просто, Кип. Если поставить в автомобиль деревянную модель генератора, разве поедешь? Я точно не знаю, что делает эта штука, я и мозгом-то ее назвала, потому что она такая сложная

— Но... — я заткнулся. Если дикарю с острова Борнео дать новехонькую машину, совершенно целую, только без свечей, далеко он уедет? Внутренний голос подсказывает, что не очень.

— Чибис, какие еще есть идеи? Хоть какие-нибудь? Если нет — покажи хотя бы входной шлюз. Я возьму вот это,— я потряс своей железной дубинкой,— и буду дубасить всех, кто сунется.

— Я не знаю, что делать,— созналась она.— Надо найти Мамми. Если она тут, то что-нибудь подскажет.

— Хорошо... но покажи наконец входной шлюз. Потом ищи ее, я покараулю.

Во мне вскипал безрассудный гнев отчаяния... Раз уж нам не суждено отсюда выбраться,— а похоже на то,— надо было, по крайней мере, рассчитаться. Я хотел показать е*му*, что с людьми так не обращаются. Я был уверен — совершенно уверен: перед тем как под его взглядом оцепенеет мой хребет, я успею ему врезать. Размозжить его омерзительную харю.

Если не буду смотреть ему в глаза.

Чибис медленно произнесла:

— Есть... еще одна возможность...

— Какая?

— Н-не хотела бы предлагать. Вдруг ты подумаешь, что я хочу выбраться на твоем горбу.

— Не глупи. Если есть идея, давай.

— Ну... сорок миль отсюда, станция Томбо. Если мой скафандр здесь, на корабле...

До меня вдруг дошло, что капитулировать рано. Может, в этой игре назначат добавочное время.

— Мы можем туда дойти!

Чибис покачала головой.

— Нет, Кип. Поэтому-то я и не хотела об этом говорить. Я могу дойти туда... если найдем мой скафандр. А ты в него не влезешь, даже если сложишься пополам.

— Сдался мне твой скафандр,— огрызнулся я.

— Кип, Кип! Это же Луна, забыл? Воздуха нет.

— Что я тебе, идиот? Но если где-то у них лежит твой скафандр, то, может быть, там рядышком валяется и мой. И...

— У тебя есть скафандр? — не поверила она.

Мало-помалу до нее дошло, что, не будь у меня скафандра, то двенадцать часов назад и четверть миллиона миль отсюда я просто не смог бы связаться с ней на частоте космических позывных.

— Давай кончать с этим безобразием. Хотя погоди: лучше покажи мне шлюз, а потом ищи наши костюмы.

— Ладно.

Она отвела меня к входному шлюзу. Это была кабинка, сильно напоминавшая ту, в которой нас держали, но меньше, и со второй дверью, рассчитанной на большое внутреннее давление. Дверь в нее оказалась незапертой и мы осторожно открыли ее. Внутри было пусто. Внешняя дверь была закрыта, иначе мы не смогли бы открыть внутреннюю. Я сказал:

— Если бы этот сколопендер хоть немного думал о будущем,— язвительно заметил я,— он бы оставил внешнюю дверь открытой, хоть мы и сидели взаперти. Тогда... погоди секунду... Открытая внутренняя дверь фиксируется?

— Не знаю.

— Давай посмотрим.

Она удерживалась обычным крючком. Чтобы быть уверенным, что крючок не откидывается какой-нибудь кнопкой снаружи, я заклинил его своим ножом.

— Больше шлюзов нет?

— На том корабле не было, а они очень похожи.

— Через этот шлюз до нас уже никто не доберется. Даже сколопендер без шлюза не обходится.

— А вдруг он все-таки как-то откроет внешнюю дверь? — нервно сказала Чибис.— Тогда мы лопнем как воздушные шарики.

Я ухмыльнулся.

— Ну и кто здесь гений? Конечно, лопнем... если он откроет. Только как он ее откроет, если на нее давит двадцать—двадцать пять тонн. Сама мне недавно толковала, что это Луна. Снаружи пустота, не забыла?

— Фу ты,— Чибис сконфузилась.

Мы отправились на поиски. Я с удовольствием взламывал двери; сколопендер не обрадуется, когда вернется. Вначале мы нашли вонючий закуток, где ютились Жирный и Тощий, даже жалко, что их дверь была незаперта.

По комнатке я многое о них понял: это свиньи, со свинскими привычками и свинскими душами. Видно было, что они не случайные пленники; все было устроено для землян. Эти негодяи расположились здесь надолго. Мы увидели два пустых контейнера от скафандров, несколько дюжин пайков в армейских жестянках, и, главное, там были питьевая вода и умывальник. Были там и два полных баллона с кислородно-гелиевой смесью — вот их я не отдам ни за ладан, ни за чистое золото, если, конечно, мы найдем скафандры!

Я напился, открыл банку консервов для Чибис; жестянка была с ключом, и мы избежали участи «Троих в лодке» с их банкой ананасов. Я велел Чибис перекусить и продолжить обыск. От найденных баллонов с воздухом у меня прямо засвербило поскорее найти наши скафандры и смыться, пока нас не застукали.

Я вскрыл с десяток дверей быстрее, чем Морж и Плотник вскрывали устриц, и нашел кучу всякого. Нашел я и то, что, по-видимому, было каютами сколопендеров. Я даже не остановился посмотреть — этим, бог даст, займется Космический Корпус,— я лишь проверял, нет ли скафандров.

И нашел их! — в каюте напротив нашего узилища. Я был так рад Оскару, что чуть не расцеловал его. Я заорал: «Привет, приятель, кого я вижу!» — и рванулся искать Чибис. Ноги разъезжались, но было уже не до этого.

Чибис подняла голову, когда я ворвался в каюту.

— Я уже собиралась искать тебя.

— Нашел! Нашел!

— Мамми? — с готовностью сорвалось у нее.

— Что? Да нет! Скафандры — и твой, и мой! Пошли!

— А-а...— вид у нее был разочарованный, и меня это задело.— Хорошо, конечно... только сначала надо найти Мамочку.

У меня руки опустились. У нас появился хоть какой-то шанс избежать чего-то более страшного, чем смерть, и это не риторическая фигура, а ей приспичило искать здесь свое пучеглазое чудовище. Будь это человек, даже незнакомый, пусть бы у него даже изо рта воняло, я бы его не бросил. Собаку или кошку тоже стал бы искать... наверное.

Но что мне пучеглазый монстр? Все, что он для меня сделал, это вляпал в историю, хуже всех моих жизненных передряг.

Я подумал — не оглушить ли Чибис и не засунуть ли в скафандр, пока не очухалась. Но вслух сказал:

— Спятила? Мы уходим — немедленно!

— Мы не можем уйти без нее!

— Ты точно спятила. Мы даже не знаем точно, здесь ли она... но если даже найдем, мы не сможем взять ее с собой.

— Сможем!

— Как? Это Луна, забыла? Воздуха нет. У тебя есть скафандр для нее?

— Но... — она чуть опешила. Но не надолго. Вскочила и сказала: — Ты как хочешь, а я пойду ее искать. На! — и бросила мне банку с пайком.

Мне бы ее скрутить. Но так уж я воспитан — мне с детства внушали, что женщину бить не следует, как бы она этого ни заслуживала. Так что пока я метался между позывами разума и издержками воспитания, Чибис улизнула вместе с удобным случаем. Я только беспомощно застонал.

Но тут запахло чем-то фантастически вкусным. Ведь у меня в руках была банка с консервами. То есть, вернее сказать, с тушеной подметкой в сером соусе, но запах... амброзия!

Половину Чибис уже съела; я доедал остатки, рассматривая то, что она нашла. Моток нейлонового шнура я с радостью положил к

баллонам; у Оскара на поясе есть футов 50 бельевой веревки, но запас карман не тянет. Так... геологический молоток, его я прихватил, две батарейки — пойдут на фары, и так, прочую мелочь.

А так — хоть какой-то интерес представляли разве что правительственный «Предварительный Селенологический Отчет», рекламный проспект урановых рудников и просроченные водительские права штата Юта на имя Тимоти Джонсона — но с фотографии смотрело подлое лицо Жирняги. Интересно, конечно, но сейчас не до лишнего багажа.

Из мебели в комнате были две кровати, выгнутых по форме тела и глубоко продавленных. Я смекнул, что Тощий и Жирный спасались в них от перегрузок.

Подобрав остатки соуса пальцем, я напился, вымыл руки, не жалея воды (пусть эта парочка сдохнет от жажды!), собрал добычу и двинулся к комнате со скафандрами.

Там я увидел Чибис. Она тащила лом и вся светилась от счастья.

— Я нашла ее!

— Где?

— Пошли! Я не могу открыть. Сил не хватает.

Я положил барахло у скафандров и пошел за ней. Она остановилась у дальних дверей, до которых я со своим вандализмом еще не добрался.

— Здесь!

Я глянул, вслушался.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю! Открывай!

Я пожал плечами и приступил к делу. Панель звучно отлетела.

Посреди комнаты на полу скорчилось существо.

Не поручусь, его я видел прошлой ночью на выгоне или нет. Смеркалось, обстановка была совсем другая, да и долго разглядывать мне не дали. Но Чибис не сомневалась. С радостным визгом она бросилась вперед, и они покатились по полу, как играющие котята.

Чибис все визжала, более или менее по-английски. Мамми тоже, только не по-английски. Я не удивился бы, услышав от нее

английскую речь, в конце-то концов и сколопендер изъяснялся по-нашему, да и Чибис упоминала, что Мамми ей о чем-то рассказывала. Но это было не то.

Вам приходилось слышать пересмешника? Он то высвистывает песенку, то галдит весело, славя Господа. Бесконечно разнообразные трели пересмешника — вот на что была похоже речь Мамми.

В конце концов они угомонились, и Чибис сказала:

— Мамми, я так счастлива!

Существо что-то пропело. Чибис ответила:

— Ой, какая я невежа. Мамми, это Кип, мой дорогой друг.

Мамми пропела мне:

...и я понял.

Она сказала: «Очень рада познакомиться с тобой, Кип».

Она говорила не словами. Но так ясно, словно по-английски. Это не было полушутливым самообманом, вроде моих разговоров с Оскаром или Чибисовых — с Мадам Помпадур. Когда я общаюсь с Оскаром, я говорю за обоих; это просто мое сознание разговаривает с подсознанием или что-то вроде того. Но тут было совсем по-другому.

Мамми пела, а я все понимал.

Поразительно, но я не испытывал недоверия. Когда глядишь на радугу, не думаешь о законах оптики. Просто видишь ее в небе.

Нужно быть идиотом, чтобы не понять, когда Мамми говорит именно с тобой. Если она обращалась только к Чибис, я слышал птичий щебет; но когда реплика предназначалась мне, я понимал все.

Называйте это телепатией, если угодно, хоть это вроде бы не то, что понимают под этим словом в университете Дьюка*. Я не читал ее мысли. И не думаю, что она читала мои. Мы просто разговаривали.

Но хоть я и был поражен, я не забывал о приличиях. Я чувствовал себя так же, как если бы мама представляла меня какой-нибудь старой леди. Так что я поклонился и сказал:

— Мы счастливы, что нашли вас, Мамми.

Это была простая, голая правда. Я понял, понял безо всяких объяснений, что толкало Чибис упрямо искать ее, невзирая на риск вновь попасть в плен — та сущность, что и делала ее «Мамочкой».

У Чибис есть привычка приклеить хлесткое имечко и не всегда к месту. Но в случае Мамми не поспоришь. Мамочка была «Мамочкой», потому что именно ей она и была. От нее исходило счастье, тепло и безопасность. Примерно как если с ободранной коленкой придешь домой, хныча, а мама поцелует ссадину, намажет ее зеленкой, и все пройдет. Таковы некоторые медсестры, учителя... и не все мамы, к сожалению.

Но от Мамми *это* исходило так, что я даже перестал беспокоиться насчет сколопендеров. Она с нами, поэтому все будет хорошо. Разумом я понимал, что она так же уязвима, как и мы,— я ведь видел, как ее сбили с ног. Она была меньше и слабее меня, не могла вести корабль, как Чибис. Но это не имело значения.

Мне хотелось усесться ей на колени. Но она была так мала, да и коленей у нее не было, так что я бы с радостью усадил на колени ее.
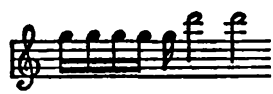
Я чаще говорю об отце, но это не значит, что мама не так важна. Папа проявляет активность, мама ждет; папа говорит, мама молчит. Но умри она — и зачахнет папа, как выкорчеванное дерево. Она — основа нашего мира.

Мамми действовала на меня как мама, только к маме-то я привык. А теперь, далеко от дома, получил мамину поддержку — неожиданно и в нужную минуту.

Чибис торжествовала:

— Теперь мы можем идти, Кип. Пойдем скорее!

Мамми пропела:

«А куда, детки?»

— На станцию Томбо, Мамми. Там нам помогут.
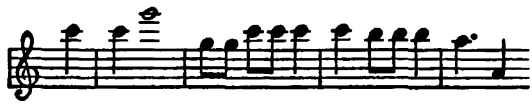
Мамми печально моргнула. Глаза у нее были огромные, как у лемура, мягкие и сострадающие, но приматом она не была — она

вообще была не нашим, не земным существом... Чудесные глаза и нежный, беззащитный, музыкальный рот. Она была даже меньше Чибис, с совсем маленькими шестипалыми ручками. Каждый палец мог противостоять остальным — как наш *большой* палец. Ее тело трудно описать, оно все время меняло форму, но ей как раз такое и подходило.

На ней не было одежды, но это не ощущалось; ее покрывал мягкий, гладкий мех, лоснящийся и красивый, как у шиншиллы. Сперва мне показалось, что на ней нет никаких украшений, но потом я заметил сверкающий треугольник с двойной спиралью в каждом углу. Не знаю уж, каким образом он на ней держался.

Я не сразу рассмотрел все подробности. В один миг мое счастье рухнуло от ее печального взгляда.

Она заговорила, и стало ясно, что чудес не предвидится.

«Как же мы поведем корабль? На этот раз они стерегли меня очень тщательно».

Чибис с готовностью объяснила насчет скафандров, а я, омертвев, стоял рядом. Задача, ради которой я был готов вырубить Чибис, превратилась в неразрешимую дилемму. Оставить Маммы я не мог, Чибис тоже... а у нас только два скафандра.

Да и подошел бы ей наш скафандр... как змее — роликовые коньки.

Маммы деликатно напомнила, что ее собственное приспособление для вакуума было разрушено. (Впредь я не буду оговаривать ее мелодии; да и запомнить их трудно).

Тут началась битва. Это была странная битва. Маммы была нежной и любящей, разумной и совершенно твердой, а мелкая хулиганка Чибис в слезах, как капризная маленькая девочка, выкрикивала свои доводы. А я неприкаянно стоял рядом и не смел вмешаться.

Когда Маммы уяснила ситуацию, она немедленно пришла к неизбежному выводу. Раз ей никак не выбраться (да и даже в собственном скафандре она столько бы не прошла), то идти должны

мы с Чибис — и сейчас же. Если мы спасемся, мы обязаны убедить человечество, насколько опасны сколопендер с компанией — и тогда Мамми, вероятно, тоже спасется... что было бы приятно, но не обязательно.

Чибис категорично, наотрез и абсолютно отказалась выслушивать любые планы, предполагающие оставить Мамми на корабле. Если не может идти Мамми, то и она с места не сдвинется.

— Кип! Отправляйся за помощью. Шевелись! Я остаюсь.

Я уставился на нее.

— Чибис, я так не могу.

— Должен. Действуй! Через «не могу»! Если ты не пойдешь, я... я... я с тобой больше не разговариваю!

— А если я пойду, то сам себе стану противен. Послушай, Чибис, так не получится. Должна идти ты...

— Нет!

— Слушай, заткнись хоть для разнообразия. Ты пойдешь, а я останусь у двери, с дубиной. Я их задержу, а ты собирай ополчение. Только не задерживайся.

— Я... — она сдержалась было, потом с рыданиями бросилась к Мамми:

— Ты меня больше не любишь!

Ну ясно, совсем потеряла голову. Мамми что-то ей напевала, а я места себе не находил. Из-за дурацких споров упускаем последний шанс. Сколопендер может вернуться в любую секунду, и как бы я ни пыжился, что порешу его одним махом,— скорее всего он сотворит это со мной. Как бы то ни было, нам не спастись.

В общем, я сказал:

— Слушайте, *все* пойдем.

От удивления у Чибис слезы высохли:

— Ты же знаешь, это невозможно.

Мамми пропела:

«Как, Кип?»

— Сейчас покажу. Чибис, вставай.

Мы двинулись к скафандрам, причем Чибис прижимала Мадам Помпадур и крепко вцепилась в Мамми. Монтажник Ларс Эклунд, первый хозяин Оскара, судя по всему, весил никак не меньше двухсот фунтов. «Ушить» скафандр нельзя, он может

потерять герметичность. Чтобы не болтаться внутри, я был вынужден затянуть все ремни. Длина рук и ног подходила, но в обхвате Оскар был мне велик. В нем хватит места и для меня, и для Маммн.

Пока я это объяснял, Чибис глазела на меня, а Маммн напевала сомнения и одобрения. Да, она может висеть на закорках; она не упадет, когда скафандр будет закрыт, а ремни подогнаны.

— Отлично. Чибис, лезь в скафандр.

Пока Чибис снаряжалась, я сбегал за носками. Потом я посмотрел на зеркальную индикацию ее шлема.

— Надо перекачать тебе немного воздуха. Баллоны заполнены только наполовину.

Это была серьезная неприятность. Запасные баллоны, которые я реквизировал у двух упырей, были, как и мои, с нормальными штуцерами на резьбе, но баллоны в скафандре Чибис имели дурацкие байонетные стыки. Баллоны для туристов, трахтарарах... которые даже гайку завернуть не могут! Для серьезной работы такая конструкция не годилась. У себя в мастерской я бы смастерил переходник за двадцать минут. Но здесь, без нужных инструментов — этот запасной воздух мог с тем же успехом быть на Земле.

Тут я всерьез подумал, не совершить ли одиночный марш-бросок за помощью. Но об этом нечего было и говорить. Я знал, что Чибис лучше сдохнет, чем сдастся *ему*,— и я ее понимал.

— Малыш,— выдавил я.— Не хватает воздуха. Не хватает на сорок миль.

Ее приборы показывали запас воздуха и оставшееся время. На них оставалось 5 часов. Сможет ли Чибис — даже на Луне — успеть, даже рысью? Вряд ли.

Я встретил ее трезвый взгляд.

— Прибор рассчитан на взрослого. Я маленькая — мне нужно меньше воздуха.

— Хм... не трать воздуха больше, чем необходимо.

— Не буду. Пошли.

Я стал застегивать ее скафандр.

— Стой! — запротестовала она.

— Что еще?

— Мадам Помпадур! Дай ее мне... пожалуйста. Она на полу, вон валяется.

Я подобрал эту несуразную куклу и сунул Чибис.

— А *ей* сколько воздуха нужно?

Чибис неожиданно улыбнулась.

— Я скажу ей, чтобы она не дышала.

Она засунула куклу за пазуху, я загерметизировал ее скафандр. Влез в свой. Мамми забралась мне на плечи и тесно прижалась, мурлыкая что-то ободряюще. Она сидела удобно, и я почувствовал, что смог бы пройти сотню миль, только бы они с Чибис были в безопасности.

Шнуроваться было неудобно, потому что сначала нужно было распустить ремни, а потом затянуться с учетом размера Мамми, а руки и у меня, и у Чибис уже были в перчатках. Но мы справились.

Из бельевой веревки я сделал хомут для запасных баллонов и повесил их на шею. Мамми на закорках, сам Оскар — со всем этим на Луне я весил фунтов пятьдесят. Я твердо стоял на ногах.

Я вытащил нож, которым заклинивал замок шлюза, и пристегнул его к поясу Оскара, рядом с нейлоновой веревкой и геологическим молотком. Мы вошли в шлюз и закрыли внутреннюю дверь. Я не знал, как выпустить воздух наружу, но Чибис это знала. Стравливаемый воздух зашипел.

— Как ты, Мамми?

«Держусь, Кип»,— она прильнула ко мне.

— Чибис — Майскому жуку,— услышал я в наушниках,— проверка связи. Раз-раз-раз, раз-два, прием...

— Майский жук — Чибису, раз-раз-раз, слышу хорошо, прием...

— Слышу тебя, Кип.

— Вас понял.

— Следи за давлением, Кип. Ты раздуваешься.

Я глянул на индикатор и шлепнул подбородком по клавише, ругнувши себя за то, что девчонка поймала меня на такой ерунде. Но она-то в скафандре по Луне уже ходила, а я — так, поигрывал.

Я счел, что куражиться не время.

— Чибис? Тут я тебя слушаюсь. Я тут салага.

— Хорошо, Кип.

Внешняя дверь бесшумно откинулась, и я увидел бесцветно светящуюся лунную равнину. На мгновение я почувствовал тоску по дому, вспомнил детские игры в «путешествие на Луну». Как бы я хотел оказаться сейчас в Кентервиле! Чибис прижала свой шлем к моему:

— Видишь кого-нибудь?

— Нет.

— Нам повезло, дверь открывается в сторону от других кораблей. Слушай внимательно. Радировать нельзя, пока не зайдем за горизонт, разве что уж совсем припрет. Они прослушивают наши частоты. Это я точно знаю. Видишь вон ту гору с перевалом? Кип, да куда ты смотришь!

— Да-да...— я загляделся на Землю.

Она была прекрасна даже в том планетарии, но я и представить себе не мог, как это будет наяву. Она была рядом, только руку протяни... и такая далекая... Вернемся ли мы домой? Знали бы вы, какая у нас красивая планета... Это надо увидеть своими глазами... с облаками, клубящимися вокруг ее талии, с кокетливо надетой полярной шапкой.

— Да, я вижу перевал.

— Пойдем левее, вон туда, где проход. Тим и Джок везли меня там на краулере. Найдем его следы, будет проще. Сначала надо добраться до тех холмов, левее перевала — тогда наш корабль будет заслонять нас, и мы сможем уйти. Надеюсь.

До поверхности было около двенадцати футов, и я собрался прыгать, ведь при такой гравитации это раз плюнуть. Чибис настояла на том, чтобы спустить меня на веревке.

— Чебурахнешься. Слушай, Кип, старую тетю Чибис. Она знает, что говорит. У тебя ноги еще не приспособились к Луне. Это как первый раз на велосипед сесть.

Так что она спустила меня, привязав нейлоновый шнур к замку. Потом легко спрыгнула. Я начал сворачивать веревку, но она остановила меня и пристегнула свободный конец к своему поясу, потом прижалась ко мне шлемом.

— Я поведу. Если я пойду слишком быстро или понадоблюсь, дерни за веревочку. Не забывай, я вас не вижу.

— Есть, капитан!

— Не шути, Кип. Это серьезно.

— Я не шучу, Чибис. Ты командир.

— Пошли. Не верти головой, упадешь. Курс — вон те холмы.

Глава 6

Мне бы млеть от причудливой романтики, но я был занят, как Элиза, переходящая замерзшую реку, а то, что хватало за пятки, было хуже гончих псов. Хотелось оглянуться, но нужно было удерживаться на ногах. Я не видел, куда ступаю; приходилось смотреть вперед и соизмерять каждый шаг, и я был внимателен, как дровосек на лесосплаве. Идти было не скользко, грунт шершавый — пыль и тонкий песок, а под ними голая скала. Пятидесяти фунтов веса оказалось достаточно для надежного сцепления подошв с почвой. Однако оставались триста фунтов массы; инерция надругивалась над приобретенными за жизнь рефлексами. Приходилось крениться перед малейшим поворотом, откидываться назад, зарываться ногами в песок, тормозя, и наклоняться вперед, набирая ход.

Я мог бы нарисовать диаграмму приложенных усилий, но что толку? Сколько времени младенец учится ходить? А новорожденный обитатель Луны учился ходить во время марш-броска, полуслепой, выкладываясь на максимально возможной скорости.

Так что у меня не было времени размышлять о невероятности происходящего.

Чибис перешла на рысь и все нажимала. Веревка то и дело натягивалась, я отчаянно старался идти быстрее и не падать при этом.

Мамми пропела в спину: «Все в порядке, Кип? Кажется, ты нервничаешь».

— Я... в порядке! Как... вы?

«Мне очень удобно. Не надорвись, дорогой».

— Ладно.

Оскар работал. Я потел от натуги и от солнца, но не нажимал рычажок, пока не заметил на индикаторе цвета крови, что начинается гипоксия. Система работала безупречно, при давлении в четыре фунта сочленения не досаждали; сказывались долгие часы

тренировок на выгоне. Так что единственной моей заботой оставалось следить за скалами и искать колею вездехода.

Мы добрались до холмов примерно за двадцать минут. Первый же поворот, который Чибис сделала на этих кочках, застал меня врасплох, и я чуть не упал. Она притормозила и вошла в расселину. Остановилась; когда я подошел, мы соприкоснулись шлемами.

— Как ты?

— Нормально.

— Мамми, ты меня слышишь?

«Да, дорогая».

— Тебе удобно? Хорошо дышится?

«Совершенно. Наш Кип очень ко мне внимателен».

— Вот и отлично. Веди себя хорошо, Мамми. Слышишь меня?

«Конечно, дорогая»,— каким-то образом в свою птичью трель она вложила снисходительный смешок.

— Кстати, о дыхании,— сказал я Чибис.— Давай-ка проверим твой баллон.

Я попытался заглянуть в ее шлем.

Она отвернулась, потом придвинулась опять.

— У меня все в порядке!

— Это ты так думаешь.

Я взялся за ее шлем обеими руками, но так и не смог увидеть приборную панель — на слепящем солнце заглядывать внутрь все равно, что пялиться в колодец.

— Что на приборах? — и не вздумай соврать!

— Не суй свой нос куда не надо.

Я развернул ее и глянул на манометры баллонов. Один был пуст, другой почти полон.

Я прижался к ее шлему.

— Чибис,— медленно сказал я,— сколько миль мы уже прошли?

— Около трех, я думаю. А что?

— Значит, нам идти еще миль тридцать?

— Если не тридцать пять. Кип, не психуй. Что один баллон пуст, я знаю; я переключилась на полный перед тем, как мы остановились.

— На одном баллоне ты не пройдешь 35 миль.

— Пройду... потому что я *должна* пройти.

— Послушай, у нас воздуха — полно. Я придумаю, как его тебе перекачать.

Я полностью погрузился в эту проблему, соображал, какие инструменты на поясе, что еще можно использовать.

— Кип, ты же знаешь, что невозможно подключить эти запасные баллоны к моему скафандру — так что заткнись!

«В чем дело, милые мои? Почему вы ссоритесь?»

— Мы не ссоримся, Мамми. Просто Кип нудит.

«Ну, ребята...»

Я сказал:

— Чибис, я согласен, что не смогу подключить баллоны к твоему скафандру... но я придумаю, как перезарядить твой баллон.

— Но... как, Кип?

— Оставь это мне. Я потренируюсь на пустом баллоне; если не получится, мы ничего не потеряем; если сработает, выигрываем.

— Сколько времени это займет?

— Десять минут, если повезет. Если нет — полчаса.

— Отпадает,— решила она.

— Ну, Чибис, не делай глупос...

— Я не делаю глупостей! Пока мы не дошли до гор, мы в опасности. До гор я дотяну. Вот когда мы не будем маячить, как жук на блюдечке, отдохнем и перезарядим мой пустой баллон.

Резонно.

— Вот и хорошо.

— Ты быстрее идти можешь? Если мы дойдем до гор, пока они нас не засекли, они нас никогда не найдут. Если нет...

— Быстрее — могу. Вот только эти чертовы баллоны...

— А-а,— она нерешительно остановилась.— Может, один скинешь?

— Что? Ну нет! Просто из-за них я теряю равновесие. Я раз десять чуть не кувыркнулся. Чибис, можешь связать их, чтобы они не болтались?

— Ой, конечно.

Уходя, я перекинул баллоны через шею, и они свешивались на грудь — не очень элегантно, но я торопился. Теперь Чибис прочно связала их с моими собственными баллонами. Мамми

сидела у меня за спиной — наверняка ей было тесно, как на ярмарке. Чибис пропустила шнур под моим поясом и обвязала вокруг плеч. Она сказала, прикоснувшись шлемом:

— Надеюсь, теперь все нормально.

— А ты завязала плоский узел?

Она глянула и снова прижалась шлемом:

— Нет, женский,— виновато призналась она,— но теперь сделала плоский.

— Хорошо. Подоткни концы под пояс, чтобы я за них не зацепился, а то вспашем носом землю. Ты как?

— Угу,— сказала она медленно.— Только жалко тот кусочек жвачки, хоть он и был уже совсем старый. Все горло пересохло.

— Хлебни воды. Только немного.

— Кип! Не смешно.

Я уставился на нее.

— Чибис... в твоем скафандре нет *воды*?

— Ты что, чокнутый?

У меня челюсть отвисла.

— Но, детка,— беспомощно сказал я.— Что ж ты не набрала воды перед выходом?

— Ты о чем? В твоем скафандре что, есть емкость для воды?

Я потерял дар речи. Ее скафандр оказался прогулочным — для этих «живописных экскурсий среди несравненного величия древнего лика Луны», обещанных рекламой. Точно рассчитанные прогулки, не дольше получаса, разумеется, с гидом... Так зачем устанавливать в скафандры емкости для воды: не дай бог, какой-нибудь турист поперхнется, а кто-то, глядишь, откусит наконечник и утонет в собственном шлеме. Или еще что в том же духе. Да оно и дешевле.

Я задумался: чем еще чревата эта дешевая экипировка,— ведь от нее зависела жизнь Чибис.

— Извини,— виновато сказал я.— Послушай, я придумаю, как переправить тебе воды.

— Вряд ли что получится. Я не умру от жажды, пока мы не доберемся до места, так что перестань волноваться. Со мной все нормально. Просто жалко, что нет жвачки. Готов?

Ну... готов.

* * *

Холмы были всего лишь гигантскими наплывами лавы; их мы прошли быстро, хотя на неровностях пришлось осторожничать. Поверхность за холмами казалась ровнее, чем запад Канзаса. Равнина тянулась до близкого горизонта, за которым торчали блестящие на солнце горы. Они выделялись на черном небе, словно картонные. Я попытался вычислить расстояние до горизонта, зная, что радиус Луны тысяча миль, а глаз находится на высоте шести футов, но не смог сделать это в уме и пожалел, что при мне нет логарифмической линейки. Казалось, до горизонта не больше мили.

Чибис дождалась меня, прикоснулась шлемом.

— Все в порядке, Кип? Как ты, Мамми?

— Вполне.

«Все хорошо, дорогая».

— Кип, когда они меня тащили, от прохода в горах курс был на восемь градусов к северо-востоку. Я слышала, как они спорили, и подглядела в карту. Так что сейчас нам надо назад на запад, восемью градусами южнее... и если не учитывать нашу пробежку до холмов, выйдем примерно к проходу. Согласен?

— Звучит шикарно,— меня действительно впечатлило.— Чибис, ты, наверное, в прошлой жизни была индейцем-разведчиком! А может, самим Дэви Крокетом.

— Ф-фу! Уж в карте-то любой разберется,— сказала она польщенно.— Сверим компасы. У тебя какая поправка на Землю?

«Оскар,— мысленно сказал я,— ты меня подводишь. Только что я ей пенял, что в ее скафандре нет воды — а у *тебя* нет компаса».

Оскар запротестовал: «Обижаешь, начальник! Зачем мне компас на Второй космической? А насчет Луны вообще не было базара».

Вслух я произнес:

— Чибис, этот скафандр предназначен для работы на космических станциях. Какой толк от компаса в открытом космосе? *Мне* никто не обещал, что я попаду на Луну.

— Но... ладно, проехали, не реветь же по этому поводу. Ты можешь ориентироваться по Земле.

— А почему я не могу ориентироваться по твоему компасу?

— Не говори глупостей; он встроен в шлем. Так, минуточку...

Она повернулась к Земле, повертела шлемом в разные стороны. Потом снова прижалась шлемом.

— Земля точно на северо-западе... значит, наш курс — пятьдесят три градуса влево. Попробуй определиться. Угловой размер Земли два градуса, как тебе известно.

— Это мне еще до твоего рождения было известно.

— Не сомневаюсь. Некоторые без форы не могут.

— Тоже мне, академик нашелся...

— Ты первый начал грубить!

— Ладно... Оставим споры на потом. У тебя два шара форы.

— Очень надо! Ты еще не знаешь, как я могу...

— Уже составил представление.

«Ребята! Ребята!»

— Извини, Чибис.

— Тоже извини. Я слишком легко раздражаюсь. Скорее бы *туда.*

— Это точно. Я сориентируюсь.

Я посчитал градусы, ориентируясь на Землю. Зрительно сделал отметку, потом проверил еще раз, прикинув отношение пятидесяти трех градусов к девяноста. Результаты не совпали, и я попробовал найти какие-нибудь звезды, чтобы сориентироваться по ним. Говорят, что с Луны видны звезды даже днем. Видны, но с трудом. Солнце было у меня за спиной, но я стоял лицом к Земле, видимой в три четверти, и еще мешало ослепительное сверкание лунной поверхности. Поляризатор убирал часть блеска, но вместе с ним и свет звезд. Поэтому я взял среднее от моих результатов и отметил эту точку.

— Чибис? Видишь вон тот скуластый пик? Думаю, это довольно точный ориентир.

— Дай проверить,— она сверилась с компасом.— Верно, Кип. Наш курс правее всего на три градуса.

Я был польщен.

— Вперед?

— Да. За перевалом, точно на западе, будет станция Томбо.

До гор было около десяти миль; мы их быстро протопали. На Луне все получается быстро — *если* поверхность ровная и *если* держишь равновесие. Чибис все ускоряла шаг, пока мы не начали

почти лететь, прыгая длинно и низко, по-страусиному — а вы сами знаете, что быстро бежать легче, чем медленно. После того как приспособишься, самым страшным казалось опрокинуться, налетев на скалу или угодив в яму. Серьезная опасность — на такой скорости легко оступиться. Я не боялся упасть; я был уверен, что Оскар выдержит. Но, упав на спину, я могу раздавить Мамми.

И я волновался за Чибис. Эти идиотские прогулочные скафандры не такие крепкие, как Оскар. Мне случалось читать о взрывной декомпрессии — вот уж чего не приведи увидеть. Особенно если это случится с маленькой девочкой. Но предупредить ее по радио я не осмеливался, хотя мы, наверное, уже вошли в радиотень, а если дернуть за бечевку, она может упасть.

Равнина начала повышаться, и мы пошли медленнее. Сначала мы еще шли, потом стали карабкаться вверх по склону, покрытому щебнем. Я споткнулся, но приземлился на ноги и легко поднялся — одна шестая гравитации имеет и преимущества, не только недостатки. Мы добрались до вершины, и Чибис завела нас в небольшую трещину. Она остановилась и прикоснулась шлемом:

— Эй, есть кто-нибудь? Вы как?

«Я в порядке, дитя мое».

— Разумеется,— согласился я,— правда, немножко вымотались.— Это было мягко сказано, но если уж Чибис выдерживала такой переход, то я просто обязан был сохранять форму.

— Можно отдохнуть,— ответила она,— и расслабиться. Я хотела побыстрее уйти с открытого пространства. А здесь нас никогда не найдут.

Я решил, что она права. Летящий мимо корабль сколопендеров может, конечно, нас засечь, если нижний обзор у них такой же хороший, как верхний, ведь возможно, что это переключается одной кнопкой.

И все же наши шансы возросли.

— Пора перезарядить твой баллон.

— Хорошо.

Нельзя было терять времени — полный баллон опустел более чем на треть, почти на половину. На нем до станции Томбо она не дотянет — простая арифметика. Так что я перекрестился и взялся за дело.

— Чибис, сможешь распутать эту колыбель для кошки?

Пока Чибис возилась с узлами, я собрался попить, но устыдился. Чибис, должно быть, уже язык жует, чтобы собственной слюной утолить жажду,— а я никак не мог сообразить, как переправить ей воду. Резервуар находился внутри моего шлема, и добраться до него было невозможно — от этого мы с Мамми погибли бы.

Если я выживу и стану инженером, я это исправлю!

Но потом я решил, что глупо не пить самому, если Чибис не имеет такой возможности — от меня зависят наши жизни. Так что я попил, съел три таблетки сублимированного молока, таблетку соли, потом еще попил. Мне сразу полегчало, но все же я надеялся, что Чибис ничего не заметила. Впрочем, она была занята шнуром, да и сквозь линзу шлема плохо видно.

Я снял пустой баллон со спины Чибис, тщательно проверил, убедился, что внешний клапан закрыт. Предполагается, что в месте соединения воздуховода со шлемом клапан односторонний, но я больше не доверял ее скафандру; возможно, там были еще какие-нибудь недоделки ради экономии. Я положил пустой баллон на землю рядом с полным, осмотрел их и выпрямился к Чибис.

— Отсоедини баллон слева у меня на спине.

— Зачем, Кип?

— Не твое дело,— я мог бы объяснить, но не хотел ввязываться в спор. В этом баллоне был чистый кислород; в других — кислородно-гелиевая смесь. Он был полнехонек, разве что чуть-чуть было потрачено прошлой ночью в Кентервиле. И уж если невозможно было заправить ее баллон полностью, лучше наполовину заправить его чистым кислородом.

Она умолкла и сняла баллон.

Я стал соображать, как уравнять давление в баллонах с несовпадающей резьбой. Почти без инструментов, в четверти миллиона миль от Земли сделать это как следует было невозможно,— и даже от того, что станция Томбо рядом, не делалось легче.

Но у меня был моток лейкопластыря.

В инструкции к Оскару говорилось о двух наборах первой помощи. Не знаю уж, что в них должно было быть; в инструкции значились только артикулы. Я так и не додумался, что могло быть полезным в наборе, носимом вне скафандра — возможно, шприц

для подкожных инъекций, достаточно острый, чтобы проткнуть оболочку и вколоть человеку морфин, если припрет. Но раз я не знал, чем оснастить аптечку, я набил и внешнюю и внутреннюю всякими бинтами и катушками пластыря.

На него-то я и надеялся.

Я свел концы воздуховодов, оторвал кусок бинта и обмотал место соединения — липкое вещество могло потом помешать присоединить воздуховод к скафандру. Затем я замотал стык пластырем, наматывая очень плотно и тщательно, с запасом в три дюйма с каждой стороны. Если даже лента какое-то время устоит, выдержит ли она постоянный разрывающий напор? Я извел всю катушку, чтобы эта сила не разорвала стык в первую же секунду.

Я поманил Чибис, и мы сдвинули шлемы.

— Я сейчас открою клапан на полном баллоне. На пустом клапан уже открыт. Когда увидишь, что я начинаю закрывать клапан полного баллона, *тут же* закрывай клапан пустого. Поняла?

— Закрывать клапан вместе с тобой. Вас понял.

— Приготовься. Положи руку на клапан.

Я зажал перебинтованные воздуховоды в кулаке, стиснул как можно сильнее, положил другую руку на клапан. Если соединение порвется, мне снесет руку. Если фокус не выйдет, маленькой Чибис долго не прожить. Поэтому я вцепился изо всех сил.

Следя за обоими приборами, я чуть сдвинул клапан. Шланг воздуховода изогнулся; стрелка прибора на отметке «пусто» задергалась. Я открыл клапан полностью.

Одна стрелка скакнула влево, другая вправо. Обе быстро приближались к середине. «Давай!» — бессмысленно завопил я и начал закрывать клапан.

И почувствовал, что стык начал расходиться.

Шланги выскочили у меня из руки, но газа улетучилось немного. До меня дошло, что я завинчиваю уже плотно закрытый клапан. Свой клапан Чибис уже задраила. Обе шкалы показывали чуть меньше половины — теперь у Чибис был воздух.

Я вздохнул и понял, что все это время не дышал.

Чибис прижалась ко мне шлемом и сказала очень спокойно:

— Спасибо, Кип.

— Магазин Чартона к вашим услугам, мадам. Ваша сдача, мадам. Чаевых не нужно, мадам. Сейчас я тут приберусь, привяжешь меня, и пойдем.

— Теперь тебе придется нести только один лишний баллон.

— Ошибаешься, Чибис. Мы сможем проделать этот трюк пять или шесть раз, пока там еще шипит.— «Или пока держит пластырь»,— добавил я про себя. Первое, что я сделал — это смотал ленту обратно на катушку. Если вы думаете, что это легко, попробуйте сами, когда вы в перчатках, а липкий слой стремительно засыхает.

Несмотря на бинт, липучка в стык проникла. Но сразу засохла, и легко отшелушилась. Мы взгромоздили на Чибис ее перезаряженный баллон, и я предупредил ее, что там чистый кислород.

— Уменьши давление и пользуйся обоими баллонами. Что там у тебя с цветом крови?

— Я нарочно поддерживаю режим дефицита кислорода.

— Дура! Сдохнуть решила? Жми рычажок! Доводи до нормального уровня!

Один из украденных мной баллонов мы взвалили мне на спину, два других (второй баллон и баллон с кислородом) привязали спереди и двинулись.

Земные горы не таят особых неожиданностей; о лунных горах этого не скажешь, ведь они образовывались без участия воды. Мы уперлись в расщелину, по отвесным стенкам которой невозможно было спуститься без веревки, а подняться вряд ли и с веревкой. С крючьями, карабинами, без скафандров, в Скалистых горах это бы оказалось нетрудно. Но в нашем положении... Чибис неохотно повела нас обратно. Вниз по щебню двигаться было куда сложнее — я съезжал на руках и коленях, а Чибис страховала меня веревкой. Я хотел было изобразить героя и подстраховать ее — и мы опять поругались.

— Перестань строить из себя галантного дурака, Кип! Ты прешь на себе четыре баллона и Мамми, а я козой прыгаю...

Я умолк.

Спустившись, она прикоснулась к моему шлему.

— Кип,— сказала она с беспокойством.— Я не знаю, что делать.

— В смысле?

— Я держалась немного к югу от следа вездехода. Я не хотела идти прямо по его колее. Но теперь мне кажется, что другого пути нет.

— Надо было раньше мне сказать.

— Но я хотела, чтобы они нас не нашли. Они в первую очередь будут искать нас по колее.

— М-м...да,— я глянул на гряду, которая нас остановила. На фотографиях лунные горы выглядят высокими, острыми и неровными; сквозь гермошлем они предстают невозможными.

Я снова прикоснулся к ее шлему.

— Мы могли бы поискать другой путь,— будь у нас время, воздух и ресурсы крупной экспедиции. Но нам придется идти прежним маршрутом. Куда?

— Чуть севернее... кажется.

Мы попытались пройти севернее вдоль подножий холмов, но путь оказался трудным и долгим. В конце концов мы вернулись на край равнины. Пришлось попрыгать, но мы не могли рисковать. Мы шли проворно, но не бежали, боялись пропустить следы вездехода. Я считал шаги и, когда дошел до тысячи, потянул за веревку. Когда Чибис остановилась, я сказал ей через шлем:

— Мы прошли уже полмили. Сколько еще осталось, как ты думаешь? Мы не могли пропустить колею?

Чибис посмотрела на горы.

— Не знаю,— призналась она.— Все другое.

— Заблудились?

— Ох... колея должна быть где-то впереди. Но мы уже далеко зашли. Хочешь повернуть?

— Чибис, я даже не знаю, где здесь почта.

— Что же нам делать?

— Думаю, надо идти вперед, пока ты не уверишься, что уткнулась в тупик. Высматривай проход, а я буду искать колею. Когда ты скажешь, что мы *точно* зашли слишком далеко, повернем назад. Мы не можем позволить себе метаться, как собака за кроликом.

— Ладно.

Я насчитал еще две тысячи шагов, то есть еще одну милю, когда Чибис остановилась.

— Кип? Дальше колеи быть не может. Горы здесь более высокие и ровные.

— Уверена? Подумай хорошенько. Лучше пройти лишние пять миль, чем чуть-чуть не дойти.

Она колебалась. Лицо ее было прижато к гермошлему, и я видел, что она хмурится. Наконец она сказала:

— Колеи впереди нет, Кип.

— Это решает дело. Назад, шагом марш! «Макдуф, начнем, кто первым крикнет: "Стой!" — тот проклят будет!»

— «Король Лир».

— «Макбет». Что, спорим?

Колея была позади всего в полумиле — в первый раз я пропустил ее. Солнце светило мне в спину, и следы гусениц на голой скале с тончайшим слоем пыли были почти не видны — я и во второй раз чуть не прошел мимо.

Они повели нас прочь с равнины прямо в горы.

Без этих следов мы ни за что бы не перешли горы; Чибис была оптимистична, как ребенок. Дороги там не было; только гусеничный вездеход мог бы пройти. В некоторых местах путь был бы непосилен даже вездеходу, если бы кто-то еще раньше не взорвал куски скалы, перегораживавшие проход. Сомневаюсь, что Жирный и Тощий пробивали эту козью тропу; они, кажется, не любители тяжелой работы. Возможно, это была одна из исследовательских партий. Если бы мы с Чибис попытались пробить другую дорогу, мы бы там так и остались, как реликвии для будущих поколений туристов.

Однако где пройдет гусеничный транспорт, там и человек проползет. Это не прогулка, конечно; это тяжелый путь, все вверх, вверх и вверх — высматривай неустойчивые камни и следи, куда ставишь ногу. Иногда приходилось страховаться веревкой. Нудное и скучное занятие.

Когда Чибис израсходовала свой кислород, мы остановились, и я снова выровнял давление в баллонах, отдав на этот раз только четверть заправки — точно как Ахиллес и черепаха. Мы могли бы до бесконечности так делиться половинками, лишь бы пластырь выдержал. Он уже чуть держался, но давление было теперь

вдвое меньше и мне удалось сдержать шланги, пока мы закрывали клапаны.

Должен сказать, что *я* переносил переход довольно легко. У меня была вода, пища, таблетки, декседрин. Последний очень помогал; как только я выдыхался, спасала живительная таблетка. У бедняжки Чибис не было ничего, кроме воздуха и отваги.

У нее не было даже системы охлаждения, как у меня. Поскольку она пользовалась дыхательной смесью с бóльшим содержанием кислорода, вентиляция была меньшей, и ее не хватало для охлаждения тела; я напомнил Чибис, что надо беречь воздух для дыхания.

— Я знаю, Кип,— отозвалась она с обидой.— Стрелка как раз на красной отметке. Ты меня за дурочку держишь?

— О твоей жизни забочусь.

— Только не надо обращаться со мной как с ребенком. Ты, главное, ноги переставляй. Об остальном я сама позабочусь.

— Не сомневаюсь.

Мамми тоже все время уверяла, что все в порядке. Воздух у нее был тот же, что и у меня, но я не знал, что для нее представляло трудность. Подвесь человека за ноги — и он умрет через сутки, но для летучей мыши это приятный отдых; а ведь мы с летучими мышами двоюродные братья.

Пока мы карабкались, я все разговаривал с ней. Неважно, о чем; ее щебет действовал на меня как подбадривающие крики болельщиков. У бедной Чибис даже этого преимущества не было, только когда мы останавливались и разговаривали через шлемы — мы все еще не пользовались радио; даже в горах мы боялись привлечь внимание.

Мы снова остановились, и я отдал Чибис одну восьмую заправки. Липкая лента совсем испортилась; я сомневался, послужит ли она еще раз. Я сказал:

— Чибис, может быть, ты используешь свою кислородно-гелиевую смесь до конца, а я пока понесу этот баллон? Сбережешь силы.

— Я не устала.

— И воздуха будешь тратить меньше, если несешь меньше груза.

— У тебя руки должны быть свободными. Вдруг поскользнешься?

— Чибис, да я не в руках его понесу. Правый баллон у меня пустой; я его выброшу. Просто поменяемся баллонами, и у меня их будет по-прежнему четыре, да еще лучше уравновешенные.

— Хорошо. Только я понесу два баллона. Честно, Кип, вес ничего не значит. А если я истрачу всю кислородно-гелиевую смесь, чем буду дышать, пока мы заправляем баллон?

Я промолчал, что не был уверен, сумеем ли мы заправить то мизерное количество, что еще оставалось.

— Ну ладно, Чибис.

Мы поменяли баллоны, выкинули пустой в глубокую черную яму и продолжили путь. Не знаю, как далеко мы залезли, и сколько это продолжалось. Казалось, мы ползем несколько дней — хотя этого не могло быть с нашим запасом. Миля за милей, следуя вдоль колеи, мы вскарабкались по меньшей мере на 8 тысяч футов. За точность не ручаюсь, но я видел горы, высота которых мне известна. Можете сами посмотреть в справочнике — первая гряда к востоку от станции Томбо.

Карабкаться порядочно, даже при одной шестой g.

Путь казался бесконечным, потому что я не представлял ни пройденного расстояния, ни потраченного времени. Часы были у нас под скафандрами. В шлемах часов не было. Можно было определить время по Гринвичу, посмотрев на Землю. Но этого я не умел, к тому же большую часть времени Земли из-за гор не было видно. К тому же мы не знали, когда покинули корабль.

Чего еще не хватало в скафандрах, так это зеркала заднего обзора. Конечно, не помешало бы еще окошко у подбородка, чтобы видеть, куда ставишь ногу. Но если выбирать, я бы предпочел зеркало заднего обзора. Обернуться невозможно; приходится поворачиваться всем телом. Каждые несколько секунд мне хотелось посмотреть, нет ли погони,— но я не мог позволить себе тратить на это силы. Всю эту кошмарную гонку мне казалось, что они наступают нам на пятки, чудилась рука сколопендера на плече. Я все прислушивался к звуку шагов, хотя в вакууме их все равно не услышишь.

Будете покупать скафандр, потребуйте, чтобы его оснастили зеркалом заднего обзора. Пусть вам не потребуется убегать от

сколопендеров, но даже лучший друг, наступающий вам на пятки, действует на нервы. Да, захватите зонтик от солнца. Оскар старался изо всех сил, да и в Йорке делают кондиционеры на совесть,— но Солнце, не смягченное атмосферой, палит нещадно, а я не смел тратить воздух просто для охлаждения, во всяком случае, не больше, чем Чибис.

Становилось все жарче, с меня тек пот, все тело зудело, но почесаться было невозможно. Пот затекал в глаза, и их жгло. Чибис, должно быть, уже сварилась. Даже когда колея проходила по глубоким расщелинам, освещенным только отраженным светом, расщелинам настолько темным, что приходилось включать прожекторы на шлемах,— все равно было жарко. Когда же мы снова выбирались на солнце, жара становилась почти невыносимой. Искушение нажать подбородком на клавишу, впустить воздух и дать ему охладить тело, было слишком велико. Желание охладиться становилось важнее необходимости дышать.

Если бы я был один, я бы, наверное, так и сделал — и умер. Но Чибис приходилось хуже, чем мне. И раз она до сих пор выдержала, я *обязан* был тоже выдержать.

Раньше я удивлялся, как мы могли заблудиться так близко от места обитания человека — и как хитроумно чудовища спрятали свою базу всего в 40 милях от станции Томбо. Что ж, теперь у меня было время поразмыслить. Оглядывая лунную поверхность, я понял причину.

В сравнении с Луной Арктика просто кишит людьми. Площадь Луны примерно с Азию — а людей там меньше чем в Кентервиле. Могло пройти столетие, пока исследовали бы равнину, где обосновались сколопендеры.

С пролетающей ракеты ничего нельзя заметить, даже если бы база не была замаскирована. Пешком человек в скафандре туда не сунется. Человек в вездеходе наткнулся бы на эту базу только случайно, даже если бы пробрался нашим путем и исколесил бы всю равнину.

Существовали еще фотографии, которые делал лунный картографический спутник, но слишком мала вероятность, что служащий в Лондоне отметил бы крошечную разницу между двумя кадрами. Возможно, отметил бы. Еще через несколько лет кто-

нибудь, возможно, попытался бы разобраться — если не помешает что-то более срочное в этом деле первопроходцев, где необыкновенно и срочно — *все*.

Что же до радарных наблюдений — так необъясненных радарных наблюдений хватало еще до моего рождения.

Сколопендер мог здесь сидеть — ближе к станции Томбо, чем Даллас к Форт Ворс — тихо как мышь, и ни о чем не беспокоиться. Слишком много квадратных миль, слишком мало людей.

Невероятно много квадратных миль... нашим миром стали острые сверкающие скалы и темные тени, и черное небо, и бесконечное переступание ногами.

И все же теперь мы скорее спускались, чем поднимались, и в конце концов за поворотом открылась раскаленная блестящая равнина. Непостижимо далеко впереди были горы; даже с высоты тысячи футов казалось, что они лежат за линией горизонта. Я смотрел на эту равнину, слишком вымотанный, чтобы радоваться, потом взглянул на Землю и попытался найти запад.

Чибис прикоснулась шлемом:

— Вон там, Кип.

— Где? — она указала, и я уловил отблеск серебристого купола.

Мамми издала трель у меня за спиной

«Что там, ребята?»

— Станция Томбо, Мамми.

Ответом было ободряющее щебетание — мы хорошие ребята, и она знала, что мы справимся.

До станции было, наверное, миль десять. Расстояния там трудно оценить — этот странный горизонт, нет ориентиров,— я даже не понял, какого размера купол.

— Чибис, попробуем связаться по радио?

Она повернулась и посмотрела назад. Я тоже вгляделся; мы были совершенно одни.

— Давай рискнем.

— На какой частоте?

— На той же. Космические частоты. Наверное.

Я попробовал.

— Станция Томбо. Станция Томбо, прием. Вы меня слышите?

Потом попыталась Чибис. Я перебрал все частоты рации. Безуспешно.

Я переключился на направленную антенну, ориентируясь на отблеск купола. Никакого ответа.

— Мы зря теряем время, Чибис. Вперед.

Она медленно повернулась. Я чувствовал ее разочарование — сам дрожал от возбуждения. Я догнал ее и прикоснулся к шлему.

— Не расстраивайся, Чибис. Не могут же они сидеть на приеме весь день напролет. Станцию мы видим, теперь дойдем.

— Я знаю,— скучно сказала она.

Тронувшись с места, мы сразу потеряли из виду станцию Томбо, не только из-за поворотов, но и потому, что она скрылась за горизонтом. Я вызывал их, пока еще оставалась какая-то надежда, потом отключился, экономя дыхание и батареи.

Мы прошли почти половину спуска, когда Чибис замедлила шаг, остановилась, осела на землю и замерла.

Я заспешил к ней:
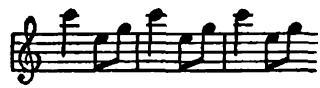
— Чибис!

— Кип,— вяло сказала она.— Можешь привести кого-нибудь? Пожалуйста? Ты знаешь дорогу. Я подожду здесь. Пожалуйста, Кип?

— Чибис! — рявкнул я.— Вставай! Ты должна идти.

— Н-н-н...не могу,— она заплакала.— Я так хочу пить... и ноги... — она потеряла сознание.

— Чибис! — я потряс ее за плечо.— *Нельзя* так! Мамми! Скажи ей!

Веки Чибис дрогнули.

— Еще, Мамми! — я отпустил Чибис и взялся за дело. Гипоксия сшибает человека мгновенно, как удар в подбородок. Мне не нужно было смотреть на ее указатель цвета крови, чтобы определить, что он показывает «опасность»; это было видно по манометрам. Кислородный баллон был пуст, второй баллон почти пуст. Я закрыл выпускные клапаны, переключил клавишу под подбо-

родком Чибис на внешнее управление и выпустил в ее шлем остатки кислородно-гелиевой смеси. Когда ее скафандр начал раздуваться, я перекрыл поток воздуха и чуть-чуть приоткрыл один из выпускных клапанов. И только после этого я закрыл блокирующие клапаны и снял опустевший баллон.

И уперся в дурацкую проблему.

Чибис слишком хорошо приторочила баллоны; я не мог дотянуться до узла! Левой рукой я его нащупывал, но правой не дотягивался. Мне мешал висящий спереди баллон — а одной рукой узел не развяжешь.

Я заставил себя не паниковать. Нож — ну конечно! — у меня есть нож. Старый скаутский нож с поясной петлей, на ней он сейчас и висел. Только крепления на поясе Оскара были такие широкие, что мне пришлось натягивать петлю с усилием, и теперь она не снималась. Я вертел нож до тех пор, пока петля не лопнула.

Я никак не мог открыть маленькое лезвие. У перчаток скафандра нет ногтей.

Я сказал себе: Кип, хватит бегать по кругу. Это просто. Все, что тебе нужно сделать — это открыть нож. И ты обязан это сделать — потому что Чибис задыхается. Я оглянулся вокруг в поисках обломка камня... чего угодно, чем можно подцепить, как ногтем. Потом проверил инструменты на поясе.

Пригодился геологический молоток, его узкой кромкой можно было подцепить лезвие. Я отрезал веревку.

Но этого было мало. Мне необходимо было добраться до баллона на спине. Когда я выкинул пустой баллон и поставил себе последний полный, то сразу подключил его и сэкономил почти половину другого баллона. Я рассчитывал сберечь его на крайний случай и поделить с Чибис. И вот этот случай пришел — у нее кончился воздух. У меня в одном баллоне воздуха тоже почти не было, зато в этом было ползаправки — плюс одна восьмая или чуть меньше в баллоне с чистым кислородом (максимум, на что можно было надеяться после моих перекачек). Я хотел поднять Чибис на ноги, отдав ей сразу четверть заправки кислородно-гелиевой смеси — ее и хватит дольше, и охлаждает она лучше.

Настоящее донкихотство, подумал я. И двух секунд не понадобилось, чтобы понять, что ничего не получится.

Я *не мог* снять этот баллон со спины!

Возможно, если бы я не переделывал крепления под нерегулируемые баллоны, я бы справился. В инструкции говорилось: «Закиньте руку за противоположное плечо, закройте блокирующие клапаны баллона и шлема, отсоедините хомут...» У меня не было никакого хомута; вместо него были стропы. Но в любом случае не думаю, что можно закинуть руку за плечо в скафандре под давлением и при этом еще что-то делать. Наверное, это писано какой-нибудь канцелярской крысой. Может, даже наблюдавшей, как кто-то проделывает этот трюк, например, один из тех фокусников, которые могут выворачивать свои плечи из суставов. Но спорю на полную заправку кислорода, что монтажники на Второй космической станции делали это, как мы с Чибис, помогая друг другу,— либо заходили в помещение и шлюзовались.

Если доведется, я это изменю. *Ко всем* принадлежностям в скафандре должен быть доступ *спереди* — там должны находиться все клапаны, хомуты, все остальное, даже если нужно поменять что-то сзади. Мы ведь не похожи на сколопендеров, у которых глаза повсюду, а руки сгибаются в десяти местах; мы можем делать что-то, лишь глядя *вперед* — тем более в скафандре.

А еще под подбородком должно быть окошко, чтобы видеть, что делаешь! На бумаге-то все может выглядеть гладко, а на деле начинаются сложности.

Однако я не тратил времени на сетования; в пределах досягаемости у меня была одна восьмая часть заправки. За нее-то я и ухватился.

Моя жалкая, хорошо послужившая липкая лента превратилась уже в мусор. С бинтом я не стал возиться. Если лента вообще прилипнет, я уже буду счастлив. Я держал ее осторожно, как сусальное золото, стараясь намотать ее поплотнее, и остановился, только чтобы полностью закрыть выпускной клапан Чибис, когда мне показалось, что ее скафандр съеживается. Когда я закончил, пальцы у меня дрожали.
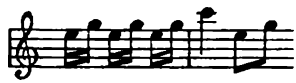
Без Чибис я не мог закрыть клапан. Пришлось одной рукой зажать разваливающийся стык, другой — открыть пустой баллон Чибис. Потом я быстро наклонился, открыл баллон с кислородом, схватил клапан баллона Чибис и взглянул на приборы.

Две стрелки качнулись друг к другу. Когда их движение замедлилось, я начал закрывать ее баллон — и тут лента отлетела.

Я успел закрыл клапан; из баллона Чибис пропало совсем немного газа. Содержимое другого быстро улетучивалось. Я, не теряя времени, отодрал обрывки ленты, убедился, что соединение чистое, приладил этот чуть заполненный баллон обратно к скафандру Чибис, открыл блокирующие клапаны.

Ее скафандр начал наполняться. Я чуть приоткрыл один из выпускающих клапанов и прижался к ней шлемом.

— Чибис! Чибис! Слышишь меня? Проснись, детка! Мамми! Разбуди ее!

— Чибис!

— Да, Кип?

— Проснись! Подъем, чемпион! Вставай! Солнышко, *пожалуйста*, проснись.

— А? Помоги мне снять шлем... я не могу *дышать*.

— Можешь. Надави на рычажок подбородком — почувствуй воздух, попробуй воздух. Свежий воздух!

Она обессиленно попыталась; я подтолкнул ее, помогая снаружи.

— Ой!

— Вот видишь? У тебя есть воздух. Полно воздуха. Теперь вставай.

— Давай я здесь полежу. Ну пожалуйста.

— Нет! Ты капризная, противная, испорченная девчонка — если ты не встанешь, никто не будет любить тебя. Мамми не будет любить тебя. Мамми! Скажи ей!

«Вставай, доченька».

Чибис попробовала. Я помогал ей, пока она пыталась встать. Она дрожала и цеплялась за меня, а я держал ее, чтобы она не упала.

— Мамми? — слабым голосом проговорила она.— Я смогла встать. Ты... все еще меня любишь?

«Да, дорогая!»

— У меня голова кружится... кажется, я... не смогу идти.

— И не надо, солнышко,— ласково сказал я и поднял ее на руки.— Больше идти не надо.

Она почти ничего не весила.

Мы спустились с холмов. Отчетливая в пыли колея вездехода вела точно на запад. Я убавлял подачу воздуха, пока стрелка индикатора цвета крови не зависла рядом с отметкой «опасность». Я удерживал ее там, двигая подбородком, только когда стрелка переползала эту отметку. Похоже, разработчик оставил какой-то запас, как в индикаторах уровня топлива. Я велел Чибис не спускать глаз с этого прибора и удерживать стрелку на краю опасной зоны. Она обещала, а я ей то и дело напоминал. Ее шлем был прижат к моему наплечнику, так что мы могли говорить.

Я считал шаги и через каждые полмили просил Чибис вызывать станцию Томбо. Станция была за горизонтом, но у них могла быть высокая антенна.

Мамми тоже разговаривала с Чибис — обо всем, лишь бы она опять не потеряла сознание. Это экономило мне силы и поднимало всем настроение.

Через некоторое время я заметил, что моя стрелка снова сместилась в красную область. Я шлепнул по рычажку и подождал. Ничего не произошло. Я снова надавил, стрелка медленно перешла на белое поле.

— Как у тебя с воздухом, Чибис?

— Нормально, Кип, нормально.

Оскар взывал ко мне. Я моргнул и заметил, что моя тень исчезла. Раньше она ложилась передо мной под углом к колее. Колея была на месте, а тени не было. Это меня огорчило, и я оглянулся посмотреть, куда же она подевалась. Она была позади. Проклятая тварь пряталась от меня. В игрушки вздумала играть!

«Так-то лучше!» — сказал Оскар.

— Здесь внутри жарковато, Оскар.

«Думаешь, снаружи прохладнее? Следи, парень, за тенью — и за колеей».

— Ладно, ладно! Не учи.— Я решил, что не позволю этой тени снова исчезнуть. От меня — прятаться? Ха! — Здесь внутри чертовски мало воздуха, Оскар.

«А ты дыши не так глубоко, старик. Мы справимся».

— Сейчас я дышу где-то на уровне носков.

«Так дыши на уровне рубашки».

— Вроде бы там корабль пролетел?

«Откуда мне знать? Глаза-то у тебя».

— Не умничай. Мне не до шуток.

Я сидел, держа Чибис на коленях, а Оскар действительно вопил — и Мамми тоже.

«Вставай, толстая обезьяна! Вставай и *пытайся*».

«Вставай, Кип, милый! Осталось всего чуть-чуть».

— Просто хочу отдышаться.

«Хорошо, а теперь вызывай станцию Томбо».

Я сказал:

— Чибис, вызывай Томбо.

Она молчала. От испуга я очухался.

«Станция Томбо, прием! Прием! — я поднялся на колени, встал на ноги.— Станция Томбо, слышите меня? Помогите! Помогите!»

Мне ответили: «Вас слышу!»

«Помогите! May-day! Умирает девочка! Помогите!»

Вдруг у меня прямо перед глазами очутились огромные блестящие купола, высокие башни, радиотелескопы, гигантская камера Шмидта. Я запинаясь, шагнул вперед.

May-day!

Открылся огромный люк, из него выбрался вездеход. Голос в наушниках сказал: «Мы идем. Оставайтесь на месте. Конец связи».

Вездеход остановился около меня. Из него выбрался человек, подошел и прижался шлемом. Я выдохнул:

— Помогите мне втащить ее внутрь!

В ответ я услышал:

— Ты причинил мне неудобства, браток. Не люблю тех, кто причиняет мне неудобства.

Вслед за ним из вездехода выбрался другой, побольше и потолще. Тот, что был поменьше, поднял какую-то штуку, похожую на фотоаппарат, и направил ее на меня. Это последнее, что я помню.

Глава 7

Не знаю, везли ли они нас обратно на вездеходе или сколопендер выслал корабль. Я очнулся от пощечин, и понял, что лежу на полу. Охаживал меня Тощий — тот, кого Жирный называл Тимом. Я дернулся дать сдачи, но не смог и шевельнуться — на мне было что-то вроде смирительной рубашки, которая спеленывала меня плотно, как мумию. Я взвизгнул.

Тощий схватил меня за волосы, вздернул голову и попытался засунуть мне в рот большую таблетку.

Я попытался его укусить.

Он врезал мне еще сильнее и вновь попробовал запихнуть мне таблетку. Все с той же подлой рожей.

Я услышал:

— Да ешь, малец.

Я скосил глаза. Там стоял Жирный.

— Съешь,— повторил он,— тебе дней пять маяться.

Я съел таблетку. Не потому, что послушался, а потому, что одной рукой мне зажали нос, а другой протолкнули таблетку в рот, когда я наконец его раскрыл. Жирняга поднес чашку воды, чтобы запить; тут я не сопротивлялся, пить хотелось.

Тощий вогнал мне в плечо лошадиный шприц. Я высказал ему все, что о нем думаю; я так редко выражаюсь. Тощий, словно глухой, пропустил мои слова мимо ушей; толстяк хихикнул. Я перекатил взгляд на него.

— Ты тоже,— простонал я слабо,— продажная тварь.

Жирный неодобрительно крякнул.

— Радуйся, что мы вам жизнь спасли,— он добавил: — Только я тут ни при чем — по мне, так ты просто жалкий неудачник. Но *ему* ты нужен живым.

— Заткнись,— сказал Тощий.— Зафиксируй его.

— Да пусть хоть шею свернет. Самим бы пристегнуться. *Он* ждать не будет.

Тощий взглянул на часы:

— Четыре минуты.

Жирный торопливо закрепил мне голову ремнем, потом они оба поспешно что-то проглотили и вкололи. Я, как мог, внимательно наблюдал.

Я вновь попал на корабль. Тот же светящийся потолок, те же стены. Они приволокли меня в свой кубрик. Их койки стояли по бокам, я был привязан к мягкой кушетке посередине.

Они торопливо забрались в какие-то тугие коконы, похожие на спальные мешки, и принялись застегивать молнии. И головы свои пристегнули.

Мне это было неинтересно.

— Эй! Что вы сделали с Чибис?

Жирный захихикал.

— Слышишь, Тим? Ай да парень.

— Заткнись.

— Ты... — я хотел обложить Жирнягу со всех сторон, но уже путались мысли, каменел язык.

Я ведь хотел еще спросить о Мамми...

Тело онемело. Навалилась страшная тяжесть, кушетка превратилась в камень.

Бесконечно долго я висел в полусне. Сначала меня раздавило; потом накатила боль, от которой хотелось вопить. И не было сил.

Но ушла боль, ушли все ощущения. Исчезло собственное тело, я развоплотился. Мне грезился какой-то абсурд, какой-то комикс, в котором я застрял. Тот самый комикс, склоняемый на всех собраниях Учительско-Родительской ассоциации — и его злобные персонажи всячески глумились надо мной.

Кушетка сделала кульбит, а ко мне вернулось тело вместе с головокружением. Через несколько веков до меня дошло, что мы проделали диаметральную трансфигурацию вектора гравитации. В минуты прояснений осознавалось, что мы летим, очень быстро, с чудовищным ускорением. Полпути позади, и главное — сложить две бесконечности. Получалось — восемьдесят пять центов

плюс налог с продаж; на кассе болталось «ушла на базу», и я начинал все сначала...

Жирный отстегнул ремень с моей головы. Ремень прирос и отошел с куском кожи.

— Проснись, братан! Время не ждет.

Я лишь закряхтел. Тощий развязывал меня. Ноги не слушались и страшно болели.

— Вставай!

Я попробовал встать и не смог. Тощий взял мою ногу и стал ее растирать. Я завопил.

— Дай-ка сюда. Я был тренером.

Жирный знал, что делает. Я вскрикнул, когда его большие пальцы впились мне в щиколотки, и он тут же остановился.

— Беспокоит?

Я не смог даже что-то выговорить.

Он все разминал меня и приговаривал почти весело:

— Пять дней при восьми g — это не прогулочка... Ничего, восстановишься. Тим, давай шприц...

Тощий вогнал мне иглу в левое бедро. Укола я почти не почувствовал.

Жирный рывком усадил меня и протянул чашку. Я подумал, что это вода, но это оказалось что-то другое, и я поперхнулся. Жирный подождал, потом снова протянул мне чашку.

— Теперь пей.— Я выпил.— Ладно, вставай. Каникулы закончились.

Пол ходил ходуном, и я схватился за Жирного, пережидая головокружение.

— Где мы? — прохрипел я.

Жирный ухмыльнулся, как будто готовился отмочить невероятно смешную шутку:

— Ха! На Плутоне, конечно. Знатное местечко. Прямо курорт.

— Заткнись. Пусть пошевеливается.

— Встряхнись, малыш. Не заставляй *Его* ждать.

Плутон! Не может быть; никто не забирался так далеко. Да что там, никто еще не пытался добраться даже до спутников Юпитера. А Плутон настолько дальше, что...

Мозги совершенно не работали. Последняя передряга настолько вышибла меня из колеи, что я уже отказывался верить тому, что испытал на собственной шкуре.

Но Плутон!

Удивляться времени не дали; мы полезли в скафандры. Я и не помышлял, что Оскара тоже прихватили, и так обрадовался, что обо всем забыл. С ним не церемонились, просто свалили на пол. Я наклонился над ним (отзывалось болью каждое движение) и осмотрел. Кажется, целехонек.

— Надевай,— приказал Жирный.— Хватит копаться.

— Ладно,— ответил я почти радостно. Потом замялся.— Знаете, у меня кончился воздух.

— Разуй глаза,— заявил Жирный. Я вгляделся. За спиной висели заряженные баллоны с кислородно-гелиевой смесью.

— Хотя,— добавил он,— если бы *он* насчет тебя не распорядился, ты бы у меня не воздухом дышал, а Лимбургским сыром. Ты нас нагрел на два баллона, геологический молоток, веревку... а она на Земле стоит четыре девяносто пять. Когда-нибудь,— невозмутимо заявил он,— я все это с тебя стрясу.

— Заткнись,— сказал Тощий.— Пошли.

Я расправил Оскара, влез внутрь, включил индикатор цвета крови и застегнулся. Потом надел шлем. В скафандре казалось как-то легче.

«Готов?»

«Готов!» — согласился Оскар.

«Далековато от дома нас занесло».

«Зато воздух есть. Выше нос, парень!» — это напомнило мне проверить подбородком вентиль. Все работало. Не хватало моего ножа, молотка и веревки... но это уже мелочи. Мы были готовы.

Вслед за Тощим я вышел из каюты. Жирный конвоировал. В коридоре мы разминулись со сколопендером, но хоть меня и передернуло, вокруг меня был Оскар, и чудищу было до меня не добраться.

В шлюзе к нам присоединилось еще какое-то существо, и я не сразу понял, что это сколопендер в скафандре. Он был похож на высохшую корягу с голыми ветвями, мощными корнями, и набалдашником-шлемом — стеклянным гладким куполом. Вероятно,

стекло пропускало в одну сторону, сквозь него я ничего не увидел. Упакованный таким образом сколопендер выглядел не столько устрашающим, сколько гротескно несуразным. И все же я старался держаться от него подальше.

Давление падало, я стравливал воздух, чтобы меня не слишком раздуло. Это напомнило мне о том, что я больше всего хотел узнать — о Чибис и Мамми. Так что я включил радио и объявил:

— Проверка связи. Раз-раз-раз...

— Не дергайся с этой ерундой. Понадобишься — скажем.

Внешняя дверь открылась, и я впервые увидел Плутон.

Не знаю, чего я ожидал. Плутон так далек от нас, что даже с Лунной обсерватории не получишь приличных фотографий. Я читал статьи в «Сайентифик Американ», видел картинки в «Лайф» — имитации фотографий. На них изображался «летний» Плутон — если называть «летом» сезон возгонки жидкого воздуха. Я вспомнил об этом, потому что там было написано, что когда Плутон приближается к Солнцу, у него появляется атмосфера.

Однако Плутоном я никогда особенно не интересовался — мало фактов, много домыслов, далековато, так что недвижимость незавидная. Луна рядом с ним — элитный пригород. Профессор Томбо, в честь которого была названа станция на Луне, получил в свое время грант Гугенхеймовского фонда на фотографирование Плутона с помощью гигантского электронного телескопа, но его интерес понятен — он-то и открыл Плутон задолго до моего рождения.

Дверь начала открываться. Первое, что я услышал — щелк... щелк... щелк... четыре щелчка в шлеме. Оскар включил все обогреватели.

Передо мной висело Солнце. Сначала я не понял, что это оно. Выглядело оно не крупнее Венеры или Юпитера, если смотреть на них с Земли (хотя и гораздо ярче) — то есть в виде точки, а не диска. Но сверкало оно как электрическая дуга.

Жирный двинул меня под ребра:

— Не спи, замерзнешь.

Прямо за дверью начинался мост, упирающийся в эстакаду. Эстакада вела к горе в двух сотнях ярдов от нас. Ее поддерживали опоры, похожие на паучьи ноги высотой от двух-трех до деся-

ти-двадцати футов, в зависимости от рельефа местности. Всюду лежал снег, ослепительно-белый даже под этим булавочным Солнцем. Там, где опоры были выше всего, под виадуком, протекал ручей.

Что за «вода» была в этом ручье? Метан? Что за «снег» это был? Замерзший аммиак? У меня не было таблиц с данными, что в адских условиях здешнего «лета» замерзает, что становится жидким, а что остается газообразным. Я только знал, что зимой здесь стоит такой холод, что жидкостей и газов не остается — только вакуум, как на Луне.

Я рад был пошевеливаться. Слева дул такой ветер, что не только мерз бок, несмотря на все усилия Оскара, но и ступать приходилось с опаской. Я подумал, что наш марш-бросок на Луне был куда безопаснее падения в этот «снег». Будет ли человек еще дергаться, в клочья разнося скафандр и себя, или разобьется сразу?

К опасности от ветра и отсутствия перил добавляло страха оживленное движение экипированных сколопендеров. Они сновали вдвое быстрее нас, а дорогу уступали не чаще, чем собака уступает косточку. Даже Тощий перешел на короткие перебежки, а я трижды чуть не поскользнулся...

Дорога уводила в туннель; через десять футов перед нами открылась панель. Еще через двадцать футов мы увидели вторую; она также открылась, а потом закрылась за нами. Так мы миновали около двух десятков панелей, которые действовали как скоростные шлюзы. После каждого шлюза слегка поднималось давление. Я не видел, чем они управлялись, хотя темно в туннеле не было — его освещали мерцающие потолки. Наконец мы прошли через последний, особо мощный шлюз, но давление уже выровнялось, и его двери остались открытыми. Они вели в огромное помещение.

В нем стоял сколопендер. Думаю, *тот самый* сколопендер, потому что он сказал по-английски: «Пошли!». Это я услышал сквозь шлем. Но не уверен точно, потому что в комнате были и другие, а я скорее отличил бы друг от друга двух бородавочников.

Сколопендер поспешил к выходу. На нем не было скафандра, и я вздохнул с облегчением, когда он отвернулся, потому что невозможно было смотреть на его шевелящийся рот. Но это оказалось слабым утешением, потому что теперь стал виден его задний глаз.

Поспевать за ним оказалось трудно. Он провел нас по коридору, повернул направо через еще одни открытые двойные двери, и наконец неожиданно остановился возле дыры в полу, похожей на канализационный люк.

— Раздеть его! — скомандовал он.

Жирный и Тощий откинули свои шлемы, из чего я заключил, что это безопасно. И все же из Оскара вылезать не хотелось — пока сколопендер был рядом.

Жирный отстегнул мой шлем.

— Вылезай из своей шкуры, братан. Расстегивайся!

Тощий распустил мне пояс и, хоть я и сопротивлялся, они живо вытряхнули меня из скафандра.

Сколопендер ждал. Как только с меня содрали Оскара, он указал на дыру:

— Вниз!

Я сглотнул. Дыра казалась бездонной и ничуть не соблазнительной.

— Вниз! — повторил он.— Быстро.

— Давай, братан,— посоветовал Жирный.— Прыгай, или тебя столкнут. Ныряй в дыру, пока он не рассердился.

Я попытался отскочить.

Но не успел я шелохнуться, как сколопендер схватил меня и стал запихивать в дыру. Я уперся, попятился — и оглянулся как раз вовремя, чтобы не шлепнуться задом, а неуклюже спрыгнуть.

Падать оказалось не так больно, как на Земле, но щиколотку я подвернул. Впрочем, значения это не имело: идти все равно было некуда; единственный выход — дыра в потолке.

Площадь моей камеры составляла около двадцати квадратных футов. Она была, я думаю, вырублена в цельной скале, но определить это я не мог — стены, пол и потолок были такие же глухие, как и на корабле. Половину потолка покрывала осветительная панель, так что я мог бы читать, если бы имел хоть одну книгу. И последней деталью была струйка воды, вытекающая из отверстия в стене, попадающая в углубление размером с кухонную мойку и выливающаяся неизвестно куда.

Было тепло, что меня порадовало, потому что ничего похожего на кровать или постель я не заметил. Я уже понял, что какое-

то время придется провести здесь, и размышлял, что буду есть и где спать.

Устал я от всего этого абсурда. Занимался своим делом, прогуливался себе у собственного дома. Принесла нелегкая этого сколопендера. Я уселся на пол и принялся мечтать, как буду убивать его, медленно и мучительно.

Наконец я бросил заниматься ерундой и стал размышлять о Чибис и Мамми. Здесь ли они? Или лежат где-нибудь между горами и станцией Томбо? Угрюмо обдумывая ситуацию, я решил, что для бедняжки Чибис было лучше, если во второй раз она не очухалась. Насчет Мамми я немного сомневался, потому что мало что знал о ней — но в смерти Чибис был уверен.

Что ж, поделом мне эта передряга. Донкихоты всегда рано или поздно оказываются в темнице. Хотя по правилам прекрасная дева должна оказаться в соседней башне. Прости меня, Чибис; я не рыцарь, я всего лишь торговец газировкой из аптеки... «Одним махом с чистосердечным размахом десятерых побивахом...»

Нет, не смешно это все.

Я устал казниться и посмотрел, который час. Не то чтобы это имело какое-то значение. Но считается, что узник должен выцарапывать на стенах зарубки, отмечая дни заключения, и я решил, что и мне пора начать. Часы на руке у меня сохранились, но стояли, а завести их я не смог. Наверное восемь g их доконали, хотя предполагалось, что они противоударные, непромокаемые, немагнитные и нечувствительные к антиамериканской деятельности.

Через некоторое время я лег на пол и заснул.

Проснулся я от стука.

Это банка с пайком ударилась об пол. Удар ей не повредил, ключ был на месте, и я открыл ее — очень неплохая солянка из говядины и овощей. Из пустой банки я напился — вода могла быть ядовитой, но был ли у меня выбор? — потом вымыл банку, чтобы не пахла.

Обнаружив, что вода теплая, я решил помыться. Сомневаюсь, что многие граждане США за последние двадцать лет испытавали столь настоятельную потребность принять ванну. Потом я постирал одежду. Рубашка, трусы и носки были из немнущейся

синтетики, которая быстро высыхала. Джинсы сохли дольше, но мне некуда было торопиться. Я жалел только, что у меня нет с собой ни одного из двухсот кусков мыла «Звездный путь», лежавших на полу в моей каморке. Если бы я знал, что полечу на Плутон, я бы захватил куска два.

Стирка надоумила меня провести инвентаризацию. У меня оказались: носовой платок, 67 центов мелочью, долларовая бумажка, настолько замызганная и пропитанная потом, что портрет Вашингтона трудно было разглядеть, механический карандаш с надписью «Дорожное кафе Джея — лучшая газировка в городе» (наглая ложь, лучшая газировка была у нас в магазине!) и список продуктов, которые я должен был купить в бакалее по просьбе мамы, но не купил из-за этого дурацкого испорченного кондиционера. Список был не такой истрепанный, как доллар, потому что лежал в кармане рубашки.

Я выстроил рядком свое имущество и оглядел его. Ну никак не получалось переделать эти предметы в сногсшибательное оружие, чтобы прорваться на свободу, украсть корабль, научиться пилотированию и с триумфом возвратиться домой, а попутно предупредить Президента и спасти страну. Я переставил их по-новому, но на чудесное оружие они все равно не тянули.

Потому что они им, к сожалению, не были.

Я вскочил от приснившегося кошмара, вспомнил, где нахожусь, и захотел вернуться в кошмар. Я лежал, жалел себя, постепенно из глаз потекли слезы, подбородок задрожал. Меня никогда не дразнили «плаксой»; папа говорит, что в слезах нет ничего плохого; просто они социально неприемлемы. Он рассказывал, что в некоторых культурах рыдания считаются проявлением светской любезности. Однако в школе плаксой быть совершенно не престижно, и я бросил это дело много лет назад. Кроме того, это утомляет и не приносит никакого результата. Поэтому я выключил дождь и подбил бабки.

Мой список действий выглядел так:

1. Выбраться из этой клетки.
2. Найти Оскара и экипироваться.

3. Выбраться, украсть корабль, отправиться домой — если соображу, как управлять им.

4. Придумать оружие или военную хитрость, как победить сколопендеров или отвлечь их, пока выбираюсь и краду корабль. Ничего особенного. Провернуть это может любой заурядный супермен, владеющий приемами телепортации и основами парапсихокарате. Надо только удостовериться, что в плане предусмотрена «защита от дурака», а страховка полностью оплачена.

5. В первую очередь: прежде, чем распрощаться с романтическими побережьями экзотического Плутона и его колоритными дружелюбными аборигенами, удостовериться, что за бортом не остались ни Чибис, ни Мамми. Если остались, забрать их с собой — потому что, несмотря на все пересуды, лучше быть мертвым героем, чем живым подлецом. Умирать неприятно и неинтересно, но даже подлец когда-нибудь умрет, как бы он ни старался остаться в живых,— и до самой смерти ему придется искать оправдания выбору, сделанному давным-давно.

Как ни старался я придать шарма участи героя, привлекательнее эта участь не становилась. Просто альтернатива казалась еще хуже.

И совсем не важно, что Чибис умеет управлять кораблем, а Мамми может меня в этом натаскать. Я не могу этого доказать, но я-то знаю.

Примечание: даже если я научусь вести корабль, смогу ли я делать это при восьми g? Может, для Сколопендера предусмотрено специальное устройство, но меня-то при восьми g никакое кресло не спасет. Автопилот? А инструкция при нем будет? На английском? (Чушь-то не пори, Клиффорд!)

Дополнительное примечание: А на одном g сколько лететь до Земли? До скончания века? Или всего лишь до голодной смерти?

6. Трудотерапия на период вынужденного безделья. Это важно, чтобы не расклеиться. О. Генри в заключении писал рассказы. Апостол Павел свои самые сильные послания создал в римской темнице. Гитлер в тюрьме написал «Майн Кампф». В следующий раз захвачу с собой пишущую машинку и бумаги побольше. А покуда я могу составлять магические квадраты и изобретать шахматные задачи. Все лучше, чем жалеть себя. Львы выживают в зоопарках, а разве я не умнее львов? Хотя бы некоторых из них?

* * *

Итак, за работу. Во-первых: как выбраться из этой ямы?

Я пришел к однозначному выводу: это невозможно. Поперечник клетки двадцать футов, высота двенадцать футов; стенки гладкие, как щечки младенца, неприступные, как кондуктор. Кроме этого, дыра в потолке, восходящая тоннелем еще футов на шесть, ручеек, бассейн, светящийся участок потолка. Из инструментов уже упомянутая чепуха (несколько унций барахла, ничего острого, взрывчатого или едкого), одежда, пустая консервная банка.

Я проверил, как высоко смогу подпрыгнуть — и достал до потолка. Это означало, что тяготение составляло примерно половину g. Точнее сказать трудно, потому что целую вечность я провел при одной шестой g, несколько бесконечных эпох при восьми g; и рефлексы мои давно сбились с толку.

Но, хоть я и дотронулся до потолка, ни ходить по нему, ни левитировать я не мог. Там бы и мышь не удержалась.

Я мог разорвать одежду и сплести веревку. Но зацепится ли она там за что-нибудь? Насколько я помнил, там только гладкий пол. Но если даже зацепится? Что дальше? Слоняться в чем мать родила, пока Сколопендер не заметит меня и не отправит обратно, на сей раз без одежды? Я решил отложить фокусы с веревкой, пока не придумаю, как обвести вокруг пальца Сколопендера с его шайкой.

Я вздохнул и огляделся. Оставалась только струйка воды и бассейн со сливом.

Есть история про двух лягушек, упавших в горшок со сливками. Одна видит безнадежность положения, сдается и тонет. Другая настолько тупа, что не понимает, что ей конец, и продолжает бултыхаться. Через несколько часов она сбивает островок масла и восседает на нем в тиши и прохладе, пока служанка не выбросит ее из кувшина.

Струйка журчала и стекала в слив. Что, если она перестанет утекать?

Я обследовал дно резервуара. Слив можно было заткнуть. Но продержусь ли я на плаву, пока комната переполнится и вытеснит меня наружу? Что ж, я мог проверить это с помощью банки.

На вид в банке была пинта. Известно, что пинта воды весит один фунт, а кубический фут воды весит на Земле чуть больше шестидесяти фунтов. Но я решил уточнить. Длина моих ступней одиннадцать дюймов; до этого размера они доросли, когда мне исполнилось десять лет — и меня дразнили, покуда я в свою очередь не вырос им под стать. Я отмерил одиннадцать дюймов на полу двумя монетками. Оказывается, ширина долларовой банкноты два с половиной дюйма, а монета в 25 центов в диаметре чуть меньше дюйма. Вскоре я довольно точно знал размеры комнаты и банки.

Я подставил банку под струю, наполнил ее и быстро опорожнил, одновременно высчитывая количество банок и отсчитывая секунды. Таким образом я вычислил, за какое время комната наполнится. Ответ мне не понравился; я пересчитал еще раз.

Получалось четырнадцать часов. Накинем час на погрешность подсчета. Смогу ли я столько продержаться?

Припрет — смогу. А меня приперло. И вообще, человек может держаться на плаву сколь угодно долго — если не поддается панике.

Я скомкал носки и сунул в слив. И чуть не упустил их. Пришлось обмотать носками банку и заткнуть этим кульком слив на манер пробки. Она держалась прочно, да я еще подконопатил ее остальной одеждой. Потом подождал, чувствуя себя очень сообразительным. Бассейн постепенно наполнялся.

Вода поднялась примерно на дюйм от пола и иссякла.

Видимо, там был выключатель, реагирующий на давление. Следовало бы догадаться, что создатели кораблей, летающих с постоянным ускорением при восьми g, способны сработать безаварийную сантехнику. В отличие от нас.

Я собрал одежду, всю, кроме одного носка, и разложил ее сушиться. Хорошо бы этот носок испортил там какой-нибудь насос или еще что, только вряд ли — они хорошие инженеры.

Да и не верил я особенно в эту историю с лягушками.

Сбросили еще одну банку — ростбиф и волглый картофель. Сытная еда, но мне что-то захотелось персиков. На банке значилось: «Разрешено к розничной продаже на Луне», из чего можно было заключить, что она из числа честно купленных Жирным и

Тощим. И как они отстегивают мне свои припасы?.. Без сомнения, они мирились с этим только потому, что не смели перечить Сколопендеру. Отсюда вопрос, почему Сколопендер оставил меня в живых? Я, конечно, был не против, но не понимал, зачем ему это нужно. Я решил отсчитывать по банкам дни и так вести календарь.

Это напомнило мне, что я еще не подсчитал, сколько лететь до Земли при ускорении в 1 g, если окажется, что при восьми g я не смогу запустить автопилот. Я зациклился на том, как выбраться из клетки и даже не подумал о том, что буду делать, если выберусь (поправочка: когда выберусь). И теперь я занялся баллистикой.

Книги мне были не нужны. Даже в наши дни масса людей не может отличить звезду от планеты, а все астрономические расстояния называет «далеко». Для меня они все равно что дикари, считающие так: один, два, три, «много». Да любой сопливый скаут знает намного больше, а парень вроде меня, которого космическая муха укусила, обычно помнит и кое-какие цифры.

«Мама варит земляничный морс, а юный сын уже не плачет». Не забудете, если повторите несколько раз? Тогда распишем подробно:

Мама	Меркурий	$0,39
Варит	Венера	$0,72
Земляничный	Земля	$1,00
Морс	Марс	$1,50
А	Астероиды	В ассортименте
Юный	Юпитер	$5,20
Сын	Сатурн	$9,50
Уже	Уран	$19,00
Не	Нептун	$30,00
Плачет	Плутон	$39,50

«Цены» — расстояние от Солнца в астрономических единицах. Астрономическая единица — среднее расстояние от Земли

до Солнца. 93 000 000 мили. Чем запоминать миллионы и миллиарды, проще запомнить одно всем известное число и несколько мелких чисел. А долларовые значки я использую потому, что шуршащие числа мне просто по вкусу. Правда, папа считает прискорбным это мое обыкновение. Но надо же как-то запоминать, иначе окажется, вы не знаете, что у вас под носом творится.

Теперь к сути. По таблице, расстояние от Плутона до Солнца составляет 39 с половиной расстояний от Земли до Солнца. Однако у Плутона и Меркурия орбиты очень вытянуты. У Плутона расстояние до Солнца изменяется на два миллиарда миль, чокнуться можно. Больше, чем от Солнца до Урана. Плутон даже забирается внутрь орбиты Нептуна, а потом откатывается вдаль и маячит там пару столетий, совершая всего четыре оборота за тысячу лет.

Но в той статье говорилось, что на Плутоне начинается «лето». Значит, сейчас он находится вблизи орбиты Нептуна и будет находиться там до конца моей жизни — если бы я оставался в Кентервиле; здесь же предсказать, сколько я проживу, трудновато. В общем, получилась круглая цифра — 30 астрономических единиц.

Задачки на ускорение проще пареной репы:

$$S = {}^{1}/_{2}\, at^2$$

(расстояние равняется половине ускорения, умноженного на квадрат времени разгона). Если бы астронавигация этим и ограничивалась, любой новичок мог бы управлять космическим кораблем. Трудности происходят от гравитационных возмущений и того, что все движется одновременно и в четырнадцати разных направлениях. Однако я мог пренебречь гравитационными полями и движением планет. При скоростях, которые развивают корабли сколопендеров, эти факторы не имеют значения, если не подлетать слишком близко к планетам. Мне всего-то нужен был порядок величины.

Жаль, что нет логарифмической линейки. Папа говорит, что не умеющий ею пользоваться должен, как неграмотный, не допускаться до выборов. У меня прелесть, а не линейка — двадцатидюймовая, дуплексная, с тригонометрией от углов в радианах.

Папа осчастливил меня ей после того, как я освоил десятидюймовую, где все углы в градусах. Целую неделю пришлось сидеть на одной картошке, но папа заявил, что предметы роскоши в бюджете должны стоять на первом месте. Я знал, где сейчас эта линейка. Дома, на моем столе.

Ничего страшного. У меня есть цифры, формула, карандаш и бумага.

Прикинем. Жирный сказал «Плутон», «пять дней» и «восемь g».

Задача состоит из двух частей; половину времени (и расстояния) ускорение; потом разворот, вторую половину времени (и расстояния) — торможение. Полное расстояние нельзя использовать в уравнении, потому что время возводится в квадрат — функция параболическая.

В какой же конфигурации Плутон? В противостоянии? В соединении? В стоянии? Плутон в телескоп не видно — так кто помнит, в каком он месте эклиптики? Ну ладно, среднее расстояние 30 а.е.; отсюда будем танцевать.

Половина этого расстояния в футах равна:

$$^1/_2 \times 30 \times 93\,000\,000 \times 5280.$$

Восемь g равняются: $8 \times 32{,}2$ фута в секунду за секунду — скорость возрастает на 258 футов в секунду за каждую секунду до переворота, и с той же скоростью уменьшается после него. Таким образом из равенства:

$$^1/2 \times 30 \times 93\,000\,000 \times 5280 = {}^1/_2 \times 8 \times 32{,}2 \times t^2$$

получаем время, за которое преодолеем половину пути, в секундах. Удваиваем его и получаем общее время в пути. Делим на 3600, получаем время в часах; делим на 24 и получаем дни. На логарифмической линейке такая задачка решается за сорок секунд, большую часть из которых потратишь на подсчет нулей. Элементарно, как подсчитать налог с продаж.

У меня ушел почти час на вычисления и почти столько же на проверку вычислений в ином порядке. Потом пришлось проверять еще раз, потому что результаты не совпали (я забыл умножить на

5280, и на одной стороне уравнения оказались футы, а на другой мили. Арифметика такого не любит. Потом я пересчитал все в четвертый раз, потому что уже ни в чем не был уверен. Все же логарифмическая линейка — лучшая штука в мире после девушек.

Наконец получился верный результат. Пять с половиной дней. Я на Плутоне.

Или на Нептуне...

Нет, на Нептуне я бы не смог подпрыгнуть на 12 футов; только Плутон отвечал всем условиям. Так что я все стер и высчитал, сколько придется лететь при одном g.

Пятнадцать дней.

Я-то думал, по крайней мере в восемь раз дольше, чем при восьми g — или даже даже в 64 раза дольше. Тут и крылась ошибка. Квадрат времени съедает преимущество в скорости — чем больше ускорение, тем короче путь, а чем короче путь, тем меньше времени ускоряешься. Чтобы сократить время вдвое, требуется четырехкратное ускорение; чтобы сократить время в четыре раза, ускорение нужно увеличить в шестнадцать раз, и так далее. Вот где была собака зарыта.

Сознание того, что я могу долететь до дома за две недели при ускорении в один g, подбодрило меня. За это время я не умру от голода. Если удастся украсть корабль. Если смогу им управлять. Если выберусь из этой норы. Если...

Не «если», а «когда»! В колледж я в этом году уже все равно не поступлю; плюс-минус пятнадцать дней никакой роли не играют.

Еще при первых расчетах я обратил внимание на максимальную скорость корабля перед разворотом. Более одиннадцати тысяч миль в секунду. Приличная скорость, даже по меркам космоса. Я призадумался. До ближайшей звезды, Проксимы Центавра, четырех и три десятых световых года, об этом то и дело слышишь в телевикторинах. Сколько займет путь при восьми g?

Задача та же, но надо следить за запятыми: числа становились громоздкими.

Световой год равен... я забыл. Придется умножить 186 000 миль в секунду (это скорость света) на количество секунд в году (365,25 × × 24 × 3600) — получаем 5 880 000 000 000 миль. Умножаем на

4,3 и получаем 25 284 000 000 000 миль. Приблизительно 25 триллионов миль. Ничего себе!

А полет займет год и пять месяцев — короче, чем путешествие вокруг мыса Горн столетие назад.

Да эти чудища путешествовали между звездами!

Уж не знаю, почему я так удивился, ведь это просто в глаза бросалось. Я было принял как должное, что Сколопендер привез меня на свою родную планету, что он был плутонианцем, или плутократом, или как там еще. Но это было *невозможно*.

Он дышал воздухом. В его корабле для меня было достаточно тепло. Если он не торопился, то на небольшие расстояния путешествовал при ускорении, равном земному. Он пользовался освещением, которое подходило для моих глаз. Значит, он прилетел с планеты, похожей на мою.

Проксима Центавра — двойная звезда, как известно всем любителям кроссвордов. Одна из звезд — близнец нашего Солнца — размер, температура, другие свойства. Можно допустить, что у нее есть и планета, похожая на Землю? Я сильно заподозрил, что узнал домашний адрес Сколопендера.

И я точно знал, откуда они *не могли* прилететь. С планеты, которая веками несется в полном вакууме при температурах, близких к абсолютному нулю, где «летом» тают лишь газы, а вода остается твердой как камень, где даже Сколопендер вынужден носить скафандр. Они не могли явиться из Солнечной системы, потому что я был железно уверен, что Сколопендер нормально чувствует себя только на планете, похожей на нашу. Неважно, как он выглядит; пауки совсем не похожи на нас, но им нравится то же, что и нам. У нас, наверное, в каждом доме живет по тысяче пауков.

Сколопендеру и его сородичам понравилась Земля. Боюсь, даже слишком понравилась.

Я начал размышлять о Проксиме Центавра и заметил кое-что еще. Скорость при развороте у меня получилась равной 1 110 000 тысяч миль в секунду, в шесть раз выше скорости света. Теория относительности говорит, что это невозможно.

Мне захотелось обсудить это с папой. Папа читает все от «Анатомии меланхолии» до «Acta Matematica» и «Пари Матч». Он способен усесться на поребрик тротуара и копаться в намокших

газетах из мусорного ящика в поисках «продолжения на странице восемь».

Папа достал бы книжку, и мы посмотрели бы, что об этом пишут. Потом он нашел бы еще четыре или пять книжек с другими точками зрения. Папа попытался бы оспорить каждое мнение, он терпеть не может подхода: «это-правда-а-иначе-это-бы-не-напечатали». Он не признает никаких авторитетов — меня потрясло, когда он впервые взял ручку и исправил что-то в моем учебнике математики.

Даже если скорость света превысить нельзя, четыре или пять лет — срок вполне приемлемый. Нам наговорили, что для экспедиций даже к ближайшим звездам потребуется смена поколений на корабле, такая точка зрения укоренилась...

Одна миля по лунным горам — долгое путешествие, триллион миль по пустому космосу — заурядный вояж...

Но что Сколопендер делает на Плутоне?

С чего вы начнете завоевание чужой солнечной системы? Я не шучу. Темница на Плутоне не располагает к шуткам, и в лицо Сколопендеру не расхохочешься. Станете вы ломиться нахрапом или сначала высунете шапку за угол? Да, технически они далеко опередили нас, но ведь они не могли знать этого заранее. Может, умнее сначала выстроить базу в таком уголке системы, куда никто не заглядывает?

Потом можно продвигать форпосты, например, на безвоздушном спутнике привлекательной планеты, с которого так удобно исследовать поверхность своей цели. Если вдруг потеряешь один из форпостов, можно отойти на основную базу и подготовиться к новой атаке.

Не забывайте, что, если для нас Плутон почти недосягаем, то для сколопендеров он всего в пяти днях пути от Луны. Вспомните Вторую мировую войну, когда скорости были совсем не те. Главная база в безопасности, вне досягаемости (США / Плутон), но всего в пяти днях пути от форпоста (Англия / Луна), от которого три часа до театра военных действий (Франция-Германия / Земля). Так действовать медленнее, но это сыграло на руку союзникам в той войне.

Оставалось только надеяться, что это не поможет банде Сколопендера.

Но противопоставить им пока нечего.

Кто-то скинул еще одну банку — спагетти с фрикадельками. Если бы это были персики, у меня бы, наверное, не хватило силы воли сделать то, что сделал я — прежде чем открыть банку, я использовал ее вместо молотка. Я колотил ею по пустой банке, пока не сплющил ее, а потом отковал острый конец и заточил его на краю бассейна. Пустая банка превратилась в кинжал — не очень хороший, но с ним я чувствовал себя не таким беспомощным.

После еды потянуло в сон и я прикорнул под теплым мерцанием. Я по-прежнему был пленником, но теперь у меня было оружие и очерченный противник. Проанализировать проблему — на две трети решить ее. Кошмары мне больше не снились.

Потом в дыру сбросили Жирного.

Через секунду на него шмякнулся Тощий. Я отскочил, держа нож наготове. Тощий не обратил на меня никакого внимания, поднялся, огляделся, подошел к ручейку и стал пить. Жирный оказался в худшей форме — он не дышал.

Глядя на него, я подумал, какой он отвратительный. Однако — какого черта! — он же делал мне массаж, когда я в нем нуждался. Я перевернул его и начал делать искусственное дыхание. Через четыре или пять толчков мотор завелся, он смог вздохнуть и прохрипел: «Хватит!»

Я отошел и снова взялся за нож. Тощий безучастно сидел у стены. Жирный посмотрел на мое жалкое оружие и сказал:

— Убери это, малыш. Мы теперь друзья — не разлей вода.

— Мы?

— Ага. Мы, люди, должны держаться вместе,— он убито вздохнул.— После всего, что мы для него сделали. Вот благодарность.

— О чем это вы? — потребовал я объяснений.

— Ха,— сказал Жирный.— Я же говорю. *Он* решил, что может обойтись без нас. Вот мы и сменили квартиру.

— Заткнись,— безучастно сказал Тощий.

Жирный недовольно скривился.

— Сам заткнись,— сварливо сказал он.— Надоело. День-деньской «заткнись» да «заткнись» — и чем это кончилось?

— Заткнись, я сказал.

Жирный умолк. Я так никогда и не узнал, что с ними стряслось, потому что Жирный не желал больше говорить на эту тему. А от Тощего вообще не было слышно ничего, кроме однообразных советов заткнуться и еще менее насыщенных информацией односложных слов. Одно было ясно: они потеряли работу в качестве подручных гангстера, или членов пятой колонны, или... как еще назвать людей, которые пресмыкаются перед врагами собственной расы.

Как-то Жирный сказал:

— Вообще-то, это *ты* виноват.

— Я? — моя рука метнулась к ножу из консервной банки.

— Ты. Если бы ты не влез, *он* бы так не разозлился.

— Я ничего не делал.

— Скажешь тоже. Ты всего-то навсего спер у него два главных приза, и задержал *его*, хотя он собирался мчаться сюда со всех ног.

— А-а. Но вы-то ни при чем.

— Я ему так и сказал. Но поди ему докажи. Да не хватайся ты за эту идиотскую пилку для ногтей,— Жирный пожал плечами.— Я всегда говорил, кто старое помянет, тому глаз вон.

В конце концов я выведал у него то, что хотел. Когда примерно в пятый раз я заикнулся о Чибис, Жирный сказал:

— И что тебе далось это отродье?

— Просто хочу знать, жива она или нет.

— Да жива она. По крайней мере была жива, когда я последний раз ее видел.

— Когда это было?

— Слишком много вопросов задаешь. Здесь видел.

— Она здесь? — с волнением переспросил я.

— Я же сказал. Шлялась повсюду и всегда под ногами путалась. Живет как принцесса, кстати,— Жирный стиснул зубы и нахмурился.— Почему с ней он возится, а с нами вот так... Не понимаю. Это неправильно.

Я тоже не понимал, но по иным соображениям. Я не мог поверить в дружбу храброй маленькой Чибис и Сколопендера. Или тут есть секрет — или Жирный врет.

— Хочешь сказать, он не держит ее взаперти?

— А зачем? Куда ей бежать?

Я обмозговал это. Куда бежать, если выход за дверь — самоубийство? Даже если у Чибис есть скафандр (хотя скорее всего, он где-то спрятан), даже если под рукой пустой корабль, даже если она сможет проникнуть в него, ей все равно нужен «мозг корабля», то маленькое устройство, служащее замком.

— А что с Мамми?

— С кем?

— С... — я не знал, как объяснить.— С существом, которое было в моем скафандре. Ты должен знать, ты же там был. Она жива? Она здесь?

Но ему уже надоело.

— Эти насекомые меня не интересуют,— отмахнулся он раздраженно, и больше я ничего не смог из него выжать.

Но Чибис была жива (гора с плеч). Она здесь! Хотя отсюда у нее было меньше шансов на спасение, чем даже из лунного плена,— я все равно был ужасно рад, услышав это.

Я начал изобретать способ переслать ей весточку.

На инсинуации Жирного, что она якобы снюхалась со Сколопендером, мне было наплевать. Конечно, Чибис была непредсказуема, доводила меня до белого каления, совершенно по-детски самонадеянная и высокомерная. Но она бы скорее шагнула в костер, чем стала предателем. У самой Жанны Д'Арк не было такой силы духа.

Наша троица поддерживала вынужденное перемирие. Я избегал разговоров, спал вполглаза, старался не засыпать раньше их, и всегда держал кинжал под рукой. С тех пор как они появились, я не мылся, чтобы не оказаться в невыгодном положении. Тощий меня не замечал, Жирный вел себя почти дружески. Он притворялся, что не боится моего игрушечного оружия, но думаю, все же боялся. Я сделал этот вывод, когда нас в первый раз кормили втроем. С потолка упали три банки; Тощий подобрал одну, Жирный другую, и пока я осторожно подбирался к третьей, Жирный схватил ее.

Я сказал:

— Отдай ее мне, пожалуйста.

Жирный ухмыльнулся.

— Почему ты думаешь, что это для тебя, сынок?

— Три банки, и нас трое.

— Ну и что? Я что-то немного оголодал. Думаю, ты обойдешься.

— Я тоже оголодал. Без шуток.

— Х-м-м,— он, казалось, размышлял.— Вот что. Я тебе ее продам.

Я колебался. В этом была некоторая логика. Не мог же Сколопендер сам закупать продукты на Лунной базе; видимо, их покупали Жирный или его партнер. Я был бы не против подписать долговое обязательство — на сотню долларов за порцию, тысячу, миллион долларов; деньги здесь не имели никакого значения. Почему бы не подшутить над ним?

Нет! Если я сдамся, если признаю, что вынужден торговаться с ним за мою пайку, он обнаглеет. Я буду зависеть от него, пресмыкаться перед ним, выпрашивать кусочек.

Я показал ему свой жестяной кинжал:

— Возьму силой.

Жирный взглянул на мою руку и широко ухмыльнулся:

— Шуток не понимаешь? — он бросил мне банку. Больше проблем из-за еды не было.

Мы жили этаким «Счастливым семейством», которое иногда показывают в бродячих зверинцах: лев в одной клетке с ягненком. Впечатляющее зрелище, вот только ягнята там часто меняются.

Жирный любил поговорить, и я смог многое узнать от него, когда удавалось отсеять правду от болтовни. Его звали — так он утверждал — Жак де Барре де Виньи («Называй меня Джок»), а второго — Тимоти Джонсон; но у меня было сильное подозрение, что настоящие их имена можно узнать только в архивах полиции. Хотя Джок и пыжился, что он все знает, я скоро понял, что он не имеет представления ни о происхождении, ни о планах и целях Сколопендера. Вообще не похоже, чтобы Сколопендер что-то обсуждал с «низшими животными»; он их просто использовал, как мы лошадей.

Одно Джок с готовностью признал:

— Ага, мы похитили эту соплячку. На Луне урана нет; это сказки, приманка для новичков. Мы зря теряли время, а ведь жрать всем хочется, разве не так?

Я не возражал; мне нужна была информация. Тим сказал:

— Заткнись!

— А-а, что в этом такого, Тим? Боишься ФБР? Думаешь, Большой Брат и *здесь* до тебя дотянется?

— Заткнись, я сказал.

— А может, мне потрепаться охота. Сам заткнись,— Джок продолжал.— Это ничего не стоило. Девчонка любопытнее семи кошек. *Он* знал, что она появится и когда,— Джок призадумался.— *Он* всегда знает, у него куча народу на подхвате, есть и большие шишки. Все, что от меня требовалось — это быть в Луна-Сити и познакомиться. Трепал языком я, не Тима же выдавать за доброго дяденьку. И вот я перед ней разливаюсь, покупаю ей кока-колу, рассказываю, как здорово мы тут ищем уран, и прочую лапшу вешаю. Потом я вздыхаю и говорю: как жаль, мол, что не могу показать шахту, где мы с приятелем работаем. Всего и делов. Когда их туристическая группа приехала на станцию Томбо, она смылась через шлюз — сама, без помощи. Хитрющая!.. А мы уж поджидали ее там, где я наплел. Даже не угрожали, пока она не озадачилась, что вездеход слишком долго едет до шахты,— Джок ухмыльнулся.— Хорошо дерется для своего калибра. Всего меня исцарапала.

Бедняжка Чибис! Жаль, что она его не колесовала и не четвертовала! История походила на правду, это вполне в ее духе — самоуверенной, отважной, неспособной устоять перед соблазном узнать что-то новое.

Джок продолжал:

— *Ему*-то нужна была не девчонка. *Ему* нужен ее папашка. *Он* однажды попытался заманить его на Луну, но не выгорело,— Джок обиженно скуксился.— Тогда нам досталось, как всегда, когда по *его* не выходит. Пришлось ловить на живца. Тим подсказал *ему*, что на такую приманку папашка клюнет.

Тим буркнул что-то, что я посчитал отрицанием. Джок вскинул брови:

— Ну что ты бубнишь... Никакого воспитания!

Мне бы помалкивать, а не философствовать, раз уж я решил добраться до сути. Но у меня тот же недостаток, что и у Чибис — когда я чего-то не понимаю, возникает зуд разобраться. Я не мог понять (да и теперь не понимаю), что двигало Джоком.

— Джок? Зачем ты это сделал?

— Чего?

— Слушай, ты же человек,— по крайней мере, выглядел он как человек.— И по твоим же словам нам, людям, надо держаться вместе. Как же ты мог похитить маленькую девочку — да еще отдать ее *ему*?

— Ты что, чокнулся, парень?

— Не думаю.

— А несешь, как чокнутый. Ты когда-нибудь пробовал не сделать чего-то, что он велел? Попробуй на досуге.

Я его понял. Отказать Сколопендеру — все равно, что кролику плюнуть в глаза удаву. Это я по себе знал. Джок продолжал:

— Пойми и нас тоже. Я всегда говорю, живи и давай жить другим. Он нас захватил, когда мы искали карнотит, а потом нам уже ловить было нечего. Против лома не попрешь, сам понимаешь. Так что мы сторговались — мы выполняем его приказы, он платит нам ураном.

Слабая симпатия к ним исчезла. Появилось бешенство.

— И вам заплатили?

— Ну... можно сказать, что нас внесли в списки.

Я оглядел нашу камеру.

— Неудачную вы заключили сделку.

Джок скривился, как обиженный младенец.

— Может, и так. Но подумай сам, малыш. Нужно приспосабливаться к неизбежному. Это вторжение, полностью подготовленное. Ты сам видел. Что ж, надо примыкать к сильным, верно? Сам себе помогай, никто тебе не поможет. Я оказался в похожей передряге, когда был не старше тебя. Это был хороший урок. Наш городок годами жил мирно; но Главный Папа начал стареть и терять хватку... а тем временем приехали парни из Сент Луиса. Какое-то время была неразбериха. Надо знать, в какую сторону прыгать — а иначе в один прекрасный день, хочешь не хочешь,

проснешься в деревянном бушлате. Те, кто просекли фишку — выжили, те, кто не смог... я всегда говорю, нет смысла плеваться против ветра. Так и есть, верно?

Его логика сводилась к теории «подлец, но живой». Только он упустил ключевой момент.

— Даже если так, Джок, я не понимаю, как ты мог так поступить с маленькой девочкой.

— А чего? Я же тебе объясняю, что мы не могли сопротивляться.

— *Могли*. Конечно, стоя с ним лицом к лицу, ослушаться невозможно, но у вас был отличный шанс смыться.

— Что ты имеешь в виду?

— Он ведь послал вас за ней в Луна-Сити, ты сам сказал. Обратный билет на Землю у вас был — я знаю законы. Все, что от вас требовалось — спрятаться, там, где *он* не достал бы вас, а потом улететь первым же рейсом на Землю. И не нужно было бы делать эту грязную работу.

— Но...

Я перебил его.

— Возможно, вы не могли сопротивляться там, посреди лунной пустыни. Возможно, вы не чувствовали себя в безопасности даже на станции Томбо. Но когда он послал вас в Луна-Сити, у вас появился шанс. Вам не нужно было красть маленькую девочку и отдавать ее... пучеглазому чудовищу!

Он, казалось, был сбит с толку, но быстро нашелся:

— Кип, ты мне нравишься. Ты хороший парень. Но соображаешь туго. Ты ничего не понял.

— Все я понял!

— Нет,— он наклонился ко мне, протянул руку, чтобы положить мне на колено. Я отодвинулся.— Есть кое-что, о чем я промолчал... боялся, что ты подумаешь, что я... ну, зомби или что-то вроде того. Они нас прооперировали.

— Что?

— Прооперировали,— он продолжал, захлебываясь.— Вшили бомбы в головы. С дистанционным управлением, как ракеты. Выходишь за черту... он давит на кнопку — бум! Мозги по стенкам.— Он пошарил у себя на затылке.— Видишь шрам? Волосы

уже отросли... но если присмотреться, увидишь; он не мог полностью исчезнуть. Видишь?

Я стал присматриваться. И чуть было не купился — в последнее время пришлось поверить и менее вероятным вещам. Тим отменил мой предварительный вердикт одним коротким выразительным словом.

Джок вздрогнул, взял себя в руки и сказал:

— Не обращай на *этого* внимания!

Я пожал плечами и отодвинулся. Джок не заговаривал со мной до конца «дня». Меня это устраивало.

На следующее утро меня разбудило прикосновение Джока.

— Вставай, Кип! Вставай!

Я дернулся к своему игрушечному оружию.

— Вон твой нож, у стены. Только он тебе больше не понадобится

Я подобрал нож.

— Что ты имеешь в виду? Где Тим?

— Ты не просыпался?

— Что?

— Этого я и боялся. Черт возьми, парень! Мне просто нужно поговорить с кем-нибудь. Так ты все проспал?

— Что проспал? И где Тим?

Джок дрожал и потел.

— Они включали голубой свет, вот что. И забрали Тима,— он содрогнулся.— Хорошо, что его. Я думал... Ну, ты заметил, я немного толстоват... они любят упитанных.

— Что ты хочешь этим сказать? Что они с ним сделали?

— Бедный старина Тим. У него были свои недостатки, как и у всех, но... теперь он превратился в суп... вот что,— он снова затрясся.— Они любят суп с косточкой и все такое.

— Я тебе не верю. Ты хочешь напугать меня.

— Думаешь? — Он оглядел меня с ног до головы.— Может, ты станешь следующим. Сынок, если у тебя хватит духу, возьми этот свой нож для бумаг, подойди к этой конской поилке и вскрой себе вены. Так лучше.

— А ты сам что же? Возьми ножик, одолжу.

Он помотал головой и содрогнулся:

— У меня духу не хватит.

Не знаю, что стало с Тимом. Я даже не знаю, вправду ли сколопендры едят людей (не стоит их называть людоедами. Возможно, мы для них вроде баранины). И испугался-то я не особенно — в моих «контурах страха» давно уже все пробки полетели. И что станет с моим телом после того, как вылетит душа, мне наплевать. Но Джоку это было важно; это был его пунктик. Не думаю, что Джок был трусом; трусы не идут в лунные геологи. Он просто верил в свою теорию, и она его ужасала. Он выдавил, что у него есть особые, неизвестные мне причины тому верить. Он утверждал, что уже побывал однажды на Плутоне, но все его спутники — волонтеры и пленники, обратно не вернулись.

В очередную кормежку — две банки — он сказал, что не хочет есть и предложил мне свою пайку. В ту «ночь» он все сидел, стараясь не уснуть. В конце концов мне пришлось заснуть раньше него.

Я проснулся от одного из тех кошмаров, когда не можешь шевельнуться. Сон оказался правдой; перед этим меня наверняка осветили голубым светом.

Джока не было.

Больше я никогда их не видел.

В какой-то степени я даже скучал по ним... по крайней мере по Джоку.

Стало чуть легче — не надо следить за ними, появилась роскошь вымыться. Однако порядком надоедает мерить шагами одиночную камеру.

У меня не было иллюзий по их поводу. Наберется не менее трех миллиардов человек, с которыми я скорее бы согласился делить заключение. И все же они были *людьми*.

В Тиме не было ничего располагающего. Он был холоден и жесток, как гильотина. Но у Джока были какие-то начальные понятия о добре и зле, иначе он не искал бы для себя оправданий. Я бы сказал, что он просто был тряпкой.

Однако я не считаю, что понять — значит простить. Если начнешь так думать, дойдешь до сентиментальных соплей по убий-

цам, насильникам, похитителям людей и совершенно забудешь об их жертвах. Это неправильно. Я буду плакать по людям, подобным Чибис, а не по преступникам, чьими жертвами они становятся. Я скучал по трепотне Джока, но если бы нашелся способ топить таких тварей новорожденными, я взялся бы за такую работу. Тем более таких, как Тим. И если они превратились в суп для чудовищ, об этом я никак не мог пожалеть — хотя, возможно, завтра настанет мой черед.

Может быть, в качестве супа они пережили свой звездный час...

Глава 8

Из бессмысленных размышлений меня вышиб взрыв, резкий треск — грохот басовых — потом вдруг упало давление. Я вскочил — каждый, кто хоть раз в жизни зависел от скафандра, никогда не останется безразличным к резкому падению давления.

Я крикнул:

— Какого черта?

Потом добавил:

— Кто там на посту — проснись, а то мы все тут скоро будем дышать чем-то холодным и разреженным.

Кислорода снаружи нет, в этом я был уверен — точнее, в этом были уверены астрономы, а мне проверять их не хотелось. Потом я сказал:

— Может, кто-то нас бомбит? Надеюсь. Или это землетрясение?

Последнее замечание было не случайным. В той статье из «Сайентифик Американ», где говорилось про «лето» на Плутоне, предсказывались «резкие изостатические подвижки» из-за повышения температуры. Говоря по-простому, они намекали на ситуации, когда пора хвататься за шляпу — иначе ее снесет вместе с головой.

Однажды я угодил в землетрясение. Это было в Санта-Барбаре. И сейчас мне не понадобилось много усилий, чтобы вспомнить то, что знает каждый житель Калифорнии, а приезжие усваивают с первого раза: когда земля начинает плясать джигу, выбегай на улицу!

Я не мог выбежать.

Минуты две я проверял, не прибавил ли мне сил выброс адреналина, чтобы подпрыгнуть на восемнадцать футов вместо двенадцати. Нет, не прибавил. Но я еще с полчаса этим занимался да еще ногти обкусывал. И вдруг я услышал свое имя!

— Кип! Эй, Кип!

— Чибис! — заорал я.— Сюда! *Чибис*!

Тишина протекла вечностью длиной в три удара сердца...

— Кип?

— Я здесь, внизу!

— Кип? Ты в этой яме?

— Да! Ты меня не видишь?

Наверху, на светлом фоне, я видел ее голову.

— Теперь вижу. Ох, Кип, я так *рада*!

— Тогда что же ты плачешь? Я тоже рад!

— Я не плачу,— прохлюпала она.— Ох, Кип... *Кип.*

— Можешь помочь мне выбраться?

— Ой... — она осмотрела дыру.— Оставайся на месте.

— *Постой!* — но она уже исчезла.

Не было ее и двух минут; мне показалось, что неделю. Но вот моя лапушка вернулась, да еще с нейлоновой веревкой!

— Хватайся! — прокричала она.

— Подожди секунду. Как она закреплена?

— Я тебя вытащу.

— Нет! Иначе мы *оба* окажемся здесь. Найди, куда ее закрепить.

— Я могу поднять тебя.

— Закрепляй! Скорее!

Она снова скрылась, оставив конец веревки у меня в руках. Скоро я услышал слабый голос:

— Готово!

Я крикнул:

— Проверка! — и выбрал слабину. Повис — веревка держала.

— Лезу! — завопил я и с последним звуком этого слова ухватился за край дыры.

Чибис бросилась ко мне, обняла одной рукой, другой сжимая Мадам Помпадур, а я обнял ее. Она оказалась еще меньше и тоньше, чем раньше.

— Ох, Кип, это было просто ужасно!

Я похлопал ее по тощим лопаткам.

— Знаю, знаю. Что делать будем? Где...

Я хотел сказать «Где Сколопендер?», но она разрыдалась.

— Кип... я думаю, *она умерла*!

Я и так уже был немного не в себе, но тут мозги забуксовали.

— Э-э... Кто?

Казалось, она настолько же удивилась, насколько я растерялся.

— Ну как кто, Мамми.

— Ох,— я почувствовал глубокую печаль.— Но... ты уверена? Она разговаривала со мной до самого конца — а ведь *я* жив.

— Да о чем ты гово... А, да не *тогда*, Кип, *сейчас*.

— Что? Она была здесь?

— Конечно. Где же еще?

Вопросик... да где угодно во вселенной. Я давным-давно решил, что Мамми здесь нет — потому что Джок об этом не трепался. Я сделал вывод, что Джок либо сказал бы, что она здесь, либо сочинил бы путаную историю — хлебом не корми. То есть он вообще про нее ничего не знал — может, и не видел ее никогда, разве что в виде горба у меня на спине.

Я был так уверен в моей логике, что потребовалось несколько минут, чтобы отбросить предубеждения и осознать факты.

— Чибис,— сказал я,— у меня такое чувство, как вроде я потерял мою собственную мать. Ты... уверена?

— Надо говорить «такое чувство, *как будто*»,— автоматически поправила она.— Я не на сто процентов уверена... но она снаружи — так что, по всей вероятности, она мертва.

— Подожди минутку. Если она снаружи, то она в скафандре. Или нет?

— Нет, нет! У нее нет скафандра — после того как они подбили ее корабль.

Я еще больше запутался.

— А как они привезли ее сюда?

— В мешке, запечатали и притащили. Кип... *что нам теперь делать*?

У меня было несколько ответов, но все неверные — в тюрьме я их уже обдумал.

— Где Сколопендер? Где все сколопендеры?

— Хм... Все мертвы. Наверное.

— Надеюсь, что так,— я оглянулся в поисках оружия и впервые увидел коридор таким пустым. Мой игрушечный кинжал лежал всего в восемнадцати футах внизу, но мне не хотелось лезть за ним.— Почему ты так думаешь?

У Чибис были причины так думать. С виду у Мамми не хватило бы сил и бумажку разорвать, но слабенькие мышцы дополнялись могучим мозгом. Она сделала то, о чем размышлял я: придумала способ прикончить всех сколопендеров. Она не могла спешить, потому что ее план предусматривал стечение множества независящих от нее факторов.

Во-первых, нужно было дождаться времени, когда поблизости будет поменьше сколопендеров. База была огромным складом, космическим портом и перевалочной базой, но не требовала многочисленного персонала. Ажиотаж по случаю нашего прибытия, который я наблюдал в первый день, не был характерен для базы.

Во-вторых, необходимо, чтобы в порту не было кораблей. С кораблем она бы не справилась: не смогла бы до него достать.

В-третьих, время «Ч» должно было совпасть с обедом сколопендеров. Когда их не набиралось на две смены в «столовой», они ели все вместе — собирались вокруг одного большого котла и хлебали. Я представил: зрелище, достойное Данте. Таким образом все враги сосредоточились бы в одном месте, кроме, возможно, одного или двух вахтенных на инженерных или коммуникационных службах.

— Минутку,— перебил я.— Ты говоришь, они все... того?

— Ну... я не знаю. Я никого не видела.

— Постой, я найду какое-нибудь оружие!

— Но...

— Чибис, речь о главном.

Заявить, что найду оружие — еще не значит его найти. В этом коридоре не было ничего, кроме дыр, похожих на ту, где я сидел — поэтому Чибис и искала меня здесь. Это было одно из немногих мест, куда ее не пускали. Джок был прав в одном: Чибис — и Мам-

ми — были привилегированными пленниками, которым разрешалось все, кроме свободы... тогда как Джок, Тим и я сам составляли третий сорт, может, и вправду набор для супа. Это подтверждало теорию, что Чибис и Мамми были скорее заложниками, чем рядовыми военнопленными.

Я не захотел исследовать остальные ямы, после того как заглянул в одну из них и увидел человеческий скелет — возможно, им надоело кормить пленника. Когда я выпрямился, Чибис спросила:

— Что это ты трясешься?

— Ничего. Пошли.

— Я хочу посмотреть.

— Чибис, не время. Мы еще ничего не сделали. Пошли. Держись за мной.

Я не дал ей увидеть скелет. Большая победа над маленьким существом, полным любопытства. Впрочем, возможно, на нее он не произвел бы большого впечатления; Чибис была сентиментальна только в сугубо утилитарных целях.

«Держись за мной» звучало по-рыцарски, но неразумно. Я забыл, что напасть могли и сзади. Надо было мне сказать: «Иди вслед за мной и прикрывай тыл».

Впрочем, так она и делала. Я услышал вопль и, развернувшись, увидел сколопендера с тем, похожим на фотоаппарат, устройством, направленным на меня. Хотя Тим и использовал против меня эту штуку, я не понял, что это, и на секунду замер.

Но не Чибис. Она кинулась на него руками и ногами с храбростью и полнейшим безрассудством котенка.

Это меня и спасло. Эта безнадежная атака (своим броском она бы смогла свалить лишь котенка) все же отвлекла сколопендера, не позволив ни убить, ни парализовать меня. Более того, он таки потерял равновесие и упал.

И тогда я раздавил его. Я раздавил его голыми ногами, прыгнув прямо на его рачью голову.

Голова *хрустнула*. Жуть.

Это было как прыгнуть на пластиковую упаковку земляники. Она смялась и захрустела, и вся разломалась. Даже в угаре схватки меня передернуло. Я наступил на червей и отпрыгнул, чувствуя

тошноту. Потом схватил Чибис и оттащил ее, с тем же желанием смыться, как секундами раньше — драться.

Я не убил его. В течение ужасных мгновений мне казалось, что придется вернуться и добивать его. Но потом я понял, что, хотя он был жив, ему было не до нас. Он подергался, как обезглавленная курица, потом притих и стал совершать осмысленные движения.

Он не видел.

Я раздавил его глаза, может, и уши,— но ужасные глаза точно раздавил.

Он принялся тщательно ощупывать пол, потом поднялся на ноги, весь невредимый, за исключением совершенно размозженной головы. Он постоял неподвижно, опираясь на свою третью ногу, понюхал воздух. Я оттащил Чибис подальше.

Он двинулся. Не к нам, я бы завизжал. Он пошел в другую сторону, натолкнулся на стену, выпрямился и двинулся прямо по коридору туда, откуда мы пришли.

Дойдя до одной из ям, он рухнул вниз.

Я вздохнул и понял, что сжимаю Чибис так крепко, что она, наверное, уже задохнулась. Я отпустил ее.

— Вот тебе оружие,— сказала она.

— Что?

— На полу. Рядом с Мадам Помпадур. Вот эта штука.

Она подошла, подобрала свою куклу, отряхнула с нее куски сколопендера, потом взяла эту похожую на фотоаппарат хреновину и протянула мне.— Осторожнее. Не направляй ее на себя. Или на меня.

— Чибис,— слабо сказал я.— У тебя вообще нервы есть?

— Есть, конечно. Только я ими не пользуюсь. Разве что в свободное время. А сейчас его нет. Знаешь, как с этим обращаться?

— Нет. А ты?

— Кажется, знаю. И я видела, и Мамми мне рассказывала,— она небрежно взяла штуку, направив ее в сторону.— Дырки сверху — если открыть одну, оно парализует. Если открыть все, убивает. Чтобы сработало, нужно нажать сюда.— Она нажала, вылетел сноп яркого голубого света и отразился от стены.— От света ничего не будет,— добавила она.— Это для прицела. Наде-

юсь, там за стеной никого не было. Впрочем, нет, надеюсь, что кое-кто был. Сам понимаешь.

Устройство было похоже на скособоченный 35-миллиметровый фотоаппарат со свинцовой линзой, сляпанный по устному описанию. Я взял его, внимательно следя за тем, куда оно направлено, и осмотрел. Потом испытал — по ошибке, на полной мощности.

Луч голубого света прочертил воздух, и задымилась стена. Я выключил устройство.

— Тратишь заряд,— сказала Чибис.— Он еще может понадобиться.

— Ну я же должен был провести испытание. Пойдем.

Чибис взглянула на свои часики с Микки Маусом — меня задело, что они у нее уцелели, выжили, а мои, такие с виду солидные, нет.

— Времени осталось очень мало, Кип. Мы можем быть уверены, что этот был единственным уцелевшим?

— Что? Конечно, нет! Пока не убедимся, что они мертвы все, мы не можем ничего другого начинать. Пошли.

— Но... Ладно, я поведу. Я знаю дорогу, а ты нет.

— Нет.

— Да!

Пришлось подчиниться; она вела и держала световой пистолет, а я прикрывал тыл и мечтал о третьем глазе на затылке, как у сколопендеров. Я не брался утверждать, что моя реакция быстрее, чем ее, да и с нашим оружием она была знакома лучше.

И все равно было неловко.

База была огромной; должно быть, половина горы была источена проходами. Мы шли быстрым шагом, не обращая внимания на разные штуковины, необычные, как музейные экспонаты, но вдвое интереснее, и лишь проверяли, не остались ли где-нибудь сколопендры. Чибис держала оружие наготове, болтала без умолку и поторапливала меня.

— По плану Мамми, кроме опустевшей базы, отсутствия кораблей и обеденного времени у сколопендеров, это должно было произойти после определенного часа плутонианской ночи.

— Почему? — спросил я.

— Чтобы она могла связаться со своими, конечно.

— Но... — я осекся. Я подумал, что знаю о расе Мамми еще меньше, чем о сколопендерах. Теперь она была мертва — Чибис сказала, что она оказалась снаружи без скафандра, а значит, погибла; это нежное существо и двух секунд не продержалось бы при сверхарктической температуре. Не говоря уже об удушье и кровоизлиянии в легкие. Я сглотнул.

Конечно, Чибис могла ошибаться. Надо признать, она редко ошибалась — но это мог быть как раз такой случай... тогда мы ее найдем. Но если мы ее не найдем, если она снаружи и...

— Чибис, ты знаешь, где мой скафандр?

— Что? Конечно. Там же, где я взяла это,— она похлопала по нейлоновой веревке, которую обмотала вокруг пояса и завязала бантиком.

— Тогда, как только мы убедимся, что сколопендеров не осталось, я выйду наружу и поищу ее!

— Да, да! Но надо найти и *мой* скафандр, я тоже пойду.

Кто бы сомневался! Может, удастся уговорить ее подождать в туннеле, не выходя на этот ледяной ветер.

— Чибис, почему сигнал нужно было послать именно ночью? Над горизонтом восходит корабль? Или...

Мои слова прервал грохот. Заходил ходуном пол в той тряске, которая одинаково ужасает людей и животных. Мы остановились как вкопанные.

— Что это? — прошептала Чибис.

— Если это не часть суматохи, затеянной Мамми...

— Нет. Не думаю.

— Тогда это землетрясение.

— Землетрясение?

— Плутонотрясение. Чибис, надо уходить!

Я не думал, *куда уходить* — во время землетрясения не раздумывают. Чибис сглотнула.

— Теперь не до землетрясений; нет времени. Быстрее, Кип, быстрее!

Она рванулась, я за ней, скрипя зубами. Если Чибис наплевать на землетрясения, то и мне придется — хоть это и не лучше, чем плевать на гремучую змею в собственной в постели.

— Чибис... народ Мамми... их корабль на орбите Плутона?

— Что? Да, нет, нет! Они не на корабле.

— Тогда почему ночью? Что-то, связанное со слоем Хевисайда? А где их база? — я начал прикидывать, далеко ли может уйти человек на Плутоне. По Луне мы прошли почти 40 миль. Пройдем ли мы здесь хотя бы 40 ярдов? Возможно, как-то удастся укутать ноги. Но этот ветер... — Чибис, они, случайно, не здесь живут?

— Что? Не глупи! У них есть собственная чудесная планетка. Кип, отстань с глупыми вопросами, опоздаем. Заткнись и слушай.

Я умолк. Всю историю пришлось слушать урывками, на бегу, кое-что и позже. Когда Мамми попала в плен, она лишилась корабля, скафандра, переговорного устройства, в общем, всего; все это уничтожил сколопендер. Это было предательство, ее схватили в нарушение перемирия, во время переговоров.

— Он захватил ее, когда она была парламентером,— возмущенно рассказывала Чибис,— а это неправильно! Он ведь клялся.

Предательство для сколопендера так же нормально, как яд для гадюки. Я удивился, что Мамми рискнула иметь с ним дело. В результате она оказалась пленницей безжалостных чудовищ. У них были корабли, по сравнению с которыми наши казались допотопными паровозами, оружие, начиная с «лучей смерти» и кончая бог знает чем, базы, организация, снабжение.

У нее же были только ум и маленькие нежные ручки.

Прежде чем воспользоваться редким стечением обстоятельств, которое давало хоть какой-то шанс, ей было нужно восстановить связь (я назвал эту штуку «радио», но на деле оно гораздо сложнее) и создать оружие. Единственным способом — собрать самой.

У нее не было даже булавки — только то треугольное украшение с выгравированными спиралями. Чтобы создать хоть что-то, ей надо было попасть в отсеки, которые можно назвать электронными лабораториями — они совсем не похожи на уголок, где я возился с электроникой, но все приборы, где снуют микрочастицы, имеют общую логику. Если вы хотите, чтобы электроны выполняли для вас работенку, безразлично, кто создавал детали — люди, сколопендры, или Мамми. Форма волновода подчиняется законам природы, индуктивность имеет свою геометрию, и неважно, кто был инженером.

Так что отсеки выглядели как электронные лаборатории — притом очень хорошие. Приборы были незнакомыми, но я чувствовал, что смог бы в них разобраться, было бы время. Но теперь я только взглянул.

Мамми провела там много, много часов. Ее не пустили бы туда, хотя она была пленницей высокого ранга и ей разрешалось многое, включая отдельные апартаменты вместе с Чибис. Думаю, Сколопендер боялся ее, хоть она и была пленницей — он не хотел без нужды оскорблять ее.

Она проникла в мастерские, сыграв на их алчности. У ее расы было много такого, чего не было у сколопендеров — приборы, изобретения, устройства. Она начала с того, что спросила, почему они делают то-то так-то, вместо того чтобы сделать этак, намного эффективнее. По традиции? Или по религиозным убеждениям?

Когда они спрашивали, что она имеет в виду, она беспомощно признавалась: «Стыдно, но не могу я объяснить, ведь построить эту штуку так просто...».

Под пристальным наблюдением она что-то собирала. Устройство работало. Потом что-то еще. Постепенно она стала пропадать в лабораториях целыми днями, изготавливая для своих тюремщиков вещи, вызывавшие их восхищение. Она делилась своими знаниями; это поддерживало ее привилегии.

Но в каждом устройстве были нужные ей детали.

— Она прятала штучки и детальки в свой карман,— сказала мне Чибис.— Они ведь не разбирались в том, что она делает. Пять деталей шли в прибор, а шестая к ней в карман.

— В карман?

— Конечно. Именно там она спрятала «мозг», когда мы с ней угнали корабль. Разве ты не знал?

— Я не знал, что у нее есть карман.

— Вот и они не знали. Они следили, чтобы она не выносила ничего из мастерской — она и не выносила. То есть это было незаметно.

— Чибис, так Мамми — сумчатая?

— Что значит — сумчатая? Как опоссум? Не обязательно быть сумчатым, чтобы иметь карман. Вот белки, например, у них карманы за щеками.

— М-м-м... да.

— Она крала понемножку то там, то тут, ну и я таскала кое-что. А в свободное время она работала в нашей комнате. Пока мы сидели на Плутоне, Мамми вообще не спала. Она часами работала открыто, делала для сколопендеров всякие штуки — стереотелефон размером с пачку сигарет, крошечное, похожее на жучка, устройство, которое ползало по любой поверхности и вычисляло объем предмета, и много других вещиц. А после отбоя она работала одна, обычно в темноте, ее миниатюрные пальчики трудились, как пальцы слепого часовщика.

Она сделала две бомбы и сигнальное устройство дальней космической связи.

Обо всем этом я узнал не от Чибис. Когда мы с ней бежали по коридорам базы, она только сказала, что Мамми удалось сделать радиомаяк, и взрыв, который я слышал, тоже дело ее рук. И что мы должны спешить, спешить, *спешить*!

— Чибис,— сказал я, задыхаясь,— куда мы несемся? Если Мамми снаружи, я хочу внести ее внутрь — я хочу сказать, ее тело. Но ты ведешь себя так, словно мы куда-то опаздываем.

— Так и есть!

Радиомаяк необходимо было установить снаружи в определенное время (плутонианский день длится почти неделю — астрономы не соврали), так, чтобы сама планета не экранировала луч. Но у Мамми не было скафандра. Они разработали план, по которому Чибис наденет свой скафандр, выйдет наружу и установит маяк — он был сконструирован так, что Чибис нужно было только нажать на кнопку. Однако все зависело от того, где находится скафандр Чибис, смогут ли они достать его, после того, как сколопендры будут обезврежены.

Но они его так и не нашли. Мамми успокаивающе пропела, с нотами, вселяющими уверенность, которые, казалось, прозвучали у меня в голове:

«Ничего, милая. Я могу сама выйти и установить его».

— Мамми! Ты *не можешь*! — протестовала Чибис.— Там *холодно*.

«Я недолго».

— Ты не сможешь *дышать*.

«Я потерплю, это недолго».

Так и вышло. С Мамми так же трудно спорить, как со сколопендером,— по-своему, конечно.

Бомбы были готовы, маяк готов, приближалось удобное время — ни одного корабля, сколопендеров мало, у персонала обеденный перерыв — а они все еще не знали, где скафандр Чибис — если его не уничтожили. И Мамми решилась начать.

— Но она мне сказала, всего несколько часов назад, когда она сказала, что сегодня начинаем, что если она не вернется примерно через десять минут, то она надеется, что я смогу найти свой скафандр и запустить маяк, если ей не удастся,— Чибис расплакалась.— В пе-пе-первый раз она призналась, что не уверена, что у нее получится.

— Чибис! Перестань плакать! Дальше что?

— Я дождалась взрывов — сразу два взрыва — и бросилась на поиски, туда, куда меня раньше не пускали. Но скафандра там не было! Потом я нашла тебя и ... ох, Кип, она снаружи уже почти час! — Она посмотрела на часы.— Осталось минут двадцать. Если к тому времени маяк не запустить... она так старалась и погибла на-на-напрасно! Она бы этого не перенесла!

— Где мой скафандр?

Больше сколопендеров не попалось — очевидно, только один нес вахту, пока остальные кормились. Чибис показала мне дверь-шлюз, за которой была столовая — должно быть, бомба нарушила герметичность, двери сами закрылись, а владельцев разнесло на кусочки. Мы поспешили дальше.

Верная своей логике, Чибис оставила помещение со скафандрами на самый конец. Человеческих скафандров тут было больше дюжины— я подивился, сколько же супа съедали эти упыри. Что ж, больше им не пировать! Не теряя времени, я крикнул:

— Привет, Оскар! — и начал одеваться.

«Где ты пропадал, парень?»

На вид Оскар был в отличной форме. Рядом висел скафандр Жирного, а дальше скафандр Тима. Расправляя Оскара, я взглянул на них, прикидывая, нет ли на них чего полезного. Чибис смотрела на скафандр Тима:

— Может, я смогу надеть его.

Он был куда меньше Оскара и велик Чибис всего на девять размеров.

— Глупости! Он тебе как индюку носки. Лучше помоги мне. Снимай эту веревку, сверни и пристегни мне к поясу.

— Она тебе не понадобится. Мамми собиралась отнести маяк на сотню ярдов по эстакаде и там установить. Если у нее не вышло, то это сделаешь ты. И поверни кнопку на верхушке.

— Не спорь! Сколько времени осталось?

— Ладно, Кип. Восемнадцать минут.

— Ветер там сильный,— добавил я.— Веревка может пригодиться. Мамми была совсем легонькая. Если ее сдуло, веревка понадобится, когда я буду искать ее тело. Подай мне молоток со скафандра Жирного.

— Сейчас!

Я выпрямился. Приятно было снова ощущать вокруг себя Оскара. Потом я вспомнил, как замерзли ноги, когда мы шли сюда от корабля.

— Сюда бы асбестовые сапоги.

Чибис, казалось, озадачилась.

— Подожди здесь!

Не успел я слово вымолвить, она убежала. Я продолжал шнуроваться, все больше беспокоясь — она даже не взяла оружие. Наконец я спросил:

«Готов, Оскар?»

«Готов, парень!»

Рычажок у подбородка в порядке, цвет крови в порядке, радио — оно мне не понадобится, вода... емкость была пуста. Неважно, я не успею почувствовать жажду. Я нажал на рычажок у подбородка, уравнивая давление с наружным.

Чибис вернулась с чем-то, напоминавшим балетные туфли для слоненка. Она придвинулась к моему шлему и прокричала:

— Они носят вот это. Сможешь надеть?

Кое-как я натянул их на ноги, как огромные носки. Встал и почувствовал, что они улучшают сцепление с полом; неуклюжие, но ходить легко.

Через минуту мы стояли у выхода из большой комнаты, где я уже был. Ее дверь-шлюз закрылась после взрыва второй бомбы Мамми, которую она поместила так, чтобы разрушить двери в туннеле. Бомбу в столовой подложила Чибис, и сразу удрала в свою комнату. Не знаю, рассчитала ли Мамми, чтобы бомбы взорвались одновременно, или дистанционно управляла ими — да это и не важно, главное, что от могучей базы сколопендеров не осталось камня на камне.

Чибис знала, как обращаться со шлюзом. Когда внутренняя дверь открылась, я крикнул:

— Время?

— Четырнадцать минут,— она подняла свою руку с часами.

— Помни, что я сказал: оставайся тут. Если что-нибудь зашевелится, сначала бей голубым светом, потом спрашивай.

— Я помню.

Я зашел в шлюзовую камеру, закрыл внутреннюю дверь, нашел клапан на внешней двери и дождался когда уравняется давление.

Те две-три минуты, пока открывался основной замок, я провел в тягостных раздумьях. Мне не хотелось оставлять Чибис одну. Думалось, что все сколопендры мертвы, но уверен я не был. Прочесывали мы второпях; кто-то из них мог ускользнуть — они ведь шустрые.

Кроме того, Чибис сказала «Я помню» вместо «Хорошо, Кип, я так и сделаю». Оговорка? Они у нее случались, только когда были ей нужны. Между «Вас понял» и «Слушаюсь» разница огромная.

И кроме того, сама затея моя была дурацкой. Я собирался отыскать тело Мамми — это глупо, потому что как только я внесу ее внутрь, она начнет портиться. Было бы лучше оставить ее в естественном леднике.

Но я не мог вынести этого — снаружи было так холодно, я не мог оставить ее мерзнуть. Она была такой маленькой и теплой... такой наполненной жизнью. Я должен был принести ее туда, где ей будет тепло.

Если эмоции начинают толкать на глупости, значит, вы не в лучшей форме.

Хуже того, я действовал второпях, потому что Мамми хотела включить маяк раньше определенного момента, до которого осталось мало времени; наверное, уже минут десять. Что ж, я это сделаю, но есть ли в этом смысл? Допустим, ее родная звезда совсем рядом — например, Проксима Центавра, а сколопендры прилетели откуда-нибудь подальше. Даже если ее маяк заработает — все равно сигнал бедствия дойдет до своих только четыре года спустя!

Может, для Мамми это нормально. Похоже, она вообще живет долго; ей, может быть, ничего не стоит ждать спасателей несколько лет. Но мы с Чибис так не можем. Пока это сообщение со скоростью света доползет до Проксимы Центавра, мы умрем. Я обрадовался, увидев Чибис, но я знал, что нас ждет. Смерть. Через несколько дней, недель, от силы месяцев — от недостатка воздуха, воды, или пищи. Либо прилетит корабль сколопендеров, и тогда, если повезет, мы быстро погибнем в отчаянной битве.

Как ни крути, запуск маяка был лишь «исполнением последней воли покинувших нас», как говорят на похоронах. Сентиментальная глупость.

Внешняя дверь начала открываться. *Аве, Мамми! Идущие на смерть...*

Снаружи стоял холод, лютый холод, хотя на ветер я еще не вышел. Панели светились, и было видно, что в туннеле все вверх дном. Два десятка панелей-ступеней были порваны, как барабанные перепонки. Я подивился — бомбу, которая разнесла эти панели, собрали из деталей, унесенных в кармашке на теле. От взрыва у меня зубы залязгали, хотя я был заточен за несколько сотен футов отсюда, в скале.

Первые десять панелей снесло вовнутрь. Неужели она взорвала бомбу в середине туннеля? От такого взрыва она бы унеслась, как перышко! Скорее, она подложила бомбу, вернулась и запустила ее — а потом вышла через шлюз, как я. Только так я мог это объяснить.

С каждым шагом становилось холоднее. Ноги еще не очень замерзли, неуклюжие бахилы делали свое дело. Сколопендеры знали толк в изоляции.

«Оскар, отопление включил?»

«На всю катушку, парень. Холодновато сегодня».

«Это ты мне говоришь!»

Сразу за самой последней взорванной панелью я нашел ее.

Она упала вперед, как будто слишком устала идти. Ее руки были вытянуты вперед, а на полу перед ее крошечными пальчиками лежала небольшая круглая коробочка размером с пудреницу.

Ее лицо было спокойно, а глаза открыты, только прикрыты мигательной перепонкой, как тогда, на выгоне за нашим домом, когда я впервые увидел ее, несколько дней, недель или тысячелетий назад. Но тогда она была ранена, это было видно; теперь же я почти ожидал, что она моргнет и пропоет приветствие.

Я дотронулся до нее.

Она была твердой как лед и гораздо холоднее.

Я моргнул, смахивая слезы и не стал терять ни секунды. Она хотела, чтобы эту маленькую коробочку поставили в сотне ярдов отсюда и повернули рычажок на верхушке — и чтобы это сделали за оставшиеся шесть или семь минут. Я подобрал коробочку.

«Хорошо, Мамми! Я иду!»

«Двигай, парень!»

«Спасибо, милый Кип...»

В привидения я не верю. Я столько раз слышал, как она выпевает слова благодарности, что эта мелодия эхом отозвалась у меня в голове.

Через несколько футов, у выхода из туннеля, я остановился. Ветер ударил в меня; он был настолько леденящим, что смертельный холод туннеля показался летней прохладой. Я закрыл глаза, отсчитал тридцать секунд, чтобы привыкнуть к свету звезд, нащупал наклонную подпорку с наветренной стороны туннеля, которая крепила эстакаду к горе, и привязал страховочную веревку. Я знал, что снаружи ночь, и ожидал, что дорога будет выглядеть черной полосой на фоне белого «снега», блестящего под яркими звездами. Я решил, что на этом ураганном ветру будет безопаснее видеть края дорожки — а для этого придется освещать ее фарой шлема, покачивая головой из стороны в сторону. Это неловко, неуклюже, медленно, можно раскачаться и потерять равновесие.

Все это я обмозговал; это ведь не прогулка по саду — это Плутон, ночь! Так что, привязывая веревку, я отсчитал тридцать секунд, чтобы дать глазам привыкнуть к свету звезд. Потом открыл их.

И не увидел ни черта!

Ни одной звезды. Небо слилось с землей. Я стоял спиной к туннелю, шлем затенял мне лицо, как широкополая шляпа; я должен был видеть дорогу. Ничего.

Я повернул голову и увидел причину и кромешной тьмы, и землетрясения — действующий вулкан. Был ли он в пяти милях или пятидесяти — не вызывал сомнений зазубренный багровый шрам над горизонтом.

Я не стал его разглядывать. Я включил фонарь, осветил правый, наветренный край эстакады и начал продвигаться вперед неуклюжей походкой, держась ближе к этому краю, чтобы оставался запас ширины, чтобы успеть встать, если ветер собьет меня с ног. Этот ветер пугал меня. Веревку я намотал на левую руку и отпускал ее по мере продвижения, стараясь держать достаточно натянутой. Витки были твердыми как железо.

Ветер не только страшил; он мучил. Он был настолько холодным, что обжигал. Он и обжигал, и раздирал, и замораживал до костей. Мой правый бок, которому больше доставалось, совершенно одеревенел, и тогда сильнее стал маяться левый.

Я не чувствовал веревки. Я остановился, нагнулся и осветил моток лучом фонаря (вот что еще нужно усовершенствовать! фонарь должен поворачиваться на шарнирах!).

Веревка размоталась наполовину, я прошел добрых пятьдесят ярдов. По веревке я отмечался, в ней было сто ярдов, ее конец как раз там, куда стремилась Мамми. Поторопись, Кип!

«Шевелись, парень! Здесь холодно».

Я снова остановился. Где коробочка?

Я ее не чувствовал. Посветив фонарем, убедился, что она стиснута в правой руке. Ни с места, пальцы! Я поспешил вперед, считая шаги. Один! Два! Три! Четыре!..

Досчитав до сорока, я остановился и взглянул на обочину. Я находился в самой высокой точке пути, там, где дорога пересекала ручей, и припомнил, что это примерно на середине пути.

Ручей — метан или что там было? — замерз насмерть, и я понял, что ночь действительно холодная.

На левой руке осталось всего несколько витков веревки — я был у цели. Я отпустил веревку, осторожно передвинулся на середину дороги, опустился на колени и начал устанавливать коробочку.

Пальцы не разгибались.

Я разогнул их левой рукой, вынул коробочку из кулака. Этот дьявольский ветер чуть не вырвал ее, и я с трудом не дал ей укатиться. Обеими руками я аккуратно поставил ее вертикально.

«Шевели пальцами, дружище. Сведи руки вместе!»

Я свел. Мышцы предплечья слушались, хотя пальцы сгибать было мучительно больно. Неловко придерживая коробочку левой рукой, я нашарил маленькую кнопочку на верхушке.

Я ее не почувствовал, но она легко повернулась, как только мне удалось к ней прикоснуться; я увидел это.

Казалось, она ожила и замурлыкала. Возможно, я услышал вибрацию, передавшуюся перчаткам и скафандру; почувствовать ее онемевшими пальцами я, разумеется, не мог. Я поспешно отпустил кнопку, неловко поднялся на ноги и отступил, чтобы, не наклоняясь, осветить маяк.

Дело Мамми было завершено, причем (я надеялся) вовремя. Если бы здравого смысла у меня было чуть побольше, чем у дверной ручки, я бы развернулся и сиганул в туннель еще быстрее, чем выходил из него.

Но я был зачарован действиями этого механизма.

Он, казалось, встряхнулся и выпустил три паучьи ножки. Встал, опершись на них, как на маленький треножник высотой в фут. Он снова встряхнулся, и мне показалось, что его сейчас снесет ветром. Но паучьи ножки напряглись, будто вцепившись в почву, и устройство встало незыблемо, как скала.

На его вершине что-то поднялось и развернулось.

Это было как цветок дюймов восьми в поперечнике. Из него выдвинулся какой-то палец (антенна?), покачался, будто нацеливаясь, и остановился, указывая в небо.

Потом маяк сработал. Я уверен, что сработал, хотя я увидел лишь вспышку света — видимо, побочное явление. Свет сам по

себе не мог бы передать информацию, даже если бы не было этого извержения вулкана. Возможно, это был какой-то безобидный эффект при выделении огромного количества энергии, эффект, которого Мамми не смогла избежать по недостатку времени, материалов, или оборудования. Он был не ярче фотовспышки размером с орех арахиса. Но я смотрел прямо на него. Поляризаторы не успели отреагировать. Она ослепила меня.

Я решил, что у меня испортился фонарь, но потом сообразил, что перед ослепшими глазами висит большой зеленовато-пурпурный диск.

«Не волнуйся, малыш. Это просто световой шок. Подожди, и все пройдет».

«Я не могу ждать! Я замерзну насмерть!»

«Найди веревку, она пристегнута к поясу. Держись за нее».

Я сделал так, как сказал Оскар, нашел веревку, развернулся, начал наматывать веревку на обе руки.

Она разбилась.

Она не порвалась, как обычная веревка; она разбилась, как стекло. Видимо, к этому времени она успела остекленеть. И нейлон, и стекло — это переохлажденные жидкости.

Теперь я понимаю, что значит переохлаждение.

Но все, что я знал тогда,— веревка была последним, что еще связывало меня с жизнью. Я ослеп, оглох, я остался один на голой площадке, в миллиардах миль от дома, а ветер из глубин ледяной преисподней выдувал последние капли жизни из тела, которое я уже почти не чувствовал — а там, где оно еще чувствовалось, его жгло, как огнем.

«Оскар!»

«Я здесь, старина. Ты справишься. Что-нибудь видишь?»

«Нет!»

«Ищи вход в туннель. Там, где свет. Выключи фонарь. Конечно, сможешь — это же просто рычажок. Протяни руку назад, на шлеме, справа».

Я сделал это.

«Видишь что-нибудь?»

«Пока нет».

«Подвигай головой. Попробуй поймать что-нибудь боковым зрением. Ты знаешь, что основная область ослепления прямо перед глазами. Ну как?»

«На этот раз что-то поймал!»

«Красноватое, да? И зазубренное. Вулкан. Теперь мы знаем, куда стоим лицом. Медленно поворачивайся и старайся уловить устье туннеля».

Поворачиваться я и так мог только медленно.

«Вот оно!»

«Прекрасно, ты стоишь лицом к дому. Опускайся на четвереньки и осторожно ползи влево. Не поворачивайся — тебе нужно нащупать край дороги и ползти. Ползти к туннелю».

Я опустился на четвереньки. Руки не почувствовали прикосновения, я чувствовал только давление на суставы, как будто все мои конечности были искусственными. Я нашел край. Левая рука соскользнула вниз, и я чуть не упал. Но устоял.

«Направление верное?»

«Конечно. Ты ведь не поворачивал, а просто двигался вбок. Можешь повернуть голову и увидеть туннель?»

«Только если встану на ноги».

«Не смей! Попробуй снова включить лампу. Может быть, зрение уже восстановилось».

Я протянул руку к правой стороне шлема. Должно быть, я задел выключатель, потому что передо мной возник круг света, смазанный и туманный по краям. Слева сквозь него просвечивал край дорожки.

«Молодец! Нет, не вставай; ты ослаб, голова кружится, можешь упасть. Ползи. Считай шаги. Трех сотен должно хватить».

Я пополз, считая шаги.

«Далеко, Оскар. Ты думаешь, мы осилим?»

«Конечно, осилим! По-твоему, мне хочется остаться тут?»

«Я составлю тебе компанию».

«Не болтай под руку. Сбиваешь со счета. Тридцать шесть... тридцать семь... тридцать восемь...»

Так мы и ползли.

«Вот и сотня. Теперь еще столько же. Сто один... сто два... сто три...»

«Мне лучше, Оскар. Стало теплее».

«ЧТО?»

«Я сказал, что я согреваюсь».

«Ты не согреваешься, чертов идиот! Ты замерзаешь насмерть! Ползи быстрее! Нажимай на рычажок. Дыши глубже. Ну, я хочу услышать щелчок!»

Я слишком вымотался, чтобы спорить; я нажал три или четыре раза и почувствовал волну воздуха на лице.

«Живее. Теперь действительно теплее! Сто девять... сто десять... сто одинна... сто двена... соберись!»

На двух сотнях я сказал, что немного отдохну.

«Не смей!»

«Мне нужно отдохнуть. Совсем чуточку».

«Ничего себе! Чем это кончится? Что сделает Чибис? Она ждет. Она уже испугалась, потому что тебя нет слишком долго. Что она сделает? Отвечай!»

«Она... она попробует надеть скафандр Тима».

«Верно! Как мы уже объясняли, в случае поступления одинаковых лозунгов выигрывает тот, который раньше отправлен по почтовому штемпелю. Далеко она доберется? Скажи-ка мне».

«Ну... наверное, до выхода из туннеля. Потом ее сдует ветром».

«В самую точку. Вот и соберется вся семейка. Ты, я, Мамми, Чибис. Идиллия. Семейное кладбище».

«Но...»

«Так что, шаркай, братец. Шарк... шарк...шарк... двести пять... двес-шес... двес-се...»

Я не помню, как падал. Не помню даже ощущения от «снега». Помню только, как обрадовался, что досчитал до конца, и можно отдохнуть.

Но Оскар не дал мне отдыхать.

«Кип! Кип! Очухайся! Вползай обратно на то... узкое и прямое».

«Уйди».

«Я не могу уйти. К сожалению. Тебе прямо. Хватайся за край и вползай. Осталось совсем немного».

Мне удалось поднять голову, и в свете фонаря, в двух футах над головой, я увидел край эстакады. Меня мотнуло назад.

«Слишком высоко,— безжизненно прошептал я.— Оскар, кажется, это конец.»

Он фыркнул.

«Ой ли? А кто недавно упрямо заставлял идти одну капризную, смертельно уставшую девчонку? Командор Комета, а? Или как бишь, его? "Гроза Звездных Путей"... никчемный ленивый космический бродяга... "Имею скафандр — готов путешествовать!" Не дашь ли автограф, Командор, перед тем как почивать? Впервые вижу натурального живого космического пирата... грозу околотка, угонщика кораблей и похитителя маленьких девочек».

«Как тебе не стыдно!»

«Ладно, ладно, понимаю, я тебя достал. Только напоследок: у нее в одном мизинчике больше силы духа, чем, свинья, во всем твоем лживом, толстом, ленивом организме! Прощай. К обеду не жди».

«Оскар! Не бросай меня!»

«Что? Ты просишь помощи?»

«Да!»

«Ну если не дотягиваешься, возьми свой молоток и зацепись за край эстакады. Потом подтянись».

Я моргнул. Возможно, это сработает. Я пошарил внизу, понял, что нащупал молоток, хотя и не почувствовал этого, и отцепил его. Обеими руками я закинул его на край эстакады над головой. Потом подтянулся.

Этот дурацкий молоток разбился, как и веревка. Инструментальная сталь разлетелась на куски, как кусок шлака.

Это меня взбесило. Я привел себя в сидячее положение, взгромоздил оба локтя на край, долго возился, рычал и потел от ярости — и наконец перекатился на эстакаду.

«Вот умница! Не надо считать, просто ползи к свету!»

Отверстие туннеля тряслось и плясало. Я никак не мог отдышаться и нажал подбородком на рычажок.

Ничего не произошло.

«Оскар! Рычаг заело!»

Еще раз.

Оскар ответил не сразу.

«Нет, дружище, его не заело. Это замерзли воздушные шланги. Видимо, в последний раз баллоны заправили чересчур влажным воздухом».

«У меня нет воздуха!»

Оскар снова помолчал. Потом твердо ответил:

«Есть. У тебя полный скафандр воздуха. На несколько оставшихся футов — хватит».

«Я не дойду».

«Всего несколько футов. Там, впереди, Мамми. Не останавливайся».

Я поднял голову. В самом деле, она там была. Я пополз, а она становилась все больше и больше. Наконец я сказал:

«Оскар... я больше не могу».

«Боюсь, что так. Я тебя подвел... но спасибо, что не бросил меня там, снаружи».

«Ты меня не подвел... ты был классный. Просто я не смог довести дело до конца».

«Наверное, мы оба не смогли довести дело до конца... но уж точно показали, что сделали все возможное! Пока, партнер».

«Пока. Hasta la vista, amigos!»* Я смог проползти еще чуть-чуть и замер, голова к голове с Мамми.

Она улыбалась.

«Привет, Кип, сынок».

«Я не... не смог, Мамми. Прости меня».

«Что ты!.. Ты сделал все, что нужно!»

«Да?»

«И ты сделал, и я, мы оба сделали».

Я очень долго размышлял об этом.

«И Оскар».

«И Оскар, конечно».

«И Чибис».

«Ну как же без Чибис. Мы справились. Теперь отдохни, милый».

«Спокойной ночи... Мамми».

Отдых выдался чертовски коротким. Только я прикрыл глаза, наслаждаясь теплом, счастьем от ласковых слов Мамми — как меня принялась трясти Чибис. Она прижалась к моему шлему.

---

* До завтра, дружище! *(исп.)*.

— Кип! Кип! Вставай. Вставай, пожалуйста.

— Что? Почему?

— Потому что я не могу тебя тащить. Я пыталась, но я не могу. Ты слишком тяжелый.

Я обдумал ее слова. Конечно, она не может меня тащить... вот придумала! Я же в два раза больше ее. Это я бы ее понес... вот только отдышусь...

— Кип! Пожалуйста, вставай.— Она уже плакала навзрыд.

— Ну конечно, солнышко,— ласково сказал я.— Раз уж тебе так хочется.— Я попытался встать, это было ужасно трудно. Можно сказать, меня подняла она. Когда я оказался на ногах, она придержала меня, чтобы я не шатался.

— Повернись. Иди.

Она почти волокла меня. Подставила плечи под правую руку и подталкивала. Каждый раз, когда мы добирались до одной из взорванных дверей, она или помогала мне перебраться, или просто переваливала, а потом снова поднимала.

Наконец мы добрались до шлюза, и она впустила изнутри воздух. Ей пришлось отпустить меня, и я свалился. Когда внутренняя дверь открылась, она повернулась, начала что-то говорить — и поспешно стянула с меня шлем.

Я сделал глубокий вдох, голова закружилась, в глазах потемнело.

Она внимательно рассматривала меня:

— Ты как, в порядке?

— Я? Конечно! А что?

— Давай помогу тебе пройти внутрь.

Я не понял, зачем мне помогать, но она уже принялась, и, оказалось, не зря. Она усадила меня на пол рядом с дверью, спиной к стене — я не хотел ложиться.

— Кип, я так испугалась!

— Почему? — я не мог сообразить, чего она так разволновалась. Разве Мамми не сказала ей, что мы справились?

— Ну, потому что... Не нужно было отпускать тебя наружу.

— Но ведь нужно было установить маяк.

— Но... Ты установил его?

— Конечно. Мамми обрадовалась.

— Я уверена, что она бы обрадовалась,— сказала она скорбно.

— Но она на самом деле обрадовалась.

— Тебе помочь? Помочь снять скафандр?

— Хм... Нет, пока нет. Принеси попить.

— Сейчас!

Она вернулась и протянула мне воды. Оказалось, что мне вовсе не так хочется пить, как я думал. Меня мутило. Она всмотрелась и сказала:

— Не возражаешь, если я ненадолго уйду? Ты сейчас как?

— Да ничего,— мне было плохо, все начало болеть, но тут она ничем не могла помочь.

— Скоро вернусь.— Она начала пристегивать шлем, и я с вялым любопытством отметил, что она была в своем скафандре — раньше мне почему-то казалось, что она в скафандре Тима.

Она направилась к шлюзу, и я понял, куда и зачем она собралась. Я хотел сказать ей, что Мамми лучше не приносить сюда, потому что здесь она может... она может... даже мысленно я не мог произнести слово «разлагаться».

Но Чибис уже ушла.

Думаю, она отсутствовала минут пять, не больше. Я сидел с закрытыми глазами, в какой-то прострации. Я заметил только, как открылась внутренняя дверь. Через порог перешагнула Чибис, неся в руках, как полено, Мамми. Она совсем не сгибалась.

Чибис положила Мамми на пол в той же позе, в какой я видел ее в последний раз, потом отстегнула шлем и заплакала.

Я не мог подняться. Ноги разламывались от боли. И руки тоже.

— Чибис... пожалуйста, солнышко. Это ведь не поможет.

Она подняла голову.

— Все. Я больше не буду плакать.

И она больше не плакала.

Так мы сидели очень долго. Чибис опять предложила помочь мне вылезти из скафандра, но когда мы попытались это сделать, мне стало так больно, особенно ноги и руки, что я попросил ее остановиться. Она встревожилась.

— Кип... боюсь, что ты обморозился.

— Может быть. Но сейчас с этим ничего не поделаешь,— я поморщился и сменил тему.— Где ты нашла свой скафандр?

— О-о,— на ее лице промелькнула злость, сменившаяся улыбкой.— Никогда не угадаешь. Внутри скафандра Джока.

— Да уж. Прямо «Пропавшее письмо».

— Что?

— Ничего. Не знал, что у Сколопендера было чувство юмора.

Вскоре после этого мы почувствовали еще одно сотрясение, очень мощное. Будь там люстры, они бы задрожали, пол качнулся. Чибис взвизгнула.

— Ох! Почти такое же сильное, как последнее.

— Намного сильнее, я бы сказал. То было совсем слабое.

— Нет, я имею в виду то, когда ты был снаружи.

— А тогда что, трясло?

— Разве ты не почувствовал?

— Нет,— я попытался вспомнить.— Может, это когда я свалился на снег.

— Ты падал на снег? Кип!

— Все обошлось. Оскар меня выручил.

Почва снова содрогнулась. Все бы ничего, только тело опять взорвалось болью. Затуманенное сознание прояснилось настолько, что я сообразил, что мучиться незачем.

Так... таблетки справа, а кодеин чуть за ними.

— Чибис! Не принесешь еще воды?

— Конечно!

— Я хочу принять кодеин. Но после него могу заснуть. Ты не возражаешь?

— Если сможешь, поспи. Сон тебе не повредит.

— Я тоже так думаю. Который час?

Когда она ответила, я не поверил.

— Хочешь сказать, прошло больше двенадцати часов?

— С какого времени?

— С начала всего этого.

— Не понимаю, Кип.— Она уставилась на часы.— Прошло ровно полтора часа с тех пор, как я тебя нашла, и почти два часа с тех пор, как Мамми взорвала свои бомбы.

В это я тоже не мог поверить. Но Чибис настаивала, что это так и есть.

От кодеина мне сильно полегчало, я уже начал задремывать, когда Чибис сказала:

— Кип, ты не чувствуешь запаха?

— Я принюхался.

— Похоже на спички.

— Вот именно. Думаю, давление падает. Кип... наверное, лучше закрыть твой шлем — раз ты собираешься спать.

— Хорошо. Ты свой тоже закроешь?

— Да. Похоже, это помещение не герметично.

— Похоже.

После всех этих взрывов и землетрясений оно не могло остаться герметичным. Я это понимал, но я настолько выдохся, обессилел и плыл от кодеина, что даже не волновался. Сейчас или через месяц — какая разница? Сказала же Мамми, что все нормально.

Чибис застегнула меня, себя, мы проверили радио, и она уселась лицом ко мне и Мамми. Она долго молчала. Потом я услышал:

— Чибис вызывает Майского жука...

— Слышу тебя, Чибис.

— Кип? Все-таки было здорово, в основном, в главном. Правда?

— Что? — я взглянул вверх, на шкале значилось, что воздуха у меня на четыре часа. Следовало вдвое снизить давление, чтобы уравнять его с падающим давлением в комнате.— Да, Чибис, было классно. Я ни с кем бы не поменялся.

Она вздохнула.

— Я хотела убедиться, что ты не винишь меня. Спи.

Я уже засыпал, когда Чибис вскочила и мои наушники ожили.

— Кип! Там что-то за дверями!

Я понял, что это означает, и сон отлетел. Почему они не могут оставить нас в покое? Хотя бы на несколько часов?

— Чибис. Без паники. Отойди за дверь. Штука с голубым светом у тебя с собой?

— Да.

— Будут заходить — пали в них.

— Отодвинься, Кип. Ты как раз у них на пути!

— Я не могу подняться,— я и шевельнуть руками не мог.— Стреляй на небольшой мощности, тогда, если и заденешь меня, ничего не случится. Делай, что я говорю! Скорее!

— Да, Кип.— Она встала так, чтобы стрелять сбоку, подняла пистолет и стала ждать. Внутренняя дверь открылась, появилась фигура. Я увидел, что Чибис давит на курок — и заорал по рации: «Не стреляй!»

Но она уже бросила оружие и рванулась вперед.

Это были соплеменники Мамми.

Только вшестером они смогли поднять меня, Мамми несли всего двое. Все время, пока снаряжали носилки, они напевали мне утешительные слова. Перед тем как меня подняли, я проглотил еще одну таблетку кодеина, потому что, даже при их нежном обращении, каждое движение отзывалось болью. Несли нас недолго — корабль приземлился у самого входа в туннель, разрушив при этом проклятую эстакаду; я на это надеялся.

Как только мы оказались в безопасности, Чибис сняла с меня шлем и расстегнула на груди скафандр.

— Кип! Ну разве они не чудесные?

— Да.— От таблетки кружилась голова, но стало еще легче.— Когда отправляемся?

— Уже летим.

— Они отвезут нас домой? — Обязательно расскажу мистеру Чартону, что кодеин очень помог.

— Что? Боже мой, нет! Мы летим на Вегу.

Я потерял сознание.

Глава 9

Мне снилось, что я дома....

От этой мелодии я встрепенулся.

— Мамми!

«Доброе утро, сынок. Я счастлива, что ты поправляешься».

— Я хорошо себя чувствую. Хорошо выспался... — я уставился на нее и брякнул: — Ты же умерла! — так и выложил.

Ее ответ прозвучал тепло, с мягким юмором. Так поправляют промашку ребенка.

«Нет, милый, я просто замерзла. Я не такая хрупкая, как тебе, может быть, показалось».

Я проморгался и снова посмотрел на нее.

— Так это был не сон?

«Нет, это был не сон».

— Мне казалось, что я дома и ... — я попытался сесть, но смог только поднять голову.— Но я дома!

Это моя комната! Слева комод, за спиной Мамми — дверь в прихожую, справа мой стол, на нем стопки книг, над ним — вымпел Кентервильской школы. Над столом окно, за окном старый вяз — на ветру шелестят пронизанные солнцем листья.

Логарифмическая линейка лежала там, где я ее оставил.

В голове был туман, но внезапно я понял. Все действительно было на самом деле, мне приснился только дурацкий конец. Несомненно, что «полет на Вегу» — результат действия кодеина.

— Вы привезли меня домой?

«Мы привезли тебя домой... Это твой второй дом. Мой дом».

Кровать затряслась. Я вцепился в нее, руки не слушались. Мамми все пела:

«Тебе нельзя без своего гнездышка. Мы свили его».

— Мамми, я ничего не понимаю.

«Мы знаем, что птицу лечит ее гнездо. И мы построили его для тебя».

В ее речи не было слов «птица» и «гнездо», но по смыслу они были ближе всего.

Я глубоко вздохнул, чтобы собраться с мыслями. Я понял ее. Объяснять понятно — уж это она умела лучше всех. Комната была не моя, я был не дома — просто сделано очень похоже. Но я все никак не мог прийти в себя.

Я огляделся и подивился, как я мог ошибиться.

Свет из окна падал не в ту сторону. На потолке не было заплатки, которая появилась, когда я делал тайник на чердаке, и под молотком отвалилась штукатурка. Не там лежали тени.

Книги были аккуратными и чистенькими, как коробки с конфетами. И корешки я не мог узнать.

В общем похоже... детали не совпадали.

«Мне нравится эта комната,— пропела Мамми.— Она похожа на тебя, Кип».

— Мамми,— спросил я слабо,— как вы это сделали?

«Мы спрашивали тебя. И Чибис помогла».

Я подумал: «Но Чибис никогда не видела мою комнату». Впрочем, она видела достаточно американских домов, чтобы стать на Веге консультантом-экспертом.

— Чибис здесь?

«Она сейчас придет».

Если рядом Чибис и Мамми, все будет хорошо. Вот только...

— Мамми, я не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Она положила крошечную, теплую ладонь мне на лоб и наклонилась надо мной так, что я увидел лишь ее огромные, как у лемура, глаза.

«Ты их повредил. Теперь ты поправляешься. Не волнуйся».

Когда Мамми советует не волноваться — волноваться нечего. Я и не собирался вставать на уши; мне хватало глядеть в ее глаза. В них можно утонуть, можно нырнуть и плавать кругами.

— Хорошо, Мамми,— Я вспомнил кое-что еще.— Ты же... ты замерзла. Это правда?

«Да».

— Но... Замерзая, вода разрывает живые клетки. Это известно.

«С моим телом такого никогда не может случиться!»

— Ну...— я поразмыслил.— Только меня, пожалуйста, не купайте в жидком воздухе. Мое тело для этого не годится.

И вновь она ответила со смешком:

«Постараемся не повредить тебе.— Она выпрямилась и слегка потянулась, качнувшись, как ива.— Чувствую — идет Чибис».

В дверь постучали — еще одно несоответствие: звук не соответствовал стуку по легкой, разделяющей комнаты, двери,— и раздался голос Чибис: «Можно?». Впрочем, она не стала дожи-

даться ответа (я бы удивился, случись наоборот), а сразу вошла. То, что я успел увидеть за дверью, выглядело в точности как у нас дома. Они тщательно потрудились.

«Входи, милая».

— Давай-давай, Чибис. Тем более ты уже вошла.

— Не привязывайся.

— Уж кто бы говорил. Привет, детка.

— Сам детка.

Мамми пошла к двери.

«Не задерживайся, Чибис. Не надо его утомлять».

— Не буду, Мамми.

«Пока, милые».

— Когда в этом лазарете часы посещений?

— Когда она разрешит, разумеется,— Чибис стояла напротив, уперев кулаки в бока. Впервые, насколько я ее знаю, она была по-настоящему чистой — отмытые розовые щечки, волосы пушистые, лет через десять, глядишь, станет симпатичной. Одета она была как всегда, только шмотки отстираны, все пуговицы на месте, прорехи аккуратно зашиты.

— Н-да,— сказала она наконец, озабоченно вздохнув.— Наверное, тебя еще штопать и штопать.

— Меня? Да я в полном порядке! А ты как?

Она сморщила нос.

— Чуть-чуть отморозила кончик. Ерунда. А вот ты был месивом.

— Я?

— Если бы я выразилась иначе, моя мама сказала бы, что «леди так не выражаются».

— Вот и не выражайся.

— Не язви. У тебя это плохо получается.

— Может, разрешишь на тебе попрактиковаться?

Она хотела было отбрить меня в своей знакомой манере, но вдруг осеклась, улыбнулась и придвинулась. Я с ужасом подумал, что она меня поцелует. Но она только похлопала по одеялу и торжественно произнесла:

— Ради Бога, можешь быть язвой, капризой, жадиной, можешь ругать меня, можешь все, что угодно, и я даже не пискну. Я уверена, что ты сможешь перечить даже Мамми.

Не представляю, чтобы мне этого захотелось. Я сказал:

— А ты не похожа на себя, Чибис. Уже нимб появляется.

— Появился бы, если бы не ты. Хотя нет, я бы, наверное, провалилась на экзаменах для нимбоносцев.

— Думаешь? А мне вспоминается кто-то примерно твоего роста, кто тащил меня в станцию чуть ли не на спине. Как насчет этого?

Она хмыкнула

— Это ерунда. Главное, ты установил маяк...

— Ну опять каждый о своем. Холодновато было снаружи.— Я сменил тему, от которой обоим было неловко. Я заикнулся о маяке и вспомнил кое-что еще.

— Чибис? А где мы?

— Хм? У Мамми дома, конечно.— Она оглянулась и сказала: — Ой, Кип, я забыла, на самом деле это не твоя...

— Я знаю,— перебил я.— Подделка. Сразу видно.

— Разве? — она расстроилась.— А я думала, мы отлично все устроили.

— Вы все замечательно устроили. Не понимаю, как у вас это получилось.

— Да это у тебя замечательная память. Просто фотографическая.

«И язык без костей»,— добавил я про себя. Интересно, что еще я выболтал, пока валялся без сознания. И Чибис все слышала. Но не спрашивать же об этом; должны же у человека оставаться хоть какие-то секреты.

— И все же это подделка,— продолжал я.— Я знаю, что мы дома у Мамми. Но где это?

— Ой,— она посмотрела на меня круглыми глазами.— Но я же тебе говорила. Может, ты не помнишь — ты уже засыпал.

— Я припоминаю,— сказал я медленно,— кое-что. Но не понимаю смысла. Кажется, ты говорила, что мы летим на Вегу.

— Кажется, в каталогах она значится как Вега 5. Сами они называют ее...— она откинула голову и выдала трель; правда, это больше смахивало на кукареканье.— Но ведь так я еще не умела. Так что я сказала «Вега», смысл примерно тот же.

Я снова попытался сесть и не смог.

— И вот так, стоя передо мной, ты говоришь, что мы на Веге? Я имею в виду, на какой-то планете Веги?

— Ну ты же не предложил мне сесть.

На этот чибисизм я не обратил внимания. Посмотрел на солнечный свет, льющийся в окно.

— Это светит Вега?

— Что ты, это искусственное освещение. Если бы они оставили настоящий свет Веги, тут все выглядело бы, как... Как в свете электрической дуги. Вега расположена очень высоко на диаграмме Герцшпрунга-Рассела, ты же знаешь.

— В самом деле?

Вот уж чего никогда не знал, так это спектрального класса Веги. Как-то не думал, что мне это понадобится.

— Кстати! Будь осторожен, Кип, я имею в виду, когда начнешь подниматься. Тут за десять секунд можешь загореть, как за месяц на зимнем курорте — а через десять минут обуглишься.

Определенно у меня талант попадать в места с тяжелым климатом... К какому спектральному классу звезд относится Вега? К классу «А»? Или «В»? Я знал только, что она большая и яркая, больше Солнца, и расположена в созвездии Лиры.

Но как, ради Эйнштейна, мы сюда попали?

— Чибис? А до Веги далеко? То есть я хотел сказать, далеко ли до Солнца? Ты не знаешь случайно?

— Случайно знаю,— ответила она обиженно.— Двадцать семь световых лет.

— Обалдеть! Чибис, возьми вон ту логарифмическую линейку. Умеешь с ней обращаться? У меня руки не слушаются.

Она замялась.

— Зачем она тебе?

— Хочу высчитать, сколько это будет в милях.

— Да я сама посчитаю. Без всякой логарифмической линейки.

— Но с ней быстрее и надежнее. Послушай, если ты не умеешь ею пользоваться, не стесняйся, в твоем возрасте я тоже не умел. Я тебя научу.

— Я умею ею пользоваться?!! — она пришла в негодование.— Думаешь, я дура? Но я лучше так посчитаю,— она беззвучно зашевелила губами.— 159 000 000 000 000 миль.

Совсем недавно я прикидывал расстояние до Проксимы Центавра; я припомнил, сколько миль в световом году и прикинул на глаз — шесть на двадцать пять — сто пятьдесят... а где там десятичная запятая?

— Вроде бы верно.

159 000 000 000 000 миль! Столько нулей... даже неуютно.

— Конечно, верно! — отрезала она.— Я никогда не ошибаюсь.

— Господи! Прямо карманная энциклопедия!

Она потупилась.

— Но я не могу перестать быть гением.

Уж тут она сама подставилась, и я уже совсем собрался было от души отыграться — и тут увидел, какой у нее несчастный вид.

Я вспомнил, как говорил папа: «Некоторые уверяют, что лучше быть средним, чем лучшим. Такие люди с удовольствием обрежут крылья другим, потому что сами их лишены. Они презирают ум, потому что лишены его». Тьфу ты!

— Извини, Чибис,— тихо сказал я.— Я понимаю, что ты не можешь перестать быть гением. Так же, как я не могу стать... так же, как ты не можешь перестать быть маленькой, а я большим.

Она оживилась.

— Наверное, я опять захотела порисоваться.— Она крутила пуговицу.— Или решила, что ты понимаешь меня — как папа.

— Польщен. Вряд ли я тебя понимал — но отныне буду стараться.

Она продолжала теребить свою пуговицу.

— Ты и сам довольно умный, Кип. Ты ведь знаешь это?

Я ухмыльнулся.

— Будь я умным, очутился бы здесь?.. Слушай, солнышко, давай мы все-таки проверим тебя на логарифмической линейке? Мне действительно интересно.

Двадцать семь световых лет — отсюда Солнца не увидишь. Оно ведь небольшая звезда.

Она вновь замялась.

— Кип, эта линейка не годится.

— Что? Да это самая лучшая линейка, стоила она кучу...

— Кип, погоди! Это не линейка. Это кусок стола.

— Хм? — я смутился.— Я забыл. А коридор за дверью — длинный?

— Там только часть его, то, что ты отсюда видишь. Кип, линейку мы бы сделали настоящей, было бы время. Они тоже разбираются в логарифмах. Еще как разбираются!

Вот это меня и беспокоило — «было бы время».

— Чибис, а сколько времени мы сюда летели?

Двадцать семь световых лет! Пусть даже со скоростью света. Для меня-то, по Эйнштейну, они протекли незаметно — но не для Кентервиля. Папа мог уже умереть! Папа был старше мамы, он мне, в общем-то, в дедушки годился. Еще двадцать семь лет обратно — да ему за сотню перевалит! Даже мама может уже умереть.

— Сколько времени? Да нисколько.

— Нет, нет. Я знаю, этого не почувствуешь. Ты нисколько не повзрослела, я все так же лежу, обмороженный. Но все-таки это заняло по крайней мере двадцать семь лет. Разве не так?

— Кип, ты о чем?

— О теории относительности, разумеется. Слышала про такую?

— Ах, это! Конечно. Но здесь она не подходит. Такие поездки не занимают времени. Ну, минут пятнадцать на выход из атмосферы Плутона, потом примерно столько же на посадку здесь. А остальное — тьфу! Ноль.

— Но на световой скорости так не получится.

— Нет, Кип,— она нахмурилась, потом лицо ее осветилось.— Сколько времени прошло с того момента, как ты поставил маяк, до того, как они нас спасли?

— Хм,— это меня сразило. Папа не умер! У мамы даже седых волос не появится.— Около часа.

— Чуть больше. Если бы корабль стоял наготове, было бы меньше... Тогда, наверное, они нашли бы тебя в туннеле, а не я. Сообщение дошло мгновенно. Полчаса готовили корабль. Мамми была вне себя. Никогда бы не подумала, что она на это способна. Видишь ли, корабль должен постоянно быть готов к старту.

— В любое время, когда он ей понадобится?

— В любое время, постоянно. Мамми важная птица. Еще полчаса на маневры в атмосфере — и все. В реальном времени. Никаких фокусов с теорией относительности.

Я попытался привыкнуть к этой мысли. За час они покрывают двадцать семь световых лет — и еще получают нагоняй за потерянное время. Этак соседи по кладбищу дадут доктору Эйнштейну прозвище «Пропеллер», когда он начнет переворачиваться в гробу!

— Но как это может быть?

— Кип, ты знаком с геометрией? Не с Евклидовой, конечно, а с *настоящей* геометрией.

— Мм... Баловался с открытыми и замкнутыми искривленными пространствами, прочел популярные книги доктора Белла. Но, пожалуй, я бы не сказал, что знаю геометрию.

— Ну, по крайней мере, ты не станешь цепляться за идею, что прямая — кратчайший путь между точками.— Она сделала движение, будто обеими руками выжимала грейпфрут.— Потому что это не так. Кип, все соприкасается. Вселенную можно засунуть в ведро. Можно и в наперсток, если сложить ее так, чтобы совпадали конфигурации атомов.

Я увидел головокружительную картинку, на которой вселенная умещалась в чайной чашке. Теснились, упаковываясь, протоны и электроны — и переставали быть теми жиденькими математическими привидениями, на которые, говорят, похожи даже атомы урана. Получалось что-то вроде «первичного атома», которым некоторые космогонисты объясняли расширение вселенной. А может, она и то, и другое — и упакованная, и расширяющаяся? Как парадокс «волны и частицы». Волна — это не частица, а частица не волна — однако все на свете представляет собой и то и другое. Если вы в это верите, вы поверите во все что угодно — а если нет, то и не пытайтесь. Даже в самих себя поверить не пробуйте, потому что и вы одновременно состоите из волн и частиц.

— Сколько измерений? — пролепетал я.

— А сколько дашь?

— Я? Ну, может, двадцать. К четырем основным по четыре дополнительных, чтобы по углам не жало.

— С двадцати все только начинается. Я не знаю, Кип; оказалось, и я геометрии не знаю. Только думала, что знаю. Так что я их принялась трясти.

— Мамми?

— Ее? Да что ты, нет! Она не знает геометрии. Необходимый минимум, чтобы провести корабль сквозь складки пространства.

— Только-то?

Мне нужно было остановиться на разрисовывании ногтей и не позволять папе соблазнить меня дальнейшим образованием. Это бесконечно — чем больше узнаешь, тем больше нужно узнавать.

— Чибис, ты знала, для чего этот маяк, да?

— Я? — Она невинно потупилась.— Ну... да.

— Ты знала, что мы полетим на Вегу.

— Ну... если бы маяк сработал. Если бы мы его вовремя включили.

— Так вот, главный вопрос. Почему ты молчала?

— Ну...— Чибис явно собиралась совсем отвинтить пуговицу.— Я не знала, насколько ты разбираешься в математике... И... к тому же ты мог начать строить из себя этакого «старшим-лучше-знать». Ведь ты бы мне не поверил?

— Я говорил Орвиллу, я говорил Уилбуру, а теперь я говорю тебе: эта штука никогда не сможет взлететь. Может, и не поверил бы, Чибис. Но в следующий раз, когда у тебя появится искушение промолчать «для моего собственного блага», вспомни, что я не цепляюсь за свое невежество. Я знаю, что я не гений, но я все же попробую пошевелить мозгами — и, возможно, даже окажусь в чем-то полезным, если буду знать, что ты замышляешь. Прекрати крутить эту пуговицу.

Она поспешно выпустила ее.

— Да, Кип. Я запомню.

— Спасибо. Еще одно. Мне крепко досталось?

— Хм! Еще как!

— Ладно... У них есть эти, гм, «корабли для складок», которые летают мгновенно. Почему же ты не попросила их подбросить меня до дому и запихнуть в больницу?

Она была в нерешительности.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хм. Прекрасно чувствую. Только мне, кажется, сделали блокаду позвоночника или что-то в этом роде.

— Что-то в этом роде,— согласилась она.— Чувствуешь, что выздоравливаешь?

— Черт побери, я *просто* здоров!

— Нет. Но ты выздоровеешь,— она внимательно посмотрела на меня.— Сказать тебе как есть, Кип?

— Валяй!

— Если бы они привезли тебя на Землю, в самую наилучшую больницу, ты был бы «безнадежным случаем». Понял? Ни рук, ни ног. А здесь ты совершенно поправишься. Никаких ампутаций, ни мизинчика.

К чему-то подобному Мамми меня уже подготовила. Я лишь спросил:

— Ты уверена?

— Уверена. И в том, и в другом. Ты поправишься.— Вдруг ее лицо скривилось.— Ну и каша из тебя была! Я видела.

— Очень плохо?

— Ужасно. У меня теперь кошмары.

— Не надо было им позволять тебе смотреть.

— Они не могли мне запретить. Я ведь твоя ближайшая родственница.

— Надо же! Ты сказала им, что ты мне сестра или что-то в этом роде?

— Что? Да я и есть твоя ближайшая родственница.

Я чуть не сказал ей, чтобы не придуривалась, но вовремя прикусил язык. Мы были единственными людьми на сто шестьдесят триллионов миль. Как всегда, Чибис была права.

— Так что мне пришлось давать разрешение,— продолжала она.

— На что? Что они со мной делали?

— Ну, сначала сунули тебя в жидкий гелий. Оставили тебя там, и целый месяц использовали меня, как подопытную морскую свинку. Потом, три дня назад — три наших дня — дали тебе оттаять и начали работать. С тех пор ты поправляешься.

— А сейчас в каком я состоянии?

— Ну... ты снова отрастаешь. Регенерируешь. Кип, это не кровать. Просто так выглядит.

— А что же это?

— У нас нет для этого названия, а то, как они это называют, я не смогу произнести — слишком высокие звуки. Но все, начиная отсюда...— она похлопала по простыне,— и донизу, целая комна-

та под тобой — все это тебя лечит. Ты весь в проводах, как эстрада на рок-концерте.

— Хотелось бы посмотреть.

— Боюсь, что нельзя. Ты еще не знаешь всего, Кип. Им пришлось срезать с тебя скафандр.

Это меня резануло по сердцу сильнее, чем известие, что я был месивом.

— Что? Оскара! Они его разрезали? Я имею в виду мой скафандр.

— Я знаю, что ты имеешь в виду. В бреду ты постоянно разговаривал с «Оскаром» — да еще и отвечал за него. Иногда кажется, что ты шизик, Кип.

— Ты спутала, малявка — это раздвоение личности. А ты, кстати, параноик.

— Да это я сто лет знаю. Но я хорошо адаптировалась. Хочешь повидать Оскара? Мамми говорила, что ты захочешь, чтобы он был рядом.— Она открыла шкафчик.

— Погоди! Ты же сказала, что его разрезали!

— Они его починили. Как новенький. Даже лучше.

«Время, милая! Помни, что я тебе говорила».

— Иду, Мамми! Пока, Кип. Я скоро еще приду. Я буду очень часто приходить.

— Ладно. Оставь шкафчик открытым, чтобы я мог видеть Оскара.

Чибис приходила, но не «очень часто». Я не обижался, во всяком случае не очень. Вокруг нее были тысячи интересных и «познавательных» вещей, куда можно было сунуть свой вездесущий нос, и все такое новое и восхитительное — она была занята почище щенка, жующего тапочки. У наших хозяев от нее голова шла кругом.

Но и я не скучал. Я поправлялся, а это работа на полную катушку, скучать не приходится,— при условии, что вы счастливы — а я был счастлив.

Мамми я видел нечасто. Я начал понимать, что она тоже очень занята, хотя она приходила ко мне не позже чем через час после моей просьбы, и никогда не торопилась уйти.

Она не была ни сиделкой, ни врачом. За мной ухаживал целый штат ветеринаров, ловивших каждый удар моего сердца. Если я не просил (шепот слышали не хуже крика), они не появлялись, но скоро я понял, что комната была нашпигована микрофонами и телеметрией, как корабль на испытаниях. Кровать моя оказалась устройством, по сравнению с которым наши «искусственное сердце», «искусственные легкие» и «искусственные почки» казались детской коляской рядом со сверхзвуковым лайнером.

Устройства этого я так и не увидел (они никогда не поднимали простыню, разве что когда я спал), но что оно делало, знаю. Оно заставляло тело восстанавливаться — не зарубцовывать ткани, а восстанавливать утраченное. Это умеет любая устрица, а морская звезда делает это так ловко, что вы можете разрубить ее на кусочки и получить тысячу новеньких морских звезд.

Этот фокус способно проделать любое животное, поскольку каждая его клетка содержит полный набор генов. Но мы несколько миллионов лет назад утратили это свойство. Известно, что наука пытается восстановить его; вам, может быть, попадались статьи — оптимистические в Ридерс Дайджест, разочарованные в Сайентифик Мансли, совсем дурацкие в журналах, «научные редакторы» которых, видимо, выросли на фильмах ужасов. Но работа идет. Когда-нибудь в будущем, если кто-то случайно и умрет, то разве что от потери крови по дороге в больницу.

А здесь у меня оказалась прекрасная возможность узнать об этом все — но не вышло.

Я пытался. Хоть сами процедуры и не беспокоили меня (Мамми велела не волноваться и каждый раз, навещая меня, повторяла внушение, глядя в глаза), все же мне нравилось быть пытливым, словно Чибис.

Возьмите дикаря из такой глуши джунглей, что там еще не слышали слова «рассрочка платежа». Пусть у него будет коэффициент интеллекта 190, и бес любопытства, как у Чибис. Поместите его в Атомные лаборатории Брукхейвен. Много он узнает? Даже со всей мыслимой помощью?

Он узнает, какие коридоры куда ведут, и что пурпурный трилистник означает «Опасность!».

И все. Не потому, что ему не дано разобраться; мы условились, что он супергений — но ему понадобится учиться лет двадцать, чтобы он смог задавать нужные вопросы и понимать ответы.

Я задавал вопросы, всегда получал ответы, пытался их понять. То, что я понял, можно не записывать; это такая же путаница, как дикарское описание атомного реактора. Как говорят специалисты по радиоделу, когда шум превышает определенный уровень, информация передаваться не может. Все, что я получал, было «шумом».

Причем какая-то часть — буквально. Я задавал вопрос, кто-нибудь из терапевтов отвечал. Что-то я понимал, но когда дело доходило до главного, я слышал только трели. Даже когда переводила Мамми, то, на что у меня не хватало базовой подготовки, звучало как бодрая песенка канарейки.

Держитесь за стулья; я буду объяснять то, чего сам не понимаю: как мы с Чибис могли разговаривать с Мамми, хотя ее рот не выговаривал английских звуков, мы не могли петь, как она, и не знали ее языка. Веганцы... (я буду называть их «веганцы», хотя тогда нас следовало бы называть «солярианцы»; их название звучит, как шелест ветра. У Мамми тоже есть собственное имя, только я не колоратурное сопрано. Чибис пыталась им пользоваться, когда подлизывалась — черта с два ей помогало). У веганцев был удивительный талант понимать тебя словно изнутри. Вряд ли это телепатия, иначе я не делал бы столько промашек. Назовем это эмпатией.

В этой способности они различались; так каждый из нас способен водить машину, но не каждому дано стать гонщиком. Мамми «чувствовала вас» в такой же степени, как пианист-виртуоз чувствует свой инструмент. Однажды я читал об актрисе, которая говорила по-итальянски так, что ее понимали даже те, кто не знал итальянского. Ее звали «Дуче». Нет, «дуче» — это диктатор. Что-то в этом роде. Должно быть, у нее был тот же талант.

Первое, что я услышал от Мамми — «привет», «пока», «спасибо», «куда идем?». Простые понятия; так можно и с бродячей собакой объясниться. Позже я начал понимать ее речь именно как речь. Она же запоминала значения английских слов еще быстрее;

у нее был огромный талант, и они с Чибис говорили целыми днями, пока были в заключении.

Но это легко для фраз, вроде «добро пожаловать», «я голоден», «надо поторопиться», это намного сложнее для понятий «гетеродин» и «аминокислота», даже если собеседники разбираются в этих явлениях. Когда же одна из сторон не понимает даже сути разговора, общение невозможно. Так было у меня с моими врачами. Даже если бы мы говорили по-английски, я бы их все равно не понял.

Радиостанция не получит отклика, если нет другой станции, приемника, работающего на той же волне. Я работал на другой волне.

И все же я понимал их, когда разговор не шел о слишком сложном. Это были милые существа; разговорчивые, смешливые, друг к другу доброжелательные. Различал я их с трудом, кроме Мамми. (Я узнал, что мы с Чибис для них так же отличались лишь тем, что я болел, а она нет.) Они же легко различали друг друга, их разговоры были пересыпаны музыкальными именами; в конце концов казалось, что звучит «Петя и волк» или опера Вагнера. Даже для меня у них была своя мелодия. Их язык звучал бодро и весело, как звуки яркого летнего рассвета.

В следующий раз, услышав канарейку, я пойму, о чем она поет, даже если она сама этого не знает.

Кое-что мне рассказывала Чибис; больничная койка — не лучшее место для изучения планеты. Гравитация Веги-5 почти как на Земле, условия для жизни — кислород, двуокись углерода и вода. Мы не смогли бы здесь жить — не только из-за убийственного «солнечного» ультрафиолета, но и из-за избытка озона. Чуть-чуть озона стимулирует, но избыток не лучше синильной кислоты. Было и еще что-то, кажется, закись азота, в больших количествах тоже гадость. В моей палате воздух кондиционировался; веганцы могли им дышать, но считали его безвкусным.

Кое-что выяснилось, когда Мамми попросила меня надиктовать, как я вляпался в эту историю. Когда я закончил, она попросила надиктовать все, что я знаю о Земле, об истории, и как мы вообще живем. Это была задачка... я до сих пор не диктую, пото-

му что вдруг обнаружил, что знаю-то я не так уж много. Взять древний Вавилон — кажется, он как-то связан с древним Египтом? О многом я имел лишь смутное представление.

Может, Чибис справилась бы лучше, она ведь помнит все слышанное или прочитанное — прямо как мой папа. Но им, наверное, не удавалось надолго удержать ее на одном месте, а я был прикован к постели. Задание это Мамми дала из тех же соображений, из которых мы изучаем австралийских аборигенов, и чтобы получить образец нашего языка. Была и еще одна причина.

Работа была нелегкой, но ко мне был приставлен веганец, который помогал мне, когда требовалось, и сразу останавливался, когда я уставал. Назовем его Профессор Джозеф Яйцеголовый; «Профессор» примерно соответствует его званию, а имя его не произнесешь. Я звал его Джо, а он высвистывал мелодию, которая означала «Клиффорд Расселл, обмороженный монстр». Талант понимания у Джо был почти как у Мамми. И все же как объяснить, что такое «тарифы» и «короли» существу, чей народ никогда не имел ни того ни другого? Английские слова звучали для него просто шумом.

Однако Джо знал историю народов множества планет и мог показывать цветные движущиеся стереокартины, среди которых я находил нужные аналогии. Дело двигалось, я диктовал серебристому шарику, плавающему у моего рта, а Джо, как кот, сворачивался клубочком на платформе вровень с моей кроватью, и диктовал конспект моих слов в другой микрофон. Микрофон был так устроен, что я не слышал ничего, пока Джо не обращался ко мне.

Потом мы спотыкались. Джо останавливался и показывал мне картинку с чем-то, как ему казалось, похожим на то, о чем я говорил. Картинки возникали в воздухе, я мог их рассматривать, как хотел: если я поворачивал голову, картинка смещалась. Это было цветное движущееся стереоизображение, живое и четкое — что ж, через каких-нибудь лет двадцать и мы этому научимся. Забавно, что картинки возникали прямо в воздухе, без видимого проектора,— но это лишь эффект стереооптики; и мы уже способны уместить реальный вид на Большой Каньон в аппаратик, умещающийся в ладони.

А вот что действительно впечатлило меня, так закулисная сторона всего этого. Я задал Джо вопрос. Он напел что-то своему микрофону, и мы промчались по их «Библиотеке Конгресса».

Папа утверждает, что библиотечное дело — основа всех наук, так же, как математика — ключ к ним, и что мы либо выживем, либо загнемся, в зависимости от того, насколько хорошо библиотекари справляются со своей работой. Профессия библиотекаря не казалась мне настолько сногсшибательной, но, возможно, папа говорил о не совсем очевидной истине.

В этой «библиотеке» сотни, а может, и тысячи веганцев просматривали изображения, слушали звукозаписи, и перед каждым находился серебристый шарик. Джо сказал, что они «записывают память». Это было что-то вроде заполнения карточек для библиотечного каталога, только в результате получалось что-то, больше напоминавшее нейронную цепочку памяти в мозгу — девять десятых этого здания занимал электронный мозг.

Я заметил треугольный знак, как у Мамми, но картинка быстро сменилась. Джо тоже носил такой знак (в отличие от других), но я не удосужился спросить, что он означает, потому что зрелище этой невероятной «библиотеки» увело нас к разговору о кибернетике. Позже я решил, что этот знак был чем-то вроде значка масонской ложи или ключика Фи-Бета-Каппа — Мамми была необыкновенно умна даже по веганским меркам, и Джо не намного от нее отставал.

Каждый раз, когда Джо был уверен, что понимает какое-нибудь английское слово, он потягивался от удовольствия, как щенок, которого почесали за ухом. Он полон достоинства, но такой жест не считается невоспитанностью у веганцев. Их тела такие струящиеся и подвижные, что они улыбаются и хмурятся всем телом. Если веганец совершенно неподвижен, он либо недоволен, либо чрезвычайно обеспокоен.

Занятия с Джо позволили мне, не вставая с кровати, увидеть многое. Картинки показали, чем отличается «начальная школа» от «университета». В «детском саду» я увидел веганца, увешанного малышами; они барахтались, как щенки колли, пробирающиеся к миске с молоком по головам своих сестренок и брати-

шек. А вот «университет» оказался местом, полным тихой прелести; странные деревья, травы и кустарники росли вокруг очаровательных зданий сюрреалистической архитектуры, ни на что не похожей; впрочем, я изумился бы, увидев нечто знакомое. Линии в большинстве плавные, а в «прямых» угадывалось, кажется, то неповторимое сочетание, которое греки называли «энтазис» — тонкая грация и сила.

Однажды Джо появился, сияя от удовольствия. Он принес еще один серебристый шар, крупнее прежних. Разместил его передо мной, и пропел своему шару:

«Послушай это, Кип!»

Тут же больший шар проговорил по-английски:

— Послушай это, Кип!

Извиваясь от восторга, Джо поменял шары и попросил меня сказать что-нибудь.

— Что же тебе сказать? — спросил я.

«Что же тебе сказать?» — повторил большой шар по-венгански.

Это был мой последний урок с Профессором Джо.

Несмотря на ненавязчивую помощь, несмотря на талант понимания Мамми, я был похож на доблестного ветерана в военной академии — принятого с почетом, но совершенно не подготовленного к усвоению курса. Я так и не разобрался в их правительстве. Да, у них было правительство, но не похожее ни на одну из известных мне систем. Джо имел представление о демократии, представительстве, голосовании и судопроизводстве; он мог выудить немало примеров с разных планет. Он считал, что демократия «хорошая система, для начала». Это звучало бы высокомерно, если бы им было свойственно высокомерие.

Я никогда не встречал их детей. Джо объяснил, что пока дети не научились пониманию и симпатии к незнакомцу, им не следует встречаться со «странными существами». Я мог бы обидеться на это, если бы сам уже не усвоил азы «симпатии и понимания». В самом деле, если бы десятилетний землянин увидел веганца, он бы либо убежал, либо принялся тыкать в него палкой.

Я попытался узнать у Мамми об их правительстве, о том, как они поддерживают гражданский порядок, о законах, преступлениях, наказаниях, правилах дорожного движения и прочем.

Это был, можно сказать, швах. Она долго размышляла, потом ответила: «Как же можно поступать во вред себе?»

Думаю, их величайшим недостатком было полное отсутствие недостатков. Это ведь может надоесть.

Медики заинтересовались лекарствами в шлеме Оскара — так мы интересуемся травами лекаря-колдуна. Правда это не совсем праздный интерес; вспомните о наперстянке и кураре.

Я рассказал им, каково действие каждого лекарства; в большинстве случаев наряду с коммерческим названием я знал его химический состав. Я знал, что кодеин получают из опиума, а опиум из мака. Я знал, что декседрин — сульфат чего-то, но на этом мои знания кончались. Органическая химия и биохимия сложны даже без языкового барьера.

Мы разобрались, что такое бензольное кольцо, когда Чибис нарисовала его и продемонстрировала свое двухдолларовое колечко; также мы договорились о понятиях «элемент», «изотоп», «период полураспада» и «периодическая система». Я хотел, руками Чибис, нарисовать формулы,— но никто из нас не имел ни малейшего представления о структурной формуле кодеина; мы не смогли сделать этого, даже когда нас снабдили детскими игрушками в виде «кубиков», которые соединялись друг с другом только в соответствии с валентностью элементов, которые они представляли.

Чибис отвела душу. Возможно, они от нее узнали немного; зато она много узнала от них.

В какой-то момент я понял, что Мамми не была или не совсем была, существом женского пола. Но это и не важно; быть мамой — это вопрос отношения, а не биологической принадлежности.

Если бы Ной спускал свой ковчег на Веге Пять, каждой твари пришлось бы взять по дюжине. Жизнь это усложняет. Но Мамми — это существо, чье предназначение — забота. Возможно, Мамми бывают разного пола; возможно, это зависит от свойств характера.

Я познакомился с одним веганцем «отцовского типа». Его можно назвать «губернатором» или «мэром», но ближе будет «приходской священник» или «скаутмастер», вот только власть его распространялась на целый континент. Он вошел к нам с Джо во время занятия, поприсутствовал минут пять, призвал Джо хорошо выполнять свои обязанности, велел мне поправляться, быть хорошим мальчиком и степенно отбыл. Он вселил в меня чувство уверенности в себе — как папа,— и мне без объяснений стало ясно, что он «отцовский тип». Было что-то в его посещении от «визита в госпиталь августейшей особы», но без всякой снисходительности — и, ведь без сомнения, трудно было втиснуть в плотное расписание визит в мою палату.

Джо не проявлял ко мне ни материнских, ни отцовских чувств; он обучал меня и изучал меня. Он был «промежуточный тип».

Однажды Чибис прискакала ко мне, бурля. Встала в позу манекена.

— Как тебе мой новый весенний прикид?

На ней был облегающий серебристый комбинезон, на спине горбик, вроде рюкзачка. Выглядела она миленько, но не сногсшибательно, потому что сложена была как щепка, что этот наряд только подчеркивал.

— Очень неплохо,— сказал я.— Учишься на акробата?

— Глупый ты, Кип; это мой новый скафандр — на этот раз настоящий.

Я взглянул на Оскара, огромного и неуклюжего, во весь шкафчик, и тихонько сказал ему:

«Слышал, старик?»

«Да, брат, дела...»

— А как шлем пристегивается?

Она хихикнула:

— А я в шлеме.

— Да ну? Новый наряд короля?

— Почти угадал. Кип, отбрось свои предрассудки и слушай. Этот скафандр такой же, как у Мамми, только сделан специально для меня. Мой старый был не ахти — а тот жуткий холод совсем его прикончил. А этот — чудо! Вот, например, шлем. Он на

мне, но его не видно. Силовое поле. Не пропускает газ ни внутрь, ни наружу.— Она подошла поближе.— Шлепни меня.

— Чем?

— Ой, я и забыла. Кип, скорее выздоравливай и выбирайся из этой кровати. Хочу повести тебя на прогулку.

— Я-то не против. Говорят, уже скоро.

— Хорошо, если так. Вот, смотри,— она шлепнула себя по щеке. В нескольких дюймах от лица ее рука с чем-то столкнулась.

— А теперь смотри,— продолжала она. Очень медленно она поднесла руку к лицу. Рука прошла сквозь незримый барьер. Чибис показала мне «нос» и захихикала.

Это впечатляло — скафандр, в который можно проникнуть! Я смог бы передать Чибис и воду, и декседрин, и глюкозу, когда ей было нужно.

— Черт побери! Как он устроен?

— На спине, под запасом воздуха, набор батарей. Воздуха хватает на неделю, не надо беспокоиться о шлангах, потому что их нет.

— Хм, а если поле отключится? Надышишься вакуумом.

— Мамми уверяет, что такого быть не может.

Хм-м... Мамми никогда не ошибалась, когда говорила с такой уверенностью.

— И это еще не все,— продолжала Чибис.— Он как вторая кожа, сочленения не мешают, тебе никогда не жарко и не холодно. Просто как верхняя одежда.

— Ну а если обгоришь? Это вредно, сама говорила. Даже на Луне вредно.

— Ну нет! Поле поляризует. Это такое поле, специальное. Кип, пусть тебе сделают такой же — погуляем!

Я взглянул на Оскара.

«Развлекайся, парень,— сказал он отстраненно.— Я не ревную».

— Понимаешь, Чибис, я придерживаюсь того, в чем разбираюсь. Конечно, интересно было бы опробовать этот твой мартышкин костюмчик...

— Сам ты мартышка!

Однажды утром я проснулся, перевернулся на другой бок и понял, что голоден.

Тогда я рывком сел. Я ведь перевернулся в кровати.

Меня предупреждали, что ждать осталось недолго. «Кровать» превратилась в кровать, а я снова стал хозяином своего тела. Более того, я хотел есть, а ведь я не чувствовал голода ни разу с тех пор, как попал на Вегу Пять. «Кровать» была так устроена, что каким-то хитроумным способом питала меня без еды.

Я не стал долго радоваться этой роскоши — ощущать себя голодным; так чудесно снова ощущать все тело, а не только голову. Я выбрался из кровати, почувствовал головокружение, переждал его и ухмыльнулся. Руки! Ноги!

Я исследовал мои замечательные конечности. Они оказались целыми и невредимыми.

Я присмотрелся повнимательнее. Кое-что все же изменилось.

Раньше на левой ноге у меня был шрам, который я заработал еще в детстве. Шрам исчез. Давным-давно, на карнавале, я сделал татуировку «Мама» на левом предплечье. Мама очень расстроилась, папа скривился от отвращения, но велел сохранить напоминание о моей глупости. Татуировка исчезла.

И с рук и с ног исчезли мозоли.

Я, бывало, обкусывал ногти. Ногти оказались чуть длинноваты, но безукоризненны. Уже давно я потерял ноготь на мизинце правой ноги, когда поскользнулся, опуская топор. Ноготь был на месте.

Я поспешно глянул на шрам от аппендицита — нашел его и вздохнул с облегчением. Если бы и его не оказалось, я бы, наверное, усомнился, что я — это я.

Зеркало над комодом отразило меня с такими патлами, что впору выступать на эстраде. Обычно я стригусь под бокс. Однако меня побрили.

На комоде лежали доллар и 67 центов, механический карандаш, листок бумаги, мои часы и носовой платок. Часы шли. Банкнота, бумажка и носовой платок были выстираны.

Моя одежда, безукоризненно чистая и незаметно заштопанная, лежала на столе. Носки были не мои; ткань на ощупь напоминала войлок, если есть войлок, который не толще салфетки, и не рвется при растягивании. На полу стояли кроссовки, точно такие же, как у Чибис, но моего размера, и тоже из войлока, потолще. Я оделся.

Я оглядывал себя в зеркале, когда Чибис пинком распахнула дверь.

— Кто-нибудь дома? — она вошла, неся поднос.— Хочешь завтракать?

— Чибис! Посмотри на меня!

Она посмотрела.

— Неплохо,— признала она,— за гуманоида сойдешь. Тебе надо постричься.

— Да, но разве это не чудо! Я целехонек!

— Ты никогда и не разваливался,— сказала она,— разве что местами; у меня есть ежедневные отчеты. Куда поставить?

Она поставила поднос на стол.

— Чибис,— сказал я, задетый за живое,— тебя совсем не волнует, что я поправился?

— Конечно, волнует. Стала бы я просить у них разрешения принести тебе завтрак? Да я еще вчера знала, что тебя собираются откупорить. Кто, думаешь, постриг тебе ногти и побрил тебя? С тебя доллар. Бритье дорожает.

Я достал несчастный доллар и протянул ей. Она не взяла:

— Ты что, шуток не понимаешь?

— «Ни кредитором будь, ни должником...»

— Полоний. Старый тупой зануда. Кип, чтобы я взяла у тебя последний доллар!

— Ну и кто не понимает шуток?

— Давай ешь свой завтрак,— сказала она.— Этот пурпурный сок на вкус, как апельсиновый — очень вкусно. Штука, похожая на яичницу — имитация, я попросила покрасить ее в желтый цвет — яйца здесь *ужасные*. Это неудивительно, если знать, откуда их берут. Вот эта маслянистая субстанция — растительный жир, тоже подкрашенный. Хлеб — он и есть хлеб, сама поджаривала. Соль тоже настоящая, только они удивились, что мы ее едим — для них она ядовита. Шуруй; все проверяли на мне. Кофе нет.

— Страдать не буду.

— Я его вообще не пью — хочу подрасти. Ешь. Тебе специально понизили уровень сахара в крови, чтобы ты проголодался.

Аромат был замечательный.

— А твой завтрак где, Чибис?

— Я уже поела. Буду смотреть на тебя и глотать слюнки.

На вкус еда казалась странной, но пришлась, как доктор прописал — в данном случае, наверное, буквально. Никогда не получал такого удовольствия от пищи.

Наконец я перевел дыхание:

— Надо же, нож, вилка! Ложки!

— Единственные на всей... — она пропела название планеты.— Мне надоело есть руками, а с их приспособлениями это не еда, а сплошная игра в серсо. Пришлось нарисовать картинки. Это мой набор, но мы еще закажем.

Была даже салфетка, тоже волокнистая. Вода на вкус казалась дистиллированной, но это неважно.

— Чибис, как ты меня побрила? Нигде ни царапинки.

— Маленькой такой штуковиной, дает бритве сто очков вперед. Не знаю, для чего она здесь, но если запатентуешь, станешь миллионером. Будешь доедать этот гренок?

— Уф-ф... — мне казалось поначалу, что съем все вместе с подносом.— Нет, я наелся.

— Тогда я доем,— она макнула гренок в «масло», и объявила: — Я ухожу!

— Куда?

— Одеваться. Буду тебя выгуливать.— Она ушла.

Настоящей была лишь часть коридора, видимая с кровати, зато дверь слева вела в ванную, как и положено. Никто не удосужился сделать ее похожей на земную, свет и вода включались по-вегански, но удобно.

Чибис вернулась, когда я проверял Оскара. Если они его с меня срезали, то починили изумительно; я не заметил даже мною поставленных заплаток. Его вычистили так тщательно, что внутри вообще ничем не пахло. Он содержал трехчасовой запас воздуха и был абсолютно исправен.

«Ты в хорошей форме, напарник».

«В самый раз! Тут шикарный сервис».

«Это я заметил».

Я поднял глаза и увидел Чибис; она уже надела своей «весенний прикид».

— Чибис, а просто погулять, без скафандра, можно?

— Можно обойтись респиратором, темными очками и солнечным зонтиком.

— Ты меня убедила. Слушай, а где Мадам Помпадур? Как ты прячешь ее под этим скафандром?

— Очень просто; только она чуть-чуть выпирает. Сейчас я оставила ее в моей комнате и велела вести себя хорошо.

— Послушается?

— Наверное, нет. Она вся в меня.

— А где твоя комната?

— Рядом. Это единственная часть здания, где созданы земные условия.

Я начал облачаться в скафандр.

— Слушай, а в этом твоем крутом костюмчике есть рация?

— Все, что в твоем и сверх того. Не заметил ничего нового в Оскаре?

— Нового? Его починили и почистили. Что ж еще?

— Самая малость. Лишний раз переключи антенны и сможешь говорить с людьми, лишенными рации, не повышая голоса.

— Я не заметил репродуктора.

— Здесь не считают, что аппарат обязан быть громоздким.

Когда мы проходили мимо комнаты Чибис, я заглянул в открытую дверь. Она была обставлена не в веганском стиле; веганские интерьеры я видел на стерео. Не повторяла и ее земную комнату — надо думать, ее родители — люди в здравом уме. Не знаю, как назвать этот стиль... какой-то «мавританский гарем» в грезах Безумного Людовика, пополам с Диснейлендом.

Я промолчал. Похоже, Мамми хотела и меня, и Чибис устроить «точно, как дома»,— но Чибис с ее фантазиями чересчур занесло...

Сомневаюсь, что ей удалось обвести Мамми вокруг пальца хоть на долю секунды. Она, наверное, снисходительно пропела что-нибудь, и Чибис развернулась от души.

Дом Мамми был чуть поменьше, чем здание правительства нашего штата; родственников в ее семье насчитывалось несколько десятков, а то и сотен,— при их сложных родственных связях понятие «семья» здесь весьма растяжимое. На нашем этаже дети не попадались, я знал, что их держат подальше от «монстров».

Все взрослые приветствовали меня, справлялись о здоровье, поздравляли с выздоровлением; я то и дело повторял: «Хорошо, спасибо! Лучше не бывает».

Все они были знакомы с Чибис, а она могла высвистывать их имена.

Мне показалось, что я узнал одного из моих лекарей, но уверенно я узнавал только Мамми, Профессора Джо и старшего врача, а их мы не встретили.

Мы шли дальше. Обстановка у Мамми была самая обычная — на голом полу, гладком и упругом, множество мягких банкеток около фута высотой и футов четырех в диаметре — местных кроватей и стульев. Прочая мебель расположена на стенах, куда так удобно карабкаться по разным шестам и столбикам; растения там и сям, будто островки джунглей в комнате — очаровательно, удобно, как корсет.

Через ряд параболических арок мы вышли на балкон. Перил на нем не было, а расстояние до нижней террасы футов 75. Я отступил и снова пожалел, что у Оскара нет окошка под подбородком. Чибис подошла к краю, взялась за тонкую колонну и глянула вниз. В ярком уличном свете ее «шлем» выглядел мерцающей сферой.

— Иди посмотри!

— И сломай шею? Может, ты меня столкнешь.

— Кто-то боится высоты?

— Я, если не вижу, что под ногами.

— Господи, да возьми меня за руку и держись за столбик.

Она подвела меня к краю, и я заглянул вниз.

Это был город в джунглях. Густая темная зелень, такая спутанная, что невозможно было отличить деревья от лиан и кустов, расстилалась кругом. Над ней возвышались здания, такие, в котором мы находились, и еще большие. Дорог не было видно; все дороги располагались под землей. В небе порхали летуны на чем-то вроде одноместных вертолетиков, выглядящих легче ковра-самолета. Они взлетали, как птицы, и опускались на такие же, как наш, балкончики.

Летали и настоящие птицы, длинные и стройные, с ярким оперением, и двумя парами крыльев — эта аэродинамическая нелепость их, кажется, устраивала.

Небо было голубым и чистым, если не считать громоздившихся вдали кучевых облаков, слепяще белых даже в отдалении.

— Полезли на крышу,— предложила Чибис.

— Как?

— Вон там.

К люку в потолке вели расположенные в шахматном порядке тонкие скобы, которыми веганцы пользуются вместо лестниц.

— А трапа нет?

— Есть, с другой стороны.

— Боюсь, эти штуки меня не выдержат. И Оскар в люк не пролезет.

— Не будь такой нюней,— Чибис полезла вверх, как мартышка.

Я, как усталый медведь, последовал за ней. Изящные скобы оказались прочными; отверстие пришлось как раз по мне.

Высоко в небе стояла Вега.

Угловые размеры ее соответствовали солнечным. Это и понятно — мы отстояли от Веги намного дальше, чем Земля от Солнца. Даже полностью поляризованный, ее свет слепил. Я отвернулся, выждал, когда отдохнут глаза и приспособятся поляризаторы, и вновь начал видеть.

Голова Чибис скрывалась под сферой, сделанной, казалось, из полированного хрома.

— Эй, ты еще там?

— Ну да,— ответила она.— Я нормально вижу. Великолепный вид. Правда, похоже на Париж с вершины Триумфальной арки?

— Не знаю, мне не приходилось путешествовать.

— Вот только бульваров здесь нет. А вон кто-то прилетел.

Я повернулся туда, куда она показывала — она-то видела во всех направлениях, а меня ограничивал иллюминатор скафандра. Пока я поворачивался, веганец успел подойти к нам.

«Привет, ребята!»

«Привет, Мамми!» — Чибис обняла ее и подхватила на руки.

«Не так быстро, милая. Дай мне снять это».— Мамми сбросила свою летательную сбрую, мелко встряхнулась, сложила ее, как зонтик, и повесила на руку.— «Ты хорошо выглядишь, Кип».

— Я замечательно себя чувствую, Мамми! Как здорово, что ты вернулась!

«Жаль, меня не было, когда ты покидал кровать. Но врачи докладывали мне каждую минуту.– Она положила свою маленькую ладонь мне на грудь, для чего ей пришлось привстать на цыпочки, и приблизила лицо к моему шлему.– Все в порядке?»

– Лучше не бывает.

– В самом деле, Мамми!

«Хорошо. Ты утверждаешь, что ты в порядке, я чувствую то же самое, Чибис тоже уверена, что ты в порядке, а важнее всего, что в этом уверен твой главный лечащий врач. Отправляемся немедленно».

– Что-что? – спросил я.– Куда, Мамми?

Она повернулась к Чибис.

«Разве ты ему не сказала, дорогая?»

– Но, Мамми, у меня не было ни малейшей возможности.

«Очень хорошо,– она повернулась ко мне.– Милый Кип, мы должны сейчас отправиться на собрание. Обсудим вопросы, примем решения, – она обратилась к нам обоим: – Вы готовы отправиться?»

– Прямо сейчас? – спросила Чибис.– Ну, наверное... только мне надо взять Мадам Помпадур.

«Тогда сходи за ней. А ты, Кип?»

– Хм... – я не помнил, надел ли я после ванны часы, а прощупать сквозь Оскара не мог. Так я и сказал Мамми.

«Очень хорошо. Вы, ребята, бегите к себе в комнаты, а я вызову корабль. Встретимся здесь, только не останавливайтесь, чтобы полюбоваться цветами».

Мы спустились по трапу.

– Чибис, ты снова утаила информацию.

– Вовсе нет.

– А как еще это назвать?

– Кип – но послушай! Мне не велели тебе говорить, пока ты болел. Мамми велела, со всей твердостью. Тебя нельзя беспокоить – так она и сказала! – пока ты не поправишься.

– А с чего мне беспокоиться? Что все это значит? Что за собрание? Что за вопросы?

– Ну... собрание – это вроде суда. Уголовного суда, можно сказать.

— Да? — я бросил быстрый взгляд на свою совесть. У меня просто не было возможности совершить что-либо незаконное — еще два часа назад я был беспомощным, как ребенок. Оставалась Чибис.

— Коротышка,— сурово сказал я,— колись. Что ты на этот раз натворила?

— Я? Ничего.

— Подумай хорошенько.

— Ничего, Кип. Извини, что не сказала тебе за завтраком! Но папа всегда повторяет, чтобы я не сообщала ему никаких новостей, пока он не выпьет вторую чашку кофе, и я подумала, как здорово будет совершить маленькую прогулку перед тем, как начнутся неприятности, и уже собиралась сказать тебе...

— Короче.

— ...как только спустимся. Я ничего не сделала. Это старина Сколопендер.

— Что? Я думал, он давно мертв.

— Может, да, может, нет. Но, как сказала Мамми, осталось ответить на некоторые вопросы и принять некоторые решения. На это он еще пригоден, мне кажется.

Я размышлял об этом, пока мы двигались через странные апартаменты к шлюзу, за которым скрывались наши комнаты с земными условиями. Серьезнейшие преступления и правонарушения... межзвездное мошенничество... Да, Сколопендера, вполне можно судить. Если веганцы его поймают. Значит, поймали, раз собираются судить.

— Но мы-то там каким боком? В качестве свидетелей?

— Пожалуй, так.

Мне вообще-то наплевать на судьбу Сколопендера, но передо мной прекрасная возможность больше узнать о веганцах. Особенно если суд будет происходить далеко отсюда. Мы проедем по стране и многое увидим.

— Но это еще не все,— озабоченно продолжала Чибис.

— Что еще?

Она вздохнула.

— Поэтому-то я и хотела, чтобы мы сначала налюбовались этой красотой. Ох...

— Не тяни. Говори прямо.

— Ну... нас тоже будут судить.

— Что?

— Может, лучше сказать «допрашивать». Не знаю. Я знаю одно: нас не отпустят домой, пока суд не вынесет свое решение.

— Но мы-то что такого сделали? — взорвался я.

— Я не знаю!

Я начал кипятиться.

— Ты уверена, что после этого нас отпустят домой?

— Мамми отказывается об этом говорить.

Я остановился и взял ее за руку.

— Это означает,— сказал я с горечью,— что мы под арестом. Так?

— Да... — добавила она, всхлипывая.— Кип, я же говорила тебе, что она полицейский!

— Замечательно. Мы таскаем ей каштаны из огня — а теперь нас арестовывают — и собираются судить,— а мы даже не знаем, за что! Хорошенькое местечко, эта Вега Пять. «Дружелюбные туземцы». Они меня выходили! Так мы выхаживаем гангстера, чтобы потом повесить.

— Но, Кип... — ревмя заревела Чибис.— Я уверена, что все будет хорошо. Хоть она и полицейский — но она же Мамми.

— В самом деле? Удивительно.

Поведение Чибис расходилось с ее словами. Она не беспокоится по пустякам.

Мои часы были на полочке в ванной. Я расстегнул скафандр, чтобы положить их во внутренний карман. Когда я вышел, Чибис делала то же самое с Мадам Помпадур.

— Эй,— сказал я.— Давай ее мне. У меня больше места.

— Нет, спасибо,— уныло ответила Чибис.— Она нужна мне здесь. Особенно теперь.

— Ну, Чибис, и где этот суд? В этом городе? Или в другом?

— Разве я тебе не сказала? Нет, не сказала. Он не на этой планете.

— Я думал, это единственная населенная...

— Он не в системе Веги. Около другой звезды. Даже не в нашей Галактике.

— Что ты сказала?

— Она где-то в Малом Магеллановом Облаке.

Глава 10

Я не стал сопротивляться — за сто шестьдесят триллионов миль от дома это бессмысленно. Но я не разговаривал с Мамми, когда садился в ее корабль.

Он выглядел как допотопный улей, настолько маленький, что казалось, с нами до космического порта он не дотянет. Мы с Чибис скрючились на полу, Мамми свернулась клубочком впереди и что-то передвинула на блестящем приспособлении, похожем на счеты; мы взлетели.

Через несколько минут злость моя прошла стадию угрюмости и потребовала немедленных объяснений.

— Мамми!

«Минутку, милый. Дай мне вывести корабль из атмосферы».

Она толкнула какой-то рычаг, корабль дернулся и стабилизировался.

— Мамми,— повторил я.

«Подожди, пока я посажу его».

Пришлось ждать. Приставать к пилоту так же глупо, как хвататься за руль автомобиля. Маленький кораблик потряхивало; наверху был, должно быть, порывистый ветер. Но пилотировала она уверенно.

Мягкий толчок, и я решил, что мы, видимо, прибыли в космопорт. Мамми повернула голову.

«Все в порядке, Кип, я чувствую твой страх и обиду. Станет ли тебе легче, если я скажу, что вам обоим не грозит никакая опасность? Что я буду защищать вас ценой моей жизни? Так же, как вы защищали меня?»

— Да, но...

«Тогда подожди. Легче показать, чем объяснить. Не закрывай шлем. Воздух на этой планете такой же, как у вас».

— Что? Хочешь сказать, мы уже там?

— Я тебе говорила,— вякнула под руку Чибис.— Р-раз! И ты там.

Я не ответил. Я ломал голову, как далеко от дома нас занесло.

«Пойдемте, ребята».

Мы отправлялись в полдень, высадились ночью. Корабль стоял на платформе, край которой терялся из виду. Звезды складывались в незнакомые созвездия; слева направо к горизонту опускалась узкая полоска, которую я счел Млечным Путем.

Так что Чибис перегнула — мы были далеко от дома, но все же в нашей Галактике; быть может, просто перелетели на ночную сторону Веги Пять.

Я услышал, как Чибис охнула, и повернулся.

У меня не хватило сил даже охнуть.

Занимая полнеба, над нами висел водоворот из миллионов, возможно, миллиардов звезд.

Видели ли вы изображения Большой Туманности Андромеды — гигантской спирали из двух изогнутых рукавов, видимой под углом? Из всех чудес неба она самая прекрасная. Здесь было похоже.

Только не фотографию мы видели, не в телескоп смотрели; мы были так близко (если можно так выразиться), что звездная спираль раскинулась через небосвод вдвое шире, чем Большая Медведица на земном небе; так близко, что отчетливо было видно и центральное ядро, и обе огромные сплетающиеся ветви. Она висела под углом, и казалась эллипсом, как и М31 в Андромеде; и чувствовалась ее глубина, и ощущалась форма.

Вот тогда до меня дошло, как далеко я от дома. Дом был там, наверху, затерянный среди миллиардов звезд.

Чуть позже я заметил справа еще одну двойную спираль, почти столь же широкую, но сильнее наклонившуюся и тусклую — бледную тень нашей роскошной Галактики. Я не сразу, но догадался, что это Большое Магеллланово Облако — раз уж мы находимся в Малом, и если этот могучий звездный водоворот — наша собственная Галактика. То, что я посчитал «Млечным Путем», оказалось просто одним из многих таких млечных путей: «Малое Облако, вид изнутри».

Я повернулся и снова взглянул на него. У него были те же контуры дороги, пролегающей через небо, но рядом с нашим Млечным

Путем он выглядел бледным снятым молоком: примерно как наш Млечный Путь пасмурной ночью.

Уж не знаю, как Магеллановы Облака смотрятся с Земли, я не ездил южнее Рио Гранде. Но я знал, что каждое Облако — отдельная галактика, меньше нашей, но сопряженная с ней.

Я снова взглянул на нашу сверкающую спираль и ощутил такую тоску по дому, какой не чувствовал лет с шести.

Чибис льнула к Мамми, ища утешения. Та вытянулась и обняла ее.

«Ну, ну, милая! То же было и со мной, когда я, совсем маленькая, увидела это впервые».

— Мамми? — жалостливо сказала Чибис.— Где наш *дом*?

«Видишь вон там, справа, где исчезает внешняя ветвь? Мы прилетели из района, отстоящего от центра на две трети».

— Нет, нет! Не Вега. Я хочу узнать, где *Солнце*!

«А, ваша звезда... Милая, на таком расстоянии это все равно».

Мы узнали, сколько от Солнца до планеты Ланадор — 167 000 световых лет. Мамми не смогла сказать сразу, потому что не знала, какой период времени мы называем годом — временем обращения Земли вокруг Солнца (это число ей понадобилось лишь однажды, и запоминать его имело смысл не больший, чем цену на арахис в Перте). Однако она знала расстояние от Веги до Земли и могла сказать, во сколько раз дальше от Ланадора до Веги — в шесть тысяч сто девяносто раз. 6190 умножить на 27 световых лет — получаем 167 000 световых лет. Она любезно перевела все числа в десятичную систему, не используя «пять факториал» (когда $1 \times 2 \times 3 \times 4 \times 5$ равняется 120), как делают веганцы. 167 000 световых лет — это $9{,}82 \times 10^{17}$ миль. Округлим 9,82 до десяти. Получаем 10^{18} миль — расстояние от Веги до Ланадора (или от Солнца до Ланадора; Солнце и Вега в таком масштабе кажутся ближайшими соседями).

Тысяча миллионов миллиардов миль.

Я отказываюсь иметь что-либо общее с этим грандиозным числом. Может быть, это и «немного» по меркам космоса, но, в конце концов, в мозгу могут и пробки перегореть.

Платформа, на которой мы стояли, оказалась крышей огромного треугольного здания, со сторонами в несколько миль. Изображения этого треугольника с удвоенной спиралью в каждом из углов нам попадались постоянно. Такой же знак как украшение носила Мамми.

Этот символ означал: «Три Галактики, один закон».

Изложу все, что узнал, вкратце: Три Галактики — объединение, похожее на нашу Организацию Объединенных Наций, или Лигу Наций. На Ланадоре находятся офисы, архивы и суды этой организации — это столица Лиги, как Нью-Йорк или когда-то Швейцария. Так сложилось исторически; народ Ланадора — это Древняя Раса; здесь начиналась цивилизация.

Три Галактики — группа островов, как Гавайи, соседей поблизости у них нет. Цивилизация распространилась по всему Малому Облаку, потом по всему Большому, а теперь постепенно проникает в нашу Галактику, правда медленнее. В нашей Галактике в 15–20 раз больше звезд, чем в двух первых.

Когда я все это осознал, мне стало совсем худо. Мамми была очень важной персоной у себя дома, но здесь она всего лишь мелкая сошка. Все, что она могла сделать — привезти нас. И все же некоторое время я сохранял холодную вежливость — могла бы притвориться, что смотрит в другую сторону, а мы бы смылись домой.

Нас поместили в ту часть огромного здания, которую можно назвать «отелем для транзитных пассажиров», хотя «пересыльная тюрьма» или «барак» было бы точнее. Не могу пожаловаться на условия содержания, но порядком надоело, что каждый раз, прибыв на новое место, я оказываюсь в заточении. Встретил нас робот и проводил далеко вниз — на Ланадоре роботы на каждом шагу. Они не похожи на Железного Дровосека; это устройства, заменяющие людей, как тот, что довел нас до наших комнат, и болтался потом поблизости, как коридорный в ожидании чаевых. Он являл собой трехколесную тележку с большой корзиной наверху, на случай, если бы у нас был багаж. Он встретил нас, просвистел что-то Мамми по-веганski и повел. Мы спустились на лифте и прошли по широкому и бесконечно длинному коридору.

Я снова оказался в «моей» комнате — копия с копии, сохранившая все прошлые огрехи с прибавкой новых. Вид ее не внушал оптимизма; она будто кричала, что они собираются держать нас здесь до... — ну, сколько им заблагорассудится.

Однако в комнате было все необходимое, вплоть до вешалки Оскара и ванной. Рядом с «моей» комнатой располагалась другая подделка — копия того ужаса из «Тысячи и одной ночи», в котором Чибис жила на Веге Пять. Чибис, казалось, была довольна, и я обошелся без комментариев.

Пока мы вылезали из скафандров, Мамми околачивалась вокруг.

«Вам здесь будет удобно?»

— Да, конечно,— отозвался я без энтузиазма.

«Если нужна будет еда или что-то еще, просто скажите. Все появится».

— Вот как? Здесь есть телефон?

«Просто скажите о своих желаниях. Вас услышат».

В этом я не сомневался — но устал и от комнат, напичканных жучками, и от пребывания взаперти; человек имеет право на частную жизнь.

— Я хочу есть,— сказала Чибис.— Завтрак был уже давно.

Мы сидели у нее в комнате. Отодвинулся пурпурный занавес, стена замерцала. Примерно через две минуты часть стены исчезла; на высоте столика высунулась, как язык, подставка. На ней стояли тарелки, приборы, холодные закуски, фрукты, хлеб, масло и кружка дымящегося какао. Чибис захлопала в ладоши и завизжала. Я скептически посмотрел на все это.

«Видите? — продолжала Мамми с улыбкой в голосе.— Просите все, что пожелаете. Если я вам понадоблюсь, я приду. А сейчас мне нужно идти».

— Мамми, не уходи, пожалуйста.

«Я должна, милая Чибис. Но скоро мы увидимся. Кстати, здесь еще двое ваших соплеменников».

— Что? — встрял я.— Кто? Где?

«По соседству».

Она скользнула прочь; робот кинулся, стараясь оставаться впереди нее.

Я обернулся.

— Ты слышала?

— Конечно!

— Ты ешь, ешь, если тебе хочется. А мне хочется посмотреть на этих землян.

— Эй! Подожди меня!

— Ты, кажется, есть хотела.

— Ну...— Чибис посмотрела на еду.— Одну секунду,— она торопливо намазала маслом два кусочка хлеба, протянула один мне. Я не особенно торопился, так что съел его. Чибис прожевала свой кусок, сделала глоток из кружки и предложила мне.— Хочешь хлебнуть?

Это было не совсем какао, так как отдавало мясом. Но было вкусно. Я отдал ей кружку, и она прикончила остальное.

— Теперь я готова драться с пантерами. Пошли, Кип.

«По соседству» означало через прихожую нашего трехкомнатного обиталища и пятнадцать ярдов по коридору, за дверной аркой. Я оттеснил Чибис за спину и осторожно заглянул.

Там была диорама, искусственный пейзаж.

Сделано было лучше, чем в музеях. Я смотрел из кустов на небольшую полянку в дикой глухомани. С другой стороны возвышалась известняковая стена. Виднелось обложенное небо и пещера в скалах. Почва казалась сырой, как после дождя.

У пещеры на корточках сидел пещерный человек. Он обгладывал кости какого-то мелкого зверька, возможно, белки.

Чибис попыталась втиснуться рядом; я отпихнул ее. Казалось, пещерный человек не замечал нас,— и к лучшему, подумал я. Несмотря на короткие ноги, весил он думаю, вдвое больше меня. Развитые, как у штангиста, мышцы, короткие и волосатые предплечья, узловатые бицепсы и ляжки. У него была огромная голова, больше и длиннее моей, с маленьким лоб и маленьким подбородком. Огромные желтые зубы, один передний сломан. Я слышал хруст костей.

В музее висела бы табличка: «Неандерталец, последний ледниковый период». Но музейные экспонаты не грызут костей.

Чибис уперлась:

— Ну, дай посмотреть.

Он услышал. Чибис уставилась на него, он уставился на нас. Чибис взвизгнула; он повернулся и побежал к пещере, косолапо, но быстро.

Я схватил Чибис:

— Пойдем отсюда!

— Не торопись,— спокойно сказала она.— Он не скоро вылезет,— она попыталась раздвинуть кусты.

— Чибис!

— Попробуй-ка,— она постучала по воздуху.— Они его заперли.

Проход в арке был перекрыт невидимой преградой. От моих усилий она подавалась, но не более чем на дюйм.

— Пластик? — предположил я.— Как оргстекло, только более упругий?

— М-м-м...— сказала Чибис.— Больше похоже на шлем моего скафандра. Но, прочнее... и могу поспорить, что пропускает свет только в одну сторону. Вряд ли он нас видел.

— Ладно, пошли обратно. Может быть, сможем запереться в комнатах.

Она продолжала ощупывать барьер.

— Чибис! — резко сказал я.— Ты меня не слушаешь.

— Зачем же ты говоришь,— резонно ответствовала она.— Раз я не слушаю?

— Чибис! Не время пререкаться.

— Говоришь, как мой папа. Слушай, он сейчас выйдет, он же потерял крысу, которую жевал.

— Если он вылезет, тебя здесь уже не будет, потому что я тебя утащу — а вздумаешь кусаться, я тебя сам укушу. Имей в виду.

Она с досадой повернула голову.

— А вот я не стала бы кусать тебя, Кип, что бы ты ни вытворял. Но раз уж ты так уперся — ладно. Вряд ли он за час вылезет. Еще вернемся.

— Хорошо,— я потащил ее прочь.

Но смыться не вышло. Я услышал громкий свист и крик:

— Эй, чудик! Эй, ты!

Слова были не английские, но я достаточно хорошо его понял. Вопль исходил от следующей по коридору арки. Я помедлил, а потом двинулся к арке, тем более что Чибис была уже там.

В дверях маячил мужчина лет сорока пяти. Не неандерталец; он был цивилизованным — кажется. Он был одет в длинную тяжелую шерстяную тунику, подпоясанную так, что получалось подобие юбки. Ноги, обернутые шерстяной тканью, обуты в тяжелые, сильно поношенные, короткие сапоги. У пояса висел на портупее короткий, тяжелый меч; с другого бока болтался кинжал. Волосы короткие, на щеках седая трехдневная щетина. Лицо не дружелюбное, не злобное — просто настороженное.

— Спасибо,— сказал он хрипло.— Ты тюремщик?

Чибис ахнула:

— Да это же латынь!

Как надо поступить, когда вслед за троглодитом встречаешь легионера? Я ответил:

— Нет, я сам заключенный.

Это я произнес на испанском и повторил на очень приличной классической латыни. Я воспользовался испанским, потому что Чибис немного ошиблась. Это была не совсем латынь, не латынь Овидия или Гая Юлия Цезаря. Но и не испанский. Скорее что-то среднее, со страшным акцентом и прочими нюансами. Но общий смысл я понимал.

Он пожевал губу и сказал:

— Плохо. Третий день пытаюсь воззвать к страже, а явился заключенный. Но такова судьба. Слушай, у тебя странный выговор.

— Извини, амиго, мне тоже нелегко тебя понимать,— затем я повторил это на латыни, потом прикинул различия и добавил на самодельном промежуточном наречии: — Говори помедленнее, хорошо?

— Я говорю так, как желаю. И не смей называть меня «амиго»; я римский гражданин, поберегись.

Это, конечно, вольный перевод. Думаю, его совет звучал грубее. Он был похож на одну испанскую фразу, несомненно, очень грубую.

— Что он говорит? — настаивала Чибис.— Это же латынь, да? Переведи!

Я порадовался, что она ничего не поняла.

— Неужели, Чибис, не знакома ты с языком поэзии и науки?

— Слушай, не умничай! Скажи!

— Не лезь, малявка. Потом переведу. Я и так за ним не успеваю.

— Что за варварская тарабарщина? — надменно вопросил римлянин.— Говори разумно, не то получишь десять ударов мечом плашмя!

Казалось он опирался на воздух. Я потрогал. Воздух оказался твердым; я решил не обращать внимания на угрозы.

— Говорю как могу. Мы говорили между собой на своем языке.

— Хрюкают только свиньи. Говори по-латыни. Если способен.— Он посмотрел на Чибис, будто только что ее заметил.— Твоя дочь? Не продашь? Было бы у нее на костях мясо, дал бы полдинария.

Чибис взвилась.

— Это я поняла! — рявкнула она.— Выходи и защищайся!

— Скажи это по-латыни,— посоветовал я.— Если он тебя поймет, то, наверное, отшлепает.

Она немного сконфузилась.

— А ты ему позволишь?

— Ты же знаешь, что нет.

— Пошли обратно.

— Я это предлагал и раньше,— я отвел ее мимо убежища пещерного человека к нашим апартаментам.— Чибис, я вернусь и послушаю, что может поведать наш благородный римлянин. Не возражаешь?

— Конечно, возражаю!

— Будь благоразумной, солнышко. Если бы они были опасны, Мамми знала бы об этом. В конце концов, она сама сказала, что они здесь.

— Я пойду с тобой.

— Зачем? Я расскажу тебе все, что узнаю. Может быть, поймем, что означает вся эта чушь. Что он здесь делает? Может, его продержали в холодильнике пару тысячелетий? Когда он очнулся? Знает ли он что-то, чего мы не знаем? У нас неприятности; нам нужна вся информация, какую только можно добыть. Вся помощь от тебя — не суйся. Если боишься, позови Мамми.

Она скуксилась

— Я не боюсь. Ладно, будь по-твоему, раз ты так хочешь.

— Хочу. А ты пока пообедай.

Зверовидный Джо-Джо не показывался; я ударил по его двери. Если корабль может мгновенно прыгать через пространство, не может ли он пропустить измерение и оказаться в другом времени? Не противоречит ли это математике?

Легионер у своей двери все еще подпирал стенку. Он взглянул на меня:

— Ты что, не слышал, что я приказал тебе стоять здесь?

— Слышал,— признал я.— Но с такими манерами у нас с тобой дело не пойдет. Я тебе не раб.

— Тебе повезло!

— Поговорим мирно? Или я ухожу?

Он оглядел меня.

— Мир. Только не шибко умничай тут, варвар.

Себя он называл «Юний». Он служил в Испании, в Галлии, потом перешел в Шестой Легион — «Победоносный», который, как он считал, известен каждому варвару. Его гарнизон квартировал к северу от Лондиниума в Британии, а он служил в аванпосту центурионом (он произносил «кентурио») — звание что-то вроде старшего сержанта. Ростом он был ниже меня, но я бы не хотел встретиться с ним в узком переулке. Да и в широком тоже.

Он имел самое низкое мнение о бриттах и варварах вообще, включая меня («тут ничего личного — у меня есть даже друзья-варвары»), женщинах, британском климате, умниках и жрецах. Напротив, он хорошо отзывался о Цезаре, Риме, богах и собственном профессионализме. Армия теперь уже не та, что раньше, а все потому, что всякая шушера норовит стать римским гражданином.

Он нес караул на стене, охраняя ее от варварских набегов — отвратительный сброд, так и норовят накинуться, перерезать горло и сожрать тебя. Без сомнения, так и случилось, и он оказался в мире теней.

Я решил, что он говорит о стене Адриана, но нет, он служил в трех днях пути к северу, там, где почти сходятся моря. Климат там ужасный, а туземцы — кровожадные звери, которые раскрашивают

свои тела и не ценят цивилизацию. Можно подумать, орлы Рима собираются украсть их вонючий остров. Провинциалы... как я. Да ладно, без обид.

Так или иначе он купил в жены маленькую варварку и с нетерпением ждал назначения в гарнизон. Тут это и случилось. Юний пожал плечами.

— Как знать, если бы я внимательнее относился к омовениям и жертвоприношениям, фортуна не отвернулась бы от меня. Но я считал, что если ты знаешь свое дело, опрятен и следишь за оружием, то остальное — не твое дело. Осторожнее с этой дверью; она заколдована.

Чем больше он говорил, тем проще становилось его понимать. Окончания «-ус» он заменял на «-о», слова были не совсем те, что в «Записках о Галльской войне», лошадь называлась не «эквиус», а «кабалло». Мешали идиомы, латынь была разбавлена десятком варварских наречий. Но и в газете можно вымарать каждое третье слово — а смысл останется.

Я многое узнал о повседневном житье-бытье легиона, но ничего важного для меня. Юний представления не имел, как и почему попал сюда — только твердил, что он уже мертв и ожидает распределения в пересылочный барак мира теней. Но принять такую теорию я еще был не готов.

Он знал год своей «смерти» — восьмой год Императора и восемьсот девяносто девятый от основания Рима. Я записал все это римскими цифрами, чтобы не ошибиться. Однако я не помнил года основания Рима, а что за «Цезарь», было непонятно, даже зная его полный титул — слишком много было этих цезарей. Но стена Адриана была уже построена, а Британия все еще оккупирована; получалось что-то около третьего века.

Пещерный человек, живущий напротив, его не интересовал: для легионера он воплощал худший грех варвара: трусость. Я не стал спорить, хотя и я не храбрился бы, если бы в дверь скреблись саблезубые тигры. (А были тогда саблезубые тигры? Пусть лучше «пещерные медведи».)

Юний удалился и вернулся с плотным темным хлебом, сыром и чашей. Мне он не предложил ничего, и, думаю, не из-за барьера. Он плеснул немного на пол и начал закусывать. Пол был глиняный; стены из грубого камня, потолок покоился на дере-

вянных брусьях. Возможно, это была копия его жилья в Британии, но я не эксперт.

Я больше не задерживался. Не только потому, что вид хлеба и сыра напомнил мне о том, что я голоден, но и потому, что Юний обиделся. Не знаю, отчего он завелся, но он принялся с холодной скрупулезностью разбирать меня, мои вкусы, предков, внешность, поведение и способы заработать на жизнь. С ним вполне можно было общаться — пока с ним соглашаешься, пропускаешь оскорбления и выслушиваешь советы. Такого обращения часто требуют старики, даже когда покупают баночку присыпки за тридцать пять центов. К этому скоро привыкаешь, и уступаешь, не раздумывая, иначе прослывешь наглым сопляком и потенциальным малолетним преступником. Чем меньше уважения заслуживает такой старикан, тем больше его к себе требует. Так что я ушел, все равно Юний не знал ничего полезного.

Проходя мимо двери пещерного человека, я увидел, как тот выглядывает из своей пещеры. Я сказал ему:

— Не принимай близко к сердцу, Джо-Джо,— и пошел своей дорогой.

И уткнулся в очередной невидимый барьер — в наших дверях. Я потрогал его, сказал тихонько: «Я хочу войти». Барьер растаял и восстановился за спиной.

Мои резиновые подошвы ступают тихо. Звать Чибис я не стал, вдруг она уснула. Ее дверь была открыта, я заглянул. Она сидела по-турецки на своем невероятном восточном диване, укачивала Мадам Помпадур и плакала.

Я тихонько отошел, потом шумно, посвистывая, вернулся, и позвал ее. Она выскочила, с улыбкой на лице и без следа слез.

— Привет, Кип! Что-то ты совсем провалился.

— Парень слишком болтлив. Что нового?

— Ничего. Я поела, тебя все не было, я и вздремнула. Ты меня разбудил. Нашел что-нибудь?

— Дай я закажу ужин, буду есть и рассказывать.

Я подбирал последние капли подливки, когда появился робот. Он был такой же, как и первый, только спереди у него мерцал золотом треугольник с тремя спиралями.

— Следуйте за мной,— сказал он по-английски.

Я посмотрел на Чибис.

— Разве Мамми не сказала, что вернется?

— Сказала, кажется.

Машина повторила:

— Следуйте за мной. Требуется ваше присутствие.

Я взбесился. Мне приходилось получать много приказов, зачастую — бестолковых, но никогда еще мне не приказывал кусок железа.

— Выкуси,— сказал я.— Тебе придется меня тащить.

Не следовало так обращаться с роботом. Он потащил меня.

Чибис завопила:

— Мамми! Где ты? Помоги!

Из машины послышалась ее трель.

«Все в порядке, милые. Слуга приведет вас ко мне».

Я сдался и пошел следом. Беглец со склада бытовой техники завел нас в лифт, провел коридором, где стены жужжали, когда мы проходили мимо. Провел через огромную арку, увенчанную треугольником со спиралями, и заточил в какую-то клетку у стены. Стенок у клетки не было, но мы попытались пройтись — и наткнулись на барьер из этого идиотского твердого воздуха.

Не приходилось мне видеть помещений огромнее. Треугольное, не стесненное ни сводами, ни колоннами, с теряющимися вдали стенами и таким высоким потолком, что под ним вполне могла разразиться гроза. Я чувствовал себя муравьем в огромном зале; хорошо, что мы держались у стены. Зал был не пуст — вдоль стен в нем стояли сотни существ, оставляя свободной середину исполинского помещения.

В середине стояли только трое сколопендеров — вершился суд.

Не знаю, был ли там наш Сколопендер. Я и вблизи не отличил бы его от соплеменников. Перерезать горло или отрубить голову — примерно такая для вас разница между сколопендерами. Однако, как мы узнали, для суда не важно, пойман конкретный преступник или нет. Судили Сколопендера — во плоти или заочно, живого или мертвого.

Выступала Мамми. Я видел ее крошечную фигурку, тоже очень далеко от нас, в стороне от сколопендеров. Ее птичья пе-

сенка доносилась слабо, но рядом ясно слышались английские слова: для нас откуда-то транслировался перевод. В переводе так же ощущалось, что она — это она, как и в ее щебетании.

Мамми рассказывала все, что знала о поступках сколопендеров. Рассказывала бесстрастно, словно исследовала под микроскопом. Давала сухой отчет о событиях. Только факты. Она как раз заканчивала рассказ о событиях на Плутоне. Сообщила о взрывах — и остановилась.

По-английски заговорил другой голос. Бесцветный, немного гнусавый, он напомнил мне одного янки — зеленщика в Вермонте, к которому мы ходили, когда я был маленьким. Этот продавец никогда не улыбался, никогда не хмурился, а когда, случалось, что-нибудь говорил, то одним тоном: «Она приятная женщина», «Он собственного сына надует», «Яйца по пятьдесят девять центов» — холодным, словно кассовый аппарат, голосом. Этот голос был такой же.

Он спросил Мамми:

— *Вы закончили?*

— Я закончила.

— *Заслушаем других свидетелей. Клиффорд Рассел...*

Я вздрогнул, будто тот зеленщик застал меня за кражей леденцов.

Голос продолжал:

— *...слушайте внимательно.*

Послышался другой голос.

Мой собственный. Звучал отчет, который я диктовал, лежа на Веге Пять.

Но не весь; только то, что касалось сколопендеров. Пропали эпитеты и целые фразы, словно кто-то с ножницами прошелся по звукозаписи. Факты остались; мое мнение о них исчезло.

Рассказ начинался с момента, когда на выгон позади моего дома опустились корабли; заканчивался, когда последний слепой сколопендер оступился в яму. Рассказ получился коротким, многое вырезали — например, наш лунный поход. Мое описание Сколопендера оставили, но так почистили, что я смог бы теми же словами

описать Венеру Милосскую, не то что самое чудовищное в мире создание.

Запись моего голоса кончилась, и голос Янки-зеленщика спросил:

— *Это ваши слова?*

— А? Да.

— *Отчет верен?*

— Да, но...

— *Он верен?*

— Да.

— *Он полон?*

Я хотел было сказать, что он совсем не полон, но уже начал понимать систему.

— Да.

— *Чичелина Беатрис Исабель Райсфельд...*

История Чибис начиналась раньше, она рассказывала о тех днях, когда она общалась со сколопендерами еще до меня. Однако она оказалась не намного длиннее, потому что Чибис, со своим острым глазом и уникальной памятью, насквозь пропитана своими мнениями и личным отношением. Отношение вырезали.

Когда Чибис согласилась, что ее показания верные и полные, голос Янки постановил:

— *Все свидетели выслушаны, все известные факты собраны. Слово предоставляется подсудимым.*

Думаю, за сколопендеров говорил, возможно, тот самый Сколопендер, если он был жив и находился здесь. Их речь в переводе на английский потеряла гортанный акцент нашего Сколопендера; и все же это была речь сколопендеров. В каждом слоге чувствовалась жестокость, от которой кровь стынет в жилах, холодная жестокость высокого разума, безошибочная, как удар в зубы.

Их оратор был так далеко, что не шокировал меня своим видом. Правда, от его голоса у меня начали было переворачиваться кишки, но я стряхнул страх и начал слушать более или менее внимательно.

Первым делом он заявил, что этот суд не имеет полномочий судить представителя его расы. Он несет ответственность только

перед королевой-матерью, а та — перед королевской группой. Так это прозвучало по-английски. Такой аргументации, утверждал он, вполне достаточно. Однако если конфедерация «Три Галактики» реально существует, что вызывает большие сомнения,— если не считать аргументом в пользу ее существования казус, незаконно выставивший его перед этим муравейником странных существ — итак, если она все-таки существует, она тем не менее не имеет никакой юрисдикции по отношению к Единственному Народу, во-первых, потому, что упомянутая организация не обладает правом суверенитета над данной частью космоса; во-вторых, потому, что, даже если бы она предъявила подобные претензии, Единственный Народ, находясь в рамках своего суверенитета, обоснованно отверг бы их, что автоматически означает отсутствие юридического обоснования законов упомянутой организации (если таковые существуют); и, в-третьих, совершенно невероятно, чтобы их королевская группа вступила в какие бы то ни было сношения с упомянутыми так называемыми «Тремя Галактиками», хотя бы потому, что люди не заключают контрактов с животными.

Этой аргументации также вполне достаточно.

Однако, если не прибегать, даже в рамках дискуссии, к приведенным выше исчерпывающим доводам, добавим, что этот суд является лишь фарсом, поскольку в рамках данного прецедента не нарушались даже так называемые законы пресловутых вышеупомянутых «Трех Галактик». Они (сколопендеры), действуя в границах собственной юрисдикции и на собственной территории космоса, занимались колонизацией полезной, но никем не занятой планеты Земля. Нет ничего преступного в освоении территории, заселенной лишь животными. Касательно же агента «Трех Галактик» — она создавала известные помехи; ей не было причинено никакого вреда; она была задержана с целью ограничения ее действий и дальнейшего выдворения ее на родину.

Здесь он мог бы остановиться. Каждый из этих доводов был бы достаточен, в особенности последний. Раньше я думал о человеческой расе как о «венце творения» — но с тех пор со мной многое произошло. Я не был уверен, что этот суд сочтет, что у людей есть какие-то особые права по сравнению со сколопендерами.

Несомненно, они во многом впереди нас. Когда мы расчищаем джунгли и строим фермы, беспокоит ли нас то, что на эти места первыми пришли бабуины?

Однако он отмел эти доводы, объяснив, что они были всего лишь интеллектуальным упражнением, показывающим, как смехотворна сама ситуация, по любым законам, с любой точки зрения. А теперь он действительно переходит к защите.

Это была атака.

Жестокость в его голосе достигла накала ненависти, отчего каждое слово разило как удар. Как они посмели? Они просто мыши, которые собрались повесить на кота колокольчик! (Так прозвучало в переводе.) Они животные, пища! Они — паразиты, которых нужно истребить. Их преступления никогда не будут забыты, их мольбы будут отклонены, никакие переговоры невозможны! Единственный Народ уничтожит их!

Я оглянулся посмотреть, как это воспринимают присяжные. В огромном зале находились сотни существ; они выстроились вдоль трех стен, некоторые были совсем близко. До сих пор я был слишком поглощен ходом процесса и лишь мельком взглянул на них. Но напор сколопендера был так силен, что захотелось перевести дух. Я стал присматриваться повнимательнее

Все они были разными, думаю, не нашлось бы и двух похожих. Футах в двадцати от меня стоял ужасный монстр, поразительно похожий на сколопендера,— с той только разницей, что его уродливая фигура не внушала отвращения. Другие выглядели почти по-человечески, хотя таких было меньшинство. Одна очень симпатичная цыпочка была с виду таким же человеком, как и я,— за исключением светящейся кожи и весьма скудного гардероба. Она была так красива, что я мог бы поклясться, что свечение кожи — результат косметики, и, скорее всего, был бы не прав. Интересно, какой язык она сейчас слышит? Конечно, не английский.

Наверное, она почувствовала мой взгляд, потому что оглянулась и окинула меня холодным взором, как будто рассматривала шимпанзе в клетке. Догадываюсь, что я ей не понравился.

Между псевдосколопендером и светящейся девушкой раскинулся целый спектр существ. Кто-то даже размещался в персональных аквариумах.

Я не мог определить их реакцию на происходящее. Светящаяся девушка спокойно наблюдала, но что скажешь о существе со щупальцами как у осьминога? Если он извивается, значит, сердится? Или смеется? Или просто чешется?

Янки-председательствующий позволил сколопендерам продолжать.

Чибис все держала меня за руку. Теперь она схватила меня за ухо, запрокинула голову и шепнула: «Как мерзко он говорит!».

Сколопендер закончил таким взрывом ненависти, что транслятор, видимо, заело, потому что вместо английского перевода мы услышали бессмысленный визг.

Голос Янки бесстрастно произнес:

— *Имеете ли вы заявить что-либо в свою защиту?*

Визг повторился, после чего сколопендер выразился понятно:

«Я уже высказался в свою защиту: ни в какой защите нет необходимости».

Бесцветный голос продолжал, обращаясь к Мамми:

— *Вы выступаете в их пользу?*

Она неохотно ответила:

«Высокий суд... Я вынуждена сказать... что нахожу их поведение довольно неподобающим». Ее голос звучал печально.

— *Вы свидетельствуете против?*

«Да».

— *В таком случае вы не имеете слова. Таков закон.*

«Три Галактики, один закон. Я не имею слова».

Бесцветный голос продолжал:

— *Могут ли свидетели выступить в их защиту?*

Последовала тишина.

Это был мой шанс проявить благородство. Мы, люди, их жертвы, могли выступить «за», указать, что они, по их морали, не сделали ничего дурного, и воззвать к милосердию — если они пообещают впредь вести себя хорошо.

Но я так не сделал. Слышал я все эти сладкие речи о том, что надо всегда прощать, что даже в худших людях скрыто добро, и так далее. Но когда я вижу каракурта, я давлю его; я не умоляю его стать хорошим паучком и больше не кусаться. Каракурт не может перестать — в этом все дело.

Голос обратился к сколопендерам:

— *Есть ли раса, которая могла бы выступить в вашу пользу? Если есть, ее призовут.*

Сколопендер взвыл. Мысль, что кто-то будет заступаться за них, вызвала у него отвращение.

— *Да будет так,*— сказал голос Янки.— *Достаточны ли представленные факты для вынесения решения*?

И почти сразу ответил сам себе:

— *Да.*

— *Каково же решение?*

И ответил снова:

— *Их планете будет придан поворот.*

Это прозвучало обыденно — тоже мне, все планеты вращаются,— да и в голосе не слышалось никакого выражения. Однако вердикт чем-то ужаснул меня. Казалось, все содрогнулось.

Мамми повернулась и пошла к нам. Идти было далеко, но у нее это получилось очень быстро. Чибис бросилась к ней; твердый воздух вокруг нас сгустился, и мы оказались в отдельной серебристой полусфере.

Чибис тряслась и всхлипывала, Мамми утешала ее. Когда Чибис чуточку успокоилась, я с опаской сказал:

— Мамми, что означает — «планете будет придан поворот»?

Она посмотрела на меня, не отпуская прильнувшую Чибис. Ее огромные добрые глаза были суровы и печальны.

«Это означает, что их планету выводят в измерение, находящееся под прямым углом к нашему пространству-времени».

Голос ее прозвучал сыгранным на флейте похоронным маршем. И все же вердикт не показался мне чересчур суровым. Я понял, что он означает; по-вегански это было еще понятнее, чем по-английски. Если повернуть плоскую фигуру вокруг оси, лежащей в этой плоскости, фигура исчезнет. Она перестанет существовать в этой плоскости и не сможет на нее вернуться; мистер А. Квадрат из Флатландии навсегда утратит с ней контакт.

Однако она не уничтожится; она просто окажется в другом месте. Мне пришло в голову, что сколопендеры легко отделались. Я был почти уверен, их планету или взорвут (я не сомневался,

что «Три Галактики» способны сделать это), или сделают что-либо столь же ужасное. Выходило же, что сколопендеров просто изгнали из города. Они никогда не смогут вернуться — ведь измерений огромное, огромное множество, однако им не чинили вреда; от них просто избавлялись.

Но Мамми говорила так, будто против воли участвовала в повешении.

Пришлось переспросить ее.

«Ты не понимаешь, славный Кип — они ведь не возьмут с собой свою звезду».

— Ой...— это было все, что я смог выдавить.

Чибис изменилась в лице.

Звезда — источник жизни. Планеты — только вместилища ее. Отсеките звезду... и планета начнет остывать... остывать... и еще... и еще остывать...

Сколько времени протечет, пока замерзнет воздух? Сколько часов или дней до абсолютного нуля? Я содрогнулся и покрылся мурашками. Хуже, чем на Плутоне...

— Мамми? А когда это сделают? — у меня появилось чувство, что я обязан был выступить, что даже сколопендеры не заслуживают такого. Взорвите их, расстреляйте их — но не замораживайте их!

«Это уже сделано»,— пропела она так же скорбно.

— Что?

«Исполнитель ждет вердикта... приговор приводится в исполнение в тот же миг. Их повернули еще до того, как я подошла к вам. Так лучше».

Я сглотнул и услышал, как отозвалось в моем мозгу: «Что делаешь, делай скорей...»

Мамми говорила второпях:

«Не думайте больше об этом, теперь вам придется собрать все ваше мужество!»

— Почему? Что теперь будет, Мамми?

«В любой момент вас призовут на ваш собственный суд».

Я так и застыл, молча глядя на нее,— я-то думал, что все закончилось. Чибис осунулась и побелела, но не плакала. Она облизнула губы и тихо спросила:

— Ты пойдешь с нами, Мамми?

«Дети мои! Я не могу. Вы должны сами пройти через это».

У меня прорезался голос:

— Но за что нас судить? Мы никому не причинили вреда. Мы не сделали ничего плохого.

«Не вы лично. Судят вашу расу. Вы — ее представители».

Чибис отвернулась от нее и посмотрела на меня — и я почувствовал прилив трагической гордости оттого, что в решающую минуту она повернулась не к Мамми, а ко мне, к человеческому существу.

Я знал, что она думает о том же, что и я: о корабле, висящем рядом с Землей, и в то же время за триллионы миль от нее, в каком-нибудь кармане, складке пространства, куда не достанет ни один радар.

Земля, зеленая и золотая, прекрасная и удивительная, нежится лениво в ласковом свете Солнца...

Бесцветный голос — и нет Солнца.

Нет звезд.

Рванется осиротевшая Луна, и продолжит свое вращение вокруг Солнца надгробной плитой на могиле людских надежд. На Лунной базе, в Луна-Сити и станции Томбо протянут последние недели или даже месяцы несколько человек, единственные выжившие люди. Потом и они умрут — если не от удушья, то от горя и одиночества.

Чибис резко сказала:

— Кип, она не взаправду! Ну скажи, что нет!

Я хрипло сказал:

— Мамми, исполнители уже ждут?

Она не ответила мне. Она ответила Чибис:

«Это взаправду, доченька. Но не пугайся. Прежде чем везти вас сюда, я добилась обещания. Если дело повернется против вашей расы, вы двое вернетесь со мной и доживете свои короткие жизни в моем доме. Так что вставайте и говорите правду... и не бойтесь».

Бесцветный голос проник в закрытое пространство:

— *Люди призываются к ответу.*

Глава 11

Мы шли по бескрайнему залу. Чем дальше, тем больше я чувствовал себя мошкой на тарелке. Чибис была рядом; ради нее я еще как-то куражился и все же походило это на кошмар, когда снится, что ты на площади без штанов. Чибис цеплялась за руку и прижимала к себе Мадам Помпадур. Я пожалел, что на мне нет Оскара — в нем я не казался бы себе букашкой под микроскопом.

В последнюю минуту Мамми положила свою ручку мне на лоб и гипнотически впилась в глаза. Я оттолкнул ее руку и отвел взгляд.

— Нет,— сказал я ей.— Никакой подготовки! Не надо... Я знаю, ты хочешь как лучше, но... пойду без наркоза. Спасибо.

Она не настаивала, просто повернулась к Чибис. Та поколебалась, но тоже покачала головой.

— Мы готовы,— выдохнула она.

Но с каждым нашим шагом по этому огромному пустому пространству я все больше сожалел, что не разрешил Мамми избавить нас от этой нервной тряски. По меньшей мере Чибис точно следовало успокоить.

Навстречу нам от далеких стен отделились еще две мошки; когда они приблизились, я узнал их: неандерталец и легионер. Невидимая сила волочила упирающегося пещерного человека; римлянин печатал широкие, легкие и неторопливые шаги. До центра мы добрались одновременно и остановились футах в двадцати друг от друга, треугольником: Чибис и я — в одном углу, римлянин и пещерный человек по двум другим.

Я окликнул:

— Приветствую, Юний!

— Помолчи, варвар,— он огляделся, оценивая взглядом толпу у стен. Он сменил свое неопрятное облачение. Исчезли грязные обмотки; на правой голени красовались поножи. Тунику прикрывали доспехи, голову гордо увенчивал шлем с плюмажем. Сверкал металл, лоснилась вычищенная кожа.

Пока он шел, щит его по-походному висел за спиной. Остановившись, он перебросил его в левую руку. Он не взялся за меч, потому что в правой руке держал наизготовку дротик. Настороженные глаза высматривали врага.

Слева от него, как забитый зверек, съежился пещерный человек.

— Юний! — позвал я.— Послушай!

Вид этих двоих встревожил меня еще больше. Разговаривать с троглодитом было бесполезно, но, возможно, удастся объясниться с римлянином.

— Знаешь, зачем мы здесь?

— Знаю,— он горделиво воздел плечо.— Сегодня Боги испытывают нас на своей арене. Это работа для солдата и римлянина. Ты не принесешь пользы, так что не путайся под ногами. Впрочем — следи за тылом и издавай остерегающие крики. Цезарь вознаградит тебя.

Я попытался было объяснить ему, что к чему, но меня прервал громовой голос, идущий со всех сторон:

«ВЫ ПРЕДСТАЛИ ПЕРЕД СУДОМ!»

Чибис задрожала и прижалась ко мне. Я выпростал из ее судорожной хватки левую руку, заменил ее на правую, а левой обнял за плечи.

— Выше нос, напарник,— сказал я тихонько,— не дай им запугать себя.

— Я не боюсь,— прошептала она, трясясь.— Кип, давай ты будешь говорить.

— Ты так хочешь?

— Да. Тебя не так легко разозлить, как меня,— а если я разозлюсь... ну, это будет просто ужас.

— Ладно.

Нас прервал тот же плоский, гнусавый голос. Как и раньше казалось, что он звучит совсем рядом.

— Представляемое дело исходит из предыдущего. Три разновременных образца доставлены с небольшой планеты ланадорского типа, расположенной в периферийной зоне Третьей Галактики. Область крайне примитивная, цивилизованные расы отсутствуют. Представленная раса, как следует из образцов, является варварской. Ранее инспектировалась дважды; необходимость в плановой инспекции отсутствовала; в связи с предыдущим делом появились новые факты.

Голос вопросил сам себя:

— Когда проводилась последняя проверка?

И ответил себе:

— Приблизительно один период полураспада тория-230 назад.

Он добавил, явно только для нас:

— Около 80 тысяч ваших лет назад.

Юний дернул головой и огляделся, пытаясь определить, откуда исходит голос. Он явно слышал то же самое, только на своей испорченной латыни.

— Есть ли необходимость во внеочередной инспекции?

— Есть. Катастрофический разрыв непрерывности. Они развиваются с аномальной скоростью.

Бесцветный голос продолжал, обращаясь к нам:

— Я ваш судья. Многие из присутствующих здесь цивилизованных существ являются моими составляющими. Иные — зрители, также есть стажеры, а кое-кто явился специально, чтобы поймать меня на ошибке. Но это не удавалось никому за последний миллион ваших лет.

Я выпалил, не веря про себя:

— Вам больше миллиона лет?

Голос ответил:

— Я намного старше, хотя возраст составляющих меня частей различен. Отчасти я машина, которую можно ремонтировать, заменять, копировать; другие мои компоненты — живые существа, они умирают и возобновляются. Мои живые составляющие — многие тысячи (вообще-то он сказал «дюжины дюжин дюжин») цивилизованных существ со всех уголков Трех Галактик, и любая дюжина дюжин из них может слиться с моим машинным разумом для приведения меня в действие. Сейчас в меня входит двести девять специалистов, в их распоряжении находится знание, накопленное моей неживой сущностью, а также все мои способности анализировать и интегрировать.

Я резко произнес:

— Решения принимаются единогласно? — я решил, что нашел лазейку: мне никогда не удавалось перехитрить папу с мамой, но все же в далеком детстве иногда случалось запутать их так, чтобы один говорил одно, а другой — другое.

Голос мерно произнес:

— Решения всегда принимаются единогласно. Будет лучше, если вы сочтете меня единой личностью.

Он продолжал, обращаясь к аудитории:

— Была проведена стандартная процедура отбора образцов. Современный образец дублирован; промежуточный контрольный образец — носящий одежду индивидуум, взятый методом случайной выборки приблизительно один период полураспада радия-226 назад... — голос пояснил: *— ...около 16 сотен ваших лет назад. Исходный контрольный образец взят стандартным методом, в период, отдаленный от предыдущего двадцатикратно.*

Голос вопросил себя:

— Почему образцы разделены столь короткими промежутками?

— Потому что у этих особей очень короткие жизненные циклы. Этот вид быстро эволюционирует.

Объяснение, видимо, было удовлетворительным, потому что он продолжал:

— Первым будет давать показания самый младший образец.

Я решил, что он имел в виду Чибис, она тоже так подумала и сжалась в страхе. Однако голос принялся что-то нечленораздельно лаять, и пещерный человек дернулся. Он ничего не ответил; только еще больше съежился.

Голос снова залаял.

Затем сказал:

— Есть замечание.

— Говори.

— Это существо не является предком остальных.

Голос машины выразил некое недоумение, словно мой непреклонный зеленщик обнаружил соль в своей сахарнице.

— Образец изъят корректно.

— Тем не менее,— произнес тот же голос,*— это некорректный образец. Необходимо пересмотреть все относящиеся к делу данные.*

На долгие пять секунд воцарилась тишина. Затем голос заговорил снова:

— Это несчастное существо не является предком остальных; он всего лишь дальний родственник. У него нет собственного будущего. Он должен быть немедленно возвращен к тем пространственно-временным параметрам, откуда был изъят.

Неандертальца немедленно уволокли прочь. Я посмотрел вслед ему с чувством потери. Сначала я его боялся, потом презирал, стыдился. Он был труслив, грязен, от него воняло. Даже собака больше похожа на человека. Но за последние пять минут я счел его собратом — каким бы отвратительным он ни казался. Может, он и не был моим прадедушкой, но я не собирался отказываться даже от самых жалких своих родственников.

Голос вступил в спор с самим собой, решая, правомерно ли продолжать процесс. Наконец он постановил:

— *Обследование будет продолжено. Если не будет выявлено достаточно фактов, суду будет представлен другой удаленный образец по прямой линии родства. Юний.*

Римлянин выше поднял свой дротик.

— Кто взывает к Юнию?

— *Выступи вперед и держи ответ.*

Как я и опасался, Юний объяснил голосу, куда тому следует отправиться и что там делать. Последовал английский перевод. Никак нельзя было оградить Чибис от таких выражений. Впрочем, уже было все равно, будет ли Чибис защищена от «неподобающих для леди» высказываний.

Бесстрастный голос невозмутимо продолжил:

— *Это твой голос? Это твое свидетельство?*

Вступил другой голос, в котором я узнал речь римлянина. Он отвечал, расписывал битвы, рассказывал, как поступают с пленными. Все это мы услышали по-английски, но и перевод сохранил высокомерные интонации Юния.

Юний выкрикнул: «Колдовство!» и сделал пальцами рога, отпугивая нечистую силу.

Запись окончилась.

— *Речевые данные совпадают,* — сухо произнес голос. — *Запись будет приложена.*

Он принялся мытарить Юния, выспрашивал подробности о том, кто он, почему оказался в Британии, что там делал и почему нужно служить Цезарю. Сначала Юний отвечал односложно, потом — и вовсе перестал. Он испустил воинственный клич, отдавшийся эхом под гигантскими сводами, размахнулся и метнул дротик.

Дротик упал не слишком далеко. И все же, думаю, он побил олимпийский рекорд.

Я обнаружил, что ору, как болельщик.

Пока дротик еще летел, Юний обнажил меч. Он взмахнул им, словно гладиатор, выкрикнул: «Слава Цезарю!» и принялся говорить.

Как он их разнес! Он высказал все, что думает о тварях, которых нельзя счесть не только гражданами, но даже варварами.

Я подумал: «Ну, пошла заварушка... Бедное человечество, ты получишь по полной программе!».

Юний все кипятился, взывал к богам, угрожал карами и расправой, нимало не стесняясь в выражениях и описывая неаппетитные подробности. Я надеялся, что, несмотря на перевод, Чибис поймет не все. Но она, похоже, понимала достаточно; даже чересчур много.

Я начал гордиться этим римлянином. Сколопендер излучал зло; римлянин — нет. Несмотря на всю свою спесь, невежество и грубость, тертый старый сержант обладал храбростью, отвагой и человеческим достоинством. Может, он и был негодяем — но такие негодяи мне по вкусу.

Он закончил вызовом выходить на бой: либо по одному, либо «черепахой», и тогда он покончит с ними разом. «Я сделаю из вас погребальный костер! Я закалю мой клинок в ваших кишках! Я, стоя на пороге смерти, воздвигну над могилой свободного римлянина курган из тел врагов Цезаря!»

Ему пришлось перевести дух. Я вновь закричал ему в поддержку, Чибис вторила. Он оглянулся через плечо и ухмыльнулся:

— Я буду валить их, парень, а ты перерезай им глотки! Жаркое предстоит дело!

Холодный голос произнес:

— *Пусть будет он возвращен к тем пространственно-временным параметрам, откуда был изъят.*

Невидимые руки потащили разъяренного Юния. Он взывал к Марсу и Юпитеру, размахивал мечом. Меч его прочертил в полу борозду, потом сам собой поднялся и вошел в ножны. Юния быстро относило; я потряс ему сцепленными руками и завопил:

— Прощай, Юний!

— Прощай, парень! Они трусы! — он силился разорвать свои путы.— Это просто мерзкое колдовство!

И он исчез.

— *Клиффорд Расселл...*

— А? Я здесь.

Чибис сжала мою руку.

— *Это твой голос?*

— Одну минутку... — сказал я.

— *Говори.*

Я вздохнул. Чибис придвинулась поближе и прошептала:

— Постарайся, Кип. Они не шутят.

— Постараюсь, малышка,— прошептал я, и продолжал: — Что здесь происходит? Мне сказали, что вы намерены судить человеческую расу.

— *Это верно.*

— Но вы не вправе. У вас нет достаточных оснований. Это ничем не лучше колдовства, как и сказал Юний. Вы привезли пещерного человека — потом решили, что это ошибка. Но это не единственная ваша ошибка. Здесь был Юний. Каким бы он ни был, а я не стыжусь его; я горжусь им. Но он не мой современник. Он мертв уже две тысячи лет — если, конечно, вы отправили его обратно — и так же мертв весь его мир. Хороший или плохой, он не представляет сегодня человеческую расу.

— *Это мне известно. Вы двое — контрольный образец вашей расы в настоящем.*

— Да — но мы тоже не критерий. Чибис и я так же далеки от среднего человека, как и любой. Конечно, ни она, ни я не ангелы. Если вы судите нашу расу за ее поступки, то вы совершаете огромную несправедливость. Судите нас, стоящих перед вами,— или меня, во всяком случае...

— И меня!

— ...за все, что я совершил. Но не заставляйте отвечать за мои проступки мой народ. Это не научный подход. Это математически некорректно.

— *Это корректно.*

— Нет. Люди — не молекулы; они разные.— Я решил не спорить по поводу юрисдикции: сколопендер уже испоганил этот подход.

— *Согласен, люди не молекулы. Но они и не личности.*

— Они личности!

— *Они не являются независимыми личностями; они — части единого организма. Каждая клетка вашего тела содержит полную информацию. По трем клеткам организма, который вы называете человеческой расой, я могу предсказать будущие возможности и ограничения этой расы.*

— У нас нет ограничений! Нельзя предсказать, каким будет наше будущее.

— *Возможно, у вас и нет ограничений,*— согласился голос.— *Это мы определим. Однако, честно говоря, это не пойдет вам на пользу. Ведь ограничения есть у нас.*

— Что?

— *Вы неправильно понимаете цель данного обследования. Вы говорите о «справедливости». Я знаю, что вы понимаете под этим. Однако никакие две расы не договорятся о значении этого термина, как бы он ни звучал в их языках. Мы не занимаемся здесь этим вопросом. Это не суд справедливости.*

— Тогда что же это?

— *Вы бы назвали это «Советом Безопасности». Либо «комитетом бдительности». Определение не важно; моя единственная цель — исследовать вашу расу и определить, не представляете ли вы угрозы для нас. Если да, я немедленно избавлюсь от вас. Единственный надежный способ предотвратить смертельную опасность — это уничтожить ее в зародыше. То, что мы узнали о вас, заставляет предполагать, что когда-нибудь вы сможете угрожать безопасности Трех Галактик. Теперь определим факты.*

— Но вы сказали, что необходимы по крайней мере три образца. Пещерный человек вам не подошел.

— *У нас есть три образца, вы вдвоем и римлянин. Однако факты могут быть установлены и по одному образцу. Использование трех — давняя традиция, осторожная привычка все проверять и перепроверять. Я не способен обеспечить справедливость, но я хочу убедиться, что не допускаю ошибки.*

Я собирался сказать, что он ошибается, хоть ему и миллион лет отроду. Но голос зазвучал вновь:

— *Я продолжаю обследование. Клиффорд Расселл, это твой голос?*

Мой голос зазвучал снова — это снова был мой надиктованный отчет, но теперь совершенно полный — сочные прилагательные, пристрастия, комментарии — вплоть до моих запинок.

Я послушал некоторое время, поднял руку.

— Верно, это мои слова.

Запись остановилась.

— *Подтверждаешь ли ты сказанное?*

— Хм. Да.

— *Желаешь ли ты то-либо добавить, убрать или изменить?*

Я задумался. Кроме нескольких пассажей, которые я вставил позднее, отчет был последовательным.

— Нет. Я подтверждаю сказанное.

— *А это тоже твой голос?*

На этот раз я замешкался. Звучала та бесконечная запись, которую я делал для Профессора Джо, насчет — ну, насчет всего на свете... земной истории, обычаев, народов, механизмов. До меня дошло, почему Проф носил тот же значок, что и Мамми. Как это называется... «подсадная утка». Старый добрый никчемный Профессор Джо был стукачом.

Мне стало противно.

— Дайте еще послушать.

Они не возражали. На самом деле я не слушал; я пытался вспомнить, что еще я наговорил, какие мои слова используют против человеческой расы. Крестовые походы? Рабство? Газовые камеры в Дахау? Сколько же я всего разболтал?

Запись все звучала. Ну, это надолго, будем стоять, пока не врастем в пол.

— Это мой голос.

— *Ты подтверждаешь и это? Или хочешь что-то исправить, пересмотреть или дополнить?*

Я осторожно спросил:

— Можно переделать все целиком?

— *Как хочешь.*

Я хотел было сказать, что запись никуда не годится, что ее нужно стереть и переписать. Но сотрут ли они? Или сохранят обе и сравнят? Я не погнушался бы и соврать; добродетельный девиз «говори правду, и будь что будет!» неуместен, когда твоя семья, друзья и вся раса поставлены на карту.

А вдруг они поймают меня на лжи?

«Мамми велела говорить правду и не бояться».

«Но она не на нашей стороне!»

«Ну конечно, на нашей».

Пора было отвечать. Я был так растерян, что не мог собраться с мыслями. Профессору Джо я старался говорить правду... что ж, возможно, кое-что я затушевал, не распространялся о всяких газетных ужасах. Но в сущности говорил правду.

Сделаю ли я это лучше, припертый к стенке? Позволят ли мне начать с чистого листа, примут ли все, что я смастерю? Или сам факт того, что я изменил свой рассказ, будет использован для осуждения нашей расы?

— Я подтверждаю это!

— *Факты обобщены. По их собственному свидетельству, это дикие и жестокие существа, подверженные всем мыслимым порокам. Они поедают друг друга, морят друг друга голодом, убивают своих соплеменников. У них отсутствует искусство, наука находится в зачаточном состоянии, однако их склонность к самоистреблению такова, что даже крохи добытого знания они используют для уничтожения друг друга в межплеменных войнах. Потенциально они могут в этом преуспеть. Однако если по какой-либо несчастливой случайности им удастся выжить, они неизбежно рано или поздно достигнут звезд. Следует оценить вероятности: как быстро они достигнут нас, если выживут, и каковы будут тогда их возможности.*

Голос продолжал, обращаясь к нам:

— *Это веские аргументы против вас — дикарей, наделенных высоким интеллектом. Что вы можете сказать в свою защиту?*

Я глубоко вздохнул и попытался успокоиться. Я знал, что мы проиграли... и все же должен был сделать еще одну попытку.

Припомнив, как говорила Мамми, я начал:

— Собратья-наставники!

— *Поправка. Мы не твои Наставники, и еще не ясно, способны ли мы общаться на равных. Если хочешь обратиться, можешь называть меня «Модератор».*

— Да, господин Модератор...

Я попытался вспомнить, что говорил Сократ своим судьям. Он, как и мы, заранее знал, что его осудят — но каким-то образом все же одержал верх, даже выпив цикуту.

Нет! Мне не поможет «Апология Сократа» — он потерял только свою жизнь. А сейчас речь шла о целом мире.

— ...вы сказали, что у нас нет искусства. Видели ли вы Парфенон?

— *Взорванный во время одной из ваших войн.*

— Лучше взгляните на него, прежде чем придадите нам вращение — иначе кое-что упустите. Читали ли вы нашу поэзию? «Окончен праздник. В этом представлении актерами, сказал я, были духи. И в воздухе, и в воздухе прозрачном, свершив свой труд, растаяли они. Вот так, подобно призракам без плоти, когда-нибудь растают, словно дым, и тучами увенчанные горы, и горделивые дворцы, и храмы, и даже весь — о да, весь шар земной».

Мой голос прервался. Я слышал, как рядом всхлипывает Чибис. Не знаю, почему я выбрал эти строки,— говорят, подсознание ничего не делает случайно. Видимо, так должно было быть.

— *Все это может случиться,*— прокомментировал безжалостный голос.

— Думаю, наша жизнь — вовсе не ваше дело, раз мы вас не трогаем...

Я чуть не плакал от растерянности.

— *Это стало нашим делом.*

— Мы не подданные вашего правительства и...

— *Поправка. Три Галактики — это не правительство; на таком обширном пространстве, с такими разными культурами не могло бы работать никакое правительство. Мы сформировали полицейские районы для самозащиты.*

— Но даже если так, мы не беспокоили ваших полицейских. Мы сидели себе на заднем дворе (лично я был у себя на заднем дворе!), когда появились эти сколопендеры и начали нас тиранить. Мы-то вас не трогали.

Я запнулся, подбирая слова. Я не мог сказать: «Мы больше не будем», не мог отвечать за все человечество —машина знала это так же, как и я.

— *Запрос.*

Он снова говорил сам с собой.

— *Эти существа кажутся идентичными Древней Расе, если не считать некоторых мутаций. Из какой они части Третьей Галактики?*

Он ответил себе, назвав координаты, которые для меня ничего не значили.

— *Но они не принадлежат к Древней Расе; это бабочки-поденки. В этом-то и опасность; они слишком быстро изменяются.*

— *Кажется, несколько периодов полураспада тория-230 назад Древняя Раса потеряла в этом районе корабль? Не могло ли это стать причиной расхождений с первым образцом?*

Голос ответил твердо:

— *Несущественно, происходят ли они от Древней Расы. Обследование продолжается; необходимо принять решение.*

— *Решение должно быть неоспоримым.*

— *Оно таким и будет.*

Бесплотный голос продолжал, уже для нас:

— *Можете ли вы что-либо добавить в свою защиту?*

Я подумал, как пренебрежительно прошлись по нашей науке. Я хотел было сказать, что всего за два столетия мы прошли путь от силы мышц до атомной энергии — но побоялся, что этот факт может быть использован против нас.

— Чибис, ты можешь что-нибудь придумать?

Неожиданно она выступила вперед и крикнула в воздух:

— А разве не важно, что Кип спас Мамми?

— *Нет,*— ответил холодный голос.— *Это иррелевантно.*

— Но это должно считаться! — она снова плакала.— Как вам не стыдно! Хулиганы! Трусы! Да вы хуже сколопендеров!

Я оттащил ее назад. Она уткнулась мне в плечо и затряслась в рыданиях. Потом прошептала: «Прости, Кип. Я не хотела. Кажется, я все испортила».

— Мы и так наворотили — хуже некуда, солнышко.

— *Имеете ли вы что-либо еще сказать?* — неумолимо продолжал старый Безлицый.

Я оглядел зал. «...Когда-нибудь растают, словно дым, и тучами увенчанные горы, и горделивые дворцы и храмы, и даже весь — о да, весь шар земной...»

— Только одно! — с яростью выложил я.— Я не в защиту, вы не желаете слушать защиту. Ладно, заберите нашу звезду... Заберите, если сможете... думаю, сможете. Давайте! Мы сами сделаем себе звезду! А потом, в один прекрасный день, мы вернемся и переловим вас — всех вас!

— Так им, Кип! Так им!

Никто не стал кричать на меня. Я вдруг почувствовал себя ребенком, который попал впросак и не знает, как это исправить.

Но я говорил то, что думал. Конечно, я и сам не верил в свои угрозы. Мы пока этого не можем. Но мы бы постарались. «Умри, сражаясь!» — самый гордый лозунг человечества.

— *Это не исключено,*— продолжал тот же раздражающий голос.— *Вы закончили?*

— Я закончил.

Мы все закончили... каждый из нас.

— *Выскажется ли кто-то в их защиту? Люди, выступит ли за вас какая-либо раса?*

Хм, если бы мы знали хоть одну расу! Разве что собак... возможно, собаки могли бы выступить.

— Я выступаю за них!

Чибис резко вздернула голову.

— Мамми!

Та вдруг оказалась перед нами. Чибис попыталась подбежать к ней и ударилась о невидимый барьер. Я схватил ее.

— Полегче, солнышко. Ее там нет — это что-то вроде телевидения.

— Собратья-наставники! За вами преимущества множества разумов и знаний...

Странно было наблюдать, как она поет, и слышать английскую речь; даже в переводе сохранялась ее певучесть.

— ...но я знаю их. Это правда, что они необузданны — особенно младшая,— но это необузданность возраста. Можем ли мы ожидать зрелой сдержанности от расы, представители которой обречены умирать в раннем детстве? А разве сами мы обходимся без насилия? Разве не мы сегодня убили миллиарды существ? Сможет ли хоть одна раса выжить без воли к борьбе? Верно, что эти существа подчас агрессивнее, чем требует необходимость или

мудрость. Но, собратья-наставники, они еще так молоды! Дайте им время повзрослеть.

— *Повзрослеть — это именно то, чего мы боимся. Ваша раса чересчур сентиментальна; это обесценивает ваше суждение.*

— Неверно! Мы сострадательны, но не глупы. Я лично непосредственно принимала участие в вынесении многих, многих отрицательных решений. Вы знаете об этом; это есть в ваших записях — я же предпочитаю об этом не помнить. Но и опять я буду принимать такие решения. Если ветвь неизлечимо больна, ее следует удалить. Мы не сентиментальны; мы наилучшие из наблюдателей, которых вы когда-либо находили, потому что делаем дело без гнева. Мы беспощадны ко злу. Однако мы любовно снисходим к ошибкам ребенка.

— *Вы закончили?*

— Я утверждаю, что эту ветвь не следует удалять! Я закончила.

Фигура Мамми исчезла. Голос продолжал:

— *Выступит ли в их пользу еще какая-либо раса?*

— Выступлю я.

Там, где только что стояла Мамми, оказалась огромная зеленая обезьяна. Она уставилась на нас, потрясла головой, потом неожиданно перекувыркнулась и принялась смотреть на нас меж собственных ног.

— Я не являюсь их другом, но я сторонник «справедливости». Этим я отличаюсь от моих коллег в Совете.— Она быстро перевернулась несколько раз.— Как сказала наша сестра, раса эта молода. Дети моей собственной благородной расы кусают и царапают друг друга — иногда до смерти. Даже я вел себя так в свое время.

Обезьян подпрыгнул, приземлился на руки и выдал кульбит.

— И разве кто-то здесь возьмется отрицать, что я цивилизован?

Он остановился, поскребся и внимательно осмотрел нас.

— Они звероподобные дикари, я не понимаю, как кто-то может питать к ним симпатию, но я говорю: дайте им шанс!

Изображение обезьяны пропало.

Голос сказал:

— *Можете ли вы что-либо добавить, прежде чем решение будет принято?*

Я начал говорить: «Нет, кончайте эту волынку...», но Чибис схватила меня за ухо и зашептала. Я послушал, кивнул и продолжил:

— Господин Модератор — если мы будем осуждены, не могли бы вы задержать палачей настолько, чтобы мы могли попасть домой? Мы знаем, что вы можете доставить нас всего за несколько минут.

Голос ответил не сразу.

— Почему вы хотите этого? Как я объяснил, лично вас не судят. Есть договоренность оставить вас в живых.

— Мы знаем. Но хотим оказаться среди своих, вот и все.

Снова секундное колебание.

— Это будет исполнено.

— Достаточны ли факты для вынесения решения?

— Да.

— Каково решение?

— Эта раса будет подвергнута повторному обследованию через десять периодов полураспада радия. На этом промежутке существует риск ее самоуничтожения. Ей будет оказана помощь против такого риска. Во время испытательного срока за ней будет наблюдать Мать-Хранительница... — машина пропела настоящее имя Мамми,— *полицейский соответствующего сектора, которая будет немедленно докладывать обо всех угрожающих изменениях. В течение этого срока мы желаем данной расе успешного прогресса и совершенствования. Теперь же они должны быть возвращены к тем пространственно-временным параметрам, откуда были изъяты.*

Глава 12

Я считал, что приземляться в Нью Джерси, не имея полетного задания, чрезвычайно опасно. Вблизи Принстона тьма стратегических объектов; нас могли обстрелять чем угодно, вплоть до атомных ракет. Но Мамми снисходительно промурлыкала: «Думаю, до этого не дойдет».

И не дошло. Она посадила нас на околице, спела прощальную песенку и исчезла.

Конечно, нет ничего незаконного в том, чтобы прохаживаться по ночным улицам города в скафандрах, да еще с тряпичной куклой в руках. Но подозрения это вызывает — и нас замели полицейские. Они позвонили отцу Чибис, и уже через двадцать минут мы сидели в его кабинете, попивали какао с пшеничными хлопьями и разговаривали.

Маму Чибис чуть не хватил удар. Пока тянулась наша история, она так часто приговаривала: «Поверить не могу!», что профессор Райсфельд сказал:

— Прекрати, Дженис. Или иди спать.

Я ее не виню. Ее дочь пропала на Луне и считалась погибшей — и вот она чудесным образом возвращается на Землю. Но профессор Райсфельд нам поверил. Как у Мамми был дар «понимания», у него был дар «осмысления данных». Когда появлялся факт, он отбрасывал теории, которые не соответствовали этому факту.

Он обследовал скафандр Чибис, велел включить шлем, зажег свет, чтобы сделать шлем непрозрачным... Потом потянулся к телефону.

— Это должен увидеть Дарио.

— В полночь, Курт?

— Хоть бы и так, Дженис. Армагеддон не станет ждать до понедельника.

— Профессор Райсфельд!

— Да, Кип?

— Может, сначала вы захотите посмотреть другие вещи.

— Хм.

Я выгреб все из карманов Оскара — оба маяка, по одному на каждого из нас, листы металлической «бумаги», покрытой уравнениями, обе «счастливки» и две серебристые сферы. По пути на Землю мы останавливались на Веге Пять, где провели большую часть времени под неким гипнозом, пока Профессор Джо с еще одним коллегой выкачивали из нас познания о земной математике. Они не изучать ее хотели — о нет! Им нужен был наш язык математических символов, от радикалов и векторов до таинственных закорючек теоретической физики, чтобы они смогли обучать нас; результаты были записаны на металлической бумаге.

Сначала я показал профессору Райсфельду маяки.

— Сектор Мамми включает теперь и Землю. Мамми велела задействовать маяк, как только она нам понадобится. Она всегда будет рядышком — самое большее за тысячу световых лет. Но она прилетит даже издалека.

— Ага,— он посмотрел на мой маяк. Он был меньше и аккуратнее того, смастеренного на Плутоне.— Нельзя ли разобрать его?

— Э-э, там заключена огромная энергия. Он может взорваться.

— Возможно,— он задумчиво протянул маяк обратно.

Что такое «счастливки», трудно объяснить. Они выглядят как те маленькие абстрактные безделушки, которые покупают не только, чтобы рассматривать, но и чтобы вертеть в руках. Моя была из чего-то вроде обсидиана, но теплая и мягкая; у Чибис она походила на яшму. Она действует, когда прижмешь ее к голове. Я дал профессору Райсфельду попробовать, и на лице его отразилось благоговение — кажется, что ты в объятиях Мамми, чувствуешь тепло, безопасность и понимание.

Профессор сказал:

— Она любит тебя. Не для меня эта штука... Извини.

— Она и вас любит.

— Да?

— Она любит все маленькое и беспомощное. Поэтому-то она и Мамми.

Я и сам не сообразил, что ляпнул. Но он не обиделся.

— Так ты говоришь, она полицейский?

— Ну, скорее инспектор по делам несовершеннолетних — а мы живем в трущобном районе, на задворках и в ужасных условиях. Иногда ей приходится делать то, что ей не нравится. Но она хороший полицейский, а ведь кому-то надо делать и грязную работу. И она не может бросить своих подопечных.

— Мне кажется, она не способна кого-нибудь «бросить».

— Хотите попробовать еще раз?

— Не возражаешь?

— Конечно, нет, оно ведь не кончается.

Он попробовал, и вновь расплылся в улыбке. Он взглянул на Чибис, спавшую, уткнувшись в пшеничные хлопья.

— Я не стал бы беспокоиться о своей дочери, если бы знал, что она под присмотром Мамми. И твоим.

— Мы были одной командой,— объяснил я.— Без Чибис я бы не справился. У нее огромная сила духа.

— Порой даже чересчур.

— Иногда без этого «чересчур» не обойтись. Вот на этих шариках все записано. У вас есть магнитофон, профессор?

— Конечно, сэр.

Мы включили магнитофон, и серебристый шарик выдал на него информацию. Пленка была необходима, потому что шарики оказались одноразовыми, потом молекулы теряли упорядоченность. Я показал профессору металлическую бумагу и попытался прочесть, но узнал лишь разрозненные значки. Профессор дошел до середины страницы и остановился.

— Лучше я сделаю несколько телефонных звонков.

Вечером показалась серебряная Луна, и я попытался разглядеть на ней станцию Томбо. Чибис в отцовском купальном халате спала на диване, сжимая в объятиях Мадам Помпадур. Отец хотел было отнести ее в кровать, но она проснулась и начала скандалить, так что ее оставили в покое. Профессор Райсфельд жевал пустую трубку и слушал, как мой серебристый шарик мягко шепчет что-то магнитофону. Время от времени профессор кидал мне какой-нибудь вопрос, я кратко отвечал.

Профессор Джиоми и доктор Брук в другом углу кабинета записывали что-то на доске, стирали и снова писали, споря насчет металлической бумаги. В Институте Передовых Исследований гении — не редкость, но этих двоих никто бы в гениальности не заподозрил: Брук был похож на мрачного водителя грузовика, а Джиом — на перевозбужденного Юния. Но мозгами они работали с такой же интенсивностью, как и профессор Райсфельд. У доктора Брука дергалась щека; отец Чибис объяснил, что это гарантия нервного срыва, но не у самого Брука, а у всех остальных физиков.

Два дня спустя мы все еще торчали там. Профессор Райсфельд побрился; другим было не до того. Я вздремнул и успел принять душ.

Папа Чибис слушал записи. Брук и Джиоми то и дело отрывали его — Джиоми чуть ли не истерично, а Брук бесстрастно. Профессор Райсфельд задавал им один-два вопроса. Кивал и возвра-

щался на свой стул. Вряд ли он мог разобраться во всей этой математике — зато он мог оценить результаты и упорядочить их.

Я хотел отправиться домой, раз уж они со мной закончили, но профессор Райсфельд очень просил остаться; должен был приехать Генеральный секретарь Конфедерации.

Я остался. Я не позвонил домой, ведь какой смысл расстраивать домашних? Я готов был встретиться с Генеральным секретарем в Нью-Йорке, но профессор Райсфельд пригласил его к себе. До меня начало доходить, что приглашение профессора не может игнорировать ни один из высокопоставленных деятелей.

Мистер Ван Дювендюк оказался высоким и худым. Он пожал мне руку и произнес:

— Надо полагать, вы — сын доктора Самуэля Расселла.

— Вы знаете моего отца, сэр?

— Я встречался с ним много лет назад, в Гааге.

Доктор Брук, который на приветствие Генерального секретаря едва кивнул, резко развернулся ко мне:

— Так ты сын Сэма Расселла?

— Вы тоже его знаете?

— Конечно. Его книга «О статистической обработке неполных данных» — блестящий труд.— Он взмахнул рукой, еще сильнее испачкав рукав мелом. Я и не ведал, что папа такое написал, и не подозревал даже, что он знаком с Генеральным секретарем. Иногда все-таки мне кажется, что папа несколько эксцентричен.

Мистер Ван Дювендюк подождал, пока яйцеголовые очухаются, и сказал:

— Итак, у вас есть что-нибудь, джентльмены?

— Да,— сказал Брук.

— Великолепно! — согласился Джиоми.

— Например?

— Ну... — доктор Брук ткнул в строчки, написанные мелом.— Судя по этому, можно погасить на расстоянии ядерную реакцию.

— На каком расстоянии?

— Скажем, десять тысяч миль. Или вам нужно с Луны?

— Ну, думаю, десяти тысяч миль хватит.

— Можно и с Луны,— перебил Джиоми,— если хватит энергии. Шикарно!

— Действительно,— согласился Ван Дювендюк.— Что-нибудь еще?

— Вам мало? — набычился Брук.— Или вам еще подать трусы с капюшоном?

— Так что же?

— Видите семнадцатую строчку? Возможно, это антигравитация, обещать не могу. А если повернуть на девяносто градусов, то получится, как считает этот неуравновешенный латинянин, что-то вроде путешествия во времени.

— Так это оно и есть!

— Ну-ну... Если он прав, то для этого потребуется энергетическая мощность, как у звезды приличных размеров. Так что забудьте об этом.— Брук уставился на каракули.— Хотя... Возможно, это новый подход к преобразованию массы в энергию. Хотите карманную силовую установку мощнее, чем реактор в Брисбене?

— И это возможно?

— Спросите своих внуков. Быстро только кошки родятся,— проворчал Брук.

— Что Вас не устраивает, доктор? — поинтересовался Генеральный секретарь.

Брук еще больше нахмурился.

— Собираетесь посадить на это гриф «совершенно секретно»? Я не терплю, когда засекречивают математику. Это постыдно.

Я навострил уши. Я объяснял Мамми, что такое «государственная тайна», и думаю, что она была шокирована. Я говорил, что государство не может обойтись без оборонных секретов, так же как и Три Галактики. Она со мной не согласилась и сказала, что по большому счету это не будет иметь значения. Но мне было неспокойно.

Мистер Ван Дювендюк ответил:

— Я не люблю секретность. Однако считаюсь с ней.

— Я знал, что вы так скажете.

— Послушайте, это данные принадлежат правительству США?

— Нет, конечно.

— И не являются проектом Конфедерации. Прекрасно. Вы показали мне несколько уравнений. Я не могу запретить вам публиковать их. Они ваши.

Брук покачал головой.

— Не наши,— он показал на меня.— Его.

— Понятно,— Генеральный секретарь посмотрел на меня.— Как юрист, молодой человек, могу сказать вам следующее. Если вы хотите опубликовать это, я не вижу способа вам помешать.

— Я? Но это не мое... Я просто... ну, посланник.

— Все равно. Желаете, чтобы это было опубликовано? Может быть, согласитесь подписать совместно с этими джентльменами?

Мне показалось, что именно этого он и хочет.

— Ну конечно. Только третьим должен стоять не я; должно быть... — я замешкался: птичью песенку не вставишь в статью,— ...пусть будет доктор Мам Ми.

— Кто это?

— Она с Веги. Но имя можно выдать за китайское.

Генеральный секретарь поторчал еще немного, задавал вопросы, слушал пленки. Потом он позвонил по телефону. На Луну. Я знал, что это возможно, но никогда не думал, что увижу своими глазами.

— Это Ван Дювендюк... да, Генеральный секретарь. Соедините с Командующим базой... Джим? Связь ужасная... Джим, ты иногда устраиваешь учебные маневры... Я звоню неофициально, но ты мог бы проверить долину... — он повернулся ко мне, я быстро подсказал,— ...долину сразу за горами к западу от станции Томбо. С советником по безопасности я не консультировался; это между нами. Но если ты все же пойдешь в эту долину, я настоятельно советую послать солдат с полной выкладкой и боекомплектом. Там могут быть змеи. Возможно, в камуфляже. Назовем это предчувствием. Да, дети в порядке, и Беатрис тоже. Я позвоню Мэри и скажу, что говорил с тобой.

Генеральному секретарю понадобился мой адрес. Я не знал, когда попаду домой, потому что понятия не имел, как добираться — я собирался ехать автостопом, хоть об этом и помалкивал. Мистер Ван Дювендюк поднял брови:

— Думаю, мы должны доставить вас домой. Как, профессор?

— Это будет не лишнее.

— Расселл, я так понял, что вы собираетесь стать инженером — космическим инженером?

— Да, сэр. То есть да, господин Секретарь.

— Вы не думали заняться юриспруденцией? В космосе множество молодых инженеров — и очень немного молодых юристов. Однако закон действует везде. Человек, знающий космические законы — и вообще законы,— всегда будет в выгодном положении.

— Может быть, обе профессии? — спросил папа Чибис.— Терпеть не могу эту современную узкую специализацию.

— Толковая мысль,— согласился мистер Ван Дювендюк.— Тогда он сможет сам диктовать условия.

Я хотел было сказать, что собираюсь заниматься электроникой, и вдруг понял, чего мне действительно хочется.

— Не думаю, что я потяну и то и другое.

— Чепуха! — сурово заявил профессор Райсфельд.

— Но, сэр, я... Мне бы хотелось делать более совершенные скафандры. У меня есть некоторые задумки, как их усовершенствовать.

— Хм-м, инженерная механика... А также многое другое, я думаю. Но в первую очередь — степень магистра техники...

Профессор Райсфельд нахмурился.

— Помнится, ты говорил, что колледжи твоих документов не приняли.

Он побарабанил по столу.

— Ну не глупо ли, господин Секретарь? Парень сумел слетать в Магеллановы Облака, но не может попасть в тот университет, куда стремится!

— Э-э-э, профессор! Вы тянете одеяло на себя!

— Именно. Подождите-ка.

Профессор Райсфельд поднял телефонную трубку.

— Сузи, соедините меня с Президентом МТИ. Я знаю, что сегодня выходной... Мне плевать, в Бомбее он или в постели... Молодец.

Он положил трубку.

— Она работает в нашем институте уже пять лет, а до этого сидела на коммутаторе университета. Она его найдет.

Я почувствовал смущение и радость. Учиться в Массачусетском технологическом — любой бы ухватился за такой шанс! Но обучение влетит в копеечку. Я попытался объяснить, что у меня нет денег.

— Я этот год поработаю, а к следующему лету накоплю...

Зазвонил телефон.

— Райсфельд слушает. Привет, Оппи! Помнится, на встрече группы ты вырвал у меня обещание позвонить, если Брука задергает тик. Держись за стул; я засекал время — двадцать одно подергивание в минуту. Это рекорд... Полегче; никого ты не пришлешь, пока я не получу свой фунт мяса. Если заведешь лекцию об академических свободах и праве на информацию, я повешу трубку и позвоню в Беркли... Впрочем, думаю, и ты мне не откажешь... Немного, всего лишь стипендию на четыре года, с полной оплатой обучения и проживания... Не кричи на меня; у тебя свои фонды... Припиши там что-нибудь в своей бухгалтерии. Ты ведь уже совершеннолетний и математику знаешь... Нет, никаких намеков. Либо ты берешь кота в мешке, либо твоя радиационная лаборатория останется на бобах. Я сказал «радиационная лаборатория»? Я имел в виду весь физический отдел... Ты же всегда можешь сбежать в Южную Америку, не заставляй меня давить на тебя... Что? Меня тоже можно обвинить в хищениях, а ты не знал? Записывай...

Профессор Райсфельд обернулся ко мне:

— Ты подавал документы в МТИ?

— Да, сэр, но...

— Он в списках абитуриентов. Клиффорд Расселл. Пошлешь вызов ему на дом, а глава вашей бригады пусть привезет мне копию... Да, большую бригаду, а во главе поставь кого-нибудь из матфизиков, например Фарли; у него есть воображение... О-о, ничего более значительного не происходило со времен яблока, долбанувшего сэра Исаака... Да, я шантажист, а ты протиратель штанов и демагог. Когда вернешься к академической жизни? Привет Белле. Пока.

Он повесил трубку.

— Все в порядке. Кип, единственное, что меня смущает: зачем я понадобился этим самым слизневолосым монстрам?

Я не знал, что ему ответить. Только вчера он рассказывал мне, что обобщает все необычное — неопознанные наблюдения, неожиданные помехи на космических трассах, все, что выходит за рамки обыденного. У такого человека наверняка есть что сказать — и к нему наверняка прислушиваются. Если у него и была какая-нибудь слабость, так это скромность. Чего, кстати, не унаследовала

Чибис. Если бы я сказал ему, что космические захватчики занервничали из-за его любознательности, он бы только фыркнул. Так что я сказал:

— Они нам не говорили, сэр. Видимо, по их мнению, вы достаточно важная персона, чтобы взять вас в плен.

Мистер Ван Дювендюк поднялся.

— Курт, я не буду тратить время, выслушивая чепуху. Расселл, я рад, что вопрос с вашим обучением решен. Если я понадоблюсь, позвоните.

Когда он ушел, я попытался поблагодарить профессора Райсфельда.

— Я хотел учиться на собственные деньги, сэр. Я бы заработал до начала семестра.

— Меньше чем за три недели? Ну-ну.

— Я имел в виду за остаток этого года и...

— Потерять целый год? Ну нет.

— Но я уже... — я взглянул на зеленую листву за окном.— Профессор... какое сегодня число?

— День труда, разумеется.

«...к тем пространственно-временным параметрам, откуда они были изъяты...»

Профессор Райсфельд опрыскал меня водой.

— Пришел в себя?

— На-наверно. Мы же провели там несколько *недель*!

— Кип, ты столько пережил, а сломался на ерунде. Можешь спросить этих звездных близнецов... — он махнул в сторону Джиоми и Брука.— ...Но ты ничего не поймешь. По крайней мере я не понял. Почему бы просто не принять, что прыжки на 167 тысяч световых лет оставляют место для маленького люфта, вроде поправки на ветер в Теннеси, величиной не знаю уж в какую долю процента? Тем более что метод вообще некорректно использует пространство-время.

В дверях миссис Райсфельд расцеловала меня, Чибис прослезилась и заставила Мадам Помпадур попрощаться с Оскаром,

который расположился на заднем сиденье. Профессор вез меня в аэропорт.

По дороге он обронил:

— Ты нравишься Чибис.

— Ну, я надеюсь.

— А она тебе? Я не слишком нескромен?

— Нравится ли мне Чибис? Спрашиваете! Да она раза четыре или пять спасла мне жизнь! От Чибис, конечно, свихнуться можно, но она храбрая, верная, умная... в общем, характер у нее — что надо.

— Тебе и самому парочка медалей за спасение жизни полагается.

Я обдумал это.

— Мне кажется, я чуть не провалил все, за что брался. Но мне помогали и мне ужасно везло.

Я содрогнулся от мысли, что исключительно везение спасло меня от супа. От того, чтобы превратиться в суп.

— «Везение» — это еще вопрос,— ответил он.— Ты говоришь об «удивительном везении», когда ты попал на частоту, на которой моя дочь передавала сигнал о помощи. Но случайностью это не было.

— А?

— Почему ты оказался на той частоте? Потому что ты был в скафандре. Почему ты был в скафандре? Потому что ты стремился в космос. Когда ты услышал сигнал космического корабля, то ответил. Если это «везение», то подающему везет каждый раз, когда он попадает битой по мячу. Кип, «везение» наступает после тщательной подготовки; «невезение» — результат халатности. Ты убедил суд, более древний, чем человечество, что ты и твой народ заслуживают спасения. И это просто случайность?

— Ну... на самом деле я очень разозлился и чуть все не испортил. Мне надоело, что меня не принимают всерьез.

— Историю человечества творят как раз те люди, которым «надоело, что их не принимают всерьез».— Он нахмурился.— Я рад, что тебе нравится Чибис. Она тянет лет на двадцать по уму, и лет на шесть по эмоциям. Обычно она не находит с людьми общего языка. Так что я рад, что она подружилась с кем-то, кто оказался умнее ее.

У меня челюсть отвалилась.

— Но, профессор, Чибис гораздо умнее меня. Она меня то и дело выставляет дураком.

Он взглянул на меня.

— Меня она оставляет в дураках уже много лет — а я не так уж глуп. Не следует недооценивать себя, Кип.

— Но это правда.

— Вот как? Мы имеем величайшего специалиста в области математической психологии, который всегда сам распоряжался своей жизнью, вплоть до того, что он сумел по собственному желанию уйти в отставку (а это очень сложно, когда на тебя такой спрос); этот человек женился на своей лучшей ученице. Сомневаюсь, что их сын глупее моего ребенка.

До меня не сразу дошло, что он говорит обо *мне*. Я не знал, что ответить. Кто из детей действительно *знает* своих родителей? Получается, я их не знал.

Он продолжал.

— Чибис — сущее наказание, даже для меня. Вот и аэропорт. Когда начнешь учиться, навещай нас. И на День Благодарения приезжай; ведь на Рождество ты, конечно, отправишься домой.

— Спасибо, сэр. Я приеду.

— Вот и хорошо.

— Да, насчет Чибис — если появятся педагогические трудности, у вас есть маяк. Мамми сумеет ее укротить.

— М-мм, это мысль.

— Чибис пыталась ее переспорить, но у нее ни разу не получилось. Ох — чуть не забыл. Кому можно рассказывать? Не о Чибис. Обо всем этом.

— Разве не понятно?

— Сэр?

— Да говори что хочешь и кому хочешь. Часто не придется. Почти никто тебе не поверит.

Домой я полетел реактивным самолетом — а они *очень* быстрые. Профессор Райсфельд всучил мне еще десять долларов, когда узнал, что у меня с собой только доллар и 67 центов, так что на автобусной станции я подстригся и купил два билета до Кентервиля, чтобы не сдавать Оскара в багаж; там его могли повредить.

Самым большим плюсом стипендии было то, что теперь не нужно продавать Оскара. Да я и так бы не продал.

Кентервиль выглядел замечательно — от вязов над головой до последней выбоины под ногами. Водитель остановился прямо у дома — из-за Оскара; нести его неудобно. Я прошел в сарай, повесил скафандр, сказал, что еще наведаюсь, и направился к черному входу.

Мамы не было; папа сидел в кабинете. Он поднял голову от книги.

— Привет, Кип.

— Привет, пап.

— Как съездил?

— Да ты знаешь, я не был на озере...

— Я знаю. Звонил доктор Райсфельд, рассказал все подробно.

— А... В общем, удалась поездка...

Я заметил, что он держит том Британики, раскрытый на статье о Магеллановых Облаках.

Он поймал мой взгляд.

— Я их никогда не видел,— с сожалением произнес он.— Возможность была, но по горло дел... а единственная свободная ночь выдалась пасмурной.

— Когда это было, папа?

— В Южной Америке, еще до твоего рождения.

— Я и не знал, что ты там побывал.

— Одно правительственное задание, в общем, работа «плаща и кинжала». Об этом не распространяются. Они красивые?

— Ну, не очень,— я взял другой том, открыл на статье «Туманности» и нашел Большую Туманность Андромеды.— Вот *это* действительно красиво. Так и *мы* выглядим.

Папа вздохнул.

— Прекрасно, должно быть, выглядим.

— Да. Я тебе все потом расскажу. У меня и пленка есть.

— Не спеши. Ты проделал долгий путь. Триста тридцать три тысячи световых лет — верно?

— Да нет, вдвое меньше.

— Я имел в виду — туда и обратно.

— А-а. Но обратно мы летели другим путем.

— Как это?

— Не знаю, как объяснить, но в этих кораблях кратчайшим путем назад является длинный кружной путь. Летишь прямо и снова очутишься в исходной точке. То есть не совсем прямо, из-за кривизны пространства — но настолько прямо, насколько возможно. Так что все возвращается к нулю.

— Большой космический круг?

— Ну да. Круговой путь по прямой линии.

— Ммм... — он задумчиво нахмурился.— Кип, а каково расстояние по окружности Вселенной? Предел красного смещения?

Я затруднился.

— Пап, я спрашивал — но не понял ответа.

(Мамми сказала: «При чем здесь расстояние, когда там нет *ничего*?»)

— Это не расстояние; это скорее состояние. Я ведь не *летал*; я просто *оказывался*. Ты не проходишь *через*, а скользишь по краю.

— Мне следовало бы помнить, что математический вопрос не задают словами,— упрекнул себя отец.

Я уже хотел сослаться на доктора Брука, когда вошла мама и проворковала:

— Привет, мои дорогие!

На долю секунды мне показалось, что это Мамми.

Она расцеловала нас.

— Я так рада, что ты дома, милый.

— Э-э... — я взглянул на папу.

— Она знает.

— Да,— ласково согласилась мама,— куда бы ни отправился мой сын, главное, чтобы он благополучно вернулся домой. Я знаю, что ты сможешь побывать везде где захочешь.— Она погладила меня по щеке.— А я всегда буду гордиться тобой. Я сходила на угол за отбивными.

Назавтра был вторник, и я спозаранку пошел на работу. Как я и думал, автомат с газировкой разладился. Я надел свой белый пиджак и принялся его настраивать. Мистер Чартон разговаривал по телефону; наконец он повесил трубку и подошел ко мне.

— Хорошо съездил, Кип?

— Очень хорошо, мистер Чартон.

— Кип, я хотел тебе кое-что сказать. Ты все еще мечтаешь попасть на Луну?

Я опешил. Потом я сообразил, что он не знает о всей этой истории. Что ж, я ведь не успел как следует рассмотреть Луну, и не отказался бы побывать там. Впрочем, теперь я не торопился.

— Да, сэр. Но сначала я закончу университет.

— Я это и имел в виду. Знаешь... у меня нет детей. Если тебе нужны деньги, скажи.

Раньше он намекал на фармацевтическую школу, только не делал таких предложений. И только вчера вечером папа проговорился, что оформил страховку на образование еще в день моего рождения, но ничего мне не говорил — выжидал, когда я встану на собственные ноги.

— О-о-о, мистер Чартон, это ужасно любезно с вашей стороны!

— Мне нравится твое стремление к знаниям.

— Вообще-то у меня уже все улажено, сэр. Но когда-нибудь мне может понадобиться заем.

— Или не заем. Скажи, если понадобится...

Он растроенно отошел.

Я работал в теплом полумраке, иногда трогая «счастливку», спрятанную в кармане. Вчера вечером я дал маме и папе приложить ее ко лбу. Мама заплакала. Папа торжественно изрек: «Я начинаю понимать, Кип». Надо будет как-нибудь придумать, каким образом дать «счастливку» мистеру Чартону.

Я начистил автомат до блеска и проверил кондиционер. Все было в порядке.

Около полудня ввалился Туз Квиггл, плюхнулся на стул.

— Привет, космический пират! Что слышно от Галактических баронов? Хи-хи-хи-хи!

Что бы он сказал, ответь я ему честно? Я дотронулся до «счастливки» и сказал:

— Что закажешь, Туз?

— Как обычно, и взбей получше!

— Шоколадной газировки?

— Сам знаешь. Взбодрись, малец! Проснись и погляди на мир вокруг тебя.

— Ладно, Туз,— нечего было обращать на него внимание; он вращался в мирке, узком, как пустота меж его ушей, мелком, как свиная лохань. Вошли две девчонки; пока коктейль Туза крутился в миксере, я налил им кока-колы. Он покосился на них.

— Леди, вы знакомы с Капитаном Метеором?

Одна из них захихикала; Туз ухмыльнулся и продолжал:

— Я его агент. По части зубодробительных подвигов свяжитесь со мной. Капитан, я все думаю насчет рекламы, которую мы запустим.

— То есть?

— Слушай сюда. «Имею скафандр — готов путешествовать!» — этого мало. Чтобы выжать бабки из твоего клоунского балахона, надо поднапрячься. Так что мы добавим: «Истребляю пучеглазых монстров! Спаситель мира — плата по таксе!». Так?

Я покачал головой.

— Нет, Туз.

— Чего это ты? Ни фига не понимаешь в бизнесе?

— Рассмотрим факты. Я не беру денег за спасение мира и не делаю этого под заказ. Это происходит само собой. И вряд ли я стал бы спасать мир, в котором живешь ты.

Обе девчонки заржали, а Квиггл нахмурился.

— Умник, да? Ты чо, не слышал, что покупатель всегда прав?

— Всегда?

— Конечно. Заруби это на носу. И шевелись с моим коктейлем!

— Да, Туз.

Я поднял стакан; он швырнул мне 35 центов; я отодвинул их обратно.

— Это за счет заведения.

И плеснул коктейль ему в лицо.

МАРСИАНКА ПОДКЕЙН

© С. Ангелов, перевод

Глава 1

Мне всю жизнь дико хотелось на Землю! Нет, не насовсем —просто поглядеть. Провести на Земле какое-то время — это здорово, это вам кто угодно скажет, но оставаться там на всю жизнь... Нетушки. Земля для человека не очень-то подходит.

Лично я вообще не верю, что человек появился на Земле. Тем более, в доказательство приводят всего-то пару фунтов допотопных косточек, да еще рассуждения разных там ученых-антропологов, которые чаще всего, если как следует разобраться, противоречат друг другу!

Сами посудите. Сила тяжести на Земле для человека явно великовата, ну откуда же иначе — грыжа, плоскостопие и всякие там сердечные недостаточности. Солнечные лучи, если от них не прятаться, кого хочешь мигом доконают — а где это видано, чтоб живые существа под угрозой смерти должны были защищаться от родной среды обитания? Ну, а с экологией на Земле и вовсе...

Ладно, не суть. В общем и целом, мы, люди, никак не могли появиться на Земле. На Марсе, конечно, тоже не могли, хотя он гораздо ближе к идеалу, чем все остальные планеты Системы. Может быть, нашим родным домом была какая-нибудь исчезнувшая планета? Впрочем, я лично считаю своим родным домом Марс и, куда бы ни занесло меня, никогда его не забуду и в конце концов вернусь назад... Хотя обязательно буду путешествовать — и забираться в такие места, где до меня не ступала нога человека.

Но для начала надо бы смотаться на Землю. Да нет, мне плевать, как там все эти восемь с лишним миллиардов народу умудряются

жить — ведь чуть не друг на друге сидят; немудрено — там суши подходящей для жизни в два раза меньше, чем надо. Я океан хочу посмотреть. Издали, конечно. Океан — это не просто фантастически невероятная штука — меня от одной мысли о нем прямо в дрожь бросает! Подумать только — такая масса воды, и просто так, сама по себе! А глубины, наверное, и с головкой будет... С ума сойти!

И мы очень скоро полетим ко всем этим чудесам!

Однако мне следовало бы нас всех представить. Семью Фриз, в смысле. Меня зовут Подкейн Фриз; для друзей — таковыми, кстати, если пожелаете, можете стать и вы — просто Подди. Пол — женский, возраст — отроческий (мне восемь лет и четыре месяца). Дядя Том говорит, «чуток еще осталось до замужа дорасти». Это верно — гражданин Марса не может подписать неограниченный брачный контракт без согласия опекуна, пока ему не исполнится девять. Ростом я — без обуви — 157 сантиметров, а вешу 49 килограммов. Папочка меня зовет «синеглазикус пятифутиус», потому что он историк и романтик. А вот я — человек совершенно неромантичный и когда мне исполнится девять, то не стану торопиться с брачным контрактом, пусть даже ограниченным. У меня другие планы.

Нет, я, конечно, не против замужества и вполне уверена, что смогу выйти замуж за кого захочу. Уж в дневнике-то можно себе позволить все писать по-честному, без ложной скромности — его ведь не будут публиковать, пока я не стану пожилой, знаменитой дамой. Ну а до того я еще сто раз успею все перечитать и поправить, если нужно. Сейчас я, на всякий пожарный, пишу на старом английском древнемарсианскими символами. Папочка легко все прочел бы, но он нипочем не станет, если только сама не попрошу. Просто золото у меня папочка! А вот братец Кларк охотно бы свои буркалы запустил, но он старый английский считает мертвым языком, а древнемарсианскими символами ему и вообще лень голову забивать.

Вам не попадалась такая книжка: «Одиннадцать лет — адаптационный кризис у мальчика переходного возраста»? От корки до корки прочла — думала, поможет с братцем справиться. Кларк-

ку только шесть, но в заглавии имеются в виду земные годы: книжка-то ведь написана на Земле. Ну а в нашем, настоящем годе — 1,8808 земного, так что братцу Кларку сейчас как раз около одиннадцати этих недоделанных земных годов.

Кстати, книжка мне ни капли не помогла. Там говорилось про «смягчение перехода в социальную группу», а что-то непохоже, чтобы Кларк вообще хотел иметь что-то общее с родом человеческим. Вот придумать способ взорвать всю вселенную, чтоб посмотреть, какой шикарный «бабах» получится — это по-кларковски! Хуже всего — что мне приходится за него отвечать, а между тем ай-кью у него 160, против моих ста сорока пяти. Представляете, как драгоценна для меня каждая кроха наличной зрелости и солидности? Пока что приходится действовать по принципу: «Ни на секунду не ослабляй бдительности и — никаких компромиссов!» Вот так и живем.

Но вернемся ко мне. Крови во мне — какой только ни намешано, но преобладает, по-моему, шведская, а полинезийской и азиатской — так, капелька, для пущей экзотики. Ноги — для моего роста — достаточно длинные, талия — 48. Грудь — 90, и не только оттого, что у меня широкая грудная клетка (все старожилы склонны к гипертрофии легких) — на «вторичные половые признаки» тоже кое-что приходится. Кроме того, у меня волнистые, светло-русые волосы, и я симпатичная. Не то чтоб красивая — какой-нибудь Пракситель, наверное, сразу и отвернулся бы — но я считаю, утонченная, яркая красота мужчину сразу отпугнет, или еще, чего доброго, такой столбняк на него наведет, что от него и толку никакого не будет. А вот симпатичная внешность — штука очень даже хорошая, конечно, если умному человеку досталась.

Еще года два назад я жалела, что не родилась мальчиком, потому что хочу стать капитаном космического корабля, но потом поняла, какой была дурой. Еще бы пожалела, что крылышек за спиной нет! Как говорит мама, в дело нужно пускать то, что имеется под рукой, и мои «подручные материалы» меня вполне устраивают. Словом, я поняла, что быть женщиной — куда как хорошо. Так что гормональным балансом я довольна, да и к этому миру вполне приспособлена, а он — ко мне; ума достаточно настолько, чтоб не выставлять его наружу; у меня большие выразительные губы и —

маленький вздернутый носик. Стоит мне озабоченно наморщить его — и все мужчины просто счастливы чем-нибудь помочь. Особенно те, что раза в два меня старше. Как говорится, траекторию не только на пальцах можно посчитать.

Вот такая я и есть, Подди Фриз, свободная гражданка Марса, будущий пилот, а когда-нибудь — командир экспедиции по исследованию глубокого космоса. Подробности — во всех газетах Системы.

Моя мама гораздо красивее, чем я, а по росту мне ее никогда не догнать. Она здорово похожа на валькирию, готовую взмыть к небесам, а по профессии — главный инженер (крупномасштабные конструкции на поверхности планет и в пространстве) с правом работы по всей Системе; награждена медалью Гувера с дубовыми листьями и орденом Христианы второй степени — за реконструкцию Фобоса и Деймоса. К тому же мама не только первоклассный спец, но и отлично держится в обществе и может мгновенно переключаться во всем диапазоне, начиная от теплого дружелюбия и кончая ледяной чопорностью, смотря по обстановке. Еще у нее куча ученых степеней, и время от времени она разражается маленькими научно-популярными перлами, например «О некоторых аспектах возведения связанных напряженных слоистых конструкций с учетом воздействия радиоактивного фона».

Из-за всех этих дел мамы часто подолгу нет дома, и мне волей-неволей приходится брать на себя обязанности «сторожа брату своему». Однако нет худа без добра — для меня это хорошая практика. Как же я стану управляться с экипажем космического корабля, если с одним-единственным шестилетним дикаренышем не могу справиться? Мама говорит, если начальник для поддержания дисциплины вынужден лупить своих людей по головам гаечным ключом, в начальники он наверняка не годится, поэтому я стараюсь без силового нажима держать нашего малолетнего нигилиста в рамках. Силовой нажим к нему, кстати сказать, не шибко-то и применишь: весит этот поросенок не меньше моего и в драке никаких правил знать не желает.

Причиной появления нас с Кларком на свет была как раз мамина работа на Фобосе. Мама старалась изо всех сил завершить в срок свое строительство; папочка же, взявший отпуск в Аресском

университете для работы по гранту фонда Гуггенхейма, фанатично старался сберечь до последней крупинки наследие древней марсианской цивилизации, и на строительство ему было ровным счетом наплевать. Словом, они с мамой сделались такими закадычными врагами, что жить друг без друга уже не смогли бы. Вскоре они поженились и завели детей.

Они у меня — все равно, что Джек Спрэтт с супругой. Папочку интересует только то, что уже свершилось, а маму — только то, что еще следует совершить, особенно если сама она может в этом поучаствовать. Папа имеет ученую степень профессора истории Земли университета имени Ван Лун, но истинная его страсть — история Марса; особенно все то, что случилось не ближе пятидесяти миллионов лет назад. Только не подумайте, что папочка какой-нибудь книжный червь и только и знает, что читать книжки да размышлять. Он еще и до моих лет не дорос, а уже делал революцию и на этом деле потерял руку — в ночь штурма штаб-квартиры Компании—и притом снайперски стреляет оставшейся рукой.

И наконец, последний член нашего семейства — дядя Том, брат папочкиного отца, мы с Кларком доводимся ему внучатыми племянниками. Дядя Том, как он сам говорит, «ведет паразитический образ жизни». Верно, нечасто увидишь его за работой, но ведь он еще до моего рождения состарился... Он, как и папочка, ветеран революции, бывший главнокомандующий Марсианского Легиона, а ныне — сенатор с особыми полномочиями, хотя что-то незаметно, чтоб он уделял много времени политике, делам Легиона или еще какой-нибудь общественной деятельности. Вместо этого он обычно торчит в Клубе Сохатых и дуется в пинокль с такими же, как сам, «памятниками славному прошлому». На самом деле, дядя Том мне ближе всех на свете: он не фанатик, как родители, и куда меньше занят, а потому всегда рад со мной поболтать. К тому же жив в нем шальной бесенок, от этого он и принимает так близко к сердцу мои проблемы, но говорит, будто мой бесенок гораздо живее. Ну, у кого живее, это еще вопрос...

Вот такая у нас семья — и мы, в полном составе, отправляемся на Землю!

Стоп. Еще трех маленьких забыла. Но это неудивительно — они, наверное, пока что в счет не идут. Когда папочка с мамой поженились, комиссия по ДЭЗ — Демографии, Экологии и Здравоохранению — дозволила им завести пятерых детей. Разрешили бы и семерых — видите, как высоко стоят мои родители в гражданской иерархии нашей планеты! А ведь все колонисты тщательнейше проверены, перепроверены и отобраны, и не только по генетическим параметрам.

Но мама на комиссии заявила, что лично ее больше чем на пять не хватит, а затем как можно скорее родила всех нас, занимаясь тем временем кабинетной работой в Планетарном Конструкторском Бюро. После этого все, кроме меня — первой, были отданы на консервацию. Кларк, например, провел в холодилке целых два года, а то был бы моим ровесником, потому что время, проведенное в замороженном состоянии, понятное дело, не считается, официально человек рождается в день, когда его вытаскивают из бутылки... Помню, я тогда страшно ревновала к нему маму! Она только что вернулась из командировки с Юноны, где строила системы жизнеобеспечения, и тут же занялась малышом. Мне это чуть ли не предательством показалось.

Тогда мне здорово помог дядя Том — я, бывало, целыми днями просиживала у него на коленях. А потом ревность моя прошла, и, казалось, можно бы успокоиться, только расслабляться, к сожалению, с этим поросенком не приходится...

Так вот. В подвалах Марсополисских ясель еще дожидаются своей очереди Гамма, Дельта и Эпсилон. По крайней мере одного из них мы расконсервируем, как только вернемся с Земли; тогда ему будет дано настоящее имя. Мама хотела разморозить сразу двух девочек — Гамму и Эпсилон,— вырастить их двоих, а мальчиком-Дельтой заняться не раньше, чем его сестренки научатся хотя бы самостоятельно садиться на горшок. Но папочка сказал, это по отношению к Дельте нечестно — он был рожден раньше Эпсилон и имеет полное право быть старше. А мама на это ответила, что пусть он свои реверансы в адрес пережитков прошлого, вроде права первородства, оставит для научных изысканий и домой не таскает.

Тогда папочка начал обвинять маму в бесчувственности, а мама в ответ: да, мол, и этим горжусь. Чувства, мол, только мешают

решению задач, требующих рационального подхода. Хорошо, сказал папа, давай подходить рационально. Две старшие сестры мальчика просто заклюют. Или еще, чего доброго, наоборот — окончательно разбалуют.

А вот это, заявила мама, вовсе ненаучно и ни на чем не основано. А папа сказал, что она просто-напросто хочет разом сбыть с рук две хозяйственные проблемы, с чем мама охотно согласилась и спросила, а что, собственно, мешает людям применять в области домашнего хозяйства принципы массового производства.

Этот вопрос папочка оставил без ответа. Зато он согласился, что две маленькие девочки, одетые в одинаковые маленькие платьица,— это действительно будет симпатично. Назовем одну — Маргарет, а другую — Маргарита; дома будем звать Пэг и Мэг...

Тут Кларк тихонько сказал мне:

— Слушай, а на фига нам вообще такое счастье? Давай просто как-нибудь ночью в эти ясли заберемся и открутим им вентили? Такой, мол, несчастный случай приключился.

Я велела ему пойти прополоскать рот синильной кислотой и предупредила, чтоб он, не дай бог, папе такого не ляпнул. Иначе месяц потом сидеть не сможет. Папочка у нас хоть и ученый-историк, но свято придерживается последней, прогрессивнейшей концепции детской психологии; чтобы его наставления не забывались, он всякий раз закрепляет информацию в коре больших полушарий мозга посредством болевых ассоциаций. В словах он эту концепцию выражает коротко и ясно: «Жалеющий розгу не жалеет чада свои».

Я-то хорошо умею подстраиваться и довольно рано уяснила себе, что такое «хорошо», а что такое «плохо». Достаточно хорошо, чтобы не попадать под папочкину концепцию и тяжелую руку. А вот Кларка, чтоб он хоть о чем-нибудь задумался, просто необходимо треснуть как следует...

Итак, у нас, судя по всему, скоро появятся две младшие сестренки. Но меня это, слава богу, мало трогает. На мою долю выпал братец Кларк, и этого вполне достаточно, а к тому времени, как двойняшки вырастут в таких же малолетних злыдней, я буду уже достаточно далеко от дома.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Приветик, Под!

Стало быть, я в твоих каракулях разобраться не могу?

Ха-ха-ха! Хорошо же ты единственного родного брата знаешь. Подди — ох, извините, капитан Подкейн Фриз, знаменитейшая покорительница космоса, а также мужских сердец... Так вот, Подди, капиташечка моя дорогая, этих строк ты, скорее всего, никогда не прочтешь. Тебе и в голову не придет, что я не только справился с твоим так называемым «шифром», но вдобавок осмелился писать комментарии на любезно оставленных тобой широчайших полях.

Чтоб ты знала, милая сестричка: я читаю на старом английском не хуже, чем на системном орто. Не так уж он труден; я выучил его сразу, как только понял, что большинство книжек, с которыми мне желательно бы познакомиться, с него не переводили и не собираются. Но, как гласит народная мудрость, не все говори, что знаешь, иначе обязательно явится какой-нибудь добрый дядя и все обломает на самом интересном месте. Старшая сестра для роли этого дяди подходит куда как хорошо.

Нет, это ж надо — простую подстановку именовать шифром! Подди, если бы ты на самом деле знала древнемарсианский, я разбирал бы твой дневник куда дольше. Но ты же его не знаешь. Даже папочка не может свободно писать на древнемарсианском, хотя знает его лучше всех в Системе.

Моего же шифра тебе не разгадать — я шифром вообще не пользуюсь.

Попробуй на досуге поместить эту страничку под ультрафиолет. К примеру, хоть под кварцевую лампу.

Глава 2

Ах, меррррзопакость!

Грязь из ушей, заусеницы и червяки склизкие! Тьфу! НАКРЫЛСЯ НАШ ПОЛЕТ БОЛЬШИМ ТАЗОМ!

Я вначале решила, что это опять гнусные выходки Кларка. Хорошо (хоть что-то хорошее среди всей окружающей непрухи), что вскоре поняла: он тут просто никак не может быть виноват, какие бы хитрые и злобные замыслы ни роились в его черепушке. Разве что он ухитрился бы изобрести и построить втайне от всех машину времени. И не сомневайтесь в его способностях! Я лично ни за что уже не поручусь в этом вопросе с тех самых пор, как он перенастроил автомат Линии Доставки, чтобы тот среди ночи организовывал ему перекусон, зачисляя все на мой код, и при этом на контрольной пломбе ни царапины не было!

Мы никогда не узнаем, как он это проделал. Несмотря на то что обслуживающая компания предлагала все понять и все простить, да еще до кучи досыпать наличными, только бы этот свинтус *соизволил* рассказать, как ему удалось сокрушить их несокрушимую защиту. Но Кларк прикинулся дурачком и ничего толком не сказал. Если он тут как бы ни при чем, то все косвенные улики указывают на меня, хотя тот, кто нас обоих знает — например, мама с папочкой,— сразу поймет, чьих это рук пакостливых дело. Мне даже в голову никогда бы не пришло заказать полосатое розово-белое мороженое под соусом «голландез» или, к примеру... Нет, лучше хватит подробностей — писать, и то противно! А вот Кларк сожрет все, что прежде его самого не заглотит, это все знают.

Но ремонтника из компании даже такое важное психологическое обстоятельство не убедило бы, не покажи их же собственные записи, что два из этих тошнотворных пиршеств имели место, когда я гостила у подруги в Большом Сырте, за тысячу километров от дома... Девочки, не дай вам бог в младшие братцы Сумасшедшего Гения! Выбирайте лучше чтобы поглупее, чтобы — флегматичный такой да ласковый; чтоб сидел себе, идиотик, тихонечко у ящика-с-дыркой, разевал бы рот на похождения древних ковбоев и думать не думал, откуда в этом ящике берутся такие шикарные картинки...

Однако я слишком уж далеко ушла от моей печальной истории.

Так вот: не будет у нас никаких двойняшек.

У нас тут неожиданно тройняшки образовались.

Гамма, Дельта и Эпсилон — некогда всего лишь тема для разговоров — стали Грейс, Дунканом и Элизабет, во всей своей до

отвращения реальной плоти. Если, конечно, папочка до окончательной регистрации опять не переменит им имена, поскольку и так уже есть три набора имен. Но — что нам в именах; главное — они уже здесь, у нас дома, в детской, загерметизированной для их защиты. Лежат себе в кроватках три бестолковых, розовых, точно дождевые черви, недоделанных человечка. Тут, можно сказать, и имена-то пока некому давать. Ручки-ножки дергаются без всякого смысла, глазенки блуждают; да еще это невыносимое кисломолочное амбре по всему дому, даже после того, как их только что вымоют... С одного конца из них исторгаются ужасающие звуки — и, стоит им на этой частоте связаться между собой, как с другого конца у каждого исторгается еще более ужасающая субстанция.

Хотя в них, безусловно, и обаяние некоторое имеется. Если б не пошли из-за них псу под хвост все мои мечты, я бы их даже полюбила. Дункан, кажется, уже начинает меня узнавать!

Но я только-только начинаю к ним привыкать, а вот мамино состояние точнее всего будет определить, как «атавистический материнский инстинкт». Ее драгоценная специальная периодика пылится по углам нечитанной, а саму маму будто тихий ангел осенил. Она даже как-то ниже и шире стала, а ведь всего неделя прошла!

Отсюда выводы.

Вывод номер один: мама ни на какую Землю не полетит, хоть с тройняшками, хоть без оных.

Вывод номер два: если так, то папочка не полетит тоже; на сей предмет Кларк с ним уже имел разговор.

Вывод номер три: если они оба не летят, то не летим и мы с Кларком. Конечно, меня бы вполне отпустили одну, раз даже папочка согласен, что я уже взрослая, как физически, так и умственно, хотя пока что еще несовершеннолетняя... Но это все — теория.

А суть в том, что я еще не доросла до нужной кондиции и не смогу взвалить на себя всю ответственность за братца, когда до родителей несколько миллионов километров. Для такого случая надо по крайней мере иметь под рукой не менее весомую помощь — вроде кистеня. К тому же папочка наш просто до отвращения справедлив и даже слышать не захочет о том, чтобы полетел только один из нас, когда путешествие обещалось обоим. Что

и говорить, хорошо, когда родители все делают по справедливости, но на сей раз я бы уж как-нибудь пережила, если бы меня вдруг решили начать «баловать и портить»...

Сказанное мной выше ясно показывает, почему я более или менее точно могу сказать: у Кларка нету припрятанной где-нибудь под кроватью машины времени. Все эти невероятные совпадения, все это потрясающее хитросплетение несчастливых случайностей для него не менее некстати, чем для меня. Как все это случилось? Садитесь все в круг, двигайтесь поближе. Я вам все расскажу. На самом-то деле гром грянул больше месяца тому назад, когда мы тихо-мирно всей семьей мечтали, как поедем на Землю. Просто до нас он тогда еще не докатился. Надо сказать, в Марсополисских яслях хранятся при температуре чуть выше абсолютного нуля тысячи и тысячи новорожденных! В полной безопасности ждут, когда же их родители будут, наконец, готовы заняться своими чадами. Говорят — и я лично верю,— будто даже прямое попадание атомной бомбы не сможет повредить младенчикам, которые хранятся в яслях. Пройдет после взрыва тысяча лет, все это хозяйство раскопают и увидят, что самообеспечивающаяся автоматика не позволила температуре внутри резервуаров отклониться от нормы даже на сотую долю градуса.

Вот почему мы, граждане Марса — ни в коем разе не «марсиане»; марсиане не имеют ничего общего с людьми, да к тому же почти все вымерли — вот почему мы, граждане Марса, можем рано обзаводиться семьями, быстренько производить на свет всех дозволенных детишек, а уж выращивать их потом, когда будут время и деньги. Ясли избавили нас от противоречия — такого явного и несправедливого еще во времена Земной Индустриальной Революции — между возрастом, наиблагоприятнейшим для рождения детей с биологической точки зрения, и возрастом, самым благоприятным в смысле финансового и общественного положения семьи...

Вот и пара по фамилии Бриз поступила, как все: поженились, едва ей стукнуло девять; ему было чуть больше десяти, он продолжал учиться на пилота, она — в Аресском Университете; подали прошение на трех детей, получили «добро», детишек оставили в яслях, а сами продолжали себе спокойно учиться. По-моему, весьма разумно.

Шли годы, он стал пилотом, а потом и капитаном, она пошла бухгалтером на его корабль, со временем дослужилась до начальника интендантской части — то есть жили себе и не тужили. Семейные пары — вообще оптимальный вариант для комплектации экипажа...

Так вот, отслужили Бризы свои положенные 10,5 (то бишь 20 земных) годочков, подали прошение об отставке и, едва получив утвердительный ответ, радировали в ясли распоряжение расконсервировать всех троих своих малышей.

В яслях радиограмму приняли, запросили подтверждение и выполнили все в точности. Не прошло и пяти недель, как наша счастливая парочка получила своих младенчиков, расписалась в получении и начала новую и столь же счастливую жизнь...

Ан не тут-то было.

Оставляли они в яслях двух мальчиков и девочку, а получили двух девочек и мальчика. Наших.

И, хотите — верьте, хотите — нет, заметили это чуть ли не через неделю. Я охотно допускаю, что разница между новорожденными мальчиком и девочкой абсолютно не существенна. Но все же разница есть. Судя по всему, вышел классический казус «семи нянек» — мамаша, обе бабушки, наемная няня, сердобольная соседка, суета, беготня, да и вообще — вряд ли кто-либо один купал всех трех младенчиков подряд. И уж во всяком случае миссис Бриз этого не делала — а потом сделала... и увидела... и упала в обморок, и уронила одного из маленьких в ванну!.. Так он и утонул бы, не прибеги на крик муж и та самая сердобольная соседка...

А мы в результате получили тройняшек месячного возраста!..

Юрист из ясель так и не объяснил, как все вышло. Он просто не хотел заводить разговор о том, как это их система идентификации, которая на десять рядов все автоматически проверяет, смогла допустить такой смачный ляп. Я и сама в недоумении — хотя, если поразмыслить логически, в непрошибаемой шеренге автоматов, сверяющих серийные номера, отпечатки всех двадцати пальцев и далее в том же духе, имеется одно весьма слабое звено. Допустим, клерк принимает радиограмму, звонит в архив и говорит: «Бриз — на разморозку!» Тот, что в архиве, ослышавшись, говорит: «Ага», вводит в машину «Фриз» — и поехало...

Но их крючкотвор даже и не думал разбираться, в чем промашка. Он просто-напросто жутко не хотел, чтобы мама с папочкой подали на ясли в суд, пусть бы, мол, лучше согласились на компенсацию и не предавали дело огласке.

Сговорились на сумме в размере маминого жалованья за три года, и этот тип, кажется, снова почувствовал вкус к жизни.

Но вот мне — за поломанную судьбу, за крушение всех надежд и чаяний! — никто никакой компенсации не предложил...

Только Кларк выдвинул было хоть какое-то предложение. Он, дескать, считает самым разумным поменяться с Бризами. Пускай размороженные останутся им, а мы сохраним за собой законсервированных. И все довольны, и все улыбаются, и вся наша семья летит на Землю...

Братец мой помимо собственной персоны ровным счетом ничего вокруг не замечает и даже не понял, что в этот момент Ангел Смерти, считай, погладил его по макушке крылом. Папочка — добрейшей души человек, но... Слишком уж много сразу на него обрушилось.

На меня, кстати сказать, тоже. Еще утром я была все равно что уже на полпути к Земле... Я ведь в жизни нигде не была дальше Фобоса! Да и то — просто школьная экскурсия; знаете — обычная ерунда «для сплочения коллектива».

Вот попробуйте догадайтесь, чем я сейчас вместо полета на Землю развлекаюсь?

Вы хоть представляете себе, сколько раз за день всю эту троицу приходится перепеленывать?

Глава 3

Тише ход! Двигателям — стоп! Бортжурнал переписать и отозвать все сводки!

Мы, невзирая ни на что, летим на Землю!

Не все, конечно. Мама с папочкой остаются дома. Тройняшки — тоже... Но лучше я расскажу обо всем по порядку.

Вчера чаша терпения моего переполнилась. Мне пришлось пеленать малышей без остановки, по кругу: только закончишь с

последним, глядишь, первому снова требуется. С тоской представляя себе, что вот в этот самый момент могла бы входить в клуб на КК «Уондерласт», под звуки нежной музыки, возможно, под руку с кем-нибудь из офицеров, а может, даже с капитаном (мне бы только единственную Случайную Встречу, а уж там я бы сыграла своего коронного «озадаченного котенка»)...

И стоило мне домечтать до этого места, обнаружилось, что всю работу опять нужно начинать заново! Мне пришли на память авгиевы конюшни, и вот тут чаша терпения моего переполнилась, да так, что из глаз в три ручья потекло!

В комнату вошла мама, и я спросила, *«не будет ли мне позволено* хоть пару часиков передохнуть?»

И что вы думаете? Она отвечает: «Конечно, милая» и даже не смотрит на меня! Будьте уверены, она и не заметила, что я плачу, а сразу принялась без малейшей необходимости пеленать малыша, которого я только минуту назад обработала! А перед этим сама же немерено времени висела на телефоне, втолковывала кому-то: решено, мол, и подписано, она с Марса никуда не улетает, но тем не менее никакой работы — даже консультаций — не возьмет, потому что ежу ясно, если она хоть на десять минут маленьких оставит, у нее уже душа не на месте!

В общем, ведет она себя в последнее время нелепо до невероятия. Видно, кора головного мозга отключилась полностью, и живет мама одной подкоркой, здорово напоминая кошку по имени Мисс Крапинка, которая у нас жила, когда я была еще маленькой, и ее первых котят. Мисс Крапинка всех нас любила и всем доверяла — во всем, что не касалось котят. Стоило кого-нибудь из них погладить, как она просто сама не своя делалась! А уж если котенка выставляли на пол, на всеобщее обозрение, она тут же выскакивала из ящика, хватала котенка за шкирку и волокла назад, раздраженно размахивая хвостом и ясно показывая, что она думает относительно безответственных людей, которые даже с маленькими толком обращаться не умеют.

Вот и мама теперь точно так же себя ведет. Мою помощь она принимает только по необходимости — одной бы ей ни за что не справиться,— но в глубине души боится доверить мне даже взять младенца в руки без постоянного надзора.

Оставив ее с малышами, я целиком положилась на свою собственную подкорку, и интуиция безошибочно привела меня к дяде Тому.

Дядя Том, как и всегда в это время дня, торчал в Клубе Сохатых, но мне пришлось подождать его в дамской гостиной. Минут через десять он наконец оторвался от карточного столика и пришел, пересчитывая по дороге толстенную пачку денег.

— Извини, задержался,— сказал он.— Там я землячкам наглядно объяснял тонкости теории вероятности. Должен же был гонорар за урок собрать! Ну, душа моя, как делишки?

Я начала было рассказывать, но тут же разревелась. Тогда дядя Том повел меня в парк, что под муниципалитетом, усадил на скамейку и купил себе и мне по пакетику воздушной кукурузы в шоколаде. Я съела свой, почти весь его и уставилась в потолок, густо усеянный звездами, а потом выговорилась, и мне полегчало.

Тогда дядя Том хлопнул меня по плечу:

— Выше нос! Могет быть и хуже!

Он достал из кармана фон, набрал какой-то номер и сказал:

— Давайте, девушка, без протокола. Говорит сенатор Фриз; мне нужен директор,— он пару секунд помолчал.— Хайми? Том Фриз говорит. Как жена, детишки?.. Ну и хорошо. Хайми, я скоро приду и заткну тебя в один из твоих баков с гелием. Часа так в два или чуть попозже. Короче, еще успеешь убраться из города. Все,— он спрятал фон.— Айда обедать. На пустой живот вредно из жизни уходить — на пищеварении сказывается плохо.

И повел меня в Клуб Пионеров! Я там раньше только раз была, и теперь клуб показался мне еще солиднее. Там настоящие, *живые* официанты! Такие старые, что еще сами, наверное, когда-то пионерами были — а то и встречали этих самых пионеров уже на месте! Все вокруг дяди Тома забегали, а он каждого звал просто по имени, и его называли просто «Том», но произносили это словно «Ваше Величество», а еще метрдотель сам лично приготовил мне десерт, а рядом стояли человек шесть, не меньше, и все ему подавали, будто знаменитому хирургу во время операции, где счет идет на секунды...

Наконец дядя Том, прикрывая рот салфеткой, удовлетворенно рыгнул, и я на прощанье всех поблагодарила, а про себя жалела: знать бы наперед — обязательно надела бы то самое платье,

которое мама считает до того неприличным, что чуть не заставила вернуть обратно в магазин и запретила надевать, пока мне не исполнится девять. Не всякий же день удается попасть в Клуб Пионеров!

Мы прошли к линии экспресс-туннелей, на станцию Джеймса Джойса Фогерти, и дядя Том всю дорогу просидел, так что мне тоже пришлось сидеть, хотя я прямо извертелась от нетерпения. Я-то лучше прошла бы по дорожке вперед, по ходу — хоть чуточку, но быстрее оказалась бы на месте... Но дядя Том говорит, что получает все необходимые физнагрузки, глядя, как другие по пустякам надрываются.

Я так переволновалась, что только оказавшись на месте, поняла, куда мы направлялись — в Марсополисские ясли. Мы прошли внутрь, остановились перед дверью с табличкой: «Директор. Просьба не беспокоить». Дядя Том сказал:

— Ты побудь пока здесь, скоро понадобишься,— и вошел.

В приемной сидело ужасно много народу, и все журналы, кроме «Наших крошек» и «Домоводства в ногу с веком», были заняты. Я отправилась бродить по коридорам и вскоре набрела на дверь с табличкой «Детская».

Ниже было написано, что посетители допускаются только с 16 до 18.30, вдобавок дверь была заперта. Пришлось идти искать другую, более завлекательную. Таковая почти сразу же отыскалась. Правда, на ней была табличка: «Вход строго запрещен!», но на ней же не было написано: «Тебя это тоже касается!» А дверь была не заперта, и я вошла.

Столько малышей вы за целую жизнь не увидите!

За рядом — ряд; и каждый — в собственной прозрачной ячейке! Мне-то как следует был виден только ближний ряд. Здесь все детеныши были примерно одного возраста и куда приятнее на вид, чем наша троица. Крохотные, милые, как щенята! Почти все они спали, а те кто не спал — брыкались, агукали и хватали ручками игрушки, висящие так, чтобы можно было дотянуться. Не было бы этих стеклянных загородок — я бы две охапки таких малышей набрала!

А еще в комнате было множество девушек — в смысле, уже молодых женщин. Все они возились с маленькими и меня, похо-

же, не замечали. Но вскоре один из младенчиков рядом со мной завопил. Над его ячейкой сразу же загорелась лампочка, одна из девушек подбежала к нему, открыла крышку, наклонилась к ребеночку, похлопала по попке, и он умолк.

— Мокрый? — спросила я.

Девушка подняла взгляд и наконец-то меня увидела.

— Нет, за этим автоматика следит. Просто компании ему хочется, вот я его и приласкала.

Голос ее, несмотря на стекло, был слышен отчетливо — наверное, тут где-то микрофоны и динамики спрятаны. Она о чем-то тихонько посюсюкала с маленьким, а потом спросила:

— Ты — из нового набора? Заблудилась?

— Нет-нет,— быстро сказала я,— я просто...

— Тогда тебе здесь нельзя — время неприемное. Или ты,— она с сомнением поглядела на меня,— пришла на курсы для молодых мам?

— Да нет же, нет пока! Я приглашена директором.

Это вовсе не было неправдой! Меня пригласил сюда человек, являвшийся гостем и близким другом директора, а это почти — если не совершенно — одно и то же.

Кажется, мне поверили.

— Так что же ты хочешь увидеть? Может быть, я могу быть чем-нибудь полезной?

— Ну, мне нужна только информация. Я делаю нечто вроде исследования. Что делается в этой комнате.

— Здесь у нас малыши, оставленные в яслях по контракту до шести месяцев,— объяснила она.— Через несколько дней их всех уже разберут по домам.

Она поудобнее устроила младенчика в его стеклянной «каюткe», дала ему соску, что-то переключила снаружи ящика, отчего подстилка внутри вроде как сгорбилась в двух местах, поддерживая малыша, чтобы не барахтался, пока будет есть свое молочко. Закрыв крышку, девушка прошла к другому кубику.

— Я лично считаю,— сказала она,— что шестимесячный контракт лучше всего. Когда ребенку год, он уже в состоянии осознать перемену. А этим пока все равно, кто подойдет на крик и их приласкает. И в то же время шесть месяцев — достаточный срок,

чтобы ребенок уже чему-то научился и чтобы снять с матери самую тяжелую нагрузку. Мы-то уже привыкли с маленькими работать, все о них знаем, да еще работаем в смену, а не «всю ночь на ногах у кроватки его»... И потому мы не вспыльчивы, никогда на малышей не кричим. Ребенок ведь все понимает, хотя и не умеет говорить. Верите? Все-все понимает! И окриками можно так ему психику исковеркать, что потом, когда подрастет, он свои обиды на окружающих выместит, да еще как! Ну что, красавчик,— продолжала она, обращаясь уже не ко мне,— теперь тебе получше? Спать хочешь, да? Полежи, полежи спокойно, а Марта подержит тебя рукой, пока не уснешь.

Она немного задержалась у этого младенца, а потом, забрав у него свою руку, закрыла ящик и помчалась к следующему.

— Малыши еще не знают, что такое время,— сказала она, вынимая из стеклянной колыбельки ее обитателя, который уже заходился в яростном крике.— Если хотят ласки, так прямо сейчас. Они же пока не знают, что...

Тут сзади к ней подошла женщина постарше.

— Слушаю вас, сестра?

— С кем это вы болтаете? Правила...

— Да, но... Это — гостья директора.

Старшая пронзила меня холодным, скептическим взглядом.

— И директор направил вас именно сюда?

Пока я лихорадочно выбирала один из трех вариантов ни к чему не обязывающего ответа, меня выручило само Провидение. Нежный, как бы идущий сразу отовсюду, голос объявил:

— Мисс Подкейн Фриз просят пройти в кабинет директора. Мисс Подкейн Фриз, пожалуйста, пройдите в кабинет директора.

Я тут же задрала нос и важно сказала:

— Это меня. Сестра, не будете ли вы любезны позвонить директору и сказать, что мисс Фриз сейчас будет? — и удалилась с подчеркнутой торопливостью.

Директорский кабинет был в четыре раза больше и раз в шестнадцать солиднее, чем у нас в школе. Сам директор оказался смуглым коротышкой с седенькой эспаньолкой и обеспокоенным выражением лица. Кроме него с дядей Томом в кабинете присут-

ствовал тот самый крючкотворишка, которому так здорово от папочки неделю назад досталось. И еще... Кларк!

Этот-то здесь как оказался? Хотя у него какая-то врожденная тяга к местам, где пахнет жареным...

Братец на меня этак безучастно покосился; я ему кивнула и отвернулась, директор со своим юристом-муристом встали, а дядя Том, оставаясь сидеть, сказал:

— Это — доктор Хайман Шенштейн, это — мистер Пун Ква Ю, а это — моя племянница, Подкейн Фриз. Ты садись, родная; не бойся, не укусят. Тут директор хочет тебя кое-чем порадовать.

— Я не думаю...— вскинулся крючкотворишка.

— Точно,— согласился дядя Том,— нечем потому что. Иначе бы понимали: если бросить в лужу камень, пойдут круги по воде.

— Но... Доктор Шенштейн! Документ, подписанный профессором Фризом, обязывает его к неразглашению, за это им получена компенсация — как установленная, так и дополнительная. Таким образом, ущерб нами был признан и возмещен! Налицо попытка шантажа! Я...

Вот теперь дядя Том встал — да так, словно раза в два выше вырос! А уж усмешку его — не дай бог во сне увидеть...

— Что там за слово вы сказали?

Тут юристу стало не по себе.

— Я... Вероятно, я оговорился... Я имел в виду...

— Я прекрасно понял, что вы имели в виду,— загремел дядя Том.— И три свидетеля, здесь присутствующих, тоже! И так уж получается, что на нашей свободной — пока что — планете всякий безответственный болтун вполне может получить картель с утренней почтой! И только потому, что я с возрастом растолстел малость, я ограничусь тем, что сдеру с вас через суд последнюю рубаху. Пошли, ребятки.

— Том,— поспешно сказал директор,— сядь ты, ради бога! А вы, мистер Пун, не суйтесь, когда не просят! Том, ты же отлично знаешь, что нет у тебя права ни вызывать его на дуэль, ни подавать на него в суд. То, что он сказал — он сказал мне как адвокат в частной беседе с клиентом.

— У меня есть право для того, другого и всего сразу. Вопрос в том, как решит суд — а это мы узнаем сразу же, как только он огласит решение.

— Ага. А заодно на всю Систему растрезвоним о том, что, как ты отлично понимаешь, я не могу предавать гласности. И только потому, что мой юрист в силу чрезмерного усердия сказал какую-то ерунду? Мистер Пун...

— Но я ведь сказал, что готов взять свои слова обратно!

— Сенатор?

Дядя Том сухо поклонился мистеру Пуну.

— Ваши извинения приняты, сэр. Вы не имели в виду меня оскорбить, и я не принимаю ваших слов на свой счет,— тут дядя Том весело ухмыльнулся, распустил, как обычно, брюхо и заговорил в нормальном тоне.— Ну что ж, Хайми, давай продолжим преступные махинации. Что скажешь?

— Юная леди,— осторожно начал д-р Шенштейн,— как мне только что стало известно, накладка в планировании вашей семьи, целиком и полностью лежащая на нашей совести, к глубокому нашему сожалению, послужила причиной сильнейшего разочарования для вас и вашего брата.

— Еще бы,— боюсь, не слишком любезно ответила я.

— Да. Как выразился ваш дядюшка, от нашего камня разошлись круги. И эти круги могут очень просто утопить нашу фирму, подмочив, так сказать, ее репутацию. Наш бизнес, мисс Фриз, суть бизнес особого сорта. На первый взгляд это самые обычные инженерные работы, совмещенные с функциями няньки. Фактически же мы имеем дело с самыми первичными человеческими чувствами. Поэтому стоит нам допустить хоть малейшие сомнения в нашей честности и добросовестности...— он беспомощно всплеснул руками.— После этого нам и года не продержаться. Я могу детально объяснить, каковы причины досадной оплошности в отношении вашей семьи; наглядно продемонстрировать, сколь мала была ее вероятность и как эта вероятность впредь приблизится к нулевой в силу разработки нами новых методик... И тем не менее,— он скроил жалостную, беспомощную мину,— стоит вам просто-напросто рассказать всем чистую правду о том, что произошло... Нам конец.

Мне стало так жаль его, что я чуть не заорала, мол, даже во сне никому не проговорюсь, и черт с ним, что их ошибочка положила конец всем моим надеждам, но тут в разговор вступил Кларк:

— Осторожно! Мины!

Опомнившись, я молча выдала директору каменное лицо. Кларк — он такой, он нутром чует, что в его интересах, а что нет.

Д-р Шенштейн отмахнулся от вякнувшего было что-то мистера Пуна и продолжал:

— Однако я, юная леди, вовсе не вправе просить вас о молчании, а вы, как сказал ваш дядюшка, сенатор Фриз, пришли сюда не затем, чтобы шантажировать нас, а посему торг здесь неуместен. Компания «Марсополисские ясли» никогда не остается в долгу, даже если не давала никаких долговых расписок. Итак, я пригласил вас сюда с тем, чтобы обсудить, как мы можем возместить тот ущерб, который безусловно — хотя и без всякого злого умысла с нашей стороны — причинен вам и вашему брату. Ваш дядюшка говорит, что предполагал ехать вместе с вами и вашими родителями, но теперь улетает ближайшим рейсом «Треугольника». Если я не ошибаюсь, как раз через десять дней стартует «Трайкорн». Не будете ли вы чувствовать себя менее ущемленной, если мы оплатим вам и вашему брату круговое путешествие «Треугольника» в первом классе?

Не буду ли я?! «Уондерласт» — одно название что космический корабль, и то на Землю летает; хотя на самом-то деле это старый, медлительный грузовоз. А у «Треугольника» — настоящие дворцы, а не корабли, это любой ребенок знает! Я только и смогла, что кивнуть в ответ.

— Вот и замечательно! Приняв наш подарок, вы доставите нам истинное удовольствие. Смею надеяться, и сами получите от него удовольствие не меньшее. Но... Юная леди, могу ли я просить вас — нет-нет, без всяких условий; просто ради добрых отношений — о некоторых заверениях относительно неразглашения нашей досадной оплошности?

— Э-э... Но я полагала, это входит в условия соглашения...

— Нет-нет, никаких соглашений! Как верно заметил ваш дядюшка, путешествие мы вам должны в любом случае.

— Что вы, доктор — перед отъездом всегда хлопот выше головы, и у меня просто не будет времени кому-нибудь говорить о

каких-то оплошностях, в которых вы к тому же скорее всего и не виноваты.

— Благодарю вас,— он повернулся к Кларку.— А ты, сынок, что скажешь?

Кларк терпеть не может, когда его так называют, однако на сей раз чувствам воли не дал и на вопрос ответил вопросом:

— А как дорожные расходы?

Д-р Шенштейн болезненно сморщился.

— О! — заржал дядя Том.— Вот это молодец! Я тебя предупреждал: он у нас прожорливее крокодила. Далеко пойдет, если не отравят вовремя.

— Так что вы можете предложить?

— Погоди, Хайми. Кларк! Смотреть в глаза! Или ты будешь продолжать свои штуки, и я запихаю тебя в бочонок, а кормить стану через дырку для крана, чтобы ты никому ничего не смог рассказать,— а сестра поедет без тебя; или ты примешь эти условия. По тысяче... Нет, по полторы тысячи каждому на дорожку, и ты во всю свою жизнь даже не заикнешься об этой путанице — иначе я лично с помощью четырех крепких, жесткосердых сообщников отрежу тебе язык и скормлю его кошке. Так как?

— Мне еще с ее доли десять процентов следует. Сама бы она не додумалась...

— Никаких процентов! Это мне надо бы с тебя за все это дело комиссионные содрать. Ну?

— Ладно, согласен.

Дядя Том поднялся.

— Готово дело, док. Конечно, он у меня хреновато воспитан, однако положиться на него можно, а о сестре его — и говорить не приходится. Стало быть, не бери в голову. И вы, Ква Ю, можете дышать — разрешаю. Док, чек пришли ко мне завтра утром. Айда, ребятки.

— Благодарю тебя, Том. Если уместно так выразиться, чек будет у тебя дома еще до твоего прихода. Э-э... Можно еще вопрос?

— Валяй, док.

— Сенатор... Вы попали на Марс задолго до того, как я появился на свет; про вашу молодость я ничего не знаю — помимо обще-

известных легенд да статейки из «Кто есть кто на Марсе». За что вас сюда сослали? Если, конечно, сослали...

Мистер Пун в ужасе втянул голову в плечи. Мне тоже стало не по себе. Но дядя Том не обиделся. Он от души рассмеялся и ответил:

— Замораживание младенцев в корыстных целях. Но мне это зазря пришили, я такими штуками никогда не промышлял. Пошли, ребятишки. Пора линять из этого вурдалачьего логова, пока в подземелье не сволокли.

Ночью, уже лежа в кровати, я мечтала в полусне о предстоящем путешествии. Даже мама с папочкой не возражали — дядя Том все уладил по фону еще до моего прихода домой... Тут из детской раздался плач; я поднялась и пошлепала туда. Плакал Дунканчик, кроха моя милая. Он пока что был сухой, просто одиноко стало... Я взяла его на ручки, крепко-крепко к себе прижала; он полопотал немного по-своему, а потом описался. Пришлось менять ему пеленки.

По-моему, он ничуть не хуже тех младенчиков в яслях. Может, даже лучше, не беда, что на пять месяцев младше и глазки у него разбегаются. Я его уложила в кроватку — он тут же засопел — и отправилась к себе...

Стоп! «Треугольник» получил свое название оттого, что занимается перевозками на трех ведущих планетах Системы, однако маршрут зависит от того, как в данный момент расположены Марс, Земля и Венера...

Я помчалась в гостиную, отыскала, славате господи, сегодняшний «Боевой Клич», сунула его в проектор, перемотала на космофлотские новости, нашла расписание...

Да, да, *да*! Я не только на Земле побываю — я еще и на Венеру попаду!

Венера! Интересно, мама разрешит? Нет, лучше ей сейчас ничего не говорить. Заодно и дядя Том, когда мы там окажемся, станет посговорчивее.

Только вот без Дункана я, наверное, скучать буду, без куколки моей маленькой...

Глава 4

Уф! Уже несколько дней совсем не оставалось времени на дневник. Это же немыслимое дело — приготовить все за десять дней! Я бы и не успела, но, к счастью, большинство процедур — прививки от земных вирусов, фотографии, документы — были приготовлены еще до того, как Все-Уже-Было-Рухнуло. Да и мама вышла-таки на время из своего атавистического столбняка и много в чем помогла. Даже к малышам на крик бросалась, оставляя меня, всю в булавках, не сразу, а только через две-три секунды.

Не знаю уж, как готовился к отъезду Кларк и готовился ли вообще. Он все так же молча болтался по дому и на все вопросы отвечал угрюмым бурком, если вообще отвечал. Нельзя сказать, что и дядя Том развил бурную деятельность. За эти сумасшедшие десять дней я его видела лишь только два раза (клянчила у него по чуть-чуть от багажного лимита, и дорогой мой дядечка, конечно же не отказал!), и оба раза приходилось вытаскивать его из-за карточного столика в Клубе Сохатых. Я спросила, как же он намерен успеть все сделать до отъезда, если без конца играет в карты, а он ответил:

—Что значит «как»? Я уже все сделал — новую зубную щетку купил!

Тут я его обняла и сказала, что он дикий, как миллион самых диких медведей, а он засмеялся и взъерошил мне волосы. Интересно, настанет ли у меня когда-нибудь «надоеданс» от космических путешествий? Я ведь буду астронавтом. Но папочка говорит, половина удовольствия от путешествия заключается именно в сборах... Нет уж, мне такого удовольствия и даром не надо!

В конце концов мама доставила-таки меня в городской космопорт со всеми вещами и бумагами — билетами, медсправками, опекунскими правами дяди Тома, деньгами в валютах всех трех планет, туристскими чеками, свидетельством о рождении, разрешением полиции, освобождением от пошлин и еще не помню чем. Под мышкой я тащила сверток с вещами, которые *не соизволили* вместиться в чемоданы; одна шляпка была у меня на голове, а другая — в руках. Все остальное уложилось в лимит буквально грамм в грамм.

(И куда только подевалась эта вторая шляпка?! Я же ее из рук не выпускала — и все-таки на борт поднялась уже без нее. О чем ни секунды не жалела.)

Прощание вышло нервным и слезливым. Провожали нас не только мама с папочкой (папочка меня крепко обнял, а я обхватила его обеими руками и даже на секунду расхотела улетать). В порт, точно снег на голову, заявились около трех десятков моих одноклассников. Двое впереди тащили большой транспарант:

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ, ПОДКЕЙН!

Меня перецеловали столько раз, что хватило бы для приличной эпидемии, будь хоть один из нас нездоров. Поцеловали даже те мальчики, которые раньше об этом и думать не могли! Хотя в том, чтобы меня поцеловать, ничего особенного нет, если данный акт производится в условиях конфиденциальности и взаимного одобрения. Я считаю, инстинкты нужны не меньше чем разум.

В процессе прощания у меня сломался корсаж — папин подарок к поездке,— но я этого не заметила, пока не поднялась на борт парома. Наверное, и шляпку тогда же посеяла — не знаю точно. И сверток этот несчастный потеряла бы; спасибо, дядя Том взял его себе. Были еще газетчики, но это — ради дяди Тома; моя скромная персона их не интересовала. И тут вдруг оказалось, что нам надо сию же секунду мчаться на борт — паром ждать не может, он должен стартовать точно в назначенное время, хоть Деймос и движется по своей орбите гораздо медленнее, чем Фобос. Писака из «Боевого Клича» все никак не отставал от дяди — он желал знать его мнение о приближающейся Конференции Трех Планет, но дядя Том ткнул себя пальцем в кадык и просипел:

— Анхина.

И на борт мы поднялись последними — за нами сразу же задраили люк.

Вероятно, дядя Том подхватил где-то самую скоротечную ангину в мире: по дороге в порт он еще разговаривал нормально, а сразу после посадки от нее уже и следа не осталось.

Все рейсы паромов похожи друг на друга как две капли воды. Нынешний был точно таким же, как тот, когда нас возили на

Фобос. Рывок, нарастающий рев двигателей; в кресло вдавливает так, что вздохнуть невозможно, тем более — пошевелиться, а затем сразу невесомость... Невесомость — вообще состояние жутко странное; нереальное какое-то. Желудок ведь не железный; даже если не тошнит, все равно приятного мало. Слава богу, меня почти не укачивает.

На Деймосе — все равно что в невесомости: у спутников Марса притяжение почти неощутимое. Здесь нас обули в сандалии с присосками, и стало полегче. На Фобосе было точно так же, однако в остальном сходства никакого. Нет, природа ни при чем. Дело в том, что Фобос, как всем известно, принадлежит Марсу, и для его посещения не нужно соблюдать никаких формальностей. А Деймос — имеет статус вольного порта под юрисдикцией Комитета Межпланетного Тройственного Союза. И знаменитый преступник, за чью голову в Марсополисе назначена награда, спокойно может пересесть здесь на любой корабль — прямо под носом у наших полицейских, а они даже пальцем его тронуть не имеют права! Прежде они обязаны проделать множество длинных, нудных процедур: протащить дело через Межпланетный Верховный Суд, который находится на Луне, то есть практически выиграть дело до ареста обвиняемого, доказав, что имеет место нарушение законов всего МТС, а не только марсианских, и уж потом просить уполномоченных Комитета арестовать осужденного. Если, конечно, он такой дурак, что до сих пор ошивается на Деймосе.

Теоретически я все это знала раньше — Деймосу было посвящено полстраницы в учебнике «Краткий курс марсианского обществоведения», глава «Экстерриториальность»,— а едва мы сошли с парома, у меня образовалась уйма времени, чтобы такое положение дел оценить с практической точки зрения. Не успели мы шагу ступить, как обнаружилось, что все пассажиры заперты в зале с лицемерным «Добро пожаловать!» над дверью. Здесь нам надлежало ждать, пока нас не начнут «досматривать». Одна из стен была прозрачной, за ней была площадь, по площади сновали взад-вперед целые толпы народу, все шли куда-то по своим интересным и загадочным делам, а тут изволь сидеть на чемоданах и скучать.

Вообще-то у меня характер мирный и с человеколюбием все в порядке, но с каждой минутой я злилась все сильнее и сильнее.

Не для того, черт побери, моя родная мама все это строила, чтобы меня здесь теперь запирали, будто белую мышь в виварии!

Правда, мама только реконструировала Деймос. Строили его марсиане, использовав первый же подходящий астероид. Однако несколько миллионов лет назад космос им наскучил, они увлеченно взялись выяснять, каким бы образом объять необъятное, и маме пришлось почти все переделывать заново. Деймос к этому времени был черт знает в каком состоянии, так сказать, начать и кончить, и все, что только видно было сквозь стеклянную стену, было плодом воображения и инженерного гения моей мамы.

Злость усиливалась. Кларк слинял куда-то в угол и секретничал там с каким-то типом, я его раньше никогда не встречала. При всей своей ненависти к роду человеческому братец всюду находит знакомых — личных или заочных. Иногда кажется, что он состоит в каком-то жутко конспиративном тайном обществе. Например, никогда не приводит своих знакомых домой. Стесняется их, что ли?

Вот если скучно злиться в одиночестве, лучше Кларка компании не найти. Он, когда не занят, всегда рад присоединиться к ругани в чей-нибудь адрес. Даже объяснит, почему этот объект куда как мерзопакостнее, чем ты думаешь. Но сейчас Кларк был занят, оставался только дядя Том. Ему я и пожаловалась на несправедливость, которую над всеми нами творят. Это ж надо — свободных марсианских граждан на марсианском же спутнике держать взаперти, будто скотов бессловесных! И только потому, что в правилах на стене сказано: «Пассажиры должны ожидать досмотра в зале ожидания. Распоряжение Комитета по МТС номер такой-то».

— Тоже мне, политики! Я бы и то куда лучше все организовала!

— Точно,— серьезно согласился дядя,— только ты чуток недопонимаешь...

— Все я отлично «допонимаю»!

— Ошибаешься, детка. По твоему разумению, нет никаких причин держать тебя здесь до самой посадки и не давать тебе бегать по магазинам в свое удовольствие. Все правильно, никому в этом никакой корысти нет. Ты отлично могла бы все время радовать портовых лоточников, соря деньгами направо и налево, ошибочно

полагая, что их безделушки стоят — дешевле некуда. И вот ты хаешь политиков и думаешь, что во всем разобралась.

Он вздохнул.

— Но ты просто не понимаешь; политики — не зло, политика — величайшее достижение человечества. Хороша политика — все просто замечательно. Плоха — все равно хорошо.

— Вот этого я точно не понимаю!

— А ты подумай. Политика — не что иное, как способ улаживать дела без драки. Конечно, приходится из-за каждой мелочи спорить до хрипоты, искать приемлемый компромисс. Каждая из сторон считает, что в прогаре именно она, однако после бесконечной говорильни все-таки находится вариант, который удовлетворит всех, причем для этого не надо никому расшибать лоб. Вот что такое политика. Конечно, есть и другой способ разрешить спор — расшибить-таки несколько лбов. Так оно и выходит, когда одной из сторон надоедает спорить. И поэтому даже плохая политика хороша. Без нее кто-нибудь применил бы силу. А за этим всегда стоит чья-то боль.

— Ага. Ну не забавно ли от ветерана революции слушать такие вещи? Дядя Том, ты ведь, говорят, был одним из тех кровожадных головорезов, которые начали стрельбу? Или папочка неправ?

— Ну,— усмехнулся дядя,— я-то только смотрел, как бы самому не подставиться. Правильно. Если спорить бесполезно, надо драться. Наверное, только тот, кто побывал под обстрелом, до конца понимает насколько лучше, чтобы все решилось миром, чем ежели тебе голову продырявят.

Дядя помрачнел и сразу стал совсем старым.

— Труднее всего — решать, когда спорить, а когда драться.

Тут он улыбнулся и снова стал прежним дядей Томом.

— Драку изобрели не люди, она задолго до нас существовала. Но люди изобрели политику. Понимаешь, лапа, хомо сапиенс — самый хитрый, хищный, безжалостный и смертоносный зверь во всей Системе. Однако именно он изобрел политику, именно он выдумал способ сосуществовать не убивая друг друга! Так что никогда не ругайся словом «политика».

Мне стало совестно.

— Больше не буду, дядя Том.

— Бу-удешь, куда ты денешься. Может, лет через двадцать или тридцать... Во, во! Гляди, гляди, лапушка, вон он, твой оскорбитель! Бюрократ, ставленник нелюдей-политиканов! Это он от их имени жестоко и несправедливо лишил тебя свободы! А ну, сорви с него очки! Чтоб знал, что его правила ни фига не значат!

Я с достоинством промолчала. Дядю Тома никогда точно не поймешь, серьезно он говорит или шутит. Он просто обожает меня дурачить, пока я не почувствую себя круглой дурачиной. На пороге нашего загона для скота появился уполномоченный КМТС и принялся оглядывать нас, точно служитель в зоопарке, когда он проверяет обезьяньи клетки на предмет чистоты.

— Просьба приготовить паспорта! — рявкнул он.— С дипломатическими — вне очереди! — Тут он заметил дядю.— Сенатор.

Дядя Том покачал головой.

— Я неофициально.

— Как пожелаете, сэр. Просьба ко всем — построиться в порядке, обратном алфавитному!

Этот чертов обратно-алфавитный отбросил нас в самый конец. Ожидание растянулось на два с лишним часа: пассажиров впереди стояла уйма, у каждого — паспорт, медсправки, багаж, то, се — и все это надо проверять... Марсианская Республика не берет пошлин за вывоз, но много чего нельзя вывозить без особого разрешения.

Например, марсианские древности (поначалу-то тащили все, что только могли, и теперь множество раритетов хранится под семью замками в Британском Музее и Грановитой Палате; я слышала, как папочка возмущался по этому поводу), некоторые наркотики и всякое такое. Кое-что — например, оружие — можно везти, но на время перелета надо сдавать суперинтенданту.

А Кларк тем временем шнырял возле таможенников и высматривал примеры наиболее типичных нарушений правил пассажирами. С самого начала всем раздали длиннющий список недозволенных вещей — надо сказать, захватывающее чтение! Думать не думала, что на свете столько всего незаконного, аморального и опасного... Когда мы, представители семьи Фриз, подошли наконец к барьеру, инспектор единым духом выпалил:

— Очемымеетезаявить?

Наверное, он был с Марса, так как сразу узнал дядю:

— Ух ты! Добрый день, сенатор! Для меня большая честь... Что ж, думаю, ваши чемоданы и открывать не стоит. Молодые люди — с вами?

— Вы уж лучше откройте,— посоветовал дядя Том,— вдруг я решил подбросить немного оружия нашим дочерним организациям... А ребятишки — мои племяши, но за них ручаться не стану. Те еще бандюги. Особенно эта крошка — прямо тут, пока все ждали, призывала к ниспровержению власти.

Инспектор разулыбался:

— Думаю, вам-то, сенатор, можно позволить несколько стволов. Вы-то знаете, что это такое. А вы, ребятишки? О чем имеете заявить?

И только-только я с ледяным спокойствием ответила:

— Мне не о чем заявлять...

Но тут Кларк Кларк ляпнул:

— Ну да! — и заскрипел своим противнющим голосом.— Два кило звездной пыли! А чье это собачье дело? Я ее купил за свои деньги и черта с два кому позволю замылить!

Сказано это все было наинаглейшим тоном, а уж физиономия его просто напрашивалась на пощечину.

Что тут началось! Инспектор как раз собирался заглянуть — просто формально — в одну из моих сумок, а этот мелкий поросенок поднял всех на уши. Стоило ему сказать «звездная пыль» — и рядом, точно из-под земли, выросли еще четыре инспектора. Двое, судя по акценту, были с Венеры, а еще двое, наверное, с Земли.

Для людей, живущих на Марсе, звездная пыль ничего особенного из себя не представляет. Марсиане испокон веков пользуются ею, как люди табаком, только безо всяких плохих последствий. Черт их знает, что они в ней находят. Некоторые из наших песчаных крыс переняли от марсиан эту привычку, но мы всем классом под надзором учителя биологии пробовали, и — никакого эффекта. Лично у меня только нос заложило до самого вечера, а так — ровным счетом ноль в квадрате.

Однако венерианцы, то есть аборигены, дело другое. Раз попробует — и готов маньяк-убийца; на все пойдет, лишь бы еще

достать. На тамошнем черном рынке звездная пыль стоит бешеных денег, а за хранение — без всякого суда пожизненно ссылают на спутники Сатурна.

Таможенники завертелись вокруг Кларка, точно растревоженные осы! Однако, сколько ни смотрели, ничего в багаже не нашли. Тогда дядя Том сказал:

— Инспектор! Могу я внести предложение?

— Конечно, господин сенатор!

— Племяшок мой, к великому моему стыду, поднял тут большой переполох... Чего бы вам не отвести его в сторонку — я лично заковал бы его в кандалы — и не пропустить пока остальных?

Инспектор заморгал.

— Думаю, это замечательная мысль.

— И я бы вам был ужасно благодарен, если бы вы со мной и с племянницей закончили. А то только всем мешаем.

— О, в этом нет надобности.

Инспектор закрыл мою сумку, в которую было полез, и быстро проштамповал весь наш багаж.

— Не стоит рыться в нарядах юной леди. А вот такого дошлого молодого человека не помешает обыскать с ног до головы и вдобавок посмотреть на просвет.

— Валяйте.

Мы с дядей прошли мимо еще нескольких столов — финансовый контроль, всякие там миграции, коммуникации, коммутации — и наконец вместе с багажом отправились на центрифугу, взвешиваться. На покупки не осталось ни минуты.

В довершение всех обид оказалось, что я вместе с багажом на три с лишним килограмма тяжелее нормы. Что за черт? На завтрак съела куда меньше обычного, а после даже не пила ничего: меня хоть и не тошнит в невесомости, но пить в таких условиях — то еще развлечение. Обязательно попадет куда-нибудь не туда, и — поехало...

Я уже хотела возмутиться, заявить, что весовщик слишком сильно раскрутил центрифугу, но вовремя вспомнила, что за точность наших домашних весов тоже поручиться не могу.

Дядя Том полез за бумажником.

— Сколько с нас?

— Н-ну...— замялся весовщик,— давайте вначале вас, господин сенатор, крутанем.

Дядя потянул на целых два кило меньше лимита. Весовщик пожал плечами.

— Все в порядке, господин сенатор. Тут еще двое были в минусе, так что, я полагаю, можно не обращать внимания. Если что, я дам знать суперинтенданту, но скорее всего, норму не превысим.

— Благодарю вас. Как, вы сказали, вас зовут?

— Майло. Майлс М. Майло. Ложа Стервятников, номер семьдесят четыре. Вы, может, видели нашу показательную команду на слете легионеров два года назад? Я был левым замыкающим.

— Ну как же, как же!

Они пожали друг другу руки — тем особым способом, который, как они почему-то думают, простым смертным неведом — и дядя Том сказал:

— Ну что ж, спасибо тебе, Майлс. Счастливо.

— Не за что... э-э... Том. Нет, не беспокойтесь о своем багаже,— мистер Майло нажал у себя за барьером кнопку.— Эй, на «Трайкорне»! Пошлите кого-нибудь за багажом сенатора!Да поскорее!

Мы прошли к вакуум-капсулам, чтобы ехать на посадку. Пока нам меняли сандалии с присосками на магнитные пластинки, пристегивающиеся к подошве, мне подумалось: а ведь стоило дяде Тому только захотеть воспользоваться своими правами и привилегиями, и нас бы ни на минуту нигде не задержали...

Однако путешествовать в компании «очень важной персоны» в любом случае куда как удобно. Даже если эта самая ОВП — всего лишь твой собственный дядя Том, чей живот ты в детстве немилосердно использовала в качестве батута. В наших билетах было написано просто «Первый класс», но поместили нас в то, что они называли «К.В.К.», то есть в «Каюту владельца корабля». Какая там каюта — настоящий номер-люкс! Три спальни плюс гостиная...

Потрясающе!

Но поначалу у меня не было времени восхищаться всем этим великолепием. Едва закрепив наш багаж, матросы пристегнули нас ремнями к креслам у одной из стенок гостиной. Судя по всему, эта стенка должна бы быть полом, но сейчас стояла почти вертикально — хотя притяжение на Деймосе почти не чувствуется,

но все же оно есть. Тут завыла сирена, в дверь втащили Кларка и пристегнули его к третьему креслу. Братец был взъерошен, однако вид имел победный и наглый.

— А вот и наш контрабандист,— добродушно отметил дядя.— Ну как? Нашли чего?

— Было бы, что искать...

— Так я и полагал. Хоть попотеть-то заставили?

Кларк только презрительно присвистнул.

Лично я ему не поверила. Говорят, если инспекция имеет что-нибудь особенное против пассажира, обыск может стать процедурой жутко неприятной, хотя все будет точно по закону. Ничего, Кларку невредно бы «попотеть». Хотя, посмотреть на него — он там просто развлекался от души...

— Кларк,— сказала я,— зря ты лгал инспектору. Дурак ты, и шутки у тебя самые что ни на есть дурацкие.

— Не нуди,— огрызнулся этот поросенок.— Если я и везу чего такого, пускай ищут — им за это жалованье платят. А то — ишь!.. «Очемымеете»... Вот уж дурацкий вопрос! Кто же станет сам на себя заявлять?

— И все равно. Будь здесь папочка...

— Подкейн...

— Что, дядя?

— Брось ты его, ради бога, а то старт пропустишь.

— Но... Хорошо, дядя.

Давление слегка упало, последовал внезапный толчок — нас, конечно выкинуло бы из кресел, кабы не ремни, но все же тряхнуло потише, чем на пароме; на несколько секунд мы потеряли вес, а затем последовала мелкая, теперь уже не прекращающаяся тяга в том же направлении, что и сначала.

Каюта начала вращаться — медленно, почти незаметно, только голова немного закружилась.

Потихоньку-полегоньку наш вес увеличился. Минут через двадцать я уже весила столько же, сколько и дома. К этому моменту пол, который сначала был стеной, принял почти горизонтальное положение. Но не совсем.

Дело вот в чем. Первый толчок — это деймосские буксиры вывели «Трайкорн» на орбиту. Много времени это не занимает:

«худышка» вроде Деймоса даже такую громадину, как «Трайкорн», притягивает слабо; проблема только в том, чтобы сдвинуть ее огромную массу с места.

Ну, а потом капитан «Трайкорна» запустил свои собственные двигатели с ускорением всего в 0,1 g. На таких кораблях во время полета двигатели работают постоянно; «Трайкорн» — не из тех посудин, что неделями и месяцами болтаются по экономичным траекториям, а пассажирам — хочешь не хочешь — приходится все это время проводить в невесомости. Он движется быстро — даже 0,1 g обеспечивает потрясающую скорость.

Но вот на комфорт для пассажиров, привыкших к большей силе тяжести, этой одной десятой не хватит. Поэтому, едва корабль лег на курс, капитан придал ему вращение вокруг продольной оси и наращивал скорость вращения до тех пор, пока центробежная сила в векторном сложении с ускорением не обеспечила нам марсианские 0,37 g — по крайней мере, в каютах первого класса.

Однако пол так и не станет строго горизонтальным, пока мы не прибудем на Землю: корабль сконструирован так, что полы станут строго горизонтальными, только когда центробежная сила и ускорение дадут в сумме 1 g, то есть земную норму.

Может, я объясняю не совсем точно, сама в школе толком не разобралась и не могла разобраться, пока не посчастливилось, наконец, попасть в рубку управления, посмотреть, как работает вся эта система и как рассчитывается центробежная сила. «Трайкорн», как и все корабли этого типа — «Трайс», «Триада», «Триангулюм» и «Триколор»,— огромный цилиндр. Ускорение направлено вдоль продольной оси цилиндра, а центробежная сила ей, конечно, перпендикулярна. В сумме они создают искусственную гравитацию для пассажирского отделения; поскольку ускорение постоянно, а скорость вращения — нет, пол может располагаться горизонтально только при определенной скорости вращения.

Для того чтобы довести гравитацию в пассажирском отделении до 1 g, «Трайкорн» должен совершать 5,42 оборота в минуту — мне капитан так сказал. Я потом и сама пересчитала — вышло то же самое. Пол нашей каюты отстоит от продольной оси корабля метров на тридцать, так что все верно.

* * *

Как только пол сделался полом, а по радио объявили, что корабль лег на курс, я отстегнулась и помчалась в коридор. Даже чемоданов не разобрала — очень уж хотелось поскорее осмотреть корабль.

Да, скажу я вам, если кто изобретет приличный дезодоратор для космолетов, ему, наверное, памятник при жизни поставят! А то ведь — черт знает что! Нет, конечно, надо отдать должное, все же здесь они стараются: воздух после каждого цикла прогоняют сквозь фильтры, очищают, ароматизируют, озонируют, а уж кислород, добавляемый после поглощения углекислого газа, чище младенческих помыслов — он получается прямо на корабле, как побочный продукт фотосинтеза растений в оранжерее. Словом, воздух так чист — хоть медаль от Общества За Искоренение Злодейских Помыслов присуждай.

К тому же громадное количество матросов без конца что-то драят, чистят, полируют, стерилизуют, ничего не скажешь — стараются они, стараются...

И тем не менее даже новенький лайнер-суперлюкс, вроде «Трайкорна», воняет жутко! Тут и человеческий пот, и всякие стародавние грехи с легким привкусом гниющей органики, несчастных случаев и прочих, не к столу будь сказано, штук. Я раз ходила с папочкой на раскопки древнего марсианского погребения и теперь отлично знаю, зачем у ксеноархеологов всегда под рукой противогазы... Так вот, на космическом корабле запашок еще похлеще.

И суперинтенданту жаловаться без толку. Он выслушает с дежурной улыбочкой на лице и пошлет матроса опрыскать каюту какой-то ерундой, отчего, кажется, просто нюх на время теряешь. Не заблуждайтесь относительно любезной улыбки — самто он никаких таких запахов не чует, ведь он годами живет на корабле в этой вони. Вдобавок он еще *точно знает*, что воздух чист, потому что так показывают приборы. Любой профессионал-косматик вам именно так и скажет.

А то, что пассажиры жалуются на «невыносимую вонь»,— для него дело привычное, поэтому он просто одаривает их сочувственной улыбкой и создает какую-то видимость деятельности.

Нет, я лично жаловаться не ходила. Если уж я намерена прибрать этот корабль к рукам, нельзя с первого же дня прослыть придирой. А некоторые жаловались — и я их прекрасно понимаю. От этих запахов даже как-то слабеет желание стать капитаном космолета.

Но ничего. Дня через два корабль как будто несколько отмыли, а еще через некоторое время я уже не вспоминала ни о каких запахах. Понятно, почему никто из экипажа не может унюхать, на что пассажиры жалуются. Их рецепторы просто не реагируют на привычные раздражители, как киберстанции слежения не принимают во внимание объекты, чьи траектории заранее заложены в их память.

Нет, запахи никуда не делись. Наверное, они так въелись в полированный металл, что исчезнут только когда корабль разберут и переплавят. Слава богу, человеческая нервная система ко всему может приспособиться.

Во время первого обхода «Трайкорна» моя нервная система как-то не шибко торопилась приспосабливаться. Хорошо еще, я мало ела и совсем не пила за завтраком. Желудок пару раз настоятельно требовал внимания, но я ему твердо сказала, что корабль нужно обследовать поскорее и времени на потакание слабостям — жалобам плоти бренной — у меня нет.

Что ж, «Трайкорн» оказался очень даже милым. Совсем как в рекламных проспектах (разве что про запах в них ничего не говорилось). Танцевальный зал был просто шикарным и таким большим, что можно заметить, как пол закругляется согласно форме корабля, однако, когда идешь по нему, никаких закруглений не чувствуешь. Танцзал — единственное на корабле помещение, где пол всегда пол, с какой бы скоростью ни вращался корабль, его специально устанавливают под нужным углом. А в холле вместо потолка — экран с изображением звездного неба! Хочешь — переключай на голубое, с тучками, без тучек... Но, к сожалению, какие-то старые клячи уже освоили диваны в холле и чесали там языки.

И салон-ресторан тоже был ничего себе — только, пожалуй, маловат. Тут я вспомнила, что реклама предупреждала: питание может быть организовано в две смены — и сразу же помчалась к себе, поторопить дядю Тома, пока все лучшие места не позанимали.

Дядя, как выяснилось, куда-то слинял. Я заглянула во все три спальни и нигде его не нашла, зато обнаружила, что ко мне забрался Кларк! Он как раз закрывал мой чемодан!

— Куда залез?! — завопила я.

Он аж подпрыгнул и мигом прикинулся дурачком.

— Да так... Я только глянул, нет ли у тебя таблеток от тошноты.

— Ага! И все вещи перерыл!

Я тронула его щеку — нет, температура нормальная.

— Ты отлично знаешь, у меня таблеток нет и быть не может. Зато я знаю, где здравпункт. Если тебе плохо — идем.

Он отодвинулся на шаг.

— Не надо, уже прошло.

— Кларк Фриз, если вы...

Но он меня слушать не соизволил — выскользнул в гостиную, шмыгнул к себе, захлопнул дверь и щелкнул замком.

Я заперла чемодан, в который он лазал, и тут заметила, что чемодан именно тот, в который инспектор собирался заглянуть прямо перед тем, как Кларк заявил, что везет звездную пыль.

А ведь братец просто так никогда ничего не делает...

Конечно, чаще всего со стороны не понять, какая у него корысть... Но, если приглядеться — он все делает со смыслом. Это только генератор случайных чисел выдает числа действительно случайно, а братец куда больше похож на арифмометр — такой же бесчувственный и до противного логичный.

Вот, значит, зачем он нажил себе столько бессмысленных на первый взгляд хлопот...

Вот, значит, почему я превысила норму на целых три кило...

Что же такое он проволок на борт в моем чемодане?

И, главное, зачем?

ИНТЕРЛЮДИЯ

Что ж, Под, рад — рад, что ты не забываешь про свой дневничок. И даже не только из-за того, что нахожу твой девчачий взгляд на вещи забавным — надо сознаться, ты хоть изредка, да подкидываешь мне крохи полезной информации.

Если могу тебя за это чем отдарить — только свистни. Может, подсобить с грамматикой? Ты в курсе, кстати, что страсть к неполным предложениям есть вернейший признак изъянов в умственном развитии?

Возьмем, интересу ради, чисто гипотетический казус: автомат Линии Доставки с не поддающейся подделке пломбой. Ежели пломбу действительно не подделать, думать в этом направлении дальше по меньшей мере бессмысленно. Зато тщательный анализ ситуации выводит нас на следующий очевидный факт: всякий объект кубической — или квазикубической — формы имеет *шесть* граней, тогда как пломба стоит только на *одной*.

Следуя далее в этом направлении, можно отметить: если данный квазикуб нельзя перемещать без необратимых повреждений проводки и прочего, то пол под ним, имея в своем распоряжении всю вторую половину дня, вполне можно опустить аж на целых сорок восемь сантиметров.

Не будь данный казус чисто гипотетическим, я посоветовал бы исследователю вооружиться зеркалом, лампой с удлинителем, набором инструментов для работы под углом и... достаточной дозой терпения.

Да, Под, именно терпения тебе и недостает.

Тем не менее льщу себя надеждой, оно поможет тебе объяснить казус с гипотетической звездной пылью. Не стесняйся впредь обращаться ко мне, ежели чего непонятно.

Глава 5

Целых три дня с момента отлета Кларк держал дверь своей спальни на замке — я всякий раз, как он выходил, пробовала.

На четвертый он забыл-таки ее запереть — и причем как раз в то время, когда я могла быть уверена, что этого поросенка не будет как минимум час: он записался на обзорную экскурсию по кораблю (то есть по тем отсекам, куда пассажиров обычно не пускают). Мне-то это было неинтересно, я к тому времени уже успела спроворить себе личную сопроводительную службу. Дядя Том

тоже не мог помешать. Правда, на экскурсию он не пошел, еще раз помянув насчет «не перенапрягаться», зато быстро подыскал себе новую компанию для пинокля и безвылазно сидел в курительной.

Ну, а замки в здешних дверях — известно какие. Любая девочонка, имеющая под рукой маникюрный набор, чуть-чуть того, чуть-чуть этого плюс абсолютно свободный доступ в кабинет суперинтенданта, с ними справится.

А замок оказался не заперт — задвижка не совсем защелкнулась! Я облегченно вздохнула, прикинула, что счастливый случай подарил мне еще минут двадцать полезного времени, и вошла.

Обыск описывать не стану — скажу лишь, что даже Бюро расследования преступлений не смогло бы провернуть все быстрее и четче без дополнительного оборудования. Найти следовало то, что, безусловно, входило в список вещей, к вывозу запрещенных, который нам раздавали на Деймосе,— я свой список сохранила и выучила чуть не наизусть. Предмет должен весить чуть больше трех килограммов, скорее всего, довольно большой и твердый, поэтому Кларку пришлось прятать его в багаже. Иначе он, я уверена, держал бы эту штуку при себе в расчете на детский возраст, невинный вид и дядю Тома рядом. Зачем бы ему рисковать, пряча эту штуку в мой чемодан без всякой уверенности в том, что он сможет потом вынуть ее потихоньку от меня?

Мог ли он предугадать, что я сразу же побегу осматривать корабль, даже не разобрав вещей? Наверное, мог; пусть даже я сама сделала это, подчиняясь минутному порыву. Да, приходится признать: этот свинтус может предсказывать мои действия с досадной точностью и регулярностью. Никогда нельзя недооценивать противника. Но все-таки это был «сознательный риск», хотя и не очень большой...

Ага, чудненько. Большое, тяжелое, запрещенное... но как оно выглядит? К тому же первичные признаки вполне могут подойти и чему-нибудь безобидному.

Через десять минут мне было ясно: искомое «нечто» находится в одной из трех Кларковых сумок, которые я, как места наименее вероятные, оставила напоследок. В корабельных каютах уйма всяких кожухов, лючков, съемных панелей и всякого такого, но

тщательные исследования, проведенные в моей спальне, показали, какие из них просто не заслуживают внимания, какие не открыть без инструментов, а какие не открыть, не оставляя следов. Сейчас я наскоро проверила все эти места — да, надо отдать Кларку должное, у него хватило ума не пользоваться такими ненадежными тайниками.

Затем я проверила все легкодоступные места — например, гардероб. Классический пример «Похищенного письма» ясно показывает, что книга не обязательно является книгой только потому, что выглядит, как книга, а пиджак на вешалке может выполнять не только функции пиджака.

Результат — по нулям. Ужасно не хотелось лазать в сумки, однако пришлось, хорошо запомнив, в каком порядке они уложены.

Первая была пуста. Конечно, подкладку всегда можно вспороть и подшить обратно, но, судя по весу, под ней ничего большого и тяжелого не было.

Вторая сумка также была пуста, и третья — последняя — кажется, тоже, но в ее кармане я углядела конверт. Он, конечно, не был большим и тяжелым, обыкновенный почтовый конверт, однако я его вытащила и...

Ничего себе!

На конверте было напечатано:

«Мисс Подкейн Фриз,

пассажиру КК "Трайкорн".

Вручить на борту корабля».

Вот поганец! Еще и письма мои перехватывает! От ярости у меня так задрожали руки, что я едва смогла открыть конверт. Конечно, он был уже распечатан, что разозлило меня еще пуще. Вне себя, я вытащила письмо и прочла.

Всего девять слов.

«Привет, Под. Опять ты, я гляжу, за мной шпионишь».

Почерк — Кларков.

Я так и замерла от изумления. Опять! Опять он меня одурачил — и как!

Если три человека на всем белом свете могут заставить меня почувствовать себя безнадежной дурой, то двое из этих троих — Кларк.

За спиной раздалось:

— Кхе-кхе!

Я обернулась. В дверях, которые я, кстати, за собой запирала, стоял Кларк и улыбался во всю физиономию.

— Привет, сестренка! Чего ищешь? Может, помочь?

Я не стала тратить времени и доказывать, что никакого пуха на моем рыльце нет, а просто спросила:

— Кларк Фриз, что вы протащили на борт в моем багаже?

Он, как обычно, прикинулся круглым дурачком. Да, после таких штучек самый спокойный из педагогов бегом к психотерапевту побежит!

— Бог с тобой, Под, о чем это ты?

— Сам отлично знаешь! Что ты протащил на борт в моем багаже?

— А! — лицо его засияло ярче солнышка.— Ты про те два кило звездной пыли? Сестренка, да забудь ты об этом, за-ради господа! Не было никакой звездной пыли, я просто инспектора хотел разыграть. Я думал, ты поняла...

— Ни про какие не про «те два кило»! Я говорю о вещи, по меньшей мере кило на три, которую ты спрятал в моем чемодане!

Он скроил озабоченную мину.

— Под, с тобой все нормально?

— Аааааах ты, *п-паршивец*! Кларк Фриз, прекратите морочить мне голову! Ты отлично знаешь, о чем я говорю! На центрифуге я с багажом весила на три килограмма больше, чем должна была,— почему?

Взгляд его стал раздумчиво-сочувствующим.

— Да, я замечал, что ты немного поправилась. Малость растолстела — только сказать стеснялся. Наверное, ты слишком много ела перед полетом. А зря. Девушка, которая не следит за своей фигурой... Что же из нее с возрастом получится? Говорят, ничего хорошего.

Тут уж я себя почувствовала — глупее некуда. Будь у меня в руках вместо конверта что-нибудь тупое и тяжелое, я бы этому паршивцу дала по мозгам... Кто-то утробно зарычал... Батюшки, да это же я рычу!

— Где письмо из этого конверта?

— Да вот же,— удивился Кларк,— в той руке у тебя!

— И все? Больше там ничего не было?

— Нет, только от меня тебе записка. А разве плохо? По-моему, очень даже к месту. Я же знал, что ты ее при первой же возможности найдешь,— он усмехнулся.— Если захочешь пошарить в моих вещах, так предупреждай. Я тебе помогу... Я иногда испытываю кое-какие штуки — может получиться неприятность. Так обычно и случается с не очень умными людьми, которые суют руки куда попало без спросу. Ты же не хочешь, чтобы с тобой какая-нибудь ерунда приключилась?

Ну что тут скажешь? Я бросилась в свою спальню, заперла дверь и разревелась.

Потом пришла в себя и привела в порядок лицо. Я — человек трезвомыслящий и всегда отдаю себе отчет, когда побеждена. Значит, с Кларком об этом деле больше не стоит говорить.

А что же делать? Пойти к капитану? Я знала его уже довольно хорошо: самые смелые полеты его фантазии не заходили дальше очередного курсового вычисления. Сказать ему, мол, брат протащил на борт черт знает что, и поэтому следует обыскать сверху донизу весь корабль, потому что в Кларковой каюте этого черт знает чего нет? Тогда ты будешь трижды дурой, Подди. Во-первых, капитан тебя высмеет, во-вторых, маме с папочкой мало не будет, если Кларк попадется на контрабанде.

Рассказать обо всем дяде Тому? Он может не поверить. А если поверит, может самолично пойти все к тому же капитану, и результат выйдет — хуже некуда.

Значит, к дяде Тому тоже ходить не стоит — по крайней мере пока. Лучше уж буду держать глаза и уши открытыми и попробую разгадать эту загадку сама.

В любом случае, я не собиралась тратить много времени на Кларковы грешки — если таковые, надо быть объективной, действительно имеют место. Я в первый раз летела на настоящем космолете — то есть, пребывала на полпути к цели — и многое должна была усвоить и сделать.

Кстати, забавная штука — рекламные проспекты, они, конечно, не лгут, однако и не дают всей информации.

Вот, например, фраза прямо из текста роскошного буклета «Трайкорна»: «...романтика дней Марсополиса, города, более

древнего, чем само Время, экзотика ночей под мчащимися в небе марсианскими лунами...»

Что же получится, если это все перевести на нормальный, повседневный язык? Я родилась в Марсополисе и люблю его, однако романтики в нем не больше, чем в бутерброде без варенья. Новая его часть, где живут люди, строилась не ради романтики, а для дела. Что касается развалин снаружи, которые, кстати, марсиане никогда не называли Марсополисом, то папочка с прочими «высоколобыми» уже позаботился, чтобы все хоть сколько-нибудь ценное закрыли от туристов — их ведь хлебом не корми, а дай эрудицию свою показать на чем-нибудь, помнящем еще те времена, когда каменный топор был сверхоружием. Кроме того, марсианские развалины для человека не красивы, не живописны, не впечатляют. Чтобы оценить их по достоинству, лучше прочесть книжку вроде папочкиной «Иные пути» (рекомендую!), с иллюстрациями, диаграммами и простыми, понятными объяснениями.

К вопросу об «экзотических ночах». Всякому, кто полезет наружу после захода Солнца без крайней на то надобности, срочно нужно провериться у психиатра. Я лично видела Фобос и Деймос ночью ровно два раза, ни разу — по своей воле, и мне тогда было не до «мчащихся в небе лун» — там так холодно, что только и думаешь, как бы не замерзнуть до смерти.

Все эти рекламные проспекты так же дотошно точны, как и фальшивы,— в том, что касается собственно космических кораблей. Ну да, «Трайкорн», спору нет, настоящий дворец, могу поручиться. Он — действительно чудо инженерии; еще бы, такая роскошная, комфортабельная громадина — да еще, извиняюсь, «мчится по небу»!

А вот фотографии из проспектов...

Ну, вы понимаете, о чем я — цветные объемные картинки со множеством симпатичных парней и девушек, весело болтающих, играющих во что-нибудь в уютных холлах, танцующих в танцзале — или виды «типичной каюты».

Каюты-то действительно точно такие, как на фото. Просто фотографировали в таком ракурсе и таким объективом, что они кажутся раза в два больше. Но вот симпатичных, веселых молодых

людей с нами на борту не было! Сильно подозреваю, что для рекламы снимались профессиональные фотомодели.

В нашем рейсе всех молодых и симпатичных, как те, на фото, можно было пересчитать по большим пальцам одной руки. А типичными нашими спутниками были богатые вдовушки с Земли, оставившие на время заботы о правнуках, чтобы в первый раз попутешествовать в космосе. Похоже, и в последний — они не уверены, что получают от этого удовольствие.

Ей-богу, правда! Все наши попутчики — точно из гериатрической клиники сбежали. Честно, я не потешаюсь над старикáми; сама ведь когда-нибудь такой же стану, если доживу. Осталось примерно 900 000 000 вдохов-выдохов, без учета тяжелых физических упражнений. Старость, судя по дяде, может принести почет и уважение, но сама по себе не награда, а скорей неизбежность — такое с каждым может случиться, хочет он того или нет. Как на банановой кожуре поскользнуться.

Надо сказать, я уже малость устала от того, что молодость здесь воспринимается прямо как преступление.

И наши типичные спутники-мужчины примерно таковы же, только их меньше. Они, в отличие от дам, не смотрят сквозь меня, а, наоборот, пытаются иногда шлепнуть, как бы «по-отечески». Мне это ужасно не нравится, я таких штучек изо всех сил стараюсь избегать, но сплетен обо мне все равно уже полно.

Вряд ли стоило так удивляться, что «Трайкорн» — просто приют для престарелых богачей, но, признаться, об экономической стороне жизни я не очень хорошо осведомлена.

«Трайкорн» дорог, и даже очень, и нам с Кларком не видать бы его, как своих ушей, не загони дядя в угол доктора Шенштейна. Сам-то дядя мог бы себе такое позволить, но он как раз подпадает под вышеупомянутую категорию — если не по характеру, то по возрасту. А вот мама с папочкой собирались брать билеты на «Уондерласт» — дешевый грузовоз, дрейфующий по «экономичной» траектории. Родители у нас не бедные, но и богатыми тоже никогда не станут — еще бы, пятерых детей им предстоит вырастить и выучить.

А кому же по карману путешествие на лайнере класса люкс? Престарелым богатым вдовам, семейным парам с солидной пен-

сией да большим шишкам, чье время так дорого, что их фирмам дешевле оплачивать такие расходы на командировки. Все остальные — исключения, только подтверждающие правило.

Мы с Кларком — из таких исключительных случаев. И наша попутчица, мисс... Назовем ее мисс Герди Фитц-Спаггли. Если употребить настоящее имя, любой, прочитавший мой дневник, сразу ее вспомнит. Я считаю, Герди — классная, что бы там о ней на корабле ни болтали. Она даже ко мне никого не ревновала, хотя до моего появления все младшие офицеры корабля безраздельно принадлежали ей — всю дорогу от Земли до Марса. Я ее монополию нарушила, но она не обиделась и приняла меня тепло, как женщина женщину. О жизни и мужчинах я от нее уже узнала больше, чем от мамы за всю прежнюю жизнь.

Не поручусь, но могу допустить, что мама немножко наивна в вопросах, составляющих основную часть познаний Герди. Превосходя большинство мужчин в инженерном деле, женщина тем самым обедняет другую сторону своей жизни, ведь так? Лично мне этой стороной не мешало бы всерьез заняться: женщина-космонавт может заспециализироваться не меньше инженера, а в мой Генеральный План не входит приобретение статуса старой девы.

Герди раза в два меня старше и тоже слишком молода для подобравшейся на борту компании, однако мое присутствие заставляет-таки ее чаще вспоминать о своих морщинках у глаз. С другой стороны, в сравнении с моей, пока еще не оформившейся, фигурой, ее зрелые формы смотрятся еще лучше, почти как у Елены Прекрасной. И, как бы там ни было, мое появление снизило давление на нее со стороны сплетников — теперь у них есть еще один объект для перемывания косточек.

Чего они только ни выдумывают! Я сама раз слышала, как про Герди говорили, будто мужчин у нее в жизни было больше, чем носовых платков.

Если и так, у нее, надеюсь, остались приятные впечатления.

А развеселые вечера в нашем огроменном танцзале! Дважды в неделю, по вторникам и субботам, на протяжении всего полета. Часы показывают 20.30, и все дамское «Общество Поддержки Нравственности На Должном Уровне» рассаживается у стеночек,

точно на поминках. Дядя Том тоже здесь — еле уговорила его — и до невозможности представителен в вечернем костюме. Я надела выходное платье — оно теперь уже не такое девчачье, как тогда, когда его видела мама, помогая мне выбирать его в магазине; за закрытыми дверями я над ним поколдовала. Даже Кларк «почтил присутствием» — больше нигде ничего не происходит, а он боится пропустить что-нибудь интересное. Смотрится он просто здорово, я им горжусь. Пришлось-таки голубчику надеть фрак, иначе на бал не пустили бы.

У чаши с пуншем трутся полдюжины младших офицеров. В шике парадных френчей чувствуют они себя малость неловко.

Вот капитан по каким-то лишь ему ведомым критериям выбирает одну из вдовиц и приглашает ее на танец. Двое мужчин идут танцевать со своими благоверными. Дядя Том предлагает мне руку и ведет в центр зала. Двое-трое младших офицеров следуют примеру капитана. Воспользовавшись всеобщим, дух захватывающим возбуждением Кларк совершает налет на чашу с пуншем.

А Герди не приглашает никто.

И не случайно. Сам капитан, по моим агентурным данным, отдал приказ, гласящий: ни один корабельный офицер не подходит к мисс Фитц-Спаггли, прежде чем не протанцует по меньшей мере с двумя прочими партнершами (кстати, после вылета с Марса и я подверглась той же почетной дискриминации, что и Герди).

Это ли не доказательство, что капитан является Последним из Абсолютных Монархов?

Итак, по залу кружатся шесть или семь пар — грандиозное, по здешним масштабам, количество! Во весь вечер не будет больше в зале такой тесноты! Кресла заняты на девять десятых; по залу свободно можно раскатывать на велосипеде, и танцующим это ничуть не помешает. Вдовушки наши — точь-в-точь «вязальщицы Робеспьера», только гильотины в центре зала не хватает.

Музыка стихает. Дядя Том провожает меня на место и приглашает на танец Герди — на него, как на Оплатившего Проезд, приказ капитана не распространяется. Но я все еще вне игры, а потому иду к чаше с пуншем, отнимаю у Кларка кружку, приканчиваю ее и говорю:

— Пошли, Кларк. Так и быть; учись, пока я жива.

— Да ты что, это ж вальс...

Или ли-хоп, шасси, файв-степ; каким бы ни был танец — обязательно он выше его способностей.

— Идем. А то скажу сейчас миссис Грю, что ты очень хочешь с ней потанцевать, только стесняешься пригласить.

— А я ей подножку дам. Будто сам споткнулся...

Однако он уже дал слабину, и я кую железо, пока горячо:

— Мальчишка! Или ты вытащишь меня потанцевать и немножко оттопчешь мне обе ноги, или я устрою так, что Герди больше никогда с тобой танцевать не станет!

Это на него действует — у него как раз «муки первой любви», а Герди, добрая душа, разговаривает с ним на равных и знаки внимания принимает с теплой приветливостью. Итак, Кларк ведет меня танцевать. На самом деле он танцует прилично, мне только чуть-чуть приходится его подправлять. Он даже любит танцевать, но как же можно, не дай бог люди — особенно я — подумают, будто ему нравится танцевать с собственной сестрой. И со стороны мы смотримся неплохо, я ведь маленького роста, и Герди с дядей Томом тоже просто загляденье (в чем целиком и полностью заслуга Герди: дядечка танцует с громадным энтузиазмом, но чувства ритма у него — ни грамма). Герди может попадать в такт кому угодно — даже если партнер вдруг сломает ногу, она сломает свою в том же самом месте. Танцующих поубавилось; мужья уже оттанцевали первый танец со своими женами, и с них вроде как хватит, а подменять их что-то никто не торопится.

У! Мы на нашем роскошном «Трайкорне» просто здорово веселимся!

Нет, кроме шуток. Начиная с третьего танца, нас с Герди вовсю приглашают корабельные офицеры; они все — танцоры замечательные или, по крайней мере, с опытом. Около десяти часов капитан отправляется спать, наши дуэньи тоже оставляют на время в покое наши косточки и линяют одна за другой. К полуночи в зале остаемся только мы с Герди, полдюжины самых молодых офицеров да еще суперинтендант, оттанцевавший по долгу службы со всеми дамами и теперь наслаждающийся заслуженным отдыхом. Он, несмотря на возраст, танцует замечательно.

И, конечно же, с нами миссис Грю. Она не из дуэний и с Герди всегда приветлива. Толстенькая такая старушка-веселушка, до краев наполненная смешками и грешками. Она не ждет, чтобы кто-нибудь пригласил ее танцевать, просто ей нравится смотреть, а офицеры, когда не танцуют, подсаживаются к ней — с миссис Грю весело.

Около часу ночи дядя Том присылает Кларка передать мне, чтобы шла спать, ежели не желаю ночевать под дверью. Шутка, конечно, но я иду — ноги просто гудят от усталости.

Ух и здорово на нашем старом добром «Трайкорне»!

Глава 6

Наш капитан постепенно ускоряет вращение корабля, приближая уровень псевдогравитации к венерианским 0,84 g, что раза в два больше, чем у нас дома. И я, когда не занята изучением астрогации и пилотирования, хожу в спортзал и «качаюсь» до седьмого пота, чтобы не потерять на Венере ни сил, ни подвижности.

Только бы приспособиться к этим 0,84 g — потом адаптироваться в земных условиях уже будет проще простого. Наверное.

Обычно в спортзале, кроме меня, никого не бывает: попутчики большей частью с Венеры или Земли, им-то тренироваться ни к чему. Марсианцев на борту всего десятка два, и из них только я одна серьезно отношусь к грядущим трудностям, а нескольких едущих с нами не-людей никто даже ни разу не видел, они безвылазно сидят в своих специально оборудованных каютах. Вот корабельным офицерам спортзал действительно нужен — некоторые из них жизнь проклянут, если вдруг потеряют форму,— но они тренируются, когда в зале нет пассажиров.

И вот в тот день — если по-настоящему, тринадцатого цереса, но на «Трайкорне» земной календарь, по которому было девятое марта... Вообще, непривычный календарь — в конце концов не такая беда, хуже то, что сутки здесь по-земному короткие и вставать приходится на полчаса раньше. Так вот, тринадцатого цереса я пришла в спортзал, чуть не ядом плюясь от злости и намереваясь убить разом двух зайцев: во-первых, злость выгнать вместе

с потом, хотя бы настолько, чтобы не угодить в карцер за оскорбление действием, а во-вторых, конечно, мускулы поднакачать.

В зале Кларк, облаченный в трусы и майку, пыхтел над тяжеленной штангой.

Я так и замерла на пороге.

— А ты-то что здесь делаешь?

— Размягчение мозга зарабатываю, а то ума слишком много,— буркнул он.

Что ж, сама напросилась. Никакие правила не запрещают Кларку ходить в спортзал. Для того кто знаком с извращенной логикой моего братца — например, для меня,— очень даже ясно, на кого и на что он намекал. Я сбросила халат и, начав разминку, решила сменить предмет разговора.

— Сколько у тебя на штанге?

— Шестьдесят кило.

Пружинный гравитометр на стене показывал 0,52 g. Я быстро прикинула в уме: пятьдесят две тридцать седьмых от шестидесяти — то есть единицы — плюс девятьсот, деленное на тридцать семь; добавим одну девятую сверху и снизу, тысяча на сорок, выходит двадцать пять — то есть то же самое, что восемьдесят пять кило на Марсе.

— А чего ты тогда так вспотел?

— Ничего я не вспотел! — он брякнул штангу на пол.— Ты вот сама попробуй!

— И попробую.

Он отступил. Я взялась за штангу, чтобы поднять ее — и передумала.

Дома-то я всегда ставила девяносто и здесь выверяла по гравитометру эквивалент, да еще каждый день набрасывала немного сверх вчерашнего. Я поставила себе цель (кажется, недостижимую): поднимать при венерианском притяжении не меньше, чем дома.

Сомнений нет, что шестьдесят килограммов при 0,52 g подниму.

Но девушке не следует переигрывать представителей «сильного пола» в испытании силы — хотя бы даже своих собственных братьев.

Особенно если брат — зловредина, каких свет не видал, и есть надежда направить его зловредность на службу прогрессивному

человечеству. Как я уже говорила, если имеется желание что-нибудь поненавидеть, лучше Кларка компании не найдешь.

Поэтому я принялась для виду пыхтеть-кряхтеть, взяла штангу на грудь, начала было толкать ее кверху и завизжала:

— О-е-ей, помоги!

Кларк толкнул одной рукой середину грифа, и объединенными усилиями штанга была поднята. Тогда я выдавила сквозь стиснутые зубы:

— Перехвати.

Он опустил штангу вниз, а я перевела дух.

— Ну, ты силен стал!

— Стараюсь.

Ура, сработало! Кларк подобрел, насколько позволяла его вздорная натура. Я предложила заняться акробатикой — если только он не против быть «нижним», а то, мол, не уверена, что удержу его при 0,52 g.

Он был вовсе не против; как же — еще одна замечательная возможность побыть сильным и мужественным! Поднять меня он, конечно, поднимет — я аж на одиннадцать кило легче этой штанги. Когда он был поменьше, мы уже занимались акробатикой, но тогда «нижним» была я. Это я придумала, чтобы держать его в рамках, когда родителей дома нет. А когда он стал с меня ростом и, боюсь, посильней, мы тоже акробатничали, только менялись местами.

Но сейчас я весила в полтора раза больше, и на особо головоломные трюки что-то не тянуло. Выйдя в стойку «руки в руки», я завела разговор о предмете, занимавшем мои мысли.

— Кларк, тебе нравится миссис Ройер?

— Эта-то? — Он фыркнул и издал неприличный звук.— С чего бы?

— Да нет, просто спросила. Она... Ладно, бог с ней.

— Ну и держись ногами за потолок...

— Стой! Не смей!

— А тогда договаривай, раз начала.

— Ладно, ладно. Подожди только — на плечи тебе встану.

Перевернувшись, я встала ему на плечи и спрыгнула. Самое скверное — не лишний вес (хотя и он — не подарок), а скорость, с которой падаешь. А Кларк — он спокойно может отойти, бросив меня в воздухе вниз головой; ему только дай повод...

— Так что там миссис Ройер?

— Да ничего особенного. Просто говорит, что все марсиане — шваль.

— Вот как? Ага. По-моему, она под это слово тоже неплохо подходит.

— Говорит, «Треугольник» роняет свое достоинство, позволяя нам летать первым классом. А капитану, говорит, не стоило пускать нас на обед в приличное общество.

— А еще?

— Да, в общем, все. Все мы — подонки, морды каторжные и все такое.

— Интересное кино...

— А подруга ее, миссис Гарсиа, с ней полностью согласна. Только мне, наверное, не надо все это повторять. В конце концов, у всякого есть право на собственное мнение.

Кларк не ответил, что само по себе признак очень скверный, развернулся и пошел к выходу. Тут я испугалась — не перестаралась ли — окликнула его, но он даже не обернулся. Кларк — он слышит-то прилично, но поди заставь его слушать, что говорят...

Что ж, дело было сделано, а потому я просто надела мягкие крепления для грузов, нагрузилась до моей расчетной венерианской нормы и пробежалась по «бегущей ленте», пока не созрела для душа и переодевания.

На самом деле мне было плевать, что там случится с этими гарпиями — только бы ловкость Кларковых рук не подвела. Чтобы даже малейших подозрений на него не было. Я же ему и половины всего не рассказала!

Никогда прежде не поверила бы, что можно презирать кого-то только за его происхождение или за то, где он живет! Конечно, я много раз видела туристов с Земли, манеры у которых оставляли, мягко говоря, желать лучшего — но папочка говорил, любой турист в чужой стране выглядит не блестяще. Просто потому, что не знает местных обычаев. Я верила — как же папочке не верить? И те прилетающие с Земли профессора, которых папочка иногда приглашает к обеду, всегда держат себя просто замечательно — значит, бывают которые умеют себя вести...

С самого начала я заметила, что наши попутчики нас как бы сторонятся, но мне и в голову не приходило... В конце концов, на

Марсе тоже никто не кинется обниматься с незнакомым, хотя нравы у нас простые, мы пока что — фронтир. Кроме того, остальные, пока летели от Земли к Марсу, уже перезнакомились и передружились между собой, а мы были все равно как новички в школе.

Но я со всеми, кого встречала в коридоре, здоровалась. Если не отвечали — относила на счет глуховатости. Ничего странного, в таком-то возрасте... К тому же я не шибко и рвалась дружить с пассажирами — хотела поближе познакомиться с офицерами корабля, особенно с пилотами, и попробовать на самом деле сделать то, что уже выучила по учебникам. Девушке непросто поступить в летное — для этого надо быть раза в четыре лучше любого парня. Тут уж всякая мелочь сгодится.

И с самого начала мне здорово повезло: мы попали за столик самого капитана!

Ну как же — дядя Том... Я не настолько самоуверенна, чтоб полагать, будто «мисс Подкейн Фриз» в списке пассажиров что-нибудь для кого-нибудь значит. Ладно-ладно, вот лет через десять... А дядя Том, хотя для меня он просто любимый дядечка, обожающий пинокль и легко относящийся к жизни, еще и сенатор республики с большим стажем и чрезвычайными полномочиями. Естественно, директор Марсополисского филиала «Трайкорна» об этом знал и проследил, чтобы суперинтендант «Трайкорна» тоже был в курсе.

Я не из тех, кто презрительно воротит нос от даров небесных,— мне без разницы, каким образом они прибывают. С первого же раза я начала обрабатывать капитана Дарлинга. Нет, это фамилия такая; его зовут Бэррингтон Бэбкок Дарлинг! Интересно, жена не называет его «Бэби Дарлинг»?

Конечно, на корабле у капитана имени нет. На службе он — «капитан», «хозяин», «шкипер» и даже «старик», когда Его Величество не присутствует при разговоре. Капитан для всех просто величественное олицетворение безликой власти.

Интересно... Значит, меня теперь за глаза будут обзывать «старухой»? Впрочем, это вовсе не одно и то же!

Однако со мной капитан Дарлинг не так уж безлик и величествен. Я хотела убедить его, что я вот такая миленькая, маленькая, ужасно от него в восторге и притом глуповата. Мужчине — любо-

го возраста — нельзя с самого начала показывать свой интеллект, это тут же возбудит в нем подозрительность и тревогу. Помните, как Цезарь опасался Кассия, который был «тощ, в глазах голодный блеск»? Вначале мужчину надо заарканить, а уже потом можно понемногу проявлять умственные способности. Тогда он, может, даже гордиться будет: вот, мол, сколь благотворно мое влияние.

В общем, я постаралась заставить капитана пожалеть, что я не его дочь (у него, к счастью, только сыновья), и еще до окончания первого совместного обеда открыла ему свою мечту о летном училище. О дальнейших устремлениях пока — ни гугу.

Дядя Том и Кларк прекрасно поняли, к чему я клоню, но дядечка меня, конечно же, не подвел, а Кларк просто молчал со скучающе-презрительным видом. Ему и на Армагеддон будет наплевать, если он с него процентов десять чистоганом не отхватит.

Тактика моя, что бы там родственнички о ней ни думали, сработала. Капитана Дарлинга мои грандиозные и «несбыточные» планы немало позабавили... и он предложил сводить меня в рубку управления!

Ага. Первый раунд — за Подди. По очкам.

Теперь я — неофициальный корабельный талисман с правом свободного посещения рубки и (иногда) машинного отделения. Конечно, у капитана и в мыслях не было убивать время на обучение меня астрогации; он просто провел меня по рубке, объяснил на детсадовском уровне, что и как,— а я старательно делала большие глаза и всему удивлялась — но интерес его ко мне был чисто человеческим. Он хочет вроде как бы усаживать меня на колени (совсем-то усаживать — для этого он слишком практичен и порядочен), а я не то чтобы позволяю ему это, но стараюсь, насколько возможно, поддерживать отношения — внимаю его рассказам с видом самого озадаченного котенка в мире и позволяю литрами вливать в меня чай. Нет, слушать мне взаправду интересно: никогда нельзя знать заранее, откуда почерпнешь что-нибудь полезное. Вдобавок любая женщина во все времена могла прослыть «очаровательной», просто не перебивая.

Но капитан Дарлинг — не единственный астрогатор на корабле.

Он обеспечил мне право прохода в рубку, от него только это и требовалось. Второй пилот, мистер Суваннавонг, полагает, что я

на удивление быстро усваиваю математику. Знаете, он думает, что именно он научил меня решать дифференциальные уравнения! Вообще-то, это правда — если иметь в виду те, ужасно сложные, по которым корректируют вектор тяги корабля, но если бы я не пошла на дополнительные занятия в последнем семестре, то вообще бы не поняла нынче ни слова. Сейчас он показывает мне, как составлять программы для курс-компьютера.

Третий пилот, мистер Кланси, пока еще доучивается, чтобы получить полные права, и у него есть все учебники, какие мне нужны. Он мне тоже охотно помогает. Он ненамного старше меня и вполне мог бы дать волю рукам, однако только круглый дурак пойдет этим неверным путем, когда девушка не делает ему никаких авансов. Мистер Кланси далеко не дурак, а я внимательно слежу за своим поведением.

Может быть, я даже поцелую его — ровно за две минуты до того, как навсегда покинуть корабль. Не раньше.

Короче говоря, все рады мне помочь и считают, что мне очень к лицу такое серьезное Отношение К. Но, честно говоря, практическая астрогация гораздо сложнее, чем я могла себе вообразить.

Я догадывалась, что причина явной (хотя я всегда со всеми приветливо здоровалась) неприязни по отношению ко мне — наше пребывание за столиком капитана. Конечно, брошюрка «Добро пожаловать на "Трайкорн"!», лежавшая во всех каютах, предупреждала, что перемена мест бывает в каждом порту и, по корабельным обычаям, гости капитана избираются из новых пассажиров.

Однако от предупреждения процедура пересаживания приятнее не делается. Мне, например, будет совсем не радостно — покидать стол капитана на Венере.

Но дело, похоже, не только в этом.

По правде, дружески ко мне относились только трое наших попутчиков — миссис Грю, Герди и миссис Ройер. С миссис Ройер я познакомилась раньше всех, и поначалу она мне нравилась, хотя с ней и было скучновато. Зато она была очень приветлива, а скуку, если надо, я могу и перетерпеть. Я встретила ее в первый же день в холле, и она тут же мне заулыбалась, пригласила подсаживаться, начала расспрашивать обо всем...

Ну, я ей в общих чертах рассказала о себе. Сказала, что папочка преподает, мама — домохозяйка, а нас с братом везет в путешествие дядя. Я никогда не хвастаю своей семьей — невежливо, да и не поверят. Куда как лучше, чтобы люди сами узнавали, что в тебе хорошего, а что — плохого, и делали выводы. Хотя не понимаю, что можно такого нехорошего узнать про маму с папочкой.

Когда я назвала свое имя, она сказала:

— Подди? Кажется, в списке пассажиров было как-то иначе...

— Да, полностью «Подкейн»,— пояснила я.— В честь марсианского святого; вы, наверное, слышали.

Ничего она такого не слышала, потому что сказала:

— Довольно странно: девочку назвали мужским именем...

Что ж, имя у меня и вправду необычное, даже для Марса. Только по другой причине.

— Возможно,— согласилась я.— Но у марсиан ведь понятие пола довольно условно.

Она заморгала.

— Ты... шутишь?

Я начала было объяснять, что марсиане вообще бывают какого-нибудь из их трех полов только в самом начале зрелого периода и на очень короткий — относительно — срок, но вскоре умолкла: ей это все было как об стенку горох. Миссис Ройер просто не могла себе представить, как можно жить иначе, чем она. Пришлось в срочном порядке переключаться.

— Святой Подкейн жил ужасно давно; даже никто не знает точно, мужчина он был или женщина. Остались только легенды.

Конечно, в легендах этих все ясно и понятно. Многие ныне живущие марсиане считают себя потомками святого Подкейна. Папочка говорит, марсианская история на миллионы лет назад известна гораздо лучше, чем земная двухтысячелетней давности. Во всяком случае, большинство марсиан включают в свои длиннющие перечни имен (у них каждое имя — кратенькая родословная) и «Подкейн». Согласно традиции, всякий, кто носит его имя, может воззвать к его (ее — или как-то еще) покровительству в трудную минуту.

Как я уже говорила, мой папочка — романтик. Он решил, что хорошо будет обеспечить мне всю удачу, связанную с этим именем. Я же не суеверна и не романтична, но, по-моему, лучше иметь

имя не как у всех. Подди Фриз — не какая-нибудь Элизабет или Дороти, которых хоть пруд пруди.

И без очков было видно: мои объяснения только приводят миссис Ройер в еще большее недоумение. Мы перешли к другим материям. Как «бывалый косможитель» — то есть опираясь на свой опыт перелета «Земля — Марс» — она посвятила меня в уйму разных разностей касательно космических кораблей и путешествий на них. В большинстве своем все ее сентенции не имели ничего общего с действительностью, но я вежливо ее слушала. Еще она представила меня куче народу; ввела в курс всех слухов и сплетен о пассажирах, офицерах и прочих, а также — своих болячек, хворей и немочей; рассказала, какой важный пост занимает ее сын, какой важной персоной был ее покойный муж, а напоследок заверила, что, как только мы прибудем на Землю, она обязательно познакомит меня с Кем Надо.

— Может быть, в провинции, вроде Марса, такие вещи и не имеют значения, но в Нью-Йорке, деточка моя, оччень важно *правильно начать*.

И я занесла миссис Ройер в разряд «глуповатых, благонамеренных болтушек».

Однако вскоре я вдруг обнаружила, что избавиться от нее не могу! Скажем, иду через холл — его по пути в рубку не миновать,— и тут она меня перехватывает, так что, если не хочешь грубить или что-нибудь сочинять, приходится терять массу времени.

Потом она уже начала давать мне поручения!

— Подкейн, душечка, будь любезна, сбегай в мою каюту, принеси лиловую шаль, я так озябла, она на кровати или, кажется, в гардеробе, вот молодец, вот умница...

Или:

— Подди, деточка, я уж звонила-звонила, а стюардесса не отвечает, и все тут, ты не принесешь мое вязанье и книгу, а по дороге захвати в буфете чашечку чаю...

Конечно, ничего особенного в этом нет, у меня ноги, в отличие от нее, молодые,— но сколько ж можно?! К тому же она, похоже, решила возложить на меня обязанности персональной сиделки! Сначала попросила «почитать на сон грядущий», голова,

мол, просто раскалывается, а у тебя, мол, дорогуша, такой успокаивающий голос...

Я ей читала битый час, а потом еще виски растирала сколько времени. Ну, это тоже ничего — для практики невредно иногда оказывать другим подобные услуги. Когда мама много работает, у нее тоже жуткая мигрень; массаж, я знаю, помогает.

Но в этот раз она хотела дать мне «на чай»! Я, конечно, отказалась. Она давай настаивать:

— Ну, детка, ну не спорь с тетей Флосси...

А я сказала:

— Нет, миссис Ройер, правда не надо. Лучше пожертвуйте в фонд ветеранов космоса, и все в порядке. А я взять не могу.

Она хмыкнула и хотела сунуть деньги мне в карман, а я увернулась и ушла к себе.

За завтраком ее не было — ей всегда подают в каюту — а потом ко мне подошла стюардесса и сказала, что миссис Ройер просила ее навестить. Мне некогда было с ней объясняться: мистер Суваннавонг сказал, что если я зайду к нему на вахту, часам к десяти, он покажет мне полностью коррекцию курса и объяснит, что и как. Задержусь больше пяти минут — опоздаю.

Все-таки я заглянула к ней. Она, как обычно, мне обрадовалась:

— О, милочка, вот и ты! Я так долго ждала; эта дурища-стюардесса... Подди, лапушка, ты прямо чудесно мою мигрень вчера вылечила, а наутро у меня спину всю прямо-таки парализовало, представляешь, какой кошмар, Подди, ангел мой, помассируй хоть пять минуточек, ну, полчасика, я уверена, все пройдет, возьми крем, он, кажется, на туалете, хотя нет, помоги мне вначале снять халат...

— Миссис Ройер...

— Что, солнышко? Крем вон в том большом розовом тюбике, ты его чуть-чуть...

— Миссис Ройер, я не могу. У меня назначена встреча.

— Ничего, подождут, на этом корабле вообще никогда ничего вовремя не делается, наверное, тебе сначала надо руки погреть...

— Миссис Ройер, я не стану вас массировать. Если парализовало, мне даже прикасаться нельзя, я же не врач. Хотите, я зайду к главному хирургу и скажу ему?

От ее радости и следа не осталось.

— Значит, ты не хочешь?!

— Если хотите — понимайте так. Так позвать врача?

— Ах ты нахалка! Поди вон!

Ну я и ушла.

А по дороге на обед встретила ее в коридоре. Она посмотрела сквозь меня, так что я тоже не стала с ней говорить. Шла она чуть не проворнее моего; наверное, прошел ее паралич. В этот день мы встречались еще дважды, и оба раза она меня подчеркнуто не замечала.

На следующее утро я сидела у проектора в холле диванной и читала одну из пленок мистера Кланси — о маневрировании по радару и стыковке. Проектор стоит в углу, за кадками с искусственными пальмами; наверное, они меня не заметили. А может, просто плевать хотели.

Словом, я выключила на минутку проектор, чтобы глаза и уши отдохнули, и услышала, как миссис Гарсиа говорит миссис Ройер:

—... на Марсе просто невыносимо; сплошные производственные интересы... Ну, почему бы не оставить природу как есть, во всей ее прекрасной простоте?

М-С РОЙЕР: — А чего вы хотите? Это ведь просто *ужасные* люди.

Официальный язык корабля — орто, однако многие говорят между собой по-английски, и чаще всего — с таким видом, будто никто их не понимает. Эти даже голосов не понижали. Я продолжала слушать.

М-С ГАРСИА: — И я миссис Римски то же самое говорила. К тому же, если разобраться, все они — уголовники.

М-С РОЙЕР: — Или даже хуже. Вы обратили внимание на эту маленькую марсианку? Племянницу, так сказать, того здоровенного черного дикаря?

Я сосчитала по-древнемарсиански от десяти до нуля и напомнила себе, что мне будет, если я кого-нибудь убью. Ладно, пусть меня называют марсианкой, это вовсе не обидно, они же не понимают ничего! Марсианская цивилизация существовала задолго до того, как люди начали вставать на ноги. Но «здоровенный черный дикарь»!.. Да, дядя Том так же черен, как я светла; благодаря предкам-маори да жаркому пустынному солнцу лицо его — замечатель-

ного цвета старой дубленой кожи. Мне лично очень нравится. Вдобавок он образован, воспитан, вежлив, и все его уважают!

М-С ГАРСИА: — Да, припоминаю. Довольно вульгарна. Броская, броская; но все это — дешевка. Привлекательный тип для мужчин известного сорта.

М-С РОЙЕР: — Дорогая моя, вы даже наполовину не представляете себе, какова она на самом деле! Я пыталась помочь ей — мне ее искренне жаль; я считаю, что к людям нужно быть снисходительнее, в особенности к людям из низов...

М-С ГАРСИА: — Святая истина, дорогая моя!

М-С РОЙЕР: — Я дала ей несколько советов, как вести себя в приличном обществе... Что там; я даже *ОПЛАЧИВАЛА* ей пустяковые услуги, чтобы она не чувствовала неловкости перед опекуном... Но она оказалась совершенно неблагодарной маленькой негодницей! Она решила, что из меня можно выжать и побольше! И сделала это в крайне грубой форме, в такой грубой, угрожающей форме, что... Конечно, пришлось приказать ей покинуть мою каюту...

М-С ГАРСИА: — Мудрее вы не могли бы и придумать! Но — кровь! Кровь — дурная ли, добрая ли — всегда сказывается. А самого худшего разбора — кровь смешанная! Началось с уголовников, кончилось бесстыднейшим смешением рас! За примером далеко ходить не надо — взять хоть эту семейку. Мальчишка на сестру ни капли не похож, а уж дядюшка... Хмммм! Дорогая, вы, как будто, намекнули на что-то? Вы полагаете, она не племянница его, а, скажем так, *поближе*?

М-С РОЙЕР: — Во всяком случае, я бы не удивилась.

М-С ГАРСИА: — О, Флосси, продолжайте, не утаивайте! Расскажите, что вам известно?

М-С РОЙЕР: — Я не сплетница... Но и не слепая! Как и вы.

М-С ГАРСИА: — И это — прямо на виду у всех!..

М-С РОЙЕР: — В голове не укладывается, почему компания позволяет *этим* путешествовать с *нами*? Конечно, отказать она не может из-за всяких дурацких соглашений, но как можно вынуждать нас общаться с ними?! И даже сидеть вместе за обедом!..

М-С ГАРСИА: — Я вас понимаю. Я сама собираюсь сразу же по приезде домой написать им, что я обо всем этом думаю. Всему

есть предел. Знаете, я считала капитана Дарлинга джентльменом, но когда увидела за его столиком этих типов... Я глазам своим не поверила! Мне стало дурно!

М-С РОЙЕР: — Я вас понимаю. Но ведь капитан — и сам с Венеры...

М-С ГАРСИА: — Да! Но на Венеру никогда не ссылали каторжников. И этот мальчишка... Он сидит в моем кресле, напротив капитана...

Тут я подумала: не забыть бы попросить главного стюарда сменить Кларку кресло. Еще, не дай бог, подхватит чего...

После этого они оставили в покое «марсиан», то есть нас, и взялись за Герди, качество пищи и обслуживания и даже запустили несколько шпилек в адрес остальных ведьм на борту. Но я уже не слушала, а потихоньку молилась о ниспослании сил для смирения духа. Если бы они заметили меня в ту минуту, я бы им скормила их собственные спицы!

Наконец они ушли — отдохнуть и набраться сил перед обедом — а я помчалась переодеваться, чтобы пойти в спортзал, отвлечься в тяжком труде и не принять греха на душу.

В зале, как вы уже знаете, оказался Кларк, и я сказала ему вполне достаточно. Или все же многовато?

Глава 7

Мистер Суваннавонг говорит, в любую минуту может начаться радиационная буря, поэтому пассажирам нужно потренироваться в действиях по тревоге. Меркурианская станция наблюдения за Солнцем предупредила все корабли, находящиеся в открытом пространстве, и космические станции, управляемые людьми, что на Солнце ожидается вспышки, а потому необходимо соблюдать бдительность. И продолжаться это будет предположительно до...

Вауууууууу! Сирена тревоги оторвала меня от дневника на середине фразы. Тренировка. Кажется, капитан как следует всех запугал. Некоторые пассажиры тревогу игнорировали — то есть собирались игнорировать — но матросы в гермоскафах высокой

защиты вытащили их из кают. В том числе — Кларка. Его нашли последним, а потом капитан Дарлинг публично отчитал его (у капитана здорово получается) и напоследок предупредил: если в следующий раз Кларк не добежит до убежища первым, то будет посажен туда до самого конца рейса, на все двадцать четыре часа в сутки.

Кларк выслушал капитана с обычной своей непроницаемой миной, однако все принял к сведению, особенно последнюю угрозу. На прочих пассажиров нотация тоже произвела впечатление — накал ее был таков, что слушатели могли бы заработать ожоги даже на расстоянии шагов в двадцать. Наверное, представление и было устроено ради этих самых, прочих.

А потом — уже тоном бесконечно терпеливого учителя — капитан доступно объяснил, отчего по тревоге нужно немедля мчаться в убежище (хотя бы прямо из ванны) и насколько в убежище безопасно.

Вспышки на Солнце, сказал он, вызывают излучение, самое обычное, вроде рентгеновского (и прочих видов, добавила я про себя); вообще-то такое излучение присутствует в пространстве постоянно. Но при вспышке его интенсивность возрастает в тысячу — а то и в десять тысяч — раз по сравнению с нормой. Поскольку мы уже находимся в пределах орбиты Земли, для здоровья радиационная буря очень вредна. Летальный исход для незащищенного человека обеспечен — вернее, чем от пули в лоб.

Потом он объяснил, почему нам не потребуется для безопасности в тысячу или десять тысяч раз более толстая защита. Дело — в каскадном принципе. Девяносто процентов любого излучения задерживает внешняя обшивка, потом трюм (грузовые отсеки и цистерны с водой), а еще — обшивка внутренняя, являющаяся полом кают первого класса.

Фоновую радиацию наша защита поглощает без остатка, и в наших каютах радиационный фон даже ниже, чем дома, и намного ниже, чем в большинстве мест Земли — особенно в горах. (Я так хочу увидеть настоящие горы! Страшновато только.)

И вот, допустим, начинается сильная солнечная буря. Интенсивность излучения подскакивает в десять тысяч раз, смертельную дозу можно получить прямо в своей постели и проснуться потом готовым трупом.

Но погибать не обязательно. Убежище находится посередине корабля, и его защищают еще четыре защитных слоя, каждый из которых задерживает девяносто процентов дошедшего до него излучения. Вот так.

10000 норм.

1000 (после первого слоя внутренней защиты, то есть потолка пассажирского отделения).

100 (второй слой).

10 (третий).

1 (проникает за четвертый слой, в убежище).

На деле защита работает еще эффективнее, а во время солнечной бури убежище безопаснее Марсополиса.

Одно плохо: убежище находится в геометрическом центре корабля, чуть позади рубки управления, и в нем очень мало места. Если собрать всех пассажиров и команду — мы будем, как щенята в корзине. Моя ячейка — полметра в ширину, полметра в высоту и лишь самую малость длиннее меня. Шевельни локтем — толкнешь соседку сбоку. Я клаустрофобией не страдаю, но, похоже, в гробу и то просторнее.

Питание — консервы из НЗ; санитарные удобства — просто ужас. Надеюсь, эта буря — лишь шквал, после которого на Солнце установится хорошая погода. Страх подумать — сидеть в этом убежище до самой Венеры!

Напоследок капитан сказал вот что:

— Со станции «Гермес» нам, вероятнее всего, пошлют предупреждение за пять-десять минут. Но это не означает, что после тревоги можно еще пять минут не являться в убежище. Услышав сирену, идите сюда немедленно и как можно быстрее. Если не одеты, хватайте, что под рукой, оденетесь здесь. Малейшее промедление может стоить вам жизни. Матросы будут обыскивать по тревоге все пассажирские помещения. Каждому из них приказано доставить найденных в убежище, даже если придется для этого применить силу. Спорить с вами они не станут — просто выловят, дадут пинка и отволокут. И, кроме благодарности, им за это ничего не будет. И последнее. Некоторые пассажиры маркируют персональными радиометрами. Закон позволяет мне налагать за это солидный штраф. Обычно я не замечаю таких мел-

ких нарушений: здоровье не мое, а ваше собственное. Но на протяжении опасного периода это правило будет соблюдаться неукоснительно. Каждому будет выдан новый радиометр, а старые следует сдать главному врачу для проверки и занесения показаний в ваши медицинские карты.

Затем капитан объявил, что все свободны, и мы, потные и встрепанные (по крайней мере, я), спустились обратно в пассажирское отделение. Только я успела ополоснуть лицо, как опять завыла сирена, и я пролетела вверх все четыре палубы, точно испуганная кошка.

Но к финишу пришла лишь второй — Кларк обогнал меня на полпути.

И опять тревога оказалась учебной. Но на этот раз все пассажиры собрались в убежище за четыре минуты, и капитан мог быть доволен.

Я всегда спала голышом, но теперь, пока это не кончится, буду надевать пижаму, а рядом класть халат. Капитан — он, конечно, дарлинг, но, по всему судя, понимать его следовало буквально. Совершенно незачем изображать из себя леди Годиву, тем более, на корабле ни одной лошади нет.

К обеду ни миссис Гарсиа, ни миссис Ройер не вышли, хотя по тревоге выказывали сногсшибательное проворство. В холле после обеда их тоже не было, двери кают были закрыты, а один раз я видела, как от миссис Гарсиа выходил главврач.

Странно. Что же Кларк — отравил их? С него станется; и спросить страшно — вдруг правду скажет...

Спрашивать у врача тоже не хотелось. Не стоит обнаруживать какую-то связь семейства Фриз с этим делом. Черт, как иногда жалко, что я не умею видеть сквозь стены! Если такое вообще в природе возможно...

Надеюсь, Кларк не дал своим талантам разгуляться на полную катушку. Да, я до сих пор зла как черт на эту парочку; во всей их грязной трепотне было вполне достаточно правды, чтобы сделать больно. Верно, я — плод смешения рас и знаю, что некоторые видят в этом какую-то неполноценность, хотя на Марсе таких предрассудков нет. Верно, и «каторжники» среди моих предков были,

но я этого никогда не стыдилась. Ну, может, только чуть-чуть, хотя, пожалуй я чаще думаю о предках, тщательно отобранных для колонизации. К тому же не всякий каторжник — уголовник. Да, когда история Марса только начиналась, Землей заправляли комиссары; именно они устроили из Марса тюрьму. Всем это известно, и скрывать просто глупо было бы...

И большинство ссыльных были политзаключенными — «контрреволюционерами» и «врагами народа». Что же тут стыдного?

Зато, когда все переменилось, на Марс прибыло раз в пятьдесят больше колонистов, первых граждан Марса, а отбирали их так же придирчиво, как невеста выбирает подвенечное платье! Только, конечно, с научными критериями. А после нашей революции и независимости положение стало, как сейчас: для здоровых физически и умственно иммигрантов никаких препятствий нет.

И нечего мне стыдиться своих предков и сограждан! Какого бы они ни были цвета и происхождения, я ими горжусь и изгаляться над ними никому не позволю. Могу поспорить, эти ведьмы даже при нынешней политике открытых дверей не получили бы у нас постоянного гражданства. Как слабоумные.

Все-таки, надеюсь, что Кларк не переборщил. Не дай бог, пожизненно упекут его на Титан! А ведь я люблю этого хулигана.

Вроде бы.

Глава 8

В радиационную бурю мы все-таки попали. На мой вкус, крапивницей заболеть и то приятнее. То есть, сама буря — еще ничего. Просто интенсивность излучения вдруг возросла в 1500 раз, когда мы находились примерно в 0,8 астрономической единицы — или в 120 000 000 км, если вам так понятнее — от Солнца. Мистер Суваннавонг уверяет, что пассажиров первого класса достаточно было бы просто перевести на палубу выше — это было бы куда как удобнее, чем всем вместе тесниться в склепе «убежища максимальной защиты». Помещения второго класса мрачные и тесные, а уж третий — я лично скорее поехала бы на том грузово-

зе, но даже там — просто прогулка по травке по сравнению с 18 часами в радиационном убежище.

В первый раз позавидовала я нашим инопланетным попутчикам. Их-то в убежище не загоняли, они все остались в своих спецкаютах. Нет, не думайте, им не позволили так просто взять да изжариться; каюты «Х» находятся почти в центре корабля, рядом с отделением для команды, и имеют собственную защиту. Нельзя же вытаскивать, например, марсианина из привычной среды обитания и запихивать в убежище, рассчитанное на людей! Это — все равно что макнуть его в ванну вниз головой (если у него, конечно, есть «голова»).

Хотя еще неизвестно, что лучше — потерпеть каких-то восемнадцать часов или всю дорогу сидеть взаперти. Тот же марсианин запросто может в течение всего перелета развлекаться созерцанием разницы между нулем и ничем; венерианец попросту впадет в спячку; я же так не могу. Мне просто необходимо активное времяпрепровождение, иначе в мозгах такое замыкание сделается, что дым из ушей пойдет.

Однако капитан Дарлинг не мог заранее знать, что буря будет непродолжительной и относительно слабой, он отвечал за безопасность пассажиров и команды, а значит, должен был готовиться к самому худшему. Как позже выяснилось из показаний приборов, одиннадцати минут в убежище хватило бы на все про все. Но это выяснилось задним числом, а капитан не может использовать для спасения своего корабля и людей, в нем находящихся, информацию, полученную задним числом.

Да, оказывается, быть капитаном — не только слава, приключения, четыре золотых лычки и все тебе честь отдают... Капитан Дарлинг младше папочки, но морщины у него такие, что он с виду совсем старик.

В о п р о с: Подди, а ты уверена, что справишься с обязанностями капитана исследовательского судна?

О т в е т: А что такого было у Колумба, чего у меня нет?! Кроме Изабеллы, конечно... *Semper toujours*, девушка!

До бури я уйму времени проводила в рубке. Станция наблюдения за Солнцем «Гермес» на самом деле не сообщала нам о

приближении бури — она *не прислала подтверждения о норме.* Выглядит чушью, но дело в следующем.

Наблюдателям с «Гермеса» ничто не угрожает: станция находится глубоко под грунтом на темной стороне Меркурия. А ее приборы, чуть-чуть заглядывающие за горизонт из сумеречной зоны, поставляют все данные о погоде на Солнце, включая постоянное телефотографирование в нескольких спектральных диапазонах. Однако Солнце совершает оборот за двадцать пять дней, и «Гермес» не может постоянно наблюдать его целиком. Хуже того, Меркурий вращается вокруг Солнца в том же направлении — один оборот за 88 дней,— и когда Солнце опять поворачивается тем же полушарием к той точке, где он был, его там уже нет. Значит, одно и то же место Солнца станция «Гермес» наблюдает раз в семь недель.

Поди тут предскажи солнечную бурю, которая назревает всего-то за пару дней, а потом в считаные минуты достигает максимума и может прикончить вас в долю секунды!

Поэтому Солнце наблюдают и с Луны, и с орбитальных станций Венеры, да еще с Деймоса, но передача информации на Меркурий запаздывает из-за скорости радиоволн. С Луны — минут на пятнадцать, а с Деймоса аж на целую тысячу секунд, каждая из которых дорога.

Но сезон бурь лишь малая доля солнечного цикла (ведь Солнце — переменная звезда). Примерно один год из каждых шести. (Я имею в виду настоящие, марсианские. Земных лет, за которые так упорно цепляются астрономы, в солнечном цикле выйдет одиннадцать.)

Это все же полегче! Целых пять лет из шести вероятность попадания в радиационную бурю близка к нулю.

Зато в штормовой сезон осторожный (иными словами, имеющий шанс дожить до пенсии) капитан спланирует полет так, чтобы войти в опасную зону, то есть внутрь гелиоцентрической орбиты Земли, когда Меркурий окажется между Солнцем и кораблем, и станция «Гермес» сможет в случае чего сразу послать предупреждение. Именно так и поступил капитан Дарлинг. Он задержал «Трайкорн» в порту Деймоса недели на три дольше, чем следовало по расписанию, и взял курс на Венеру уже тогда, когда

станция «Гермес» смогла предупредить его о надвигающейся буре заранее, потому что сезон был в самом разгаре.

Наверное, бухгалтерия компании «Треугольник» с ума сходит из-за таких убыточных, но неизбежных проволочек. Может быть, компания в штормовой сезон даже не получает никакой прибыли. Но лучше уж недели на три задержать корабль, чем потерять его вместе с пассажирами.

Когда же начинается буря, вся радиосвязь летит к чертям и «Гермес» не может разослать кораблям предупреждений.

Где же выход? А вот где. Наблюдая, как назревает буря, станция вполне в силах сказать, в какой момент она может разразиться. Тогда рассылают предупреждения, и «Трайкорн» с прочими кораблями проводит учебные тревоги. А потом все сидят и ждут. День ждем, два, неделю, после чего Солнце либо успокаивается, либо начинает плеваться гигантскими дозами излучения.

Все это время с темной стороны Меркурия радиостанция космической гвардии продолжает передавать штормовые предупреждения и сводки о положении на Солнце.

И вдруг передача прерывается.

Возможно, это всего лишь технические неполадки, и станция вот-вот возобновит передачу с дублирующей аппаратуры. Возможно, это самое простое «затухание», а буря на самом деле не возникала, о чем всех вскоре и оповестят.

А возможен и третий вариант: на Меркурий со скоростью света обрушилась первая «волна» и предупреждений больше не будет, так как все «глаза» станции вырубились, а «голос» полностью забит мощным излучением.

Вахтенный офицер в рубке, конечно же, не может знать, что произошло на самом деле, а гадать — не имеет права. Едва «Гермес» прерывает передачу, он немедля бьет ладонью по тумблеру, включающему таймер. Если через положенное время станция не возобновит передачу, включается сигнал тревоги. Сколько именно времени надо ждать, зависит от местоположения корабля: как далеко он от Солнца, и сколько секунд потребуется волне, накрывшей Меркурий, чтобы до него добираться.

Вот тут капитан грызет ногти, седеет раньше времени и отрабатывает свое громадное жалованье — ведь именно он решал, на

сколько секунд устанавливать таймер. Взаправду-то, если самая сильная первая волна несется со скоростью света, времени нет вовсе; сигнал с «Гермеса» пропадет одновременно с волной, которая накроет корабль. А если угол неблагоприятен, может оказаться, что это корабельная рация на приеме забивается, а «Гермес» все еще передает... Как тут сказать наверняка?

Зато капитан прекрасно знает: если бить тревогу и гнать всех в убежище каждый раз, как радио на несколько секунд смолкнет, люди привыкнут к тревожному крику «Волк идет!», перестанут его бояться и в случае настоящей опасности они не отреагируют на сигнал тревоги с должной быстротой.

Знает он также и то, что внешняя обшивка корабля отфильтрует почти весь электромагнитный спектр и из всех предназначенных нам фотонов (больше со скоростью света ничто не движется) внутрь проникнет только самое жесткое рентгеновское излучение, да и то в малом количестве. Однако следом прибудут штуковины куда опаснее — крупные, средние и мелкие частицы, осколки от взрыва атомных ядер. Все это тоже движется быстро, но все же медленнее скорости света, и до подхода второй волны капитан должен обеспечить безопасность своих людей.

Исходя из нашего местоположения, капитан Дарлинг установил таймер на двадцать пять секунд. Я спросила, как он это рассчитывал, а он невесело усмехнулся и сказал:

— Вызвал тень моей прабабушки.

Пока я была в рубке, вахтенный раз пять запускал таймер, и связь с «Гермесом» всегда восстанавливалась меньше чем за двадцать пять секунд.

Вот таймер заработал в шестой раз. Все затаили дыхание. На этот раз связь не восстановилась, и сирена тревоги завыла громче труб Страшного суда.

Лицо капитана закаменело. Он двинулся к люку в убежище, а я продолжала стоять — надеялась, что разрешат остаться в рубке. Она, строго говоря, и так часть убежища — защищена по тому же каскадному принципу, только расположена чуть впереди.

Диву даешься, сколько людей твердо убеждены, будто капитан управляет кораблем, глядя в иллюминатор! Как на пескохо-

де. Нет, конечно! Рубка находится почти в самой середине корабля, а пилотировать по экранам и приборам гораздо удобнее и надежнее. Единственный иллюминатор «Трайкорна» находится на носу и сделан специально, чтобы показывать пассажирам звездное небо. Нас туда так и не сводили — смотровая защищена от солнечного излучения, только когда ее прикрывает корпус корабля; естественно, она всю дорогу до Венеры была заперта.

Уверенная, что в рубке безопасно, я осталась на месте, надеясь воспользоваться положением «любимой ученицы»; очень уж не хотелось часами — а то и днями — киснуть на полке среди истерически кудахчущих вдовушек.

И просчиталась. Капитан, помедлив долю секунды у люка, обернулся и резко сказал:

— Идемте, мисс Фриз.

Да, деваться некуда. Он всегда называл меня «Подди», и сейчас его голос звучал, как хороший удар хлыста.

Пассажиры третьего класса уже собрались в убежище — им ближе всех, и матросы размещали их по ячейкам. Команда с момента первого предупреждения от «Гермеса» находилась в состоянии «аварийной готовности». Вместо восьми часов через каждые шестнадцать матросы стояли вахту четыре часа, после чего четыре часа отдыхали и заступали на вахту снова. Несколько матросов постоянно дежурили у пассажирского отделения, не вылезая из радиационных скафандров (должно быть, страшно неудобно!); снимать их они не имели права ни под каким видом, пока не придет смена, тоже в скафандрах. Эти матросы называются «спасательной командой»; они здорово рискуют — им нужно успеть обыскать все пассажирское отделение, вытащить отставших и самим добраться до убежища, пока не накопили смертельной дозы облучения. Все они добровольцы, и те, на чью вахту выпадет тревога, получают солидную премию, а те, кому в это время повезло оказаться на отдыхе,— премию поменьше.

Первую спасательную команду возглавляет старший помощник, вторую — суперинтендант. Им никаких премий не положено, хотя по закону и обычаю тот из них, кто окажется на вахте во время тревоги, должен войти в убежище последним. Не очень-то справедливо, правда? Но зато это не только обязанность, но и дело чести.

Остальные матросы несут вахту в убежище, вооружившись списками пассажиров и планами размещения по ячейкам.

Конечно, сервис не улучшается от того, что большая часть команды оторвана от своих прямых обязанностей, чтобы быть наготове — и действовать по первому же звуку сирены быстро и четко. Самая большая нагрузка по тревожному расписанию ложится на стюардов и клерков — ведь механиков, связистов и т. п. от дела отрывать нельзя,— и потому каюты иногда по полдня не прибираются, если сам не приберешь, как я, например; за столом приходится просиживать раза в два дольше обычного, а холл не обслуживают вовсе.

И что же? Вы думаете, пассажиры все понимают и благодарят тех, кто заботится об их безопасности?

Ничего подобного. Это может прийти в голову только совершенному идеалисту, который не знает ни жизни, ни богатых пожилых землян, зацикленных на том, что они считают принадлежащим себе по праву. Они полагают, будто, купив билет, купили все и вся. Был случай, когда одного, примерно дядиного возраста (а дожив до таких лет, пора бы начать кое в чем разбираться), чуть кондрашка не хватил — побагровел (буквально!), забормотал, точно индюк, и все только потому, что стюард из бара не подбежал к нему на полусогнутых по первому же зову со свежей колодой карт!

А стюард из бара в это время дежурил в спасательной команде и не мог оставить пост, стюард из холла пытался одновременно обслужить сразу троих да еще ответить на звонки из кают. Но для нашего развеселого попутчика это ровно ничего не значило; едва обретя дар речи, он начал грозиться, что подаст в суд на компанию и всех ее директоров.

Конечно, не все так себя ведут. Миссис Грю вот, несмотря на солидную комплекцию, сама заправляет кровать и не делает из этого события. Да и некоторые другие, пользовавшиеся раньше множеством услуг, делают почти все сами и не ворчат.

Но кое-кто — просто дети малые! В истерике и ребенок-то не слишком приятен, а уж пожилой человек...

Следуя за капитаном в убежище, я поняла, как великолепно работает команда «Трайкорна» тогда, когда это особенно важно. Меня подхватили, как мячик, и передали по цепочке. Я не тяже-

лая (здесь, почти на осевой линии корабля, не больше 0,1 g), однако дух захватывает. Чьи-то руки впихнули меня в ячейку, уже приготовленную для меня, с таким же безразличием, как хозяйка, укладывающая белье в шкаф. Чей-то голос объявил:

— Фриз Подкейн!

Ему ответили:

— Отмечено!

Соседние ячейки заполнялись с поразительной быстротой; матросы работали точно, как автоматы, сортирующие капсулы пневмопочты. Где-то заплакал ребенок. Раздался голос капитана:

— Все?

— Все, капитан,— ответил голос суперинтенданта.— Как мы уложились во время?

— Две минуты тридцать семь секунд. Твои парни могут готовить кошельки — тревога не учебная.

— Так я и думал. Стало быть, выиграл у старшего помощника.

И суперинтендант прошел мимо моей ячейки, неся кого-то на руках. Я было села, но треснулась лбом о верхнюю полку — аж искры из глаз посыпались.

Пассажирка, которую нес суперинтендант, была без сознания, голова ее бессильно запрокинулась на его плече. Вначале я не поняла, кто это, потому что лицо было ярко-красного цвета, а потом узнала — и сама чуть не хлопнулась в обморок. Миссис Ройер...

Ну да, покраснение — первый симптом... Даже если солнечный ожог или просто под ультрафиолетовой лампой пересидишь, прежде всего кожа розовеет — или красной становится...

Но как она ухитрилась так быстро набрать эту дозу жесткого излучения? Ожог ведь просто ужасный! Неужели только из-за того, что в убежище ее принесли последней?!

Но если такой ожог, то она не в обмороке — она уже мертвая!

Значит, все, кто добрался до убежища последними, успели накопить по две-три летальных дозы! Еще несколько часов они не почувствуют этого и еще несколько дней проживут... но они на самом деле такие же мертвые, как если бы остыли и закоченели.

Сколько же здесь таких? Наверное... то есть, наверняка — все пассажиры первого класса, там защита слабее и до убежища дальше.

Значит, и дядя Том с Кларком...

Я впала в отчаянье и пожалела, что была в рубке, а не с ними. Не хочу я жить, если дядя Том с Кларком там умирают.

К миссис Ройер я не питала никакой симпатии. Пламенно-красное лицо ее меня потрясло, но она мне нисколечки не нравилась. Я считала ее паразиткой с грязными мыслишками. Умри она, скажем, от порока сердца, я бы и не вздрогнула; ведь никто не плачет по миллионам и миллиардам умерших в прошлом и по тем, кто сейчас живет или родится на свет с тем, чтобы неизбежно умереть когда-нибудь (чего и мне лично не миновать), так что же печалиться оттого, что рядом закончил свой жизненный путь нелюбимый и даже презираемый тобой человек? В любом случае, на сожаления по поводу миссис Ройер меня уже не хватило бы; сердце мое было переполнено бедой, случившейся с дядей и братишкой. Я кляла себя за то, что не была поласковее с дядей Томом и, напротив, всегда вынуждала бросать личные дела ради моих дурацких проблем. Я жалела о всех наших драках с Кларком — он же, в конце концов, еще маленький, а я уже почти взрослая женщина; надо было снисходительнее относиться к нему...

Из глаз ручьем хлынули слезы, и я чуть не прослушала первые слова капитана.

— Друзья,— сказал он спокойно и твердо,— команда и гости корабля. Тревога не учебная. Мы на самом деле попали в радиационную бурю. Пугаться не следует. Все мы, до единого, в полной безопасности. Главный хирург проверил личный радиометр у того, кто прибыл в убежище последним; показания — в пределах нормы. Даже если эта доза добавится тому, кто облучен больше всех на корабле — кстати, это не пассажир, а член экипажа,— она все еще будет оставаться в пределах, безопасных для здоровья. Как личного, так и генетического. С вашего позволения, повторюсь: никто не переоблучился и не переоблучится. Просто придется потерпеть некоторые незначительные неудобства. Хотелось бы мне знать, как долго нам придется пребывать в убежище. Но, к сожалению, я этого не знаю. Возможно, несколько часов; возможно, несколько дней. Самая длительная по времени из зафиксированных бурь длилась менее недели. Будем надеяться, что наше Солнце не обойдется с нами слишком сурово. Однако убежища не покинет никто, пока с «Гермеса» не придет радиосигнал

об окончании бури. Как только мы его получим — проверить корабль и безопасность ваших комфортабельных кают недолго. Но до того следует проявлять дисциплинированность и быть терпимыми друг к другу.

Как только капитан заговорил, мне стало полегче. Голос его успокаивал — как голос матери, утешающей ребенка: все хорошо, все уже кончилось... Напряжение и испуг сменились усталостью.

Но вскоре я подумала: а не мог ли капитан Дарлинг объявить, что Все В Порядке, когда Все — Хуже Некуда? Именно потому, что терять больше нечего...

Я припомнила все, что знала о лучевой болезни,— от простых гигиенических правил, которым учат еще в садике, до пленки мистера Кланси, которую прочла на той неделе.

Скорее всего, капитан сказал чистую правду.

Почему? А вот почему. Если бы сбылись мои самые страшнейшие страхи и нас накрыло бы так, как будто рядом взорвалась атомная бомба, все равно можно было бы что-нибудь предпринять. Нас в таком случае разделили бы на три группы: во-первых — это те, кто вовсе не облучен и умирать не собирается (то есть все из рубки и убежища, да еще почти все пассажиры третьего класса), во-вторых — облученные так, что их уже не спасти (почти все из первого класса), и в-третьих, те (не знаю, сколько), чья жизнь в опасности, но их можно спасти с помощью быстрых и решительных мер.

И эти самые решительные и быстрые меры уже принимались бы. Проверка радиометров, изоляция тех, кому срочно нужна помощь. А тем, кто наверняка умрет, кололи бы морфий и держали бы их отдельно от остальных, ну а необлученных собрали бы всех вместе, чтобы не путались под ногами, или приставили бы помогать санитарам спасать тех, кого еще можно спасти.

Это — наверняка. Однако вокруг вообще ничего подобного не происходило, только малыши попискивали да соседки что-то бубнили между собой. Точно; и радиометры-то далеко не у всех проверяли — только у нескольких, прибывших последними...

Значит, капитан сказал нам чистую-пречистую правду.

На душе стало так легко — я и думать забыла, что лицо у миссис Ройер — цвета спелого помидора; по телу разлилась приятная

теплота... Какое счастье, что дядя Том вовсе не собирается умирать и братишка будет жить и еще доставит мне немало хлопот! С этими мыслями я почти заснула...

...и тут же соседка справа завизжала:

— Выпустите меня! Выпустите меня отсюда!!!

Вот тут я смогла своими глазами полюбоваться на «принятие быстрых и решительных мер».

Откуда ни возьмись, рядом возникли двое матросов со стюардессой; крикунью схватили, стюардесса одним махом запечатала ей рот кляпом и сделала укол в руку. Женщину придержали, пока она не перестала биться, а потом один из матросов поднял ее и унес куда-то.

Вскоре другая стюардесса принесла снотворное и собрала радиометры. Многие снотворное приняли, но я отказалась — не люблю таблеток и уж всяко не собираюсь глотать их, чтобы вырубиться и не видеть окружающего. Стюардесса настаивала, но меня переупрямить тяжело. Пришлось ей, пожав плечиками, удалиться. После этого было еще три-четыре случая клаустрофобической истерики — а может, просто истерики, кто знает. Все они были пресечены быстро и без шума; вскоре в убежище стало тихо — разве что кто-то храпел, кто-то шептался, да без конца то здесь то там плакали малыши.

В первом-то классе младенцев не было — как и детей вообще. Во втором ехало довольно много ребят; третий же был ими просто напичкан, точно каждая семья везла как минимум одного. Скорее всего, так оно и было — в третьем классе почти одни земляне, переселяющиеся на Венеру. Земля слишком уж перенаселена, и человек с большим семейством очень легко может дойти до состояния, когда отъезд на Венеру покажется ему лучшим выходом из безвыходного положения. Он подписывает контракт, и «Венус Корпорейшн» оплачивает его проезд авансом, в счет будущих заработков.

Наверное, тут все по-честному. Люди хотят уехать с Земли, а на Венере людей не хватает. Но я лично только рада, что Марсианская Республика таких субсидий иммигрантам не дает — иначе мы бы в этих иммигрантах просто потонули. Конечно, мы иммигрантов принимаем, но для этого надо самому оплатить проезд

в оба конца (обратные билеты хранятся в комиссии по ДОЗ, и деньги за них можно получить обратно только через два года).

И совершенно правильно. Минимум треть иммигрантов просто не могут приспособиться к нашей жизни, и если ностальгия и уныние кого-нибудь из них вконец замучили, обратный билет окажется очень кстати. Не могу понять, как это Марс может не понравиться. Однако, если уж так случилось, лучше уехать поскорее.

Так я и лежала, размышляя о подобных вещах; непривычная обстановка малость утомила, и еще непонятно было, отчего никто не займется бедными малышами.

Свет в убежище притушили, и, когда ко мне подошла Герди, я узнала ее только по голосу.

— Подди,— тихонько, но отчетливо шепнула она,— ты здесь?

— Да вроде,— я тоже понизила голос.— А что?

— Ты малышей пеленать умеешь?

— Еще бы!

Я вспомнила Дункана — совестно сказать, но уже дней несколько такого не бывало. Может, и он меня уже забыл? Вот вернется старушка Подди, а он ее и не узнает...

— Тогда идем, дело есть.

Да, дел оказалось невпроворот! Внизу, в четырех пролетах от моей ячейки, прямо над машинным отделением был закуток, вроде торта, разрезанного на четыре части: санузлы, лазарет из двух палат —мужской и женской (и обе до отказа забиты), а между ними — еще крохотная комнатенка не больше двух метров в каждом измерении, которую приспособили под ясли. На трех ее стенках были развешаны брезентовые колыбельки, колыбельки заполняли и часть женской палаты. И почти все младенцы голосили вовсю!

В самой середине этого пандемониума две измученные стюардессы пеленали маленьких на столике, выдвинутом из стены. Его едва-едва хватало. Герди хлопнула одну из них по плечу:

— Порядок, девочки, пополнение заходит на посадку. Идите, отдохните немного да перекусите.

Старшая слабо запротестовала, но обе, судя по всему, были жутко рады сделать перерыв. Они ушли, а мы с Герди встали на их место и взялись за дело. Не знаю, сколько времени это продолжалось —

некогда было об этом думать — нам никак не удавалось уменьшить количество мокрых младенцев, лишь бы только их больше не становилось. Ладно; все лучше, чем лежать на полке и наблюдать другую полку всего в нескольких сантиметрах от носа. Хуже всего была невообразимая теснота. Все время приходилось поджимать локти, чтобы не толкнуть Герди или колыбельку, качавшуюся с другой стороны.

Нет, я не жалуюсь. Тот, кто конструировал это убежище, был вынужден запихнуть как можно больше народу в как можно меньшее пространство; как же иначе — нужно ведь всех укрыть от бури. Вряд ли конструктор много думал о пеленании маленьких, ему хватало забот об их жизни.

Но маленьким-то этого не объяснишь!

Герди работала на удивление спокойно и без единого лишнего движения (а я-то сомневалась, что она вообще когда-нибудь держала малыша на руках!). Дело она знала отлично и работала куда быстрее моего.

— А мамаши их куда запропастились? — поинтересовалась я, имея в виду, что этим лентяйкам не следовало бы бросать детей на стюардесс да добровольцев.

Герди меня прекрасно поняла.

— Почти все они, а пожалуй — даже все, занимаются другими малышами; без дела не сидят. А две-три просто свалились и отсыпаются,— она кивнула в сторону женской палаты.

В этом был резон. В клетушках, куда поместили пассажиров, обиходить ребенка как следует невозможно, а если все каждый раз будут таскать малышей сюда, тут такое начнется!.. Нет, без поточного метода не обойтись.

— Герди, пеленки на исходе.

— В шкафчике позади тебя еще есть. Ты видела, что с лицом миссис Гарсиа?

— А? — я присела на корточки и добыла из шкафа свежих пеленок.— Ты хочешь сказать, с лицом миссис Ройер?

— Да с обеими. Просто сначала я имела удовольствие лицезреть миледи Гарсиа и, пока ее успокаивали, рассмотрела ее лицо хорошенько. А ты ее не видела?

— Нет.

— Освободимся — загляни потихоньку в женскую палату. Лицо — так и сияет! Такого замечательного «крона желтого» я еще ни на одной палитре не видела. Не говоря уж о человеческом лице.

Я так и ахнула.

— Боже милостивый! Я видела миссис Ройер; только она не желтая, а ярко-красная... Герди, да что же такое с ними стряслось?

— Могу поспорить, я наверняка знаю, *что*,— не спеша ответила Герди,— зато уже никому не под силу вычислить, *как*.

— Не понимаю.

— Да по оттенкам все ясно. Это — красители, применяемые в фотографии; они растворяются в воде. Ты, дорогуша, в фотографии что-нибудь смыслишь?

— Н... не особенно.

Уточнять свои познания я не стала. Вот Кларк для любителя просто замечательно фотографирует, но об этом упоминать тоже было бы как-то не к месту.

— Ну, ты, скорее всего, хотя бы раз видела, как это делается. Листок, который вынимают из аппарата, уже готовое фото, только изображения пока нет. Ясное дело, его помещают в воду, держат там секунд тридцать — изображения все еще нет. Тогда его помещают на свет, и картинка начинает проявляться. Когда цвета становятся достаточно насыщенными, сушишь листок в темноте, и цветовой перенасыщенности не получается,— Герди хихикнула.— Судя по всему, они не сообразили вовремя, что надо закрыть лица и остановить процесс. Наверное, отмыться пытались — и вышло только хуже.

Озадаченно — поскольку мало что поняла — я сказала:

— И все равно не понимаю, как это могло произойти.

— Никто не понимает. Главный хирург считает, что им подменили полотенца.

— Зачем?

— У кого-то из пассажиров были с собой красители. Этот кто-то пропитал бесцветными, неактивированными красителями два полотенца, как следует высушил в полной темноте, а потом тайком пробрался в каюты и подменил их в ванных. Если не мандражировать, это несложно — сервис в каютах за последние день-два покатился через пень-колоду из-за солнечной бури; где тут углядеть, что

сегодня меняли, а что нет, тем более что все полотенца на корабле одинаковые. Просто не обратишь внимания.

Ну точно! — воскликнула я про себя, а вслух добавила:

— Да уж.

— Конечно. Это могла сделать одна из стюардесс или кто-то из пассажиров. Непонятно, где этот кто-то взял красители. В корабельном магазине их нет — только рулоны готовой пленки. А главврач говорил, что достаточно знает химию и головой может поручиться: выделить красители из пленок под силу только химическому гению — и то лишь в специальной лаборатории. Он считает также, что — поскольку на Марсе таких красителей не производят — виновника следует искать среди тех, кто садился на корабль на Земле,— покосившись на меня, Герди улыбнулась.— Так что ты, Подди, вне подозрений. В отличие от меня.

— Подозревать тебя? Что за ерунда?

Ага! Если я вне подозрений, то братец — и подавно!

— Конечно, ерунда. Даже будь у меня красители, я бы в жизни не додумалась. Зато у меня была возможность запастись ими и не было причин любить этих дамочек.

— Да я от тебя слова против них не слышала!

— Верно. Зато все слышали от них несколько тысяч слов обо мне. Так что я — одна из основных подозреваемых, Подди. Но ты не волнуйся, я этого не делала, и никто не докажет, что я виновата,— она хмыкнула.— Надеюсь, того, кто это сделал, никогда не найдут.

У меня чуть не вырвалось, что я тоже на это надеюсь. Кому, как не мне, знать, кто способен выделить из пленок красители безо всяких лабораторий...

Я быстренько припомнила, что такого было в комнате у Кларка. Нет, ничего похожего на красители я не видела — даже пленок.

Каковой факт отнюдь не доказывает его невиновности. Надеюсь, он не оставил отпечатков пальцев?

Наконец в «пеленальную» подошли еще две стюардессы, мы покормили малышей, потом я и Герди кое-как помылись, наскоро перекусили, я отправилась на свое место и, к немалому своему удивлению, заснула.

Проспала, должно быть, часа три-четыре, потому что пропустила, как у миссис Дирксон родился ребенок. Она эмигрировала с Земли на Венеру, и роды должны были быть после перелета, но, надо думать, всяческие треволнения ускорили события. В общем, как только она начала стонать, ее перенесли в крохотный изолятор, а д-р Торланд только глянул на нее и приказал нести в рубку — в убежище просто не было места.

И малыш появился на свет прямо между ящиком для карт и компьютером. Д-р Торланд и капитан Дарлинг стали крестными отцами, старшая стюардесса — крестной матерью, а окрестили девочку Радиантой. Так себе каламбурчик, хотя и к месту.

Тут же, в рубке, для Радианты соорудили инкубатор, а миссис Дирксон отнесли в лазарет и дали снотворного. Я к этому времени уже проснулась и была в курсе событий.

Капитан, вероятно, сейчас в добром расположении духа, и этим следует воспользоваться. Пробравшись к рубке, я заглянула в дверь:

— Можно, я на маленькую посмотрю?

Капитан, кажется, рассердился, но потом слегка улыбнулся и сказал:

— Ладно, Подди; посмотри и ступай на место.

Так я и сделала. Радианта весила около килограмма и выглядела так, что страшно было ее спасать, но д-р Торланд сказал, это со временем исправится и Радианта станет симпатичной, здоровенькой девочкой — еще лучше, чем я. Он, без сомнения, свое дело знает, но пока что ей до меня — как до Шанхая пешком. Пока что она того же цвета, что и лицо миссис Ройер, и вся в морщинах.

Но это, конечно, скоро пройдет. Она — точь-в-точь как на одной из последних картинок в очень милой книжке «Таинство жизни», и более ранние картинки выглядят гораздо хуже. Наверное, это хорошо, что ребеночка не видно, пока он не готов к выходу в свет, иначе человечество давно бы вымерло, потеряв желание размножаться.

И вообще, наверное, откладывать яйца все же удобнее. Человек, надо сознаться, сконструирован не самым лучшим образом — особенно мы, женщины.

Я отправилась вниз — может, понадоблюсь малышам постарше. Оказалось, в данный момент я им не нужна: их уже успели

еще раз покормить, и стюардесса с какой-то незнакомой молодой дамой объявили, что заступили на дежурство буквально только что. Все-таки, прежде чем отправиться в свою ячейку, я еще поторчала там немного; а через некоторое время попыталась помочь: протиснулась за спины работавших и проверяла младенцев, чтобы разобраться, кого надо подавать на стол, как только освободится место.

События малость ускорились. Потом я вынула из колыбельки маленького пискуна и принялась его баюкать; стюардесса посмотрела на меня с укором:

— Я уже готова, давай.

— Да он сухой,— ответила я,— просто одиноко ему — или ей. Компания ему нужна.

— Времени нет на пустяки.

— По-твоему, это пустяк?

В этих яслях стоял невообразимый гам. Малыши будили друг друга и как бы раззадоривали, так что децибелы нарастали с дикой скоростью. Понятное дело; одиноко им и страшно, наверное. Я бы на их месте тоже разревелась, да еще как!

— Почти все эти малыши прежде всего нуждаются в ласке.

— Но я же им всем дала бутылочки...

— Бутылочка — дело другое.

Она не ответила и начала проверять остальных. На мой взгляд, я ничего глупого не сказала. Ребенок слов не понимает; откуда ему знать, что случилось, почему его утащили от мамы — вот он и кричит. Нужно же его успокоить!

Тут подошла Герди.

— Помощь нужна?

— Еще бы! Вот, держи этого.

В несколько минут я собрала трех девушек примерно моего возраста да еще прихватила Кларка, болтавшегося по галерейкам вместо того, чтобы лежать смирно в своей ячейке. Не то чтобы ему так уж хотелось возиться с маленькими, но все лучше, чем скучать без дела, и он согласился.

Больше помощников не требовалось — места мало. И работа пошла: две «няньки» немножко вдвинулись в палаты, а церемониймейстер — то есть я — стояла на малюсеньком пятачке у под-

ножия трапа, готовая в любую минуту шарахнуться в сторону, пропуская идущих по трапу или коридору. Герди, как самая высокая, встала рядом с двумя пеленальщицами и передавала самых ревучих малышей мне, а мокрых — на пеленание, и наоборот: а сухих и укачанных — в колыбельки, пока снова не заплачут.

Таким образом, свою долю внимания получали минимум семеро малышей одновременно, а то даже десять-одиннадцать (при 0,1 g ноги почти не устают, а ребенок почти ничего не весит, так что время от времени некоторые из нас брали на себя сразу двоих, по одному в каждую руку).

Через десять минут гвалт был низведен до уровня отдельных, быстро затихающих всхлипов. Вот не думала, что Кларк выдержит до конца, а он выдержал. Наверное, присутствие Герди помогло. С угрюмо-величественной физиономией, какой я у него сроду не видела, он баюкал малышей и вскоре уже бормотал «баю-баю, спи-усни, сладкий сон тебя возьми», точно всю сознательную жизнь работал нянькой. Больше того — детям он, похоже, нравился; у него они умолкали куда быстрее, чем у нас. Что он их — гипнотизирует?

Так продолжалось несколько часов. Уставших сменяли новые добровольцы, и меня раз подменили; так что я опять смогла перекусить и отдохнуть часок на своей полке, чтобы потом снова заняться делом.

Только я вернулась к «операционному столу», по внутренней связи зазвучал голос капитана:

— Прошу внимания. Через пять минут отключается тяга, и корабль будет находиться в состоянии невесомости до окончания ремонтных работ на внешней стороне обшивки. Всем пассажирам — пристегнуться. Всем членам экипажа — принять меры к безопасности.

Я продолжала работать — нельзя ведь ребятенка так бросать. Остальные разложили детишек, которых нянчили, по колыбелькам и побежали на свои места, пристегиваться — тут вращение корабля и прекратилось. Один оборот за двенадцать секунд в центре корабля почти не чувствуется, но когда вращение прекращается, попробуй не заметь! Стюардесса, на пару со мной занимавшаяся пеленанием, сказала:

— Подди, иди-ка быстренько пристегнись!

— Бергитта, не валяй дурака,— ответила я.— Тут дел невпроворот.

И, запихнув спеленутого малыша на место, застегнула молнию его колыбельки.

— Ты же пассажир! Ну пожалуйста!

— А со всеми этими детьми кто будет заниматься? Может, ты? А те четверо, в женской палате?

Бергитта вытаращила глаза, хлопнула себя по лбу и поспешила к ним. Прочие стюардессы проверяли, все ли пассажиры как надо пристегнулись, и она больше не досаждала мне своими «ну пожалуйста», ей хватало возни с уборкой выдвижного стола и закреплением люлек. Я проверяла остальных малышей — молнии почти у всех были расстегнуты. Конечно, при поточном методе укачивания так удобнее, но застегнуть в невесомости люльку с малышом так же необходимо, как и ремни безопасности — на взрослом. Такая конструкция оставляет свободной только голову и держит малыша удобно, но крепко.

Управиться со всеми к тому моменту, когда завыла сирена и капитан вырубил двигатели, я, конечно, не успела.

Ой, мамочки, что тут началось! Ужасы преисподней. Сирена спавших малышей перебудила, а те, кто не спал, вообще напугались до смерти. И все эти маленькие, извивающиеся червячки заверещали вовсю, а один, которого я не успела застегнуть, выскользнул из колыбельки и поплыл на середину комнаты! Я ухватила его за ножку, но оторвалась от пола сама и вместе с ним уткнулась в гирлянду колыбелек на стене. Только теперь это была не стена, а препятствие на пути моего полета. Невесомость человека непривычного здорово дезориентирует, я же, надо признаться, как раз к непривычным и отношусь. То есть тогда относилась. Стюардесса нас обоих сцапала, засунула маленького вертунчика в люльку и застегнула молнию, а я тем временем висела на другой ее руке. И тут из колыбелек вывернулись еще двое.

На этот раз у меня вышло лучше — я тут же поймала одного и просто держала, пока Бергитта занималась вторым. Она-то в невесомости как рыба в воде — двигалась плавно и грациозно, будто прима-балерина в замедленной съемке. Я себе отметила, что

обязательно научусь двигаться так же, и еще подумала, что неприятности позади. Ан черта с два. Малышам невесомость не нравится, они при ней жутко боятся; вдобавок она на их сфинктеры действует расслабляюще. Конечно, последнее обстоятельство можно бы пока оставить без внимания, но ведь пеленки и подгузники всего не удерживают, а шестерых маленьких покормили не больше часа назад.

Теперь понятно, зачем всех стюардесс обязательно отправляют на курсы нянечек. В следующие пять минут, если бы не мы, пятеро маленьких насмерть бы задохнулись! Бергитта прочистила горлышко первому, отрыгнувшему свое молоко; я, глядя на нее, занялась вторым, а она уже взялась за третьего — и так далее.

А потом нам хватило забот с чисткой воздуха пеленками. Девочки! Если вы страдаете, когда младшего братишку стошнило на ваше новое выходное платье, вам надо бы пережить такие детские шалости в невесомости. Тут-то все это никуда не падает, а просто летает вокруг, как мыльные пузыри, пока его не догонишь. Или пока «оно» не догонит тебя.

А комнатушка-то — тесная! А малышей-то — шестеро!

К тому времени как мы, наконец, процентов на девяносто пять очистили воздух и обе уляпались с головы до ног кислым молоком, капитан объявил готовность к пуску двигателей и, слава богу, сразу же их запустил. Тут появилась старшая стюардесса и пришла в ужас, что я не пристегнута, а я ей вежливо ответила, что пусть идет куда хочет (конечно, в выражениях, подобающих моему полу и нежному возрасту), и что бы, интересно, сказал капитан Дарлинг, если бы я, согласно всем правилам и распоряжениям ушла, а кто-нибудь из маленьких задохнулся бы насмерть? Бергитта поддержала меня, подтвердив, что я спасла от удушья по меньшей мере двоих — как следует сосчитать ей было некогда. Тогда эта миссис Пил быстренько взяла тоном ниже, извинилась, поблагодарила меня, вздохнула, отерла лоб, слегка задрожала, и тут я поняла, что она едва держится на ногах — однако всех малышей проверила самолично и умчалась. Нас тут же подменили, мы с Бергиттой втиснулись в женскую уборную и кое-как помылись, хотя лучше от этого не стало — все равно переодеться было не во что.

Словом, отбой прозвучал точно как «восстаньте из чистилища», а горячая ванна показалась мне сущим раем с ангельским пением. Палуба А во время ремонта была проверена радиометрами, а сам ремонт, как потом выяснилось, был вполне рутинным. Разные антенны, датчики и другие наружные приборы радиационной бури не переносят, сгорают — и, едва буря кончается, приходится матросам залезать в скафандры повышенной защиты, выбираться наружу и все восстанавливать. Это здесь в порядке вещей, все равно как дома менять перегоревшую лампочку. Однако матросы-ремонтники получают такие же «радиационные», как и спасатели: старое доброе Солнце вполне может спалить их одним-единственным «кхе-кхе» напоследок.

Я возлежала в теплой, прозрачной воде и думала, как худо нам пришлось в эти восемнадцать часов, а потом решила, что все, в конце концов, не так уж было и плохо.

Лучше пусть будет как угодно худо, чем от тоски зеленеть.

Глава 9

Мне теперь двадцать семь лет.

Венерианских, конечно, но все же — звучит здорово. Вот как все относительно на свете.

Но оставаться на Венере я не согласна — пусть мне пообещают, что я проживу хоть тысячу лет в таком прекрасном возрасте. Венусберг как будто нарочно создали так, чтобы нервы трепать ежесекундно, а окрестности его еще хуже. Той малости, что я уже видела, хватит мне за глаза; больше не требуется. И почему эту унылую туманную планетку назвали именем богини любви и красоты? Да ее, небось, сляпали из всяких остатков, когда вся прочая Солнечная система уже была готова...

Из Венусберга я бы в жизни никуда бы не выехала — только очень уж посмотреть хочется, как феи летают. Пока что я видела только одну, в вестибюле нашего хилтона, но она никуда не летала — из нее чучело сделали.

Правду сказать, я жду не дождусь отлета на Землю. Венера оказалась Сплошным Разочарованием... Не дай бог, и с Землей

так же получится! Нет, не верю. Планета, где можно ходить под открытым небом без всяких яких... Есть в этом что-то потрясающе первобытное. Да что там! Я слышала (дядя Том говорил), что на берегах Средиземноморья (океан такой в Ля Белль Франс) туземцы купаются вообще без одежды — не то что без костюмов и масок...

Но вообще-то мне такие штуки не нравятся. Нет, я не то чтобы против «плотских радостей»; добрую сауну любят все марсианцы, но океан... Подумать страшно. Ни за что в воду не полезу, если ее больше, чем в ванне! Видела раз, как ранней весной из Большого Канала выловили утопленника. Его пришлось размораживать, прежде чем кремировать.

Уверяют, что на Средиземноморском побережье температура воздуха в летнее время часто равна температуре человеческого тела, а вода — лишь немного холодней. Может быть, может быть. Но Подкейн Фриз еще не настолько выжила из ума, чтобы проверять это на себе.

И все-таки я жду не дождусь, когда увижу Землю во всей ее невообразимой ниначтонепохожести. Правда, все мои самые яркие представления о ней взяты из сказок про страну Оз, а на этот источник, скорее всего, не стоит слишком полагаться. Слов нет, беседы Дороти с Волшебником весьма поучительны, но о жизни из них, что узнаешь? Маленькой я свято верила каждому слову с пленок о стране Оз, но теперь-то я уже не в том возрасте и знаю, что смерч не самое лучшее транспортное средство, и вряд ли кто сталкивался на дороге из желтого кирпича с Железными Дровосеками...

Вот Тик-Таки — дело другое. Их у нас, в Марсополисе, используют там, где работа попроще да понуднее. Ясное дело, они не совсем такие, как тот, из страны Оз, и Тик-Таками их только детишки называют, однако похожи, похожи... Уже одно это доказывает, что истории о стране Оз основаны на реальных фактах — если только не правда от начала до конца.

И в Ненасытного Тигра я верю — попробуй тут не поверь! Когда я была маленькая, в нашем зоопарке был один такой — подарок от Калькуттского Кивани-Клуба марсополисским одноклубникам. Он на меня всегда смотрел, словно прикидывал, с какого бока вкуснее начать меня есть. Когда мне было лет пять,

он умер, и я не знала — жалеть или радоваться. Тигр был просто прекрасный — только очень уж Ненасытный...

Но на Землю я попаду только через несколько месяцев, а пока что — на Венере для новичка, вроде меня, тоже найдется на что посмотреть.

Всем путешественникам могу дать бесплатный совет: отправляясь в дорогу, обязательно возьмите с собой дядю Тома. Когда мы добрались до места, нам ни секунды не пришлось ждать в этих идиотских «добропожаловательных» залах. Мы — к жуткому возмущению миссис Ройер — были приняты как «почетные гости». То есть никто не совал носа в чемоданы, и даже документов никаких не спросили — никаких там паспортов, медсправок, удостоверений личности, свидетельств о благонадежности, платежеспособности, рождении и еще не менее девятнадцати дурацких вещах. Нетушки; нас сразу перебросили с космической станции в космопорт на личной яхте председателя Совета, а в порту нас встретил сам председатель. Он усадил нас в свой «роллс», и до «Хилтон-Тангейзера» мы домчались просто по-королевски.

Мы получили приглашение остановиться в его официальной резиденции (то есть в «коттедже»; так на Венере дворец называется), но, кажется, господин председатель и не надеялся, что мы его приглашение примем. Дядя Том только изогнул свою левую бровь и едко заметил:

— Ну что вы, господин председатель, вам ведь не хотелось бы всех сразу оповестить о том, что вам удалось меня подкупить — если бы даже это вам удалось?

И г-н председатель, кажется, совсем не обиделся, только захохотал — так, что живот у него затрясся, точно у Санта-Клауса (он здорово на него похож: и борода, и щеки красные. Но что интересно — хотя смеется он часто, глаза у него никогда не смеются — всегда такие холоднющие...).

— Сенатор,— сказал он,— вы же меня не первый год знаете! Мои способы подкупа га-арраздо тоньше! Возможно, я действовал бы через эту юную леди... Мисс Подкейн, вы любите драгоценности?

Я честно ответила, что не очень — они всегда теряются. Он сморгнул и обратился к Кларку:

— Ну а ты, сынок?

— Наличные предпочитаю,— буркнул Кларк.

Председатель опять сморгнул и больше не сказал ничего.

Даже шоферу ничего не сказал, когда дядя Том отверг его кров; похоже, мы с самого начала ехали прямо в «хилтон». Вот почему я считаю, что он не рассчитывал на наше согласие.

В этот момент мне стало ясно: для дяди все это путешествие — не просто развлечение. Я как следует прочувствовала то, что раньше знала только умом: дядя Том — не только лучший игрок в пинокль в Марсополисе, иногда он играет и в другие игры, причем ставки в них гораздо выше. Надо сказать, я в подобных вещах не очень-то разбираюсь и все «зачем» и «почему» лежат за пределами моего малолетнего кругозора... Близится Конференция Трех Планет, но это-то всякому известно.

Вопрос: а не участвует ли в ней и дядя Том? Как консультант, например? Не дай бог, участвует — ему же два месяца придется на Луне торчать, а мне лично ни минутки на этот комок пыли и мрака тратить неохота, когда впереди все Чудеса Земли. Дядя ведь может не захотеть отпустить меня одну.

Еще — очень хотелось бы верить, что ответ Кларка г-ну председателю не был правдой.

Не продаст же он за какие-то паршивые деньги родного дядю!

Хотя для Кларка деньги никогда не были «паршивыми»... Это надо обдумать.

Одно хорошо: если кто задумает подкупить Кларка, то и оглянуться не успеет, как братец вместе с протянутым пальцем всю руку оттяпает.

Наш номер в «Тангейзере», наверное, тоже был вроде подкупа. Интересно, кто его оплачивает? Боюсь спрашивать у дяди, но знаю одно: обслуга с нас чаевых не берет. Ни под каким видом. Я изучала обычаи, связанные с чаевыми — как на Земле, так и на Венере,— и поняла так, что на Венере чаевые берут ВСЕ. Даже церковные привратники и кассиры в банках!

А наши слуги — ни в какую. За мной таскаются хвостиком две маленьких, янтарно-желтых куколки, идентичные близняшки — они бы меня и в ванне купали, если бы я позволила. Говорят

по-португальски, на орто ни слова не понимают, а мой португальский пока — одно-единственное «кулды-булды», которое у них означает «спасибо». Как тут объяснишь, что я, слава богу, уже научилась сама одеваться и раздеваться? Вдобавок — до сих пор точно не знаю, как их зовут. Обе откликаются на «Марию».

А может, мне только кажется, что они не знают орто? Надо бы проверить.

На Венере два официальных языка — орто и португальский, но я в первый же час услышала — честное слово, не вру! — еще языков двадцать! Немецкий — «человека душат», французский — «дерутся как кошки», кантонский — когда человек, на дух не выносящий Баха, все-таки его напевает...

К счастью, почти все прекрасно понимают орто. За исключением двух Марий — что еще следует проверить.

Без такого роскошества, как личные служанки, я прекрасно могу обойтись, но должна признаться: простой, неизбалованной марсианской девочке (то есть мне) в таком номере живется — лучше некуда. Особенно если учесть, что я уже в нем безвылазно проторчала бог знает сколько времени, и этому еще не конец. Главный врач, д-р Торланд, сделал мне множество специальных прививок для посещения Венеры — даже описывать не собираюсь этой варварской процедуры — но и их, оказывается, для полной безопасности (особенно за городом) далеко не достаточно. Едва мы добрались до нашего номера, явился не запылился местный врач и принялся разыгрывать своими царапалками на моей спине шахматную партию: красные начинают и дают мат в пять ходов. Через три часа на мне было, в общей сложности, десятка три шрамов. Вот сиди тут и гадай, от которого из них все тело чешется...

А Кларк успел удрать и свою порцию получил только на следующее утро. Точно, помереть бы ему от «багреца чесоточного», кабы карма не берегла его для виселицы.

Дядя от прививок отказался, сказал, что выработал иммунитет от всех здешних болезней еще лет двадцать назад, а «...тысячи лишений, присущих телу...» есть не что иное, как чистая иллюзия сознания.

Теперь я минимум на дня два обречена прожигать жизнь в «Тангейзере». Выходя наружу — даже в городе — придется носить

перчатки и маску... Зато в гостиной нашего номера целая стена — только слово скажи — превращается в стереоэкран, который показывает — хочешь в записи, хочешь живьем — представления любого венусбергского театра или клуба. Некоторые из этих «развлекательных программ» не развлекательные, а просто развратные (особенно когда дяди поблизости нет). Да, оказывается, на Марсе нравы самые что ни на есть пуританские!

Еще бы — законов на Венере нет, одни только правила и инструкции Корпорации, которые личного поведения никаким боком не касаются. Я всю сознательную жизнь была убеждена, что Марс — республика свободная, и сейчас в этом ничуть не сомневаюсь; только — видно, разные бывают свободы...

На Венере всем мало-мальски стоящим владеет Корпорация. Она же управляет всем, что приносит доход,— да так управляет, что любой марсиаин, увидев, упадет в обморок. И венерианцы, наверное, тоже в обморок бы попадали, узнав, какие мы пуритане. Я лично знаю одну марсианскую девочку, которая — в первый раз за бог знает сколько лет — покраснела, как помидор, и выключила одну передачу, хоть и не поверила, что такое взаправду может быть...

Но этот громадный экран — далеко не единственное чудо нашего номера. Сам номер такой огромный, что отправляясь осматривать его, неплохо бы запастись водой и пищей. В гостиной вполне хватит места для небольшой бури, а в моей личной ванной можно разместить приличный гостиничный номер. И в ней столько разных устройств, что без инженерного образования не сумеешь руки помыть, но я вскоре разобралась во всем и просто влюбилась в мою ванную! Подумать только — всю жизнь прожила я без самых элементарных удобств!

Прежде пределом моих мечтаний в этой области была полочка в ванной, отдельная от Кларка, а то просто опасно для жизни пользоваться, не глядя, своим же, на Рождество подаренным одеколоном (в пузырьке вполне может оказаться азотная кислота или еще что похуже). Кларк ванной пользуется в основном как химической лабораторией; личная гигиена его волнует гораздо меньше.

Но замечательнее всего в нашем номере — рояль. Нет-нет, не просто клавиши и электроника — настоящий. Деревянный,

огромный, какой-то плавно-грациозный и вместе с тем неуклюжий — его ни к чему не приставишь и в угол не задвинешь... Хочешь, можешь открыть крышку и убедиться, что внутри взаправдашние струны и разная хитрая механика.

На всем Марсе настоящих роялей, кажется, еще всего четыре! Один в Музее, и на нем никто не играет — может, он даже не работает. Второй — в Лоуэлловской Академии, но у него внутри нет струн, и он все равно что электронный. Третий — в Розовом Доме (можно подумать, президенту только и дела, что на нем играть!). И четвертый — в Галерее Изящных Искусств; на нем иногда играют заезжие артисты, хотя я ни разу не слышала. Больше на Марсе, скорее всего, роялей нет — появись вдруг еще один, знаете, сколько шуму газетчики бы подняли?

Рояль в нашем номере сделан человеком по фамилии Стейнвей — небось, всю жизнь мучился, бедолага... Я на нем играла «собачий вальс» (лучший опус из моего ограниченного репертуара), пока дядя не попросил «прекратить это раз и навсегда». Тогда я все закрыла — клавиши и верхнюю крышку,— потому что Кларк уже ходил кругами и масляными глазами поглядывал на механизм внутри. А я его ласково, но твердо предупредила, что, если он рояль тронет хоть одним пальчиком, я ему ночью, когда будет спать, все пальцы переломаю. Он, как всегда, отмахнулся, но понял, что я серьезно говорю. Рояль — «он муз служенью посвящен», и нечего всяким малолетним архимедам разбирать его на винтики.

Что бы там ни говорили электронщики, между их «роялями» и роялями настоящими — разница огромная, хотя ихние осциллографы и показывают, будто звук идентичен. Есть ведь разница: закутаться, когда холодно, в сто одежек или крепко-крепко прижаться к папочке и согреться как следует?

Впрочем, я не все карантинное время просидела в номере — я ходила в различные казино, с Герди и Декстером Кунха, сыном г-на председателя, Курта Кунха. Герди с нами дальше не полетит, она — вот жалость-то! — остается на Венере. Я ее спросила:

— А почему?

Мы сидели вдвоем в нашей роскошной гостиной. Герди остановилась в этом же «хилтоне», но ее номер точно такой же, как

каюта на «Трайкорне». До меня только потом дошло, как бестактно я поступила, позвав ее посмотреть на наши роскошества... Извиняет меня только то, что мне требовалась кое-какая помощь. Мне здесь приходится носить кучу разных суппортеров (бррррр!). В туфлях — супинаторы, там — подвязки, там — подтяжки... Чтобы не растечься на манер амебы. Даже вспоминать не стоит, как называет все эти штуки Кларк — он невоспитанный, невежественный недоросль и вообще варвар.

Терпеть всю эту сбрую ненавижу, однако 0,84 g, несмотря на все мои старания в спортзале, дают о себе знать. Вот еще почему не хочу жить ни на Венере, ни на Земле, хотя бы они были так же прекрасны, как Марс.

А Герди помогла облачиться — кстати, все эти штуки она сама мне и купила, а потом еще заставила сменить макияж, который я так тщательно скопировала из самого последнего номера «Афродиты».

А Герди посмотрела и сказала:

— Иди умойся, Подди, и начнем сначала.

Я надула губы:

— Ни за что!

Мне на Венере сразу бросилось в глаза, что женщины, все до единой, красятся, как те Краснокожие из кино, что гоняются за Хорошими Ребятами. Даже Марии на работу красятся каждый день раза в три сильнее, чем мама на официальные приемы (на работу мама вообще не красится).

— Подди, будь умницей.

— Я и так умница. Я с детства знаю: если хочешь быть вежливой, делай, как окружающие. Ты на себя посмотри!

Ее грим был взят из того же супермоднейшего венерианского журнала.

— Правильно, но я вдвое старше. Никому и в голову не придет искать во мне юность, нежность и невинность. Подди, всегда нужно оставаться самой собой. Никогда не представляйся. Вот миссис Грю — приятная, старая, толстая дама, не кокетка какая-нибудь, и общаться с ней — одно удовольствие.

— Ты что, деревенщину из меня хочешь сделать, которая попала в город первый раз?

— Я хочу, чтобы ты выглядела, как Подди Фриз. Идем, дорогая, поищем золотую середину. Надо тебе заметить, здесь даже девочки твоего возраста красятся куда сильнее, чем взрослые женщины на Марсе. Нужно отыскать компромисс. Мы не станем размалевывать тебя под венусбергскую шлюху; мы из тебя сделаем воспитанную юную леди из приличной семьи, много путешествующую, привычную к любым манерам и обычаям и достаточно уверенную в себе, чтобы поступать так, как она считает нужным, без оглядки на местные причуды.

Да, Герди — просто мастер! Она начала с самого начала и обрабатывала меня больше часа, а когда закончила, макияжа на мне будто вовсе не было!

Однако ясно было видно: я стала года на два старше (настоящих, марсианских два года; венерианских — шесть), лицо сделалось тоньше, нос не торчал пуговкой... Я стала такой очаровательно-утомленной жизнью!.. И глаза просто громадные!

— Ну как? — спросила Герди.

— Да я же... просто красавицей стала!

— Верно. А все потому, что осталась сама собой. Я просто нарисовала такую Подди, какой ты скоро станешь.

Из глаз моих хлынули слезы — пришлось скорее промокнуть салфеткой, а потом Герди зашпаклевала повреждения.

— Ну вот,— сказала она,— осталось только захватить с собой дубинку. И маску твою, безусловно.

— А зачем дубинку? И — маску поверх такой красоты я ни за что не надену!

— Дубинка — чтобы отбиваться от акционеров с толстыми кошельками, бросающихся к твоим ногам. А маску ты наденешь обязательно, или мы никуда не пойдем.

Сошлись на том, что я потерплю маску, пока не доедем до места, а потом Герди подрисует все, что сотрется. Еще она пообещала научить меня самой так делать макияж, сколько бы времени это ни потребовало.

Воздух в казино очищается, и должен быть в порядке: там его не просто фильтруют да кондиционируют, а регенерируют полностью, очищая от пыльцы, вирусов, коллоидной взвеси и всякого такого прочего. Все — ради туристов, которым, по большей части, не нра-

вится проходить полный курс иммунизации против всех мыслимых венерианских зараз. Корпорация не может даже допустить мысли, что хоть один турист покинет планету прежде, чем из него будет выжато все, что можно, а потому в хилтонах и казино воздух чист, и еще турист может застраховать здесь свое здоровье на солидную сумму. После он обнаруживает, что может в любой момент обменять страховой полис на игральные фишки. Ясное дело, Корпорации нечасто приходится выплачивать по этим полисам.

Венусберг назойливо лезет в глаза и уши — даже когда сидишь в кабине такси. Я знаю, свобода предпринимательства — вещь хорошая и нужная, и уважаю ее, как все марсианцы. Она — одна из основ нашей веры и главная причина нашего нежелания объединяться с Землей (нас ведь всегда запросто смогут забаллотировать, пятьсот голосов против одного). Но даже свобода предпринимательства не может служить извинением, если тебя — стоит только высунуть нос на улицу — начинают оглушать и ослеплять. Магазины здесь не закрываются никогда (по-моему, в Венусберге вообще никогда ничего не закрывается), и полноцветная стереореклама вламывается в такси, усаживается тебе на колени и орет прямо в ухо.

Черт их разберет, как они умудряются добиваться такого эффекта. Инженер, который это изобрел, вероятно, улетел потом на метле.

К нам из-под переборки, отделяющей водительское место, выскочил багровый дьяволенок около метра ростом (без всяких телеизображений!) и как ткнет прямо в нас своими вилами!

— Спешите!!! — завопил он.— Привыкайте к Хай-Хоу-Хэбит!!! Успокоибельно! Легкопривыкабельно! Пр-росто пр-рельстибельно! Хай-Хоу-Хэбит — п-па самый хобот!!!

Я с перепугу шарахнулась в угол, а Герди сказала водителю в микрофон:

— Будьте любезны, уберите это.

— Не могу, мадам,— сказал водитель.— У нас на это концессию купили.

Пока он говорил, дьяволенок поблек до прозрачно-розового, а голос его почти пропал, но, едва водитель замолчал, разошелся пуще прежнего.

Тут мне был преподан практический урок относительно чаевых. Герди раскрыла кошелек и показала водителю купюру. Он не отреагировал, и она добавила вторую. Звук и изображение снова сошли на нет; купюры были переданы водителю, и дальше мы ехали спокойно. Конечно, бледно-розовый призрак и шепоток остались, пока их не сменила другая реклама, но говорить не мешали. А гигантская уличная реклама была еще гораздо шумнее и ярче; не знаю уж, как водитель еще и за дорогой следил. Обстановочка на дороге была аховая: невероятное множество машин, все несутся с жуткой скоростью, но наш водитель менял уровни и перескакивал с полосы на полосу, точно «мчался наперегонки со смертью», отвозя в больницу умирающего.

Когда мы приземлились на крыше казино «Дон Педро», у меня было чувство, что мы едва улизнули от смерти.

Потом мне объяснили, отчего такси носятся с такой скоростью. Таксисты здесь — как и почти все на Венере — служащие Корпорации, однако они не на жалованье, а работают сдельно. Каждый день они «сшибают» определенную сумму для Корпорации, а потом, накатав положенное количество оплаченных километров, из всего остального дневного заработка часть могут взять себе. Вот и гоняют как сумасшедшие, чтобы поскорее выплатить положенное и начать зарабатывать что-то для себя, причем продолжают ездить с сумасшедшей скоростью, чтобы успеть заработать побольше.

Дядя Том говорит, на Земле почти все вынуждены подчиняться такой же точно системе, только деньги с них берут сразу за целый год. «Подоходный налог» называется.

«Построил в Занаду Кубла Чертог, земных соблазнов храм...»

И казино «Дон Педро» — тоже вроде того храма. Красотища! Экзотика! Настоящее чудо! На арке над входом — надпись: «Все развлеченья, известные миру», и, судя по тому, что я слышала, это чистая правда. Но мы с Герди посетили только игорные залы.

В жизни не видала столько денег сразу!

А над входом в игорные залы висел транспарант:

ПРИВЕТ, ФРАЕРОК!
ЗДЕСЬ ИГРАЮТ ЧЕСТНО,
НО КАЗИНО ВСЕГДА ВЫИГРЫВАЕТ.

ТЫ ВЫИГРАТЬ НЕ МОЖЕШЬ.
ВХОДИ, РАЗВЛЕКАЙСЯ, И УБЕДИШЬСЯ САМ.
ЧЕКИ – ПРИНИМАЮТСЯ.
ВСЕМ КРЕДИТНЫМ КАРТОЧКАМ – НАШЕ ПОЧТЕНИЕ.
БЕСПЛАТНЫЙ ЗАВТРАК И ТАКСИ ДО ТВОЕГО ХИЛТОНА,
КОГДА ПРОИГРАЕШЬСЯ.
С УВАЖЕНИЕМ, ДОН ПЕДРО.

— Герди, а там правда есть такой — дон Педро?

Герди пожала плечами.

— Он на жалованье у Корпорации, а имя — не настоящее, но выглядит просто по-королевски! Я тебе покажу. Если хочешь, можешь с ним познакомиться, и он поцелует тебе руку. Если, конечно, тебе такие штуки нравятся. Идем.

Она направилась к столам рулетки, а у меня просто глаза разбежались. Там, внутри, было — как в калейдоскопе. Шикарно разнаряженные люди (в основном, служащие); люди, одетые кто во что горазд, от смокингов и фраков до футболок с шортами (в основном, туристы); яркие лампы, резкая музыка, треск, звон, шарк, лязг, роскошные драпировки, вооруженная охрана в опереточной униформе, подносы с напитками и закусками, всеобщее возбуждение и — деньги, деньги, деньги...

И... Кларк! Я притормозила; Герди остановилась тоже. Братец восседал за полукруглым столом, а напротив него потрясающей красоты дама сдавала карты. А перед братцем лежали несколько внушительных стопок фишек и громадная пачка денег!

На самом деле, ничего удивительного тут не было. Если вы полагаете, что шести- (а по здешнему счету — восемнадцати-) летнему пацаненку не позволят играть в венусбергском казино, вы просто никогда не бывали на Венере. Как бы ни обстояли такие дела в Марсополисе, здесь к игроку предъявляется только два требования. Он должен: 1) быть живым; 2) иметь деньги. Можно не знать ни орто, ни португальского, вообще ни одного из известных языков. Пока ты в состоянии кивать, моргать, хрюкать или шевелить псевдоподиями, твою ставку примут и сдерут с тебя последнюю рубаху, как со всех прочих.

Нет, удивляться было нечему. Кларка к деньгам тянет сильнее, чем ион к электроду. Теперь ясно, куда он слинял в первый же вечер и где с тех пор почти все время ошивался.

Я подошла к нему и положила руку на плечо. Он оглянулся не сразу, но рядом — точно из ковра вырос — возник человек, который крепко взял меня за руку. Кларк сказал даме-банкомету:

— Себе,— и оглянулся.— Привет, сестренка! Порядок, Джо, это моя сестра.

— Порядок? — переспросил тот, все еще не отпуская моей руки.

— Да, да. Она безопасна. Сестренка, это — Хосе Мендоса из полиции Корпорации; сегодняшний вечер работает на меня. О, Герди, привет!

Голос его радостно зазвенел, однако он не забыл сказать:

— Джо, сядь на мое место, присмотри за деньгами.

И продолжал:

— Герди! Вот здорово! Хочешь сыграть в двадцать одно? Садись на мое место.

Да, это любовь. Или температура.

Герди объяснила, что хочет сыграть в рулетку.

— Давай помогу! — живо вызвался он.— С этой крутилкой я тоже прилично разбираюсь!

Герди мягко отказалась от помощи, сказав, что играет по собственной системе, и пообещав найти его позже. Вообще, она с Кларком неимоверно терпелива. Я бы на ее месте...

Хотя и со мной она терпелива не меньше.

В игре Герди никакой системы не чувствовалось. Мы отыскали два места рядом, и она дала мне несколько фишек. Мне не хотелось играть, и я ей об этом сказала, но она объяснила, что тогда придется освободить место. Учитывая, что ножки мои бедные не привыкли к 0,84 g, я купила несколько фишек на собственные деньги и стала во всем подражать Герди — то есть ставить по минимуму сразу на красное и черное или на чет и нечет. Так не выигрываешь и не проигрываешь, за исключением тех редких случаев, когда шарик попадает на «зеро», и ты теряешь обе фишки. Что ж, нас загодя предупредили: казино всегда выигрывает...

Крупье отлично видел, что мы делаем, однако мы играли, не нарушали правил, и он не возражал. Почти сразу выяснилось, что напитки и закуски на подносах для всех игроков бесплатны.

Герди взяла себе бокал вина, а я спиртного даже на своем дне рождения не пью, и хай-хоу после той отвратительной рекламы тоже пить не хотелось; я только съела два-три сэндвича и заказала стакан молока. За ним куда-то сходили и принесли, а я дала официанту на чай — так же, как Герди.

Так мы провели целый час, и я выиграла уже три или четыре фишки. Но я как-то резко выпрямилась и вышибла бокал из рук стоявшего позади мужчины. Большая часть досталась ему, но и на мою долю хватило.

— О господи! — я вскочила из-за стола и принялась промокать пятна на его костюме носовым платком.— Я ужасно сожалею...

Он поклонился.

— Ничего особенного, это была всего лишь содовая. Но я боюсь, из-за моей неловкости платье мадемуазель безвозвратно погублено...

— Осторожнее, маленькая,— шепнула Герди, почти не разжимая губ, но я ответила:

— Ну, если это просто вода, на платье через десять минут не останется ни морщин, ни пятен. Это — мое дорожное платье.

— Так вы в нашем городе гостья? Тогда позвольте представиться более формально, не поливая вас содовой.

Он выдернул из кармана визитку. Герди хмурилась, но мне он, пожалуй, нравился. На самом деле он был ненамного старше меня, по-марсиански — лет двенадцати (по-здешнему — тридцати трех; как потом выяснилось, ему тридцать два). Одет он был в элегантнейший венерианский вечерний костюм: плащ-накидка, стек, круглый плоеный жесткий воротник... и маленькие, прелестные нафабренные усики.

В карточке значилось: «Декстер Курт Кунха, акц-р».

Я прочла, перечитала и сказала:

— Декстер Курт... А вы не родственник...

— Родной сын.

— Так ведь я знакома с вашим отцом! — я протянула ему руку.

А вам когда-нибудь целовали руку? Мурашки бегут вверх, к плечу, перебегают на другое... Конечно, на Марсе так никто не умеет. Явный пробел в воспитании на нашей планете, но я намерена его исправить — хотя бы пришлось подкупать Кларка, чтобы ввел этот обычай в моду.

Словом, мы все друг другу представились, и Декстер пригласил нас отужинать с ним и потанцевать в саду на крыше. Однако Герди не торопилась.

— Мистер Кунха, карточка у вас, спору нет, замечательная... Но я отвечаю за Подкейн перед ее дядей и с радостью взглянула бы на ваше удостоверение личности.

На долю секунды Декстер замер, но потом улыбнулся и сказал:

— Я могу сделать лучше,— и поднял руку.

К нам поспешно подошел самый импозантный пожилой джентльмен из тех, что я видела когда-нибудь. Судя по количеству медалей у него на груди, он с первого класса побеждал во всех конкурсах по правописанию. Осанка у него была совершенно королевская, а уж костюм — просто невероятный!

— Слушаю вас, акционер.

— Дон Педро, не будете ли вы любезны назвать леди мое имя?

— С удовольствием, сэр.

И Декстер оказался взаправду Декстером, а мне еще раз поцеловали руку. Дон Педро проделал это с неподражаемым величием, но того же эффекта, как в первый раз, не вышло — наверное, Декстер, в отличие от дона Педро, вкладывал в процесс душу...

Герди настояла на том, чтобы задержаться и взять с собой Кларка — тот испытал суровое раздвоение личности: он все еще выигрывал, а тут пришлось выбирать одно из двух. Наконец любовь победила, и он пошел наверх об руку с Герди, а Хосе тащил за ним добычу. Надо сказать, у Кларка есть-таки выдержка и самообладание. Необходимость платить за охрану выигрыша должна была бы привести его душу (если у него есть душа, в чем я лично сомневаюсь) в еще большее смятение, чем отказ от игры, когда везет.

Сад на крыше назывался Бразильским Залом и оказался еще роскошнее, чем все прочие залы казино. На купол, закрывавший его, проецировалось звездное небо — и Млечный Путь, и Южный Крест — хотя с Венеры еще никто звездного неба не видел. Перед

бархатным шнуром, перекрывающим вход, выстроилась большая очередь, но нам ждать не пришлось. Мы услышали: «Пожалуйте сюда, акционер», и нас усадили за столик на возвышении; эстраду было видно прекрасно, и вместе с тем оркестр не оглушал.

Мы потанцевали, потом нам подали какие-то неслыханные блюда, и я позволила налить мне бокал шампанского, только пить его не стала — пузырьки в носу щекочутся. Чего мне действительно хотелось, так это молока или воды, потому что в еде была уйма специй, но заказывать было как-то неловко.

А Декстер наклонился ко мне и сказал:

— Подди, ты, по моим агентурным данным, любишь молоко.

— Верно...

— И я тоже; только заказывать неудобно, если кто-нибудь не составит компанию.

Он поднял палец, и нам тут же принесли два стакана молока.

Но я заметила, что из своего он только чуть-чуть отпил.

Я все еще не понимала, что сцена разыгрывается специально для меня. Но потом певица на эстраде, приятная, высокая темнокожая девушка, одетая в так называемом «цыганском» стиле (а по-моему, вряд ли цыгане когда-нибудь так одевались) и объявленная, как «цыганка Роза», начала обходить столики по кругу, напевая на популярный мотив что-нибудь про всех, кто за ними сидел.

Остановившись перед нами, она уставилась прямо на меня, улыбнулась, взяла пару аккордов на своей гитаре и запела:

Вот так чудо, вот так радость,
Ах, какой для нас сюрприз!
Городок наш посетила
Ах-Подди-Подди-Подди Фриз!

Платье — неба голубее,
Белей мрамора — чело,
Подди Фриз — у нас сегодня;
Вот как всем нам повезло!

К нам примчалась издалека
В серебряных туфельках,
Вот везунчик этот Декстер!
Пьем за нашу куколку!

И все захлопали, а Кларк забарабанил по столу, а цыганка Роза сделала мне реверанс, а у меня на глазах выступили слезы. Я закрыла лицо руками, потом вспомнила про макияж и начала промокать глаза салфеткой, надеясь, что ничего не смажу. Тут по всему залу вдруг появились серебряные ведерки с шампанским, и наступила тишина. Декстер встал, и все выпили за меня стоя, под барабанную дробь и мощный заключительный аккорд оркестра.

Я просто-таки онемела, едва-едва догадавшись не вставать вместе со всеми, а встретившись взглядом с Декстером, улыбнулась и кивнула...

...а он, выпив, разбил об пол свой бокал — совсем как в исторических романах — и все последовали его примеру, так что некоторое время по всему залу стоял звон и треск, а я чувствовала себя, как Озма, когда она из Типатториуса превратилась обратно в Озму, и постоянно напоминала себе о макияже.

Позже, когда я немного успокоилась и уняла дрожь, мы опять танцевали с Декстером. Танцует он — просто потрясающе, ведет уверенно, твердо, но при этом не превращает танец в борцовский поединок. Во время медленного вальса я спросила:

— Декстер, ведь ты сам, нарочно, опрокинул тот бокал с содовой? Да?

— Да. А как ты догадалась?

— «Платье — неба голубее»... На мне действительно платье того самого цвета, что на Земле называется небесно-голубым, сама я неба голубого цвета ни разу не видела... И серебряные туфли... Не может это выйти случайно.

А он только усмехнулся и совсем не смутился.

— Верно, никаких случайностей. Вначале я поехал в ваш хилтон и с полчаса выяснял, где ты и с кем, и был в бешенстве, потому что папа мне такое устроил бы... Слава богу, я тебя отыскал.

Я все это мысленно разжевала, и вкус мне не слишком понравился.

— Значит, ты только потому, что тебе отец велел... Велел меня развлекать, потому что дядя Том...

— Да нет же, Подди.

— Ну да... Именно так по всему выходит.

— Нет, Подди. Папа никогда не стал бы заставлять меня развлекать дам, за исключением официальных случаев,— например, соседку по столу на званом обеде... Он просто показал мне твою фотографию и попросил — если у меня окажется время и желание. Я решил, что и то и другое найдется. Правда, фотография была так себе, это я сейчас понял. Тебя снял скрытой камерой один из лакеев в «Тангейзере».

Тут я решила, что надо бы под благовидным предлогом избавиться от Марий, а то ведь — никакой личной жизни... Хотя ничего плохого, собственно, пока не произошло.

— А когда я тебя нашел,— продолжал Декстер,— то сперва не узнал. Ты — куда ослепительнее, чем на фотографии. Я было слишком оробел, чтобы представляться, но тут мне пришла в голову замечательная мысль: изобразить все как случайную встречу. Я встал за твоей спиной с бокалом содовой почти у самого твоего локтя и стоял довольно долго — содовая уже почти вся выдохлась. А когда ты, наконец, выпрямилась, то толкнула так слабо, что мне пришлось самому выливать на себя эту содовую, чтобы создать повод для извинений.

Он обезоруживающе улыбнулся.

— Понятно,— сказала я.— Но ты зря ругаешь фотографию. Сейчас на мне не мое лицо,— и я объяснила, что проделала со мной Герди.

Декстер пожал плечами.

— Тогда смой как-нибудь все это и дай мне поглядеть на настоящую Подди. Вот ее я — могу спорить — узнаю. Понимаешь, милая, «случайность» была подстроена лишь наполовину, так что мы квиты.

— Это как же?

— Вначале меня, в честь деда по матери, назвали Декстером, но потом выяснилось, что я — левша. Встал вопрос: переименовать ли меня в Синистера, что не слишком благозвучно и на латыни имеет зловещий оттенок, или переучить на правшу. Переучить не удалось, зато я теперь — самый неуклюжий человек на трех планетах!

В этот момент он как раз ловко прокручивал меня в восьмой фигуре.

— У меня всегда все разбивается и разливается. Если где-то послышится звон разбитого стекла — можно точно сказать — это я. Что было для меня самым сложным — это не разлить содовую раньше времени,— он озорно улыбнулся.— Однако я все же с этим справился. Но попытки переучить меня на правшу все же принесли кое-какую пользу — они заставили меня стать бунтарем. Надеюсь, ты тоже из таковых.

— Н-ну... может быть.

— А я — без всяких сомнений. Меня прочат в председатели Совета, по примеру деда и отца, но я не хочу. Я собираюсь в космос!

— Ух ты! И я — тоже!

Мы бросили танцевать и заговорили о космосе. Декстер хотел стать капитаном исследовательского судна, прямо как я. Только я не стала говорить, что хочу стать пилотом и капитаном; не стоит давать мужчине понять, что ты считаешь, будто сможешь сделать то, что он делает — или хочет делать — лучше всего. А Декстер собирался в Кембридж, изучать парамагнетику и механику Дэвиса, чтобы окончить курс ко времени постройки первых настоящих космолетов. Ничего себе!

— А знаешь, Подди, может, мы даже будем работать вместе! На космических кораблях полно занятий для женщин.

С этим я согласилась.

— Но давай лучше поговорим о тебе. Подди, дело ведь совсем не в том, что ты выглядишь значительно лучше, чем на снимке.

— Да? — я была слегка разочарована.

— Да. Понимаешь, я все знаю о твоем прошлом. Знаю, что ты всю жизнь прожила в Марсополисе. Я-то везде побывал. Учился на Земле, там же совершил гранд-тур: Франция, Италия, Швейцария и т.д.— для завершения образования, слетал на Луну и, конечно же, объездил всю Венеру. И на Марсе тоже был. Ты тогда была еще совсем маленькой... Вот здорово было бы, если бы мы тогда познакомились!

— Спасибо,— тут я почувствовала себя пресловутым бедным родственником.

— Я отлично понимаю, что за кабак творится у нас в Венусберге и как это поначалу шокирует приезжих. Особенно — жителей таких тихих, культурных городов, как Марсополис. Нет, свой

город я люблю, но тем не менее способен воспринимать его объективно, потому что имел возможность сравнить. Подди... Ну посмотри же на меня! Самое сильное впечатление произвела на меня твоя самоуверенность.

— Моя... что?

— То есть замечательнейшее, совершеннейшее умение держаться — да еще в таких непривычных условиях! Дядя-то твой где только ни побывал, и Герди, допустим, тоже... Но большинству приезжих — а они старше тебя — злачные места Венусберга совершенно кружат головы, и ведут они себя так, что просто в дрожь бросает. А ты держишься просто по-королевски. Твой такт и воспитанность...

Он мне нравится! Определенно. После многих лет пребывания в ранге «соплюхи малолетней» такие слова кое-что да значат! Мне даже в голову не пришло, что он, может быть, всем девушкам так говорит — просто не хотелось об этом думать.

Вскоре мы отправились восвояси — Герди решила, что мне пора баиньки. Кларк опять пошел играть, и тут же из ниоткуда возник Хосе. Я хотела было сказать, что Кларку тоже пора домой, но это плохо согласовывалось бы с «тактом и воспитанностью»; к тому же этот поросенок все равно бы меня не послушался. Декстер отвез нас в папином (а может, своем собственном) «роллсе» в «Тангейзер», откланялся и поцеловал нам руки.

Я все думала, попробует ли он поцеловать меня на прощание, и про себя решила не протестовать, только он пробовать не стал. Не знаю — может, в Венусберге это не принято...

Герди поднялась ко мне, потому что я ее попросила со мной поболтать. Плюхнувшись на диван и свернувшись в клубочек, я сказала:

— Ох, Герди!.. Это самый прекрасный вечер в моей жизни.

— Да, мне тоже понравилось,— спокойно ответила она.— Знакомство с сыном председателя мне вовсе не повредит.

Тут она и сказала, что собирается остаться на Венере.

— Но, Герди, зачем?

— Затем, дорогая, что у меня нет денег. Мне нужна работа.

— Но... Ты же богатая! Так все говорят...

Она улыбнулась.

— Была богатой, дорогая. Но мой бывший муж все растранжирил. Он здорово умел радоваться жизни; было так замечательно проводить с ним время... Но он оказался вовсе не таким ловким бизнесменом, каким себя воображал. Теперь придется мне препоясать чресла и идти работать. В Венусберге для этого больше перспектив, чем на Земле. А что делать — не кормиться же у старых друзей, пока не надоем хуже горькой редьки? И просить кого-нибудь из них о работе тоже не хотелось бы — я ничего как следует не умею, а милостыню принимать не хочу. И исчезать с поверхности, сменив фамилию, тоже не хочу. А здесь ты всем безразлична, и работы на всех, кто хочет работать, хватает. Я не играю, не пью — Венусберг мне подойдет.

— Но что же ты будешь делать?

Представить себе Герди кем-нибудь, кроме богатой светской дамы, о чьих приемах и нарядах говорили даже на Марсе, было, признаться, сложно.

— Надеюсь найти место крупье. Жалованье у них приличное, и дело мне знакомо. Могу быть и банкометом — двадцать одно, фараон, шмен-де-фер... Но начинать, скорее всего, придется с разменщицы.

— С разменщицы?! Герди, и ты... будешь так одеваться?

Она пожала плечами.

— Фигура у меня пока что приличная... и деньги считаю быстро. Это честный труд, Подди, на самом деле. А разменщицы обычно собирают на свои подносы до десяти тысяч.

Я поняла, что несу чушь, и заткнулась. Увезти девушку из Марсополиса несложно — сложно из нее Марсополис вытрясти. Практически единственная одежда разменщиц — поднос с мелочью, но работа, безусловно, честная. А фигура у Герди такая, что все младшие офицеры «Трайкорна» кругами около нее ходили и крылья волочили по земле. Уверена, она запросто могла бы выйти замуж за любого из них, кто не женат, и обеспечить себя до самой смерти.

Но ведь самой работать честнее, так? А если так, почему бы не задействовать все свои активы?

Вскоре она поцеловала меня на прощанье и велела немедля ложиться спать. Я и легла, только что-то не спалось. Нет, она в

разменщицах долго не просидит, скоро она станет крупье в потрясающем вечернем платье, из жалованья и чаевых будет откладывать впрок и станет однажды акционером, купив хотя бы один пай, а этого на обеспеченную старость хватит с избытком. А я, когда прославлюсь, приеду к ней в гости.

А что, если попросить Декстера замолвить за нее словечко перед доном Педро?

Тут мои мысли перескочили на Декстера.

Ясное дело, это не может быть любовью, я как-то уже влюблялась и знаю, что такое любовь. Очень болезненная штука.

А сейчас я себя чувствую просто здорово!

Глава 10

До меня дошел слух, что Кларк торговался, пытаясь продать меня (естественно, через черный рынок) одному комиссионеру, занимающемуся поставкой жен для колонистов в джунглях. Во всяком случае, так говорят. Не знаю, правда это или нет, но слухи ходят.

И что меня бесит больше всего, запросил он до смешного мало!

Но, мне кажется, слух распустил сам Кларк, чтобы лишний раз меня уязвить. Конечно, этот поросенок не моргнув глазом обрек бы меня на Пожизненное Рабство или — еще хуже — на Постыдную Жизнь, если бы это сошло ему с рук, однако при этом он выжал бы из этой омерзительной сделки все, что можно. Уж это точно.

Дело, видимо, в другом: все существо его гнусное взбунтовалось оттого, что он так открыто, почти по-человечески, вел себя со мной в тот вечер, и в качестве контрдействия он стал распускать пакостный слушок. Ну, чтобы вернуть наши отношения в нормальную, здоровую колею холодной войны.

А сделка такая у него даже на черном рынке не прошла бы: у меня ведь нет никаких контрактов с Корпорацией. Если бы он даже сфабриковал что-нибудь такое, я бы всегда смогла послать весточку Декстеру, и Кларк это отлично знает. Герди рассказывала, что черный рынок жен держится на разменщицах, кассиршах и горничных из «хилтонов», которые не сумели выйти замуж в Венусберге,

где мужчины в меньшинстве, и по доброй воле соглашаются, чтобы их продали в джунгли, где женщин не хватает. Тогда им не пришлось бы отрабатывать, что осталось по контракту. Эти не жалуются, и Корпорация не возражает.

Многие невесты — из эмигрантов, прямо с кораблей. Посредники оплачивают их проезд, а потом выжимают все, что могут, и из самих невест, и из тех горняков с фермерами, которым их поставляют. Как будто бы все честно, и никакого жульничества.

Но я, признаться этого не понимаю. Вообще не понимаю, как делаются дела на этой планете. Законов, кроме правил Корпорации, никаких... Хочешь жениться — найди любого, кто согласен быть священником или проповедником, и выбирай церемонию, какая больше нравится, но никакого нового официального статуса не получишь — это ведь не контракт с Корпорацией. Хочешь развестись — собирай вещи, оставляй записку или не оставляй, если не желаешь, и иди, куда хочешь. Внебрачные дети? Здесь о таких и не слыхали. Ребенок есть ребенок; Корпорация его голодным не оставит — он ведь вскоре вырастет и пойдет работать, а рабочая сила на Венере в дефиците. Многоженство, многомужество — кому мешает? Во всяком случае, не Корпорации...

Физическое насилие? Попробуй, если себя не жалко. Венусберг — больше всех городов в Системе напичкан полицейскими, потому что на доходах Корпорации преступления сказывались бы отрицательно. В моем родном Марсополисе я бы не пошла в некоторые районы одна: кое-кто из наших песчаных крыс — с большим прибабахом, и от них можно ждать чего угодно. А вот в Венусберге я смело могу всюду ходить одна, и единственным насилием против меня будет вездесущая, назойливая реклама.

Но только не в джунглях. И дело даже не в людях. Венера сама по себе очень вредная для здоровья, к тому же можно нарваться на аборигена, нюхнувшего звездной пыли. Даже крошечных крылатых фей эта гадость делает жутко кровожадными.

Убийство? Это — очень серьезное нарушение правил Корпорации. Жалованье убийцы на многие годы вперед арестуют и вычтут из него все, что убитый заработал бы за всю свою возможную дальнейшую жизнь, плюс доход, который он принес бы при этом Корпорации. Высчитывают это в секретариате Корпорации,

а там, как известно, работают такие люди, у которых вместо сердца — насос с жидким гелием.

Словом, если вы задумали убить кого-то на Венере, забудьте об этом. Или заманите его на планету, где убийства отнесены к проблемам общественной жизни. Там вас самое большее, повесят — и все дела. А на Венере убийство — дело гиблое.

Жители Венеры делятся на три категории: акционеры, работники, и еще толстенная прослойка между ними: работники-акционеры (это как Герди хочет), работники-сдельщики (таксисты, фермеры, старатели, кое-кто из торговцев и так далее) и, конечно, будущие работники — то есть дети, которые только учатся. Есть еще туристы, но они людьми не считаются, они тут вроде кастрированных быков в стаде: ценное имущество, к которому относятся заботливо, но без малейшей жалости.

Гражданин другой планеты может находиться здесь как турист хоть час, хоть всю жизнь. Пока платит. Ни виз никаких не нужно, ни чего другого — всем рады. Ты должен только иметь обратный билет, который не можешь продать, пока не подпишешь контракта с Корпорацией. Кто хочет — пусть подписывает, меня лично не тянет.

Нет, ничего не понимаю в здешней системе, хоть дядя Том и объяснял мне все с ангельским терпением. Однако он говорил, что и сам не все понимает. Местный строй он назвал корпоративным фашизмом — если бы это название что-нибудь объясняло! — и сказал, что никак не может разобраться: то ли это мрачнейшая из тираний, то ли — самая совершенная на свете демократия.

Он говорил, что условия здесь лучше тех, в каких живут больше девяноста процентов землян, жизненные стандарты которых, в свою очередь, выше, чем у большинства марсианцев, особенно песчаных крыс. Учтите, что на Марсе никто не голодает и не оставлен без медицинской помощи.

Не знаю... Теперь-то я вижу, что просто всю жизнь принимала марсианский образ жизни как нечто само собой разумеющееся. Конечно, в школе нам и про другие рассказывали, но это же совсем не то, что самому посмотреть. Вот сейчас я как следует прочувствовала: *можно жить и по-другому*. И притом — счастливо. Вот, например, Герди. Отлично понимаю, отчего она при сложившихся

обстоятельствах не захотела оставаться на Земле. Могла бы осесть на Марсе — там таким иммигрантам всегда рады,— только Марс ее не прельстил.

Это меня огорчило; я, как вы уже могли убедиться, считаю, что Марс ближе всего к моему идеалу. И Герди, по-моему, тоже.

И все-таки она выбрала этот ужасный Венусберг. Говорит, это — Как Раз Для Нее.

Более того, дядя Том сказал, это истинная правда. Герди, мол, в два счета приручит Венусберг и станет акционером еще до того, как я научусь выговаривать без запинки «дополнительные дивиденды».

Наверное, он прав. Когда я узнала, что Герди разорена, мне ее было ужасно жаль. Как говорится, «по башмакам плакал, пока безногого не встретил». Я ведь никогда не разорялась, у меня всегда было, что поесть, и никогда не приходилось беспокоиться о своем будущем, но я частенько жалела себя, когда в доме было туго с деньгами и мне не могли купить нового наряда. А у мисс Фитц-Спагтли (не стану все-таки называть ее настоящее имя, это было бы нечестно) есть только тот самый обратный билет, да и на него-то одалживать пришлось. Жалко ее было — прямо до слез.

Но теперь я поняла: кто-кто, а Герди всегда «упадет на все четыре лапы».

Она взаправду целых две ночи проработала разменщицей и просила меня проследить, чтобы Кларк в это время к «Дону Педро» не ходил. Не думаю, что ее волновало, увижу ли я ее за этой работой, но она отлично понимала: Кларк со своей несчастной щенячьей влюбленностью считает ее такой во всех отношениях идеальной, что не стоит его разочаровывать и потрясти притом до глубины души.

Теперь она уже банкомет и учится на крупье, и Кларк шляется в казино каждый вечер. Но она не позволяет ему играть за своим столом. Она ему ясно сказала: дружба дружбой, а служба службой, и Кларк смирился с неизбежным. Играет за другими столами, а потом хвостом таскается за Герди, когда только сможет.

Как по-вашему, может, у моего младшенького действительно какие-нибудь параспособности? Нет, он, безусловно, не телепат,

иначе давно бы мне горло перерезал... Но ведь до сих пор все еще выигрывает!

Декстер меня заверил, что игра действительно абсолютно честная, но казино всегда в выигрыше, оно при достаточно долгом повторении так или иначе получит свой полагающийся процент.

— Конечно, Подди,— сказал он,— выиграть можно. В прошлом году один турист увез домой с полмиллиона. Мы ему их с радостью выплатили, разрекламировали этот случай по всей Земле и все равно оказались в плюсе за ту неделю, когда он обогатился. И не подозревай, будто казино специально позволяет твоему брату выигрывать. Если он не остановится вовремя, то проиграет обратно все, что выиграл, а следом и деньги, с которыми начинал. Если он так здорово соображает, как ты говоришь, то бросит игру, пока еще в выигрыше. У большинства на это сообразительности не хватает, а «Венус Корпорейшн» — она всегда играет наверняка.

Этого я тоже не совсем понимаю. Но Герди и выигрыш оказали на Кларка хорошее влияние — ко мне он относится почти по-человечески. Пока что.

На прошлой неделе, в тот вечер, когда я познакомилась с Декстером, после того как Герди велела мне ложиться спать, а я не могла уснуть, я оставила дверь открытой, чтобы услышать, как придет Кларк — а если не придет, послать кого-нибудь приволочь его за шкирку: хоть дядя Том и отвечает за нас обоих, но я за Кларка тоже отвечаю, и всегда буду. Хотелось бы, чтобы Кларк уже был дома и спал, когда дядя встанет. Привычка, наверное.

Он прокрался в номер часа через два. Я ему тихонько посвистела, и он зашел ко мне.

Вот это да! Виданое ли дело — такие деньжищи у шестилетнего пацана?!

Кларк сказал, что Хосе проводил его до двери нашего номера. Удивляюсь, чего б ему было не положить деньги в хранилище «Тангейзера»? Хотя, кажется, знаю — просто хотелось своим богатством полюбоваться.

И похвастать, конечно, тоже хотелось. Он разложил деньги стопками на моем одеяле, пересчитал, убедился, что я осознала, как их много, и даже подвинул одну пачку мне:

— Тебе не нужно, Подди? Не думай, даже без процентов — там, в казино, еще много осталось!

У меня дух перехватило! Нет, не из-за денег, мне они особенно-то не нужны... Но сам факт! Кларк несколько раз давал мне в долг до следующих «карманных» и после очередного поступления сдирал ровно сто процентов. Пока папочка не прознал и не выдрал нас обоих.

Я искренне его поблагодарила и обняла, а он сказал:

— Подди, как ты думаешь, сколько Герди лет?

Тут до меня помаленьку начало доходить, отчего он такой странный.

— Бог его знает,— осторожно ответила я. (Да ему, по-моему, знать и не обязательно).— А чего б тебе у нее не спросить?

— Спрашивал. Она только улыбнулась и сказала, что у женщин не бывает дней рождения.

— Это, наверное, на Земле такой обычай,— сказала я и решила дальше этой темы не продолжать.— Скажи лучше, как ты сумел столько выиграть?

— А-а, ничего особенного. Игра есть игра. Кто-то проигрывает, кто-то выигрывает, я только стараюсь оказаться среди выигравших.

— Это как?

Он мерзко захихикал.

— А сколько у тебя было вначале?

Тут он насторожился, но все еще был, вопреки своей натуре, поразительно добр, и я решила дожимать.

— Слушай, я ведь тебя знаю. Ты просто не рад будешь своей затее, если о ней так никто и не узнает. Куда безопаснее рассказать мне, чем кому другому. Я же никогда на тебя не ябедничала, верно?

Он молча согласился, что так оно и есть. Да, так оно и было. Когда он был еще маленьким, я порой давала ему раза два, но никогда не ябедничала. Потом бить его стало небезопасно — как бы сам первый не отлупил,— но я все равно не ябедничала.

— Давай колись,— поторопила я.— Кому еще сможешь похвастать? Сколько тебе заплатили, чтобы ты пронес на борт в моем багаже те три кило?

— Достаточно,— он самодовольно напыжился.

— Ладно. Неважно. Но — что это было? Я так и не смогла догадаться.

— Ты бы эту штуку нашла, если бы тебе не взбрендилось сразу же мчаться смотреть корабль. Туповата ты у нас, Подди, туповата. И сама это сознаешь, верно? И вдобавок предсказуема вернее, чем закон земного тяготения. И все твои действия я всегда могу вычислить.

Только не беситься! Если Кларку удается тебя разозлить — тут-то ты и влипла.

— Может быть, может быть,— согласилась я.— Так расскажешь? Надеюсь, это не звездная пыль была?

— Еще чего! — он скроил оскорбленную мину.— Ты знаешь, что здесь за это бывает?! Отдают туземцам, которые нанюхались твоего товара! Потом властям и на кремацию тратиться не надо...

Меня передернуло, и я решила поменять тему.

— Так ты скажешь или нет?

— Ммм...

— Клянусь святым Подкейном, никому не скажу,— это — моя личная, тайная клятва; посторонним — не трогать!

— Святым Подкейном...

И чего это меня понесло на такие клятвы?

— Ладно. Только ты ведь поклялась. Бомба.

— Че-го-о?!

— Да не такая уж и мощная. Совсем маленькая. Полное уничтожение в радиусе не более километра. Всего делов.

Знал бы кто, чего мне стоило прийти в себя.

— Зачем? Куда ты ее дел?

— Да дураки они все,— пожал плечами Кларк.— Заплатили мне громадные деньги только за то, что я пронес этот сверток на борт. Такой брехни мне натолкали — как, мол, важно, чтобы никто его не видел, это, мол, сюрприз капитану, и я должен непременно ему вручить на «капитанском» ужине в последний вечер. Ты, мол, сынок, только спрячь от всех, чтобы сюрприз вышел как надо, последний, мол, вечер — это не просто «капитанский» ужин, это будет день рождения капитана, подарок, мол, уже завернут и ленточкой перевязан... Но ты же знаешь, у меня такие штуки не

проходят. Был бы настоящий подарок на день рождения, зачем тогда меня подкупать? Просто отдали бы суперинтенданту на хранение, и все. Ну, я прикинулся дурачком и начал набивать цену. И эти идиоты мне заплатили. Когда уже надо было двигать на паспортный контроль, они вконец издергались и на все были согласны. А я, пока ты трепалась с дядей, сунул сверток в твой чемодан и после присмотрел, чтобы тебя не обыскивали. Как только мы поднялись на борт, я хотел его забрать, да стюардесса помешала, она твою спальню чем-то опрыскивала. Потом я забежал, забрал, но пришлось все бросить и потом возвращаться, чтобы запереть чемодан, потому что дядя Том приходил за трубкой, так что в один прием не вышло. В первую же ночь я коробку открыл — в темноте и со стороны дна, потому что уже примерно понял, что там должно быть.

— А зачем?

— Сестренка, ну подумай ты головой! Мозги от бездействия и заржаветь могут... Вначале они мне предложили столько, сколько посчитали невообразимой для пацана суммой. Я отказался — задрожали и принялись набавлять. Я упираюсь — сумма растет. Расте-от... Они даже не потрудились сочинить, что на Венере на борт поднимется человек с цветком в петлице и назовет мне секретный пароль, и... Значит, их уже не волновало, что будет после того, как эта штука попадет на корабль. Итак, вывод?.. Воспользуйся самой элементарной логикой. Словом, я это открыл и разобрал. Оказалось — бомба замедленного действия. И таймер был заведен на три дня после отлета. Брр...

Меня аж в дрожь ударило.

— Ужас какой...

— Нда. Кисловато могло обернуться,— согласился Кларк,— если бы я оказался взаправду таким тупым, как они воображали.

— Но зачем это вообще могло кому-то понадобиться?

— Чтобы корабль не дошел до Венеры.

— Но зачем?!

— Подумай сама. Лично я уже понял.

— А... А что ты сделал с этой штукой?

— Сберег самые важные части. Кто его знает; может, и пригодится.

Больше мне ничего не удалось из него вытянуть — и теперь не могу никому ничего сказать из-за клятвы святым Подкейном. Еще девятнадцать вопросов остались без ответа. Вправду ли там была бомба? Или он просто в очередной раз сплел на ходу правдоподобное объяснение, чтобы пустить меня по ложному следу? Если бомба таки была, где она? Все еще на «Трайкорне»? Здесь, в нашем номере? Или в хранилище «Тангейзера», в какой-нибудь безобидной с виду упаковке? Или отдана на хранение его личному телохранителю, Хосе? Или спрятана в любом из тысяч укромных уголков Венусберга? Или я в суматохе просто ошиблась на три кило, а Кларк шпионит за мной исключительно потому, что натура у него зловредная? (Кроме шуток; он всегда шпионит, если еще чем-нибудь не занят.)

Что тут скажешь? Я решила выжать из момента истины все, что можно,— если только это и вправду был момент истины.

— Я ужасно рада, что ты до всего докопался. Но штука, которую ты проделал над миссис Гарсиа и миссис Ройер,— просто блеск! И Герди в восторге...

— Правда? — живо спросил он.

— Ну еще бы! Но я даже словом не намекнула, что это твоя работа. Так что можешь сам ей рассказать, если хочешь.

— Ммм,— протянул он с донельзя счастливой физиономией.— А доброй старой леди Ройер я еще кое-чего добавил. Мыша ей в постель запустил.

— Кларк?! Вот здорово! Только... Откуда ты мышь взял?

— Купил у корабельного кота.

Ну почему я не родилась в милой, нормальной, в меру туповатой семье? Как было бы жить удобно... Хотя в Кларке, конечно, что-то есть.

Однако времени беспокоиться по поводу тяжких преступлений и мелких проступков братца у меня не было. Слишком уж многое в Венусберге может сбить с толку невинную девушку, неожиданно обнаружившую у себя вкус к «красивой жизни». Особенно Декстер...

Я ведь больше не «прокаженная» и могу бывать где угодно, и даже за городом, и без этого мерзкого респиратора, в котором я

похожа на поросенка с голубыми глазами. А Декстер, такой милый, всегда готов сопровождать меня куда угодно, даже по магазинам. А в здешних магазинах любая девушка, если никто не схватит за руку, может только на одни наряды спустить доход средней величины государства. Но я — почти всегда — держалась в рамках и тратила только то, что у меня было отложено на Венеру. Декстер, не прояви я твердости, купил бы мне все, что я захочу, ему это — только пальцем шевельнуть. (Денег он при себе никогда не носит, даже чаевые дает по какой-то совершенно непонятной системе кредита). Но я ему ничего дороже какого-нибудь заковыристого мороженого не позволяю для меня покупать — не стоит рисковать «любительским статусом» ради каких-то тряпок. А мороженое, на мой взгляд, скомпрометировать не может, да и о талии мне пока заботиться не нужно — я могу съесть что угодно без неприятных для нее последствий.

И вот как-то после напряженного трудового дня (осваивали последние новинки из Рио) Декстер повел меня в мороженицу. А «мороженица», надо вам сказать, по сравнению с нашим «Пассажем Наслаждений» — все равно что «Трайкорн» рядом с тачкой. Себе он взял кофе с молоком и с удивлением наблюдал, как ем я. Для начала — разминка в виде бессмертной клубничной содовой, затем — вещи посерьезнее: пломбир-десерт, приготовленный (не иначе как гением архитектуры) из десятка сортов мороженого с сиропами, кремами, привозными фруктами и орехами и называющийся, соответственно, «Тадж-Махал» или «Карамели-манджаро».

Бедная Герди! Ей-то приходится поститься круглый год, точно Симеону Столпнику! Вопрос: хватит ли меня на такие жертвы ради сохранения фигуры? Или придется стать этакой уютненькой толстушкой, наподобие миссис Грю? Кто его знает...

А с Декстером мне и в других случаях приходится проявлять твердость, хотя и не так явно. Он, как оказалось, настоящий гений-обольститель и всегда прямо рвется рассказать мне что-нибудь «на сон грядущий». Но я не собираюсь быть Обманутой Девушкой, возраст уже не тот. Трагедия Ромео и Джульетты не в том, что умерли так рано, а в том, что позволили рефлексам взять верх над здравым смыслом.

А у меня рефлексы в полном порядке, а уж гормональный баланс — просто шик. И бесплодные увертюры Декстера только вызывают какое-то такое теплое ощущение в низу живота да заодно подстегивают-таки мой метаболизм. Наверное, следовало бы мне оскорбиться относительно его гнусных намерений — дома, без сомнения, так бы и вышло — но здесь Венусберг, а в Венусберге грязные приставания и формальное предложение руки и сердца вещи почти неразличимые.

Насколько мне известно, в доме Декстера уже есть семь жен, на каждый день недели — своя. Подробнее не выясняла, и номером восьмым в любом случае быть не желаю.

Рассказывая об этом Герди, спросила, почему я не чувствую себя оскорбленной. Может быть, забыли в мою микросхему добавить элемент нравственности (что в случае Кларка, несомненно, имело место)?

А Герди улыбнулась приятной, загадочной улыбкой, означающей, что она думает что-то такое, насчет чего не хочет быть полностью откровенной.

— Подди, девушек учат оскорбляться в таких ситуациях — для их же собственного блага. Очень умно — хоть и не ждешь пожара сию минуту, огнетушитель в доме не помешает. Однако ты права. Это вовсе не оскорбление и никогда не было оскорблением. Это — высшая, абсолютно честная оценка твоей красоты и женственности, на какую только способен мужчина. Прочее чаще всего просто вежливая ложь, однако в этом — единственном! — вопросе мужчина честен всегда. Не вижу причин оскорбляться, если выражается это вежливо и учтиво.

Я обдумала информацию.

— Наверное, ты права. Я тоже считаю, что это — своего рода комплимент. Но почему выходит так, что девять из десяти парней только этого и хотят?

— Ты, Подди, все ставишь вверх ногами. А почему им вообще следует хотеть чего-то еще? За любым предложением — логика миллионов лет эволюции. И слава богу, что с тех пор наши дорогие — почти все — успели сменить дубинку на целование руки. Сейчас право выбора, больше, чем когда-либо в истории, принадлежит нам. Наш мир — мир женщин, милочка. Наслаждайся этим и благодари судьбу.

Да, с такой точки зрения я об этом не думала. А если и размышляла, то только злилась, что девушке очень трудно пробиться в мужские сферы деятельности. Например, стать пилотом...

Насчет «стать пилотом» я, кстати, как следует подумала и пришла к выводу: чтобы кошка мяукнула, не обязательно ее мазать горчицей. Вправду ли я так уж хочу сделаться «знаменитым капитаном-первопроходцем»? Может, мне хватит для счастья просто попасть в команду?

Разумеется, я хочу в космос, никаких сомнений! Единственная малюсенькая поездка с Марса на Венеру подтвердила: космические путешествия — это мое. Пусть хоть в президенты Республики приглашают, я скорее пойду на «Трайкорн» младшей стюардессой. Что может быть лучше корабельной жизни? Ты отправляешься в дальние края, а твой дом и лучшие друзья — с тобой! Новые звездолеты с приводом Дэвиса уже строят, так что в «далях» недостатка не будет и Подди Фриз так или иначе приберет их к рукам. Я рождена для странствий, и...

Хотя — не стоит предаваться пустопорожним мечтам. Доверят ли Подди Фриз такой корабль? Он же стоит сто тысяч миллионов куч денег...

Вот у Декстера шансов раз в сто больше. Он не глупее меня (ну, может, только капельку), да еще получит самое лучшее образование, какое только можно получить за деньги. При всем моем почтении к Аресскому университету, я прекрасно понимаю: с теми заведениями, где будет учиться Декстер, ему не равняться. Вдобавок вполне возможно, что папа Декстера способен просто *купить* ему корабль «Звездный бродяга». И, самое главное, Декстер — мужчина, и вдвое крупнее меня. Даже если забыть про богатство его отца — кого из нас двоих предпочтут?

Ладно, не все еще потеряно. Вспомнить хотя бы Феодору и Екатерину Великую. Пусть мужчины правят миром; мы будем править мужчинами. Я вовсе не против замужества, но если Декстер хочет на мне жениться, ну в общем быть со мной, пусть едет в Марсополис, а там у нас в подобных вопросах полное средневековье. Не то что все эти венусбергские амуры-тужуры. К замужеству должна стремиться всякая женщина, только не нужно забы-

вать, что жизнь на этом не кончается. Я лично считаю брак чем-то вроде смерти.

Герди всегда говорит: «Будь такой, какая ты есть». Ладненько, поглядим в зеркало, посмотрим, какая я есть, позабыв на время про капитана-первопроходца. Что же мы наблюдаем?

Ага, намечается у нас некоторая «широкоплечесть» в бедрах, так? Теперь уже в любом тумане никто за мальчишку не примет! Да нас, можно сказать, специально сконструировали, чтобы рожать детишек! А что, разве плохо? Особенно если выйдут такими же куколками, как Дункан. На самом деле, все дети — просто замечательные, даже когда их нет.

И те восемнадцать ужасных часов на »Трайкорне», в радиационную бурю, разве не были самой грандиозной забавой в моей жизни? Нет, дети гораздо интереснее дифференциальных уравнений!

Кстати, на любом космолете имеются ясли. Так, может, мне лучше выучиться на ясельного инженера и педиатра? И возглавить эту службу на каком-нибудь из кораблей? Или все же просочиться в летное, закончить его и стать женщиной-пилотом, которую никто не захочет нанимать?

Слава богу, пока можно не торопиться с выбором.

Все чаще и чаще думаю: скорее бы на Землю! Венусбергские притоны — на мой здравый (ну, пускай ограниченный) вкус — слишком однообразны, денег на магазинничанье больше не осталось, надо ведь и на Париж что-нибудь приберечь, а играть не хочется, и прекрасно: такие, как я, всегда проигрывают и компенсируют выигрыш типов вроде Кларка. Да еще постоянный шум и свет обеспечат-таки мне морщины вместо симпатичных ямочек. А Декстеру, похоже, начинает надоедать мое провинциальное «непонимание», к чему он клонит.

Что я поняла в мужчинах за мои восемь с половиной лет — прекращать отношения надо, пока еще друг другу не надоели. Я с нетерпением жду одной-единственной встречи с Декстером — прощание со слезами как раз перед тем, как я сяду в капсулу и поеду на посадку, и с поцелуем — таким взрослым, страстным и всеобещающим, что он потом всю жизнь думал бы, *как все могло*

бы быть, поведи он себя правильно. За город я выезжала лишь раз, в герметичном туристском автобусе, и с меня лично хватит. Вообще, этот затуманенный и заболоченный шарик лучше отдать обратно туземцам, только они, поди-ка, не возьмут. Один раз нам показывали летящего эльфа, но я, кроме тумана, ничего не разглядела.

Увидеть бы хоть одного — все равно, летящего, сидящего... Декстер говорит, что знает, где их целое поселение, не меньше тысячи, и всего километрах в двухстах, и что он мог бы свозить меня на своем «роллсе» — но это мне как-то не по душе. Шофера он брать не хочет, а в машине есть автопилот. Вот если с нами поедет Герди или хоть Кларк — то пожалуй.

Нет, Венера меня многому научила. Особенно искусству давать на чай. Я теперь — путешественник бывалый. Чаевые, конечно, не слишком хороший обычай, но и не столь плохой, как считается на Марсе. Без них не получишь качественного обслуживания.

Будем откровенны: в Марсополисе обслуживание варьируется от безразличного до ужасного, только раньше я не понимала этого. Чиновники обслуживают посетителей, когда сами пожелают, а нет — отправляются трепаться с другими чиновниками, а посетителей словно не замечают.

В Венусберге все обстоит иначе. Причем дело не только в деньгах, и в этом — Величайшая Тайна Удачных Путешествий. Я не сильна в португальском, а орто здесь понимают не все, но полиглотом быть вовсе не обязательно, достаточно знать на всех доступных языках, сколько запомнишь, одно-единственное слово. И слово это — «спасибо».

Меня на эту мысль натолкнуло общение с Мариями. Раз по сто на дню говорила я им это «абрабабра», так выходи *obrigado**, если говорить быстро. На качество обслуживания влияет не столько размер чаевых, сколько простое «спасибо».

Итак, я выучила «спасибо» на десяти языках и теперь всегда благодарю на родном языке того, с кем имею дело, если удается угадать. Кстати, как правило, удается. Впрочем, если и ошибешься, большой беды нет. Портье, клерки и таксисты обычно знают

* Спасибо *(португ.)*.

по нескольку слов на разных языках и уж «спасибо»-то поймут, если даже больше ничего не уловят. Я себе записала для памяти:

Obrigado
Donkey shane
Mare-see
Key toss
M'goy
Graht-see-eh
Arigato
Spawseebaw
Gathe-oss
Tock

Или «money tock»; Кларк говорит, это значит «money talks», то есть «деньги говорят», но, кажется, врет. Кларку всегда приходится слишком много давать на чай, а все потому, что ленится лишний раз сказать «спасибо». О, чаевые — его больное место, он их как от сердца отрывает с тех пор, как выяснилось, что он не может поймать такси, и даже автоматы с газировкой ему хамят при малейшей попытке восстать супротив отлаженной системы. Эта система братца так раздражает, что его уже не хватает на вежливость, и потому он за все должен платить вдвойне.

Если сказать финну «tock» вместо «key toss», он все равно поймет. Если спутать японца с кантонцем и сказать вместо «arigato» «m'goy», это как раз будет единственным знакомым ему словом из кантонского диалекта. А «obrigado» понимают все.

Но если угадать родной язык — все! Перед тобой ковровую дорожку раскатают и, преклонив колена, будут улыбаться — шире некуда. От меня несколько раз вообще на чай не брали — и это в городе, где Кларкова алчность в порядке вещей!

Остальные советы «Как вести себя в путешествии», которые я так старательно заучивала перед отлетом, не пригодились. Одно только «спасибо» заменяет их все. А дядя Том чем-то здорово встревожен. Рассеянный стал... Если мне и удается обратить на себя внимание, он улыбается, но вскоре улыбка блекнет и вновь сменяется морщинами тревоги. Может, на него Венера так действует и, когда мы полетим дальше, все пройдет? Скорее бы обратно, на родимый «Трайкорн»... Следующая станция —Луна-Сити!

Глава 11

Да, дело плохо. Кларк уже двое суток не ночевал дома. Дядя Том с ума сходит. И с Декстером я поругалась. По сравнению с пропажей брата это, конечно, ерунда, но ведь надо же кому-то в жилетку поплакаться...

Дело в том, что дядя рассорился с господином председателем; из-за этого и мы с Декстером поцапались. Я хоть и не знала, в чем дело, сразу встала на сторону дяди. И тут выяснилось, что Декстер так же слепо верит к отцу, как я — дяде. Я оказалась свидетелем только кусочка из дядиного с председателем разговора. Такие формально вежливые, холодные взрослые ссоры неизбежно приводят к дуэлям на рассвете.

По-моему, они к этому были очень близки. Председатель, уже ни капли не похожий на Санта-Клауса, приехал к нам, и я услышала, как дядя сказал:

— Я предпочел бы видеть ваших секундантов, сэр.

Председатель ничего не ответил, и тут дядя обнаружил меня. Я притаилась за роялем и старалась сделаться поменьше. Он мне велел идти к себе — пришлось подчиниться.

Но кое-что я все же знаю. Я думала, нам с Кларком можно ходить по Венусбергу куда захочется, хотя с нами всегда были либо Герди, либо Декстер. Ан нет! И его, и меня вне стен «Тангейзера» в любое время дня и ночи стерегла полиция Корпорации. Я об этом даже не подозревала, и Кларк — тоже, иначе ни за что бы не потратился на Хосе. Но дядя об этом знал и согласился принять такую любезность со стороны председателя. Благодаря этому он, вместо того чтобы присматривать за несмышленышами, один из которых (не я, разумеется) доверху напичкан разными прибабахами, как рождественский гусь — яблоками, мог заниматься тем, для чего, собственно, сюда и приехал.

Насколько я поняла, дядя обвинял в исчезновении Кларка господина председателя, хотя это, наверное, несправедливо. Узнай Кларк, что за ним следят, он бы оторвался от восемнадцати частных детективов, всего Космического Корпуса и своры лайкодавов. Или «волкодавов»?

В довершение всего, как мне рассказал Декстер, у них совершенно разошлись мнения насчет того, как искать Кларка. Сама я думала так: Кларк потерялся, потому что хотел этого. Он намеревался сделать так, чтобы корабль ушел без него, и остаться на Венере, где, во-первых, Герди, а во-вторых, столько замечательных возможностей поднажиться. Хотя, пожалуй, деньги у него стояли на первом месте.

Я и сейчас так думаю, но господин председатель уверен, что это похищение, и никак иначе, и что на Венере способов справиться с похитителями так, чтобы похищенный остался в живых, ровно один.

Да, похищение — единственное, чего боится венерианский акционер. Да как боится — все действия на случай похищения отработаны, точно ритуал. И если похититель играет по правилам и не причиняет вреда жертве, он не только не понесет наказания, но еще и получит от Корпорации гарантии, что сможет сохранить любой запрошенный выкуп.

Но если он нарушит правила и будет пойман, ничего хорошего ему впереди не светит. Декстер говорил об этом туманно, намеками, но, как я поняла, самый мягкий приговор — какая-то «смерть в четыре часа». В деталях он не описывал, только сказал, что есть такой препарат — вроде анестезии наоборот, от него боль гораздо сильнее.

Еще Декстер говорил, что Кларк будет в полной безопасности, если дядя Том не полезет в дела, которых не понимает. Тут он заикнулся насчет «старых идиотов», и я дала ему пощечину.

Ох-хо-хо-хо-хо, где же ты, счастливое, безоблачное марсополисское детство? Никак не могу понять здешней жизни. Ясно одно: я больше не могу выйти из номера без дяди Тома — и должна ходить вместе с ним, когда бы и куда бы он ни направился.

Так мне довелось, наконец, увидеть «коттедж» семейства Кунха, только все это было бы куда интереснее, если бы не исчезновение Кларка. Небольшой такой домик, чуть поменьше «Тангейзера», но гораздо роскошнее. А наш Розовый Дом, резиденция президента, поместился бы в их танцевальном зале. Как раз в этом зале я и поссорилась с Декстером, пока дядя с господином председателем ругались где-то еще.

Наконец мы с дядей поехали обратно в «Тангейзер». Никогда не видела дядю таким старым — словно ему лет пятьдесят, а если местных — то все полтораста. Мы пообедали в номере, причем ни я, ни он к еде почти не притронулись, а потом я пошла и села у «живого окна». Вид в нем был, по-моему, земной. Гранд-каньон какой-нибудь, а может, Эль-Дорадо или Эль-Колорадо, как его там... Гранд, гранд, ничего не скажешь, но я на этом зрелище только заработала приступ агорафобии и расплакалась.

А дядя сидел за столом, и вид у него был — вылитый Прометей перед самым прилетом орла. Я взяла его за руку и сказала:

— Дядя, ты меня выдери как следует, а?

— Чего? — он в недоумении покачал головой.— Крошка, с чего это ты?

— Все из-за меня...

— Почему, девочка моя?

— Потому что я за Кларка от... вечаю. Так всегда было. Он же вообще ничего не соображает. Когда маленьким был, сколько раз от канала его оттаскивала, чтобы не свалился...

Дядя отрицательно покачал головой.

— Нет, Подди. Отвечаю за случившееся я, а вовсе не ты. Я обоим вам loco*. То бишь, ваши parentis* были настолько loko, что вас мне доверили...

— Но я просто чувствую себя в ответе за... Он — моя семейная обязянность.

Дядя продолжал качать головой.

— Нет. Откровенно говоря, человек вообще не может полностью отвечать за другого человека. Каждый встречается с вселенной лицом к лицу, а вселенная есть то, что она есть, и поблажек никому не делает, и — рано или поздно — выигрывает все подчистую. Но этот факт ровно ничего не облегчает, когда кто-либо — вроде нас с тобой — пытается взять на себя ответственность за другого. И, оглянувшись назад, видит, что мог бы действовать куда как лучше...— дядя вздохнул.— Не следовало мне пенять на мистера Кунху, он ведь тоже хотел взять на себя заботу о Кларке. И о тебе, я знаю...

Дядя смолк, а потом добавил:

---

* Logo — тупица; parentis — родители *(исп.)*.

— Просто возникло у меня такое крайне недостойное подозрение, что он хочет нажать на меня через Кларка. Ошибся. Мистер Кунха в своем роде человек честный; не в его правилах использовать мальчугана как средство политического давления.

— Политического?

Дядя покосился на меня, точно был удивлен моим присутствием.

— Подди, мне следовало рассказать тебе обо всем раньше. Опять запамятовал я, что ты у меня уже не маленькая. Все время думаю о тебе, как о маленькой девочке, которая когда-то забиралась ко мне на колени и просила «Сказочку про Подди»...— он глубоко вздохнул.— Нет, я не собираюсь взваливать на тебя сразу все, однако перед мистером Кунхой просто обязан извиниться. Потому что это я использовал Кларка в политических целях. И тебя тоже.

— Что-о?

— Как прикрытие, девочка моя. Выживший из ума престарелый дядюшка сопровождает внучатых племянников в туристическую поездку... Прости меня, Подди, все обстоит совершенно иначе. Правда в том, что я являюсь чрезвычайным и полномочным послом Республики на межпланетной встрече в верхах. Но нам казалось, что это следует держать втайне до вручения верительных грамот...

Я молчала — очень уж было трудно сразу все это переварить. То есть я и раньше знала, что дядя Том не так уж прост и занимается очень важными делами, но ведь у него всегда находилось время на длинные, интересные истории, он единственный относился серьезно к проблеме выбора имен для моих кукол...

Но он продолжал:

— И я воспользовался тобой, детка. Тобой и Кларком. Потому что... Подди, ты в самом деле хочешь разбираться во всех этих политических игрищах?

Еще бы не хотеть! Но нужно было соответствовать своему «взрослому» положению.

— Ты расскажи, что сам посчитаешь нужным.

— Хорошо. Однако все это очень запутано, а временами — просто омерзительно, и объяснять придется долго. К тому же кое о

чем я просто не имею права рассказывать. Кое-что из этого связано с обязательствами Бозо, то есть президента... Кое-что с данными им обещаниями. Ты знаешь, кто сейчас представляет нас в Луна-Сити?

Я покопалась в памяти.

— Мистер Суслов?

— Нет, он был при прежней администрации. Арти Финнеганн. Человек он неплохой, но вот вбил себе в голову, что должен был стать президентом. Он уверен, что лучше нынешнего знает межпланетную обстановку, а также знает, что лучше для Марса. Естественно, намерения у него самые благие.

Я промолчала, потому что сразу вспомнила имя Артура Финнеганна. Однажды, когда я будто бы была уже в постели и видела десятый сон, дядя Том много чего по его поводу папочке высказал. Самое мягкое было — «грязь в голове — как в помойке», «на руку нечист», «сорок пятого размера самомнение, втиснутое в душонку тридцать седьмого размера».

— Несмотря на всю свою благонамеренность,— продолжал дядя Том,— он смотрит на вещи несколько иначе, чем президент и, кстати, я; и вот эти-то самые вещи будут рассматриваться в ходе конференции. А, если президент не посылает на конференцию специального представителя — в данном случае меня,— то посол автоматически получает право представлять на этой конференции Марс. Подди, ты о Швейцарии что знаешь?

— Это где Вильгельм Телль с яблоком...

— Достаточно. Хотя никакого яблока, скорее всего, не было. Так вот, Подди, Марс — это Швейцария Солнечной системы. Точнее не скажешь. Так считает президент, так считаю я. Маленький человек или маленькая страна, вроде Швейцарии и Марса, может выстоять против могучих и сильных соседей, если ее боевой дух достаточно высок — и никак иначе. Мы никогда ни с кем не воевали, и впредь не приведи господь, потому что скорее всего проиграем. Но если у нас хватит духу, то до войны даже не дойдет.

Дядя вздохнул.

— Так считаю я. А вот мистер Финнеганн думает: раз уж Марс мал и слаб, значит, надобно его присоединить к Федерации Терра. Может, он прав, и будущее Марса действительно в этом. Но я

лично так не думаю. По-моему, на этом Марс кончится как независимая и свободная страна. Более того. Если Марс расстанется со своей независимостью, то Венера — рано или поздно — обязательно последует его примеру. С той минуты, как мы приехали сюда, я только и делал, что убеждал мистера Кунху: дескать, резидент-комиссар Венеры должен поддержать нашу позицию против Земли. Тогда Луна тоже поддержала бы нас — и Марс, и Венера могут поставлять на Луну товары по более низким ценам, чем Земля. Только вот Корпорация издавна держится политики полного невмешательства ни в какую политику... Словом, «не надейся убогий на князи». То есть торгуй себе потихоньку и не суй нос, куда не просят. Но я из всех сил старался доказать мистеру Кунхе, что стоит Луне, Марсу и Земле объединиться под одними законами (спутники Юпитера, пожалуй, можно в расчет не брать) — и у «Венус Корпорейшн» мигом станет свобод и прав не больше, чем у каких-нибудь «Дженерал Моторс» или «И.Г. Фарбениндустри». Он уже начал было понимать, в чем соль, но тут исчез Кларк, это вышибло меня из колеи, и я на него наорал.

Дядя покачал головой.

— Да, Подди, дипломат из меня...

— Ничего, не один ты такой.

И я рассказала, как влепила пощечину Декстеру.

Дядя улыбнулся в первый раз за весь разговор.

— Ох, Подди, никогда мы из тебя не воспитаем настоящую леди! Ты ничем не лучше меня...

А я в ответ тоже ухмыльнулась и ковырнула ногтем в зубах. Жест этот куда вульгарнее, чем может показаться, и он только наш с дядей Томом. Мы, маори, исторически очень кровожадны, и даже подумать страшно, что это такое у нас предположительно застряло в зубах. Дядя Том посредством этой непрезентабельной пантомимы мне, когда я еще маленькая была, показывал: мол, не подобает леди вести себя так, как ты сейчас себя ведешь.

Тогда он улыбнулся по-настоящему и взъерошил мне волосы.

— В жизни не видывал такой белокурой, синеглазой дикарки. Но дикарка — это уж точно. И я — тоже дикарь. Ты, моя хорошая, лучше извинись перед ним. Прав абсолютно был твой Декстер, хотя спасибо тебе, что так меня защищаешь... Я вел себя, как

самый настоящий старый идиот, и обязательно извинюсь перед его отцом, хотя бы он потребовал сто метров до него на пузе проползти. Мужчина всегда должен признавать свои ошибки и исправлять их. А ты поцелуй Декстера и помирись с ним. Он — замечательный парнишка.

— Я извинюсь, только целовать его не стану. Я его еще ни разу не целовала.

— Да? — удивился дядя.— Разве он тебе не нравится? Или в нашем семействе слишком много скандинавской крови?

— Он мне вполне нравится. А тебе, наверное, этот туман все мозги протуманил, а то бы ты не говорил, будто скандинавская кровь холоднее полинезийской. У меня на Декстера серьезные планы. Потому я и не целовалась с ним до сих пор.

Дядя задумался.

— Да, лапа, в мудрости тебе не откажешь... Лучше уж практиковаться в поцелуйчиках с мальчишками, от которых не «загораются красные лампочки». И уж всяко этот парень недостоин моей дикарочки, как бы ни был хорош.

— Может, и так. Дядя... а что ты собираешься делать... насчет Кларка?

Легкое улучшение дядиного настроения как ветром сдуло.

— Ничего. Ровным счетом.

— Но... Ведь надо же что-то делать!

— А что именно, Подкейн?

Да, тут он меня уел. Я уже все мозги себе свихнула, гадая, что тут можно предпринять. Заявить в полицию? Так господин председатель и есть полиция — вся полиция на него работает. Нанять частного детектива? Если такие и есть на Венере, я точно не знаю, так у них у всех контракты с мистером Кунхой, то есть с «Венус Корпорейшн»...

Дать объявления в газеты? Опросить всех таксистов? Послать фото Кларка на видео, пообещать вознаграждение? Думай не думай, а все на Венере, куда ни ткнись, принадлежит господину председателю. Вернее, Корпорации, над которой он председает. По-моему, так одно и то же, хотя дядя говорит, что мистер Кунхе владеет только малой частью акций.

— Подди, я уже говорил с мистером Кунхой обо всем, что только приходило мне в голову. И все это он либо уже сделал, либо объяснил мне, почему в здешних условиях так делать нельзя. Здешние условия он знает лучше меня...

— А нам-то что делать?

— Ждать. Но если тебе вдруг придет в голову что-нибудь — все, что угодно, что, по-твоему, может помочь делу — сразу говори. И, если это еще не сделано, мы позовем мистера Кунху и спросим, что он об этом скажет. Говори сразу, в любое время. Буду спать — буди.

— Хорошо.

Сомнительно, однако, что он будет спать. Мне, например, совсем не до сна... Но — тут есть еще один вопрос.

— А что, если Кларк не отыщется до отлета «Трайкорна»?

Дядя не ответил; морщины, казалось, еще глубже прорезали его лицо. Я знаю, какое жуткое решение принял дядя и как он к нему пришел.

Мне еще нужно принять свое Решение. Может, не такое Жуткое, но... Я некоторое время потолковала со святым Подкейном и решила: Подди следует все же нарушить на сей раз свою клятву. Может, со стороны кажется глупым, но для меня это совсем не глупости. Я никогда в жизни не нарушала мою клятву, и теперь, наверное, всю оставшуюся жизнь сама себе буду верить куда меньше, чем до сих пор...

Словом, я рассказала дяде о бомбе, которую Кларк протащил на борт «Трайкорна».

К моему удивлению, дядя воспринял мой рассказ всерьез, тогда как я сама уже убедила себя, что Кларк просто так, из любви к искусству, опять меня одурачил. Конечно, контрабанда бывает на любом корабле. Но не бомбы же! Просто что-то такое ценное, что мальчишка соблазнился пронести на корабль. Скорее всего, Кларк еще и с адресата — с какого-нибудь стюарда или такелажника — плату содрал. За ним, насколько я его знаю, не заржавеет.

Но дядя попросил, чтобы я описала того типа, с которым Кларк разговаривал в порту Деймоса.

— Дядь, да я не помню! Я его только мельком видела. Мужчина, ни низок, ни высок, ни толстый, ни тощий, и одет обычно, так,

что в глаза не бросается... А лица я, кажется, вообще не видела. Хотя, наверное, видела, только вспомнить никак не могу.

— А это не мог быть один из пассажиров?

Я как следует подумала и сказала:

— Нет. Иначе я бы на борту его встретила и вспомнила — времени-то прошло бы меньше. Ммм... Я почти уверена: в очереди он с нами не стоял. Помню, он будто пошел к выходу. К одному из тех, что вели назад, к парому.

— Похоже на правду,— согласился дядя.— Если бомба существовала не только в воображении Кларка...

— И все же, зачем надо было доставлять на борт бомбу?

Дядя не ответил, но я и сама догадывалась. Зачем кому-нибудь взрывать «Трайкорн» и убивать всех пассажиров? Даже малышей... Нет, не ради страховки — Ллойд не страхует космолеты на такие суммы, чтобы подобная дикая затея принесла выгоду, это нам в старших классах на «экономике» объясняли.

Тогда зачем же?

А затем, чтобы корабль не попал на Венеру.

Но ведь «Трайкорн» уже десятки раз бывал на Венере...

Значит, на этот раз кто-то из его пассажиров не должен был попасть на Венеру. Или на Луну.

Кто же? Уж конечно, не Подкейн Фриз. Я-то разве что для самой себя что-нибудь значу.

А потом мы с дядей часа два обыскивали наш номер. Ничего не нашли — да я и не надеялась. Если даже бомба была, во что я до сих пор не совсем верю, если Кларк при этом забрал ее с корабля и спрятал здесь, что маловероятно, потому что и в городе, и на «Трайкорне» удобных мест достаточно, все равно он за это время успел бы ее замаскировать под что угодно. Хоть под вазу с цветами.

Кларкову комнату мы обыскали последней, решив, что это наименее вероятное место. То есть мы начинали обыскивать вместе, а заканчивал дядя один. Меня отослал отдохнуть — копаться в вещах Кларка было выше моих сил.

К тому времени как дядя сдался, я уже полностью выплакалась и даже кое-что придумала.

— Может, поискать со счетчиком Гейгера?

Дядя, помотав головой, опустился в кресло.

— Мы не бомбу ищем, лапа.

— Как это — «не бомбу»?

— Вот так. Ну, найдем мы эту бомбу; что с того? Просто выясним, что Кларк тебя не разыгрывал, а я в это и так уже верю — я-то знаю куда больше, чем тебе рассказал... И понимаю, насколько все происходящее серьезно для некоторых людей и насколько далеко они могут зайти. Политика, вопреки распространенному мнению, не игрушки и не шуточки. Логическое продолжение политики — война; что ж удивляться, когда в политике пользуются бомбами... Сколько раз уже их применяли... Нет, нам бомбу искать ни к чему, нам человек нужен. Человек, которого ты мельком видела в порту Деймоса. И даже не столько он, сколько те, на кого он может вывести. Скорее всего, они из аппарата президента и пользуются его доверием.

— Ч-черт меня побери; ну что стоило разглядеть его получше!..

— Ладно, лапа, не расстраивайся. Не могла же ты заранее знать... Зато вот Кларк наверняка его запомнил. Если... Когда Кларк найдется, мы с ним пошарим по архивам Марсополиса. Если надо, просмотрим и все фото для получения виз за последние десять лет, но типа этого найдем. А через него найдем и тех, кому наш президент совершенно зря доверяет,— тут дядя Том стал как самый настоящий, дикий-предикий, дикарь маори.— И вот тогда я им лично займусь. Поглядим...— он улыбнулся.— А сейчас — Подди пора баиньки. Ты все еще не спишь, хотя уже пора. Даже учитывая заведенную тобой с недавних пор привычку плясать ночь напролет.

— А-а... А в Марсополисе сейчас сколько времени?

Дядя взглянул на свои вторые часы.

— Двадцать семнадцать. Ты, надеюсь, не родителям собираешься звонить?

— Конечно, нет! Я им ни слова не скажу, если... пока Кларк не найдется. А может, и вовсе никогда ничего не скажу. Но если сейчас только двадцать семнадцать настоящего времени, еще совсем не поздно, и спать я не пойду, пока ты не ляжешь.

— Я, может, и совсем не лягу.

— И плевать. Я с тобой хочу посидеть.

Дядя Том моргнул и очень мягко сказал:

— Ладно, Подди. Никто не становится взрослым, не проведя без сна хотя бы одной длинной-предлинной ночи.

Потом мы довольно долго сидели молча. Все, что надо, уже было сказано, и от повторения никому не стало бы лучше. А еще потом я сказала:

— Дядя Том, а расскажи сказку про Подди...

— Да ты ведь уже большая...

— Ну пожалуйста! — я забралась к нему на колени.— Хочу еще хоть раз посидеть у тебя на коленях и послушать. Мне очень нужно.

— Ну ладно,— сказал дядя, обнимая меня за плечи.— Давным-давно, когда мир был еще совсем-совсем молодым, жила-была в особо избранном городе маленькая девочка, а звали ее — Подди. Целые дни напролет жила она, как заведенная. «Тик-так, тик-так»,— говорили ее каблучки, «Тик-так, тик-так»,— стучали ее спицы, а особенно усердно тикал ее занятой, маленький ум. Волосы у нее были цветом — точь-в-точь лепестки лютиков, расцветающих весной, когда сходит лед с каналов; глаза ее светились голубым, точно весенние потоки в солнечных лучах; носик ее еще не решил окончательно, каким ему быть, а ротик — ну совершенно вопросительный знак. На мир смотрела Подди, как на подарок, который еще предстоит развернуть, а уж плохого в ней не было ни капельки. И вот однажды Подди...

— Но я же сейчас не маленькая,— перебила я,— и мир, по-моему, никогда не был молодым.

— Вот возьми платок,— сказал дядя,— утри нос. Я никогда не рассказывал тебе эту сказку до конца — ты всегда засыпала раньше. А кончается она, надо сказать, чудом!

— Настоящим?

— Еще каким! Вот. Потом Подди выросла, и у нее появилась еще одна маленькая Подди. И мир снова стал молодым.

— И все-о?

— Все, что когда-либо бывает. Но этого всего — более чем достаточно.

Глава 12

Наверное, дядя отнес меня в кровать — проснулась я в одежде, только без туфель. Все было измято, точно корова жевала. Дяди не было, но, уходя, он оставил мне записку, в которой говори-

лось, что я, в случае чего, могу найти его по личному номеру господина председателя. У меня не было никаких поводов отрывать его от дел, а видеть никого не хотелось, поэтому я прогнала Марий и съела завтрак в постели. Прилично поела, надо заметить; желудок, несмотря ни на что, своего требует.

А потом я, впервые на Венере, выкопала из чемодана свой дневник. То есть я записывать не бросала, просто все это время не писала, а надиктовывала. В библиотеке нашего номера есть встроенный в стол диктофон; оказалось, с его помощью вести дневник гораздо проще. Хотя я это еще давно поняла — мистер Кланси позволял мне пользоваться диктофоном, на который диктовали бортовой журнал.

Одно только было плохо в библиотечном диктофоне — в любой момент в библиотеку мог сунуть нос Кларк. Но в первый же день, отправившись магазинничать, я увидела в «Тысяче мелочей» замечательный минидиктофончик — как раз помещался в ладонь, и, если хочешь, можешь диктовать так, что никто не заметит. И стоил всего десять пятьдесят... Словом, удержаться от покупки было просто невозможно, и с тех пор он у меня всегда в сумочке.

А теперь мне захотелось заглянуть в написанное раньше: авось найду хоть какое-нибудь упоминание о *том типе*.

Ничего. Ни единого словечка. Зато там оказалась ЗАПИСКА ОТ КЛАРКА!

«Под, если ты вообще отыщешь эту записку, значит, тебе настало время ее прочесть. Я писал чернилами, проявляющимися через 24 часа, и надеюсь смыться отсюда раньше. Герди в беде, я иду ее выручать. Больше об этом никто не знает, потому что это мое дело и я не хочу, чтобы кто-то еще вмешивался. Однако плох тот игрок, который не подстрахуется на всякий пожарный, если имеет возможность. В случае, если меня не будет так долго, что ты прочтешь эту записку, пора подымать на ноги дядю Тома, а он пусть подымает на ноги председателя Кунху. А тебе нужно знать только, что прямо возле Южных Ворот есть газетный киоск, в котором ты должна купить номер "Дейли Мерчандайзер", а потом спросить, привезли ли "фонарики". А потом скажешь: "Давайте лучше два — там, куда я иду, очень темно".

Только, ради бога, одна ничего этого не делай. Все на свете перепутаешь.

Если мое дело не выгорит, можешь забрать себе мою коллекцию камней.

Сдачу всегда пересчитывай. И лучше — на пальцах.

Кларк.»

В глазах у меня все расплылось. Последние строчки... Я раньше никогда не видела завещаний, но это, без сомнения, оно и есть. Потом я взяла себя в руки, сосчитала от десяти до нуля, а потом еще для разрядки выругалась. Не время хныкать и раскисать — надо дело делать.

Я решила немедля связаться с дядей — Кларк прав, не стоит, подобно ему, корчить из себя Стального Космического Рейнджера Стальворта, следует заручиться всей возможной помощью. Раз уж даже *Кларк с Герди* попались, то мне лучше взять с собой два полка коммандос и весь Марсианский Легион.

Итак, я позвонила по личному номеру господина председателя. Он не ответил — меня просто отослали к другому номеру, где я наткнулась на автоответчик. Дядя Том повторил с пленки то, что писал в записке, добавив, что он, судя по всему, будет занят весь день и мне до его прихода нельзя ни под каким видом выходить из номера либо впускать в номер кого бы то ни было. Никаких ремонтников и лакеев, за исключением известных мне — например, Марий.

Когда запись пошла по третьему разу, я дала отбой и позвонила господину председателю в общем порядке, через офис Корпорации. Дохлый номер! К его секретарше — а может, то была секретарша его секретаря — мне удалось пробиться только назвавшись мисс Фриз, племянницей сенатора Фриза с Марса.

— Очень сожалею, мисс Фриз, но я не могу соединить вас с мистером Кунхой.

Тогда я потребовала, чтобы она сказала, где дядя Том.

— Очень сожалею, мисс Фриз, но я не располагаю такой информацией.

Тогда я попросила соединить меня с Декстером.

— Очень сожалею, мисс Фриз, но мистер Декстер совершает инспекционную поездку по поручению мистера Кунхи.

Она то ли не могла, то ли не хотела сказать мне, когда вернется Декстер, и то ли не могла, то ли не хотела сказать, как с ним связаться. Последнему я просто не поверила — если бы у меня была такая громадная Корпорация, я бы уж организовала так, чтобы в любую минуту можно было связаться с любой шахтой, фермой, фабрикой и даже любой машиной Корпорации. И я ни за что не поверю, что господин председатель в этом смысле дурнее меня.

Все это я секретарше выложила в лучших традициях песчаных крыс и канальщиков. То есть я вышла из себя и такого ей наговорила — даже не думала, что все эти выражения помню. Наверное, дядя прав: дикарка я, самая настоящая, несмотря на нордическую оболочку. Мне очень хотелось ковырнуть перед секретаршей в зубах — но она все равно не поняла бы.

Но хотите — верьте, хотите — нет, на нее моя ругань никак не подействовала. С тем же успехом можно было бы ругать песчаного ящера. Она просто еще раз повторила свое «Очень сожалею, мисс Фриз...», а я зарычала и отключилась — что мне еще оставалось?

Как по-вашему, может, председатель сажать на телефоны человекоподобных Тик-Таков? А что, за ним не заржавеет... Живая женщина хоть как-то да отреагировала бы хоть на какие-то из непотребств, которые я на нее обрушила! Пусть даже она далеко не все поняла; я тут сама кое-чего не понимаю, но всяко уж не комплименты...

Я уже подумывала позвонить папочке — он бы оплатил счет, даже если бы ему пришлось все свое жалованье выложить. Но при связи с Марсом запаздывание — одиннадцать минут, так на телефонном диске было написано. А через «Гермес» и Луну — еще хуже. Если ждать 22 минуты от фразы до фразы, я ему до завтра буду объяснять, что случилось. Хотя за время ожидания плату не берут...

Но я все же позвонила бы папочке — только... Что он сможет сделать, находясь в трех сотнях миллионов километров отсюда? Кончился бы наш разговор разве что окончательным поседением последних его шести волос.

А потом я успокоилась и поняла: в той записке, оставленной в моем дневнике, что-то было не так — не говоря даже про этот идиотический героизм Кларка. Герди...

Точно, дня два я ее не видела. Расписание у нее сейчас было такое: я сплю — она работает и наоборот. Банкометам-новичкам всегда достаются самые неудобные графики. Но все равно — я с ней говорила в последний раз уже после того, как Кларк ушел из номера, чтобы больше не вернуться. Правда, я тогда подумала, он просто проснулся ни свет ни заря ради каких-то собственных надобностей, мне и в голову не пришло, что он вовсе не ночевал дома.

А дядя Том говорил с Герди как раз перед нашей поездкой в «коттедж» мистера Кунхи. Специально спрашивал, не видела ли она Кларка. Она сказала, что нет. То есть видела, но еще до того, как он появлялся дома в последний раз.

До дона Педро я дозвонилась без хлопот. Не до того, с которым познакомилась в вечер встречи с Декстером, а до его сменщика. Сейчас уже все доны Педры знают: Подкейн Фриз — это та самая девушка, которую часто видят с мистером Декстером. Он мне сразу сказал, что смена Герди закончилась полчаса назад и она, вероятно, уже в своем хилтоне. Хотя... Он прервался, кого-то о чем-то спросил, и ему ответили, что Герди, кажется, пошла за покупками.

Возможно. Я и так знала, что в маленьком хилтоне, в который она переселилась из роскошного и дорогущего «Тангейзера», ее нет. Я ей оставила на автоответчике такую запись, что она сразу позвонила бы мне.

Вот и все, не к кому больше обращаться. И вообще, осталось только сидеть в тихом, спокойном номере и, согласно дядиному приказу, ждать его.

Я схватила сумочку с плащом и вышла в коридор.

На целых три метра от двери успела отойти. Потом меня остановил какой-то здоровенный тип. Хотела я его обогнуть, а он сказал:

— Не нужно, мисс Фриз. Ваш дядя отдал распоряжение...

Я ткнулась в другую сторону — оказалось, он для своих габаритов поразительно быстро бегает. Словом, меня поймали, арестовали, сунули в номер и держат за решеткой, в темнице сырой. Похоже, дядя мне не слишком-то доверяет.

Я заперлась в своей спальне и тщательно проанализировала ситуацию. В комнате не прибирали, полно было грязной посуды — я, несмотря на языковой барьер, разъяснила Мариям, что

мисс Фриз приходит в ярость, когда кто бы то ни было тревожит ее покой, пока она не даст знать, что более не нуждается в уединении, и не оставит дверь открытой.

Неуклюжий «двухпалубный» столик-каталка, на котором мне привозили завтрак, так и стоял у кровати, напоминая разграбленный варварами город.

Все, что стояло на нижней полке, я сняла и распихала в ванной по углам, а груду посуды на верхней накрыла салфеткой, специально для того и предназначенной, дабы не оскорблять взоры избалованных богатых клиентов видом грязной посуды.

Затем я взяла аппарат внутренней связи и потребовала, чтобы посуду из-под моего завтрака немедля убрали прочь.

И впрямь не такая уж я большая. Оказывается тот, кто весит 49 кило при росте в 157 сантиметров, может занимать совсем немного места, если как следует свернется клубочком. Нельзя сказать, что на нижней полке было удобно, но и не так уж тесно. Только вот лужицу кетчупа я заметила поздновато.

Распоряжения дяди (а может, мистера Кунхи) выполнялись неукоснительно. Обычно посуду увозит мальчишка из посудомоечной, но на этот раз ее отвезли к служебному лифту две Марии. По дороге выяснилось кое-что любопытное, хотя и не такое уж неожиданное. Одна из Марий сказала что-то по-португальски, а другая ответила на отличном орто:

— В ванне, небось, плещется, балбесина ленивая.

Не забыть бы оставить ее без подарков к Рождеству и дню рождения.

Внизу меня выкатили из лифта и задвинули в угол. Я малость переждала и выбралась наружу. Какой-то мужчина в грязном переднике изумленно уставился на меня. Я сказала ему «obrigado», дала банкноту в два кредита, вышла, задрав нос, через служебный ход и через пару минут уже ехала в такси.

И вот сейчас надиктовываю все это, чтобы не обгрызть себе ногти до самых локтей, пока такси мчится к Южным Воротам. Чувствую себя, надо сказать, нормально, только нервничаю. Сидеть и ждать было куда тяжелее. Разные передряги меня вряд ли сломят, а вот от неизвестности и ожидания свободно могу и чокнуться.

Кассета почти кончилась; надо бы поставить новую, а эту от Южных Ворот отослать дяде. Конечно, следовало оставить ему записку, но так даже лучше. Надеюсь.

Глава 13

Ну, теперь я не могу пожаловаться, что так и не видела фей.

Они, оказывается, именно такие, какими должны быть, но я лично ничуточки не пожалею, если больше не увижу ни одной.

Смело бросившись в бой почти без шансов на победу, благодаря безрассудной отваге, я одержала...

Фиг там я чего одержала. Наоборот, влипла по самые уши и теперь сижу бог знает где, в какой-то захолустной дыре, в комнатушке без окон. А от двери толку мало — там на насесте фея сидит и стережет. Маленькая такая, милая, и мех зеленый — ну вылитая балеринка в пачке! Правда, на «человечка с крылышками» смахивает мало, но, говорят, чем дольше на них смотришь, тем больше они становятся похожими на людей. Уголки глаз ее раскосо вздернуты вверх, как у кошки, и «улыбку» она показывает очень мило.

Я ее назвала Титанией, потому что настоящего имени выговорить не могу. Она из орто знает всего несколько слов; мозг-то у нее едва ли вдвое больше кошачьего. По уровню развития — идиотка, которой до обычного слабоумного еще расти и расти.

Почти все время она проводит на своем насесте, маленького нянчит. Малыш у нее — размером с котенка, но куда симпатичнее. Я назвала его Ариэлем, хотя не знаю точно, какого он пола. Я и насчет Титании не уверена, у них, говорят, маленьких выкармливают и самки, и самцы. То есть это даже не такое кормление, как у нас, но служит той же цели — они не млекопитающие. Ариэль пока что не умеет летать, но Титания его учит: швырнет вверх, он крылышками помашет и падает на пол, лежит там, мяучит жалостно, пока мамаша его не подберет и не притащит обратно на насест.

А я почти все время думаю, заношу текущие события в дневник, пытаюсь приучить Титанию, чтобы позволяла брать Ариэля на руки (тут кое-какой прогресс налицо: она уже позволяет мне

поднимать его с пола и подавать ей, а малыш не боится), и опять думаю, но пока все без толку.

По комнате я могу бродить сколько угодно и заниматься при этом чем угодно, но только — не приближаться к двери. Угадайте, почему. Сдаетесь? Потому, что зубы и когти у них острые; феи, надо сказать, животные плотоядные. Могу показать приличные укусы и две глубокие царапины на левой руке — красные, болючие и заживать, похоже, не намереваются. Как к двери подойду — она на меня пикирует.

А так она держится очень даже дружелюбно. И на содержание тоже грех жаловаться. Достаточно часто является абориген с целым подносом вполне терпимой еды, но я на него стараюсь не смотреть: во-первых, венерианцы слишком напоминают ужасную карикатуру на наших предков, и чем больше на них смотришь, тем противнее становится. Вы наверняка видели их фотографии, но фотокамера не может передать ни вони, ни этого слюнявого рта, да и вообще всего впечатления в целом. Смотришь, и кажется, будто оно уже давным-давно сдохло, а теперь его оживили при помощи какого-то мерзопакостного колдовства.

Я зову его «Дундук», и это для него, пожалуй, слишком ласково. Кстати, насчет его пола — никаких сомнений быть не может; зрелище такое, что любую девушку способно довести до пострижения в монахини.

И есть то, что он приносит, я не боюсь только потому, что твердо уверена: готовкой занимается не он. Я, кажется, знаю, кто тут готовит. И из нее вышел бы неплохой повар.

Но мне следует вернуться немножко назад. Я сказала продавцу газет: «Лучше дайте два. Там, куда я иду, очень темно»; он помедлил, поднял на меня глаза, и я повторила еще раз.

Очень скоро я уже сидела в машине, несущейся над джунглями. Вы когда-нибудь совершали резкий крутой разворот в тумане? Тут их было больше чем достаточно. Скоро я совсем потеряла представление, где мы находимся; могу только сказать, что лететь сюда от Венусберга часа два и неподалеку находится небольшое поселение эльфов. Перед посадкой я увидела, как они летают, и это было так интересно, что мне даже в голову не пришло оглядеться, когда машина снизилась. Препоганый просчет с моей стороны.

Я вышла, и машина тут же взлетела; струей от винта мне растрепало волосы. В доме отворилась дверь, и знакомый голос ласково сказал:

— Подди! Входи, милая, входи!

С чувством великого облегчения я бросилась к ней и обняла ее, и она тоже меня обняла. Это была миссис Грю, как всегда толстенькая и дружелюбная.

Оглядевшись, я увидела Кларка. Он спокойно сидел на месте, только мельком глянул на меня и сказал:

— Дура.

И тут я увидела дядю, он сидел в другом кресле. Я уже заорала от радости и бросилась было обнимать его, но руки у миссис Грю стали — точно железные. Она мягко сказала:

— Нет-нет, милочка, не так быстро.

И продолжала меня держать, а кто-то (это был Дундук) подошел сзади и сделал что-то с моей шеей.

А потом я получила в полное свое распоряжение большое, удобное кресло, но оно мне ни капельки не понравилось, потому что у меня ничего не двигалось ниже шеи. Чувствовала я себя прекрасно, только покалывало что-то, но даже пальцем шевельнуть не могла.

А дядя был здорово похож на мистера Линкольна, скорбящего по убитым при Ватерлоо. Он так ни слова и не сказал.

— Что ж,— радостно заговорила миссис Грю,— теперь все семейство в сборе. Ну как, сенатор? Теперь вы готовы трезво оценить ситуацию?

Дядя едва заметно покачал головой.

— Ну как же так? Мы очень хотим, чтобы вы приняли участие в конференции, но попасть туда вы должны с правильной точкой зрения. Если мы не договоримся, вряд ли кто-нибудь из вас выйдет отсюда. Разве это не очевидно? И это будет крайне огорчительно, если коснется детей.

— Кончай фуфло толкать, да я скорее с тобой стопарик яду выпью,— заговорил дядя.

— О, я не думаю, что вы всерьез.

— Еще как всерьез! — взвизгнул Кларк.— А ты — морда уголовная! Да я тебя...

Похоже, Кларк на нее жутко зол — он всегда презирал грубость; говорит, она свидетельствует об умственной неполноценности.

Миссис Грю спокойно, даже с нежностью взглянула в его сторону и позвала Дундука.

— Забери его и не давай спать, пока не помрет.

Дундук взял Кларка и унес, но братец все же оставил последнее слово за собой:

— А еще,— орал он,— ты в картах жульничаешь! Я сам видел.

На секунду миссис Грю, казалось, вправду обиделась, но затем вновь изобразила на лице подобие участливой мины и сказала:

— Теперь у меня оба ваших подопечных, так что одним можно пожертвовать. Особенно принимая во внимание, как сильна ваша привязанность к Подди. Некоторые, например, психиатры, сказали бы, что вы слишком сильно привязаны к ней.

Я прожевала услышанное и решила: если удастся когда-нибудь выбраться из этой ямы, сделаю из ее шкуры половик и подарю дяде Тому.

Дядя не отвечал. Вскоре снаружи раздался противный скрежещущий грохот... будто там кто-то, взяв в руки ржавую железяку, колотит ею по другой такой же. Миссис Грю заулыбалась еще шире.

— Это жестоко, зато действенно. Когда здесь было ранчо, этот предмет был водонагревным баком. К несчастью, он слишком мал, чтобы сидеть или стоять в нем, но такой грубый мальчишка не может рассчитывать на то, что здесь станут заботиться об удобствах. Шум же происходит оттого, что обрезком трубы бьют снаружи по стенкам бака,— она моргнула и приняла задумчивый вид.— Видимо, нам будет неудобно продолжать беседу под этот грохот. Вероятно, мне следует распорядиться, чтобы бак отодвинули подальше. Хотя, возможно, наш разговор закончился бы быстрее, если бы бак, наоборот, придвинули поближе, чтобы вы слышали также и звуки, исходящие изнутри. Как вы полагаете, сенатор?

Тут я вмешалась в разговор:

— Миссис Грю!

— Да, дорогая? Подди, извини, я сейчас очень занята. Позже мы с тобой еще славненько почаевничаем, а пока что... Сенатор, вы...

— Миссис Грю, вы совершенно не знаете дядю! Таким способом от него ничего не добиться.

— По-моему,— ответила она, подумав,— ты, моя дорогая, преувеличиваешь. Принимаешь желаемое за действительное.

— Нет, нет, нет! Во всей вселенной не существует способа заставить дядю Тома сделать что-нибудь против интересов Марса! Но если вы над Кларком или надо мной будете издеваться, он станет только тверже. Конечно, он любит нас обоих, но, действуя таким способом, вы напрасно потеряете время,— я говорила как можно быстрее и искреннее. Кажется, я слышала вопли Кларка. Конечно, это вряд ли было возможно — лязг стоял просто адский, но однажды, еще маленьким, он свалился в корзину для бумаг и орал там, пока я его не спасла. Наверное, мое подсознание и выдавало мне сейчас те самые крики.

Миссис Грю дружелюбно улыбнулась.

— Подди, дорогая, ты ведь еще совсем маленькая девочка, и головка твоя забита разной чепухой. Сенатор же сделает то, чего я от него хочу.

— Черта с два он сделает, если вы Кларка убьете!

— Помолчи, дорогая. Помолчи и дай мне объяснить, иначе придется дать тебе пару пощечин, чтобы ты замолкла. Я вовсе не намерена убивать твоего брата...

— Но вы сказали...

— Ти-хо! Туземец, забравший его, не понял, что я сказала. Он понимает всего несколько слов на орто и ни одной законченной фразы. И все мои слова были сказаны только ради пользы твоего брата. Когда его принесут назад, он будет стенать и умолять твоего дядю сделать все, что я попрошу,— она опять мило улыбнулась.— Внушенные тебе заблуждения, в частности, состоят в том, что патриотизм либо подобная ему глупость может быть выше личных интересов человека. Поверь, я ни на секунду не сомневаюсь, что для такого старого политика, как твой дядя, патриотизм — пустая абстракция, не более. А тревожит его лишь то, что он немедленно кончится как политик, когда сделает то, о чем я прошу. А сделает это он обязательно. Верно, сенатор?

— Мадам,— строго ответил дядя Том,— не вижу смысла препираться с вами.

— И я тоже! И мы не станем препираться. Но пока я объясню все Подди, вы тоже послушайте. Дорогая! Твой дядя упрям и сам не сможет подготовить свою политическую кончину достаточно умело. Мне нужны ниточки, чтобы направлять его танец, и ты, я уверена, на роль такой ниточки очень даже подходишь.

— Ничего подобного!

— Ты хочешь, чтобы я ударила тебя по лицу? Или лучше заткнуть тебе рот? Дорогая, ты мне нравишься, не вынуждай применять насилие. Я сказала, что подходишь ты — но не твой брат. Без сомнения, твой дядя для публики изображает, будто относится к вам одинаково хорошо — подарки там на Рождество и ко дню рождения и все такое прочее. Но ведь это очевидно: твой братец ни у кого не может вызвать любви! Рискну предположить, даже у собственной матери. А вот тебя сенатор любит, и гораздо сильнее, чем хотел бы показать. Итак, в настоящее время я слегка мучаю твоего брата — ничего особенного, в самом худшем случае только оглохнет,— чтобы продемонстрировать твоему дяде, что может случиться с тобой, если он не станет послушным мальчиком и не сыграет свою роль так, как мне потребуется.

Она задумчиво посмотрела на дядю.

— Сенатор, я никак не могу принять решение. Какой из двух возможных методов в вашем случае лучше? Видите ли, я хочу, чтобы вы, согласившись сотрудничать, помнили: вы согласились. А то политики временами бывают очень непостоянны. Когда я вас отпущу, стоит ли посылать с вами, в качестве узелка на память, вашего племянника? Или лучше оставить его здесь и обрабатывать — понемногу, но систематически — на глазах у его сестры? Так ей будет легче проникнуться мыслью о том, что произойдет с ней, если вы выкинете в Луна-Сити что-либо не то. Что скажете, сэр?

— Вопрос ваш, мадам, не по существу.

— Вот как?

— Меня не будет в Луна-Сити, если дети не поедут со мной. В целости и сохранности.

— Это, сенатор, для публики,— хмыкнула миссис Грю.— Мы поговорим позже. А пока что...— она бросила взгляд на старинные часики, приколотые к ее тяжеловесному лифу.— Думаю, пора

прекратить этот невыносимый грохот; он меня до мигрени доведет. К тому же сомнительно, что ваш племянник слышит его до сих пор. Разве что кости его чувствуют вибрацию.

Она поднялась и вышла. Походка ее была на удивление легка и грациозна. Совсем неплохо — для ее-то веса-возраста.

Шум разом стих.

Стих так неожиданно, что я вздрогнула бы, если б хоть что-нибудь ниже шеи у меня могло вздрагивать.

Дядя смотрел на меня.

— Подди-Подди...— тихо сказал он.

— Дядя, не уступай этой ужасной женщине!

— Подди,— сказал дядя Том,— я просто не могу ей уступить. Никоим образом. Понимаешь?

— Ну еще бы! Но ведь ты бы мог притвориться! Наговори ей всякой всячины; пусть, в самом деле, отпустит тебя и Кларка, а потом ты меня спасешь. Я выдержу, вот увидишь!

Он — в который уж раз — стал казаться совсем старым.

— Подди... Милая моя... Я очень боюсь, что это — конец. Будь мужественна, милая.

— Н-ну... Опыта у меня немного... Но я попробую.

Я мысленно ущипнула себя, чтобы посмотреть, не боюсь ли. Нет, не боюсь. По крайней мере, не взаправду. В присутствии дяди — хоть он и был так же беспомощен, как я сама,— почему-то не было страшно.

— Дядя, а чего ей от нас надо? Она что — фанатичка какая-то?

Он не ответил, а неслышно вошедшая миссис Грю весело, утробно заржала.

— Фанатичка...— повторила она, подойдя ко мне и сильно ущипнув за щеку.— Подди, дорогуша, я отнюдь не фанатичка и политикой озабочена не более чем твой дядя. Но много лет назад, будучи еще девочкой (кстати, очень привлекательной — ты такой не будешь никогда), я поняла: лучшие друзья любой девочки — деньги. Так-то, моя дорогая. Я — оплачиваемый профессионал, и профессионал не из худших. Сенатор,— продолжала она,— мальчишка, вероятнее всего, оглох, но точно сказать не берусь, он без сознания. Мы обсудим все позже, а сейчас — я хочу поспать. Пожалуй, вам тоже лучше немного отдохнуть.

Она позвала Дундука, и тот отнес меня в эту самую комнату, где я с той поры и торчу. Когда он меня поднимал, я уже взаправду перепугалась, но вдруг обнаружила, что могу немного шевелиться. Как при этом все кололо, вы не поверите. Просто нестерпимо... Я засопротивлялась, как могла, но без толку — все равно эту чертову комнату заперли.

Через некоторое время действие препарата кончилось и я пришла в норму, только трясло немножко. Теперь я знала, что Титания стережет меня лучше всякой цепной собаки, и к двери уже не приближаюсь — рука с плечом сильно болят и начинают опухать.

Я внимательно осмотрела комнату. Собственно говоря, и обследовать-то было нечего: кровать с матрасом, но без простыней, которые в здешнем климате и не нужны, что-то вроде откидного стола у одной из стен, возле него привинчено к полу кресло, да трубки дневного света по углам. Все это я тщательно ощупала, убедившись на горьком опыте, что Титания — не просто такая вот милочка-тонкокрылочка. Ясное дело, миссис Грю или кто-то другой, кто готовил эту комнату, постарались не оставить ничего такого, что могло бы сойти за оружие против Титании или кого бы то ни было еще. У меня даже плаща с сумочкой теперь нет.

Особенно жалко сумочку — у меня там много полезных вещей. Хоть пилочка для ногтей — будь она у меня, я бы этой феечке-кровососочке показала... Но нет смысла тратить время на бесполезные раздумья; сумочка осталась там, где мне ввели этот препарат.

Впрочем, кое-что интересное я обнаружила. До того как в этой комнате оказалась я, в ней держали Кларка — здесь лежала одна из его сумок. Наверняка я бы заметила прошлой ночью, что в его спальне одной сумки не хватает, но так расстроилась, что и оставила дядю одного заканчивать обыск. Набор вещей в сумке нисколько не подходил для рыцаря, отправившегося спасать прекрасную деву. Три футболки, две пары шорт, запасная пара обуви, логарифмическая линейка да три книжки комиксов.

Найди я в сумке огнемет, запас непонятных химикалий, ничуть не удивилась бы — это как раз по-кларковски. Пожалуй, мал он еще, несмотря на все свои достоинства...

Меня здорово беспокоило, что он, возможно — то есть, очень даже вероятно,— оглох, но потом я перестала думать об этом. Все

равно помочь ничем не могу, да и уши ему не слишком нужны: всегда все мимо ушей пропускает.

Устроившись на кровати, я прочла его комиксы. Я до комиксов не маньяк, но эти как раз были ничего себе — особенно когда герои то и дело выпутывались из ситуаций посложнее моей.

Потом я уснула, и снились мне героические сны.

Разбудили меня к завтраку — больше похожему на обед, однако вполне сносному. Поднос Дундук уволок с собой, а легкая пластиковая посуда никак не подходила для смертоубийственных целей. Что меня действительно обрадовало — он принес и мою сумочку!

Но радости хватило только секунд на десять. Ни пилочки, ни ножа в сумочке не было. Вообще ничего смертельнее губной помады и платочка. Деньги и минидиктофончик миссис Грю не тронула, зато забрала все, что могло бы принести хоть какую пользу (то есть вред). Я скрипнула зубами, съела завтрак и продолжила диктовать свой совершенно бессмысленный дневник. Так и проводила время: спала, ела да еще старалась подружиться с Ариэлем. Он напоминает мне Дункана. Нет, не с виду, просто все маленькие чем-то друг на друга похожи, правда ведь?

Когда я в очередной раз, за отсутствием более интересного занятия, дремала, меня разбудил голос:

— Подди, дорогуша...

— А-а... Миссис Грю...

— Ну-ну, спокойно,— буркнула она.

Я и не собиралась дергаться. Ее пистолет был нацелен прямехонько мне в пупок. Я очень люблю свой пупок, он у меня — единственный.

— Ну-ка, будь добра, повернись и скрести руки за спиной.

Я подчинилась, и она крепко связала мне руки, а потом ту же веревку еще накинула на шею, вроде удавки. Начни я сопротивляться, только сама бы себя придушила.

Конечно, был момент, когда она отвела от меня пистолет, пока руки мои были еще свободны. Любой из героев комиксов воспользовался бы этим золотым мгновением, обезвредил бы миссис Грю и собственной же ее веревкой связал.

Жаль только, ни одного из этих героев не зовут «Подди Фриз». Образование мое ограничивается искусством кулинарии, кройки и шитья, некоторыми познаниями в математике, истории и естественных науках да вдобавок такими ужасно полезными навыками, как рисование, изготовление свечей и варка мыла. Рукопашный же бой я изучала лишь условно — в нерегулярных «пограничных столкновениях» с Кларком. Знаю, мама считает это упущением (сама-то она здорово владеет и каратэ, и килл-квик, и стреляет не хуже папочки), но папочка все тянул с записыванием меня на эти курсы. Мне кажется, он вообще не хотел, чтобы «его малышка» знала такие вещи.

Я же полностью согласна с мамой. Упущение, упущение — да какое! Наверняка была хоть доля секунды, когда можно было лягнуть миссис Грю пяткой в солнечное сплетение, потом, пока она не в состоянии была бы сопротивляться, сломать ей шею, содрать с мачты «Веселого Роджера» и поднять «Юнион Джек», как в «Острове Сокровищ».

Такой шанс бывает только раз, а я его не поймала.

Словом, повели меня, будто собачку на веревочке. Когда мы подошли к двери, Титания на нас уставилась с подозрением, но миссис Грю что-то ей процокала и та опять уселась на свой насест, Ариэля нянчить.

Миссис Грю повела меня коридором, потом через гостиную, где я в последний раз видела дядю Тома и Кларка, потом — еще коридор, большая комната...

...и тут я ахнула, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не закричать!

А миссис Грю ласково сказала:

— Посмотри хорошенько, дорогая. Это — твой новый сосед.

Комната была разгорожена пополам толстыми стальными прутьями, как клетка в зоопарке, и там, внутри... Нет, это, конечно, был Дундук, вне всякого сомнения, хотя я его узнала далеко не сразу. Вы, наверное, в курсе, что я не считала его приятным с виду... Так я вам скажу: по сравнению с тем красноглазым, жутким маньяком, в какого он превратился теперь, он был раньше просто-таки Аполлоном Бельведерским.

А потом я обнаружила, что лежу на полу, и миссис Грю сует мне под нос нюхательную соль. Да, господа, капитан Подкейн Фриз, прославленная путешественница, шлепнулась в обморок, будто самая распоследняя дурочка. Ладно-ладно, валяйте смейтесь, мне все равно. Вас-то никогда не пихали в комнату к таким страшилищам, говоря, что вот, мол, это твой новый сосед...

Миссис Грю хихикнула.

— Ну? Лучше?

— Вы не поселите меня... с этим?..

— Что? Ну конечно же нет, я пошутила. Я уверена, что твой дядя ни за что не вынудит меня сделать это.

Она задумчиво посмотрела на Дундука, а он все пытался дотянуться до нас, просунув меж прутьев лапу.

— Он получил всего пять миллиграммов, а для наркомана с его стажем это — едва-едва для поднятия настроения. Если я все-таки подселю к нему тебя или твоего братца, то дам минимум пятнадцать. Видишь ли, мне нужно отправить твоего дядю в Венусберг, пока корабль не ушел... Как ты думаешь, что на него подействует вернее? Посадить сюда твоего братца прямо сейчас, чтобы сенатор Фриз смог полюбоваться?.. Он, кстати, все наблюдает и твой обморок тоже видел; ты это отлично проделала, лучше и быть не могло. Или же подождать, и...

— Дядя нас видит?!

— Конечно.

— Дядя Том!!!

— Тише, Подди. Он все видит, но ни слышать тебя, ни помочь тебе не может. Хммм... Кажется, ты совсем дурочка и на мнение твое полагаться не стоит. Встать!

И меня отвели на прежнее место.

Прошло всего несколько часов, но тянулись эти часы, как годы.

И даже нескольких часов хватило, чтобы окончательно истрепать нервы Подди Фриз. Конечно, никто, кроме меня, об этом не узнает и рассказывать никому не надо бы, но я всегда в своем дневнике все рассказывала честно и теперь тоже буду. Так вот, я твердо решила: как только увижу дядю, упрошу его сделать все, что ни попросят, только бы меня не запирали вместе с туземцем, нанюхавшимся звездной пыли.

Гордиться тут, ясное дело, нечем. Сомневаюсь, смогу ли теперь вообще когда-нибудь гордиться собой, и все же дела обстояли именно так, и вы свободно можете во всякое время ткнуть меня в это носом. Я таки встретилась с тем, что сломило меня.

Ну вот, призналась и вроде как полегчало. Даже появилась крошечная надежда, что когда придет время, я не стану ни перед кем хныкать и умолять... А впрочем... Кто его знает...

А потом в комнату впихнули... Кларка!

Я вскочила с кровати, обняла его, подняла на ноги и запричитала:

— Кларки, братишка, что с тобой?! Что с тобой сделали? Ну, скажи же! Ты слышишь меня?

А он мне в самое ухо шепнул:

— Под, кончай слюни распускать.

Стало быть, не так уж ему и плохо. Каким был, таким и остался. Я переспросила, немного понизив голос:

— Ты меня слышишь?

Он еле-еле прошептал:

— Слышу. Но она думает, я оглох. И пусть себе дальше так думает.

Он отодвинулся от меня, быстро слазал в свою сумку, а потом принялся поспешно, но внимательно осматривать каждый уголок, только к двери близко не подходил — чтобы Титания не бросилась.

Потом он подошел ко мне и наклонился к самому моему лицу.

— Подди, ты по губам читать умеешь?

— Нет... А зачем?

— Ну как же не умеешь — вот только что сумела.

Это не было правдой на все сто — Кларк все-таки, хоть еле слышно, да шептал, однако я обнаружила, что действительно могу понимать по губам, как будто вслух говорят. Интересно получается, но Кларк говорит, тут ничего особенного, это, мол, все могут, только не знают, что могут, а вот он заметил, начал тренироваться и уже давно выучился читать по губам, но никому до поры до времени не рассказывал.

Меня он заставлял говорить так тихо, что я сама себя не слышала, а он шептал лишь чуточку громче.

— Слышь, Под, я не знаю точно, подслушивает нас эта старая леди (то есть он-то не «леди» сказал; неважно) Грю или как. Вроде никаких перемен по сравнению с ранешним не видать, зато тут есть минимум четыре места, где может быть спрятан микрофон. Раз так, надо держать язык за зубами — она нас, может, для того вместе и свела, чтобы послушать, о чем будем говорить. Ты, значит, говори вслух все, что хочешь, только — ничего важного. Как, мол, тебе страшно, какой, мол, ужас, что я ничего не слышу, и прочую ерунду в том же духе.

Так мы и сделали. Я стонала, рыдала, причитала над бедным братиком, а он жаловался, что ничего не слышит, и просил написать ему, что я говорю. А в «паузах» мы говорили взаправду, о важных, не предназначенных для ушей миссис Грю вещах.

Мне было очень интересно, как Кларк сумел не оглохнуть. Да был ли он вообще в том баке?

— Ну а как же,— сказал он,— только сил у меня было побольше, чем она думала. У меня в карманах были кой-какие бумажонки, так я их разжевал и залепил уши,— тут на лице его появилась гримаса невыразимой муки.— Двадцатка; надо же... Могу спорить, еще ни у кого не было такой дорогой затычки для ушей! А потом я еще рубахой голову замотал, и на шум уже можно было наплевать. Ладно, фиг с ним, слушай дальше.

Рассказ о том, как он попался, был еще короче.

— Ну, надули меня, надули... Вы с дядей тоже не умнее оказались, и уж всяко — отвечаешь за все ты.

— Ну уж фигушки! — негодующе прошептала я.

— А если ты не отвечаешь, значит, ты — безответственная личность, что гораздо хуже. Логика, логика! Ладно, забыли; есть вещи и поважнее. Под, слышь-ка, надо отсюда делать ноги!

— А как?

Я показала взглядом на Титанию, которая, хоть и нянчила Ариэля, но не спускала с нас глаз.

Кларк понял, что я имею в виду.

— Плевать. Когда будет надо, эту насекомую я возьму на себя. Бежать нужно скоро, и — ночью.

— А почему ночью?

Я и днем-то в здешнем тумане не слишком хорошо ориентируюсь, но днем хоть что-то вокруг видно, а ночью...

— Под, не ковыряй царапину на щеке, а то на всю жизнь шрам останется. Бежать надо, пока Йо-Йо в клетке.

— Кто?

— Ну, этот амбал, что на нее работает. Туземец.

— А, Дундук...

— Дундук, Йо-Йо, Альберт Эйнштейн — нюхач этот. Он приносит ужин, потом моет посуду, а потом она его запирает и дает на ночь порцию пыли. А потом он спит, пока не прочухается; она ж его боится не меньше, чем мы с тобой, когда он под дурью. И вот пока он в клетке, нам стоит попробовать. Может, она тоже будет спать. Ежели повезет, водителя ее леталки тоже не будет, он не каждую ночь ночует здесь. Но на это рассчитывать не надо. И сделать все следует, пока «Трайкорн» не ушел на Луну. Кстати, когда отлет?

— Восьмого, в двенадцать семнадцать по корабельному гринвичскому.

— Значит...

— По местному времени: девять шестнадцать венусбергского, в среду, двадцатого.

— Согласен,— сказал он.— И с тем, и с другим, но...

— Но в чем дело?

— Заткнись.

Он достал из сумки логарифмическую линейку и задвигал ползунком. Я решила, что он переводит одно время в другое, и спросила:

— Хочешь я скажу тебе венерианскую секунду в этом земном году?

Это у меня вышло совсем как у настоящего пилота. Не зря, не зря мистер Кланси тратил на меня время, хоть я и не позволила ему распускать руки...

— Без сопливых знаем.

Поманипулировав линейкой, Кларк объявил:

— Оба времени мы помним одинаково, и пересчет их подтверждает. Сверим часы,— мы взглянули на запястья.— Старрт!

Часы расходились лишь на несколько секунд, но мне было не до того, я смотрела на указатель даты.

— Кларк! Ведь сегодня девятнадцатое!

— А ты что думала, Рождество? — недовольно ответил он.— И нечего так верещать, я тебя без единого звука пойму.

— Но это же — завтра! — сказала я почти беззвучно.

— Хуже того. У нас меньше семнадцати часов, да еще мы шагу ступить не можем, пока эту тварь не посадят под замок. Словом, один-единственный шанс, не больше.

— Но дядя Том не попадет на конференцию...

Кларк пожал плечами.

— Может, и не попадет. Решит ли он лететь или останется и будет разыскивать нас, мне это как-то все равно.

Кларк в этот раз был как никогда разговорчив, но все же я пока ничего не поняла.

— Что значит — останется?

Видимо, Кларк считал, что уже все объяснил или оно мне и так известно, но в обоих случаях ошибался.

— Дяди здесь больше нет...

Я вдруг почувствовала себя совсем одинокой и заброшенной.

— А ты уверен?

— И еще как. Она позаботилась, чтобы я видел его отъезд. Йо-Йо погрузил дядю в машину, как мешок с мукой, машина взлетела и пропала в тумане. Сейчас дядя уже в Венусберге.

Мне стало полегче.

— Значит, он нас спасет!

— Подди,— Кларк с досадой поморщился,— не будь ты такой идеально круглой дурой!

— Но ведь нас спасут? Дядя Том, господин председатель... И Декстер...

— Подди,— перебил Кларк,— кончай ты, ради господа бога! Подумай головой. Вот ты — дядя Том. Добралась до Венусберга, собрала на подмогу всех, кого можно,— а как ты это место собираешься найти?

— А...— я запнулась.— А...

Тут я закрыла рот и больше не открывала.

— Ага,— согласился Кларк,— то-то и оно, что «а...». В жизни тебе этого места не найти. Конечно, если несколько тысяч народу будут искать лет так восемь-десять, то найдут — методом исключения. Много пользы! Заруби хорошенько на своем носике: никто нас не спасет. Никто не сможет нам помочь. Либо мы сегодня ночью сделаем ноги, либо нам конец.

— А почему сегодня ночью? То есть ясное дело, чем быстрее, тем лучше, но что такого, если мы не...

— Тогда,— перебил меня Кларк,— завтра, ровно в девять шестнадцать, мы умрем.

— Как это? Почему?!

— Головой надо думать, Под. Поставь себя на место этой старой хрюкалки. Завтра «Трайкорн» уходит. Тут могут быть два варианта: либо дядя Том улетает на нем, либо не улетает. Ладно; а ты держишь у себя его племянников. Что с ними делать? Поразмысли логически. То есть логически с ее точки зрения.

Я честно попробовала, но меня, наверное, по другой логике воспитали. Не могу я представить себе, что, если мне кто-нибудь мешает, его обязательно нужно убить.

Зато я отлично могла понять, что Кларков прогноз на все сто верен. Завтра корабль уходит, и мы станем для миссис Грю просто досадной помехой. Если дядя Том останется, мы будем помехой более чем досадной. Если улетит — она рассчитывает, что он, беспокоясь за нас, будет делать в Луна-Сити все, что она велела (а ничего подобного дядя Том не сделает). При этом она все время рискует недосмотреть за нами и упустить, после чего мы получим возможность связаться с дядей.

— Хорошо. Просто убийства я себе представить не могу, нет у меня для этого опыта, но ведь, заразись мы, скажем, зеленым сифилисом и умри — миссис Грю это было бы очень кстати, ведь правда?

— Да, понимаю,— сказала я.

— Замечательно. Пока что я тебя, Под, кое-чему научу. Либо мы бежим этой ночью, либо завтра в четверть десятого она нас прикончит, а потом прикончит Йо-Йо и напоследок сожжет этот дом.

— А Дундука-то зачем?

— Из-за него и прикончит, Под. Он — нюхач. А мы — на Венере. А она на наших глазах пичкает его звездной пылью. Свидетели же ей — ну совершенно не нужны.

— Но дядя Том тоже видел, как...

— И что с того? Она считает, что дядя будет молчать до конца конференции, а к этому моменту рассчитывает быть уже на Земле. Пойди найди ее там, среди восьми миллиардов народу! Зачем ей торчать здесь, когда ее каждую минуту могут зацапать? Под,

она будет оставаться здесь, только пока не выяснит, сел дядя Том на корабль или нет. А потом начнет действовать — либо по плану А, либо по плану Б. И оба они нас, живых и здоровых, не предусматривают. Уясни это своей безмозглой башкой.

Меня передернуло.

— Хорошо. Уяснила.

Кларк усмехнулся.

— Но мы ждать не будем. Мы претворим в жизнь наш собственный — то есть мой собственный — план. И сделаем это первыми,— тут он опять принял невыразимо самодовольный вид.— Ты по всем статьям села в лужу и сюда попала, не сделав ничего, о чем я просил. И дядя тоже. Он решил, что всего добьется с помощью денег. Но я!.. Я пришел сюда во всеоружии!

— Ну да? И где же это твое «всеоружие»? Линейка да комиксы?

— Под, ты же знаешь, я в жизни комиксов не читал. Это — для маскировки.

Это правда. Насколько я знаю. А я-то уж думала, что обнаружила-таки его тайный порок...

— Так где же? — спросила я.

— Ты, сестренка дорогая, вооружи душу терпением. Всему свое время,— он задвинул свою сумку под кровать.— Пересядь так, чтобы наблюдать за коридором. Если леди Макбет явится — я читаю комиксы.

Я сделала, как он сказал, но задала еще вопрос, на другую тему. Кларк — он если о чем молчит, ни за что не скажет, как ни упрашивай.

— А ты думаешь, миссис Грю из той же шайки, что хотела взорвать корабль?

Он моргнул и принял свой дежурный дураковатый вид.

— Чего взорвать?

— Ну, за что тебе заплатили? Кто тебе бомбу дал, чтобы на борт пронес? «Чего взорвать»...

— А, ты об этом! Подди, да что ты, ей-богу, всему, прям как дурочка какая, веришь! Будешь на Земле — смотри египетских пирамид не покупай. Они вообще не продаются.

И он продолжал свою работу, а я с трудом проглотила обиду.

Вскоре он сказал:

— Скорее всего, она ни о какой бомбе не знала, иначе не поехала бы сама на «Трайкорне».

Кларк в любой момент может устроить так, чтобы я себя почувствовала тупее пенька. Все было так очевидно, но слов у меня не нашлось.

— Тогда — что ты обо всем этом думаешь?

— Возможно, ее тоже наняли как запасной вариант, она, может, и сама об этом не знала.

Мой разум, переварив информацию, выдал еще кое-что.

— В таком случае должен быть еще вариант — чтобы между Венерой и Луной...

— Возможно. То есть дядей интересуется тьма народу. Я лично считаю, тут действуют две группы. Одна — я почти уверен, что с Марса,— вообще не желает, чтобы дядя присутствовал на конференции. Другая — наверно, с Земли (по крайней мере, старая хрюкалка с Земли) — хочет, чтобы он был там, но держал их руку. Иначе она, заманив дядю сюда, ни за что бы его не отпустила. Просто приказала бы Йо-Йо сунуть его в трясину вниз головой и держать, пока пузыри пускать не перестанет,— в это время Кларк напряженно вглядывался во что-то, извлеченное из сумки.— Под, повторяй за мной, только тихо. Ты ровно в двадцати трех кэмэ от Южных Ворот, почти прямо на юг от них — всего семь градусов к западу.

Я повторила и запомнила.

— А откуда ты знаешь?

Он подал мне маленький черный приборчик, размером примерно в две сигаретных пачки.

— Инерционный курсограф, армейская модель. Здесь они на каждом углу продаются, и в джунглях никто без такой штуки шагу не ступит.

Я осмотрела приборчик с интересом — никогда еще не видела таких маленьких. Наши песчаные крысы пользуются похожими, но те больше, точнее и установлены на пескоходах. К тому же с Марса всегда Солнце или звезды увидишь — не то что в здешних болотищах. Я даже более или менее знала, как эта штука работает, потому что инерциальная астрогация — обычное дело на космических кораблях и самонаводящихся ракетах. Векторное интегрирование ускорения по времени. Но если инерциальный

курсограф «Трайкорна» давал точность до одной миллионной, от этого больше одной тысячной ждать не приходится.

И тем не менее он повышает наши шансы в тысячу раз!

— Кларк! А у дяди Тома такой был? Ведь если он...

Кларк покачал головой.

— Если бы и был, он не смог бы считать показания. Ему, наверное, сразу дали нюхнуть газу — когда его выводили из леталки, он еле ноги волочил. А у меня ни разу не было случая сказать ему, где находится эта помойка,— я сам на свой прибор только сейчас смог посмотреть. Положи его в сумочку — пригодится тебе по дороге в город.

— А... Но он же для сумочки велик — торчать будет... Лучше спрячь обратно; не бойся, я не потеряюсь. Хочешь — даже все время буду держать тебя за руку.

— Нет.

— Но почему?

— Во-первых, я не собираюсь тащить назад сумку, в которой его прятал; у меня там двойное дно... Во-вторых, назад мы пойдем не вместе.

— Что?! Но почему? Кларк, так нельзя! Я же за тебя отвечаю!

— Это — как посмотреть. Видишь ли, Подди, я вытащу тебя отсюда — только ты, пожалуйста, голову свою в ход не пускай, все равно она у тебя пустая. Пользуйся только памятью. Слушай, что говорю, а потом делай, как сказано,— и все будет тип-топ.

— Но...

— У тебя есть свой план, как нам отсюда выбраться?

— Нет...

— Тогда — заткнись. Если станешь разыгрывать роль Большой и Умной Старшей Сестрицы, добьешься только того, что нас коknут тут обоих.

И я заткнулась. Надо признать, его план действительно был разумен. По его словам, в доме, кроме нас, миссис Грю, Титании с Ариэлем да Дундука, не было никого. Ну, иногда еще шофер приезжал. Я лично никаких следов чьего-то еще присутствия не замечала. Наверное, миссис Грю не хочет лишних свидетелей. Я бы тоже не хотела, если бы, избави бог, такие ужасы замышляла.

Шофера ни я, ни Кларк в лицо не знали — наверное, это специально было так подстроено. Но Кларк говорит, он иногда оста-

ется здесь ночевать, а значит, нужно быть готовыми вывести из строя и его.

Ладно; допустим, мы их одолеем. Выберемся из дома, разойдемся — я на восток, он на запад. Пробежим по паре километров по прямой, насколько позволят болота и заросли (они, скорее всего, позволят немного).

Затем — сворачиваем на север. Кларк говорит, трасса, кольцом окружающая город, будет километрах в трех к северу; он мне набросал по памяти карту, которую запомнил, отправляясь «спасать Герди».

По кольцевой я иду направо, он — налево, и каждый ловит первую попавшуюся машину или звонит с первого попавшегося ранчо дяде Тому или господину председателю и вызывает помощь.

Разделение — простейший тактический прием. В результате хоть один из нас да прорвется и вызовет помощь. Сама миссис Грю со своими телесами не угонится за нами — тем более, по болотам — вот почему важно бежать, пока она, опасаясь за собственную жизнь, не осмелится выпустить из клетки Дундука. Если за нами и будет погоня, это будет, скорее всего, шофер, а один он гнаться в две стороны разом не сможет. Возможно, миссис Грю вызовет на подмогу других окрестных туземцев, но все равно разделение удваивает наши шансы.

Так вот. Я беру с собой курсограф — Кларк считает, я без него и шагу в джунглях не смогу сделать, даже если дождусь рассвета, и скорее всего он прав. При этом он заявил, что отлично выйдет к дороге, только глянет на часы, послюнит палец, чтобы посмотреть, откуда ветер, да еще наденет очки-поляроиды (которые, кстати, хотите верьте, хотите нет, у него с собой были).

Да, зря я издевалась над его комиксами. Он взаправду подготовился здорово — почти все предусмотрел. Не дай они ему порцию газа еще в багажнике машины, он бы им такое устроил!.. Огнемет в сумке, пистолет «ремингтон» где-то под одеждой, ножи, парабомбы и даже второй курсограф, открыто лежавший в сумке вместе с комиксами, шортами и логарифмической линейкой!

Я спросила, зачем, а он опять, в лучших своих традициях, надулся от важности, как индюк.

— Если бы все пошло наперекосяк, и меня бы схватили, они бы сразу сообразили, что я скорее всего курсограф с собой захватил.

И он у меня для них был — вроде как я такой уж хлипоножка несмышленый, что даже включить его забыл, когда отправился в путь. Старая хрюкалка надо мной от души похихикала,— он фыркнул.— Решила, что я совсем дурачок, а я не стал ее разубеждать.

Словом, с его сумкой поступили, как с моей: вынули все колющее-режущее, а остальное трогать не стали.

А ведь большая часть этого остального лежала под фальшивым дном, сделанным так аккуратно, что даже фирма-изготовитель вряд ли заметила бы подделку.

Вот только вес... Я спросила Кларка об этом, а он пожал плечами:

— Рассчитанный риск. Если не рисковать, никогда не выиграешь. Йо-Йо принес сюда сумку, даже не раскрывая, она копалась в ней прямо здесь, сама не поднимала, а потом уже у нее обе руки были заняты игрушками, конфискация которых меня нисколько не огорчила.

А если бы она все же приподняла сумку и заметила?.. Что ж, у братишки остались бы руки и ноги — и, главное, мозги. А имея все это под рукой, он и из швейной машинки гаубицу соберет, будьте уверены. Да, послан он мне, видать, за прегрешения мои, зато положиться на него можно в любой ситуации!

Теперь надо бы поспать или хоть отдохнуть немного. Дундук только что приносил ужин, и сделать предстоит слишком много. Но сначала, наверное, надо перемотать эту пленку и скопировать; у меня есть в сумочке еще одна чистая. Копию дам Кларку — пусть передаст дяде в случае чего. То есть в случае, если Подди сгинет где-нибудь в болоте. Нет, я не боюсь болот — все лучше, чем иметь Дундука в соседях по комнате. И вообще бояться нечего — Кларк контролирует ситуацию.

Но насчет одного он меня строго-настрого предупредил:

— Скажешь, чтобы постарались успеть до девяти шестнадцати. Иначе лучше пусть вообще сюда не ездят.

— А почему?

— Сделай, как сказано.

— Кларк, ты же отлично знаешь: два взрослых человека ни за что меня не послушают, если я не объясню все, как следует.

Он моргнул.

— Ну ладно. Причина есть, и весьма серьезная. Бомба на полкилотонны — не из больших, но все же, когда взорвется, быть

поблизости для здоровья не полезно. И она-таки взорвется, если ее не успеют обезвредить.

Бомба у него есть, я сама видела. Лежит себе уютненько под фальшивым дном в сумке. Те самые три кило сверхнормативной массы, которые я заметила на Деймосе. Кларк показал мне часовой механизм и заряды взрывчатки, которые сожмут ядерный заряд.

Но как ее разряжать, не показал. Тут я опять наткнулась на непрошибаемое упрямство и «глухоту». Он рассчитывает освободиться, вернуться сюда с кучей народу, да так, чтобы времени на обезвреживание бомбы хватило за глаза. И все тут. Также он на все сто уверен: миссис Грю намерена нас убить. Если что-нибудь выйдет не так, и мы не сможем убежать,— или умрем, убегая... Словом, в случае чего этой карге старой тоже не жить.

А я сказала, что он неправ: нельзя подменять собой закон.

— Что значит «закон»? — спросил он в ответ.— Нет тут никаких законов, и ты, Под, рассуждаешь нелогично. Если правильны действия группы лиц, то те же действия, совершенные отдельным членом группы, тоже правильны.

Я не нашлась, что ответить, и просто начала его уговаривать, но Кларк только разозлился.

— Тебе что, в клетку к Йо-Йо захотелось?!

— Ну... нет...

— Вот и заткнись. Видишь ли, Под, все это я спланировал, сидя в том баке, когда она приказала стучать, пока я не оглохну. А я, несмотря на то что со мной делали, не спятил, потому что все время думал, как разнесу ее в клочья.

Я на минуту усомнилась, вправду ли он сохранил здравость ума, но сомнений своих не стала высказывать вслух. В конце концов, у меня нет полной уверенности, что он неправ; может, просто я не выношу таких кровавых дел... Все, что нравственно для группы, нравственно и для отдельного ее члена... Где-то тут должен быть подвох; меня всегда учили, что нельзя подменять собой закон. Однако найти подвоха я не смогла — звучит-то вроде самоочевидно, как аксиома... А если «от противного»? Если член группы делает что-то плохое, станет ли это плохое хорошим, если его примеру последует вся группа? И правительство в том числе?

Нет, если что плохо — то оно плохо, этого даже всеобщим голосованием не изменить.

И вообще, попробуй тут усни, когда у тебя атомная бомба под кроватью!

Заключение

Думаю, этот дневник нужно закончить мне.

Сестренка заснула сразу же, как только я вдолбил ей, что следует делать. А я улегся на полу, но заснул не сразу. Такой вот я беспокойный, не то что она. Я еще раз перепроверил свой план, чтобы уж все было как следует, и только потом заснул.

У меня, если хотите знать, как будто будильник внутри встроен, и проснулся я точно, как хотел — за час до рассвета. Чуть опоздай — и слишком велика вероятность, что Йо-Йо уже на свободе. Чуть раньше — слишком долго пришлось бы болтаться по джунглям в темноте. В венерианских джунглях и днем-то опасно; не хотелось мне, чтобы Подди ступила в трясину или на что-нибудь такое, что может вдруг извернуться под ногой и отхватить ее напрочь. И самому, конечно, тоже не хотелось на такие штуки попадаться.

Но тут уж пришлось выбирать: рисковать, идя по джунглям, или позволить старой хрюкалке делать с нами, что пожелает. Первый вариант дает нам шанс, а второй для нас — верная смерть, хоть мне и трудов стоило убедить Подди, что старуха нас во всяком случае собирается убить. Главная слабость Подди — настоящий заскок, в остальном-то она совсем не глупая — она совсем не может понять, что некоторые действительно так плохи, как выглядят. Зла она никогда не понимала; ее самые смелые фантазии дальше мелкой вредности не заходят.

Но я-то отлично знаю, что такое зло, и вполне могу поставить себя на место таких, как миссис Грю, чтобы понять ход их размышлений.

Может, вы отсюда выведете, что я сам — злодей какой, хотя бы чуточку. Ладно, ну и что тогда? Каков я ни будь, я-то сразу, еще на «Трайкорне», понял, что за прелесть эта миссис Грю, хотя Подди — и даже Герди! — надышаться на эту гадюку не могли.

Не верю я тем, кто смеется безо всякой причины. Или всегда такие добренькие, что бы вокруг ни творилось. Если у человека со-

всем нет недостатков, он, скорее всего, их умело скрывает. Начал я за ней наблюдать и выяснил: не только в солитере она жульничает.

Так что если нам с сестренкой можно было выбрать между джунглями и миссис Грю, джунгли выходили куда как приятнее.

Правда, был еще один вариант — если аэрокар здесь и мы сможем его угнать. Хотя черт его знает, что лучше,— тогда было бы два противника, причем вооруженных, в отличие от нас. Бомбу я за оружие не считаю — ее же в лоб не наставишь...

Прежде чем разбудить Подди, я разобрался с этой летучей квазиобезьяной, то бишь «феей». Вот скотина вреднющая! Пистолета у меня не было, и не надо, они понимают, что такое пистолет, и сразу на тебя пикируют, так что попасть трудно.

Зато в запасных башмаках у меня имелись распорки, и запасную одежду стягивали резинки, и в карманах тоже несколько резинок, да еще несколько стальных шариков от подшипника, по два сантиметра в диаметре.

Поворачиваем два «барашка», и из распорки получается стальная рогатулька. Добавляем резинки и получаем качественную рогатку. И нечего хихикать; многие песчаные крысы только рогатками и кормятся. Во-первых, бесшумно, а во-вторых, боезапас всегда можно собрать для повторного использования.

Я прицелился, взяв раза в три выше, чем сделал бы дома (здесь сила тяжести больше), и попал ей прямо в грудь. Она со своего насеста — кувырк! А я ей голову раздавил каблуком и еще провернулся на пятке — чтоб знала, пакость, как мою сестренку кусать. Малыш ее поднял вой; я засунул труп в угол, с глаз долой, а детеныша положил сверху, он и заткнулся. Подди только потом разбудил, потому что знал, как она насчет этих эльфов слюни распускает. Ни к чему мне были ее визги — а то еще, чего доброго, за руки хватать бы начала. А так — быстро, четко и тихо.

Подди все еще храпела; я снял башмаки и быстренько провел рекогносцировку.

Худо дело — ведьмища уже встала и помело свое на свет божий выволокла; сейчас Йо-Йо пойдет выпускать, если уже не выпустила. Стоит ли возле дома аэрокар, я не засек — поймать могли. Я поспешил назад и разбудил Подди, шепнув:

— Подди! Спишь?

— Нет.

— Совсем? Тебе придется работать прямо сейчас. Давай — как следует и погромче.

— Есть.

— Подсади меня на насест. Рука твоя выдержит?

Она кивнула, быстро соскользнула с кровати и встала у двери, подставив руки. Я уперся в ее ладони, подпрыгнул, встал ей на плечи, зафиксировался, она ухватила меня за голени, подняла — и я уже над дверью, на насесте эльфессы. Махнул Подди:

— Давай.

Она выскочила за дверь и завопила:

— Миссис Грю! Миссис Грю!!! Помогите!!! Братишка...

У нее здорово вышло.

Подди тут же вбежала назад, а за ней — пыхтящая миссис Грю.

Я спрыгнул на хрюкалкины плечи, сбил ее с ног и выбил пистолет из ее руки, а потом голову ей повернул и сломал шею — она даже дух перевести не успела.

Подди, надо отдать ей должное, была на высоте. Пистолет еще катился по полу, а она уже поймала его и теперь держала в руках, озадаченно разглядывая.

Я осторожно забрал у нее пистолет.

— Хватай сумочку, уходим! Держись сразу за мной.

Йо-Йо был уже на свободе, слишком уж я поздно начал операцию. Он вошел в гостиную — наверное, на шум,— я его и пристрелил.

Я огляделся в поисках аэрокара, не забывая, что может появиться шофер, и держа пистолет наготове. Аэрокара и следа не было; черт его знает, радоваться этому или наоборот. Шофера я уже настроился застрелить, но он же и первым мог успеть... Зато машина ввиду перспектив топать по джунглям была бы очень кстати.

Тут я чуть было не изменил свой план. Наверное, все же надо было изменить. В смысле, держаться вместе и идти прямо на север, к кольцевой.

Дело решил пистолет. С ним Подди могла бы защитить себя. А я мог просто смотреть как следует под ноги. Я отдал ей пистолет и велел идти осторожно, не торопясь, пока не рассветет окончательно — только обязательно, мол, иди, не стой.

Она повертела пистолет в руках.

— Но, братишка, я же никогда в жизни ни в кого не стреляла...

— Сможешь, если нужно будет.

— Да, пожалуй.

— А что тут такого? Просто направь куда надо и жми. Лучше держи обеими руками. И не стреляй без крайней нужды.

— Хорошо.

Я дал ей легкого шлепка.

— Давай. До встречи.

И сам отправился в путь. Один раз оглянулся, но она уже скрылась в тумане, а я отошел немного от дома на всякий случай и сконцентрировался на западном направлении.

И заблудился. Так вот — раз, и все. Да, курсограф мне был нужен, но я думал, и без него справлюсь, а Под, мол, нужнее. И вот теперь безнадежно запутался. Ветер был «слабый, до неуловимого», а разглядеть Солнце с помощью поляроидов на Венере куда сложнее, чем может показаться. Прошло несколько часов, а я, вместо того чтобы быть уже на кольцевой, все еще болтался по болотам, обходя «окна» и изо всех сил стараясь не попасться кому-нибудь на обед.

И тут вспыхнул невообразимо яркий свет. Я упал ничком, закрыл глаза руками и начал отсчет.

Я совсем не пострадал. Взрывная волна окатила меня грязью, грохот был жутко неприятный, но — ничего страшного. Примерно через полчаса меня подобрала полицейская машина.

Да, надо было разрядить бомбу. Я и хотел, если все пройдет как надо, она нужна-то была только для фокуса типа «Самсон во храме», как последнее средство, если ничего не выйдет.

А вдруг я бы разрядил бомбу сразу, как только свернул шею старой хрюкалке, и тут бы нас Йо-Йо накрыл — пыль-то на него еще действовала... В общем, тогда я бомбу не разрядил, а потом был слишком занят — объяснял Подди, что делать с пистолетом, думал, как быть дальше, в дорогу сестренку отправлял... О бомбе вспомнил, только отойдя от дома на несколько сот метров — и возвращаться, конечно, не хотелось. К тому же вряд ли я бы нашел дом в этом тумане...

Но Подди, судя по всему, именно это и сделала. Я имею в виду — вернулась в дом. Ее подобрали в тот же день, попозже, в километре от дома и, значит, за пределами радиуса полного уничтожения, но зацепило ее прилично.

А на руках она держала того самого эльфеныша, живого и здорового; ее тело его защитило... Похоже, он вообще не пострадал.

Вот почему я думаю, что она возвращалась в дом, хотя не знаю точно, тот ли это самый эльфеныш, которого она звала Ариэлем. Может, она другого в джунглях подобрала? Нет, вряд ли. Дикий бы ее всю исцарапал, а уж родители его — вообще бы на клочки разорвали.

Наверное, она с самого начала решила этого эльфеныша спасти, только мне не сказала... У нее иногда бывают жалостливые выверты. Она знала, что взрослую эльфессу мне придется убить, но ни слова не сказала. Да, когда надо, в женщинах таки пробуждается здравый смысл.

Потом она, за всякими треволнениями, забыла о нем, как я о бомбе, а, вспомнив, вернулась за ним.

Зато курсограф — потеряла. По крайней мере, ни в сумочке, ни на ней, ни поблизости его не нашли. Со всем этим большим хозяйством на руках — и пистолет, и сумочка, и эльфеныш, и курсограф — наверное, она его где-нибудь в болото уронила. Да, по всему выходит так. У нее было полно времени, чтобы вернуться, а потом отойти от дома хоть на десять километров. Значит, курсограф она потеряла довольно быстро, а потом бродила по кругу.

Я все рассказал дяде Тому и уже готовился рассказать мистеру Кунхе и служащим Корпорации и так далее, и получить, что полагается, но дядя велел молчать. Он согласился, что я совершил серьезный проступок, но и он сам, и все прочие тоже здорово напортачили. Вообще, он со мной был ужасно добрый. Уж лучше бы ударил.

Мне здорово жалко, что с Поддди вышло так. Она мне немало попортила крови своими замашками «старшей» и дурацкими идейками, но мне все равно ее жаль.

Хотел бы я научиться плакать...

Ее диктофончик лежал в сумочке, и даже часть записи сохранилась. Хотя смысла там немного. Она не рассказывает так, как все вышло, а только бормочет, и поначалу вроде как эпиграф к роману «Прощай, оружие» Хэмингуэя:

— ...куда я иду, очень темно. Человек — не остров, что сам в себе совершенен; ты, Кларки, об этом не забывай. Извини, я все испортила, только запомни, это очень важно. Любой время от

времени нуждается в том, чтобы его приласкали. Плечо... Святой Подкейн! Святой Подкейн, слышишь ли ты меня?! Дядя Том, мама, папочка, кто-нибудь, слышите? Послушайте, пожалуйста, это очень важно. Я люблю...

Здесь запись оборвалась. Так мы и не знаем, кого она любит.

Всех, наверное...

Я здесь теперь один. Мистер Кунха задержал «Трайкорн», пока не выяснится, умрет Подди или нет, а потом дядя улетел, оставив меня одного — если не считать докторов, нянечек, Декстера Кунхи, который почти все время тут торчит, да целого взвода охраны. Без сопровождения и нос из номера не высунешь. А в казино вообще нельзя, да и не тянет как-то.

Я кое-что подслушал, когда дядя разговаривал по телефону с папочкой. Не все: разговор шел с двадцатиминутными паузами и получался очень отрывочным. Что говорил папочка, я совсем не слышал; только дядин монолог:

— Чепуха, сэр! Я не пытаюсь уйти от ответственности, она будет лежать на мне всегда! Однако ждать вашего прибытия я не могу — вы отлично знаете, почему. А детям будет безопаснее под присмотром мистера Кунхи и подальше от меня. Это вам тоже хорошо известно. Но у меня, сэр, есть личное сообщение, специально для вас, и вашей супруге тоже неплохо бы быть в курсе. Людям, не желающим беспокоиться о воспитании детей, не стоит таковых иметь! Вы все время сидите, уткнувшись носом в книжку: ваша супруга вообще болтается постоянно бог знает где, и из-за вас ваша дочь едва не погибла. И в том, что все же не погибла, заслуга ее самой! Вам просто повезло. Скажите своей супруге, сэр: строительство мостов, космических станций и прочего в том же духе — дело хорошее... Но у женщины есть дела поважнее. Много лет назад я хотел сказать вам это... а мне было указано, что не мое, мол, это собачье дело. И вот я говорю об этом теперь. С Подди все будет хорошо, только вот ваших заслуг здесь, можно сказать, нет. Но по поводу Кларка у меня имеются сомнения. Его случай может оказаться слишком запущенным. Если не будете мешкать, господь бог, возможно, предоставит вам еще один шанс. Всех благ. Конец связи.

Я тут же растворился в деревянной панели, и он меня не заметил. Но что же дядя имел в виду, когда пугал папочку на мой счет?

Он же прекрасно знает, я даже не оцарапался нигде... Просто грязи на меня взрывной волной навалило, а так — даже не обожгло. А вот Подди до сих пор не лучше трупа с виду: вся в проводах да трубках, точно младенец ясельный...

И куда это он клонит?

Я пока что ухаживаю за тем эльфенком. Подди, наверное, приятно будет его видеть, когда она выправится настолько, что снова станет интересоваться тем, что происходит вокруг; она всегда была добренькой. Эльфенок, кстати сказать, много внимания требует — когда он заскучает, обязательно его на руки надо взять, не то — аж заходится от крика.

Приходится даже ночью к нему вставать. Он, наверное, думает, я его мама... Ладно, чего там. Все равно — делать-то мне нечего.

А он меня, похоже, полюбил...

КОММЕНТАРИИ

С. 9. Фэйт, Хоуп и Чарити — faith, hope, charity, то есть «вера», «надежда» и «милосердие», три христианские добродетели, описанные св. Павлом.

С. 10. Томас Пэйн (1737–1809) — видный участник борьбы американских колоний за независимость от Британии, активный участник Великой Французской революции, публицист.

Патрик Генри (1736–1799) — юрист, политический деятель и оратор, один из видных борцов за независимость колоний. Первый губернатор штата Вирджиния. Отказался участвовать в Конституционном конвенте, но горячо защищал Билль о правах. Избран в Национальную галерею славы. Наиболее известен речью в защиту независимости: «Что же до меня, то дайте мне свободу или дайте мне смерть».

Микеланджело ди Лодовико Буонарроти Симони (1475–1564) — скульптор, художник, архитектор и поэт итальянского Возрождения. Автор фресок Сикстинской капеллы, скульптур Давида, Пьеты и других значительных произведений.

С. 12. Дамон и Финтия — персонажи «Жизни Пифагора» за авторством Порфирия, греческие философы, неразлучные друзья, жившие в IV в. до н.э. во времена сиракузского тирана Дионисия II. Дружба их была столь сильна, что один не раздумывая вызвался умереть за второго, приговоренного к смерти. Узнав об этом, тиран помиловал обоих.

С. 15. Ящик из-под мыла — некогда такие ящики служили уличным ораторам импровизированной трибуной, поэтому этим выражением начали обозначать переносную трибуну.

Ромул и Рэм — вскормленные волчицей братья, которые, согласно легенде, переданной Титом Ливием, в 753 г. до н.э. основали город Рим.

С. 16. «Хлеб пущенный по водам» — цитата из книги Екклезиаста (гл.11, ст.1): «Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней вновь найдешь его».

С. 22. Декстрокардия — аномальное смещенное вправо положение сердца в грудной клетке.

Райновские карты — тестовые карты Райна, известные также как карты Зенера, колода из тридцати шести карт, на которых изображены круги, кресты, треугольники, волнистые линии и тому подобное. Применялись при опытах по передаче мыслей на расстоянии.

С. 29. Lebensraum — «жизненное пространство» *(нем.)*, один из терминов немецкой геополитики.

С. 32. «Комедия ошибок» — написанная в 1592 году пьеса В. Шекспира о братьях-близнецах и путанице вокруг них.

С. 37. Проксима Центавра — α созвездия Центавра, ближайшая к Солнцу звезда. Что произошло со стартовавшим к нему кораблем «Авангард», описано в романе Р.Э. Хайнлайна «Пасынки Вселенной».

С. 41. Опыт Майкельсона–Морли — опыт 1887 года американских физиков Альберта Абрахама Майкельсона (1852–1931) и Э.У. Морли по обнаружению так называемого «эфирного ветра», то есть движения Земли относительно неподвижного эфира. Опыт показал отсутствие зависимости скорости света от направления и способствовал признанию теории относительности.

С. 47. «Льюис и Кларк» — звездолет назван в честь Мэриуэзера Льюиса (1774–1809) и Уильяма Кларка (1770–1838), американских исследователей-первопроходцев, совершивших в 1804–1806 годах экспедиции в глубь североамериканского континента, переваливших Скалистые горы и добравшихся до побережья Тихого океана.

С. 49. «Марш гладиаторов» — музыка из саундтрека к мультфильму Уолта Диснея «Дамбо».

С. 51. Сарсапарель — корень произрастающего в Америке тропического растения, с добавлением экстракта которого приготовляют прохладительный безалкогольный напиток.

Шенди — коктейль из пива и лимонада.

С. 52. Церера — астероид, первая из открытых малых планет, самая большая и массивная из них. Размеры составляют по разным оценкам от 930 до 970 км, радиус орбиты при вращении вокруг Солнца — 415 млн км; период обращения вокруг собственной оси — 9 часов, а вокруг Солнца — 4,6 лет.

С. 53. ...царь Соломон предложил поделить ребенка...— история из Книги Царств (гл. 3, ст. 16–28); две женщины спорили, кому принадлежит ребенок. Соломон велел принести меч и рассечь дитя на две половины, чтобы каждой досталось поровну. Истинная мать отказалась от сына, лишь бы он остался жив.

С. 55. Притча о потерянной овце — евангельская притча, которую Иисус рассказывает своим ученикам в Капернауме: «...кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девять в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее?»

С. 60. «Колено горничной» — воспаление сумки наколенника (*мед.*).

С. 70. Васко да Гама, граф де Видигуэра (1460–1524) — португальский мореплаватель, на пути в Индию открыл морской путь из Европы в Азию вокруг южной оконечности Африки.

С. 75. Гудзон — Генри Хадсон, знаменитый английский мореплаватель начала XVII века, именем которого назван Гудзонов залив, река Гудзон и т.д.

С. 77. Ричард Е. Бэрд — известный полярный исследователь, адмирал (1887–1957).

С. 85. Саргон II — царь Ассирии в 722–705 гг. до н.э., в первый год своего царствования разгромил Израильское царство, а в 714 г. нанес поражение Урарту.

Сократ — (ок. 470–99 гг. до н.э.) — древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики как метода отыскания истины путем постановки наводящих вопросов.

С. 97. ...Гринвичское время, принятое по радио...— в наше время морские корабли для удобства придерживаются времени по Гринвичу, то есть на борту установлено время часового пояса, который соответствует меридиану города Гринвича. Хайнлайн переносит эту традицию в космос. Корректировка происходит по радио или, как в случае корабля «Льюис и Кларк»,— по «специальной связи».

С. 99. τ Кита — желтый карлик в созвездии Кита на расстоянии 11,9 световых лет от Земли.

С. 104. Стигматы — кровоточащие раны, возникающие порой в результате определенных психологических потрясений, религиозного экстаза, и в таком случае они соответствуют по расположению ранам на теле Христа.

С. 106. Марко Поло (1254–1324) — венецианский купец и путешественник, прожил 17 лет в Китае во время своих путешествий по Азии. Его воспоминания о том времени стали классической литературой.

Лейф Эрикссон — считается первым европейцем, добравшимся до берегов Северной Америки.

С. 114. Серендипитиозные результаты — то есть незапланированные; serendipity – счастливая возможность к открытиям, инстинктивная прозорливость.

С. 141. ...знаменитые килкеннийские коты...— из английского стишка в переводе С. Маршака про двух котов из Килкенни, которые так передрались между собой, что от них остались только кончики хвостов.

С. 142. Спектральный тип — звезды различаются по интенсивности линий в их спектрах в зависимости от физических условий (температуры, давления и т.п.). Выделяются классы O и B (голубые звезды), A и F (белые), G (желтые), K (оранжевые) и M (красные).

Правило Тициуса–Боде — эмпирическое правило, которым определяются расстояния от Солнца до планет. Сформулировано немецкими астрономами и математиками Иоганном Даниелем Тициусом (1729–1796) и Иоганном Элертом Боде (1747–1826).

С. 143. β Гидры — желтая звезда примерно в 24 с половиной световых лет от Земли.

...Нептун, а может быть Плутон был открыт именно благодаря расчетам...— имеется в виду Нептун, девятая планета от Солнца и четвертая по размеру среди планет. Математики Джон Адамс и Джеймс Чаллис в 1845 году сделали расчет примерного места расположения планеты, которая влияла на орбиту Урана. В то же время французский астроном Урбан Жозеф Леверье (1811–1877) сделал такой же расчет, настолько точный, что Нептун отыскали в первую же ночь наблюдений.

С. 144. Петр Великий (1672–1725) — Романов Петр Алексеевич, правил с 1682 по 1725 год, в 1721 г. был провозглашен императором.

С. 148. Имеется в виду Диего де Ланда (1524–1579), бывший епископом Юкатана, чьи труды — главный источник сведений о жизни индейцев майя.

С. 163. Когда Буэнос-Айрес был уничтожен... — столица Бразилии была уничтожена во время атаки жуков на Землю, события описаны в романе Р.Э. Хайнлайна «Звездный десант».

С. 166. Каталог Паломара — астрономический каталог, который составляется на основе наблюдений обсерватории на Маунт-Паломар (Калифорния).

С. 168. Элизия — иначе называется Элизиум, Елисейские поля; в греческой мифологии райское место абсолютного счастья, куда уходят благословенные души. Гомер описывает Элизию как дом героев, награжденных богами бессмертием, постепенно она стала местом обитания всех, кто жил праведной жизнью.

Светимость — сила света звезды, обычно выражается в единицах, равных светимости солнца. Классы светимости: сверхгиганты, яркие и слабые гиганты, субгиганты, карлики, субкарлики, белые карлики; различие светимости сверхгигантов и белых карликов — более чем в 10 в восьмой степени раз.

β Кита — Денеб Каитос (Хвост кита) или Дифда (Лягушка), самая яркая звезда в созвездии Кита. Не путать с Денебом в созвездии Лебедь.

...если оценивать ее по светимости... — датским астрономом Эйнаром Герцшпрунгом (1873–1967) и его американским коллегой Генри Норрисом Расселом (1877–1957) была создана диаграмма «спектр-светимость», выражающая связь между светимостью и температурой (иначе спектральным классом, или показателем цвета) звезд. Так называемая главная последовательность представляет собой полосу, пересекающую поле диаграммы из верхнего левого угла в правый нижний; в нее входит большая часть известных звезд. b Кита, о которой идет речь, расположена в верхней части главной последовательности, что означает высокую светимость и ранний спектральный класс.

С. 187. α Феникса — Анкаа, самая яркая звезда в созвездии Феникса, оранжевый гигант менее чем в 80 световых годах от Земли.

С. 205. Капитан Блай — капитан английского брига «Баунти»; его жестокое обращение с командой привело к знаменитому мятежу в 1789 году.

С. 214, 218. Рип ван Винкль — герой одноименной новеллы Вашингтона Ирвинга (1783–1859); однажды уснул в пещере, проснулся ровно через двадцать лет и узнал, что его жена и друзья умерли, дочь выросла и стала матерью, а Америка — независимой страной.

С. 218. Капелла — α Возничего, шестая по яркости звезда на земном небосклоне и самая яркая в созвездии на расстоянии примерно 45 световых лет от Земли. Двойная звезда с красным спутником.

С. 220. « Портрет Дориана Грея» — роман английского писателя Оскара Уайльда, опубликованный в 1891 г. Герой романа сохранял молодость и красоту, тогда как написанный с него в юности портрет менялся, проходя все стадии нравственного разрушения и дряхления.

ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ

С. 242. «Веселая вдова» — оперетта венгерского композитора Франца Легара (1870–1948), либретто — Виктора Леона и Лео Штейна, о молодой и привлекательной женщине, чей старый и состоятельный муж умер через неделю после свадьбы. Одно из самых популярных произведений этого автора, сделавшее его знаменитым на весь мир.

С. 255. Самуэль Реншоу (1892–1981) — исследователь человеческой памяти, восприятия и обучения, пионер использования тахистоскопа (от греч. tachistos — быстрый, скорый и skopeo — смотрю) для улучшения распознавания зрительных образов и памяти. В 1946 г. получил патент на тахистоскопический проектор.

С. 280. Сизу — слово, означающее в финском языке коллективное самоопределение; перевести буквально практически невозможно, но суть в настойчивости, правильных поступках любой ценой, выдержке.

α Центавра — тройная звезда в созвездии Центавра, один из компонентов которой, Проксима, является ближайшей расположенной к Земле звездой, кроме Солнца (4,3 световых года).

С. 379. Кракен — мифическое скандинавское морское чудовище, которое хватает корабли многочисленными щупальцами и утаскивает их на дно.

Деймос — более удаленный от поверхности спутник Марса, небольшой, неправильной формы. Назван в честь сына греческого бога Ареса и богини Афродиты, имя в переводе означает «ужас».

Вега — β Лиры, белая звезда примерно в 26-ти световых годах от Земли, четвертая по яркости на нашем небе и самая яркая звезда северного полушария.

Джозеф Смит (1805–1844) — основатель религиозной секты мормонов, утверждал, что созданная им церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней восстанавливает древние христианские верования. Был растерзан толпой после обвинения в многоженстве.

Геката — греческая богиня колдовства и заклинаний, порой ассоциируемая с подземным миром, иногда смешивается с Артемидой (в Риме — Дианой и Селеной) как богиня Луны. Имя происходит от «та, что исполняет желание», «та, что добивается своего».

С. 384. Цезарь Август — племянник и наследник Гая Юлия Цезаря, первый римский император.

Дюпон де Немур, Элетер Иренэ (1771–1834) — промышленник, родоначальник семейства промышленников и финансистов. Начинал с производства пороха и других взрывчатых веществ, затем начал выпускать промышленные и сельскохозяйственные химикаты, полимеры, топливо, смазки, фармацевтику.

Винер, Норберт (1894–1964) – создатель кибернетики, выпускник Гарварда, в 17 лет стал магистром искусств, в 18 получил докторскую степень по философии по специальности «математическая логика», продолжил учебу в Кембридже и Геттингене, где слушал лекции Б. Рассела, ведущего авторитета в области математической логики, и у Дж Х. Харди, специалиста по теории чисел. Именно Расселл подал ему мысль, что специалисту по философии математики и математической логики полезно знать и саму математику. В Геттингене Винер занимался у немецкого математика Д. Гильберта. С началом войны Винер возвращается в Америку, закончив образование в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Сменил ряд мест работы, был журналистом, собирался завербоваться в армию и, наконец, при содействии математика Ф. В. Осгуда получил работу в Массачусетском технологическом институте. В 1919 году Винера назначили там преподавателем кафедры математики, и с тех пор до конца жизни он оставался сотрудником этого института. Издал ряд книг и больших мемуаров по математике: «Обобщенный гармонический анализ», «Тауберовы теоремы», «Интеграл Фурье и некоторые его применения» и другие. Окончательный толчок к появлению кибернетики дала Вторая мировая война. Механизированная борьба с применением новейших технических средств поставила перед воюющими сторонами необходимость автоматизации. Проблемы автоматического управления и автоматической связи стали актуальны, вычислительная техника быстро развивалась. Наиболее интересными работами Винера в период войны явились: составление в 1942 году секретного отчета для военных, в котором он приблизился к общей статистической теории информации, и появление в 1943 году статьи трех авторов с первым наброском кибернетического метода, хотя этого слова там еще не было. Знаменитая книга «Кибернетика», сделавшая своего автора фигурой общественного значения, писалась Винером в 1947 году в Мексике. В последующие годы Винер вел пропаганду и популяризацию кибернетики, продолжал свои исследования, писал статьи и книги. Норберта Винера особенно интересовало применение кибернетических методов к проблемам физиологии и общей биологии.

С. 394. Гидра — в греческой мифологии многоголовое чудовище, потомок Тифона и Ехидны. Если срубить одну голову гидре, на ее месте вырастает две. Гераклу, в число двенадцати подвигов которого входило очищение местности от монстра, пришлось прижигать обрубки шей факелом, чтобы убить гидру.

С. 413. Бетлехем — город в штате Пенсильвания, известный металлургической корпорацией «Бетлехем стил», созданной в 1904 г. и в основном отливающей сталь для военного производства.

Антарес — α Скорпиона, полуправильная переменная звезда, яркость которой изменяется между звездными величинами 0,9 и 1,1 с пятилетним периодом. Красный сверхгигант, М-звезда имеет голубую звезду-компаньона 6-й звездной величины, удаленную всего на 3 дуговых секунды. Окружен газовой туманностью, находится на расстоянии 500 световых лет от Земли. Название имеет греческое происхождение и означает «конкурент Марса», что напоминает о цвете этой звезды

С. 415. Ультима Туле — в древнеримской литературе Ультимой Туле называли самую северную часть обитаемого мира.

С. 465. Линкольн, Авраам (1861–1865) — шестнадцатый президент США, борец с рабством. Был убит через несколько дней после окончания войны Севера и Юга.

ИМЕЮ СКАФАНДР — ГОТОВ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

С. 503. «Трое в лодке, не считая собаки» — веселая повесть о путешествии на лодке по Темзе трех друзей и их собаки Монморенси, написанная Джеромом Клапка Джеромом (1859–1927) и впервые опубликованная издательством Арроусмита (Англия) в 1889 году.

С. 505. Томас Кук (1808–1892) — основатель туристической компании «Кук и сын», предоставляющей клиентам индивидуальные туры по всему миру.

С. 506. ...за это не дают стипендию в МТИ ...— Массачусетский технологический институт, расположенный на Восточном побережье США, один из известнейших учебно-научных центров мира.

С. 508. ...Ван Бюрен был когда-то президентом...— Мартин Ван Бюрен (1782–1862) — восьмой президент США, в 1837 году предложил создать независимое казначейство, поддерживал южные штаты в вопросе о рабстве, но выступал против его распространения на новые территории.

С. 509. ...для поступления в Станфорд... — Станфорд, частный университет, основан в Калифорнии в 1885 году; одно из престижных и элитарных высших учебных заведений Западного побережья.

С. 516. Или мне называть тебя коммодором? — коммодор, в военно-морских силах Великобритании и США воинское звание, промежуточное между капитаном 1 ранга и контр-адмиралом.

С. 521. ...скафандр, изготовленный фирмой «Гудьер»... — точнее «Гудьер тайр энд раббер», монополия, основанная в 1898 году и являющаяся главным производителем синтетического каучука в США и Великобритании. Названа фирма по имени американского изобретателя Чарлза Гудьера (1800–1860), открывшего процесс вулканизации резины.

С. 528. «Оскар, механический человек» — герой комикса, публиковавшегося в США в начале 40-х годов.

С. 529. Адиабатический процесс — термодинамический процесс, при котором система не нагревается извне и не выделяет тепло, что возможно при наличии термоизолирующей оболочки.

С. 532. ...Ренеселлер и КалТех отклонили мои документы... — то есть политехнический институт Ренеселлера (Троя, штат Нью-Йорк), одно из старейших частных высших учебных заведений США. Основан в 1824 г. С. Ван Ренеселлаером. И калифорнийский технологический институт — одно из самых престижных технических высших учебных заведений США, ведущее свою историю от небольшой школы искусств и ремесел, которую в 1891 г. основал в Пасадене преподобный Эймос Труп. В годы Второй мировой войны КалТех выполнял военную программу по созданию новых видов вооружения. Организованная на этой базе лаборатория реактивного движения создала в 1958 первый американский спутник, а затем по заказу NASA серию космических зондов, в том числе «Маринер», «Викинг» и «Вояджер».

С. 533. ...В пятницу накануне Дня труда... — то есть общенационального праздника в США, отмечаемого в первый понедельник сентября с 1882 года. На следующий день начинаются занятия в школах.

...Это же Командор Комета... — герой популярного в начале пятидесятых комикса за авторством Эдгара Рэя Меррита, мутант, разум которого далеко превзошел мыслимые для обычного человека пределы.

С. 534. Карнеги — технологический институт с четырехгодичным курсом обучения, то есть не дающий полного диплома, а выпускающий с обычной степенью бакалавра. Расположен он в Питтсбурге, штат Пенсильвания; это частное учебное заведение, основанное в 1890 году.

С. 543. Маркиза Помпадур, Жанна-Антуанетта Пуассон (1721–1764) — фаворитка французского короля Людовика XV, обладала огромным влиянием на политику, основала фарфоровый завод в Шевре, была известной покровительницей искусств и литературы, благоволила к писателю и философу Вольтеру.

...Какой еще бритвы? — Оккама... — тезис, сформулированный английским философом-схоластом, логиком, известным церков-

но-политическим писателем, францисканским монахом Вильямом Оккамом (ок. 1285–1349) и гласящий: «Лишние сущности должны быть отсечены», то есть в расчет следует принимать лишь то, что может быть выведено из опыта или интуитивного знания.

Хайденский планетарий — планетарий, построенный на деньги фонда Чарльза Хайдена; один находится в Музее науки в Бостоне, второй в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке.

С. 551. ...воспоминания о радиопостановках про нашествие марсиан... они повергали людей в панику... — эта постановка осуществлена Орсоном Уэллсом, знаменитым американским кинорежиссером 30 октября 1938 года по роману Герберта Уэллса «Война миров»; для убедительности действие было перенесено в Америку конца тридцатых, а инсценировка была сделана в стиле репортажа с места событий. Слушатели приняли все за чистую монету, началась паника, хотя успокаивали их и пресса, и полиция, и даже национальная гвардия.

С. 555. ...действие перемещалось... на дно Мертвого моря Барсума... — Барсумом называется Марс в марсианской эпопее Эдгара Райса Берроуза (1875—1950).

...Победит ли Беовульф Дракона? — главный герой наиболее значительного из сохранившихся памятников древнего англосаксонского эпоса — поэмы «Беовульф», в основе которой лежат сказания, восходящие к I—VI векам н.э.

...Вернется ли Тристан к Изольде? — герои целой серии памятников средневековой западноевропейской литературы. Легенда о них кельтского происхождения. Сюжет — трагическая любовь Изольды, жены корнуэльского короля, к племяннику ее мужа, — впервые был обработан французскими поэтами Берулем и Тома в семидесятых годах XII века. К нему обращались Готфрид Страсбургский, А. Шлегель, В. Скотт, К. Иммерман, Р. Вагнер.

С. 559. ...Это же не фетишизм, даже не первобытный анимизм... — фетишизм — культ неодушевленных предметов (фетишей), наделенных, по представлениям верующих, сверхъестественными

свойствами; был распространен у всех первобытных народов, а пережитки его в различных формах встречаются и по сей день. Анимизм — вера в существование души, в том числе — в одушевление предметов.

С. 564. ...быстрее, чем Морж и Плотник вскрывали устриц... — Морж и Плотник — персонажи из повести английского писателя Льюиса Кэрролла (1832–1898) «Алиса в стране Чудес» (1865).

С. 567. ...в университете Дьюка... — то есть в частном учебном заведении в городе Дарэм, штат Северная Каролина, основанном в 1934 году.

С. 574. ... Элиза, переходящая замерзшую реку — имеется в виду сцена из романа американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896) «Хижина дяди Тома» (1852), когда героиня бежит по льдинам во время ледохода, спасаясь от погони.

С. 578. ...пожалел, что нет логарифмической линейки... — Логарифмическая линейка — аналоговое вычислительное устройство, позволяющее выполнять различные математические действия, в том числе умножение, деление, возведение в степень (чаще всего в квадрат и куб), вычисление логарифмов, тригонометрических функций и другие операции. Принцип действия логарифмической линейки основан на том, что умножение и деление чисел заменяется, соответственно, сложением и вычитанием их логарифмов. Простейшая логарифмическая линейка состоит из двух шкал в логарифмическом масштабе, способных передвигаться относительно друг друга. Более сложные линейки содержат дополнительные шкалы и прозрачный бегунок с несколькими рисками. На обратной стороне линейки могут находиться какие-либо справочные таблицы. Выражение «человек с логарифмической линейкой» равнозначно определению ученого или инженера.

...самим Дэви Крокетом... — Дэвид Крокет (1786–1836) — одна из самых популярных личностей в истории молодой Америки, герой фронтира, родился и вырос в штате Теннесси, во время Крикской войны (1813–1814) был разведчиком. Приобрел славу

незаурядного охотника, участвовал в войне за независимость Техаса, куда уехал, проиграв выборы в Палату представителей в 1835 г. Погиб в крепости Аламо. Стал героем северо-амери- канского фольклора.

С. 585. ...Макдуф, начнем, кто первым крикнет: «Стой!» — тот проклят будет!..— из трагедии Шекспира «Макбет» (акт V, сцена 8), перевод Ю. Корнеева.

Ахиллес и черепаха — по мнению древнегреческого философа Зенона из Элеи (ок. 490–430 до н.э.) бегущий Ахиллес никогда не перегонит черепаху, поскольку пока он делает свой шаг, она тоже успевает сделать свой, а значит, он может лишь догонять ее, бесконечно к ней приближаясь.

С. 595. May-day — радиотелефонный международный сигнал бедствия, его полагается повторять трижды и завершать словом ici (здесь). Иногда этот сигнал буквально переводят с английского как «майский день», иногда возводят к французскому m'aidez (помогите), тем не менее сигнал был выбран ради фонетического удобства.

С. 600. ...Профессор Томбо, в честь которого была названа станция на Луне... открыл Плутон задолго до моего рождения... — Клайд Уильям Томбо (1906–1997) — американский астроном, в 1929 г. включился в многолетнюю программу поиска планеты X за Нептуном, начатую еще в 1905 основателем обсерватории Персивалем Лоуэллом. 18 февраля 1930, сравнивая фотопластинки за 23 и 29 января, на которых была зафиксирована область близ звезды Дельта Близнецов, Томбо заметил смещение слабого звездообразного объекта 14,5 звездной величины. Последующие наблюдения подтвердили, что это новая планета. Официально об открытии девятой планеты Солнечной системы, названной Плутоном, было объявлено 13 марта 1930 г., в день 75-летия Лоуэлла. Сам Лоуэлл не дожил до этого события, но его имя было увековечено в названии планеты, две первые буквы которого соответствуют инициалам известного астронома.

С. 601. ...я скорее отличил бы друг от друга двух бородавочников...— кабан-бородавочник, парнокопытное животное, родственник

свиньи, с длиной тела до полутора метров; обитают в саваннах и редкостойных лесах Африки, к югу от Сахары.

С. 605. ...О.Генри в заключении писал рассказы... — О. Генри (Уильям Сидней Портер, 1862–1910) – американский писатель. В 1894 редактор-издатель юмористического еженедельника, в котором публикует свои первые литературные опыты. Работал кассиром-бухгалтером в банке, был обвинен в растрате, полгода скрывался от суда в Гондурасе; вернувшись, провел в заключении более 3 лет (1898–1901). В тюрьме писал рассказы, некоторые из них были опубликованы в нью-йоркских журналах. Автор сборников рассказов «Четыре миллиона» (1906), «Горящий светильник» (1907), «Сердце Запада» (1907) и др., романа «Короли и капуста» (1904) — фактически цикла связанных общим сюжетом новелл. Произведения О. Генри отличаются изобретательной фабулой, неожиданными развязками, насмешливым юмором. Они образуют сказочно-авантюрную эпопею американской жизни начала XX века.

С. 612. ...читает все от «Анатомии меланхолии»... — «Анатомия меланхолии» — обширный, тщательно систематизированный обзор сведений о меланхолии, почерпнутых из всех доступных источников, как древних, так и новых, за авторством английского священника Роберта Бертона (1577–1640), прозванного современниками «Демокритом-младшим».

С. 619. ...когда мы искали карнотит... — карнотит — радиактивный минерал, названный в честь французского горного инженера М. А. Карно, образуется при выветривании урановых и ванадиевых месторождений.

С. 631. ...Что-то, связанное со слоем Хевисайда? — Хевисайд, Оливер (1850–1925), английский физик, автор работ по электродинамике и электротехнике, первым указал на существование в верхних слоях атмосферы ионизированного слоя, который и получил название слоя Хевисайда (иногда его именуют слоем Хевисайда-Кеннели). Именно существованию этого слоя обязана своей эффективностью радиосвязь на коротких волнах.

С. 648. ...Прямо «Пропавшее письмо»... — «Пропавшее письмо» — рассказ классика американской литературы Эдгара Алана По (1809—1849), впервые опубликованный в 1845 году и неоднократно переводившийся на русский язык.

С. 655. ...Вега расположена очень высоко на диаграмме Герцшпрунга—Рассела... — Вега — β Лиры, белая звезда примерно в 26-ти световых годах от Земли, четвертая по яркости на нашем небе и самая яркая звезда северного полушария.

Диаграмма Герцшпрунга—Рассела — диаграмма «спектр-светимость», выражающая связь между светимостью и температурой (иначе спектральным классом, или показателем цвета) звезд, созданная астрономами Эйнаром Герцшпрунгом (1873–1967) и Генри Норрисом Расселом (1877–1957).

С. 658. ...Получалось что-то вроде «первичного атома», которым некоторые космогонисты объясняли расширение вселенной... — первичный атом — разработкой гипотезы первичного атома первым всерьез занялся астроном Жорж Эдуард Леметр (1894–1966). В 1927 году он высказал предположение, что в момент рождения Вселенной (нуль-пункт времени) вещество и энергия были спрессованы в единую гигантскую массу, которую Леметр назвал космическим яйцом, позаимствовав такое название из древних космогоний. Яйцо это было неустойчиво, произошел катастрофический взрыв. Астрофизик Джордж Гамов (1904–1967), поклонник и пропагандист леметровской модели Вселенной, назвал ее теорией Большого взрыва.

С. 659. ... Я говорил Орвиллу, я говорил Уилбуру, а теперь я говорю тебе: эта штука никогда не сможет взлететь... — то есть братьям Райт, Орвиллу (1871–1948) и Уилбуру (1867–1912), построившим первый в мире самолет, который 17 декабря 1903 года, несмотря на убеждение многих в неспособности его летать, взлетел и продержался в воздухе 59 секунд.

С. 662. ...в атомные лаборатории Брукхейвен... — Брукхейвенская Национальная лаборатория Управления энергетических

исследований и разработок США; основана в 1947 г. на острове Лонг-Айленд в штате Нью-Йорк. Там осуществляются исследования по ядерной энергетике, радиационной медицине и пр.

С. 663. ...Ее звали «Дуче»...— ее звали Элеонора Дузе (1858–1924); итальянская актриса, играла в пьесах Александра Дюма-сына, Габриэля д'Аннунцио, Мориса Метерлинка и других выдающихся драматургов, пользовалась невероятным успехом и еще при жизни стала легендой. Гастролировала по всему миру, в том числе и в России.

С. 664. ...что звучит «Петя и волк» или опера Вагнера — «Петя и волк» — симфоническая сказка композитора, пианиста и дирижера Сергея Прокофьева (1891–1953), впервые исполненная в 1929 году.

С. 666. ... или ключика Фи-Бета-Каппа... — знак самых престижных студенческих братств, попасть в которое — мечта любого американского студента.

С. 668. ...вспомните о наперстянке и кураре... — из лекарственного растения наперстянки получают дигиталис (дигиталин), являющийся сильным ядом. Кураре — яд, получаемый сгущением экстрактов из чилибухи и других растений семейства логаниевых. Содержит алкалоиды, называемые курариными, которые при попадании в кровь оказывают нервно-паралитическое действие. Индейцы Южной Америки использовали его для смазывания наконечников стрел. Введение кураре или кураре подобных средств в организм с лечебной целью называется кураре ризацией и применяется в медицине в основном при хирургических операциях, чтобы вызвать расслабление мышц.

С. 672. «Ни кредитором будь, ни должником» — цитата из «Гамлета», знаменитой трагедии Вильяма Шекспира.

С. 680. Большое и Малое Магеллановы облака — две неправильные галактики, видимые невооруженным глазом в южном полу-

шарии Земли, являются спутниками нашей Галактики и соответственно движутся по орбите вокруг нее.

С. 681. М31 — одна из двух доминирующих галактик в Местной группе (скопление галактик, всего более 40, к которому принадлежит наша Галактика), которая вместе с нашей Галактикой образует две подсистемы. Видна невооруженным глазом как туманное пятно в созвездии Андромеда, что и дало ей второе название «туманность Андромеды».

С. 690. «Записки о Галльской войне» — «Commentarium de Bello Gallico» Юлия Цезаря, самая знаменитая книга о протекавшей в несколько этапов войне Римской республики с галльскими племенами, закончившейся покорением последних.

С. 698. А. Квадрат из Флатландии — персонаж книги английского священника, академика и писателя Эдвина Э. Эббота (1838–1926) «Флатландия, или Роман многих измерений» (1884).

С. 699. ...Что делаешь, делай скорей...— переиначенные слова из Библии (От Иоанна, 13:27) «вдвойне дает тот, кто дает быстро».

С. 708. ...Вы бы назвали это... «комитетом бдительности»... — «бдительными» (или виджилянтами) на американском Западе в пору его освоения назывались вооруженные отряды, состоявшие из местных жителей и наводившие винтовкой и револьвером порядок, если официальное правосудие слишком медлило, а местный шериф или маршал был бессилен что-либо сделать.

С. 711. «...и даже весь — о да, весь шар земной» — цитата из пьесы В. Шекспира «Буря», действие четвертое, пер. М. Донского.

С. 723. ...свой фунт мяса...— ростовщик Шейлок, персонаж комедии Шекспира «Венецианский купец» (1596), требует, чтобы ему выдали предложенный в заклад «фунт мяса с живого тела».

С. 728. Большой космический круг — большой круг получается при сечении шара плоскостью, проходящей через его центр. На поверхности сферы дуга большого круга — кратчайшее расстояние

между точками, как на плоскости прямая. Поэтому дальние плавания стараются проводить по дуге большого круга.

МАРСИАНКА ПОДКЕЙН

С. 737. Праксителъ — древнегреческий скульптор, один из величайших аттических ваятелей IV в. до н.э. Большинство работ Праксителя известны по римским копиям или по описаниям античных авторов.

С. 738. Фобос — более крупный из двух спутников Марса приблизительно 26,6 км в самой широкой части, облетает планету с запада на восток по почти идеальной орбите на расстоянии 9 378 км от поверхности. Назван в честь сына греческого бога Ареса и богини Афродиты, имя в переводе означает «страх».

Деймос — более удаленный от поверхности спутник Марса, небольшой, неправильной формы. Назван в честь сына греческого бога Ареса и богини Афродиты, имя в переводе означает «ужас».

Гувер, Герберт Кларк — тридцать первый президент США с 1929 по 1933 год от республиканцев. Начал карьеру как успешный горный инженер. В 1920-е годы руководил благотворительной организацией, оказывавшей в том числе помощь голодающим в Поволжье. Теоретик администрирования, утверждал, что имеется научно обоснованный выход из всех социальных и экономических кризисов. Традиционно Гувера принято обвинять как президента, не сумевшего предложить эффективной стратегии выхода из Великой депрессии. Многие историки считают, что Гуверу просто не повезло: на пике кризиса никакие меры не помогали, и самый деятельный президент наткнулся бы на границы своих полномочий, а реформы Рузвельта были осуществлены и стали эффективными, когда низшая точка депрессии была уже позади. Кроме того, Рузвельт продолжил и значительно усилил ряд мер, предпринятых еще предыдущей администрацией. Гуве-

ру принадлежит рекорд пребывания в статусе экс-президента — после ухода из Белого дома он прожил 31 год.

С. 739. Пинокль — карточная игра с двумя колодами.

Клуб Сохатых — клуб при Ордене лосей — мужской благотворительной организации, основана в 1868 году. Объединяет более полутора миллионов человек.

С. 745. Арес — бог войны в греческой мифологии, сын Зевса и Геры, в некоторых мифах — возлюбленный Афродиты, богини любви и красоты. В римской интерпретации — Марс.

С. 774. «Похищенное письмо» — рассказ Алана Эдгара По.

С. 780. «вязальщик Робеспьера» — намек на женщин, которые, присутствуя на публичных казнях, громко приветствовали приговоры Конвента; при этом в руках у них были спицы и вязание.

С. 797. Леди Годива — графиня Ковентри, проехала по улицам города обнаженной, чтобы избавить подданных от непосильных податей, наложенных ее супругом.

С. 831. Декстер — по-английски означает «правый», довольно странное имя для левши.

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ ДЛЯ ЗВЕЗД 5

ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ 225

ИМЕЮ СКАФАНДР – ГОТОВ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ 499

МАРСИАНКА ПОДКЕЙН 731

КОММЕНТАРИИ 899